Любовь оборотня

Сборник рассказов

Любовь оборотня

Мирослава Кащей, Фьора Туман, Алексей Черницын, Алена Кручко, Анна Корвин, Августина Светлая, Анастасия Мамонкина, Галина Герасимова, Мария Эрфе, Милена Майн, Кира Калинина

Аннотация
Любовь оборотня
Мирослава Кащей. Бродяга
Фьора Туман. Цветок хранителя востока
Алексей Черницын. Кто ты, Кастилия?
Алена Кручко. А моя — с косичками!
Анна Корвин. Покажи мне любовь
Августина Светлая. По правилам и без
Анастасия Мамонкина. ВолкOFF
Глава 1. Золушка на балу
Глава 2. Дурная кровь
Глава 3. Любовь оборотня
Галина Герасимова. По разные стороны
Мария Эрфе. Волчья клятва верности
Милена Майн, Ксения Протос. Достойная награда

Адика Олефир. Волчья ночь
Дарья Ланская. Купальская ночь
Анна Неделина. Зверь всегда найдет дорогу назад
Кларисса Рис. Когда луна бессильна
Светлана Титова. Моя усатая проблема
Анжелика Мики. Мне наплевать, кто ты
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Эпилог
Анастасия Вкусная. Таежное убежище
Ирина Вольная. Полуночники. Истинная
Екатерина Снежная. Похищенная у смерти
Мария Губаревич. Пара для мишки
Мария Морозова. Путь к сердцу
Анна Катаева. Пушистое счастье
Виктория Яровая. Натурщик
Лика Анд. Случайная встреча

Ольга Консуэло. Собачка
Eaterina. Тасор и Ликана
Кира Бег. Хвостатые авантюристки
Кира Калинина. На белых крыльях
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
ЧАСТЬ. Янина Веселова. В гостях у сказки, или Добряна и Серый Волк
Лилия Альшер. Золотое время
ЧАСТЬ. Лина Люче. Ненастоящий оборотень
ЧАСТЬ. Анна Рязанцева (AnnRy Veles). По следам оборотня
Мариэтта А. Роз. Посеявшие бурю
Глава 1. Джарет и Мариэтта
Глава 2. Мариэтта
Глава 3. Вадим и Тим
Глава 4. Канада
Глава 5. Джарет и Мариэтта
Глава 6. Мариэтта
Глава 7. Джарет и Мариэтта
Глава 8. Пропажа

Глава 9. Ведьмы
Глава 10. Мариэтта
Глава 11. Джарет
Кейтилин Ли. Цвета осени
Ната Чернышева. Подменыши Старой Земли
Ирина Ведуница. Яна и Войт

Аннотация

Оборотни — опасные и беспощадные существа. Но так ли это?

Предлагаем вам заглянуть в сборник рассказов и посмотреть на этих поразительных существ с другой стороны.

Каким бы чудовищем ни был оборотень, каждый способен открыть своё сердце искренним чувствам и познать любовь. Страстно или нежно, с рычанием или тихим шёпотом, открыто или в тайне… Ведь главное прочувствовать всю теплоту нежных ощущений от влюбленности, пережить все трудности, что встретятся на пути, и остаться вместе.

Окунитесь в мир, переполненный приключениями, опасностями и прекрасным чувством любви.

Любовь оборотня

Мирослава Кащей
Бродяга

— Босс нетерпелив, так что более выгодного предложения не будет. Соглашайтесь, деньги мы перечислим до конца месяца, — заявил подозрительного вида типчик. — Давайте смотреть правде в глаза, эта конура стоит значительно дешевле, чем босс готов заплатить.

Болтун не умолкал, язык у него подвешен что надо, несмотря на клоунский вид. Мужчина умудрился сочетать не сочетаемое, черный деловой костюм и рубашку пестрой, гавайской расцветки, а поверх безобразия красовался фиолетовый галстук. Будь моя воля, непременно выгнала бы наглеца, но возле входа стояли двое верзил с квадратными харями.

За окном благоухала весна, мартовские коты выли на всю округу, набухали почки на деревьях, в воздухе витало волшебство.

Бр-р-р, терпеть не могу эту пору, ещё и на сердце кошки скребут. Явилось тут пугало разношерстное и требует продать ему здание, видите ли его босу приспичило тут магазинчик открыть.

Пускай моя ветеринарная клиника маленькая, но я же в нее всю душу вложила. Пять лет кредит выплачивала. А сколько денег потратила на раскрутку своего, маленького предприятия. Это сейчас здесь уйма постоянных клиентов, а раньше за каждого приходилось цепляться, улыбаться и кланяться.

— Евангелина Семеновна, вы меня слушаете?

Споро возвращаю лицу приличествующий вид и киваю, как болванчик.

— Да, да, конечно…

— Передать боссу, что вы согласны подписать документы?

— Нет!

— Что? — у типчика нервно дернулся глаз. Он пригладил фиолетовый галстук, вдохнул, затем медленно выдохнул и нацепил улыбку профессионального жулика. Такую породу я хорошо знаю, сегодня они милые и хорошие, как зайчики, а на утро в квартире даже пятка не сыщешь. Дважды на одни и те же грабли не наступаю, потому дарю болтуну не менее очаровательный зубоскал.

— Уважаемый, э-э-э… Понимаете, я девушка впечатлительная, вашими словами настолько ошарашена, что даже спать не смогу буду думать. Много думать о вашем предложении. Потом

пойду советоваться с юристом, с подругой-налоговиком, потом созвонюсь со знакомым приставом. Ах, да ещё к гадалке надо зайти, а то вдруг плохая карта ляжет, и к ведуну тоже, чтобы чакры почистил перед сделкой. Ну и к экстрасенсу, чтобы наверняка все как надо сделать.

Болтун вытаращился на меня и, кажется, даже немного побледнел. Видать усомнился в чистоте моего рассудка. Складываю ладошки перед собою, натягиваю на лицо блаженную улыбку и кланяюсь

— Намасте́!

— Чего вам намазать? — хлопнул глазами типчик, попутно ослабляя галстук, а на висках выступил пот, видать нелегко ему даются попытки постичь женскую логику.

— Ничего мне мазать не надо, это я вам до свиданья говорю.

— Так, когда ответ…

Улыбнулась и повторила весь тот бред, про гадалку и прочую экстрасенсорную чушь, мужик икнул, достал из кармана платочек, промокнул лоб.

— И сколько времени потребуется на совершение всего вышеперечисленного.

До чего ж он прилипчивый-то.

— Как звезды лягут, — говорю с придыханием и улыбаюсь так сильно, что щеки начинают болеть. Типчик отчетливо скрипнул зубами.

— Что ж загляну через неделю, — процедил он, а затем наконец-то убрался восвояси. Перевожу дыхание, подхожу к входной двери и запираюсь изнутри. Сил не осталось совсем. Руки холодеют от мысли, что придется все начинать заново. Как же хочется опереться на крепкое мужское плечо, спрятаться за широкой спиной. Чего нет, того нет…

Заварила кофе, плюхнула туда коньяка. Глянула на развешанные по стенам изображения собак и кошек. Завести что ли и себе питомца? Кофе закончился бессовестно быстро. Я окинула взглядом приемную, заглянула даже под стулья для посетителей, провела пальцем по видимым поверхностям, исследовала смотровую, удовлетворенно кивнула и отправилась в операционную. Комната, выложенная белоснежной плиткой, сверкала чистотой. Инструменты находились в стерилизаторе. Клеёнка на хирургическом столе чистая, наконец-то, мне попалась порядочная уборщица, а то все предыдущие работали спустя рукава.

Нервное напряжение после неприятного разго-

вора понемногу спало, потому я закрыла клинику и поехала домой. По пути решила сократить пусть через лесополосу, стрелки часов указывали на семерку, а мне ещё ужин готовить.

Небо усыпали звезды, из-за горизонта высунулась круглолицая луна. Птицы щебетали на всю округу, слышалось даже уханье сов, аромат хвои ласкал обоняние. Я сбавила скорость, чтобы насладиться запахом весны, даже на миг прикрыла глаза и вдруг что-то ударилось в стекло, будто с неба на машину свалилось. Лобовуха треснула, дворники отвалились. Сердце замерло, а вся спина покрылась иголками, я целую минуту сидела, пытаясь сообразить, что это было?

На негнущихся ногах вылезла из автомобиля, сделала два шага и замерла — посреди дороги лежал огромный пес. Рыжевато-черная шерсть сбилась комками, огромная пасть чуть приоткрыта, дыхание учащенное, будто зверь долго бежал.

— Откуда ты здесь взялся? — ахнула я и опустилась на землю рядом с животиной. Провела рукой по шерсти и почувствовала что-то влажное на пальцах, повернула ладонь к свету и увидела кровь. Комок застрял в горле.

Мысленно влепила себе оплеуху и побежала за аптечкой, привычка хранить при себе инстру-

менты первой помощи, наконец-то пришлась кстати.

— Хороший мальчик, мне нужно тебя осмотреть, — ласково говорю псу, разматываю эластичную повязку, чтобы зафиксировать челюсти. После аварии у зверя шок, он запросто может тяпнуть, учитывая размер пасти, я могу остаться без руки. — Ты ж меня не тронешь, да? Я доктор, — воркую, как можно ласковее. — Если бы ты ещё знал, что такое доктор и почему нас нельзя есть, цены бы тебе не было.

Вдруг пес открывает глаза и взирает прямо на меня, глаза яркие, словно два осколка янтаря. А смотрит так, будто все понимает. И тут у меня начались слуховые галлюцинации на почве стресса, иначе объяснить не могу, но я отчетливо расслышала, как пес фыркнул, затем устало прикрыл глаза. Чем я и воспользовалась надежно спеленала его морду.

— Вот так, молодец, лежи спокойно! — говорю ему ощупывая кости.

Зверь застонал прям, как человек, но даже не дернулся. Обследовала его на наличие глубоких ран, обнаружила множество порезов, все они кровоточили, но смертельной опасности не представляли. Передняя правая лапа ока-

залась сломана, наложила шину и принялась исследовать брюхо. Я опасалась внутреннего кровотечения, но первых признаков не заметила. На всякий случай сделала перевязку грудной клетки и оглядела пострадавшего. Надо везти его в клинику, но как? Зверюга весит побольше меня, килограммов семьдесят, а в округе ни одной попутки.

Достала телефон, набрала помощника, тот мучительно долго не брал трубку. Пришлось проявить настойчивость, после десятого вызова Марк усовестился.

— Евангелина Семеновна, что-то случилось? — спросил он запыхавшись.

— Руки в ноги и бегом на трассу возле лесополосы.

— Это же…

— Уволю! — спорить с балбесом можно бесконечно, а реально он боится лишь одного — оказаться на улице.

— Уже лечу!

Приехал через пятнадцать минут, пригладил рыжие вихры, потянулся чтобы застегнуть рубашку, но узрел пса и присвистнул.

— Породистый. Леонбергер …

— Помоги погрузить его в машину. Да пожи-

вей!

— А? — парень окинул взглядом те самые семьдесят килограмм, лицо сделалось несчастным, — Ага…

На обратном пути вызвонила Аннушку, нашего незаменимого анестезиолога-ревматолога и ведущего специалиста по визуальной диагностике Павла Борисовича. Пришлось пообещать обоим сверхурочные и премию в конце месяца. Марк поник, придал мордахе обиженное выражение, взгляд сделал, как у побитой собаки и все это эмоциональное оружие в мою сторону направил.

— Вот станешь ведущим специалистом и тебе премию выпишу, а пока только сверхурочные.

— И то сахар, — заулыбался парень, и прислушался к лохматому пациенту. — Дыхание ровное, но слышно хрипы.

— Скоро приедем, — отвечаю, зорко поглядывая на дорогу, а у самой сердце колотится, хоть бы успеть, хоть бы он кровью не истек. Боженька, если ты есть помоги!

В клинике ждали только меня. Павел Борисович помог перетащить зверя в операционную. Аннушка воззрилась на зверюгу с неподдельным удивлением, даже лоб от усердия наморщила. Без пышной укладки она выглядела слегка простова-

то и несколько моложе своих тридцати.

— Кобель. Судя по состоянию зубов ему лет шесть. Порода э-э-э, леонбергер, наверное… Слушай, Геля они таким огромными не бывают! Максимум восемьдесят сантиметров в холке, а тут. Может это оборотень, а? — предположила Аннушка. Она отменный специалист, но вот эта ее любовь к фантастике и ко всяким вымышленным существам ставила меня в тупик.

— Сейчас это твой пациент, подготовь его к операции.

— Говоришь, ты его машиной сбила? — переспросил Павел Борисович, сунул в рот электронную сигарету и покачал головой. Мужчина бросал курить уже четвертый год, повсюду таскал за собой электронную дрянь, весь кабинет провонял, но приходилось мириться.

— Да, но я ехала не слишком быстро, а он будто с неба свалился…

— Раны для аварии нехарактерные, только передняя лапа сломана, ни ушибов нет, ни смещений.

— Так это же хорошо!

— Я не закончил, — мужчина выдохнул облако белого дыма, — на шкуре лохматого множество порезов и глубоких колотых ран. Уверен они

появились ещё до того, как пес попал под колеса.

Сердце в груди похолодело, неужели лохматого пытались убить. Какой урод мог совершить такое? Собака — это же самое преданное существо, которое только можно представить, как вообще можно поднять на него руку.

— Готовимся к операции! — скомандовала и взглядом отправила Марка переодеваться и готовить инструменты.

***

Неделя пролетела незаметно, лохматого пришлось держать под капельницами, но зверь быстро шел на поправку. Я перечитала всю доступную информацию о леонбергерах, мой подопечных немного подходил под описание, формой ушей, окрасом, общим телосложением, но в тоже время отличался. Форма челюсти, рост, цвет глаз, будто совсем из другой породы. Для собаки он действительно выглядел слишком массивным.

— Привет Бродяга, — ласково говорю псу и легонько поглаживаю по лбу. Янтарные глаза наблюдают за каждым моим движением. — Как самочувствие? Не надоело валяться? — пес вздыхает.

— Тебе не страшно к нему подходить? — спросила Аннушка.

— Он же хороший.

Реаниматолог фыркнула, передернула плечами, затем подошла чуть ближе. Янтарные глаза сузились, шерсть на загривке у пса поднялась дыбом, уши прижались к голове, а когда девушка потянула руку к мохнатому боку, зверь предупреждающе зарычал. От низкого утробного звука я покрылась мурашками.

— Бродяга, ты это чего удумал! — пес замолчал, глянул на меня и голову отвернул, мол, будь, по-твоему. Аннушка недоверчиво улыбнулась и дрожащими пальцами коснулась мохнатого бока.

— Жесткая, — шепотом выдохнула она. — Что делать будешь? Его лечение уже обошлось в тебе копеечку.

— Что-правда, то правда, — пожимаю плечами и продолжаю гладить лохматого, — попробую поискать его хозяев, а пока у меня поживет, не могу же я отправить этого очаровашку в питомник, — натыкаюсь на пристальный янтарный взгляд, пес будто слушает, о чем мы говорим. — Шутливо потрепала его и спрашиваю: — Поедешь жить ко мне? — в ответ он ткнулся носом в мою ладонь.

Потом зашевелился, глянул вниз и попытался слезть.

— Куда, дурень! — хватаю собаку за шею и пытаюсь удержать от глупости. — Лапу повредишь!

Зверь замер, жесткая шерсть щекотала шею.

— Рисковая ты баба, Гелюшка. Лучше бы мужика завела!

Не удержалась фыркнула.

— Мужика уже заводила, не понравилось!

Аннушка закатила глаза.

— Ну что ты всех одной линейкой меряешь? Думаешь, если Ромка твой мерзавцем оказался, то и все остальные такие же?

— Тогда чего ж ты до сих пор не замужем?

— Так я ищу, того единственного, — улыбнулась Аннушка и ресничками хлопнула.

— Что-то поиски как-то затянулись…

— Естественно, мне ж надо распробовать каждого претендента, вдруг не понравится, они ж так красиво ухаживают, а потом. Эх, скукота… Кстати, — она встрепенулась, — а что с тем клоуном, который на прошлой неделе заходил? Не понравилась мне его харя, уж больно ушлая, с какой стороны не погляди.

— Черт, совсем про него забыла… — схватилась за голову, глянула на часы и захотелось

побежать, запереть дверь в клинику, но сегодня должен был заглянуть ещё один постоянный клиент. — Черт…

— Что он от тебя хочет?

— Выкупить здание.

— Чего? — Аннушка побагровела лицом. — Почему ты его не послала?

— Посылала, он обратно возвращается, да ещё и не один, а с мордоворотами, — от воспоминаний меня передернуло. — Хрен им, а не мое здание.

— Вот это правильно, но ты не молчи, если помощь понадобиться. Я одному из бывших позвоню, он хороший, м-м-м… — глаза ее блеснули, — юрист.

— А вот сводничества не потерплю! Давай, иди на рабочее место, слышу в приемной клиента.

Аннушка подарила мне очаровательную улыбку и двинулась к выходу, походкой тигрицы. Мы с псом проводили ее взглядом и одновременно выдохнули.

— Бродяга, я сейчас с работой закончу и покормлю тебя, — пообещала зверю и унеслась встречать клиента.

***

Пока я возилась с чужим котом, Марк смотался в магазин и притащил пачку элитного корма, сдобренного витаминами и питательными элементами. Очередные анализы показали, что микрофлора желудка пришла в норму так, что можно переводить пациента на обычную пищу. Вернулась к лохматому, отрегулировала койку, так чтобы пес мог спуститься на землю не потревожив лапу. Затем отмерила порцию еды, насыпала в миску и сунула под нос Бродяге.

— Есть будешь или как? — спрашиваю у пса.

Зверюга глядит на меня, как на дуру и не шевелится. Грудь выпятил, морду отвернул, можно подумать он тут голодовку объявил.

— У тебя совесть есть, а? Ну хоть капля?

Зверь скосил на меня янтарные очи, понюхал корм, чихнул. Вздохнул тяжко, подошел ближе, умостил лохматую башку на колени и скорчил жалобный взгляд. Мол что ты мне тут всякую гадость подсовываешь.

— Все ясно, совестью тут и не пахнет.

— Евангелина Семеновна, — Марк заглянул в палату, — время…. Можно я пойду?

— А…

— Все ушли! У Анны — свидание, а Павел Борисович боялся опоздать на игру… Так можно и мне того?

— Того нельзя, подожди, пока Филипповна закончит уборку, проверишь помещения, тогда свободен!

Марк понурил голову, вздохнул и тенью выскользнул за дверь.

— Да, что вы копаетесь! — донеслось из приемной. — Давайте я отнесу!

— И что мне с тобой делать?

Пес вдруг насторожился, прислушался невесть к чему, уши забавно дернулись, а янтарные очи обрели цвет расплавленного золота.

— Красавчик, — шепнула псу, поднялась и пошла проверять что же там случилось.

На входе стоял давешний балабол, а за его спиной мордовороты, в количестве двух штук, лица такие, умом даже не брызжут. Совсем забыла про этого клоуна. Сегодня он вырядился в бордовый костюм, нацепил фиолетовый галстук и дополнил извращение розовой рубашкой. Откуда этот идиот вылез-то?

— Евангелина Семеновна, — расплылся в улыбке прохиндей, — а я к вам с документами!

— Ох, а я вас совсем не ждала!

Гость подошел ближе, окинул помещение взглядом, потом уставился на меня, нехорошо так уставился, мороз прошел по коже.

— Тогда давайте не будем затягивать встречу. Просто подпишите, — клоун вытянул руку в сторону одного из охранников и тот передал ему черную папочку.

— И хотела бы, да не могу! Звезды не в том положении. Еще и гадалка плохие карты выложила, кривую дорожку и повешенного. Представляете? Я после такого боюсь идти к экстрасенсу. Нужно ждать!

— Мы устали ждать! — изрек клоун и его наряд перестал выглядеть по-дурацки. Теперь в голове зародилась мысль, что у собеседника с головой не все в порядке.

— И все же я попрошу вас уйти.

— Подпишите, тогда мы уйдем, а пока… — он глянул на второго охранника. Мордоворот отмер, окинул взглядом комнату, узрел огромный фикус, подошел к нему поднял вместе с вазоном и грохнул об пол. Черепка разлетелись по полу, растение сломалось, листья опали и помялись, земля рассыпалась…

— Вы что творите! Я немедленно вызываю полицию! — достаю из кармана телефон, но тут ко

мне подходит второй мордоворот, выхватывает телефон и сжимает в кулаке. Экран жалобно мелькнул и покрылся трещинами, корпус заскрипел, на пол посыпались детали, а потом туда же упал искореженный гаджет.

— Что? — на пороге показался Марк, увидал происходящее и побледнел.

Бандит его увидел, лицо от гнева перекосило, видать не ожидал, что помощник задержится.

— Подписывайте!

Громила, тем временем, подошел к компьютеру, что стоял в приемной и врезал кулаком по монитору. Экран разлетелся в щеки, следом здоровяк сломал об колено клавиатуру и пнул системный блок. От пинка, тот пролетел через всю приемную, на крышке осталась здоровенная вмятина.

— Подписывай! — рявкнул собеседник, открыл папку и сунул ручку мне в руку.

Схватила, держу, а пальцы дрожат. Смотрю сумма указана совсем другая, в два раза меньше оговоренной в прошлый раз.

— Подписывай, я сказал! — голос мерзавца заглушил звук разбившейся вазы, осколки брызнули во все стороны. От ужаса закрыла глаза, меня колотила дрожь.

Да пропади оно все пропадом!

Крепче сжала ручку и тут услышала рык… Низкий, вибрирующий и пробирающий до костей рык. Стало тихо, мордовороты прекратили крушить приемную.

Мы все уставились в темноту прохода, который вел в сторону реабилитационной палаты. В следующий миг оттуда выскочила черная тень, молнией пронеслась мимо меня и набросилась на здоровяка, с легкостью сшибла с ног. Бродяга впился зубами в плечо человека, клинику огласил крик. Клоун в разноцветном костюме шарахнулся к выходу, второй мордоворот выхватил пистолет и нацелил на пса.

— Нет! — крикнула и закрыла Бродягу собой. Не знаю откуда силы взялись. В голове мелькнула страшная мысль, что бандит попросту пристрелил собаку, а вот мне ничего не сделает.

Громила застыл, глянул на клоуна. Лицо того безобразно перекосило, он окинул взглядом второго помощника, цыкнул, окатил меня сердитым взглядом.

— Уходим! — приказал главарь. — До скорой встречи, — выплюнул напоследок он.

Ноги не держали, как только дверь закрылась, я плюхнулась на пол и просто разрыдалась. Мох-

натая морда боднула в плечо, глянула на своего четвероногого заступника, сгребла в охапку и заревела пуще прежнего.

***

Отпаивали меня все по очереди. Сначала Марк пытался всучить чашку с кофе, потом его оттеснила Филипповна с рюмкой. Влила себе в горло ядрёное пойло и даже не почувствовала. Филипповна со сноровкой бармена нацедила ещё порцию. После пятой рюмки меня немного отпустило. Марк вызвал полицию, прибыл дежурный, осмотрел место, записал показания, обязал прибыть завтра в отделение и убрался восвояси, время перевалило за десятый час. Я отправила сотрудников по домам и глянула на лохматого защитника.

— Ты ж у меня совсем не кормленный… — сказала псу и погладила. — Сейчас такси поймаем и отправимся домой, а по пути я чего-нибудь соображу.

Приехали в одиннадцать. Родной дом встретил тишиной и духотой. Бродяга настороженно переступил порог принюхался.

— Если ещё и нос наморщь, точно от меня тапкой схлопочешь! — пригрозила зверю, сняла

туфли, через голову стянула свитер, юбку, лифчик…

Дом наполнился тишиной, неловкой такой, будто я при посторонних переодеваюсь. Оборачиваюсь Бродяга на заднице сидит, глаза таращит ошалело.

— Ты чего? Проходи, чувствуй себя как дома, сейчас что-нибудь съестное найду.

Пес вздохнул и морду отвернул в другую сторону, будто застеснялся. Нащупала халат набросила на плечи, потопала на кухню и обнаружила, что в холодильнике мышь повесилась. Не в прямом смысле конечно же, просто есть было нечего даже крохотному мышонку.

Полезла в морозилку, выудила оттуда огромный кусок мяса, взвесила в руке и кивнула.

— Годится.

Бродяга облизнулся в янтарных глазах отразилось счастье.

— Погоди разморожу, — пообещала ему, запихнув кусок в микроволновку, а сама полезла исследовать шкафчики в надежде, где-нибудь отыскать запас каши. Нашлись только хлопья, столетней давности, когда я пыталась сидеть на диете. Черт.

Микроволновка пискнула, открываю дверцу

вытаскиваю добычу и тут Бродяга самым подлым образом боднул меня под коленку.

— А-ай! — мясо упорхнуло из рук, я попыталась его подхватить, но перед пальцами щелкнули зубы. Зверь оскалился и легко заглотил кусок в два кило весом. — Черт! — стою глазами хлопаю. — Э-э-э… — Бродяга облизывается, морда довольная аж лосниться. — Теперь понятно, что ты ешь, — бормочу тихонько и завариваю себе хлопья, совершенно безвкусные. Ковыряю бурду ложкой, аппетит совсем пропал, пес сидит напротив глаз не сводит. — Что глядишь, оставил меня без ужина. Тебе должно быть стыдно!

Зверь фыркнул, как-то насмешливо, ненормальная собака или у меня чердак прохудился.

— Еще скажи заботу проявил, мол, ночной дожор не пойдет фигуре на пользу.

Сижу, как дура с собакой разговариваю. Бросила ложку отодвинула посуду, а к горлу комок подступил. Почему этот клоун прицепился именно ко мне? Да, моя клиника лучшая в районе, надо сказать, что в довольно престижном районе. Так это не повод таким варварским способом отбирать бизнес. Слезы покатились с глаз.

Мохнатая морда ткнулась в бок, потерлась о живот и улеглась на коленях, требуя порцию

ласки. Осторожно поглаживаю зверя.

— Какой же ты хороший. Где же твои хозяева? Наверное, переживают, — пес вздохнул и сильнее боднул в бок. Я чуть со стула не слетела. — Ты чего?

Бродяга глянул на меня, а потом боднул снова, не сильно, но требовательно.

— Только не говори, что хочешь гулять? — пес боднул в третий раз. — Ладно пойдем.

Он просиял и потрусил в спальню, запрыгнул на постель и улегся.

— Да ты совсем обнаглел, слезай оттуда! Немедленно!

Бродяга послушался слез.

— Никогда! Слышишь никогда не зале… Ай, — он снова боднул в коленку, я потеряла равновесие и плюхнулась на кровать. Хотела вскочить возмутиться, но стало так хорошо, что я передумала. Пес стянул одну тапку, дернув ногой я скинула вторую, обняла подушку и забылась сном.

Клоун в аляповатом наряде настиг меня в сновидении. Он впихивал в руки ручку и требовал подпись, громко кричал. Хотелось закрыть уши, сбежать и спрятаться.

— Подписывай! — кричал мерзавец, — Ставь подпись!

Двое мордоворотов подкрадывались все ближе.

— Нет… Нет!

Вдруг все исчезло. Я очутилась в незнакомой комнате, теплый ветерок играл со шторами. Шелк лениво трепетал, будто устал от игры, золотистые отблески скользили по ткани. Повертев головой обнаружила источник — камин. Огонек потрескивал на другой половине комнаты, раскидывая рыжие блики вокруг. Рядом с камином возвышались два старинных кресла, на полу лежала шкура, а правее располагались книжные полки. Разумеется, они не пустовали, все снизу доверху оказалось заставлено книгами, притом довольно необычными, в тяжелых переплетах, а корешки украшены золотыми письменами и узорами. За спиной раздались шаги, хотела обернуться и не успела, кто-то накрыл глаза полоской черной ткани. Потянулась, чтобы снять, но ладони перехватили сильные и чуть шершавые пальцы.

«Это всего лишь сон, — мелькнула в голове мысль».

Замираю жду, что же будет дальше. Мужчина выждал секунду, понял, что я не стану сопротивляться и выпустил запястья из плена, его пальцы прочертили линию на ладони скользнули выше по

руке, подобрались до самого локтя. От ласкового прикосновение у меня сперло дыхание, а он подобрался до плеча и на секунду замер. И что?

Мужчина подцепил пальцами тонкие лямки и стянул. Шелковое платье упало к ногам. Теплый ветерок скользнул по обнаженной коже, я дернулась в попытке прикрыться руками, но мужчина вновь не позволил. Горячие пальцы обрисовали ключицы и скользнули вниз к груди, провели по ложбинке к животу, а меня бросило в жар. Он будто почувствовал мое состояние, пальцы скользнули к запретной зоне.

Прикусила губы, честно говоря, в этот миг я запуталась в собственных желаниях. Не знала, чего хочу больше сделать шаг навстречу незнакомцу или оттолкнуть наглые ручонки. Он дразнил меня ласками на грани приличия. Дыхание сбилось, к щекам прилип жар, а естество наполнилось прозаичным вожделением.

— А-а-ах, — сорвалось с моих губ. Мужчина убрал пальцы, а я невольно подалась к нему, судя по ощущениям искуситель стоял в шаге от меня. И никого не нашла…

Теперь горячие пальцы коснулись меня со стороны спины. Попыталась обернуться к мужчине, но он остановил, придержал за плечи, а горячее ды-

хание обожгло шею. Снова хочет покорности?!

Ладно… Замираю, в ответ он награждает поцелуем в шею.

— Ах-а-а.

Пальцы стискивают грудь, ещё сильнее разжигая в моей душе огонь страсти. Вторая рука скользнула вдоль позвоночника, и я выгнулась от упоительного прикосновения. Колени подогнулись, искуситель на миг прижал меня к себе, удерживая на ногах, я ощутила его могучую стать. Захотелось отбросить покорность, обернуться и коснуться крепких мускул…

Мужчина мигом пресек своеволие, завел мои руки за спину и стиснул запястья одной рукой, а свободной легонько шлепнул по ягодицам.

«Вот нахал! — мелькнула мысль».

Он развернул меня лицом к себе и мысль утонула в лавине горячих поцелуев. Пылкие губы достигли груди и в голове стало пусто. Хотелось прижаться к нему, хотелось вцепиться пальцами к крепкую спину, хотелось ощутить его целиком…

Колени дрожали, кожа превратилась в сплошной оголенный нерв, а неведомый искуситель распалял все сильнее.

— Возьми меня, — предательски прошептали

губы…

Зазвенел будильник.

Открыла глаза и оглянулась, родная квартира. Вокруг никого.

— А где?

Так обидно стало на душе. Чертов искуситель мне просто пригрезился.

— Поганец! Убила бы!

Вопреки словам лицо опалил жар, как только я припомнила его сластолюбивые прикосновения. Меня бросило в дрожь, хотелось обратно в сон, к незнакомцу. Голос разума охренел от мыслей что бродили в моей головушке.

— Черт, — выдохнула и села на кровати. Сказать, что я была готова покусать кого-угодно означало ничего не сказать. Слезла с постели, стянула шелковую сорочку, потянулась и только тут заметила Бродягу. Зверь сидел на пороге спальни и глядел на меня, может мне почудилось, но в янтарных глазах плясали бесята.

— Хочешь гулять?

Пес глянул на меня и кивнул. Реально кивнул, правда быстро опомнился и гавкнул, скупо так будто стеснялся.

— Сейчас пойдем, только я оденусь вначале.

Полезла в шкаф и не нашла спортивный

костюм. Куда же я его подевала-то? Минут пятнадцать голышом бегала по квартире разыскивая одежку. Бродяга все это время хвостиком ходил за мной и наблюдал паршивец.

Костюм отыскался на самой дальней полке, чтобы до него добраться пришлось вывалить на пол половину шкафа. Оделась и полезла в тумбочку, там у меня припасен поводок. Долго копалась, но нашла и тут зверь зарычал.

— Ты чего? Ты же хотел на улицу!

Пес медленно приблизился, замираю, невольно вспомнилось, как он на мордоворота напал и чуть пополам не раскусил. Сделалось жутко. Бродяга подошел совсем близко, рыкнул выхватил из рук ошейник, сдавил в зубах и толстая полоска кожи, укрепленная металлом, шлепнулась на пол.

Стало дурно. Впору поверить в нелепые фантазии Аннушки. Может это и в самом деле оборотень? Да, ну…

— Стресс, всему виной стресс! — проворчала себе под нос, миролюбиво поглядела на песика и постаралась улыбнуться. — Ладной пойдем, только учти — удерешь я тебя бегать, искать не буду! Понял? — вздыхаю, почесываю между ушами. — Что ты можешь понять, ты ж просто пес.

Бродяга боднул меня башкой, будто спрашивая,

ну что ты застыла?

— Иду, иду…

Когда вышли на улицу я опасалась, что Бродяга начнет вести себя неадекватно, а на нем ни намордника, ни ошейника… Если на кого-нибудь оторвется, я проблем не оберусь.

Зверь уселся на тротуар и принюхался, дернул ушами, а потом целенаправленно куда-то поковылял. Иду следом и только диву даюсь, столь нетипичному для собаки поведению, он на чужой территории, должен был метить все подряд, а этот чешет вперед рассекает толпу, как крейсер ледокол.

— Бродяга, мы ушли уже далеко. Давай-ка, делай свои дела, будем возвращаться домой, — сказала псу, но тот обошел меня и почесал в одном только ему известном направлении. — Да ты издеваешься? — зверь обернулся поглядел на меня и ухмыльнулся. Вот же! Чего только не привидится после всяких бесстыдных сновидений.

Люди на нас оглядывались, косились, а некоторые и вовсе бесцеремонно тыкали пальцами, с каждой минутой я все сильнее нервничала, опасалась, что собака проявит агрессию, но Бродяга не замечал никого вокруг. Впереди показались магазинчики, зверь свернул в том направлении,

честно слово, я уже устала удивляться.

— И куда ты меня ведешь?

Ответа, слава Богу, не последовало.

Бродяга безошибочно нашел дверь мясного магазина, поднялся по ступенькам и умостил пушистый зад рядом со входом. По наглой морде стало ясно, увести его отсюда я смогу только куском сырого стейка.

— Жди здесь! Если хоть с места сдвинешься, до вечера оставлю голодным!

Пес даже не шелохнулся, но золотистые глаза такими хитрыми сделались, что аж жуть.

Зашла прикупила кусок мяса, вынесла в пакетике думала приду в клинику покормлю, но не тут-то было. Злодей лохматый рыкнул на меня, напугав чуть не до разрыва сердца, выхватил из рук пакет и расправился с мясом за три укуса, только целлофан на асфальте остался. Чуть не упала там, где стояла.

— Слушай, чудовище, ты же вчера слопал кусок?

Зверь тихонько заурчал, подошел ближе и ткнулся носом в бок. В холке зверюга доставала мне до пояса, нет это просто гигант какой-то, а не собака. Погладила жесткий загривок.

— Больше меня не пугай, итак нервы ни к чер-

ту, — попросила его. — Сейчас куплю ещё мяса, но покормлю тебя дома. Договорились?

Бродяга вздохнул и послушно уселся дожидаться меня возле входа. До чего сообразительный, будто с разумным разговариваю. Мотнула головой и тихо выдохнула.

— Надо найти твоих хозяев…

Пес обернулся и снова одарил меня слишком умным взглядом ярко-золотых глаз.

***

Чертов, ночной искуситель никак не уходил с головы. Я приехала на работу злая, как бес, а там полным ходом шла уборка вчерашнего безобразия. Филипповна тихо матюгалась под нос, собирая осколки вазы. Борисович, раскрутил системный блок и пытался выровнять крышку корпуса. Аннушка бегала с телефоном из стороны в сторону и ссыпала выражениями одно другого краше.

— Что значит ничего не можешь сделать? А если сегодня эти бандиты сюда посреди белого дня заявятся! Уволиться? ТЫ с ума сошел? Все… Я сказала все! Не звони мне больше! — девушка отключила телефон, вытащила из кармана сигареты, глянула на них и запихнула обратно.

Натянула на лицо улыбку, отыскала ещё чей-то номер нажала на кнопку вызова. — Костя? Да, это я, узнал? — проворковала она, никогда не слышала такой интонации, мягкой, чувственной будь я мужиком, очаровалась бы в миг. — Ах, не забыл… Я знаю, что мы не очень хорошо расстались, — медовых ноток в голосе стало ещё больше, скорее всего Аннушка просто начала игнорировать проштрафившегося кавалера. — Мне нужна помощь…

Аннушка хлопнула ресничками, а потом ее лицо вмиг исказилось от гнева.

— Что значит не просто так? — медовые нотки исчезли, остался только лед и сталь. — Свидание? Ты обалдел что ли? Что значит не нужна помощь! Нужна! Еще как нужна, но на свидание я не согласна. Знаю я чем они заканчиваются. Стой! Не клади трубку… Да, ладно. Одно! Всего одно — слышишь? — Аннушка глянула на телефон, глаза сверкнули яростью. — Вот негодяй.

— Кому ты звонила?

— Да, помнишь я про юриста рассказывала, он скоро приедет.

— Зачем?

— Да, затем, чтобы твое дело не ушло в долгий ящик. Ты же сегодня пойдешь к участковому, вот

и возьмешь адвоката с собой для солидности, а там этот балабол им таких пентюх на уши навешает, что они носом землю рыть будут! — тут Аннушка заметила Бродягу и нахмурилась. — А зачем ты с собой пушистого героя привезла? Ему отдыхать нужно!

Гляжу на это лохматое недоразумение, вздыхаю.

— Я пыталась оставить его дома. Минут тридцать пыталась…

— И?

— Он дверь собой перегородил, пойди отодвинь эту гору.

— Мясом не пробовала? — полюбопытствовала Аннушка.

Вспомнила хитрющую харю, которая сидела поперек двери. Конечно же я пробовала отвлечь Бродягу кусочком мяса. Дразнила, махала обрезком почти перед самой мордой, но тот сидит как вкопанный даже не шелохнется. Прям не собака, а черт в ступе. Только янтарные глаза загадочно поблескивают.

Пятнадцать минут я юлой вертелась вокруг зверя, потом поняла — бесполезно и потеряла бдительность. Щелкнули зубы, я подпрыгнула, а мясной кусок уплыл в бездонную пасть!

— Бродяга!

Харя улыбнулась, морду языком облизала, пес вновь сидел неподвижно, как скала, только бесята скакали в янтарных глазах.

— Не помогло… Знаешь, мне с ним спокойнее.

— Я бы на твоем месте подумала о том, что тебе ещё в участок идти и как бы он там переполох не учинил…

Марк стянул футболку и глянул на пятно возле ворота, скривился. Стою и пожираю помощника взглядом, а в голове крутятся жаркие осколки сегодняшнего сновидения. В душе вспыхнуло непреодолимое желание подойти и прикоснуться к парню.

— Геля, что это с тобой? Чего на пацана глядишь, как мартовская кошка? — шепотом спросила Аннушка. Мысленно влепила себе затрещину и унеслась прочь, пить кофе.

Ближе к обеду разгром убрали, приняли клиентов, которым требовалась неотложная помощь, даже провели одну операцию. Потом приехал юрист Аннушки и наш анестезиолог был потерян для общества. Сначала из кабинета ведущего специалиста доносились крики и вопли, а потом все стихло. Парочка вернулась в приемные покои через полчаса, оба растрепанные, лица красные,

а в глазах счастье. От одного их вида меня перекосило, вот честное слово, захотелось отругать обоих за непристойное поведение. Хотя в чем оно заключалось я объяснить не смогла.

— Константин Алексеевич, — представился худощавый мужчина и протянул мне визитку. — Предлагаю ехать в участок прямо сейчас, моя машина на стоянке.

— Хорошо, я сейчас соберусь и поеду следом, ай… Бродяга! — пес наступил мне на ногу в очередной раз требуя внимания. — Что со мной хочешь? — зверюга потерлась носом о бок.

— А это, насколько я понимаю, вчерашний спаситель? — улыбнулся юрист. — Красавец!

Пес зарычал, отвернул морду и побрел прочь.

— Только с характером у него не очень.

— Гав! — рявкнул Бродяга и мы все вздрогнули.

— Да, с такой охраной и сам черт не страшен, — улыбнулся юрист, наклонился и поцеловал Аннушку в висок, — Евангелина Петровна, жду на стоянке.

Полицейское управление встретило нас тишиной в холле. Дежурный выписал нам пропуски, и мы поднялись на второй этаж и вот там царил гвалт и беспорядок. Работа кипела. Следователи

носились по коридору туда-сюда, обнимая безликие, белые папочки. На лицах сотрудников читалась занятость на целый год вперед, притом у всех одинаковая, будто вместе репетировали.

И тут появились мы, в смысле — я и Бродяга. Работа стала. Люди замирали на пол пути, лица преображались, глаза наполнялись недоумением, напополам с любопытством. Сотрудники по моложе глядели на моего зверя с почти что детским восторгом.

Константин Алексеевич без труда отыскал нужный кабинет, галантно придержал для меня дверь и тут я увидела его — следователя. Два метра ростом, косая сажень в плечах. Стою как дура на проходе глазами незнакомого мужика пожираю.

— Евангелина Петровна, — окликнул меня юрист и подтолкнул вперед.

— Ах да, здравствуйте! — попыталась выдавить из себя улыбку, но щеки предательски горели. Тряхнула головой. Проклятое сновиденье из-за него я веду себя, как озабоченная старшеклассница.

— Проходите, я оперуполномоченный — Бобров Алексей Алексеевич, — представился следователь и жестом указал на стулья для посетителей,

первое, что бросилось в глаза — кольцо на пальце. Замечательно, этот богатырь женат. Господи, когда же на моей улице будет праздник?

— А это ваш пес? — спросил коллега. — К нам с собаками нельзя…

— Простите, он недавно у меня, очень нервничает, если остается один, — мучительно улыбнулась, хотя у самой даже уши пылали. Попытайся я оставить лохматого в машине, он бы мне все стекла выломал и все равно следом бы явился.

— Борь, оставь, видишь же зверь послушный, — махнул рукой богатырь, глянул на меня, так что сердце екнуло. — Вернемся к делу. У вас есть копии документов? Какую компанию представляли визитеры?

Вопросы посыпались как из рога изобилия. И вот тут выяснилось, что я стала мишенью мошенников, которые орудуют в городе. Вчера мне очень повезло, что Марк задержался после работы. Бродяга тоже лихо подсобил, для других жертв все закончилось плачевно. Проданные под натиском здания мигом сменяли двух, а то и трех владельцев. После чего доказать что-либо не представлялось возможным. Начинались судебные тяжбы, которые в итоге становились лишь тратой времени и денег.

— Не задерживайтесь вечером на работе, — добродушно посоветовал следователь. — Я бы выделил вам кого-нибудь для наблюдения, но сейчас люди нарасхват.

— Ваши беспокойства излишни. У меня есть лучший охранник, которого только можно представить, — говорю и ласково поглаживаю Бродягу, тот аж сияет от удовольствия.

Участок я покидала немного уставшая, но довольная. Представителей липовой компании объявят в розыск, нужно немного подождать и все образуется.

Погодка стояла чудесная. Солнышко пригревает, птички щебечут, а воздухе такой аромат витает, который можно почувствовать только весной. Ехать на работу жуть, как не хочется. Смотрю на питомца.

— Прогуляемся? — тот потерся головой мне о бедро и потрусил вперед, выражая таким образом согласие. По пути купила себе мороженного, подставила лицо солнышку и улыбнулась. Давно надо было себе питомца завести. Бродяга шел рядом, вертел головой и опять вел себя совсем не так, как полагается приличному псу.

Бок обок мы прошагали до конца улицы, там я увидела лавочку и присела.

— Сейчас передохнем немного и вернемся обратно, с твоей лапой ещё рано много ходить. Понял? — зверь фыркнул и уселся подле меня, глянул на рожок с мороженным, облизнулся. — Э-нет приятель, сладкое тебе вредно! — убираю руку подальше, а то знаю я лохматого пройдоху стоит только отвернуться, одни рожки да ножки останутся.

— Тетенька…

Поворачиваюсь возле лавочки стоит девочка лет тринадцати, нос красный, одета в серенькую куртку, шея шарфиком замотана, а в руках — стопка бумаги.

— Вы не видели моего песика? — она протянула мне листовку с фотографией очаровательного мопса. — Он потерялся два дня назад.

— Прости, не видела.

Девочка вздохнула и поникла лицом, в уголках глаз показались слезы.

— Возьмите, пожалуйста, если увидите, позвоните, там ниже телефон указан.

— Хорошо, — улыбнулась ей, и девочка побежала дальше.

Смотрю на листик, а у самой к горлу комок подкатывает и солнышко уже не таким ласковым выглядит. Перевожу взгляд на Бродягу, вдруг и его

тоже где-то там разыскивает маленькая девочка или горячо любимый хозяин. Прикусила губу, все же это не мой пес, хоть я к нему и привязалась.

Зверь будто почувствовал мою тоску, глянул сердито, умостил голову на колени, глядит с осуждением. Мол что это ты раскисла?

— Хороший ты, вот только не мой. Идем, нужно купить новый телефон.

Зверь устало вздохнул и поплелся следом. По пути к машине заглянула в магазин и осчастливила себя новым гаджетом, взамен того, который вчера сломали. Попросила тот, где лучшая камера, вышла из магазина на улицу и сделала несколько фоток Бродяги. Затем отправилась в центр фотопечати и через полчаса стала счастливой обладательницей пачки листовок.

— Скоро мы найдем твоего хозяина! Вернешься домой, — говорю зверю.

Тот с шага сбился, оглянулся вначале на меня, потом на пачку бумаги в моих руках. Вздохнул, и готова поклясться, в янтарных глазах мелькнула насмешка, будто зверь задумал какую-то хитрость. Вот же плут!

После окончания рабочего дня, я отправилась в сторону лесополосы. Раз уж Бродягу я встретила именно, там значит и листовки тоже следует

начинать расклеивать оттуда. Лохматого предусмотрительно оставила в машине. Высмотрела тропинку среди деревьев и направилась туда, по пути цепляя объявления на все подряд. Прохожие глядели на меня с недоумением, некоторые вчитывались, хмыкали и шли дальше.

Листов тридцать ушло, я радостно отряхнула руки.

— Отлично!

Сбоку раздался странный звук, эдакий бумажный шорох. Оборачиваюсь.

— Бродяга, мать твою!

Зверь оскалился и выплюнул скомканный лист бумаги.

— Ну ты и… — даже слов не смогла подобрать, цензурных во всяком случае. Зверюга, рыкнула, подошла ближе, легко встала на задние лапы и сорвала последнюю листовку. — Как ты из машины выбрался? — перевожу взгляд, автомобиль на месте, все дверцы закрыты, а псина здесь, дожевывает лист. — Господи у кого я спрашиваю! У собаки…

Хотелось орать, топать ногами, но я развернулась и отправилась к авто, зверь бесшумно пошел следом. Открыла для него дверцу, тот глянул на меня подозрительно так, будто подозревал ковар-

стве, но все же залез внутрь.

— Ты не пес, ты — чудище! — сказала ему, усаживаясь за руль. Зверь чхнул, потерся лбом мне о плечо. — Отстань, я на тебя сердита!

Отстал, морду отвернул и замер. Меня снова кольнули нехорошие подозрения, какой-то он слишком умный для собаки.

Приехала к своему дому, направилась к подъезду, но зверь перекрыл проход. Как показала практика, сдвинуть его у меня банально силенок не хватит. Проще уступить, в конце концов, ничего сверхъестественного он не просит.

— Ну, что еще? — стоит смотрит. — Опять на прогулку? Что ж пойдем…

Зверь легко приноровился к моему шагу и потопал в сторону магазинов.

— Мясо, чтобы тебя покормить у меня есть!

Бродяга глянул на меня исподлобья и свернул к продуктовому. Вот честно в этот миг ощутила себя полной дурой — у меня ж в холодильнике совсем пусто, если бы сразу пошла домой, потом все равно пришлось бы возвращаться за продуктами. Даже сердиться на Бродягу перестала, потянулась и погладила лохматого.

— Умный мальчик, — гляжу на питомца, ещё чуть-чуть и я тоже начну верить в бредни Аннуш-

ки про существование оборотней. — Жди меня здесь. Понял?

***

За окном сгустились сумерки, на небосклоне показалась рыжая и бесстыжая луна. Я колдовала над ужином, во всяком случае очень старалась, но мысли то и дело возвращались к сновидению. С одной стороны, оно выглядело слишком нереально, но с другой — я до сих пор чувствовала прикосновения горячих пальцев. Да, что там я горела от одних лишь воспоминаний.

Макароны пригорели, соус оказался пересолен, а по моему лицу гуляла шаловливая улыбка. Я как последняя идиотка предвкушала новую встречу со сном, ага.

Проглотила подгоревшие макароны не ощутив вкуса, покормила Бродягу и как прилежная девочка в девять часов улеглась в постель. Закрыла глаза…

Сон не шел, совсем! Ворочалась с боку на бок. То подушка неудобная, то мне под одеялом жарко, то без него холодно, то шелковая сорочка задралась, то Бродяга слишком громко сопит.

Словом, в пол двенадцатого ночи, я была зла, как стадо дьяволов.

Думала достать старый справочник ветеринара и попытаться почитать, да как-то лень стало идти его искать. Выпила стакан молока, улеглась на подушку и попыталась припомнить детали обстановки комнаты, которая мне вчера привиделась.

Белоснежная занавеска трепетала на ветру, камин. Два кресла. Какие же они были? Кажется деревянные. Точно! Изогнутая спинка плавно перетекала в ручки, сверху изгиб украшал узор. Ножки у мебели тоже выглядели необычно, с пузатым основанием, будто кувшин. Какой же там был цвет…

Камин тлел, приятный полумрак окутал все вокруг. Окна оказались закрыты, зато белые шторы распахнуты во всю ширь. Рыжая луна, как шпион заглядывала в комнату, лаская светом все вокруг. Озираюсь. Где же он?

В комнате пусто. Не может быть и тут замечаю массивную тень в кресле. Сердце замирает, а потом начинает биться во сто крат быстрее. На цыпочках подкрадываюсь к нему, протягиваю руку и тут мужчина хватает меня за пальцы. Рывком притягивает к себе, усаживает на колени самым непристойным образом. Хотела разглядеть его лицо, но не смогла, оно скрывалось в

тени. Сильные руки скользят вниз по телу, достигаю бедер, опускаются ещё чуть ниже и медленно поднимают край шелковой сорочки. Едва уловимо скользят по округлостям ягодиц. А у меня душа трепещет, хочу прикоснуться к нему, прижаться всем телом, но опасаюсь, что он остановит. Мужчина крепко сжал ягодицы, я охнула, а он в тот же миг завладел моими губами. Пылко, страстно, меня будто стрелой пронзило. Стало горячо. Искуситель потянул вверх мою одежду, стянул и наклонил спиной назад. Теперь его губы ласкали чувствительные полусферы.

Стоны один за другим слетали с моих губ.

— Еще… Да… Еще…

Я потянулась к нему ещё за поцелуем, но он не позволил, вместо этого просто прижал меня к себе и скользнул пальцами туда, где все пылало от жара.

В какой-то миг я забыла, где и с кем нахожусь, я дрожала и таяла в руках искусителя, захлебывалась собственным стоном и просила еще. Он оставлял на моей коже невесомые поцелуи, но не давал мне большего, не давал себя…

Хватаю его лицо руками.

— Я хочу тебя, — прошептала тени.

Мужчина на миг прекратил ласки.

— Станешь моей? — спросил он.

Господи боже мой, какой у него голос, низкий, чуть хрипловатый, он очаровывал сильнее любого приворота.

— Да.

— Только моей, навсегда?

— Да!

Я не увидела, скорее почувствовала его улыбку, он наклонился чтобы поцеловать…

Зазвенел будильник.

— Проклятье! Почему сегодня не выходной! — взвыла я и запустила подушкой в стену. Та с не меньшей отдачей полетела обратно, шлепнулась на тумбочку, снесла оттуда новый мобильник, вместе, а часами и прочей мелочёвкой. Сижу, пытаюсь удержать на языке, все нехорошие слова, которые там вертятся. Провела рукой по волосам и удивилась, ощутив влагу возле корней. Прислушалась к себе, сердце трепещет, как сумасшедшее, кожа пылает, щеки красные. Будто я всяким непотребством наяву занималась, а не во сне. Невольно вспомнила хриплый голос искусителя и сердце сжалось от горечи. Всего лишь сон, а как же сладко прозвучало это — станешь моей. Вот честно, да хоть сейчас. Вздохнула поплелась в ванную, залезла под прохладный душ. Журчащая

вода отогнала горести, но сердечно продолжало сладко ныть, а разожжённый огонёк притаился в глубине души, дожидаясь своего часа.

Приехала на работу, а там Аннушка цветет и пахнет, как куст сирени. Никогда не считала себя завистливой, но сегодня меня прямо перекосило всю от одного ее вида. Сделала усилие и натянула на лицо приветливую улыбку.

— Как только вся эта эпопея с мошенниками закончится возьму отпуск и полечу на курорт в жаркие страны, — пообещала себе, воображение тут же нарисовало загоревшего мускулистого мачо и очаровательной улыбкой, и хриплым голосом. Сердце снова заныло, мотнула головой решила не бередить раны.

— А мне отпуск, когда? — встрепенулся Марк.

— Подумаю об этом утром первого января!

— Ну, Евангелина Петровна…

— Баранки гну, давай работай!

Павел Борисович покачал головой, чтобы их не видеть убежала переодеваться.

Если день начался наперекосяк, то закончится он косяком, — поняла я, ближе к полудню. Когда едва не назначила коту собачьи витамины. Закрыла глаза, скомкала рецепт и села писать новый. Пять минут вспоминала название.

— Стресс… Это все стресс, — буркнула под нос, улыбнулась клиентке с кошкой. — Прошу меня извинить, — поднялась и пулей вылетела из кабинета.

Аннушка встречала меня широкой улыбкой, потому что разговаривала по телефону.

— Замени меня, — прошу ее, а она головой мотает и взглядом на телефон указывает. — Пожалуйста…

— Костик, я перезвоню, — сказала девушка и окинула меня пристальным взглядом. Нахмурилась и кивнула: — Жди здесь.

Через три минуты я расслышала ее щебет в смотровой. Вскоре счастливая клиентка покинула клинику, Аннушка вернулась ко мне.

— Рассказывай, — велела она. Я прикусила губу, щеки покраснели. Что рассказывать-то? Как я с ума схожу от навеянного сновидением красавчика? Да ну… — Гелька, я тебя пять лет знаю, сейчас ты сама не своя. Колись, что случилось? Опять этот клоун тебя достает.

Судорожно мотнула головой и снова умолкла.

— Геля, ты меня пугаешь…

— Бродяга.

— Что с твоим псом не так?

— Он странный… А ещё сны… После того, как я

его к себе привела, мне начали сниться сны…

— Та-а-ак, — протянула подруга. Вытащила из шкафчика початую бутылку, разлила в рюмки. — Давай глотай без закуси!

Послушалась, выпила, Аннушка вторую наливает и наравне со мной пьет. Щеки ее окрасились румянцем, глаза засияли пухе прежнего, а меня слегка повело.

— Ну что готова к разговору?

— Ага… — кивнула я и вывалила все, что накопилось в душе.

Аннушка слушала, не перебивала, а потом налила по третьей.

— Мужика тебе надо! — сказала она, подняла рюмку, провозгласила тост: — За любовь до дна.

Выпила, рукавом халата занюхала, в голове так легко стало, все тревоги улеглись, сейчас бы сюда ещё того красавчика из сна, вообще чудесно было бы.

— Я вызову тебе такси! — изрекла Аннушка, жестом оборвала возражения, вытащила телефон. — Завтра, чтобы и духу твоего на работе не было. А как только закончится все это безобразие с мошенниками, я помогу выбрать путевку в края, где много горячих красавчиков. Все! Снимай халат.

***

Приехала домой, упала на кровать и поняла, что не представляю, чем себя занять. Голова чуточку кружится, хрен поймешь недопила или перебрала.

Бродяга и тот жалостливо на меня поглядывает.

— Чего уставился? Устала я, полежу чуточку, может полегчает.

Зверь фыркнул и побрел в зал, скрипнул диван. Вот же зараза лохматая, с кровати я его согнала, так это чудище диван облюбовало, дорогой, кожаный. Надо пойти согнать, а постелька такая удобная. Ладно позже. Обнимаю руками подушку, ещё пять минут и пойду задам чертей лохматому.

Открываю глаза, а вокруг темно. Как так? Растерла лицо руками, осмотрелась и поняла, что сплю у себя дома. Странный звук раздался из прихожей, прислушалась. Будто с дверью кто-то копошится.

Поднимаюсь усаживаюсь на кровати. Даже головой тряхнула, может показалось. Звук повторился. Встаю на цыпочки и крадусь на кухню, Бродяга перед входной дверью сидит глазами ее

сверлит. Услышал меня и шерсть дыбом встала.

Заскрежетал замок, но не поддался, а меня обдало ледяной волной. Бросилась на кухню, схватилась за нож. Не то! Вытащила из духовки самую увесистую сковородку.

— Ну, все, пускай только сунутся!

Хотела идти встречать незваных гостей, но Бродяга заступил дорогу.

— Кыш! Уйди! — ага проще скалу подвинуть, чем одного отдельно взятого песика. — Кому говорю! Кыш!

И тут песик увеличился в размерах, хотя куда уж больше то.

— Мамочка… — ноги подкосились, я плюхнулась на попу, обнимая увесистое оружие.

Щелкнул замок, отворилась дверь с тихим скрипом. Лохматое чудовище бросилось наперерез чужакам. Слышу звуки борьбы, удары.

— Бродяга! — медленно поднимаюсь на колени, встаю и бегу в прихожую. Нащупала выключатель, щелкнула и на все горло заорала:

— Всем стоять не то убью! Э-э-э…

Посреди моей прихожей стоял Бог войны. Голый, вот прямо совсем, даже фигового листика не наблюдалось. Подле его ног валялось два бессознательных тела, в которых, с некоторым

трудом, узнала давешних мордоворотов. Клоун в лазурном костюмчике сучил ногами и тщетно пытался разжать стальные пальцы на своем горле. Бог войны тряхнул его как щенка, чтоб не трепыхался и на меня глянул, прекрасными глазами цвета янтаря.

Грозное оружие выпало из рук, прям на пальцы, с языка сорвалось непечатное словцо.

Клоун решил, что с него достаточно впечатлений и обмяк. Новоявленный эксгибиционист разжал пальцы, и мужик свалился на пол, как мешок картошки.

Стою поедаю взглядом красавчика. Было бы мне лет двадцать, я быть может и смутилась бы, но в свои извечные двадцать девять с хвостиком, я бессовестно наслаждалась статным незнакомцем. Высокий, кожа светлая, грудь накачанная, отличный пресс и ниже все очень даже ого-го-го… А какие у него руки, Господи, какие плечи.

Мысленно влепила себе затрещину и наконец-то подняла глаза на лицо. Красивое лицо, мужественное, а глаза лукавые, как у черта. Стоит улыбается, если ещё и мышцами начнет играть, ей богу врежу меж глаз сковородкой.

Вот тут в мою осоловевшую головушку закрался первый разумный вопрос, а откуда этот

красавчик взялся? Мозги свернулись в кукиш и продолжили созерцать прекрасное, не желая терзаться всякими глупостями.

— Привет, — произнес мужчина, а у меня по телу мурашки пробежали. Я мигом узнала этот голос, он принадлежал таинственному соблазнителю из моих снов. Меня бросило в жар, потом в холод, нагнулась схватила сковородку, зачем не знаю, но с нею как-то спокойнее. — Я — Даромир.

— Евангелина.

Мужчина улыбнулся и оружие снова выпало у меня из рук. Он сделал шаг в мою сторону и в этот миг на полу зашевелился один из мордоворотов. Даромир, пнул мерзавца ногой, чтобы не портил торжественный момент и протянул раскрытую ладонь.

— Иди ко мне, — позвал красавчик, — смелее.

Стою и туплю. Одна часть души кричит, не тормози дура — вдруг он сейчас передумает. А вторая требует образумиться и не делать поспешных решений.

— Кто ты?

Мужчина улыбнулся, рыжевато черная прядь волос упала на лицо.

— Лин, ты уже знаешь ответ.

— Бродяга?

Красавчик шагнул ещё ближе и провел пальцами по щеке. Ощущения показались такими знакомыми, что я подалась навстречу и оказалась в плену его губ.

— Моя, — выдохнул он, крепко прижимая к себе.

И вот тут в меня как будто бес вселился, толкнула мужчину в бок и отпихнула подальше.

— Твоя! Ты что себе удумал! Кто или что ты такое? Почему раньше не показался! Я чуть с ума не сошла. Зачем ты мне сны навеял! — кричала я и с каждым словом ударяла кулачками ему в грудь.

— Ну-ну, тише! — Даромир легко поймал мои руки, а затем сгреб в объятья меня всю целиком. Хотелось бушевать, но я не могла даже пошевелиться. — Я — оборотень, меня серьезно ранили в межклановой стычке, я не мог обратиться, — пояснил мужчина и мимолетно сорвал ещё один поцелуй с моих губ. — Ты спасла мне жизнь, — сказал он, глядя в глаза, — ты не представляешь, как я благодарен, ведь любая другая на твоем месте бросила бы меня посреди дороги.

— Но почему ты даже не намекнул? Ни разу. Черт да я перед тобой голышом расхаживала, — щеки все же покраснели.

— Лин, я хотел, но не знал — как. Опасался,

что ты испугаешься и больше не захочешь меня видеть.

— Потому ты придумал эти дурацкие сны?

— Такие уж дурацкие? — заулыбался Дар, а на дне бесстыжих, янтарных глаз вспыхнул огонек желания.

— Я серьезно — зачем?

— Лин, я же не железный, а тут ты, такая красивая… Потом тебе приснился кошмар, я захотел тебя оградить от этого, потому затянул в свой сон. А когда я увидел тебя, такую беззащитную и бессовестно соблазнительную, то не смог удержаться. Хотел разжечь в тебе интерес, а потом сам увлекся, — он смотрел на мои губы, но тут лицо его сделалось жестким он вновь поймал мой взгляд и сказал: — Евангелина, ты моя! Понимаешь? Навсегда, моя.

— Но я…

Мужчина просто заткнул мне рот поцелуем и тогда я осознала, да — его. Потому что с ним хорошо, на него можно положиться, а если надо, то можно легко спрятаться за его широкой спиной. Руки скользнули на плечи, поднялись чуть выше и я зарылась пальцами в его жесткие волосы, вот после этого ощутила себя самым счастливым человеком на свете.

— А с этими что будем делать? — кивнула в сторону бессознательных балбесов.

Даромир нахмурился, оглядел художественный беспорядок.

— Сейчас все решим, — пообещал он. — Дай мне свой мобильный, нужно звонок сделать, а ты пока переоденься, сейчас менты приедут.

Вышла из прихожей и услышала звук удара, выглянула из-за двери. Даромир одного из громил невесть зачем в чувство приводит. Любопытно стало, что ж дальше будет то? Дар отвесил ещё разок по морде и бандюган дернулся, гляделки открыл, ресницами хлопнул и задергался, правда, как-то вяло.

Даромир его за шею схватил и легко над землею поднял, тряхнул как деревце и во весь рот улыбнулся.

— Раздевайся.

Мордоворот, побледнел, потом побагровел и судорожно дернул головой.

— Если это сделаю я, хуже будет!

Громила цветом лица сравнялся с обоями в прихожей, серенький сделался, вот хамелеон чертов. Дан его как-то по-особому придушил, а улыбка на лице такой добренькой сделалась, что я бы на месте громилы на что-угодно согласилась бы.

Видать в голове здоровяка ещё не все извилины распрямились, он судорожно кивнул и принялся расстёгивать рубашку.

— Быстрее, чай не барышня! — потребовал Дар, а я улыбнулась и пошла переодеваться.

Через полчаса, раздался звонок в дверь, а на пороге обнаружился Бобров, тот самый следователь богатырского размера. Откуда он узнал, что случилось? Где взял мой адрес?

— Даромир, что у тебя? — Бобров протянул руку моему э-э-э мужчине и брови нахмурил.

Они что знакомы?

— Принимай шушеру и зови своих орлов, пусть зафиксируют проникновение со взломом.

— Те самые, что погром устроили? Попались голубчики, — улыбнулся следователь и мне почудился волчий оскал на его лице. — Ну теперь-то никуда вы от нас не денетесь.

Раздетый до трусов громила, увидав доброго следователя закатил глазки и упал в обморок, словно барышня из пансиона.

— Евангелина Петровна, — заметил меня следователь, кинул вежливо, затем снова перевел взгляд на Даромира. — Клан разыскивает тебя.

— Знаю…

— Мне сообщить?

Дар поглядел на меня и отрицательно мотнул головой.

— Я сам вернусь, когда придет время. А сейчас… У меня отпуск по семейным обстоятельствам, — сказал мужчина и протянул мне руку.

Улыбаюсь, к черту работу, я тоже хочу отпуск по семейным обстоятельствам! Касаюсь его теплых пальцев. На чем мы остановились этой ночью? В янтарных глазах отражается неприличный до бесстыдства ответ, мое сердце начинается биться быстрее.

Весна — прекрасная пора года.

Фьора Туман
Цветок хранителя востока

Вэйдун не любил города, предпочитая быть за их пределами — в горах, а ещё лучше на границе, вдали от императора, чиновников и суматохи. Но ему дали четкий приказ разобраться с треклятым Гондаге, куда привозили озий — дурманящую смолу, которая превращает людей в то, что язык не поворачивался назвать даже «животными». Эта гадость расползлась уже по всей стране, и ее поставки надо было срочно пресечь.

С основным заданием Вэйдун уже справился, остались мелочи, которые генерал планировал уладить в ближайшие дни, а затем наконец-таки вернуться к привычной жизни.

Встретившись со своим соглядатаем, довольный полученными сведениями Вэйдун шел домой так быстро, как только мог. И в который раз генерал подумал о том, что улицы Гондаге слишком оживленные, будь он обычным человеком, наверное, увяз бы в толчее, но… Вэйдун сильно отличался от других, и люди разбегались от него, на уровне инстинктов чувствуя опас-

ность, исходившую от мужчины.

Генерал уже был неподалеку от площади, за которой возвышалось здание городской администрации, когда услышал странное гудение толпы. Люди окружили мужчину в серых одеждах и в соломенной остроконечной шляпе и бурно обсуждали происшествие — кажется, кто-то кого-то толкнул, и теперь пострадавший собирался наказать обидчика.

Вэйдун хотел пройти мимо, но его носа коснулся странный волнующий аромат. Мужчина огляделся по сторонам. Ошибки быть не могло — запах тянулся из толпы. Как заколдованный, он дошел до людей и увидел, что в центре круга сидит девчонка.

— Пожалуйста… — пискнула незнакомка, заслоняя лицо рукой.

Генерала не касались дела горожан, но в происходящем было нечто странное — то, с чем он столкнулся впервые. Как мужчина ни пытался, он не мог оторвать взгляда от лежавшей на земле фигурки в темно-синем платье, окруженной чуть розоватым свечением.

Аромат пиона тут же напомнил о себе и опьянил Вэйдуна настолько, что он опомнился, только когда увидел занесенную над девушкой палку.

Потребовалось мгновение, чтобы генерал одним рывком пересек разделявшее их расстояние и перехватил руку мужчины в шляпе так, что кость обидчика едва не хрустнула.

Побледневший хорсиец стоял, трясясь от страха и боли. Толпа же рассосалась, будто никого и не было.

— Что ты удумал? — прошипел Вэйдун, вглядываясь в прежде желтоватое, а сейчас похожее на восковую маску лицо.

— Простите, господин! Умоляю! — пробормотал мужчина, бухаясь на колени. — Она полукровка! Толкнула меня, разлила воду, которую я нес из колодца в квартале Чайки. Столько сил потрачено напрасно!

Краем глаза Вэйдун посмотрел на незнакомку — хорсийка как хорсийка, разве что глаза необыкновенно большие. Девушка тем временем опомнилась, боязливо осмотрелась по сторонам и осторожно поползла к углу здания. Генерал не стал ее останавливать. Он дал ей возможность спрятаться и встать на ноги.

Некоторое время мужчина прислушивался к быстрым удаляющимся шагам, радуясь, что она не оказалась воровкой.

Как только перепуганная незнакомка отошла

на достаточное расстояние, генерал отпустил водоноса и направился за ней, ориентируясь по дурманящему запаху.

Аромат пиона привел его в аптеку. Генерал не стал заходить внутрь, а притаился за углом, ожидая. Некоторое время девушка находилась в лекарственной лавке, а затем… затем она боязливо выглянула, осмотрелась и юркнула в толпу. Вэйдун чуть не зарычал, опасаясь, что потеряет ее на улицах среди людей и запахов.

Но все-таки он снова отыскал незнакомку. Волнующий запах «долетел» до храма и продолжал тянуться дурманящим шлейфом, но уже за воротами громоздкой святыни, куда путь для мужчины был закрыт.

Вэйдун тихо зашипел от досады и проклял всех демонов, вставших у него на пути. Однако почти в тот же миг заметил, что соседний двор, где проживали служащие храма, открыт и там собирается толпа богатеев и их управляющих.

— Что происходит? — спросил он у проходившего мимо слуги.

— Господин, — поклонился тот. — Сегодня «смотрины»!

«Смотрины?» — встать и убежать удивился Вэйдун, но потом вспомнил, что имелось в виду.

В Гондаге этим странным словом называли выпуск девушек, воспитанных при храме, во взрослую жизнь. Сироты и дети бедняков, они учились на протяжении долгих лет, чтобы получить возможность найти хозяина и служить ему верой и правдой — если повезет, то всю жизнь. Нет — на ближайшие пять лет, пока не отработают сумму, затраченную храмом на обучение. Особенно ценились те, кого рекомендовала Матушка.

Двор располагался за пределами храма, и генерал спокойно вошел внутрь. Здесь уже выстроились девушки в дешевых, но в опрятных платьях, а между ними ходили управляющие, присланные чиновниками и богатыми купцами. И среди «выпускниц» Вэйдун увидел ее…

Девушка ничем не выделялась среди других, если не считать аромата и слабого розоватого свечения, окутывавшего тонкую фигуру. Она уже сменила синее платье на светло-зеленое, с длинными широкими рукавами и белым поясом, украшенным вышитыми журавлиными перьями. Незнакомка волновалась, но улыбалась и старалась скрыть тревогу.

Генерал собирался подойти к ней, когда толпа зашевелилась, расступаясь, так как на «смот-

рины» явился высокопоставленный чиновник собственной персоной.

— Господин, — вышла к нему и поклонилась маленькая худенькая старушка с гладко выбритой головой, завернутая в оранжевое полотно. — Могу я вам помочь?

— Доброго дня, Матушка, — поприветствовал ее мужчина, разодетый в расшитый золотом коричневый халат. — Я ищу помощницу для своей племянницы. Быструю, проворную, сообразительную.

И Матушка поспешила назвать имена, указывая на девушек, которые, по ее мнению, подходили под описание. «Выпускницы» вежливо кланялись. Незнакомка тоже поклонилась.

Вэйдун невольно усмехнулся, когда костяной гребень выскочил из черных блестящих волос и упал на землю. Вопреки всем правилам приличия, чиновник не прошел мимо, приказав слуге поднять вещицу, а наклонился и взял украшение сам. Некоторое время держал гребень в руках, рассматривая его, а затем протянул девушке.

Незнакомка виновато улыбнулась и пробормотала:

— Прошу прощения за свою неловкость и благодарю за ваше великодушие. Для меня ваша

помощь — большая честь.

И девушка вновь поклонилась.

Внутри Вэйдуна закипела злость. Зверь выгнулся, желая вырваться и оторвать кое-кому голову, ведь это ОН должен был поднять гребень! А чиновник неожиданно увидел генерала.

— Господин Шиан, рад встречи с вами! — вежливо склонил он голову.

Вэйдун не сразу пришел в себя и понял, что обращаются к нему. Поклонился в ответ и вытащил из-за полы халата спрятанный до этого мига знак — печать императора. Краем глаза он заметил, что девушка узнала его. Взгляд незнакомки скользнул по его лицу, медальону… и она побледнела.

— Господин Ливей, — кивнул генерал, подходя к чиновнику.

— Как неожиданно видеть вас здесь! — сказал мужчина. — Вы решили обосноваться в Гондаге, раз подыскиваете слуг?

— Монастырь славится хорошей подготовкой, — ответил Вэйдун. — Только Матушка воспитывает честных и трудолюбивых…

Старушка зарделась от его слов.

— Только благодаря помощи Неба, а также строгости, постам и работе из них действительно

получаются одни из самых лучших служанок в стране, — поспешила она сказать, низко кланяясь.

— Вот я и решил, — продолжил генерал, — раз я здесь, почему бы не присмотреть прислугу для своего дома в Хайбине.

— Ах да… император подарил вам его за заслуги, — протянул чиновник, раскрывая веер и обмахиваясь им. — Примите мои поздравления.

Вэйдун улыбнулся.

— Прошу меня извинить, — сказал генерал, — но я, кажется, уже сделал свой выбор.

— Я тоже.

— Матушка, — одновременно сказали мужчины.

Возникло замешательство. Вэйдун не сразу понял, что и он, и Ливей указывают на одну и ту же девушку. Матушка, бывшая до этого румяной, побледнела.

— Нет-нет, — сказала она, собравшись с мыслями и духом и решительно выступая вперед. — Только не Сюин! Примите мои извинения, господа, но она не так, кто вам нужна.

«Сюин», — повторил мысленно генерал.

Имя, означавшее «Красивый цветок», очень подходило девушке. И этот цветок принадлежал

ему! И ему запрещают его забрать?! Вэйдун побледнел от злости и недоумения, а зверь внутри недовольно оскалился и зашипел, готовый выпустить когти.

— Позвольте поинтересоваться — почему? — спросил Ливей, стараясь скрыть замешательство.

— Она постоянно попадает в какие-нибудь неприятности!

При этих словах генерал тихо усмехнулся, а девушка покраснела, внимательно рассматривая носки своих коричневых туфель.

— Я думаю, что зря позволила участвовать ей в «смотринах», — продолжила Матушка. — Пожалуй, оставлю ее при монастыре. Так будет лучше. Для всех.

И старушка уже собиралась отослать Сюин в храм, когда чиновник сказал:

— Пятьсот юней.

— Семьсот, — следом за ним назвал сумму генерал.

Матушка растерянно моргнула, а торги продолжались без ее позволения.

— Тысяча.

— Полторы…

— Господа! — попыталась вмешаться Матуш-

ка.

— Две тысячи.

— Десять тысяч и пожертвования на статую.

Генерал нахмурился.

— Пятьдесят тысяч, — сказал он уже без тени улыбки.

— Она остается при монастыре! — неожиданно рявкнула Матушка, и голос ее прозвучал как гром посреди ясного неба.

Маленькая и худенькая, она умела докричаться до богов. Поговаривали, что те ее слышат и во избежание проблем исполняют просьбы.

— Сюин, немедленно иди в храм! — приказала Матушка. — Чтоб к моему приходу полы и статуи там сверкали. Прошу извинить меня, господа, — обратилась она уже к мужчинам.

Храм! Слово полоснуло Вэйдуна, точно лезвие. Зверь внутри выгнулся. Если девушка останется в священном доме, он не доберется до нее так просто!

Он выругался про себя, не забывая улыбаться и Матушке, и чиновнику, хотя все внутри него желало выпустить когти и обнажить клыки. Нет… нельзя так просто терять контроль и сдаваться. Если надо будет, его воины сотрут это место с земли.

Ливей же вежливо поклонился и, выбрав другую девушку, покинул «смотрины». А Шиан решил попробовать поговорить с настоятельницей.

— Матушка, — обратился он к ней, когда чиновник ушел.

Старушка вежливо поклонилась, а затем, без тени страха глядя в черные глаза, внутри которых стали появляться янтарные искры, сказала:

— Уходите, генерал! Я знаю, что у вас огромные полномочия, но… за пределами Храма! Только император лично может приказать мне отдать кого-либо с его территории. Пока у меня нет его приказа — вам здесь не место.

Лицо Вэйдуна исказилось от злости.

«Будет тебе и приказ, и все остальное! — подумал Шиан, покидая двор и обходя вокруг храма. — А если она сбежит и спрячется?!»

Зверю это не нравилось, как и то, что его Цветок находился за высокой стеной, на которую генерал смотрел с нескрываемой ненавистью, жалея, что не может забраться на нее, а ещё лучше — разнести.

Позабыв о делах, Вэйдун бродил, строя планы похищения Сюин, чтобы затем показать своим надежным помощникам самые удобные и мало-

людные места, когда произошло чудо — девушка сама вышла из монастыря.

Он встрепенулся, почувствовав аромат пиона, и заметил, как за ворота храма выехала телега, на которой сидела группа людей в серых плащах с капюшонами — паломники, направлявшиеся в монастырь в горах.

Вэйдун снова спрятал печать и незаметно побрел следом, благо, что повозка ехала медленно. На выходе из города он столкнулся с каким-то крестьянином, который вел под уздцы лошадь. Генерал бросил ему золотую монету и приказал держать животное, которое встало на дыбы, как только мужчина сделал шаг к нему навстречу. Шиан же шел, глядя зверю в глаза, до тех пор, пока тот не сдался.

— Господин, я забыл сумку с одеждой! — крикнул парнишка, когда генерал забрался в седло.

— Отлично! Она мне может пригодиться, — усмехнулся Вэйдун, бросил ещё одну монету и помчался за обозом.

Он нагнал повозку, когда она въехала под сень леса, опередил ее, соскочил с лошади и перегородил дорогу.

— Где девушка? — спросил мужчина, разглядывая паломников, лица которых скрывались под

капюшонами.

— Господин, — ответил старушка, обнажая лысую голову, — мы бедные монахини. Нас нельзя останавливать. Указом императора…

«К демонам все указы!» — решил про себя Шиан, проходя мимо людей.

Сердце дрогнуло, когда он почувствовал знакомый аромат. Генерал собирался скинуть капюшон с головы девушки, когда она выскользнула, точно змея, из-под его рук и помчалась вглубь леса. А в следующий миг за его спиной послышались крики — на обоз напали люди в лохмотьях, с закрытыми наполовину лицами.

Монахини закричали и поспешили забраться под повозку. Шиан же вытащил меч. Выпад. Удар. Прыжок. Опять удар. Люди, даже самые лучшие воины, были слишком медленными для него, поэтому битва быстро закончилась.

— Поспешите в монастырь! — приказал генерал перепуганным паломницам.

— Господин, а как же девушка? — спросила старшая из них, пока Вэйдун осматривал разбойников.

«Ничего», — с досадой отметил мужчина.

— Я найду ее. Стой здесь! — приказал он уже лошади, отведя животное за деревья в сторону

от дороги.

Лес притуплял запах пиона, который так и норовил смешаться с ароматами трав, мха и хвои. Но Вэйдун видел все поломанные ветки и притоптанные стебли.

«Вот же быстрая! И так далеко ушла!» — думал он, преследуя «добычу». В нем проснулся охотничий инстинкт, азарт от погони, потому что от таких, как он, нельзя убегать. Он знал, что поймает Сюин во что бы то ни стало, и эта мысль будоражила кровь.

Наконец генерал увидел девчонку, которая мелькала среди стволов деревьев, а потом неожиданно пропала.

«Спряталась», — догадался Вэйдун.

И он решил отбить у Цветка охоту бегать по лесам, где могло быть так же опасно, как и на дороге. Генерал стянул с себя одежду, аккуратно сложив ее рядом с камнем, и обернулся тигром. Некоторое время он крался, а затем выскочил перед притаившейся беглянкой, ожидая испуга Сюин.

Однако девушка не закричала и не побежала в обратном направлении, а упала на колени и затараторила:

— О великий и ужасный демон, умоляю, не

трогай меня! Ты могучий и храбрый, прошу, не причиняй мне вреда! Прости, что нарушила твои владения… Я… меня… там… в общем, преследуют меня!

Это было так неожиданно, что Вэйдун растерянно хмыкнул и, сам не понимая почему, ушел к вещам, чтобы вновь переодеться и вернуться к девушке.

«Как она меня назвала? — думал он, быстро натягивая штаны и набрасывая халат. — Великий и ужасный демон?»

Генералу это было неприятно. На миг ему показалось, что он увидел свое отражение в глазах Сюин. И оно действительно напоминало демона.

А девушка уже бежала обратно, вновь мелькая светлячком между темными стволами.

«Быстрая, как лань!» — ворчал про себя Вэйдун, догоняя девушку уже в человеческом обличии.

Наконец он поймал ее.

— Я не виновата! — закричала Сюин, не забывая брыкаться. — Я просто шла в аптеку! Случайно задела его! Неужели это такое страшное преступление? Вам заняться больше нечем, как бегать за мной по лесам? Что, нет преступников пострашнее? Кто-то же напал на обоз?! А это храмовые люди, их нельзя трогать…

Она продолжала кричать, нести какую-то околесицу, а он просто крепко держал ее в руках, ожидая, когда девушка затихнет. Он не понимал, как Сюин дернулась, что умудрилась задеть меч. Но клинок на удивление легко выскользнул из ножен и вонзился в землю, а девушка вдруг зашипела, размахивая ладонью…

— Ай! — по белой нежной коже потекла красная струя. Сюин зажала ее и стала быстро дуть на рану.

— Покажи! — приказал Вэйдун, но девчонка не послушалась. — Да что ты делаешь? Дай сюда! Если не послушаешься, можешь без руки остаться!

Сюин побледнела и притихла. Генерал же выругался про себя, сожалея, что знакомство не задалось.

— Скоро пройдет, — сказал он, срывая широкий лист с серыми прожилками и прикладывая к порезу.

— К чему эта забота? Хотите отдать меня под суд или палкой забить… — затараторила Сюин, глядя на него исподлобья. — Лучше оставьте меня тигру!

— Тигру? — удивился Вэйдун. — Уверена?

Девушка задумалась на несколько мгновений.

— Вообще-то нет, — призналась она.

— Пойдем.

— Куда вы меня ведете?

— Если ты не замолчишь, я тебя точно оставлю тигру! — пригрозил Вэйдун.

— Оставляйте! — выпалила Сюин. — Вот только угрожать мне не надо! Он, может, вообще не придет, а я буду свободной и уйду в монастырь!

— Придет, поверь мне, — заверил ее генерал. — Он голоден.

— Откуда вы знаете? — удивилась девушка.

— Я хороший охотник. И знаю повадки животных. Тигр никогда не нападает на свою добычу сразу. Он ждет, когда она расслабится и успокоится, и только потом настигает жертву.

— Зачем?

— Так она вкуснее. Страх портит мясо.

Девушка притихла, видимо, размышляя, что лучше: отправиться с ним или в лапы к тигру.

— Вы убьете меня? — наконец спросила Сюин.

— Почему ты так думаешь?

— Перед тем, как посадить меня в повозку, Матушка сказала, что вы ненавидите чужеземцев. А я полукровка. Разве этого недостаточно?

Вэйдун грустно усмехнулся, отмечая, как быстро разносится людская молва по стране.

— Нет, Сюин, я не убью тебя, — ответил муж-

чина.

— Накажете? Отдадите под суд? Посадите в темницу? — не уставала допытываться девушка, пока они шли в сторону дороги.

— Садись на лошадь, — приказал Вэйдун, когда увидел оставленного коня.

Сюин неожиданно остановилась и, скрестив на груди руки, сказала:

— Не сяду! Матушка всегда говорила, что порядочная девушка и хорошая служанка никогда не залезет на лошадь незнакомого человека! А я даже не знаю, как вас зовут, значит, вы незнакомый! И я имею право знать о своей судьбе. Так куда вы меня везете?

— Меня зовут Вэйдун. А везу я тебя домой, — сдался он.

— Боюсь, Матушка не обрадуется…

— Ты не поняла. К себе домой.

— Что?! — выпалила Сюин. — Вы не имеете права! Я не рабыня! Вы должны договориться с Матушкой, а не похищать! Я дойду до городского главы, а затем пожалуюсь самому императору…

«Пожалуешься, — согласился генерал. — И ты, и Матушка, и все, кому не лень…»

А затем он поднял глаза к голубому небу, по которому плыли полупрозрачные перья облаков.

«Это ты так наградило меня за все мои заслуги?», — грустно подумал Вэйдун, но запах пиона дурманил, заставляя сердце стучать быстрее. Собравшись с силами, мужчина посмотрел на девушку.

— Сюин, пожалуйста, садись на лошадь.

Она же продолжила переминаться с ноги на ногу.

— Сюин… Во-первых, тебе придется смириться. Во-вторых, ты уже знаешь, как меня зовут и куда мы едем… — и тут он догадался: — Ты что, не умеешь?

— Ах, простите, господин! Нас, приютских, каждый день обучают ездить верхом да вести светские беседы!

— Сюин!

— Накажете?

Он усмехнулся, подошел и взял ее за талию, поднял и усадил в седло, а затем и сам забрался за спину девушки, которая никак не могла устроиться.

— Не ерзай! — шикнул Вэйдун, обнимая Сюин и прижимая к себе. Она притихла лишь на миг.

— А-а…

— Это чтобы ты не упала и не сломала себе шею.

— А-а!

И они тронулись в путь.

— Как вы сидите?! Это же настоящий ужас! — бормотала она всю дорогу.

— Помолчи, пожалуйста, — попросил ее Вэйдун.

Некоторое время она не говорила ничего. Шиан же, наконец, смог спокойно подумать о том, что произошло на дороге. Кем были нападавшие? Они хорошо замаскировались под разбойников, которым хотелось поживиться… Вот только слишком хороши были их движения, напоминавшие стиль наемников. Что же им тогда понадобилось?..

— Хранитель востока — красиво, — неожиданно сказала Сюин. — Вам идет.

— Ты о чем? — не понял Вэйдун.

— О вашем имени.

Генерал промолчал. Имя как имя. Он его себе не выбирал.

— А зачем мы едем к вам домой? — вновь нарушил его мысли голос девушки.

Но Вэйдун решил, что говорить об этом пока нет смысла.

Скоро они приедут, и он все объяснит этому Цветочку про пару — нравится ей это или нет. А сейчас — небо, шелест листвы, солнечное тепло и

тихое счастье. Болтливое, правда… Но он ее никому не отдаст, даже несмотря на этот недостаток.

Алексей Черницын
Кто ты, Кастилия?

Начало

Прохожие вынужденно обращали внимание на большую черную кошку, деловито следовавшую по Итальянской улице. Она пробежала мимо меня и, усевшись прямо на тротуаре, долго смотрела снизу вверх. Не слишком ли самоуверенно с ее стороны? Может быть. Но ведь рядом были только единичные прохожие и, в основном, одни маленькие дети. Почти никого на улице. Мне надоело ее внимание, я повернулся и пошел. Когда в очередной раз оглянулся — кошка исчезла, а по тротуару следовала молодая женщина. Я ещё раз окинул взглядом окружающее пространство. Кошки не видел, а смотреть вот так в упор на приближающуюся ко мне женщину становилось неудобно. Последний брошенный мною взгляд в ее направлении — кошку я так и не увидел, и пришлось быстро ретироваться с места необъяснимого события.

Есть вещи, не поддающиеся нашему пониманию. И ещё кажется, что в этом мире все

достаточно жестко определено. И вот вам самый простой закон: перешли через лужайку или газон — вы попадаете совершенно в другой мир, другую часть вселенной либо что-то другое, что существует на месте вашей нынешней обстановки. Или происходит совершенно обыкновенное на первый взгляд событие: кошка перебегает дорогу, над головой в центре города пролетает орел, капли дождя начинают падать в разные стороны. А вас где-то рядом уже дожидается необыкновенное, чудесное или неожиданное. Впрочем, насчет орла я, кажется, немного погорячился.

***

Знакомство

А много позже я услышал четкие звуки шагов позади меня. Они становились все ближе и ближе. Когда ко мне подошла молодая темноволосая женщина, я не успел даже насторожиться, а она уже протягивала тонкую, слегка дрогнувшую руку и представлялась:

— Кастилия.

Теперь я уже с любопытством рассматривал ту, которая одним только словом заявила свою эквивалентность целой испанской провинции. Молодая, но вполне оформившаяся женщина. Ес-

ли задевать одну из самых болезненных женских тем — ей около тридцати. Очень часто такие даже больше нравится мужчинам, чем малолетки и фанероподобные женщины с подиумов. Светлая блузка прикрывает достаточно заметную грудь, а немного широковатый пояс переходит в далеко не короткую юбку, образующую в своем расширении почти единую плоскость с животом. А лицо? Нет, совсем не шаблонно-красивое. Но, наверное, по обыкновенному приятное, губы слегка пухловатые, и рот немного длиннее, чем требует заложенная природой пропорциональность. Непонятно, женщина слегка или уже здорово под градусом? А со стороны вполне адекватна. И ещё у нее ищущие и внимательные глаза.

— Я хочу поговорить, — моя новая знакомая явно пытается навязать свое мнение и найти общие точки для соприкосновения.

А я как любой мужчина в этих словах чувствую обязательный подвох.

— О чем?

— О чем я думаю. Тебе будет интересно. Если нет — встанешь и уйдешь.

— Ну, хорошо.

Мы заходим в маленькое кафе. Не ожидая моего согласия, спутница заказывает себе бокал вина,

предложив официанту выбрать самому, на его вкус, но обязательно полусладкое. А что я? Ну не называть же ее «нахалкой». А Кастилия, не замечая посторонних людей, ещё раз представляется:

— Катя. Кастилия — школьное прозвище, связанное с моими неудачами по географии. Одноклассники так прозвали. Люблю все странное, непривычное и не имеющее быстрого и простого объяснения. Кем работаю? Сейчас это неважно. Скажем, в сфере искусств. Живу здесь, прямо в центре, с мамой и младшим братом. Он очень большой и очень самостоятельный, но зато жуткий прагматик — кроме денег, операций и совещаний его абсолютно ничего не интересует. Вокруг столько интересного, прекрасного, вызывающего удивление, а он ничего этого не видит. Зато мама его просто обожает. А меня считает примитивной фантазеркой. А разве фантазерки могут быть примитивными?

Катя-Кастилия в разговоре со мной давно и быстро переключилась на «ты». Стоит ли это замечать? Через полчаса или даже раньше мы все равно расстанемся, и вместе с нами разойдутся в разные стороны и «ты», и «вы». Да и «мы» тоже.

— Смотри. Вот мы здесь сидим, а совсем рядом по городу течет река Нева. Глубочайшая, где-то

20–25 метров. А ты задумывался — что вокруг, на глубине? А в земле, под водой?

— Как что? Болотистое пространство, фундаменты домов.

Катя немного молчит, будто бы раздумывая — а стоит ли мне доверять большую тайну. И, наконец, заявляет:

— Если бы. Я тоже раньше так думала, если бы в свое время не побывала в некоторых частях города. Ты никогда не задумывался о том, что люди приходят на эту Землю и уходят с нее? А кто сказал, куда они уходят? И что остается после них на Земле, кроме памяти? Вот видишь. Оказалось все просто — там под водой остаются и живут легенды.

— Какие? — пытаюсь понять и, кажется, осознаю, что передо мною явно ненормальный человек.

— Да всякие: добрые и злые; короткие и длинные, великолепные и очень скромные. Они бродят по переходам, в которые просачивается невская вода, они сидят рядышком в огромных пустотах и образованиях. Они даже могут, совсем как люди, переживать.

— Так они же не люди.

— Но они — тоже живые, а все живое может

чувствовать и переживать. А если им будут мешать, они будут мстить или умрут от обиды.

Я смотрел на женщину, пытаясь выловить в ее лице хотя бы малейший намек на усмешку или иронию. Но нет, передо мною было абсолютно серьезное лицо. Она добросовестно верила в то, что говорила и, более того, хотела, чтобы и я поверил в это.

— По твоему лицу я вижу, что мне не верят. Хорошо, я обязательно докажу. Любишь приключения? Приходи сегодня вечером, часам к десяти, на пляж Петропавловки, — она почти залпом опустошила остатки вина в бокале и, не сомневаясь, что я оплачу счет, резко вышла из кафе. А может, даже и не задумываясь по этому вопросу.

В этой ситуации мне ничего не оставалось, как попросить официанта принести счет. Сомнений в том, что на Петропавловке даже если и появятся люди, то они никакого отношения к Кастилии иметь не будут — уже не возникало. По-моему, так женщина просто захотела выпить за чужой счет. В данном случае — за мой.

До сих пор не пойму, зачем я, все-таки, притащился к Петропавловке. Это место всегда нравилось мне только по одной причине — волны, набегавшие на пологий песчаный берег,

создавали атмосферу спокойствия и уюта. В теплый вечер здесь прогуливались десятки, а иногда и сотни людей — от компаний девчонок и мальчишек до одиноких мужчин и женщин.

Я выждал и практически ровно в десять вышел на песчаную полосу, там, где невские волны медленно и хитро накатываются на берег, стараясь обязательно достать до вашей обуви неровными водяными языками. Решение у меня было достаточно простое — совершить прогулку в сторону Невских ворот, а затем, убедившись, что меня никто не ждет, продолжить обход крепости.

Внезапно прямо в середине пляжа кто-то дернул меня за руку. Я резко обернулся — прямо передо мною стояла Кастилия, только теперь она сменила юбку на джинсы. Да, и на плечи она накинула цветной платок. Будто желая прекратить мой внимательный досмотр, она быстро отозвалась на него:

— Пришел. Молодец. А платок — это так. Ночью будет прохладно. Пойдем.

***

Начало пути в неведомое

Немного странно, когда практически незнакомый человек берет тебя за руку и ведет вперед.

Впрочем, поверите ли вы мне, но вначале я даже обрадовался. Ведь она не обманула, а пришла. Теперь я могу ей верить. Мы огибаем мрачный выступ бастиона у Невских ворот и заходим в крепость. А потом совершаем марш по внутренней, я даже не знаю, как ее назвать, то ли дорожке, то ли настоящей дороге. Не помню, сколько метров мы прошли, прежде чем, внезапно и без всякого предупреждения, Кастилия толкнула меня прямо в стену бастиона. Я готовился удариться в нее плечом, но оно вместе с моей головой, руками и ногами ушло куда-то внутрь. После падения меня ненадолго покинуло сознание. А когда я очнулся, прямо из полумрака мне в лицо смотрели озабоченные глаза Кастилии.

— Я совсем забыла, что с этой стороны Невы гораздо глубже. Ну, ничего, сейчас пройдет, — носовым платком она почти без всякого нажима протирала ссадины на моем лице.

Судя по объему и продолжительности работы — их хватало. Света в помещении было очень мало. Похоже, что мы находились в большой каменной пещере, а вот где был источник света, я определиться не мог. Перехватив мой ищущий взгляд, Кастилия прокомментировала:

— Этот свет идет от нижних слоев воды. Вна-

чале она ослабляет солнечный свет, а внизу включаются совсем другие механизмы. Не думай ты о своей физике.

Только сейчас я понял, что сижу на гигантском валуне, верхняя плоская часть которого выступает над поверхностью пола. Кастилия опять склонилась надо мною. Боль уже начала отходить, и теперь я был в состоянии думать не только о ней.

Наверное, это глупо, но даже в этом, более чем скромном, свете я различал открывающееся пространство за Катиной блузкой. В нем достаточно мило расположилась упругая грудь. Видимо это обстоятельство вызвало мое непреднамеренное движение, вызванное стремлением расположиться поудобнее. Но по быстро изменившемуся выражению женских глаз я понял, что пойман с поличным. Вы знаете, в жизни встречается множество женщин, которые когда нарочно, а когда непреднамеренно позволяют разглядывать себя. Главное, что никто из них никогда не делает из этого трагедию. Но, по-моему, в отличие от них и именно в этот раз Катя очень рассердилась. Она приподнялась, огляделась кругом и резко предложила:

— Пошли!

Прямо на выходе из приютившей нас камеры в разные стороны разбегались лучи галерей и коридоров. Они были разной формы: круглые, овальные, прямоугольные и даже почти треугольные, а их размеры трудно поддавались представлению. Этому мешало ещё и то, что они переливались, сверкали искрами, а в их объемах висели перья тумана.

Появившийся перед нами неширокий провал ограничивался слева и справа достаточно широкими карнизами со скользким каменным покрытием. А Катя аккуратно придерживала меня под руку. Совсем так, как придерживают мужчины женщин на высоких каблуках.

— Там, внизу, очень и очень глубоко. Туда никто не ходит. Там живет только мрак, — Катя говорила серьезно и с явной озабоченностью. — Если не хочешь составить ему компанию, иди аккуратнее.

За провалом я пошел, вытянув перед собою руки, но никаких проемов, проходов и отверстий не находил. Я обернулся:

— Катя?

Почему я перешел с Кастилии на Катю? Может, в этой ситуации мне хочется больше ей доверять? А может просто так короче. Но, в любом случае,

ее рядом не было. Я уже собирался бежать по карнизу обратно, когда услышал женский голос из-за стены:

— Иди сюда.

Я пошел вперед и налетел головой на выступ, и сразу раздалось нетерпеливое указание:

— Правее!

Ну и что там правее. Такая же шишка на лбу? Или даже больше? Непонятно как я проскочил в узкий земляной коридор, по стенам которого сочилась вода. Метров через тридцать стало заметно светлее. Еще немного и мы попадали в приличный по размерам зал, почти эллипсоидной формы. По его краям кто-то сидел, впрочем, я совсем не понял, кто это. Просто прозрачные существа в плащах с лицами, скрытыми опущенными капюшонами. Я толкаю Катю предплечьем, но со мною, рядом, то же — что-то светящееся, только одетое как раньше — в блузку и джинсы. Я протягиваю свою руку — она также прозрачная. Меня охватывает ужас — во что я превращаюсь?

— Это не ты! Это появляется твоя легенда. Чувствуешь, сладковатый запах жареных яблок появился. Так тут всегда, — Катя потянула меня в сторону.

— А чья же это рука?

— Просто ты ее видишь, а твоя настоящая — в темноте. И хватит пороть истерику. Видишь, они просто сидят. Легенда не меняется сама по себе. Она никому и ничем не мешает. Но если на земле кто-то из ученых, литераторов или политиков начнет спорить, то легенды могут превращаться в неуспокоенные. Они начинают волноваться, бегать по коридорам и даже преследовать одиноких прохожих или другие легенды.

— Какие могут быть прохожие в этом месте. Здесь только идиоты, вроде нас с тобою, ходят. Или политикам не хватает места наверху?

— Ну почему? Бывает люди случайно заходят. Бывают совсем слабенькие легенды. Они только появились и всего боятся.

— У меня сейчас такое чувство, что ты рассказываешь мне про сумасшедший дом.

— Какой сумасшедший? Это вполне реально, что одна большая легенда, может, даже поглотить другую, и тогда мы будем знать что-то совершенно другое и, главное, не то, что было на самом деле.

— А как она поглощает?

— А как ты поглощаешь курицу за обеденным столом? Разницы никакой нет. А вот последствия — совершенно другое дело. Ведь легенды живут

здесь, но бывает много случаев, когда они, по тем или иным причинам, появляются наверху. И люди ходят и не знают, что вокруг них летают легенды, а потом они начинают верить в эти легенды. И легенда начинает расти. Она становится выше, толще и уверенней. И так происходит до тех пор, пока растет число людей, верящих в эту легенду. Но продолжаться бесконечно это не может. И если легенда не подыщет вход в свой мир, соответствующий своему размеру, то она, либо начинает от горя сдуваться, либо вообще лопнет. А самые самоуверенные легенды выходят далеко в город и иногда люди видят вырывающихся из них героев и персонажей, ошибочно путая их с обычными привидениями.

Я смотрел на Катю. Она крутила головой, как будто взбалтывая в ней мысли для поиска нужной информации и, вдруг, схватила меня за руку и побежала. Мы остановились через сто метров или чуть больше. А нас никто и не преследовал.

— Кого ты увидела? — я сразу попытался разрешить свое любопытство.

— Раньше я их не встречала, — Катя, похоже, говорила правду, — видишь ли, мир наверху меняется и здесь, то же, происходят какие-то изменения.

— А может, это люди сверху забрались?

— Ну, это вряд ли. Сюда просто так не попасть.

Мне кажется, что я действительно схожу с ума. Да, и не только я. Хожу где-то под Невой, моя спутница — самое странное существо из всех жителей нашего города. И, главное, не знаю, как я попаду наверх. Так и хочется крикнуть «домой хочу!». А не придется ли мне оставаться здесь на всю оставшуюся жизнь?

Мы продолжали ходить по коридорам и переходам, пока Катя не заявила:

— За весь наш поход мы видели едва ли десятки легенд. Что-то здесь не то происходит.

На Катю напало раскаяние. Она присела на корточки и стала горько жаловаться, что затащила меня неизвестно куда и непонятно зачем.

***

Куда идти

На повороте длинного прохода нам, наконец-то, встретились настоящие, хотя и очень маленькие легенды. Светящиеся изнутри, как будто порхающие бабочки они облетели нас и одна из них почти самоуверенно заявила:

— Я могу с вами говорить, я — легенда о говорящих памятниках.

— Да объясните, в конце концов, что здесь происходит, — не выдержала Катя.

Как вы понимаете, я в это время молчал. Да и мое состояние вряд ли подпадало под описание обычного человека. Только насчет открытого от удивления рта — ничего не скажу. Нужно было у Кати уточнить.

— А мы и сами ничего не знаем. Тут кругом дороги появились, так что, если хотите, что-то знать, идите наверх, — махнула полукрылом одна из легенд.

— Ну что, вернемся обратно? — двойной, по сути, вопрос Кати я ждал уже давно.

А все-таки, интересно, что здесь происходит. Да и хоть раз в жизни может человек пойти на очевидное безрассудство?

— Ты меня сюда привела, нашу экскурсию не закончила, вот и решай, — ну какой мужчина не мечтает переложить решение на хрупкие женские плечи, — а я пойду с тобой.

— Весьма мужественно, — буквально хмыкнула Катя.

На ближайшем перекрестке мы выполняем крутой поворот и решительно двигаемся в направлении замаха последней легенды. И тут же, внезапно, на нас кидается бесплотный бык,

наставив большие блестящие рога. Наверное, он мечтал использовать их в качестве виртуальной вешалки для двух зашедших в его владения людей. Но ему не повезло, он промахнулся. А потом, развернувшись, он мотнул своими рогами, коснулся ими каменной кладки и высек настоящие искры. Целый сноп!

Бык неуклюже попробовал вернуться на исходное положение для последующего броска. Но что-то заставило его развернуться и испуганно умчаться в ту сторону, откуда я пришел с Катей. Едва мы повернулись спиной к убежавшему быку, как увидели глубоко в коридоре огромные светящиеся глаза. Их свет потихоньку гаснул, и не успели мы сделать даже один шаг, как на их месте осталась только глухая темнота.

Теперь нам предстояло решить, стоит ли двигаться вперед — глаза были как настоящие. Да и встреча с высекающими искры животными совершенно не эквивалентна общению с безобидными легендами. Даже Катя, не смотря на весь свой авантюризм, похоже, если и не струсила, то немного приуныла. А я, показывая мужской героизм, решительно заявил:

— А что с нами могут сделать?

— Многое, — почти обреченно ответила моя

спутница.

И все-таки, мы упрямо пошли по коридору. Теперь он заметно отличался от других своими размерами, и мы могли идти какое-то время рядом. Но как только мы обнаружили приличную комнату-расширение, Катя решительно предложила передохнуть. Универсальным матрасом стала моя куртка, на которой два сидящих и усталых человека попытались поспать. Утром, хотя и не знаю, есть ли здесь утро, я проснулся. Катя крепко спала, доверчиво положив мне голову на плечо. Воздух стал заметно холоднее. Да и, самое главное, в окружающих нас коридорах начали падать большие, но настоящие и необычайно холодные снежинки.

— Ну что, хватит вылеживаться. Идем дальше.

Опять она командует. Мы встаем и идем. Коридор стал заметно сложнее по конфигурации, появились дополнительные ответвления: одни их них были тупиковыми, а некоторые заканчивались быстрым сужением. Вымотанные и голодные мы пытались соваться во все дыры. Теперь помыслы сузились. От благородной цели мы ушли только к одному — выйти куда-нибудь.

А потом Катя провалилась. Я не знаю, что там было — вода или какой-то волшебный раствор,

но, в любом случае она кричала, что тонет. Я плашмя упал на пол и помог ей выбраться на частично каменный и немного земляной пол. Выбравшись из воды с моей помощью, она в невообразимой позе отползала от края и внезапно рассмеялась.

— К тебе пришел ужас или кто-то пощекотал за пятки? — решил я поддержать ее настроение.

— Нет, я неплохо плаваю, да и здесь не так глубоко, но там мне стало действительно страшно. Так что это нервное проявление после испуга.

Она стояла теперь во весь рост, и капли срывались с распустившихся волос, с рукавов и низа вылезшей из джинсов блузки. А мне стало действительно страшно за нее — становится холоднее, а она вся мокрая. Обнаружилась и настоящая жертва: куда-то исчез платок, до этого исправно висевший на ее шее.

Пришлось делиться тем, что было. Естественно, что главный атрибут мужчины — брюки — остались со мною. Пока Катя из остатков своей и моей одежды пыталась сконструировать новый наряд, я стоял к ней спиной и рисовал в голове картину происходящего.

Без всякой занавески или ширмы за моей спиной переодевалась интересная женщина. В

любом случае, у меня не хватило наглости и смелости повернуться назад. До тех пор пока меня не окликнули. Ну что же — моя рубашка вполне удачно заменила мини-юбку. Куртка немного уступала ей в длине. А в своей руке Катя держала небольшой ворох мокрой одежды. Только вот вопрос: где мы сможем его высушить? Кругом сырость. Честно говоря, теперь я был готов не только идти, но даже бежать — оставшаяся в составе моего обмундирования майка грела плохо.

— Не подглядывал? — с подозрением посмотрела на меня Катя.

— Конечно, нет.

Катя немедленно улыбнулась.

— А зря, многое потерял.

— Учту для следующего раза.

— Только попробуй.

А вы попробуйте понять хоть одну женщину. Но только все и разом — ее мысли, а также эмоции, желания и даже любимые цвета. Не можете?

***

Прояснение

Теперь мне становится ясно — экскурсовод и главный специалист по здешним местам страдает потерей памяти, а сопровождаемый им

экскурсант все больше превращается в замерзающего идиота в майке. Кроме всего прочего, нам страшно хочется есть. Я даже заявляю Кате, что при отсутствии существ, имеющих плоть, под землей назревает первый случай откровенного людоедства. По скорченной ею гримасе сразу понимаю, что не вызываю у нее аппетита.

— Катя, ты скажи — куда мы идем?

— Не знаю. Мне уже ничего не страшно. Но хочу домой.

— Ну, так пошли.

— Куда?

Катя смотрела на мой внешний вид — в брюках и майке и с серьезным видом комментировала:

— А представляешь, если бы ты шел в трусах и майке? Я сомневаюсь, что в этом мире видели такую форму. Вполне возможно, что ты вызвал бы интерес.

Скорее всего, скрип моих зубов приглушала капающая со всех сторон вода.

Как человек, изучавший в очень давние времена топографию, я решил сократить путь и пошел по кратчайшему расстоянию к тому месту, в котором, по моим представлениям, как раз и находился пройденный нами вход. Сказки надоели. Кто ещё здесь гуляет кроме быков? А Катя

наоборот старалась медлить. Наконец она решительно сняла с себя куртку и начала расстегивать пуговицы рубашки.

— Ты чего? — по мере того, как на рубашке расширялось свободное от ткани пространство, я все больше метался в сомнениях.

Ее глаза становятся странными и непонятными. Я чувствую, что сейчас появилась очевидная проблема — я начал сомневаться в отношении человеческой сущности моей спутницы. Она посеяла настоящую смуту в моем сердце. Не знаю. То ли я должен был отвернуться, то ли возмутиться поведением моей раздевающейся спутницы. А может, нужно было отговорить ее от опрометчивости? В силу вступил компромиссный вариант — когда в мою сторону полетела рубашка, я стоял полубоком. Катино тело переливалось в сумрачном свете подземелья, а моя голова сжималась под действием двух противоречивых сил — приличие тормозило, а любопытство, да и не только оно, настойчиво требовало развернуться вправо.

— Не думай ни о чем, а быстро одевайся.

Я не успел ответить, как ясно послышалось «мяу». Любопытство взяло вверх — я повернулся и замер — на месте Кати стояла огромная, практически черная кошка с аристократической

белой манишкой на груди и белыми тапочками на лапах.

***

Кто здесь правит

Кошка вызвала у меня, нет, только не страх, это был какой-то первородный ужас. Конечно, не пума, но большущая. И я начал беспомощно крутить головой в поисках Кати. А это животное на мягких лапах подходило все ближе и ближе ко мне. А разве бывают у кошек твердые лапы? И какая чушь лезет мне в голову. А что-то гибкое, упругое и одновременно мягко-ласковое начало обтекать мою штанину, надавливая на мою ногу и издавая уркающий звук. И я решился. Наклонился и, просунув руки под передние лапы, поднял кошку перед собою. И не встретил ни малейшей попытки сопротивления. Она тяжело висела на моих руках, а на меня смотрели круглые красные глаза. А что они выражали, я так и не понял.

Я поставил кошку на пол и осторожно погладил по голове. Под рукой прошло мягкое и теплое туловище, и чуть-чуть шелохнулся пушистый хвост. Увидеть могут только те, кто видит. А зачем видеть? Это второй вопрос. И стоит ли думать в нынешней ситуации?

Кошка выскочила в проход, нетерпеливо мяукнула и я… Пошел за ней. А разве у меня был выбор. Пока мы шли, больше всего я боялся встретиться с быком. Но, к счастью, он не попадался на нашем пути.

Когда мы вышли на настоящий перекресток, кошка остановилась. Мне сразу и дико захотелось домой. А кошка, ну не поворачивается пока язык называть ее Катей, крутилась на месте. А события только разворачивались. Вначале в темноте появились огромные глаза, и прямо перед нами появился постамент, на котором стояла верхняя часть человека — от пояса. Пусть стоит на постаменте, пусть он молчит, главное, глаза те самые, которые спасли нас от быка. Затрудняюсь сказать, хотело ли это существо разговаривать с нами. Но зато мы едва не прыгали от возбуждения. Хотя уверенно могу сказать это только в отношении себя. За кошек я ручаться не могу.

— Кто вы? — не пойму, кто из нас задал этот вопрос.

Существо, которое по чертам лица и внешнему виду можно было, хотя и условно, назвать мужчиной, немного покрутило головой и обратилось скрипучим голосом:

— Я всегда здесь жил, а вот вы как сюда попали?

Весь мир строится как единый организм. Любой мир привыкает к единым правилам и устоям. Замените черное на белое, а крепкое на мягкое. И не заметите, как мир начнет разваливаться. Разрушение единой сформированной картины привело к ужасным последствиям. Люди начали забывать легенды, забывать историю, но кто-то должен был заполнить образующийся вакуум. Примитивные мечты заполнили пространство и выдавили все, что было раньше. Пропадут легенды, и город может исчезнуть — не весь, а только та его часть, которая как живое существо питается энергией прошлых поколений. Вот так, мадам.

Наверное, глупо обращаться к кошке «мадам», но выглядит это вполне благородно.

Я сразу обратил внимание, что моя кошка отлично все понимает. Немедленно отнеся ее к разряду мыслящих, я опять произвел ее в Катю. Катя-кошка, напружинив свой хвост, попыталась что-то сказать. Вначале получилось только «мяу» и «мурр». А я попробовал сыграть на человеческих чувствах.

— Мужчина, вы можете нам помочь?

Меня проигнорировали. Зато нелепый вопрос кошки вызвал несомненный интерес.

— А как вы передвигаетесь? — нашлась Катя-кошка.

— В основном, прыжками.

Ну, куда она лезет. Сейчас разозлит. Но полумужчина разговорился.

— Когда как, мадам. Иногда и прохожих ловишь, а иногда создаешь переносящую силу.

— А с женщинами у вас как? — продолжала вкапываться Катя.

— Отлично, — уверенно заявил полумужчина, — они ко мне даже не подходят.

И безапелляционно и сухо добавил:

— И я не мужчина. Я просто живу здесь. Мне безразличны трения и споры. Если я кого-нибудь полюблю — я исчезну. Выйти отсюда вы сможете только сами. А мне хорошо в любом случае.

Не солоно хлебавши, мы двинулись дальше. Хотя если сказать ближе, то это тоже правильно. А потом мы столкнулись с ней — по земле ползла и стонала девушка в крови. Причем жидкость буквально хлестала из страшных ран. По моим прикидкам девушка давно должна была стать полностью бескровной. Но этого не происходило — она продолжала стонать, но ползти вперед. К ней я и направился.

— Вам помочь?

— Чем вы сможете помочь? Я когда-то была легендой, но когда я узнала, что нас ждет, то я пришла в ужас и теперь постоянно умираю. Умираю и не могу умереть, потому, что я такая же легенда. Что может помочь? Когда-то среди нас жила одна чудесная легенда о брошенном в невские воды, не помню, то ли кольце, то ли чем-то другом. Она всегда повторяла, что этот предмет может спасти наш мир. Спасем наш мир — спасется и ваш.

— А что это и где найти эту легенду?

— Напрасно будете искать. Говорят, что её несколько недель назад съели, может легенды покрупнее, а может и кто другой. Вытрясти из них что-то — очень сложно.

— А как их найти?

— Все эти легендоеды любят щекотать себе нервы в отсеке, где водятся непонятные существа. Хотите вкусить их общество — идите по этому коридору.

***

В опасном отсеке

Коридор или проход оказался очень длинным. Я даже не знаю, сколько километров мы прошли. Наконец из конца коридора мы почувствовали

явный запах жареного мяса, может быть даже шашлыков. Мы переглянулись. Точнее эта фраза относится только ко мне. Катя просто повернулась ко мне и призывно мяукнула. А не то ли это место, где людей ловят и потом жарят? Мы непроизвольно замедляемся на подходе к страшному месту.

Не может быть! Это же настоящий кабак. Никаких легенд здесь и быть не может. В полном нашем представлении. Жалко Гоголя нет. Только его перо могло описать картину, развернувшуюся прямо перед нами. Несколько коридоров сходились вместе и превращались в почти круглый зал, посредине которого стояла колонна, утыканная то ли отдельными огоньками, то ли свечками. Вокруг нее стояли стойки и даже стулья. А вот за ними сидели существа, вряд ли созданные воображением людей.

Боюсь, один их вид заставил меня резко затормозить, поднять и гораздо сильнее, чем необходимо, прижать Катю к себе. Видимо ей стало больно, потому, что она негромко зарычала и начала вырываться из моих клешней. Ее возмущенное мяуканье заставило затихнуть гул, стоящий над столами, и десятки морд разного калибра, оскала и даже цвета развернулись в

нашу сторону. Мне сразу представилось, как эта клыкасто-глазастая свора бросается в нашу сторону. Но на нас просто смотрели сверкающие глаза. Потом выделилась фигура, которую я сразу назвал кабаном. Хотя, пожалуй, от кабана в нем было только длинное вытянутое рыло, заросшее неприятной черно-седоватой щетиной.

— Ну, — оказалось, что рыло обладает познаниями в человеческом языке. Я уже хотел надерзить, типа не нукай, не запряг. Но меня опередила Катя. На чистом русском языке она произнесла:

— Помогите, я вас очень прошу. Муррр.

Вряд ли это было улыбкой, но мне показалось, что этот зверь осклабился.

— Помочь даме — наш долг.

Я отчаянно зашептал на ушко лежащей на моих руках Кате:

— Продолжай, тебя почему-то слушают.

Катя, по-моему, даже приосанилась.

— Мы хотели бы помочь этому миру. Но не знаем как?

— А я знаю, — из задних рядов раздался неприятно-визгливый голос, вместе с которым в передних рядах появился крокодил со сплющенной и изогнутой мордой, — вот он, наверное, очень вкусный, а свеженькое здесь — редкость.

Он показал на меня каким-то отростком на теле. По начинающимся крикам стало понятно, что примерно треть этих, то ли животных, то ли существ желает нас съесть, причем меня в первую очередь. Еще одна треть голосовала за мораторий такого вида казни. Ну а остальные, по-видимому, пока сомневались.

Кабанья голова предложил спокойно обдумывать ситуацию. Он опять повернулся к Кате и, с явной надеждой, спросил:

— А может быть, того, мы, и вправду, его съедим, а тебе поможем? Как ты на это смотришь, — почему-то он всегда обращался только к Кате.

Теперь слово было за ней. Интересно, как она отнесется к тому, что меня растерзают прямо на ее глазах. Катя потянулась, вот уж не ожидал, что она может это делать так привлекательно.

— Вы хотите, чтобы я надежно помогла этому миру или так себе?

— А что с ним может произойти? — раздались любопытные голоса.

— Все, что угодно. Но, скорее всего, весь этот мир смоет, и вместо него останется пустота. То есть вас никого не будет.

— Ну и что, — вмешался кабанья голова, — мы же представления людей о их соседях, началь-

стве, а иногда даже о теще. Значит, мы снова появимся.

— Да, — парировала Катя, — но это будут другие представления, другие существа. И теща будет к этому времени чужая. И они ничего не будут помнить о вас. Даже вкус мяса забудется.

Начался общий шум, едва не перешедший в настоящую драку. И, наконец, вперед вышел верблюд с бараньими рогами.

— А давайте попробуем. Отведем их на переправу разлуки и поиска. Пусть плывут. А съесть мы их успеем и на обратном пути.

По одобрительному шуму мы оценили уровень верблюжьего авторитета. Уже через несколько минут два неимоверно толстых кота, слегка подталкивая меня по ногам лбами, стали нашими спутниками до самой пристани.

***

Найти что-нибудь

— Хватить меня тискать, — раздался голос у меня в руках. — Это только домашние сладкоежки не могут без хозяйских рук. И держать кошку нужно совсем не так.

Опущенная на доски причала Катя крутила головой и почти синхронно с ней — хвостом. Найти

неизвестно что и непонятно зачем. В этаких-то просторах. Перед нами расстилалось настоящее море. Мне даже представилось, что нас вывели прямо на берег Финского залива. Только вот береговая линия другая. Да и погода непонятная. И чаек нет. И вообще, все очень и очень странно.

Коты привели нас на небольшой деревянный причал, у которого замерло на приколе несколько парусных лодок. Катя сразу толкнула меня лбом.

— А ты парусом умеешь управляться?

— А чего тут страшного, ветер поймал и вперед, — я, по-моему, в этот миг сам был твердо уверен в своих словах.

— Ну-ну, — Катя сразу выразила сомнение моему заявлению.

Коты уселись на берегу и внимательно присматривали, чтобы мы не повернули обратно. А такое желание, нет-нет, да и появлялось. Обнаружив в одной из лодок что-то вроде тужурок и малахаев, мы решили выбрать именно ее. По внешнему виду она ничем не отличалась от других, но ее заботливость нам очень понравилась. Вполне возможно, что лодка тоже существо.

Как только мы начали отходить от причала, толстые коты побежали прочь, переваливаясь как будто диванные тюфяки, перекидываемые

хозяином с места на место. А я сел на весла и начал грести, уверенно разворачивая лодку в открытое море. Когда сзади меня послышался непонятный шум-шорох, я обернулся — Катя, только теперь уже человек, выискивала в куче хлама подходящую одежду.

— Тебе интересно? За курсом следи, — раздался ее возмущенный голос. — И не нужно задавать мне глупых вопросов. Могу. Умею. И не становлюсь от этого не лучше и не хуже. Главное, что ты у меня не замерз.

Не поверите, но мне было совершенно безразлично, что она только что была кошкой. Катя — мой единственный друг в этом странном и непонятном мире. Только она может и погубить, и спасти меня. И, кроме того, я же слышал, что она говорит. Вдумайтесь «ты у меня». Значит, она считает меня своим. И будь она хоть трижды оборотнем, Катя в любом случае остается и женщиной. А ещё мне нравится, как из кучи хлама она соорудила себе вполне приличный прикид. Конечно, на концерт или торжественный вечер в нем идти проблематично, а вот завалиться в какой-нибудь городской клуб — вполне возможно. И даже меховой воротник ворсистой куртки вполне можно выдать за мех, скажем куницы

или какого-нибудь никогда не существовавшего прионежского барса. А вдруг такой и существовал, только в незапамятные времена? И ее юбка — соединенное спереди полотно ткани — почти модное одеяние с разрезом. Да ведь и другого-то нет. И не нужно обсуждать. Самое чудесное чаще всего не то, что вы видите, а то, что скрывается под ним. Может это сказать Кате?

А ей совсем не до меня. Скоро Катя предложила развернуть парус:

— Так и быстрее и легче.

Не знаю, почему на этой лодке оказался настолько непослушный парус. Он трепыхался, не подтягивался и не разворачивался. А наша лодка двигалась даже не зигзагами, а просто неимоверными прыжками, как необъезженный скакун.

Катя мужественно и вполне добровольно уселась за руль и мы, дружными усилиями, причем неоднократно, едва не опрокинули лодку. А Катя кричала сквозь порывы ветра:

— Ну что же ты?

А я скромно отвечал:

— У нее старая конструкция, сейчас такие не делают.

— Ну чему тебя в школе учили? Наплодили инженеров, а отдуваться нам — работникам сферы

искусства. Балбесы, а не специалисты.

Интересно, к какой сфере относились ее балбесы? Я отвернулся и продолжал с остервенением развязывать какой-то странный узел, когда услышал голос совсем рядом:

— Ты что обиделся?

— Еще чего. Буду я на всяких кошек обижаться.

Голос, сравнивающий меня с сундуком с усохшими мозгами и гуманоидным гиппопотамом, уже слышался где-то на носу лодки. Мне пришлось остаться одному со своими сомнениями, страхами и желанием спрятаться. Только где? Я до сих пор с ужасом вспоминаю всю непонятную композицию из веревок, паруса, палок и мачты. И все же, раскачиваясь из стороны в сторону, лодка куда-то плыла. Причем, она ещё и набирала при этом скорость. Примерно через час, когда мои руки от постоянного напряжения начали дрожать как у настоящего алкоголика, впереди показался маленький остров, заросший кустарником. Но нужно ли делать высадку здесь?

Обстоятельства решили вопрос за нас. При подходе к острову без особого удара лодка стала скрести дно — мы вышли на прибрежную мель. Окончательно наше плавсредство застряло метрах в двадцати от береговой полосы. Оставаться

в раскачивающейся лодке требовала логика, но мы все равно решили рискнуть и спрыгнули в бегущие к берегу невысокие волны.

Пришлось идти по колено в холодной воде и опять без особой надежды согреться. Когда подходили к берегу, налетел сильный порыв ветра. Я оглянулся, наша лодка благополучно снялась с мели и побежала под своим вертлявым парусом куда-то вдоль острова. Догнать ее уже не было возможности. Если бы не вода, я тут бы и сел. Еще через несколько минут мы вышли на покрытый песком, кустарником и даже местами травой остров. Вдалеке дополнительно торчали три одинокие сосны. Ветер заметно усилился, и Катина юбка начала раздуваться небольшим колоколом. Я попробовал пошутить:

— А зачем ты корабельный колокол утащила?

Не шутите над женщиной, когда она начинает входить в отчаянье, лучше посочувствуйте. Я получил почти по заслугам:

— Мужчине, который профукал лодку, лучше было бы помолчать. У меня же был шанс скормить твою бестолковую голову этим существам.

Транслировать остальные фразы нет смысла — просто мы поругались. Все-таки, кошка из нее получалась гораздо лучше и добрее. Сдуру я

ей об этом и сказал. Даже сквозь порывы ветра, наполненные водяной взвесью, в меня полетели искры и целые стрелы ненависти и пламени. Не будь вокруг столько воды — наверное, я бы серьезно обгорел.

Не могу сказать, сколько это продолжалось. Кажется, что хочется заверить все живое в округе, что я виноват, сделал ошибку и больше не буду. И совершенно позабылось, что перед тобою не просто женщина, а практически мифологическое существо. И даже страшно произносить это слово — оборотень. Не могу вспомнить, поджимал ли я ушки в этот момент. Но мне от всей души хотелось, чтобы она меня простила. Вот так просто, не разбирая — виноват ли я, или нет. А когда раздался ее громкий смех, я откровенно растерялся. Нет, вы можете прожить на этом свете тысячи лет, но вряд ли простому человеку хватит времени понять женщину. И не надо ссылаться на великих ловеласов и прохвостов из прошлого — никто так и не подтвердил стопроцентную правдивость их историй. И где, наконец, справка, а были ли они людьми. А может это тоже какие-то демоны, оборотни или, наконец, переодетые женщины. Да-да, как раз-то они великолепно знают все о женщинах.

А из знакомой мне классики могу сказать следующее. Смех означает одно из двух — либо я прощен, либо Катя осознала, что воевать с самым верным союзником и глупо, и невозможно. Итак, нас ожидала слава Робинзонов, осталось выяснить: кто Робинзон, а кто Пятница. Или нужно создать новую легенду и историю — про Робинзона и кошку.

Но скоро оказалось, что остров обитаем. Мы были здесь не одни — метрах в ста от береговой полосы разбрасывал по ветру искры то ли костер, то ли другой источник тепла. В любом случае — появилась возможность согреться. Не успев разглядеть сам костер, я сразу увидел одинокую фигуру, широкая спина которой позволяла предполагать в ней мужчину. Но истина оказалась очень далеко: по-китайски скрестив ноги, в огромном черном плаще перед нами сидел монстр с пухлыми губами и щеками, свисающие края которых лежали на его плечах. Он медленно поднял глаза на нас.

— И кто вас звал, спасатели?

Встретить такое мы не ожидали. А существо продолжало нас пилить, другого термина я не нахожу:

— Пропала одна лодка, а это невосполнимо.

Вы пытаетесь найти то, что не видели даже мы последние сотни лет, и я не представляю, где оно может находиться.

Катя решила добиться информации хитростью.

— А как нам обращаться к вам?

— Зовите меня хозяином береговой полосы. Этого достаточно. Кого вы хотите найти?

— Нам нужны легенды-пожиратели других легенд. Они съели одну из легенд, которая знает правду.

— Она не знает правду, она легенда. Но легенды не любят бегать по морю. Ищите их на берегу. И почему ее вдруг сожрали?

— Но как нам туда попасть?

Монстр подумал и по его хлопку открылся огромный люк в подземелье. Он рассмеялся:

— Утопили лодку, теперь пойдете пешком.

По здравому рассуждению, спорить с ним было бесполезно. Мы, не успев согреться, двинулись к подземному ходу. Едва мы вошли в него, как люк сверху захлопнулся. А вообще-то, мы здорово струсили, ход вполне мог привести к несъевшим нас существам. Ведь они могли и опомниться. И, конечно, мы были счастливы, когда ход вывел нас… прямо на стрелку Васильевского острова.

Вы думаете, в последние годы кто-то в Питере хоть немного удивляется, когда два человека, мужчина и женщина, бегают в историческом месте города в весьма странной одежде, прыгают, кричат и обнимаются от радости. Хотя нет, несколько человек все-таки остановились и внимательно наблюдали за нами. Ах, да это же иностранцы. Довольные мы шли по настоящему центру вечернего города, украшенному светом фонарей и разноцветной подсветкой. Мы даже не удосужились спросить у людей, какой шел день и сколько было времени.

Как хорошо, что в кармане моей куртки всегда есть деньги. Как будто почувствовав это, Катя смотрела на меня умильным взглядом. Я рассмеялся, схватил ее за руку и потащил к ларьку на колесах. Отмечу маленькую неприятность в наших взаимоотношениях. Как только мы подошли к торговой точке, Катя посмотрела на наши сцепленные руки явно недовольным взглядом. Будто не бегали мы вместе под землею и водой.

Видимо, она быстро осознала двойственность положения и решила снять напряжение. Но как только Катя громко рассмеялась, буквально через несколько секунд собачий лай прервал наше разглядывание съедобных вещей на витрине. Если

бы вы только видели, как бесновалась маленькая болонка. Сколько в ней было ненависти. Даже подбежавшей хозяйке было стыдно. Она быстро подхватила собачонку на руки и, извиняясь на ходу, потащила несносное животное к Биржевому мосту.

Катя вначале заметно расстроилась. Но как только я принял от продавца первую сосиску в булке, да ещё и обмазанную кетчупом, глаза моей спутницы приобрели красноватый оттенок. Она радостно вонзила свои зубы в это несомненно вредоносное для желудка сочетание ингредиентов. Да что там говорить — только остатки мужской чести и достоинства заставили меня уступить ей пальму первенства вместе с первой сосиской.

Но едва мы покинули стрелку, как в поведении Кати опять появилось беспокойство. И, наконец, она не выдержала:

— Ну, теперь ты мне веришь? Значит действительно, происходит что-то странное. Мы просто уйдем? А может, уже завтра мы не увидим то, к чему привыкли.

— Так ты, что — предлагаешь вернуться? Да? Но ты ведь…?

— Да, иначе будет беда. И не думай о моей

сущности. Такие как я не знают своей истории и своего предназначения. Но зато мы готовы отдать за что-то свою жизнь. Только объясните мне, за что?

— Но если мы не найдем эти легенды-пожиратели, может быть они вообще не существуют? А что тогда?

Через десять минут Катя круто разворачивается и опять идет на Петропавловку. И что предложите мне? Увы, но я иду, точнее, тащусь, следом за ней. Заходим с другой стороны, но опять к тому же месту. Как она его угадывает?

— Только не толкайся, — я прошу, а она благодарно улыбается мне в ответ.

За мое мужество и глупость. По-моему, часто это близкие понятия. Не будь женщин, вряд ли мужчина смог бы проявить свое мужество полностью. Ну, так что же? Я готов, прыжок в стену получается более подготовленным, если не считать повторного удара о плоский камень. Два раза и одни и те же грабли. Или, точнее, на одни и те же грабли. Хотя пример неудачный. Так, быка рядом нет, легенды отсутствуют. А мы с Катей идем по уже пройденному нами маршруту.

Опять тот же зал, почти эллипсоидной формы. Но теперь в нем никого нет. Хотя я заблуждаюсь

— там сидит женщина. Не могу сказать: молодая она или старая, красивая или нет, высокая или низкая. Просто она вся блестящая и разодетая в дорогие и видимо тяжелые одежды, с которых свисают многочисленные самоцветы. А голос, с которым она обратилась к нам, был холодный и как будто ей совсем не принадлежал, а витал где-то рядом:

— Вы все-таки вернулись? Не ожидала. Вы ищите то, что принадлежит мне даже через прошедшие сотни лет. Только имейте в виду, я даю вам выбор. Когда начнется катастрофа, вы можете остановить ее. Для этого достаточно бросить то, что я дам вам сейчас. Но спастись вы сможете только тогда, когда оставите вещь при себе. И третьего пути у вас нет. И еще. Поскольку вы искали эту вещь вдвоем, то и решение вы должны принимать вместе. А иначе оно работать не будет.

Блекнут самоцветы, одежда больше не блестит, а женщина начинает растворяться в сумрачном воздухе. А там, где она стояла, на полу что-то полыхает и, кажется, даже переливается. Катя первой подбегает и хватает с пола изумительной красоты ожерелье.

***

Катастрофа

Мы не ожидали, что все наступит так быстро. В коридоры и расщелины начинает поступать вода. Она бежит за нами, хватая за пятки. А прямо перед нами образуется и увеличивается на глазах огромный провал. В него сваливается все увеличивающийся поток воды. Его ширина неимоверна. Огромная воронка, открытая непонятной силой, начала уверенно проглатывать завихряющийся поток воды. Он как водопад с шумом уносился вниз, прихватывая по дороге камни, землю, легенды и весь этот мир.

Ага, сейчас все провалится, и в городе останутся только спальные районы. Люди будут ездить и не понимать, почему между ними образовалась гигантская яма. А это просто провал во времени. Катя, с ужасом, кричит:

— Там мама, брат.

А у меня, что, нет никого?

Она с мольбой смотрит на меня. А думать особо и некогда. Увы, но я опять пойду на поводу женщины. И мне не жалко, что это последние минуты моей жизни. Жалко только то, что никто не узнает о моем поступке.

— Бросаем, Катя?

И она кивает головой, а потом кидает. Ожерелье, брошенное чуть под углом к воронке, скрывается из наших глаз. И тут же волна накрывает нас с Катей. И мы уже не можем сопротивляться течению. Разлучая меня с Катей, огромная струя несет меня в бурлящую середину водопада.

Я думал, что задохнусь. Но потом просто вылетел над водой как пробка, шумно забирая воздух в свои легкие. По сумрачной Неве ко мне рванул маленький катерок МЧС. Когда меня вытащили на узкое пространство, которое даже палубой не назовешь, строгий мужчина в форме обратился ко мне с претензией:

— Ты что, совсем ополоумел в Неве купаться?

Напрасно я доказывал, что я не любитель купаться в невской холодной воде. Говорить про подземно-подводный мир было глупо и даже много раз глупо. Я часто не верил людям, которые говорили мне чистую правду. Сейчас мне — тоже не поверят. Для всех я был очередным наглым лжецом. На берегу меня передали в патрульно-постовую службу. Интересно, куда они меня привезут? В их машине я сразу уснул.

***

Заключение

— Мужчина, вам плохо? — молодая женщина трясет меня за плечо.

Нет, мне не плохо, а, когда я узнаю место, куда меня занесло, мне становится очень даже хорошо. Я лежал прямо на дорожке, бегущей вдоль Фонтанки. Голова неудобно упиралась в ограду. Зато вот он — знакомый с детства цирк. Почему меня привезли именно сюда?

— Девушка, теперь мне действительно хорошо. Стойте. Но ведь мы только что ходили с вами по подземелью. А как же легенды?

— Мужчина, вы очень сильно ударились головой.

И все. Она грациозно выпрямилась, повернулась ко мне спиной и ровной походкой пошла в сторону Летнего сада. Она уходила, а в моих ушах начал отдаваться звук каждого ее шага. А потом… Я беспомощно крутил головой, но наваждение не исчезало: вдоль Фонтанки шла уже не женщина, а туманный и все больше размывающийся силуэт. Исчезли ноги, и короткое время мне казалось, что она плывет или даже летит вдоль набережной. Прямо на глазах исчезал хорошо знакомые

мне контуры женской фигуры. Наконец, исчезла и ее голова. В ее последнем земном мгновении мне показалось, что она ещё раз оглянулась, чтобы кивнуть мне — может быть для обычной поддержки. А что же я? Кажется, что теперь мне не остается ничего, кроме как искать знакомую фигуру и ходить по знакомым улицам города. Я знаю, что она живет где-то в центре. А вдруг мне повезет?

Чуть позже я стоял перед пешеходным переходом, но когда загорелся зеленый сигнал светофора, нетерпеливый рывок за руку прервал мои размышления. Я поднял голову — Кастилия, вернее вернувшаяся Катя, держала меня за руку. И пешеходный переход мы проходили уже вместе. Знаете, что я вам скажу? Мы никогда не сможем догнать неведомое, пока не научимся мечтать. И пусть она, моя Катя, даже и необыкновенная женщина. Ну и что такого? Лично я считаю, что кошка — вполне домашнее существо.

Алена Кручко
А моя — с косичками!

— Она такая умилительная, правда? — Асснар следил мечтательным взором за человечкой, плетущей венок на лужайке неподалеку от пещеры. Венок получался пестреньким и лохматым. В нем были васильки и мелкие полевые ромашки, клевер белый и красный, колоски дикой ржи, мышиный горошек, густо-фиолетовый шалфей. Человечка тоже была пестренькая и лохматая — в яркой крестьянской юбке, вышитой блузе, алом лифе, светлые волосы небрежно закручены в узел, круглое лицо усыпано веснушками… По правде сказать, Диаррах ничего особенно умилительного в ней не находил. Человечка как человечка. Асснар вечно свое нахваливает, да так убедительно — своими глазами будешь видеть гнутую ржавую железку, но поверишь, что под слоем ржавчины — чистое золото.

Так Диаррах и сказал:

— Человечка как человечка. По их меркам — красивая, пожалуй. Но нам-то что с того?

— Пухленькая вся, мягонькая… наверное…

— То есть на зуб ты ее не пробовал.

— Да ты что несешь! — Асснар вскинулся и так дернул хвостом, что едва не сшиб старую яблоню, вот уж сотню лет растущую у входа в пещеру. — «На зуб»! Просто, как бы сказать… — золотые глаза вновь подернулись мечтательной туманной дымкой, — Пощупать хочется. Потрогать. Погладить. Да куда ж с моими когтями? Умел бы перекидываться, как в легендах, перекинулся бы тоже в человека, и… Эх…

Диаррах слушал брата и с трудом сдерживал нервно подергивающийся хвост. Не хотел показать, что завидует. И без того надоел тот своим хвастовством — хуже наглых гномов! Вечно-то у него и золото блестит да звенит, и дикие рыцари равномерно пропекаются в своих доспехах до хрустящей корочки, как ни в каком ресторане не пропекут, и даже вид из пещеры — хоть в рекламу снимай! Все королевство от гор до моря, как на картиночке, все дороги с обозами и военными отрядами, поля с крестьянами и луга со стадами — смотри да выбирай, куда лететь, где нынче кормежка вкусней будет.

Обидно! Был бы тот старшим — ещё ладно, так ведь нет. Из одной кладки вылупились, но почему-то у Диарраха вечно все не то и не так, как

у братца. Словно вся удача, богатства, все блага, предназначенные судьбой для двоих, достались одному Асснару.

А теперь вот — человечку завел! Питомца! Или правильней сказать — питомицу?

— Она-то меня гладит, — распинался Асснар, мечтательно щурясь и улыбаясь во все сто тридцать восемь сверкающих зубов. — Да как… эх! Проведет ладошкой от носа к глазам, и аж мурашки под чешуей расходятся, и щекотно, и приятно! И подбородок чешет, как раз под губой. О-о-о, ты не представляешь!

Тут зависть скрутила Диарраха вовсе уж несусветно: местечко под нижней губой, где нежная кожа переходит в такую же нежную, мелкую чешую, любило прикосновения, но только мягкие и деликатные. Сам себе не очень-то почешешь — не предназначены драконьи когти для всяческих деликатностей! Диаррах частенько терся подбородком о замшелый валун у входа в свою пещеру, но это было не то, совсем не то.

— И не гадит? — спросил он. Не из настоящего интереса, а так просто, лишь бы спустить Асснара на грешную землю от этой противной мечтательности, нежной и розовой, словно облака на рассвете. Но тот аж крыльями всплеснул:

— Да что ты! Она сама чистоплотность! В пещере — ни-ни. По «делам» в кустики бегает, что ни день — в источнике купается, да подолгу. Плещется, словно русалка. А уж как волосы распустит — и вовсе похожа.

Тут Диаррах снова задергался — горячий источник в пещере брата был предметом его зависти уже не первый десяток лет. От пузырящейся, отчетливо голубоватой воды красиво блестела чешуя и сверкали зубы, а когти приобретали небывалую прочность. И надо же, Асснар, значит, пускает мыться в нем свою человечку! Родного брата, понимаете ли, не пускает, а какую-то жалкую человечишку… только и умеющую, что чесать да гладить…

— А ещё она поет, — Асснар уложил голову на лапы и счастливо вздохнул, выдохнув целый фейерверк золотисто-багряных искр. — Протяжно так, переливчато. Заслушаешься, и ух как хорошо становится на душе… так, знаешь, мечтательно… Понимать бы еще, о чем. Может, о любви?

— «Мечтательно»! — в раздражении плюнув огнем, повторил Диаррах. — Все бы тебе мечтать! «О любви»! Знаешь, что матушка бы сейчас сказала? Самку тебе пора! Гнездо обустроить, на яйца огнем подышать. У тебя эти, как их? Инстинкты.

А ты, как это? Сублимируешь, вот! На человечку.

— Неправда! — обиделся братец. — Она мне нравится чисто эстетически. И в хозяйстве полезная. О самке и о яйцах заботиться придется. А эта — наоборот, обо мне заботится. Я-то ее только кормлю, ничего больше. И то, как кормлю? Притащу тушу, она себе сколько надо вырежет — крохи совсем. Да на моем же носу и прожарит. А остальное — мне.

— Теперь понятно, с чего ты отъелся до размеров слона, — не удержался от злобного выпада Диаррах. И тут же добил: — А забыл, что на это полнолуние у матушки юбилей? Что дарить-то станем? Человечку твою певучую?

И то сказать, матушка Диарраха и Асснара была дамой серьезной, с закаленной чешуей, крепкими когтями и острыми зубами, и всяких там витаний в облаках — в переносном смысле, а не в прямом — решительно не одобряла. И отчего-то считала, что подарок сыновья должны дарить один, общий. А огорчать ее… нет уж, спасибо! Хвост у Диарраха пока не чешется и воспитательных мер не просит!

— Ты понял! — непонятно чему обрадовался Асснар. Совершенно, кстати, не обидевшийся и вообще словно не заметивший неприятных

слов. Вот же счастливая способность! — Я гений, правда? Такого подарка ни у кого нет, не было и не будет! Мама почувствует себя особенной, ей понравится. Все женщины это любят, поверь мне, братишка!

— Ты о чем? — энтузиазм в голосе брата решительно пугал. Небось выдумал что-нибудь совсем уж… того-этого… несусветное, вот!

— Как о чем? Я думал, ты понял. О человечке! Мы подарим маме такую же! Я знаю, где поймать, там их много бегает.

Диаррах уже готов был заявить со всей откровенностью и во всех деталях, что именно он думает о «гениальной» идее братца, но… Ох уж это «но»! У Диарраха аж зубы клацнули, когда он сообразил, что именно вольно или невольно выдал ему удачливый братец. «Там их много». Это же значит, можно и себе одну прихватить? И у него тоже будет свой домашний питомец, певучая человечка, которая станет чесать ему под губой и гладить нежной ладошкой нос. «Хочу-у-у!!» — взвыла в самой глубине души то ли фамильная тяга к сокровищам и редкостям, то ли все та же банальная зависть. И Диаррах решительно кивнул:

— Отличная идея! Когда летим?

***

Принцесса Катарина плакала. Не как обычно — просто так, а по очень даже серьезному поводу! Как не плакать, если противный дракон унес лучшую няньку? Теперь и сказки на ночь не те, и колыбельные не такие, а уж о прическе и говорить нечего! Никто больше не умеет укладывать волосок к волоску так бережно и ласково, все тянут да дергают!

Принцесса рыдала взахлеб, капризно хныкала, трагично всхлипывала — короче говоря, показывала свою печаль, как только могла. Изо дня в день. Изо всех сил. Очень старалась. Вот только ни король с королевой, ни няньки с гувернантками, ни слуги стараний не оценили. Все, буквально все обитатели королевского дворца так и норовили держаться от Катарины подальше! Как будто им все равно, что она такая грустная-опечаленная, плохо спит и плохо ест, вместо красивой взрослой прически — простые детские косички, складки на платье уложены неровно… и вообще! Вот унесет и ее дракон — будут знать! Пожалеют, да поздно будет!

Словно в ответ на ее мысли, в ослепительно безоблачном небе над дворцовым парком пока-

зались аж два дракона. И выглядели они рядом так комично, что Катарина, не выдержав, захихикала — куда только грусть-печаль подевалась? Один толстый, белый… или все-таки не совсем белый? Может, кремовый? Как сливочный крем, точно! А закатное солнце окрашивает его розовым, будто не дракон, а пухлое и мягкое облако летит! Наверное, именно вот такой сложный, бледный и красивый цвет называется «ланитами испуганной нимфы»? Надо спросить у нянюшки… Тут Катарина вспомнила, что нянюшки-то и нет, и совсем было собралась снова заплакать, но присмотрелась ко второму дракону, и вновь потянуло смеяться. Потому что второй был черным и худым, угловатым, словно лесная коряга, и отчего-то напомнил самого нелюбимого учителя — словесности и изящных манер. Может, манерой двигаться, совсем даже не изящной, а, наоборот, стремительной и откровенно хищной?

Пока она рассматривала и сравнивала, оба дракона плавно снизились, описали широкий круг над королевским парком, словно изучая все его красоты, все дорожки и цветущие кусты, клумбы, гроты и фонтаны — а после ринулись вниз, и черный вдруг заслонил все небо, подхватил принцессу в когти и взмыл ввысь. Она и взвизг-

нуть не успела!

***

Думала ли Фрида, что ее жизнь так изменится? Кормилица маленькой принцессы Катарины, затем — ее любимая нянька, она уж и не чаяла когда-нибудь вырваться из дворца. Принцесса росла, уж скоро и заневестится, а все няньку подавай, сказки, колыбельные да кукол. Как будто назло всем не желала становиться взрослой.

Многие позавидовали бы Фриде — месту возле принцессы, хорошему жалованью, красивой одежде и вкусной еде; да только Фрида давно всем этим наелась по горло! Бесконечные капризы подопечной, нытье и слезы, и боже упаси надавать хоть разок по попе, чтоб неповадно было! Нет, все же во дворцах детей воспитывают как-то странно. Неправильно. Но мнения няньки никто не спрашивал, только приказывали да повелевали.

Вот уж точно, от такой-то жизни даже дракону обрадуешься!

Перепугалась, конечно, оказавшись в драконьих когтях. Да кто бы не перепугался?! Одно дело принцессе сказки сказывать, как уносит дракон девицу, оборачивается добрым молодцем,

и живут они долго и счастливо, а другое — вдруг самой в такую сказку попасть. Хоть и знают все, что дракон — зверь разумный и жрет только дураков-рыцарей, пришедших за драконьей шкурой да сокровищами, а все же… Мало ли как на деле окажется?

Оказалось — хоть и без добрых молодцев, а все-таки даже лучше, чем в сказке. Вот право слово, в гостях у задумчивого сливочно-белого дракона Фрида сама себя принцессой ощутила. Ни тебе приказов, ни капризов, сплошные развлечения! Хочешь — гуляй, хочешь — венки плети, а хочешь — облаками любуйся. Или видом на королевство — оно от драконьей пещеры все как на ладони, куда там королевской обзорной башне! А мытье?! Самой королеве так мыться не доводилось, уж это наверняка. Нежишься в приятной горячей водичке, а тебя тем временем пузырьками щекочет, а после-то, после — аж светишься вся! Кожа нежная, волосы лунным светом блестят. А дракон на тебя глядит, как рыцари на своих прекрасных дам не смотрят! Любуется, аж в краску вгоняет.

Бояться своего дракона Фрида перестала к первому же вечеру в его пещере. После того, как тот притащил в когтях горную козу и широким жестом бросил к ее ногам — вот, мол, добыча,

распоряжайся! Фрида и распорядилась. Вырезала себе самые нежные куски мяса, да на драконьем же носу и пожарила — а где еще? Тем более что нос у него — словно печка, как раз нужный жар дает. А дракон лежал смирно, ждал. Фрида на радостях аж подбородок ему почесала, словно кошке. А он, вот право слово, чуть ли не замурлыкал, так ему понравилось!

И спать у него под боком оказалось тепло и уютно. А остатки козы он сам и съел, чем окончательно Фриду успокоил — для чего бы она дракону ни понадобилась, но уж точно не для пропитания!

А для чего? Шли дни, и Фрида все больше уверялась — да ни для чего, просто так. Чтобы не скучать в одиночестве. Дракон любил слушать, как она поет, подставлял нос под мясо и подбородок под почесывания и, казалось, получал удовольствие лишь от того, что она рядом. И от этого делалось тепло на сердце.

И как он, бедолага, жил прежде один?

***

Диаррах, конечно же, понимал, что человечки, как и драконы, бывают разные. Но чтоб настолько?! Вот почему так — опять Асснару все лучшее,

а ему не пойми что?!

Его человечка оказалась мельче, чем увиделась с высоты. Будто личинка, напялившая взрослую шкурку, она совсем терялась в своем пышном, многослойном платье. Только худенькие ручки торчали из рукавов-фонариков, да падали на хрупкие плечи две смешные, тоненькие, рыжие, как закатное солнце, косички.

Почему смешные? Диаррах и сам не знал, но отчего-то именно эти косички казались ему до отвращения умилительными.

Да, умилительными. Да, до отвращения — к самому себе. Похоже, он подхватил у Асснара какую-то неведомую болезнь, заставлявшую следить краем глаза за маленькой человечкой и, да, да, да, умиляться! Хотя эта сопля с косичками не пела, не плела венки и не чесала Диарраху под губой! Тьфу!

Зато она собирала букетики и расставляла их в золотых кубках — этого добра в пещере было навалом. В прямом смысле, не только в переносном. И обижалась, если Диаррах случайно их опрокидывал. А попробуй не опрокинь, если ты нормального драконьего размера, и тот кубок для тебя, как для человечки — комар. Не заметишь, пока не прихлопнешь. А она плакала! Причем

плакала на редкость противно. С хныканьем, подвываниями и подглядыванием сквозь прижатые к глазам пальцы — пробирает ли? Если бы они понимали речь друг друга — наверняка закатывала бы скандалы.

Смеяться человечка тоже умела. Но почему-то чаще только хихикала, поглядывая на Диарраха искоса, словно тайком, а когда видела, что тот замечает ее взгляд, тут же ойкала и отворачивалась. А смех у нее был красивый, звонкий и тонкий, чистый, высокий, как сказочные колокольцы фей. Диаррах хотел, чтобы его человечка чаще смеялась, и не хотел ее смущать, поэтому быстро привык делать вид, что смотрит куда угодно, только не на нее. А то и вовсе спит. Наблюдать из-под прикрытых век было интересно и… да, пропади все пропадом, снова умилительно!

Немного понаблюдав и подумав, Диаррах сделал вполне научный вывод: человечки бывают певучие и плакучие. Вот такие у них категорически разные способы самовыражения. Асснару досталась певучая, а ему… Эх! Не везет так не везет. Ну хоть мама подарком довольна. Ей-то Асснар выбирал! Подхватил какую-то — Диаррах не вникал в тонкости его выбора. Своим был занят.

Вот и выбрал… проблему себе на хвост!

Пришлось, конечно, разузнать, что нужно человечке для жизни. Посоветоваться с братом и даже с матушкой. Слетать в деревню за всякими-разными мелочами, которых не нашлось в залежах сундуков среди сокровищ. Непросто это, оказывается — питомца завести! Но оно того стоило. Наблюдать искоса, как человечка расплетает свои косички, долго-долго водит по волосам расческой, ойкая и хмурясь, а потом заплетает снова — в первые дни отчего-то вкривь и вкось, а потом все ровнее, — было почти так же приятно, как слушать ее смех. Теперь Диаррах понимал восторги братца!

Одна беда, мясо жарить или хотя бы вырезать из туши подходящие для еды куски сопля не умела. И ладно бы просто не умела, но, когда Диаррах сгрузил у ее ног изловленную горную козу, она ойкнула, потыкала тушу пальчиком и вдруг разревелась — не напоказ, как обычно, а горько и от души. Можно было, конечно, попросить помощи у братца и его певуньи, но ведь это ж придется признаться, что плохо выбрал! Нет уж.

А отказаться, отнести обратно, откуда взял — от одной только мысли зло берет. Драконы своего не отдают!

Слетать, что ли, в деревню? Украсть какую-ни-

будь добрую женщину, пусть научит плаксу, чему надо? А если та не захочет учиться? Да и с женщиной может снова не повезти. Трактир ограбить? Тоже не годится. Диаррах вовсе не хотел травить свою человечку трактирной гадостью, невесть из чего и в какой грязи приготовленной. Он, правда, выследил подходящий торговый караван — вереница верблюдов была нагружена сушеным инжиром и вялеными финиками, лукумом и халвой, было и что-то еще, несъедобное, а птому оставшееся в распоряжении иноземных купцов. Но ведь одними сластями питаться вредно, хотя человечке очень даже нравилось!

В конце концов Диаррах решился на авантюру. Слетал все в тот же парк с дворцом, под покровом ночи вынюхал кухню и утащил первого, кто выскочил из кухонных дверей во двор и при этом пах не огнем и дровами, а едой. Авось этот разберется, как накормить ту, с косичками.

Возвращался довольный: зато теперь у него не одна человечка, как у братца, а двое!

***

В королевском дворце царили сумбур и паника, и вовсе не похищение принцессы было тому виной. Дело в том, что одной принцессы (няньку,

сама собой, никому и в голову не пришло посчитать, а пропажу поваренка и вовсе не заметили!) драконам оказалось мало, и те унесли королеву. Ну что сказать, логично — их же прилетело двое, по одной на каждого. Но отчего королеву? Не какую-нибудь бесполезную и бестолковую фрейлину?

А королю теперь думай, как быть. То ли сразу новую супругу искать, объявлять смотрины, сравнивать да прикидывать, с кем из соседей выгодней породниться. То ли дать себе немного воли да пожить счастливым холостяком хотя бы с полгодика? Драконы-то, известное дело, своего не отдают, так что о старой жене, до полусмерти, честно сказать, надоевшей, можно уж точно не вспоминать. Была и нету. Гостит у драконов, счастья ей и долгой жизни.

А пока король размышлял да прикидывал, вокруг творились интриги, заговоры и прочая суета — каждому ведь хотелось оказаться причастным к выбору новой королевы! Бедному королю в собственном дворце никакого покоя — все вокруг только и знают, что портреты девиц показывают, об их достоинствах и недостатках в оба уха нашептывают, убеждают. Соблазняют — хоть самому из дворца беги! К драконам.

***

Ее величество Аннабель тоже совсем не горела желанием возвращаться к опостылевшему мужу-деспоту, к назойливым шпионкам-фрейлинам, слугам-соглядатаям, капризным дочерям и прочему «супружескому счастью». Конечно, драконья пещера — не дворец, однако ж не лишена своеобразного грубоватого уюта, к тому же все необходимое для жизни здесь имеется. Есть и теплый источник, в котором можно вымыться, и куча драгоценной посуды, мехов и шелков — найдется и с чего поесть, и на чем поспать. Еда, правда, не блещет разнообразием и дворцовыми изысками, да и готовить самой приходится, но плоха та знатная дама, что не сумеет позаботиться о себе в трудные дни. Это нынешние девицы разнежились и разбаловались, одни капризы на уме, но Аннабель воспитывали в старых традициях.

И дракон ведет себя вполне прилично.

Обустроив себе уютный уголок и сервировав ужин (среди завалов золота и сундуков даже вино нашлось!), Аннабель загрустила. Думалось всякое: почему, например, она совсем не огорчена внезапным поворотом в судьбе, почему сменить

королевский дворец на драконью пещеру вовсе не кажется ей катастрофой? И почему понадобилось быть похищенной, чтобы почувствовать себя по-настоящему живой? Человеком, женщиной, а не заводной куклой, которая только и должна, что во всем соглашаться с мужем и красиво танцевать? Даже в глазах дракона больше интереса, чем у законного супруга. Тот, наверное, и искать ее не станет.

— Жаль, что старые сказки врут, — вздохнула Аннабель. Протянула руку и погладила дракона по шипастой огромной башке цвета старого золота. Чешуя оказалась горячей, но не обжигала, а приятно грела, совсем как жарко натопленная печка в зимнюю стужу. — Ты такой красивый. Величественный, куда там моему супругу. Умел бы обращаться человеком…

И тут, словно ее слова послужили волшебным заклинанием, дракон окутался жарким воздухом, подернулся маревом, и через мгновение на месте зверя оказалась женщина. Высокая и статная, с гордо поднятой головой на стройной шее, с гладко струящимися волосами цвета старого золота и огненным драконьим взглядом. Аннабель так и замерла с приподнятой рукой, изумленно приоткрыв рот, словно кумушка на ярмарке, а не

королева. А дракон… драконица?! Усмехнулась и заявила снисходительно:

— Если вы, дорогая, втайне мечтали о сильных мужских руках, я вас разочарую. Среди драконов, видите ли, тоже встречаются дамы.

«В самом деле, — растерянно подумала Аннабель, — ведь не похищенные девы рожают им приплод». Но ни растерянность, ни, прямо сказать, не вполне приличная картинка, порожденная этой мыслью, не помешали встать, церемонно поклониться и ответить:

— Счастлива узреть вас в человеческой ипостаси, сударыня. Я Аннабель, супруга короля этой страны. Возможно, уже бывшая. Будет ли мне позволено узнать ваше имя?

Все-таки не стоит забывать, кто у кого в гостях (если не сказать «в плену»), а приличные манеры на то и приличные, что уместны даже в драконьем логове.

— Корраг, — драконица на мгновение склонила голову и вдруг усмехнулась. — Супруга вождя драконов Лазоревых Гор. Тоже, можно сказать, почти что бывшая. Какое изумительное совпадение, не правда ли?

— В самом деле, — вежливо согласилась королева. И, не сдержав естественного любопытства,

поинтересовалась: — Но как такое возможно? Я думала, драконы…

— Неразумные твари? — Корраг нехорошо, зубасто усмехнулась.

— О, что вы, сударыня! Очень даже разумные, это всем известно. Однако ваше превращение… я, признаться, всю жизнь считала, что людская ипостась дракона — такая же сказка, как превращение в дракона жадного человека.

— Такая же, — согласилась драконица. И уточнила: — Такая же не сказка. Секрет в том, что очень уж редко случается и одно, и другое. Многое должно совпасть, а сказочники и менестрели, как всегда, все напутали и переврали.

— Так поведайте же, сударыня Корраг, в чем секрет? Если мне, конечно, дозволено его узнать…

Задумавшись на мгновение, драконица выудила из груды золота кубок для себя и разлила вино на двоих.

— Это очень старая история. И грустная, пожалуй. Когда-то люди и драконы были одним народом, и никто уже не помнит, какова была изначальная ипостась. И была ли? Древние не считали один из обликов лучше другого, каждый из них хорош в своей ситуации. А потом… — Корраг пожала плечами и пригубила вино. — Никто

уже не помнит, кому перешли дорогу наши предки и за что получили проклятие. Но, один за другим, они стали застревать в одной из ипостасей. Кто-то навсегда оставался драконом, кто-то человеком. Почему? От чего зависел выбор? Никто не знает. — Она залпом, как воду, допила вино. — Всего несколько поколений, и вместо одного народа получилось два, забывших о родстве. Даже понимать друг друга перестали. Кое-кто ещё может превратиться, но, чтобы это получилось в первый раз, нужно какое-нибудь сильное чувство. Очень сильное. Потом способность закрепляется, но в первый раз — должно случиться нечто весьма неординарное.

Отчего-то Аннабель побоялась спросить, какое именно чувство помогло превратиться Корраг. Отпила вина, чтобы скрыть неловкую заминку, и спросила другое:

— Но постойте, я ведь вас понимаю? И вы меня?

Корраг покачала головой.

— Чтобы заговорить по-людски, надо обернуться человеком. Чтобы объясниться с драконом, нужно стать драконом. Без этого — никак. Часть проклятия.

— Стать драконом? — переспросила Анна-

бель. — Значит, люди тоже… могут? Если я, например, очень-очень сильно захочу?

— Да, но… Не желание стать драконом. Какое-то другое, сильное, страстное, исполнению которого может помочь драконья ипостась.

— Например, высказать дорогому супругу все, что я о нем думаю? — Аннабель зло прищурилась. — Очень наглядно высказать? Плюнув огнем в окно его спальни, когда притащит туда очередную фаворитку?

— О-о-о… понимаю, — протянула Корраг. — В этом, дорогая подруга, я с радостью тебе помогу. А ты, ты поможешь мне добраться до моего? Он, понимаешь ли, обернувшись однажды человеком, удрал как раз в вашу столицу, и я не представляю, как его там искать! Одинокой женщине, я слыхала, не принято бродить по улицам без сопровождения, пусть даже в поисках мужа. А лететь туда драконом… слишком заметно! Сбежит еще.

— В столицу? — Аннабель задумчиво покивала. — Да. Вполне можно совместить. Устроим им!..

Две умные женщины всегда найдут общий язык, а уж обнаружив между собой сходство и придумав общую цель — тем более. И не имеет

никакого значения, к человеческому или драконьему роду они принадлежат и в какой ипостаси находятся. И, право же, очень странно, что ни его величеству Густавусу Пятнадцатому, ни вождю Корассарху не икнулось в этот момент. Впрочем, чутье на неприятности присуще королям и вождям куда реже, чем их женам.

***

Пусть принцесса Катарина и не любила, когда ее начинали воспитывать и нудеть о подобающем и неподобающем, но все же твердо знала, что негоже дочери короля общаться с поваренком. Но ведь пещера дракона — не королевский дворец, правда? Никто ведь не узнает, если она поведет себя не вполне подобающе? Ну хоть совсем чуть-чуть! К тому же Катарина очень обрадовалась нормальной вкусной еде, а благодарить за приятное — это вежливо и прилично. Так что, начав с церемонного и слегка высокомерного «спасибо», Катарина совсем скоро позабыла, как должна держаться принцесса со слугами, и жадно расспрашивала кухонного мальчишку о новостях. И очень обиделась, когда поняла, что никто и не думает искать и спасать ни ее, ни тоже, оказывается, унесенную драконами королеву.

Не то чтобы Катарине очень уж хотелось быть спасенной. Все-таки в гостях у дракона можно не заниматься скучной учебой, вести себя не как подобает, а как хочется, неприлично громко смеяться, бегать, рвать полевые цветы и плести веночки, ещё бы любимую куклу сюда, и было бы полное счастье! И черный дракон такой забавный! И, может даже, она наконец-то наберется смелости и погладит его. Дракон, конечно, не собачка, но ведь всем нравится, когда гладят?

Но вот то, что родной папа так легко отказался от нее и от мамы, обижало. Ну да, все знают, что драконы своего не отдают, но ведь это не повод?!

— Может, ты врешь? — с надеждой спросила Катарина. — Или просто не все знаешь?

— Ты принцесса, а глупая, — презрительно фыркнул Жак-поваренок. — Кто во дворце все знает? Думаешь, король? А вот фиг тебе — слуги!

— Ну и ладно, — надувшись, буркнула Катарина. — Не больно-то и хотелось.

Но потом ушла в пещеру, в самый темный угол, и заплакала.

Впервые в жизни ей было стыдно плакать, и впервые в жизни слезы совсем ее не слушались — текли и текли. Потому что вот так узнать, что ты на самом деле совсем не нужна собственно-

му отцу — очень-очень больно. Ни отцу, ни его верным рыцарям, ни всему королевству. Только вот этому смешному дракону, который фыркает совсем рядом и сует тебе в лицо неловко выдернутый прямо с землей пучок синего люпина. Неужели зубами сорвал?

— Спасибо, — всхлипнув, Катарина погладила черную драконью морду и совершенно не думая, как будто не дракона гладит, а кошку, почесала мягкую кожу под губой. — Только ты меня и любишь.

Показалось, или дракон и правда чуть ли не замурлыкал в ответ?

За маму страшно не было — Катарина давно поняла, что драконы куда добрее иных людей. А вот обидно — было. Все-таки, как любая девочка, которая вот-вот должна стать невестой, Катарина втайне верила в настоящую, великую и верную любовь…

А поваренок, пока никому не было до него дела, сбежал. Он совсем не хотел оставаться в плену страшного дракона. Даже вдвоем с принцессой. Тем более — вдвоем с принцессой! Нужна ему эта плакса! Хотя, наверное, плохо и неправильно бросать ее вот так. Но что он может? Он не рыцарь, а всего лишь кухонный мальчишка.

Но все-таки, добравшись до столицы, Жак-поваренок заглянул в штаб рыцарей-драконоборцев и рассказал о пещере и заточенной в ней принцессе. Пусть спасают. Им положено.

***

Корассарх людей презирал, как и положено вождю драконов. Но все же признавал за ними некоторые проблески житейской мудрости. А кое-какие их высказывания и вовсе считал гениальными. Особенно любил два: «Все зло — от женщин» и «Не можешь прекратить — возглавь». Ну разве не гениально, в самом деле?!

Вспомнить хотя бы Корраг. Не драконица, а ядовитая виверна! В невестах казалась такой милой, а как женой стала да на яйца села — хоть к людям беги! Он, собственно, и сбежал. Потому как не было никаких сил терпеть все ее капризы! И ладно бы успокоилась, когда наследники появились на свет — да куда там. Обиделась, понимаете ли. Наговорила заглянувшему в семейное гнездо вождю таких гадостей — хорошо еще, никто посторонний не слышал!

Выставить зловредную жену из гнезда, как то водится у людей, не позволил бы себе ни один дракон, даже самый ничтожный, не то что вождь.

К тому же Корраг уважали за твердый нрав, и показывать, что в семье неладно, было бы глупо. Неизвестно еще, чью сторону примут остальные! Но ведь всегда можно сбежать самому… то есть, конечно же, не сбежать, а отправиться по неотложным и наиважнейшим делам. Благо, одно такое дело у вождя и впрямь было. Он, в своей человеческой ипостаси, возглавлял орден рыцарей-драконоборцев. Нельзя же эдакую мерзость бросить без надзора! «Не можешь прекратить — возглавь». То есть поначалу-то он попытался именно прекратить, но понимания не нашел. Пришлось организовать отставку прежнему магистру, брать в свои руки бразды правления и шаг за шагом превращать благородных драконоборцев в посмешища, а их «миссии по спасению» — в глупые блуждания по горам, заканчивающиеся, как правило, пшиком.

В тот день и час, когда в штаб ордена ввалился встрепанный, замызганный и смертельно уставший дворцовый поваренок, Корассарх проверял бухгалтерию. А если точнее, то как раз закончил проверять и задумчиво взирал в перепуганные глаза счетовода, рассуждая, что будет лучше: попросту повесить вора, не марая руки долгим разбирательством, или для начала заставить

вернуть украденное. Выслушав мальчишку, деловито потер руки и сказал:

— Вот и решение. Мы, друг мой вороватый, скормим тебя дракону. А пока он будет страдать несварением, как раз успеем увезти принцессу. В самом деле, что за польза в простом повешении? Зевак потешить? Обойдутся зеваки. Принцессе нужней.

Счетовод закатил глаза и обмяк, а Корассарх — вернее, магистр Карлус, ведь негоже человеку носить драконье имя — скомандовал трубить сбор и выступать. Он, конечно, предпочел бы отправиться один и разобраться в ситуации тихо, без лишних глаз и ушей, по-семейному. Вот только никто из случившихся в штабе рыцарей не захотел пропустить столь редкий случай: ведь не крестьянку какую спасать надобно, а принцессу! А ну как повезет заполучить ее руку и сердце и полкоролевства в приданое?

Сильные рыцарские кони не разделяли энтузиазма своих хозяев: поначалу скакали бодро, но, чем ближе к драконьей пещере, чем чаще всхрапывали недовольно и норовили перейти с рыси на шаг. Будто лучше людей понимали, куда не стоит соваться, если жизнь дорога. А когда дорога резко пошла в гору — и вовсе встали мертво.

— Не к добру, — пробормотал кто-то позади Корассарха, пока тот, прикрывшись ладонью от солнца и картинно привстав на стременах, всматривался в изломы скал. До чего было бы проще без «хвоста» из доблестных рыцарей, чтоб им в собственной скорлупе изжариться! Сменил бы ипостась и долетел до места за пару взмахов крыльями… Но делать нечего — «положение обязывает», как утверждает ещё одна людская мудрость. И обычная тактика блуждания по запутанным горным тропам не сработает, очень уж дельно окаянный поваренок разъяснил дорогу, последний дурак и тот не заблудится.

— Кто боится — может повернуть назад, а остальные — за мной! — пафосно объявил Корассарх, то есть, магистр Карлус. И, бросив коня на произвол судьбы и оруженосца, бесстрашно ринулся вверх по едва заметной каменистой тропе. К его большому сожалению, вся рыцарская толпа, бряцая оружием и доспехами, ринулась следом. Впрочем, путь до пещеры долгий, а крутая тропа подходит скорее для горных коз, чем для рыцарей. Авось выдохнутся… Или там, наверху, что-нибудь придумается по ходу дела.

***

Корассарх не знал и не мог знать, как невероятно ему повезло. Отправившись во главе отряда в поход, он меньше чем на час разминулся с явившейся в столицу супругой. Между тем Корраг была изрядно зла, потому как путешествие в человеческой ипостаси ничуть ей не понравилось. Долго, скучно, жарко, мухи кусают, еда в трактирах — дрянь дрянью… А как легко и быстро можно было бы долететь в драконьем облике! Но Аннабель — легко обратившаяся в ослепительно-алую очень злую драконицу, всего-то настойчиво подумав о муже! — летала не лучше только что вылупившегося птенца. И то сказать, за пару дней к крыльям не привыкнешь.

Две очень серьезно настроенные дамы первой целью избрали штаб драконоборцев, но застали там только счетовода, лихорадочно перебирающего счета, и пьяного одноногого кладовщика. Выслушав путаные объяснения о похищенной принцессе и миссии спасения, дамы повели себя по-разному. Одна ахнула и схватилась за сердце, вторая же пожала плечами и хладнокровно заявила:

— С тобой же ничего страшного не случилось.

И с ней не случится. От дворца отдохнет, это на пользу.

— И то верно, — вздохнула первая. И добавила: — Однако признаюсь честно, никогда бы не подумала, что на мою капризулю с косичками польстится аж целый дракон!

О чем говорили дамы дальше, куда направились и с какой целью, никто не узнал. И уж конечно, никто не связал с ними происшествие, взбудоражившее столицу посреди ночи: драконий рев, панические вопли и зарево пожара над королевским дворцом. Наутро по всей столице только и разговоров было о ночной панике, да о том, как некстати куда-то подевались все до единого рыцари-драконоборцы, да о том, что королевская фаворитка убежала из королевской же спальни в таком виде, что ее несомненные прелести стали, можно сказать, всеобщим достоянием.

А к обеду король вышел рука об руку с королевой. Будто и не было ничего! Хотя внимательные к мелочам царедворцы быстро заметили, что король вздрагивает при каждом взгляде на супругу, а та ведет себя куда уверенней, чем прежде.

***

Оставив новую подругу разбираться с мужем и утверждать свои права, Корраг отправилась выяснять отношения с собственным супругом. Пример Аннабель вдохновлял, истошное королевское «Дорогая, зачем же так нервничать, давай поговорим спокойно!» музыкой звучало в ушах. Довольно она терпела позорное пренебрежение! У Аннабель все получилось, значит, она тоже сумеет!

К тому же, чего уж скрывать, Корраг не слишком уверенно чувствовала себя в столице, среди людей. Возможность встретиться с мужем в родных местах, среди гор, где драконам раздолье, вселяла надежду на успех.

Бредущие по тропе люди мелькнули под крылом далеко внизу; они, похоже, и не заметили пролетевшего дракона. Разве что самые бдительные обратили внимание на скользнувшую по траве и камням тень. Корраг устроилась над пещерой сына на скале и приготовилась ждать. Заодно посмотрит на дочку Аннабель, «капризулю с косичками»: любопытно все же, кого приволок в свою пещеру вечно мрачный и всем на свете недовольный Диаррах.

Чуть слышно свистел ветер, шелестела метелками высокая трава, а из пещеры доносился тонкий звонкий голосок. Девчонка пела. Неумело, не попадая ни в такт, ни в ноты, зато с чувством и очень старательно. Хотела бы Корраг не только слышать, но и видеть сейчас обоих! Но мешать не стоило, сейчас уж точно третий станет лишним, даже глубоко и трепетно уважаемая матушка.

Жаль, что папаша даже зачатками такта не обладал. Выбравшись первым из отряда на относительно пологий лужок перед пещерой, он шумно выдохнул, поправил расшитую золотом перевязь и крикнул:

— Принцесса! Ваше высочество! Выходите, мы спасать вас пришли!

Наверное, он ожидал, что избалованная дворцовым комфортом принцесса бегом выбежит навстречу, но в наступившей тишине первым из пещеры высунул морду Диаррах. Фыркнул, выпустив облачка дыма из ноздрей, и спросил:

— Пап, тебе делать нечего? Никак не мог развлекаться в другом месте? Моя человечка так красиво пела, и тут ты…

Люди, разумеется, вместо этой укоризненно-недовольной тирады услыхали яростный драконий рев. С высоты своей скалы Корраг пре-

красно видела, как часть рыцарей замедлила шаг, всячески показывая, сколь тяжко им дается восхождение по крутой тропе, другие же сломя голову помчались на выручку командиру. Один за другим они преодолевали опасный склон и появлялись на лужайке, ощетинившись мечами и копьями, готовые к схватке с ужасным драконом.

Происходящее совсем не нравилось Корраг. Разумеется, дракон волен развлекаться среди людей, как пожелает, но впутывать в свои развлечения сородичей, а уж тем более собственного сына! Вот уж точно, некоторым власть ударяет в голову, отшибая и мозги, и совесть!

— Убью, — коротко рыкнула Корраг, слетев вниз. Заглянула в бесстыжие глаза супруга. — Тоже захотел жениться на принцессе, ящерица позорная? Или голову собственного сына решил повесить над дверьми в вашем поганом штабе? Тьфу!

Огненный плевок расплескался по наспех выставленному зачарованному щиту. Тот затрещал и рассыпался искрами, но люди за ним остались невредимы. Или почти невредимы — от доспехов явственно тянуло жаром, ещё пара-тройка таких плевков, и блюдо «рыцарь в скорлупе» готово.

Хотя Корраг вовсе не намеревалась поджаривать олухов до хрустящей корочки, уберутся восвояси, и ладно. Все, кроме Корассарха, с ним у нее будет отдельный разговор.

— Мама?! Ты что здесь делаешь? Что-то случилось? — Диаррах вынырнул из тьмы пещеры на свет, а за ним выскользнула худенькая нескладная девчонка в голубеньком платьице, с рыжими, как закат, косичками. Птенец, да и только; но было в ней что-то, обещавшее превращение если и не в волшебную жар-птицу, то уж точно не в серого воробья. Возможно, бесстрашие, пусть и граничащее с детской глупостью? Или та же ярость в синих глазах, с которой ее мать обернулась драконом?

— Зачем пришли? — спросила она, пока Корраг и Корассарх играли в гляделки. — Я все знаю, папочка никого не присылал меня спасать! Вы, значит, хотите или меня заполучить как трофей, а после стребовать полкоролевства в приданое, или дракона ограбить! Так вот, не получится! Я не желаю видеть ни вас, ни папочку! И во дворец не вернусь! Этот дракон — мой, а вы все — пошли прочь!

Топнула ножкой и, привстав на цыпочки, обняла Диарраха за морду. Оглянулась на оторо-

певших рыцарей, крикнула сердито:

— Он лучше вас в триста тысяч раз, вот! Проваливайте!

«Девочка с характером», — одобрительно подумала Корраг.

Воздух замерцал от жара, тонкая фигурка поплыла, искажаясь, и через несколько мгновений — куда быстрее, чем у Аннабель! — рядом с Диаррахом стояла юная дракошка, пылающая закатным рыжим огнем.

«Пора разогнать всех лишних», — решила Корраг. А так как дела у нее никогда надолго не отставали от мыслей… короче говоря, те рыцари, которым повезло не попасть под удары тяжелой лапы и шипастого хвоста, предпочли сбежать сами. Тем более что и магистр скомандовал отступление… ровно за мгновение до того, как жутко злой дракон цвета старого золота подхватил его зубами и унес в неизвестном направлении.

Скатившись к подножию горы — кто своим ходом, а кто и кубарем — доблестные рыцари дружно решили не предавать огласке подробности неудачного похода. Мало ли, как его величество король примет весть о превращении дочки в дракона. Да и остальные подробности

вовсе не делали им чести. Не говоря уж о том, что магистр Карлус до самого вечера так и не вернулся, а унесший его дракон ближе к ночи очень даже демонстративно пролетел над сборищем рыцарей в компании с ещё одним, огромным, темно-синим, прицельно плюнувшим огнем в валявшийся рядом с прогоревшим кострищем немытый котел.

— Тьфу ты, вылитый господин магистр, — нервно пробормотал дежуривший нынче «по кухне» оруженосец. И то правда, магистр Карлус не терпел грязи и беспорядка; но все же шуточка вышла не очень, и парень испуганно смолк, глядя вслед драконам. Те, судя по всему, вернулись к пещере, так что драконоборцы решили не испытывать судьбу вторично и, едва первые солнечные лучи разбавили непроглядную ночную темень, отправились восвояси.

Вот только горные тропы коварны, и без предводителя отряд заплутал. К обеду вместо деревни с вожделенным трактиром забрели в узкую, с почти отвесными стенами расщелину, а по ней вместо обжитых людьми мест выбрались к ещё одной драконьей пещере. Вот уж не везет так не везет! Драконами все были сыты по горло, тем более что второй принцессы здесь не предвидится.

Хотя пленная девица обнаружилась и здесь: из темного зева пещеры доносился чудесный голос, мягкий и грудной, мелодично певший балладу о несчастном менестреле и его далекой возлюбленной.

— М-м-м… спасать или не спасать, вот в чем вопрос, — пробормотал сэр Густав, как-то незаметно в отсутствие магистра ставший за главного. — Мнится мне, доблестные сэры, что девицы нынче совсем не мечтают о спасении от драконов.

— И как бы нам снова не пожелали, эм-м, проваливать, — нервно согласился сэр Деррик.

Кто знает, до чего додумались бы доблестные сэры, но тут на площадку перед пещерой спикировал дракон. Не черный, не золотой и не синий, а нежнейшего оттенка сливочного крема. Издали, летящим, его наверняка можно было бы принять за облако. Неплохая маскировка, если подумать; вот только отчего-то казалось, что этот дракон слишком ленив и добродушен для всяческих хитростей.

— Любимый, наконец-то! — певунья выбежала из пещеры и повисла у дракона на шее. Не принцесса, нет. Типичная крестьянка, круглолицая, пышная и румяная, словно сдобная булочка. На светлых волосах пестрый венок из полевых

цветов, а лицо пестрит «поцелуями солнца»-веснушками. Но отчего-то она показалась вдруг красивее ухоженных и изысканно-нарядных королевских фрейлин: яркая, сияющая и словно брызжущая счастьем.

А дракон… Дракон вдруг обернулся человеком, к полной оторопи невольных свидетелей. И рыцари предпочли тихо отступить, потому что когда мужчина крепко обнимает и целует любимую женщину, это, знаете ли, зрелище не для посторонних глаз.

— Это что же получается, драконы… — сэр Деррик не договорил, но все прекрасно поняли, о чем он думал — потому что сами думали о том же.

— Полагаю, наш орден лучше распустить, — решительно заявил сэр Густав. — В связи с открывшимися… как бы сказать… откровениями.

Звучало смешно, но почему-то никто даже не улыбнулся. И, что гораздо важнее, не возразил.

***

Рыжая дракошка изумленно рассматривала собственные крылья и лапы, фыркала, рассыпая искры, и то и дело поглядывала искоса на Диарраха. А тот улыбался во всю морду, и это невероятное, небывалое зрелище делало его по-

чти неузнаваемым и, прямо сказать, очень даже славным.

— А если я попрошу твои руку и сердце, меня не заставят взять ещё и пол-королевства? — спросил вдруг он.

— Лентяй! — рубанул Корассарх.

— Умный мальчик, — возразила Корраг. — Зачем ему чужая головная боль?

— А насчет руки и сердца ты вот совсем-совсем уверен? — ехидно спросила принцесса. — Я, вообще-то, ещё маленькая.

— Это пройдет, — черный дракон ласково потерся мордой о морду рыжего. — Я подожду. Ты такая… такая! Самая лучшая. Моя. С косичками. Никому не отдам.

— Нет уж, — фыркнула принцесса, снова рассыпав целый фейерверк жгучих искр. — Это ты — мой! И это я тебя никому не отдам.

— Отличная будет пара, — промурлыкала Корраг.

Анна Корвин
Покажи мне любовь

«Солнечный луч и ласковый ветерок», так называли Кина, младшего сына господина Мо, правителя округа Юаньдао. Говорили, что Кин создан из солнечных лучей и золотых нитей и что за сто лет в здешних местах не рождалось более красивого человека. Когда он, с нежно-золотистой кожей, сияющими глазами цвета меда и золотыми волосами, наряженный в яркие шелка, благоухающий жимолостью и лотосом, проходил по улице, некоторые особенно чувствительные юные госпожи в обморок падали от такой красоты. Что же касается публичных женщин, молодой господин частенько проводил время в их обществе и был к ним щедр, однако, очарованные его внешностью и ласковым обхождением, они охотно обслуживали бы его и бесплатно.

Больше двух лет Кин провел при дворе императора, теперь же его призвали домой для участия в важном деле, имевшем значение как для благосостояния семьи, так и для процветания Чиньяня. От имени императора Камичиро господин Мо

намеревался провести переговоры с князем Шу, в чьих владениях не так давно обнаружили залежи руд, необходимых для изготовления неких новых устройств. Господин Мо намеревался получить право на разработку, что дало бы ему возможность участвовать в предприятии, которым руководил лично император. Условия предварительно обсудили в переписке, и теперь князю Шу и господину Мо предстояло встретиться лично, дабы договориться обо всем окончательно.

И господин Мо, и его старший сын, и император Камичиро считали, что молодому господину Кину участие в этих переговорах пойдет на пользу. До сих пор, к вящему огорчению и гневу родителя, его второй сын не обнаружил никаких способностей и талантов, кроме дара тратить деньги без счета и соблазнять девушек. Камичиро и Мо сошлись на том, что в двадцать лет пора бы уже Кину подумать о чем-нибудь еще, кроме как распивать вино в публичных домах и по десять раз на дню менять наряды. Поэтому, завершив при дворе некую важную миссию (во время которой (вот уж редкость) никчемные таланты Кина оказались как нельзя более кстати) и после того оказав посильную помощь в усмирении враждебных племен, второй молодой господин

отправился домой, дабы набраться ума-разума.

Разумеется, его отец не лелеял иллюзий по поводу того, что беспутный отпрыск вмиг станет образцом благонравия, в одночасье отказавшись от старых привычек. И уж тем более такая мысль не приходила в голову посторонним людям, не посвященным в причины, по которым молодого господина пригласили вернуться. Поэтому подготовка к празднику, коим являлось возвращение Кина, шла в городе Луайяне полным ходом. Молодые господа предвкушали совместные развлечения, куртизанки — приятные часы в обществе красивого гостя, а юные госпожи — что, может быть, одна из них наконец-то станет его избранницей.

И никому было невдомек, что сам предмет сих ожиданий в этот самый момент находится в крайне незавидном положении.

***

Привязанный к дереву, Кин бился в путах и отчаянно взывал о помощи. Однако здесь, в глухом лесу, услышать его было некому. Спутники молодого человека недвижимо распростерлись тут и там, пленника же стерегли бритоголовые разбойники в пестрых одеждах. Суровые

лица испещрены шрамами, в руках сверкают обнаженные кривые сабли. Злодеи никак не реагировали на вопли пленника, невозмутимо дожидаясь своего главаря. По некоторым признакам несчастный Кин уже догадался, что его угораздило попасться не кому-нибудь, а злодею Сунь Хуну, звероподобному разбойнику-мужеложцу. Все торговцы детьми платили ему дань красивыми мальчиками. Не стоило труда понять, почему Кина не избили и не покалечили. Такое ценное приобретение, как он, должно было достаться Сунь Хуну целым и невредимым. А уж тот с Кином натешится всласть. Места живого не оставит. Ни снаружи, ни, если верить слухам, внутри.

Пленник рвался и верещал так долго, что успел ослабеть и охрипнуть. Возможно, прошло не более четверти часа — а может быть, и несколько часов. Наконец Сунь Хун соизволил явиться. Приземистый кривоногий мужчина враскачку вышел из чащи и глумливо осклабился при виде Кина, который издал вопль ужаса, ибо внешность разбойника превосходила самые красочные описания. Дело было даже не в устрашающей внешности, а в плотоядном оскале, который появился на, с позволения сказать, лице этого

человека при виде стройного красавца, которому предстояло его ублажать.

Сунь Хун не спеша подошел к пленнику. Кин сморщился от отвращения, когда его обдало смрадным дыханием из оскаленной пасти с кривыми желтыми зубами. Разбойник схватил его за подбородок и повернул к себе с явным намерением поцеловать. Кин зажмурился и стиснул зубы, поняв, что если сейчас это случится, то он, без сомнения, тут же умрет. Мысль, приносившая некоторое облегчение, ибо сама смерть не могла быть хуже того, что Сунь Хун проделает с Кином в дальнейшем.

Однако голова Сунь Хуна внезапно откинулась назад, и сам он, выкатив помертвевшие глаза из орбит, бесформенным кулем свалился у ног Кина. По поляне пронесся смерч, скосивший разбойников, точно росистую траву. Не прошло и нескольких мгновений, как все они попадали бездыханными, а вихрь оказался юной широкоскулой девушкой, которая с красивым шелковым звуком преспокойненько вложила меч в ножны — перед этим, впрочем, сделав легкий «вжух», освободивший Кина от веревок.

Все ещё не в силах поверить в случившееся, Кин отделился от дерева и сделал несколько проб-

ных шагов на неверных ногах, которые все ещё немного дрожали от пережитого потрясения.

— Кто ты? — потирая затекшие запястья, спросил Кин. — И как мне отблагодарить тебя?

Восстановив самообладание, он отвесил девушке легкий грациозный поклон.

— Прими мою сердечную признательность. Ты избавила меня от участи худшей, чем смерть.

Девушка не отвечала, и Кин пнул ближайшего к нему слугу.

— Вставай! Хорош притворяться!

Тот ещё немного полежал, дабы убедиться, что опасность миновала, и не желая слишком явно выдавать себя, однако вскоре издал жалобный стон и пошевелился. Вслед за ним и другие, охая и ахая, принялись подниматься и озираться.

— Трусы! Бездельники! — презрительно ругался на них Кин.

Впрочем, деньги и лошади остались при них, а это самое главное. Кин вновь обратил взор на незнакомку. Та, одетая в короткую куртку на запах с широким кожаным поясом и штаны, заправленные в короткие сапожки, спокойно стояла, наблюдая за ним. Судя по кинжалу и короткому мечу, а также немыслимой скорости, с которой передвигалась девушка, она недурно

владела боевыми искусствами и была опытной воительницей. Кин успел уложить нескольких разбойников, прежде чем его схватили, но до этой девушки ему было далеко. Впрочем, особенной тяги к драке он никогда не питал, а от запаха крови его мутило, так что надолго задумываться об этом он не стал. Довольно с него на сегодня переживаний.

— Как твое имя? Как я могу отблагодарить тебя? — снова спросил он девушку.

Та не ответила и продолжала молча смотреть на него.

— Предложить тебе деньги было бы оскорблением, — заметил Кин, оценив явно дорогое, тонкой работы оружие незнакомки, составлявшее странный контраст с ее безыскусной прической и невзрачным нарядом. — Вот что…

Потратив некоторое время на обыск самого себя, он наконец выудил из недр одеяний заколку для волос с украшением в виде цветка айвы. В карманах Кина всегда было полно подобной милой чепуховинки, предназначенной услаждать непритязательный вкус юных служанок, подавальщиц, торговок сладостями — девиц простого сословия, которых молодой господин решил одарить своим мимолетным вниманием. Если

девушка хороша собой, любезна и у нее приятная улыбка, почему бы не побаловать ее безделушкой, рассуждал он. Благодаря этой привычке у него нашелся подарок и для спасительницы.

— Пожалуйста, возьми на память. Меня зовут Кин, я из имения Журавлиная Долина, младший сын господина Мо. Когда придумаешь, что хочешь в награду, можешь найти меня там.

Он поклонился, прижав руку к сердцу, и с улыбкой взглянул на девушку.

— Раз ты не желаешь представиться, буду звать тебя Серебряный Вихрь, — сказал он. — Твой образ навек запечатлен в моем сердце.

Он вскочил на коня и умчался в сопровождении спутников. Девушка же, точно завороженная, долго смотрела ему вслед, а затем восхищенно залюбовалась подарком.

Стоит ли говорить, что ее образ выветрился из памяти Кина, стоило ему скрыться за поворотом. Равно как и все слова, что он говорил, и улыбка, которую подарил ей. Ласковые речи и обольстительные улыбки Кин расточал с той же непринужденной грацией, с какой потягивается кошка. Для него это было как дышать — они слетали с его уст сами собой и ничего не стоили, и, стоило Кину ими поделиться, он тут же о них

забывал.

Доехав до развилки дорог, Кин ненадолго задумался. Перед ним стоял трудный выбор. Можно было направиться домой и, ещё не вполне придя в себя от пережитого, отвечать на назойливые расспросы и нудные поучения отца и брата. Или… повернуть в сторону города, где играла музыка и зазывно горели разноцветные фонари, и провести ночь в обществе душистого вина и прелестных женщин.

Размышления не заняли много времени. Отправив спутников в поместье небрежным взмахом руки, своего коня Кин решительно повернул в Луайян. На лице заиграла улыбка: его ждала дивная ночь, полная радости и удовольствий. Остатки переживаний, связанных с нападением разбойников, начисто выветрились из его головы.

***

Ночь молодой господин Кин провел в кутежах и веселье, перемещаясь из одного увеселительного заведения в другое, наслаждаясь изысканной едой и заливая в себя чаши вина без счета. Завершив гульбу в объятиях куртизанки и трижды убедительно доказав ей, что никакие гнусные мужеложцы не отобьют у него охоту к прекрасному

полу, утомленный и довольный Кин незадолго до рассвета с огромной неохотой выполз из ее постели. Добравшись до поместья и зайдя к себе за чистой одеждой, он пошел к горячему источнику — освежиться.

Источник находился в живописной бамбуковой роще, где журчал ручей — его мелодичные переливы в этот тихий предрассветный час пели особенно нежно и звонко. Остановившись на берегу, Кин скинул одежду, явив миру прекрасное тело с четко прорисованными мышцами, длинными стройными ногами, узкой талией, прямой спиной и точеными плечами. При всей любви к плотским удовольствиям и праздной неге, Кин относился к своему телу с нежностью и восхищением и ежедневно утруждал его тренировками, дабы оно оставалось безупречным как можно дольше.

Со вздохом наслаждения молодой господин погрузился в горячий источник. Вода бурлила, ласково омывая тело, утомленное путешествием и любовными играми. Проводить ночи без сна Кину было не впервой, и, понырял и побултыхавшись, он вскоре почувствовал себя намного бодрее. Удобно облокотившись о выложенный гладкими округлыми камнями бережок, Кин

вынимал из воды то одну ногу, то другую, с удовольствием любуясь на узкие ступни и насвистывая себе под нос веселенькую мелодию. Услышав шорох неподалеку от себя, он повернул голову и узрел большую панду, которая уселась на берегу и смотрела на него, поедая молодые побеги бамбука.

— Привет-привет! — сказал Кин, ничуточки не удивившись. — Какой славный мишка. Что, отец снова решил завести панд?

Он подплыл поближе, протянул руку и почесал панде животик.

— Какое у тебя мягкое пушистое пузико! Любишь бамбук? А меня угостишь?

Панда продолжала жевать, не сводя с Кина кроткого взгляда. Тот рассмеялся:

— Ну что ж, правда твоя. Зачем мне бамбук! Ну, мне пора. Будь здоров. Ну, или здорова, если ты девочка.

Прежде чем выйти из воды, Кин ещё раз почесал панде пузико и затем удалился, накинув легкое шелковое одеяние на ещё влажное тело. Панда проводила его задумчивым взором.

***

Первая половина дня прошла без сюрпризов. Около часа Кин провел, смиренно выслушивая нравоучения и брань отца («Непутевый!», «Бестолковый!», «Бесполезный!», «Развратник!»), который, давно привыкнув к мысли, что толку из младшего отпрыска не выйдет, ругал его уже просто по привычке. Кин заикнулся было о важной миссии, которую выполнял при дворе императора*, но отец лишь гневно фыркнул: «Знаю я твои миссии! Женщин обольщать!» — и, поскольку на сей раз он попал в точку, Кин примолк и больше не возражал, смиренно выслушивая дальнейшие поношения. Так как сцены вроде этой случались с завидной регулярностью почти всю его жизнь, он даже не расстраивался. Все, что в такой ситуации требовалось — сохранять покорный и кроткий вид, мыслями же при этом можно было витать где угодно. Нелестные эпитеты, которыми отец награждал Кина, его не задевали. Бездельник, развратник — ну и что тут такого? Кин был вполне доволен своей жизнью и собой и не намеревался меняться.

---

* См. роман «Десятая невеста» (прим. авт.).

Переговоры, в которых Кина обязали участвовать, оказались ещё нуднее отцовской ругани. Первая встреча заняла три часа, в течение которых Кину нельзя было чихать, вертеться, есть, отвлекаться, смеяться и пить что-либо, кроме зеленого чая. Два зрелых мужа, князь Шу и господин Мо, вели беседу степенно, делая долгие паузы и по полчаса обмусоливая совершенно несущественные, на взгляд Кина, мелочи, так что в конце концов ему стало казаться, что все это никогда не закончится. Время от времени он начинал клевать носом, и тогда специально приставленный слуга тыкал ему в бок иголкой.

Наконец пытка подошла к концу, и Кин выполз из Зала Благожелательных Бесед, измотанный, как после трехдневной битвы. Ему хотелось одного: завалиться в кровать, но солнце едва перевалило за полдень и, преодолев себя, молодой господин отправился на площадку для игры в мяч.

Оставшись здесь в одиночестве, Кин злобно пинал мяч по площадке и наконец отвел душу. Ему полегчало, и он стал играть уже в удовольствие, забрасывая мяч в закрепленную на шесте корзинку без дна.*

———

* Чиньяньский баскетбол.

Некоторое время спустя Кин почувствовал себя как-то неуютно и запоздало понял, что за ним наблюдают. Ярким пятном, маячившим на краю зрения, оказалась юная девушка в розовом шелке, которая стояла на краю площадки и с жадным любопытством следила за игрой. Кин остановился и пару раз подбросил мяч, оглядывая ее. Может быть, гостья?.. Хотя нет, не похоже. Наверняка одна из «несчастненьких», что пригрел его брат. Первый молодой господин славился не только незаурядным умом и серьезным нравом, но также щедрой благотворительностью.

Впрочем, какая разница, кто она, тут же сказал Кин сам себе, и предложил:

— Хочешь поиграть?

Девушка кивнула и радостно засеменила к нему, путаясь в полах многослойных одеяний. Двигалась она так, будто не привыкла к подобной одежде, и потому дорогой наряд совсем на ней не смотрелся. В волосах красовалась заколка с цветком айвы, не гармонировавшая с прочими украшениями и вообще надетая неумело и невпопад. Кин мог бы признать в ней безделушку, которую преподнес спасительнице, но, как уже было сказано, лицо той стерлось из памяти моло-

дого человека, стоило им расстаться. А памяток, подобных заколочке, у девиц по всему Чиньяню хранились сотни.

Незнакомка была чуть ниже его ростом, крепкого сложения, с маленькими ручками и ножками и широкоскулым личиком. Сколько ей было лет, Кин затруднился бы сказать. На вид — примерно его ровесница, но что-то в ее облике, упрямом и оживленном, в диковатой повадке и выражении глаз наводило на мысль, что она ещё совсем девчонка. Так и не придя ни к какому выводу, Кин предложил ей мяч и показал, как бросать в корзину.

Поначалу у девушки получалось не очень. Но затем она подвязала рукава, подоткнула юбки, и дело пошло на лад. Бегала и попадала в корзинку не хуже Кина.

— Да ты молодец, — одобрительно сказал он, когда она радостно засмеялась, в очередной раз забросив мяч.

Тут только он подумал о том, что до сих пор девушка не произнесла ни слова.

— Тебя как зовут? — спросил Кин. — Ты с кем-то сюда приехала? Гостишь у брата? Или отца?

Девушка ничего не ответила, уставившись на него сияющими глазами.

— Ты немая, что ли? — спросил Кин и, не в силах преодолеть озорство, приказал: — А ну-ка, открой рот и скажи «А»!

Девушка послушно открыла ротик и показала розовый язычок.

— Хм, — сказал Кин. — Язык на месте. Ты немая? — раздельно повторил он, решив, что девушка (кто знает), возможно, ещё и глуха.

— Нет, — сказала она.

Короткое слово, но говор показался непривычным.

— Ты здесь в гостях? — снова спросил Кин.

Девушка кивнула.

— Ну, прекрасно, — сказал он. — Раз можешь говорить, может, представишься?

Она непонимающе взглянула на него, помотала головой, засмеялась и жестом предложила возобновить игру в мяч.

— Нет, — ответил Кин, поглядев на небо. — Откажусь, пожалуй. Мне пора.

Он протянул руку и взъерошил ей волосы.

— Поиграй сама. Ты молодец, малышка.

На прощанье Кин легонько щелкнул ее по носу и, насвистывая, направился прочь.

***

Всех молодых господ из благородных семей Чиньяня воспитывали как воинов, а Кин в действительности не был так непроходимо и безнадежно туп, как о том любил разглагольствовать его почтенный родитель. Свои навыки ему приходилось оттачивать не только на тренировочной площадке, но и в ходе настоящих боевых действий (не очень, правда, кровопролитных). Поэтому Кин в состоянии был заметить, что за ним следят, в особенности если у него были причины подозревать это.

Неуютное ощущение взгляда, сверлящего спину, не покидало его на протяжении всего нуднейшего ужина с семьей и князем Шу, однако как ни шарил Кин взглядом по сторонам, не обнаружил ничего подозрительного. То же неприятное чувство посетило его позже, в Луайяне, когда он оставил лошадь в конюшнях у ворот и пошел по улице пешком, чтобы встретиться в винной лавке с друзьями.

К тому времени стемнело. Из окон увеселительных заведений лился приветливый свет, улицы озарялись круглыми яркими фонариками, украшавшими фасады домов. Тут и там звуча-

ли зазывные крики торговцев, приглашавших отведать сладостей, купить воздушного змея, черепаховый гребень для девушки или вертушку ребенку. Вскоре поняв, что оборачиваться бесполезно, Кин обнаружил преследователя в результате ловкого обманного маневра, настигнув его из-за угла и схватив за запястье.

Точнее, преследовательницу.

— Ты?! — изумился Кин, обнаружив, что это давешняя девица. — Ты чего за мной ходишь?!

И опять — ни слова в ответ, хотя девушка, как ранее выяснилось, немой не была. На ее лице появилось смущенное и в то же время упрямое выражение. Она уставилась на руку Кина, которой он удерживал ее, будто впервые в жизни видела такой диковинный предмет.

— Чего молчишь? Ты что, дурочка? Что тебе от меня надо?

Девушка похлопала глазами и неуверенно улыбнулась. Его не покидало ощущение, будто он говорит с ребенком, поэтому трудно было злиться на нее всерьез.

По-хорошему, ее бы надо отвести домой, но Кин не был готов к таким подвигам. Как-то она добралась же сюда, значит, сможет вернуться обратно. Ее лицо слегка помрачнело, точно она

почувствовала его недовольство, но упрямое выражение в глазах осталось.

— Тебе понравилось играть со мной? — спросил Кин.

Девушка кивнула. Он вздохнул.

— Идем.

Все так же держа за руку, он привел ее к лавке с выпечкой.

— Вот. Возьми. Скушай булочку и отправляйся домой. Хорошо?

Луайян славился медовыми булочками, которые умели печь только здесь. Сладкие и хрустящие, с золотистой корочкой и воздушной сердцевиной, они нежно и обжигающе таяли во рту. Нельзя утверждать, что вы были в Луайяне, если вы не пробовали самого известного местного лакомства.

— Булочка, — повторила девушка и засмеялась. — Булочка!

И, взявшись за запястье той руки, которой Кин держал угощенье, легонько прикусила его.

— Ай! — вскрикнул он, отнимая руку. — Ты что творишь? С едой меня спутала? Вот, вот твоя булочка!

Он насильно пихнул выпечку девушке в руки и, ловко огибая прохожих, припустил прочь. В

голове пронеслось: «Сумасшедшая!».

***

У дверей «Золотого пиона», самого роскошного и изящного увеселительного заведения Луайяна, Кин остановился, чтобы перевести дух и привести в себя в порядок. Убедившись, что прическа не растрепалась, а одежда сидит безупречно, Кин занес ногу на ступеньку, и…

— Опять ты?!

Девушка возникла рядом с ним словно из ниоткуда. Он замахал руками:

— А ну прочь! Иди отсюда! Сгинь! Возвращайся домой!

Она стояла на месте как вкопанная.

— Ты не отстанешь, да? — безнадежно спросил Кин.

Она помотала головой и придвинулась к нему поближе, с любопытством поглядывая на «Золотой пион», из окон которого лилась музыка, доносился звон посуды, разговоры и смех.

Кин утомленно потер шею и огляделся. Давно стемнело. Если она и вправду гостья и с ней что-нибудь случится по дороге домой, несложно предсказать, на кого посыплются шишки. Для отца Кин и без того был заведомо в чем-то да

виноват, в каждом конкретном случае важно было лишь найти, в чем именно. Но внутри в отдельной комнате уже ждал щедро накрытый стол с винами и закусками и веселые приятели, которые с нетерпением ждали рассказов Кина о его приключениях при императорском дворе, в особенности во время отбора невест, в котором Кин принимал самое непосредственное участие. И если он сейчас возьмется отводить девчонку в Журавлиную Долину… Час туда, потом час обратно…

— Ладно, — решился он. — Идем. Но никому ни слова, ясно?

Девушка кивнула.

Вместе они поднялись на второй этаж, где Кина встретили восторженные возгласы дюжины нарядно одетых молодых людей — его друзей, знакомцев и приятелей по детским шалостям. В обнимку с некоторыми из них сидели улыбчивые красавицы, изящные, как фарфоровые статуэтки. Их высокие прически были украшены цветами, драгоценными камнями и лентами. Грациозно придерживая широкие рукава шелковых одеяний, они наливали молодым господам вина и подавали закуски. Гордость «Золотого пиона» — его куртизанки.

— Позаботьтесь о ней, красавицы, — после обмена приветствиями сказал Кин, подталкивая к ним незнакомку. — Напоите, накормите. Пусть посидит в уголке.

Гости расположились на мягких подушках за низкими столиками, уставленными множеством тарелочек с небольшими порциями разнообразной еды. Кина долго обнимали, похлопывали по плечу, смеялись и забрасывали вопросами, прежде чем дали ему наконец усесться. Куртизанки устроили гостью, как и предложил Кин, в стороне от прочей компании. Девушка не возражала и охотно занялась едой. Взгляд ее, однако, был почти все время прикован к Кину.

— Твоя невеста? — шутили его друзья и красавицы «Золотого пиона». — Глаз с тебя не сводит.

— Да ну вас, — отмахивался Кин. — Я даже не знаю, кто она. Похоже, одна из сирот, что пригрел мой брат. Привязалась, не отвязать. А если брошу ее одну в городе, с меня дома шкуру спустят.

Он болтал с приятелями и красотками, делясь историями в ответ на бесконечные расспросы. Подавальщицы уносили пустые тарелки и приносили свежую еду, вино лилось рекой, и скоро вся компания захмелела. Смех становился все громче, беседы — все игривее. Гости потребовали

музыки; одна из куртизанок достала из-за пояса флейту и исполнила прелестную мелодию, заставившую всех замереть от восторга. С благодарными поклонами искусница принимала от молодых господ щедро сыпавшиеся в ее сумочку золотые монеты, а с Кина потребовала поцелуй.

— Ничего не мог бы я подарить тебе охотнее, — улыбнулся он.

Накрашенные ярко-алым полные губы встретились с бледно-розовыми. Те и другие раскрылись, подобно цветочным лепесткам, и слились в глубоком нежном поцелуе. Приятели Кина восторженно заголосили и застучали по столам; те из них, к кому куртизанки оказались всего ближе, также пожелали их поцеловать.

Красавица, что целовала Кина, вдруг отделилась от него, взмыла в воздух и приземлилась в дальнем углу комнаты. Оказалось, виной тому девушка, что до сих пор тихо сидела в своем углу; поднявшись, она в два шага приблизилась, подняла и отшвырнула куртизанку точно котенка. В первое мгновение никто даже не понял, что произошло, а затем Кин вскричал:

— Ты рехнулась?!

Глаза девушки метали молнии. Она выглядела кроткой и вместе с тем грозной.

— Пора спать, — отчеканила она.

Кин отмахнулся от нее и бросился к пострадавшей, возле которой уже хлопотали подруги.

— Прости! Пожалуйста, прости! С тобой все хорошо?

Красавица была молодой, но опытной, повидавшей много чего похуже. Она и вправду сильно ударилась, но сумела прийти в себя сразу же и сейчас, поднимаясь с помощью Кина и ловко оправляя наряд, уже сияла безмятежной улыбкой.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, молодой господин. Ничего страшного не случилось.

— Я приношу свои извинения, — бросая горящий гневом взгляд в сторону девушки, проговорил Кин. — Она сейчас же попросит прощ… Эй!

— Пора спать, — повторила девушка.

Подхватив Кина так, будто он ничего не весил, она перекинула его через плечо и со своей ношей спокойно направилась к выходу. Кин пытался вырваться, но девушка была удивительно сильной. Она не только подняла его без всяких усилий, но и несла с поразительной легкостью, а держала хоть и нежно, но крепко — не вырваться. Под насмешливые возгласы гостей она с Кином на плече покинула комнату, сошла с лестницы,

проследовала через зал, провожаемая изумленными взорами, а затем припустила бежать не хуже иной лошади. Напрасно Кин, сгорая от стыда и унижения, колотил ее по спине кулаками; напрасно угрожал и просил отпустить его — девушка оставалась глуха и нема. Она не остановилась и у ворот, где Кин воззвал к ее разуму, напомнив, что в конюшне стоит лошадь и нет нужды тащить его на себе. Пропустив мимо ушей и это, девушка на просторной пустой дороге лишь побежала резвее, время от времени взмывая в воздух и пролетая по нескольку широких шагов.

Будь Кин чуть менее взбешен, он восхитился бы ее способностями. Ведь незаурядная физическая сила, ловкость и способность парить над землей были навыками, которых обыкновенно достигали монахи боевых орденов после многих лет упорных тренировок — умениями, недоступными большинству людей. Однако сейчас Кин был слишком полон гнева и возмущения, чтобы подумать об этом.

Через некоторое время он, правда, устал и затих и покорно позволил тащить себя, точно куль с мукой. Так они и вернулись в Журавлиную Долину — по пустынной дороге средь полей, где под яркими звездами блестела ночная роса.

У ворот девица поставила Кина на землю.

— Ты… — начал он, не в силах подобрать слов, — ты…

Так и не выбрав, что сказать (на языке теснилось слишком много, чтобы он был в состоянии выбрать что-то одно или хотя бы выстроить фразы в очередь), он наконец произнес лишь:

— Больше не приближайся ко мне. Никогда. Ясно?

По пути в свои покои он вспомнил все известные ему бранные слова.

***

— Распутник! Мерзавец! Никчемная тварь!

Господин Мо был сухощавый мужчина небольшого роста, но с тяжелой, прямо-таки железной рукой. От размашистой оплеухи, в которую он вложил всю силу, коленопреклоненный Кин, скользя на гладком полу, пролетел через всю залу и остановился лишь у дверей. В голове оглушительно звенело, на щеке загорелось алое пятно. Из носа потекла струйка крови.

— За что?!

— Как ты посмел! Княжну в публичный дом!

— Какую ещё княжну?! Ай!

На сей раз удар кулаком пришелся в скулу.

— Хватило наглости привести ее к шлюхам!

— Отец! Прошу! Я не знаю никакой княжны!

Скорчившись на полу, Кин, закрываясь руками, тщетно пытался избежать ударов, которыми щедро осыпал его разъяренный родитель.

— Вас видели и доложили! Как ты заходил с ней туда и как выходил! Так напился, что она вынуждена была тащить тебя на себе, скотина! Позор семьи! Убожество!

Каждое оскорбление отец сопровождал ударом ноги или кулака. Наконец утомившись, он выпрямился над Кином, потирая запястье.

— Вставай! Будешь просить прощения у князя Шу!

— При чем тут князь Шу, — пробормотал Кин, отводя с лица спутанные длинные пряди и, как на чужую, смотря на свою ладонь со следами крови. Лицо саднило, на скуле болезненно наливался кровоподтек, ребра болели, да и на бедре наверняка останется громадный синяк. Собравшись с силами, Кин тяжело поднялся, стараясь не морщиться — отцу это только доставит радость.

— Как меня только угораздило породить такого сына, — с презрительной злостью процедил господин Мо. — Будешь утверждать, что не знал, кого привел в «Золотой пион»?

— Я ее не водил, — пробормотал Кин. — Она сама за мной увязалась.

Отец замахнулся на него, но Кину было уже все равно. Пусть бьет. Однако господин Мо, в последний момент передумав, остановился на волосок от его лица и опустил руку.

— Поговори еще! — в сердцах бросил он. — Так оскорбить почетных гостей!..

— Да каких гостей?! — завопил Кин. — Какая еще княжна?!

В этот момент двери распахнулись, и слуга доложил о прибытии князя Шу. Солидный мужчина был одет роскошно, но неизящно, на чиньяньский взгляд: в темный шелк, отделанный кожей и мехом.

Мужчины поклонились друг другу.

— Князь Шу.

— Господин Мо.

Князь, окинув взглядом представшую ему картину, мгновенно оценил ситуацию.

— Вижу, я опоздал, — сказал он. — До меня дошел слух, что господин Мо гневается на сына, и я поспешил сюда, чтобы дать объяснения. Возможно, — обратился он к отцу Кина, — вам не следует быть слишком строгим с молодым господином.

— Что это значит? — спросил тот.

— Вполне возможно, он не виноват и не знал, с кем имеет дело. Моя дочь замкнута, нелюдима и неохотно разговаривает даже на родном синьшэньском диалекте. Временами мы по нескольку дней не видим ее и не слышим от нее ни слова. Что говорить о чиньяньском наречии, которое она и понимает с трудом. Я привез ее сюда в надежде, что новая обстановка и благородное общество сделают ее более общительной, однако, не желая заставлять Мэйвей, предоставил ей освоиться самостоятельно. Поскольку прибыли мы совсем недавно, а княжна и второй молодой господин не были представлены друг другу, он действительно мог не знать, кто она. В таком случае произошедшее — не более чем досадная ошибка. Которая, я убежден, не повторится.

— Его поступку нет оправдания! Я просто не знаю, как мы можем извиниться перед вами, князь Шу… Привести юную девушку в дом к шлюхам…

Князь улыбнулся.

— Ничего страшного. Наверняка ей просто было любопытно. Вряд ли господин Кин допустил, чтобы ее взгляд коснулся чего-то действительно непристойного… Я бы заметил, если бы мою дочь что-то неприятно потрясло. А она, хоть и

не отличается красноречием, не показалась мне несчастной или недовольной. Напротив, кажется, она восприняла эту прогулку как приключение.

— Мы просто ужинали, — угрюмо сообщил Кин.

— Вот видите, — князь Шу обернулся к господину Мо, который еще ярился, но уже не так сильно. — Полагаю, на этом наказание можно считать свершившимся. Судя по виду молодого господина, он усвоил урок. Разумеется, в произошедшем нет ничего похвального, и в будущем подобное недопустимо. Однако сейчас мы можем счесть этот случай обычным недоразумением.

— Да, — согласился Кин. — Давайте сочтем.

Князь Шу бросил на него быстрый, пронзительный взгляд, и в уголках его губ мелькнула едва заметная усмешка, значение которой, впрочем, трудно было истолковать. Господин же Мо проговорил:

— Что ж, раз так пожелал князь Шу… Можешь идти. Но если я узнаю, что если ты хоть чем-то, хоть как-то задел или обидел княжну… Вовлек ее в свои непристойные развлечения…

— И близко к ней не подойду, клянусь! — пылко воскликнул Кин, до глубины души искренний.

— Ты отнесешься к ней со всем возможным

почтением, — остудил его отец. — И будешь угождать во всем. Стоит мне только узнать хоть о капле ее недовольства…

— Уверен, второй молодой господин не желал оскорбить мою дочь ранее и не сделает этого впредь, — мягко встрял князь Шу. — Осмелюсь напомнить, сегодня мы ещё должны успеть многое обсудить… Не начать ли нам работу?

— Приведи себя в порядок и возвращайся, — сказал Кину отец. — Твое участие в переговорах никто не отменял.

***

Княжну Мэйвей и Кина представили друг другу тем же вечером. Она явилась в сопровождении князя Шу и служанки, следовавшей на полшага позади от нее. Снова роскошно одетая по чиньяньской моде — и снова державшая себя в этой одежде так, что другие люди при взгляде на нее начинали, неизвестно почему, ощущать неловкость, точно им тоже становилось неудобно в собственной.

Гости мало-помалу набирались в зал Бесподобного Изящества, прогуливались и беседовали в ожидании ужина. Господин Мо и его сыновья, стоя у распахнутых дверей, приветствовали го-

стей, приехавших принять участие в пиршестве в честь князя Шу и его дочери. Увидев их, княжна немедля укрылась за спиной отца и выглядывала из-за нее, блестя глазами, точно какой-то звереныш.

— Ну, что ты, не дичись, Мэйвей, — уговаривал ее князь, в то время как служанка, со своей стороны, тоже ей что-то нашептывала.

Наконец княжну убедили показаться, и она, по — прежнему держась вплотную к отцу, потупившись и полыхая румянцем, предстала перед хозяином и его сыновьями. Не произнесла ни слова ни когда назвали ее имя, ни когда ей представили двух молодых господ. После этого она позволила служанке проводить себя к столу, однако в течение всего ужина буравила взором Кина. Вопреки правилам приличия, предписывавшим вести себя чинно и быть сдержанными и грациозными в движениях, княжна беспрестанно ерзала на своем месте, то и дело порываясь вскочить. Каждый раз ее останавливала служанка, тихо что-то твердя на синьшэньском — почтительно, но настойчиво.

Когда подали сладости, терпение княжны лопнуло. На середине тоста, который как раз произносил один из знатных гостей, она встала

со своего места, оттолкнула служанку, пересекла зал и остановилась перед Кином. Занятый разговором с соседом, он не заметил, как подошла Мэйвей, и вдруг увидел ее рядом с собой. От неожиданности расплескав вино, Кин на мгновение вообразил (судя по выражению ее лица), что она сейчас вытворит ту же штуку, что и накануне, то есть взвалит его себе на плечо.

Однако княжна ограничилась тем, что схватила его за руку и потащила за собой. Взоры устремились на них, и, хотя княжна совершала вопиющее неприличие, Кин не осмелился возразить ни словом, поскольку все остальные сделали вид, будто так и надо. Князь Шу был почетным гостем, и раз он позволяет своей дочери так себя вести, значит, и другие не должны возражать.

***

Неразговорчивая княжна, удерживая руку Кина в своей маленькой, но крепкой ручке, решительным шагом повела его через поместье к двору Красных Кленов — гостевым покоям из нескольких строений, чьи двери смотрели на упомянутый двор: с беседкой, прозрачными ручьями, прудом с золотыми рыбками и кленовыми деревьями. Войдя вместе с ним в покои, она

усадила его на кровать.

Кин сказал:

— Ты что делаешь?

И попытался подняться, но княжна, надавив ему на плечи, заставила сесть, сама же опустилась на корточки. Бросив несколько негромких слов служанке, она легонько прикоснулась пальцами к скуле Кина, на которой всеми цветами радуги переливался кровоподтек, и в ее живых черных глазах мелькнуло сострадание.

Кин оттолкнул ее руку.

— Ты ведь понимаешь, что это из-за тебя? — спросил он. — Ты хоть что-нибудь понимаешь? Чего добиваешься?

Он снова собрался встать, но княжна усадила его еще решительнее. К тому моменту вернулась служанка, неся в руках деревянный сундучок. Открыв крышку, княжна порылась в баночках и склянках, открутила крышку одной из них и принялась осторожно смазывать синяк густой мазью со свежим и резким запахом.

Закончив, княжна закрыла баночку крышкой и вложила ее в руку Кина, сомкнув на ней его пальцы.

— Тебе, — сказала Мэйвей.

— Что, совесть замучила? — ответил Кин, но

отказываться не стал. Мазь снимала боль, отзываясь на коже приятной прохладой.

Покончив с лечением, Мэйвей успокоилась и повеселела. В ответ на очередную попытку Кина уйти она снова толкнула его на кровать и приказала:

— Сиди.

Служанка в соседней комнате звенела посудой, готовя чай, а княжна уселась на пол перед Кином, подперла руку щекой и принялась глазеть на него. Вытерпев несколько минут, он почувствовал себя неловко.

— Э-э-э… спасибо за мазь. Может, я все же пойду?..

— Сиди! — повторила Мэйвей, положив руку ему на колено.

Кин сбросил ее.

— Ты понимаешь, что ведешь себя неприлично? — спросил он.

Княжна только отмахнулась. Еще немного на него потаращившись, она вдруг вскочила, метнулась к туалетному столику и взяла щетку для волос. Не спрашивая Кина, вытащила шпильку, державшую тугой узел на макушке, и его золотые волосы рассыпались по плечам и спине. Княжна принялась расчесывать их, проводя щеткой сно-

ва и снова, время от времени отступая на шаг и окидывая Кина взглядом. Оставшись довольна, наплела Кину косичек, а затем села рядом с ним на кровать и давай трогать его: тыкать пальцами в грудь и в спину, разминать плечи, хватать за руки и тому подобное.

Кин не знал, злиться ему или смеяться. Через некоторое время все это стало его забавлять. Служанка принесла чай, и Кин сделал несколько глотков, размышляя о том, что еще никогда ему не доводилось гостевать у кого-то столь необычным образом.

Натешившись, княжна захлопала в ладоши и радостно засмеялась, любуясь на гостя.

— Хороший. Красивый, — погладив Кина по голове, с восторгом сказала Мэйвей.

Он невольно прыснул со смеху. Княжна играла с ним, будто с куклой. С одной стороны, ее повадки изрядно бесили. С другой, злость как-то сама собой утихла. Будучи взрослой девушкой, княжна напоминала настойчивого, своенравного, но беззлобного ребенка. Она неумна, пришло ему в голову. Вот почему князь Шу и не пытается призвать ее к порядку. Прятать таких людей и стыдиться их всегда казалось Кину жестоким и немилосердным. Они ведь не виноваты, что

такими родились. Кин вообще не умел долго сердиться, а тут это и вовсе было бессмысленно. Не стал же он бы всерьез гневаться на дитя. Кин улыбнулся княжне и, потрогав беспорядочно заплетенные косички, сделал вид, будто в восторге от ее творения.

— Спасибо! Замечательная прическа.

Княжна сложила ладошки и озарилась улыбкой.

— Мне, пожалуй, пора, — сказал Кин. — Спасибо за гостеприимство.

Он легонько похлопал княжну по макушке.

— Сладких снов. Будь умницей.

По-прежнему сжимая руки у груди, княжна Мэйвей смотрела, как он уходит, и глаза ее сияли.

***

Над Журавлиной Долиной занимался рассвет. Небо бледнело, из-за горизонта пробивались первые лучи солнца. Травы и листья поблескивали, умытые росой. В бамбуковой роще на все лады голосили птицы.

В мире разливались красота и покой.

Завершив тренировку на берегу горячего источника, Кин сел и погрузился в медитацию,

повторяя про себя мантру «Терпение». Ежеутренние занятия вошли в привычку с детства, теперь же стали просто необходимы для поддержания душевного равновесия. Дни выдались нелегкими, но успокаивала конечность происходящего. Еще немного, и Кин покинет поместье и вернется в Шихао — сразу после того, как его отец и князь Шу подпишут договор.

Княжна по — прежнему преследовала его — об этом говорило не покидавшее Кина свербение в спине, хотя после того случая в городе она стала лучше прятаться. Он был убежден, что она прокрадывается и в зал для переговоров, и в библиотеку, каждый раз умудряясь оставаться незамеченной и из своего укрытия буравя его взглядом. Он решил не придавать этому значения. В конце концов, через несколько дней он уедет, а пока можно просто не обращать внимания. Почему-то из всех обитателей Журавлиной Долины именно Кин приглянулся Мэйвей, и с этим уже ничего было нельзя поделать. Он старался быть добрым к ней: не возмущаться настойчивыми преследованиями, уделять часок в день, чтобы поиграть с ней в мяч. Так он отнесся бы к привязчивому ребенку. Не станешь же его наказывать и ругать за то, что кто-то ему понра-

вился?.. К тому же мазь, которую она ему дала, оказалась действенной. Синяк на скуле больше не болел и напоминал о себе лишь едва заметным бледным пятном. К моменту, когда Кин вернется к императорскому двору, он снова станет красавцем с безупречным, без единого изъяна, лицом.

В зарослях раздался едва слышный шорох, почти неотличимый от трепета птичьих крыльев. Только почти. Кин не шелохнулся. Он уже слышал подобные звуки накануне, но тогда, слишком глубоко погрузившись в размышления, не придал им значения. Теперь же он был совершенно уверен в том, что ему не показалось. Однако Кин не шелохнулся, не открыл глаза, и ресницы его не дрогнули. Со стороны он казался полусонным, полностью ушедшим в себя.

Вот почему его мгновенный переход из медитации к молниеносному броску в направлении, откуда исходил звук, был полностью неожиданным. Уже через мгновение Кин вновь появился из зарослей бамбука, волоча за шкирку упирающуюся княжну.

— Так и знал, что это ты, — сказал он, поставив ее перед собою. — Уже и сюда пробралась?

Княжна поежилась под его суровым взглядом, переминаясь с ноги на ногу, и то поднимая на

него глаза, то отводя их в сторону.

— Подглядывать за мужчинами нельзя, — поведал ей Кин и тут же задумался. — Или… — взгляд его заволокло мечтательной дымкой, и он подернулся рябью воспоминаний. — Или можно, но! — поправился он, — если ты взрослая женщина и знаешь, что делаешь. А для такой, как ты, это неприемлемо и неприлично. Понимаешь меня?

Не удостоив его ответом, княжна отвернулась и одним прыжком оказалась возле бамбука. Она принялась обрывать листья и бросать их в источник. Сочтя, что накидала достаточно, она вернулась к Кину и выжидательно посмотрела на него.

— И?.. — спросил Кин, недоумевая, что ей нужно.

Княжна протянула руку к его поясу и ухватилась за узел с явным намерением его развязать. Кин отпрыгнул, ухватившись за ворот одежды, как стыдливая девственница.

— Эй! Ты что?

Княжна решительно шагнула к нему и попыталась отвести его руки.

— Ты раздеть меня хочешь?! Рехнулась? А ну, перестань!

Отбиваясь от чокнутой княжны, Кин поскольз-

нулся на гладком скользком камне и шлепнулся в воду. Вслед за ним в источник прыгнула Мэйвей.

Кин вынырнул, шумно отплевываясь и отводя с лица мокрые волосы. Княжна, стоя по грудь в воде, решительно направилась к нему, помогая себе гребками. Умело преодолевая сопротивление Кина, который растерялся как никогда, она рывком обнажила его до пояса и двумя руками прижала к берегу, схватив за плечи.

— Мой, — строго сказала княжна.

И, прежде чем Кин успел предпринять что-нибудь, поцеловала его в плечо и слегка прикусила.

Отчаянно забившись, Кин угрем выскользнул из ее сильных ручек. Барахтаясь и поднимая тучи брызг, он выкарабкался на берег и припустил прочь.

Ну точно, сумасшедшая.

***

И вот настал счастливый день завершения переговоров. Князь Шу, господин Мо, старший брат Кина и он сам, а также секретари, помощники и приближенные (все — в парадных одеяниях) встретились в Зале Благожелательных Бесед для подписания договора. На этот раз присутствовала

и княжна — как обычно, смотревшаяся нелепо в роскошных чиньяньских нарядах. Кроме шпилек с драгоценными камнями, в волосах у нее красовалась заколка с цветком айвы.

Заседание вели с соблюдением всех церемоний, то есть невыносимо долго и нудно. Один за одним к возвышению, на котором за столом восседали господин Мо и князь Шу, подходили законники и помощники и зачитывали вслух длиннейшие документы. Кину поручили ответственное дело вести протокол. Добросовестно занося в него каждый кивок и каждое слово, он давился зевками, предпринимая отчаянные усилия, чтобы не свалиться набок в приступе непреодолимой дремы, и в качестве развлечения рисовал на полях свиные рыльца и кроличьи мордочки.

Наконец испытание мочевых пузырей присутствующих подошло к концу. Были зачитаны последние документы, выражены завершающие любезности и соблюдены все полагающиеся церемонии. Князь Шу и господин Мо достали каждый свою личную печать и приготовились скрепить договор.

В этот момент в торжественной тишине раздался звонкий голос княжны, которая произнесла, указывая пальцем на Кина:

— Мой.

Все взоры обратились на второго молодого господина. Кин опустил голову так низко, как только мог, всей душой пожелав испариться.

Князь тихо что-то переспросил у нее на синьшэньском.

— Мой, — повторила княжна.

— Прошу прощения, — негромко сказал князь, обращаясь ко всем.

Отвел княжну в уголок и зашептался с ней на своем языке. Взгляд его то и дело падал на Кина. Это не ускользнуло от внимания присутствующих, и они тоже посматривали на второго молодого господина с любопытством. Кин мечтал провалиться сквозь землю.

Переговорив с дочерью, князь вернулся на свое место, сделал глубокий вдох и заявил:

— Я вынужден объявить о пересмотре условий договора.

В зале поднялся ропот, точно ветер зашумел в ветвях.

— Могу я узнать, чем это вызва… — мягко и любезно начал господин Мо.

— Я отменяю все прежние условия, — сказал князь Шу, — в обмен на одно новое. Мы предоставим вам право на разработку рудников при

условии, что второй молодой господин возьмет в жены мою дочь. Любые другие условия отменяются и невозможны. Или этот брак — или ничего.

На несколько мгновений в зале стало ещё тише прежнего. Только из распахнутых окон было слышно пение птиц и донесся голос управляющего, который выговаривал кому-то за провинность. У Кина перехватило дыхание, сердце бешено заколотилось. Во рту пересохло; он сглотнул и, не веря ушам, посмотрел на князя, княжну, своего отца…

— Так в чем же дело, — безмятежно сказал господин Мо. — Разумеется, так и сделаем. Не вижу никаких препятствий. Благодарю за оказанную нам честь, князь Шу. Подпишем же договор.

И они вновь занесли печати над документами.

— Нет! — Кин вскочил с места, опрокинув стол. — Не будет этого! Я не согласен.

— Тебя не спросили, — бросил отец и приготовился поставить печать.

Одним прыжком Кин пересек зал, вырвал у него лист и порвал на мелкие кусочки.

— А я считаю, что меня нужно спросить! Как смеете вы распоряжаться мною! Ты! — он ткнул пальцем в княжну. — Что себе позволяешь?!

— Пожалуйста, оставьте нас, — обратился к

собравшимся князь Шу.

Шаркая ногами, шурша шелками и толкаясь в дверях, люди послушались. Через несколько мгновений зал опустел, и остались лишь Кин, господин Мо, князь и его дочка.

***

— Я хочу поведать вам кое о чем, но должен быть уверен, что все сказанное останется между нами, — начал князь Шу.

— Даю вам слово, — сказал господин Мо. — И мой сын тоже.

Кин наклонил голову в знак согласия. Князь степенно кивнул и стал говорить. Лишь только он раскрыл рот, княжна, ничуть не смущаясь, поднялась со своего места и подсела к Кину. Вытащила шпильки, и прямые золотистые волосы рассыпались по спине и плечам. Княжна принялась крутить из них жгуты и заплетать косички. Лицо ее сияло довольством.

Под взглядами старших, которые носились с дурацкой княжной как с драгоценной вазой династии Сунь, Кин не посмел возразить и молча стерпел подобное обращение. Хотя ему претила скорее бесцеремонность Мэйвей, нежели ее прикосновения, по правде сказать, довольно

приятные. Тысячу раз в своей жизни Кин велел красавицам публичных домов массировать ему голову и, лежа головой на их теплых коленях, погружался в дремоту с блаженной улыбкой на лице.

Тем временем князь Шу сказал:

— Секрет состоит в том, что моя дочь — оборотень.

Господин Мо поднаторел в сокрытии своих мыслей, поэтому лицо его осталось невозмутимым, лишь в глазах на мгновение мелькнул проблеск эмоций: нечто вроде удивления, замешательства, а затем понимания. Кин же чуть не подпрыгнул до потолка, но усилием воли усидел на месте и лишь сдавленно хмыкнул, сдержав возглас.

— На ней отразилось древнее проклятье, о котором наш род счастливо забыл на много поколений. Каждую ночь, с полуночи до рассвета, она превращается в панду. Когда старейшина племени панд, чьи предки наложили заклятье, узнал об этом, он потребовал, чтобы, как велит древний обычай, до достижения отрочества девочка половину времени проводила в их племени и половину — с людьми. Согласно их верованиям, такой ребенок приносит общине удачу и плодородие.

Князь ненадолго замолчал, чтобы отпить чаю, которого ему услужливо подлил хозяин дома.

— Когда Мэйвей исполнилось четырнадцать, ее отпустили к людям насовсем. От рождения княжна обладает незаурядными дарованиями — силой, ловкостью, развитыми инстинктами. После того, как она стала все время жить с нами, мы поручили ее воспитание воинам-монахам. Всего за несколько лет Мэйвей достигла в боевых искусствах уровня, которого лучшие из обычных людей достигают лишь к середине жизни в результате упорных тренировок и духовных практик. Однако…

Князь снова помолчал.

— Она понимает речь и может говорить, но делает это крайне неохотно. Что касается наук, чтения и письма, то здесь ее успехи можно назвать… незначительными. И это не потому, что у нее нет способностей. А потому, что пока в ней сохраняется частица животного, пока действует проклятье и она продолжает каждую ночь обращаться, ее разум не будет способен развиваться, как у обычного человека, и останется разумом дикарки: полузверя, полуребенка. Что глубоко печалит меня, поскольку у княжны живой ум и доброе сердце.

Его взгляд потеплел, обратясь на дочь. Та, не замечая ничего вокруг, увлеченно возилась с прической Кина, и лицо ее разрумянилось от воодушевления.

— Как вы понимаете, такое положение вещей делает ее неспособной принять бразды правления, когда придет срок. Без образования, развитого ума и мышления взрослого человека она будет беспомощна как против внешних врагов, так и против интриганов и прихлебателей. Это сулит тревожное будущее не только ей самой, но и всему княжеству. Однако проклятье можно снять. И способ, как вы можете догадаться — единственный и древний, как сама жизнь, это…

— …поцелуй любви, — негромко договорил за него господин Мо.

Князь подтвердил, неспешно наклонив голову, и бросил взгляд на Кина, который снова ограничился сдавленным звуком, усилием воли сдержав крик.

— Моя дочь полюбила вашего сына, — обращаясь к хозяину дома, сказал князь Шу. — И я хочу осуществить для нее эту надежду.

— Разумеется, князь, — не спеша отвечал господин Мо. — Как я уже сказал, для нас большая честь принять это предложение. Можете считать

дело решенным.

Они так говорили, как будто Кина тут не было. Его терпение лопнуло.

— А меня никто не хочет спросить? — осведомился он.

— Нет, — отрезал его отец. — Не хочет.

— А напрасно! — заявил Кин, отводя наконец руки княжны и поднимаясь на ноги. — Потому что я не собираюсь на это соглашаться.

— Еще раз повторю, твое мнение никому не интересно.

— Я не позволю женить меня на медведице!

От князя Шу повеяло холодком.

— Как я уже сказал вам, господин Мо, мое условие твердо. Не будет этого брака — не будет нашего договора.

— Не стоит беспокоиться, князь, — преспокойно потягивая чай, произнес господин Мо. — Прошу, не обращайте внимание на эти звуки. Должно быть, кошка визжит, потому что ей хвост прищемили.

И, пригвоздив Кина взглядом:

— Твое «хочу» или «не хочу» не имеет никакого значения. Ты просто сделаешь, что тебе говорят.

— Я вам шлюха, чтобы меня продавать? — взвился Кин. — Ты, — обернулся он к княжне, —

хитрая маленькая нахалка. Возьми свои слова назад!

— Потому что ты и есть она, — ледяным тоном ответствовал господин Мо. — Хорошенькая бесполезная шлюшка. Наконец-то от твоих сомнительных дарований будет хоть какой-нибудь толк.

— Только через мой труп! Ты! — снова крикнул Кин княжне. — Забудь об этом. Поцелуй любви, как же. Ха! Я скорее поцелую лягушку!

— Должно быть, вы запамятовали, молодой господин, — сказал князь Шу. — Ведь вы уже сделали Мэйвей предложение.

— Я? — Кин едва не расхохотался. — Это когда?

— Когда подарили ей заколку. По обычаям Синьшэня, если молодой человек дарит девушке подарок, неважно какой, это означает, что он предлагает ей руку и сердце.

— Да ничего я не дарил ей. Я…

— Кроме того, — продолжал князь Шу, — моя дочь спасла вам жизнь. Это вы тоже запамятовали?

— Спасла жизнь? Когда?

— Разбойники, лес, Сунь Хун, который собирался сделать вас своей девочкой… Не припоминаете?

В голове завертелись воспоминания. Дерево, веревки, девушка — серебряный вихрь… Кин застонал, запустив пальцы в волосы.

— Вот именно, — сказал князь Шу. — Не стоит пренебрегать подобными знаками, второй молодой господин. Сама судьба свела вас с моей дочерью. По западным традициям, в таких случаях спасенный женится на спасительнице. Или спасенная — выходит замуж за того, кто ее спас.

Кин цеплялся за соломинку:

— Мы же не будем следовать обычаям этих дикарей!

— Некоторые из них весьма разумны, — усмехнулся князь. Они с господином Мо обменялись понимающими взглядами и выпили ещё чайку, находясь в полной гармонии друг с другом.

— Вы сами очаровали мою дочь, господин Кин, — продолжал князь Шу. — Кто заставлял вас дарить ей подарок, улыбаться и любезничать? Мне казалось, она тоже приглянулась вам. Ведь вы провели немало времени вместе. Играли в мяч, гуляли по городу… Кажется, вы даже угощали ее. Разве не так?

— Не так! Совсем не так!

— А как? — спросил, в свою очередь, господин Мо. — Если княжна не интересует тебя, зачем

было давать ей надежду?

Его сын снова застонал, вцепившись себе в волосы.

— Должно быть, в прежней жизни я предал свою страну, раз в этой Небеса покарали меня красотой и добрым сердцем, — сокрушался Кин. — За что я так наказан? За что?..

Наконец ему надоело причитать. Он почувствовал, что задыхается в этих стенах. Будто на шее у него медленно, но верно затягивается петля. В ярости второй молодой господин пронесся по залу и вылетел за двери. Однако тут же сунулся обратно, чтобы, вне себя от гнева и раздражения, прокричать княжне:

— Не для тебя крыжовник зрел, не для тебя эта слива расцветала! Я скорее умру, чем женюсь на тебе, сумасшедшая!

И снова исчез.

Князь Шу и господин Мо поглядели друг на друга, со значением покачав головами. Каждому было что сказать. Первый взглядом выражал надежду, что вспыльчивый молодой человек образумится, второй печалился, что плохо воспитал сына. Но благородные мужи не опускаются до перепалок, поэтому оба мужчины воздержались от того, чтобы порицать поведение Кина

вслух и вернулись к обсуждению брака как делу решенному.

***

Кину снилось, что его ест огромная панда. Пожирает, откусывая кусок за кусочком. Однако это было не больно или омерзительно, а почему-то даже приятно. Одна за другой, части тела растворялись в воздухе, и оно становилось все легче и легче.

С трудом разомкнув тяжелые веки, он взглянул на мир точно сквозь туман. Он лежал на постели у большого окна с раздвижными ставнями. Они были открыты, и в комнату лился прохладный воздух, пахнущий водой и травой. Из окна открывался вид на зеленую лужайку и горы. Где-то неподалеку негромко бурлил ручей.

Кин решил, что все еще спит. Место было ему незнакомо, однако почему-то здесь повсюду были его вещи: настольное зеркало, шкатулка с шпильками и лентами для волос, висящая на ширме одежда, даже картина «Рассвет на горе» — все это принадлежало ему. Однако саму эту комнату, с простым и строгим убранством (белые стены, кровать из черного дерева, гравюры с изображением рек, гор и бегущих облаков), Кин

видел впервые.

Однако ощущения вполне материальные сообщили ему о том, что он все-таки проснулся. Рядом с кроватью сидела княжна Мэйвей и терзала его руку. Она то брала в рот палец за пальцем, слегка прикусывая их, то целовала изящные, четко очерченные костяшки, то переворачивала руку внутренней стороной к себе и льнула губами к запястью — а то пару раз лизнула, точно желая знать, каков Кин на вкус.

Притворившись спящим, Кин высвободил руку. И тотчас после этого снова уснул.

Когда он опять пробудился, лужайка перед домом окрасилась золотисто-розовым. Солнце клонилось к закату. Мэйвей не было. Вместо нее у постели Кина дежурила служанка.

— Что случилось? — спросил Кин.

Поскольку в тот день господин Мо ничего не предпринял, Кин решил, что его отказ жениться на княжне (равно как и форма, в которой он был сделан) сошел ему с рук. Однако на рассвете следующего дня, не успел он открыть глаза, к нему ворвалась пара стражников из числа охраны поместья. Прямо в нижних одеждах его выволокли во двор и поставили на колени на холодные плиты.

Отец уже был здесь и держал кнут в черно-оранжевую полоску.

Это был знаменитый Тигриный кнут для наказаний, которого страшились все в Журавлиной Долине. Трех-четырех ударов хватало, чтобы на десять дней лишить дееспособности крепкого мужчину.

Своему сыну господин Мо назначил двенадцать ударов. Он наносил их размеренно и метко, не меняясь в лице, пока Кин стоял на коленях с прямой спиной.

Он выдержал шесть ударов, прежде чем согнулся пополам и выхаркнул кровь. Дальнейшее заволокло туманом.

Что случилось потом, рассказала служанка. Починьяньски она говорила с акцентом, но лучше, чем ее госпожа. Княжна влетела во двор, когда господин Мо велел облить сына водой и приготовился возобновить наказание. Она разметала стражников и слуг и выхватила Кина из-под седьмого удара, пихнув господина Мо в грудь так, что он отлетел и ушибся головой о стену. Не прошло и часа, как князь и княжна покидали Журавлиную Долину, увозя бесчувственного Кина с собой.

Место, где сейчас находился Кин, называлось Туманные Вершины. Летняя резиденция правя-

щей семьи Синьшэня, где князь и его близкие укрывались от изнуряющего зноя равнин. Теперь была осень, и ночи здесь становились холодноваты. Но княжна все равно захотела привезти Кина сюда, в это тихое уединенное место, где волны тумана плыли средь молчаливых гор, шелестели густые леса, пели водопады, и время от времени крик хищной птицы разрезал тишину.

Больше десяти дней княжна не отходила от его постели, два лучших лекаря княжества лечили его. Ему давали снадобье, которое вводило его в глубокий целительный сон, и каждые несколько часов меняли повязки. Таким образом, Кин все это время проспал, не чувствуя боли. Благодаря искусному лечению рубцы на его спине затянулись и уже почти не беспокоили — всего лишь слегка саднило, когда он поводил плечами.

— Я принесу вам суп, — сказала служанка. — Княжна велела накормить вас, как только вы очнетесь.

Она принесла крепкого мясного бульона. Не успел Кин прикончить его, как явилась Мэйвей с лекарями. Те принялись осматривать его: щупать пульс, заглядывать в глаза, проверять спину. Это заняло не меньше получаса, после чего они уверили княжну, что с молодым господином все

в порядке, разве что несколько дней он будет немного слаб. Но раны затянулись, жара больше нет. С этого момента ему больше не нужно пить снотворное — а вот выходить на прогулки, напротив, будет полезно.

В большую бочку натаскали воды. С помощью двух слуг Кин выкупался и вымыл голову, сразу после этого почувствовав себя бодрее. После того, как он переоделся в чистое и выпил чашку горячего чая, в голове у него окончательно прояснилось.

«Спасибо, что позаботились обо мне, а теперь мне пора», — собирался сказать Кин, но не успел. Княжна отдала какой-то приказ, и в комнату зашла целая вереница служанок с подносами. Поставив их на пол у кровати, они удалились. Перед Кином красовались горы добра. Шелковая одежда и пояса, шкатулки с заколками и шпильками, ручные зеркала, какие-то украшения…

— Что это такое? — спросил он.

Княжна опустилась на колени и принялась пихать ему в руки шелка, побрякушки, зеркала — завалила его вещами.

— Тебе, — повторяла она. — Всё тебе.

После этого устроилась перед ним на полу и сказала, взяв за руку и глядя ему в лицо:

— Живи здесь. Будь счастливым.

Некоторое время Кин молча посидел, не находя слов, затем резко встал и покачнулся. Княжна вскочила, хотела поддержать его, но он оттолкнул ее руку и, пошатываясь, направился к выходу на террасу. Голова еще кружилась от слабости и многодневного сна. В дверях Кин остановился на мгновение, ухватившись за притолоку и щурясь на свет, затем пересек террасу и уселся на низких ступеньках.

Трава золотилась в лучах заходящего солнца. Горы таяли в туманной дымке. Под легким ветерком качались цветы. Дом стоял в отдалении от других построек, черные черепичные крыши которых виднелись за пышными кустами жасмина.

Мэйвей присела на корточки в двух шагах от Кина, уставившись на него с любопытством и сочувствием. Ее черные глаза блестели. Сейчас на ней была синьшэньская одежда: длинное прямое платье с разрезами по бокам, сшитое из темно-серого шелка, с узорчатой каймой по круглому вороту, подолу и манжетам. В разрезах виднелись штанишки из той же ткани. В этой одежде Мэйвей было явно удобно и привычно, и двигалась она куда грациознее, чем в чиньяньских нарядах,

которые ей так не шли.

Кин искоса глянул на нее и отрывисто сказал:

— Сядь как следует.

Княжна послушалась и села, свесив ножки.

Кин еще помолчал, борясь с нарастающим гневом, и наконец зло бросил:

— Тебя это забавляет? Думаешь, это смешно?

— ....

— Думаешь, это заставит меня жениться на тебе? Благодарность?.. Я не благодарен тебе! Я в состоянии сам разобраться со своим отцом и решить, что мне делать.

— Живи здесь. Будь счастливым, — как заклинание, повторила княжна.

— Нравится строить из себя дурочку? — спросил Кин. — Хватит повторять одно и то же. Ты могла обмануть меня прежде, но не сейчас. Я думаю, что ты не так глупа или наивна, как хочешь казаться. И понимаешь все гораздо лучше, чем желаешь показать. Тебе хватило ума понять происходящее на переговорах. И встрять в решающий момент, чтобы потребовать, чего тебе хотелось.

— ...

— Но ты не можешь показать на человека и сказать, что «он мой». Не можешь следить за ним и трогать без разрешения. Не можешь обращать-

ся с ним как с игрушкой. Не можешь просто взять и привезти его сюда, просто потому… просто потому, что можешь. Думаешь, тебе все позволено? Думаешь, можешь просто вот так распоряжаться мной, потому что все вокруг потакают твоим капризам? Думаешь, получишь все, что захочешь, просто потому, что ты та, кто ты есть? Потому что ты *такая*? И я ничего не смогу возразить? Но знаешь что. Мне есть чем ответить. Я знаю, как сделать так, что ты будешь слушаться меня, как собачонка.

Кин повернулся к ней, взял за руку. Глядя ей в глаза, прикоснулся к запястью губами и легко скользнул по тонкой коже кончиком языка.

Княжна вспыхнула и попыталась отнять руку.

На губах Кина мелькнула улыбка. Он крепко держал Мэйвей, не позволяя ей отстраниться, и мягко поцеловал в губы. Княжна попыталась отвернуться, но он не позволил, взяв ее за подбородок. Поцелуй, вначале легкий, как трепет крыльев бабочки, стал глубоким, тягучим и нежным.

В первое мгновение Мэйвей хотела оттолкнуть его, но тут же сдалась, почти сразу растаяв и запылав. Когда Кин отстранился, ее было не узнать. Сама не своя: глаза блестят, щеки пылают, дыха-

ние сбилось, сердце бьется, точно у пойманной птички. Растерянно моргая, она, будто не веря случившемуся, прикоснулась к своим губам. Затем робко потянулась пальцами к губам Кина.

Он мягко отстранил ее руку.

— Видишь? — с усмешкой произнес он, наблюдая за ней. — У меня тоже есть власть. Я могу управлять тобою. Могу сделать так, что ты станешь воском в моих руках. Могу использовать твое желание против тебя же. Но я не стану так поступать.

Подождав, пока Мэйвей немного придет в себя, продолжил:

— Потому что это нечестно. Я не стану этого делать просто потому, что могу. Потому что это неправильно. Нельзя так обращаться с людьми. И я точно знаю, что ты, сколько бы ни пыталась строить из себя дурочку, это понимаешь.

— …

— Вот тебе поцелуй, — сказал Кин. — Сегодня же и убедишься, что толку от него никакого. Ты можешь заставить меня на тебе жениться. Вы все можете. Рано или поздно меня все равно женили бы. Не на тебе, так на ком-то еще. Но я никогда не буду чувствовать к тебе того, чего ты ждешь. Никогда.

Воцарилась тишина.

— Люблю тебя, — наконец с трудом выговорила княжна.

Кин коротко, презрительно рассмеялся.

— Это не любовь.

Снова долгое молчание.

— Покажи мне любовь, — сказала Мэйвей.

Не отвечая, Кин вытянул руку. Солнечные блики заиграли на ней, то появляясь, то исчезая по мере того, как ветер играл ветвями или на солнце набегала мимолетная тучка.

Посидев так некоторое время, он легко, одним движением поднялся и направился в дом.

В дверях Кин столкнулся с князем.

— Можно узнать, куда вы так стремительно убегаете? — спросил он.

— Куда угодно. Прочь отсюда. И вы меня не удержите.

— И не собирался, — ответил князь. — Только позвольте полюбопытствовать, куда вы пойдете? Домой? Ваш отец примет вас лишь затем, чтобы завершить наказание. А потом снова отправит сюда, только теперь уже под стражей. В Шихао?.. После того, как сорвали переговоры? Не думаю, что Камичиро будет вам рад. Кроме того, вы ещё не вполне оправились от болезни и можете в

любой момент потерять сознание. Боюсь, вам некуда идти, молодой господин. Советую вам задержаться хотя бы затем, чтобы залечить раны.

Кин остановился, не в силах выразить охвативший его гнев. У него было чувство, что его связали по рукам и ногам, заперли в клетке и впридачу заткнули рот. И теперь он не может ни сказать что-либо, ни пошевелиться.

Он с грохотом захлопнул за собой дверь, оставив на террасе князя Шу и его дочь.

***

Он был самым красивым существом, которое княжна Мэйвей когда-либо видела. Изящным и утонченным, как оружие работы искусного мастера, грациозным, как дикое животное, сияющим, теплым и неуловимым, как солнечный свет.

Едва увидев, она захотела его себе. Не задумываясь, безоглядно и страстно — и так же естественно, как хотела дышать. Рядом с ним ее мир становился красивым и ярким. Без него — серым, унылым, пустым.

Увидев, что с ним сотворили удары кнута, княжна пришла в ярость. Это было то же самое,

как если бы избивали ее.

Я буду заботиться о тебе. Больше никто не посмеет причинить тебе боль. Я никому не позволю тебя обидеть.

Смотри, вот все, что ты любишь. Живи здесь, будь счастливым. Я все сделаю, чтобы тебе было хорошо.

Но почему-то он не был счастливым. С тех пор, как он поселился в Туманных Вершинах, горевший в нем свет померк. Казалось, он покорился своей воле, но вместо сияния, которое он источал, которое пленяло и слепило Мэйвей, точно яркое солнце, теплился тусклый огонек, который грозил вот-вот погаснуть. И она не знала, как разжечь это пламя вновь.

Что бы она ни делала, ему было все равно.

Однажды вечером он сел на коня и уехал вниз по тропе, в город. Незамеченная, Мэйвей последовала за ним. Не для того, чтобы досаждать ему своим обществом. А чтобы убедиться, что с ним все будет хорошо.

Он вошел в увеселительный дом, где посетители ужинали и слушали пение красавиц.

Кин никого здесь не знал, но для него сразу нашлась компания. Каждый хотел заполучить такого красивого и очаровательного молодого

господина за свой стол. Гости наперебой угощали его и, распознав в нем человека из столицы, интересовались новостями Шихао и жизнью при императорском дворе.

Кин охотно болтал с ними. Ужинал, пил, улыбался девушкам… И сердце Мэйвей, притаившейся у открытого окна, пропустило удар: вот он, этот свет, который она так мечтала снова увидеть.

Кин принадлежал такому миру, а такой мир — принадлежал ему. Он засиял, лишь на миг ощутив себя свободным.

Мэйвей стало больно, но в то же время… В то же время она почувствовала себя счастливой, глядя на то, как счастлив он.

Он прав. У него своя сила. Но не та (или, вернее, не только та), о которой он говорил Мэйвей.

Сила украшать собой мир. Давать людям тепло и радость, вызывать улыбку на каждом лице — легко, инстинктивно и щедро, не ожидая ничего взамен. Нельзя укротить, приручить эту силу, ибо она — дар и существует сама по себе, как солнце, согревающее мир.

Ей вдруг вспомнилось, как Кин протянул руку навстречу его лучам. Свет играл на ней бликами, которые беспрестанно сменяли друг друга. «Покажи мне любовь», — сказала она тогда.

Мэйвей поняла.
Невозможно пленить солнце.

***

Той ночью в доме развлечений произошел удивительный случай. Далеко за полночь, когда половина посетителей разбрелись по домам, а прочие клевали носом, уже почти не слушая песен похрипывающих дев, в главном зале появилась медведица. Панда приблизилась к столу, за которым спал молодой господин из столицы, бережно сгребла его в охапку и унесла. Из работников заведения свидетелем тому стал лишь слуга, убиравший посуду. Он клялся и божился, что все было именно так, но хозяин лишь дал ему подзатыльник и велел не выдумывать. Гости же, которые все без исключения пили вино, решили, что им это привиделось.

***

Наутро Кин обнаружил комнату пустой. Всё, включая подарки Мэйвей, исчезло — осталось лишь самое необходимое. На ширме висели верхние одеяния. На столе дожидался завтрак.

Мэйвей явилась, когда он оделся и поел, а слу-

жанка унесла посуду. Княжна указала ему на дверь:

— Уходи.

— Куда? — спросил Кин.

Она взяла его за плечи и принялась подталкивать к двери.

— Уходи.

— Подожди… Ты что, отпускаешь меня?

Кин развернулся и всмотрелся в ее лицо.

— Уходи, — глядя на него прямодушно и откровенно, сказала княжна.

Сейчас она совсем не напоминала капризного и дурашливого ребенка.

— Правда? — ещё раз уточнил он.

Княжна промолчала, но все читалось на ее лице. Любовь, смирение, печаль, вызов.

— Прости, — сказал Кин.

Хотел было взять ее за руку, но не решился.

— Спасибо.

Княжна вскинула на него глаза, и они долго смотрели друг на друга. Впервые за все это время Кин ощутил безмолвное взаимопонимание с ней. Горькая обида переполняла Мэйвей, но она отпускала его чистосердечно и честно. У Кина потеплело в груди.

— Спасибо, — повторил он, искренне и от ду-

ши. — Спасибо тебе. Уверен, ты найдешь своего человека. Будь счастлива.

***

Кин как раз направлялся к воротам, когда его остановил слуга и передал, что его желает видеть хозяин дома. Князь дожидался его в беседке у пруда с лотосами.

— Прошу, выпейте со мной чаю, молодой господин, — любезно пригласил он.

Кин послушно уселся за стол.

— Собираетесь меня остановить? — спросил он. — Или будете бить и ругать?

Удрав в питейное заведение без спросу, он подозревал, что обитателям Туманных Вершин эта выходка вряд ли понравится. Вообще-то он не собирался возвращаться. Он намеревался провести веселый вечерок в городке, а там отправиться куда глаза глядят. Однако сам не заметил, как уснул за столом. Не потому, что сильно опьянел. Был у него талант вливать в себя изрядное количество вина, не хмелея. А потому, что (как и предсказывал князь) полностью восстановиться после ударов Тигриного кнута ему предстояло еще не скоро. Он уснул просто потому, что устал. Как вернулся домой, Кин не помнил.

— Даже не думал, — ответил князь. — Могу я с вами поговорить?

Кин пожал плечами.

— Что вы намерены делать дальше, молодой господин? — спросил князь Шу.

— Уехать отсюда, — ответил Кин. — Мы обо всем договорились с княжной. Будете возражать?

Князь Шу пожал плечами, как бы говоря: «Очень надо».

— Я не собираюсь жениться на вашей дочери, — на всякий случай уточнил Кин.

— Да, вы ясно дали понять, что не в восторге от этой идеи.

— Если что, я уже поцеловал ее, — сообщил Кин, все ещё не веря, что князь сдался. — Насколько я могу судить, ничего не изменилось. И не изменится. Никогда.

— Хорошо, — сказал князь Шу.

Кин покосился на него, удивленный:

— «Хорошо»?

— Куда вы намерены отправиться, молодой господин? — вместо ответа спросил князь Шу. — И что намерены делать?

— …

— Вернуться ко двору? После того, как нару-

шили волю императора? Я так не думаю. Даже у вас не хватит дерзости. К друзьям?.. Ни одно благородное семейство в Чиньяне не пустит вас на порог после того, как вы отказались подчиниться его величеству. Пойдете в наемники? Я знаю, вы изучали боевые искусства, числитесь в списке двадцати лучших молодых воинов империи и даже успели немного повоевать. Но вам не по душе такие занятия. От крови вас мутит, а карьера военного не привлекает. Что ещё вы умеете? За счет чего собираетесь жить? Следующий ваш талант — незаурядное очарование. Что ж, полагаю, любой публичный дом почтет за честь принять вас, и вы будете пользоваться огромным успехом… у гостей обоих полов. Уверен, заработаете немалое состояние. Но с того момента, как ступите на эту стезю, пути обратно для вас не будет. Ни один из ваших прежних приятелей с вами не поздоровается. Вас с позором вычеркнут из семейных списков, путь домой будет закрыт для вас навсегда. Выдержит ли все это ваша гордость?

— К чему вы ведете? — спросил Кин. — К тому, что мне деваться некуда, кроме как жениться на княжне?

— Я не собираюсь вас заставлять и удерживать, — сказал князь. — Можете уехать прямо

сейчас. Что с вами будет — ваше дело. Но я хочу, чтобы вы подумали вот о чем.

Он немного помолчал и продолжил.

— Взгляните на этот брак с другой точки зрения. Подумайте о нем не как о наказании, а как о возможности. Что вы делали до сих пор при императорском дворе (предположим на мгновение, что вам позволят туда вернуться)? Вы не участвуете в предприятии Жемчужной горы, не интересуетесь военными подвигами, а обязанности чиновника навевают на вас тоску. Ваш талант — вносить оживление в дворцовые развлечения, но до каких пор вы собираетесь это делать? Все ваши друзья уже занимают выгодные посты и тем или иным образом помогают в делах императору. Вы хотите стать придворным шутом?

Кин, не отвечая, поджал губы и уставился перед собой.

— Я не намерен вас оскорбить, молодой господин, — сказал князь. — Я не разделяю мнения вашего отца и смотрю на ваши способности иначе. С подачи господина Мо, который годами внушал вам, что вы ни на что ни годный бездельник, вы сами неверно оцениваете себя. Я наблюдал за вами. Вы умеете нравиться людям и находить с ними общий язык. Во время перего-

воров вы едва сдерживались, чтобы не заснуть, и на первый взгляд совершенно не следили за ходом беседы. Однако если вам задавали вопрос, вы отвечали по существу, ясно и четко. Нужен незаурядный талант, молодой господин, чтобы так отчаянно скучать и при этом умудриться не упустить ни единой мелочи. Я считаю ваши качества ценными и хочу их использовать. Я могу дать вам прочное положение и возможность проявить себя. С тем, чтобы в будущем занять место правителя этого княжества.

— А что же княжна? — резко спросил Кин.

Князь вздохнул и ничего не ответил.

— Не знаю, что там насчет легенд, но если вы рассчитываете с моей помощью снять заклятие, этого не случится. Зачем лишать ее возможности встретить того, кто…

— Моя дочь любит вас, молодой господин, — просто и спокойно сказал князь. — Она счастлива уже тем, чтобы заботиться о вас и быть с вами рядом. И если брак с вами подарит ей это счастье, не так уж важно, будет снято заклятие или нет. В последнем случае вы станете править от ее имени.

— …

— Ваш отец не любит и презирает вас, моло-

дой господин, — смягчая голосом безжалостную откровенность своих слов, произнес князь. — А император не особенно ценит. Я знаю, что вы старались хорошо относиться к моей дочери, пока вас не вынудили взбунтоваться, и даже сейчас по-настоящему не злитесь на нее. Вы ни на кого всерьез не можете держать зла. Вы добры, честны и талантливы. Я считаю ваши так называемые «пороки» ничем иным, как проявлением неуемной энергии молодости и вашей живой и пылкой натуры. Ваш характер и способности вызывают у меня уважение. И если вы решите остаться… Вы найдете здесь больше, чем прочное положение и выгодный брак. В Синьшэне вы обретете семью, которой у вас никогда не было — ту, где к вам будут относиться с любовью и уважением.

***

Полтора года спустя. Территория Двенадцати Воюющих Царств, Восточные степи, земли Северной Юй, город Маньсу.

— …племенам Восточной Инчан дозволяется вести торговлю с округами Шань и Син шкурами и зерном, а также отдавать дань лошадьми и мехами. Для Средней Сю пятнадцать мер серебра заменяются…

Ясный монотонный голос говорящего отчетливо разносился по просторному залу, в котором правители Двенадцати Царств выслушивали посланника императора — зятя князя Шу и будущего правителя княжества Синьшэнь, которому вменялось в обязанность время от времени объезжать сопредельные земли по таким вот поводам. Формально это называлось переговорами, однако на деле посланник явился сюда в знак того, что зоркий глаз империи ни на мгновение не перестает следить за делами Двенадцати Царств, а также чтобы уведомить о новых условиях выплаты дани.

— …кроме того, Западная Сян отныне обязана…

Встреча проходила во дворце правителя Юй (в Чиньяне бы его сочли, скорее, сараем), где собрались правители всех Двенадцати Воюющих Царств. Вообще-то они могли бы и сами приехать в Чиньянь, не переломились бы, но император Камичиро предпочитал, чтобы его представители держали себя в форме, чаще дышали свежим воздухом и лично следили за ходом дел на вверенных им территориях.

Выпрямив спины и, как полагалось, глядя строго перед собой, правители безропотно выслушивали условия, которые им зачитывал

посланник. Не то чтобы эти условия сильно им нравились — спокойствие на переговорах обеспечивала отнюдь не их добрая воля или симпатия к империи, а чиньяньские воины в алом, своим присутствием молчаливо напоминавшие о том, кто в курятнике петух. Часть из них выстроилась по периметру зала, остальные — на площади перед дворцом.

Сам посланник, красивый и утонченный молодой господин с золотыми волосами, восседал на троне правителя Юй. Одетый в алые и бледно-золотистые шелка, среди более чем скромной (по меркам Чиньяня) обстановки дворца, а также правителей Воюющих Царств, носивших темную шерсть, кожу и шкуры, он смотрелся как пион среди сорняков. Его сопровождала супруга, молодая госпожа в темно-сером шелке. Жены правителей, оставшиеся снаружи, успели увидеть ее, когда она заходила в зал, и между собой сочли невзрачной, какой-то забитой и вовсе не заслуживающей такого красавца, как господин Кин.

Как уже было сказано, его слушали с вынужденным вниманием, однако в любой компании найдется задира, которому все нипочем. Уже не в первый раз господина Кина перебивал правитель Западной Сян — юный, неопытный,

недавно дорвавшийся до власти и потому дерзкий, как необъезженный жеребец. Прежде он уже отметился несколькими комментариями с подтекстом «а не обнаглел ли ваш император». Однако, так как подтекст этот был хорошо скрыт безупречной формой, предъявить наглецу было нечего. Угомонив его пронзительным взглядом, Кин переводил глаза на бумагу и продолжал свою речь.

Хуже было то, что на каждую такую реплику находились согласные, и невысказанный ропот в зале нарастал — атмосфера накалялась, как воздух перед грозой.

Когда дело дошло до Западной Сян, болтун не стерпел и высказался в открытую.

— Почему это Западная Сян обязана! Мы не…

На сей раз некто в зале утратил терпение. Что-то просвистело по воздуху, и болтун упал навзничь без чувств. На лбу его наливалась здоровенная шишка, нанесенная небольшим, но тяжелым предметом — стальным метательным шариком. Задним числом собравшиеся осознали, что сей меткий удар был нанесен супругой господина Кина — княжной, как теперь они припомнили, Мэйвей, которая до сих пор держалась безмолвно и кротко.

— Молчать, когда моя булочка говорит, — коротко и четко сообщила Мэйвей.

И снова укрылась в тени своего господина.

В зале воцарились тишина и согласие.

Посланника императора «булочка» ничуть не смутила. Вообще, на все случившееся он и бровью не повел. Как только бесчувственного правителя Западной Сян унесли, молодой господин как ни в чем не бывало продолжил:

— …обязана выплачивать ежегодно четыре меры золота, а также…

***

За городом простиралась бескрайняя степь. Во время и после переговоров Кин и Мэйвей не сказали друг другу ни слова и обменялись всего парой взглядов. Однако, как только город скрылся за горизонтом, они одновременно остановили коней. Повинуясь едва заметному знаку господина, процессия двинулась дальше. Когда замыкающие скрылись из виду, Кин соскочил с коня.

Мэйвей уже ждала его, спешившись. Несколько мгновений — и они оба оказались на земле. Кин привычным жестом задрал ее платье. В следующий миг Мэйвей коротко вскрикнула, глаза ее на мгновение расширились, но тут же затуманились

наслаждением. Она откинула голову, подставляя поцелуям нежную шею.

Некоторое время степь оглашали лишь мелодичные стоны, да пение птиц.

Час спустя они, по — прежнему тесно слившись, отдыхали средь пестрого душистого разнотравья. Над их головами колыхались цветы, ослепительно голубело небо.

— Опять ты меня искусала, — сказал Кин.

Улыбнувшись, княжна ласково потерлась щекой о его плечо.

— Зверушка и есть зверушка, — поддразнил он. Мэйвей только рассмеялась и пылко поцеловала его.

— Что-нибудь могла бы и сказать, — продолжал Кин. — Например, как я прекрасен, как ты меня любишь и все такое…

Вместо ответа Мэйвей принялась покрывать поцелуями его лицо.

Люблю тебя. Хороший. Красивый.

Каждый поцелуй говорил больше тысячи слов.

***

После того, как перестала превращаться, Мэйвей прекрасно научилась читать, писать и говорить. Первое и второе она делала охотно, а

в третьем по — прежнему не видела нужды. Она была от природы неразговорчива. Кроме того…

Они двое без слов понимали друг друга. Быть с ним, любить его для Мэйвей было так же естественно, как дышать.

Или нежиться в лучах восходящего солнца.

Августина Светлая
По правилам и без

— Руки убери, — услышала крик напарницы из-за стенки, а по звуку удара догадалась — не убрал. — Эй, Эш, ты там скоро? Тут самоубийцы на каждом шагу.

Вышла из приватной комнаты, где только что, весьма удачно, обчистила карманы главы крупного вампирского клана и присвистнула. На полу валялось семеро вампиров разной степени побитости. Ещё трое, условно живых, прятались за портьерой, кадкой с пальмой и барной стойкой каждый соответственно. Условно живыми я их назвала, потому что, если Кара узнает, что пальму не на ветру качает, — кроме нас здесь прямо-ходящих не останется.

— Удачно?

Я кивнула и толкнула дверь. В уши тут же ударил грохот музыки, шум толпы, а в нос стремительно забрались запахи — табак, алкоголь и даже… ох, ты ж тёмная.

— Кара, уходим и быстро.

Дважды напарницу звать не пришлось. Мы обе

знали, если в воздухе пахнет наркотиками — жди щенячий патруль.

— Тьма, — Кара резко отступила от окна, куда секундой назад намеревалась выскочить, и потащила меня за собой. — Они уже здесь. Попробуем по-другому.

Мы побежали. Преодолев два лестничных пролёта, оказались в полуподвальном служебном коридоре. Наверху как раз заглохла музыка — патруль работал быстро. Они уже начали прочёсывать толпу.

— Вечно обламывают всё веселье, — прорычала Кара. — Кто бы им сказал, что нормальные люди по ночам дома спят!

— Они не люди, — терпеливо прокомментировала я, взламывая вход в техническое помещение. В клубах, где собирались дети ночи в таком количестве, всегда было много выходов — действующих и нет. Перед любым делом мы изучали их все. Из-за того, сколько головной боли, благодаря нам, в последнее время появилось у вампирских кланов, — приходится быть на чеку.

Замок наконец поддался, дверь отворилась, и мы рванули внутрь. Этим ходом явно давно не пользовались. Я несколько раз споткнулась, оступилась и в итоге оказалась в бочке с какой-то

жижей. Надеюсь, не с кровью. В темноте не разберёшь. Но, пожалуйста, пусть это будет не кровь.

— Аааа, тьма, муть, жесть, да ну, аааа, — кричала Кара. По характерному «хлюп», с которым жидкость принимает в себя любое физическое тело, я догадалась, что напарница тоже оказалась в бочке. Соседней. Теперь мы обе не успеем уйти.

— Кровь? — почти смиренно спросила я.

— Надеюсь, что не она, — сообщила чуть, поуспокоившись Кара. Наше главное правило: «Если всё катится во тьму само по себе — расслабься и получай удовольствие». — Просто противно. Оно, конечно, мягкое, но фууу… еще и мокро…

Через пару минут за нами уже явились. Помещение оказалось тупиковым — дверь давно замуровали. А вот бочки, причём в большом количестве, хранили. С кровью здесь тоже были. Но, к нашей удаче, мы им не достались.

Шестеро патрульных-оборотней быстренько вынули меня. Накинули магические арканы на Кару — так просто даже им чистильщика не удержать — и повели обратно. Два лестничных пролёта. На этот раз — наверх. Полутёмный коридор, освещённый тяжёлыми золоченными бра. Кроваво-красная приватная комната.

— По-моему, по нам успели соскучиться, — шепнула напарнице и получила несильный, но ощутимый тычок в плечо от оборотня. Кара дёрнулась. Но патруль знал, с кем имеет дело, — магические арканы хорошо сдерживали силу чистильщика.

В комнате стояла суматоха. Всех искалеченных Карой вампиров собрали в одну кучу. Те, что остались прямоходящими, после нашего ухода снова затряслись, но с места не сдвинулись. Значит, всё плохо. Совсем плохо. Значит, щенячий патруль явился за нами. И, главное, знал, где искать. То-то я и удивилась, что сегодня всё было как-то совсем просто. Мы и расслабились. Даже бежали позже, чем планировали. И, судя по результату, очень зря.

— Эти? — спросил высокий темноволосый оборотень. Хотела было ответить, но увидела весьма потрепанного после встречи со мной главу вампирского клана.

— Эта, — плотоядно ответил он и указал на меня. Вот же гад клыкастый.

— Её — в отделение, — скомандовал патрульный, — второй — штраф.

Вторая, которой оказалась Кара, возмутилась. А ещё она явно не поняла, что патруль явился не

искать поставщиков дешевого кайфа.

— Какой штраф? Да я тут, вообще, просто мимо проходила. «Эту» вашу впервые вижу, — по легенде мы всегда незнакомы. Если повяжут одну — вторая сможет выручить. Штрафы получать, а значит, светиться в базе, тоже нельзя. — Я бы с такой? — продолжала заливать подруга. — Мелкая, слабая, глядеть противно! Так и хочется пожалеть или добить, чтоб не мучилась. — В отличии от моего, тело Кары было мощным и натренированным, как у любого чистильщика, а в бою она не уступала ни одному человеческому мужчине. К сожалению, перед нами были не мужчины, а щенячий патруль. — С такой? Ну нет! Ни в жизни. Даже не намекайте, если пытались. Мне неловко. Вам неловко. Кому от этого, вообще, польза есть? Или вы ни на что не намекали? Я просто не совсем поняла.

Если бы нашей целью было поскорее оказаться в отделении, то пытка Каренным многословием увенчалась успехом. Мужик вышел из себя. Покраснел, сжал кулаки, прорычал что-то подчиненным, и через минуту меня уже сажали в служебную машину.

— Противозаконно, — на всякий случай, сообщила оборотню, которому доверили эту почетную

миссию. — Я, как и все, пришла повеселиться.

— И оказались в бочке с сырым желтком? — скептически задрав бровь, спросил он, — сомнительное веселье.

Я, в свою очередь, поразилась: «Зачем только в вампирском клубе столько желтка?» Хотя всё равно лучше в него, чем в бочку с кровью.

***

— Пятьдесят четыре нападения за последние полгода, все — главы вампирских кланов или их приближённые. Без убийств, но со значительными физическими повреждениями, — передо мной стоял тот же темноволосый мужчина, что отправил меня в отделение, и скептически разглядывал, — видимо, всё-таки между вами с подружкой кое-что да есть. Сомневаюсь, что ваши руки это могут, — он процитировал, — «хребет сломан в четырёх местах».

Да, Кара вампиров терпеть не могла. Не убивала только потому, что я запретила. Сказала, что просто не стану с ней работать, если хоть один кровосос окажется мёртвым. А вот калечить и пугать их ей никто не запрещал. В клане сумеречных нас теперь, вообще, в чёрный — «для особо опасных» — список занесли. Напарница пообе-

щала главе, что клыки ему вырвет. Прям так и сказала: «Оставлю тебя жить без достоинства». Он позеленел, побагровел и всё нам отдал. А в следующем клане — у летающих — нас уже встречали, как давних знакомых. Дрожали, жались по углам, но, помня, что их достоинства очень рискуют, нашим бесчинствам не препятствовали.

— Один у меня вопрос, — продолжал оборотень. — Почему вампиры?

Смотрю на него. Молодой, сильный, красивый. Не лишён, вероятно, обаяния и, уж точно, внимания женщин. Один минус — похоже, умом обделённый.

— А кого? — терпеливо спросила я.

— А зачем? — очередным вопросом ответил мужчина. Говорю же, недалекий. Возможно, глупый, может — тупой. Тут вариантов масса. За пятнадцать минут не определишь. — Пятьдесят четыре нападения. По нашим данным, вы попали в четыре чёрных списка и три красных.

Так себе у них информаторы, решила я, потому что списков было больше — четырнадцать чёрных и восемнадцать красных — «просто не связываться». Ещё пару суток был один зелёный — «взять и изучить». У клана перворождённых. У них, вообще, самомнение зашкаливает. Но

самомнение против Кары не работает, а я без неё практически не передвигаюсь. Поэтому теперь я могла даже спокойно дать щелбан перворождённому, а он бы сказал «спасибо». Жёлтый список: «Делать вид, что всё идёт, как надо, несмотря ни на что». Хороший список. Иногда мне кажется, я в таком живу.

— В нашем городе четыре расы. Люди не сделали мне ничего плохого. Маги только своей наукой и дышат. Кто, если не вампиры? — спросила, как будто говорю с первоклассником, а не со взрослым мужчиной.

— Оборотни?

Искренне рассмеялась.

— Оборотни, — задумалась, как охарактеризовать их лучше всего, — невыносимо… до зубного скрежета или кожного зуда, как бы вам сказать, правильные.

— Правильные? — переспросил патрульный, горделиво выпятив грудь.

— Ага, — охотно закивала я, — скучные, заурядные, неинтересные.

— Чего? — мужчина вмиг переменился, желваки на лице заходили ходуном, а сам он за долю секунды оказался напротив меня. Хорошо, между нами был стол. Иначе меня бы, кажется, сожрали

и не поморщились. — Какие-какие?

— Ну… вы такие… «Во главе всего закон», — я попыталась спародировать министра внутренних дел Гаарда, который тоже был оборотнем, — «всем соблюдать закон», шаг вправо, шаг влево — встреча с щенячьим патрулем.

И вот тут, шутки шутками, но я явно перегнула палку. А за палкой, как известно, любой щенок, простите, пёс, простите еще раз, оборотень, который, конечно, волк, — рванёт. Он и рванул. Стол мгновенно полетел в одну стену, стул, уже без меня, — в другую, ну и напоследок на моей шее сомкнулась громадная лапища — оборотень частично трансформировался.

— Какой-какой патруль? — яростно прорычал этот представитель получеловека-полузверя, глядя мне в лицо.

— Очень и очень красивый, — с придыханием прошептала я. Так как оборотень не в моей весовой категории, пришлось пробивать дорогу к воздуху другими методами. — И такой мужественный, смелый, сильный, — мужчина замер, а хватку ослабил, — великолепный, непревзойдённый, умопомрачительный, крышесносительный, бурегасительный, бомбоустранительный и лишь совсем немного — заурядный.

Его глаза недобро блеснули, а потом меня подхватили на руки и перекинули через плечо. И это меня-то? Я, конечно, обвиняемая, и всё такое. Но через плечо?

— Если перестанешь нести эту чушь, есть шанс, что я передумаю, — сообщил оборотень, покидая комнату допросов и быстро идя по коридору.

— Фи-ии, — протянула я, — а мне ведь на секундочку даже стало интересно.

Мужчина дёрнулся, видимо, прикидывая стоит ли пару раз задеть мной стену, а потом пошёл быстрее.

— Значит, неинтересные, — на ходу рычал он, — скучные…

— Заурядные, — поддержала я.

Опять дёрнулся. Резко толкнул дверь и кинул меня на мягкий диван уже, видимо, в своём, кабинете. Похоже, иду ва-банк.

— До зубного скрежета, говоришь, — тоном, наполненным холодной яростью, продолжал он, — кожного зуда… заурядный… неинтересный… скучный…

Говоря это, он медленно шёл ко мне. Про его красоту не соврала. Удивительно притягательный. Широкий торс, гибкое, мощное тело, при этом движения плавные. И взгляд такой плени-

тельный, зовущий, соблазняющий.

— Не надо на меня так смотреть, — не без труда подавляя дрожь в голосе, попросила я.

— Как? — хищно улыбнулся мужчина.

— Да вот так… с этой страстной поволокой, — замер, явно ожидая подвоха, и я не подвела. — Внешность-то у вас тоже заурядная… глупо смотритесь…

— Чего? — оборотень остановился и тяжело задышал. Яростно даже. С явным негодованием. Всё-таки права я была. Отшивают такого редко. Да и заурядным его никак нельзя назвать. Но пока у меня получается, буду придерживаться выбранной концепции.

— Вам, вообще, чего надо? Начинали с допросной, заканчиваем кабинетом. Вы меня за кого принимаете?

Ответить мужчина не успел, телефон на столе издал звук входящего сигнала, а уже через секунду мужчина на том конце провода, начальственным тоном, поинтересовался:

— Эрин, куда ты пропал? Что с делом вампиров? Эш, согласилась на сотрудничество?

Оборотень, который, оказывается, был совсем нескучным, молча нажал кнопку отключения связи. Отвечать он не стал. Сложила руки на

груди и уже по — хозяйски расположилась на диване.

— Значит, сотрудничество, Эрин. И когда вы планировали мне это сообщить? — покачивая ножкой поинтересовалась я, — Просто любопытно. Это до или после того, что среди вашего народа называют спариванием?

Всё. Если раньше у меня ещё были «какие-то палки», которые помогали оборотню сдерживаться, больше их не осталось.

— Чего? Да что ты о себе возомнила? — прорычал он и стремительно оказался напротив меня. При этом ладонями он, сжал спинку дивана, а я оказалась в кольце его рук. А ведь кто такой этот Эрин Синк, я знала. Глава ночного патруля. С ним считались, его слушались, им восхищались. И женщины… Да, этому не отказывали.

— Правильный, — выдохнула ему в лицо, — и скучный.

И у кого-то сдали нервы. Стало понятно, почему не отказывают. Слишком напорист. Берёт то, что хочет. Сразу. Без долгих прелюдий. Подтвердил. Поцеловал. Пылко, с жаром. Так, что у меня внутри всё задрожало и разом перевернулось. Совсем незаурядный. Совсем нескучный. И очень-очень интересный, потому что мне не хотелось, чтобы

он останавливался. Телефон снова зазвонил, а по внутренней связи прозвучало раздражённое:

— Эрин, куда ты дел девчонку? У нас на неё очередь из семнадцати глав вампирских кланов. Они мне уже все каналы связи оборвали.

Он отстранился от моих губ и, глядя мне в глаза, прорычал начальнику: «Не отдам».

На том конце замолчали. Надолго. У кого-то явно начался и кожный зуд, и зубной скрежет одновременно.

— Слушай, давай договоримся, просто. Мы же должны были её передать. Забрать своих. Там двадцать агентов патруля!

Связь с нашей стороны снова вырубили. Без комментариев. Молча.

— Вы не отправили Кару к штрафникам, — спокойно сказала я, а оборотень кивнул. — Я догадалась об этом, как только ты начал вести допрос. Если у вас моё досье, то про неё вам тоже всё известно.

— Я не отдам тебя вампирам, — тоном, не терпящим возражений, сказал он.

Я развела руками, мол, «ты, конечно, крутой, но не знаешь, о чём говоришь». Это с Карой меня не мог ни взять, ни выследить никто из кровососов. Она — чистильщик. У неё особый дар. А вот если

её засадили в крепость — я беззащитна. Эрин ведь не будет со мной нянчиться постоянно. В глубине души оборотень тоже это знал. Встала, подошла к нему вплотную, так, чтобы наши тела соприкоснулись, и вместо слов притянула к себе и поцеловала. Уже сама. Я тоже всегда брала то, что хотела. А сейчас мне хотелось наслаждения, блаженства, глубокой нежности, которая приходит на смену страсти. Хотелось надышаться жизнью, почувствовать себя любимой и желанной женщиной и раствориться в этих ощущениях. Но оборотень не ответил, и в кабинете в одно мгновение стало холодно.

— Я знаю, что ты делаешь, раз сразу обо всём догадалась, — прорычал мужчина, — и понимаю, для чего выводила из себя.

— Ошибаешься, — вздохнула и, блаженно потянувшись, снова уселась на диван. Сейчас, когда жить мне осталось недолго, хотелось получать удовольствие буквально от всего. — Я не надеюсь, что мою защиту ты поставишь выше, чем жизни двадцати ваших агентов-оборотней. Просто хочу в последний раз кайфануть. Вот и всё.

Кажется, оборотень мне не поверил. Зато сказал нечто совсем неожиданное.

— Если бы в комнате для допросов не было

ушей, я бы сказал, что в курсе почти каждой вашей вылазки, — его голос был спокоен, но при этом чувствовался какой-то надлом. Как будто ему по — настоящему небезразлична моя судьба. — Сознательно или нет — вы спасли много жизней. Например, предотвратили кровавые распри между мрачными и сумеречными.

Мне было известно то, о чём он говорил, — кланы просто объединились против общего врага. Мы с Карой отлично подошли на эти роли — у мрачных украли меч их главы, а у сумеречных — артефакты рода.

— Там двадцать ваших агентов, а ты — оборотень, — с долей снисхождения сказала я, — мы оба знаем, в этой битве приоритетов, чтобы я не сделала в прошлом, мне не победить. Особенно с вашей правильностью.

Последнее я сказала уже без насмешки. Просто в стае свои законы, а против природы не попрёшь.

— Значит, правильный… — подытожил он, а я вернулась к тем же выводам, что и полчаса назад — красивый, соблазнительный, но не шибко умный. — Не выходи из кабинета.

Улыбнулась. Эрин мне понравился. Было в нём что-то, от чего сердце начинает биться в сотню раз быстрее. И я бы послушалась. Я бы ждала,

мечтала и предвкушала встречу, но, как только шум шагов в коридоре стих, распахнула окно. Чего бы не хотела лично я — есть еще семнадцать вампирских кланов Гаарда, где меня, вместе с моим сердцем, очень и очень ждут. Не намерена их разочаровывать.

***

Расплатившись и взяв свой свежесваренный кофе, вышла из кофейни. Ясный солнечный день собрал на улицах много праздношатающихся людей и мало вампиров. Почти все кланы, за некоторым исключением, при свете в город не совались. Проходя мимо одного из тёмных закоулков, в которых обычно случается большинство грабежей и убийств, услышала шёпот из темноты.

— Иди, иди, к нам, девочка. Так томительно ждать ночи.

Призрачные гипнотизируют жертву, зазывают в такие проулки, а дальше пьют и калечат. Убивать в Гаарде официально запрещено. По какой-то иронии, призрачные это правило соблюдают.

— Подождёте, — шикнула я и, махом осушив стаканчик эспрессо, запустила им в темноту.

«Ай», «ой», «дрянь» и «какая ж ты мерзость» — стали усладой для моих ушей.

— Лучше к нам иди, — крикнул вампиреныш из летающих. Он завис под крышей соседнего здания, так чтобы на него не попадал свет, и, с энтузиазмом глядя на меня, распахнул широкие крылья.

— Или к нам, — донеслось из подворотни. Оттуда могли звать только земляные.

Уже молча от стены отделились два силуэта и последовали за мной. Клану сумеречных повезло больше других — могли прятаться в человеческих тенях. С разворота съездила ближайшему в живот. Удар получился слабенький, но ему пришлось спешно ретироваться к другим людям — и моя тень снова стала только моей.

— Слушайте, до вечера еще шесть часов, — в сердцах прокричала я, не обращая внимание на удивлённые взгляды прохожих, — сгиньте к тьме и не обламывайте мне кайф.

К моему удивлению комментариев от клыкастых не последовало. Зато со мной заговорил кое-кто другой.

— Даже не сомневался, что ты это сделаешь, — обернулась и увидела Эрина. В руках он держал новый стаканчик с кофе, который тут же протя-

нул мне. — До вечера я с тобой. — Заявил он и уверенно зашагал вперёд. — Прикрою от дневного патруля. У них ищейки на каждом шагу, а ты теперь желанна не только среди вампиров.

Скептически задрала бровь.

— Желанна говоришь?

— В смысле, у них приказ взять тебя живьём, — невозмутимо бросил оборотень, не прекращая движение.

— Ну, теперь всё звучит куда более однозначно, — сообщила, нагоняя его, и стараясь идти шаг в шаг, — а то, знаешь, после всех этих поцелуев…

Мужчина посмотрел на меня усталым задумчивым взглядом, а потом неожиданно спокойно сказал:

— Можешь расслабиться, ты меня не интересуешь.

Вот это новости. Значит, как затащить меня в свой кабинет — он запросто, а как при свете дня признаться, что оборотня интересует преступница, так мы снова правильные до зубного скрежета. Или это он мне поцелуем рот закрывал, чтобы не доставала? Версия — также не лишённая здравого смысла. Одной из моих отличительных особенностей была взвешенная доставучесть. То есть хочу — достаю, хочу — нет. Если очень надо

— лютую и злобствую в доставании до победного. Всё зависит от задачи.

— Тогда мы идём вызволять Кару, — воодушевлённо заявила я, а оборотень от неожиданности остановился. — А что ты думал я сдохнуть собираюсь?

Теперь уже я двинулась вперёд, а Эрину пришлось меня нагонять.

— В управлении ты была в безопасности, — с укором сказал он.

— В управлении любой из ваших псо… — притормозила, внимательно посмотрела на собеседника и всё-таки исправилась, — твоих коллег — мог сдать меня вампирам. У меня есть чуть меньше шести часов, чтобы вытащить Кару или найти себе нового чистильщика.

От последнего передернуло нас обоих. Чистильщики несговорчивы. Работают, чаще всего, в парах друг с другом. Тот факт, что все эти годы меня оберегала Кара — счастливая случайность.

— Кстати, как так вышло? — как будто я озвучивала свои мысли вслух, спросил оборотень.

— В детстве защищала её от нападок одноклассников, — поделилась, поражаясь собственной искренности. — Она не такая как другие. Не высокомерная. Добрая. Пожалуй, только излишне

вспыльчивая, но в нашем деле это даже на руку.

— Кстати, о вашем деле… — издалека начал Эрин. — А сколько ты еще планировала зарабатывать на жизнь грабежом?

— Почему планироваЛА? — я рассмеялась. — Вытащим Кару, и я продолжу.

Дорогу, по которой мы шли, внезапно перекрыли две патрульные машины, и выскочившие из неё оборотни в частичной трансформации с удивлением замерли перед нашей парочкой.

— Начальник ждёт девчонку, — прорычал тот, что стоял ближе других, но при этом действовать не спешил.

— Подождёт, — с ленцой ответил Эрин, — я веду расследование.

При этом он схватил меня за руку и решительно потянул за собой в противоположную от патруля сторону. На недоумённые взгляды правильных, заурядных и скучных коллег, уже совершенно неправильный Эрин внимания не обращал.

— Эрин, а расскажи, как так вышло, что оборотень нарушает закон и регламент? — спросила я, когда мы отошли на достаточно приличное расстояние от, по — прежнему стоящих на месте, патрульных.

— Видимо, права была твоя подруга — видишь

тебя и сразу жалеть хочется.

— А добить не хочется? — спросила, вспоминая всю цепочку умозаключений Кары при нашем задержании.

— Добить не хочется, — покачал головой Эрин, — вокруг итак для этого полно желающих.

Из темноты согласно захихикали призрачные, а из подворотни — земляные.

— А куда мы, вообще, идём? — решила поинтересоваться я.

— Ко мне, — невозмутимо сказал оборотень, продолжая тянуть меня за собой.

— Значит, совсем не интересую?

— Пока нет, — как-то совсем уклончиво выдохнул он, и мы свернули на ближайшую полупустую улочку.

***

— Ты думаешь я солнечным светом питаюсь? — раздался злой женский голос, как только Эрин провернул ключ в замочной скважине. Не дожидаясь приглашения, ринулась на звук и уже через секунду сжала Кару в своих объятиях. Напарница по-дружески потрепала меня по голове, а потом отставила от себя на вытянутых руках и с интересом начала разглядывать.

— Почти сутки просидела в управлении, — задумчиво протянула она. — Выглядишь неплохо, Эш.

— Два стакана кофе, и мне дали помыться, — ответила, до конца не веря в, так скоро свалившееся мне на голову, счастье. — Что ты здесь делаешь?

Подруга молча указала мне за спину. Оттуда, невозмутимо опёршись о стену, за нами наблюдал Эрин.

— Ты сделал это для меня? — спросила, расширив глаза от удивления.

— Не обольщайся, — припечатала подруга, — у них двадцать агентов в плену у вампиров. А у нас хороший заказ.

Я после этого почему-то облегченно выдохнула. Всё хорошо. Мир прежний. Эрин красивый, соблазнительный и не мой.

***

Шесть часов ушло на разработку плана.

Два на подготовку всего необходимого.

Час на то, чтобы аккурат до рассвета проникнуть к тихим, бесстрашным, мглистым, сумеречным, мрачным и ещё десяти кланам и вытащить оборотней. Мы с Карой взяли на себя бесстрашных и мглистых. Эрин и другие оборот-

ни ночного патруля — остальных.

Нас никому не отдали.

Эрин сказал, что за нас сам хвосты, клыки и лапы всем повыворачивает. Причём и вампирам, и оборотням, если потребуется. Да, с главой ночного патруля все считались. Мы тоже. Поэтому честно выполнили свою часть задачи и ушли. Как обычно. Не прощаясь. Всё-таки мы не были добропорядочными гражданами Гаарда и, патрульных, пусть мы и сослужили им хорошую службу, провоцировать не хотелось.

***

— Ну хоть кто-нибудь руки дайте? — услышала нытьё напарницы из-за стенки. — Ты, уже только на половину клыкастый, давай еще подерёмся, а?

Глава клана Туманных вампиров, который уже, наверное, лет триста не вспоминал о том, что был рождён человеческой женщиной, прошептал: «Мама».

— Вы, кажется, забыли сообщить мне код от сейфа? — очаровательно улыбаясь, сказала я, а вампир дрожащей рукой вывел на клочке бумаги набор символов.

— А ведь я надеялся, что ты с этим завязала, —

обернулась на голос и почувствовала, как сердце сбивается со своего привычного ритма. У входа стоял Эрин и со смесью любопытства и осуждения смотрел на меня. Я же сделала вид, что ничего необычного не происходит. Отвернулась, ощущая, как к щекам приливает кровь, и продолжила вскрывать главную сокровищницу клана Туманных вампиров.

Оборотень подошёл ко мне, и я всем телом почувствовала, какой жар от него исходил, а еще — что очень хочу, чтобы наши руки соприкоснулись. Похоже, он понравился мне даже больше, чем я думала.

— Что же такое интересное для тебя в этих сейфах? — наблюдая за моей работой, спокойно спросил мужчина.

— Всегда что-нибудь новое, и здесь нескучно.

— Ага, интересно, незаурядно… — продолжил за меня Эрин.

— Точно, — согласилась я, а потом услышала заветный щелчок. Дверца резво отскочила, демонстрируя полное отсутствие в сейфе чего-либо любопытного. Повернулась и внимательно посмотрела на главу клана Туманных вампиров. Древний сделал самое невинное из возможных выражений клыкастой физиономии. Начала

ощупывать сейф изнутри. — Я не умею махать кулаками, — доверительно поделилась с собравшимися, — но кое-что мне удаётся лучше других.

Пальцы нащупали почти неуловимые границы тайника на правой стенке сейфа, и я позволила себе победную улыбку.

— Арестуйте её, — тут же завопил глава вампиров, видимо, только сейчас сообразив, что Эрин, вообще-то, страж закона.

— При всём уважении, — невозмутимо ответил оборотень, — пока она не делает ничего противозаконного кроме того, что слишком тщательно наглаживает вашу мебель.

— Мою! — истерично взвизгнул древний.

— У вас всё в порядке? — вместе с вошедшей Карой в комнату ворвались стоны и скулёж вампиров-охраны. Глава Туманных тут же уменьшился, вжался в кресло, на котором сидел, и, по-моему, даже, следуя названию клана, начал слегка рассеиваться.

— Зачем ты его пустила? — кивнув в сторону Эрина, спросила я. Взламывать тайник я при этом не прекратила.

— А ведь я тебя предупреждала, — ответила напарница, только почему-то не мне, а оборотню. — С ней так всегда — вроде дошло, а

вроде… — она выразительно развела руками.

— Вы что-нибудь понимаете? — обратилась я к единственному возможному в сложившихся условиях союзнику.

Глава Туманных вампиров не ответил. Одними глазами он неотрывно следил за Карой и как будто стал рассеиваться ещё сильнее. Утраченное, между прочим, среди его брата умение. Если восстановит, то приобретёт куда больше содержимого любого сейфа.

— Я тебе объясню, — терпеливо, что вообще подруге несвойственно, сказала Кара и уселась в кресло напротив, — всё равно там у меня все уже временно сдохли.

Из-за двери послышались облегчённые выдохи.

— Сдохли, я сказала! — рыкнула напарница, и воцарилась тишина. Девушка удовлетворенно кивнула.

— Итак, Эрин вытащил меня из крепости.

— Чтобы спасти своих друзей-оборотней, — кивнула я, продолжая наощупь искать механизм, вскрывающий тайник.

— Чтобы спасти своих друзей-оборотней, он мог просто отдать им тебя, — парировала подруга.

Посмотрела на Эрина долгим задумчивым

взглядом. А когда он ответил тем же, неожиданно смутилась.

— Может, я просто хорошо целуюсь, — ответила, стараясь вернуть голосу былую невозмутимость и спешно возвращаясь к работе.

— Когда успел? — как будто они с оборотнем закадычные друзья, спросила Кара.

— Умоляю… — прошептал глава Туманных вампиров. И так жалобно прошептал, что мы все разом повернулись к нему. На кресле, кроме сгустка тумана, уже никого не было.

Кара присвистнула, а Эрин тут же отправил сигнал в медицинский патруль.

— Ему теперь, скорее, не медики нужны, а маги, — прокомментировала я, а потом счастливо взвизгнула. Палец наконец нащупал нужный участок в стене сейфа, и дверца тайника с мягким пружинистым звуком отскочила.

— Ооо, а ты быстро! — внезапно заявил оборотень и, отодвинув меня в сторону, достал из сейфа пару чёрных конвертов. — Благодарю за сотрудничество с ночным патрулём Гаарда, — и вот мне бы возмутиться, сказать что-нибудь обидное — всё-таки столько работы, но я просто замерла. Тяжело сглотнула. Посмотрела на свои руки, чтобы убедиться — они те же. А вот

мурашки, которые всё еще бегают по коже после прикосновения мужчины — новые.

— Кара… — медленно протянула я, в то время как Эрин, бросив «до связи» моей напарнице, скрылся за дверью. — Что ты мне там хотела сказать?

***

После того, как Кара вернулась из крепости прошло четыре недели. Меня снова никто не трогал. Подворотни, крыши, тёмные проулки и даже тени — молчали, а я, не ощущая преследования, могла гулять по городу. День сегодня был ясный, а настроение лёгкое и спокойное, но мысли то и дело возвращались к сказанному Карой у Туманных вампиров. Она с чего-то решила, что я влюбилась. И это в кого? В оборотня?! Да в Эрине было всё, чтобы вскружить голову любой. Но я-то не любая. У меня были правила, принципы. Любимое, в конце концов, интересное, нескучное и совсем-совсем незаурядное дело. А он хоть и не был похож на тех оборотней, кого я встречала раньше, всё равно никак не подходил на роль мужчины, в которого следует влюбляться преступнице.

Кстати, насчёт последнего. Здесь напарница

тоже умудрилась сразить меня наповал. Наши знания особенностей вампиров и репутация, которую мы успели у них заслужить, дали нам работу. Много работы! И вся она на правительство Гаарды. И кто для нас так постарался? Тоже Эрин!

Что мы имеем таким образом?

Красивый, соблазнительный, да еще и заботливый? Не бывает! Не существует!

Хотя, все думали, что невидимых вампиров тоже не существует. А один теперь есть — глава клана Туманных. Правда его после того рассеивания в собственном кабинете до сих пор маги по крупинкам собирают, но ведь сумел!

За этими рассуждениями ноги сами привели меня в знакомый проулок рядом с управлением патруля, и я, удивлённо озираясь, замерла посреди улицы.

— Так и будешь стоять или зайдёшь? — послышался насмешливый голос. Повернулась и увидела Эрина. На нём были простые коричневые брюки и белая рубашка, а в руке он сжимал бумажный пакет из ближайшей булочной.

— Удивлена, что тебя интересует что-то помимо работы, — протянула я, отслеживая, как быстро застучало сердце в груди и появилось невероят-

ное желание сказать какую-нибудь гадость.

— Ты про любовь к мучному? Скорее, это тебе, — он улыбнулся и прошёл вперёд, открывая передо мной входную дверь.

— Ты не мог знать, что я приду, — я сама не знала!

— Я же оборотень. Гулял по городу, почувствовал, что ты рядом, — с доброй усмешкой в глазах объяснил мужчина. — Так ты зайдёшь?

— Зайду, — согласилась я и, не дожидаясь повторного приглашения, проскользнула внутрь, — мне нужно кое-что проверить.

— Чай?

— Проверить говорю! — поймала себя на, несвойственном мне обычно, раздражении и осеклась. — Так, садись давай!

Выхватила у него из рук бумажный пакет и толкнула к дивану. Запах любимых с детства шоколадных эклеров, действительно, указывал на то, что лакомство готовилось для меня. Подозрительно посмотрела на Эрина, а он с улыбкой из разряда: «Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь», — на меня.

— И выражение лица смени, — добавила недовольно. Желание ляпнуть какую-нибудь гадость усилилось, но сама гадость на ум никак не шла.

Оборотень выглядел прекрасно. Даже в этой простой одежде, посреди своей тёмно-синей гостиной. И смотрел он на меня по — особенному. С какой-то теплотой, нежностью, восхищением. — Слушай, а ты что тоже того?

— Чего того? — не понял он.

— Ну, влюбился?

Мужчина по-доброму рассмеялся.

— А если скажу, что влюбился? — уточнил, хитро прищурив глаза, — не сбежишь?

— Почему это я должна…?

И тут до меня дошло. Все эти «ты мне не интересна» и напускная холодность, с которой он ко мне обращался. Забота, по факту, за моей спиной. Всё правильно. Правильно для того, чтобы я не почувствовала, как дрожат коленки от одной мысли, что это не просто ради удовольствия или минутного кайфа. Я влюбилась. Мне хотелось выпить с ним чай, разделить эти эклеры. Хотелось провести ночь и встретить рассвет. Мне хотелось узнать его. Узнать до способности предугадывать действия и мысли. Почувствовать своим. Близким. Единственно важным. Страх сковал с новой силой, а внутри появился новый порыв — бежать как можно скорей!

— Помнишь, в том клубе, где мы впервые

встретились, — неожиданно даже для себя спросила я, — как думаешь, зачем вампирам столько желтка?

Обычно стратегия отвлечения внимания работала на ура, но оборотень от моего вопроса ничуть не смутился.

— У них вроде как феи должны были выступать, пьют перед выступлениями бочками. Для голоса.

Говоря это, он, не отрываясь, смотрел на меня, как будто стараясь отловить малейшие изменения в мимике и жестах.

— Не убегай, — тихо сказал он, а потом так же, не вставая с дивана, взял мою руку и слегка сжал. — Я не хочу ничего рушить, только создать.

И всё! Это была последняя капля. Он не только заботливый, но и отнёсся с пониманием ко всему, что со мной происходит. Ноги подкосились, а я обессилено опустилась на пол.

— Всё уже рушится, — застонала я, кладя голову ему на колени. — Сижу тут, сбежать от тебя не могу. Работаю на правительство.

— Ну а что в этом плохого? — мужчина заботливо погладил меня по волосам. — Скучные до зубного скрежета?

— До кожного зуда, — с напускным недоволь-

ством, буркнула я. — Вот чем мне, спрашивается, тебя благодарить? Ты спас меня, Кару, а еще всё это устроил, сделав моё дело из незаконного не то, что законным, — почётным!

— А ещё правильным… — послышался насмешливый голос.

Подняла голову и посмотрела мужчине в глаза. Он улыбался, продолжая одной рукой держать моё запястье, а второй гладить по волосам.

— Заурядный, скучный, неинтересный представитель щенячьего патруля, — прорычала я, с наслаждением отмечая — вот та самая долгожданная гадость.

Глаза мужчины недобро блеснули. Сильные руки в миг оторвали меня от пола, а уже через секунду я оказалась опрокинута на диван.

— Всё, Эш, ты договорилась, — с лица Эрина не сходила хищная улыбка, а мои запястья оказались в капкане его рук. — Хотя если перестанешь нести эту чушь, возможно, я и в этот раз передумаю.

— Не перестану! — выдохнула я, чувствуя, как всё тело охватывает восторженный трепет. Оборотень удовлетворенно улыбнулся и медленно с наслаждением прикоснулся губами к моей шее.

— Надеялся, что ты так скажешь, — шепнул

он, — только и я немного слукавил, Эш, я не передумаю.

Анастасия Мамонкина
ВолкOFF

Глава 1
Золушка на балу

— Марин, ну сходи, — увещевала сестра, старательно копируя взглядом кота из Шрэка. — Ну что тебе стоит? Потусуйся полчасика, постой рядом с кем-нибудь из Волковых, чтобы журналисты фотку сделали, и домой.

— Ну зачем, Ир? Что я там забыла? Да и приглашение это, думаю, пришло по ошибке — где я и где Волковы?

— Ты же с их младшеньким вместе три года училась!

— И с выпуска ни разу не виделись, — педантично заметила я, по-прежнему не пребывая в восторге от желания сестры сбагрить меня на пафосную вечеринку.

— Ну вот и встретитесь после стольких лет! — оптимизмом Иры можно было подзаряжать генераторы. — Поздравишь именинника, обнимешь, быть можешь… Тебе ничего, а нам потом жить станет легче — все будут знать, что ты с Волковым на короткой ноге.

Вот ведь въедливая у меня сестрёнка. Третий

день, с тех самых пор, как по почте пришёл вычурный конверт с вензелями и лаконичным приглашением на юбилей Волкова С.С., не отходит ни на шаг, только зудит и зудит, что я вознесу семью к элите одним своим присутствием на закрытой вечеринке.

Лично я в такой фантастической причинно-следственной связи сильно сомневалась. Но упрямством Ирка пошла в мать, которую я никогда не могла переспорить, поэтому уже вечером с лёгкой сестринской руки оказалась записана на маникюр, к стилисту, а из чехла было вытряхнуто единственное моё приличное платье, оставшееся в родительском доме ещё со студенческих времён.

— Отлично сидит, — вынесла вердикт Ира, когда я с превеликим трудом втиснулась в узкое блестящее платье.

Я со скепсисом посмотрела в зеркало. Ну, лет в двадцать я бы позволила себе одеться подобным образом, но сейчас…

— Мне кажется, юбка коротковата, — с сомнением протянула я, повернувшись к зеркалу спиной. Сзади отражение выглядело не менее провокационно, чем спереди. — И этот вырез…

— Да ты как моделька, Марин! Все мужики

твои будут!

— Вот не надо мужиков, спасибо, — открестилась я. — Я уже давно переросла такого плана приключения. Да и Слава не поймёт.

— Он же у тебя не ревнивый.

— Не ревнивый. Но я и поводов ему не даю. А если я в этом соберусь на пафосную вечеринку «снимать» мужиков, повод появится сам собой.

— Так он же не узнает даже, — отмахнулась сестра. — Когда он там приехать собирался? В выходные?

— У него в пятницу самолёт, — уточнила я, нервно одёрнув подол, но лучше не стало — платье лишь сильнее оголило грудь и спину.

— Вот и отлично, а вечеринка в четверг. Как раз успеешь и с Волковым пообщаться, и Славу своего в аэропорту встретить.

Идея посетить день рождения Сергея Волкова-младшего мне по — прежнему не нравилась — жила же как-то после выпуска без его компании и горя не знала, но упрямица-Ирка своего не упустит. А ей кровь из носу нужна была заветная фоточка с мероприятия, чтобы доказать кому-то (а, может, и просто самой себе), что наша семья самую малость не дотягивает до рейтинга Forbes. Глупо, наивно, но… но от меня же и вправду не

убудет, зато Ирка искренне порадуется.

Так я и оказалась в элитном ресторане в центре города на улице, носящей имя известной фамилии. Может, кто-то из предков нынешних Волковых отличился? Или просто мать семейства, затеяв бизнес, специально решила разместить своё детище именно здесь для пущего эффекта.

Публика в ресторане собралась своеобразная, но я, как ни странно, вовсе не выделялась белой вороной среднего класса среди олигархов и творческой богемы. Скорее, наоборот — надменных лиц и вычурного блеска бриллиантов был самый минимум, да и тот локализован в лице одной-единственной дамы, облачённой в шелка. И мне эта дама была хорошо знакома.

Валентина Юрьевна Волкова, мать моего однокурсника, являлась весьма известной личностью в городе. Владелица трёх салонов красоты, двух ресторанов и сети отелей представляла из себя типичную российскую бизнесвумен, которая любит порой пустить пыль в глаза и кичиться своим богатством.

Была она, наверное, ровесницей моей матери, но отчаянно молодилась: в свежевыкрашенных волосах ни единой ниточки седины, лицо гладкое, подтянутое пластикой, а губы явно накачаны

гиалуронкой. Иные инстаграм-дивы меньше химии в себя колют. Чёрный шёлк выгодно оттенял бархатистую кожу, а я уже успела краем уха услышать, что дизайнерский наряд от зарубежного модного дома был изготовлен под заказ, специально в траурном цвете. Сергей Волков-старший совсем немного не дожил до дня рождения единственного сына и наследника, скоропостижно скончавшись пару недель назад, но отменять праздничную вечеринку по этому поводу никто и не подумал. Вот оно, высшее общество во всей красе. И зачем только Ирка так стремится заручиться связями в этих кругах?

Никого из знакомых я так и не встретила. То ли больше никто из однокурсниц не пришёл, то ли моё приглашение и вправду было ошибкой — непонятно, но бестолково курсировать по залу мне вскоре надоело. Не спасал ни изысканный фуршет, ни дорогие вина, ни струнный квартет, исполнявший попеременно классику и аранжировки популярных сериалов. И Сергея для совместной фоточки, как на зло, нет… хотя парочка фотографов исправно щелкала затворами, даже меня разок заставили натужно улыбнуться на камеру.

Я всерьёз засобиралась домой, не дожидаясь

горячего и появления виновника торжества, когда Волков-младший, наконец, явил себя народу. Мда, давненько мы с ним не виделись.

Мне Сергей запомнился надменным мажором. С группой общался он мало, частенько прогуливал и вообще всячески показывал свой статус перед студентами и преподавателями. Наверное, с его переводом все вплоть до ректора вздохнули с облегчением. Дружить, ясное дело, я с ним никогда не дружила, он даже здоровался со мной через раз, по настроению, тем страннее было получить это несчастное приглашение. Может, удастся поговорить и выпытать, зачем пригласил? Вдруг у него ко мне какое-то дело? Я, как-никак, благополучно перебралась из региона в столицу, освоилась, работу нашла и уверенно иду на повышение. Каким-то именем себя пока не зарекомендовала, но стремлюсь к карьерному росту, и профили в фэйсбуке и линкедин не забрасываю.

Сергей тем временем отлично поставленным голосом благодарил всех собравшихся. В приятном тембре слышались какие-то рокочущие нотки, ярко-зелёные глаза блестели в резком электрическом свете, как и густые русые волосы, лежавшие в художественном беспорядке.

Мальчишка-красавчик вырос в весьма привлекательного мужчину, наверняка отбоя от девиц нет, даже странно, что с ним под руку не выпорхнула какая-нибудь фифа с белоснежными винирами и пергидролевой гривой в платье куда экстремальней, чем у меня. А если подумать, то и в институте обходилось без меняющихся, как перчатки, девушек…

Додумать кое-что нелицеприятное про странности наследника Волкова-старшего я не успела — мимо проходивший официант нечаянно подтолкнул меня сбоку, я пошатнулась на каблуках, неловко взмахнув бокалом, и дорогущее вино, повинуясь неумолимой гравитации, опорожнилось мне на подол. Шикарно, блин!

Побледневший официант затараторил извинения, но я жестом остановила бесконечный поток слов, интересуясь одной-единственной важной сейчас вещью — где здесь туалет? Дамская комната оказалась неподалёку, особо светиться в неприглядном виде не пришлось. Вот только зеркало отразило, что наряд мой, которым так гордилась Ирка, безнадёжно испорчен. Винное пятно посреди юбки — в таком виде фото с Волковым для показа всем желающим точно не сгодится. Значит, можно уходить. Делать мне тут

точно больше нечего.

Кое-как оттерев мокрое пятно бумажным полотенцем, поспешила на выход, чтобы буквально столкнуться в дверях с виновником торжества. Запнувшись от неожиданности, я едва не рухнула Волкову-младшему в объятия. Сергей аккуратно придержал меня за плечи, чуть притянув к груди. Шумно вздохнул, почти уткнувшись носом мне в макушку, и вдруг резко отодвинул от себя, хмуро глядя в лицо. Обознался что ли? И глаза какие-то шальные.

Я завороженно глядела на расширившийся зрачок, на подрагивающие ноздри аристократического носа, на вздёрнувшуюся верхнюю губу, над которой наметились бисеринки пота… Вот так-так-так. Кто-то уже успел выпить чего-то сильно горячительного? Или это кое-что позабористее? Так и знала, что Лондон до хорошего не доводит, особенно золотых мальчиков.

— С днём рождения, — пискнула я, аккуратно выкручиваясь из хватки именинника. Сергей отпустил, разжав руки, но взгляда не отвёл. Да что не так то? У меня пятно только на подоле, а лицо-то нормальное, в отличие от некоторых.

— Мы… знакомы? — глупо спросил бывший однокурсник, пару раз осоловело моргнув. Я

фыркнула. Как знала ведь, что приглашение попало ко мне по ошибке. Он меня даже в лицо не вспомнил! А ведь сколько лет вместе учились…

— Марина, — напомнила я, — из института.

— Марина, — повторил Сергей, растягивая гласные. Нет, он точно пьяный или под кайфом — и глаза эти сумасшедшие, и тягучий голос, и заторможенная реакция… Ох, Ирка, не знала ты, в какое гнездо порока родную сестру отправляешь ради заветного снимка. Это только по телеку и в сториз инстаграма высшее общество выглядит представительно, а на самом деле — как в желтой прессе и полицейских сводках.

— Я… мне пора… я пойду, — так и не дождавшись адекватной реакции, я бочком-бочком протиснулась мимо Волкова-младшего к выходу в зал. Выбравшись из тесного закутка, перевела дух, схватила с ближайшего столика стакан с водой и разом ополовинена. Что-то Сергей меня напугал. Или я просто напридумала себе всякого? Ну, напился парень, с кем не бывает? Странно, правда, что алкоголем от него совершенно не пахло…

Немного успокоившись, я направилась к гардеробу, бросив на мгновение безразличный взгляд на толпу гостей, да так и застыла. На противопо-

ложном конце зала Сергей нашептывал что-то на ухо своей матери, и они оба смотрели на меня. Именно на меня, никаких сомнений — я прямо-таки кожей чувствовала их изучающие, жадные взгляды. Что чёрт возьми происходит?!

Сбежать из ресторана я не успела — возле гардероба меня вежливо завернули и, невзирая на возмущение, передали в руки госпожи Волковой. Светская дама, сверкая бдительной охране благодарными улыбками, ухватила меня повыше локтя и с удивительной для её комплекции силой потащила вперёд по коридору мимо банкетного зала. Шум толпы и звуки голосов остались где-то позади, когда женщина, наконец, отпустила мою руку. Шипя от боли, я потёрла предплечье — от её железной хватки наверняка синяки останутся.

— Вы что творите? Я хочу домой!

— Извини, но домой ты пока не попадёшь, — призналась Валентина Юрьевна. Я озадаченно нахмурилась:

— Что это значит?

— Это значит то, что я сказала — ты пока останешься здесь.

— С чего вдруг?

— Ты понравилась Серёже, — просто ответила госпожа Волкова, небрежным жестом поправив

причёску. А я вылупилась на неё, как на приведение. Вот так новость. Понравилась, значит? Серёже? И поэтому меня, как нашкодившего ребёнка, за руку притащили в какой-то чулан?

Впрочем, про чулан это я так, образно. Мы с моей «похитительницей» оказались в небольшом кабинете. Не вип-зона ресторана, скорее подсобное помещение, но статусом ничуть не уступающая основному залу. Кожаный диван, пара кресел, дубовый стол, шкаф, электрический камин на противоположной стене… И любящая мамочка-наседка, которая привела сыночку в логово понравившуюся девочку.

Может, так оно и происходит в этих «элитах»? Хватают, кто понравится, делают, что хочется, а потом, вдоволь попользовавшись, выбрасывают на улицу? Неприятная перспектива. И даже возможная моральная компенсация за неудобства не внушала оптимизма, а о ней мне пока и не думали намекать, хотя многие ради денег могут закрыть глаза на всяческие ограничения прав и свобод. Но я-то не такая! И Волков-младший, несмотря на миллионы и семейный ресторан в центре города, мне ни капельки не нравится!

Это я и высказала обнаглевшей бизнесвумен, взиравшей на меня с непередаваемой смесью

высокомерия и лёгкой брезгливости. Честно, от этого взгляда хотелось как следует отмыться, настолько он был неприятным. Но я только неуловимо поёжилась, когда в глазах Волковой неожиданно сверкнула сталь, прорезавшаяся также и в голосе:

— Ты никуда не уйдешь. И останешься с Серёжей, как миленькая.

Ну и заявление! Кое-кто забыл, что крепостное право на Руси давным-давно отменили?

— У меня вообще-то парень есть!

Женщина пренебрежительно фыркнула:

— Парень? Да где он, твой парень? И что может против моего сына?

— Ну, знаете ли… — я зло сжала кулаки, наступая.

— Тише, девочка. Не наделай ошибок. Это сейчас я добрая, а могу и обидеться на пренебрежение Серёжей…

— Я вовсе не обязана вспыхивать чувствами к этому вашему Серёже! Да мы пять лет не виделись, а я и прежде в его фанатки не записывалась!

— Что? — озадачилась госпожа Волкова. — Ты… вы уже были прежде знакомы?

— Ну, разумеется. Мы же учились вместе. Це-

лых три года, а потом я в Москву перевелась на магистратуру, а ваш Серёжа, если мне не изменяет память, вообще в Англию собирался.

— Собирался, — эхом откликнулась Валентина Юрьевна, чему-то едва заметно хмурясь.

— Не уехал что ли? — удивилась я. Точно помню, как Сергей хвалился будущей учёбой в одном из старейших университетов мира. Он бы не отказался от такого шанса, я уверена. Да я и сама бы не отказалась, появись такая возможность.

— Уехал, — бесцветно ответила госпожа Волкова. — А потом вернулся. У Серёжи сильна тяга к корням, не прижился на чужбине.

Я скептически вскинула бровь. Деньги что ли закончились? Или проблемы с законом? Обычно, если кому-то удалось уехать из России, обратно они уже не возвращаются, особенно в родной город, пускай и миллионник с тысячелетней историей.

— А я вот осталась в Москве после получения диплома, — невесть с чего похвалилась своими заслугами, — домой только к родителям приезжаю, в гости.

— Вот как, — неожиданно встрепенулась женщина. — А этот твой парень… он, значит, тоже из Москвы?

— Какая вам разница?!

— Просто любопытно.

— Думаете, у меня нет никакого парня, и я его выдумала?

— Нет-нет, что ты. Я же вижу — ты не девственница.

Видит она, ну как же! Прямо гадалка-гинеколог, а не дама высшего света.

— Мне почти двадцать шесть! Разумеется, я не девственница! Знаете, если ищете своему сыночку невинную овечку, присмотритесь к школьницам — с нынешними нравами найти непорочность можно разве что в другой, гораздо более младшей возрастной категории.

— Не о том ты думаешь, — покачала головой госпожа Волкова. — Невинность не столь важна, как принадлежность.

— Чего?

— Кого. Ты кому-то принадлежишь. Душой и телом. Вот я и спрашиваю, кто он? Москвич?

— Нет, он из Красногорска, — зачем-то ответила я.

— Вот как, — скривилась Валентина Юрьевна. — Красивый?

— Какое это имеет значение?!

— Красивый. Высокий, наверное. Зеленогла-

зый. На Серёжу похож. Иначе и быть не может, ведь ты — пара Серёжи.

Я вытаращилась на роскошную даму, как на сумасшедшую.

— Пара? Вы о чём вообще?

— Вот только не надо так удивлённо хлопать глазами, — фыркнула женщина. — Наверняка же слышала о маг-сообществе и оборотни для тебя не новость.

— Чего?!

— Ну-ну, не притворяйся. Вы, молодежь, сейчас всё знаете. Мы, старое поколение, еще как-то скрываемся по привычке, а молодые, я слышала, на ютубе ролики записывают, со своими обращениями из человека в зверя и обратно. И экотуров в поселения *диких*, которые уже не такие уж и дикие, с каждым годом всё больше, даже у нас за городом тем летом какой-то этно-фестиваль проводили, всех желающих пускали, а не только представителей маг-сообщества.

— Вы о чём вообще?! — ошарашенно пробормотала я свистящим шёпотом.

— Мы Волковы, милочка, — Валентина Юрьевна растянула накрашенные губы в улыбке, и на миг я заметила мелькнувшие во рту клыки. Показалось?

— И?

— Мы — волки.

Не показалось. Чёрт. Я осторожно шагнула назад, не сводя немигающего взгляда с женского лица. Теперь в нём чудились какие-то опасные, звериные черты — хищный разлёт бровей, чуть вздёрнутая верхняя губа, — которых я прежде не замечала. Волки? Серьёзно? Это что, Серёжа-мажорчик по полнолуниям бегает по окрестным лесам в звериной шкуре? И мама его где-то рядом деловито трусит, сняв с себя на время дизайнерские туалеты?

Я, конечно, слышала о магии — трудно не слышать, когда о ней трубят из каждого утюга. Знала, что есть и волшебники, и оборотни, и сказочной красоты эльфы с феями. Знала, но воочию как-то не встречалась, ведь обычных людей миллиарды, а этих, *особенных*, дай бог если тысячи, да и живут они обособленно, среди своих. По крайней мере я так думала, пока не оказалось, что умудрилась несколько лет проучиться бок о бок с самым настоящим волком-оборотнем. Кто ещё, интересно, на потоке не такой, как все? Катька из нашей группы, например, определённо какая-нибудь ведьма — я её фотки в купальнике в инстаграме видела, ну не выглядят так простые

девушки, хоть ты тресни. Чтобы были и грудь, и попа, и осиная талия и всё это без единого шрама — это ж точно без магии не обошлось? Особенно вспоминая, как эта самая Катька выглядела в студенческие времена.

Но это я так, отвлеклась. Слишком новости оказались шокирующие. И Валентина Юрьевна, чтоб ей пусто было, глядела на меня, не отрываясь. Будто всерьёз опасалась, что я сбегу, вот и не моргала на всякий случай, чтобы не проворонить момент. Или подозревала, что могу банально рухнуть в обморок. Это уже куда ближе к истине, вот только психика у меня крепкая, закалённая суматошной столичной жизнью.

Благодаря парочке программ на Animal Planet я знала, что бежать от хищника нельзя. А кинематограф подсказывал, что и впадать в истерику не стоит. В ситуации с похищением и удержанием в заложниках куда полезнее находиться в здравом уме, просчитывая шаги и аккуратно прощупывая противника. Добром меня не выпустят, это ясно, но я же не одна-одинёшенька на белом свете, меня будут искать. Ирка наверняка забьёт тревогу, когда я не вернусь домой вовремя. И Слава начнёт беспокоиться, если не отвечу на звонок или сообщение. Так чего волноваться — меня в

два счёта разыщут!

— Моя семья знает, где я нахожусь, они придут за мной, — как можно спокойнее сообщила я, но госпожа Волкова едко усмехнулась и категорично заявила:

— Не придут.

— Это ещё почему?

— Просто не смогут, — пожала плечами женщина. — Ты вошла по приглашению, а без него обычным людям путь сюда закрыт, они и двери-то не увидят, *незрячие*.

Как бы дико это ни звучало, госпожа Волкова явно не врала — я сама, отыскав ресторан на карте, задалась вопросом, как раньше не замечала старинный особняк в центре города. И настороженный таксист трижды переспрашивал, туда ли мы доехали… Иллюзия? Вероятней всего. Наверное, как в Гарри Поттере, «магглы» видят обветшалые развалины вместо вычурной вывески. И землю из-за этого наверняка продали за бесценок, и налоги с барака копеечные, и бизнес можно вести в тёмную — со всех сторон выгода.

Ох, ну что за мысли приходят в голову? Профессиональная деформация, не иначе. Меня похитили вообще-то. Нелюди! И спасатели при всём желании не спасут — представителей маг-со-

общества в моём окружении как-то не водилось. Знала бы заранее, что надо расширять социальные связи, обзаводясь подружками-ведьмами, лайкала бы Катькины фотки, а не регулярно отправляла в бан за материалы провокационного характера.

— Ты посиди пока тут, подумай, — Валентина Юрьевна кивнула на диван возле стены, вторгаясь в мои нерадостные размышления, и спешно вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Щелкнул замок. Кажется, меня заперли. Может, впору начать паниковать? Или…

Стукнув себя по лбу, я схватила сумочку, о которой благополучно забыла, и принялась рыться в её бездонных недрах. Вроде вечерний клатч, влезает самый минимум, а нужную вещь найти всё равно проблема. Выудив телефон, я с надеждой воззрилась на экран, но сеть не ловила. Зажав смартфон в поднятой руке, я методично прошла весь периметр кабинета, но сигнал так нигде и не появился. Даже в небольшом санузле, скрытом неприметной дверью. Как же так? Это ведь центр города, старый особняк, а не бункер какой-то с защитой от ядерной войны! Или опять нужно все странности списывать на магию? Хотя банальные глушилки сейчас и в школах вешают.

Мда, ситуация, конечно, аховая. Меня, обычную среднестатистическую девушку, взяли в плен. И кто — волки-оборотни! Такое в самой бредовой фантазии в голову не придёт. Может, я всё-таки сплю? Или выпила лишнего на голодный желудок и брежу? Надо срочно взять себя в руки и подумать, потому что становиться парой Серёжи нет ни малейшего желания. Да, пускай Мирослав и не торопится со свадьбой, но я его люблю и на всяких малознакомых перевёртышей менять не намерена.

Стоило вспомнить виновника торжества, как он тут же нарисовался на пороге. Впрочем, дальше этого самого порога Волков проходить не стал, попросту загородив собой дверной проём. Просто стоял и смотрел, изредка широко раздувая ноздри. Нет, он точно какой-то маньяк. Или принимает что-то тяжёлое. Нельзя же так стоять, не двигаясь и не моргая — это противоестественно!

Вот только и я стояла напротив, крепко сжимая телефон в руках, и не смела шевельнуться. Инстинкты, будто только сейчас пробудившись, вопили об опасности, хотя я и не могла поверить до конца, что передо мной не человек, а оборотень. Сколько фильмов про них снято, сколько книг, сколько психологов высказывались ка-

тегоричным образом, относя *диких* скорее к животному миру, нежели к людям. И из-за жуткого немигающего взгляда, заострившихся скул и клыков, торчащих из-под верхней губы, я готова была с ними согласиться. Мне было по-настоящему страшно, до трясущихся коленей и суматошно стучащего в груди сердца.

— Не бойся меня, — неожиданно подал голос Сергей. Хриплый, грубоватый тембр с рычащими нотками совершенно не походил на ласкающий слух баритон, которым именинник обращался к гостям, и я неосознанно поёжилась, отступая. Или это в глазах сверкнуло что-то опасное, напугав ещё сильнее?

— Я не обижу тебя, — заверил оборотень со всей искренностью. — Тебя — никогда.

— Почему? — пискнула я.

Волков в ответ улыбнулся. Блаженно прикрыл глаза, глубоко вздохнул и изрёк:

— Ты — моя пара, я всю жизнь буду тебя защищать.

О, сколько театрального пафоса было в этих словах! Аж зубы свело. Зато в голове разом прояснилось и пальцы на смартфоне сжались уже от злости.

— Будешь защищать, держа взаперти? — едко

выплюнула я, расправив плечи. Нет уж, покорным жертвенным агнцем я не буду, не дождётесь. И играть в эти ваши оборотнические игры тоже не согласна.

— Это временная мера, — вздохнул Сергей, поморщившись от моего тона. — Вынужденное ограничение.

— Чтобы я ненароком не сбежала от свалившегося на голову счастья?

— Чтобы ты привыкла. Природа возьмёт своё, иначе и быть не может — пара оборотня это навсегда, на всю жизнь.

— Значит, мне всю жизнь придётся провести под замком?

— Замок не понадобится, — заверил Волков. — Чувства оборотней всегда обоюдны.

— Ты, кажется, запамятовал, что я вовсе не оборотень.

— Это неважно, человек ты, эльф, маг или вампир. Если ты истинная пара оборотню, ты обязательно полюбишь в ответ, не сомневайся.

Я сомневалась. Очень сильно сомневалась. Не могут нормальные, здоровые отношения вырасти на почве из насилия и угроз. А те, кто упивается Стокгольмским синдромом, просто больные люди. И нелюди.

— Ключевое слово тут «если», — прищурилась я. Ну вот не верится в этот махровый фатализм, хоть ты тресни. Нельзя же так, по волшебству, разлюбить одного и полюбить другого. Ведь нельзя?

— Инстинкты не врут, — покачал головой Сергей со снисходительной улыбкой, явно заметив толику сомнения на моём лице. — Сердце можно обмануть, как и разум, но волчий нюх безошибочно чует свою пару. И ты — моя.

На этой ультимативной ноте меня оставили одну. Размышлять и свыкаться с новой реальностью, в которой я оказалась втянута в дрянное ток-шоу по сватовству с примесью странной мистики. Может, это и вправду какой-то розыгрыш со скрытыми камерами? Всякие пранки сейчас ужас, как популярны. Особенно, если в процессе человека почти до сердечного приступа доводят или травмируют ни за что ни про что. Я вот и травмирована — рука от хватки госпожи Волковой до сих пор болит, — и сердце заходится подозрительной аритмией, так что все симптомы удачного пранка налицо. Но маловероятно, что меня так не по — доброму разыграли — слишком уж известные люди замешаны, да и ситуация странная, и… и о чём-то подобном я уже точно

когда-то слышала.

Увы, это не розыгрыш, а суровая правда жизни.

Глава 2
Дурная кровь

Меня оставили в одиночестве до самого утра. Ни подушки не принесли, ни одеяла — пришлось, свернувшись в три погибели, ночевать в коротком коктейльном платье на гладком кожаном диване, так что ночка выдалась весьма прохладная. Это оборотни так проверяют своих женщин на крепость здоровья или им просто всяческие человеческие удобства не интересны? Что же тогда они в людей оборачиваются? Жили бы волками, в пещерах, и дело с концом. Нет ведь, людьми маскируются, а по сути — настоящие звери.

Не удивительно, что проснулась я в скверном настроении — голодная, замёрзшая, с натёртым молнией боком и спутанными волосами… Красавица, ага. Да от меня такой даже чудовище сбежит. Может, и волк какой проникнется и плюнет на свои инстинкты? Хорошо бы, а то сидеть взаперти, без связи, еды и воды сущая пытка. Надеюсь, обо мне хотя бы не забыли?

Не забыли. Зашли проведать, да не с пустыми руками. Сергей, пожелав доброго утра и привет-

ливо улыбнувшись, прошёл к столу с полным подносом еды, и я заинтересованно повела носом. Континентальный завтрак из омлета, бекона, легкого овощного салата, булочек и кофе был очень, очень кстати. Вот только десерт в виде волка-оборотня несколько портил мой здоровый аппетит.

— Как прошла ночь? — светским тоном поинтересовался Сергей, усевшись в кресле напротив меня. — Сегодня можешь переночевать в спальне. Со мной.

Ого! Да у кого-то самомнения выше крыши. Неужели реально срабатывает?

— Интересуешься, успела ли я проникнуться к тебе любовью? — флегматично отозвалась я, сделав глоток горячего кофе. Ох, хорошо. И вот эта булочка с маслом просто отличная.

— Это мой кабинет, — невпопад сообщил оборотень. — Мой стол. Мой… диван.

— И что? Предъявишь счёт за ночёвку на твоей территории? Извини, конечно, но ты сам меня запер, не оставив тем самым выбора, где ночевать. И диван у тебя неудобный, — пожаловалась напоследок, демонстративно разминая поясницу.

Волков озадаченно моргнул. Дважды. Протянул недоверчиво:

— Ты что, не чувствуешь?
— Чего?
— Запаха.
— Какого?
— Моего.

Я неопределённо хмыкнула, но принюхиваться не стала. Речь ведь явно не о парфюме. Но никакие посторонние ароматы меня не смущали. Ни ночью, ни сейчас. Омлетом пахло, беконом, кофе… ну, может, немного тянуло псиной, но терпимо и почти ненавязчиво.

— Ты серьёзно ничего не чувствуешь? — недоверчиво переспросил Сергей, поднимаясь из кресла. — И ко мне тоже… ничего?

Я отрицательно качнула головой. Ничего. Разве что раздражение за испорченный вечер и холодную ночь. Ну, еще на госпожу Волкову злилась, за её нахальное поведение.

— Может, ты ошибся? — наивно предположила я, сочувственно глядя на оборотня снизу вверх. Выглядел он как-то подавленно, будто и вправду ожидал, что я брошусь ему в объятия и отдамся на этом самом диване, сгорая от любви и страсти. Черт побери, он же мой ровесник, взрослый мужик — ну откуда такие наивные мысли? Я свою позицию донесла ещё вчера и менять не

намерена даже в угоду каким-то там магическим законам бытия.

— Но я чувствую, — пробормотал Сергей, пару раз глубоко вздохнув с закрытыми глазами. — Чувствую, что ты — моя пара.

Ну что я могу на это сказать? Только руками развести:

— А я вот не чувствую.

— Это… это неправильно, ты должна…

— Я ничего и никому не должна, — холодно перебила я, резко вставая с места. — Я сказала твоей матери, что у меня есть возлюбленный. И тебе повторю, если она не передала. Извини, но я не заинтересована. Вообще. Ни капельки. Ты красивый, богатый и всё такое, но я люблю другого человека. Уже давно и взаимно.

— Но…

— Ну какие тут могут быть «но»? Ты сам сказал, что чувства в вашей паре взаимны, но я-то тебя не люблю. И не полюблю. Или ты намерен склонить меня к союзу силой?

Если вчера я как-то побаивалась волка-оборотня, то сегодня он уже не выглядел тем опасным зверем, с рычащими нотками в хриплом голосе. Вполне обычный мужчина, явно не склонный к абьюзивным отношениям — вежливый, воспи-

танный, хоть и мнит себя дамским угодником, вовсе таковым не являясь. Насилие мне не грозит — по глазам видно. По печальным, потускневшим глазам побитой собаки. Чёрт, а вот давить на жалось у него получается гораздо лучше, чем заниматься пикапом.

— Не намерен, — сглотнув, признал Волков и отвёл взгляд. Помолчал с минуту, будто ожидая от меня какой-то реакции, но так и не дождался — ушёл. И не забыл, собака такая, провернуть ключ в замке.

А я опять осталась одна.

***

— Что-то ты быстро вернулся, — заметила Валентина Юрьевна, внимательно взглянув на сына. Счастливым и довольным тот не выглядел, хотя от близости с парой всегда возникает душевный подъём, даже если просто молча посидеть рядом.

— Она ничего не чувствует, мама, — пожаловался Сергей, с волчьей тоской обернувшись на запертую дверь кабинета в конце коридора.

— Не волнуйся, — госпожа Волкова подошла ближе, погладила по плечу, успокаивая, как в детстве. — До людей порой долго доходит. Подожди

еще немного — до вечера, или завтра до утра. Ты всё делаешь правильно, пару нельзя отпускать.

— Но это… бесчеловечно держать её так, взаперти.

— Так быстрее возникнет привязка, ты же знаешь, — продолжала увещевать волчица, мягко улыбаясь, хотя внутри кипела гневом на вздорную девчонку, вздумавшую как следует помучить её единственного сына. Удумала, глупая, что сможет противится магии притяжения. Ну, ей же хуже — чем дольше продлится отрицание, тем сильнее будет откат. — Запахи, аура — они помогают. Раньше и насилием не гнушались, чтобы сразу расставить все точки над i, но ты у меня не такой.

— Мама, а что если я… ошибся?

— Ну что ты такое говоришь?! — всплеснула руками Валентина Юрьевна. — Ты же сам сказал — почувствовал. Головокружение, нарушение сердечного ритма, желание защищать — это же самые верные признаки!

— Но я никогда раньше…

— Разумеется, никогда. Пару встречаешь лишь раз и на всю жизнь, но чувство это ни с чем не перепутаешь.

— Как у тебя с отцом? — грустно улыбнулся Сер-

гей, глядя на мать. Госпожа Волкова, вздрогнув, чуть побледнела, отвела взгляд и тихо пробормотала:

— Да, разумеется. Как же иначе?

Её отношения с Волковым-старшим сложно было назвать любовью, но… но они оба волки, почти ровесники, из одной стаи. Сама судьба, родители и магический Совет подталкивали их друг к другу, так что Валентина Юрьевна — а в ту пору курносая Валечка — с детства знала, кто станет её мужем. Так и случилось, несмотря на возникшие на её пути препятствия.

***

Телефон почти разрядился и по-прежнему не ловил, а я порядком задолбалась от безделья в ограниченном пространстве. Все смс, письма и текстовые сообщения упрямо висели в мессенжерах не отправленными, невольно заставляя думать о том, каково сейчас семье, томимой неизвестностью. Я же для них пропала. Ушла на пафосную вечеринку и не вернулась. Ирка, наверное, волосы на голове рвёт, коря себя за напористость — я ведь так не хотела встречаться с Волковым, как чувствовала.

Меня покормили обедом — утка в вине ока-

залась просто превосходной. Даже жаль, что ресторан закрыт от не магической публики, такого шикарного повара скрывают. Впрочем, может он тоже какой-нибудь колдун и одновременно с великолепными соусами на соседней конфорке варятся опасные зелья из лягушачьих лапок и крысиных хвостиков. Брр… После таких мыслей мясо сразу показалось странным на вкус, и аппетит тотчас пропал. Как и желание полакомиться воздушным тирамису на десерт.

Они ведь тут наверняка все маги и волшебники. Что им стоит добавить в блюдо приворотного зелья, как в сказках, чтобы я разом забыла и родных, и возлюбленного, а смыслом всей моей жизни стал один-единственный оборотень с замашками киднеппера?

Ох, это по — настоящему жутко. И что теперь? Голодать? Даже воду не пить? Недолго я так продержусь. Собственно, только занервничала, как в горле пересохло, а рука сама собой потянулась к стакану с прохладным соком.

Поборовшись с собой несколько минут и позорно проиграв в битве с жаждой, я махом ополовинила бокал. Ммм, яблочный, без сахара — прямо как я люблю.

Я как раз закончила трапезу, когда за дверью

что-то ощутимо громыхнуло. А потом ещё раз и ещё, будто сотрясая здание до основания. Землетрясение? На Восточно-Европейской равнине? Это что-то новенькое. Но не успела я как следует испугаться и броситься в панике к двери с требованием, чтобы меня выпустили, как всё закончилось.

Так я думала, ведь на самом деле по ту сторону двери всё только начиналось.

***

Мирослав сорвался в аэропорт ранним утром, по первому звонку, хотя почувствовал недоброе еще ночью, когда в ответ на очередной вызов ему отозвался механический голос, монотонно информировавший, что «абонент не в сети». Стоило, пожалуй, поверить интуиции, а не выдумывать причины, по которым внимательная и вечно собранная Марина могла забыть зарядить свой телефон, а то и вовсе потерять гаджет.

В общем, утро выдалось недобрым. Ирка ревела в трубку, захлёбываясь соплями, винилась во всех грехах и молила поскорей приехать и найти пропажу. Но поскорее не вышло — густой туман заволок столицу, и вылеты разрешили только около девяти, когда Мирослав успел известись

и пару раз как следует наорать на сотрудников аэропорта. И только в воздухе, откинувшись на спинку узкого кресла, ненадолго успокоился. Но мысли то и дело соскальзывали на исчезновение Марины.

Что же случилось? Ира говорила о какой-то вечеринке, после которой сестра так и не вернулась домой. И на звонки не отвечала со вчерашнего вечера. Полиция, разумеется, развернула на пороге, посоветовав подождать с заявлением три дня, но разве можно сидеть и ждать, надеясь, что пропажа отыщется сама? Да и Мирослав слишком хорошо знал свою девушку — просто так, без повода, она бы не исчезла.

Казань встретила рваными сизыми тучами и мелкой моросью, задувавшей за воротник. Мирослав поморщился, да и только, хотя одет оказался совершенно не по погоде — в одной только футболке и джинсах. И багажа с собой нет. Вещи, заранее собранные для короткого уикенда, остались в коридоре — совсем вылетело из головы, когда он в спешке покидал квартиру и на ходу бронировал новый билет.

До родительского дома Марины удалось добраться относительно быстро — таксист, будто угадав мысли пассажира по зверскому выраже-

нию лица, летел, наплевав на все скоростные ограничения. В иное время Мирослав бы возмутился, может, даже корочку предъявил и провёл разъяснительную беседу об опасности пренебрежения правилами дорожного движения, но сегодня смотрел на явное нарушение закона сквозь пальцы. Ему и так казалось, что он безнадёжно опоздал и случилось что-то непоправимое.

Ира встретила его у ворот загородного дома. Курила. Пальцы с сигаретой подрагивали, глаза на мокром месте… выудить из этого комка нервов удалось немногое, но главное — адрес. И фамилию, от которой Мирослав неосознанно скривился.

— Я ездила туда, — призналась Ирина, выбросив окурок и зябко обхватив себя за плечи. — Ну, по адресу из приглашения.

— И?

— Это какой-то пустырь, Слава! Представляешь? Развалины за глухим забором. Это же бред какой-то! У нас весь центр к тысячелетию города перекопали, лоска навели, а там… я не понимаю… если Марина приехала, а там такое, то почему не позвонила, не посмеялась над ситуацией? Явно же какая-то ошибка в приглашении…

— Приглашение у Марины? — хмуро уточнил Мирослав. Ира кивнула. Пощупала себя по карманам, выудила мятую пачку и вынула очередную сигарету, но зажигать не стала, теребила в руках.

— Там написано было, что вход строго по приглашениям. И вообще выглядело пафосно и дорого, с голограммой какой-то в углу, я и подумать не могла… Это же я её надоумила, понимаешь? — девушка вскинула на него полный отчаянья взгляд. — Если вдруг что, это я, я виновата!

— Успокойся, — тихо, но весомо потребовал Мирослав. Ирка послушалась — коротко шмыгнула носом, сжала губы и стёрла слёзы со щёк. — Я её найду, обязательно. Всё будет хорошо. Веришь?

— Верю.

Сам он сильно сомневался, что всё действительно будет хорошо и решится так уж просто. Одна фамилия Волковых намекала на проблемы — и вообще, и для него лично. Была бы его воля, никогда не встречался с этой семейкой, но ради Марины стоило поступиться принципами. Ради неё и умереть-то не жалко.

***

Описанный Ирой пустырь за забором на самом деле оказался помпезным особняком в три этажа

с ажурными балкончиками и замысловатыми барельефами. От здания остро тянуло магией. И псиной. Он явно пришёл по адресу.

У входа под вывеской ресторана «ВолкOFF» стоял навытяжку швейцар в чёрной ливрее и белоснежных перчатках. Русые волосы зачёсаны назад, морда породистая, кирпичом, но Мирослав не обольщался на аристократичный экстерьер, прекрасно чувствуя, что перед ним оборотень. Не самый сильный, но явно и не последний в стае. И просто так его, Мирослава, в особняк наверняка не пропустит, даже корочка не поможет.

Но делать нечего — нужно как-то попасть внутрь, поговорить с Волковыми и найти Марину, которая наверняка где-то здесь. И если для этого придётся ни за что ни про что начистить физиономию швейцару, он готов.

Мирослав подходил ко входу, судорожно сжимая кулаки и готовясь к битве врукопашную, но волк у двери только вежливо посторонился, пропуская. Даже голову почтительно склонил!

Нахмурившись, Мирослав вошёл в холл, огляделся. Никого. И тихо как-то… Неужели это ловушка? Да Господи, кому он сдался? Обычный следователь, пусть и в не совсем обычной полиции.

Так, надо собраться. И взять, наконец, след. Принюхавшись, Мирослав уверенно повернул направо, поднялся вверх по лестнице и почти уже достиг цели, когда буквально лицом к лицу столкнулся с еще одним волком. Рефлекторный оскал исказил лицо настолько, что незнакомец сперва отшатнулся, а затем зарычал в ответ. Низко, утробно, аж до печёнок пробрало. Но страха не было. И желания сбежать, поджав хвост, также не появилось.

— Ты кто? — рявкнул оборотень, сверкая зеленью глаз. — Что ты тут делаешь? Кто тебя пустил?

Мирослав зарычал в ответ, совершенно не способный к конструктивному диалогу. А всё потому, что от волка, стоящего напротив, тянуло ароматом Марины. Его Марины!

Пелена ярости застила глаза, и болезненности оборота он почти не почувствовал, бросаясь на соперника. От смертоносных клыков в раззявленной пасти тот увернулся в самый последний момент, плавно перетекая во вторую ипостась.

Они оказались почти одного размера, два волка палевого окраса, но если Мирославом двигали эмоции, ослепляя разум, то второй оборотень действовал уверенно и чётко, имея гораздо больше

практики и навыков. Рычащий комок из диких зверей бился в узком коридоре, то и дело сбивая препятствия. Упала со стены картина, пошатнулась на тумбе в углу ваза с сухоцветами, чудом устояв, сорвался с панорамного окна тюль, еще сильнее спутав клубок…

***

Неизвестно, чем бы закончилась эта свара. Наверняка как минимум тяжкими телесными для обеих сторон внезапного конфликта, когда на сцене появилась третья сила — самая мощная на планете. Мать.

Госпожа Волкова топнула и гаркнула так, что затряслись стены. Двое волков отпрянули друг от друга, как застигнутые супругом любовники, часто дыша и не отводя взглядов. Первым вернулся к человеческому облику Мирослав, чуть морщась от боли — острые клыки разодрали плечо, залечить которое быстрее всего оборотом. Сергей поднялся следом, уже человеком, и задумчиво провёл пальцами по окровавленной скуле. Края раны стремительно смыкались, оставляя после себя лишь запёкшуюся корку. Но сам факт того, что какой-то заезжий оборотень дрался с ним почти на равных, напрягал не на шутку.

Он Сергей Волков, прямой наследник своего отца, будущий глава казанских волков. Урождённый альфа, в конце-концов, а его отметелили в его собственном доме!

— Кто ты такой? — требовательно спросил он, разглядывая чужака. Парень как парень — среднего роста, русый, светлая футболка с анималистичным принтом обтягивает подтянутый торс, но выдающейся мускулатурой и не пахнет. Но ведь силён, зараза. Хоть и дерётся бестолково.

Мирослав не спешил отвечать. Ему тоже было интересно взглянуть на Волкова-младшего. Говорили, сын пошёл в отца и, видя рядом его настороженную матушку, Мирослав был склонен согласиться. Сильный, быстрый, обученный… хороший вожак. Наверное, они могли бы даже найти общий язык и подружиться, но от Волкова пахло Мариной, и это меняло всё. Нельзя быть другом с тем, кто украл его возлюбленную.

А госпожа Волкова смотрела на обоих. Смотрела и… сравнивала. Почти одного роста и комплекции, неуловимо схожие черты лица — подбородки, нос, линия бровей. Она с первого взгляда поняла, кто перед ней. Трудно не догадаться, когда половину жизни страшишься этой судьбоносной встречи.

Но она видела и кое-что ещё. Кое-что очень, очень неприятное. Женщины-оборотни вообще куда прозорливее мужчин и куда лучше видят истинную силу, волчью ауру. А здесь и сравнивать было нечего — незваный гость, хоть и казался физически равным, на духовном уровне на голову превосходил её сына.

Вся картина мира разом перевернулась. Какую свинью подложил им покойный вожак стаи — незаконнорождённого ублюдка. Первенца, вобравшего в себя силу альфы! Истинного наследника!

Ну уж нет, он не посмеет лишить её всего того, чего она добивалась долгие годы. Стая будет подчиняться Сергею, и точка. А всякие подмосковные выскочки пускай идут лесом.

— Полукровка, — пренебрежительно фыркнула Валентина Юрьевна, окинув Мирослава оценивающим взглядом. Особенно задержалась на глазах. Разноцветных! Вот она, разбавленная кровь во всей красе — уродство налицо. Левый глаз был изумрудно-зелёный, как у её Серёжи, а правый блёкло-серый, как у той человечки, которую Волков-старший осмелился назвать своей парой тридцать лет назад.

Тогда она подняла все свои связи, надавила на

Совет, и Сергей Волков, альфа казанских волков, поджав хвост, вернулся на родину. И с радостью согласился на магический обряд, связавший их судьбы крепче, чем какие-то там истинные пары. Появился Серёжа — наследник клана, жизнь шла своим чередом, со взлётами и падениями, но в прошлом месяце сильный матёрый волк вдруг неожиданно скончался. Пятьдесят восемь — самый расцвет силы оборотней. Некоторые и до ста лет сохраняли разум и подвижность, а альфы порой доживали до ста двадцати и старше. И вдруг тромб. Откуда вообще взялся тромб у чистокровного волка?!

Сейчас-то уже ясно, в чём дело. *Она* умерла. Слабая человечка, невесть отчего связанная по жизни с альфой. Совет утверждал, что обряд обрубил их связь, но нет, истинные пары не разбить даже магией. Или всё дело в том, что у них родился ребёнок, о котором никто и знать не знал?

И ладно просто ребёнок, Валентина смирилась бы с ублюдком, но ведь этот полукровка вздумал лишить её единственного сына самого главного — власти!

Тридцать лет игнорировал клан и нате, притащил на смотрины свою подстилку, чтобы законный наследник самым унизительным обра-

зом сделал стойку на выбранную сводным братом девицу. Вариантов тут не так уж и много. Точнее, всего один — Серёжа по неопытности спутал собственное чувство пары с отголоском связи альфы со своей избранницей. Немыслимо! Невероятно! Когда такое было, чтобы от союза человека и оборотня родился альфа-самец? Бета, гамма ладно, но альфа?! Магический мир сошёл с ума!

Валентина Юрьевна кипела гневом, мысленно виня волка-полукровку во всех своих бедах. В гибели супруга, в ускользающей из рук власти над стаей, в несостоятельности собственного сына… позабылось даже, что приглашения она рассылала сама, после встречи с ведьмой-провидицей, подготовившей список наиболее подходящих кандидатур для пары.

— Полукровка? — удивился Сергей, с куда большим любопытством разглядывая своего оппонента.

— Меня зовут Мирослав, — коротко представился тот, насупившись. Ни пренебрежительный тон госпожи Волковой, ни искреннее любопытство Сергея ему не нравились. Ему вообще многое тут не нравилось. Но в первую очередь то, что они украли Марину и заперли где-то здесь, совсем рядом.

— Миросла-а-ав, — едко протянула Валентина Юрьевна, сверкнув глазами. — Это кто ж тебе имечко такое придумал, а? Что-то не тянешь ты никак на былинного богатыря, только на серого волка. А что, именно твой случай — заявился в чужой дом, набросился на хозяина, как какое-то дикое животное…

— Я не животное. Я человек, — весомо, почти по слогам произнёс Мирослав.

— Ты — волк. Наполовину. Дурная кровь.

Мирослав зло сжал кулаки, оскалился, но госпожа Волкова не впечатлилась. Она больше четверти века стояла во главе стаи подле вожака, и никакие волчьи рыки и опасные взгляды её давно не пугали. А это ещё и не обученный, невесть как получивший ипостась… сын Сергея, тут нет сомнений, но к казанскому клану он не имел ни малейшего отношения. Кто же приютил обездоленного полукровку, кто его инициировал? И, главное, зачем?

— Плевать, кем вы меня считаете, — небрежно отмахнулся от словесной грязи Мирослав. — Я здесь только из-за Марины.

— Из-за Марины? — озадачился Сергей, бросив короткий взгляд на мать.

Госпожа Волкова скривилась — её опасения

стремительно подтверждались:

— Значит, это именно ты её парень…

— Я, — спокойно подтвердил Мирослав. — И я пришёл за своей женщиной. Отпустите Марину.

— Ты сам отпустил её от себя! — воскликнул Волков-младший, не желая верить, что его пара уже принадлежит другому мужчине. И не просто мужчине — волку!

— Марина сама вольна решать, что ей делать, я никак не ограничиваю её свободу и общение с семьёй. И уж точно не запираю на десяток замков.

Камень в свой огород Сергей принял с достоинством, только на скулах чуть проступили красные пятна, но смутить будущего главу клана было не так-то просто.

— Да ты не оборотень, — убеждённо заключил он с ядовитой интонацией, копируя манеру разговора своей матери. — Оборотень бы не отпустил свою самку от себя. Никогда. Ни за что.

— Он полукровка, сынок. И воспитывала его человек, а это много значит. Он просто не знает наших законов и живёт, не ведая заветов предков.

— Я хотя бы не похищаю чужих девушек, — огрызнулся Мирослав, не сдержавшись.

— Чужих? — фыркнул Волков-младший с до-

стоинством. — А кто докажет, что она твоя? На ней нет метки!

— Какие еще метки?

— Метка стаи, щенок, — выплюнула Валентина Юрьевна. — То, чего у тебя нет и никогда не будет.

Глава 3
Любовь оборотня

Госпожа Волкова явно обладала каким-то дьявольским талантом. Так играючи, с нарочитой небрежностью наступить на больную мозоль… Его ведь и вправду не приняли ни в одном клане. Даже Антон Северский, глава выборгских волков, углядевший в десятилетнем мальчишке, приехавшем на экскурсию в Питер, оборотня, не взял к себе в стаю. Сказал, обучая нехитрым премудростям перевёртышей, что не бывать такому, чтобы в клане было два альфы, а давать временный приют, чтобы затем выкинуть из семьи… это еще хуже, чем от этой самой семьи отказать.

Десятилетний Мирослав принял отказ стойко, хотя в клане Северского ему понравилось. Бескрайний лес, свобода, ветер свистит в ушах, а рядом — только руку протяни — трусят среди вековых сосен самые настоящие волки. И сам он — волк. Точнее, тогда ещё волчонок, мелкий, неумелый, сущая карикатура на фоне матёрых поджарых хищников, но всё меняется. И Мирослав вырос. Каким-то немыслимым образом

прибился к местному маг-сообществу, хотя принимать туда парня без стаи долго не хотели, а потом перебрался из Красногорска в Москву. Сперва по работе, а потом и по жизни.

Удивительно, но отсутствие стаи особо не мешало, даже в личной жизни всё, казалось, шло просто прекрасно. Ему повезло встретить Марину — обычного человека, для которой все эти магические условности не значили ровным счётом ничего. А теперь везение закончилось. По законам маг-сообщества Мирослав и вправду ничем не мог подкрепить собственные слова, а Марина, как человек, и вовсе голоса не имела. Любой суд встанет на сторону Волкова — чистокровного волка, главы клана. А его, полукровку без роду и племени, даже не станут слушать.

— Я так просто не сдамся, — уверенно заявил Мирослав, взглянув поочерёдно на молодого вожака стаи и его мать. — Марина — моя пара.

— Что, и твоя *тоже*? — поражённо выдохнул Сергей.

— Тоже? — нахмурился Мирослав. Пусть он и не знал многого об оборотнях, но о феномене пары любой ребёнок в курсе, как и о том, что не может одна женщина принадлежать сразу двум мужчинам. Кто-то, возможно, фантазирует о по-

добном, и даже фильмы снимают определённого содержания, но с реальностью оборотней эти эротические мечты не имеют ничего общего.

Пока мужчины мерились взглядами, Валентина Юрьевна стояла в стороне и кусала губы. Эта Марина — ошибка. Её ошибка. Чёртова ведьма что-то напутала, и она пригласила на смотрины *чужую* пару. Да, девчонка без метки. Да, полукровка без стаи. Но и Серёжа не сделает эту девушку своей женой, просто не сможет — инстинкт защиты не позволит навредить, а Марина не отступится от своих чувств. Замкнутый круг.

Любовь оборотня сильна. А любовь к оборотню еще сильнее, уж это она прекрасно знала по себе. В то время как муж грезил о своей паре, оставшейся в сотнях километров, она любила за двоих, и любви этой хватало с головой. Но у Серёжи другой случай, здесь магия не поможет. Да и запрещено людей заколдовывать, министр за такое по головке не погладит, а мужик он суровый, к тому же выбрал себе в спутницы жизни человека.

Нужно сказать им обоим правду. Чем скорее, тем лучше. Отпустить девчонку на все четыре стороны и забыть эту встречу, как страшный сон. Пусть мальчишка проваливает в свою Москву, а они останутся здесь, дома. Будут жить, как

прежде, а новую невесту она обязательно найдёт. Настоящую пару для Серёжи, а не какой-то там отголосок чужой связи.

Но язык не поворачивался сказать, что её первенец, её единственный сын — второй. Второй по силе, второй по рождению. Не наследник. Не *вожак*.

— Это невозможно, — низким, тяжелым голосом произнёс Мирослав, сжимая кулаки. — Марина — моя. И только моя.

— С каких это пор? — недоверчиво протянул Сергей, хотя мысли в голове скреблись совсем иного толка. От него не укрылось побледневшее лицо матери и шальной взгляд, метавшийся с одного оборотня на другого.

— С самой первой встречи, уже четыре года как.

Волков-младший вскинул брови. Четыре года? И Марина до сих пор девушка, а не жена? Кажется, с этим полукровкой и в самом деле что-то не так. Сам-то он и месяца не собирался ждать, прежде чем узаконить отношения с парой. И то виной всему лишь бюрократические препоны с подачей заявления в ЗАГС.

— Ты не шутишь?

— О таком не шутят, — весомо отбрил Миро-

слав. — Да и сам ты разве не почувствовал, что Марина уже занята? Что на ней мой запах? Не может его не быть — мы столько лет вместе.

Сергей смутился. Это действительно странно. Оборотни и безо всяких меток прекрасно чувствуют, если женщина занята кем-то из сородичей, а он даже не заметил чужого запаха. А такое может быть только в одном-единственном случае…

— Кто твой отец, Мирослав?

Полукровка упрямо сжал губы, нахмурился — отвечать ему явно не хотелось. А Волкову и не так-то был нужен ответ, хватило короткого взгляда на реакцию матери на его вопрос.

Валентина Юрьевна побледнела почти до синевы, дышала через раз и явно находилась на грани обморока. Для сильной, уверенной в себе волчицы просто нонсенс какой-то.

— Это важно? — разомкнул-таки губы Мирослав после затянувшегося молчания.

— Мне кажется, это многое бы объяснило, Мирослав *Сергеевич*, — хмыкнул оборотень, упиваясь своей догадливостью.

Госпожа Волкова от слов сына вскрикнула, истошно замахала руками:

— Нет-нет-нет, Серёжа, даже не думай!

— Скажешь, что я ошибся, и Мирослав мне во-

все не брат? — Сергей резко обернулся к матери, глянул испытующе. Валентина Юрьевна пару пару раз беззвучно разинула рот, как выброшенная на берег рыба, но солгать сыну в глаза не смогла, промолчала.

— Сводный, — педантично поправил полукровка.

— И старший, — вздохнул Сергей с потаённой грустью.

— Старшинство еще ничего не значит, — попробовал успокоить его свежеобретённый родственник, но Волков-младший только отмахнулся. Само по себе да, не значит, но почему-то магия всегда значительно щедрее отмечает первенцев. Даже, как оказалось, ребёнка от союза оборотня и человека, который Совет маг-сообщества еще пару лет назад за глаза называл извращением, а затем неожиданно изменил своё мнение, ратуя за вливание свежей крови. Не зря передумали, не зря…

— Я всегда чувствовал, что слабее отца, — тихо признался Сергей. — И не видел самого себя во главе стаи. Если бы не мама…

— О чём ты говоришь, Серёжа?! — перебила сына Валентина Юрьевна. — Кем бы ни был этот полукровка, ты законный наследник!

— Наследник? Неужели? И с каких это пор не альфа может встать во главе волчьей стаи?

— Ты мой сын! Ты не бета! Нет! Ты альфа! — возмущенно воскликнула госпожа Волкова, прищурив сапфировые глаза. — Ты сын альфы, по-другому и быть не может.

— Уж себе-то не лги, мама, — с горечью отозвался Сергей. — Я же не слепой. И не дурак. И я начал догадываться уже тогда, когда Марина не ответила на мои чувства.

— Серёжа…

— Хватит, мам. Прекрати. И не плачь. Тоже мне, нашла трагедию, — небрежно отмахнулся волк, вздохнув.

— Но клан… это твоя стая!

— Это по-прежнему будет моя стая, — ровно произнёс Волков-младший, на удивление легко приняв правду. — Просто я в ней теперь не вожак.

— Это неправильно! Ты не должен!

— Это мне решать, мама, — Сергей строго взглянул на мать, нахмурив брови. — И это единственно правильный вариант. Надо просто смириться, что я не альфа. И я не вижу в этом никакой трагедии.

Валентина Юрьевна послушно замолчала.

Только тихо плакала, утирая слезы. Ничего, свыкнется, она сильная женщина. А новый более низкий статус, быть может, благотворно скажется на заносчивом характере. Власть, увы, развращает. И материнский пример для Сергея был главным тому доказательством.

Мирослав тем временем стоял и недоуменно хмурился. Что с того, что он оказался сыном Сергея Волкова-старшего? Разве это что-то меняет? Мать никогда не скрывала его личности, показывала фото, а сам отец даже навестил пару раз — в глубоком детстве и вскоре после обретения ипостаси, предлагал забрать с собой, в Казань, но Мирослав гордо отказался, предпочтя жить с матерью. В подарок на память от отца осталась лишь медная подвеска с волчьей мордой на фоне луны — знак клана, в который Мирослава официально так и не приняли. По идее, такие «фенечки» дарили близким — друзьям, избранницам — как знак принадлежности и защиты. Стоило, пожалуй, втихую повесить оберег на Марину, но кто же знал, что ею заинтересуются чужие оборотни? В Москве и области о его возлюбленной прекрасно знали, сказывалась работа в «органах» маг-сообщества, а о казанском клане Мирослав старался не вспоминать. Вот только отцовский

клан сам напомнил о себе, заставив лицом к лицу столкнуться с настоящей семьёй Сергея Волкова-старшего. С законной женой и сыном, которым достались вся любовь и внимание старого волка.

Тогда, в детстве, маленький Слава ревновал. Не понимал, почему один сын отцу дороже другого. Уже потом, узнав суровые законы маг-сообщества, понял, что особого выбора отцу не дали. Простой волк ещё, быть может, мог жить на две семьи, скрывая любовницу, но глава стаи являлся примером и не имел права на слабости.

— Прости мою маму, — спокойный голос Сергея заставил Мирослава вздрогнуть и вынырнуть из своих мыслей. Оказалось, что в коридоре они остались вдвоём. Два брата, старший и младший. Два соперника, выбравшие одну женщину…

— За что?

— За оскорбления, — поморщился Волков-младший. — Ей не стоило говорить такого. Ни полукровке, ни кому бы то ни было ещё. Просто она… она очень любила отца, а ты разбередил старые раны.

— Ясно.

— Ничего тебе не ясно, — фыркнул Сергей. — Она любила его за двоих, потому что он всю жизнь продолжал любить твою мать.

— С чего ты взял?

— Пару невозможно не любить… и он бы не умер так рано, если бы их ничего не связывало.

— Это могло быть просто совпадение. Мама умерла почти два месяца назад, от рака, а болела больше года.

— «И умерли они в один день» лишь в сказках бывает. Но связь пары сильна настолько, что жить без неё можно, вот только… не хочется. Отец чувствовал, что скоро уйдёт — завершал дела, составил завещание… Мы его ещё не зачитывали, но не удивлюсь, если там будет твоё имя.

— Это ещё почему?

— Потому что ты — альфа. И это еще одно доказательство того, что отец очень сильно любил твою мать. Дети таких союзов всегда сильнее, ведь они рождаются в любви. Именно поэтому ты, полукровка, сильнее меня. А вовсе не потому, что старше на год или два.

— Сильнее? — удивился Мирослав. — С чего ты взял? Мы дрались на равных.

— Только потому, что твоим обучением явно никто не занимался. Такой бестолковой схватки и между щенками не увидеть. Но ничего, я тебе помогу. Научу всему, что знаю сам. Всему, чему меня научил отец. Наш отец.

— Зачем тебе это?

— Стае нужен сильный вожак.

— А я-то тут причём?!

— Так ты и есть будущий глава клана. По силе и по рождению.

— Но я не хочу быть вожаком!

— Как это не хочешь? — нахмурился Волков. — Ты — альфа, сын вожака, это твой долг.

— Вы же сами только что говорили, что у меня нет стаи. Меня не приняли ни в одну.

— Это и неудивительно, — пожал плечами Сергей. — Альфу никогда не принимают в клан, это клан создаётся вокруг него. И то, что отец когда-то не признал тебя официально, по закону, ничего не меняет. Именно ты — альфа казанских волков. А я твой брат, бета, защита и опора как для тебя, так и для твоей избранницы.

— Это… шутка такая? — наивно предположил Мирослав, но сам же увидел ответ в серьёзном взгляде сводного брата. Брата… как же непривычно это звучит. Он привык, что семьи, кроме матери, у него не было, а с её смертью никого близкого и не осталось, только Марина и её родственники, заполнившие пустоту в душе.

— Никаких шуток, Мирослав. То, что я почувствовал к Марине — это неистребимый инстинкт

защиты избранницы альфы. Ты не думай, я не дурак, их в самом деле трудно спутать, в этом чувстве нет ни капли страсти, но мама утверждала, что пригласила кандидаток мне в пару, отобранных ведьмой, и… Я не знаю, как так вышло, что приглашение попало к Марине. Могу лишь в очередной раз попросить прощения.

— Проси прощения у Марины. Она же наверняка испугалась до полусмерти.

— Она ведь не знает о тебе, верно? — проницательно заметил Сергей. — О том, что ты оборотень? И о том, что она твоя избранная пара, ей неизвестно?

Мирослав кивнул, закусив губу. Не то, чтобы он специально скрывал, умалчивая о своей истинной природе, но Марина обычный человек, а он слишком боялся, что она не поймёт. Сперва не хотел спугнуть правдой о себе вскоре после знакомства, а потом… а потом показалось, что рассказывать уже слишком поздно. Он завралася, и от собственного вранья было чертовски противно, но страх потерять Марину из-за лжи никуда не делся. Замкнутый круг какой-то,и не выбраться из него никак.

— Ты должен ей всё рассказать, — посоветовал Сергей, без труда прочитав написанные на лице

альфы эмоции. — Сейчас, не то будет слишком поздно.

— Только после того, как ты извинишься за похищение, — выставил условие Мирослав, нуждаясь хоть в какой-то поддержке.

— Хорошо, ловлю на слове, — улыбнулся Волков-младший, кивая в конец коридора. — Твоя принцесса как раз вот за этой дверью.

Мирослав вздохнул, распрямил плечи и смело шагнул навстречу своей судьбе.

***

Признаться, я уже почти настроилась коротать вторую ночь на кожаном диване, когда дверь неожиданно открылась, и в кабинет вошёл…

— Слава! — воскликнула я, бросившись ему в объятия. Не заметила даже, что за его спиной стоял Сергей Волков, проводивший мой эмоциональный порыв тоскливым взглядом. — Слава, Славочка, ты меня нашёл! — счастливо попискивала я, вися на шее возлюбленного. Он без труда удерживал меня на весу, как пушинку, и только тихо посмеивался, коротко целуя то лоб, то висок, то макушку. Какой же он у меня всё-таки замечательный! И отличный профессионал — нашёл, вызволил из волчьего плена.

От близости Мирослава сразу стало так легко и спокойно, что все тревоги разом отошли на второй план. И мысль о том, что войти в особняк без приглашения нельзя, пришла как-то вскользь, неосознанно.

— Как ты меня нашёл? — всё-таки полюбопытствовала я, снизу вверх заглядывая Славе в лицо. Он улыбнулся в ответ, привычно согревая теплотой своих невероятных разноцветных глаз:

— Сердце подсказало.

— Слав, я серьёзно, как? Мне тут такого наговорили…

— Марина, пожалуйста, не принимай слова моей матери всерьёз, — негромкий голос Сергея, донёсшийся от двери, заставил меня вздрогнуть и выскользнуть из уютных объятий. Оборотень стоял у стены, облокотившись на косяк, и смотрел со странным выражением. Печаль? Зависть? Тоска? А Мирослав вообще в курсе, что этот хмырь пытался ко мне подкатывать? А если в курсе, то почему не подсветил изумрудную зелень глаз контрастным фиолетовым фингалом?

— Какие именно? — хмуро уточнила я.

— Про пару, — с грустью отозвался Волков-младший, опустив взгляд. — Ты не моя пара, прости за это недоразумение.

Недоразумение? Серьёзно? Меня похитили и сутки держали взаперти! И это он называет недоразумением?

— Марина, не злись, — неожиданно вступился на защиту оборотня Слава. — Он правда сожалеет. И не виноват в том, что произошло.

— Не виноват? Сожалеет? Вы что там, спелись? Он… он тебе заплатил, что бы я не возникала и не обращалась в полицию?!

Я резко отшатнулась от Мирослава, требуя ответа. Не верила, что он способен на такое предательство — и меня, и своих моральных принципов, — но кто знает, какие миллионы могли пообещать Волковы за молчание. А у Славы ипотека, и следователи даже в столице не так-то много получают…

— Успокойся, Марин, никто мне ничего не платил.

— Тогда почему ты его выгораживаешь?!

— Потому что… потому что он мой брат, и это в каком-то смысле моя вина, что он принял тебя за свою пару.

Я поражённо открыла рот. Закрыла. Может, у меня слуховые галлюцинации? Или я сплю?

— Твой… брат? — я перевела ошеломлённый взгляд с Мирослава на Сергея, по-прежнему сто-

явшего у двери. Волков скромно потупился, всем своим видом выражая фразу: «Ну, извини, так вот получилось». Но если они родственники…

— Ты… — я буквально задохнулась от невероятного предположения. Да быть такого не может! Мы больше четырёх лет знакомы, живём вместе, я бы заметила! Такое ведь не скрыть, да и нельзя скрывать, тем более от близких!

— Сергей, оставь нас, пожалуйста, — негромко бросил через плечо Слава. Я тут же вскинулась:

— Нет, Серёжа, не уходи!

— Марина, не волнуйся, — вкрадчиво попросил меня Мирослав, неумолимо приближаясь и заставляя пятиться от него. Волков-младший, быстро оценив ситуацию, поспешил покинуть кабинет и даже дверь за собой запер. Снаружи. Вот ведь жук этот волк блохастый!

— Ты оборотень?! — выкрикнула я Славе прямо в лицо, упёршись спиной к стене.

— Да, — сознался он, остановившись в полушаге. — Я волк. Наполовину. Моя мама человек, а отец — Сергей Волков-старший. Но именно поэтому я смог войти в этот особняк — люди без магии его даже не видят. И именно поэтому я смог отыскать тебя — по запаху, по твоему уникальному аромату…

Я не находила ответных слов. Даже эмоций не было, никаких. Я просто смотрела на него и не узнавала. Они ведь действительно похожи! Не как две капли воды, конечно, но сходство очевидное. И как я раньше не заметила? Я вообще, как выяснилось, многого не замечала…

Со Славой мы познакомились в Москве, аккурат на Казанском вокзале, когда я, ещё зелёная выпускница, приехала покорять столицу. Покорила, ага. Буквально с первых минут. Какая-то ушлая цыганка украла мой кошелёк, да так, что я и глазом не моргнула, хотя прежде считала себя невосприимчивой ко всякого рода гипнозам.

В кошельке были деньги, билеты, карточки, а я первый день в чужом городе, абсолютно одна. Куда бежать, что делать? Благо, на моём пути встретился Мирослав. Уж не знаю, как он заметил в толпе осоловело моргающую девчонку, но сам подошёл и спросил, что случилось. На моё сбивчивое повествование о случившемся мужчина прореагировал коротким кивком и быстро куда-то скрылся. Думала, сбежал, но уже минут десять спустя он вернулся с добычей в виде моей законной собственности. Со всей наличностью внутри! Чудеса, да и только.

Конечно, я задумывалась, что это была поста-

новка специально для наивных провинциалок. И первое время, когда Мирослав, представившись, пригласил перекусить в кафе неподалёку, относилась к нему с настороженностью. Но с каждой минутой неосознанно проникалась симпатией, настолько приятным и открытым оказался этот человек.

Заметил он меня случайно, но намётанным профессиональным взглядом. Даже полицейскую корочку показал со смешной бритой армейской фотографией. Оказалось, заглянул в выходной день встретить знакомого, но разминулся. Зато встретил меня.

Он всегда называл нашу встречу судьбой. Роком, предрешённостью. Во всех остальных вопросах Мирослав тот ещё прагматик и реалист, но стоило заговорить о том, что касалось нашей встречи, как в нём просыпался закоренелый романтик, истинно верящий в фатум и любовь с первого взгляда. Я с ним не спорила. Зачем? Тем более, что встретиться в многомиллионном городе двум людям действительно не так-то просто.

Мы как-то быстро начали жить вместе — общежитие при университете Мирослав тихо ненавидел и почти в ультимативной форме перевёз меня к себе спустя месяц нашего знакомства.

Я училась, Слава работал, уверенно идя на повышение, но со свадьбой не торопились. Не то, что бы я совсем уж не хотела, но планировала сперва получить диплом, как следует встать на ноги, а уже потом задумываться о семье и детях. А без детей зачем нужен штамп в паспорте?

Мирослав тогда со мной согласился. Не препятствовал карьере, спокойно относился к командировкам и вообще радовал цивилизованным отношением без попыток загнать женщину на кухню.

А теперь оказывается, что он мне врал! Что домострой у него в крови, а сам он и не человек вовсе. Вот как, как я могла быть настолько слепой? Не замечала, что мой парень — оборотень! Ясно теперь, на какую охоту он с друзьями ездил. И еще яснее, почему не ревновал на ровном месте, как некоторые — чуял, наверное, что никем «чужим» от меня не пахнет. И кошелёк мой тогда, при знакомстве, он тоже наверняка нашёл по запаху, рыкнув пару раз на ушлую цыганку для острастки.

— Марин, — тихо обратился ко мне Слава. Протянул руку, робко коснулся плеча. Виноватым себя чувствует, ну надо же! А нечего было обманывать столько лет! — Марина, ну я же не

изменился. Я всё тот же, что и был с нашей первой встречи, — продолжал напирать Мирослав, стоя почти вплотную. Я от его близости, как обычно, «поплыла» и постаралась отодвинуться, но он не дал, удержал за руку, переплетя пальцы.

— Ты не человек, — обиженно прошептала я. Ну серьёзно, я обиделась. Мы столько лет вместе, душа в душу, а он и словом не обмолвился о такой важной детали!

— Это что-то меняет? — нахмурился Мирослав. И руку мою сжал куда сильнее, чем стоило бы, я аж пискнула от боли.

— Я не знаю… — пробормотала в ответ, отводя глаза.

— Ты меня не любишь? — ровным тоном спросил Слава, и я вздрогнула. За нарочитым спокойствием явно скрывалась буря эмоций, да и сам вопрос… Как ему такое вообще в голову пришло?!

— Что?! С чего ты взял?! Я тебя люблю! Очень! А вот ты…

— И я тебя люблю, — с жаром выдохнул Мирослав, привлекая к себе. — Люблю больше жизни. Поэтому и боялся сказать.

— Боялся? Чего?

— Твоей реакции… неприятия… как ты сказала,

я не человек, Марина. И чувства мои… я влюбился в тебя сразу, как увидел. Раз и навсегда, понимаешь?

— Как по волшебству?

— Магия, рок, судьба… какая разница? Я люблю тебя. Всегда буду любить. И не отпущу — никогда, ни за что. Не хочу, что бы к тебе опять приставали какие-то оборотни, понимаешь?

— Понимаю, — шепнула я, утопая в любимых глазах, задыхаясь любимым ароматом, с упоением касаясь кончиками пальцев любимого лица.

— Так ты согласна?

— Согласна, — отозвалась в ответ, даже на миг не задумываясь, с чем только что согласилась.

Впрочем, долго томить меня неведением не стали. Слава улыбнулся, мягко убрал мою ладонь со своей щеки и, чуть отстранившись, опустился на одно колено. Серьёзно? Вот на *это* я только что умудрилась согласиться?

— Ты чего? — ахнула я, изумлённо глядя на коленопреклонённого Мирослава.

— Давно надо было это сделать, но я всё ждал зачем-то, — невпопад хмыкнул волк, копаясь в карманах. Я затаила дыхание, сердце бешено стучало в груди, отдаваясь набатом в каждой клеточке моего тела… но вместо заветного кольца, к

которому всё шло, Слава протянул мне какую-то позеленевшую медяшку на шнурке.

— Эээ, — взять эту вещицу я не решилась даже несмотря на одухотворённое выражение Славиного лица, будто он не кожаный шнурок мне протягивал, а ключи от новенького ауди. И вообще он в своём уме после стольких лет отношений дарить… такое?! Так ведь и обидеться можно, особенно после пережитого стресса и прессинга семьи Волковых.

— Надень, Марин, — попросил оборотень, но я упрямо замотала головой. Не надену. У этой медяшки вид, будто Слава её где-то на помойке подобрал или стянул у какого-то бомжа. Нет уж, спасибо, чужие бациллы мне не нужны, пусть даже из рук любимого человека.

— Марина, я серьёзно, надень, — Мирослав поднялся с коленей и попытался натянуть на меня подвеску силой. Я увернулась и отбежала на пару метров, начиная подозревать возлюбленного в самых нехороших вещах. Слишком многое о тайном обществе магов и волшебников я узнала за последние сутки, чтобы так спокойно принять чрезвычайно подозрительный подарок. Да, может, он и не заразный, но тогда стопроцентно магический, а такого добра мне тем более не надо.

Простые человеческие отношения для меня куда ценнее каких-то там инстинктов и магических феромонов.

— Что ты пытаешься мне всучить? — нахмурилась я, выжидательно скрестив руки на груди.

— Это знак стаи, — признался Мирослав. — Моей стаи.

— И? Зачем он нужен?

— Чтобы все знали, кто ты такая.

— И кто же я такая, а?

— Моя пара, — спокойно ответил оборотень, подходя ближе. Обнял за плечи, притянул к твёрдой груди, заглянул в лицо. Взгляд разноцветных глаз был непривычно серьёзным, даже взволнованным, и я поняла, что конец признаниям ещё не наступил. — Моя женщина. Моя любовь.

От таких проникновенных слов растает любая женщина. Вот и я «поплыла», утонув в поцелуе, растворившись в крепких объятиях. Мирослав слишком хорошо меня знал, нежно массируя затылок и чувствительную зону между лопатками. И слишком хорошо целовался. Я потеряла счёт времени, опору под ногами и всякий стыд, столь откровенно целуясь посреди чужого дома, но останавливаться было смерти подобно.

— И что теперь? — прошептала я некоторое

время спустя, греясь в горячих мужских руках. Короткое платье, из которого меня вытряхнули с каким-то остервенением, яркой тряпкой висело на спинке дивана, предавая ситуации изрядную долю пикантности, граничащей с откровенной пошлостью. Как будто того, что мы лежали абсолютно голые на чёрной коже, было мало. А ведь обычно я веду себя как хорошая девочка, но сегодня… сегодня во мне проснулась настоящая развратница. Наверное, это всё реакция на стресс. Или ответ на несдержанные, воистину звериные ласки Мирослава.

— Не знаю, — флегматично отозвался Слава, перебирая мои пряди. — Поженимся, наверное…

— Поженимся?!

— Ну да. Через месяц. Ты же не против скромной церемонии? Что-то серьёзное и масштабное за месяц не получится устроить…

— А почему тогда именно через месяц?

— Раньше нельзя, — вздохнул Мирослав как будто с сожалением. — Только по обстоятельствам, а у нас их пока нет. Но мы обязательно поработаем над этим.

— Поработаем над чем?

— Над детьми, — улыбнулся оборотень, крепче прижимая к груди. — Я хочу минимум двух. А ты?

Только мне теперь, кажется, придётся переехать сюда, вряд ли обязанности вожака стаи можно исполнять удалённо.

— Переехать? Но…

— У тебя на работе же есть казанский филиал? Вот и отлично, мне тоже наверняка помогут устроить перевод. И родители твои теперь будут близко, не придётся летать дважды в месяц. Я дом могу купить где-нибудь неподалёку от них, за городом, поближе к лесу. Чтобы и я мог временами спокойно сменить ипостась, и дети, если родятся перевёртышами, быстрее привыкали к природе. Согласна?

— Ты что, всю жизнь нашу уже наперёд расписал?

— Не всю, — ухмыльнулся Мирослав, проведя обжигающе-горячей ладонью по бедру, — я ведь не могу предугадать, кто у нас родится первым — мальчик или девочка.

Я улыбнулась в ответ, прикасаясь губами к губам, рукой к руке, сердцем к сердцу. И даже не стала возмущаться, что в пылу страсти он-таки умудрился нацепить на меня украдкой свой знак стаи. Дешёвая медяшка на кожаном шнурке болталась на груди, приковывая потемневший взгляд разноцветных глаз, и я твёрдо решила не

снимать украшение — пускай любуется. Ведь это тоже в каком-то смысле проявление любви — наплевать на эстетику и просто сделать ему приятное. А я люблю. И он тоже. Значит, всё у нас будет хорошо.

Галина Герасимова
По разные стороны

Лето в Крейтоне всегда было жарким, но этот год решил переплюнуть остальные. Под знойным солнцем булыжная мостовая раскалилась, будто в аду не выдержали и подсунули сковородку пораньше. Впрочем, о том, что посредника воров ожидают не райские кущи, лис догадывался и без погодных подсказок. Он шел по горячим камням танцующей походкой, стараясь не останавливаться и не задерживаться на одном месте. Пшеничный хвост мотался из стороны в сторону, и никакая щетка не могла спасти его от свалявшейся шерсти.

Сегодня у Рентара выдался редкий свободный денек. Глава гильдии великодушно дал отдохнуть, и пусть он мог вызвать в любую минуту, лис наслаждался моментом. Конечно, можно было переждать самое пекло дома и выползти на улицу под вечер, когда безжалостное солнце скроется за горизонтом и настанет долгожданная прохлада… Но у Рентара закончились драгоценные камни. Порченую партию сапфиров, которую он сгово-

рился выкупить по дешевке, обещали привезти только к концу месяца, а вставлять в золотую оправу обычные стекляшки было кощунственно.

Подарок требовалось закончить к выходным. Комиссар полиции, смотрящий на их махинации сквозь пальцы, недавно прозрачно намекнул о подарке на день рождения жены: она всегда хотела подвеску с драгоценными камнями. До торжества оставалось несколько дней, но Лис не привык тянуть до последнего.

Кто бы знал, что ювелирные лавки так задерут цены?!

Сапфиров в продаже не оказалось. Из подходящей замены были только изумруды, и за горсточку драгоценных камней пришлось раскошелиться. Здесь же Рентар прикупил для личных нужд несколько мелких аметистов со сколами, истратив почти всю оставшуюся наличность, и с видимым сожалением отказался смотреть алмазы. Зачем душу травить? Такие камни не по карману.

— Лис, загляни как-нибудь вечерком, потолкуем! — на выходе окликнул приятеля Фыр, здоровяк-орк, работающий в ювелирной лавке охранником.

С Рентаром он был знаком еще с тех пор, когда

выступал на боях без правил в местном подпольном клубе. Но, официально устроившись на работу, бросил темные дела, раздобрел, женился и теперь вел себя как добропорядочный горожанин. Даже странно, что не прервал общение!

Лис вздохнул, представив очередную долгую нравоучительную беседу о честной жизни. Фыр считал, что Рентару пора завязывать с тёмными делами: руки есть, голова тоже — можно работать без обмана!

Можно, кто бы спорил? Вот только лис увяз в делах воровской гильдии настолько, что выпустят его оттуда только ногами вперед. Слишком многое он знал. Да и мысль уйти проскальзывала изредка, обычно в периоды осенней хандры. Уж никак не летом, когда в Крейтоне море туристов — самое раздолье, что бы повеселиться.

Пообещав приятелю заскочить на неделе, Рентар вышел из лавки. И сразу же стал свидетелем преступления. Какой-то достопочтенный джентльмен на другой стороне улицы хлопал себя по карманам, пытаясь отыскать кошелек, а юркий воришка уже скрывался в подворотне. Ну вот, а он о чем говорил? Да таких растяп грех не облапошить!

Лис спрятал улыбку, делая вид, что поправляет

манжет, и в этот момент в него влетели.

— П-простите!

От удара Рентар пошатнулся, а мальчишка в низко надвинутой на нос кепке, с торчащим из-под нее непослушным рыжим вихром сбивчиво извинился и поспешил перейти дорогу. Голосок у него был высокий, почти девчачий, неуловимо знакомый. И приложил он его локтем знатно, все ребра отбил! Не будь лис посредником воровской гильдии, то есть априори неприкосновенным, решил бы, что его попытались ограбить средь бела дня.

Мужчина потер бок, сделал несколько шагов и, холодея, сунул руку в карман. Кошелька не было. Спасибо хоть, мешочек с камнями воришка не вытащил.

— Ах ты поганец! — зашипел Рентар, встопорщив уши и высматривая мальчишку, но того и след простыл. И кто это был? Какой-то не в меру расторопный новичок? Или один из тех, кто не признаёт законов Гильдии? Да он этого наглеца из-под земли достанет, весь Крейтон перероет, если потребуется!

Рентар опустил голову, принюхиваясь к собственному пиджаку. Поморщился. Запах был горьковатым, с нотками лимона, а цитрусы он

не любил. Зато на летней жаре эта кислая нотка ощущалась особенно остро.

Лис ухмыльнулся, показывая белые зубы, и, не меняя маршрута, направился к рыночной площади. После обеда там начиналась настоящая толчея, и лучше места для карманных воришек было не найти. Ведь парнишка вряд ли удовлетворится той парой гантов, что умыкнул у него, попробует стащить добычу покрупнее.

***

Город обрушился лавиной запахов, и Рентар сразу понял, что прийти на рынок было дурацкой затеей. Он и забыл, почему предпочитал не заглядывать сюда в туристический сезон. Аромат спелых яблок смешивался с запахом свежей рыбы, прогорклая вонь от масла, на котором жарили пирожки — с протухшим на жаре творогом. Среди всего этого блуждали сотни страдающих от солнца людей, мечтающих о прохладной водичке и отчего-то думающих, что обилие вылитых на себя духов скроет запах пота!

Развернуться бы и уйти, а не искать самоуверенного воришку. Но в последнее время по-настоящему интересных дел не попадалось, лис скучал, а это было своего рода развлечение.

Заметив одного из карманников, выглядывающих потенциальную жертву, Рентар прошел сквозь толпу и схватил воришку за ухо прежде, чем тот опустил руку в карман дородному господину. Дернул в сторону, потащив за собой.

— Ай-ай-ай, простите дядечка, я так больше не буду! — запричитал Байка, но стоило Рентару цыкнуть, и парнишка моментально затих. Сообразил посмотреть, кто его тащит.

— Дядь Лис, вы чего? — совершенно спокойным и даже чуточку обиженным голосом пробасил он.

— Ты бы хоть по сторонам смотрел, прежде чем воровать! — мужчина понизил голос. — От него магией за милю воняет. Или за решетку захотелось?

— Да тю там магии! Обычная сигналка! — отмахнулся Байка, вырвавшись из цепкой хватки и одергивая рубашку. Повезло, что лис не выпустил когти, а то поношенная ткань разошлась бы по швам. — Всё на мази было. Ребята страховали. Сэмми вон у той палатки топчется.

— Только до палатки ещё добраться надо. — Лис едва заметно кивнул в сторону обходящегося рынок констебля. Тот зорко следил за порядком и меньше чем через минуту поравнялся с ними.

Прошел мимо, мазнув безразличным взглядом. — Попался бы как раз ему в руки. Но дело твое, можешь попробовать.

Дураком Байка не был и ошибки признавать умел. Поэтому, оценив ситуацию с новыми вводными, замотал головой.

— Дядь Лис, а вы к нам по делу или как? — спросил он, стоило констеблю скрыться из виду.

— Хотел про новичка спросить, — посмотрев на парнишку, Рентар добавил примерно полголовы. — Вот такого роста, рыжий.

— Джин, что ли? — сообразил Байка. — Зачем вам?

— Дело к нему появилось, личное. — Признаваться, что у него увели кошелек, лису было не с руки, засмеют. А по шее он и без посторонней помощи надавать может. — Подскажешь, где найти?

Последняя мелкая монета, затерявшаяся в кармане, перекочевала воришке в руки, и тот протяжно шмыгнул носом.

— Джин на складе у бывшей текстильной лавки. Только там того…

— Чего? — недовольно уточнил мужчина, уже собравшийся за своим кошельком.

— Братья Киран. Я говорил, что прежде чем

что-то делать, надо узнавать у старших, а с Киран вообще не связываться, но Джин никого не слушает. Кажется, с головой проблемы. — Байка покрутил пальцем у виска.

Лис емко выругался, высказав всё, что думает о ситуации. И где в это время носит Ворока?! Его же воспитанники влипают в неприятности!

— Может, они не договорили еще, — тише и с надеждой добавил воришка.

«А если договорили, то кошелек с трупа сниму», — подумал Рентар, ныряя в толпу. Различить одну-единственную нотку среди сотен запахов было непросто, но Лис справлялся, уверенно двигаясь в нужном направлении. Не то чтобы его сильно беспокоила незавидная судьба незнакомого мальчишки, но в какой-то мере он старался присматривать за малышней. А у Киран разговор с насолившими карманниками был коротким.

***

Когда Рентар добрался до склада, «беседа» с воришкой была в самом разгаре. Скрючившись, тот лежал на земле, закрыв голову руками, что бы укрыться от тяжелых сыплющихся на него ударов. Кепка валялась рядом, втоптанная в пыль, а короткие рыжие волосы окрасились кровью.

Судя по хриплому дыханию, мальчишке отбили всё, что можно.

Два бугая, стоящие над ним, были Рентару хорошо знакомы. Братья не вступали в воровскую гильдию, да никто их туда и не звал, уж больно грязные методы они использовали. Грабили на большой дороге, стараясь избавляться от свидетелей.

Киран-старший, грузный загорелый мужчина, в избиении воришки не участвовал — он предпочитал сразу перерезать горло. Зато его сверкающий лысиной младший брат старался за двоих. Так вдарил мальчишке ногой, что тот закашлялся кровью. На неотягощенном мыслями испещренном оспой лице не отражалось никаких других эмоций, кроме неконтролируемой злости.

По-хорошему, уже и вмешиваться не стоило, всё равно мало чем поможешь, но тут Джин душераздирающе простонал и взглянул на лиса. С опухшего от побоев лица смотрели знакомые голубые глаза, и Рентар поначалу не поверил.

Пока разбитые губы не произнесли его имя.

Вместо того чтобы развернуться, лис пошел навстречу проблемам — ноги сами понесли. Он громко присвистнул, привлекая к себе внима-

ние.

— Весело у вас тут.

— Свали в туман, — огрызнулся Киран-старший.

Рентар пару раз пересекался с ним, и бандит знал, кем является лис в гильдии. Именно поэтому сейчас не сунул нож под ребра, а вполне мирно предложил пойти своей дорогой.

— Да я б свалил, но мне одну вещь забрать надо. А то одолжить-то одолжил, а возвращать при таком раскладе кто будет? — невозмутимо ответил Рентар, подходя ближе. Какой уж тут лимон, от запаха крови голова пошла кругом! Еще пара ударов, и жертве окончательно отшибут мозги.

— Ну, подожди минуту, с трупа заберешь, — подтвердил его мысли младшенький.

Тянуть дальше было опасно.

— Вот еще, с мертвечиной возиться! — Рентар оттеснил лысого в сторону и наклонился к воришке, делая вид, что ощупывает карманы. Магом лис не был, исцелить раны не мог, а вот сунуть в рот пилюлю и заставить проглотить горькое снадобье, сумел.

— Ты что там возишься? — подозрительно покосился на него Киран-старший.

— Любимый ножик бабушки найти не могу.

Она его до самой смерти носила, не снимая. Говорила, удачу приносит!

— Какая бабушка, Лис? Ты чего нам зубы заговариваешь? — процедил мужчина, невзначай вытащив собственный раскладной нож.

Рентар выпрямился, согнав с губ глупую ухмылку.

— Оставьте мальчишку. Буду должен.

— Не расплатишься. Он нам добычу спугнул. Там раззолоченная парочка из столицы была, а он их в наемный кэб посадил вместо того, что бы к нам отправить. Помощничек хренов!

— Так что с дурачка взять? Молодой еще, ошибся, с кем не бывает. Соглашайся, Киран. — Рентар бросил грабителю мешочек с аметистами. — Это компенсация.

Киран-старший повертел взятку в руках, затем сунул в карман.

— За такого придурка более чем приемлемо. Только не пойму, тебе-то он на кой сдался?

— Запас из него на зиму приготовлю, — хмуро ответил лис. — Смотри, какой костлявый, как раз на холодец пойдет.

***

Тащить «холодец» пришлось на себе. Было бы странно просить братьев Киран о помощи после того, как они чуть не превратили воришку в фарш. Зато Рентар на собственной шкуре осознал, что насчет костлявости погорячился: за десять лет, что они не виделись, Джин набрала в весе, даром, в росте не сильно прибавила. И как он не признал ее сразу? Конечно, из некогда девчонки-сорванца она выросла, но проблем меньше создавать не стала.

Нести ее в городскую больницу было нельзя, сразу началась бы волокита с документами, поиском родственников и последующим грандиозным скандалом. Мороки столько, что у Рентара от одной мысли зубы сводило. Поэтому он предпочел гильдейского костоправа Азека: пусть тот работал без лицензии и брал дорого, зато лишнего не спрашивал.

Где-то на полпути Джин ненадолго очнулась, затряслась мелкой дрожью и, выплюнув кровь, испачкала любимый костюм лиса. Наверное, у кого-то более сострадательного такая слабость вызвала бы сочувствие, но Рентар вместо этого ощутил огромное желание хорошенько пропо-

лоскать девчонку в Ферре. Хотя тогда пришлось бы нырять следом, что бы дуреха не утонула.

Стоически преодолев низменный порыв, он все-таки донес ее до целителя.

— Давненько ты ко мне не захаживал. — Смуглый черноглазый маг с повязкой на глазу открыл даже раньше, чем Рентар позвонил в дверной колокольчик. — Заходи. Только не наследи, я недавно подметал.

Может, он еще обувь помыть должен?

Глухое раздражение заворочалось в груди, пока целитель отлучился за бинтами и лекарствами. Ворча сквозь зубы, лис уложил Джин на кровать и начал расстегивать пуговицы на рубашке, кое-как оттерев с разукрашенного лица кровь. Левый глаз у нее заплыл, губы были разбиты. Но вроде девчонка дышала и помирать не собиралась. У склада Рентар решил, что ей полголовы разбили, но сейчас видел — Джин отделалась ссадинами. Если и получила сотрясение, то мозгов у нее всё равно отродясь не имелось!

— Отойди! — Целитель оттолкнул Рентара в сторону, мельком поколдовал над головой воришки, похоже, придя к тем же выводам, что и лис, а затем одним движением скальпеля распорол ткань рубашки, чтобы не терять время. — Давно

избили? — деловито уточнил он, диагностируя повреждения.

— С час прошло. Я дал восстанавливающую пилюлю.

— Ясно. — Азек заставил девчонку открыть рот и насильно влил мерзкое на вид зелье, от острого запаха которого у Рентара окончательно отбило нюх.

— Что с ней? — хмуро поинтересовался он у целителя, водящего руками над неподвижным телом.

— Внутреннее кровотечение, сломано ребро. Я подлечил. Выспится и к утру будет как новенькая. Она крепкая, хоть по виду и не скажешь.

Маг закончил с ранами на груди, и его руки опустились ниже. Развязали тесемку, приспустили штаны. На животе и бедрах оставались длинные кровоподтеки.

— Мне нужна вода. — Целитель требовательно посмотрел на Рентара, заставив того оторвать взгляд от лежавшей без движения воровки, и кивнул на маленькую дверь в конце комнаты. — Сходи, набери. Там и тазик есть.

— Так тут кувшин…

— Вышел. Быстро! — не стал церемониться Азек.

Похоже, Рентара просто выставляли на время из комнаты. Господи, можно подумать, его интересовали чьи-то мослы!

— Воду тащить? — негромко спросил лис от дверей.

— Да, сказал же. — Маг снова склонился над воришкой, что-то прощупывая на животе, и от его рук поползли светящиеся колдовские нити.

Когда лис вернулся, штаны на Джин уже были надеты, а вот грудь — вполне себе развитая для особы двадцати пяти лет — так и осталась неприкрытой, и целитель аккуратно промывал ссадины на теле девушки спиртовым раствором.

— Переверни ее, — кивнул он, не прекращая своего дела.

Закончив обеззараживать ссадины на спине, Азек спустился к щиколоткам и продолжил колдовать. Спрашивать, сколько сломанных костей он зарастил, было страшно.

— Как ее зовут? — спросил целитель.

— Джинджер, — буркнул Лис, убирая с измученного лица девушки взмокшую челку.

Джин ненавидела, когда ее называли полным именем, и если Рентар сердился, всегда обращался к ней именно так.

— Из наших?

— Надеюсь, нет.

Лис попробовал оттереть засохшую кровь с ее щеки, но это оказалось непросто. К тому же после магических манипуляций ссадины заросли, а кровоподтеки остались, и теперь кожа расцвела яркими пятнами. Он думал, Джин вот-вот очнется, но она лишь сонно пробормотала что-то, не открывая глаз.

— Усыпил, — пояснил Азек. — До вечера проспит, здоровее будет.

— У тебя проспит? — на всякий случай уточнил лис и добавил, заметив сомнение на лице мага. — Я заплачу.

— Да ладно, будешь должен услугу, — щедро предложил целитель.

— Нет уж, лучше деньгами, — открестился Рентар. Он был не настолько наивен, чтобы покупать кота в мешке. Кто знает, что за услугу запросит ушлый маг в будущем?..

Наконец необходимые процедуры были сделаны, а девчонка, умытая и намазанная снадобьями по самые уши, мирно дремала в чужой постели.

— Что ей сказать, когда очнется? — поинтересовался Азек, убирая окровавленные бинты и пустые склянки.

— Пусть не попадается мне на глаза, — про-

ворчал Рентар, осознавая, что убил целый день и кучу денег из-за очередной сумасбродной выходки подружки детства. Хорошо хоть, кошелек возвратил, а то без ганта бы домой вернулся!

Джин тихонько захныкала во сне, и он, помявшись, добавил:

— Слушай, а может, ты уговоришь ее уехать домой? Она наверняка по дурости к нам прибилась!

— Вроде не заболел, а такой бред несешь! — закатил глаза Азек, припечатав его лоб тяжелой мозолистой ладонью. — Иди домой, Лис. А душеспасительные беседы со своими подружками проводи как-нибудь сам.

***

Далеко Рентар уйти не успел. В густо пропахшем шиповником сквере, в квартале от дома целителя, к нему подлетел бойкий мальчишка-газетчик.

— Дядь, купи «Крейтонские известия»!

— Отвяжись. — Лис, и без того раздраженный испорченным выходным, попробовал обойти мальчишку, но тот перегородил дорогу.

— Ну, дядь, ну купи! Две монеты всего, со скидкой отдам.

— Да не нужна мне газета, — огрызнулся Рентар, но газета уже перекочевала ему в руки.

— Спасибо, дядя! — как ни в чем не бывало поблагодарил мальчишка и побежал к следующему прохожему.

Сообразив, что ему только что назначили встречу, Рентар развернул газету и уставился на всплывшее на странице слово: «Доки». Послание светилось не дольше секунды и пропало, оставив городские новости, объявления, фельетоны и сплетни.

Сложив газету, будто не найдя ничего примечательного, лис неспешно дошел до перекрестка. Сел в свободный кэб, попросив отвезти к порту. Хотя назвать таковым три сарая для лодок язык с трудом поворачивался.

Глава гильдии ждал на деревянном топчане под тентом, с удочкой в руках. Со стороны он выглядел обычным господином средних лет, успешно ведущим свои дела и изредка позволяющим себе маленькие радости вроде рыбалки. Сложно было поверить, что этот толстячок в добротном костюме с пенсне на носу-картошке заправляет одной из опаснейших гильдий в Крейтоне. Лис хмыкнул, вспомнив, как однажды зеленая молодежь решила напасть на этого «без-

обидного» горожанина. Целители их потом еле откачали.

— Вы хотели меня видеть? — Лис пристроился рядом на толстый канат, заглянув в ведро. Надо же, рыба и правда попадалась!

— Посмотри. Что скажешь?

Мужчина пододвинул ему проржавевшую банку с червями. От банки разило землей и слизью. Поморщившись, Рентар запустил руку в копошащуюся массу и, нащупав что-то твердое, вытащил крупный дымчатый камень. Едва не выронил от удивления — и хорошо, что не выронил! Потеряйся камушек, и пришлось бы месяц работать забесплатно.

— Откуда такая красота? — справившись с изумлением, спросил он и огляделся, нет ли вокруг посторонних. За топаз таких размеров могли убить, не раздумывая.

— Предложили организовать контрабанду в столицу.

— Контрабанду? Что за ерунда?

Рентар нахмурился. Перевезти драгоценные камни через пограничный пост не сумел бы разве что ленивый. Спрятать в бутылках с вином или заглотить и дождаться, когда камни вернутся естественным путем. Да в ту же подошву вшить,

в конце концов! Никаких магов, проверяющих, сколько драгоценных камней ты везешь в своих карманах, на въезде в город не стоит.

— Вот и мне непонятно. Зачем платить кому-то деньги за такую сомнительную авантюру? Можно и самим справиться. — Глава гильдии дернул себя за пышный ус. Наверняка мужчина не первый час, а то и день, размышлял над проблемой. — Лучше скажи, с камнем всё в порядке?

— Вроде да, на подделку не похож. — Лис на всякий случай потер его о хвост и понаблюдал, как камень притянул к себе обрывок газеты. — Крупный, зараза! Такие редко попадаются, — завистливо вздохнул он, опуская топаз обратно к червям. Рентар уже представил, как великолепно бы смотрелся ограненный камень в изысканной шпильке: богато, но скромно.

— Ясно. Буду думать. — Глава махнул рукой и вернулся к созерцанию мирно покачивающегося поплавка.

Они замолчали. Вечерний Крейтон был тих, и пронзительную тишину нарушал разве что редкий всплеск рыбешки в камышах. Осознав, что продолжать разговор глава не планирует, Рентар откланялся:

— Приятного вечера, — и незаметно исчез с

пирса.

***

Как добрался до дома, лис не помнил. По пути заглянул в один из баров промочить горло, а проснулся утром на диване в собственной мастерской, даже в комнату не поднялся. Солнце слепило в глаза, голова трещала, а хвост свалялся в колтуны. Забористый эль ему продали! Узнать бы, что наливали, чтобы больше никогда не пить эту дрянь!

Взлохматив шевелюру и надеясь хоть немного упорядочить разбегающиеся мысли, Рентар откинул покрывало и сел. Тут и понял, что именно здесь не так. Запах. В мастерской пахло лимонами.

— Чтоб тебя! — Рентар накрыл бедра пушистым хвостом и добавил несколько слов покрепче, надеясь, что всё еще спит, и что девушка, дремлющая в кресле — плод его воображения.

Увы. Исчезать Джин не собиралась, зато от громкого голоса проснулась и села, сонно потирая глаза кулаками. Азек подлечил ее на славу: на миловидном личике не осталось синяков, да и двигалась она пусть осторожно, но не морщилась от боли.

— Доброе утро! — со смущенной улыбкой поздоровалась Джин.

Ну прямо отличница из пансиона! Вот только воспитанные девицы не просыпаются незваными гостьями в чужом доме! Хорошо, что сегодня выходной, и ломбард, служивший Рентару жильем, не работает. Татрий же — владелец лавки и компаньон, в отъезде. Иначе попробуй объясни человеку старой закалки, что эта дурочка делает в комнате молодого и не обремененного нравственными комплексами мужчины!

Кстати, неплохо бы и самому это узнать…

— Ты что тут забыла? — хмуро поинтересовался лис, глядя на вчерашнюю проблему.

— Сплю, — честно ответила она, теребя краешек свободной рубашки явно с мужского плеча.

Видимо, это целитель отдал ей старую рубаху взамен испорченной. Спала Джин полностью одетой, и у Рентара отлегло от сердца. Мало ли что он мог натворить по пьяни! А разбираться с последствиями не прельщало.

— Я догадался. Почему здесь?

— Хотела лично поблагодарить за помощь. И, если честно, я ужасно соскучилась, — она широко улыбнулась.

Надо же, а он думал, что жизнь в богатом доме

изменит ее привычки, превратит в чопорную леди. Значит, ошибся. Захотелось и самому улыбнуться в ответ, но помешало воспоминание, при каких обстоятельствах они вчера встретились.

— Боюсь спросить, как ты попала в дом, — пробормотал лис.

Джин фыркнула, молча указав на приоткрытое окно. Мол, сам виноват, что оставил открытым. Первый этаж, почему бы не влезть?..

— И ты не придумала ничего лучше, чем устроиться спать в кресле? — догадавшись, что ругать бесполезно, вздохнул он.

Джин развела руками.

— Я просто задремала. Собиралась почитать газету, пока ты не проснешься, и прикорнула. — В качестве доказательств она подняла вчерашний номер «Известий», действительно пылившийся на столе.

Лис с силой растер виски, стараясь заглушить бьющие в ушах отбойные молотки. Приди Джин к нему просто в гости, без вчерашних приключений, он действительно с удовольствием поболтал бы с ней, вспомнил былое и, может, угостил бы чаем. Но сейчас ему ужасно хотелось отшлепать ее, как в детстве, когда она семилетней малявкой творила глупости направо и налево, а с благород-

ной леди так поступать было нельзя.

— Будем считать, что я выслушал твои десять минут благодарностей. А теперь давай поймаем кэб, и ты отправишься на вокзал, а оттуда домой! — сказал он, посмотрев на нее усталым взглядом мужчины, которого мучает похмелье.

Девчонка не шевельнулась. Не сдвинулась с места, даже когда Рентар встал и подошел к ней, хотя он спал по обыкновению голым. Джин только опустила голову, уставившись на руки, и ушки под коротко остриженными рыжими прядями стали пунцовыми.

— Мне некуда идти, — ответила она сконфуженно, изучая собственные погрызенные ногти.

— Не говори ерунды! Села на поезд и поехала! Или ты умудрилась разругаться со своим приемным отцом?

Она лишь сильнее стиснула кулаки и плотно сжала губы. А ведь Джин не до конца оправилась — выглядела бледной и измученной, но из гордости не упомянула о плохом самочувствии. Лис сел рядом и поймал ее за руку.

— Джин, что случилось?

— Дядя меня проиграл…

Она пробормотала это так тихо, что лису показалось, будто он неправильно расслышал.

— Что ты сказала?

— Он проиграл меня в вист! Больному на голову уроду! — Джин выдохнула признание сквозь зубы, с силой сжав его пальцы. Затем вскинула голову, глядя на него горящими глазами. — Хочешь узнать подробности? Тот урод любил причинять боль. Вот это, например, след от веревок. — Она закатала рукав, открывая продолговатый белесый след на запястье. — Если долго висеть на вытянутых руках, то веревка настолько впивается в тело, что раздирает кожу до костей. А вот здесь, под ребрами, есть шрам от крюка, на который…

— Джин, хватит, — прервал лис, заставив оправить задранную рубаху, и крепко обнял.

Девчонку колотила крупная дрожь. Он осторожно поглаживал ее по спине, давая успокоиться, а у самого шерсть встала дыбом. Ставка на приемного ребенка — давненько он не сталкивался с такими делами. Конечно, официально подобные сделки не проводились, но достаточно было устного соглашения между сторонами, а мнение «ставки» вообще никто не спрашивал.

Интересно, в приюте, откуда забрали Джин, знали о пристрастии мистера Кормана к азартным играм? Помнится, директриса, подписывая разрешение на удочерение, охарактеризовала

его как благородного джентльмена с большим сердцем. С каким удовольствием лис разбил бы ему башку!

Он вздохнул — и Джин тут же отстранилась, невероятным усилием воли взяв себя в руки.

— Не вздумай меня жалеть, — серьезно попросила она, заставив снова взглянуть ей в глаза. — Не надо. Я не сломалась.

— Верю, — согласился Рентар, заведя рыжую прядку ей за ухо, и наконец отпустил.

Ругаться расхотелось. Неудивительно, что она сбежала и вела себя так сумасбродно. Джин и раньше справлялась со стрессом дикими выходками, приводившими руководство приюта в тихий ужас.

— Как давно ты в Крейтоне? — перевел он тему.

— Около недели. — Джин уютно устроилась у лиса под боком, сцепившись с ним пальцами.

На Рентара нахлынула ностальгия. Словно они снова сидели на сеновале в заброшенном сарае и делились мечтами о будущем.

— А до этого где жила?

— На вокзале. — Джин отвела взгляд. — Но меня заметил констебль, и больше там ночевать не получится. Байка сказал, что можно к мамаше

Синти попроситься…

— Ну уж нет! — отказал Рентар поспешно. Не хватало ещё, что бы она оказалась в борделе. Мамаша Синти с удовольствием подбирала беспризорников с улицы и вряд ли прошла бы мимо Джин. — Останешься у меня.

— Правда, можно? Ты не думай, я не лентяйка! Отработаю. Я по хозяйству научилась и…

— Кошелек стащить можешь? — напомнил лис об их вчерашней встрече, и Джин окончательно стушевалась.

— Прости. Увидела тебя и не смогла сдержаться. Неудачно пошутила.

— А к братьям Киран зачем полезла? — Джин снова скуксилась, и Рентар вздохнул. — Ладно, проехали. — Он отошел к стулу, натягивая сваленную в кучу одежду. Это в одиночку он мог ходить по дому как заблагорассудится, а с молодой леди стоило соблюдать видимость приличий. Пусть даже она сто раз видела его без порток. — Завтрак приготовить сможешь?

— Конечно! Тебе какой завтрак? Изысканный аристократический или обычный деревенский? — шутливо предложила Джин.

— Из того, что найдешь на кухне. Там не разгуляешься, — остудил ее пыл лис и добавил:

— Кухня на первом этаже, сразу за торговым залом. Я умоюсь и приду.

Он махнул рукой и ушел в ванную. А оставшись один, со всей силы саданул кулаком о стену, представляя, как разбивает рожу благородному мистеру Корману.

***

Готовила Джин неплохо. Определенно, лучше, чем в свое время в приюте: каша не пригорела, а кисло-сладкая подлива из овощей добавила пикантный вкус. Правда, себе девчонка положила ровно одну ложку, а ему навалила целую гору. Недолго думая, Рентар поменял тарелки местами — с похмелья есть не хотелось, а магическое исцеление забирало много сил не только мага, но и пациента. Джин попробовала возразить, но под его внимательным взглядом уткнулась в тарелку, послушно принимаясь за завтрак.

Глядя, как гостья уминает кашу, не забывая при этом пользоваться ножом и вилкой, лис размышлял, что делать дальше. Конечно, еще один рот его не объест, но не стоит Джин валандаться с ворами.

— Чем планируешь заняться? — задал он самый закономерный вопрос.

— Попытаюсь найти работу, — неохотно ответила подруга детства, проглотив наколотый на вилку кусочек брокколи.

— Могу добыть для тебя рекомендательно письмо.

— Правда? Ты меня очень выручишь. Сам понимаешь, без письма сейчас никуда. — Джин подобрала подливу кусочком хлеба и отставила пустую тарелку в сторону.

Что-то было не так. Выплеснув боль, девушка будто отстранилась. Или он преувеличивал? Все-таки Джин не могла вечно вести себя как ребенок!

Впрочем, она и в приюте не слишком делилась с кем-то переживаниями. Только в него вцепилась, как репей, и ходила за ним больше восьми лет, как собачонка. Директриса даже думала записать их родственниками и выпустить вместе, благо, Рентар был на пять лет старше Джин и мог позаботиться о пятнадцатилетней девчонке. Но тут неожиданно появился мистер Корман, пожелавший взять Джинджер под свою опеку. Глупо было выбирать между полунищим существованием и возможностью вырваться в большой мир!

Знал бы лис, что всё так закончится, никогда бы не отпустил Джин от себя. Но сейчас оставаться

с воровским посредником для нее было слишком рискованно. Он больше не бедный, но честный парнишка. Преступный мир и опасность переплелись в его жизни в тесный клубок, и незачем ввязывать Джин в подобные авантюры. Лучше уж подыскать ей мирную и спокойную работенку. В Крейтоне достаточно одиноких тетушек, ищущих компаньонок и готовых позаботиться о бедной сиротке. Главное, правильно подготовить сцену и обыграть спектакль.

— О чем задумался?

Оказывается, пока он размышлял, Джин успела убрать посуду и сварить крепкий кофе. Поставила перед ним чашку с ароматным напитком, а сама грызла лимонную карамель, наверняка купленную где-то по дороге. Вот и разгадка запаха, раздражающего чуткий нос! Но делать замечание из-за конфет было бы слишком мелочно.

— Надо сходить в одно место. Не хочешь прогуляться?

— А куда? — полюбопытствовала она, поправляя сползающий на плечо ворот.

— Узнаешь.

Уговаривать не пришлось. Джин явно давненько не была в Крейтоне. Она живо осматривалась по сторонам, интересуясь не только благополуч-

ными районами города, которые они миновали довольно быстро, но и его загнивающей темной стороной. Было бы на что любоваться! Трущобы встретили их привычной грязью и вонью. Терпеть их в другое время года было можно, но в летнюю жару лиса едва не вывернуло наизнанку. Отбросы, мусор, мусор, отбросы. А может, кто-нибудь откинулся в темном переулке, вот и воняет!

За всё время, пока шли по трущобам, Джин напугалась только один раз. И не когда к ней пристал покрытый струпьями нищий, выпрашивая монетку, а когда из горы мусора вылезла, попискивая, толстая крыса.

Выбравшись из очередного темного переулка, лис остановился у замызганного здания с кривоватой нечитаемой вывеской на входе.

— Ну вот, мы на месте. Постарайся не сильно привлекать внимание.

Старый бар, служивший притоном для карманников, грабителей и прочей швали, приличные джентльмены обходили стороной. А вот Рентар бывал здесь часто: лучше места, чтобы собрать информацию или связаться с нужными людьми, было не найти. К тому же здесь никто не обращал внимания на его пушистый хвост и уши, разве что подавальщица, хихикнув, торопливо проти-

рала вместе со столом ещё и стул, чтобы шерсть не слиплась от пролитого туда эля.

С утра народу в баре было немного, и Рентар направился прямиком к стойке, кивнув Джин, что бы следовала за ним. В конце зала компания молодых людей играла в дартс на ганты. Один из них, высокий брюнет со шрамом на губе, заметив старого знакомого, собирался подойти, но лис махнул рукой — мол, доигрывай. Посмотреть на игру было интересно, хотя игроки пока только примеривались. Рентар видел, как Ворок лениво крутит дротик в руках, приглядываясь к соперникам.

Два тура он проиграл, еще два выиграл, сравняв счет, и, наконец, отошел в сторону. Ему на замену тотчас встал незнакомый лису долговязый мальчишка, пробуя свои силы.

— Тренируешь?

— Меткость в нашем деле — полезная штука. — Ворок присел рядом с лисом, мазнув взглядом по Джин. — Иди, поиграй. — Он дал ей мелочь, отсылая прочь.

Девчонка бросила сомневающийся взгляд на Рентара, но тот кивнул. Ни к чему открыто демонстрировать их приятельские отношения.

Когда она присоединилась к группе мальчи-

шек, разом распушивших перед ней хвосты, Ворок продолжил разговор:

— Надо же, Байка не соврал. Успел, значит, прежде чем Киран ее кокнули…

— Почти, — уклончиво ответил лис, не желая вдаваться в подробности. Он мог попенять Вороку, что тот недоглядел, ведь Джин была под присмотром гильдии, но ссориться с карманником было не с руки.

Собеседник посмотрел на него с интересом.

— Ты обычно не вмешиваешься.

— Было скучно, — протянул лис нарочито ленивым тоном.

Он почти не соврал. Если бы не скука, он не отправился бы ловить воришку из-за потрепанного кошелька с парой гантов.

— Сюда тоже от скуки пришел? Или дело появилось? — Ворок махнул проходящей мимо подавальщице, что бы принесла эля.

— Контрабандисты. Есть на них какая-нибудь информация?

— Волнуешься, что нас пытаются надуть? — понятливо кивнул Ворок. — Не переживай, ребята проверили. Они из Айштары, наладили небольшую нелегальную поставку камней из шахт и пытаются выбраться на столичный рынок. А у

самих руки пока коротки. Вот и прощупывают почву, к кому присоединиться. Главная у них миссис Форден, вдова какого-то мелкого барона. Судя по слухам, та еще дамочка. Скорее всего, сама мужа и пришила, чтоб не мешался.

— А сколько всего людей? Были уже попытки контрабанды? Кто-нибудь с ними встречался?

Лис привычно выстраивал в голове образ потенциальных партнеров. Жаль, знал Ворок не так много. И что самое досадное, несмотря на его успокаивающие ответы, Рентара продолжал грызть червячок сомнения. Чувствовалось в этой истории что-то мутное, но поймать ускользающую за хвост мысль он не мог.

Пока они разговаривали, Джин взяла в руки дротики и под ободряющий смех парней пошла к мишеням.

Хлоп!

Дротик соскочил и упал на пол.

Хлоп!

В этот раз в мишень она угодила, но в районе пятерки. Кажется, приноровилась к весу снарядов.

— Зря полезла. Если две десятки подряд не выбьет, продует, — прокомментировал Ворок.

— Ты же сам ее отправил поиграть. Вот она и развлекается, как может. Да и деньги твои тратит,

а не свои.

Лис договорил, когда дротик попал ровно в центр. Джин повернулась, чтобы посмотреть, видел ли Рентар ее удачный бросок, и подмигнула.

Спрашивается, зачем он попросил не привлекать внимания?!

Лис одним махом осушил кружку с элем и поднялся.

— Сразу видно, твоя девчонка, — щербато ухмыльнулся Ворок.

Отвечать Рентар не стал — слишком торопился на замену. Одно дело проиграть уважаемому посреднику, другое — девчонке, только примкнувшей к гильдии. Позора не оберешься! И если Джин попадет в мишень — а в том, что она выбьет десятку, лис не сомневался, — ребята могут серьезно обидеться. Не хватало, что бы они в ненужный момент решили отомстить.

Он успел. Перехватил руку подруги за мгновение до последнего броска.

— Я заменю, — невозмутимо сказал Рентар, отбирая дротик.

— Так нечестно! — возмущенно загалдели парни. Наверняка уже договорились между собой, кто будет отыгрывать злобного взыскателя долгов, а кто — благородного героя, готового постоять

за «честь дамы». Знали бы, что дама и сама может за себя постоять!

— Ну-ка, цыц! О честности заговорили. А то я не знаю о припрятанных заговоренных дротиках, — прищучил их лис и кинул дротик, почти не целясь. Попал ровнехонько в десятку и, не дожидаясь поздравлений (или, скорее, проклятий), взял Джин за руку.

— Идем.

— Но выигрыш…

— Они все равно поддавались, — «сдал» он ребят, надеющихся понравиться симпатичной девчонке.

— Хочешь вернуться вместе со мной? — на всякий случай уточнил он, когда они вышли из бара.

Джин задрала голову, глядя на безоблачное небо над головой, а потом посмотрела на него с легкой улыбкой.

— Выбирая между тобой и мамашей Синти, о которой мне тут все уши прожужжали, я даже не знаю, кто предпочтительнее.

— Дурочка. — Лис нахлобучил ей на глаза забытую в баре кепку. — Идем домой.

***

Легко сказать «оставайся». Вопрос в том, куда поселить нежданную гостью? Конечно, комната хозяина пустовала почти неделю, и Татрий не планировал возвращаться ещё столько же, но кто знает, чем закончится его поездка к родне? В прошлый раз он сбежал на три дня раньше, не выдержав разговоров с тещей.

Отдать собственную спальню? Лис с сомнением покосился на логово, в которое превратилась комната. Сюда и пускать стыдно! Тем более он не хотел, чтобы его преследовал запах лимона. Джин обожала лимонные леденцы, грызя их втихомолку, и почти весь дом пропитался цитрусовым ароматом.

Подруга сама решила проблему: скромно указала на диванчик в мастерской, где он заночевал давеча, и спросила, может ли спать на нем. Потому что кресло, конечно, удобное, но не для сна.

И вроде Рентар не должен был ощущать стыда за утренний инцидент, но жаром от ее слов окатило. Будто это он виноват, что не обеспечил гостье достаточный комфорт.

Джин тем временем развила бурную деятельность. Она не соврала, когда говорила, что будет

помогать по дому. И раз он не давал никаких поручений, начать решила со скопившейся в углах пыли, шерсти и паутины. Выпросила тряпку, нашла где-то в закромах Татрия ведро, сбегала за водой.

Убедившись, что будет третьим лишним в борьбе с грязью, Рентар устроился в мастерской и взялся за молоточек и чекан, да так увлекся, что забыл о времени. Украшение для жены комиссара получалось что надо: крохотные листья с изумрудами в обрамлении золотой вязи. Он не ошибся с выбором камней: изумруды в оправе смотрелись ничуть не хуже сапфиров.

О том, что дома он не один, Рентар вспомнил к вечеру, когда захотелось перекусить, а Джин нигде не было видно.

«Наверняка сдалась и теперь дремлет где-нибудь в уголке», — решил он, но, поднявшись на второй этаж, остолбенел. Подруга стояла на коленях спиной к нему, бесстыдно закатав штаны выше колен, и натирала пол, что-то мурлыча себе под нос. Услышав его шаги, она вскочила, едва не сбив ведро с водой.

— Ты уже всё? Подожди немного, мне остался коридор и спальня. — Девчонка с фырканьем вытерла лоб. Короткие волосы взмокли от пота,

грудь тяжело вздымалась.

Лис с трудом заставил себя оторвать взгляд от длинных стройных ног. Что ж, Джин не соврала — ей действительно пришлось пережить многое. Сетки шрамов от щиколоток до колен раньше не было. Но даже с ней она выглядела безумно привлекательно.

И когда девчонка-сорванец так выросла?

Хвост-предатель заинтересованно мотнулся из стороны в сторону, и Рентар внезапно разозлился. На себя, засмотревшегося на подругу, на Джинджер, не подумавшую, что стоять в таком виде перед здоровым мужчиной небезопасно, и на ситуацию в целом!

— Ты убиралась всё это время? — чтобы отвлечься и не ляпнуть лишнего, спросил он.

— Нет, конечно, — к его облегчению ответила Джин. Но радость оказалась преждевременной. — Еще я приготовила ужин.

Рентар мысленно застонал. Что-то было не так с его гостеприимством, раз гостья взяла на себя все хлопоты по дому.

— Завтра доделаешь. Переоденься, и идем ужинать, — бросил он, сердито махнув хвостом, и направился обратно к лестнице.

— Мне не во что переодеваться! — крикнула

ему в спину девушка.

Пришлось возвращаться. Его штаны тоже наверняка были велики, как и рубашка, но зато всё чистое и сухое.

— Держи.

Он протянул ей стопку одежды, стараясь не вдыхать цитрусовый аромат и не пялиться на нее слишком откровенно. Несколько раз пришлось напомнить себе, что перед ним та же девчонка, которой он подтирал сопливый нос с семи лет, которую таскал на спине и учил плавать… Но, черт возьми, Джин выросла, а он был вполне нормальным мужчиной!

Кажется, Рентар поторопился с решением оставить ее у себя дома.

***

Приглашение на встречу с миссис Форден почтальон принес поздним вечером. Не будь оно подтверждено главой гильдии, Рентар проигнорировал бы (ну серьезно, предупреждайте о таких вещах хотя бы за день!), а тут… Лис уныло покосился на часы и поплелся в ванную комнату, приводить себя в порядок. Щетина за день отросла, придавая лицу небрежный вид. Для свидания сошло бы, но не для деловой встречи.

— Куда-то уходишь?

Джин приподнялась на диване, когда Рентар проходил мимо. Рубашка сползла с округлого плеча, волосы были растрепаны сильнее обычного. Видно, девчонка задремала, и он случайно ее разбудил.

— У меня встреча.

— А мне с тобой можно? — Она откинула покрывало и села, потянувшись за висящими на спинке штанами.

— Нет, отдыхай. Ты целый день на ногах, — поспешно остановил ее лис.

Если б он шел к знакомым, то мог прихватить девчонку, чтобы не скучала. Но сегодня было первое знакомство с миссис Форден, и он понятия не имел, чего ждать от нового партнера: милой светской беседы или угроз. Но попробуй объяснить это Джин! Девчонка прищурилась, оглядев его с понимающим видом.

— Ясно.

То, каким тоном девушка это произнесла, не оставляло сомнений, что подумала она никак не о рабочей встрече, а о чем-то совершенно другом. И почему вдруг захотелось перед ней оправдываться?

— Я по делам.

— Да-да, конечно. — Взгляд недвусмысленно скользнул по его фигуре, по выглаженной рубашке, задержался на свежевыбритом лице. — Удачи тебе… с делами.

Рентар мог искренне гордиться, что сдержался и не встряхнул подружку за шиворот, хоть очень хотелось. Даже если бы он и правда пошел расслабиться в приятной женской компании, какое ей дело? Можно подумать, она не знала о его бурных похождениях в юности, когда гормоны у него бурлили и девушки сменялись одна за другой?!

Джин натянула покрывало на голову, и Рентар, больше не задерживаясь, вышел из дома, с наслаждением хлопнув дверью.

К полуночи лис добрался до «Осиного роя». Этот бар неслучайно считался местом, где можно найти всё, что душе угодно, и за приемлемую цену: выпивку, опиум, женщин. Причем желающих всегда набиралось немало: некоторым приходилось стоять на улице, прежде чем впускали.

Рентара на улице никто не задерживал, но бар он все равно не любил. В первую очередь как раз из-за опиума: чуткий нос улавливал его в огромных количествах. Да и девочек на ночь он предпочитал не снимать. Проще было завести мимолетную интрижку, тем более недовольной

от него никто не уходил.

Поэтому когда за стол подсела пышногрудая молодящаяся брюнетка, обдав ароматом кориандра и ванили, и спросила, не нуждается ли он в компании, Рентар едва не отказался. Оборвал себя в последний момент, заметив блеснувший на цепочке камень, уютно расположившийся в завлекательной ложбинке на груди. Ночные прелестницы алмазы на цепочке не носили.

— Рад знакомству, миссис Форден, — вежливо сказал лис, галантно поцеловав ей руку.

— А ты действительно наблюдателен, — у собеседницы оказался приятный низкий голос. — Как мне тебя называть?

— Лис.

— Забавное прозвище! Захочешь, не перепутаешь!

Заказчица рассмеялась и устроилась рядом, проведя ладонью по пышному хвосту. А вот это она зря! Рентар с трудом сдержался, чтобы не выхватить его из-под чужой руки! Всё-таки притрагиваться к хвосту без разрешения — всё равно что облапить зад!

— Хм, он жестче, чем я думала. Ты везде такой твердый?

Ладонь бесцеремонно скользнула по его ко-

лену, грудь теснее прижалась к руке. Рентар едва не расхохотался! Не так уж далеко от своего предположения оказалась Джин! Давно его не соблазняли столь беззастенчиво. Интересно, заказчица считала, что у него нехватка любовниц из-за «пушистой проблемы»?

— Я везде твердый. А знаешь, где особенно? — ответил он не менее жарким шепотом, поглаживая ее руку.

— И где же?

— В вопросах сделки, — сверкнул зубами лис, и улыбка сползла с холеного лица собеседницы. Женщина с недовольным видом отстранилась. — Так что насчет камней? — спросил Рентар уже без смеха.

— Здесь первая партия. — Миссис Форден положила на стол маленький замшевый мешочек, и мужчина развязал тесемки. Камни были как на подбор, крупные, практически без изъянов.

— Я проверю? — уточнил он.

Женщина махнула рукой, давая разрешение, и лис вытащил из кармашка узкий флакон с зельем. Капнул из него в стакан с водой, а затем бросил туда камень. Ничего не изменилось. С остальными камнями он проделал ту же операцию.

— Убедился? — спросила миссис Форден с на-

смешкой, наблюдая за ним из-под опущенных ресниц.

Лис не позволил себя смутить. В конце концов, это его работа — проверить надлежащее качество товара.

— Да, благодарю за ожидание.

— Если всё пройдет хорошо, получишь подарок от меня лично. А пока аванс. — Миссис Форден положила на столик крупный топаз, ничуть не хуже прочих, и встала. — Жду хороших новостей о доставке.

Женщина ушла, а Рентар задумчиво повертел подарок в руках. На вырученные от продажи деньги можно было без хлопот прожить неделю, и, если посчитать, сумма за продажу топазов из мешочка выходила немаленькая. Но и недостаточно большая, чтобы связываться с посторонними для доставки. Что — то в этом деле было нечисто…

***

Когда Рентар вернулся домой, Джин читала при слабом магическом светильнике, лежа на диване. Правда, стоило войти в мастерскую, и девчонка сделала вид, будто спит, спрятав газету под покрывало и закрыв глаза. Ее выдавало дыхание. Ухмыльнувшись, лис подошел и присел рядом.

Она действительно выглядела забавно, когда притворялась. Мужчина обвел пальцами контур ее лица, не дотрагиваясь до кожи и наблюдая, как подрагивают длинные ресницы. Он прежде не замечал, что они такого насыщенного медного цвета!

Интересно, если бы он вернулся не один, Джин тоже прикинулась бы спящей, позволив ему подняться с любовницей в спальню? Или испортила бы приятный вечер? Как далеко она готова зайти в своем притворстве?

Рентар наклонился ниже, почти касаясь губами кожи, и услышал, как ритм ее сердца участился, а щеки предательски порозовели. Глупышка! Он резко встал, отошел от дивана, и в спину ударил разочарованный вздох. Но когда лис с удивлением повернулся, хулиганка уже лежала носом к стене, и разглядеть выражение ее лица он не смог.

К утру о ночном происшествии напоминала только смятая газета на столике.

— Если хочешь почитать вечером, я мешать не буду, — поддразнил ее Рентар за завтраком.

Вспыхнувшие щеки лучше слов сказали, что замечание попало в цель.

— А у тебя, похоже, встреча прошла не так глад-

ко, раз вернулся раньше?! — воскликнула она, вскакивая из-за стола.

— Ну почему же? Я получил, что хотел, — с довольным видом откликнулся лис, посмеиваясь над ее смущением.

Джин вылетела из кухни, пробормотав что — то о срочных делах.

За поддразнивание пришлось платить уборкой посуды, но мужчина был рад отвлечься. В голове всё крутились мысли о контрабанде и этой миссис Форден. Она ведь не торговалась, сразу согласилась с ценой, а услуги гильдии стоили недешево! Понять бы, где подвох, пока не стало поздно.

Времени на размышление оставалось только до вечера. Лис планировал встретиться с Вороком, передать ему камни, а дальше уже дело карманника найти подходящих людей для перевозки.

Хвост в раздражении забил по ногам, но Рентар даже не попробовал его успокоить. У лиса был свой замечательный способ лечить нервы. Если он где-то и мог собрать мысли в кучу, то в мастерской.

Только вот, похоже, не он один хотел отвлечься от тревог. Джин с любопытством рассматривала его инструменты и испуганно ойкнула, когда он

неслышно подкрался сзади.

— Прости, я не специально.

Она поспешно отошла от стола, хотя Рентар видел, что девчонка ничего не хватала, просто смотрела.

— Помнишь, что это? — спросил он больше ради шутки. Наверняка у благовоспитанной леди были другие интересы, чем изучать тонкости ювелирной работы.

Но Джин не смутилась. Прикусила губу, глядя на инструменты.

— Вальцы, гладило, фильеры, ригель, — объявила она по очереди, изредка посматривая на него, правильно ли произносит слова. Назвала почти все инструменты, что лежали на столе, и пояснила под изумленным взглядом: — Ты же сам сказал, что пока я не выучу названия, ты меня к столу не подпустишь. Помнишь, еще в приюте? Я выучила.

В памяти всплыл разговор столетней давности, когда лис только начинал заниматься ювелирным делом и вместо драгоценных камней использовал обычные стекляшки. Надо же, а Джин запомнила!

— Раз так, то у меня нет выбора. Хочешь мне помочь? — предложил он, широким жестом об-

водя стол.

Про себя Рентар решил, что в ближайшее время непременно подыщет подруге нормальную работу, но хотелось оставить что — то на память от их мимолетной встречи. И так удачно попался вчерашний задаток от миссис Форден! Чудесный должен получиться кулон! Тем более у него достаточно материала, чтобы осуществить задуманное.

Сначала расплавить серебро, затем придать нужную форму в вальцах, запаять. Рентар не собирался мудрить, обычная «восьмерка» вполне подходила.

От жара горелки или от самого процесса щеки Джин раскраснелись, и лис невольно залюбовался ею. Он уже видел подругу такой воодушевленной — во время игры в баре или наведения порядка в доме. Сейчас ей снова было весело. А ему было приятно видеть ее улыбку.

— Теперь заключительный этап. Вставляем топаз в форму и…

Магию, выплеснувшуюся из камня, они почувствовали одновременно. И едва успели отпрянуть и нырнуть под стол, ожидая взрыва. Секунда, другая… Кажется, обошлось.

— Ты не говорил, что это артефакт! — с обидой

воскликнула Джин, с подозрением разглядывая уже успокоившийся камень. С магическими камнями надо было работать предельно осторожно: любое неверное движение могло вызволить скопившуюся в них силу и привести к катастрофе.

— Я и сам не знал, — с кривой усмешкой ответил Рентар и посмотрел получившийся кулон на свет: камень треснул, выпустив магию, но плотно вошел в форму.

Зато теперь лис, кажется, понял, почему миссис Форден решила организовать контрабанду. Ведь за продажу магических накопителей она могла выручить в десятки раз больше, чем за обычные камни!

***

— Вот как… — Глава подергал себя за ус, выслушав рассказ посредника. — Нас решили надуть. Очень плохо, что могу сказать? Так дела не делаются.

Он оперся о стол, уставившись на мешочек с полудрагоценными камнями.

Проблема заключалась не в том, что контрабанда магических накопителей была намного сложнее, и тюремный срок за нее грозил больший. Воры всё равно взялись бы за дело, пусть

и подняли бы цену. Но транспортировка магических камней требовала особой подготовки — такой камушек не проглотить, если не хочешь расстаться с жизнью. А раз миссис Форден умолчала о магии, то вольно или невольно подвергла их людей риску.

— Назначай встречу миссис Форден. Кажется, надо напомнить, с кем она связалась, — хмуро приказал глава.

Назревала знатная потасовка, и к встрече Рентар готовился тщательно. Темная одежда, на которой не так заметна кровь, перчатки, несколько артефактов, широкий нож и револьвер за поясом. Когти тоже были неплохим оружием, но лис предпочитал не влезать врукопашную. Он вообще не любил подобные мероприятия, но если долго не показывать силу, всякие мелкие шайки начинают думать, будто могут манипулировать гильдией.

— Меня не будет до утра, не жди, — предупредил Рентар за ужином, когда подруга мыла посуду. Намыленная тарелка выскользнула из рук и чуть не разбилась.

— Тебе обязательно идти? — спросила Джин тихо. Не будь он лисом, не расслышал бы из-за шума воды.

— Ты о чем? — непонимающе нахмурился он. Весь вечер Джин посматривала на него с каким — то беспокойством. Она не спрашивала, что происходит, но волновалась. Пожалуй, это было приятно. Впервые за долгое время о нем кто-то тревожился.

— Останься сегодня дома. — Ее спина была непривычно напряжена, и девушка не смотрела в его сторону. — Давай посидим вместе, как раньше. Залезем на крышу, посмотрим на звезды… — Она с надеждой повернулась к нему.

Лис потер переносицу. Не вовремя ее ностальгия замучила. Или это не ностальгия, а приглашение на свидание? Неслучайно же у нее так колотится сердце, а щеки покраснели от смущения.

— Прости, но в другой раз. У меня работа, — с сожалением отказался Рентар и поспешно добавил: — И не вздумай лезть на чердак в одиночку, еще свернешь себе шею!

— А я полезу, если ты уйдешь! Вот специально полезу! — Джин топнула ногой, бросив полотенце на стол.

Лис даже опешил от удивления. Ну что за детские капризы!

— Свалишься, призраком можешь не прихо-

дить. Изгоню, — пригрозил он и вышел из кухни. Спорить не хотелось.

Девчонка нагнала его уже у входных дверей. Вцепилась в рубашку, уткнувшись носом куда — то между лопаток.

— Не уходи. Там опасно.

Неприятное подозрение царапнуло — и тут же отпустило. Конечно, она знала, что его «работа» полна рисков. Поэтому так говорила.

Городские часы пробили восемь, и Лис понял, что еще немного, и опоздает.

— Джин, отпусти меня.

Судя по возне, она яростно покачала головой, и тогда он развернулся. Подруга стояла красная от смущения и какая — то испуганная, но продолжала крепко его держать. Можно было силой отцепить ее от себя, но…

Рентар просто не мог больше сдерживаться! Он наклонился и поцеловал упрямо сжатые губы. Коротко, легко, как бы обещая, что дальше будет больше, лучше и интереснее. Поцелуй был кисло-сладким, как ее любимая карамель, но притягательным, не оторваться!

Было забавно наблюдать, как расширились от удивления голубые глаза Джин, и она ойкнула и отстранилась.

Чертовски жаль, что ему действительно надо идти!

— Не переживай, я вернусь.

Рентар провел рукой по ее щеке и стремительным шагом вышел из дома.

***

В «Осином рое» их ждали. Об этом Рентар догадался, когда вместо дружеской улыбки миссис Форден его встретила просвистевшая возле уха пуля.

— Это было близко.

Лис успел спрятаться за мусорным ящиком и оглядеться. Почти все их ребята прибыли на место, а местные жители благополучно попрятались кто куда. Влезать в разборки преступников и стать случайной жертвой никому не хотелось.

— Эй, миссис Форден, это невежливо, стрелять без предупреждения! — крикнул Рентар, почувствовав знакомый запах кориандра с ванилью.

Женский голос зло выругался, предлагая ему идти со своей вежливостью по известному маршруту.

Можно было бы посчитать ее слова блефом, но бывшие заказчики оказались предусмотрительны. Среди них явно затесался маг, а то и не

один. Воздух вокруг сгустился, превращаясь в плотный туман. В таком на ярд вперед ничего не разглядишь.

— Дерьмо!

— Полностью согласен. — Азек попытался развеять волшебство, но охнул и схватился за плечо. Пуля застряла в кости, и рука целителя бессильно обвисла. — А они подготовились! — выдохнул он сквозь зубы.

— Мы тоже. — Ворок дал знак кому — то из ребят, и в баре громыхнуло. Обычная бутылка с зажигательной смесью, брошенная в нужный момент, действовала не хуже магии.

Теперь к туману прибавился густой дым и горестные вопли хозяина бара.

— Владелец нас убьет, — пробормотал Рентар, представив, во что превратится «Осиный рой».

— Платить всё равно будут проигравшие, — философски заметил Ворок, перебираясь на более удобную позицию.

Не прошло и пяти минут, как из охваченного огнем здания стали выскакивать противники. Перестрелка стала оживленнее, неудавшиеся контрабандисты ожесточенно боролись, явно намереваясь подмять под себя преступную связь в Крейтоне. Среди револьверных выстрелов

громыхнуло что-то более мощное, и над Рентаром просвистел заряд крупной дроби. Рядом застонал раненый Шрам, Горбатый рухнул и больше не шевелился. Один из громил, размахивая дымящимся обрезом, добрался до Ворока, но карманник, проявив недюжинную ловкость, повалил его на землю и приложил по затылку рукояткой револьвера.

— Спасибо, Лис, — поблагодарил он, когда Рентар точным выстрелом снял очередного подкрадывающегося к нему мужчину.

Впрочем, Ворок быстро вернул долг, защитив его от удара в спину. В наступившем хаосе даже с лисьим чутьем за всем было не уследить.

В какой-то момент Рентар все-таки словил пулю и, чертыхнувшись, когтями попытался ее достать, понадеявшись на скорую регенерацию. Не вышло — пуля застряла глубоко в грудине. Стало тяжело дышать, а во рту образовался неприятный привкус. Кровь? Да ладно, он сто раз попадал в подобные передряги!

Азек сунул ему под нос какой — то флакон, и лис, не глядя, махом опрокинул в себя мерзкое зелье.

— Смотришь на меня, как на покойника, — криво ухмыльнулся Рентар, ощущая лишь

неприятное жжение в груди.

В этот момент раздался громкий требовательный голос:

— Всем сложить оружие и оставаться на своих местах!

На мгновение наступила тишина, а затем гвалт и шум только усилились.

— Полиция? Сматываемся!

— Как они так быстро? Вызвал кто-то из местных?

— Кто-то настучал о сходке…

Если кто — то и сообщил, то точно не миссис Форден. Она была ошарашена не меньше. Рентар видел, как отчаянно сопротивляющуюся главу шайки контрабандистов тащат к экипажу, а она визгливо ругается.

— Лис, уходим, — поторопил Ворок, давая своим знак отступать, и мужчины скрылись в темном переулке.

В отличие от «гостей», воры прекрасно знали свой город. Уходили знакомыми переулками, потайными ходами. Рентар поначалу бежал довольно бойко, но затем перешел на шаг, и с каждым шагом идти становилось всё тяжелее. Когда они выбрались в безопасное место, его ощутимо колотило от кровопотери. Мужчина

прислонился к стене, восстанавливая дыхание.

— Эй, ты чего? — Ворок повернулся к нему, побледнел и бросился на помощь. Его обеспокоенное лицо было последним, что запомнил лис перед долгим беспамятством.

***

Очнулся он под утро. Тонкие алые лучи солнца рассекали комнату на две части, на соседних койках спали такие же раненые неудачники. Хотя, как посмотреть, не совсем уж неудачливыми оказались воры! Они ведь были у Азека, а не в тюремном лазарете! Негромко, не просыпаясь, застонал Шрам, а следом за ним заворочался кто-то из новеньких ребят, всех по именам Рентар не помнил.

Грудь лиса была перевязана, от раны пахло лекарством. Мужчина сел в постели, прислушиваясь к собственным ощущениям: маг подлечил его, но тянущая боль никуда не делась. Сам целитель возился с кем — то из мальчишек, пострадавших в перестрелке, и на лиса внимания не обращал. Значит, можно было потихоньку собраться и уйти. Если бы ему был положен постельный режим, Азек не поленился бы и привязал его к койке.

— Я домой.

— Почитай сначала. — Целитель, не прекращая перевязки, кивнул на тонкий конверт на столике рядом с койкой.

Тревога кольнула, но Лис постарался беззаботно улыбнуться.

— Позже прочту. Джин наверняка волнуется…

— Лис, это от Ворока! А значит, срочно. — Азек лишь слегка повысил голос, и Рентар нехотя взял письмо.

Он уже догадывался, что там увидит. И всё-таки принять правду оказалось неожиданно тяжело.

Мистер Корман действительно проиграл Джин в вист. Пять лет назад, когда ей едва исполнилось двадцать. И почти два месяца девушка провела в руках местного графа, маньяка и садиста. Она должна была стать его очередной жертвой, двенадцатой по счету. Вот только обидчик не ожидал, что приютская девчонка сможет зубами перегрызть веревку, а затем той же веревкой его придушить.

Она сама пришла в полицию с повинной. Понимала, что смерть аристократа с рук не спустят, но надеялась смягчить наказание. Вот только вместо тюрьмы ей предложили работу: может, чтобы замять скандал, а может, восхитившись ее выдержкой и самообладанием — глупо было

упускать такой бриллиант. Сметливая, ловкая и хитрая, Джин начала обычным стажером, а дослужилась до сержанта. Теперь претендовала на комиссара. Последнее ее дело касалось контрабанды крупной партии магических кристаллов…

Лис дочитал доклад и криво усмехнулся. Что ж, оказалось, и его можно было обвести вокруг пальца. Даже их встреча была подстроена, а братья Киран работали на нее. Джин с самого начала следила за ворами и контрабандистами, выжидая момент, чтобы схватить последних. И не прогадала.

В груди лиса заболело сильнее, чем от шальной пули…

— Если тебе интересно, то она приходила, пока ты спал, — мимоходом заметил Азек, вытирая руки полотенцем.

У Рентара дернулось ухо.

— Зачем?

— Волновалась. Да не переживай, ничего я с ней не сделал. Она не как сержант полиции заявилась, а как влюбленная дурочка. Слезы лила.

— Врешь, — безошибочно определил Рентар, не желая признавать, что на мгновение обрадовался.

— Преувеличиваю, — с иронией ответил

Азек. — Зато ты перестал раскисать. Кстати, если тебя утешит, то твоя подружка нам помогла. Не останови контрабандистов полиция, жертв было бы больше. Там один маг окончательно крышей поехал, хотел полквартала подорвать вместе с собой.

Рентар стиснул доклад в руках. Обман оставался обманом, что бы ни говорил Азек. И лис не собирался прощать Джин. Видеть ее не хотел. Он собирался вычеркнуть эту предательницу из своей жизни!

Азек поправил повязку на глазу и понимающе усмехнулся.

— И чего ты ждешь? Поезд отбывает через полчаса. Еще успеешь.

Лис посмотрел на письмо, на часы, затем подхватился и бросился на улицу, к ближайшему кэбу.

Когда мужчина вбежал на вокзал, поезд уже набирал ход. Рентар не успел на каких-то пять минут. На последнем перекрестке перевернулась чья — то телега, и в объезд было далеко и долго. Лис выскочил из кэба, надеясь, что доберется бегом вовремя, но все равно опоздал.

В груди снова защемило, и Рентар сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь выгнать

поселившуюся там боль. Это всё рана, точно рана! Зачем он бежал сюда? Что хотел ей сказать? Обвинить в обмане — или просто увидеть перед отъездом? Еще раз ощутить вкус нежных губ, знакомый аромат лимона, окончательно сведший его с ума!

Даже сейчас он продолжал его чувствовать!

То, что запах — не галлюцинация, Рентар понял, когда услышал торопливые шаги. Джин замерла за его спиной, и лис медленно повернулся. Сержантский мундир смотрелся на ней выгоднее безразмерной рубахи и потрепанных штанов. Вот только рыжие волосы по-прежнему топорщились в разные стороны.

— Почему ты ещё здесь? — спросил он, сдерживая пустившийся в пляс хвост, хмурясь и кусая изнутри щеку. Хотелось улыбнуться, но улыбаться было нельзя. Как бы он выглядел, если бы лыбился, как дурак, перед той, что водила его за нос?!

— Я поняла, что кое-что забыла. — Она сделала ещё несколько шагов, и лис заметил блеснувшую на ее шее серебряную цепочку с топазом.

— Забыла упомянуть, что работаешь на полицию?

— Забыла сказать, что давно тебя люблю. А еще

я взяла увольнительную на неделю. Ты ведь покажешь мне Крейтон? — ответила Джин. А затем обвила его шею руками и поцеловала.

Наверное, в этом было виновато жаркое лето. А может, лис просто не до конца оправился после ранения. Ведь, целуя ее в ответ и крепко обнимая, он понимал, что не бывает отношений между сержантом полиции и вором. И лимонные леденцы у нее дурацкие, и эта неловко подрезанная рыжая шевелюра! И он абсолютно точно в неё не влюблен. Совсем. Ни капельки.

Но отпустить ее всё равно не получалось.

Мария Эрфе
Волчья клятва верности

Джей

Сегодня Джей собирался в Клуб особенно тщательно. Новые дизайнерские джинсы с разрезами чуть выше колен, ослепительно белая обтягивающая футболка, которая выгодно подчёркивала загар и рельефную грудь, кожаный ремень от «Армани»… Он долго провозился, укладывая чёрные, слегка вьющиеся волосы, и на третий звонок Ника не стал отвечать. Схватил кожаную куртку, смартфон и выскочил из квартиры.

Напарник нетерпеливо барабанил тонкими бледными пальцами по рулевому колесу красного, ослепительно блестящего Феррари. Когда Джей запрыгнул в машину, Ник даже не посмотрел в его сторону, только буркнул себе под нос, что тот опоздал на двадцать восемь минут.

Машина с рёвом понеслась в Клуб. Самый дорогой и лучший в этом городе. Без Ника его бы туда не пустили. Джей прекрасно знал об этом и старался лишний раз не злить друга. Даже попытался искренне извиниться за опоздание, на

что Ник только поморщился и неопределённо махнул рукой.

Два амбала на входе, увидев слишком высокого и слишком худого бледного юношу, сразу же расступились. Один из них услужливо открыл дверь.

— Припаркуй у чёрного входа, — сказал Ник, бросая охраннику ключи от Феррари. — Мы ненадолго.

Друзья прошли к зарезервированному столику рядом со сценой и опустились в мягкие удобные кресла.

Ник посмотрел на часы.

— Эй, расслабься, — Джей потрепал друга по плечу. — Попробуй хоть раз получить удовольствие от жизни.

— Я получаю огромное удовольствие, когда мои финансовые прогнозы сбываются, — отрезал Ник и уткнулся взглядом в меню.

— Я знаю расписание, — продолжил Джей. — Она появится на сцене через десять минут, будет танцевать полчаса, потом скроется в гримёрке. Мне нужно только встретить её у чёрного входа, и ты свободен. От силы час, не больше…

— Можно было провести этот час с большей пользой, — перебил Ник.

Джей только закатил глаза.

— В конце концов, она хорошо танцует, — сказал он, выдержав паузу минуты в две.

— Не понимаю, что ты в ней нашёл, — Ник покачал головой.

Джей и сам не понимал. Ему стоило только пальцем поманить, и любая в этом элитном клубе ушла бы с ним, и всю ночь делала то, что он пожелает.

За двадцать пять лет Джей ни разу не сталкивался с отказом. Высокий, красивый, неглупый и неплохо обеспеченный, он сводил с ума всех девушек и женщин, с которыми сталкивался. Они готовы были волосы друг другу повыдёргивать, лишь бы оказаться рядом с высоким черноволосым юношей, пусть даже только на одну ночь. Дольше Джей никого рядом не держал. Он никогда никого не любил и не знал, каково это — быть рядом с одним человеком дольше суток.

Но Кейт…

С Кейт всё иначе. С ней Джей впервые узнал, что такое — быть отвергнутым. Чувство ядовитой змеёй свернулось под сердцем и отравляло каждый день существования. Страдала гордость Джея, а этого он не мог терпеть.

Парень встретил Кейт неделю назад. Ник тогда

впервые позвал друга в Клуб отметить особо прибыльную сделку. Точнее, Джей настоял, чтобы компаньон наконец-то уже провёл его в элитное заведение.

Джей был изрядно навеселе, флиртовал с десятком женщин одновременно и заказывал им всем выпивку. Но вдруг на сцену вышла она, и на полчаса оказалась для Джея центром Вселенной.

Парень смотрел, как плавно и грациозно она двигалась, и волны желания накатывали на него. А что Кейт вытворяла с пилоном?! О, это невозможно передать словами. Джей мечтал только о том, чтобы эти длинные ноги обвились вокруг его тела. А эти руки с длинными пальцами и длинными ногтями, покрытыми бордовым лаком, обнимали и ласкали его.

Когда Кейт сошла со сцены и быстрыми уверенными шагами направилась к выходу, Джей почти бежал за ней. Охрана не пустила его в гримёрку. Но скоро девушка появилась в дверях. На ней были обтягивающие чёрные джинсы, свободная голубая футболка с открытым плечом и кроссовки. Кейт хотела пройти мимо, но Джей окликнул её.

— Подожди, можно тебя чем-нибудь угостить? — стандартная фраза, на которую в ста

процентах случаев он получал утвердительный ответ. Только не сегодня.

Девушка смерила его презрительным взглядом изумрудных глаз и отрицательно покачала головой. На секунду эти глаза показались Джею знакомыми, но ни имя, ни внешность не всплывали в памяти. Он моргнул и продолжил натиск.

— Если я куплю тебе бутылку самого дорогого шампанского, какое есть в этой дыре, скажешь, как тебя зовут?

Снова презрительный взгляд, но в глубине зелёных глаз появились лукавые искорки.

— Ладно, — протянула она. — Только не вздумай взять свои слова обратно, когда узнаешь цену.

— Деньги не имеют значения, — высокопарно ответил Джей и протянул руку.

Кейт несколько секунд смотрела на его ладонь, потом покачала головой и быстро зашагала к бару. Парень поспешил за ней.

«Пять с половиной тысяч баксов за бутылку шампанского?! Вы что, с ума сошли?!» — захотелось крикнуть Джею, когда он посмотрел в меню. Но ничего не поделаешь, пришлось купить напиток. Он никогда не отказывался от своих слов. «За эти деньги ты будешь неделю танцевать в моей

квартире и не только танцевать», — подумал Джей, с застывшей улыбкой протягивая бармену кредитку.

Через минуту перед ними стояло ведёрко со льдом, в котором покоилась бутылка шампанского с невзрачной тёмно-зелёной этикеткой.

— Теперь могу я узнать твоё имя? — спросил Джей.

— Кейт, — небрежно ответила девушка, ловким движением выловила изо льда бутылку и встала.

— Ты куда собралась? — от возмущения Джей чуть не свалился с барного стула. — Разве не собираешься распить со мной этот божественный напиток? — самообладание начало понемногу возвращаться к нему.

Кейт развернулась и напоследок бросила ему через плечо:

— Я не пью.

Она скрылась в толпе танцующих тел. Джей был настолько обескуражен, что минут пять тупо смотрел в пространство, где стояла девушка и не шевелился. Позже он стряхнул оцепенение, вышел из Клуба, взял такси и поехал домой.

Всю неделю из головы Джея не выходил этот случай. Нет, он не жалел потраченных зря де-

нег, — заработает ещё. Юноша не понимал, как простая девчонка, танцовщица в клубе, пусть даже элитном, могла отказать ему, Джефферсону Хаксли, преуспевающему молодому бизнесмену, красавцу, ради которого женщины были готовы на всё?!

И вот, он снова в Клубе, снова смотрит на это гибкое тело, длинные прямые ноги, плоский живот, пухлые губы, накрашенные ярко-алой помадой, блестящие чёрные волосы, собранные в тугой конский хвост, и невероятно-зелёные глаза… Джей почувствовал, как его засасывает в чёрную дыру, а Вселенная начинает таять и сужаться. «Да что со мной?!», — подумал он и провёл рукой по волосам. «Будто я девок красивее не видел?! Ничего особенного в ней нет, просто смазливое личико и длинные ноги».

Но что-то в Кейт всё же было. Что-то, что притягивало его со страшной силой. Джей понял гораздо позже, что его манило ощущение опасности, исходившее от девушки.

Он всегда страдал от нехватки адреналина, поэтому стал брокером. Потом началась бесконечная череда экстремальных развлечений: кайтинг, дайвинг, парапланеризм, прыжки с парашютом, сноуборд… Джейк не признавал

только наркотики.

Присутствие Кейт заставляло его сердце биться чаще. Юноша чувствовал, что за маской танцовщицы что-то скрывается…

Их взгляды встретились, и Кейт едва заметно улыбнулась. Этой улыбки Джею хватило, чтобы простить выходку с шампанским.

В этот раз он не стал ломиться в гримёрку, а схватил Ника под локоть и вместе с другом направился к чёрному входу. Ждать пришлось недолго. Когда девушка вышла на улицу, Ник молча сел в Феррари, припаркованную рядом с обшарпанной дверью.

Джей стоял, облокотившись о стену и скрестив руки на груди.

— Привет, красавица! — бодро сказал он, перегораживая Кейт путь.

— А, щедрый мальчик, — растягивая слова и губы в хищной улыбке, проговорила девушка. — Хочешь меня ещё чем-нибудь угостить?

«А ей палец в рот не клади», — подумал Джей.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил он. — Хочу составить тебе компанию и проводить домой. Опасно такой красивой девушке ходить по городу одной так поздно…

— Я могу за себя постоять, — отрезала Кейт. — И

в сопровождающих не нуждаюсь.

«Не сомневаюсь», — подумал парень, но вслух сказал:

— И всё же, я не смогу спать спокойно, — он прищурился, — если не буду знать, что ты благополучно добралась домой.

Джей видел, как по лицу девушки пробежала тень сомнения, будто в душе у неё шла борьба. Он знал такое выражение лица и взгляд, направленный внутрь…

— Ладно, — выдохнула Кейт. — Так и быть. Но ни на что не рассчитывай, — она развернулась и зашагала прочь от Клуба.

Почти всю дорогу шли молча. Джей пытался разговорить девушку. Но на все вопросы она отвечала односложно, либо меняла тему. Шутки Кейт не веселили. И постепенно энтузиазм Джея сошёл на нет. Он был почти готов забыть об этой ненормальной, вернуться в Клуб и снять первую попавшуюся девицу, когда танцовщица остановилась у бара с неприметной вывеской. Половина светящихся букв перегорело, и Джей не разобрал название.

— Подожди меня на улице, пожалуйста, — неожиданно мягко проговорила Кейт. — Мне надо кое с кем встретиться. Это на пару минут.

— Хорошо, но… — начал говорить Джей, но она уже скрылась за дверью.

Юноша чувствовал себя неуютно на плохо освещённой улице у непонятного заведения. Он переминался с ноги на ногу, вертел головой и постоянно смотрел на часы. Через пятнадцать минут не выдержал и зашёл в бар.

Глаза сразу же защипало от сигаретного дыма, плотными клубами висевшего в воздухе. Джей осмотрелся: народу немного, в основном работяги, никогда не просыхающие завсегдатаи сомнительного вида и девицы в дешёвых тряпках с пропитыми рожами и безвкусным макияжем. «Что Кейт забыла в таком месте?» — Джей передёрнул плечами.

Он увидел девушку за столиком в дальнем углу зала. Кейт сидела напротив какого-то мужлана в потёртой косухе и повязке на левом глазу. Они явно спорили: лицо мужчины было перекошено от гнева. Парень с удивлением понял, что Кейт выглядит виноватой.

Джей широкими шагами пошёл к столику.

— Эй, всё в порядке? — спросил он, положив руку на плечо девушки. Кейт вздрогнула.

— Да, всё нормально, мы уже закончили, — скороговоркой выпалила она и встала, едва не

опрокинув стул.

— Это он? — пробасил мужик с повязкой.

Кейт молча кивнула, сунула ему пухлый конверт и побежала к выходу.

— Ты уверена, что всё нормально? — спросил Джей, когда они на квартал отошли от бара.

— Да, я была должна ему, — она не смотрела на парня. — Он хотел с процентами, но мы так не договаривались. Пришлось настоять на своём…

Джей обогнал её и сжал плечи, заставляя девушку встретиться с ним взглядом. На лице Кейт снова появилась маска несговорчивой девчонки. Он смотрел в её глаза несколько долгих мгновений, потом развернулся, и они пошли дальше. Джей так и не понял, соврала она или нет.

— Всё, пришли, — нарушила тишину Кейт. — Дальше я сама.

Они остановились у опрятного светло-бежевого пятиэтажного дома с небольшими балконами. С кованых решёток свисали горшки с цветами.

— Не пригласишь меня на кофе? — всё ещё придерживаясь обычного сценария соблазнения, спросил парень.

— Кофе не пьют по ночам, а до утра я твои шуточки не вынесу, — Кейт демонстративно закатила глаза. Но на мгновение Джей снова

заметил в её взгляде тень внутренней борьбы. Это придало ему уверенности.

— Тогда, может, угостишь меня шампанским? — он, прищурившись, смотрел в глаза девушки. Она глубоко вдохнула, наконец-то на что-то решившись, и ответила:

— Хорошо, думаю, это будет справедливо.

Кейт достала ключи. Съёмная квартира, оказалась на пятом этаже. Девушка открыла дверь, включила свет и сняла кроссовки. Джей тоже разулся, видя, что в квартире довольно чисто. Кейт прошла на кухню, вымыла руки и два стакана.

— Извини, бокалов у меня нет, придётся так, — сказала она тоном, далёким от извиняющегося.

Джей только пожал плечами и улыбнулся. Какая разница! Если он в её квартире, значит, Кейт уже всё решила. Оставалось только выбрать подходящий момент. Он открыл бутылку и разлил шампанское по стаканам.

— За самую красивую девушку на этой планете! — сказал Джей.

— Сколько раз ты уже произносил этот тост?! — Кейт закатила глаза, но слегка коснулась его стакана своим.

Она осторожно сделала глоток шампанского. Джей разом отпил почти половину стакана —

сказывалось напряжение вечера. Ему надо было немного расслабиться в обществе этой странной девушки.

— А ты говорила, что не пьёшь, — решил он немного подразнить Кейт.

— Только в Клубе, — без лишних колкостей ответила она. — И с незнакомыми парнями, которые могут что-нибудь подмешать в мой бокал.

— Ты всегда с таким недоверием относишься к людям? — удивился Джей.

— До сих пор это неплохо помогало выжить, — девушка пожала плечами. — Менять тактику пока не собираюсь.

Джей покачал головой. Какие же тайны скрываются за этой милой мордашкой? Ему хотелось знать. Тайны заводили парня больше всего.

Они сидели на кухне и болтали. Если не обращать внимания на колкости, которые иногда отпускала Кейт, общение можно было назвать довольно милым. На удивление Джея она оказалась неглупой и начитанной.

— Почему ты танцуешь в Клубе? — в какой-то момент спросил он. Джей боялся, что Кейт обидится, но девушка только улыбнулась. Так мило и искренне, что ему сразу захотелось её поцеловать.

— А почему бы и нет? — задала она риторический вопрос. — Если отбросить все предрассудки о профессии танцовщицы, то чем эта работа хуже других? — снова вопрос, не требующий ответа. — Мне нравится танцевать, — «вот, уже ближе к истине», — подумал Джей. — Когда танцую, забываю, кто я на самом деле… — Кейт оборвала себя на полуслове, явно пожалев, что сболтнула лишнего. — Уже поздно, тебе пора. А у меня есть еще и дневная работа.

— Прости, я не хотел тебя обидеть, — Джей тоже встал и протянул руку, чтобы коснуться её щеки. От его прикосновения девушка вздрогнула, но не отстранилась. — Ты мне очень нравишься, правда. Со мной такого никогда не случалось, — Джей старался сказать как можно больше, пока Кейт не прервала его очередной колкостью. — Меня тянет к тебе, как к магниту. И я ничего не могу с собой поделать. Знаю, что ты не веришь, и имеешь на это полное право. Но я, правда, кажется, в тебя влюбился. С самого первого взгляда.

Джей наклонился и прикоснулся губами к её губам. Он чувствовал, что с Кейт надо быть предельно осторожным. Никакого напора, порыва страсти и другого проявления силы. Неизвестно, через что прошла эта девочка, раз никому не

доверяет. Мысленно парень был готов к тому, что она оттолкнёт его или влепит пощёчину. Но Кейт не сопротивлялась. Через три коротких удара сердца её руки оказались на его плечах, а меньше чем через минуту оба оказались в спальне.

— Только ничего не говори, прошу тебя, — прерывисто выдохнула Кейт между поцелуями и стягиванием одежды друг с друга.

Джей и не собирался вести светские беседы. А думал лишь о том, чтобы каждой клеточкой чувствовать её обнажённое тело. Кейт легко толкнула парня на постель и тут же оказалась сверху. Джей с удовольствием предоставил ей инициативу и прикрыл веки.

Он не ожидал, что девушка будет такой страстной. Что они вытворяли в этой крохотной спальне!.. Джей никогда и ни с кем не испытывал такого кайфа. Кейт будто читала его мысли и совершенно не знала, что такое стеснение, да и наверняка не имела никаких комплексов. Даже прыжок с двухкилометровой высоты мерк по сравнению с ощущениями, которые подарила ему странная, дикая и живая девушка.

Засыпая в её постели, Джей понял, что не он обладал Кейт, как мечтал всю прошедшую неделю, а скорее, она воспользовалась им. Но его эго от

этого ничуть не пострадало.

Проснулся парень оттого, что кто-то грубо тряс его плечо.

— Эй, вставай, мне на работу пора, — прозвучал над его ухом голос Кейт.

— Можешь оставить мне ключи и адрес, куда их принести? — сквозь сон пробормотал он. В голове неприятно гудело, будто Джей выпил вчера не две трети бутылки шампанского, а как минимум литр вискаря. А когда он попытался открыть глаза, перед ними заплясали цветные пятна.

— Нет, — отрезала девушка и сдёрнула с него одеяло. — Прежде чем уйти, мне надо с тобой поговорить. Вставай!

Джей тихонько застонал. Он терпеть не мог утренние разговоры после бурной ночи. Но решил не злить Кейт и кое-как встал с кровати, натянул джинсы и пошатываясь побрёл на кухню следом за девушкой.

— Садись, — она кивнула на стул. Сама прислонилась к столешнице и скрестила руки на груди. Что-то в ней изменилось, решил Джей, посмотрев Кейт в глаза. В этом милом лице без следов косметики и немного раскосых глазах не осталось ни нахальной девчонки, которой она притворялась всё время общения с Джеем, ни страстной дикар-

ки, которой она была ночью. В глубине зелёных глаз он видел печаль и злость. Только непонятно, на кого Кейт злилась. Ох эти глаза! Джей точно их где-то видел. Только вот где? Он вдруг подумал, что если вспомнит, то всё встанет на свои места. Но память ничего не подсказала.

— Слушай меня внимательно и не перебивай, — после долгой паузы произнесла девушка. — От того, насколько хорошо ты усвоишь мои слова, зависит, останешься ли в живых в ближайшее время, — такого утреннего разговора Джей точно не ожидал. В какие игры она играет? — Через три дня ты навсегда изменишься. Если не хочешь никому навредить, когда перевоплотишься, уезжай как можно дальше от людей. И от нелюдей тоже…

Кейт ненадолго замолчала. Джея всё это начало злить — сказывалась головная боль и нехватка сна. У неё что, не все дома?!

— Слушай, ты, наверное, книжек начиталась или фильмов насмотрелась… — начал говорить он.

— Я же просила не перебивать! — крикнула Кейт. В её голосе было столько неподдельной злости, что Джей сразу умолк и проглотил все язвительные реплики. — Найди дом в глухом лесу и

сиди там. Чрез три дня ты станешь зверем, Джей. И я не шучу. Ровно три дня — время полнолуния — ты проведёшь в шкуре чудовища…

— Но… — попытался он прервать этот спектакль.

— Пожалуйста, слушай молча, — сквозь зубы процедила девушка. — У моего терпения есть предел. Я и так оказываю тебе огромную услугу. Если бы кто-то в своё время предупредил меня, рассказал, во что я превращусь… — она снова замолчала. Взгляд зелёных глаз стал рассеянным. — Когда ты поймёшь, во что превратился, и узнаешь законы нового мира, — Кейт недобро усмехнулась. — Можешь убить меня. Если найдёшь, конечно. Мстить за меня никто не будет, — она сделала шаг к столу и оперлась о край двумя руками. Джей почувствовал её горячее дыхание на своём лице. — Но предупреждаю тебя: я буду драться. Хоть и ненавижу эту жизнь, но расставаться с ней просто так не собираюсь, — Кейт смотрела парню в глаза, а Джею казалось, что он спит наяву. — А теперь одевайся и проваливай. Дверь можешь просто захлопнуть.

Девушка развернулась и ушла, оставив его наедине с противоречивыми мыслями и головной болью.

***

Кейт

Кейт перебежала улицу, ворвалась в кафе напротив дома и села за столик у окна. С этого места хорошо видно дверь, и она сможет вернуться домой, когда Джей уберётся из квартиры.

Девушка не врала насчёт дневной работы и три раза в неделю дежурила в больнице. Так она убеждала совесть, что немного искупает вину за ущерб, который причинила человеческому виду.

В прошлой жизни, до того как стала чудовищем, Кейт училась на врача. Диплом она так и не получила, но для исполнения обязанностей медсестры её знаний хватало. Очередная смена должна наступить послезавтра. Но уже сегодня Кейт будет так далеко от этого города, насколько возможно.

К дому подъехало такси. Через несколько минут вышел Джей. Он сел на заднее сиденье, и машина тронулась с места. Для большей уверенности Кейт подождала десять минут, надела огромные солнечные очки, скрывавшие половину лица, и вернулась в съёмную квартиру.

Она, не разуваясь, прошла в спальню, сдёрнула с кровати одеяло и простынь — девушке против-

но было даже прикасаться к белью, на котором он спал, — и легла на голый матрас.

Всё прошло по плану. Кейт совершила то, ради чего жила последние три с половиной года. Теперь его организм отравлен, и через три дня Джей станет таким же чудовищем, как и она, и все остальные оборотни. Но Кейт не испытывала ни малейшего удовлетворения.

«Может, когда он придёт за мной, и мы сразимся насмерть. И я заставлю его вспомнить, что он сделал… Может тогда я стану свободной и умру спокойно? Или Марк прав, и надо было просто убить его?..» — подумала Кейт. Но прямо сейчас она сама себе была противна. И не оттого, что переспала с Джеем, как последняя шлюха, а оттого, что в какой-то момент ей это даже понравилось. Девушка давно не была ни с кем близка. Поэтому губы, руки и красивое человеческое тело заставили её на время забыться. Так бывало, когда Кейт танцевала. Она будто перерождалась и выпускала на волю истинную сущность, не погребённую под ликом чудовища.

Три года Кейт искала его. Зная амбиции и нрав Джея, она искала в больших городах, на побережье, даже в соседней, богатой и процветающей стране, а нашла в глуши. Да его родители одно

время жили здесь и оставили сыну небольшой дом. Но чтобы ради наследства поселиться в этом городе?! Кейт ничего не понимала, пока не стала наблюдать за парнем.

Потом она узнала, что причина — Ник. Он за год сколотил огромное состояние на каких-то сомнительных операциях на валютном рынке. Джей познакомился с ним, когда приехал продавать дом, и сразу почуял деньги. Теперь он был компаньоном Ника. А последнему всё равно, где жить. Весь его бизнес в сети. Главное, чтобы интернет работал без перебоев. Из своих наблюдений Кейт сделала вывод, что Ник — существо крайне непритязательное: единственная страсть — дорогие и быстрые машины.

Полгода она разрабатывала и воплощала в жизнь план. Для начала пришлось основательно изменить внешность и манеру разговаривать. Кейт оставила только цвет глаз. По непонятным даже ей самой причинам девушка решила дать Джею небольшую возможность узнать её. Но он не узнал. Что же, тем хуже для него.

Кейт хотела не просто обратить Джея, а влюбить его в себя. По плану девушка должна была поиграть с его чувствами дольше, но полнолуние не ждёт. Да и ей пора убираться из города. Кейт и

так слишком долго задержалась на одном месте. А во всём виноват Ник. Она думала, что финансист приведёт Джея в Клуб гораздо раньше.

Кейт встала и подошла к шкафу-купе, достала походный рюкзак, покидала в него самые необходимые вещи, нацарапала записку для хозяйки и оставила её на кухонном столе вместе с деньгами за месяц вперёд и ключами. Перед тем как выйти из квартиры, девушка собрала волосы в конский хвост, надела бейсболку и очки. Она оглянулась. Это место за прошедшие шесть месяцев стало домом. Всего три года кочевой жизни, и девушка забыла, каково это — иметь дом. Кейт захотелось плакать, но она разучилась это делать.

Девушка мягко захлопнула дверь и пошла на ближайшую автобусную остановку. Она ни на секунду не снимала очки и бейсболку, несколько раз меняла автобусы и за двенадцать часов оказалась почти за пятьсот миль от злополучного города на окраине злополучной страны.

Кейт переночевала в лесу — не привыкать — а наутро продолжила менять автобусы и путать следы. Через сутки она углубилась в лес настолько, чтобы не встретить ни одного человека. Девушка старалась не убивать людей без особой нужды.

Внутренние часы подсказали ей, что до восхода луны осталось меньше тридцати минут. Девушка разделась, завязала вещи и наличные в холщовую сумку и туго обмотала ручки вокруг бедра. Телефон и кредитку она выбросила ещё в городе. Кейт, абсолютно голая, села прямо на землю и стала ждать.

Привычная боль обожгла позвоночник. Девушка встала на четвереньки, содрогнулась всем телом, выгнула спину неестественной дугой и превратилась в огромную волчицу — раза в три больше обычного животного. Тёмно-серая шерсть блестела в лунном свете, а жёлто-зелёные глаза сканировали пространство на наличие угроз и жертв. Ни того ни другого поблизости не оказалось.

Волчица рванула на север, углубляясь в лес. Трое суток она бежала и спала, выбрав укромное место в лесу. Для поддержания сил хватало свежей крови невезучих животных, которые попадались на её пути. Огромные волчьи клыки разрывали их горла и грудные клетки, маленькие звериные сердца прекращали биение в волчьей пасти, передавая свою жизненную силу оборотню.

Если бы на пути Кейт оказался человек, его

постигла бы та же участь. Во время охоты всё человеческое в оборотнях бесследно исчезало. Поэтому девушка старалась в полнолуние выбирать такие места, где невозможно встретить человека. Или почти невозможно…

Через три дня, с первыми лучами солнца, она в очередной раз вернулась в человеческое тело.

Обнажённая, вся в грязи и запёкшейся крови, Кейт оказалась на окраине леса. Впереди, насколько хватало взгляда, простирались кукурузные поля. Она попыталась подняться, но ноги налились свинцом. Девушка лежала на лесной поляне, закрыв глаза и пытаясь вспомнить события трёх прошедших дней. Перед мысленным взглядом мелькали деревья, озёра, растерзанные трупы животных, отчаянный визг тормозов и светящиеся фары в опасной близости от волчьей морды.

«Похоже, людей в этот раз я не тронула», — с облегчением подумала Кейт и открыла глаза.

С третьей попытки ей удалось встать. Вокруг ноги болтался порванный в нескольких местах холщовый мешок. «Надо же, сработало!», — удивилась девушка. Этому трюку научил её Марк. До встречи со старым оборотнем Кейт не заморачивалась по поводу внешнего вида. Одежду и

деньги всегда можно найти в ближайшем городке или посёлке.

Девушка прислушалась. Невдалеке шумел ручей. Она пошла к водоёму, тщательно смыла с себя кровь и грязь, оделась, рассовала деньги по карманам, выбросила рваный мешок и направилась в сторону деревни. Определить, где жили люди, не составило труда. Встроенный GPS оборотня, как шутил Марк.

Деревушка оказалась совсем крохотной — домов десять-пятнадцать. Кейт предпочитала скрываться в поселениях побольше. Но сил искать другую крышу над головой не осталось. Она постучала в дверь ближайшего дома и наплела какую-то чушь про парня, бросившего её посреди дороги в незнакомом штате. Пожилая пара — хозяева дома — с радостью приютили хрупкую девушку в потрёпанной одежде и накормили её.

Кейт о большем и не мечтала. Она поела и завалилась спать. Девушка проспала почти двадцать часов — спасибо пенсионерам, не решившимся потревожить её покой. Пришла в себя как раз к завтраку.

Пожилая пара так радовалась аппетиту Кейт, что девушка решила остаться. Хотя бы до обеда.

С того момента, как стала оборотнем, она ни-

когда не жила с людьми — слишком опасно. Но эти супруги, без умолку болтавшие и наперебой предлагавшие ей одежду, деньги, телефон, машину, напомнили Кейт о родителях.

Фермеры потеряли дочь и внука в автокатастрофе и видели в случайно попавшей в их дом девушке знак судьбы. Они умоляли Кейт остаться, и она не смогла сказать «нет».

«До следующего полнолуния почти месяц — думала девушка — я не причиню им вреда. Надо только тщательно мыть за собой посуду и быть предельно аккуратной. Если они не будут контактировать с моей слюной, то им ничего не грозит. А через месяц я придумаю достойное оправдание ухода».

Так решила Кейт и осталась в уютном сельском доме. Девушка вымыла посуду после ужина, обдала её кипятком и пошла на второй этаж, в комнату погибшей дочери старых фермеров.

***

Джей

Весь день Джея лихорадило, головная боль то накатывала с силой тайфуна, то резко отступала, парень с трудом передвигал ноги и к обеду взял такси и сбежал из офиса.

Дома позвонил Кейт, но её телефон оказался выключен. «Может, она меня чем-то накачала? — подумал Джей. — Надо бы анализ крови сдать…». Но сил ехать в клинику не осталось. Тогда парень завалился спать.

Проснулся Джей только на следующее утро. На удивление бодрым и отдохнувшим. Дисплей смартфона явил семь пропущенных вызовов от Ника, два от девицы, имя которой он даже не потрудился вбить, просто назвал «экземпляр № 47». Почему сорок семь? Одному дьяволу известно.

Весь день Джей усердно делал вид, что работал. На самом деле он пытался найти Кейт. Её телефон по-прежнему был отключен, дверь квартиры никто не открывал, парень даже пришёл в тот бар, где она встречалась со странным типом, но ни девушки, ни одноглазого мужчины там не оказалось. Она как сквозь землю провалилась.

В рассказ Кейт он, конечно же, не верил. Джей думал, что это часть странной игры. Но его заводила мысль о том, чтобы снова держать танцовщицу в объятьях. Впервые Джей хотел встретиться с девушкой после того, как переспал с ней.

Но Кейт не объявилась, и парню пришлось снова уговаривать Ника пойти в Клуб в надежде

увидеть танцовщицу на сцене. Там Джея тоже ждало разочарование.

Он познакомился с тремя девицами, которые пили шампанское с водкой. Джей решил, что пора перестать думать о ней, выкинуть из головы дерзкую сумасшедшую девчонку. В конце концов, кто она такая, чтобы он, Джефферсон Хаксли, тратил на поиски время и нервы?!

Девицы собрались уехать из Клуба, одной из них бывший муж оставил большой дом загородом. Джей решил составить им компанию. Они захватили еще двоих парней.

Ехали почти час. В такую глушь Джея ещё не заносило. Дорогу он не запомнил. Парня мутило, и кружилась голова. «Никогда больше не буду мешать водку с шампанским. Ядерная смесь», — решил Джей. Он чуть не упал, вылезая из машины.

Но дом оказался роскошным — надо отдать должное. Три этажа, просторные спальни и огромная гостиная с камином и овальным столом на двенадцать персон, бассейн, сауна и джакузи.

Джей развалился на кожаном диване. Рядом с ним тут же оказалась хозяйка дома — блондинка с огромными накачанными губами и слишком длинными и густыми ресницами. Джей терпеть

не мог таких, но пришлось вымучено улыбнуться и сделать глоток бурбона из дружелюбно протянутого бокала.

Дальнейшие события парень помнил смутно. Утро застало Джея в одной из спален. Блондинка лежала рядом, зарывшись лицом в подушку. Всклокоченные обесцвеченные волосы разметались, напомнив ему распотрошённый стог сена.

Джей вспомнил, как в детстве приезжал на ферму к дедушке и частенько портил стога по ночам. Утром тот ругал несносного мальчишку, но прощал быстрее, чем бабушка успевала приготовить ужин. Иногда парень остро скучал по деду с бабкой. Он любил их гораздо больше, чем родителей. Может, если бы отец не продал ферму, которую завещали Джею, парень смог бы жить по-другому?.. Наедине с природой, где он никому ничего не должен, где мог быть собой и где рядом с ним могла быть такая, как Кейт…

Кейт… Вспомнив о ней, Джей окончательно проснулся. Он нашарил джинсы, выловил из кармана телефон. Два пропущенных от Ника. Джей набрал номер Кейт, не надеясь дозвониться. И оказался прав: абонент по-прежнему оставался вне зоны действия сети.

Джей умылся, оделся и вышел на террасу. Похо-

же, остальные еще спали. Парень вернулся в дом, открыл двухкамерный холодильник в поисках минералки или сока. Его взгляд наткнулся на заготовки для стейка. Одним движением Джей разорвал вакуумную упаковку и схватил кусок мяса. Кровь потекла по запястью и капнула на пол. Он проглотил сырой стейк и облизал дрожащие пальцы.

А потом побежал в туалет, где его вывернуло наизнанку. «Чёрт, что со мной такое?», — подумал Джей, умылся и тщательно прополоскал рот.

Парень вернулся на кухню, сварил кофе и выпил его, не чувствуя вкуса. Перед его мысленным взглядом то и дело возникал кусок сырого мяса. Джей вышел из дома. Участок оказался большим, но запущенным. Траву давно никто не косил, деревья одолели паразиты, а кустарники нуждались в том, чтобы их постригли. Но юноше здесь нравилось. Лес, видневшийся за изгородью, манил его…

Джей решил остаться еще на ночь. Но к вечеру почувствовал себя совсем плохо: он с трудом мог сосредоточиться на разговоре, в висках стучало, болела спина, и периодически немели руки и ноги.

Парень вышел на улицу. Его тянуло в лес. Не-

ведомая сила влекла уйти как можно дальше от дома. Солнце закатилось за верхушки деревьев. Ещё немного и на небе появится луна. Джей с трудом открыл заржавевшую калитку и побежал в лес. Мимо проносились сосны, ели, кедры, берёзы и клёны… Он на секунду остановился, пытаясь понять, где находится и что делает, но ноги сами понесли парня дальше.

Последние лучи солнца погасли на небосводе, и мир погрузился в темноту. Джей резко остановился. Боль зародилась в позвоночнике, потом иглами впилась в шею, плечи, грудь, предплечья, живот, бёдра, голени и даже ступни. Он хотел закричать, позвать на помощь, но голос пропал. Тело Джея неестественно изогнулось, выпрямилось, потом снова согнулось пополам, и на лесной тропинке, залитой светом полной луны, появился волк. Огромный, с шерстью цвета тьмы и глазами цвета красного вина. Он почуял её, полную жизни. Девушка стояла всего в полумиле от Джея и звала его по имени. Глупая, она даже не представляла, что зовёт смерть. Волк рванул вперёд.

Блондинка вышла на террасу. Волосы собраны в пучок, на слепленное хирургами тело наброшен халат…

Сонная артерия оказалась самой притягательной. Кровь алыми розами расцвела на белом снегу халата. Оборотень вгрызался в свежее мясо, всего несколько часов назад служившее ему источником удовлетворения. Горячая кровь наполняла силой.

Но вдруг волк почувствовал опасность. Кто-то следил за ним и готовился напасть. Оторвавшись от тела блондинки, он увидел горящие жёлтые глаза. Тело сжалось и приготовилось к прыжку, но глаза исчезли. Он покрутился на месте и помчался в лес, туда, где секунду назад видел врага.

Деревья, ручьи, поляны мелькали перед рассеянным взглядом волка. Он бежал всю ночь, остановился только с первыми лучами солнца на берегу озера. Семейство оленей подошло к водопою. Волк слышал биение пяти сердец. Он напал. Свежая алая кровь омывала морду и лапы, с каждой каплей делала тело волка сильнее и выносливее.

Насытившись и умывшись в озере, он вернулся вглубь леса, нашёл более или менее безопасное место и задремал. Оборотень проснулся от ощущения опасности и вскочил на лапы. Взгляд кровавых глаз просканировал пространство сумеречного леса, но никого не обнаружил. Только

едва уловимый странный запах. Он попытался пойти на запах, но вскоре понял, что блуждает кругами. Тогда волк бесцельно понёсся через лес, наслаждаясь ощущением свободы и бешеной скорости. Иногда нападал на мелких и крупных животных, которые попадались на пути. Люди, к их великому счастью, в такую глушь не забредали.

Джей очнулся на лугу, залитом солнечным светом. Он лежал под кустом бузины, свернувшись клубком. Парень потянулся и осторожно встал. Всё тело ломило, будто он несколько часов провёл в тренажёрном зале. Стоп. Тело. Абсолютно голое, заляпанное грязью и чем-то ещё, неприятно напоминавшем запёкшуюся кровь…

— Какого чёрта! — выругался Джей. — Что я здесь делаю?

Он огляделся. С трёх сторон наступал лес. Впереди небольшое озеро. И ни единой души, насколько хватало взгляда.

— Кхэ-кхэ, — кто-то кашлянул за его спиной, чтобы привлечь внимание.

Джей резко обернулся. Перед ним стоял мужик, с которым Кейт встречалась в баре. Ошибки быть не могло. Джей хорошо запомнил эту рожу.

— Доброе утро, — с насмешкой поздоровался

мужчина. — Как себя чувствуешь?

— Может объяснишь, что всё это значит?! — набросился на него Джей.

— О, с удовольствием, — одноглазого явно забавляла ситуация. — Чем быстрее я с тобой разберусь, тем быстрее смогу заняться своими делами. А их, уж поверь, накопилось немало.

Марк — как позже выяснилось звали мужчину — рассказал Джею про мир оборотней. О том, что парень теперь один из них, и каждое полнолуние на три дня будет превращаться в животное. Огромное и кровожадное, в природе которого убивать. Марк перечислил основные законы того мира, частью которого теперь стал Джей. Все они сводились к одному главному правилу: не позволь людям узнать о существовании оборотней.

Джей решил, что перед ним разыгрывают дешёвый спектакль.

— И ты думаешь, я во всё это поверю?! — не выдержал он.

— Мне плевать, веришь ты или нет, — зло процедил Марк. — Я обещал Кейт присмотреть за тобой и всё объяснить. И выполняю обещание…

— Кейт? — перебил Джей. — Ты знаешь, где она?

— Не знаю и знать не хочу, — выплюнул

Марк. — А если бы и знал, всё равно не сказал бы, — он явно не отличался большим самообладанием. — Ты что-нибудь помнишь о последних трёх днях? — неожиданно спросил мужчина.

— Нет, — честно ответил Джей. — Помню только вечеринку в загородном доме… Наверное, меня чем-то накачали, — догадался парень. — А потом привезли в лес. И устроили весь этот цирк…

— На, почитай новости, — Марк бросил ему смартфон.

Джей поймал на лету и открыл поисковик. Первым неприятным сюрпризом оказалось то, что прошло три дня, а он совершенно ничего не помнил. Парень набрал «новости» и название города. Сразу же открылась страница с ужасающим изображением знакомой блондинки в луже крови и с разодранной шеей. Джея передёрнуло, но картина показалась смутно знакомой. В статье говорилось, что на девушку напал волк. Её подруга увидела огромное серое животное, перед тем, как оно скрылось в лесу.

В статье говорилось также о том, что без вести пропал Джефферсон Хаксли. Поисковый отряд обнаружил только его телефон и обрывки одежды, но ни следов крови, ни тела найти не удалось. Полиция просит сообщить любую информацию

о местонахождении молодого человека по номеру… В конце небольшая фотография Джея.

— Я бы на твоём месте не возвращался в город, — посоветовал Марк, когда парень вернул смартфон. — И в следующий раз не оставляй свидетелей. В нашем мире это карается жестоко. Первый раз тебя простят, потому что не знал правил. Но больше не совершай ошибок.

Джей не слушал. В сознании зрела ужасающая мысль, что всё это может оказаться правдой. Но парень всеми силами старался отогнать её.

Марк начал раздеваться. Он побросал одежду в кучу, а сверху аккуратно положил пухлый конверт.

— Пока, Джей, — весело проговорил мужчина. — Удачи тебе! Напоследок главный совет: если хочешь выжить в новом мире — никому не доверяй.

Марк рванул вперёд и на бегу обернулся огромным серо-коричневым волком. Животное протяжно завыло и унеслось прочь.

Джей долго провожал его взглядом, не веря собственным глазам. Потом сел на землю и автоматически протянул руку к конверту. В нём оказались наличные и записка.

«Привет, Джей!

Если ты это читаешь, значит, пережил первое обращение. Поздравляю! В ближайшие месяцы и годы ты в полной мере узнаешь, каково это — превратиться в чудовище, которым матери пугают непослушных детей. Узнаешь, как постоянно скрываться и от людей, и от таких же, как ты. Бывший король жизни, ты почувствуешь себя изгоем.

Но и это не самое страшное, Джей. Самое страшное впереди — когда ты поймёшь, что всю свою слишком долгую жизнь обречён провести в одиночестве. Ни семьи, ни друзей, ни любви… Хотя ты и так ничего об этом не знаешь…

Почему я обратила тебя? Чтобы ответить на этот вопрос, тебе нужно вспомнить. Вспомни, Джей. Несколько лет назад ты знал меня. Вспомни, что ты сделал со мной. Если вспомнишь, освободишь нас обоих.

А пока привыкай к новому миру.

Удачи!

Кейт».

Джей несколько раз перечитал письмо. Вспомнить! Что, чёрт возьми, он должен вспомнить?! Парень почувствовал головокружение. Встал, подошёл к берегу озера и нырнул в холодную тёмную воду. Там, в глубине, он увидел её глаза.

Два горящих изумруда. Джей почувствовал, что вот-вот вспомнит, где видел эти глаза раньше, но воздух в лёгких закончился, и пришлось вынырнуть. А воспоминания так и остались в глубине.

Он отмыл кровь и грязь, переоделся в шмотки Марка — других вариантов всё равно не было. Джинсы оказались короткими, а ботинки слишком свободными, но вместе с вещами мужчина оставил телефон.

Джей включил навигатор и побрёл к дороге. Через час он шагал по пустынному шоссе в сторону ближайшего населённого пункта. А еще через полтора трясся на попутке. В одном Марк прав — домой лучше не возвращаться, пока Джей не разберётся во всём.

Водитель высадил парня у выцветшего указателя. Пришлось идти ещё полторы мили до поселения. Городок оказался безжизненным. С десяток улиц, заправка, несколько магазинов, мотель и какая-то жалкая пыльная забегаловка, гордо именовавшая себя «Ресторан».

Джей снял номер в мотеле и подключился к раздражающе медленной сети Wi-Fi. Все счета, как он и предполагал, заблокированы. Но у парня был запасной план. На случай если Ник кинет его, Джей держал крупную сумму наличных и под-

дельные документы в банковской ячейке. Надо только подождать месяц-другой, а потом забрать деньги. Джей сомневался, что кто-то будет долго его искать. Родители давно мертвы, близких друзей у него не было. Только Ник… Но интуиция и опыт общения с партнёром подсказывали Джею, что он не станет слишком упорствовать в поисках. А денег, оставленных Марком, должно хватить на два-три месяца.

Он оказался прав. Полиция сделала несколько запросов в соседние города, но никто парня там не видел. Вскоре Джефферсона Хаксли признали без вести пропавшим.

А в мире появился Джейсон Роберт Сноу. Его чёрные волосы длиною до плеч почти всегда стягивал кожаный шнурок. Джинсы, потёртая кожаная куртка, пыльные ботинки и тёмные очки, скрывающие глаза.

Этот Джей имел мало общего с Джефферсоном Хаксли. Он обходил стороной многолюдные места, никогда не заговаривал с девушками первым, а на их заигрывания всегда отвечал отказом. Этот Джей уже кое-что знал о мире детей луны — так поэтично называли себя оборотни. Постепенно он стал запоминать время полнолуния. Обрывочные, смутные воспоминания всплывали в голове

оборотня, когда тот возвращался в человеческое тело. Иногда он встречал себе подобных. Некоторые охотно дополняли картину нового мира.

Джей узнал, что оборотни ведут кочевой образ жизни. Если кто-то и решает осесть в одном месте, то выбирают крупные города. Где легко выследить жертву, которую никто не будет искать.

От одного древнего волка Джей узнал, что оборотни могут жить до семи — восьми сотен лет. Но при одном условии: нужно постоянно убивать людей. Так жизненная сила жертвы передаётся охотнику. Убивая животных тоже можно существовать, но сила, а с нею и продолжительность жизни уменьшались. А ещё, чем старше оборотень, тем больше он контролировал зверя в себе. Только первые пятьдесят-шестьдесят лет нужна полная луна, чтобы обернуться.

Джей долго не мог принять новую сущность. Несколько раз его посещали мысли о самоубийстве, но парень пообещал себе, что вначале найдёт Кейт и узнает, почему она это с ним сделала. А потом убьёт. Возможно, их обоих. И пусть мир станет чуточку чище от исчезновения двух тварей.

Надо только найти её.

И он искал. Больше года Джей провёл в бесплотных попытках найти девушку. Или хотя бы

вспомнить, откуда знал эти зелёные глаза. Он искал в больших городах, понимая, что там больше шансов встретить себе подобных, а заодно и расспросить о Кейт. Некоторые знали девушку, но никто понятия не имел, где она сейчас.

Когда Джей вспоминал её совершенное тело, мягкие пухлые губы и изумрудные глаза, желание накатывало на него с такой силой, что парню приходилось идти в ванную комнату и подставлять голову под струю ледяной воды. Чтобы вымыть её образ из памяти. Но это плохо помогало. Он должен был хотеть лишь одного — найти и убить Кейт. Но если бы кто-то задал вопрос: любит ли парень её или ненавидит, он ответил бы, что и то и другое. Но никто Джею таких вопросов не задавал, а самокопанием он предпочитал не заниматься.

Однажды парень снова встретил Марка. Тот сидел в шумном баре и в одиночку напивался.

— Не возражаешь? — спросил он у одноглазого, выдвигая стул.

Марк неопределённо махнул рукой. Джею показалось, что в прошлый раз повязка у него была на другом глазу.

— Слушай, Марк, — начал он разговор. — Всё хотел спросить… Что случилось с твоим глазом?

— С глазом говоришь, — мужчина хитро прищурился. — Да ничего. Так, антураж, — он похлопал Джея по плечу. — Чтобы людишки лишний раз не лезли и не нарывались. А ты думал, что у таких, как мы, могут быть проблемы со здоровьем? — Марк слишком громко рассмеялся. Парень и девушка за соседним столиком покосились на него. — Даже если бы мне вырвали глаз с корнем, — прошептал он, наклоняясь к Джею, — он всё равно вырос бы как новенький через год-другой, — мужчина снова заржал. Но на этот раз быстро стал серьёзным. — Многих уже убил, признавайся?

— Насколько помню, только одну девушку, — парень отвернулся. — В первый раз… Потом я старался уходить в лес так далеко, чтобы ни на кого не наткнуться.

— О, так ты, оказывается, вегетарианец! Ну-ну, — Марк усмехнулся. — Прямо как Кейт. Говорят, ты всё еще ищешь её?

— Да, — коротко ответил Джей. — Знаешь что-нибудь?

— Нет, — Марк покачал головой. — Больше года ничего о ней не слышал. И знаешь что?

— Что? — эхом переспросил парень.

— Если Кейт не захочет, чтобы ты её нашёл, ни-

когда не найдёшь, — мужчина оскалился. — Хоть всю планету вверх дном переверни. Она умеет прятаться.

— Откуда ты, вообще, её знаешь? — решил сменить тему Джей. — И почему согласился помогать тогда, со мной?

— Отрабатывал старый должок, — нехотя ответил Марк. — Она спасла мою задницу, и я был должен. Теперь мы в расчёте.

— От чего спасла? — поинтересовался парень.

— Не твоё дело, щенок! — отрезал одноглазый.

— Ладно-ладно, — Джей примирительно поднял руки. Ему хотелось вытащить из Марка еще хоть что-нибудь про Кейт. — А ты не знаешь, как она стала…

— Только не вздумай произносить такие слова, — процедил Марк сквозь зубы. — Точно не знаю, — он откинулся на спинку стула. — Одно время ходили слухи об изнасиловании. Что, мол, на девушку в лесу наткнулся один из наших, когда учуял запах свежей крови… — мужчина ненадолго замолчал. — Не думаю, что это правда. Кейт никогда не рассказывала. Но если, действительно, всё было так, — Марк покачал головой, — то непонятно, как она осталась жива…

Джей не слушал. Он вспомнил. Всё вспомнил.

Загородный клуб, куда они с друзьями поехали отмечать получение дипломов… Джей взял с собой Кэтрин только потому, что кто-то из парней шепнул, будто она девственница. Кэтрин Гарсиа — тогда её звали так — второкурсница, почти год бегала за Джеем. Ничем не примечательная: слишком худая, с волосами мышиного цвета и бледным, будто обескровленным лицом, она никак не могла рассчитывать на внимание самого красивого парня в университете. Но Кэтрин оказалась настойчивой.

Джей порядочно набрался и начал приставать к девушке прямо в клубе, зажав её в углу огромного мягкого дивана. Кэтрин влепила ему пощёчину и убежала в лес. Парня это ещё больше завело, и он устремился за ней. Джей хорошо помнил, как нагнал девушку на лесной поляне, одним движением разорвал дешёвое платье и повалил её на землю. Кэтрин пыталась звать на помощь, но он зажал девушке рот. Она быстро затихла и перестала дёргаться, только зелёные глаза, полные боли и отчаяния смотрели на Джея.

Когда парень удовлетворил все потребности, девушка не шевелилась, только широко распахнутые глаза уставились в небо, к безучастным и далёким звёздам. В лунном свете Джей увидел

кровь на своих руках и на одежде Кэтрин. Он испугался и побежал в клуб. Оттуда вызвал такси и вернулся домой.

На следующий день парень ждал, что она вот-вот объявится и подаст в суд за изнасилование. Даже начал искать хорошего адвоката. Через несколько дней Джей решил сам пойти к девушке: извиниться — всё-таки совесть у парня была, и чувствовал он себя довольно мерзко. А если Кэтрин пошлёт его вместе с извинениями, как сделал бы Джей на её месте, то можно предложить денег. Лишь бы истории не дали огласку.

Но он не нашёл Кэтрин Гарсия ни дома, ни в университете. Прошёл месяц, потом другой, третий, а девушка так и не объявилась и повестка в суд тоже.

Парень вернулся к реальности, только когда Марк потряс его плечо. Попрощавшись с одноглазым, Джей пошёл в мотель. По дороге он старался ни о чём не думать. Только когда запер за собой дверь и сел на кровать, мысли обрушились на парня.

«Ничтожество! Трус! Трус! Чёртов трус! — ругал он себя. — Я должен был остаться с ней и помочь, а не бежать, как последний подонок. Теперь мы оба платим за мою ошибку…». Джей сжал кулаки

и со всей силы ударил по спинке кровати. «Кейт, почему ты не убила меня?!» — выкрикнул он. Но потом Джей понял, что смерть была бы слишком мягким наказанием.

«Да, ты права, Кэтрин, права. И твоя месть справедлива. Но я должен найти тебя. Перед тем как покончу с этой мерзкой жизнью, ты должна узнать, как я ненавижу себя за то, что сделал с тобой».

И Джей с удвоенной силой возобновил поиски. Теперь, зная, что Кейт не охотится на людей, он стал выбирать самые тихие и заброшенные места. Такие, где шансы встретить себе подобного близятся к нулю.

***

Кейт

Кейт прожила у фермеров почти три месяца. Своё отсутствие в полнолуние она оправдывала поездками в ближайший крупный город. Но супруги не задавали лишних вопросов и искренне радовались присутствию девушки в доме.

Однажды ночью Кейт поняла, что так больше не может продолжаться. Она слишком привязалась к супружеской паре. Фермеры незаметно стали для неё семьёй. Но у оборотня не может

быть семьи. Да, некоторые из них пытались организовать кланы… Ничем хорошим это, как правило, не заканчивалось. Иногда оборотни создавали пары. Но поскольку женщины среди детей луны встречались крайне редко, то и пары создавать было особо не с кем.

Кейт ушла ночью, не попрощавшись. Решила, что так им всем будет проще. Два дня девушка провела в лесу.

Приходя в себя после очередного полнолуния, она подумала, что жить в небольших городках или деревнях — хорошая тактика. Кейт давно знала, что оборотни предпочитают крупные города. Поэтому встретить себе подобного в глухой деревушке, где все жители друг друга знают, практически невозможно.

Так она и кочевала от одного богом забытого места к другому. Прошёл год, за который Кейт не встретила ни одного оборотня. Девушка немного расслабилась и позволила себе остаться на одном месте подольше. Три месяца она провела в маленьком городке на юге страны. Устроилась работать официанткой в баре. Народ здесь оказался мирным. Даже завсегдатаи сидели по углам и тихо потягивали напитки. Никаких приставаний, драк и всего того, что Кейт привыкла видеть

в заведениях больших городов.

Девушке нравилось это место. Она даже думала задержаться здесь еще на несколько месяцев. Но однажды в бар заглянул оборотень. Кейт сразу почуяла сородича. Этот запах ни с кем не перепутаешь.

Он занял дальний столик у окна. Девушка взяла меню, блокнот и подошла к незнакомцу. Молча положила меню на стол и очень тихо, так чтобы никто, кроме оборотня, не услышал, прошептала:

— Надеюсь, ты не собираешься задерживаться в этом городе.

— Не очень-то ты дружелюбна со своими… — начал говорить оборотень.

— Просто живу здесь уже несколько месяцев и не хочу проблем, — перебила Кейт.

— Ладно, понял, — он поднял руки вверх и улыбнулся. — Сегодня же вечером уберусь восвояси. Но можно вначале угостить тебя чем-нибудь и поболтать?

— Хорошо, моя смена заканчивается в девять, — нехотя ответила Кейт. Любезничать с оборотнем она не собиралась, но и отказывать без явных причин не стоило. В отношениях с сородичами всегда надо соблюдать нейтралитет. — Опреде-

лились с заказом?

Боб, как позже представился оборотень, сидел напротив Кейт и потягивал пиво. Он сказал, что заглянул сюда случайно по дороге в крупный город на побережье, и на территорию девушки не претендует. Они немного поболтали о новостях столицы. Впрочем, ничего действительно нового и интересного Кейт не услышала. Боб не упустил шанса предложить провести ночь вдвоём. Девушка мягко, но недвусмысленно отказала. Он только пожал плечами.

Оборотень поинтересовался, долго ли Кейт собирается жить в этой глуши. Она честно ответила, что еще несколько месяцев. Тогда Боб посоветовал не задерживаться слишком долго.

— Несколько лет назад я жил в одном городе почти восемь месяцев, — задумчиво проговорил он. — Потом тяжело срываться. Привыкаешь, расслабляешься, начинаешь терять бдительность… Зачем тебе лишние проблемы? Уезжай, пока слишком не привязалась к месту.

Они еще немного поболтали и разошлись. Боб сдержал обещание, и на следующий день его в городке не оказалось.

А Кейт всерьёз задумалась над тем, чтобы уехать. Но интуиция советовала остаться. Девуш-

ка чувствовала — что-то надвигается. И лучше встретить незваных гостей в немного обжитом и подготовленном доме, чем посреди леса.

«Как же я устала всё время бегать и бояться ножа в спину! — подумала Кейт, возвращаясь домой после вечерней смены. — Пусть лучше убьёт меня — хоть какая-то определённость. Но прежде хочу заглянуть в его глаза. Я должна знать, вспомнил Джей или нет. А если вспомнил — раскаивается ли… Почему думать о нём всегда так больно?! Неужели во мне недостаточно ненависти к ублюдку, по вине которого я стала чудовищем?!». Кейт хотелось выплюнуть эти слова в вечернюю тишину, но она сдержалась.

Давно, ещё будучи человеком, Кэтрин любила Джея. Любила так сильно, что готова была наплевать на гордость и чувство собственного достоинства. Потом, став оборотнем, она возненавидела парня и мечтала только об одном — отомстить.

Но и месть не принесла душе Кейт облегчения. Она потеряла смысл существования, за который цеплялась последние пять лет. И теперь не знала, за что цепляться дальше…

Кейт почуяла запах на крыльце. «Неужели Джей нашёл меня?» — пронеслось в голове де-

вушки, пока она одной рукой открывала дверь, а второй доставала метательный нож из-за пояса.

— Ну, здравствуй, Кэтрин Гарсиа, — донёсся из темноты знакомый голос. Голос, который она так хотела, но не могла забыть. — Далеко же тебя занесло.

— Ты вспомнил… — прошептала девушка и включила свет. Нож выпал из безвольно опущенных рук.

Джей сидел на стуле посередине маленькой гостиной. Кейт смотрела на него и не узнавала. Куда подевался весь напускной лоск и самоуверенность? Где кривая ухмылка — постоянный спутник парня? Он отрастил волосы, лицо осунулось и побледнело, будто Джей несколько ночей не спал, под глазами залегли тёмно-фиолетовые тени, взгляд серьёзный и печальный, а уголки губ опущены.

— Можно одну просьбу? — Кейт постаралась взять себя в руки. Джей кивнул. — Пожалуйста, убей меня быстро и безболезненно.

Он вскочил со стула так стремительно, что девушка даже вскрикнуть не успела. В следующее мгновение Джей оказался перед ней на коленях. Он схватил дрожащие руки Кейт и прижал их к груди.

— Убить?! — выкрикнул он. — О чём ты говоришь?! Это я должен умолять о смерти после того, что сделал с тобой, — Джей посмотрел в её глаза. — Я был ничтожеством! Трусом! Знаю, что такое простить нельзя, и даже не прошу простить… — он ненадолго замолчал. — Но, Кейт, хочу, чтобы ты знала: я пытался найти тебя и не нашёл… Зато нашёл сегодня… Знаю, что недостоин жизни, даже такой… Но я должен был найти тебя и всё сказать… — Джей умолк, обнял девушку за талию и уткнулся лицом в живот.

Она неуверенно провела рукой по его волосам. В душе и сердце Кейт всё встало с ног на голову. Девушка понимала, что должна ненавидеть его. Несколько лет она мечтала отомстить. Превратить его в чудовище, а затем убить. И вот, Джей стоит перед ней на коленях и буквально умоляет привести в исполнение смертный приговор, а она думает только о том, как же он чертовски красив…

Кейт верила, что парень раскаивается и испытывает боль, но могла ли она простить?

Девушка опустилась на колени. Так, чтобы их взгляды встретились.

— Джей, — тихо произнесла Кейт. — Для таких, как мы, нет места на Земле. Ошибка природы.

Не знаю, зачем она позволила существовать чудовищам…

— Ч-щ-щ, — парень приложил палец к её губам. — Если мы смогли найти друг друга, может, ещё не всё потеряно…

Кейт попыталась высвободиться из его объятий и встать. Девушке необходим был глоток свежего воздуха. Может, это вернёт ясность мыслей?

— Кэтрин, — Джей сжал её запястья. — Я люблю тебя. И надеюсь, что ты освободишь нас обоих.

Эти слова. Пять лет назад она готова была душу продать, чтобы их услышать. А сегодня?..

И сегодня слова клеймом прожгли сердце Кейт. Больше она не могла сопротивляться.

Девушка развязала кожаный шнурок, стягивавший волосы Джея, и запустила в них пальцы. Парень простонал что-то нечленораздельное, подхватил Кейт на руки и в три широких шага пересёк гостиную.

Эта ночь не была похожа ни на первую, ни на вторую их ночи, проведённые вместе. Оба старались быть предельно осторожными и нежными. Кейт подумала, что они нашли друг в друге если не любовь, то искупление. Но может ли это спасти их про́клятые души?

Засыпая в объятиях Джея, девушка вспом-

нила единственную пару оборотней, которую встретила за пять лет кочевой жизни. Оба были древними волками. Кейт чувствовала волны спокойствия и преданности, исходившие от них. Оборотни всегда были вместе, и слишком долгую жизнь прикрывали друг другу спину.

«Вот бы и у нас с Джеем получилось так же…». Девушка позволила себе дерзкую мечту.

Кейт разбудили первые солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь неплотно закрытые шторы. Она тихонько встала, чтобы не потревожить Джея, и пошла на кухню. Налила стакан апельсинового сока и поставила сковороду на плиту. Засыпала зёрна в кофемашину и достала яйца из холодильника. В этот момент девушка услышала шаги по ступенькам крыльца. Пять пар ног. «Охотники», — со стопроцентной уверенностью решила Кейт. Похоже, светлое безбедное будущее не их с Джеем удел.

Девушка знала, что есть ровно пятнадцать секунд до того, как они вышибут дверь и убьют их обоих. Или хуже. Возьмут в плен и выкачают всю кровь.

Она рванула в спальню, закатилась под кровать и дёрнула крышку люка. Кейт скользнула вниз, нащупала босыми ногами ступеньки и закрыла

люк изнутри. Будить Джея и всё объяснять времени не было. Оставалось лишь надеяться, что охотникам дано задание поймать их живыми. Тогда есть шанс спасти парня.

Подвал — скрытое оружие дома — Кейт нашла не сразу. А когда обнаружила убежище, перетаскала сюда небольшой запас вещей, еды и скудный арсенал. За годы кочевой жизни девушка научилась неплохо стрелять и метать ножи.

Она дёрнула рычаг, и подвал залил тусклый жёлтый свет. Кейт подбежала к стеллажу, достала и разложила на столе два револьвера и винтовку. Зарядила оружие, потом оделась, собрала волосы в пучок и заткнула за пояс пять метальных ножей.

Сверху не доносилось ни звука. Выстрелов Кейт тоже не слышала. Значит, парня взяли врасплох. Помимо оружия, на столе лежал ноутбук. Девушка включила его и запустила программу слежения за домом. Очередная предосторожность, сделанная, как выяснилось, не зря.

Джей сидел на стуле посреди гостиной. Голый и скованный цепями. Судя по всему, серебряными. Кейт горько усмехнулась. Будто это имело значение! Обернувшись, Джей порвал бы любой метал, а в человеческом обличье ему не под силу

разорвать цепи. Неважно, из серебра они или из железа.

Правый глаз парня заплыл, а на груди и торсе проступали синяки. Значит, он без боя не сдался. В комнате находилось еще двое. Один стоял за спиной оборотня с винтовкой в руках. Второй развалился на кровати.

«А где остальные?» — Кейт переключилась на камеру, установленную на кухне. Там было пусто. Ошибиться девушка не могла — у оборотней идеальный слух и скорость реакции, намного превышающая человеческую. Значит, трое пошли на поиски. Окно в спальне на ночь она всегда открывала. Охотники могли подумать, что Кейт сбежала через него и пустилась в лес. Девушка переключилась на наружные камеры, установленные в доме прежними хозяевами. Почти вплотную к двери припаркован чёрный джип. Один наверняка сидел в машине и следил за входом в дом. Камера во дворе показывала зелёную лужайку и скамейку. Никого. Значит, действовать надо быстро и бесшумно.

Кейт ещё раз просмотрела изображения всех камер и запомнила, где стоял охранник Джея. Она поднялась к люку, бесшумно отодвинула хорошо смазанную крышку, вынула оружие и за-

жала ножи в обеих руках. Девушка подтянулась и, стараясь не издать ни звука, распласталась под кроватью и медленно подползла к краю. Со скоростью, невозможной для человека, выкатилась из-под кровати, вскочила на ноги и бросила нож в охранника, стоявшего за спиной Джея. Он судорожно схватился за горло и упал на пол.

Второй нож полетел в парня, который, едва успев вскочить с кровати, снова повалился на неё. Кейт схватила винтовку, выпавшую из рук охранника, перекинула ремень через плечо и забросила оружие за спину.

Девушка пошарила в карманах невезучих охотников и нашла ключи. Быстро справилась с цепью, освободив Джея.

Он только покачал головой, осматривая истекавших кровью парней.

— Я подумал, что ты меня сдала, — прохрипел он, натягивая джинсы и футболку.

— Похоже, сдали нас обоих, — ответила Кейт, засовывая за пояс один револьвер. Второй и винтовку протянула парню. — Надеюсь, ты знаешь, как с этим обращаться?

Джей кивнул.

— Двое вылезли через окно, — подтвердил он догадку Кейт. — У тебя там что, бункер выко-

пан? — не выдержал парень.

— Всего лишь подвал. Достался вместе с домом, — девушка пожала плечами. — Как видишь, он пришёлся кстати.

— Неужели ты меня так встречать готовилась? — не унимался Джей.

— Нет, просто люблю чувствовать себя в безопасности, — она подошла к окну и осторожно отодвинула штору. На горизонте никого. — У входа припаркована машина. Думаю, один сидит в ней и караулит дверь. Что будем делать?

Джей предложил сыграть роль наживки. Убитых парней они быстро сбросили в подвал вместе с испачканным кровью покрывалом. Пятно на полу закрыли ковром. Одну винтовку и револьвер пришлось вернуть под кровать. Оборотень снова разделся и сел на стул. Кейт обмотала его запястья цепью и встала за дверью. Теперь оставалось прислушиваться к шагам и застать охотников врасплох.

— Знаешь, кто они такие? — тихо спросил парень.

— Охотники за головами, скорее всего, — прошептала она в ответ. — Не встречался с ними раньше? — он покачал головой. — Если есть чудовища, то должны быть и охотники, — Кейт

недобро усмехнулась. — Прикрываются благородными мотивами, а на самом деле наживаются на крови оборотней.

— Крови? — удивился Джей.

— Ты и об этом не знаешь? — в свою очередь, изумилась она. — Ох, Джей, тебе ещё так много предстоит узнать о тёмном мире…

Кейт вкратце объяснила ему парадокс. Слюна оборотня для человека смертельно опасна — либо убьёт, либо превратит в чудовище. А вот кровь детей луны способна излечивать практически все людские болезни и в целом продлевает человеку жизнь.

Существовал белый и чёрный рынок. Некоторые продавали свою кровь и неплохо на этом зарабатывали. А некоторые отчаянные или просто сумасшедшие люди пытались поймать оборотня и выкачать из него всё, что можно, бесплатно. Иногда им это даже удавалось…

— А теперь молчи и слушай, — прервала рассказ Кейт. — Чувствую, что охотники вот-вот вернутся.

Интуиция девушки не подвела. Вскоре они услышали топот двух пар ног по крыльцу.

— Готов? — прошептала Кейт.

Джей кивнул и немного опустил голову, будто

устал сидеть скованным.

Дверь широко распахнулась, и в комнату ввалились двое парней.

— Эй, а где Билли и Джим? — удивился один из них.

Кейт нажала спусковой крючок. Ещё двое охотников оказались на полу без признаков жизни. Тёмно-бордовая кровь растекалась по паркету. «Теперь этот дом пропитается кровью так, что и не отмоешь», — отрешённо подумала девушка, уставившись на распластанные тела. «Не отвлекайся! — приказала она себе, — Сейчас явится пятый».

И не ошиблась. В распахнутую дверь влетел еще один охотник. Он реагировал быстрее остальных и даже успел нацелить винтовку на Кейт и нажать спуск. Но вот с меткостью у парня оказалось плохо. Попал девушке в левое плечо. Она дёрнулась, но оружие не выронила, и следующий выстрел пробил охотнику череп.

Джей вскочил и подбежал к девушке. Она отбросила винтовку и зажала рану ладонью.

— Ты ранена, — тупо сказал он. — Давай перевяжу.

— Пустяки, — улыбнулась Кейт. — Выну пулю и зашью, а через неделю уже и шрама не видно

будет. А сейчас нет времени. Одевайся, возьмём их машину, уедем подальше и утопим её в каком-нибудь озере. Скоро здесь будут полицейские. Не хотелось бы с ними встречаться.

Джей кивнул и быстро оделся.

— Не прикасайся к их телам и постарайся не наступить в кровь, — посоветовала Кейт.

Она разорвала простынь на широкие полосы и перевязывала плечо. Джей склонился над ней, чтобы помочь затянуть концы импровизированных бинтов. На мгновение они оба перестали следить за дверью. И именно в это мгновение раздался низкий прокуренный голос.

— Эй вы, руки вверх! Или бошки продырявлю.

Джей медленно развернулся и поднял руки. Кейт не стала вставать с кровати и подняла только правую руку.

— Так, ты, урод, садись на стул! — скомандовал охотник.

Оборотень подчинился и сел.

— Теперь ты, подстреленная, — продолжил мужчина. — Подойди к своему дружку и хорошенько примотай его к стулу. Да смотри мне, без фокусов! Одно лишнее движения — и вы оба трупы.

Кейт встала и подошла к Джею. Она осторожно

обмотала его руки и грудь цепью, демонстративно щёлкнув, повесила замок и незаметно вложила в ладонь парня ключ.

— Давай сюда ключ, — приказал охотник. Он был невысокого роста, седеющий и с заметным брюшком. «Давно пора на пенсию, а ты всё туда же», — с раздражением подумала Кейт и протянула мужчине ключ от люка в подвал. По размерам он походил на замочный. — Умница! — съязвил охотник. — Теперь медленно подойди ко мне.

Девушка подошла, и охотник нацепил на её запястья наручники.

— Ложись на кровать, — на его лице расплылась мерзкая улыбка. — За то, что вы убили всех парней, будешь ублажать мою плоть. А твой дружок пусть наблюдает. А потом я его пристрелю. А потом выкачаю из вас столько поганой крови, что весь остаток жизни не буду ни в чём нуждаться! И не вздумай укусить меня! — мужик погрозил кулаком. — А не то башку снесу! Поняла?

Кейт кивнула и послушно легла на кровать. Она притворилась напуганной, а сама боковым зрением следила, как Джей аккуратно открыл замок и старался бесшумно распутать цепь.

Охотник немного повозился с ремнём и стянул с девушки джинсы и трусики. Потом расстегнул

брюки и вынул сморщенное достоинство. В этот момент серебряная цепь обвилась вокруг его горла. Джей стянул её так туго, что мужик даже выругаться не успел, только судорожно пытался хватать ртом воздух. Через несколько секунд он перестал дёргаться и обмяк.

— Что так долго?! — с наигранным упрёком спросила Кейт, поспешно натягивая трусики и джинсы.

На самом деле девушку начинало трясти и к горлу подкатывали рыдания. Джей отбросил тело охотника и сжал её ладонь.

— Всё кончилось, слышишь, — парень смотрел в её глаза, стараясь ободрить. — Всё будет хорошо. А теперь давай уберёмся отсюда.

Она кивнула. Джей подхватил оружие, принадлежавшее Кейт, и цепь, так как на ней было полно его отпечатков. Они сели в машину. Кто-то из охотников заботливо оставил ключ в замке зажигания. Джей повернул его, выехал на дорогу и помчался прочь от тихого уютного городка, оказавшегося ловушкой для обоих оборотней.

По щекам Кейт потекли слёзы.

— Эй, всё будет хорошо, ты в безопасности, — он бережно провёл ладонью по лицу девушки, стирая влагу.

— Ты не понимаешь, — медленно проговорила она. — Мне никогда не приходилось намеренно убивать людей. Даже в полнолуния ухожу в лес так далеко, чтобы никого не встретить… А сейчас… — она закрыла глаза. Плечи тряслись от беззвучных рыданий.

— Послушай, ты защищала наши жизни, — Джей сжал её ладонь. — И эти люди гораздо хуже даже таких чудовищ, как мы.

— А как ты меня нашёл? — спросила Кейт, чтобы отвлечься от кровавых картин, которые возникал перед глазами, когда она опускала веки.

— Совершенно случайно, — парень усмехнулся. — Я искал тебя в крупных городах, потом в тихих, полуживых местечках, но нигде не находил даже следа. А недавно меня занесло на побережье. Там я встретил парня, назвавшего себя Боб. Мы разговорились за бутылочкой бурбона, и он упомянул, что встречал девушку по имени Кейт. Сказал, что ты отшельница и живёшь неподалёку, но вроде скоро собираешься переселяться. Господи, я готов был расцеловать этого Боба! — Джей демонстративно закатил глаза. — Выпытал у парня всё, что он знал, взял машину напрокат и рванул сюда. Остальное ты знаешь.

— Значит, Боб нас и сдал, — резюмировала Кейт. — Думаю, охотники следили за тобой. Потом выждали удобный момент и напали. Вот скотина! Убью, если встречу, — девушку снова затрясло.

Джей ничего не ответил, только положил руку поверх её ладони и сосредоточился на дороге.

Где-то через полчаса он съехал с трассы, остановил машину и заглушил мотор.

— Что ты делаешь? — Кейт открыла глаза.

Вместо ответа парень вышел из джипа, подошёл к пассажирской двери и открыл её. Потом взял девушку на руки и отошёл от машины на четверть мили.

Джей осторожно поставил Кейт на землю, взял её прохладные ладони в свои и опустился на колени.

— Кэтрин Гарсия, — он произнёс её давно забытое имя так, что девушке стало трудно дышать. — Я люблю тебя и прошу разделить со мной длинный или короткий путь, быть рядом в горести и в радости. Обещаю всегда прикрывать твою спину, — карие глаза Джея смотрели серьёзно и искренне. — Хочешь ли ты навсегда связать наши жизни? — парень ждал ответа, который изменит их судьбы.

— Джефферсон Хаксли, — медленно проговорила Кейт, — я согласна прикрывать твою спину. Только не слишком уж часто подставляй её опасности, — она хотела звучать саркастично, но голос предательски дрогнул.

Джей выпрямился, подхватил её на руки и поцеловал. Кейт потеряла ощущение реальности. Странное чувство, будто невидимая нить протянулась между ними, прочно связав сердца и души. «Клятва верности», — промелькнула где-то на задворках сознания мысль. И может её дерзкая мечта обрести любовь в про́клятом тёмном мире не так уж и несбыточна?

Милена Майн, Ксения Протос
Достойная награда

Все время было темно. Но темнота нисколько не пугала его — он сам был ее частью, ее порождением. Гораздо хуже была тишина. Час за часом, день за днем он не слышал ничего, кроме собственного дыхания и стука своего сердца.

Раз в день за дверью раздавался звук шагов его тюремщика, слышался скрежет отворяемого оконца и на полу появлялся щербатый деревянный поднос с миской какой-нибудь дряни вроде плохо проваренной каши и кувшином воды. Ровно столько, что бы он не умер от голода и жажды. В первые дни он с озлобленным рыком швырял миску прочь и выкрикивал оскорбления своим надзирателям, но то время давно прошло. Теперь он жадно съедал все до последней крошки и, урча, вылизывал посудину дочиста.

Сколько минуло времени с тех пор, как его приволокли сюда, едва живого от тяжелой раны, с ног до головы закованного в цепи? Этого он уже не мог даже предположить. Когда-то он ещё чертил когтями линии на стенах, отмечая, по его

предположениям, прошедшие сутки. Но в этом каменном мешке не было ни единого оконца, что позволило бы увидеть хоть луч солнца и определить, день сейчас или ночь. Минули ли годы или века? Да это было уже неважно, совершенно неважно. Он спал, когда хотелось спать, и бодрствовал, когда спать не хотелось.

Когда-то очень давно, в самом начале его заключения, к нему еще приходил лекарь в сопровождении целой толпы стражников. Точно бешенного зверя, его приковывали цепями к скобам на стенах, что бы обработать рану, и вновь освобождали, прежде чем уйти. Она заживала мучительно медленно, серебро жгло хуже яда… Но со временем он все же поправился. После этого перестал появляться и лекарь.

Когда-то он в бессильной ярости рвал когтями мореный дуб единственной двери своей темницы… Теперь же делал это лишь для того, что бы не дать когтям слишком отрасти и затупиться. Когда-то он ещё мечтал разорвать ими глотки своих пленителей, но теперь исчезло даже это желание. Впрочем, кроме мечты хоть раз наесться досыта, иных у него не осталось.

Его некогда серебристо-белые волосы отрасли так, что волочились следом за ним по полу

грязными спутанными серыми космами. Они мешались, часто попадали в ту зловонную дыру в дальнем углу, куда полагалось справлять природную нужду, но, по крайней мере, не давали ему так уж сильно мерзнуть во сне.

Все это походило на бесконечный сон, от которого он никак не мог проснуться. Единственной радостью, что он испытывал и ждал с нетерпением, были ЕЁ короткие визиты. И пусть шаги ЕЁ были легки и неслышны, и она лишь молча стояла по ту сторону двери, он все же знал о ее присутствии. Ее запах, запах ночи и луноцветов, заставлял его беспокойно прижиматься к двери и тревожно прислушиваться и принюхиваться, с ужасом ожидая, когда она вновь уйдет. Прежде он окликал ее по имени, но она никогда не отзывалась. Теперь он не делал и этого — лишь стоял, молча прижимаясь щекой к истерзанному когтями дереву и пытаясь уловить тихий отзвук ритма ее сердца.

Когда-то его звали Гриффисом Ш'Каадом, Чёрным Маршалом, почти сумевшим огнем и мечом повергнуть Миреттскую Империю в прах и стереть род людской с лица земли, возвращая эльфам их исконную власть. Когда-то он был воплощенным ужасом четырёх королевств, а

ныне лишь безымянным узником самой дальней камеры в подвалах Лидеона.

***

Вдруг его привычная тишина оказалась нарушена грохотом чьих-то шагов. Дверь камеры с натужным скрежетом распахнулась настежь, а по глазам росчерком клинка резанул свет факелов. В страхе шарахнувшись прочь, налетев спиной на стену, Гриффис заслонил лицо руками. Напасть на стражников, попытаться прорваться сквозь их ряды в коридор, навстречу к свободе? Подобные мысли даже не возникли в его голове, он лишь желал, что бы эта шумно дышащая, гремящая кольчугами, оглушительно переговаривающаяся толпа убралась восвояси и унесла с собой этот проклятый факел. Он, верно, закричал бы от ужаса, когда его, точно медведя-шатуна, прижали за шею к стене железной рогатиной и принялись заковывать в кандалы, да только язык давно разучился воспроизводить звуки. Потом узнику завязали глаза и поволокли прочь из камеры. Он пытался противиться; ломая когти, обдирая пальцы до крови, цеплялся за дверные проемы, вырывался, всем существом мечтая вернуться в привычное безмолвие и темноту своего

узилища. Но некогда могучие мышцы одрябли за долгие годы бездействия, и более не позволяли оборотню раскидывать врагов, как щепки. Свет резал глаза даже сквозь ткань повязки, а чужие прикосновения жгли, точно пламя. Дрожа, как напуганный до смерти ребенок, Гриффис уже не сопротивлялся, когда кто-то аккуратно остриг его сальную гриву до приемлемой длины. Голос пробудился в нем лишь тогда, когда его с головой окунули в бадью и принялись отмывать. Он орал, брыкался, и один раз даже сумел вырваться из рук слуг… что бы едва не захлебнуться в мыльной воде.

Потом была мешающая, давно позабытая, непривычно пахнущая чистотой одежда. И снова цепи, снова коридоры. Затем его все же перестали куда-то волочь и на время оставили в покое. Гриффис тревожно принюхался, чуя кругом запахи множества незнакомых людей… И ОНА тоже была здесь. А еще кругом была пустота, а привычные, надежные стены были где-то далеко — пусть он не мог видеть этого, но чувствовал остро, до дрожи, до крика. Звеня волочащимися следом цепями, он слепо рванулся прочь, пока наконец не забился в угол и сжался там в комок. От этой беспокойной возни повязка чуть сползла на его

впалые щеки, и ударивший в глаза слепящий свет вырвал из горла оборотня раскатистый рык.

— Я охотно верю вам, госпожа, что он когда-то был великим воином и полководцем. Однако же, боюсь, теперь толку от него будет не больше, чем от любого другого животного. — Раздался рядом полный презрения голос, а чья-то сильная рука до предела натянула цепь ошейника, заставив Гриффиса рухнуть на пол и захрипеть от недостатка воздуха. — Может, распорядитесь отправить его в зверинец, госпожа Кельда?

В глубине души злоба мгновенно вспыхнула злоба, порождённая не то агонией собственной гордости, не то тем фактом, что с ним, Чёрным Маршалом, кто-то смеет так обращаться при НЕЙ. Резко перехватив цепь руками, он рванул её на себя. Едва почувствовав, что это действие заставило его мечителя немного потерять равновесие, оборотень вслепую, на звук, нанёс удар по ногам. Судя по грохоту падения и последовавшей за ним приглушённой ругани — вполне успешно.

— Вот видите, дорогой мой Орлем, кое-на что он еще всё-таки годен, — Голос незнакомой женщины казался насмешливым и вполне довольным. — Наша гостья не ошиблась, предложив такого кандидата. Освободите его.

— Но он же…

— Выполняйте приказ. Он ничего нам не сделает.

Столь хорошо знакомые слуху шаги как никогда сильно за все эти бесконечные годы вдруг приблизились к нему, наполнив окружающее пространство запахом луноцветов и тёплого воздуха летней ночи. Тонкие пальцы мягко, но властно коснулись подбородка оборотня, заставив его поднять голову. Ошейник ослабил хватку, и наконец исчез вовсе.

— Ну здравствуй, Гриффис.

— Закройте шторы! — Голос второй, незнакомой женщины.

Раздался топот нескольких пар ног — дворцовая челядь спешно бросилась выполнять распоряжения. Тяжелые шторы плотно занавесили окна, и тронный зал окутала тьма, столь благословенная для отвыкшего от света взгляда. Почувствовав это, Гриффис перестал рычать и нетвёрдой рукой сдвинул с лица повязку. Зеленые кошачьи глаза настороженно вперились в лицо стоящей рядом женщины. Вертикальные зрачки расширились и округлились, испуганный зверь во взгляде исчез, уступив место медленно осознающему происходящее дроу. Рот чуть приоткрылся, как

у выброшенной на берег рыбы, точно он что-то хотел сказать, но забыл, как это делается.

Мысли и слова медленно ворочались в его голове, будто старый мельничный жернов. Гриффис смутно вспомнил, что говорить — это совсем несложное дело, однако на все отчаянные попытки произнести хоть что-то язык его оставался нем.

Взгляд его приковала к себе ОНА. Единственная дровийка среди стаи ненавистных людей. Она давно убрала руку, а он всё смотрел и смотрел в её бледное, точно вырезанное из серого мрамора лицо в обрамлении иссиня-чёрных волос. Её оранжевые глаза производили почти гипнотический эффект, не давая ни малейшего шанса отвести взгляд прочь. Ничуть не изменилась за прошедшие годы. Годы?

— Де… Дерейла. Сколь. ко…? Сколько…? — Едва слышно выдавил из себя Гриффис. Дыхание его срывалось, легкие горели, непослушные, позабывшие о хоть сколько-нибудь длительной ходьбе ноги подкашивались от усталости.

— Сколько времени прошло? — Догадалась она. — Мне придётся рассказать тебе очень многое. Оставите нас наедине?

Та, вторая, человеческая женщина, что от-

давала приказы, милостиво кивнула и первой направилась к выходу. Вся свита, включая настороженно косящуюся на оборотня стражу, спешно удалилась вслед за своей повелительницей.

***

— Присядь пожалуйста, мне придётся многое тебе рассказать.

«Ты выглядишь так, как будто вот-вот свалишься на пол», — Читалось на её лице.

Не видя причин для возражений, Гриффис пододвинул к себе ближайший стул и с облегчением вытянул ноги перед собой. Дерейла подала ему кувшин с водой и терпеливо дождалась, пока он жадно напьётся до конца.

— С тех пор, как и-за ошибки принца Тресшета твой отряд попал в окружение и был взят в плен, прошло почти тридцать лет.

Маршала словно огрели по голове боевым молотом, заставив в невольном недоверии вскинуть горящие зелёные глаза на собеседницу. Тридцать лет! Немалый срок даже для них, тёмных эльфов, и целая жизнь для иных людей.

— Трес не ошибался ни в чём, — Медленно и хрипло выдавил он с кривой усмешкой. Голос понемногу начал возвращаться к нему. — Он

меня подставил, и тем самым занял второе место в очереди на престол Теш-Роса. А что с Шаадией, она жива?

— Закономерный вопрос, если исходить из твоих предыдущих высказываний, — Бледно улыбнулась дровийка. — Твоя старшая сестра жива и здорова, как и мать.

— И обе плевать на меня хотели, раз дали столько времени гнить здесь, — Оскалился Гриффис. — Оборотень в роду всегда был им как бельмо на глазу.

— Никто пока не желает новой войны между людьми и дроу, поэтому вытащить тебя силой не представилось возможным. Но они выбили для меня место дипломата при лидеонском дворе, как только обстановка немного улеглась. И велели приглядывать за тобой. — Покачала головой Дерейла. Как понимаешь, это было не так просто — подданые империи не очень-то жалуют некромантов.

«А заодно сплавили с глаз долой мою ближайшую подручную и неудобную кандидатку в невесты», — Зло подсказал внутренний голос. — «Наверняка надеялись, что местные святоши просто отправят тебя на костёр за пособничество тёмным силам. Ты же сама это всё понимаешь,

так зачем оправдываешь мою демонову родню?».

— Всё это время я искала для тебя лазейку для освобождения, и наконец-то нашла. — Чуть склонив голову вперёд, тихо продолжила некромантка. Расценив его молчание как согласие слушать, она продолжила:

— Старик-император Амадео Второй недавно почил, на престол должна взойти его дочь, её Светлость Кельда Миреттская.

Гриффис поморщился от всех этих помпезных титулов, как от зубной боли.

— Будь добра, оставь эти пафосные подробности для придворных павлинов, — Попросил он. — Ты же знаешь, я по сути дела всегда был лишь солдатом. Месил грязь по дорогам и спал в казармах, как и все. Тебе ли не знать — ты всё это прошла со мной до тех пор, пока кто-то в Теш-Росе не решил списать нас со счетов.

— Знаю, — Вздохнула Дерейла, накрывая его исхудавшую руку своей маленькой ладошкой. — Позволишь продолжить?

Он кивнул, и некромантка снова пустилась в объяснения:

— По традициям Империи, незамужняя женщина не может взойти на престол, но вот среди

очереди принцев на белых конях большой любви для юной правительницы так и не нашлось. А потому был объявлен турнир за руку и сердце Кельды.

— Отлично. А я тут причём? — Приподнял белую бровь Маршал.

— Я предложила тебя на роль её защитника. Тот, кто одолеет тебя в поединке через неделю, будет править Империей.

Оборотень издевательски расхохотался:

— А ты точно хочешь меня выручить, а не угробить окончательно? Хотя, признаюсь, смерть является совсем недурной альтернативой моей нынешней жизни.

Дерейла резко повернула к нему голову. В её взгляде плескалась непередаваемая буря обиды и затаённой надежды:

— Я не верю, что хоть один человек сможет победить Чёрного Маршала в честном бою. Даже в твоём нынешнем состоянии.

Его захлестнула волна стыда и горечи. Он и сам давно не верил в себя так, как верила беззаветно прождавшая все эти годы женщина. Жалкая измождённая тень себя самого — вот кем он стал теперь.

— Даже если я одержу победу над всеми, что

тогда? — Тихо спросил оборотень.

— Тогда императором станешь ты. Ты же принц крови, и имеешь на то полное право. Просто ответила некромантка, вызвав у Гриффиса новый приступ хохота.

— В жизни не слышал ничего более глупого. Кому только в голову пришло так по-идиотски разыгрывать главный титул целой империи и предоставлять такой шанс злейшему её врагу? Тебя точно не обманули?

— Я не обещала, что это будет просто. А кроме того, все твои соперники будут магами.

«Они пошли на этот фарс только потому, что ни на секунду не верят, будто такой высохший скелет, как я, еще способен дать кому-то настоящий бой. — Его смех резко оборвался, сменившись злой решимостью. — Это должно быть просо представление для знати с весьма предсказуемым концом. Даже если выиграю, меня просто убьют. Впрочем, чем это не освобождение? В меня всё это время верила ты, и за это стоит сразиться».

***

Местом для испытания был выбран большой крытый манеж для верховой езды. Наскоро построенные трибуны не могли вместить всех

желающих поглазеть на невиданное зрелище: поединок лучших представителей знати и злого героя страшных сказок, внезапно объявившегося из небытия. Полумрак и теснота крытой арены не смущали никого — любопытство пересиливало все неудобства.

Хмуря белесые брови, Гриффис, в свою очередь, разглядывал зрителей. Неутихающий гомон голосов и множество устремленных на него взглядов раздражали и выбивали из колеи. Но вот что было любопытно: на лицах собравшихся он не видел ненависти. Человеческая память слишком коротка, и новое поколение кругщоухих уже успело позабыло о тех ужасах, что принес дома их отцов и дедов Черный Маршал.

Вскинув голову, Гриффис заметил лоджию императрицы над противоположным краем импровизированной арены. Но на Кельду ему было плевать. Дерейла тоже была там — как всегда ослепительно прекрасная и далекая, точно луна в ночном небе.

Маршал вскинул правую руку с намотанным на неё алым платком — знаком защитника принцессы, который требовалось отобрать у него кандидатам в её мужья. Трибуны залились восторженным рёвом.

Потом появился и его первый противник. Без кольчуги и доспехов, вооруженный одной лишь шпагой. Молодой человек лет двадцати пятидвадцати семи сверкал белозубой улыбкой на холеном смазливом лице и без конца поправлял то свои длинные завитые каштановые кудри, то излишне пышные для боя, богато расшитые одежды. И если бы он время от времени не забывал посылать девушкам воздушные поцелуи, то Гриффис бы всерьез уверился к его принадлежности к рядам мужеложцев.

Сам тёмный рыцарь на сей раз так же решил отказаться от тяжёлых доспехов. Распорядитель турнира настаивал на том, чтобы Маршал предстал перед зрителями в своих легендарных чёрных латах, но тот, не стесняясь в выражениях, послал его куда подальше. Да, они были привычны ему, но Гриффис не чувствовал уверенности в том, что ему достанет сил выдержать их вес в нескольких поединках… как, прочем, и долгое фехтование вообще. Даже оборотню не дано за неделю вернуть утерянную за несколько десятилетий силу… И уж тем более позабытые без тренировок навыки. Немного нервно ощупывая пальцами рукояти бастарда и нескольких метательных кинжалов на поясе, Маршал на-

стороженно разглядывал противника: хоть он и казался расфуфыренным павлином, но должна была быть причина, по которой он стоял на этой арене и звался одним из лучших.

Когда герольд после долгого перечисления титулов и заслуг «павлина» наконец объявил начало поединка, Гриффис по привычке предоставил противнику первым выложить свои карты и атаковать. Это едва не стало его просчётом: лишь рефлекторно вскинув клинок, он уберёг себя от полетевшего в него ледяного шара. Глядя, как лезвие бастарда быстро обрастает изморозью, Маршал медленно моргнул. Отлично, Дерейла не ошиблась. Ледяной маг, значит…

Мысли метались стаей перепуганных крыс, но казалось бы забытые рефлексы сработали безотказно. Тело действовало само по себе, будто хорошо отлаженный, хоть и слишком долго простоявший без дела, гномий механизм. Оборотень несколько раз ловко перескочил через раскинувшиеся по манежу коварные ледяные дорожки, увернулся от пролетающих мимо ледяных копий… Что бы в конце концов грубо и без изысков заехать «павлину» бронированным локтем в холёное лицо и отправить на отдых ударом навершия меча по голове.

Тяжело дыша и осматриваясь по сторонам, Гриффис внезапно понял, что весь их бой занял не более пары минут. Тело ныло от непривычных нагрузок, но победа не досталась ему таким уж большим трудом. На лице Кельды проступила тень страха: её уверенность в непременном проигрыше тёмного чудовища из старых сказаний заметно пошатнулась. Знать на трибунах перешёптывалась, тревожно глядя на него. Цирковое представление понемногу стало перетекать в драму.

Слегка опьяненный злым азартом, Чёрный Маршал уже дождался второго соперника. Положенного времени на передышку ему не дали, этого и следовало ожидать.

Вышедший на песок арены молодой человек был уже гораздо осторожнее, и не стал с ходу раскрывать свои карты. Умудрённый недавним опытом поединка с криомантом, Гриффис тоже не рвался в атаку первым. Держась друг от друга на почтительном расстоянии, мужчины двинулись по широкой дуге, ни на миг не отводя от врага настороженных взглядов. Только вот у человека в этих затянувшихся гляделках было несомненное преимущество — он был полон сил. Тёмный эльф же понемногу начал ощущать, как

снова начинают гореть усталые лёгкие и просят об отдыхе немеющие колени.

Он не мог видеть, как что-то шепчет под нос придворный маг, сидящий по правую руку от принцессы. Но Дерейла была настороже, она ожидала чего-то подобного. Дротик с медленно действующим ядом слишком бы бросился в глаза, вызвав бы гнев у черни, а портить представление организаторам этого фарса явно не хотелось. Оставались проклятия. А уж проклятия были стихией некромантки. Она ворвалась в чужое плетение, коверкая и разрушая его. Ещё один безмолвный, незримый посторонним взглядам бой развернулся в королевской лоджии между двумя чародеями.

В глазах у Маршала поплыло и он зашатался, отчаянным усилием воли заставляя себя стоять прямо. Его противник не упустил своего шанса, ринувшись вперёд с клинком наголо. Не один, двое, трое, совершенно одинаковых… Доплеры? Гриффис крутанулся вокруг своей оси, мутным взглядом пытаясь определить того единственного из молодых людей, кто был его истинной целью. Притупившаяся реакция подвела его, правый бок обожгло болью. Воздух наполнил металлический запах крови. Пошатнувшись

сильнее, чем прежде, Чёрный Маршал с рыком зажал рукой рану. Серебро, конечно же серебро. Охотник прекрасно знал, на какого зверя идёт. Вот только раненный и загнанный в угол зверь становится в разы опаснее!

В голове внезапно прояснилось — где-то над его головой Дерейла выиграла свой поединок. Втянув воздух ноздрями, оборотень криво усмехнулся, неуклюже перехватив свой полуторный меч одной рукой. Банда доплерв вновь бросилась на него со всех сторон, на сей раз надеясь добить, уничтожить… Вот только острие бастарда быстро и безошибочно уткнулось в шею пытающегося зайти со спины к рыцарю единственного обладающего запахом оригинала!

Молодой человек отбросил своё оружие в сторону, признавая поражение и прося пощады. Гриффис движением головы велел ему убираться с глаз долой. С трибун засвистели, заулулюкали.

Бывший маршал поднял разочарованный, почти оскорблённый взгляд на откровенно побледневшую наследницу престола:

— Если это цвет людской нации, то я — троллья принцесса. Что с вами стало, люди? Вы измельчали и стали ещё более жалки, чем были!

Теперь его снова ненавидели. В этом было опре-

делённое удовольствие.

— Закрой свою поганую пасть, тёмная тварь! — На песок арены ступил новый претендент в отполированных до зеркального блеска доспехах. — Настало время положить этому конец!

Гриффис сверил очередного противника взглядом, полным усталости и раздражения. В ответ на бахвальство сияющего рыцаря тонкие губы Маршала тронул звериный оскал, искажённый болью и усталостью.

О да, предыдущие поединки, какими короткими бы они не были, утомили его до дрожи в ослабевшем за годы заключения теле. Часть его малодушно просила пощады и возвращения во мрак темницы. Но Дерейла слишком хорошо знала душу своего бывшего возлюбленного, что бы понимать: что бы ни случилось, как бы не обстояли дела, он будет биться до тех пор, пока раны или усталость не свалят его с ног. Как бы то ни было, единственное, что он мог и хотел сделать — это просто остаться в живых.

Глядя на приближающегося человека, Маршал глубоко вздохнул и тихо окликнул дух живущего в его плоти и разуме зверя. Он неотступно был рядом все эти годы, однако слишком давно Гриффис призывал его в последний раз намеренно.

И хищник откликнулся. Утомленный долгим ожиданием, изголодавшийся по крови и битвам, он упругой волной чистой первозданной силы пробежал по усталым мышцам и тихим рыком возвестил о своем появлении. Это была лишь частичная трансформация, почти незаметная неопытному глазу. Ставшие вертикальными зрачки, да кошачья плавность движений, вот и все, что можно было углядеть в этот миг, но главное — усталость на время метнулась прочь испуганной мышиной тенью.

Венценосный красавчик все еще нес какую-то чушь про ничтожество поверженного полководца, когда оборотень размытой черно-белой тенью возник рядом с ним, занося над головой клинок. Удар был неизбежен. Казалось: вот-вот, и златовласая голова покатится по песку манежа, нелепо пяля вникуда слепой взгляд. Но сталь застонала и заскрежетала, внезапно встретившись с камнем. Покрытая сверкающими кристаллами гранитная длань земляного элементаля даже не дрогнула от удара, в который оборотень вложил всю свою звериную мощь.

Удивленный, но не ошарашенный, Гриффис отскочил прочь. Маг. Опять маг! Его уже начинало тошнить от одного только этого слова.

Красавчик уже не улыбался, а на его гладком ухоженном лице проступила испарина страха. Лишь лукавая и мимолетная усмешка фортуны только что уберегла его от холодных обьятий смерти, и тёмный рыцарь понял это куда как более отчетливо. Но вот весы качнулись, и теперь уже оборотень вынужден был спасать свою жизнь, затравленным зверем метясь по арене.

Не раз и не два бастард находил свою цель, безустанно пытаясь впиться в тело каменного монстра. Но всякий раз на взрытый песок сыпались лишь искры да осколки кристаллов.

Гриффис ни на миг не задерживался на одном месте в ожидании, что колдовские корни обовьют его ноги и сделают легкой добычей элементаля. Но вместо этого мимо его головы просвистело каменное копье, возвестив о том, что красавчику надоело быть просто зрителем в этой битве.

В бесконечной круговерти блоков и уворотов Гриффис чувствовал, как бешено бьется в груди сердце и как капля за каплей стекает по спине горячий липкий пот вперемешку с кровью. Раньше, если бы они встретились в бою раньше! Но Маршал был в отчаянном положении, и с каждой секундой чувствовал это все острее. Нужно было кончать с этим, и кончать как можно быстрее.

Куда более явная трансформация охватила тело, искажая облик, переплетая черты эльфа и зверя.

Взгляд Гриффиса упал на переплетение ледяных дорожек в дальнем конце манежа, оставшихся после поединка с первым его противником. Кажется, земля промерзла достаточно сильно, что бы попытаться воплотить в жизнь возникшую у него идею.

Продолжая пятиться и избегать прямого боя, оборотень теперь уже целенаправленно начал отступать к ледовому полю, стараясь держать элементаля между собой и магом. Замерзшая вода затрещала под шагами твари, пошла трещинами, однако выдержала чудовищный вес и заставила заскользить ее плоские кристальные ступни. Гриффис, оскальзываясь и едва не теряя равновесие затормозил… и, проскочив прямо под занесенной для удара каменной лапищей, оказался за спиной элементаля. Изо всех сил наваливались на не успевшую выпрямиться после замаха тварь, оборотень все же сумел заставить ее окончательно потерять равновесие и рухнуть наземь.

Угодивший рукоятью в лоб метательный кинжал заставил оборвать красавчика новое заклинание на полуслове. По холеному лицу от

разбитой переносицы потекла кровь, и Гриффис не мог не признать, что зрелище это изрядно согрело его душу.

И пусть златовласый маг очень быстро пришел в себя, момент для дальней атаки уже был безнадежно упущен. Одноручный меч встретился с бастардом, и дал ему хоть и серьезный, но недолгий отпор.

Уже знаковый кое-кому из зрителей прием с ударом кулаком в висок поверг благородного господина на землю. Отшвырнув выпавший из руки противника меч далеко в сторону, Гриффис упер острие ублюдочного клинка в грудь мага. От искаженного гримасой страха лица его насквозь пробрало отвращение.

— Пощады… — Одними губами произнес красавчик.

Желание добить его было почти невыносимым, и под острием бастарда на богатых одеждах уже проступили первые алые капли. Стоит лишь надавить чуть сильнее и…

— Убирайся с глаз долой, пока я не передумал. Боги мои свидетели, соблазн очень велик.

С презрением глядя, как измазанный в песке человек ползком отползает прочь, Гриффис поднял усталый взгляд на лоджию:

— Еще желающие будут, или я наконец показался достаточно убедительным? — Прозвучал его хриплый, искажённый рычанием голос.

В глубине души оборотень очень сильно надеялся, что его худое осунувшееся лицо не выдает его прискорбного состояния, весьма близкого к обморочному. Внешний вид его понемногу стал возвращаться к истинному, эльфийскому, стирая искажённые черты.

Вместо ответа Кельда вскинула руку вверх. Откликнувшись на её приказ, отряд стрелков из императорской охраны наставил на него взведённые арбалеты. Игры в честный поединок закончились.

«Конечно, разве могло это закончиться иначе?»

Маршал выпрямил спину, и, вонзив острие меча в песок арены, сложил руки на гарду. Гордо вскинув голову, он приготовился встретить свою смерть.

— Нет! — Толкая фигурка метнулась к нему, в несколько прыжков преодолев разделяющее их расстояние.

Дерейла прижалась к оборотню, нимало не думая о том, что марает его кровью своё дорогое платье, безнадёжно стараясь заслонить Гриф-

фиса собой.

— Вы называете нас тёмными тварями, бесчестными порождениями мрака! — Выкрикнула дровийка, в отчаянии глядя вверх, на ложу принцессы. — Но кто из нас в этой ситуации бесчестен?

Выкрики зрителей с трибун усилились, и не без горького торжества некромантка осознала, что на сей раз их поддержка на стороне Чёрного Маршала. Взгляд Кельды метался от пары тёмных эльфов на арене к беснующимся подданным.

— Мы все понимаем, что я не могу удовлетворить претензий дроу на престол Миретты, — Произнесла она, стараясь сохранить последнюю видимость собственного достоинства.

— Кажется, вы забыли об одной маленькой детали, — Подал голос Гриффис. — Мне не нужна ни Миретта, ни тем более вы, принцесса. Я давно уже получил свой приз.

С этими словами Чёрный Маршал, продемонстрировал императорской лоджии свою спину, удаляющуюся к выходу. На миг растерявшись, Дерейла поспешила вслед за ним, подхватив пошатывающегося мужчину под руку. Он обязательно поправится, как поправлялся раньше после более тяжёлых ран. Вот только будет ли у

него такая возможность?

— Пусть уходят, — Вздохнула Кельда, провожая взглядом остроухую парочку.

— Он ведь вернётся госпожа, вернётся с новым войском. Дроу хитрые и злопамятные твари, он так не оставит собственного унижения, — Попытался воззвать к её разуму Орлем.

— Не преследовать. — С напором повторила свой приказ принцесса. — У них иное мышление и восприятие времени. Ближайшие его десятилетия будут заняты не нами, поверь.

Она чувствовала себя уязвлённой, хоть и понимала, что дровийский воин выбрал единственно верный путь. И, что даже будь у него иные варианты, не поступил бы иначе, ведь эта маленькая черноволосая женщина рядом с Чёрным Маршалом была для него куда ценнее, чем все королевства и сокровища мира.

Адика Олефир
Волчья ночь

Есть после шести вредно для фигуры, но что делать, если хочется сгущенки, а рядом — круглосуточный супермаркет? Алиса считала, что ответ очевиден. Конечно же, надеть кросы, бейсболку и сбегать за сгущенкой! А чтобы сладость не пошла во вред фигуре, достаточно будет, возвращаясь из магазина, пробежать пару кругов вокруг парка.

Вымощенная красной плиткой аллея легко ложилась под ноги, и попавший под ноги корень дерева оказался большой неожиданностью. Алиса споткнулась и упала, а когда поднялась, то вокруг нее вместо ухоженного парка рос древний дикий лес.

— Я умерла или свихнулась? — Она поднялась и осмотрелась. От мощеных аллей, свежеокрашенных лавочек и горящих фонарей не осталось и следа. Под ногами шуршали листья, а деревья вокруг росли такие, что и втроем не обхватишь. Хорошо, что луна светила ярко, и только благодаря этому ночная темнота не казалась непроглядной.

— Ау! Есть кто-нибудь? — Шепотом позвала Алиса. Кричать в голос было слишком страшно.

— Есть. А тебе зачем? — так же шепотом ответил кто-то из темноты.

— Ой! Ты кто? — Алиса огляделась, ища невидимого собеседника.

— Я первым спросил.

— Ладно. Меня зовут Алиса, я не знаю где я и как тут очутилась. Надеюсь, ты мне поможешь?

— В том, что помогу, не уверен, — честно ответил голос.

— А можешь сказать, где я?

— Ты в Волшебном Лесу. Похоже, что он притянул тебя.

— Что за бред? Какой еще Волшебный Лес? Как притянул? И зачем?

— Иногда Лес заглядывает в чужие миры, вытаскивает оттуда случайных существ, и они тут живут, — охотно ответил голос.

— Зачем он это делает?

— Никто не знает.

— И как мне теперь домой вернуться? — Алиса снова огляделась, пытаясь увидеть того, кто говорил с ней.

— Никак. Если уж Лес тебя притянул, то тут тебе и жить.

— А если я не хочу?

— О, тут я тебе могу помочь.

— Правда? — что-то в тоне, которым ответил голос, насторожило Алису.

— Да. Я тебя съем и тебе не придется никуда возвращаться!

— Как съешь? Зачем? — Алиса испуганно сделал шаг назад, точнее попыталась. Оказалось, что ее ноги до колен опутаны то ли травой, то ли зелеными щупальцами. — Ай!

— Хороша добыча, вкусная, сильная, — голос причмокнул.

— Отпусти! А-а-а! Спасите! Помогите! Ай! Отпусти!

— Не могу. Я очень голодный, — ответил голос.

От неожиданного рывка Алиса упала, а говорливый людоед потянул ее к себе, как морковку на веревочке.

Движение остановилось так же резко, как и началось. Ноги обхватило нечто мягкое и толстое, словно одеяло. Алиса села и увидела цветок, отдаленно похожий на мерцающую алым светом мухоловку. Хищное растение могло похвастаться размером с детскую кроватку, а из его огромной, усыпанной влажными ворсинками пасти, свешивался ярко синий, слегка светящийся в темноте,

язык. Как раз этот язык и окутал ноги Алисы, словно одеяло.

— Фу! Отпусти меня немедленно, мерзость какая!

— Я не мерзость! — обиделся голос. — Я красивый.

— Мерзость, конечно! — из-за дерева вышел парень и ударил дубиной по языку.

— Ой! Мне же больно!

— Отпусти девчонку, и больно больше не будет, — пообещал незнакомец. Одет он был в одни только штаны, но у каждого свои странности. Некоторые, например, по ночам за сгущенкой ходят, а потом с катушек съезжают.

— Так нечестно! Я ее первый поймал!

— А я сильнее, — пожал плечами парень, и замахнулся дубинкой.

— Не надо! — язык тут же свернулся в трубочку и спрятался в цветок.

— Спасибо, — Алиса тут же вскочила на ноги. — Не могу поверить, что такая жуткая тварь действительно существует.

— Да ладно, Пупс не особо опасный, просто голодный.

— А ты мне поесть не дал! — возмутился цветок.

— Поймаешь себе другое мясо на ужин.

— Ты тоже мог бы себе на ужин другую дичь найти, — обиженно сказал цветок.

— Я ещё не решил, есть ее или жениться.

— Ты сейчас о чем? — Алиса вдруг поняла, что неприятности только начинаются.

— Ты симпатичная, — парень обошел вокруг нее, принюхиваясь. — Мне жена нужна. Лучше — из чужачек, чтоб дети сильными рождались. Ты ведь точно не местная.

— Да что здесь происходит?! — Алиса нервно сжала ладони. — Где я?!

— В Волшебном Лесу, — ответил парень. — Я тебя себе заберу. Меня зовут Острый Зуб, можно просто Оз. А ты назовешь мне свое имя?

— Алиса.

— Алиса, — нежно протянули с другой стороны.

— Ой! — цветок поспешил плотнее захлопнуть створки, и даже, как показалось Алисе, уменьшил свое свечение.

— Пошел прочь, — Оз оскалился. — Я ее первый нашел. Она — моя!

— Девушка не горит желанием идти с тобой. — Из тени выступил настоящий эльф. А как еще назвать стройное чудо с длинными золотистыми

волосами и торчащими остроконечными ушами? Голову эльфа охватывал тонкий золотой обруч.

— Уходи, — Оз издал низкий глухой рык.

— Не скалься, блохастый. Алису я заберу. Во дворце ей будет лучше, чем в твоем грязном логове.

Вместо ответа Оз обернулся гигантским волком и бросился на эльфа.

— Ох, мамочка… — для Алисы это уже было слишком. Последнее, что она услышала, прежде чем полностью потерять сознание, было голодное причмокивание говорливого цветка.

— Зачем надо было так сильно пугать бедняжку? — женский голос тихо выговаривал кому-то.

— Это не я, — обижено, но так же тихо ответил Оз. Его голос Алиса узнала. — Это все Миллениум. Приперся, хоть его не звали, и хотел забрать ее у меня. Пусть в другом месте себе королеву ищет, а эту рыжую я себе оставлю. Она хорошенькая, и пахнет приятно.

Не приснилось. Лес, цветок-людоед, оборачивающийся зверем парень — это все не сон. Алиса застонала и открыла глаза. Она лежала на постели под теплым шерстяным пледом. Прямо над кроватью с деревянного потолка свисали ожерелья лука.

— Очнулась? Вот и хорошо, — к ней подошла пожилая женщина с внимательными карими глазами. — Как ты себя чувствуешь, Алиса? Сильно мой внук тебя напугал?

— Сильно, — она села. — Где я?

В тесной комнате было не развернуться. Здесь, кроме кровати, с трудом помещался комод и прикроватная тумбочка. На стуле у двери сидел тот самый парень, который спас ее от цветка, а потом в волка превратился.

— Дома у этого охламона. Ты не бойся, Оз хоть и дурной, но добрый, в обиду тебя не даст. Меня Быхво зовут, что значит Быстрый Хвост.

— Послушайте, вы можете подсказать, как мне домой вернуться? Я очень благодарна Озу за помощь, но я домой хочу, — Алиса едва не плакала.

— Бедная моя девочка, — оборотница погладила ее по руке. — Кого Лес призвал, того он уже не отпустит. Домой ты вернуться не сможешь, и никто тебе в этом не поможет. Но ты не переживай, у нас здесь хорошо. Оз парень хозяйственный, и охотник он отличный. Ты присмотрись к нему получше, Оз только с виду такой грозный, а на самом деле очень добрый и пушистый.

— Да не хочу я замуж!

— Не хочешь, так не хочешь, — спокойно кив-

нула Быхво. — Мы не эльфы, голову дурманить не будем. Захочешь — в любой момент можешь уйти и сама свою жизнь устраивать.

В ответ на ее слова Оз недовольно заворчал. Ему явно не понравилась идея, что его рыжая может вот так просто взять и уйти.

— Не ворчи! — прикрикнула на него оборотница. — Хочешь жениться, так докажи, что ты этого достоин. Или думаешь, один раз помог девушке, так она должна сразу растаять и вино у тебя принять?

Оз хмуро поковырял пальцем стену.

— Покорми гостью, потом покажи ей тут все, пусть оценит, что потерять может. Быстрые нынче волки пошли, — она повернулась к Алисе. — В мое время меньше трех лун не ухаживали, прежде чем в логово звать. Нынче же молодежь скорая на решение пошла. Едва познакомились, сразу к костру вместе садятся. Ты не переживай, Алиса. Осваивайся, никто тебя никуда не гонит, и не торопит. Да, Оз?

— Да, бабушка.

Оборотница вышла. Едва за ней закрылась дверь, как Оз тут же с довольной улыбкой вскочил на ноги.

— Теперь будем знакомиться. Ты себя как

чувствуешь? Нормально? Пойдем тогда, я тебе хозяйство покажу.

— Я не хочу замуж, — в который раз предупредила Алиса.

— Но ты ведь можешь и передумать, — пожал плечами Оз. — А для начала поесть нужно. Пойдем на кухню.

— Пойдем, — согласилась Алиса. Есть действительно хотелось. В то, что она в другом мире, верилось с трудом. Сходила, называется, за сгущенкой. А самое обидное, что сгущенка в процессе всего происходящего потерялась.

Из спальни они вышли в просторную комнату, служившую одновременно и кухней, и столовой. Здесь была печь, от которой тянуло теплом, у окна стоял застеленный белой скатертью стол, а пол устилали плетенные из соломы циновки.

— Моя комната там, — Оз показал на соседнюю дверь. — А в твоей раньше моя сестра жила, пока замуж не вышла.

— Я точно не дома, — Алиса в растерянности рассматривала убранство комнаты. Большинство местной кухонной утвари она видела впервые. Разве что стоящий у входной двери рукомойник выглядел знакомо: он напоминал Мойдодыра из старого мультика. Алиса осторожно потыкала

пальцем в глиняный кувшин на столе. Тот не исчез и не превратился в чудовище, значит, не глюк.

Если она не найдет способ вернуться домой, то придется тут жить! И надо будет учиться печь топить и прочие неизвестные дела делать. Как там люди в средневековье выживали? Выбора ведь никакого, ну, разве что между оборотнем и эльфом. Алиса вспомнила светловолосого красавца. Это его Оз Миллениумом назвал? Странное имечко, хотя у них тут все странное.

— Смотри, что у меня есть! — Оз с гордостью снял с полки глиняный горшок. — Он волшебный. Сам кашу варит. Гречневую с грибами.

Он поставил горшок на стол и стукнул по нему три раза костяшками пальцев.

— Горшочек, вари!

Внутри забулькало и почти сразу запахло кашей.

— Вот видишь, у меня дома не нужно рано утром вставать, чтобы еду приготовить. Главное — обед свари, а на ужин всегда можно мясо запечь. Я хороший охотник, так что не волнуйся, мясо в доме всегда будет.

— Человечье? — вздрогнула Алиса, вспомнив его разговор с цветком.

— Почему человечье? — удивился Оз. — Я куропаток жаренных люблю, но и оленина в доме всегда есть. Могу и кабана принести, если хочешь. Только у секачей мясо не вкусное, поэтому я чаще молодых поросят ловлю. Эй, ты чего?

Он в недоумении уставился на забившуюся в истерическом смехе Алису.

— Волк… и трое поросят… Ха-ха-ха! А я — красная шапочка?

— Мне кажется, тебе надо поесть. Еда всегда успокаивает. Горшочек, не вари.

Оз насыпал в миски кашу.

С трудом успокоившись, Алиса взяла в руки ложку и с минуту заворожено рассматривала ее. Ложка была деревянной и раскрашенной, словно ярмарочная поделка. Дома такие только на сувениры и покупали. Да уж, угораздило, что называется. Неужели ее действительно затянуло в этот жуткий Волшебный Лес?

— Оз, скажи, часто к вам чужаки из других миров попадают?

— Раз в год обычно. Как раз в это время, — оборотень с аппетитом наворачивал кашу, но это совсем не мешало ему говорить. — Перед осенним равноденствием смешиваются пласты реальности, и можно в мгновение ока оказаться в любой

части Леса. Ну и в это же время Лес заглядывает в другие миры, открывает на миг-второй окна, в которые и затягивает чужаков. В прошлом году оборотня-единорога так затянуло. Никогда не думал, что такие существуют.

— И где он теперь?

— У Миранды живет.

— А Миранда кто такая?

— Ведьма. У нее домик возле Лысой горы. Миранда на днях к нам приходила, груши рогорослые на копченое мясо меняла. Так она говорила, что Бигронс, ну, так единорога зовут, очень хороший жеребец. Всю ночь на нем скакать можно.

Алиса чуть не подавилась.

— Ты чего? Каша не понравилась?

— Нет, каша вкусная. Просто… э… выносливости ведьмы удивилась.

— Ну, видно ей очень надо было, раз верхом поехала. Обычно ведьмы на метлах летают.

— Да уж…

— Поела? Смотри, какая у меня волшебная метелка есть! — Оз достал с полки пучок перьев. — Раз! И готово. С уборкой у тебя тоже проблем не будет. Я запасливый, тебе хозяйство легко будет вести.

Он взмахнул метелкой над тарелками, и те

стали чистыми.

— Почему ты так хочешь на мне жениться?

— Ты красивая, приятно пахнешь, — принялся перечислять Оз. — Ты из другого мира, а значит, точно не моя кровная родственница.

— У вас с этим проблема?

— В племени почти все друг другу родня, а те, которые мне точно не сестры в третьем колене, мне не нравятся.

— Можно ведь не только в племени жену найти.

— Можно. Вот я тебя и нашел.

— А в другом племени ты себе жену искал?

— Искал, — кивнул Оз. — Ни одна не понравилась. Хотел уже к людям идти, жену воровать, но тут тебя встретил.

— И что, вот так с первого взгляда решил жениться?

— Да.

— А вдруг я стерва какая или неумеха? Я ведь даже не знаю, как печь растопить.

— Я сам топить буду.

— И хозяйство я вести не умею. У меня в родном мире все по-другому.

— Не волнуйся, чему захочешь — научишься, а не захочешь — так я сам справлюсь. Я давно уже

один живу, привык все сам делать.

— Жена тогда тебе зачем?

— Надоело одному. Хочу, чтобы рядом жила красивая жена и любила меня. Чтоб когда с охоты прихожу, она меня на пороге с улыбкой и поцелуем встречала. В пустой дом ведь и возвращаться не хочется.

— Я бы хотела выйти замуж за того, кого люблю и хорошо знаю.

— Ну, так! — Оз вышел из-за стола и, красуясь, встал посреди комнаты. — Разве меня можно не полюбить? Ты только посмотри, какой я красивый! — Он демонстративно поиграл мышцами на груди. — А еще я умный и заботливый.

Оз весело подмигнул.

Алиса не сдержала улыбки.

— Ладно уж, жених, уговорил, присмотрюсь к тебе. Только ничего не обещаю.

— Ничего, вот узнаешь меня получше, и обязательно влюбишься. Пойдем, я тебе двор покажу.

Экскурсия одним только подворьем не ограничилась. Оз провел ее по деревне и познакомил с соседями. Деревня оказалась даже меньше, чем Алиса представляла. Всего двадцать домов в разнобой стоящие на разных полянах. У каждого дома обширный двор и большой ухоженный

огород. Оборотни питались не только мясом.

Домой Оз с Алисей вернулись поздно, и сразу занялись готовкой. Оборотень все делал сам, ненавязчиво рассказывая, что к чему. Алиса помогала, чем могла. Увлекшись, она на время забыла о том, что находится в другом мире, а симпатичный парень, который ее обхаживает, умеет превращаться в жуткого зверя.

Обедали на крыльце за небольшим круглым столиком. Алиса сама не заметила, как начала рассказывать о своей жизни в родном мире. Вспомнив о семье, она остро осознала, как далеко от них находится.

— Я больше никогда не увижу родителей. Боюсь представить, как им будет больно, никогда не найти меня.

— Смерть всегда приходит неожиданно, — кивнул Оз. — Близкие часто уходят, кто раньше, кто позже. Твои родители погорюют, а потом будут жить дальше. Тебе тоже нужно жить сейчас, и не думать о прошлом.

— Как ты можешь так говорить?! Потерять родных это ведь страшно и больно! А если мы никогда не увидимся, это все равно, как если бы я умерла. Только они не будут этого знать наверняка.

— Смерть всегда рядом, — пожал плечами Оз. — Одни умирают, а другие продолжают жить. Придет время, и мы тоже умрем. Какой смысл переживать о том, что неизбежно?

— Ты … да как ты можешь так говорить?! — она вскочила, опрокинув табуретку.

— Ты чего? Я ведь все правильно сказал.

— Бесчувственный сухарь! — не в силах сдержать набежавшие на глаза слезы, Алиса выбежала со двора.

Больно. И за родителей страшно, и за себя. И идти некуда. И домой не вернуться. Она села на поваленный ствол дерева и заплакала. Со слезами уходила боль, но смириться с тем, что ничего уже не изменить, было тяжело.

— Волкам нельзя доверять. Он тебя обидел? — рядом сел эльф и протянул ей платок.

— Спасибо, — Алиса привела себя в порядок и шмыгнула носом. Получилось слишком жалобно, она смутилась. — Оз сказал, я никогда не вернусь домой. Вы Миллениум?

Она узнала эльфа, который был той ночью возле цветка.

— Вернуться в родной мир можно, но сделать это реально только во время осеннего равноденствия. Если хочешь, я помогу тебе.

— Правда? А когда наступит равноденствие?

— Послезавтра. К переходу нужно подготовиться, будет удобней, если ты поживешь это время у меня.

— Почему ты хочешь помочь мне? — идти вместе с незнакомцем Алиса опасалась. Мало ли, наобещает сейчас с три короба, а потом съест или еще чего сделает. В этом безумном лесу все возможно.

— Я помогу тебе, а ты удовлетворишь мое любопытство и расскажешь о себе. У нас не так уж часто появляются выходцы из других миров. Я с радостью воспользуюсь возможностью узнать новое.

— Вряд ли я смогу рассказать что-то полезное.

— Зато поможешь развеять скуку. Мы, эльфы, живем очень долго, и успеваем заскучать прежде, чем выйдет отмеренный судьбой срок.

Миллениум мягко улыбнулся и поймал ее взгляд. Алиса замерла и бессмысленно улыбнулась. Зеленые глаза затягивали, словно омут. Взглянув в них один раз, уже нельзя было оторваться.

— Оставь ее! — резкий окрик вырвал Алису из транса. Она часто заморгала, приходя в себя.

Оз стоял рядом и злобно скалился. Его верхняя

губа подрагивала, обнажая выросшие клыки.

— А если нет? — эльф сделал шаг к нему. — Что ты сделаешь? Что ты можешь сделать, блохастый?

— В эти дни сила на моей стороне. Тебе пора спать, Миллениум. Забейся в свою нору, и дрожи от холода и слабости, остроухий.

Алиса с ужасом наблюдала за двумя мужчинами. Напряжение между ними едва не искрило. У Оза волосы на затылке стали дыбом, на руках появились звериные когти, и он явно был в шаге от полной трансформации. Миллениум выглядел не лучше. Губы сжаты, глаза зло прищурены, в волосах проскакивают искры, а когда он поднял руку, Алиса увидела зажатую в пальцах шаровую молнию.

Эльф бросил искрящийся пульсар, и в этот же момент Оз прыгнул, уже в воздухе меняя облик. Громадный серый волк с черной полосой вдоль хребта приземлился на том самом месте, где за миг до этого стоял Миллениум. Досадливо рыкнув, оборотень снова стал полуголым парнем.

— Ушел, зараза. Волшебную тропу открыл и ушел, трус ушастый, а ещё король!

— Король? — Алиса все ещё пыталась прийти в себя после увиденного. В обморок на этот раз не

упала, уже хорошо.

— Да, Миллениум — эльфийский король. Видать, не нашел никого на роль королевы осеннего бала. Вот и прицепился к тебе, как репей. Небось, думает, что сможет тебя использовать. Только я тебя ему не отдам, не бойся.

— Он сказал, что знает, как вернуть меня домой.

— Врет, — мотнул головой Оз. — Пойдем в дом. Я тебе квасу налью, он уже наверняка дозрел. А хочешь, завтра пива сварим.

— Нет, спасибо.

— Если передумаешь — говори. Я вкусное пиво варю, тебе понравится.

Алиса кивнула, не желая спорить. Может, Оз скрывал, что есть способ вернуться в родной мир, а, может, действительно не знал. Ведь эльфийскому королю наверняка известно больше, чем простому оборотню.

— Я не поняла, как Миллениум так внезапно исчез. Эльфы умеют телепортироваться?

— Он открыл волшебную тропу. Эльфы, как и ведьмы, умеют это делать. Они сокращают путь, создавая для себя тропинку, которая позволяет намного быстрее преодолевать большие расстояния. Чем сильнее эльф, тем быстрее тропа

приведет его к цели. Миллениум очень силен, поэтому и смог мгновенно открыть тропу и уйти по ней.

— Ты тоже так умеешь?

— Нет, — мотнул головой Оз. — Я ведь не колдун, я обычный оборотень.

— Обычный оборотень… Уже то, что ты оборотень, необычно. В моем мире нет оборотней и колдунов. Нет эльфов и ведьм. У нас все очень … обычно.

— Расскажи мне о своем мире, — попросил Оз.

— Что ты хочешь узнать?

— Мне все интересно, — он пожал плечами. — Можешь о себе рассказать, как жила, что делала.

— Жила с родителями. Училась на художке. Ничего особенного.

За разговором они вернулись домой. Алиса сама не заметила, как рассказала о себе больше, чем намеривалась. Оз оказался внимательным слушателем и приятным собеседником.

Ночь прошла спокойно, хотя Алиса долго не могла уснуть. Ворочаясь, она вспоминала свой мир, маму с папой, и пыталась примириться с тем, что теперь она — в другом мире, и, скорее всего, не сумеет вернуться домой. Даже, если такой способ существует, то Оз его не знает, а

Миллениум ушел, и вряд ли предложит помощь повторно.

Утром Алису разбудил аппетитный запах гречневой каши. На стуле ждала местная одежда: длинная просторная рубаха и штаны. Переодевшись, Алиса вышла на кухню. Оз уже встал, и хозяйничал у плиты.

— Доброе утро. Спасибо за одежду.

— Рад, что тебе понравилась. Вот, выпей.

Он взял с полки стеклянную бутылочку и накапал в кружку с водой несколько капель.

— Что это? — Алиса с подозрением принюхалась. Пахло валерианой.

— Это зелье от тоски. Миранда сказала, что оно поможет тебе справиться с грустью о родном мире. Ты не забудешь дом, но боль перестанет быть такой острой.

— Я все еще надеюсь вернуться, — Алиса покрутила в руках кружку.

— Не выйдет. Ты теперь часть Леса. Пей, а то снова будешь весь день горевать. Думать надо о будущем, а не о прошлом.

Алиса нехотя пригубила зелье, вкус которого оказался похож на обычный успокоительный чай. Ничего страшного не случится, если она выпьет валерьянки, пусть и местного производства.

Да и если бы Оз хотел ее отравить, то мог бы подсунуть зелье в еду, и она ничего бы не заметила.

— Вечером у нас праздник. Все жители деревни соберутся у костра, будем пить пиво, танцевать и петь песни. Завтра ночь Большой охоты, наша ночь.

Он наполнил тарелки кашей.

— Вы уйдете на ночную охоту? — Алиса кивком поблагодарила, и принялась завтракать.

— Не просто на охоту! Раз в год, во время осеннего равноденствия, мы уходим на Большую охоту. Принять в ней участие может любой взрослый волк. Стая несется по Лесу в поисках достойного противника. Чудесная ночь!

— Разве в другое время вы не охотитесь?

— Большая охота только раз в году.

— И чем она отличается от обычной? — не понимала его восторга Алиса.

— Тем, что мы не пищу добываем, а силу свою пробуем. Но, если честно, последний раз мы дичь рвали семь лет назад. Четыре ведьмы ворожили на поляне, а тут мы! Жаркий был бой. Мне холку подпалили, а Серому Носу хвост оторвали. А лет десять назад мы великана загнали. Так он двоих наших убил, прежде чем помер.

— Вы что, на людей охотитесь?! — Алиса от

волчьих откровений даже есть перестала.

— Зачем на них охотится? — не понял Оз. — Люди в такую ночь дома сидят и в Лес не ходят.

— А как же ведьмы и великаны? Они разве не люди?

— Конечно, нет! Кто в Лес ушел, тот больше не человек, даже если раньше был им.

— И раз в год вы за ними гоняетесь? Нападаете и убиваете ни за что?

— Все знают, что в ночь осеннего равноденствия мы выходим на охоту. Кто хочет силой померяться, тот ждет нас. Мы в дома не врываемся, никого насильно драться не заставляем. Жаль только, что редко с кем удается схватиться. В этот раз, наверное, тоже только пробежимся и охотничью песнь споем.

— Странно у вас тут все, — Алиса отодвинула пустую миску.

— Почему странно? У нас в Лесу хорошо. Тебе понравится. Главное — держись подальше от эльфов и фей, и никогда не называй им своего имени. Плохо, что Миллениум его подслушал, но если до завтра он тебя не заполучит, то потом в покое оставит.

— Зачем я ему? — Алиса достала волшебную метелку из перьев и помыла тарелку.

— Эльфы всегда стараются к себе на осенний бал человеческую девушку заманить. Еще ни одна из них празднество не пережила. Вот, надень. — Оз протянул ей сплетенный из волос браслет. — Носи, не снимая, тогда все будут знать, что ты под моей защитой.

— Спасибо, — Алиса надела подарок на запястье.

— Ты умеешь печь пирожки? — Оз уже снова стоял возле стола у печи, и заглядывал в миску, накрытую чистым куском полотна.

— Не очень, — осторожно ответила Алиса.

— Это не сложно. Тесто я уже приготовил. — Оз помыл руки и вернулся к столу. Вывалил тесто на доску и принялся месить. — Яблоки на начинку я тоже порезал. Вот там, на полке стоят. Мы с парнями на охоту сейчас идем, хотим оленя на общий ужин загнать. Сможешь пирожки налепить?

— Постараюсь. Только я никогда такой печью не пользовалась, — Алиса подошла к нему.

— Я покажу. Температура уже хорошая, я проверил. Так что лепишь, засовываешь противень внутрь, а как испекутся — доставай.

— На словах все просто.

— Не бойся, у тебя получится, — Оз вдруг оказался близко, слишком близко. Словно невзначай

он коснулся ее щеки поцелуем. — Я ушел.

И, прежде чем Алиса успела среагировать, скрылся в дверях. Тем лучше, до вечера будет время подумать, как себя с ним вести, а сейчас нужно заняться пирожками.

Последний раз Алиса их лепила в детстве, когда гостевала у бабушки в деревне. Вот только у бабушки была электрическая духовка и прочие блага цивилизации.

Пришлось вспомнить курсы художественной лепки, но все равно, пирожок, который не стыдно было бы показать даже бабушке, получился только с пятой попытки.

Алиса вздохнула. Да уж, хозяйка из нее та еще. Хорошо было дома. Вышла в супермаркет, набрала свежей выпечки — и ешь, сколько хочешь. Главное, не забывать после каждого пирожка, пятнадцать приседаний делать. А тут… средневековье, одним словом.

Однако, несмотря на ее страхи, пирожки удались. Алиса, пока ждала Оза, успела это проверить. Четыре некрасивых пирожка оказались очень вкусными. У остальных, к сожалению, внешних недостатков не было, и Алиса сложила их в плетеную корзинку.

Оз все не возвращался, а сидеть просто так

быстро надоело. Со скуки Алиса успела и дом изучить, и прогуляться по двору. Из живности оборотень держал лишь десяток кур и безрогую козу. Алиса как раз протягивала ей пучок травы, когда через забор серой тенью перемахнул Оз, в прыжке меняя облик на человеческий.

— Скучала? — Он широко улыбнулся.

— Нет, пирожки пекла. И они даже не очень страшные получились.

— Не волнуйся об этом. Я сейчас ополоснусь, и пойдем на праздник. На поляне уже костер развели.

Ради праздника Оз принарядился: надел меховую безрукавку и бусы из клыков. Заметив, что Алиса с интересом на них поглядывает, объяснил:

— Я два года назад жуткое чудище завалил. Оно, наверное, к нам тоже из другого мира попало. У нас такие монстры не водятся. Представляешь, оно было выше меня ростом, зеленое и с тремя головами! Я с ним еле справился.

— Судя по зубам, монстр действительно был крупным, — не то, чтобы Алиса поверила в рассказ о трехголовом чудовище, но что, если в этом мире они действительно водятся? Еще недавно она и оборотней с эльфами выдумкой считала.

Поляну для праздника украсили цветными лентами. На углях жарили мясо, а вокруг накрыли столы, на которые оборотни ставили принесенную из дома еду. Оз сорвал по дороге лист лопуха, и высыпал на него пирожки из корзинки. Не он один использовал листья в качестве одноразовой посуды. Алиса успокоила себя тем, что экология тут намного лучше, чем в ее родном мире, и есть с лопуха, наверное, вполне гигиенично.

Когда солнце стало клониться к закату, раздали мясо на шампурах, и разлили пиво. На деревьях вокруг поляны зажгли фонари, и казалось, будто звезды спустились с неба и запутались в ветвях.

— Красиво, — Алиса не без опаски отпила из кружки, но пиво оказалось вполне достойно на вкус.

— Попробуй это, — Оз протянул ей пиалу.

— Тоже пиво?

— Почти.

— Вкусно, — напиток был хмельной и пах ягодами.

Может, принятая утром настойка сыграла свою роль, а, может, пиво, но Алиса больше не ощущала тревоги. Волнения отступили, а тоска по дому сменилась покоем и тихой радостью.

— Потанцуем? — Оз подал ей руку.

— Я не знаю ваших танцев.

— Слушай музыку и позволь своему телу говорить за себя, — Оз потянул Алису к костру, где на вытоптанной земле уже вовсю веселились местные.

— Ладно, но если у меня не получиться — не смейся! — Алиса позволила увлечь себя на импровизированную танцплощадку.

Музыканты играли на тамтамах или чем-то похожем, Алиса первый раз видела такие инструменты. Ритмичная музыка завораживала, заставляя забыть о стеснении и отпустить на волю чувства.

— Ты прекрасна, — Оз поцеловал Алису посреди танца. — Ты словно пламя, такая же горячая и страстная. Ты будешь моей женой!

Он подхватил ее на руки и унес с поляны.

— Оз, отпусти меня, — Алиса смутилась и попыталась высвободиться из объятий.

— Почему? Я же знаю, что ты горишь желанием. — Он опустил ее на траву и принялся целовать.

— Я так не могу! Слишком быстро, — Алиса уперлась ему руками в грудь. Голое тело оборотня обжигало. Он был красив и притягателен, но вот так сразу? После дня знакомства? Алиса не

могла решиться. — Ты мне нравишься, но давай не будем спешить.

— Я буду все делать медленно, — пообещал Оз, снова пытаясь поцеловать ее.

— Не спеши, пожалуйста. Дай мне время.

— Разве ты ещё не любишь меня?

— Прости, я не из тех, кто способен на любовь с первого взгляда, — неуверенно возразила Алиса. — Я тебя немножко боюсь.

— Только немножко? — уточнил оборотень.

— Немножко, — повторила Алиса.

— Не надо меня бояться. Я тебя никогда не обижу. Я тебя люблю.

— Во внезапно вспыхнувшую любовь я тоже не верю.

— Зря, — Оз лег рядом и нежно провел ладонью по волосам. — Ты — лучшая. У нас с тобой будет замечательная семья. Я все сделаю, чтобы ты чувствовала себя счастливой.

— Тогда для начала давай не будем торопиться.

— Тебя я готов ждать, сколько скажешь, — он встал и снова подхватил ее на руки.

— Я могу идти сама.

— Мне приятно тебя нести.

— До дома далеко.

— Я сильный.

— Хвастаешь?

— Нет. Я, правда, сильный.

— Хвастаешь, — Алиса положила голову ему на плечо и прикрыла глаза. Сидеть в крепких объятиях было тепло и приятно. Слабо верилось, что оборотень сможет всю дорогу нести ее на руках, но возражать Алиса не стала. Пусть несет, раз так хочет.

Ночью Алиса проснулась от того, что кто-то звал ее по имени. С минуту испуганно таращилась в темноту, пока не поняла, что голос идет со стороны окна.

— Кто здесь? — она с тревогой всмотрелась в темноту.

— Это я, Миллениум, — в окно проскользнула высокая фигура. — Пойдем со мной.

— Зачем? — Алиса плотнее закуталась одеяло. Спала она в одной рубашке, и вовсе не горела желанием показывать малознакомому эльфу свои голые коленки. Это же все равно, что в ночнушке перед незнакомцем дефилировать.

— Ты ведь хочешь вернуться домой? — вкрадчиво спросил эльф.

— Да, но…

— Пойдем со мной, — Миллениум, как и тогда

на поляне возле прожорливого цветка, поймал ее взгляд. — Дай мне руку.

Алиса послушно встала с кровати и протянула ему ладонь. Воздух заискрился, и нательная рубашка превратилась в пышное белое платье, юбка которого едва поместилась в спаленке.

— Ты пойдешь со мной на бал и будешь моей королевой, — Миллениум резким движением сорвал с ее руки подаренный Озом браслет.

Вылезти через окно в пышном платье оказалось на удивление легко, словно ткань была лишь иллюзией. Однако стоило только об этом задуматься, как Миллениум снова заглянул ей в глаза, и тревожные мысли ушли, словно их и не было.

Едва эльф вывел Алису со двора, как лес вокруг начал меняться, словно кадры фильма на быстрой перемотки. Вот только что по обе стороны тропинки росли тенистые деревья, и вдруг вместо них — песчаный берег реки. Не успела Алиса моргнуть, как пейзаж снова сменился. Теперь они с Миллениум шли по залитой лунным светом поляне, а через пять шагов уже пробирались по кочкам через болото.

От всего этого у Алисы закружилась голова, к счастью, путешествие окончилось так же быстро,

как и началось. Алиса и опомниться не успела, как оказалась на просторной поляне, в центре которой стоял величественный замок.

— Это мой дворец, — Миллениум повел Алису к широкой лестнице, по обе стороны которой журчали искусственные водопады.

Замок эльфов был похож на куль сладкой ваты: такой же белый и воздушный. Широкие ступени парадной лестницы напоминали зефир, а искусственные водопады по бокам — газировку.

Стоило подняться по лестнице, как двери распахнулись, и громкий голос возвестил:

— Приветствуйте его величество короля Миллениума со спутницей!

Миллениум повел ее в зал, мимо гостей и придворных, которые низко кланялись, приветствуя своего короля. Не будь Алиса очарована, она наверняка заметила бы, что в зале присутствуют одни мужчины. Среди нарядных эльфов, каждый из которых был красивее не только любого из ранее знакомых Алисе парней, но и голливудских секс-символов, не нашлось ни одного, кто пришел бы со спутницей. Но Алиса не обратила на это внимания. Она видела только красоту вокруг себя, а слышала только музыку и комплименты. Миллениум закружил ее в танце, и она потеряла

счёт времени.

Музыка, словно полноводная река, подхватила Алису, заставив забыть и тревоги, и сомнения, и то, что она не умеет танцевать местные танцы. Миллениум вел ее под музыку, а тело будто само знало, что ему делать, куда поставить ногу, и как повернуть голову.

Алиса потеряла счет времени. Она не ощущала усталости, и только когда Миллениум подвел ее к трону, поняла, что едва стоит на ногах.

— Я устала.

— Мы танцевали полночи и весь день.

— Так долго? — Удивилась Алиса. — Я и не заметила, как бежит время.

— Время ничего не значит, — улыбнулся ей Миллениум. — У нас впереди вечность. Усталость скоро пройдет.

— Голова кружится.

— Потерпи немного. Сейчас я надену на тебя корону, и потом сможем удалиться.

— Корону?

— Я ведь говорил, ты будешь моей королевой.

В его руках вдруг возник венок из осенних листьев.

Музыка смолкла. Все эльфы опустились на одно колено и склонили головы.

— Приветствуйте свою королеву, лесной народ! Она сильна и молода, она залог нашего благополучия! Так почтите ее музыкой и танцами!

С этими словами Миллениум надел на Алису венок. В тот же момент ее голова раскололась от боли, словно тысячу булавок впились под кожу. Алиса судорожно сжала пальцы на подлокотнике, и беззвучно закричала.

— Не бойся, дорогая, голос вернется. — Успокоил ее Миллениум. — Нельзя портить праздник неэстетичными криками. Боль скоро пройдет. Уже ведь не болит, правда?

Алиса молча кивнула. Боль действительно утихла, и прежнее спокойствие вернулось. Разве можно нервничать, когда на тебя смотрят колдовскими зелеными глазами?

— Пойдем. Нас с тобой ждет длинная ночь. — Миллениум взял ее за руку и повел за собой.

Они шли бесконечными анфиладами комнат, похожими друг на друга, как зеркальные отражения. Это замок водит по кругу? Что если на самом деле комната всего одна, а остальное — коридор зеркал, по которому ее ведет король эльфов?

Хорошо, что нет усталости, вот только перед глазами все плывет и кружится голова.

— Сюда. Ложись.

Последнее, что осознала Алиса, перед тем, как упасть в забытье, это то, что Миллениум укладывает ее в кровать.

Оз проснулся сразу после восхода солнца. Алиса ещё спала. Оз покормил кур, отвел на выпас козу, подмел в доме, и, не зная, чем еще занять себя в ожидании, пока проснется его гостья и, как он надеялся, будущая жена, пошел в обход дома. Алиса ведь не обидится, если он заглянет в окно и убедится, что все в порядке?

Чужой запах Оз учуял сразу. Миллениум! Остроухий был здесь и ушел волшебной тропой.

Алиса?!

Запрыгнув в окно, Оз увидел только пустую кровать. Эльф увел его невесту!

Сердито зарычав, Оз превратился в волка и бросился в лес.

Эльфы прячут свой замок от посторонних, и найти его не так-то просто. Даже сейчас, осенью, когда их сила слабеет, замок по-прежнему надежно укрыт чарами.

— Миранда! Миранда открой! — Оз двинул плечом дверь, и та едва не слетела с петель. Принять человеческий облик волк не удосужился.

— Что стряслось? — ведьма вышла на порог. Она зябко куталась в шаль, а спутанные со сна

волосы в беспорядке падали на плечи.

— Дай цветок папоротника. Я знаю, у тебя есть.

— Ишь ты какой! Папоротник тебе дай! А лесную корону тебе на блюдечке не преподнести? — ведьма громко зевнула.

— Нет, спасибо. Мне только цветок папоротника нужен. Миллениум украл мою невесту, сама знаешь, его замок просто так не найдешь, особенно сейчас.

— Это ту рыжую, что ли? — ведьма поежилась от утренней прохлады.

— Ее, — вздохнул Оз.

— Видно, у эльфов в этом году совсем плохо с силой. Неужто к празднику заранее королеву не нашли, и пришлось первую попавшую воровать?

— Алиса не первая попавшаяся! Она из другого мира, ее Лес притянул. Ее нужно спасти, пока эльфы ее не короновали и не иссушили.

— Будешь для меня весь год охотиться, — предупредила ведьма.

— Согласен, — не раздумывая кивнул Оз.

— Что, неужели и вправду влюбился? Ладно, жди. Сейчас вынесу.

Через несколько минут она вышла, неся в руках сухой цветок, цвета красной глины.

— Спасибо, Миранда. Я отработаю, не сомневайся.

— Не отработаешь — прокляну, — равнодушно пожала плечами ведьма. — Цветок нужно съесть. Потом подумай, куда хочешь попасть, и следуй по тропе, которая откроется. Только не надейся, что все будет просто. Эльфийское колдовство даже папоротнику трудно побороть.

Оз проглотил цветок и закрыл глаза, усиленно думая об Алисе. Она нужна ему! С той самой минуты, как он увидел ее в плену Пупса, он хотел только одного — чтобы она ответила на его чувства взаимностью. И сейчас он не позволит наглому остроухому превратить ее в удобрение для своего замка!

Под лапы легла едва видимая тропинка, и Оз сорвался на бег. Дорожка петляла, извивалась, пару раз едва не исчезла полностью, но Оз не отступал и бежал так быстро, как только мог. Защитная магия эльфийского замка боролась с волшебством ведьмы и силой цветка папоротника.

И все же путь оказался слишком длинным. Солнце начало клониться к закату, когда усталость все же заставила Оза перейти на шаг. Он посмотрел вверх. Скоро наступит время Большой Охоты, и его силы возрастут, а вот эльфы, наобо-

рот, станут очень уязвимы.

Оз позволил себе отдохнуть, и снова перешел на бег, только когда взошла луна. Сила гуляла в теле и требовала выхода. Бег приносил удовольствие, от усталости не осталось и следа. Сейчас бы гнать дичь, упиваясь собственной силой и ловкостью, а потом повалить добычу и рвать ее зубами, глотая горячую кровь. Оз поднял морду вверх и вызывающе завыл. Кто посмеет выйти на тропу в Ночь Большой Охоты? Кто не побоится встретиться с оборотнем в пику его силы?

Азарт охоты полностью захватил Оза, и он на полной скорости пронесся мимо белого дворца. В последний момент опомнился и заставил себя остановиться. Во время Большой Охоты оборотням нельзя врываться в дома, такой закон, и тот, кто его нарушит, будет наказан Лесом и его королем. Оз замер, злобно скалясь. Шерсть на загривке встала дыбом. Алису нужно вытащить из дворца сегодня, до того, как эльфы перестанут плясать. Завтра уже будет поздно.

Сменить ипостась на человеческую оказалось очень сложно. Собственное тело не слушалось, и требовало бежать дальше, искать добычу, выслеживать. С трудом, Оз заставил себя обратиться и встать на две ноги. Нужно найти вход в замок.

Через главные ворота его точно не пустят, но, может, где окошко закрыть забыли?

Глупая надежда, конечно, но кто ищет, тот всегда найдет.

Оз пошел вокруг замка, внимательно изучая его стены. Сплошной камень. Ни единого окошка, пусть даже забранного решеткой или закрытого ставнями. Эльфы что, в полной темноте живут?

Говорят, даже в замке графини есть окна, хоть она вампир и солнечный свет для нее губительный, а тут — дворец эльфов. Почему нет окон?

Оз свернул вдоль стены и пошел дальше. Вторая стена тоже глухая. Ни окон, ни дверей. Оп-па! А это что?

В стене зиял пролом.

Оз осторожно подошел и принюхался: пахло странно. Пылью, паутиной, живыми существами. Осторожно заглянув внутрь, он увидел огромную комнату, где ровными рядами сидели пауки разных размеров, и пряли нить. Самые маленькие были размером с кулак, а самые большие — с песчаный холм.

Осторожно проникнув внутрь, Оз остановился. Пауки на него внимания не обращали. В углу пылились сваленные кучей обрывки паутины. У стены ровненько стояли мотки пряжи.

Пауки выглядели очень занятыми, и Оз, стараясь не дышать, рискнул пойти дальше. Ничего не изменилось. Пауки все так же продолжали свою работу, словно не замечали его. Может, действительно не замечали. Оз тихо и быстро пересек зал, и только выйдя через двери с противоположного конца, выдохнул и вытер со лба пот. Так страшно ему ещё никогда в жизни не было.

Однако за себя волноваться некогда. Нужно искать Алису, пока не закончилось действие папоротника. Оз прислушался к обострившемуся чутью и поспешил туда, куда вела магия цветка.

Бежать пришлось долго. Принять волчье обличье Оз не решился. Не в эту ночь. Ни к чему гневить Лес, а с эльфом, если надо будет, он сегодня и голыми руками справится.

Драться не пришлось. Чутье привело Оза в круглое белое помещение, где из мебели стояла только кровать, оплетенная сочной зеленой лозой с широкими листьями. В кровати спала Алиса. Сейчас в ней тяжело было узнать рыжеволосую красавицу, которую подарил ему Лес. В кровати лежала сморщенная худая старушка. К утру от нее останется только выпитый досуха труп.

Эльфам нужна молодая девушка, чтобы насытить свой замок, свое убежище, силой, и

перезимовать без потерь. Вот только этой зимой у них ничего не выйдет.

Оз когтями разорвал лозу, подхватил на руки Алису и со всех ног бросился прочь.

Вперед, к пролому в стене! Кто бы его ни проделал, оборотень был ему всем сердцем благодарный.

Эльфы опомнились не сразу. Их топот Оз услышал только когда уже подбегал к комнате с пауками-прядильщиками. Спустился вниз по крутой лестнице, пробежал между рядами, не обращая внимания на флегматичных монстров, и выскочил в пролом.

Сомнительно, что эльфы сегодня осмелятся выйти из дворца, но лучше не рисковать.

Оз закинул Алису себе на спину и крепко привязал поясом. Только после этого обернулся волком и помчал домой.

Эльфы не стали его преследовать.

Дома Оз бережно уложил Алису в кровать и отправился к ведьме. Миранда должна знать, что делать. Он, конечно, Алису и такой любит, но вряд ли ей понравиться доживать жизнь сморщенной старухой.

— Миранда! Миранда, открывай! Светает уже, ночь закончилась!

— Да что ж тебе неймется! — ведьма резко распахнула дверь. — Что на этот раз?

— Мне бы молодость вернуть.

— Ты ее для начала потеряй, — Миранда хотела захлопнуть дверь, но Оз не дал.

— Не для себя прошу, для невесты. Алису я спас, но эльфы с ней страшное сотворили. Боюсь, ей не понравится, что она так быстро постарела.

— Это не ко мне. За молодильными яблоками можешь в замок за калиновым мостом сходить.

— Так он же разрушен.

— У замка недавно новый хозяин появился, Рогатым зовут. Я слышала, он тоже с эльфами не в ладах. Пойди к нему, попроси, пусть угостит яблочком.

— Спасибо за подсказку, — Оз снова превратился в волка и побежал к замку.

Путь не близкий, но если он поспешит, то успеет вернуться к тому времени, как Алиса очнется. Главное — бежать со всех ног.

Алиса проснулась от слишком яркого света. Неужели уже день? Она потянулась за лежащей на стуле рубахой и замерла. Ладонь была словно чужая: сморщенная кожа в пигментных пятнах, желтые ногти. Алиса вскочила с кровати и пошатнулась от нахлынувшей слабости.

Что произошло? Последнее, что она помнила, это жаркие поцелуи оборотня. Или потом было еще что-то? Не сразу, но удалось вспомнить эльфа. Кажется, Миллениум пробрался к ней в комнату через окно, и уговорил уйти с ним. Дальше было мельтешение деревьев, ярких красок и огней. Что случилось потом — Алиса не могла вспомнить, как ни старалась.

Одно точно: она так изменилась после визита эльфа. Можно ли все исправить?

Быстро одевшись, Алиса вышла из комнаты.

— Оз! Оз, ты дома?

— Нет его, — в кухне хозяйничала Быхво. — Но ты не волнуйся, Оз скоро вернется.

— Вам не кажется, что я странно выгляжу?

— Нет, детка. — Оборотница с сочувствием посмотрела на нее. — То, что ты от эльфов живой вернулась, уже хорошо. А за молодость не волнуйся, Оз все решит.

— У вас есть зеркало? Я у Оза не видела зеркал.

— Не нужно тебе сейчас на себя смотреть. Вот Оз вернется…

— Да чем он помочь сможет?! — сорвалась на крик Алиса. Ей на свои руки смотреть было страшно, а уж представить, во что превратилось ее лицо, она и думать боялась.

— Алиса? Ты уже проснулась, — в дом вбежал Оз. — Прости, я думал, успею раньше. Вот, держи.

Он протянул ей яблоко.

— Спасибо. — Алиса повертела в руках ярко-алый фрукт.

— Ешь, — улыбнулся Оз. — Это молодильное яблоко. Оно поможет.

— У кого взял? — спросила Быхво, вытирая руки фартуком и подходя ближе.

— У нового хозяина замка за калиновым мостом. — Ответил Оз. — Там теперь Рогатый живет, а с ним вампирша. Бледная такая, и тощая. Как поганка.

— И что же, вампирша на дневной свет вышла? — с интересом посмотрела на внука Быхво.

— Нет. Меня в замок пригласили, в гостиную. Рогатый хотел со мной поговорить. Спрашивал об оборотнях и о наших традициях. Вампирша тоже слушала. Так и сторговались, он мне — молодильное яблоко, а ему информацию. Нашими тайнами он не интересовался, а остальное и рассказать можно.

— Видать, недавно в Лесу живет, раз многого не знает, — задумчиво произнесла Быхво, и переключила свое внимание на Алису. — Ты яблочко съешь, не бойся. Оно все исправит.

Алиса посмотрела на свою сухую сморщенную ладонь, в которой лежало сочное яблоко. Только не плакать. В этом странном мире все может быть, даже волшебные яблоки. Хуже точно не будет.

Алиса надкусила румяный плод. На вкус яблоко оказалось ещё вкуснее, чем казалось. Да и голод дал о себе знать. Алиса и не заметила, как съела яблоко вместе с огрызком.

— Помогло! — Оз расплылся в улыбке. — Ты теперь как раньше.

Алиса внимательно посмотрела на свои руки: ни морщин, ни пигментных пятен.

— Оз, а зеркало у тебя в доме есть?

— Конечно! Я через него с теткой из Белых волков общаюсь. А ты с кем поговорить хочешь?

— Дурень, — Быхво несильно стукнула внука по темечку. — Она не поговорить хочет, а на себя посмотреть. Обычное зеркало принеси.

— Понял. Сейчас сбегаю. На чердаке, вроде, лежит одно.

Оз выбежал за дверь, и через минуту послышался топот по потолку. Еще минута, и оборотень вернулся, неся крупный осколок зеркала.

— Протри его хоть, — неодобрительно покачала головой Быхво.

— Сейчас, — Оз быстренько схватил ветошь и смахнул пыль. — Вот. Можешь на себя любоваться. Я завтра к гномам схожу и куплю тебе новое зеркало. Будет тебе подарком на нашу свадьбу.

— Я не хочу замуж, — привычно возразила Алиса, отвлекаясь от изучения себя в зеркале. Надо признать, выглядела она, как и раньше. Словно и не было ничего.

— А ты еще долго будешь думать?

— Оз, не подгоняй девушку. Она только от эльфов избавилась. Вот придет в себя, тогда и спросишь, — Быхво ухватила его за плечи и развернула в сторону входной двери. — Займись хозяйством или на охоту сходи.

— Я тогда к гномам сбегаю. Алиса, не переживай, я быстро.

— Никогда не умел ждать. Как только охотником стал? — Быхво неодобрительно покачала головой.

— Он милый. Только я сейчас ни о каком замужестве и думать не могу, — Алиса снова посмотрела в зеркало, чтобы убедиться, что с лицом все в порядке.

— Давай я тебе чай с мятой заварю. И пирог бери. Я вам с Озом на двоих принесла. Пирог с мясом, а вкусное мясо всегда успокаивает и по-

вышает настроение.

Оз говорил, что весна в этом году началась раньше обычного. Снег сошел, проснулись деревья, посветлело небо.

За зиму Алиса научилась управляться с печью, прясть, шить и пользоваться волшебными вещами. А еще пришлось признаться, что в Оза она действительно влюбилась. Тяжело не ответить на взаимность, когда к тебе относятся, как самой большой ценности. Это подкупало и заставляло отвечать тем же: заботой и нежностью.

Алиса сама не заметила, как воспоминания о родном мире потускнели, стали размытыми, а новый мир стал казаться наполненный цветом и радостью. Оз прочно занял место в ее сердце, и когда он, после первой весенней грозы, снова предложил ей выйти за него замуж, Алиса согласилась.

Платье, белое и струящееся, заказали у лепреконов. Алиса, вспомнив картинки из модных журналов, долго объясняла, какой именно фасон ей нужен. К счастью, волшебные портные не подвели, и создали именно такое платье, о котором Алиса мечтала.

Столы накрыли на той же поляне, где отмечали осеннее равноденствие. Костер также разожгли

высокий, а когда собрались все гости, включая тетушку Оза из племени Белых волков, заиграли тамтамы и на площадку перед костром выкатили бочку вина.

Оз подал Алисе руку и подвел к костру. Быхво на правах старшей родственницы вынесла резную костяную чашу. Оз с поклоном принял ее, зачерпнул из бочки вина, отпил и протянул Алисе. Она так же молча приняла чашу и сделала глоток. Так в полной тишине, если не считать звуков тамтама, они вдвоем допили чашу.

Не нужны слова тем, кто принял решения, поэтому обряд должно было проводить в молчании.

Пустую чашу Оз вернул Быхве и только после этого поцеловал Алису. Поцелуй был вовсе не символический, а очень даже страстный и длинный. Гости успели досчитать до ста двадцати, прежде чем Оз отстранился и, подхватив Алису на руки, понес к столу на место для молодых.

— Я люблю тебя, — шепнула мужу Алиса.

— Я готов носить тебе добычу хоть каждый день, — горячо заверил ее Оз и снова потянулся за поцелуем.

Дарья Ланская
Купальская ночь

Есения шла по залитой солнцем опушке леса и искала соцветия белоголовника. Зеленый ковер под ногами пестрел ярко-синими васильками, желтыми лютиками и пушистыми головками розового клевера, однако как назло нигде не было видно белых шапочек с маленькими цветочками, хотя Есения была почти уверена, что в прошлый раз собирала белоголовник именно здесь.

Ее бабушка, Лукерья Агафоновна, была известной травницей и лечила всю деревню, а Есения ей во всем помогала: собирала травы и корешки, сушила их и делала настойки. С возрастом бабушке все сложнее было ходить далеко в лес, поэтому внучка взяла это на себя.

Немного подумав, Есения решила свернуть к реке в надежде наткнуться на заветное растение. Совсем недавно девушке исполнилось шестнадцать вёсен, и она с завистью поглядывала на замужних подружек, которые хоть и были ее возраста, но казались такими взрослыми и счастливыми! Есения тоже мечтала о семье и

детишках, и к ней даже пару раз сватались деревенские молодцы, однако сердце ее оставалось к ним безучастно. Она мечтала о любви, той самой, настоящей, о которой слагают сказания и которая преодолеет все преграды! Но где же встретить своего суженого, при виде которого у нее захватит дыхание, и душа подскажет: «Это он!»? Точно не в ее родной Вислянке… В своей деревне она знала всех и каждого, и пока ее душа упрямо молчала.

Замечтавшись, Есения не заметила, что на ее пути оказалась небольшая коряга. Она запнулась неожиданно и кубарем полетела в овраг. К счастью, приземлилась на мягкую траву, поэтому почти не ушиблась. Лишь левая рука чуть-чуть заныла от боли.

Приподнявшись, Есения первым делом вытащила из волос травинки и веточки, попавшие в толстую рыжую косу, а потом заметила, что на новом сарафане, который недавно пошила себе, порвался подол. Ну, вот что за невезение?

Но неожиданно все проблемы отошли на второй план, потому что она поняла, что в овраге не одна. Есения тихонько вскрикнула, заметив молодого парня в холщовых штанах и порванной рубахе, свернувшегося калачиком неподалеку. Парень не шевелился, и было непонятно, то ли

он спит, то ли…

— Эй? — тихонько позвала она, но незнакомец никак не отреагировал. — Эй, ты живой?

Подобрав с земли веточку, Есения ткнула ею парня, но тот продолжал лежать неподвижно. Тогда она положила ему руку на плечо и осторожно потрясла, но его обмякшее тело лишь перевернулось на спину. В районе ребра алела колотая рана, будто кто-то хотел проткнуть его рогатиной. Но кому это понадобилось? Рогатину охотники используют только на дикого зверя, разве нет?

Бабушка многому ее успела научить, поэтому Есения смогла определить, что рана не должна быть серьезной. Грудь парня мерно приподнималась в такт дыханию, и это был хороший признак. Но требовалось немедленно остановить кровотечение, от которого испачкалась одежда молодца и пропиталась бурыми пятнами земля.

Есения огляделась по сторонам и заметила знакомые коричнево-зеленые листочки. Бабушка говорила, что красная затворница помогает остановить кровь. Есения сорвала все, какие увидела, и приложила к ране, а чтобы они лучше держались, примотала их оторванным от подола длинным лоскутом ткани.

Ее пальцы двигались быстро и ловко, перевяз-

ку Есения делала не впервые, однако в этот раз ощущала непривычное волнение. Незнакомец был худ, но достаточно крепок, под его кожей прощупывались сильные мышцы, и каждый раз, когда она их касалась, ее охватывало легкое волнение. Да что с ней такое?

Закончив с перевязкой, Есения убрала с лица юноши прядь темных волос, и ее сердечко пропустило удар. Какой же он красивый! Есения не смогла сдержаться и провела пальцем по его ровному широкому лбу, четко выраженным скулам, прямому точеному носу и тонким губам. Откуда он? Ей казалось, что она знает всех в округе, даже из соседних деревень…

— Потерпи немного, сейчас я как-нибудь вытащу тебя отсюда, — пообещала она.

Неожиданно незнакомец открыл глаза. Первые несколько секунд взгляд его был туманен, однако вскоре он сфокусировал зрение на Есении и сдавленно произнес:

— Кто ты?

Есения поразилась цвету его глаз — они были желто-янтарные. Она смело подалась к нему, зачарованная необычным взглядом.

— Меня Есенией зовут. Я пошла в лес за белоголовником, но запнулась об корягу, упала в

овраг, где ты и лежал. Я нашла растение, которое помогает остановить кровь, бабушка называет его «красной затворницей». Так вот, я приложила его к твоей ране и…

Есения привыкла тараторить без умолку, но загадочный незнакомец так пристально смотрел на нее, что она смутилась и остановилась. Не хватало еще, чтобы парень считал ее пустомелей!

— Как тебя зовут? — спросила она.

Незнакомец долго молчал и смотрел на нее, будто размышлял, стоит говорить свое имя или нет. Наконец, он произнес:

— Я Деян. Не нужно тебе со мной возиться, Есения. Лучше беги… Беги как можно дальше и не оглядывайся!

— Что? Но почему?

Однако ответа она не получила, потому что он прикрыл глаза и замолчал. Его слова взволновали ее. Что он имел в виду, когда говорил, чтобы она бежала? Зачем? Ведь он ранен, ему нужна помощь!

Но Есении было некогда предаваться размышлениям, нужно было помочь Деяну, а сперва — выбраться из оврага. К счастью, он оказался небольшим, но Есения понимала, что в одиночку не сможет вытащить взрослого парня. Что же

делать? Как спасти его?

Бабушка говорила, что в трудную минуту, когда, кажется, что помощи ждать неоткуда, нужно молиться богам и молить их о благодеянии, и если ты чист сердцем, то они обязательно помогут.

— Берегиня, матушка! Помоги довести Деяна до нашего с бабушкой дома! — взмолилась Есения. — Пропадет он тут один, кровью истечет, а я так хочу помочь ему! Пожалуйста, сжалься над ним…

И будто могущественная Берегиня услышала мольбы девушки, потому что неожиданно в лесной тишине раздались отдаленные голоса. От радости Есения подскочила к краю оврага и что было сил крикнула:

— Эй! Кто-нибудь! На помощь!

Ей пришлось повторить еще несколько раз, прежде чем над оврагом склонилось испуганное лицо Белавы. Ее огромные от природы голубые глаза теперь казались ещё больше, а рядом стоял краснощекий Святомир. Обоих Есения знала с детства. С ними она несметное количество раз играла в Гуси-Лебеди, гуляла по лесу и купалась в реке. Они с младых лет привыкли делиться друг с другом всем, их дружба была крепка и надежна.

— Что случилось? Как ты здесь оказалась? —

спросил Святомир.

— Ты в порядке? — перебила его Белава.

— Да я шла собирать белоголовник для бабушки, но запнулась об корягу и свалилась сюда. Со мной-то все хорошо, но тут еще человек, он уже тут лежал, когда я упала. Помогите мне его вытащить! — протараторила Есения. Ничего она с собой поделать не могла, когда волновалась, слова так и сыпались из ее уст!

Святомир спрыгнул в овраг. Сперва он помог Есении, а потом подхватил Деяна на плечо и выбрался вместе с ним. Белава ждала их наверху с удочкой, ведром с рыбой и корзиной, забитой бельем. Видимо, она ходила на реку стирать, а Святомир там же ловил рыбу.

— Осторожнее, он ранен! — попросила Есения, придерживая Деяна.

— Ранен? — удивилась Белава, но потом заметила ярко-красное пятно, выступившее сквозь перевязку. — Ой! Как же так случилось?

— Да разве это важно, Белавушка? Я знаю только одно — ему нужна помощь! — решительно заявила Есения. — Святомир, пожалуйста, помоги донести его до нашего с бабушкой дома!

— Конечно, помогу, без вопросов! Только рыбу мою возьмите, — отозвался Святомир.

Друзья двинулись в путь через лес по тропинке, которая вела прямиком в Вислянку, а Есения то и дело поглядывала на спасенного парня и мысленно просила потерпеть его немного, не сдаваться. Но все же, кто мог на него напасть? Неужели, в их лесах появились разбойники? Почему-то мысли о новом разговоре с Деяном вызывали у Есении сладостный трепет, а в груди будто что-то сжималось.

Наконец, они через калитку вошли во двор, где проворно бегали пятнистые курочки, а на грубо сколоченной скамейке сидела бабушка Есении и перебирала разложенные на подоле высушенные травы.

— Бабулечка, милая! — воскликнула Есения.

Лукерья Агафоновна подняла взгляд, и в ее ясных голубых глазах появилось волнение. Не спрашивая ни слова, она тотчас сказала Святомиру нести раненого юношу в горницу, где его уложили на широкую лавку.

Порванную рубаху было решено снять, и хотя Есения уже видела тело Деяна, снова смутилась, заметив ярко выраженные мускулы и широкие плечи. И что с ней такое? Почему в груди так жарко, когда она смотрит на него?

Есения вкратце рассказала бабушке всю исто-

рию, и Лукерья Агафоновна похвалила внучку, что та вовремя остановила кровь, а затем скрылась за печной занавеской, чтобы найти нужные лекарственные травы. В этот момент незнакомец зашевелился, и Есения, повинуясь внутреннему порыву, с трепетом сжала его руку.

— Он очнулся! — воскликнула она. — Потерпи немного, пожалуйста, бабушка тебе поможет! Она всем помогает! Все будет хорошо!

— Пить… — практически беззвучно прошептал он.

— Святомир, ну что ты застыл, как каменное изваяние! У тебя ведь есть вода! — воскликнула Белава, толкнув друга в бок.

Немного замявшись, Святомир снял с пояса флягу с водой, но Есения тотчас ее отобрала и сама приложила к губам юноши, который с трудом сделал пару глотков.

— Где я? — спросил Деян.

— В нашем с бабушкой доме, она у меня травница, всех лечит, и тебя обязательно вылечит! У тебя рана в боку, не очень серьезная, конечно, но все равно…

Есения хотела еще спросить, кто на него напал, но ее опередили Святомир с Белавой:

— Откуда ты? Как оказался в наших краях?

— Кто напал на тебя?

Деян собрался что-то ответить, но, видимо, у него не хватило сил, и он сомкнул веки.

— И чего вы накинулись на человека со своими расспросами? Видите же, что ему нужно отдохнуть! — строго сказала Есения, глядя на друзей.

— Внучка права, не нужно сейчас молодца беспокоить, слаб он совсем, — вернулась к ним Лукерья Агафоновна, держа в руках настойку мутно-зеленого цвета.

Бабушке с внучкой было не впервой принимать раненых путников. Всех больных приводили к Лукерье Агафоновне, никому она не отказывала в помощи. Некоторые предостерегали ее, мол, бродяги могут запросто обокрасть, или вообще убить, но бабушка Есении отвечала, что лечить людей — ее предназначение, а если у кого, кто попадает в ее дом, недобрые намерения, пусть берут, что хотят, ей не жалко. Однако никто ничего у них не воровал, а лишь благодарили от всей души за помощь. В Вислянке говорили, что богиня Берегиня хранит дом Лукерьи Агафоновны от бед и напастей.

Вскоре Белава и Святомир ушли, а Есения с бабушкой обработали травами рану Деяна и перевязали чистыми тряпицами. Лукерья Агафоновна

подтвердила, что рана у него не опасная, однако парень потерял много крови, и ему понадобится время, чтобы восстановить силы.

День клонился к закату. Теплые лучи заходящего солнца плясали над макушками деревьев, и в горницу попадали их золотистые отблески. Есения сидела рядом с Деяном и водила рукой по его темным волосам. Она чувствовала, что неслучайно они встретились, и даже порванный сарафан стоил того. Странно, ведь она почти не знала Деяна, а сердце почему-то начинало быстрее биться, когда смотрела на него. Ей хотелось поговорить с ним, узнать, кто он, откуда пришел, как попал в этот овраг — вопросов было столько, что все не умещались в голове. И главное, почему не хотел, чтобы она ему помогала?

— Есенюшка, помоги мне зрелки перебрать! — послышался со двора голос бабушки.

— Сейчас иду, бабулечка! — крикнула в ответ Есения, с сожалением отнимая руку от волос Деяна. Будь ее воля, она бы всю ночь просидела рядом с ним, только бы он поправился. — Ты спи, отдыхай, а я бабушке помогу и вернусь, — прошептала ему она, легонько коснулась губами его лба и ушла.

***

Деян не спал уже давно и чувствовал, как нежные девичьи руки гладят по голове. А когда Есения поцеловала его, пусть даже только в лоб, он чуть не открыл глаза и не поцеловал ее в ответ, однако вовремя сдержал себя. Ему не хотелось спугнуть эту робкую близость, от которой становилось так тепло!

Однако Деян знал, что не мог полагаться лишь на чувства. В его голове то и дело пульсировала мысль: «Бежать! И как можно скорее!». Да, Есения и ее бабушка сделали для него очень многое, но нельзя было допустить, чтобы о нем узнали в деревне, ведь тогда придется объяснять, кто он и откуда. А сделать это Деян не мог. Среди людей он жил от полнолуния до полнолуния, а как только луна достигает высоты нового чертога, то его тело разрывалось на части, и он… становился оборотнем.

Тот злополучный день, когда жизнь его изменилась раз и навсегда, Деян запомнил очень хорошо. Он стоял у колодца и набирал воду, как вдруг за спиной у него раздался негромкий старческий голос:

— Добрый молодец, не нальешь немного воды

старухе? Пить хочется мочи нет!

Деян обернулся и увидел нищенку в лохмотьях, которая протягивала ему облезлую плошку. Старуха та была жутко уродливой: нос картошкой, на лице бородавки, а руки такие худые, как крюки. Глядя на нее, Деяна обуяло отвращение. С чего он должен ей помогать?

— Нет у меня лишней воды, старуха. Сама доставай! — огрызнулся он.

— Так как же я достану, у меня сил не хватит! А у тебя вода уже есть в ведре. Поделись, молодец, — прокряхтела она.

— Слишком много вас, оборванцев, развелось! Всех не напоишь! Отойди с дороги!

В порыве злости Деян оттолкнул нищенку, и она упала прямиком в грязь. Тут же глаза ее загорелись недобрым огнем.

— Злой ты, молодец, и жестокий, — прошипела она, глядя на Деяна. — Как волк жестокий. Так будь же им до тех пор, пока в ночь, когда солнце пойдет на зиму, а лето — на жару, не признается тебе в любви девушка, чистая сердцем и душой! Только тогда сможешь ты исцелиться и вернуть себе человеческий облик!

Старуха ещё что-то кричала ему вслед, но Деян ей тогда не поверил. Мало ли, что говорят бродя-

ги? Однако вскоре проклятие сбылось.

Как-то ночью Деян проснулся от странного ощущения в груди. Казалось, будто кости ломаются, а сердце билось быстро-быстро. Отец, мать, маленькие братишки и сестренка — все спали, лишь через окно на пол падал луч лунного света. Деяну казалось, что ему стало трудно дышать, и он вышел во двор, ловя ртом обжигающий холодом ночной воздух, однако ничего не помогало, а сердце все ускоряло и ускоряло свой ритм… Деян ощутил, как страх окутывает все его существо, и он пошел, куда глаза глядят, затем перешел на бег, а потом бежал все быстрее и быстрее…

То, что происходило дальше, Деян помнил смутно. Лишь переполняющее чувство злости и невероятная легкость в конечностях — вот то, что сохранилось в его памяти. Очнулся он у реки и никак не мог понять, где находится и как сюда попал. Неужели, ночью так далеко забрел и уснул прямо в траве? По знакомой тропинке через лес Деян дошел до дома, и уж было собрался выйти из-за березы, росшей неподалеку от ограды, как вдруг услышал голоса.

— Ну, полно, Зоряна, полно плакать! Не вернуть так Деяна, — сказал отец.

— Две недели уж прошло, а его все нет… Куда он

мог пропасть? Куда, Радомир? — плакала мать.

Деян замер. Его не было две недели? Целых две недели?

— Не знаю, лада моя, не знаю… — вздохнул отец. — Еще и волк повадился ходить у наших ворот, прямо-таки напасть какая-то!

И тут Деян все понял. Это он был тем самым волком, что ходил у ворот! Проклятие старухи сработало, и он теперь стал самым настоящим оборотнем. Деян сделал шаг назад, потом еще и еще один… Вскоре он уже бежал прочь от родительского дома, где ему отныне больше не было места. Ведь он не помнил, что делал в обличии волка, а вдруг бы навредил родителям или младшим братьям и сестре? Нет ему дороги назад, и Деян выбрал странствия. Да и глаза его внезапно изменили цвет, из темных, словно ночь, стали желто-янтарными, как у настоящего волка.

Он шел от деревни к деревне, прячась от людей, и всегда был один. Питался тем, что смог добыть охотой, собирал ягоды, пил дождевую воду, а ночевал в сараях, стоявших на окраинах. И хотя хозяева даже не знали, что ночью у них был гость, Деян всегда старался отплатить им добром за гостеприимство: то дров наколет, то ягод или грибов на крыльце оставит.

Ведь только в одиночестве и странствиях, повидав многое, он понял, как важна в людях доброта и взаимовыручка — то, чего раньше не было в нем самом. Со стыдом он вспоминал, как отлынивал от домашних забот в родительском доме, сбегая к реке или в лес, чтобы там вдоволь побездельничать, а если все же что-то делал, то без усердия. Мимо чужой беды проходил со спокойной душой, злословил и грубил. Деян многое отдал, только бы вернуться домой и работать не покладая рук, а проклятие оказалось кошмарным сном.

Одиночные странствия были непросты, и Деяну не всегда везло. Похоже, в этот раз его настигли охотники, и если бы не рыжеволосая девушка с колдовскими зелеными очами…

Вспомнив Есению, Деян сам себе улыбнулся. Как же она прекрасна! Так заботилась о нем, лечила, поила, а какая красавица! Но тут же Деян запретил себе о ней думать. Нужно поскорее уйти отсюда, чтобы защитить ее от себя самого. Ведь в обличии волка он может ей навредить!

Захваченный решительными мыслями, Деян резко поднялся, но от этого у него закружилась голова, а бок противно закололо, и он был вынужден снова лечь. Сквозь крохотное окошко внутрь пробивались последние лучи заходящего солнца,

и Деян почувствовал, как его снова клонит в сон. Он пытался с ним бороться до последнего, но в итоге потерпел сокрушительное поражение.

***

Сколько себя помнила, Есения всегда жила с бабушкой. Мать ее скончалась при родах, а отец чуть позже погиб, защищая родную деревню. Изредка Есения просила бабушку рассказать о том страшном годе, когда в Вислянку нагрянуло племя воинственных кочевников, и как отважно сражался ее отец Ярослав. Однако бабушка в ответ лишь тяжело вздыхала и скупо роняла по этому поводу несколько фраз. Мол, захватчики не ожидали, что крестьяне дадут им серьезный отпор, поэтому вскоре покинули деревню, но такой счастливый исход стоил жизни многим, в том числе и ее отцу. Есения знала, как тяжело было бабушке пережить его смерть, поэтому помогала всем, чем могла.

Обычно она просыпалась с рассветом и принималась за дела, но в эту ночь спала плохо. События прошедшего дня не давали ей спокойно уснуть, поэтому Есения встала еще до первых лучей солнца. Наскоро умывшись и переодевшись, она прокралась к лавке, где мирным сном спал

Деян. Его грудь вздымалась от ровных вдохов, а это значило, что с ним все хорошо. После этого Есения принялась за привычные дела, а их у нее было много: и тесто на пироги замесить, и корову подоить, чтобы к завтраку на столе было свежее парное молоко.

Пока она хлопотала по хозяйству, бабушка проверила состояние Деяна и подтвердила, что ему уже лучше, но будет хорошо, если он останется у них, пока рана не заживет окончательно. Услышав это, Есения с трудом сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши от радости. Она сможет быть рядом с Деяном хотя бы ближайшие дни! Как же это замечательно!

Вскоре и сам Деян проснулся, и первое, что он увидел, было прекрасное личико юной девушки, которая склонилась над ним.

— Есения… — улыбнулся он.

— Тише-тише, тебе не нужно напрягаться, я сейчас тебе рану перевяжу, а потом накормлю. Ты, наверное, голоден, — проговорила она, не отрываясь от врачеваний.

Заурчавший от голода желудок ответил вместо своего хозяина. Деян смущенно отвел глаза, но Есения лишь звонко рассмеялась в ответ и пообещала закончить перевязку как можно быстрее,

чтобы он мог приступить к завтраку. Немного погодя перед ним появился кувшин с молоком и несколько румяных пирожков.

Есения с удовольствием наблюдала, как ее новый знакомый поглощает один пирожок за другим и запивает молоком, а сама развлекала его разговорами о том, что происходило в деревне. Как Вериславкузнец на той неделе подковал за день десять кобыл, а Борислав посватался к дочке старосты, и свадьбу порешали устроить после жатвы.

— А в твоей деревне есть кузнец? — спросила Есения.

— У меня нет своей деревни, я странствую по миру, — ответил Деян, вытерев губы от остатков молока.

— Ох, как же это интересно! А расскажи о местах, где ты был? Что видел?

Деяну особо нечем было похвастаться, ведь он не так давно попал в шкуру волка, но глядя в восторженные глаза Есении, которая ждала от него чего-то волшебного, не решился ее разочаровать. Рассказывая о своих путешествиях, он ни капельки не врал, лишь старался описать те места, что видел, в самых ярких красках.

Есения слушала его с открытым ртом, ловя

каждое слово. Она не была нигде дальше соседней деревни, где каждый год проходила ярмарка, поэтому все, о чем говорил Деян, казалось ей сказочным.

— Наверное, прекрасно все это увидеть своими глазами, — сказала она, внимательно выслушав его рассказ. — Но разве ты никогда не хотел иметь свой дом? Семью…

Она не заметила, как во время разговора придвинулась к Деяну ближе, и ее пальцы невзначай коснулись его руки. Деян вздрогнул от прикосновения, но руку не убрал, а, наоборот, накрыл ею маленькие девичьи пальчики. Ему до безумия хотелось, чтобы все было так, как говорила Есения, чтобы она была рядом… Но этого никогда не произойдет. Ведь рано или поздно наступит новое полнолуние, а это значит, что он снова станет волком — хищным и беспощадным.

— Я не могу задерживаться на одном месте надолго. Это моя… сущность, — наконец ответил он, с трудом подбирая слова.

— И никто-никто не сможет это изменить?

— Я не знаю, — признался он, вспомнив слова проклятия. — Не смотри так, Есенюшка, это мне неподвластно.

Девушка нахмурила рыжие бровки и неодоб-

рительно покачала головой, и Деян, чтобы хоть немного ее успокоить, чуть сильнее сжал ее пальчики.

— Скажи, почему там, в овраге, ты не хотел принимать помощь от меня? Почему говорил, чтобы я бежала? — вскоре спросила она.

— Я такое говорил? Честно, я не помню этого.

— А как ты вообще там оказался? На тебя кто-то напал? Дикий зверь? Или разбойники лесные?

— Может, и зверь, а может, человек, — ответил Деян, и сам не зная всей правды. — Все произошло очень быстро, поэтому я мало что запомнил… Но я очень благодарен, что ты вовремя нашла меня! Ведь если бы не ты, Есенюшка…

Однако договорить Деян не успел, потому что в горницу вошла Лукерья Агафоновна, и они с Есенией разъединили руки, боясь быть пойманными за этой невинной лаской. Есении показалось, что бабушка не заметила этого жеста. Либо сделала вид, что не заметила.

— Ну что, молодец, проснулся? Как чувствуешь себя?

— Уже лучше, чем вчера. Только в боку немного болит, — ответил Деян. — Скажите, может, вам чем по хозяйству подсобить? Не привык я целый день без дела лежать.

— Ишь ты, какой резвый, — улыбнулась Лукерья Агафоновна. — Только рано тебе ещё хозяйничать, отдохни пару денечков, а там поставим тебя на ноги, и если все ещё захочешь помочь нам с Есенюшкой, мы будем только рады.

— Я захочу! Уверяю вас! — пылко воскликнул Деян.

— Хорошо-хорошо, будь по-твоему, — похлопала его по плечу бабушка.

***

Через два дня, как и обещала Лукерья Агафоновна, Деян уже смог вставать и начал помогать им с Есенией по хозяйству. Колол дрова, кормил корову, чинил крыльцо, топил печь и беспрекословно выполнял все просьбы женщин. Лукерья Агафоновна не могла нарадоваться на такого добросовестного помощника, ведь без мужской руки жить им с внучкой иногда бывало очень туго, а Деян был только рад стараться.

С Есенией они проводили вместе почти весь день, и он понимал, что с каждым разом ему все больше и больше хочется остаться с ней навсегда. Ее добрый нрав и любознательность были ему близки, а вдобавок ко всему она так красива… Наверное, Есения еще и сама не понимала, на-

сколько она прекрасна. Какие у нее блестящие рыжие волосы, заплетенные в тугую косу, тонкая белая шейка и удивительные зеленые глаза. А губы… От одной мысли, что он может прикоснуться к ее манящим устам, у Деяна кружилась голова. Вот бы хоть раз поцеловать их…

— Ну так что, ты пойдешь? — спросила Есения, и Деян понял, что не слышал, о чем она говорила до этого. Так был увлечен своими мечтами.

Они сидели на лавке у печи и вместе лущили горох, разговаривая, как обычно обо всем на свете, но в какой-то момент Деян отвлекся.

— Куда? — спросил он.

— Как куда? На празднование Ивана Купалы! Там будет весело, вот увидишь!

— Нет-нет, я не могу…

— Почему?

Он тяжело вздохнул и покачал головой:

— Я же говорил тебе об этом, Есенюшка. Мне скоро придется уйти, я не могу оставаться у вас долго.

— Но ты и не ответил мне, почему. Все эти отговорки про то, что ты “должен”, это твоя “сущность”, меня не устраивают! — твердо заявила она. — Скажи честно, у тебя есть невеста? Ты к ней должен уйти?

Эта версия была единственной, которая крутилась в голове у Есении последние дни. И хотя она всячески старалась гнать ее от себя, нет-нет, ревность предательски колола душу.

— Что? Нет у меня никакой невесты, о чем ты? Я только о тебе думаю. Ты самая прекрасная девушка, кого я когда-либо встречал, лучше тебя нету в целом свете, Есенюшка!

Деян убрал на пол ведро с горохом, которое разделяло их, и взял Есению за руки, понимая, что совершает непоправимую ошибку. Он не должен признаваться ей в чувствах, ведь когда ему придется уйти, им обоим будет больно! Последние дни он то и делал, что уговаривал себя остаться ещё немного, хотя знал, что полностью окреп, а полнолуние уже близится… Однако Деян неожиданно понял, что сбился со счета дней и не помнит, когда он должен будет превратиться в волка. Через два дня? Или три?

Он заметил, что у Есении из косы выбилась прядь, и не сумел удержаться, чтобы заправить ее за ушко. Его пальцы коснулись нежной кожи, и вдруг Есения сжала рукой его ладонь и поднесла к своей щеке. Сердце от этого забилось сильней, а все внутренности будто обожгло огнем.

— Есенюшка, милая моя… — прошептал Деян,

понимая, что больше не в силах сдерживать свое желание коснуться поцелуем ее прекрасных розовых губ.

— Пожалуйста, не уходи, — попросила она его. — Останься со мной…

Если бы Деян сейчас был волком, то завыл бы на Луну. Он ведь и сам хотел этого не меньше Есении! Остаться, жить нормальной жизнью и забыть о вечных странствиях… Как бы ему хотелось рассказать ей обо всем, поделиться своей тяжкой ношей! Но у него ещё есть время. Вроде бы есть. Во всяком случае, до Ивана Купалы он мог продержаться.

— Хорошо, я останусь на Купальскую ночь, но потом мне придется на какое-то время покинуть тебя, — наконец, сказал он. — Я очень не хочу этого, но я вынужден…

Вместо ответа Есения стремительно прижалась головой к его груди.

— Обещай, что потом снова вернешься ко мне, — прошептала она.

— Обещаю, — сдался он.

***

В деревне Есении праздник Ивана Купалы проводили на берегу реки, где обычно собирались

все местные жители: от маленьких ребятишек до дряхлых стариков. Девицы плели венки и гадали на суженого, водили хороводы, молодцы пели песни, а повсюду горели костры. В середине одного из них, самого большого, стояло горящее на шесте колесо — символ Солнца. Обычно погруженный в тишину берег реки в Купальскую ночь был окутан звуками песен и веселого смеха.

Белава, Святомир, Есения и Деян пришли на праздник к самому его разгару. Девушки нарядились в красивые сарафаны с красным орнаментом, а парни надели белые кафтаны. У Деяна, конечно, не было своего, вся его одежда состояла из простых штанов и рваной рубахи, но Святомир пришел ему на выручку. Правда, его кафтан был Деяну велик, однако Есения быстро нашла выход и принесла красный тканый пояс, которым он и подпоясался.

— Ох, как весело! — захлопала в ладоши Белава, глядя на праздник. — Идемте же скорее петь и веселиться!

Она, как птичка, упорхнула к хороводу, а Святомир сказал, что пойдет сперва собирать иван-да-марью.

— По поверьям, если сорвать это растение именно в Купальскую ночь и разложить в доме,

то в него никогда не проберутся воры, — с важным видом сказал он. — Вы идите с Белавой, а я потом вас найду.

— Ну что, ты готов? — спросила Есения, глядя на своего любимого, когда Святомир ушел.

Деян смотрел на веселящихся людей, среди которых, как он стал считать после обращения в волка, ему не место. Ведь он другой, не такой, как они… Однако по его подсчетам полнолуние должно быть завтра, поэтому у него есть последняя ночь, которую он хотел провести со своей милой Есенией. И почему бы не повеселиться? Что плохого может случиться?

— Готов, — решительно ответил он и взял ее за руку.

Они присоединились к гуляниям, и Деян впервые за последнее время ощутил, каково это — быть среди людей. Быть частью чего-то большого. Особенно, когда они с Есенией и Белавой встали в хоровод с другими парнями и девушками, Деян почувствовал невероятный прилив счастья. Оказалось, что память его сохранила слова купальских песен, которые он пел вместе со всеми.

Купала, Купала,

Где ты летовала?

Летовала я в лесочке
Под ракитовым кусточком,
Под березовым листочком.
Купала, Купала,
Где ты зимовала?
Зимовала на лужочке
Под беленьким снежочком.

А когда солнце скрылось за горизонтом, было объявлено о начале прыжков через костер. Есения с Деяном без всяких сомнений прыгали вместе со всеми так высоко, как только могли, и ни разу руки их не разомкнулись. Белава уверенно заявила, что это к скорой свадьбе.

— Ох, как же хорошо! Как весело! — заливисто смеялась Есения, когда они с Деяном, устав от прыжков, сели под деревом вдали от шумной толпы.

— Очень! — улыбнулся Деян и провел большим пальцем по ее лицу.

От его прикосновений у Есении все внутри задрожало, и она прильнула к Деяну и сама накрыла его губы своими. Ей хотелось, чтобы ночь эта никогда не заканчивалась, и они всегда были вместе, чтобы стали одним целым…

Неожиданно Деян отстранился от нее, и во взгляде его читался страх и ужас.

— Что такое? Что с тобой, милый мой Деян?

Есения взяла его за руку, но он неожиданно отскочил от нее и попятился в темноту леса.

— Я… Мне… мне нужно уйти… — пробормотал он.

— Куда ты? — вскочила за ним Есения.

— Не ходи за мной! Не ходи! — его голос стал злым и грубым.

— Но почему? Деян, я… — начала Есения, но вдруг он сорвался с места и скрылся в лесной чаще.

На траву падал мягкий лунный свет, где-то вдалеке слышались купальские песни и звонкий девичий смех, а Есения изо всех сил звала любимого, но он не отзывался. В бессилии она подняла голову к небу, взывая к помощи Берегини, но на нее смотрел лишь яркий диск Луны, сверкающий на безоблачном небе, и вдруг… Полная Луна, странствия, слова о том, что ему скоро придется уйти, и он не может остаться с ней — неожиданно все это сложилось у Есении в единую картинку. Она вспомнила бабушкины сказки, и поняла. Оборотень. Деян — оборотень!

Неожиданное открытие сперва привело Есению в смятение, но она тут же спросила себя: изменятся ли от этого ее чувства к нему? И сердце

ответило твердое “нет”. Нет! Ей все равно, кто он, она будет любить его всегда, потому что он для нее тот самый, единственный.

Ночью лес выглядел грозным и зловещим, темные силуэты деревьев с изогнутыми ветками были похожи на страшных чудовищ из сказок, но Есения знала, что должна войти в темную чащобу и найти Деяна, где бы он ни был. Любовь давала ей силы преодолеть любые преграды.

Есения шла по лесу, ориентируясь только на лунный свет, который, как она была уверена, вел ее к Деяну. Круглый диск Луны сверкал над кронами спящих деревьев, и Есения то и дело поднимала взгляд, чтобы убедиться — лунная богиня Дивия все еще помогает ей. Она шла все дальше и дальше, но Деяна нигде не было, а вскоре Есения поняла, что забралась слишком далеко и заблудилась…

— Деян! Прошу тебя, отзовись! — остановилась она и крикнула так громко, как только могла.

Где же он? Как его теперь найти?

— Деян! — снова позвала она, но в ответ раздалось лишь зловещее уханье совы.

Есения поежилась от холода, тонкая рубаха совсем не грела. Вдруг где-то поблизости раздался хруст ветки, и Есения вздрогнула. Она осталась

одна в диком лесу, где водятся не только зайцы и птички, но и злые хищники, одним из которых был ее любимый Деян. Обернувшись, Есения поняла, что попала в ловушку. Перед ней стоял серый волк и злобно скалил зубы.

Сжав рот ладонью, чтобы не закричать, Есения в упор смотрела на хищное животное и мысленно молила богов о помощи. А в это время волк медленно, шаг за шагом, приближался к ней…И вдруг она заметила, какого цвета у него глаза — те самые, желто-янтарные. Есения сердцем почувствовала, что перед ней он.

— Деян… Это ты? — спросила она, чувствуя, как на глаза навернулись слезы.

Волк неожиданно спрятал зубы, но потом снова обнажил их и к тому же грозно зарычал.

— Я знаю… Я чувствую, что это ты! Милый мой, милый Деян… Это же я, твоя Есенюшка! Прошу, вспомни меня! — молила она, не отрывая взгляд от его глаз.

Есения присела на корточки и протянула вперед руку.

— Хороший мой, так вот, в чем дело. Вот, что ты так усердно скрывал от меня! Ты боялся, что я убегу от тебя, да? Но я никогда тебя не брошу. Слышишь, никогда?

Есения всем сердцем молила, чтобы Деян услышал ее даже в обличии волка. Но пока он лишь внимательно смотрел на нее и сделал шаг навстречу.

— Теперь я понимаю, почему ты говорил о своих странствиях. Ты ведь не мог нигде задерживаться, верно? Ты боялся, потому что был один, никто не мог поддержать тебя… А я могу. Я хочу быть всегда рядом с тобой. Всегда, слышишь? Потому что я тебя люблю…

Она сказала это искренне, от души, которая требовала поведать о своих чувствах, и даже представить не могла, что произойдет дальше…

Неожиданно волк громко завыл, а затем его фигура озарилась ярким светом. Он был настолько ярок, что Есения закрыла глаза, а когда открыла их, то увидела, как перед ней лежит Деян, сжавшись в комок.

— Деян! — воскликнула она и со слезами на глазах крепко обняла его, а потом взяла его лицо в руки и принялась неистово целовать.

— Есения… — прошептал он, приходя в себя. — Ты в порядке? Я не ранил тебя?

— Нет, милый, все хорошо. Со мной все хорошо!

Деян обнял ее за плечи и прижал к себе. Он

все ещё помнил, как первый раз будучи в шкуре волка сумел почувствовать что-то человеческое, понять, кто стоит перед ним, и сколько для него значит эта девушка. И тогда волчье сознание стало постепенно уходить, он смог вернуть над собой контроль, а потом случилось чудо.

— Ночь, когда солнце пойдет на зиму, а лето — на жару, признается тебе в любви девушка, чистая сердцем и душой… — произнес Деян слова зловещего проклятия, и от волнения у него задрожали руки.

— Что ты говоришь? — не расслышала Есения.

Но Деян лишь улыбнулся и коснулся ее губ долгим и сладким поцелуем:

— Спасибо. Спасибо за то, что спасла меня. Я тебя люблю… Теперь мы всегда будем вместе.

***

Через некоторое время Деян вернулся в отчий дом, где его уже не надеялись увидеть живым. Мать долго не выпускала его из объятий, братья и сестра всё кружили возле него и наперебой галдели, а отец лишь спросил, где он был так долго. Деян ответил, что ему нужно было время, чтобы найти себя и стать лучше, и попросил родительского благословения на женитьбу с прекрасной

Есенией, которая приехала вместе с ним. Однако, получив благословение, они вернулись обратно в Вислянку, где их с нетерпением ждала Лукерья Агафоновна. В тот же год Деян и Есения поженились, и через положенное время у них родился малыш, которого назвали Златозар.

Когда проклятие было снято, Деяну больше не нужно было убегать и скрываться, теперь он жил в деревне наравне со всеми и перестал бояться полнолуний. В волка он больше не обращался, а глаза его потеряли свой желто-янтарный блеск. Они с Есенией решили, что это будет их общая тайна, и никому не рассказывали о случившемся в Купальскую ночь, позабыв об этом, как о страшном сне. Лишь иногда, когда он выходил ночью на крыльцо, Деян смотрел на сияющий лунный диск и благодарил ту нищенку, которая прокляла его. Ведь если бы не она, он бы никогда не повстречал свою милую ненаглядную Есению.

Анна Неделина
Зверь всегда найдет дорогу назад

— Ну, здравствуй, темный лес! — весело приветствовал Ройвел, наблюдатель от учебного совета, обязанный проследить, что Нейт добрался до места распределения и не сбежал по пути. Веселость его была притворной. Еще бы, пришлось тащиться с провинившимся выпускником за тридевять земель, на другую сторону Митили, почти до самой западной границы Рольвена. Проще было выгнать проблемного студента с позором, вместо диплома показав вслед кукиш. Шутка ли: подопечный едва не отправился прямиком на рудники по обвинению в покушении на сына советника Берлита, которому, как говорят, едва горло не перегрыз. Одно слово — оборотень.

Ехали они, конечно, не в лес, а в маленький городок под названием Тальмер. Но Ройвелу уж очень хотелось позлорадствовать.

— Самое для тебя подходящее местечко, — хмыкнул он. — Видал, какая глушь вокруг?

— Видал, — лениво откликнулся Нейт, который большую часть пути попросту проспал, несмотря

на все неудобства. Но даже при этом Ройвел успел ему надоесть своими бесконечными шуточками. Может, Нейт и правда сбежал бы, только не от распределения, а скорее — от докучливого провожатого.

— Говорят, тут разбойников — тьма. И нечисть водится. Не заскучаешь! — ехидно заметил Ройвел.

— Удивительно, что никто не попытался напасть на карету, — пробормотал Нейт. Негромко, но провожатый все же услышал и примолк. Видно, задумался, что Нейт-то в Тальмере останется, а ему еще обратно в столицу ехать придется…

Но молчать долго Ройвел не был способен. И собственную обиду облек в очередной намек:

— С тобой ещё хорошо обошлись. Мог бы сейчас в застенках сидеть, в королевской тюрьме, как особо отличившийся маг.

— Милостью его величества и мудростью ученого совета минула меня чаша сия, — отозвался Нейт. На самом деле, горькая чаша миновала его только чудом. У чуда были волосы цвета спелой пшеницы, длинные светлые ресницы и глаза, зеленые, как весенняя трава. Эти глаза были полны печали…

Нейт помнил и другие взгляды. Неприязнен-

ные, презрительные, раздраженные. Помнил шепотки. Пустили отребье в Магическую Академию — вот вам и результат. Отребьем Нейт не был. Его отец всю жизнь трудился, будучи торговцем. Но кого это интересовало? Давайте перестанем пускать неблагородных в Академию! Ужесточим экзамены, будем проводить ежегодные проверки на благонадежность!

Однако среди магов добрая треть — без родуплемени. Дар не по знатности дается. Так что никаких ограничений на поступление в Академию не последовало.

Нейт снова подумал о девушке с зелеными глазами.

У нее было звучное имя — Клотильда. Тилли Бран. Она была племянницей графа Кайлена Брана, телохранителя его величества короля Альвета.

А он… просто оказался рядом.

— Ну, что скис? — поинтересовался Ройвел. — Небось, о местечке при дворе рассчитывал? Сдался ты там кому…

Нейт сам не знал, на что рассчитывал. Отец всегда учил, что если талант дан — нельзя лениться, нужно развиваться по мере возможностей и сил. Возможности поступить в Академию были

— вот он и двигался вперед, пока мог. Кто бы мог подумать, что в итоге он получит должность городского мага в каком-то Тальмере?

Нет, должность сама по себе достойная.

Но он оказался так далеко от столицы. Можно считать, что наказание все равно его настигло.

***

Семь месяцев назад

Из-за густых зарослей акации донеслось:

— И за что же нынче дядюшки признают приблуд своими родственниками?

— Должно быть, милашка не без фантазии, раз заинтересовала самого Кайлена Брана.

Отвратительные слова. Мерзкий смысл. Говорившие не знали о присутствии Нейта, а он не видел лиц. Только понял, что там девушка и не меньше троих насмешников — против нее одной. А ведь дело происходит не в какой-нибудь подворотне, а во дворе Магической Академии Тейна.

— Достойные суждения для людей, которые стремятся оказаться на королевской службе, — девичий голосок звенел. — И вот такие мысли бродят в головах благородных отпрысков уважаемых фамилий?

Нейту очень захотелось увидеть ту, что это

сказала.

— Не тебе судить, дура безмозглая, — прошипел один из задир.

— А кто дал вам право судить графа Брана? — поинтересовалась девушка. — Уверены, что найдете подтверждение своим словам перед лицом королевского суда?

— Да кому ты нужна, чтобы разбираться королевским судом?!

— А при чем тут она? — подал голос Нейт. Не нужно было выжидать так долго. — Вы только что нанесли оскорбление графу Брану. Уверен, что с ним драться будет так же легко, как и с девушкой?

Нужно было видеть эти покрасневшие физиономии! Казалось — аристократики сейчас попросту полопаются от злости.

Нейт рассудительно добавил:

— Глупо вести подобные разговоры во дворе Магической Академии.

К этому моменту тот из мерзавцев, что стоял к девушке ближе остальных, наконец, взял себя в руки. Презрительно усмехнувшись, он поинтересовался:

— И кто тут у нас подал голос? Еще один бродяга…

— Этот бродяга что-то слышал, — напомнил Нейт. — Господа желают продолжить разговор в кабинете декана?

— Страшно, не могу! Твое слово против моего… уже дрожу.

— Хватит! — решительно сказала девушка. — Это переходит все границы, Дегорт! Мое слово тоже будет что-то значить, не забывай об этом.

Дегорт скривился:

— Пф! Еще связываться!

Нейта толкнули в правое плечо, потом в левое: подпевалы Дегорта один за другим потянулись за своим предводителем.

А девушка осталась с Нейтом.

— Ты всерьез собирался против них выступить? — спросила она. — Между прочим, это был Дегорт Берлит.

Разумеется, фамилия «Берлит», принадлежавшая королевскому советнику, произвела на Нейта впечатление. Но вида он не подал.

— Они вели себя недостойно. Их следовало поставить на место.

— Даже если после этого в опасном положении окажутся другие люди? — поинтересовалась девушка. Вроде и не осуждала, но одобрения в ее голосе тоже не чувствовалось. Над ее словами

стоило задуматься.

Девушка подошла к скамейке неподалеку, взяла с нее свою сумку, расшитую бисером. Такие нынче были модны среди студентов.

— Почему они были так жестоки к такой симпатичной девушке? — спросил Нейт.

Она обернулась.

— Ты издеваешься?

— Вовсе нет. Спрашиваю совершенно серьезно.

— Да, конечно!

Нейт озадаченно почесал за ухом, не задумываясь о том, как выглядит жест. Девушка наблюдала за ним с удивлением. Не удержалась, улыбнулась.

— Ты совсем как зверек, — заметила она.

Нейт смутился, пожал плечами.

— У каждого дара свои особенности. Иногда так увлекаюсь наблюдением через животных, что невольно перенимаю их повадки.

— Через животных? — девушка склонила голову набок. Выбившаяся из строгого пучка светлая прядь упала на шею.

— Я могу видеть их глазами. По сути, совмещаю свой разум с сознанием какого-нибудь зверя… — пояснил Нейт.

— Так ты оборотень? — напрямик спросила

она. — Я слышала, как девчонки судачили. Должно быть, сами они тебя ни разу не видели.

— Почему?

— По их рассказам ты — угрюмый, страшный здоровяк с клыками и грязью под ногтями.

— Обычно-то я их чищу, — Нейт продемонстрировал руки, но тут же сжал кулаки. Ногти у него и правда были не в лучшем виде: неровно обкусанные. Этой своей привычки Нейт тоже не замечал и прежде она его не беспокоила. — Наверное, кто-то из твоих подруг застал меня, закапывающим косточку в саду…

— Не может быть! Ты должен знать, что в Академии вечно все меняется местами. Кость потом можно и не найти!

— Но и без запасов нельзя, — задумчиво пробормотал Нейт.

Девушка рассмеялась.

— Еще говорят, ты превращаешься в любого зверя, какие только существуют.

— Я могу присоединиться к сознанию любого зверя и направить его в нужном мне направлении. Это, конечно, влияет на меня самого. Я меняюсь… начинаю мыслить, как зверь, вести себя по-звериному, двигаться быстрее, чем обычные люди…

Он не добавил, что и опасен становится тоже как хищный зверь. Об этом слухи рассказывали куда красочнее, чем было на самом деле. Пугать девушку он не хотел. И опасался, что вот-вот проявится брезгливость. У всех его знакомых рано или поздно начиналось неприятие. Довольно мило возиться с котенком или щенком. Но когда человек внезапно с интересом принюхивается к сырому мясу или опускается на четвереньки, потому что так проще взять след — это уже совсем не мило.

Короче говоря, Нейт знал, каково это: опасаться, что тебя начнут сторониться просто потому, что молва идет впереди. Девушка, похоже, именно такой опаски и ждала.

Нейт, конечно, слышал о племянниках графа Брана: одаренных молодых людях, которых дядя сделал своими наследниками за неимением собственных детей. Беда была в том, что племянников лет до пяти воспитывала мать, как говорили — деревенская простушка. Терин и Клотильда, так их звали. Они были бастардами, их родной отец никогда не женился и вряд ли собирался соединить судьбу с простолюдинкой. Впрочем, Браны — не первые незаконнорожденные дети благородных отцов. А зависть людей

велика… Терин Бран имел какой-то порок дара, в Академии он не доучился, но, говорили, что он стал появляться при дворе, получил какую-то незначительную должность и даже завел знакомство с принцем Тилем Линезским, наследником трона соседнего государства. Не каждый рольвенский аристократ в столь юном возрасте может похвастаться подобными успехами. Вот люди и завидовали.

Только Нейту было совершенно все равно.

***

— Ну, вот, значица, дом городского мага, — в очередной раз повторил градоправитель. Нейт огляделся. В жилище предшественника царило такое же запустение, как и в маленьком садике, прилегавшем к нему. Такое впечатление создавалось, будто из дома бежали в спешке. И прежде того — еще изрядно колдовали.

— А что случилось с прежним магом? — поинтересовался Нейт.

— С Аурелем-то? Срок службы закончился, он сразу и уехал, — простодушно сообщил градоправитель.

— У вас тут так тяжело работать?

— Скорее, скучно. А без мага — бывает непросто,

это да. Понимаете, господин Гарвель? Вот мы и обрадовались, когда узнали, что про нас, наконец, вспомнили. Вы-то, как указано в бумагах, здесь пять годков проработаете. Мне все спокойней будет…

Нейт кивнул. Градоправитель не упомянул, что в бумагах также указано: «Обязан отработать по решению суда». Неужто после такого действительно можно говорить о спокойствии? Интересное место этот Тальмер.

— Других магов в городе нет?

— Отчего же, парочка найдется. Только они ж все без сопроводительных бумаг. Не могут ответственные должности занимать.

А Нейт по приговору суда, выходит, может. И это градоправителя не особенно беспокоило.

Ну, что же. Нейту нравилось, когда люди судят без предвзятости.

— Дом теперь ваш, значица, — заключил градоправитель. — Располагайтесь тут со всем удобством. Горожан прежний маг принимал здесь же. За этой дверью у него кабинет был. Там кое-какие бумаги остались, вы уж разберитесь. А здесь вот подъемные, честь по чести.

Градоправитель передал Нейту увесистую связку ключей, тощий мешочек, в котором

ободряюще звякнуло, и поскорей исчез, отговорившись делами, которых невпроворот.

Новоиспеченный городской маг отпер дверь кабинета.

И обнаружил заваленный бумагами письменный стол. Постоял на пороге, пытаясь на глазок оценить масштаб трагедии.

Потом запер дверь и пошел разбирать вещи.

***

Градоправитель рискнул заглянуть к нему только спустя четыре дня. В кабинете уже воцарился порядок, хотя сам дом все еще выглядел пустым. Нейту было лень убираться везде, много места ему не требовалось. Он лишь осмотрелся, чтобы убедиться: никаких магических тайников или забытых предметов в доме не осталось.

Количество бумаг на столе не уменьшилось, даже начало прирастать после того, как люди узнали, что дом городского мага снова открыт для посетителей.

— Ну, как идут дела? Наслышан от людей, что вы им помогаете по мере сил, — сказал градоправитель бодро.

Нейт вздохнул.

— Гоняю крыс, ищу призраков, избавляю от

проклятия неудачной женитьбы… В большинстве случаев — пустая трата времени. Призраков нет, проклятья — пустышка, вот разве что крысы неизменно присутствуют.

— Кхм… ну, люди просто рады городскому магу. К тому же молодому. Холостому, опять же…

— То-то со вчерашнего дня девицы идут жаловаться, что им кажется, будто их преследует злой дух, нашептывающий в сгущающихся сумерках странное, — хмыкнул Нейт. — Кстати, господин градоправитель, у меня вопрос.

— Да-да?

— Я нашел записи своего предшественника. И был несколько удивлен. Каков профиль его дара?

— Стихийник он был, вполне обычный водный маг, как все.

— Да, но он очень активно занимался целительской практикой. Понимаете, не простым затворением крови или утешением боли. Я подумал, он увлекся знахарством и травничеством, раз прописывал горожанам настои. Но в доме нет намека на лабораторию, в которой можно было бы готовить необходимые снадобья… У него было другое жилье в городе или за его пределами?

— Нет, что вы. Он отсюда нечасто выходил.

Нейт с тоской покосился на бумаги. Не удивительно.

— Но ведь отловом нечисти он тоже занимался?

— Истинно так! Бывало, прибегут к нему несчастные: домовой со свету сживает, помоги! Он достанет карту города, начертит на ней угольком путь от дома к реке, да и приказывает: «Домовой, злодей, а ну, пшел за порог, чтобы тебя больше не видали и не слыхали в Тальмере!» И с того момента — тишь да гладь воцаряется.

Нейт впервые слышал о том, чтобы подобные способы изгнания были действенными. Он и домовых ни разу не видел, разве что в учебнике по духоведению.

Впрочем, если горожанам становилось спокойней — пожалуйста. Но что Нейта беспокоило — это настои, которые городской маг раздавал довольно щедро, не уточняя в записях содержимое.

— Вы ведь говорили, что магов, имеющих право на практику, в городе нет? Целителя, как я понимаю, тоже не имеется? — уточнил он.

— Верно понимаете, господин Гарвель.

— Почему же вы его не наняли? По Магическому регламенту, в городе вроде Тальмера у городского мага должно быть не менее двух помощников и

хотя бы один целитель.

— К сожалению, всем им необходимо платить из городской казны. А нам и господин Аурель дорого обходился.

Про самого Нейта градоправитель не упомянул. Видно, пока он в тягость городу не был.

— Но я — не целитель и услуг такого свойства оказать горожанам не смогу.

— Что же, жаль, конечно. Но это не беда, как-то же жили прежде.

Вот Нейту и было интересно — как же это так они тут жили и откуда у городского мага появлялись лечебные настои и отвары. Вообще-то, среди бумаг Ауреля нашлась подсказка. Попалась она Нейту среди многочисленных жалоб. Видно, городской маг строчил их от скуки. Привычка к бумажной волоките давала о себе знать, не иначе.

— А куда делась госпожа Регина Линнель, которая занималась в Тальмере целительством в прошлом году? — поинтересовался он.

— Да никуда, живет себе спокойно, — удивился градоправитель. — Только она не целительница.

— Но в жалобах господина Ауреля говорится именно так.

— Хм-хм, и правда, что-то такое было… В сущно-

сти, госпожа Регина — травница. Целительницей люди называют из уважения.

Имя неизвестной Нейту женщины градоправитель и сам произносил с заметным почтением.

Нейт кивнул.

— Подскажите, где мне ее найти.

— А стоит ли тревожить добрую горожанку, господин Гарвель?

— Постараюсь обойтись без тревог, — пообещал Нейт.

Градоправитель вздохнул.

— Ну, удачи вам, значица…

***

Дом был старый, но крепкий. Крышу не так давно ремонтировали. Видно было, что кто-то переложил черепицу, перекрасил наличники на окнах. Ухаживали за жилищем.

Нейт даже не успел подняться на крыльцо. Из-за угла дома вышел мужчина в черной рубахе и черных же штанах, босой, с полотенцем в руках. Волосы его были мокрыми.

— Чего тебе? — спросил мрачно этот тип. Нейт решил, что он здорово смахивает на разбойника. А еще — от незнакомца пахло магией, травами и гарью. Будто мужчина ещё недавно ходил по

пепелищу.

— Я ищу Регину Линнель, — миролюбиво сказал Нейт.

— Считай, нашел. Слушаю, — еще больше помрачнел тип.

Нейт улыбнулся, стараясь сохранить дружелюбный тон.

— Вы на госпожу Линнель не похожи, — заметил он.

— Не выспался просто, — буркнул мужчина. — Так что тебе нужно?

— Я бы все же хотел поговорить с Региной…

— Перехоти.

Вот ведь бывают такие неприятные типы.

— Я обнаружил довольно много жалоб предыдущего городского мага, господина Ауреля. Из них видно, что госпожа Линнель занимается целительской практикой, не имея на то разрешения.

— Жалобы, значит, — процедил незнакомец и шагнул к Нейту. — Слушай внимательно. Сейчас ты развернешься и уйдешь. И больше я тебя возле этого дома не увижу.

— Иначе?

— Иначе и в городе тебя больше никто никогда не увидит. Как и господина Ауреля, — имя предшественника Нейта мужчина произнес с

презрением. — Тебе что-то непонятно?

— Это вам, судя по всему, непонятно, — спокойно отозвался Нейт, — что вы угрожаете магу при исполнении…

— Плевать, — сообщил незнакомец. — К Регине я тебя не подпущу.

— И как же вы намерены мне помешать? Примените магию против человека на королевской службе?

— Магия не понадобится. Я тебя и так вышвырну.

Нейт не любил доводить дело до драки. И уж тем более не любил драку начинать. Но угрозы его не напугали, как, возможно, рассчитывал незнакомец.

От первого удара Нейт уклонился, разозлив противника. Мужчина прорычал что-то недовольное и ударил вновь. Нейт поднырнул под его кулак, а потом, выпрямившись, нанес удар локтем, метя в лицо. Мужчина будто не заметил. Мир крутанулся. Нейта оторвало от земли, и он полетел, рухнув в колючую крапиву уже за невысокой оградой.

Когда Нейт поднялся, противник стоял напротив, по ту сторону ограды и брезгливо отряхивал руки.

— Иди отсюда, — посоветовал он.

Но Нейт был уже достаточно зол, чтобы оставить все так. Он прыгнул, перелетев через забор, как это смогла бы сделать собака. Звериное проснулось в нем стремительно. Мир потерял краски, зато обострилось чутье. Нейт видел только врага перед собой. Попытался вцепиться ему в руку. В горло не метил, человеческое все же еще сохранялось где-то на задворках сознания.

Незнакомец пропал. Вот он стоял прямо на пути — и вдруг нет его. Нейт приземлился на все четыре лапы… то есть, на руки и ноги. Ворча, приподнялся, готовясь к новому прыжку. Запах шел слева…

Потом его снесло потоком воды, опрокинуло назад, развернуло боком. Маг ударился о какой-то валун, и, наконец, врезался прямиком в злосчастную ограду, которая с треском проломилась под его весом.

У нависшего над Нейтом незнакомца в глазах загорались золотые искры.

— Щенок! Что-то все же умеешь! Какое приобретение для города. Так и быть, не стану тебя калечить, если прямо сейчас…

— Верс, что случилось? — от дома к ним шла молодая женщина в светлом платье.

Мужчина уже протянувший было к Нейту руку, словно намереваясь схватить за шкирку, замер. Нейт тут же подался в сторону.

Мужчина глянул через плечо.

— Иди в дом. Я разберусь.

— Нет уж, остановись. Ты этот забор только на прошлой неделе поставил. Объясните-ка, что происходит!

— Простите, госпожа Линнель, — пропыхтел Нейт, поднимаясь на ноги. — Мое имя — Нейт Гарвель, я новый городской маг Тальмера.

— Нашел жалобы Аурeля, вот и прискакал, — процедил мужчина.

— Ах, вот оно что, — в голосе госпожи Линнель появилась прохладца. — Не думала, что снова услышу об этом. Быть может, выпьете чаю?

— У себя дома, — мрачно добавил ее дружок.

— Не откажусь, — внезапно решил Нейт и взглянул на недавнего противника: — Вы ведь Верс Плантаго?

— Он самый. Что, Аурель и на меня жалобу накатал? Смотри-ка, — он повернулся к Регине, — выходит, все же поднабрался смелости.

— Вообще-то, у меня для вас послание, — произнес Нейт. — От Терина Брана.

— Вот как, — уже куда спокойней отозвался

Верс. — Ну, пошли в дом. Расскажешь, как это тебя угораздило столкнуться с Бранами.

***

Пять месяцев назад

Чем больше Нейт узнавал о Тилли Бран, тем больше глухого, непережитого раздражения скапливалось в нем. Он старался скрывать от нее при встречах, насколько его злит ситуация. Но Тилли слишком легко понимала его чувства и старалась успокоить. У нее была прекрасная улыбка. Тилли не всегда думала о людях хорошо. Их пороки она угадывала так, словно люди для нее были открытой книгой. Девушка не высказывала этого вслух, но по ее отношению, видимо, люди догадывались.

Поначалу Нейту казалось, что Тилли достается из-за успехов ее брата. Аристократы цепляются к ней, потому что не могут задеть Терина Брана. Но постепенно он начал понимать, что некоторые опасаются самой Тилли. Ее внимательного взгляда, от которого невозможно укрыться.

— У нас с братом дар видеть больше, чем обычные люди, — сказала она как-то. — Терину доступно будущее. Точнее, он иногда угадывает отдельные детали или события. Дар дается ему

с трудом. Это от магического проклятья, которого задело его в детстве. Его резерв надолго был подорван и до конца так и не восстановился. А я вижу, что происходит с людьми. Или уже произошло. Чем лучше я знаю человека, чем ближе он становится — тем выше вероятность, что я смогу узнать и о его прошлом. Не боишься?

— Наверное, нет. Ты пользуешься полученными сведениями, чтобы шантажировать богатеев?

— Ты прямолинеен, — задумчиво заметила Тилли. — Не знаю, хорошо это или плохо.

— Ты уже видела мое прошлое? — поинтересовался он.

Тилли улыбнулась.

— Все-таки беспокоишься?

— Скорее, хочу понять: насколько близким человеком ты меня считаешь, — пояснил он.

Тилли Бран долго молчала. Потом пообещала:

— Я скажу тебе, когда случится видение.

Он приносил ей подарки, которые и подарками-то нельзя было назвать. Орехи, ракушки с речного берега. Тилли смеялась:

— Ты и правда как зверек. Все жду, когда ты притащишь мне косточку.

Его обычно называли «зверем».

— Надо подумать, делиться ли с тобой запаса-

ми, — протянул он. Тилли засмеялась.

Из ракушек она соорудила украшение для мешочка, в котором носила письменные принадлежности.

Тилли принимала Нейта таким, какой он есть.

***

Меньше месяца назад

Нейт возвращался в свою комнату из академической библиотеки. Строгий смотритель решительно запретил выносить из читального зала старинные свитки с раскладками печатей. «В Академии и так не найдется места, которое не перестраивали бы по вине умников, которые упражняются в применении незнакомых заклинаний без требуемой внимательности, — ворчал он. — Есть правила. Правила должны соблюдаться». Он долго ворчал на Нейта, хотя тот и не пытался настаивать или сбежать с драгоценными записями.

Было уже темно. Луна то выныривала из-за туч, то вновь пропадала.

Нейт уловил запах людей раньше, чем они появились. Он чувствовал чье-то присутствие достаточно долго, чтобы понять: за ним следят, а впереди ждет ловушка. Он попытался сменить

курс. Но скоро выяснилось, что ловушка была не одна. Его очень настойчиво пытались поймать.

Он предпочел напасть первым, чтобы сохранить преимущество внезапности, и поначалу ему везло. Но вскоре подоспела подмога. Нейту ничего не оставалось, как пробудить звериную сущность. Это дало ему скорости и неожиданности поведения.

Он смог задеть как минимум двоих. Потом его спеленали заклинанием, накинули на голову мешок и тогда уже отходили так, что он на время потерял сознание.

Мешок оказался бесполезен: Нейт неплохо разглядел всю компанию. Среди нападавших был даже сам Берлит. Наверное, мерзавцы надеялись, что темнота станет их надежным помощником.

Убивать не собирались — когда Нейт пришел в себя и стянул с головы мешок, поблизости уже никого не было. Он кое-как добрел до общежития и едва не свалился на пороге своей комнаты.

А утром его вытащила из постели охрана. Задержали не только его, но и аристократов. Их нашли по крови. Нейт даже обрадовался, когда узнал, что больше всего досталось именно Берлиту.

Их обвинили в участии в магической дуэли. Оказалось, поединок заметил сторож — и как

раз тогда, когда нападавшие перешли к активному использованию заготовленных печатей. Бесчувственного Нейта он не заметил. Или не захотел заметить… если видел, как Нейт двигался по-звериному и догадался, что в драке участвует «оборотень», о котором ходят слухи.

Магические дуэли на территории Академии были под запретом и карались арестом. Поэтому Нейт в тот же день очутился за решеткой. Естественно, аристократики компанию ему не составили — оказались заперты по домам.

Потом дело обернулось скверно. Берлит сильно пострадал. Поначалу он и его дружки, как видно, подтвердили идею о магической дуэли, а потом…

И очень скоро появилась другая версия. Нейт напал на Берлита в зверином облике и пытался убить. Дружки его защищали и тоже были ранены.

Нейт превратился из хулигана, каких среди студентов Магической Академии было множество, в преступника, пытавшегося убить сына советника.

Пять дней он провел в камере. Тилли ни разу не пришла. Да, наверное, к нему никого и не пускали. И вообще: почему он ждал, что она придет? Но мысли жгли.

В один из дней между прутьев решетки проскользнула маленькая юркая птичка. Должно быть, погналась за каким-нибудь насекомым. Вот уж кому в тюремной камере было вполне удобно! Нейт поделился с гостьей сухой лепешкой. И сам не заметил, как «зацепился» за птицу, а его желание направило кроху к особняку Бранов.

Птица сделала несколько кругов вокруг здания. Потом на втором этаже открылось окно, мелькнула тонкая рука. Птица опустилась на ветку перед открытым окном. И Нейт глазами своей невольной провожатой увидел Тилли.

Девушка сидела на подоконнике, обхватив руками колени. Она была печальна.

Раздался стук в дверь.

— Могу я войти, Клотильда?

— Конечно, дядя, — Тилли поспешно соскочила с подоконника. В комнату вошел мужчина, который выглядел немногим старше племянницы. Обладатели дара надолго сохраняли молодость.

— Тайком слезы льешь? — спросил он.

— Нет, но… Ты же знаешь, как все это несправедливо! — ответила Тилли.

— Ничего непоправимого не случилось, не горюй. Нельзя исправить только смерть. Но впредь — не скрывай ничего ни от меня, ни от брата.

— Я ведь и подумать не могла, что он окажется способен на такое злодейство! Настоящий зверь… — выдохнула Тилли. Кайлен Бран обнял ее.

— Каждый получит то, что ему причитается… — глухо произнес он.

Тут птица увидела очень красивого жука… Связь ослабла, и Нейт снова осознал себя в тюремной камере.

Он долго смотрел на клочок темнеющего неба, перечеркнутого решеткой — все, что можно было увидеть в окошке, прорезанном в стене под самым потолком.

В ушах все ещё звучали слова, которые произнесла Тилли.

Способен на злодейство.

Зверь…

Да. Она, наверное, побоялась приходить.

На следующий день надсмотрщик, обычно не особо вежливый, открыл дверь камеры и с уважением произнес кому-то, кого Нейт пока не видел:

— Вот здесь он и сидит, душегубец. Вы бы поосторожней, ваше сиятельство. Говорят, оборотень он. Зубами мальчишку рвал. Правда, за все время, что тут провел, был паинькой. На луну не выл, на дознавателя не рычал. Наверное, пропала

у него звериная охота. Он сюда-то попал крепко избитый, да поглядите: все зажило уже, как на собаке!

Вошел человек, которого Нейт сразу узнал.

Кайлен Бран. Дядя, которому позволено обнимать Тилли. И, хотя в увиденной вчера картине не было ничего такого, на что намекают лживые слухи, Нейт все равно злился. И еще — завидовал. Он зверь, ему — можно.

— Выйди, мы поговорим наедине, — разглядывая его, но обращаясь к смотрителю, распорядился граф Бран.

— Что же, ежели вы так решили…

Смотритель ушел, прикрыв дверь.

— Да уж, и не верится, что ты Берлита с дружками одолел, — проговорил Бран. — Не страшно было влезать в дела аристократов? Или так хотелось перед девушкой покрасоваться?

— Ее там не было, — уронил Нейт.

— Рассказал бы ей потом. На жалость надавил.

— Не о чем было бы рассказывать.

Граф вдруг усмехнулся.

— Герой, значит. Промолчал бы… Из-за твоего благородства такая каша заварилась. Да и она хороша.

Нейт вскинулся, недовольный его словами.

А ведь Тилли о дяде всегда отзывалась только хорошо. И добрый он, и заботливый. Вот какова его забота. Чуть скандал — сразу и недоволен.

Кайлен Бран шагнул к нему. Решительно сказал:

— Не вздумай завтра на суде хоть слово против высказать или прикрыться ее именем! В отличие от нее, я тебя не пожалею. Что уготовано — то и примешь.

Нейт ничего не понял. Кроме того, что «она пожалела». Его пожалела.

А как же «зверь»?

Выходит, Тилли говорила не о нем, а о Берлите? В душе загорелась надежда.

— О службе в столице можешь забыть, — продолжил граф Бран. — Поедешь, куда скажут. И будешь там сидеть тише воды, ниже травы. Чтобы здесь твое имя забылось. Должность получишь — и ладно. А что в глуши… — он вдруг усмехнулся. — Там тебе будет у кого поучиться.

Нейт озадаченно нахмурился. Должность? О чем вообще граф толкует?

Дознаватель доходчиво объяснил, что ждет Нейта ссылка и рудничная работа. На долгие годы. Нарушение правил Академии. Нападение на аристократа. Да не на кого-нибудь — а на пред-

ставителя семейства Берлит…

— Гляжу, ты еще и недоволен, — граф по-своему истолковал его недоуменное молчание. — Да знаешь ли ты, что она из-за тебя едва не согласилась выйти за Дега замуж. Он ей жизнью твоей грозил, обещал сгноить на рудниках.

Звучало дико. Неделя не прошла, а тут — какое-то замужество. И кто мог ей угрожать? Что еще за «Дег»? Дегорт Берлит?!

Нейт осознал, что глухо рычит, лишь когда граф Бран прикрикнул:

— А ну, цыц! Смотри-ка, и правда — пес. Порычи мне тут! Доказательств у девочки нет. Он же ей на словах угрожал, а предложение сделал честь по чести. Запрос в королевскую канцелярию отправил. Обставил все так, будто у вас уже давно все оговорено было. А потом она с тобой спуталась. Брат возразил, им обоим досталось за недостойное поведение.

— А где были вы?! — не удержался Нейт от горького вопроса.

Граф тяжело вздохнул.

— Не в Тейне. Вернулся в самый разгар скандала.

— Ваше слово для короля что-то значит. Неужели вы не могли ее защитить?

— *Ее* я защитил. А вот ради тебя король с советником ссориться не станет.

Нейт невесело усмехнулся.

Да уж. А как же: «Каждый получит, что ему причитается»? Или, может, граф полагает, что Берлит — не такая уж дурная партия? Подумаешь, угрожал… И с чего только жениться собрался? То презирал, а то вдруг — свататься полез. Решил таким образом отомстить? С женой Берлит мог бы поступать как вздумается. В такой семье уж точно сор из избы никто бы не позволил выносить… Или Дегорт прознал про дар Тилли и заинтересовался?

— Клотильда — фрейлина королевы, — сообщил вдруг Бран. — Ей было позволено учиться в Академии, потом она должна была появиться при дворе. Разумеется, скандал затронул королеву. Ее величество наложила запрет на свадьбу. На неопределенный срок. Пока Тилли не восстановит свое доброе имя. И потому ты не будешь делать глупостей. Иначе все испортишь. Ты понял меня?

Куда уж дальше было все портить? И так все испорчено.

Нейт думал, что граф собирается уходить. Но тот вдруг спросил:

— Ты мне только одно скажи: почему сразу к декану не пошел? До этого поединка?

— Да не было никакого поединка. Я же неблагородный… — поморщился Нейт. — А она просила. Не хотела создавать неприятности. Для брата и для вас.

Бран слышно скрипнул зубами.

— Воистину люди способны усложнить себе жизнь куда надежней, чем это сделают недоброжелатели.

***

— Терин Бран просил передать вам поклон, — сказал Нейт.

— Ну, передавай, — кивнул Верс и выжидающе уставился: мол, кланяйся, как велели. Нейт почувствовал острое желание снова затеять с наглецом драку. Что могло связывать Терина с этим странным типом, выглядевшим как бандит?

На брата Тилли Нейт, кстати, тоже был зол. Он видел младшего Брана перед самым своим отъездом из столицы. Граф Бран больше не удостоил его вниманием. А вот Терин явился… вроде как под предлогом нелепой просьбы — передать весточку Версу Плантаго. В послании, кстати, была ещё одна часть: «Приглядите за Нейтом Гарвелем,

пока он будет нести службу в Тальмере». Но об этом Нейт решил умолчать. Нужны ему такие наблюдатели…

Он задал Терину один вопрос, который разъедал душу. Если младший Бран такой из себя провидец, почему не понял, что происходит с сестрой, почему не вмешался раньше? И получил ответ. Видите ли, Терин и Тилли — близнецы. Практически одно целое. А дар Терина таков, что о самом себе он никогда не мог увидеть ничего… А заодно не было у него видений и о Тилли. Глупость несусветная. Зачем вообще такой дар нужен, если никому не способен помочь?!

— Так о чем вы хотели узнать, господин Гарвель? — спросила Регина Линнель.

— Не у вас ли Аурель покупал лекарственные настои?

— И что, если так?

— Я намерен предупредить, что не стану закрывать глаза на нарушение закона. Если у вас было соглашение с господином Аурелем и вы готовили снадобья, не имея на то разрешения…

Регина печально улыбнулась.

— Соглашения не было. Боюсь, Аурель был посредственным магом и наши с ним взгляды… сильно расходились. Зелья же он покупал,

насколько мне известно, у одной травницы в ближайшей деревне. Правда, больше она не практикует. Можете проверить. Зелья были не самого лучшего качества, как выяснилось.

— Хм… — произнес Нейт, слегка озадаченным тем, как повернулся разговор.

— У меня есть разрешение от магистра Магической Академии Литена, заверенное королем, — добавила внезапно госпожа Линнель. — Я имею право применять целительские способности, если положение требует немедленного вмешательства, а поблизости нет иного целителя.

Нейт о таких разрешениях никогда не слыхал.

— Я могу взглянуть? — спросил он.

— Конечно, — подтвердила Регина. Упомянутая бумага у нее действительно была. И королевская печать на этом странном документе тоже имелась.

— Случалось, я успевала исправить последствия недостаточно лечения, которое назначал Аурель, — добавила женщина. — У нас с ним случались ссоры. Тогда он писал жалобы.

***

Нейт постепенно обживался. Рутинная работа отнимала большую часть времени. И чтобы раз-

веяться, но стал исследовать окрестности города, «подселяясь» в сознание зверей и птиц.

Он изнывал от бездействия.

Оттого что не может поговорить с Тилли.

Не может сказать ей, чтобы она ни в коем случае не шла на поводу у шантажиста. Нейт за свою жизнь постоит сам.

Он просто хотел удостовериться, что с Тилли все в порядке. Граф Бран наверняка позаботился о племяннице. Но мрачные мысли все равно одолевали по ночам и тогда Нейт подозревал недоброе.

Постепенно он стал удаляться все дальше и дальше от Тальмера. Это отнимало силы, но остановиться Нейт не мог. Эти путешествия вошли в привычку, как входит в привычку алкоголь… Он просыпался иногда прямо на полу, свернувшись калачиком, как кот. Порой обнаруживал себя на чердаке в компании летучих мышей.

А однажды ночью Нейт решился. Он никогда не делал таких больших переходов, тем более что пришлось преодолевать воду. Он двигался с «пересадками» — цепляясь за сознание то быстрого оленя, то стремительной птицы. Через реку переплыл в компании с юркой рыбкой. И наконец, оказавшись в Тейне, подтолкнул попав-

шуюся на пути белочку пробежаться до имения Бранов. Однако заветное окно было темно. И белочка зря прождала, надеясь на чудо. То есть, надеялся на чудо Нейт, а зверек стал невольным соучастником.

Потом Нейт вспомнил, что Тилли фрейлина. И начался путь в королевский дворец. Однако дворец — это не графское имение. Он куда больше. Как найти в нем одну-единственную девушку?

В тот раз Нейт «вернулся» в Тальмер ни с чем.

Во вторую ночь его снова постигла неудача.

И лишь на третью, наконец, повезло.

Он увидел Тилли на террасе. Девушка стояла, озаренная лунным светом.

Невзрачный воробышек порхнул на перила. Проскакал прямо к девушке. Остановился, разглядывая Тилли. То есть, разглядывал, конечно, Нейт — птичьими глазами.

Девушка улыбнулась нежданной гостье, которая не боялась компании человека. Протянула руку. Воробышек прыгнул к ней на ладонь. Тилли засмеялась. И Нейт понял: она не поняла, что он рядом.

Тогда воробышек соскользнул с ладони Тилли, долетел до ближайшего розового куста и сорвал один лепесток. Вернулся и уронил в руку

девушки.

Тилли смотрела на лепесток долго, будто читала послание.

— Нейт, это ты? — спросила она, наконец.

Он не мог заставить птицу говорить. Но чириканье воробья получилось такое радостное, что Тилли засмеялась.

— С тобой все хорошо? — спросила она. — Прости меня.

Воробей прошелся по ее руке. Строго чирикнул.

— Но тебе пришлось уехать…

Возмущенная трель.

И тут у Нейта закончились силы. Его просто выдернуло из сознания птицы и утащило во тьму беспамятства.

Он провалялся в постели без сил целые сутки. Даже рукой пошевелить и то не получалось.

Но это было не главное.

Главное — он видел Тилли.

Тилли его помнила. Переживала за него.

Это вселяло надежду.

На следующее утро в дверь начали колотить с такой настойчивостью, что, спустя немалое время Нейт понял: придется все же идти и открывать. С трудом дотащился до прихожей.

На пороге обнаружился Верс Плантаго, за спиной которого стояла Регина Линнель.

— Ну вот, — проворчал Верс. — Никуда он не сбежал. Просто дрыхнет.

Нейт попытался захлопнуть дверь, но сил не хватило. Он сам не заметил, как оказался грубо водворен в гостиную и уложен на диван. Регина укрыла его пледом и попросила у Верса:

— Сходи за чаем.

Разумеется, Плантаго не помчался через полгорода к себе домой, чтобы принести требуемое. Нисколько не стесняясь, он направился на кухню Нейтова жилища. И почти тут же вернулся с кружкой, в которой дымился ароматный чай. Странно, ведь Нейт даже не пытался согреть воду.

— Магическое истощение, — вынесла вердикт госпожа Линнель и строго сказала молчавшему Нейту: — Вы совершенно безответственно довели себя до такого состояния. Пожинайте плоды: теперь Верс будет вас поить.

Плантаго поморщился, явно не обрадованный перспективой.

— Я сам… — начал Нейт.

— О! — хмыкнул Верс. — Гляди-ка, ожил.

И эти двое странных типов присматривали за

ним ещё три дня. Верс даже общался с посетителями. Причем Нейт ни разу не слышал, чтобы случился спор или горожанин ушел недовольным.

***

— Пропал, господин маг. Каська-лесоруб. Уже, значица, второй случай выходит.

Нейт озадаченно слушал.

— Второй?

— Как есть, второй. Первым-то Луш пропал, пошел тетку проведать. Она у него в Овражках живет. Да только не видали его там, говорят. Каська же и рассказал. Они с Лушем дружбу водили, — объяснил градоправитель.

— М-м, — многозначительно сказал Нейт. — Уверены, что на них не напали разбойники?

Раз градоправитель явился к нему, значит — речь пойдет о магии.

— Я бы не пришел, господин маг, вам, видно, все еще недужится. Да ведь беда у нас. Явился Рикен и начал кричать о чудовище. Охотник он. Зверья всякого повидал и мастак истории сказывать. Но такого ужаса от него раньше не слышали. Глаза безумные, трясется весь. А ведь здоровый был мужик, жена у него, трое детей. С

самого утра только одно от него и слышно: зверь, дескать, исполинского росту, высотой с вековую сосну, с клыков каплет дымящаяся слюна и глаза горят. Ну, никак он это сам не мог придумать, господин Гарвель.

— Такое больше чудовище не мог заметить только один человек, — возразил Нейт.

— Это да. Вот только люди теперь боятся в лес ходить.

— Понятно. Я хочу поговорить со свидетелем.

— Вот это правильно! — одобрил градоправитель. — Он вам, конечно, ничего нового не скажет, но надо же с чего-то начинать. Обеспокоены все очень.

— Разберемся, — пообещал Нейт.

Градоправитель проводил его к дому охотника Рикена. Дом стоял почти на самой окраине города. Возле забора собрались соседи. Людей было не очень много, но и этих достаточно, чтобы разнести слухи по городу. Градоправитель не зря волновался.

— Расходитесь, господа, расходитесь, — сказал он неодобрительно. — Что вам здесь. У человека беда приключилась, оставьте его.

— Как же, оставьте! — всплеснула руками одна из женщин. — Или ты не слышал, что Рикен наго-

ворил? Выходит, сгинул мой Каська, не вернется.

— Ты, Сольга, раньше времени не вой. Кто сказал, что на твоего мужа чудовище и напало?

— Да кому же ещё он нужен?

— Сама знаешь: он и прежде пропадал, да потом все одно — возвращался. Да и не так просто его со свету сжить. У него дар есть, какой-никакой.

— У Луша вон тоже был, а толку? — возразила Сольга.

— Дар? — переспросил Нейт. Градоправитель кивнул.

— Умеют они оба кое-как с водой управляться. В академиях, конечно, не учились. Так, подсказать, где колодец копать. Каська и в лесу никогда не плутал. Как найдет ключ какой — так и сразу знает, куда от него идти, чтобы жилье отыскать.

Вода, значит, путь подсказывала. Дар невелик, конечно, если только этим ограничивался. Настораживало, что пропали уже два человека, склонные к стихийной магии.

— А Рикен? — спросил Нейт у градоправителя. — Тоже магией владел?

— Да что вы, господин Гарвель. Разве что амулеты защитные всегда при себе носит. В лесу осторожность нужна.

Ну да, раз уж там такая живность может по-

встречаться.

Пока они вот так беседовали, из дома вышла Регина Линнель, увидела Нейта и градоправителя, направилась к ним.

— Вас уже известили, господин Гарвель? Рикен успокоился и уснул. Он совершенно точно трезв, но напуган до ужаса. Хотите знать, где он увидел чудовище, о котором рассказывает? Боюсь, мысли его спутаны. Мне так и не удалось добиться внятного ответа. Говорит, видел огромного волка.

— И как спасся? — уточнил Нейт.

— Говорит, зверь преследовал его, но внезапно пропал.

— Выходит, где-то есть следы, — пробормотал маг. История охотника звучала сомнительно. И в то же время, вполне могла произойти. Если, например, Рикен наткнулся на «пугало» — заклинание, охраняющее зарытый в лесу клад.

— Каська говорил, он как-то раз рык услышал. Такой страшный, что спрятался под лапник и там полдня пролежал. Вроде как бродил кто-то поблизости. Потом все стихло, — сказала вдруг Сольга. — Никто ему не поверил! И вот…

— Потому что пил твой Каська и сам в этом признался, — пояснил градоправитель.

— Для смелости кто б ни выпил при таких-то

делах?

— Он говорил, где именно? — спросил Нейт.

Градоправитель кивнул.

— Стража осматривала место, где он обычно лес рубил. Думали: может, приключилось что. Топор соскользнул. Да только не нашли ничего.

Оказалось, искали Каську три дня назад. Нейт тогда ещё отлеживался дома.

— Я осмотрю окрестности, — сказал Нейт. Он чувствовал свою ответственность. Мог бы узнать обо всем произошедшем раньше. Конечно, на должности городского мага Тальмера он оказался не по своей воле. Но ведь оказался.

Регина внимательно посмотрела на него.

— Постарайтесь воздержаться от излишней траты резерва, — попросила она.

Госпожа Линнель, кстати, выглядела не особенно взволнованной. Сохраняла присутствие духа. А ведь ей стоило беспокоиться хотя бы за своего сожителя Плантаго. Тот пропадал неизвестно где и непонятно чем занимался. Да ведь он маг-стихийник, и явно не самоучка… Очень странный тип. Да и сама Регина с этим ее разрешением, подтвержденным королевской печатью…

Стоило вспомнить о Версе, как он тут же и появился. Оказалось: пришел проводить Регину

домой. На Нейта он взглянул недобро, будто хотел о чем-то предупредить. Поди разбери…

***

Если бы чудовище действительно существовало — в погоне за Рикеном оно должно было проторить себе заметный путь из поваленных деревьев. Но ничего такого в окрестностях Тальмера обнаружить Нейту не удалось. Он смотрел с высоты птичьего полета — так было проще. Затем исследовал вырубку, на которой трудился пропавший Каська. И тоже ничего не нашел.

Нейт предположил было, что Луш мог пропасть где-то поблизости от того места, где искали Каську. Но нет, выяснилось, что дорога на Овражки лежала значительно северней… Тем не менее, Нейт «полетал» и там.

И обнаружил что-то странное. Выжженное пятно земли в стороне от дороги, в одном из оврагов. Он изучил место, отправив туда волка, к разуму которого присоединился. Земля была выжжена и оправлена. Но деревья у оврага стояли нетронутыми. Выше огонь не пошел. Круг был ровный, какой мог получиться только от магической печати. Очень похоже на сработавшую ловушку. Запах в выжженном овраге напомнил ему о

первой встрече с Версом Плантаго. От мрачного сожителя Регины Линнель пахло очень похоже…

Но вот незадача: следов возле сработавшей ловушки почти не было.

Почти.

Нейт все же отыскал отпечаток. Маленький, будто детский.

Или женский.

— Я ведь говорила, чтобы вы не расходовали резерв, — раздалось рядом. Нейт упустил связь с волком и очутился на пороге собственного дома в Тальмере. Регина стояла прямо перед ним.

— Горожане уже начали обсуждать, что городской маг обещал разобраться, а сам весь день на крылечке греется. А между тем, недавно дождь прошел.

Нейт оглянулся. Крыльцо и правда было мокрым. Как и он сам. Надо же, не заметил.

— Нашли что-нибудь? — спросила женщина. Нейт настороженно покачал головой.

Не потому ли Регина и Верс находились рядом все предшествующие дни? Хотели точно знать, что городской маг бездействует…

Зачем — непонятно, конечно. Но сбрасывать со счетов подозрительную заботу, в сущности, малознакомых людей не стоило.

Регина принесла ему бульона и заставила согреть чаю. Бульон оказался наваристым и вкусным, никаких подозрительных примесей в нем Нейт не уловил своим звериным чутьем.

Но подозрения все равно остались.

***

Нейт потребовал от градоправителя раздобыть ему лошадь. Городскому магу не отказали и уже к вечеру он был у того самого оврага, который привлек его внимание. Пятно от ловушки уже поблекло. След тоже нашелся. Не один, но цепочка была довольно короткой. Вскоре показалась маленькая речушка. Следы оборвались прямо у воды. И на другом берегу не появились.

Хитро.

Нейт «подхватил» сознание волка быстроногого зайца и направил зверька вдоль берега. Долго осматривать окрестности не пришлось. Тот, кто пытался скрыться по воде, рано или поздно все равно должен был выбраться на сушу.

Это произошло ниже по течению речушки.

Нашел!

В тот же момент Нейта настиг удар по голове, вогнавший его в темноту.

Когда маг пришел в себя, была уже ночь. Руки

были связаны сзади и для верности еще примотаны к туловищу. Лодыжки тоже скрутили. Нейт лежал на боку, на холодной земле. Выяснить что-то ещё не получилось — стоило попытаться использовать свой дар, как голова начала гудеть.

И тут он услышал тихие голоса.

— Ничего он не ожил! Я ему так по голове треснул!

— Ожил, шевелится.

— Чудится тебе…

Голоса были детские. Один, кажется, девчачий.

— Не подходи к нему.

— Я только водички…

— Я сказал: не подходи!

— Но Лорин…

— Дай сюда. Я сам.

Кто-то подошел. Нейт пошевелился, пытаясь сесть, но у него ничего не получилось.

— Будешь дергаться — я тебя опять тресну, — пообещал мальчишечий голос.

Нейт повернул голову. Звериное зрение почти не работало, но угрожавшего все же разглядеть удалось.

Мальчишка был щуплый, маленький. Лет десять ему было на вид. Грязный и в давно нестираной как следует одежде. Это Нейт и без

магических способностей смог определить, достало и человеческого обоняния. В руке мальчишка держал плошку.

— Ты кто? — спросил Нейт хрипло.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся мальчишка, присел рядом на корточки, протянул к его губам плошку: — Пей давай.

В горле пересохло, так что Нейт не стал отказываться. У воды был странный травяной привкус. Похоже, какой-то отвар.

— Это чтобы ты колдовать не смог, — сообщил мальчишка.

Нейт усмехнулся.

— А, так это не попытка помочь пострадавшему.

— Зачем нам тебе помогать?

— А зачем на меня нападать? — парировал Нейт.

— Ты сам пришел! Мы защищались.

— Я не угрожал.

— Рассказывай!

— Лорин, — к ним подошла девочка, кажется, еще младше. Нейт перевернулся, чтобы оглядеться. И насчитал пятерых оборвышей. А ещё — рядом было какое-то здание. Покосившийся старый дом.

Дети приблизились, разглядывая лежавшего на земле Нейта. Чтобы их не пугать, он решил пока не шевелиться. У пары мальчишек в руках были палки. Мало ли, еще начнут размахивать…

— Вам следовало быть гостеприимнее, — заметил Нейт.

— Да помолчи, — оборвал тот, кого называли Лорином. Он всучил пустую плошку девчонке и взял у соседа палку. — Будешь выступать — получишь.

Нейт вздохнул.

— Не буду выступать. Тебе нечего бояться, Лорин. Я не причиню вам зла.

— Конечно, ты ж связан. Щелкуна на нас навел, гад! — процедил Лорин. Дети сдвинулись, кто-то из мальчишек взял за руку всхлипнувшую девочку.

— Щелкуна? — спросил Нейт. Он почему-то только теперь озадачился тем, что разговор ведется хоть и недружелюбно, но полушепотом. Ладно, у него самого голоса почти не было. А дети специально шептались.

Никто ему не ответил.

— Мы далеко от города? — попытался еще раз Нейт. Впрочем, он уже догадывался. Когда «летал» над лесом, видел полуразвалившуюся заброшен-

ную деревеньку — три-четыре двора. Покружил над ней, но ничего не заметил. Детишки неплохо скрывались. Или жили в другом месте.

— А взрослые здесь есть?

— Я взрослый, — сообщил Лорин.

— А взрослее тебя кто-нибудь?

— Только ты, — хмыкнул мальчишка. — И от этого тебе не лучше, правда?

— Здесь опасно, — увещевал Нейт. — Вам нужно к людям…

— Никуда нам не нужно! Пока ты не появился, опасности и не было! — прошипел Лорин.

Девочка снова всхлипнула.

— Щелкун! — пробормотал кто-то из мальчишек. И все дети разом затихли, застыли, кажется, даже перестав дышать. Лорин накрыл ладонью девочке рот. Но это было и не нужно — ей даже плакать было страшно.

Нейт снова оглянулся, пытаясь понять, что их так напугало.

И услышал протяжный, полный угрозы вой, перешедший в какой-то жуткий кашель и щелканье. Потом впереди — всего на расстоянии десятка шагов — полыхнуло, Нейт увидел слишком уж крупного зверя… Уж точно — не исполинского роста, но… Вытянутая морда, два

длинных клыка, не помещающихся в пасти, мощные лапы, шерсть, черная, как смоль. Это был не волк. Странное видение вообще не было похоже на обычного зверя.

Еще мгновение — и все пропало.

— Ушел, — выдохнул кто-то из мальчишек.

— Вернется, — буркнул Лорин. — Теперь — уж наверняка. Тогда-то мы тебя ему и скормим!

— Это и был щелкун? — уточнил Нейт.

— Не боишься? — хмыкнул Лорин. — Еще испугаешься. Он жрет магов. Так что мимо тебя не пройдет!

— Потому он за вами и охотится?

— Да с чего ты взял?!

— Кто-то поставил ловушку, которая его отпугнула. И приготовил отвар, чтобы заблокировать мой дар. Среди вас не меньше двух талантливых магов. Стихийник и целитель. Угадал?

— Не угадал! — процедил Лорин. — А чтобы ты, наконец, заткнулся…

Детишки оказались весьма решительны. Четверо прижимали Нейта к земле (он чувствовал давление магии, но так и не сообразил, что это, к нечисти, такое было!), а Лорин зажал ему нос, заставив вдохнуть ртом. И тут же всунул кляп. Грязную тряпку. И ведь даже не попытались

решить дело миром, просто навалились гурьбой. Хотя это понятно: по одному подходить к незнакомцу детям было страшно. Только Лорин храбрился, раз «взрослый». Впрочем, следовало отдать им должное: без света они передвигались свободно. Видно, щелкуна боялись больше, чем темноты.

Дети скрылись в доме. Скрипнула дверь и — все стихло.

Нейт остался валяться на земле, гадая: возвратится неведомый щелкун или нет?

Встречать опасность связанным не хотелось. Нейт перевернулся пару раз, пытаясь найти хоть что-то острое — щепку какую-нибудь, расколотый камень. Двигаться удавалось с трудом. Отвар, похоже, был еще и с усыпляющим свойством. Ну, детишки! И ведь не пожалели…

Последнее, о чем подумал Нейт перед тем, как соскользнуть в сон: выходила ли Тилли ещё на ту террасу в надежде встретиться с ним?

***

Дети вели себя тихо. Они не бегали и не резвились. Без надобности не уходили далеко от дома и как будто специально держали друг друга в поле зрения.

Днем они рискнули разжечь костер — только для того, чтобы приготовить еду и согреть воду. Потом зарыли угли и утоптали землю.

Наконец, избавили Нейта от кляпа, чтобы напоить. Он пытался уклониться. На него снова навалились скопом. Пришлось глотать знакомый отвар.

— Да поймите, я могу вас защитить, — выдохнул он, прокашлявшись.

— От щелкуна никто не защитит, — огрызнулся Лорин. — Пусть лучше тебя сожрет, чем нас!

Нейт перевел дух.

— Слушайте, раз вы меня убивать не собираетесь…

— Щелкун падалью не интересуется, — со знанием дела объяснил мальчишка из тех, что помладше.

— Прекрасно. Тогда вам придется мириться с потребностями живого человека. Не при даме будет сказано, но мне очень нужно…

— Твои проблемы, — отрезал Лорин.

— Даже с военнопленными обходятся лучше. А вы вроде не со мной воюете, а с ним. Так проявите каплю сострадания.

Он зря надеялся, что сможет освободиться. Лорин согласился, но сначала — заставил выпить

очередное снадобье. Пришлось пообещать: все же хоть какая-то возможность. Нейт рассчитывал, что просто не будет глотать горькое варево… Однако уже через пару минут тело налилось тяжестью, а мысли замедлились. Никакого сопротивления уже не хотелось. Нейт едва встал на ноги, так они затекли, да еще треклятый отвар! И кто ж у них такой умелец?!

— Попробуешь бежать — пристрелю, — пообещал Лорин, продемонстрировав самодельный лук. В общем, пришлось справлять нужду под присмотром. Хорошо хоть, всем скопом не потащились следом.

Потом ему снова связали ноги и оставили сидеть на земле. Нейт уже достаточно пришел в себя, чтобы снова попытаться задавать вопросы, но Лорин шикнул на детей и те побоялись отвечать.

— Щелкун вернется, — заметил Нейт. — Он бы вас все равно нашел, следы-то остаются.

Он так и не понял, почему зверь ушел. Что там была за магия. Какая-то защитная печать, не иначе.

— Вы молодцы, поставили очень хорошую защиту, но…

— Вот потому ты еще и жив, — зло бросил Ло-

рин. — Чтобы ему было, чем брюхо набить.

Девочка начала всхлипывать. Это Лорина разозлило ещё больше, и он многозначительно посмотрел на кляп, который валялся тут же на земле. Нейт благоразумно примолк. По крайней мере, на время.

К полудню начался сильный дождь.

Дети уговорили Лорина отвести Нейта в дом. На этот раз ноги ему не развязывали. Пришлось прыгать. Можно было с гордым видом остаться под дождем. Но Нейт решил взглянуть, как детишки живут.

Окна в доме были выбиты, закрытые ставни висели косо. Ветер все равно задувал. Внутри было даже прохладней, чем на улице. Только что не мокро, а сыровато. Но печь растопить никто даже не думал. Вообще, не было понятно, где дети спят. В доме не было никакой мебели. Ни тряпья, ни соломы Нейт тоже не заметил. Потом решил, что на ночь, должно быть, они прячутся в подпол.

Дети грелись, сбившись в кучку.

— Откуда взялся этот щелкун? — решил снова попробовать Нейт.

— Не твоя забота, — нехотя отозвался Лорин.

— Откуда знаешь, что он охотится на магов?

Лорин дернул плечом. Девочка шепотом объ-

яснила:

— Дядька рассказывал, что его давным-давно сделал злой колдун, который хотел быть самым сильным. Он приказал щелкуну убивать магов. А потом маги кончились и щелкун уснул.

— Уснул?

— Ну да, он же придуманный. Бессмертный.

— А где сейчас дядька?

— Умер, наверное, — сообщил Лорин. — Лучше бы его самого щелкун съел.

— И откуда вы?

— Откуда надо!

Нейт прикинул. Перезимовать они в таких условиях вряд ли могли. Значит, жили где-то в другом месте. Да и в окрестностях наверняка бы слух пошел о странных детях из заброшенной деревни. Значит, перебрались сюда не так давно.

А вместе с ними, выходит, и щелкун.

— Дядька всегда был злой, — вдруг сказала девочка. — Он заставлял Лорина и Марко воровать. И еще… зелья делать. Гадкие. Я песенки пела… только он всегда был недоволен. И говорил, что если мы сбежим, то щелкун пойдет за нами и всех съест.

— Не рассказывай ему ничего! — шикнул Лорин.

То есть, кто-то пользовался способностями детей, да еще и запугал какой-то историей.

Вот только история оказалась правдой. Нейт ведь видел этого щелкуна. Рикен, конечно, приврал. Должно быть, с перепугу дополнил образ.

— Пора, — сказал Лорин. Дети переглянулись. В поле зрения появилась знакомая плошка. Опять клятый отвар?!

— Я смогу вас защитить, — быстро заговорил он. — Но для этого мне нужна магия. Понимаете?

Дети загомонили:

— Ты привлечешь его внимание!

— Убежишь!

— А он…

— Он такой страшный, — сказала девочка.

— Не убегу, — увещевал Нейт. — Я — городской маг. В мои обязанности входит защищать людей от нечисти. Я смогу с ним справиться.

— Врешь ты все! — презрительно бросил Лорин. — Мы-то не из города, нас ты защищать не должен.

— Но он уже нападал на горожан, — возразил Нейт. — И я не собираюсь бросать вас здесь. Просто развяжите меня. Я отведу вас к людям. Там вы будете в безопасности. А потом я поймаю этого щелкуна, и он больше никому не будет угрожать.

Но я ничего не смогу сделать, если вы опять заставите меня выпить эту гадость…

— А какая у тебя магия? — спросила девочка.

— Я стихийник. Маг земли, — пояснил Нейт. Кажется, детей это совершенно не впечатлило. Тогда он добавил: — Ну, и еще я — оборотень.

Вот это уже показалось им интересным.

— Оборотней не бывает, — отрезал Лорин.

— Щелкунов тоже, — заметил Нейт спокойно.

— А ты кушаешь людей? — спросила девочка.

— Нет, только злых чудовищ.

Он, разумеется, привирал. Но, кажется, сумел убедить малышню. Лишь Лорин и еще один мальчик постарше настороженно переглядывались.

— Хватит! — оборвал Лорин. — Кого вы слушаете? Хотите оказаться у очередного дядьки?!

И Нейт понял, что проиграл. По крайней мере, сейчас. Все его слова были бесполезны, хотя он и пытался ещё уговорить их. Но отвар в него в очередной раз влили. Предварительно обездвижив с помощью каких-то совершенно диких магических приемов.

Кучка детворы одолела городского мага. Рассказать кому — не поверят. Да и стыдно рассказывать.

Лорин не остановился на достигнутом, но ещё

и заткнул Нейту рот кляпом. А чтобы Нейт не вытолкнул тряпку — сообразил завязать магу рот еще одним куском грязной ткани.

***

К вечеру дети вышли из дома, оставив Нейта в одиночестве. Он выждал короткое время, потом упал набок и, оттолкнувшись ногами от стены, начал ползти к печи. Там валялся какой-то мусор. Должно же найтись хоть что-то, с помощью чего он освободится.

Нейт так сосредоточился на поставленной цели, что не сразу услышал шум снаружи. Это было странно. Ведь дети скрываются.

Раздался крик, потом ещё один. По крыльцу дробно простучали быстрые шажки. В дом влетела перепуганная, зареванная девочка.

Нейт был уже у самой печи.

— Что? — выдохнул он.

— Щелкун, щелкун! — ревела девчонка.

Нейт задергался, показывая, чтобы его освободили. Как иначе он сможет помочь? Любой бы понял это. Девчонка только всхлипывала:

— Он… он…

На пороге появился второй из недоверчивых мальчишек, Марко. В порванной рубахе, чума-

зый. Он посмотрел на плачущую девочку, на Нейта…

— Щелкун Лорина утащи-и-ил, — подвывала малышка. Марко достал нож. Нейт приготовился обороняться. Ну, в самом деле, даже если все они тут маги-самоучки.

— Я перережу веревки, — сказал Марко, избавляя Нейта от кляпа. — Ты… поможешь?

— Быстрей давай! — выдохнул маг, стараясь не кричать. Мало ли, вдруг мальчишка передумает. — Где мой меч?

Девчонка всхлипнула, полезла в подпол. Когда Марко перепилил веревки, она приволокла пояс Нейта вместе с ножнами. Маг ещё некоторое время растирал затекшие руки.

— Куда? — коротко спросил у Марко.

— Покажу… а ты прячься! — мальчишка не забыл шикнуть на девочку и та послушно нырнула обратно в подпол.

Две маленькие фигурки Нейт увидел на крыше соседнего дома. Тот стоял достаточно далеко… Под самыми окнами бродил, припадая к земле, рогатый волк, поглядывая на испуганных мальчишек. Лорина нигде не было видно.

— В дом, — приказал Нейт Марко. Некогда сейчас было выяснять, какой у мальчишки дар и чем

он может помочь в бою.

— Эгегей, рыло мохнатое! — заорал маг, двигаясь по направлению к зверю. Тот вот-вот должен был прыгнуть. Но передумал, развернулся, уставился на Нейта. Он прищелкивал зубами, звук получался преотвратный.

Безмозглая шпана! Магические силы только-только начали просыпаться. Нейт чувствовал всколыхнувшуюся внутри звериную ярость.

Чудовище бросилось на него. На мгновение мир сделался черно-белым. Нейт стремительно ушел в сторону, полоснув тварь мечом. Тот будто через кусок подтопленного масла прошел. Нейт развернулся, удержавшись на ногах.

Чудовище сверкало налитыми кровью глазами. Припало к земле, собираясь прыгнуть.

— Назад! — прикрикнул знакомый голос. Нейт застыл. Чудовище смело огненной волной. Оглушительный визг оборвался резко, словно ничего и не случилось. Вместе с огнем исчез и щелкун. Без следа, будто его и не было.

Нейт оглянулся. У дома, на крыше которого прятались мальчишки, стоял Верс Плантаго, баюкая обожженную правую руку (откуда взялся огонь, Нейт так и не понял, ведь Верс определенно был магом водной стихии). Рядом жался к стене помя-

тый, но вполне живой Лорин.

— Что, щенок, рад меня видеть? — поинтересовался Плантаго и мрачно усмехнулся.

— Как ты здесь оказался? — спросил Нейт.

— Не ты один тут следопыт, — хмыкнул Плантаго. Потом, посерьезнев, сообщил: — Давно искал умельца, который кривые печати по лесу разбрасывает.

***

Регина отпаивала Нейта укрепляющими отварами уже два дня. Хотя тот чувствовал себя вполне сносно, госпожа Линнель отчего-то сочла, что ему нужно лечение.

— Надо было девясила добавить, а не клевера, — проворчал Лорин, принюхавшись. Он пока жил в доме городского мага, чему сам маг был вовсе не рад.

— Учту, — улыбнулась Регина. — Я и тебе сделала. Вот, выпей все.

И остановилась перед Лорином, явно намереваясь удостовериться, что он выполнил распоряжение. Мальчишка скривился, но смирился с тем, что теперь его принуждают пить какое-то подозрительное варево. Нейт даже испытал некую тень злорадства.

Остальные дети жили пока у Регины. Лорин же, раздраженный ее «неправильным» лечением сбежал к Нейту. Признаться, маг был немало удивлен. Он-то считал, мальчишка его терпеть не может. Разделять детей было опасно — это их пугало. А когда они боялись… получались неожиданности.

Верс и Нейт возвращались в заброшенную деревеньку и тщательно там все осмотрели. Не нашли ни следа щелкуна.

Его действительно не существовало. Это была какая-то пародия на животное, собранная будто из случайных частей. Такими бывают невиданные звери на детских рисунках. Возможно, и самого щелкуна кто-то когда-то изобразил…

«Злой дядька» пугал малолетних необученных магов, не задумываясь о последствиях. Просто пользовался ими, как вещами. Наверняка не рассчитывал, что они проживут долго и когда-нибудь станут опасными. А они каким-то непостижимым образом, собравшись вместе, воплотили свой страх… сначала щелкун появлялся, только если детей находил кто-то из взрослых. Дети боялись, что их поймают. И щелкун нападал… По сути, они вызвали нечто вроде «мстящего духа». Страхи множились, дети пугали сами себя все больше.

Они даже не догадывались, что за зверь идет за ними по пятам. Считали, что он охотится на них. Ведь злой дядька говорил, что щелкун питается магами. А дух питался их страхами, постепенно становясь сильнее.

Тем и опасна нечисть: если упустить контроль, она нападет на того, кто ее призвал. А дети даже не пытались контролировать…

Верс считал: Нейту повезло, что дети опоили его, лишив магии. Напугай он их, и щелкун явился бы куда раньше. Нейт на это ответил, что, сохранив магические способности, он бы с чудовищем справился — настоящее оно там было или выдуманное. Верс пренебрежительно усмехнулся. Способности Нейта он оценивал невысоко.

Кстати, выяснилось, что Лорину четырнадцать, просто выглядел он совсем мелким. Печати рисовал Марко: видел в какой-то книжке у злого дядьки и пытался повторить. Получалось у него не очень. Но Верс все равно заинтересовался, наткнувшись однажды на самодельную недоловушку. Он подумал — кто-то взялся охотиться на людей.

— Завтра принесу вам еще отвара, — пообещала госпожа Линнель.

Нейт и Лорин тоскливо переглянулись.

***

Нейт смог сделать очередную вылазку в столицу лишь спустя неделю.

Тилли ждала его на месте их первой встречи.

На этот раз Нейт «прислал» к ней белочку, которая ещё прихватила с собой пузатый орех из тайника в дупле одного из деревьев королевского сада. Белочка положила подарок перед Тилли на перила. Девушка взяла подарок, сжала в кулаке.

— Нейт, — прошептала она. — Если ты меня еще раз так напугаешь… если я узнаю, что ты там опять во что-то ввязался… Не смей, слышишь?! Не смей так рисковать!

В ее словах сквозило отчаяние.

— Что это было за чудище? Как ты только умудрился… Ты вообще способен обойтись без неприятностей?! — выпалила Тилли.

Белочка прикрылась пушистым хвостом.

Нейта, наконец, настигло осознание: она говорит о щелкуне. Она видела… Она видела!

Выходит, оказавшись так далеко от девушки, он все равно стал для нее близким человеком?

— Обещай мне, что будешь осторожен!

Белка зачарованно слушала.

Тилли вздохнула.

— Нейт, просто помни, пожалуйста: я люблю тебя и жду твоего возвращения. И очень рассержусь, если ты снова пострадаешь. Понял?

Белка радостно пискнула.

Нейт понял только одно.

Она. Его. Любит.

И Тилли могла даже не спрашивать. Он собирался вернуться, во что бы то ни стало.

Потому что она его ждет.

Срок службы — всего лишь время, которое закончится. И даже если на пути возникнут новые препятствия — не беда.

Зверь все равно найдет дорогу назад.

Кларисса Рис
Когда луна бессильна

На улице стоял яркий день, но Эдварад Швац презирал солнце и ненавидел его. Оно не причиняло ему вреда, однако Эдварад его не любил, так как помнил историю собственного народа, кровь которая течет в его венах. Кровь его матери, наследной принцессы северных вервольфов. Швац не знал об этом вплоть до третьего курса военной Академии. Именно тогда, в один из холодных вечеров, директор вызвал его к себе почти в приказном порядке. Швац шел, не надеясь услышать ничего хорошего в свой адрес, но в этот раз он ошибся.

Тамирад Сакусади представил юному вояке пожилого старика, который едва мог стоять на ногах и представился странным именем — Халагадор. Просто Халагадор, без фамилии, титула или прочих заморочек. Именно этот мужчина впоследствии стал для него и отцом, и учителем, и другом, и черт его знает кем еще. Халагадор рассказал Эдвараду правду о его происхождении, точнее, о том, к какому народу относилась его

мать, и историю его собратьев. С тех пор Швац не любил Солнце. Оно прокляло его предков и загнало их в глубины дремучих и непроходимых лесов, которые они могли покидать только под пологом ночи.

Высшие или, как их теперь принято называть, разумные народы не изучали древних и великих постулатов и принципы силы, считая, что маги должны создавать лишь гармонию. Но постепенно сторонников силы становилось все больше и больше, и это напугало тех кто считал себя выше других. Испугавшись они обратились к небесам и своему солнечному божеству, чтобы те спасли их. Молитвы достигли небес и были услышаны.

Небеса разверзли землю и обрушили на всех кто жаждал силы невиданный ливень. В огромную расщелину хлынул поток дождевой воды, унося с собой всех, кто видел в силе выход. Когда последний из последователей нового течения оказался не в состояние жить под ликом солнца, светлые создания устроили праздник. Они пили, гуляли, веселились и придумывали небылицы про своих коллег. Именно с того пира и с одной нечаянно оброненной фразы жаждущих настоящей силы стали называть темными.

Темные же в свою очередь озлобились, но духом

не пали. Они построили подземные и теневые города, которые своим величием могли посоперничать с древними городами людей. Темные нашли выход даже в своем бедствие, они начали торговлю с людьми и благодаря этому получали все необходимое для обустройства жизни. Однажды они отомстили за себя, совершив набег на своих бывших собратьев и убив каждого. И стариков, и детей, и женщин. Город светлых остался совершенно пустым, но темные не вернулись в него, они остались под покровительством тьмы и луны. Солнце низвергло их, и они не хотели иметь с ним ничего общего. Даже день.

Они привыкли жить в темноте, но иногда все же выходили. В основном из-за торговли и добычи ресурсов. Несмотря на то что темные не хотели иметь ничего общего со светлыми, все же одно яркое сходство осталось: они категорически не хотели ассимилировать с не звериными народом, тем более людьми. Так было вплоть до того, как вервольфы приступили к осуществлению своего плана. Так как контактировали с людской расой они не часто, то информации об их слабостях было мало, а контроль был жизненно необходим.

Поэтому было принято решение направить группу оборотней в семьи обычных людей и

волшебников, чтобы те на собственной шкуре прочувствовали уклад их жизни. Среди этих детей была и принцесса. Это было сделано для того, чтобы будущая правительница сама знала слабости врагов, а не руководствовалась информацией, полученной от третьих лап. Для большей пользы принцессу решили сначала поместить в семью ученых, чтобы уже оттуда она отправилась в волшебный мир, а конкретнее, в единственную на континенте магическую Академию Познания и Рождения. Подготовив наследницу и вложив в ученых ложные воспоминания с помощью фэйри, ее переместили к людям. Отныне ее нарекли новым именем — Лилит Захарис.

Но дальше все как обычно пошло не по плану. Некоторые оборотни выдавали себя, и за ними приходилось убирать свидетелей оборота. Другие же влюблялись в людей и, создавали с ними семью, оставались в технологическом мире, становясь источником ресурсов и информации. Ко второй категории относилась и принцесса Хамитариса, а именно так от рождения звали мать Эдварада. Она тоже влюбилась, хорошо хоть в волшебника и родила ему сына.

Встреча молодой принцессы с престарелым отцом была сложной, но в конце концов было

принято решение, что она вернется и взойдет на трон вместо отца. Поэтому Хамитариса пообещала вернуться к людям лишь за мужем и ребенком. Но эта ночь стала для нее последней! Летучий отряд Смих напал на их деревню и стер все без остатка. Не выдержав потери дочери, сердце короля остановилось. Благо перед смертью он успел распорядиться, чтобы внука оставили людям, и повторили путь матери. Для того чтобы когда тот взойдет на престол, он знал с кем имеет дело. Насколько мерзкое у них общество!

На совете всех темных родов, состоявшем из приближенных правящего совета, который было созван только через тринадцать лет, приняли решение. Наследнику пора возвращаться. Пришло его время взять бразды правления, на безголовым родом. Хватит оборотням быть без правителя. Посланником и наставником был назначен Халагадор, верховный жрец лунного культа, единственный проводник их величайшего божества. И именно с его прибытием Швац узнал всю правду.

Эдварад тогда отправился в Угустаридукван, но там не остался. Он решил исполнить желание покойного деда и продолжить наблюдать за людьми. Халагадор обучал принца принципам

силы и власти тьмы, на удивление многих у Шваца хорошо получалось. Он понимал, что это может пригодиться ему в мести тем, кто убил его семью. Он не собирался оставлять Авалара в живых. Он и его шавки из Смих помрут самой ужасной смертью. И это действительно помогло. Благодаря темной мощи, Эдварад смог удержать свою почти полностью уничтоженную и мертвую душу в теле и заставить себя жить дальше не смотря ни на что.

Все праздновали победу, но Эдварад было не до нее. Он понимал, что на этом его миссия окончена, и ему нужно уходить домой. И только тогда Швац нашел в себе силы и рассказал своим друзьям правду о себе. К его глубочайшему удивлению, они радушно приняли эту новость. Эдварад был поражен этим, но постарался не подать виду. Люди могли работать с магическими существами, но крайне осуждали любое кровосмешение с ними: полукровкам жилось очень несладко.

Эдварад разрывался на два мира. Он продолжал перед обществом людей играть роль героя и поддерживать образ порядочного семьянина, но с вечера и до утра он убегал к себе на родину, чтобы оправдывать свою корону. В таком безум-

ном темпе четыре года пролетели незаметно, и сейчас Эдварад впервые вел своих родственников в Угустаридукван на обряд по посвящению сына в свой род и наделению его титулом принца.

Швац переместил их на цветочный луг перед горами и повел в сторону раскидистых зеленых крон векового леса. Дойдя до большой сосны, Эдварад направился в темноту. По тропинки меж черных стволов разносилось эхо от тихих шагов людей и мягкой поступи оборотня. В темноте не было ни лучика света, поэтому им приходилось ступать осторожно, доверяя инстинктам. Но через какое-то время просвет начали светлеть, и чем глубже они заходили в тайный лес, тем ярче становился блеск серебра. Свернув на очередном развилке, они увидели, что по бокам мощеной дороги стоят невысокие фонари, напоминавшие уменьшенную в стократ луну.

На следующем повороте перед ними предстал высокий город. Люди за спиной Эдварад тихо ахнули от шока. Дома были высечены из черных стволов и украшены платиной, изумрудами и чистейшими бриллиантами. Когда Швац в первый раз увидел эту цветовую гамму, то невольно усмехнулся тому, что злосчастное воспоминание преследует его всегда и везде, но ничего не ска-

зал. От каждого строения веяло силой, мощью и величием. У темных не было маленьких домов, все здания были многоэтажными, и эта высота до зеленого плотного неба только усиливала ощущения.

Улицы города были заполнены оборотнями и другими народами. Ни один из семейства Черитар никогда раньше не видел чистокровных темных представителей, но теперь они понимали, что в Эдварад Шваце течет именно их кровь. Они все как на подбор были высокие, мускулистые, с идеальной кожей, белоснежными, словно первый снег в горах, или черными, как смоль, волосами и яркими глазами.

Завидев семейство правителя оборотней, каждый едва заметно, но почтенно склонялся и отступал, освобождая королю дорогу. Эдварад уже привык к такому в отличие от его человеческой семьи. Адоль шла с неуклюжим высокомерием, за которым пыталась скрыть неловкость. Жаким глазел по сторонам, открыв рот и только после того, как Халила шикнула на него, принял более приличный вид. Канстанс и Дик были тише воды ниже травы, что никак не вязалось с обычным образом тещи и тестя. Заликс, сидевший на руках у отца, вцепился в его пиджак, и не издавал ни

звука.

Эдварад вел их по центральной улице к массивному храму, украшенному статуями верховного божества. Юмиласида — покровительница темных оборотней и родоначальница королевской династии. Зайдя в храм, они оказались в темном коридоре, который был едва освещен факелами с неярким серебристым огоньком. Дойдя до массивной двери, Эдварад произнес что-то на древнем наречии, и она отворилась. Перед ними предстала главная комната старинного храма силы.

В центре круглого помещения находился серый мраморный алтарь, около которого стоял Халагадор. В его руках был длинный изогнутый посох главного жрица, увенчанный когтистой лапой волка, державшей большой и яркий изумруд. Халагадор внимательно посмотрел на пришедших гостей и слегка склонился в знак почтения. Эдварад махнул остальным, чтобы те оставались на своих местах, и направился к старцу.

Заликс сжался и с силой прильнул к груди отца в попытках найти там защиты и укрытия. На ребенке была длинная черная шелковая ночнушка, которая полностью скрывала ноги и руки маленького оборотня. Стоило только Швацу под-

нести сына ближе к алтарю, как древни письмена темных народов, которыми было богато исписано одеяние кандидата в наследники престола, засветились темным, почти живым серебром.

— Приветствую вас, Ваше королевское величество, — почтительно произнес Халагадор и, переведя взгляд на ребенка, добавил, — и будущего наследного принца. Пусть ваши года освещает луна, и никто не посмеет изменить этого решения. Да будут предки мне в этом свидетелями.

— Здравствуй, Халагадор. Рад видеть тебя, — отозвался Швац, усаживая сына в центр алтаря.

— Я тоже рад вам, Король Эдварад, — улыбнувшись, старец ответил любезностью на любезность, и низко кланяясь правителю.

Швац скривился и усталым тоном заговорил:

— Ну хоть ты меня так не называй. Надоело до кости в пасти. Уже столько лет прошло, а я никак не могу привыкнуть к этому титулу. Какой из меня король, даже нормально не могу собственный род в совете представлять. Нелепо как-то звучит. Просто Эдварад. Хорошо?

— Разумеется, Эдварад, — ответил жрец, акцентируя внимание на имени волка.

— Думаю, пора начинать, — сказал Швац, сдергивая нервным жестом капюшон с головы

сына. — Сиди здесь и ничего не бойся. Все, что тут будет происходить, не опасно. Ты все понял? — дождавшись неуверенного кивка, Эдварад поцеловал трясущегося от истерики сына в лоб и отошел.

— Отойдите и встаньте за изумрудную линию, — повелительно сказал старец, наливая в углубления на алтаре первую мутно-серую жидкость.

Все присутствующие выполнили указание жреца и замиранием сердца и с неподдельным интересом наблюдать за происходящим. Халагадор обвел их взглядом и, удовлетворенно кивнув, начал нараспев читать заклинание. Серая жидкость засветилась и резко подпрыгнув взмыла в воздух. Над ними теперь парили небольшие светящиеся мягким жемчужным светом сферы.

Буквально через мгновение они завибрировали и, перелившись всеми цветами радуги, раскрылись. Тем самым выпустив в мир живых души в длинных парадных одеяниях, чем-то напоминающие одежды принца. Только эти были с призрачными коронами на лохматых головах. Предки парили вокруг наследника, создавая ощущение быстрого и лехарадочного танца. Души перешептывались, подлетали к Заликсу и,

посмотрев тому всего мгновение в глаза, улетали обратно в созданный ими круговорот.

Халагадор трижды ударял основанием посоха о пол и затем залил новое зелье в проемы алтаря. Эти размеренные действия он проделал ещё пять раз, пока не вызвал все поколения за пять тысяч лет. Всех, кроме одной. Оставшаяся жидкость засветилась потусторонним белым светом и вновь взмыла вверх. Зелье стало собираться воедино, образуя собой очертания огромного волка.

Он был больше остальных духов. Словно сотканный из крупиц льда, снега и самого холода. Основательница ярко мерцала в свете серебряных факелов. Она пританцовывая спустилась к мальчишке и облетела его несколько раз, придирчиво осматривая и журя свои небесно-голубые глаза. На очередном круге основательница рода замерла и посмотрела в немного испуганные бледно карие глаза ребенка. Юмиласида выпрямилась и, сказав что-то Халагадору, махнула остальным душам. В следующую секунду раздался хлопок и души предков испарились. Оставляя пораженного до глубины души жреца стоял белее горного снега.

— Что? Что произошло? Они не могли отказаться от наследника! — в запале выкрикнула Адоль.

Халила попыталась успокоить Адоль и уговорить сестру своего мужа не паниковать раньше времени. Но золовка выдернула свою руку из ладони невестки и, чеканя шаг, направилась к сыну. Схватив ребенка, миссис Швац прижала его к себе и нетерпеливо произнесла:

— Ну? Так что! — кипела гневом рыжая.

Ничего не понимая, Эдварад не спеша подошел к алтарю и тихо позвал:

— Халагадор?

Жрец перевел шокированный взгляд с рыжей девушки на своего короля, и обратно. Пока наконец-то не нашел в себе достаточно сил и заплетающимся от шока языком промолвил:

— Правильно. Они не могут отказаться от наследника. Такого никогда не было, нет и не будет. Но только перед нами сейчас сидит не наследник оборотней. Они не могут принять этого ребенка, быстрее настоящего наследника, которого будут ждать хоть столетие. Ребенок слишком слаб, и он не идет ни в какое сравнение со старшим ребенком. Его кровь, слишком сильно испорчена, и принцесса, берет вверх над ним, даже на расстояние

Все пораженно переводили взгляд с Шваца на Адоль и обратно. Эдварад зло посмотрел на

супругу и спросил:

— Заликсу не мой сын?

Миссис Швац негодующе взглянула на мужа и уже набрала в легкие воздуха, чтобы выдать злобную тираду, как в разговор вмешался старец.

— Нет-нет, Эдварад, это твой сын, — поспешно пролепетал Халагадор, — просто это твой второй ребенок. Не первенец. Пойми же, предки сказали, что у первого ребенка идеальная кровь. Пусть и смесока, но она получила лучшее от родителей, и они согласны на такую самку в королевах. Пусть и заносчива девица будет. Да и мать там далеко не подарок но все лучше, чем твоя нынешняя запечатленная. Короче, они одобрили развод и твой второй брак. На моей памяти это впервые.

Теперь все шокированные взгляды были направлены на короля. Эдварад удивленно смотрел в глаза наставника и не знал, что сказать. Швац набрал воздуха, чтобы резко ответить. Но потом неожиданно тяжело выдохнул, так ничего в результате и не промолвив. Эдварад нахмурил брови, и между ними залегла глубокая неровная морщинка. Но уже через секунду на лице Эдварад отразилось понимание и какое-то прозрение. Словно пазл сложился воедино.

— Сволочь, — прошипел Швац и, крутанув-

шись, исчез в сером тумане.

Молодой парень несся по коридорам магического собрания, не замечая ничего вокруг. Он был зол, как стадо демонов во время гоно, и мрачен, как дождевая туча перед грозой. Большинство проходящих мимо просто шарахались от него и боялись даже поздороваться. Добравшись до финансового отдела, Эдварад прямиком направился в кабинет начальника.

— Оу, мистер Швац, простите, но сейчас вас принять невозможно, там важная встреча, — на ходу щебетала секретарша, пытаясь остановить главу департамента правопорядка.

— Плевать! — зло выплюнул Эдварад и распахнул тяжелые дубовые двери.

Оказавшись в кабинете, Эдварад прожигающим взглядом посмотрел на посетителей. Бедные мужчины встрепенулись и подобрались. Переглянувшись между собой, они смущенно поприветствовали мистера Шваца, но, так и не услышав ответа, вжались в казенные стулья еще глубже. Эдварад Швац был самой влиятельной фигурой последнего столетия во всем магическом сообществе. Уже только этот факт наводил на людей благоговейный страх перед ним, а то, что он был сейчас в бешенстве, совсем вгоняло в

первозданный ужас.

— Немедленно. Покиньте. Этот. Кабинет, — отчеканив каждое слово, медленно проговорил Швац.

Мужчины сразу же подскочили и, схватив чемоданы, рванули к выходу.

— Все! — взглянув мельком на секретаршу, с нажимом сказал Эдварад.

Та посмотрела мимо злого начальника правопорядка на своего непосредственного начальника и, видимо, получив утвердительный жест, вышла из комнаты. Эдварад запечатал помещение, выставил заглушающие заклинания и только после этого посмотрел на того, кто сидел в кресле.

— Какими судьбами, Швац? — растягивая слова, проговорила Минасид. — У тебя проблемы с налогами, или ты просто так решил распугать моих подчиненных? Или у главы опять не сошелся баланс по вашему отделу и ты прибежал мне угрожать всеми карами небесными?

Оценивающим взглядом Эдварад осмотрел Минасид и про себя отметил, что та прекрасно выглядит. За эти четыре года Франческа повзрослела, но осталась такой же прекрасной принцессой из сказок. Плавные черты лица, цепкие глаза, которые не могут оставить равно-

душным, слегка розоватые губы и платиновый блеск волос, игриво прикрывающие глаза цвета закаленной стали. Минасид поднесла руку к лицу и ладонью подперла щеку. Рукав соскользнул, обнажая белоснежную кожу запястья.

У Эдварад перехватило дыхание. Воспоминания нахлынули слишком стремительно. Эдварад помнил, как при помощи обычной кисточки, голубой краской рисовал на этой белой коже свои инициалы… Швац всегда любил запястья бесстыдницы… Настолько тонкие и хрупкие на вид, что использовать наручники или веревки было просто страшно. Только серые атластные ленты, которые ярко контрастировали и подчеркивали белоснежно-снежную кожу.

Эдварад невольно опустил взгляд ниже и обомлел. Никакая государственная униформа не могла скрыть грациозных изгибов тонкого стана. Швац слишком хорошо помнил каждый… Эдварад был готов прямо там истерично рассмеяться от досады. Четыре года. Четыре года они всячески избегают друг друга и стараются не попадаться друг другу на глаза. Оба надеялись, что так прошлое растворится в новых воспоминаниях. Зря!

Треклятая память было все так же свежа и явственная. Швац видел по стальному блезку

глаз, что и Франческа все прекрасно помнит… Но сейчас было важно не это, и Эдварад задвинул назад чувственные образы хрупкого девичьего тела, бесстыдно растянувшегося на черном шелке простыней, и уверенно спросил:

— Помнишь, мы расстались с тобой четыре года тому назад? — Минасид нервно сглотнула, но все же послушно кивнула. Было видно, что Франческа не ожидала подобного выбора темы. — И при расставании ты сказала, что никогда ничего ко мне не чувствовала, все, что между нами произошло, это лишь подростковые гормоны и желание попробовать запретное? Признавалась, что любишь Джеремайро, а я тебя в постели не удовлетворяю? Помнишь?

— И что? — в мгновения ока взвилась Франческа. — Ничего из того, что ты перечислил, не преступление.

— Значит, помнишь, — ледяным тоном Арктики констатировал Швац.

— Помню, — напряженно подтвердила Франческа, про себя опасаясь того, к чему может неотесанный болван Швац.

— Так какого черта оказывается, что у тебя есть от меня ребенок?! — взревел Эдварад. — Скажи мне честно, ты вообще собиралась мне об этом

когда-нибудь сказать?

Серые глаза пораженно распахнулись, и резко удлинившимися ногтями Франческа впился в кожаные подлокотники рабочего кресла.

— Швац… — еле слышно выдохнул Минасид, смотря на брюнета не верящими глазами. — Ты в своем уме? Волшебницы не могут забеременеть без специального ритуала и ободрения богов. Поэтому нас так мало. Очнись ты наконец! Это не сказка, в которой возможно все, а реальная жизнь.

Эдварад усмехнулся и прошипел:

— Я в своем уме. И я знаю, что волшебники не могу размножаться без танцев с бубнами и кучи зелей, — Эдварад выдержал паузу, твердо смотря вглубь серых глаз, и потом хлестко выдал. — Но зато нимфы, с примесью демонической крови могут. Не так ли, Франческа?

— Не понимаю, о чем ты, — не слишком уверенно сказал Минасид. — Я не специализируюсь на магических существах. И вообще с этой темой не ко мне. Я ничего о них не знаю. Моя отрасль если ты не забыл — финансы. Вот про годовой отчет и должников я могу тебе часами рассказывать.

— Да неужели? — глумливо спросил Эдварад. — Хочешь сказать, что в тебе нет крови магических

существ? Бред! — с рычащими нотами Швац выплюнул последнее слово. — Я знаю, что ты нимфа. Я знал это еще задолго до того, как мы в первый раз переспали.

— Даже если и так! — выкрикнула Франческа, сверля Шваца взглядом, — то, что я нимфа, это еще не значит, что я от тебя тогда залетела!

— Да, ты права, — со вселенским спокойствием согласился Эдварад. Минасид недоумевающе посмотрела на брюнета, и тот продолжил. — Точнее, была бы права, если бы не то, кем являюсь я.

— И кем же? — усмехнулась блондинка. — Мальчиком-у-которого-все-как-не-у-людей? — с каждым новым словом Франческа заводилась все сильнее и начинала кипеть от злости. — Думаешь, что раз ты всегда попадаешь в неординарные ситуации, то и тут не должно быть исключений?

— Именно, Франческа, не как у людей, — нейтральным тоном произнес Швац и скрестил руки на груди. — Потому что я не человек. Моя мать не была волшебницей. Она — наследная принцесса оборотней. Во мне течет кровь темных существ, и именно благодаря ей я чувствовал в тебе треклятую нимфу — создание, сотканное из солнца и нежного прикосновения первой росы.

Эдварад замолчал, потому что воспоминания

вновь стали мелькать перед глазами. Швац помнил то, как ненавидел надменную девчонку, буквально на клеточном уровне. Но понял он природу своей ненависти только позже, на пятом курсе, когда распознал в блондинке нимфу. Солнечные дети. Прекрасную как первородный грех. Такую светлую и утонченную, что ее хотелось уничтожить и стереть с лица земли.

Легенда о таких, как она была слишком стара, поэтому мало что дошло до наших времен. Согласно ей, из сочетания солнечного света упавшего на первую капельку чистейшей, словно слеза невинного младенца, росинку появлялись прекрасные создания. Красивые и непостоянные, вечно ускользающие из рук, словно испаряясь. Соблазнительные нимфы, которые очаровывали всех своей утонченной и великолепной внешностью.

Швац тогда лишь насмехался над этим, совершенно не замечая за лютой ненавистью, которая текла в его крови, привлекательности блондинки. Пересмотреть отношение к Минасид его заставила одна лунная ночь. Эдвараду не спалось. Точнее, ему было страшно засыпать. В последнее время кошмары из прошлого часто давала о себе знать. Стоило Эдварад только закрыть глаза, как

он проваливался в память предков и вкушал все прелести королевского рода оборотней. Увидев это в очередной раз, Швац вскочил посреди ночи. Его сердце билось, как загнанная в клетку птичка.

Ополоснувшись в душе ледяной водой, Эдварад оделся и, накинув форменный мундин, ушел из гостиной своего отделения боевого дивизиона. Он даже не знал, куда бы пойти, а просто шел, доверяя инстинктам, и оказался около смотровой и давно заброшенной башни. Поднявшись, Швац сел на щербатый подоконник и стал смотреть на звезды. Внутри было холодно и пусто. То, что он видел глазами умерших, словно вытягивало из него всю душу без остатка. У него даже не было желания обернуться и посмотреть на того, кто, открыв дверь, смело входя внутрь.

Впрочем, гость не заставил себя долго ждать. На противоположный край подоконника опустилась легкая и невесомая Минасид. Будь Швац в другом состоянии, он бы схватил девицу из подразделения по обеспечению и закону за шею и прижал к стене. Но сейчас… Эдварад прислушался к себе и понял, что даже кровная ненависть не хотела просыпаться. Жестокость, которую чинили в све время его предшественники, не давала

Эдвараду сил поддерживать озлобленность в своей собственной душе.

Швац закрыл глаза и, тяжело вздохнув, подумал, что ему сейчас как никогда хочется чего-то теплого и светлого. Словно прочитав мысли брюнета, Франческа раздвинула ноги Шваца и села между ними. Дрожащими губами Минасид поцеловала его и быстро отпрянула. Эдварад в шоке посмотрел на блондинку и даже не сразу понял, что изменилось в ней. Взгляд…

В расширенных серых глазах притаился страх быть отвергнутой. Швац пораженно выдохнул и дотронулся ладонью до щеки замершей девушки. Франческа вздрогнула, но потом все же сама жадно прильнула к сильной руке. В следующее же мгновение Минасид окружило золотистое свечение. Швац усмехнулся, понимая, что видит сущность Франческа. Минасид сняла свои ограничения и выпустила на волю нимфу, подпорченную изрядной долей демонической крови, на свободу.

Эдварад чувствовал аромат соблазняющих чар, но он не желал сопротивляться. Впервые за столько лет он захотел солнечного света, и тут, как нельзя кстати, появилась Минасид, которая просто источала жар и свет каждой клеточкой

своего хрупкого стана. Ну так зачем тогда отказываться от своих желаний?

Эдвард стремительно двинулся к блондинке и впился в ее губы жадно, почти до боли кусая. Швац резким движением подхватил Минасид и, спустившись с ней с подоконника на пол, стал с остервенением раздевать ее. Минасид покорно позволяла обнажать себя и со смирением терпела все грубости Шваца. А на них Эдвард не поскупился. Он кусал, царапал Франческу и вжимала ее стан в себя до боли, до хруста.

Минасид периодически поскуливала, но принимала жесткое поведение Шваца. Почувствовав, что он опять переходит за черту ненависти, Эдвард сбавил обороты. Швац стал покрывать нежными поцелуями все светлое тело, чем срывал томные стоны с мягких, пухлых губ. Прошептав заклинание смазки, Эдвард стал медленно погружаться в манящее тело. Франческа вцепилась ногтями в плечи Шваца, но ничего не сказала. Она лишь рвано дышала, пока Швац заходил в нее все глубже и глубже. Из серых глаз неожиданно потекли слезы, и Франческа закинула голову назад, надеясь так скрыть это от парня.

Не получилось! Эдвард поцеловал подбородок блондинки, и Франческа посмотрела в его

пылающие огнем глаза. Только когда их взгляды встретились, Минасид поняла, что Швац сделал это именно для того, чтобы увидеть влажный блеск в ее расширенных глазах. Франческу обидело такое желание Шваца, и она собрался было отвернуться, но Эдварад поймал ее губы своими и стал чувственно целовать.

Франческа задыхался. Все, чего она так хотел, сбывалось. Швац стал неторопливо двигаться в ней, не прекращая поцелуя. Франческа резко прогнулся, когда Швац с силой преодолел преграду и, оторвавшись от губ Эдварад, застонала в голос. Минасид окутала их алым свечением, и Эдварад понял, что все-таки даже на него чары демониц имеют воздействие. Сознание Шваца начало затуманиваться, и он мог думать только о мягком девичьем теле в своих грубых руках.

Швац закинул ноги блондики себе на талию и стал резче входить в нее. Франческа зашипела и положил ладонь Швацу на грудь, тем самым прося остановиться. Эдварад замер, ожидая дальнейших действий Минасид. Франческа на мгновение закрыла глаза и попытался восстановить дыхание. Эдварад склонился и стал языком не спеша играть с набухшими розовыми бугорками сосков. Ухмыльнувшись, Франческа

посмотрела на темную макушку и запустила пальцы в непослушные волосы.

Прикусив сосок и получив за это стон вперемешку с шипением, Эдварад поднял голову и сквозь завесу темных волос посмотрел в глаза блондинки. Франческа шумно втянул воздух, увидев озорной блеск в колдовских глазах. Швац расцепил длинные ноги и опустил их на пол. Эдварад осторожно просунул ладони под лопатки девушки и резким движение поднял ее. Крепко держа Франческа, Эдварад осторожно сел и усадил Минасид сверху.

Блондинка смотрел на него ошалевшими от вседозволенности глазами и дрожащими пальцами прикоснулась к смуглой груди, но затем обхватила Шваца за шею и придвинулась ещё плотнее. Обняв одной рукой Минасид за талию, Эдварад резко прижал девушку к себе, тем самым заставляя Франческу прогнуться и застонать. Эдварад оставил невесомый поцелуй между клавишами выступающих ключиц и его руки, как змеи, заскользили по тонкой спине.

Минасид несильно качнулась вперед и сжала внутренние мышцы. После такого Швац, может быть, и сдержался бы, но она посмотрел на него настолько порочным взглядом, что у Эдварада

просто на просто сорвало крышу. Он скользнул ладонями на плечи Минасид, таким образом удерживая блондинку, и стал в ней двигаться резкими рваными толчками.

Франческа вскрикивал и стонала, губы не слушались, но она пыталась целовать Шваца. Когда Эдварад особо сильно вошел до самого упора, Франческа прогнулась и уже сорванным от стонов и криков голосом прохрипела. Волосы и глаза девушки засветились серебром. Швац не знал, то ли луна так обрамляет страстную нимфу, то ли это еще какая-то соблазняющая уловка демоницы. Отвлечь Шваца от этих размышлений Франческа не составило особого труда.

Минасид бережно, самыми кончиками пальцев взялась за лицо Эдварад и наградила его настолько невинным, но таким личным и интимным поцелуем, что сознание просто пропало. Смотря в светлые глаза, Эдварад слегка прикусил нижнюю губу блондинки и вернул ей такой же легкий поцелуй. Щеки девушки еще больше заалели, она крепче обнял Шваца за шею и максимально близко прижался телом к нему.

Руки Эдварад скользнули вниз, теперь удерживая блондинку за бедра. Франческа тихо захныкала от того, насколько тугой узел закру-

чивался у нее внутри, клубясь туманом похоти в желудке. Эдварад просунул руку к горошинке и стал неторопливо ласкать ее, и чем дальше, тем сильнее Швац наращивал и наращивал темп. Франческа не успевала дышать, она не попадал в ритм Шваца и просто задыхался. Хватая воздух урывками, она таяла.

Франческа что-то шептал на языке древних нимф. Дойдя до пика, Швац впился пальцами и ногтями в беззащитные белые бедра. Повинуясь инстинктам, Минасид вскрикнула и, уткнувшись Швацу в волосы, с силой сцепила зубы. Так она пыталась сдерживать крики из последних сил, но когда Эдварад довел ее до оргазма, парой отточенных движений, Франческа все же разжала зубы и судорожно, тонко и протяжно застонала.

Минасид обмякла в сильных руках, не имея сил даже на то, чтобы посмотреть на Шваца. Эдварад обхватил блондинку и лег на пол, потянув Франческу за собой. Швац почувствовал, как он выскользнул из Минасид и как пара капель спермы вытекли наружу и, соскользнув с белой кожи, попали на него самого. Но Шваца совершенно не волновала необходимость применения очищающего заклинания.

Его заботила только блондинка, которая от-

ключилась и уже мирно спала на его груди. Швац провел пальцем по губам девушки так нежно и осторожно, что защемило сердце. Ее ресницы дрогнули. И Эдварад испуганно убрал руку, не желая разбудить ее, но все же повторил снова. Франческа вздрогнула всем телом, напряглась, прижалась крепче и расслабленно выдохнула. Эдварад невольно улыбнулся, увидев улыбку на нежных, искусанных в кровь, но сладких-сладких губах. Швац невесомо поцеловал светлые пряди волос, приманил к себе два пиджака и, укрыв ими нимфу и себя заодно. Вслед за прекрасным видением отправился в царство Морфея.

Проснулся Швац от того, что солнечный свет проказливо бил в лицо. Эдварад поморщился, но все же, разлепив глаза, сел. Швац осмотрелся и с досадой отметил, что девушки и след простылд. Швац посмотрел на солнце и грустно усмехнулся. Теперь у него есть Солнце. Но только оно исчезло не пожелав разделить с ним утро, и вот на его месте появился большой красный самозванец.

В дальнейшем персональное Солнце светило Швацу каждую ночь в течение целых шести месяцев. Но где-то за месяц до финального противостояния и свершившейся мести за родителей, Франческа сообщила Швацу об их разрыве. Эд-

варад тогда без скандала отпустил Минасид, но после ее ухода вдребезги разнес больничные покои. Когда гнев спал, Эдварад проплакал всю ночь, осознавая, что все же проклят солнцем.

Швац встрепенулся, возвращаясь из воспоминаний в реальность, и, посмотрев на застывшую в шоке блондинку. Мысленно сравнив ту Минасид, которая изменила всю его темную жизнь, и ту, которая сейчас сидела перед ним, он понял. Ничего не изменилось! Это все та же Франческа — единственное небесное светило, которое он любит. Эдварад грустно усмехнулся и продолжил рассказ, глядя на притихшую начальницу финансового департамента.

— Вот как раз сегодня мой первенец должен был вступить в наследие, но род отказал его принять. А знаешь почему? — уверенно прошептал парень.

— Потому что кровь твоей запечатленной идиотки слишком омерзительна? — пытаясь язвить, пробубнила Франческа, кривя нос.

— Нет, потому что они сказали, что это мой второй ребенок, — не услышав возражений в ответ, Эдварад добавил. — Не первенец, Франческа, не первенец.

— И что с того? — разведя руками, спросила

Минасид. — Все знают, что в школе у тебя была бурная жизнь. Ты переспала там с половиной девушек. Любая могла от тебя забеременеть. Так что не факт, что этот ребенок должен быть у меня. Иди опрашивай ту толпу, которая грела тебе койку.

— Факт, Франческа, факт, — не выдержав, грозно прошипел Швац. — У королевских династий существует древнее заклинание, которое не позволяет появляться бастардам. Так я даю указания своей магии, и она заботится о том, чтобы никто не забеременел от меня без моего желания. Да, у меня была бурная жизнь в Академии, — подтвердил Швац, уверенным и цепким взглядом держа внимание паникующих глаз. — Но на всех тех, с кем я спал, я выставлял этот запрет, Кроме тебя… Я никогда не давал магии права блокировать возможность появления у нас детей. Не спрашивай, зачем я это делал. Я не смогу ответить. Сам не знаю. Наверное, меня безумно возбуждала вся эта ситуация, которая складывалась каждую ночь. Ты прекрасно знала, что ты нимфа. Знал, что любая наша ночь может иметь для тебя вполне определенные последствия, но все равно приходила каждый вечер. Бессовестно провоцировала меня на то, чтобы я трахал тебя

ночи напролет, ты настаивала, чтобы я всегда кончал только в тебя… И мне нравилась даже мысль о том, что у тебя под сердцем может быть мой ребенок… Наш! Наверное, поэтому я тогда и делал для тебя исключение. Так что тут нет вариантов, Франческа, — Эдварад заметил страх в глазах цвета стали, но самый важный вопрос все же задал. — Алисамида — моя дочь?

Минасид сидела бледная и ошарашенная. Она понимала, что Швац загнал ее в угол. Тут и правда не могло быть других вариантов… Отпираться уже бесполезно. Любой анализ крови сможет подтвердить факт отцовства. А уж ретуал и подавно. Франческа опустил голову и еле слышно выдохнул:

— Да…

— Почему? — неторопливо и как-то слишком умоляюще спросил Эдварад.

Он не знал, о чем именно спрашивает. Да и не нужно было понимать. Это просто был единственный вопрос, который крутился в его лохматой голове. К горлу Франчески подступил колючий ком нервов и истерики. Подняв на Шваца полные боли и дикой всепоглощающей тоски глаза, дрогнувшим голосом она выкрикнул практически на выдохе:

— Потому что я люблю тебя, придурок!

Испугавшись Франческа откинулась в кресле и, оперевшись локтями на подлокотники, прикрыла ладонями рот. Швац замер, не в силах пошевелиться, он просто примерз к полу. Но стоило ему только узреть, как из зажмуренных глаз блондинки покатились прозрачные слезы, он сразу же обогнул рабочий стол. Резко развернул кресло Франчески к себе и сел перед ней прямо на пол, положив руки той на мягкие и такие родные бедра.

— Франческа, — тихо начал Швац. Он дотянулся до лица Минасид и пальцем смахнул блестящии капли. Серые глаза распахнулись и посмотрели в его. — Я тогда не понимаю, почему ты ушела от меня. Мы же могли сейчас быть вместе и…

— В том-то и дело, что не могли бы! — горько с надломом и надрывом ответил Франческа. — Хочешь правды? Хорошо. Я расскажу тебе. Все расскажу, — сказал Франческа, рукавами вытирая катившиеся слезы. — Видит Запирастик, как я тебя ненавидела после того, как ты отказала мне на первом курсе. Я никогда и никого так не презирала. Только тебя! Но когда на четвертом курсе я неожиданно стала понимать, что кроме ненависти у меня есть к тебе другие

чувства… — Минасид гулко сглотнула, — абсолютно противоположные… меня окатил ужас. Я пыталась вытравить это из себя, ища утешение в ещё больших издевательствах, но все было без толку. На последнем курсе я не смогла терпеть… я больше не могла отрицать своих чувств, — Франческа несколько секунд молча смотрел во внимательные глаза и затем продолжила. — К тому моменту я знала, что ты спишь со всеми без разбору, и в моей голове появился план. План, как получить от тебя куда больше, чем то, на что я вообще могла рассчитывать. Мне нужен был ребенок. Твой ребенок. Я знала, что мне будет по силам соблазнить тебя. Я не сомневалась, что ты не откажешься провести со мной ночь. По идее, я должна была забеременеть. Потом сказать тебе, что эта ночь была ошибкой и чтобы ты про нее забыл. Затем в срочном порядке выйти замуж на Джеремайро, уехать с ним во Францию, чтобы быть подальше от наших родственников. Там промыть этому идиоту мозги, чтобы считала себя папашей. И после рождения ребенка он признал бы, что это наше дитя. План был безупречен! Но ты же Швац! — с горечью протянул Франческа. — Откуда мне было знать, что ты оборотень?! Будь ты человеком, я бы забеременела сразу, я

для этого все сделала, а вот дети у разных видов магических существ — это редкое явление. Я была поражена, когда после той ночи на смотровой башне у меня не было ребенка. Поэтому мне пришлось идти к тебе снова. Я была близока к безумию: меня убивало, что ты рядом, целуешь, ласкаешь, шепчешь слова любви… мечта так близко, но ей не суждено сбыться. Ты убивал меня каждую ночь. И так на протяжении всех проклятых шести месяцев безумной любви. И когда я наконец поняла, что беременна, то сразу с тобой порвала. Ты даже не представляешь, как это было больно! Была бы это одна ночь, я бы пережила, но шесть месяцев купаться в твоей любви, а потом все разрушить… я думала, что сдохну прямо под дверью больничного корпуса. Единственное, из-за чего я выжила, это был осознание, что внутри меня наша дочь. А дальше я сделала так, как планировала с самого начала. План, как ты понимаешь прошел успешно. Официально это ребенок Джеремайро.

Закончив свой монолог, Минасид вновь вытерла слезы и прикрыла ладонью рот, сдерживая эмоции, рвущиеся наружу. Ее едва не трясло от напряжения и боли, что разрывали душу и сердца.

— Ты так и не ответила, почему у нас ничего бы не получилось. Ты же знала еще тогда, как я тебя люблю… Франческа…

— Эдварад!!! — раздраженно вскрикнула девушка. — Разве ты сам не понимаешь? Тут все против нас. Ты — проклятый победитель мирового заговора, я — дочь правой руки! От тебя ждут семьи как символа счастья — такого правильного и такого до тошноты святого! От меня — как символа исправления и покорения воли глав совета. Мы оба не могли зачать ребенка без позволения на то родовой магии, это не мир людей, где такое чуть ли не норма. Это волшебный мир. Да, многие не брезгуют сходить налево, но заводить детей вне семьи… это хуже убийства. Потому что фактически такие дети уничтожают возможность рождения полноценных потомков с магическими способностями, — Швац хотел возразить, но Франческа ему этого не позволила, предугадывая вопрос. — Хочешь сказать, что у нас-то с тобой дети могли бы быть? Верно, но тогда бы нам пришлось рассказать о моем происхождении, точнее, о наших происхождениях. И это бы общество точно не приняло. Наша жизнь бы стала адом. А так… я получила от наших отношений самый дорогой подарок.

Франческу трясло от эмоций, бушующих в ней. Она тяжело дышала, и дрожащими пальцами вытирала невольно катившиеся по алым щекам слезы. Швац смотрел куда-то в сторону, и между ними повисло тяжелое и гнетущее молчание. Не тягостное, а какое-то… задумчивое.

— Больше ты от меня не сбежишь, — твердо сказал Эдварад, поймав взгляд серебряных глаз. — Не получится.

Швац потянулся наверх и поцеловал Минасид. Языком Эдварад раздвинул соленые от слез губы блондинки и стал дико и страстно ее целовать. Он не прикасался к ним слишком долго, не позволяя себе даже помыслить долгие четыре года. Сейчас у него было только одно желание: насладиться этими губами сполна. Зацеловать их обладательницу до полусмерти

— Эдварад… а если они о нас узнают… — спросила Франческа, переводя дыхание. — Твоя запечатленная?

— Пускай. Семьи мы создали, детей родили, а про происхождение им знать не обязательно. А то, что мы вместе, они как-нибудь да переживут.

— А если и не переживут, то и не жалко их, — фыркнула Франческа, обнимая Шваца за шею.

— Правильно, — усмехнулся Эдварад. — Предки

дали мне позволение на развод, они хотят видеть королевой тебя.

— Но твой народ… Он должен ненавидеть меня… Как и ты… И вообще, не факт, что мои предки позволят этого.

— Думаю, подарив мне вас, солнце достаточно извинилось перед темными родами за свой поступок.

— Вашими родами, — подчеркивая это, повторил Минасид, — но ведь есть еще и светлые роды, которые ненавидят темных. Никто не позволит младшей принцессе, даже из побочной ветви выйти замуж за оборотня.

— Им придется смириться с тем, что король оборотней влюбился в дитя света и что в их общем наследнике есть тьма и свет, — Швац замолчал и, нежно коснувшись губ блондинки, продолжил. — Думаю, настало время что-то менять. Эта обида глупа и стара. Ну так и зачем тогда ненавидеть солнце, когда можно наслаждаться его сказочными дарами?

Светлана Титова
Моя усатая проблема

Конец марта выдал холодным и не по-весеннему промозглым. Посмотрев по сторонам, вяло удивилась соответствию настроения и погоды. Принято радоваться наступлению весны, особенно в свои двадцать два, особенно, когда у тебя стрижка, которая тебе идет, и свои ресницы не хуже нарощенных, на тебе симпатичное пальто и сапожки, подаренные родителями по случаю вступления в самостоятельную жизнь. Но что принято, редко работает. И настроение было где-то между «паршиво» и «совсем мерзко». Два дня тому хозяйка квартиры уведомила, что поднимает оплату, а сегодня на работе мне дали срок две недели, чтобы подыскать другое место.

Поднять оплату почти вдвое! Это за квартиру на окраине, которая последний раз видела ремонт еще в девяностые!

Проблем много, а решений ноль. Измученный сырой зимой, парой простуд и авитаминозом мозг отказывался работать и искать выход. Хотелось забиться в уголок и плакать, жалея себя. И я

торопилась в этот, пока ещё мой уголок, поскальзываясь на высоких каблуках и придерживая поднятый воротник пальто у груди. Можно было поехать на автобусе или взять такси, но в кармане лежала последняя «тысячная». Это все, что осталось до следующей зарплаты, вернее расчета. А до него ещё дожить надо. Вернее как-то выжить. Вот я экономила на такси и уже второй месяц проходила мимо любимой кафешки с капучино и умопомрачительными хрустящими круассанами, которые я просто обожаю. А сейчас срезала путь темными и глухими дворами, чтобы скорее добраться домой.

Немного страшно, но… День еще. Всего-то пять вечера. И по-весеннему времени еще светло.

— Связывай ему лапы! Ну же! Или он сбежит! — донеслось из ближайшей подворотни.

Темный провал прохода вел на чей-то задний двор, куда мне точно не надо. А инструкторы по безопасности жизни строго наказывают даже не соваться. Голоса тонкие, ещё не сломались. Значит мальчишки-подростки.

— Ай, он царапучий, гад! Н-на-а! Будешь знать! — донесся другой голос. Жалобный кошачий мявк подтвердил, что мучают кошку. — Когти ему выдернуть за такое. Стой, я домой за плоско-

губцами сбегаю, пока батя на работе.

Сдавленно мяукнул кот и затих, словно, захлебнулся собственным криком.

— И зажигалку захвати. Спички отсырели, не зажигаются, — это был уже третий голос, говорящий ломким баском. — Я не пойду, от меня бензиком воняет. Мамка обязательно унюхает, подумает токсик и не отпустит. Ты скорее там, стемнеет скоро, и «живой факел» ваще отпадно получится.

Я остановилась, догадавшись, что малолетние живодеры решили заживо сжечь несчастного кота. Быстро прошла темную арку, проникая в чужой двор. Оглядела небольшой пятачок заднего двора старенькой многоэтажки. Пусто, несколько мусорных контейнеров издавали непередаваемое амбре. Из-за них показался рослый подросток в замусоленной куртке и заляпанных грязью кроссовках. Не оглядываясь, он ссутулился и рванул в сторону прохода к подъездам.

А они не так малы, как показалось в начале. Блин, страшно! Сейчас даже школьники употребляют всякую гадость, и я рискую.

На секунду инстинкт самосохранения притормозил. Но кот мяукнул вновь, как-то совсем уж безнадежно, словно понимал, что проиграл и

сейчас умрет. Сердце сжалось от жалости, и я потопала за контейнеры. В углу дворика, у самой сетки, ограждающей территорию, курила парочка светловолосых подростков лет четырнадцати, а на земле валялся связанный, истерзанный крупный кот. Несчастный дергался всем телом и пытался перегрызть веревку, врезавшуюся в челюсти. Глаза бешено таращились, он урчал, то рычал, то тихо мяукал. На мордочке у носа и глаз запеклась кровь. Темная шерсть свалялась, и было не ясно колтуны от грязи, или это шерсть слиплась от крови. Сердце пропустило удар. Хотелось просто размозжить головы обоим нелюдям, истерзавшим несчастное животное.

Ведь паспорта наверняка есть, а совести и человечности ни грамма.

— Привет, — пытаясь быть дружелюбной, произнесла я.

Оба парня лениво подняли мутные взгляды, уставившись куда угодно только не в лицо.

— Че надо? — «поприветствовал» один, сплюнув сквозь зубы. — Прикурить? Так мы не курим.

Он демонстративно стряхнул пепел на землю. На меня уставились холодные и злые щелочки малолетнего отморозка.

— Топай откуда шла, — проявил «вежливость»

другой, глумливо улыбаясь.

— Я кота своего ищу. И вот нашла. Это Васька мой. Отдайте, ребята, — стараясь не выказывать агрессии, проговорила я.

— Ага, как же твой, — осклабился один из них. — Ты вопще кто? Даже не с нашего района. Я всех телок местных знаю. И кот не твой. Это бабки Афанасьевны, что пару дне назад померла. Барсик ёйнный.

— Афанасьевны-Хренасьевны, — «пошутил» другой и заржал над собственной шуткой.

— Может и Барсик. Но я бы этого взяла. Отдайте, раз у него хозяйки больше нет.

— Есть, — отрезал первый и затушил окурок о лежащего кота. — Теперь я его хозяин!

Притихший было зверь, заорал, извиваясь на месте, стараясь вырваться из пут. Оба живодера заржали, глядя на мучения несчастного. Не думая больше, я подхватила извивающегося, не помнящего себя от боли зверя на руки и прижала грязное тельце к пальто.

— А ну положь, — рявкнул «хозяин», поднимаясь, в руке блеснул нож. — На место, сказал!

— Развлекуху нам не порть, — встал рядом другой, сплюнув и перестав смеяться, — а то мы сейчас тебя вместо кота…

Оба жилистые и рослые, выше меня на голову, наступали, глумливо скалясь. Я пятилась назад, сжимая кота все крепче. Тот перестал орать и лишь хрипел, выпуская розовые пузыри слюны.

— Ну! — цыкнул на меня «хозяин».

Не думая долго, сунула руку в карман, вытянула тысячную купюру и кинула в парней.

— Это вам на развлекуху, — и, не оглядываясь, рванула из арочного проема, унося ноги.

***

Ключ никак не хотел попадать в замок, когда я открывала дверь. От пережитого руки тряслись. Переступив порог, сразу прошла на кухню. Там пристроила все ещё связанного кота на мягкое сиденье. Он уже не кричал и не извивался. Прикрыв глаза веками, казалось, спал. Но только мои руки сменила мягкая ткань подушки, приоткрыл глаза и тихо мяукнул.

— Сейчас, сейчас, погоди. Я разденусь и помогу тебе. На «ветеренарку» у меня денег нет. Так что как смогу. Извини, если будет больно. Я первый раз, — я быстро разделась в прихожей и вымыла в ванной руки.

Из комнаты захватила аптечку, из ванной полотенца и ножницы. Кот опять спал или впал в

забытье. Я осмотрела связанные веревкой лапы, сломанный хвост, порванное ухо. Прикоснулась к мордочке. Прежде всего, нужно снять этот кляп с пасти. И ножницами осторожно поддела веревку, стараясь перерезать. Кот очнулся, заурчал, остановил на мне измученный взгляд. Темный, расширенный зрачок занимал весь глаз.

— Я просто хочу убрать веревку, — успокоила его. — Хочу помочь. Ты же не будешь буянить и царапаться?

Он закрыл глаза. Видимо на-кошачьем это означало согласие. Аккуратно сняла все путы, стершие в кровь кожу. Обработала раны и ожоги антисептиком. Кот только вздрагивал и тихо стонал. На меня смотрели измученные глаза почти с человеческим выражением боли. В них стояли слезы.

Вот, уроды! Надеюсь, им достанется не меньше!

— Ничего, котенька, подлечу тебя, и будешь как новенький, — ласково уговаривала страдальца, бинтуя хвост. Еще за кошками сто лет бегать будешь. Ты же у нас… — бросила взгляд на пару грязно-серых шариков под хвостом, — …почему-то не кастрированный, — закончила свою мысль. Странно, почему хозяйка тебя пожалела.

Тихое, но отчетливо угрожающее урчание было мне ответом. Голубой в красных прожилках глаз из-под века зло блеснул. Я закапала ему глаза, отмыв от корочек гноя и крови.

— Ладно тебе, — усмехнулась, удивившись, что кот меня понял, — я же не посягаю на твои сокровища. И то хорошо… Вон как ожил, а то умирал совсем. Сейчас пить будем лекарство и молоко из пипетки.

Сам бы он пить не смог, да и губы изранены. В воде растворила те, что были антибиотики, надеясь, что они подходят и животным. Из пипетки по капельке поила бедолагу, завернув в мягкое полотенце. Потом подогрела молоко и так же попыталась напоить. Он слабо фыркал, тянулся мордой к чашке, лакать сам, и отворачивался от пипетки.

— Да ладно тебе. Я понимаю, что так отпаивают маленьких котят, а ты типа взрослый и вообще альфа. Но обещаю, что никому не скажу и не уроню твой авторитет перед усатыми мурками, — шутила с ним, подбадривая больше себя.

За заботами о коте, забывались собственные проблемы.

Кот глянул на меня скептически, но из пипетки пить согласился. Я принесла коробку, настелила

старых полотенец и устроила место под теплой батареей. Мой спасенный не возражал.

— Все, котенька, выздоравливай! Завтра, если все хорошо будет, вымою тебя. Надо же узнать какой ты у нас масти.

Он покорно улегся, прикрыл глаза и заснул. Я выдохнула и пошла гуглить признаки предсмертной агонии у кошек. Своим способностям ветеринара я не очень доверяла. Переодевшись, залезла в интернет, открывая вкладки и внимательно изучая все, что было по теме.

***

Наутро, вновь накормив страдальца молоком, убежала на работу, клятвенно пообещав ему, что вернусь очень скоро. Рассказала ситуацию на работе, показала фото моего котика, и сердобольные девушки ссудили меня деньгами на лечение бедняги.

Купив курицу для бульона и необходимые лекарства, я торопилась домой. Срезать дворами впредь зареклась. Спотыкаясь и кляня выкрутивших лампочки жлобов, в полутьме поднималась по лестнице, открыла дверь, прислушалась к тишине.

— Котенька, ты как? Живой? — и как была,

прошла на кухню.

Кот меня ждал. Он выпил все молоко, съел колбасу с бутербродов, которые я забыла на столе и, сидя в кресле, пытался вылизывать замотанный бинтом хвост. Вполне живой. Если бы не грязные колтуны на шерсти, повязка на хвосте, рваное ухо, не подумаешь, что вчера едва дышал и был при смерти.

На меня уставилась пара голубых глаз. Но если присмотреться правый скорее серый. Неприметный дефект. Я положила пакеты на стол и присела рядом с креслом, разглядывая выздоровевшего не иначе как чудом, кота. Протянула руку, и в ладонь уткнулся влажный нос. Счастливо выдохнула, чувствуя, как тиски сжимавшего сердце страха за него, расслабляются.

— Ты здоров. Почти. Это антибиотики? Или чудо? — я на ходу снимала пальто и сапоги, прыгая на одной ноге в коридор.

Вернувшись, не удержалась, провела между ушей пальцами, чувствуя засохшую грязь и кровь. Купания никак не избежать. Он боднул меня в ладонь и потянулся к пакетам. Встав передними лапками на стол, влез головой в тот, где курица.

— Стоп! Сначала тебя отмыть надо, — я ре-

шительно убрала пакет с тушкой в раковину, размораживаться. — Ты как к водным процедурам относишься? Уж извини, но придется потерпеть.

Кот обиженно проводил глазами пакет и недовольно фыркнул. Он демонстративно отвернулся и смотрел упрямо в стену.

Ну, точно обиделся. Надо же какой чувствительный! Характер!

— Давай не дуйся, красавчик! — миролюбиво провела ладонью между ушек. — Вымою тебя и погреюсь в ванной сама. На улице продрогла. И давай не будем время терять, мне еще нужно по сайтам полазить и работу поискать. Это благотворительность, а она не бесконечна.

Я ткнула пальцем в сторону курицы. Кот дернул ухом, но позволил взять себя на руки. Он не испугался ванны, только вздохнул, когда я опустила его лапки в тазик с водой. Аккуратно придерживала хвост, и намыливала, не веря, что передо мной кот, а не собака. Такой покорности ещё поискать. Воду пришлось менять дважды, пока она перестала мутнеть от грязи. Завернув его в полотенце, уложила сверху на стиральную машину, решив принять ванну. Пока набиралась вода, разделась, с удовольствием стянув

надоевшую за день водолазку и белье. Сладко потянулась, разминая тело. Покрутилась перед зеркалом, разглядывая себя, показала язык отражению. Вынула из прически все шпильки, тряхнула волосами, мурлыкая под нос песенку.

— Котя, как думаешь, лучше бомбочку или соль? — я протянула в сторону котика упаковку и замерла. — Ты чего?

Кот, до того старательно вылизывавший мокрую шерсть, не мигая следил за мной. Вертикальный зрачок расширился. Из горла доносился странный хрип. Взъерошенный, в иголочках мокрой темной шерсти. Часть волосков усов и бровей белая. Из приоткрытой челюсти торчал кончик розового языка. Он выглядел скорее жалко и забавно, чем опасно. Я усмехнулась.

— Удивляешься, что я сняла всю шерсть? Да, вот такие мы люди странные. Снимаем свою шерсть и остаемся голыми. Голые мы тоже ничего… некоторые, — я хихикнула, удивляясь себе, что разговариваю с Котей, будто он способен меня понять. — Я тебе нравлюсь?

Хихикнула своей шутке и застыла в позе перед ним, слегка выгнувшись телом назад, запустив пальцы в волосы. Удивленно замерла, мне показалось, что кот, продолжавший буравить меня

взглядом, кивнул. Потерла виски, отгоняя глупые мысли.

Конечно, показалось, он икнул, скорее всего, от голода. Так что быстрее в ванную мыться и варить бульон. Завела мужика — корми. Сколько телесами перед ними не сверкай, они есть хотят. Хоть шерстяные, усатые и хвостатые, хоть обычные.

Наевшись мясного бульона, я засела за ноут, а котя улегся на моей кровати. Он обсох, распушился, удивляя окрасом. Я любовалась зверьком, а он поглядывал в мою сторону и растянулся, показывая себя во всей красе. Если не мордочка и забинтованный хвост — натуральный соболь.

И в кого ты такой шоколадно-коричневый? Что за порода такая?

— Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец… — напевала, выискивая породу своего спасенного, пока тот продолжал прихорашиваться.

На этот раз он воевал с бинтом на хвосте, пытаясь стянуть повязку.

— Стоп, стоп! Там перелом. Он так быстро не пройдет, нужно потерпеть, — осторожно убрала хвост от царапучих лап, истрепавших бинт. — Давай, ты еще потерпишь. А то хвост останется кривой. Жалко же портить такую красоту.

Голубые глаза посмотрели на меня со снисхождением, хвост недовольно дернулся, хозяин согласился потерпеть, уступая моим требованиям. За поисками вакансий засиделась допоздна. Когда добралась до кровати, кот уже спал, нагло растянувшись на половину кровати. Повязку он все-таки стянул и хвост вылизал. Хмыкнув на упрямца, я пристроилась рядом. Уже засыпая, почувствовала, как влажный нос уткнулся в ложбинку груди, а шерстяной бочок притиснулся ближе. Обняв его рукой, услышала урчание и провалилась в сон.

***

За неделю с небольшим Котя окреп, перестал тяжело, не по-звериному вдыхать и вздрагивать во сне. Совсем ещё молодой зверь, но спокойный, полный достоинства. Часто ловила на себе его изучающий взгляд, непривычно внимательный, когда рассказывала о своих проблемах или новостях по поиску работы. Никаких «тыгдыков» по ночам, как у других котов, исцарапанной мебели и меток в тапочках. Он неизменно возлежал на стиральной машине каждый раз, как я принимала ванну или душ, следя, чтобы дуреха-хозяйка не утонула. Следил и не убегал, даже когда вода

попадала на шерсть или мордочку. По ночам теснее прижимался ко мне, влезая мордой за пазуху ночной сорочки ближе к груди, как котенок. Я махнула рукой на мокрый нос и щекотные усы, терпела, понимая, сколько он намучился. В природе существует равновесие во всем. Одни его искалечили, другим придется исправлять.

Я привыкла к нему, к его «мявк» на мое утреннее и вечернее «Котенька, привет!» У нас появился свой ритуал встреч и прощаний. Он легко сносил поцелуи в нос, не вырывался и не чихал, как другие коты.

В этот вечер так же спешила домой, купив ему вкусняшек, плюнув на свои любимые круассаны. На работе дали полный расчет, и я спускала деньги на своего «мужчину». Смотреть с каким удовольствием ест сырые купаты мой кот оказалось намного приятнее, чем есть что-то вкусное самой. Кошачью еду Котя сразу отверг, но с удовольствием ел приготовленную для себя. Когда застала его, лакающего из чашки кофе с молоком, только усмехнулась, разглядывая самодовольную мордочку, нагловатый прищур, в котором не было ни капли раскаяния за содеянное.

«Мужик» у меня теперь точно есть. Не очень требовательный, но знающий себе цену, чи-

стоплотный и ласковый. Жизнь нас обоих не особенно любила, мы и привязались друг другу. Я так думала…

— Котенька, я вернулась. Ты как? Проголодался? — закрывая дверь, снимала пальто, ожидая его привычного и краткого «мявк».

Меня встретила непривычно тихая квартира.

Заснул, наверно.

Я прошла на кухню, включила свет и поняла, что Котю можно не искать. Уходя утром, забыла закрыть форточку. И сейчас она, раскрытая настежь, хлопала вздувшимся от сквозняка пузырем занавески. Раньше я как-то не следила за окнами, натерпевшийся от садистов кот сам не рвался на улицу и ходил в лоток. А теперь, видно, осмелел и ушел гулять. Этаж первый, для него не препятствие.

Ну, да конец марта же! Самое время для кошачьих гулянок.

Внутри заворочалась ревность к незнакомым усатым муркам, на которых меня променял мой «мужик». Подавила подступившие слезы. Ну чего я собственно? Он же «мужик», хоть и шерстяной. Погуляет и вернется. Мое дело верно ждать и не заглядываться на других котов… даже в интернете. Печально улыбнулась собственной шутке.

— Эх, Котя, Котя! — с обидой произнесла я, и пошла раздеваться.

В прихожей зазвонил телефон. Допотопный, дисковой монстр, доставшийся с мебелью от хозяйки. Я сняла трубку и поморщилась. Резкий звук голоса подруги Ирины неприятно резанул ухо. Мы бывшие одноклассницы и лучшие подруги. Всегда были. Только вот жизнь раскидала, пусть недалеко, но выкроить время и встретиться, посидеть — всегда проблема.

— Даш, ты не забыла?

— Что не забыла? — произнесла я, уставившись на отражение в зеркале.

На меня непонимающе таращилась кареглазая шатенка с растрепавшимися от ветра волосами, обветренными губами и естественным румянцем.

Накраситься забыла. М-да, вот так целый день проходила.

— На субботу мы заказали столик в «Эдельвейсе», — терпеливо объясняла Ирина.

Видно, я не единственная, кто забыл.

— Мы хотели как все в феврале, но из-за эпидемии отложили. А тут как раз все праздники прошли, и нам скидку сделают, — она объясняла и объясняла, а я рассматривала себя, печально

сознавая, что стрижку надо бы обновить, а денег нет.

— Ир, у меня сейчас с финансами туго, — прервала словесный поток подруги.

— Ты уже заплатила. Скидывались еще до Нового года. Забыла что ли? — с раздражением произнесла Ира, устав объяснять не один раз одно и то же. — В семь вечера что бы была как штык… и это… кавалера прихвати. Ты ж за двоих сдавала. Все, чмоки…

В трубки раздались гудки прерванной связи. Я положила ее на рычаги, скривила унылую рожицу отражению и пошла в комнату. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Не включая свет, не раздеваясь, уселась на диван и уставилась в окно на соседний дом, где зажигались один за другим окна домов. Я вспомнила мокрый декабрь, и звонок Иры, предлагающей собраться, как положено на встречу выпускников в родном городе. И мои планы, которым так никогда и не суждено было сбыться. Тогда я только начала встречаться с Антоном. Спортивный, интересный, целеустремленный. В нем было все, чего так не хватало мне. И деньги за двоих я сдала в надежде представить всем его, как моего парня. Казалось, у нас может получиться. Долго так казалось. До тех пор, пока

я не заболела. Новый год провалялась с температурой. Он позвонил, поздравил, но опасаясь подхватить грипп, не рискнул приехать. Зачем ему сопливая и кашляющая я, если в телефоне фоном играла музыка, и слышался заливистый женский смех. С кем встретишь Новый год, с тем его и проведешь. Точная примета. С Антоном мы расстались. Он даже не расстроился, скорее злился, что бросали его, а не наоборот. Мужское самолюбие и только. Но хотелось рядом человека, а не самолюбие. Наверно, я требую много, но… вот такая я. На меньшее не согласна. Поэтому и одна, что планку высоко задираю.

В окнах напротив мелькали чужие люди, вернувшиеся в свои дома. Сорились, обнимались, ужинали, курили и жили своей жизнью. И никому не было до меня дела. Слезы полились сами, я не сдерживала рыдания. Плакала, чувствуя бесконечное одиночество, ненужность и заброшенность. Уход кота и звонок подруги стали последними каплями, прорвавшими плотину под названием «сильная, все могу сама».

— Даже ты, даже ты меня бросил, — всхлипывала, упрекая кота, отправившегося гулять. — Неужели со мной хуже, чем на улице?

Умом понимала, что у кота инстинкты, и про-

тив них он бессилен. Но жалость к себе и обида были сильнее. Я уже представляла себе роскошную квартиру и уставленный вкусностями стол. Хозяйку — полную блондинку лет за сорок в ярком кимоно с роскошными павлинами, угощавшую моего Котю.

Наревевшись вволю, долго стояла под душем, первый раз без пристального наблюдения моего кота. Упав в постель, долго ворочалась. Оказывается, привыкла к мокрому носу, урчанию и шерстяному греющему бочку.

— Вот возьму и назло тебе заведу другого, — прошипела в темноту, — здоровенного блондина. А ты иди к своим… павлинам…

Приняв решение, вытерла слезы, уткнулась в подушку и заснула.

***

Перехватив поудобнее небольшую коробку, я молилась про себя, чтобы не попасть каблуком в какую-нибудь щель в асфальте и не загреметь в весеннюю грязную лужу. Сегодня был последний день на старом рабочем месте. Я не стала устраивать трагедий, быстро собрала свой немудрящий скарб и отправилась домой, отложив очередной поход по вакансиям на завтра.

Денег на такси пожалела, долго ждать свой автобус с оттягивающей руки коробкой не хотелось, и я отправилась вдоль дороги, наматывая на усталые ноги километры кварталов. Срезать дворами не хотелось тем более. Пару дней назад по местному телевидению только и разговоров было о троих зверски замученных и заживо сожженных подростках. Маньяка продолжали искать, а родители теперь боялись выпускать своих чад на улицу без присмотра. Я хоть и не подросток, но мало ли…

За три дня Котя так и не вернулся, хотя форточка не закрывалась ни днем, ни ночью, рискуя привлечь воров. Другого кота я так и не завела, хотя и был соблазн пригреть еще одного хвостатого.

— Девушка, вас подвезти? — отвлек от размышлений женский голос.

Из открытого окошка притормозившей «легковушки» приветливо улыбалась симпатичная девушка. Зеленоглазая шатенка. Безрукавка из дорогого меха. Кожаные брюки. Чуть старше меня. В марках машин я не разбиралась. Но ее иномарка выглядела новой и дорогой.

— Мне в Рабочий район и… мне заплатить нечем, — уныло улыбнулась я, понимая, что сей-

час окно закроется, и она уедет.

Рабочий — это окраина. Туда такие не ездят, тем более задаром. И чего остановилась? По мне не видно, что я не из платежеспособных?

— Садитесь, — кивнула зеленоглазая, открывая дверцу.

Я осторожно уселась, устроив коробку у себя на коленях, прикрывая дверь. Замки мягко клацнули. Двигатель тихо заурчал, под шинами зашуршали остатки грязного снега. Иномарка легко влилась в поток машин. Меня окутал аромат хорошего парфюма, кожаного салона и еще чего-то приятного. Оглядевшись, поняла, что машина не просто из дорогих, а очень дорогих. Фильмы-то я смотрю про Джеймса Бонда. У него была похожая. Я тупо уставилась на мятую картонную крышку перед собой, неловко чувствуя себя в дорогой машине.

— На новую работу? — девушка кивнула на коробку и легко свернула в сторону моего района, уходя с основной магистрали.

— Почти, — скованно улыбнулась я, — как устроюсь. А сейчас… каникулы.

Поддерживать разговор с человеком, который видел мою жизнь, как и я ее только в фильмах, было сложно. Нужных слов не находилось, а что

отыскались, застревали в горле. Жаловаться бессмысленно, она не поймет. У нее бензин в баке стоит дороже моего завтрака, обеда и ужина вместе взятых. А кичиться нечем в принципе, не то, что перед ней. Странно, что она вообще знает, что в городе есть район Рабочий. Туда такие машины не заглядывают.

— Мой брат, Феликс Рагозин, набирает новую группу в отдел рекламы. Если предложение заинтересует, вот, — бросив следить за дорогой, достала откуда-то с панели визитницу и протянула мне кусочек плотного картона с серебряным тиснением, — и еще… ваш номер телефона я запишу. Диктуйте.

Она все той же рукой нашла телефон и вопросительно подняла на меня взгляд. Я отвела взгляд от черного с золотом девайса и продиктовала, проговоренный за последние дни раз сто номер.

— Как вас записать? — она что-то строчила, не поднимая глаз.

— Дарья Шелестова, — произнесла, вглядываясь в мелькающие пальцы незнакомки, забивающие мой номер в память. — А вас?

Вот только в память ли? Мне показалось, что она набирала кому-то сообщение. Но мало ли что это могло значит. Не обязательно, что она лично

занимается подбором персонала для брата, вот и перепоручила меня нужному человеку.

Мы мягко катили по дороге, раздолбанной машинами за зиму. Но авто ни разу не тряхнуло. Оно словно плыло над колдобинами и ямами. Вспоминая тряску на маршрутке, удивилась качеству заграничного автопрома.

— Регина. Рагозина Регина, — она спрятала, курлыкнувший сообщением о доставке смс, телефон. — Ваша улица и номер дома, Даша?

— Знаете этот район? — удивилась я. — Ленинская, дом один.

— Приходилось бывать, — уклончиво ответила девушка. И мне показалось, что глаза нехорошо блеснули, а руки сильнее сжали небольшой руль. — Значит, завтра в одиннадцать утра я вас жду в головном офисе. Договорились? Если планы изменятся, звоните.

Я кивнула, смущаясь перед шикарной дамой за свой обшарпанный дом и подъезд.

Дома я рассмотрела визитку и невольно улыбнулась. Мне предстояло двигать в массы изделия местного мясокомбината, владельцем которого, как и много ещё чего, являлся Рагозин Феликс Алексеевич. Но вспомнив свои работы в стиле Энди Уорхола, которыми вполне заслуженно

гордилась, учась в вузе, я припоминала все эти рекламные слоганы типа «Папа может», виденные по телевизору. Теперь и я должна буду продуцировать что-то похожее. Обижать пап, как в известной рекламе, не хотелось.

С тоской глянув на открытую форточку, ждущую гуляку кота, с гудящей головой отправилась в душ. Остаток вечера убила на наведение лоска на костюм и туфли. Спать легла, долго ворочалась в холодной постели, вновь вспоминая о Коте.

***

- Отлично! Вся группа в сборе, как раз со всеми познакомишься. Смелее, — невесомо подтолкнула меня Регина, — у нас отличная команда и Феликс нормальный мужик. Мы все тут как одна семья. Станешь ее частью… если захочешь.

Я нерешительно переступила с ноги на ногу, нервно поправляя волосы. Вопреки моим предположениям, Регина сама занялась мной. Встретила на парковке, куда я приехала, раскошелившись на такси. Хотелось сохранить прическу и макияж и произвести хорошее впечатление. Девушка сама проводила к кабинету на втором этаже, где я тормознула перед дверью с табличкой ФИО руководителя рекламного отдела, за которой сейчас

слышался смех. Нервно одернула полы офисного пиджака. Регина улыбнулась краешками губ, понимая мою нервозность, и открыла дверь.

Новый взрыв смеха резанул по ушам. Глаза быстро облетели светлый кабинет, обставленный стандартной офисной мебелью, открытые настежь окна, колышущиеся занавеси.

Это в конце марта!

Порыв сквозняка вздул их парусом, листки на столе дружной стаей взмыли в воздух. Мои волосы, тщательно уложенные в прическу, последовали их примеру. Сидящие за столом молодые мужчины и женщины со смехом бросились ловить свои записи.

Молодой, темноволосый мужчина с хорошей стрижкой и в дорогом костюме, сидящий во главе стола легко поймал порхающий листок и захохотал от души, откинувшись на спинку кресла. Я застыла, не понимая, что происходит. Антураж говорил о совещании, но атмосфера веселья и беззаботности совершенно не соответствовала. Перед моим носом мелькнул белым еще один беглец, и я автоматически схватила его пальцами, заметив набросок смеющейся свиной рожицы. Регина громко хлопнула дверью, привлекая к нам внимание.

— Наш новый сотрудник, Дарья Шелестова, — отрекомендовала меня Регина, оглядев честную компанию, поглядывающую в мою сторону. Обернувшись ко мне, она добавила:- Даша, всех представлять не буду. В процессе работы познакомитесь со всеми. Вот разве что руководителя нашего отдела… Феликс Алексеевич Рагозин собственной персоной.

Веселящийся шатен оказался мои будущим боссом. Собрав все документы, группа расселась и даже сделала серьезные лица. Регина затерялась среди них, оставив меня, как приговоренную под расстрелом чужих взглядов, у двери. Мужчины поглядывали в мою сторону с интересом, женщины с неприкрытым недоумением. Мне показалось, или все дружно вдохнули воздух. Легкий шепоток донесся до меня.

Я странно пахну? Вроде нет. Второпях забыла про французские духи, припрятанные на такой случай. М-да… Похоже, все разочарованны. Здесь ждали Энди Уорхола, не меньше.

Я стушевалась под перекрестьем любопытствующих взглядов. Рагозин смотрел прямо и открыто. Этот настойчивый взгляд светлых глаз мне напомнил кого-то.

— Добро пожаловать в наш дружный коллек-

тив. Надеюсь, мы подружимся, — проговорил Феликс. — Включайтесь, Дарья…

Я перевел взгляд на молодого мужчину лет тридцати, еще улыбавшегося, ожидающего, что я назову отчество.

— Просто Даша.

— Тогда что скажите, Даша? — он кивнул на листок у меня в руках. — Опрос показал, с этим рисунком реклама не эффективна.

Я растерянно глянула на бумажку, что все ещё сжимала в руках. На меня радостно скалилось свиное рыло. Рядом также оптимистично улыбалась коровушка, зажевав в уголке рта ромашку. Понимая, что обижать собрата по профессии не дело, немного помялась и начала оптимистично.

— Для молочных продуктов интересная находка. И дети обязательно обратили бы внимание. Они любят улыбчивых мультяшек…

Послышался насмешливый фырк, и я замолчала, понимая, что критика не лучший способ представить себя. Но так решил босс. Не понравилась ему, и решил сразу же выжить из коллектива?

— Но… — Феликс подначил продолжить, улыбаясь, поглядывал на кого-то из команды.

— Но молоко — это не ваш… то есть наш про-

филь. Улыбка — это знак расположения и дружеских намерений. Люди не любят причинять боль тем, кто им улыбается, — скомкано объясняла я, ожидая потоков возмущения. — Улыбка — это знак дружбы. А друзей не едят.

При этих словах Феликс удивленно вскинул брови. Как я вошла, он не отрывал от меня взгляд, казалось, с удивлением разглядывал меня.

— Что же вы предлагаете, Даша, — отозвалась одна из сидящих, смерив меня неприязненным взглядом.

Платиновая блондинка. Точеные черты породистого лица. Костюм из дорогой кашемира. Бриллиантовые капельки серег и подвески во впадинке ключицы. Похоже автор эскиза.

— Здоровье, — отозвалась я.

Насмешливый фырк блондинки поддержало несколько человек.

— Сделать акцент на здоровом продукте. Окружить продукт дольками свежих овощей: томатов, огурцов… перья зеленого лука… Или изобразить схематично витамины, как улыбающиеся смайлики… разноцветные…

— Веточку петрушки или улыбающийся кругляшок каротина, — поддержал кто-то из мужчин. — А что, это может сработать. У потребителя

давно польза продукта на первом месте. Хочется вкусного и полезного в одном. Как считаете, Феликс Алексеевич?

— Альбина и займется этим. Жду два варианта эскизов на утверждение. Текст тоже меняем, делая акцент на полезности. Готовим новый опрос, — вспомнил Феликс свои обязанности. — Все свободны. А вы, Даша, останьтесь.

Мимо меня на выход потянулись сотрудники, приветливо улыбаясь и кивая. Регина подмигнула и показала большой палец. В кабинете нас осталось трое. Сквозняк трепал шторы, но никто и ухом не вел. Я зябко повела плечами.

Неужели они простуд не бояться?

Блондинка подошла к Рагозину и низко склонилась над сидящим боссом, так чтобы красивый вырез декольте был перед его глазами. Она что-то шепнула на ухо, но Феликс нахмурился и резко хлопнул ладонью по столу. Девушка недовольно нахмурилась, отпрянула и зацокала каблучками к выходу. Блондинка смерила меня ревнивым взглядом и закрыла за собой дверь. Феликс поднялся, прикрыл окно и виновато извинился:

— Мы привыкли вот так. Закаляемся. А вам холодно, наверно? — подошел ближе, вынул из рук эскиз и сжал ладонь горячими пальцами. —

Пальцы совсем заледенели. Предлагаю выпить горячего кофе и съесть что-нибудь в городе.

Меня окутало тепло тела и приятный аромат мужского парфюма.

— А как же рабочий день? — удивилась я.

— Не переживайте, Даша, — он взялся за ручку, — солдат спит — служба идет. Вы не против «Граната»?

Дверь открылась, пропуская меня вперед, через минуту мы уже спускались вниз по лестнице. Высокий, поджарый, Феликс двигался легко и уверенно. Когда ловил мой взгляд на себе, чуть улыбался, щуря на меня светлые глаза.

Против, конечно. Там такие цены, что от нулей в глазах рябит.

— Спасибо, я обедала, — попыталась отнекаться, не уронив достоинства.

Встречные сотрудники кивали боссу, с интересом поглядывая на меня. Мне все казалось, что как только я останавливалась рядом, каждый, или почти каждый, втягивал ноздрями воздух. Он повел меня к выходу, накинув пальто на плечи.

Странно, я же ничем не пахну! Или это их удивляет? Это ладно, как открутиться от обеда? Он-то, понятно, может себе позволить. Компания не бедствует, судя по парку машин перед офисом.

Я уже не говорю про машину Регины. Но я-то не их поля ягода. Обед деловой и платит каждый за себя. Я же в этом «Гранате» разве что чай могу себе позволить.

— Это деловой обед за счет компании, — произнес Рогозин таким тоном, что решила не возражать. — Не нервничайте, Даша.

— Деловой? Вы хотите обсудить какие-то вопросы?

— Я хочу сделать вам предложение, — серьезно произнес Рагозин, открывая передо мной дверцу своей машины.

— Что? Я вас совсем не знаю, — от обиды закусила губу, понимая, что босс так шутит.

Он только хмыкнул, закрывая мою дверцу. С кошачьей грацией мужчина скользнул на свое место, заполняя воздух ароматом своего одеколона.

— Разумно. Тогда я сделаю предложение другого рода. Деловое, — он повернул ключ зажигания, и двигатель заурчал.

Я пристегнулась, оглядывая салон.

— Нравится машина?

Пожала плечами и отвернулась, уставившись в окно, где проплывал унылый пейзаж еще сонного после зимы города. Голые ветви тополей

качались на ветру, мимо пролетали замызганные машины, выдавая порции грязных фонтанов из луж. Вспомнив, что нужно что-то ответить, а лучше похвалить хозяйского «коня», вяло улыбнулась:

— У вас с Региной стильные авто. Очень вам подходят.

— Нам обоим нравится «Ягуар». Но сестренка любимица у отца и рассекает на спорткаре, а я на том, что сам заработал.

Он развел руки, словно оправдываясь за машину. Я бросила на салон взгляд, такая модель называется кроссовер. Пробовала как-то создать рекламный набросок для похожего.

Мне бы ваши горести. Если реклама пойдет, заработаешь и на спорткар.

— Я тоже кошек люблю. Обычных, — сказала, что пришло в голову, чтобы не молчать.

— Я так и понял, — он кивнул на почти не заметный на светлой ткани пальто отпечаток Котиной лапки, оставшийся, когда я удирала дворами от садистов.

Я погладила пальцем пятнышко, сдержала тяжелый вздох, сердце кольнуло тоской. Машина плавно затормозила, останавливаясь в ряд возле широкого крыльца. Густо-рубиновая вывеска

сообщала всем о недавно открытом ресторане «Гранат», славящемся отличным обслуживанием и запредельными ценами. Потому-то в ряду на парковке стояла всего пара иномарок.

Феликс поддержал меня под руку, помогая преодолеть ступеньки. Галантно открыл дверь, и мы окунулись в ароматное тепло. Феликс заботливо помог раздеться и проводил к столу. Тепло помещения расслабляло, лилась тихая, приятная музыка. Посетителей не было. Я пробежалась глазами по дорогой обстановке. Зал был из категории «вип». Для таких как Рагозин они работают круглосуточно. Непривычная роскошь немного напрягала.

Босс постоянно, словно невзначай, прикасался, старался быть ближе, чем дозволяли правила. И я не была против. Внутри не сжималось протестом от мимолетных касаний, от его аромата, которым дышала. Скорость, с которой он завоевывал, немного пугала. Голубоглазый шатен был далек от моего любимого типажа: сурового нордического викинга. Скорее прямая противоположность. Улыбчивый, располагающий к себе, с врожденной грацией хищника. Он обволакивал, размывал границы, приручал к себе… и скорее всего, вызывал зависимость.

Глядя на красивые губы, перечисляющие официантке заказ, представила, как они целуют меня. Целуют шею, находя чувствительные местечки, о которых дрожь по коже. Обжигают плечи и потяжелевшую грудь. Ласкают там внизу, где все ноет от желания, требуя разрядки. Я почувствовала, как жаркая волна прокатилась по телу, свернувшись внизу живота томлением. Щеки предательски вспыхнули, я прикрыла глаза, стараясь успокоиться.

Что на меня нашло? Я знаю его всего-то пару часов! Я же не какая-нибудь, чтобы среди дня сидеть в людном месте, на деловом обеде и фантазировать про босса.

Стряхнув наваждение, мельком глянула на девушку, зачарованно глядящую Феликсу в глаза, приоткрыв рот.

Похоже, я не одна попала под убойное обаяние босса. Заказ принесла другая девушка. Рагозин только усмехнулся и принялся за… обычные купаты. Мне же подвинул тушеное мясо под кисло-сладким соусом с длинным и труднопроизносимым названием. От вина я отказалась.

По улыбке поняла, что он прекрасно догадывается, как действует на женщин. И ему безразлично. Я засмотрелась, как длинные пальцы

легко управлялись с ножом и вилкой. Вспомнила, какие они сильные и нежные одновременно, когда нужно опереться. Фантазия представила их сжимающими уже не холодный металл. В узком пиджаке стало жарко, я выдохнула, отложив приборы. Стакан прохладной воды оказался как нельзя кстати.

Стараясь успокоиться, пила мелкими глотками, пытаясь не смотреть на Рагозина. Разглядывала кусочки мяса на своей тарелке, но аппетита не было. Тело требовало другого, а именно — мужчину напротив.

— Вам не нравится? — Феликс заметил мое состояние.

— Аппетита нет, — выдавила из себя. — А вы любите простую еду?

Я смотрела на прожаренные колбаски на его тарелке.

— Купаты? Да, вот полюбил недавно, — согласно кивнул босс, откладывая вилку.

Он откинулся на спинку, ожидая, пока я оторвусь от стакана. Сложив руки на коленях, я уставилась ему в глаза. И… успокоилась. Мое самообладание ко мне вернулось.

— Поговорим о деле. Вы отлично справитесь с работой в нашем отделе, но я хочу вам пред-

ложить другую должность. Раньше ее занимала Регина. Обстоятельства так складываются, что ей нужно уехать. А на ее место не подойдет абы кто.

В моей голове нарисовался образ брутальной Регины — личной телохранительницы. Разглядев свои слабые руки, только подивилась богатству воображения.

— И что это за должность? — продолжала смотреть ему в глаза.

— Мой личный помощник, — повисла пауза, Феликс ждал моей реакции.

Мне представилось, как я бужу его по утрам на работу, выбираю рубашку и галстук в тон.

Разве это не забота жены или близкой подруги? Наверняка у него кто-то есть? Такой мужчина не может быть один.

— И какой же круг моих обязанностей?

— Я… вся моя жизнь, ее организация, — обтекаемо пояснил Рагозин. — В том числе личная.

Личная, значит. Обычно под этим подразумевают походы налево от жены или подруги. А я тебя должна прикрывать. М-да, неожиданный поворот.

— А как ваша близкая подруга примет смену помощника? Регина сестра, а я посторонний человек.

— У меня нет подруги, так что вам не придется испытывать на себе чужую ревность… если только мою.

Он не улыбался и говорил вполне серьезно. Спокойно ждал, пока я переварю сказанное, и отвечу.

— Есть основание для вашей ревности? — от изумления у меня брови полезли вверх.

— Личный помощник — это член семьи. Вам придется жить у меня в доме, чтобы всегда быть под рукой. Вы узнаете обо мне больше, чем сестра. Как сестра, она была просто помощником. Вы же станете по-настоящему личным. Узнаете меня и многие мои тайны, вкусы, пристрастия… со временем, — увидев, как вытянулось мое лицо, он усмехнулся. — Ничего криминального… скорее всего, но я не обещаю.

— И каков срок работы? — я чувствовала, что где-то подвох, но не могла понять где.

— Бессрочно… — на лице даже мускул не дернулся.

Перед моими глазами пронеслась будущая жизнь, где красавец босс лихо устраивает свое благополучие с блондинкой Альбиной, а я медленно старею. И став старушкой, меня на инвалидном кресле его внуки спроваживают в

дом престарелых.

— Вы будете влюбляться, жениться, детей заводить, а я покупать вам фирменные шорты и следить, чтобы всегда под рукой были презервативы?!

— Я предпочитаю боксеры, — он спокойно смотрел мне в глаза и назвал сумму моей будущей зарплаты.

Рвано выдохнув, я опустила глаза, понимая, что от таких предложений не отказываются, но перед глазами стоял он в этих самых боксерах.

Незаметно вытерла вспотевшие ладони о салфетку, понимая, что лицо горит, и он это заметил. Поднять глаза и убедиться в верности своей догадки не хватило смелости.

И подписанный нами контракт будет соблюдаться обеими сторонами. Ему тоже не выгодно терять того, кто знает много.

— Но почему я? Вы же совсем меня не знаете, — проговорила едва слышно.

— Даша, я знаю о вас достаточно, чтобы сделать такое предложение, — сказано уверенно и таким тоном, что я поверила, что он точно знает.

Регина рассказала обо мне больше, чем мне думалось. Он пробил по базе данных мой номер телефона. А его связями узнал все, что ему

нужно.

— Мне нужно подумать, — мысли метались в голове и нужно время, чтобы успокоиться и все осмыслить. — У меня есть родные. Я же могу их навещать?

— Конечно, у вас будут выходные и возможность навестить родных и все такое, — он не выказал ни малейшего нетерпения, словно наперед знал все, что я скажу.

Может, так оно и было. Скорее всего, исход разговора знал тоже, потому и не волновался.

— Еще одно, — я замолчала, понимая, что сейчас скажу очевидную глупость, — требование жить в вашем доме. Я не могу бросить квартиру. У меня кот. Он загулял, но вернется, а меня не будет…

Тень прошла по красивому лицу, глаза потемнели. Тело напряглось. Лучащийся довольством и добродушием мужчина исчез. Передо мной был хищник. Напряженный, словно сжатая пружина. Я нервно сглотнула сухим горлом.

— Кота завели? — в голосе промелькнули стальные нотки.

— Да. Отбила Котю у мальчишек на улице. Подлечила, — я глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, — а он подлечился и сбежал. Март…

кошки… инстинкты.

Я кусала губы, понимая, что все что говорю, звучит нелепо, после озвученной им суммы. Но всегда есть то, что не продается. Для меня есть и останется.

— Котя, значит, — он уже улыбался, заметно расслабившись. — Котиков обижать не будем. Давайте так решим, Даша. Если согласны на работу, то переезжаете ко мне. Два этажа, семьсот метров квадратных более чем достаточно, чтобы не ссорится из-за очереди в ванную. Раз у вас квартира съемная, то я оплачу еще месяц. Будете наведываться и проверять. Дольше месяца нет смысла ждать.

Я промолчала, считая, что можно ждать сколько угодно. Но мне понравилось, как легко решает проблемы Рагозин. Еще один плюс ему, и еще крючок, которым он цепляет.

— Вы не против кошек в доме? Когда Котя вернется, я могу его забрать? Если нет, то я останусь жить у себя, — тихо, но решительно произнесла я.

Он едва заметно дернул уголком губ, сдержав какое-то слово, тихо рассмеялся и покачал головой.

— Я не против.

***

Одернув легкое платье, я взглянула на лодочки, хмыкнула, не понимая причуды хозяина ходить по дому при всем параде. Мы же не ждем гостей, и есть домашняя удобная одежда. Но в контракте прописана вот такая форма. Мне не трудно, но странно же.

— Феликс Алексеевич, ваш кофе, — я зашла в кабинет, пару раз легко стукнув в темную полированную дверь.

Босс поднял голову от бумаг, на секунду показалось, что зрачки светлых глаз вертикальные. Но мужчина моргнул, и устало взъерошил волосы. Работает и в выходные. Всегда ответственный, волевой, собранный. Бережет отца после болезни, тянет на себе весь семейный бизнес, хотя числится начальником рекламного отдела.

Феликс без возражений сопроводил меня на встречу одноклассников, обаял там всех моих подруг. Ну а недруги в очередной раз получили повод меня не любить.

С семьей познакомил на следующий же день, как я переехала к нему в дом. Приветливые и хлебосольные люди. Встретили как родную. Единственный момент напряг, когда, как по ко-

манде, оба родителя принюхались.

У меня уже комплекс на этот счет. Сама уже к себе принюхиваюсь.

— Даш, мы договорились на «ты», — напомнил мне Феликс, с удовольствием отхлебывая напиток. — Ты мне скажи, записалась на курсы вождения?

— Я… да, записалась, — кивнула, понимая, что пропустила несколько занятий.

Не то, чтобы я не хотела научиться водить. Но одно дело ездить по делам в такси и беспечно зависать в интернете, и совсем другое — напряженно следить за дорогой.

— Даш, я купил машину специально для тебя. Такую, как ты хотела. Что не так? — он отставил пустую чашку.

— Я не хотела, — поправила его, — это была ваша… твоя идея. И машину выбирал ты, а я устала, и голова болела от запахов автосалонов… но ты ведь не отстанешь. Целый день был убит на выбор, а могли поехать на объект, там новое оборудование прибыло…

Я осеклась. Он трясся от беззвучного смеха, прикрыв лицо рукой. В кармане тренькнул телефон, сообщая о доставке заказанной Феликсу одежды. Сегодня должны были привезти к вечеру. Обыч-

ные для меня заботы.

— Даш, я-то надеялся, что угадал с подарком, — он смотрел на меня уставшими от долгой работы глазами, но губы улыбались. — Ладно, пойдем другим путем.

Я отвела взгляд, понимая, что сегодня, кроме нас в доме никого, и не нужно давать волю фантазии. Прошло две недели, как я согласилась на работу личным помощником. Если не считать того, что я должна носить дома платье и туфли, делать прическу и макияж, когда сам хозяин мог спокойно разгуливать в одном полотенце передо мной, никаких особых проблем не возникло. Я потихоньку вникала в дела. Регина помогала на первых порах. К графику Феликса я приспособилась, к особенностям тоже. Например, ему нравились купаты только одной фирмы. И, если они заканчивались, то приходилось шоферу среди ночи ехать в мой бывший район, где продавались такие, как надо. Или эта его намеренная демонстрация своего тела, едва прикрытого узким полотенцем. Показать есть что, кто спорит! Спортзал Рагозин посещал регулярно, три раза в неделю. Но ходить передо мной в таком виде, когда я и так засыпаю, приняв полпузырька успокоительного, — это форменное издевательство.

Вот и сейчас он откинулся в высоком кресле, а под халатом ничего, только брюки с низкой посадкой ещё оставляют место фантазии. А она у меня, благодаря провокациям босса, включается автоматом. И, кажется, за две недели могла бы привыкнуть к литым мышцам и кубикам пресса, но каждый раз как взгляд цепляет, бросает в жар. Но он босс. Где он и где я. Как ни обидно, но я его, похоже, совсем не привлекаю. За эти дни с его стороны никаких намеков не было.

— Даш, ау, — голос возвращает меня в действительность. Феликс довольно улыбается, а я смущенно отвожу глаза. — Собирайся. Едем в одно место. Поможешь мне с выбором. А потом к тебе на квартиру. Пора уже кончать с этим.

— Во сколько быть готовой? — я забрала чашку.

— Минут через десять, — он уже шел к выходу, передвигаясь мягко и грациозно.

Когда я вышла на крыльцо, окинув высокие заборы элитного коттеджного поселка привычным взглядом, «Ягуар» Рагозина уже урчал на выезде. Гадая, куда он собрался, села рядом, поглядывая искоса на мужчину.

Выглядит устало, последнее время часто задерживается в офисе допоздна. Не Альбина ли

причиной?

Ревность неприятно царапнула внутри. Несколько раз она звонила на его телефон, но натыкалась на меня. Есть у меня дозволение лазить в святая-святых босса — его девайсе.

Ворота поползли в стороны, открывая выезд. Колеса прошуршали по гравию, и кроссовер вырулил на дорогу. На вечереющем небе зажигались первые звезды. Месяц показал свой тонкий рожок. По бокам от дороги мелькали фонари, фары выхватывали из темноты кустарник и фрагменты ограждений. Вспыхивали стоп-сигналы впереди едущей машины.

Но я не злоупотребляю разрешением. Не открываю его личные фото и видео. Только информацию по работе. Не из высокоморальных убеждений. Не хочу делать себе больно, столкнувшись с правдой. Он интересный мужчина, и у него есть потребности. И где-то, и с кем-то он их удовлетворяет. Эти мысли я гоню, стараясь не думать о модельного вида Альбине и ей подобных, которые, чего уж, подходят ему больше.

От мыслей об Альбине и личной жизни босса стало неприятно. Мы вливаемся в общий поток на автостраде. В салоне темно, разноцветно горит подсветка панели. Горячие пальцы находят мои

и сжимают.

— Ты замерзла, — он поднес ладонь к лицу и прижался губами к пальцам. — О чем задумалась?

От прикосновения притихшее желание напомнило о себе. За эти несколько дней, он впервые прикоснулся ко мне. Выдергивать руку не хотелось. Я прикрыла глаза, стараясь дышать ровно.

— О тебе, — сказала как есть, устав бороться с собой, сдаваясь и признавая, что влюбилась в собственного босса.

Глупо влюбилась, безнадежно и бессмысленно. Такие как он на таких как я не западают. Если только на время или для коллекции. Для коллекции я бы не согласилась. Если сказать честно, то общего у нас не было ничего. Я не любила автомобили и быструю езду. И купаты не любила тоже. Не любила фитнес, обожаемый Рагозиным. Вкусы на музыку разве что… Он, как и я любил классику в современной обработке.

Открыв глаза, поймала обжигающий взгляд Феликса. Он молчал, не спросил, что именно думаю. Да я бы и не призналась никогда.

Машина свернула на другую улицу, прокатила ещё метров сто вперед, притормаживая, и остановилась рядом с ювелирным салоном.

Пока я привыкала к непривычно яркому свету, заставляющему ослепительно сиять витрины, к Рагозину подлетели сразу три местные нимфы и, белозубо улыбаясь, стали предлагать самые дорогие украшения, безошибочно определив в нем богатого клиента и возможного спутника. Ну, если повезет. А девушки были в себе уверенны. Кукольно прекрасные лица, идеальный маникюр и шелк длинных волос трех оттенков блонда. Достойная конкуренция Альбине. Три модных аромата духов смешались, создавая непередаваемое амбре. Рагозин недовольно морщился, разглядывая все, что предлагали консультанты. Я вдруг подумала, как смотримся мы с ним со стороны. На ум пришло сравнение павлина и его серенькой курочки.

— Это все хорошо, но мне нужны два кольца, — прекратил девичий щебет Феликс.

Он обернулся, ища меня глазами.

— Даша, ну где ты? Выбирай! — в голосе мужчины звучало недовольство и раздражение.

Я подошла ближе и замерла. Девушки выставляли перед ним образцы парных обручальных колец. Щурясь от радужных всполохов на гранях разных оттенков золота и прозрачных алмазах, лихорадочно перебирала в уме всех женщин,

кто крутился вокруг Феликса последнее время. По всему выходило, что Альбина стала той счастливицей, которой я выберу кольца. Сердце рухнуло вниз. Новый вдох дался с трудом. Быстро он определился со второй половинкой. Мне придется уйти, и не только из-за злобных и ревнивых взглядов, которые она бросала на меня, когда я появлялась в офисе. Сама не смогу смотреть каждый день на любимого мужчину, обнимающего другую. Захотелось на улицу из душного, пропахшего дорогим парфюмом помещения. Я потянула ворот водолазки.

— Даш, не нравиться? — напомнил, где я и кто я Рагозин.

Вспомнила алмазные капельки в ушах блондинки-дизайнера и будущей миссис Рагозина на подложке из белого золота. Пробежала глазами сияющие золотые ободки. Нашла нужные, где меньший красовался бриллиантовой дорожкой, и указала на них.

— Ты уверенна? — с сомнением протянул Феликс, он покрутил в руках оба кольца.

— Альбине нравятся бриллианты и белое золото, — ответила, не думая, что говорю.

— При чем тут Альбина? — Феликс поставил коробочку на стекло витрины и сверлил меня

взглядом сбоку.

Девушки консультанты притихли, ожидая взбучку, адресованную мне.

Значит, избранница не Альбина, а другая. Надо как-то выкручиваться.

— У нее хороший вкус, — похвалила рекламного дизайнера компании.

— Даш, ты можешь выбрать для себя, — в голосе звучали истерические ноты.

Кажется, Феликс на грани. Я кивнула и сразу указала на обычные тонкие ободки из красного золота. Классика.

— Себе я бы выбрала эти.

Сказала и отвернулась, не разглядывая, что именно покупает Рагозин. Понятно, что мой выбор ему не понравится. Для его будущей жены такие выглядят простовато, так что вряд ли он их купит. Скорее остановится на варианте «для Альбины».

— Девушки двадцать второй и шестнадцатый размер, — Феликс делал заказ, а мне подумалось, что пальцы у избранницы тонкие, как мои. — И то колье бриллиантовое тоже.

Ноги сами вынесли меня на улицу. Пока мы были в салоне, окончательно стемнело. Остановилась на крыльце, зябко передернув плечами.

Мимо торопливо шагали люди, спеша с работы домой. Пролетали, сияя фарами, машины. Я вдохнула прохладный воздух, раздумывая, как попросить расчет у Рагозина.

Контракт разрывала я, значит, придется рассказать о причинах. Это все равно, что признаться. А может признаться — это самое лучшее. Он же поймет и отпустит по-хорошему. Так и сделаю. Вот приедем ко мне на квартиру, проверить, не вернулся ли Котя, и там ему все скажу. Он же человек. Сам наверняка влюблялся и понимает, что такая ситуация для меня невыносима.

Я стерла слезу со щеки, загоняя предательские слезы поглубже.

Что-то я последнее время часто плачу и все больше из-за мужиков красивых и голубоглазых котяр. Глупая, глупая Дашка-мышка с тобой поиграли и выпустили, порвав сердечко в лохмотья о коготки… Дважды… Значит, ты безнадежная дурочка.

— Даш, куда ты сбежала? — Феликс появился рядом бесшумно.

— Душно там. Голова заболела, — нашла отговорку, делая шаг по направлению к машине.

— Ты часто повторяешь это, — он развернул меня к себе, пальцы коснулись подбородка,

заставляя посмотреть в глаза. — Любишь отказывать в постели, ссылаясь на головную боль?

Сил не было возмутиться, что его не касается моя личная жизнь.

— Кому отказывать? Подушке? — я мягко высвободилась и пошла к мягко клацнувшей замками машине, сжимая до боли кулаки.

***

Феликс не проронил ни слова, пока мы ехали к моему району и дому. Со мной в квартиру тоже не стал подниматься. Ну да, что может быть интересного в старенькой «хрущевке» человеку, живущему в доме, где можно разместить начальную школу. Площадка встретила привычной темнотой. Долго рылась в сумочке, искала ключи. Зашла в прихожую и прислонилась к зеркалу. Дверь за спиной захлопнуло сквозняком. Не зажигая свет, прошла на кухню. Оглядела привычный интерьер, даже в свете, падающем от уличного фонаря, кажущийся убогим по сравнению с ненавязчивой роскошью Рагозинского особняка.

— Котя, — привычно позвала кота.

Ответный хрипловатый «мявк» оглушил. Дрожащей от волнения рукой нашарила выключатель, тусклый желтоватый свет осветил

сидящего на своем любимом кресле Котю. Голубые глаза смотрели прямо на меня. Он еще раз мяукнул. На ватных ногах подошла к нему, опустилась на колени и прижалась лицом к теплой мягкой шерстке. Он боднул меня, приветствуя, и заурчал на ухо. Я обняла его обеими руками и прижала к себе.

— Не уходи больше. Не бросай меня, — прошептала в шерсть и слезы, так долго сдерживаемые, сами полились. — Мы сегодня с тобой переночуем в другом месте, а завтра вернемся. Я больше не могу там оставаться. Он женится на другой. А я его слишком сильно люблю, чтобы остаться и видеть каждый день, как он целует другую. Хватит того, что я выбирала ему обручальные кольца.

Шершавый кошачий язык прошелся по щеке. Я поднялась, прижимая кота к груди, прикрыла полой от пальто. Выключила свет и отправилась на выход. Кроссовер Рагозина стоял за углом. Тесные подъезды к дому всегда были забиты машинами, и развернуться не получилось бы. Одинокий фонарь освещал пустынную дорожку к дому. Я заторопилась, прижимая теплое тельце кота. Двое появились из-за припаркованного в конце вереницы машин грузовика. Преградили дорогу. Ноздри уловили крепкий запах алкоголя.

Я попыталась обойти, но мне не дали.

— Стой, цыпа, — пьяно растягивая слова, проговорил один, — давай все: деньги, цацки, телефон, сумку.

Сглотнула, давя в себе панику. Попыталась крикнуть и позвать на помощь, но от страха лишь просипела что-то невнятное. Остается только бежать.

— Ребята, берите, мне домой нужно. Бабушка больная ждет, — шепотом попросила подонков, понимая уже, что это бесполезно.

Я послушно сняла сумку и протянула парню. Он схватил за ремешок и дернул на себя. Устояла, отпуская скользкий ремешок. Я оттолкнула его и рванула бежать, нога поскользнулась. Я на секунду задержалась, стараясь удержаться и не упасть. Второй оказался трезвее друга и перехватил меня со спины. Затрещали, отлетая пуговицы. Рука, пахнущая бензином, перехватила шею. Я дернулась, пытаясь вырваться. Он сжал сильнее, переживая горло. Я отпустила руку, чувствуя, как кот соскользнул с тела.

— Куда ты бабушкина внучка? — пьяно хихикнул он на ухо, обдавая перегаром. — Так ты Красная Шапочка? А я Серый Волк и у меня тоже красная… шапочка.

Оба пьяно заржали. Я едва дышала, чувствуя, как в голове звенит, а перед глазами вспыхивают разноцветные пятна.

— Я тоже Серый Волк, — осклабился первый, — ну спроси, почему у меня такой большой хе… Щас узнаешь…

Он потащил меня в темноту, за грузовик, я слабо трепыхнулась, почти теряя сознание.

— Эй, сказочники хреновы, быстро отпустили девушку, — тихий рык донесся со стороны поворота.

Давление на горло ослабло, и я вдохнула и закашлялась, сквозь пелену слез разглядев в свете фонаря Феликса, босого, одетого в одни брюки.

— Ты, торчок обкуренный, канай отсюда, — второй отшвырнул меня в сторону.

Послышался щелчок, с которым раскрывается нож. В темноте блеснуло лезвие.

Первый кинулся на Феликса, налетел на кулак, послышался хруст ломаемой кости, короткий крик, напавший осел сломанной куклой на снег.

— Ах, тыж, мать твою, Стасяна поломал! — рявкнул второй, кидаясь на обидчика.

Я вздрогнула, когда кулак Феликса, пробив грудную клетку, вышел со стороны спины. Парень захрипел и задергался. Стряхнув с себя тело напа-

давшего, Феликс повернулся ко мне. На темном лице, забрызганном чужой кровью, светились зеленым светом глаза. Он вытирал руки о чужую одежду.

— Позвони в службу безопасности, — он кивнул на мою сумочку, — объясни ситуацию. Пусть приезжают немедленно.

Я послушно набрала номер, деревянным голосом рассказала все, что произошло, продиктовала адрес начальнику СБ, не спуская глаз с Феликса. В трубке послышались гудки, я опустила руку, не зная, что делать дальше. Он оттер руки и нерешительно шагнул в направлении меня. Кинулась сама.

— Ты же простудишься, — обняла невероятно горячее тело, чувствуя, как напряглись бугры мышц под пальцами и зашептала:- Спасибо, спасибо. Я так испугалась… за тебя. С тобой все в порядке? Он не ранил тебя ножом?

— Ш-ш-ш, у тебя истерика, — успокаивающе проговорил Феликс, легко поднял на руки и понес к машине.

Я прижалась к груди, всхлипывала от пережитого ужаса. Знакомое тепло и запах салона вернуло самообладание. Пару раз всхлипнула, успокаиваясь, поглаживая обнимавшие меня

руки. Устроившись на заднем сиденье, Рагозин молчал, давая мне время успокоиться. Свет не включал, благоразумно заблокировав дверцы.

— Почему ты раздет? — я растерянно смотрела в поблескивающие в темноте машины глаза.

— Даш, я… а к черту, надоело притворяться, — он отвернулся, и очертания мужского тела расплылись.

Через секунду силуэт исчез, и я почувствовала, что сижу на диванчике, а рядом… кот. Знакомый кот. Хриплый «мявк» развеял последние сомнения. Передо мной был Котя.

Но как? А Феликс? Я сошла с ума?

Протянув руку, коснулась шерсти между ушами. Кот заурчал, привычно подставляясь под ласку. Сомнений не было, это мой Котенька. Еще один «мявк» убедил меня, что я не ошибаюсь. А через минуту на месте кота сидел Феликс. На этот раз без брюк. И злой. Он смотрел в сторону, а я не могла оторвать от него взгляда. Чувствуя под пальцами, которые только что гладили пушистую шерсть кота, горячую кожу.

Я сошла с ума или попала в сказку? Он оборотень? Но это выдумки!

— Ну что скажешь? — зло проговорил в сторону Феликс. — Как я тебе такой? Больше не

нравлюсь?

— А это правда, — только и смогла проговорить, нервно сглотнув, — ты можешь в кота и обратно? Не галлюцинация?

Молчание было красноречивее ответа. Он зло пробормотал что-то на незнакомом языке, потянулся за сброшенной одеждой.

— Так мой Котя — это ты?

— Я…

Одежда трещала под пальцами. Он рывками запахивал и застегивал, не попадая и рыча от злости. А я не сводила с Феликса глаз, все ещё не в силах поверить, что вижу перед собой чудо. Живую сказку. Настоящего оборотня.

О, черт, я же перед ним вытанцовывала голышом! И неделю мы спали вместе! Вот стыдобища! Не стеснялась ведь! Кот же…

Он воевал с мелкими пуговицами манжет.

— Феликс, я… — коснулась плеча ладонью.

— Что? Берешь свои слова обратно? Передумала? — он скривился, отворачиваясь. — Такой не нравлюсь?

Я вспомнила про признания на кухне коту, что люблю его. А он решил, что стал мне противен только потому, что раскрыл свою тайну, когда защитил от отморозков.

— Не говори ерунду. Я просто в шоке. Привыкнуть нужно. Ты же для меня сказка.

Он плюнул и закатал рукава. Резко повернулся и неверяще уставился.

— Сказка? — он невесело усмехнулся. — Про прекрасного принца, ставшего чудовищем? Или не считаешь меня чудовищем? Я же порвал их пополам?

Глаза светились в темноте, всматриваясь в мое лицо.

— Плохо, что пополам. Теперь плохих парней станет в два раза больше, — пошутила я, невесело усмехнувшись и протягивая к нему ладонь, дотрагиваясь до щеки.

Он вздрогнул от прикосновения.

— Шутишь. Самое время, — уже без прежней злости проговорил Феликс.

Прижал мою ладонь поверх своей. А я поняла, что Коти у меня больше нет. Если Рагозин и Котя — одно, то теперь они оба принадлежат другой. Его избраннице. Слезы сами полились из глаз.

— Даш, это запоздалая реакция. Шок, — он притянул меня на колени, прижимая к себе. — Спасибо, что спасла тогда. Я ведь не смог обернуться из-за веревки. Они к ведьме полезли воровать, напились какой-то гадости, а тут я. Оглушили и

скрутили ее веревкой. Дальше ты знаешь.

Я вспомнила, как спасла Феликса, свой страх, прижалась к груди.

— Ты обещал… — я всхлипывала, — ты обещал, что не бросишь, а сам… сначала сбежал, а теперь… женишься…

— Дурочка, — он поцеловал висок, — мне нужно было уйти ненадолго. Наказать тех подонков. А потом Регина тебя нашла. Я хотел сам, но боялся испугать. Котов ты любишь, а парней не очень.

— Откуда тебе знать? Моим котом ты был, а парнем — нет, — обиделась я, вытирая слезы.

— Я пытался, — сцеловывая слезинки, оправдывался Феликс, — я даже дарил подарки. Но у меня плохо получается. Даже в ювелирном ты выбрала то, на что бы я не посмотрел.

Он напомнил мне о кольцах, о свадьбе, и сердце, измученное за этот месяц, заныло.

— У тебя свадьба скоро, — убитым голосом произнесла я. — Совет да любовь.

Прижимая к себе, он тихо поглаживал по спине. Я чувствовала невесомые поцелуи на висках и щеках. И думать не хотелось, почему он собрался жениться на одной, а утешает сейчас меня.

— Рано желать. Невеста ещё не дала согласие.

— Таким как ты не отказывают, — рвано вздох-

нув, тихо млела под нехитрой лаской.

— Значит, ты согласна? — выдохнул мне в губы, замерев.

— Согласна.

В этот момент мне было безразлично, на что я согласилась, если могу побыть еще какое-то время с ним.

— Завтра же едем заказывать платье и все, что нужно. Ресторан выберешь, меню придумаешь, и приглашения нужно написать, — начал планировать босс.

Оказывается, я ещё и распорядитель на его свадьбе. Так вот на что я согласилась.

Я застыла, слушая, как звучит родной до боли голос, уже зная, что завтра уеду из города навсегда. Возле него было надежно и спокойно, и больше всего мне хотелось назвать этого мужчину своим. Но хотелось только мне.

— Феликс, отпусти меня, — он разжал руки, не поняв, чего я от него требую. — Ты мне очень дорог. Даже больше. И я не смогу… притворяться, когда вы с ней… Я не смогу смотреть как ты другую…

Плакать уже не было сил. Я просто лежала у него на груди, глядя как тень от фонаря метается по боковому стеклу.

— Что случилось? — он встряхнул меня за плечи. — Даш, не пугай меня. Ты про какую другую?

— Про жену твою будущую.

— Ты же согласилась ею стать, или я что-то не так понял? — он заледенел.

— Ты мне делал предложение? — чувствовала себя полной дурой, не понимая, то ли он шутит так, то ли я окончательно свихнулась.

— Ты сказала, что таким как я не отказывают, — голос не потеплел ни на градус.

— Просто скажи это еще раз, — попросила я, замирая от страха.

— Даша, ты будешь моей женой?

***

В особняке Рагозина тихо. Все, в том числе прислуга гуляют в ресторане, откуда мы с ним сбежали. Завтра утром нас ждет самолет и свадебное путешествие. Я ещё не знаю куда. Феликс молчит и загадочно улыбается на все мои расспросы.

В его спальне, которая теперь наша темно. Ему не нужен свет. Оборотень прекрасно видит в темноте. Сняв фату, комкаю пальцами капрон, нервно кусая губы. В окне отражаются огни фонарей пустой подъездной дорожки.

Застежка-молния на спине ползет вниз, губы Феликса повторяют ее путь. Утомительное свадебное торжество позади, и мы наконец-то вместе. Я так хотела этого мужчину, а сейчас, когда мы остались одни, цепенею и нечего не могу с этим поделать.

Платье с шуршаньем падает к ногам, я прикрываю грудь руками. Глупо вести себя как девственница, но сейчас, когда окружает тишина, подняли головы мои страхи, которые все это время до свадьбы упорно гнала от себя.

— Феликс… — в одном слове мольба, страх и просьба понять.

— Что не так? — он замирает, я чувствую теплое дыхание на коже.

— Я не могу… я боюсь, — честно признаюсь.

В мгновение взлетаю и приземляюсь на колени к севшему на постель мужу. Он уже снял пиджак и расстегнул рубашку. В распахнутом вороте красиво перекатываются мышцы. Провожу по ним ладонью, чувствуя, как они напрягаются под пальцами.

— Боишься меня, того, что произойдет, последствий? — он проводит пальцами по ажурной резинке чулка, касаясь кожи.

— Последствий, — выдыхаю я, чувствуя, как

начинаю заводиться от этой ласки.

— Беременность. Ты не хочешь детей? От меня или вообще? — голос спокойный, но я чувствую, как каменеют мышцы теперь от напряжения, а ладонь застывает на бедре.

— Я хочу детей… твоих… от тебя, но боюсь. Они ведь будут необычные. Вдруг УЗИ покажет котенка? Меня упекут в какую-нибудь лабораторию, и опыты начнут ставить, — вываливаю все, что копилось внутри последний месяц.

Я порывисто вдохнула, представив себе все эти ужасы. Горячие пальцы вновь поглаживают бедра.

— Это все твои страхи или есть еще что-то? — муж выдыхает с заметным облегчением.

— Наши дети, маленькие оборотни где-нибудь в школе, на улице будут играть с другими детьми и превратятся в котят, — продолжала делиться с ним кошмарами, которые терзали мозг наяву и во сне. — Феликс, я же ничего не знаю о вас. Совсем ничего.

Я поворачиваюсь, всматриваюсь в спокойное лицо мужа. Это мнимое спокойствие. Он пожирает глазами мое раздетое тело. Рвано выдохнув, отворачивается, в голосе с трудом сдерживаемая страсть:

— УЗИ покажет обычного малыша. Обещаю. Первый оборот происходит после первого года жизни, — пальцы ныряют в волосы, он аккуратно выпутывает из волос шпильки и украшения, распуская прическу. — У всех по-разному. Мне было три года, когда я впервые превратился.

— Сколько тебе лет на самом деле?

Он помолчал немного и огорошил ответом.

— Сто двадцать семь.

Отмотала назад век, с трудом представила его, ровесником вождей революции, понимая, что разговора о его прошлом не избежать. Но не сегодня. Прогнала ревнивую мысль о том, сколько женщин было у него за все это время. Теперь он мой и его прошлое не имеет значения. Феликс все так же не спеша разрушал двухчасовой шедевр мастера, расплетая перевитые в локоны волосы.

— И сколько ты проживешь еще?

— Столько же или больше.

Что? Как! Меня уже не будет, а он даже не постареет, останется все таким же молодым!

— Как же я? — прошептала потрясенная открывшейся правдой.

— И ты тоже, — он прикоснулся к виску губами. — Беременность запустит механизм регенерации, и ты станешь стареть гораздо медленнее.

Пальцы зарылись в волосы, легонько массируя затылок. Я закрыла глаза, наслаждаясь лаской. Перехватила его руку, прижала ладонь к губам, виновато прошептала:

— Трудно со мной? Я испортила нашу первую ночь глупыми страхами, — едва сдерживала слезы, поняв, что переживала зря, и могла бы отложить разговор на потом, не портить особенную ночь.

— Иди ко мне. Паникерша ты моя, — он легко развернул меня, сажая лицом к себе. — Бояться неизвестного нормально. Я слишком сильно люблю тебя, подожду, пока ты будешь готова. У нас бездна времени впереди.

Он осторожно прикоснулся губами, словно прося разрешение на поцелуй. Откинулся назад, потянув меня за собой. Через мгновение я лежала на нем, и мы целовались как сумасшедшие.

— Тогда в ресторане я просто с ума сходила от желания, это какая-то ваша особенность? — облизнула ноющие губы.

— Животный магнетизм, — мурлыкнул Феликс. — А ты сходила с ума? И сильно хотелось?

Он довольно щурился, пальцы выписывали узоры на спине.

— Хуже мартовской кошки. Так ты специаль-

но! — шутя, стукнула кулачком по груди.

— Рядом со своей парой это невозможно контролировать, — перехватив руку, потянулся к губам продолжить дело поинтереснее разговоров.

— Я твоя пара? — все же не утерпела, выдыхая вопрос ему в губы.

— Ты мое все.

***

Прозрачная волна накатывала, преданно лизала щиколотки и нехотя откатывала обратно. Ноги зарывались в мелкий, белоснежный песок. Подобрав край парео, шла за Феликсом вдоль океанического прибоя, щурилась, пытаясь разглядеть в слепящей дали океана яхты отдыхающих.

Час назад небольшой частный самолет доставил нас на остров в одноэтажное бунгало, затерявшееся среди густо стоящих пальм.

— Что это за остров?

— Место, где живут семьи нашего клана. Пять домов, включая наш. Мы не особо гостеприимны, и у всех создается ощущение, что остров принадлежит исключительно им, — он окинул взглядом пустынную полоску пляжа. — Одно из немногих мест, где мы можем быть такими, какими нас создала природа и ничего не опасаться.

Мгновение и от волны отпрыгнул кот, отряхивая лапки и намокший хвост. Он недовольно фыркнул. Я рассмеялась и получила в ответ укоризненный взгляд. Рванула завязки парео, накрыла легкой тканью недовольного Котю, и шагнула навстречу волне. Через секунду сильные руки подхватили, легко вскинули на плечо. Я замолотила кулачками по спине. Феликс, смеясь, потащил меня на глубину.

Анжелика Мики
Мне наплевать, кто ты

Глава 1

С восхищением я осмотрела горизонт и разгорающейся во всей красе алый закат. Сердце трепетно сжалось в груди, глядя на плавные волны и переливающуюся гладь волн. Море… Вдохнула полной грудью ощутимо соленный воздух, такой свежий и чистый… Сделав пару шагов вперёд, закрыла с наслаждением глаза. Крупицы песка тут же обожгли ступни, заставляя стянуть босоножки и бросив сумку, рвануть вперёд к воде. Когда теплая волна коснулась ног, по коже поползли мурашки, а губы расплылись в широкой улыбке. Не верится, что я здесь!

— Мелисса, что ты делаешь? — послышался хмурый голос сестры позади.

— Радуюсь! Не видишь что ли?! — обернулась, ухмыльнувшись. — Я понимаю Дени, что ты уже привыкла к таким видам, а я вижу море впервые! С ума сойти, от калитки метров десять пройти и такая красота!

— Деревня! — хмыкнула та, приближаясь. — Давно говорила, приезжай!

— Мама была против. — закатила глаза я.

— Когда это тебя останавливало. Мама и против

розовых волос была или ты хочешь сказать, она этого не заметила? — Дени коснулась розовых длинных локонов, что были собраны в хвост.

— Воплей было… — я пожала плечами, стягивая с себя свитер с капюшоном и протягивая сестре, параллельно оглядываясь. — А почему здесь никого нет?

— Потому что мой суженный выкупил эту часть берега, она наша.

— Ниче чё! Серьёзно? — восхищённо прошипела, пытаясь собрать волосы в гульку, дабы не намочить.

— Ага. Если ты собралась купаться, то я дам… — но я уже поспешно стянула джинсовые шорты и футболку. — Ах да, я уже забыла… — всучив в руки сестре, двинулась дальше, содрогаясь от непривычных ощущений и искренне наслаждаясь происходящим. Как же я давно хотела тут оказаться!

Глупо улыбаясь, я вышла из воды, бросив взгляд на уже темное небо.

— С суженым-то своим когда познакомишь? — поинтересовалась я у Дени, забирая и натягивая свитер. Мы двинулись обратно во двор.

— Он сейчас по работе уехал на пару дней. Вернётся, заценишь. Тут, кстати, много хоро-

шеньких! Я тебе уже парочку присмотре…

— Эй! Полегче! — перебила нервно сестру.

— Восемнадцать же исполнилось, теперь можно всё. — хмыкнула та, открывая двери в дом.

— Ага, всё. — выдавила с сарказмом я. — Не ладится у меня с противоположным полом.

— У тебя волосы розовые, что ты еще хочешь… — глядя, как мои глаза возмущено округляются, она пожала плечами. — Это как минимум странно.

— Ну тебя.

Покрасить волосы в яркий цвет было довольно неожиданным решением. От природы мы с сестрой обладатели темно-каштановой шевелюры и карих глаз. Несколько лет выводилась в сияющую блондинку, но пару месяцев назад, как раз перед днём рождения, шла по магазину и взгляд прямо пронзил эти сияющие упаковки краски. И чем чёрт не шутит, я решилась! Визжала как ненормальная, глядя в зеркало от восторга. Внимание со стороны окружающих, конечно, весьма раздражало, но я довольно быстро к этому привыкла. Элементарно натягивая капюшон и избегая осуждающих взглядов.

— И что ты целыми днями одна в огромном особняке? — поинтересовалась, осматривая шикарный интерьер вокруг. Сестра пожала пле-

чами.

— На самом деле к этому довольно быстро привыкаешь. Да и развлечений множество…

— Например. — я прислонилась к столу, поймав взгляд Дени.

— Море, фильмы… Ммм… Кстати, о развлечениях. Ты ведь не сказала маме, что курорт планируешь растянуть до следующего года?

— Мне уже не нравится постановка вопроса. — нахмурилась, складывая руки.

— Дерек заставляет меня работать. — вздохнула Дени, отчего я подавила смешок, прикрыв ладонью рот.

— Какой мерзавец, а! Как он только мог посметь?! Тебя и работать! — не сдержала всё же колких фраз, глядя, как сестра обижено надувает губы.

— Знаешь что? — выдавила она сквозь зубы.

— Что? — хмыкнула я, брови взмыли с любопытством вверх.

— Я в конце концов вышла замуж, что бы жить в своё удовольствие! — сказала как отрезала Дени. — Дело в том, что я закончила магистратуру и меня направляют на практику…

— Дай угадаю, и ты совершенно не хочешь её проходить? — я намотала локон волос на палец,

нахмурившись и вглядываясь в лицо сестры, что старательно отводила взгляд.

— Я уже направила твои документы, вместо своих.

— Что?? — воскликнула я, от возмущения даже подпрыгнув на месте. — Ты с ума сошла??

— Мелисса, обещаю, совершенно не буду тебя контролировать и надоедать! — Дени посмотрела на меня умоляющим взглядом и сложила руки в молитвенном жесте. — Будешь заниматься, чем угодно! Но три раза в неделю посещать больницу Святого Патр…

— Да ты вообще что ли?? — взорвалась я негодованием. — Психушка?! Что я там буду делать?? Какой из меня психолог??

— Да это для галочки! Посидишь там, бумажки поперебираешь, с психов посмеешься.

Пререкались мы долго. На все мои слова, что это совершенно безответственно, глупо и бессовестно, сестра лишь пожала плечами и в итоге поставила меня перед фактом.

— Надоела! Либо ты делаешь как я говорю, либо завтра же возвращайся к матери!

Вот тебе и курорт… Подумала я, и раздраженно пошла разбирать свои вещи. Слишком долго, я пыталась избавиться от великой опеки мамы и

добраться до моря, что бы глупая практика Дени мне всё испортила. Подумаешь три дня в неделю, подумаешь психушка, подумаешь… С такими мыслями я и провалилась в сон.

Глава 2

На следующее утро меня подняли, накормили вкусным завтраком, одели в красивое голубое платье, уложили волосы в симпатичную прическу и даже подвезли на машине до больницы. Дени конечно постаралась сгладить нашу ссору, ничего не скажешь! Так что я смягчилась и даже с улыбкой двинулась к новой работе. Меня встретила приветливая главная медсестра лет тридцати. В начале на меня уставился удивленный взгляд голубых глаз. Точнее на волосы. Но я сдержала улыбку. Впрочем Сью, так её звали, оказалась довольно милой и дружелюбной. Обвела меня вокруг больницы и внутри, показав и рассказав что да как. Сказать честно, даже отсюда виды конечно впечатляли.

— Так, чем конкретно я буду заниматься? — поинтересовалась я, когда мы вернулись в её кабинет.

— Слушай, я даже не знаю… Тут как бы уже к тебе привязали пациента. Но там сложный случай… — сказать, что я напряглась — это не сказать ничего! Пациента?! Видя как меняется моё лицо, Сью махнув рукой, добавила. — Да ты

не переживай, всего лишь будешь с ним проводить время и всё. Пойдём.

Мы прошлись по коридору и остановились около одной из множества дверей.

— И что мне делать? — уточнила сконфуженно, страшась грядущим событиям.

— Хм. Просто следи, что бы он ничего не делал!

Я нахмурилась. Какое-то неприятное предчувствие появилось внутри. Неуверенно повернулась к двери и легонько толкнула её. Заглянув в палату, брови взмыли вверх, потому что постель была пуста.

— А?… — повернулась к Сью с вопросом, но она подтолкнула меня вовнутрь.

— Он там. — и захлопнула двери, заставив меня вздрогнуть.

Почему ОН? У него что имени нет? Я оглянулась, начиная слегка дрожать от переживаний. Когда взгляд добрался до угла комнаты, то я замерла, округлив глаза. Точнее удивило меня тело, что сидело на полу, прижавшее лицо в колени. Кроме белых штанов и свитера, темных взъерошенных волос, ничего не наблюдалось.

— Эээ… Добрый день.

Ответом мне разумеется была звенящая тишина. Я сделала несколько неуверенных шагов

к кровати, на самом деле содрогаясь от страха. Псих ведь. Точно. Самый настоящий. Мало ли что у него в голове. С таким не молоденькой девочке надо сидеть, а в лучшем случае психиатрам. Вытащила его карту. Фото нет. Большими буквами написано ФРЕНСИС.

Диагноз: Избегающее расстройство личности.

Хм. Я вновь кинула взгляд на парня и раскрыла папку. Куча бумажек с анализами.

Характеристика леч. врача: физиологически полностью здоров. Тяжкая степень расстройства личности, проявляющаяся совершенной ненавистью к себе.

Мелкими буквами приписано, двенадцать попыток самоубийства.

— Отлично. — вырвалось непроизвольно с губ. — Ну здравствуйте камикадзе Френсис! Я теперь буду вашей собачкой что будет постоянно тявкать "нельзя"!

Когда мозг обработал, что я ляпнула, я испуганно глянула в угол. Психолог из меня дьявольский — однозначно! А парень поднял голову и я утонула в больших ярко зелёных глазах, так и замерев с открытым ртом. По возрасту слегка старше меня, до жути обросший, длинные спутанные волосы,

борода, вокруг глаз жуткие тёмные круги, видимо от недосыпа. Склонил голову на бок, внимательно меня рассматривая.

— Меня зовут… — прошептала, отбрасывая бумаги и нервно сглотнув. — Мелисса.

— Твои волосы. — произнёс совершенно спокойно настолько низким приятным голосом, что у меня мурашки по коже побежали.

— Не нравится? — сощурилась, пытаясь сконцентрироваться только на его глазах и отгоняя желание, рвануть отсюда как можно дальше.

— Напротив. — я едва улыбнулась, обхватив себя руками, но сделала пару шагов к нему, кивая на стену.

— Можно? — он не понимающе моргнул, а я тихо пояснила. — Сесть рядом?

— Тебе же страшно. — хмыкнул, опуская одну ногу вперёд и облокотив на колено руку. Пожала плечами, всё-таки оказавшись рядом и сев, закрыла глаза.

— Страшно. — призналась честно. — Но это моя эмоция и вовсе не значит, что у неё есть основания.

— Хочешь сказать, я не страшный?

Я открыла глаза, оглядывая комнату с этой стороны.

— Вам не приходило в голову просто кровать передвинуть? — поинтересовалась, проигнорировав его вопрос.

— А?

— Вы сидите здесь потому что сюда совершенно не попадает солнечный свет? Можно же кровать сдвинуть и… — меня прервал громкий хохот.

— Прирожденный психолог! Я бы поаплодировал стоя, но за то что я смеюсь, тебе и так конфетку дадут.

Я подавила смешок.

— Не угадали. Я тут… Случайно можно так сказать.

— То есть ты не психолог? Впрочем да, врачей с розовыми волосами не бывает, да и мелкая ты слишком…

— А вы, однако, хам!

— Возможно. Ты сказала тебя зовут Мелисса?

— Ага. Так в чём ваша проблема?

— Забудь, что я сказал про психолога. Такие вопросы не задают на пря…

— Я и не запоминала. Так что у нас тут?

— А ты не промах!

— Взаимно. Так всё-таки что? Вам кажется, что вы вампир, что боится солнца?

— Я не боюсь солнца.

— Прекрасно.

— Прекрасно, раз ты попала сюда случайно, значит никакой цели ты не преследуешь?

— То есть?

— То есть пытаться вправлять мне мозг ты не будешь?

— Нееет.

— Тогда, пожалуйста, отойди от меня, садись на кровать и жди, когда твоя смена закончится. Не будем трогать друг друга.

Я открыла рот, на языке вертелось дикое возмущение такой наглости. Но я во время отдернула себя. Он же больной… Пожалуй, самым разумным будет принять его предложение.

Глава 3

Несколько недель прошли в довольно скучном ритме. В больницу я ходила и по-прежнему наблюдала Френсиса, что молча сидел в углу, уткнувшись в свои колени. И как только у него тело от такого положения не затекает? Впрочем какая мне разница. Муж Дени оказался тем еще занудным и скучным снобом. Курортом моя жизнь совершенно не пахла и меня это невероятно раздражало. Дни свободные от работы, я проводила дома, помогая сестре вымывать дом, потому что из-за малейший пылинки её суженный закатывал скандал. И как она его терпит?! Я бы уже прибила давно! Я размышляла над этим, лёжа на больничной кровати. В итоге нервы сдали, я села и раздраженно поинтересовалась.

— Френсис, можно я буду обращаться к тебе на ты?

В ответ тишина, он даже голову не поднял.

— Приму это как да. — поднялась и медленно двинулась к нему. — Мне скучно.

— Ты думаешь мне весело? — он всё же удосужился поднять взгляд зелёных глаз. Я склонила голову на бок, думая насколько же всё плохо. Но

вообще он ведь вполне спокойный, да и вроде бы соображает ведь нормально…

— Может прогуляемся? — предложила с надеждой. — В парке такой вид…

— Мне не разрешают выходить.

Я задумалась, складывая руки.

— В туалет ведь можно…

— В туалет разрешают. — ухмыльнулся, продолжая изучать меня взглядом. А улыбка обаятельная такая… Меня это воодушевило.

— Прекрасно! — двинулась к двери. — Идёшь?

— Куда?

— В туалет.

— Что? Прямо так сразу? А с виду вроде прилич…

— Идиот! — перебила раздраженно. — Мы на втором этаже, здесь нет решеток на окнах.

— Хм. Ты серьезно? Прыгнешь со второго этажа?

— Зачем прыгать? Тут очень удобные карнизы.

— Ты однако странная. — Френсис медленно поднялся.

— Мама строгая у меня, приходилось выкручиваться. — с ухмылкой, пожала плечами.

— Ты мне начинаешь нравится. Но ты понимаешь, что если я сбегу у тебя будут огромные

проблемы?

— Ты не сбежишь.

— Почему ты так решила? Или припечатаюсь лбом в асфальт…

— Со второго этажа на смерть не получится, так что можешь не пытаться. А не сбежишь… Да блин, если бы ты хотел это сделать, то я бы явно тебя бы не остановила.

— Проницательно.

Я выглянула в коридор.

— Пусто, идём. — махнула рукой.

— Хм, ты даже не представляешь как хочешь влипнуть.

— Ой, да ладно, воздухом подышим и вернёмся. Уверена, что милый хам мне не навредит.

— Милый хам? — хмыкнул, следуя за мной. — Интересное определение.

Брови взмыли с ухмылкой вверх, когда я распахнула двери в женский туалет и махнула рукой, приглашая.

— В женский? — возмутился, поймав мой взгляд.

— Окна в мужском выходят в другую сторону. — пояснила, подмигнув.

— Какая ты внимательная. — выдавил язвительно, но вовнутрь послушно юркнул.

— Есть такое. — сложила руки, глядя, как он подходит к окну и распахивает его.

— Ну, дамы вперёд.

— Спасибо. — выдавила, приближаясь. — Помоги.

Он с лёгкостью приподнял меня за талию и поставил на раму.

— Ого, там у тебя мускулы скрываются за лохмотьями? — поинтересовалась, вглядываясь в его глаза.

— Возможно. — ухмыльнулся Френсис, закатывая рукава. Я пожав плечами, села, разворачиваясь и опускаясь животом на раму. Спуская ноги и хватаясь за оконные рамки, медленно съехала. Спуститься оказалось даже проще, чем я думала. Уже стоя на земле и глядя как Френсис ловко повторяет мои движения, обернулась. Впереди виднелось море и ясное голубое небо.

— Красота. — просиял, когда оказался рядом со мной.

— К парку?

— Там нас могут увидеть, давай лучше на спорт площадку. — кивнул в другую сторону. На глаза попалось не большое поле и пару турников.

— Как хочешь. — пожала плечами, глядя как он рванул туда, достала телефон. Убедившись,

что ничего страшного он делать не собирается включила интернет. Немного зависла, глядя как он подтягивается, но всё-таки перевела взгляд на экран. Открыла браузер и ввела в поисковике его диагноз. Стало интересно. Нормально ведь совершенно себя ведёт.

Избегающее расстройство (тревожное расстройство) — состояние, при котором личность испытывает повышенную тревогу относительно своих недостатков. В результате человек избегает контактов с людьми, уклоняется от общения, проявляет застенчивость.

Из-за неуверенности и страха возникают проблемы в межличностных отношениях. Близкие отношения избегающие личности выстраивают только с теми, кто не может их бросить и отвергнуть. Отказа боятся очень сильно. Но чаще предпочтение отдается одиночеству, чтобы максимально минимизировать риски. Критика и неодобрение очень ранит.

Человека пугает вероятность быть высмеянным или негативно оцененным. Мучающее чувство неполноценности заставляет избегать новых знакомств. В целях защиты позиционируют себя как индивидуалистов. Состояние и

поведение личности во многом напоминает социофобию.

Я прочитала несколько раз и вновь перевела взгляд на Френсиса. Совершенно же не соответствует… Вообще ничего общего.

— Френ? Можно я буду тебя так называть?

— Да называй как хочешь. — он спрыгнул с турникета и подошёл, сев рядом.

— Я тут в интернете открыла… — показала ему статью, внимательно наблюдая за реакцией.

— О. — хмыкнул насмешливо он.

— То что тут написано про твоё расстройство… Это же не правда… Ты же нормально общаешься..

— Может это только с тобой? — я нахмурилась.

— Не через пять минут после знакомства.

— Да ладно, расслабься, я совершенно здоров.

— Физически…

— Да и психом я тоже не являюсь. Я бы попросил тебя, что бы ты меня выпустила и помогла сбежать, но тебе влетит.

— Не понимаю… Почему ты тогда здесь?

— Потому что мне не верят.

— Не верят? Ну может это из-за попыток самоубийства?

— Не было попыток Мелисса. Странное стече-

ние обстоятельств меня калечили. Но когда я говорю о том, что именно произошло мне вкалывают успокоительное.

— И что же могло произойти?? Двенадцать раз подряд?!

Френ пожал плечами и поднял руки, задирая рукава. Показал мне исполосованные запястья и предплечья.

— Разве это похоже на то, что я мог сделать себе сам? — я внимательно вгляделась.

— Это… Похоже на следы… — осторожно провела пальчиками. Слишком широкие порезы для ножа или чего-либо ещё. Разве что нужно было огромные ножницы на сантиметр засунуть и дернуть. От этой мысли по коже побежали мурашки и я вздрогнула. — На след от когтей похоже…

— Это и были когти.

— Но опять же такие большие??

Френсис вздохнул, поднимаясь.

— Нужно возвращаться, твоя смена скоро кончится.

Я лихорадочно посмотрела на часы. Уже прошло столько времени? Да ладно.

— Откуда ты знаешь, во сколько моя смена заканчивается?

Френ лишь ухмыльнулся, пожимая плечами.

— У меня очень хороший слух.

— Ясно. — протянул руку, касаясь моих волос.

— Приятно общаться с человеком, который меня не боится.

— Почему ты им подыгрываешь?

— О чём ты?

— Ты ведь делаешь вид, что псих…

— Потому что мне так проще.

— Проще? — переспросила я. Френ вздернул меня за локоть.

— Ты всё же хочешь нарваться на неприятности? А залезть так же ловко в окно ты сможешь наверх?

— Смотри и учись. — хохотнула, когда мы подошли к зданию.

— Ну ты конечно огонь девочка. — прыснул, закарабкиваясь следом за мной. А вот когда мы вышли из туалета, то столкнулись с главным врачом. Та уставилась на нас удивлённым взглядом.

— Ему в туалет приспичило. — выдавила, первое пришедшее на ум. — А я боялась его одного отпустить.

— В женский?

— В мужском было занято. — невозмутимо ответила, глядя как Френ закрывает ладонью рот, пытаясь сдержать смешок.

Я провела его до палаты.

— До встречи Мелисса, я буду тебя ждать. — ухмыльнулся, закрывая за собой дверь. Сью уставилась на меня.

— Тебе удалось его разговорить?

— Даже стараться особо не пришлось. — смущённо пожала плечами. Попрощавшись с ней, я вышла на улицу и двинулась по направлению к дому сестры. В мыслях витало какое-то странное настроение… Следующий день казался каким-то пустым, муж Дени уехал, но желания идти на море отчего-то совершенно не было. Я долго крутилась в кровати, не понимая что меня грызет.

Глава 4

А вот на следующее утро я проспала и лихорадочно собираясь, рванула в больницу. Сегодня Френсис лежал на кровати с книжкой в руках.

— Доброе утро. — вздохнула тяжело дыша, бросая сумку прямо у двери.

— Доброе.

— Как настроение?

— У меня хорошее, а у тебя?

— Нормально. — Френ сел, отложив книгу, вглядываясь в мои глаза.

— Что?

— Расскажешь о себе?

— Тебе интересно??

— Конечно.

Чем больше я с ним общалась, тем больше понимала, что он действительно нормальный. И у меня в голове не укладывалось как так… Что его держит тут.

— Френсис?

— М?

— Может быть ты всё-таки объяснишь?

— Что именно?

— Что ты здесь делаешь?

Всяческие старания сменить тему и совершенно не отвечать на мои вопросы, вошли в его привычку.

— Да Френсис, ну это раздражает! Я тебе рассказала о себе всё, а ты…

— Мелисса, ты уже не на шутку мне действительно нравишься, но если я расскажу тебе правду о том, что со мной происходило, это может навлечь на тебя беду!

С одной стороны, мне было приятно слышать первую часть предложения. А вот вторая, всё же напоминала, что он пациент клиники и с отклонениями. Но дни шли и я понимала, что начинаю к нему привязываться и получать удовольствие от нашего времяпровождения. Несмотря на всё, с ним было так легко, как ни с одним знакомым мне человеком. Я изменила график работы и стала приходить к нему каждый день. Спустя месяц, я вошла в палату и просто обомлела.

— Ух ты… — выдавила восхищённо, улыбнувшись, глядя на Френа. Длинные волосы подстригли, оставляя короткий ежик. Заросшая борода исчезла, оставляя совсем небольшую щетину, которая ему безумно шла. Сейчас передо мной поднялся не психбольной, а очень красивый и мужественный парень с обаятельной ухмылкой.

— Нравится?

— Да, ты красавчик! — хмыкнула, подмигнув и чувствуя, как сердце внутри увеличивает своё биение от нежности его взгляда. А вот в голове витали слова сестры "не вздумай влюбиться в психа".

— И так что меня ждёт сегодня?

— Прогулка к морю. — сообщила довольно.

— Тебе удалось уговорить их позволить мне выйти?

— Я даже не пыталась. — махнула рукой. — В окно и я нашла как пробраться через забор.

— То, что ты не нормальная, я конечно заметил давно, но…

— Френ, мы просто прогуляемся и вернёмся, никто даже не заметит.

— Ты уверена? Мне-то плевать, но…

— Ты что боишься что ли?

— Я переживаю за тебя.

— Как мило. Пошли! Мне по сути тоже плевать! Если что сестра будет отгребать…

— Но ты же тогда отправишься домой гораздо раньше…

— Да ладно, пошли уже! Ты умеешь плавать?

— Да. — непонимающе он уставился на меня, а я схватила его за руку, потащив к коридору.

— Научишь меня!

Но около окна он замер и меня остановил.

— Мелисса… Безумно хочу увидеть тебя в купальнике. Но нет, мы никуда не пойдём.

— Почему? — я нахмурилась.

— Это опасно.

— Ты серьезно?!

— Ты не понимаешь… Рядом со мной опасно.

— Ну что за бред?? Вот сейчас ты говоришь как настоящий псих.

— Замечательно, тогда моё место здесь. Давай лучше фильм посмотрим или…

— Френ! Либо ты мне объяснишь в чём дело либо я!… Не знаю, придумаю чем тебя достать!

— Звучит очень угрожающе, но извини… Я предпочту муки.

— Всё-таки ты больной…

— Как скажешь.

— Френ!

— Кажется, я влюбился и я не допущу что бы с тобой что-то случилось.

— О! — я замерла от такого признания, уставившись на него. — Тем более Френсис, мы просто прогуляемся, нас даже никто не увидит!

— Нет. — проронил, потянув меня обратно в палату.

— Тогда рассказывай в чем дело! Какая такая опасность??

Френсис вздохнул, глядя, как я хмуро сложила руки в ожидании объяснений.

— Я оборотень Мелисса.

В начале я моргнула растерянно, пытаясь понять он серьёзно или шутит. Но глядя на сосредоточенное и в какой-то мере даже испуганное лицо, я непроизвольно захохотала.

— Оборотень? — переспросила сквозь смех. — И в кого превращаешься, в хомячка или дракона? Извини! Извини!

Поспешно попыталась унять хохот, закрывая губы ладонью, но давалось это с трудом. Медленно поднялась, всё ещё хихикая и обвила его шею руками, соблюдая небольшую дистанцию. Френсис напрягся, не моргая, глядя мне в глаза.

— Не ждал, что ты поверишь, но это совершенно не смешно. — выдавил хмуро, пытаясь отстраниться.

— Хорошо-хорошо. — проронила, опуская руки и с тоской осознавая, что помощь ему таки специалистов нужна. — Но может быть мы всё-таки прогуляемся? — и не сдержавшись добавила. — Или оборотни не любят моря?

— Оборотни очень любят таких невыносимых

и противных девушек как ты! — шикнул и набросился на меня, начав щекотать, отчего и так еле сдерживаемый хохот, всё-таки вырвался наружу. Начав брыкаться, ноги подкосились и я рухнула на кровать, а он следом. Секунда. И губы накрыл жадный, горячий поцелуй, заставляющий забыть обо всём. Сердце в груди трепетно застучало и голова закружилась от приятных ощущений. Я обхватила его за шею, с радостью отвечая на порыв и полностью в нём растворяясь, не отдавая себе отчёта в том, что и где я творю. Было слишком плевать, что бы разум вырвался наружу…

Но Френсис кажется пришёл в себя быстрее, чем я, отскочив от меня, как от огня.

— Извини! Я не должен был… — схватился за голову, нервно начав ходить по комнате. Я всё еще тяжело дыша, медленно села и расплылась в улыбке, понимая, что таких ощущений во мне не будил еще ни один поцелуй.

— Френ… — выдавила, поднимаясь и пытаясь справится с приятным головокружениям.

— Что?

— Я вытащу тебя отсюда чего бы мне это не стоило.

Он замер, округленными глазами уставившись на меня и замотал головой.

— Ни в коем случае! Не надо! Не лезь в мою жизнь, ради своей же безопасности!

— Как скажешь Френсис. — ответила тихо я, откинувшись на кровать и погрузившись в свои мысли.

Глава 5

Впереди как раз были выходные. Сестра с мужем с самого утра куда-то уехали, а я засела изучать её учебники в поисках ответов. Диагноз ему поставили совершенно не верно. Перерыла всё, что только можно, включая статьи и лекции из интернета, но таки нашла, то что нужно.

Клиническая ликантропия, или ликомания, — психическое состояние, при котором больному кажется, что он превратился или может превращаться в волка, одна из форм зооантропии. Мифическая болезнь, при которой больной превращается в зверя, также называется ликантропией, от древнегреческого «волк» и «человек». Больным клинической ликантропией кажется, что они превратились в волков, их поведение соответствует самоощущению и зачастую опасно для окружающих. Существуют и другие разнообразные варианты зооантропии: собаки (кинантропия), кошки (галеантропия), змеи (офидиантропия), кони, птицы, лягушки и т. д. В некоторых случаях не удаётся определить, каким именно животным представляет себя больной. Существуют и варианты аутометаморфозы,

при которых человек ощущает превращение в растение или предмет.

Мозги превращались в желе от прочитанной и абсолютно не радостной информации. Кажется, этот диагноз гораздо хуже поставленного.

Я металась в сомнениях, стоит ли об этом кому-то сказать… Но страх, что его объявят опасным и меня к нему не пустят, останавливал поток здравого рассудка. А добравшись до информации о лечении, мне стало совсем грустно.

Это заболевание не всегда излечивается. Шизофрения корректируется антипсихотиками и нейролептиками, но этот метод излечения от ликантропии приводит к стиханию проявлений, но существует высокий риск рецидива заболевания, при котором все симптомы возвращаются.

Последствия приема наркотиков, галлюциногенов лечатся плохо. Максимум, чего можно добиться, — снижение приступов агрессии и угрозы для окружающих.

Вылечиться от ликантропии, если наблюдается биполярное расстройство и депрессия, можно с помощью транквилизаторов, но также остается высокая вероятность того, что некоторые симптомы сохранятся.

Специального лекарства от ликантропии нет.

Ее симптомы лечатся антидепрессантами, препаратами от бессонницы, беседами с психиатром. Заболевание можно стабилизировать, но излечить его полностью невозможно.

Вздохнув, я поднялась, отбрасывая ноутбук и с психом пнув книжки. Двинулась к окну, глядя на горизонт и море. Кто бы мне сказал, что этот вид перестанет меня манить… В жизнь бы не поверила! Но теперь мысли занимал только Френсис и навязчивая идея, как его спасти и вытащить из клиники. Поразмышляв, я схватила сумку и двинулась в больницу. Идти днём было невероятно не комфортно. Утром и вечером солнце всё-таки жарило не так. А сейчас воздух был словно тяжёлым и вдыхать его было сложно, кожа покрылась каплями пота. Облегчено вздохнула, оказываясь внутри клиники, где кондиционер делал своё дело, наполняя помещение желанной прохладой. Двинулась в кабинет к Сью, но затем передумала и сразу направилась к Френу. Не выгонят же меня, в конце концов! Постучав, открыла двери, заглядывая. Френсис лежал на полу, распластав руки и ноги с закрытыми глазами.

— Привет. — проронила немного смущённо, видя, что он не реагирует.

— Мелисса, что ты тут делаешь? Сегодня же

субботу. — он тут же встрепенулся и сел.

— Соскучилась. — ответила тихо, медленно к нему приближаясь. Отбросив сумку, опустилась на пол напротив удивлено моргающего Френсиса, улыбнувшись.

— Не стоит тебе… — он отвёл взгляд. — Привязываться ко мне.

— Поздно. — пожала плечами. — Ты знаешь что такое клиническая ликантропия?

— О Господи, Мелисса, да нет у меня никаких психических расстройств, я совершенно здоров! — фыркнул раздраженно, закрывая лицо руками.

— Ну все психи именно так и считают. — кивнула хмуро, протягивая руки и осторожно схватившись за его запястья, потянула на себя. Внимательный взгляд прошёлся по моему лицу, словно изучая каждую деталь.

— Ты уверена, что я больной, но почему тогда ты здесь?

— Потому что… — начала я, но осеклась, тихо добавив. — Я хочу помочь.

Френсис фыркнул, отдернув мои руки.

— Меньшее, что мне нужно это твоя жалость. — прорычал, поднимаясь, заставляя меня растерянно заморгать.

— Френ, я…

— Не надо Мелисса, я ведь просил. Ты мне нравишься, но не стоит даже пытаться вправлять мой мозг, потому что с ним и так всё в порядке. Если ты мне не веришь, то… Нам больше не о чем разговаривать.

— Френсис! — воскликнула возмущено, поднимаясь. — Не надо меня отталкивать, потому что я хочу помочь!

— Единственное, почему я готов тебя оттолкнуть, является твоя безопасность!

Голову пронзила совершенно безумная мысль и надежда.

— Хочешь что бы я оставила тебя в покое? — поинтересовалась совершенно мягко.

— Именно. — гаркнул, повернувшись ко мне спиной. Сердце в груди неприятно сжалось, но я всё же продолжила.

— Хочу погулять с тобой на море, посмотреть как ты плаваешь… Если выполнишь мою просьбу, я больше тебя не потревожу.

— Честно? — уточнил с сомнением, поймав мой взгляд. Сжав кулаки, я кивнула. Я не была уверена в том, что будет дальше. Что я смогу сдержать свои слова, но мне так хотелось вытащить его из этих стен хотя бы на время.

— Ладно. — спустя пару минут размышлений выдавил хмуро. — Я согласен.

Глава 6

И вот мы шли рука об руку вдоль берега. Перед этим я хорошо изучила окрестности, что бы ни на кого не напороться. Оказавшись у моря Френсис словно преобразился, и из хмурого психа, что недовольно бурчал следуя за мной, превратился в привычного мне Френа, что ухмылялся и шутил. Время рядом с ним словно одновременно останавливалось и в тот же момент летело как сумасшедшее. Мы бултыхались и смеялись. Совершенно не жалела о своём решении, вытащить его на свежий воздух.

Усевшись на пирсе, совершенно не заметила как время уже близилось к закату. Став замерзать, я поерзав, приблизилась к нему. Внутри горело только одно желание, что бы этот момент не заканчивался никогда. Мысли о том, что нам двоим влетит конечно были, но на фоне красивого горизонта, звука волн и действительно приятной компании, я лично их всячески прогоняла. Поразмыслив и собрав всю волю в кулак, решила что самое время для ответной искренности.

— Я, кажется, тоже влюбилась… — выдавила тихо, склонив голову на его плечо и глядя на

потрясающее небо, разукрашенное яркими красками.

— Ты такая необычная… — прошептал мне на ухо, обхватив рукой талию, заставляя меня вздрогнуть и в тоже время прижаться к нему ещё ближе. Сердце в груди начало стучать так, что звук отдавался в ушах. Я приподнялась и слегка развернулась, что бы посмотреть ему в глаза.

— Послушай… — начала я, но Френсис коснулся ладонью щеки, вызывая ряд мурашек по коже.

— Но разве тебя не волнует, что я псих?…

— Мне наплевать, кто ты. — тяжело дыша перебила, прикрыв глаза от переполняющей необъяснимой волны счастья. Френ погладил щёку большим пальцем и лицо обожгло горячим дыханием. А в следующую секунду, запустил руку в мои волосы, притянув к своим губам. Голова закружилась от мягких быстрых движений языка, что разжигал внутри пламя, гоняя по венам кровь. Щеки залил румянец, а тело бросило в дрожь. Я неловко обхватила его за шею и перекинув ногу, уселась на его бедра с огромным удовольствием отвечая, ощущая как руки скользнули по спине и слегка сжали бедра.

— Такая сладкая… — выдохнул отстраняясь. — Но давай-ка полегче..

Я прижалась сильнее боясь, что это сон и пряча от него лицо багрового цвета.

— Извини… — попыталась слезть, но руки сжались на бедрах, вновь припечатав к твердым ногам.

— Да ты что… Я просто… — зарылся носом в мои волосы. — Тебе нельзя быть со мной рядом, нельзя влюбляться. Ты обещала, что после прогулки оставишь меня в покое.

Я провела носом по его щеке.

— Но если я этого не хочу… — прошептала умоляюще. — Мне хорошо с тобой.

— Если бы только ты могла представить как мне хорошо с тобой… Но… Это нужно заканчивать. Прости.

— Да ты можешь объяснить в чём проблема??

— Ты не веришь в то, что я говорю.

— Френсис…

— Мелисса, послушай. — убрал волосы, заглядывая в глаза и обхватив лицо ладонями. — Я опасен. Моя жизнь опасна. Ты… Стала для меня единственным лучиком и именно поэтому я не хочу что бы с тобой что-то произошло.

Я закрыла глаза, обмякнув.

— Поэтому я вернусь, а ты… Больше не приходи ко мне. Попроси прикрепить к другому пациенту,

а лучше пациентке…

— Ну почему ты решаешь всё за меня? — воскликнула раздраженно, отдергивая его руки и поднимаясь.

— Мелисса…

— Ну чем ты можешь быть опасен??

— Ты уверена, что?… Ладно. Я тебе покажу.

— Что покажешь?? Как превращаешься? Серьёзно?

Вздохнул, стягивая с себя футболку.

— Смотри. Только не кричи. Я не причиню тебе вреда, в отличии от моей стаи…

Я не на шутку напряглась, сжимая кулаки и понимая, что он говорит вполне серьезно. А затем удивлённо замерла, округляя глаза, когда он нагнулся и его взгляд потемнел, а зрачок значительно увеличился.

— Если ты убежишь и больше не захочешь меня видеть, я пойму. Но знай, что ты навсегда останешься в моём сердце.

— Что ты?… — растерянно моргнула и зажала рот ладонью, глядя как его косточки под кожей словно шевелятся, а кожа обрастает шерстью.

— О Боже… — прошептала ужасаясь, уже лицезрея огромного волка. Почесала глаза… Я уже тоже рехнулась?… Это же не может быть правдой!

Окаменев от страха, кажется, я даже перестала дышать. Волк медленно двинулся ко мне, глядя прямо в мои глаза и словно спрашивая, что я до сих пор здесь делаю…

Чёрт побери, это действительно правда!

Передо мной оборотень…

Инстинкт самосохранения сделал своё дело и я развернувшись, рванула домой. В слезах влетела к себе в комнату, ощущая как клокочет бешено сердце в груди. Разум отказывался верить в увиденное. Бред! Бред! Оборотней не существует! Не может такого быть! Но то, что я увидела заставило признать собственную не правоту. Он действительно взял и превратился в огромного волчару! Никакой он не больной, а действительно оборотень!

Глава 7

Я так в сон и провалилась, рыдая и не желая верить в увиденное. Утром, когда Дени начала меня будить, я укуталась с головой в одеяло и прогнала её, сказав, что мне плохо и я хочу спать. Сестра немного пробурчала, но отстала. А я лежала, содрогаясь и пытаясь прийти в себя. Слёзы по-прежнему катились по щекам, но страх постепенно начал отступать… Заменяясь злостью на себя. Убежала, бросила его… Сделала именно так, как он сказал и ожидал. Разве это правильно? Нахмурившись и всхлипнув, я села. Он не болен, не псих и не знаю толком о чём он говорил, но ведь опасности на самом деле для меня он не представляет. В конце концов, если бы он хотел что-то сделать, у него была масса возможностей. Медленно поднялась, понимая что я пролежала почти целый день и солнце уже клонилось к закату. Я хотела его вытащить из больницы… Значит вытащу! А со всем остальным уж как-нибудь разберусь. Наверное. Сходив в душ и одевшись в удобную одежду, я двинулась в клинику, выпрыгнув из окна, дабы избежать глупых вопросов сестры. Бросив тоскливый взгляд

на время, понимала что в клинику меня вряд ли сейчас пустят без вопросов. К тому же вчерашняя наша прогулка вряд ли осталось не замеченной, а значит надзор над ним явно усилили. Вздохнув, отвернулась от больницы с осознанием, что придётся потерпеть до завтра, и направилась к морю. Стянув босоножки, шагнула в теплую воду и уселась на песок, глядя на горизонт. В голове витало так много мыслей, от чего голова готова была взорваться.

Вдруг размеренный звук волн прервал громкий вой. Я вздрогнула, подскочив, ощущая как кожа покрылась мурашками. Волчий вой? Стало не по себе. А вдруг Френсис не вернулся в больницу? Зачем ему собственно было нужно возвращаться? Натянув босоножки и сжав кулаки от страха, я двинулась на всё еще протяжный вой. Не знаю, чем я думала. Наверное, уверенность в том, что это именно Френсис дала мне сил, преодолеть берег и войти в темный густой лес. Нервно покусывая нижнюю губу и содрогаясь, я двинулась в глубь.

— Френсис?

Но миновав буквально пару метров, меня снёс волк. Осознавая, что это точно не Френ, я заверещала, что есть мочи и проклиная себя! Как

можно быть такой глупой и прийти самой в лапы к зверю?!

Рухнула на траву, хорошенько ударившись. С глаз хлынули слёзы от боли и страха. Толком даже рассмотреть волка не успела, как клыки вонзились в шею, отчего тело одолела мерзкая дрожь и словно прошибло током… Лишь моргнуть успела и сознание отключилось от невыносимой боли.

Пробуждение было обычным. Я потянулась, зевая в своей кровати. Открыв глаза, память о случившемся тут же рухнула словно лавина на сознание и я подскочила, хватаясь за голову. Это был просто сон?? У меня ничего не болит и я не помню как оказалась в своей комнате! О Боже! Рванула к зеркалу, оглядывая шею и холодея, потому что в месте укуса был шрам. Такой явно заметный, что различался каждый зуб, напавшего волка. Какого черта?? Но рана не могла зажить так быстро! Оглядела себя, больше никаких ранений на теле не было. Хотя от столкновения с землёй пару синяков мне явно было обеспечено. Я осмотрела комнату и двинулась в ванную. С ужасом обнаружила в корзине для грязного белья свою вчерашнюю одежду, футболка и джинсы были пропитаны кровью. Отбросив их, я рухнула на пол, растерянно моргая. Почему я не помню? Что

произошло?! Впрочем здравый смысл пробивался сквозь ужас. Я жива и невредима, и это главное.

Глупая мысль, а вдруг я теперь тоже превращусь в оборотня, крутилась в голове, пока я топала в больницу. Сью оглядела меня, озадаченно приподнимая брови, когда я вошла к ней в кабинет.

— Что-то случилось? Во-первых, ты опоздала, а во-вторых, что за прикид?

Я бросила взгляд на свою широкую футболку и джинсовые шорты, совершенно забыв, что желательно соблюдать дресс-код.

— Извините, просто очень жарко…

— Ладно. У меня для тебя новость. Френсиса передали другому специалисту, так что ты пока относительно свободна. Можешь снова приходить три раза в неделю по предварительному графику, будешь помогать с архивом.

— Что?? — возмутилась я, сжимая в руке телефон. — Почему? Это он попросил? И вы психа собрались слушать?

— Что ты, нет, конечно. — улыбнулась в ответ Сью, махнув рукой. — Позавчера он пытался сбежать, снова себя искалечил, поэтому лечащий врач усилил ему дозу лекарств и пока что объявил, что он опасен. А спокойных пациентов у нас

не осталось для практикантов, поэтому тебе…

— Подождите! — перебила нервно. — Что? Покалечил себя?

— О да, его поймали у забора, снова в глубоких порезах и всего в крови.

Я аж пошатнулась, упираясь ладонью в стену, что бы устоять на ногах. Дыхание замерло в груди. Это я виновата! Я его вытащила!

— Могу я… Поговорить с ним? — уточнила хрипло, пытаясь взять себя в руки.

— О чём? Он же не в себе.

— Мне нужно… Поговорить с ним. — выдавила сквозь зубы, борясь с накрывшей паникой.

Глава 8

Сью хоть и не поддержала, но поговорить с ним всё-таки позволила. С недовольным выражением лица она провела меня в отделение, где я еще не была. Тут даже у входа стояла охрана и двери были заперты. Перекинувшись парой фраз с охранниками, войти нам дали.

— Вон там дальняя дверь — его палата. Но давай не долго, а то будут ругаться. Через час приду за тобой.

Я кивнула, на дрожащих ногах, двинувшись к указанной двери. Вытащила называется… Вздохнув, постучала и как обычно, не услышав ответа, вошла вовнутрь. Палата была гораздо меньше предыдущей, в углу стояла кровать, на которой лежал Френсис. Подошла, хмуро оглядывая истерзанные руки и один глубокий порез на щеке. Заметив, что его запястья и лодыжки прикованы защёлками, я вздрогнула, чувствуя как внутри всё неприятно сжимается. Сделав глубокий вдох, села на кровать рядом с ним. Мне казалось Френ спит, но его ресницы дрогнули и он открыл глаза, встречая мой встревоженный взгляд.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался

прежде, чем я успела открыть рот.

— Френсис… Что произошло? — проскулила жалобно, ощущая как меня изнутри начинает съедать чувство вины. Протянула руку, вытаскивая из его вены иглу с капельницей. — Что они тебе колят? Это вредит… тебе?

— Нет. Лекарства на меня практически не действуют, только немного притормаживают процесс регенерации.

Я щёлкнула застёжки, освобождая его ноги и потянулась к тем, что сковывали руки.

— Что ты делаешь?

— Френ, тебе здесь не место! — фыркнула, всё-таки освободив его. Запястья тут же обхватили горячие пальцы.

— От тебя… Иначе пахнет. — он сел, приближая лицо и вглядываясь в мои глаза. А я ошарашенно замерла, когда второй рукой он провёл большим пальцем по губам и спустился к шее, отодвигая волосы и взглянув на шрам от укуса, помрачнел. А я уже и забыла об этом даже…

— Не нервничай! Со мной всё хорошо! — выдавила поспешно, глядя как он напрягся.

— Твою мать Мелисса, ты хоть понимаешь, что это значит?! — прошипел яростно, поднимаясь.

— Не знаю…

— Что произошло?

Я рассказала о случившемся.

— Чёрт! Чёрт! Мелисса, какого чёрта ты?....

— Я подумала, что это ты! — чуть ли не со слезами на глазах прервала его гневный поток, только сейчас осознавая насколько же это было глупо с моей стороны. Он ударил несколько раз с кулака по стене, тяжело дыша.

— Вытаскивай меня отсюда.

— Что? Каким образом? Теперь это будет сделать сложно… Кто тебя так поранил?

— Ты теперь в опасности! И я должен тебя защитить! Так что тебе лучше по быстрее придумать как, если хочешь избежать жертв.

— Каких еще жертв? Какой опасности, ты можешь нормально объяснить?! Со мной вроде бы всё хорошо. Я теперь тоже превращусь в… оборотня? — озвучила самые страшные опасения.

— Нет. — хмуро выдавил сквозь зубы, а из моей груди вырвался облегченный вздох. — Хуже. На тебе отметка. Отметка пары.

— Чего?? — переспросила нервно. — Пары?… То есть…

Меня замутило.

— Тот кто меня укусил…

— Оборотень и он отметил тебя для себя.

— Ты… Знаешь кто это сделал? — выдавила напряжённо. — Тот же кто поранил тебя?

— Меня изгнали из стаи, потому что я отказался быть таким как они. Как-то раз старший брат не сдержался в полнолуние и убил невинную девушку. Полиция быстро его вычислила… И я… Я помог им закрыть брата за решеткой. Младшие братья объявили меня предателем и выгнали.

— Ну и дела… — протянула я, содрогаясь.

— Младшие добились, что бы брата выпустили под подписку.

— И теперь он мстит?? — с ужасом уточнила я.

— Ага, он жаждет моей смерти. Я пытался уехать, но мне не давали… А потом меня загребли в клинику. В начале я сопротивлялся, но потом решил, что быть в больнице не так уж и плохо… Но видимо брат видел нас вместе и… Решил добраться до меня через тебя, самым ужасным способом, чёрт побери! Что бы снять с тебя метку, я должен его убить.

Я похолодела от ужаса. Это… Слишком отвратительно, твою мать!

— Что даёт ему метка на мне? — прошептала, не уверенная что хочу знать ответ на этот вопрос.

— Полную власть над тобой Мелисса.

— Это же бред какой-то!

— Вытаскивай меня! Сейчас же!

— Как?? — я поднялась, содрогаясь и не зная, что делать.

— Отвлеки охранников. Встретимся на улице. — он мягко вытолкнул меня в коридор. А я лихорадочно двинулась вперёд, размышляя как привлечь внимание охраны так, что бы они оставили двери открытыми. Ничего умнее в голову мне не пришло, как заорать.

— Аааа! Спасите!!! — я побежала вперёд. Двери тут же раскрылись, и один из охранников выглянул.

— Что случилось?

Я пролетела мимо него, отталкивая его как можно дальше от входы, и бросилась к окнам.

— Девушка, что такое??

Распахнула окно и ловко, забралась.

— Сейчас прыгну!

Два охранника удивлено замерли, не сводя с меня взгляда.

— Спокойно! Дышите!

Заметив, как волк скользнул мимо дверей и рванул к ступенькам, я выдохнула, сев на подоконник и опустив голову, пыталась сообразить как бы теперь выкрутиться, что бы здесь не заперли меня.

— Я прошу прощения за этот спектакль. — подняла на мужчин взгляд, улыбнувшись. — Пишу… Курсовую. Хотела посмотреть какая у вас реакция. Ну знаете… На практике, разумные мысли посещают быстрее, чем когда читаешь…

Охранники переглянулись, явно решив, что я больная, но молча двинулась назад к двери, поспешно её закрывая и принимая прежнее положение.

Я спрыгнула, прикидывая сколько времени им понадобится, что бы заметить отсутствие пациента и устремилась к выходу, стараясь никого не встретить на пути.

Оказавшись на улице, замотала головой в разные стороны, в поисках Френа. Лёгкое рычание со стороны привлекло мое внимание и я двинулась на звук, содрогаясь. Огромный волк сидел около дерева, пытаясь укрыться в кустах. Я медленно приблизилась, стараясь отогнать страх и протянула руку. Он подставил мохнатую голову, позволяя его погладить, а затем облизал лицо.

— Френ… Ну… — протянула с отвращением, оказываясь в его слюнях. — Что творишь?

Язык прошёлся ещё раз, по и без того мокрому лицу, и влажный нос упёрся в шею, с тяжёлым вздохом.

— Ты назад не собираешься обращаться? Или не можешь?

Зубы осторожно потянули мою футболку.

— Тебе нужна одежда? — догадалась я, глядя как он кивает. Задумавшись, я отвернулась. — Пошли ко мне домой, выберем тебе что-то из одежды Дерека, надеюсь их нет дома.

Я уверено двинулась вперёд по улице, а Френ последовал за мной. Видя как на встречу кто-то идёт, он тут же юркал куда-либо прячась. Господи, во что превратилась моя жизнь?

— Подожди здесь. — шикнула на волка, когда мы остановились у ворот дома. — Сейчас я проверю, что бы дома никого не было.

Он послушно уселся, только явно недовольно вильнув хвостом. Но дома оказалась сестра.

— Мелисса, ты чего так рано?

— Да так… Слушай, у меня там в ванной какая-то проблема. Утром тебя не видела. Пойди, посмотри пожалуйста.

Дени нахмурилась, но поспешно двинулась в мою комнату, я открыла двери, тихо прошептав.

— Френ, иди сюда. — волк тут же примчал. — Их комната вон там. — указала на дверь с права, в конце гостиной. — Обратись, найди, что одеть и поднимись ко мне в комнату, вторая слева дверь.

Только пожалуйста не наткнись на сестру!

Френсис поспешно двинулся к указанной комнате, а я нервно последовала за сестрой.

— И что у тебя тут не так? Вроде всё хорошо.

— Да? — переспросила невозмутимо. — Наверное спросонья показалось.

— А это что? — Дени указала на окровавленную одежду, а я сжавшись протараторила.

— Вчера томатным соком облилась.

— Странная ты какая-то совсем. Что-то ещё?

— Та нет, спасибо.

— Жара уже спадает, пойду пожалуй на пляж позагораю. Присоединишься?

— Нет, спасибо, может позже.

Когда двери закрылись за сестрой, я нервно прикусила губу, в ожидании Френсиса и вздрогнула, когда позади раздался голос.

— Я уже тут, если ты меня потеряла.

Я удивлено обернулась, глядя как он разлегся на кровати, закинув руки под голову и ухмыляясь.

— Хоромы у тебя ничего так!

— Это не мои… Хоромы, а мужа сестры. — ответила слегка раздраженно, щёлкая замок на двери.

— Ясно. Значит так, вечером скорее всего брат за тобой придёт и мы решим все разногласия.

Наверное.

— Он тебя так… Ты уверен, что?…

— Когда ты сражаешься против троих это сложно, знаешь ли! Но за пару по закону, он должен принять бой один на один.

— Прости, что я… — начала тихо, приблизившись к кровати. — Так отреагировала… Сбежала… Я просто испугалась, но…

Френсис сел, спустив ноги на пол и обхватив меня за талию, притянул к себе, отчего я рухнула к нему на колени.

— Лучше бы ты извинилась, что повела себя как дура и подвергла себя такой опасности! Он же тебя сразу и убить мог! — прошипел гневно прямо в губы, перед тем как набросится на них горячим поцелуем, сводящим с ума и заставляя меня трепетать в его руках. Но вдруг шрам зажгло дикой болью, я встрепенулась, отстраняясь от Френа, хватаясь за шею. — Ах да… Прости… Совсем забыл…

— Что за чертовщина?? — возмутилась, кривясь от неприятных ощущений. Френсис опустил меня на кровать, поднимаясь и двинувшись к окну.

— Метка не позволяет тебе изменить.

— Да как это вообще возможно?! — искренне не понимая, прошипела я.

Глава 9

Френсис не спешил отвечать на мои вопросы, мы пролежали в обнимку до заката, болтая собственно ни о чём. Я старалась отогнать тревогу и страх, в руках Френа это было не так уж сложно. Но вот когда он поднялся, проронив.

— Ну что? Пойдём. Скоро взойдёт луна.

Кожа покрылась мурашками, а внутри образовался комок, от которого было сложно дышать.

— Мелисса?

— Я боюсь за тебя. — выдавила хмуро, медленно поднимаясь.

— Глупышка, ну я же не просто человек, что бы мне навредить, нужно очень хорошо постараться! Лучше переживай, что мы будем делать после того как разберёмся с моим братом.

— В смысле?

— Мой побег однозначно повесят на тебя.

— Умеешь ты успокоить! — фыркнула, распахивая двери и проверяя, что сестры с мужем нет. Они частенько вечера проводили у моря с вином. — Пошли уже!

Мы довольно быстро оказались у моря в том самом месте, в котором я услышала вой. Эта часть

берега находилась гораздо дальше, чем та, что была у двора.

— И что мне делать? — поинтересовалась, глядя на разбушевавшиеся волны и начиная дрожать от хоть и теплого, но сильного ветра.

— Тебе? Ничего. И главное не вмешиваться! Ни в коем случае!

— Френ…

— Хоть раз! Пожалуйста! Сделай так! Как я прошу! Мелисса! — вкрадчиво, чуть ли не крича выдавил, стягивая с себя свитер и натягивая на меня. Я поежилась, но кивнула, ляпнувшись пятой точкой на песок. Когда раздался волчий вой, я окаменела, повернув голову к стороне леса и с ужасом наблюдая, как к нам движется мужчина в окружении двух волков. Почти таких же как Френсис, но слегка по меньше. Мужчина был лет тридцати с тёмными длинными волосами.

— Какие люди наконец-то соизволили попасться мне на глаза! — задорно воскликнул он, остановившись от нас в паре метров. Френсис сжал кулаки.

— Привет Флин. — прорычал сквозь зубы. — Девушку было совершенно не обязательно впутывать!

— Разве? Ты ведь иначе не хотел идти на кон-

такт.

— Я не хотел трупов.

— Кстати, скажи спасибо, что я её не убил и даже не обратил. Всего лишь… Метку поставил. Девочка моя и знаешь… Я даже готов простить твоё предательство, розоволосая мне понравилась.

Меня сковал окончательный ужас, когда я поймала взгляд этого мужчины. Жадный, голодный, наполненный похотью и яростью. Он расплылся в ухмылке, склоняя голову на бок.

— Из неё выйдет отличная волчица.

— Нет. Ты её не тронешь, она моя.

— Вызываешь меня на дуэль? А кишка не мала? Думаешь, девочка стоит твоей жизни?

— А мы ещё посмотрим кто кого.

— Как ты осмелел, ну хорошо. Я принимаю вызов. — он протянул руку и Френсис тут же её пожал. Я прижала коленки к лицу и обхватила ноги руками, глядя как волки приближаются ко мне, а Френсис с Флинтом стягивают футболки. Сощурилась, не желая видеть их превращения и начиная трястись еще сильнее, глаза наполнились слезами от страха и тревоги. Больше всего меня переполняло отчаянье от понимания собственной бесполезности и беспомощности.

Раздавшийся двойной вой заставил всхлипнуть и поднять глаза. Сердце пропустило пару лишних ударов. Ненамного, но Флинт всё же был больше Френсиса. Буквально пару секунд они испепеляли друг друга горящим взглядом начиная рычать, а затем кинулись, впиваясь клыками в шкуру. Я вскрикнула, закрывая рот рукой, глядя как песок окрасился кровавыми пятнами. Рычание зазвучало ещё более громче и ужасающе. Закрыла лицо руками, не желая видеть этой бойни не на жизнь, а на смерть и молясь, что бы с Френом всё было нормально… Не знаю сколько прошло времени, когда сердце в груди уже во всю ломала рёбра, а я ревела взахлёб проклиная себя, меня привел в чувство вой волков, что стояли рядом. Я испуганно опустила руки, глядя как волки убегают к лесу, а не подалеку Френ тяжело дыша и едва слышно, скуля на четырех лапах пятиться от бездыханного тела… В момент когда я продолжая глотать слёзы, рванула к нему, он обратился в человека, рухнув на песок весь в крови.

— О Боже… Френсис… — прошептала с ужасом, оглядывая его глубокие кровоточащие раны.

— Я люблю тебя Мелисса… — прохрипел, закашлявшись. — Будь счастлива…

— Нет-нет-нет… Я тоже тебя люблю… Не остав-

ляй меня… — я уложила его голову себе на колени и поспешно потянулась к телефону, дрожащими пальцами набирая сестру.

— Да.

— Пожалуйста, помоги!

Быстро объяснив Дени где мы, я постаралась прижать ладонями самые глубокие раны, шептая.

— Потерпи немного… Всё будет хорошо… Пожалуйста…

Глава 10

Дени с Дереком появились, когда Френсис уже потерял сознание, но мы успели во время доставить его в больницу. Я ревела взахлёб в плечо сестры и твердила, что на нас напали волки и он кинулся защищать. Когда врач вышел и сказал, что состояние хоть и тяжёлое, но жить он точно будет, я разревелась ещё пуще.

— Мелисса, это псих с поликлиники? Мне звонили и сказали, что он сбежал и ты ему видимо помогла!

— Он не псих… Он совершенно здоров!

Но кто меня стал слушать…

Не знаю уж каким образом, но скорее всего с помощью денег, все претензии ко мне Дени умудрилась развеять. А как только Френсису стало легче, его вновь перевели в клинику для психбольных. Что я только не делала… Но меня к нему не пускали! Сестра на все мои слёзы и истерики твердила только одно.

— Если не успокоишься — отправлю назад к матери!

Прошло несколько месяцев. Постепенно моя депрессия сменилась полнейшей апатией и от-

странённостью от окружающего мира. Я сидела на берегу, сжимая коленки и глядя на заходящее постепенно за горизонт солнце. Дул уже довольно прохладный ветер, море бушевало и я завороженно смотрела на волны, пытаясь забыть обо всём на свете… Но как ни старалась, внутри сердце по-прежнему сжималось от желания увидеть оборотня, обнять его и поцеловать. Но за такой период времени, это уже конечно превратилось в нереальную мечту и с каждым днём надежда на встречу уменьшалась.

— И чего это такая красивая девушка грустит в одиночестве? — раздался тихий шепот на ухо, заставляя меня вздрогнуть и тут же огрызнуться.

— Что бы ты спросил! — но обернувшись и увидев перед собой лицо Френсиса с наглой ухмылкой, я в начале протёрла глаза, что бы убедиться, что мне не мерещится. А затем с радостным визгом кинулась на его шею, завалив на песок и прижавшись к губам, за которыми я так скучала…

— Как ты?… Откуда ты?… Ты сбежал? — прервав поцелуй, но сжимая его крепче, завалила вопросами, не веря в своё счастье и боясь, что это наваждение развеется. Френ захохотал, сжимая в ответ за талию и пытаясь сесть.

— Ну я же не псих, в самом-то деле. Придётся конечно еще какое-то время посещать противного психолога, но врач уверен, что я иду на поправку поэтому мне позволили даже покинуть поликлинику и переехать домой, с обязательными ежедневными посещениями правда, но… Эй, ты чего плачешь?

— Поверить не могу, что это реальность и ты правда здесь. — я упёрлась носом в его шею, содрогаясь от слёз радости.

— Перед тем как я задам главный вопрос, по причине которого я тут. — начал серьёзно, вытирая мои щёки. — Я ещё раз уточню, тебя действительно не волнует, что я?…

— Мне наплевать, кто ты Френсис! Я люблю тебя и хочу быть только с тобой! — прервала глупый вопрос, обхватив его лицо руками и с удовольствием осматривая самое родное лицо в мире.

— Ну хорошо. Ты станешь моей женой?

— Что? — брови взмыли вверх, а глаза удивлено округлились.

— Даю пять секунд, а потом сделаю своей с помощью мет… — я заткнула его поцелуем, и расплывшись в сияющей улыбке, ответила.

— Да!

Эпилог

Я переехала к Френсису, послав и маму, и сестру, с их совершенно негативным отношением к моей неожиданной женитьбе. У него оказалась не большая, но довольно уютная квартирка, балкон которой выходил прямо на море, что приводило меня в дикий восторг.

Устроилась на работу в магазинчик не по-далеку и была удивлена тем, что получаю огромное удовольствие от времяпровождения.

Френсису понадобилось еще буквально несколько месяцев, что бы окончательно избавиться от надзора врачей и диагнозов, в конце концов его объявили совершенно здоровым.

Я смотрела на него и меня часто посещала мысль, кто бы мне сказал, что тот псих, сидевший в углу, при нашей первой встречи, окажется любовью всей моей жизни. Но я безумно рада, что встретила его. Меня каждый день окутывали безграничной любовью и нежной заботой.

Постепенно Дени смягчилась и мы помирились, она даже начала нормально относится к Френу. А как только мама узнала, что я беременна, даже прилетела и в жизни наладилось

совершенно всё. Мысль о том, что ребенок наш будет не прост немного жужжала в моей голове… Но впрочем, какая разница?! Когда рядом со мной самый внимательный, заботливый и любящий мужчины, разве может что-то пугать?

Анастасия Вкусная
Таежное убежище

У Катерины позади был очень тяжелый развод. Не в плане судов или скандалов, с мужем они расстались вполне мирно, разделив все ровно пополам. Просто после вполне счастливых восьми лет брака Иван пришел и сказал, что его планы на жизнь резко поменялись, и он уезжает в теплые страны. Катя, было, ответила, что не может все бросить, к чему их семья шла столько лет. Но у Ивана уже и спутница в новую жизнь была. И не первый месяц к этому моменту. Девушка на пятнадцать лет моложе, находящаяся в полном восторге от возможности жить на Гоа с пока ещё чужим мужем.

После этого разговора, который буквально выбил почву у Катерины из-под ног, супруги сначала молча разъехались, а потом подали документы на развод. Из-за планируемой резкой смены образа жизни Иван настоял на продаже всего, что у них было: квартира в столице и два автомобиля. Все прочее, из чего год за годом состоял семейный быт, тоже пришлось продать, так как без жилья

и понимания, что будет дальше, это всего лишь какое-то количество мебели и техники.

Вырученные деньги поделили и отправились в ЗАГС без всяческих материальных претензий друг к другу. Через положенное время Катю и Ивана развели, и с тех пор они больше не виделись. На последней встрече уже бывший муж сказал, что билеты на самолет куплены, по поводу чего он прямо-таки светился от счастья. Катерине не оставалось ничего иного, кроме как пожелать ему удачи.

Оставшись в съемной квартире после расставания, молодая женщина долго думала, почему совместные годы так мало значили для супруга. Они немало прошли вместе: сначала после свадьбы перебрались из своего областного миллионника в соседний региональный центр, потом через несколько лет в Москву. Иван вполне успешно строил карьеру в айти, был востребованным программистом. Катя не менее успешно занималась недвижимостью. Семья действительно могла позволить себе переезжать, работа не привязывала их к какому-то конкретному месту. Год назад было решено, что ипотека почти выплачена, и наконец-то можно подумать о детях. Для начала хотя бы о первенце. И вот

этот год прошел, ипотеку погасили, но будущий отец неожиданно решил, что хочет жить на Гоа с другой. Или, может, неожиданным это было только для его жены?

Перебирая в памяти семейные ссоры и разногласия, Катерина так и не смогла понять, что проглядела или не додала своему семейному счастью. Зато женщина положительно начала сходить с ума в четырех стенах съемной однушки. На работе все валилось из рук, она забывала важные документы на сделки и не обращала внимания на телефонные трели. И, в конце концов, начальник предложил Катерине съездить в отпуск, развеяться, привести нервы в порядок.

В тот вечер Катя вернулась домой разбитой и окончательно сломленной. Она долго плакала, уткнувшись носом в старенькую потертую софу, поминая недобрым словом и мужа-изменщика и свою судьбу несчастную и затрещавшую по швам успешную карьеру. Не так она себе представляла свое грядущее тридцатипятилетие. Особенно ее почему-то удручал тот факт, что с детьми теперь наверняка придется повременить и сильно. Странно, но пока появление малыша казалось делом наживным и быстрым, она не ощущала, что так уж сильно хочет этого. Теперь же дума-

ла, будто никогда больше не встретит хорошего мужчину и умрет в одиночестве, окруженная кошками.

На утро из постели Катерину поднял внезапный телефонный звонок. Точнее было уже далеко не утро, но она продолжала лежать и разглядывать потолок, не имея сил и желания даже на элементарные гигиенические дела и завтрак. Звонила давняя подруга, они заканчивали вместе юридический и с тех пор регулярно созванивались. Об изменении семейного статуса Кати Мила не знала, но скрыть это сейчас было как-то не правильно. Все-таки больше десяти лет дружат.

Катерина собралась с духом и ответила. Мила почти сразу поняла, что что-то случилось. И Катя рассказала. Говорила долго и в подробностях, то замолкая, то начиная всхлипывать. А когда закончила, и вовсе разревелась. Мила помолчала какое-то время, потом посочувствовала парой скупых фраз.

— Теперь-то что будешь делать? — она была скорее человеком дела, чем слова, поэтому абсолютно логично для себя поинтересовалась ближайшими планами подруги.

— Не знаю, меня в отпуск на работе отправили. Велели нервы подлечить.

— Вижу я, как ты их лечишь. Слушай подруга, есть у меня пустой дом на Алтае. Горы, озеро заповедное, кругом тайга и ни одного человека. Самолетом до Горно-Алтайска, а там мы тебя с человеком свяжем, отвезет.

— Мил, а что за дом-то хоть? — Катерина была слегка растеряна от такого напора.

— Да родителей мужа, мы же их к себе перевезли, а дом вот стоит, пустует. Не курорт, конечно, но вполне благоустроенный, все удобства, жить можно.

— А это удобно? — Катя плохо себе представляла, как будет жить одна в тайге пусть и с удобствами.

— Не просто удобно, свекры счастливы будут, если кто-то в их любимом уголке поживет немного. Кать, соглашайся — я там была, место классное! Там такие закаты-восходы, через неделю печали свои забудешь. Ну, или не так быстро, но там, правда, здорово.

— Хорошо. Я поеду, — Катерина вдруг согласилась. Почему-то мысль об одиночестве в каком-то доме посреди тайги показалась ей внезапно столь заманчивой, что она готова была сразу паковать вещи, наконец-то поднявшись с постели.

***

Сразу начать собираться не получилось. Пришлось договариваться с квартирной хозяйкой, сообщить на работу, чтобы не рассчитывали на Катю в случае чего, пристроить комнатные цветы бывшим соседям и хорошо изучить в интернете те места, где она собралась провести почти месяц.

Аэропорт-перелет-аэропорт ей ничем не запомнились. Катерина летела далеко не в первый раз, не любила этот процесс всей душой и очень хотела снова оказаться на земле, пусть и далеко от дома. В зале прилета ее встретил немолодой дородный и слишком молчаливый для таксиста дяденька. Ехали больше трех часов, машин на дороге было немало. Катерина представляла себе таежный угол более уединенным. Высказала свои сомнения Михаилу. Он ответил, что место и правда туристическое. Озеро Телецкое чистое и красивое, многие приезжают взглянуть на него, насладиться красотами природы Горного Алтая. Но тут же и успокоил свою пассажирку, мол, знает дом, куда ее везет, он действительно расположен как-то на отшибе.

— Но дорога там прямая. Машину в гараже я

проверил, как Павел попросил. Все исправно, в рабочем состоянии. Я покажу ближайший магазин, сами увидите, там хоть и минут двадцать пять ехать, но заблудиться невозможно.

Катерину это вполне устроило. Она планировала выбираться в ближайшее село не чаще одного-двух раз в неделю. Остальное время хотела побыть одна, как ей Мила и обещала. Две большие сумки продуктов она закупила в супермаркете на выезде из Горно-Алтайска. Этого должно хватить дней на пять.

Вскоре они проехали и магазин, и маленький аптечный пункт и выехали на уже абсолютно пустую дорогу. Вокруг поднимались горы, вечно-зеленые леса стремились в синее-синее небо, было сухо и жарко, стрекотали кузнечики, легкий ветер шелестел в высокой траве на обочинах. Иногда с дороги было видно и то самое заповедное озеро — огромное зеркало, в котором неслись облака и отражались деревья.

Дорога действительно оказалась прямой и очень хорошей. Через обозначенное Михаилом время они подъехали к одноэтажному деревянному дому, который на первый взгляд превзошел все ожидания Катерины. Большой, массивный, крепкий — он казался надежным убежищем не

только для того, чтобы пережить развод, но и для чего-нибудь пострашнее. Катя сразу поняла, как права была Мила, уговаривая ее приехать сюда. Здесь было тихо, красиво и очень спокойно. Именно чувство внутреннего спокойствия накатило на Катерину, как только она взошла на высокое крыльцо.

Михаил показал, как справиться с замками, электричеством и водой в доме. Открыл гараж и передал ключи от машины, еще раз проверив, что двигатель запускается. Нашел аптечку, запасную зарядку для телефона, батарейки. Оставил свой номер и попросил звонить, если вдруг что в любое время суток.

— Я тут недалеко совсем живу, на самом выезде из Артыбаша. Из моих окон магазин видно. Так что если понадобится что, примчусь сразу же.

— Спасибо вам, Михаил, большое. Надеюсь, я сама со всем справлюсь, но если что, то позвоню, конечно, обязательно. А здесь диких зверей же нет? — на всякий случай поинтересовалась Катерина, не к месту вспомнив свой детский страх.

— Что? Ну, вообще есть, конечно, но они к жилью не выходят. Но если боитесь, то свет оставляйте на ночь в одной из комнат.

Катя очень сильно сомневалась, что это сможет

кого-то отпугнуть. Скорее Михаил это посоветовал, чтобы как-то успокоить городскую жительницу. Она вежливо поблагодарила своего нового знакомого, и они расстались, еще раз обсудив необходимость быть на связи на всякий случай.

Оставшись одна, Катерина снова обошла все комнаты, выбрала в качестве спальни самую дальнюю. В этом время суток здесь было удивительно светло, но при этом не жарко. А еще отсюда имелся второй выход — прямо на низкую широкую веранду. Деревянные стол и стулья так и манили, обещая самые лучшие и живописные завтраки. Дом не был никак огорожен, поэтому почти сразу от веранды начинался небольшой луг, который шагов через двадцать заканчивался подлеском, очень быстро переходящим в густой лес. А если поднять голову, то сразу становилось понятно, что прямо здесь и начинаются горы, просто не слишком круто.

Катерина приняла душ, разогрела кое-что из привезенных продуктов и перекусила, любуясь окружающей ее красотой. Второй раз за последний час она подумала, что правильно поступила, приехав сюда. Разве можно было грустить под этим бесконечным небом, рядом с этими величественными деревьями, которым и смена времен

года не указ. Утолив первый голод, Катя сбросила обувь и шагнула с террасы прямо в густую упругую траву, которая никогда не знала усилий косарей или ландшафтных дизайнеров. Она шла и наслаждалась каждым шагом, чувством земли под стопами, бесчисленными стеблями, щекочущими ладони, ярким солнцем, бьющим прямо в глаза и делающим все вокруг ещё ярче, еще красивей.

Катя так увлеклась своими ощущениями, что дошла до самой кромки леса. Еще издали она увидела красно-зеленый островок зарослей брусники. Присев на корягу, как любой голодный до подобных видов городской житель, Катерина рвала ярко-бордовые блестящие мелкие ягоды и тут же их ела. Вспомнила детство, в их лесу тоже росла брусника. Тогда, а растет ли сейчас, Катя не знала, она очень давно не была дома. Наевшись и вымазавшись в соке, женщина достала из кармана джинсов носовой платок и вытерла руки и лицо наскоро.

Посидев еще какое-то время, Катя поняла, что стало темней. Солнце зашло за верхушки деревьев, подул довольно неприятный прохладный ветер. Катерина резко встала и поспешила к дому, который и был вроде совсем недалеко, но вот

луг с этой стороны уже не казался таким уж маленьким. Весь путь назад ее подгоняло какое-то непонятное легкое чувство беспокойства, что-то свербело внутри, отдаваясь в затылке, заставляя ускорить шаг. Закрыв за собой заднюю дверь, Катерина пошла было застирать носовой платок, но не смогла найти его. Вроде вот только был в руках, а не заметила, как обронила. Пойти бы поискать, пока совсем не стемнело, но почему-то выйти ещё раз из дома она не решилась.

Впрочем, очень скоро непонятная оторопь исчезла без следа. Она списала все на обилие эмоций за сегодняшний день и на общее нервное истощение. Ей здесь нравилось, поэтому выкинув все посторонние мысли из головы, она принялась раскладывать вещи и продукты, попутно готовя ужин.

В эту ночь Катерина спала, как у нее давно не получалось. Ее не мучили никакие мысли о разводе или бывшем муже, о работе или дальнейшей жизни. Здесь было так тихо, а в окно светили такие яркие звезды, что любуясь на них, она сама не заметила, как уснула, а проснулась уже от бьющих прямо в глаза солнечных лучей. Катя улыбнулась тому, что забыла задвинуть шторы и встала, чтобы поприветствовать новый день.

Первый день ее новой жизни.

***

Перед поездкой основным страхом Кати было возможное чувство одиночества, оторванность от привычной жизни, малый спектр доступных развлечений и занятий. Но спустя три дня женщина окончательно поняла, как же нравится ей такая спокойная жизнь. Она начала читать привезенную с собой книгу, до которой в той прошлой ее жизни никак не доходили руки. Приемы пищи стали длинными и медленными, а сама еда очень упростилась. Оказывается, человеку не так уж много надо — картошка, молоко, несколько видов круп и каш, сухофрукты для домашнего компота. Из лакомств Катерина не смогла отказать себе лишь в кофе и шоколаде. Но как же ей нравилось баловать себя ими ранним утром или поздним вечером, сидя на веранде и прислушиваясь к стрекоту насекомых и разнообразным голосам птиц.

До самого Телецкого озера Катя пока не добралась, да и не планировала такой дальней вылазки, хотя Михаил настоятельно рекомендовал посетить самые популярные туристические места. Но, оказалось, пляж можно организовать

и на заднем дворе или на том месте, которое сама выберешь в качестве такового. Каждый день раза по два или три Катерина выбиралась из дома с плотным покрывалом, бутылкой воды и книгой. Расстилала импровизированное пляжное полотенце прямо на примятую траву и загорала, сколько хотелось, не боясь посторонних взглядов.

В первый день Катя показывала себя солнцу в купальнике, во второй перешла к загару топлесс, а на третий и вовсе устроила нудистский пляж. И дело тут было вовсе не в желании обзавестись ровным темным цветом кожи, просто с каждым днем она все больше вживалась в свободу этого места. В его независимость от всего — чужих взглядов, других мнений, бесконечных сравнений и оценок. Ей было здорово просто быть собой, поэтому утро четвертого дня она встретила на веранде в халате на голое тело. Вся косметика была забыта еще в день приезда и так и лежала где-то на дне дорожной сумки. Иногда не к месту вспоминалось, как бывший муж пенял ей на неидеальный живот и небольшие белые растяжки на бедрах, на ее недостаточно сексуальный стиль в одежде и нелюбовь к каблукам. Как же она старалась нравиться ему все эти годы. Это

было похоже на постоянную гонку за горизонтом — макияж, укладка, чулки, вызывающее белье, домашняя одежда не для удобства, а для красоты. А теперь и мужа больше нет, и вроде бы даже и чувства сожаления по этому поводу не осталось. Его почти полностью вытеснило это ощущение самости, принятие себя и этой жизни, пусть и несправедливой, но все еще прекрасной и интересной.

Моментами к Кате возвращалось то чувство непонятной неуютности, которое посетило ее на брусничной поляне. В такие моменты ей казалось, что солнце становится тусклее, поднимается или, напротив, резко затихает ветер, замолкают птицы и животные. Порой ей чудилась какая-то тень у кромки леса. С каждым днем она все чаще ловила себя на таких ощущениях, но продолжала успокаивать себя тем, что хоть она и приехала в чудесное место, но какие-то психологические последствия у ее переживаний должны быть. Поэтому пусть лучше они проявляются так, а не подавляются.

Еще через три дня Катерина поняла, что ее продуктовые запасы истощаются и ей нужно выбраться в Артыбаш. День был солнечный, настроение прекрасное. «Может, и до озера до-

еду», — подумала Катя, покидая гараж. Затылок в очередной раз кольнуло чувством тревоги, но женщина просто отмахнулась от него и вырулила на дорогу.

В местном магазинчике было многолюдно и, судя по заливистому смеху продавщицы, кокетничающей с покупателями, удивляло это только Катю. Дождавшись своей очереди, она выбрала и купила нужные ей продукты, расплатилась и направилась обратно к машине. На крыльце ее окликнул незнакомый мужчина.

— Вы же Катерина, правильно? — Катя недоуменно уставилась на него, и он продолжил. — Здравствуйте, меня зовут Валентин Михайлович. Очень приятно познакомиться.

Мужчина смотрел на нее так уверенно, будто она непременно должна была его узнать. Катя напрягла все свои мыслительные способности и вдруг поняла, что перед ней сын Михаила. Тот во время поездки обмолвился, что его сын туристов с экскурсиями водит по местным достопримечательностям.

— Здравствуйте, — вежливо улыбнулась Катя.

— Можно просто Валя, — в ответ расплылся мужчина.

Выглядел он вполне под стать своей профессии

— высокий, подтянутый, загорелый, в спортивной одежде и в обуви, которой и непроходимые горные тропы не помеха.

— Я сам вас хотел встретить, но мне неожиданно группу коллеги передали. Не получилось.

— Все в порядке, — Катя не совсем понимала, чего он от нее хочет, и улыбалась на автомате. — Мне очень понравилась поездка с вашим папой.

— Давайте помогу сумки донести, — Валентин взял два увесистых пакета у Катерины из рук и пошел в сторону машины. Видимо, он тоже прекрасно был знаком и с домом, и с автомобилем свекров Милы.

— Спасибо, — Катя медленно пошла за ним, все еще не совсем понимая, что делать с этим внезапным знакомством.

За то время, что Катерина провела в магазине, на обочине рядом с ее временным автомобилем организовался стихийный минирынок. Шустрые местные бабушки разложили свои товары прямо на земле — картошка, ягоды, зелень, травы, молоко и домашние сыры, разнообразные поделки. Чего тут только не было — глаза разбегались. Продавцы наперебой расхваливали свое и зазывали покупателей. Туристы охотно интересовались товаром, торговались и радовались покупкам.

Катю заинтересовала маленькая сухонькая бабушка, которая торговала пучками сухой травы и монотонно повторяла «лечебные травы, новый урожай, успокоительное, тонизирующее».

— Здравствуйте, — поздоровалась с ней Катя. — Мне бы что-нибудь от нервов. Только что-то простое, я совсем ничего в травах не понимаю.

— А что беспокоит-то? — старушка внимательно уставилась на покупательницу.

— Чувство тревоги, в основном.

— Если совесть не чистая, травяной чай не поможет, — авторитетно заявила бабулька.

— Все в порядке с моей совестью, — опешила Катерина и рассмеялась. — Развелась я недавно, вот отдохнуть-успокоиться приехала.

Катя и сама не поняла, зачем рассказала это незнакомой женщине. Но откровенность неожиданно сработала в правильном направлении, продавщица перестала сверлить Катерину внимательным взглядом и полезла ковыряться в своем мешке с сухими пучками.

— Вот тебе сбор успокаивающий и общеукрепляющий. Шикша, пион и жимолость. Завари все литром кипятка, минут через 40 можно пить.

— Спасибо большое, — поблагодарила Катя и поспешила расплатиться.

Валентин ждал у машины, они вместе сложили покупки на заднее сидение. Катя думала, как вежливо попрощаться, но мужчина вдруг предложил довезти ее до озера, показать местные красоты, обещал настоящий туристический обед прямо на берегу. И Катерина вдруг согласилась. Никакого курортного романчика она не планировала, но надеялась, что знакомый ее подруги это быстро поймет и отстанет сам. А пока почему бы не погулять вместе.

Прогулка затянулась до позднего вечера. Они и пообедали и поужинали на берегу. Уха из свежевыловленной рыбы, дикая утка, запеченная на открытом огне, овощная нарезка из местных овощей. Аппетит у Катерины проснулся волчий, свежий воздух, потрясающие виды и отличное настроение только способствовали этому. Когда подъехали к дому, Катя вдруг поняла, что действительно прекрасно провела время. Валя хоть и вел себя как первый парень на деревне, но оказался милым и веселым собеседником и абсолютно точно отличным гидом. Он рассказал Катерине за несколько часов столько, сколько она не узнала из интернета за неделю подготовки к поездке.

Валентин, загнав машину в гараж и закрыв

замки, передал ключи Катерине.

— Я послезавтра иду в горы, заканчивать новый маршрут. Он совсем не сложный, для групп с детьми. Не хочешь со мной погулять.

— С удовольствием, — вполне искренне улыбнулась женщина. Ей вдруг подумалось, что нет ничего плохого в том, чтобы разбавлять уединение общением с вполне приятным мужчиной.

Они тепло попрощались, договорившись о деталях следующей встречи. Оставшись одна, Катерина разложила покупки и заварила купленный травяной сбор. По дому поплыл теплый уютный запах, который, казалось, успокаивал уже сам по себе. Было поздно, поэтому оставив напиток остывать до утра, Катя отправилась в душ, а затем легла спать.

***

Уснула она очень быстро, так вымоталась за день, но вот спокойной эту ночь нельзя было назвать. Катерина часто просыпалась, ей чудилось, будто доски веранды скрипят под чьими-то тяжелыми шагами, слышались какие-то не то вздохи, не то хрипы. Она ворочалась, силясь побыстрее уснуть снова. Уже под утро ее разбудил звук похожий на звериный рык. Резкий и довольно

громкий он заставил ее подняться с постели и выглянуть в окно. В предрассветном мареве она, конечно, ничего не увидела. Но где-то в туманной дымке, что стелился у самой земли, мелькнула уже знакомая ей тень. Катя вспомнила, что спрашивала у Михаила о диких животных, и он успокоил ее. Привычное уже чувство острой тревоги стало медленно отступать, растворяясь вслед за туманом в первых лучах солнца.

Катерина встала и первым делом пошла на кухню за своим лекарством от нервов, которое сама себе и назначила при помощи придорожной торговки. Выпив полстакана настоя, почувствовала себя лучше, но, скорее, это было лишь самоуспокоением. Завтрак также не сильно помог взбодриться. Поэтому, как только окончательно расцвело, и воздух прогрелся, женщина, прихватив чашку дымящегося кофе и шоколадку, вышла на веранду.

На солнце быстро стало невыносимо жарко, Катя сбросила халат с плеч, подставляя всю себя лучам, пытаясь согреться, вытравить все муторное беспокойство прошедшей ночи. Так она и сидела, прихлебывая из кружки и заедая сладким, пока ее взгляд случайно не упал на дальний угол веранды. Там, чуть белея на солнце, лежал

какой-то грязный буро-серый клочок не то ткани, не то бумаги. Катерина, заинтересованная вещью, которую не видела здесь вчера утром, встала и, сделав несколько шагов, присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть находку. В первый момент она не поверила своим глазам, это оказался ее потерянный платок. Как он мог оказаться здесь, она понятия не имела, прошло ведь уже несколько дней, и его здесь точно не было раньше. Катерина рассматривала вновь обретенный кусок ткани со всех сторон и даже попыталась заглянуть под доски веранды. С боков все было заколочено, так что вариант, что платок сначала завалился туда, а потом как-то оказался наверху ничем не подтверждался. Логическая цепочка в голове женщины оборвалась, едва она заметила длинные глубокие полосы на крашеном дереве. Урон был настолько значительный, что щепки торчали в разные стороны от борозд и даже виднелись в редкой траве рядом. Катерина тут же вспомнила прошедшую ночь и мысли о рычании какого-то животного, которые с наступлением утра она отогнала от себя.

Катя попыталась успокоиться. Как всякий разумный человек, она была абсолютно уверена, что при наличии реальной опасности ее бы пре-

дупредили. Если не подруга, которая может и была здесь всего пару раз, то местные уж наверняка. Выпив ещё полстакана успокаивающей настойки, она вытащила покрывало и устроилась с книжкой на мягкой траве. Правда перед этим предпочла надеть майку и шорты. Все же человек, который тревожится, в одежде чувствует себя значительно комфортнее.

Пытаясь сосредоточиться на содержании истории, которая ещё вчера казалась ей очень интересной, Катя все чаще ловила себя на мыслях о том, насколько это правильно оставаться здесь и дальше. Совсем одной в доме, вокруг которого ночью ходит дикий зверь. Она сначала совсем перестала читать, потом положила голову на руки и сама не заметила, как уснула.

Проспав пару часов, Катерина отлежала себе все, что только можно, и, кажется, слегка сгорела на солнце, но зато проснулась с ясной головой и в хорошем настроении. Размяла ноющие мышцы, смазала плечи и голени кремом, пообедала, налила настойку в стакан и опять отправилась на веранду. Надо было все-таки забрать платок и сфотографировать следы когтей. Решила показать их Валентину, он-то точно должен узнать этого зверя, ну или знает, у кого спросить. Выходя

из дверей со стаканом в одной руке и телефоном в другой, Катя неожиданно запнулась, не удержала равновесие и уронила свой напиток. Стакан уцелел, а вот содержимое растеклось огромным пятном, просачиваясь между досок и капая на землю. Катерина выругалась, подняла стакан, вернулась за тряпкой, но вытереть, конечно, ничего не смогла. «Само высохнет», — решила она и ушла в дом, забыв о своем первоначальном плане.

Вспомнила вновь о злополучном платке ближе к вечеру. Наконец постирала его, хотя спустя столько времени это и было бесполезной тратой времени. Желание запечатлеть следы когтей куда-то испарилось, не хотелось выставить себя перед Валентином пугливой городской дурочкой. Может эти отметины здесь с незапамятных времен, и этот единичный случай все село знает.

В попытке отвлечься женщина устроилась с книжкой на веранде. Заходящее солнце ласкало распущенные волосы, обещая, что к концу отпуска те станут каштановыми. Намаявшись с ночи, Катя снова почувствовала спокойствие и умиротворенность. Закинула ноги на второй стул и с радостью расслабилась, наслаждаясь. Мысли лениво крутились в голове, унося в прошлое.

Одна за одной проносились картины их отдыха с Иваном: Турция, Кипр, Египет, Греция. Если разобраться, это ее первый отпуск в одиночестве. Постепенно от прошлого размышления унеслись в будущее — теперь она не только отдыхать будет одна, но и все остальное. Слезы навернулись сами собой, Катерина всхлипнула, жалея себя и свою незавидную женскую долю. Наверное, это был подходящий момент, чтобы еще раз выплакать, что пока не отболело. Внезапно Катя вновь почувствовала то самое, что будто преследовало ее здесь. Какое-то неотвязное внимание, как пристальный взгляд в спину. Женщина вернула на плечи лямки топика, выпрямилась на стуле и стала озираться по сторонам, ища источник этого непонятного раздражения. Она внимательно всматривалась в траву на лугу, в кусок дороги, который просматривался отсюда, в густой подлесок. В какой-то момент ей померещилась привычная уже тень. Катя решительно вытерла слезы, не будет она трусихой и, наконец, посмотрит поближе, что это может быть. Тень ведь — это всего лишь тень. На самом деле это что-то, на что падает солнечный свет. Кругом столько деревьев, что диковинные очертания темных областей вполне возможны. Немного путанно женщина

пыталась убедить себя в правильности короткого марш-броска в сторону леса. Пугающий ее силуэт она всегда видела примерно в одном и том же месте — там, где росла брусника. Может, камень какой, или плотный кустарник.

Катя быстро дошла до намеченного места. Здесь вроде ничего не изменилось — те же низкие молодые деревья, та же стена из мощных кедров сразу за ними, внушительные валуны, редкая трава и ковер из ягод. Рот сразу наполнился слюной. «И почему я каждый день не прихожу сюда лакомиться брусникой?» — подумала она. И в тот же момент получила ответ острым уколом чужого взгляда между лопаток. Катерина отмахивалась от этого чувства с момента приезда, но почему-то с самого первого дня на Алтае именно эта ягодная поляна стала центром ее беспокойства. Именно здесь она впервые почувствовала ту безотчетную тревогу, которую позже списала на откат из-за разрушенной личной жизни. Иногда здорово наконец-то разобраться в себе, но лучше, если это произойдет за плотно закрытыми дверями и под одеялом, а не в двух метрах от непролазного таежного леса, где в радиусе 50 км нет людей.

Чувство тревоги вгрызлось в виски, между лопаток уже буквально свербело, а оборачиваться

было очень страшно. Паника накатила вмиг и отступать не спешила. Все же развод и здоровая нервная система — мало совместимые вещи. Катерина пересилила себя, опустилась на корточки, якобы за ягодами и аккуратно двигаясь в такой позе, стала постепенно разворачиваться. Она и сама не могла понять, что именно ищет, ругала себя последними словами за чрезмерно буйную фантазию и за то, что следовало перед поездкой обратиться к специалисту, а не испытывать свои нервы затворничеством.

В конце концов, Катя оказалась лицом к своим страхам. Через секунду она облегченно выдохнула. Сразу за подлеском начинался крутой скальный склон — камни, камни, камни и немного травы. Не было слышно птиц, ветер стих, солнце ушло за деревья. И вдруг среди относительной тишины женщина услышала негромкий звук, очень похожий на зевок. Как будто кто-то вдохнул, открывая рот, а потом закрыл его, смачно щелкнув зубами. И тут Катерина поняла, что если ей в спину кто-то и смотрел, то он должен бы находиться выше, так как она сама в тот момент стояла. Мышцы ее свело, дыхание стало медленным и рваным, теперь женщина отчетливо слышала звуки присутствия здесь кого-то еще.

Очень похоже, будто кошка вылизывается. Та кошка, которая только что зевнула. Катя немалым усилием воли заставила себя поднять голову на странные звуки. В следующую минуту глаза ее округлились не то от удивления, не то от ужаса. И ведь подозревала, что рядом бродит какая-то зверюга, но вот увидеть вольготно расположившуюся между камнями рысь никак не ожидала. Животное тем временем с большим интересом смотрело на Катю в ответ. И продолжало вылизывать лапу.

Зверь был большой, явно взрослая особь. Песочно-пестрая шерсть, мощные лапы, толстый короткий хвост и те самые уши с кисточками, по которым точный вид этой кошки определил бы и ребенок. Катерина шумно выдохнула, ладони противно намокли, а ноги уже затекли от сидения на корточках. Рысь в очередной раз отвлеклась от очищения собственных когтей и с интересом посмотрела на женщину.

— А у меня дома куриное филе есть. Будешь? — зачем-то спросила Катя.

Животное неопределенно заурчало, вызвав вполне логичную реакцию в виде шевелящихся на затылке волос. Катя медленно поднялась и попыталась размять мышцы, лишь слегка двигая

ногами. Кошак никак не выдал своего интереса к происходящему, лишь перешел от передних лап к задним. «Мальчик», — подумала женщина, пронаблюдав смену позы животного.

— Ну ладно, я тогда пойду. Ты заходи, если что, — продолжила Катерина нести бред, медленно отступая вперед спиной.

Рысь снова рыкнула, не отрываясь от своего занятия. Катя тем временем добралась до кромки леса и ступила на луг. Вокруг сразу стало светло и ветрено, вернулись звуки, а следом и здоровые человеческие инстинкты. С точки зрения зоологии женщина сделала не самый умный поступок, но это было единственное, что пришло в голову. Она развернула и бросилась бежать изо всех сил. Как ей удалось ни разу не упасть в высокой густой траве, Катерина и сама не понимала. Она бежала, не оборачиваясь, глядя только на заднюю дверь своего временного дома. В голове проносились мысли о том, что она хотела бы умереть быстро в когтях хищника и быть съеденной, а не просто послужить временной забавой сытого животного.

К тому моменту как веранда замаячила впереди вполне достижимой целью, а звуков преследования так и не было слышно, Катя уже выдохлась

полностью и бежала дальше на чистом энтузиазме и внезапно откуда-то взявшемся бешеном желании жить. Заскочив на крепкие доски заднего крыльца, Катя снесла один и стульев, влетела в спальню, захлопнув за собой дверь. Навалившись на эту спасительную преграду, она пыталась безуспешно отдышаться, но ничего не выходило. Снова запаниковала, вспоминая все ли окна и остальные двери в доме закрыты. А выдержит ли стекло натиск хищника? Уйдет ли животное само или надо вызвать специалистов? Катерина опустилась на пол, продолжая подпирать собой дверь. Ей казалось, если отойдет, то рысь войдет сюда вслед за ней, и она ничего не сможет с этим сделать.

Постепенно женщина взяла себя в руки. Сплела в замок пальцы, в попытке перестать дрожать, стала дышать глубоко и медленно, считая удары сердца. Страх отступал, оставляя за собой недоумение и желание уехать отсюда немедленно как можно дальше. Катерина заставила себя встать, проверила замок на задней двери и все задвижки на окнах. Потом обошла каждую комнату в поисках незапертого. Все в доме было закрыто, ничего не свидетельствовало хотя бы о малейшей возможности проникновения внутрь кого

бы то ни было. Катя умылась холодной водой, а потом и вовсе целиком залезла в душ, смывая пот, грязь, прилипшую траву. К концу мытья женщина окончательно убедила себя в том, что все закончилось и все хорошо. Она знает, что делать — нужно позвонить Михаилу. А дальше видно будет.

***

Однако планам Катерины не суждено было сбыться. После душа она прилегла на кровать и уснула. Не удивительно, день выдался непростой. А на утро женщина и сама уже не могла точно сказать, было ли вчера это все или во сне привиделось. Наверное, это тревожный сигнал — сомневаться в реальности произошедшего, но Катя упрямо отбросила свои страхи. Сказал же Михаил, что нет здесь никаких зверей. Да и тем более сегодняшний день она планировала провести с Валентином, а не в доме.

Мужчина вскоре и сам позвонил, а потом и приехал. Они были вместе весь день. Катерина опять услышала очень много рассказов из местного фольклора, туристических баек и просто разнообразных шуток. В конце концов, не удержалась и спросила, водятся ли здесь рыси.

— Да, рыси на Алтае есть, — ответил Валя. — Но я никогда не слышал, что их кто-то лично видел. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, — растерялась женщина. — Что-то пришло в голову.

Расставшись с новым знакомым, Катя перекусила на кухне на скорую руку. После вчерашнего поздний ужин на веранде не казался ей хорошей идеей. Перед сном она какое-то время пыталась рассмотреть хоть что-то в кромешной темноте за окном. Кругом было тихо, и как женщина не напрягала слух, не услышала ничего кроме стрекота ночных насекомых. Немного приободрившись, Катерина смогла уснуть, не забыв выпить на ночь свой ставший уже привычным успокоительный напиток.

Травки действительно помогали. По крайней мере, проблемы со сном, которые возникли сразу после переезда в новую квартиру, отступили. Теперь даже имея весомые поводы для бессонницы, Катя засыпала быстро и могла спать всю ночь, не просыпаясь. Сегодня, правда, как и ночью раньше, женщина была разбужена непонятными звуками. Открыв глаза, она лежала какое-то время без движения, надеясь, что это всего лишь окончание сна, которое вот-вот улетучится. Но

время шло, а непонятная возня прямо за стеной не прекращалась. Катерина усиленно прислушивалась — на веранде точно кто-то был. На человеческие шаги не похоже, но хорошо это или плохо, она никак не могла определиться. Логика подсказывала, что, скорее всего, это опять та же рысь, но вот что делать с этими выводами посреди ночи?

Полежав ещё какое-то время и набравшись храбрости, Катя села на кровати и отодвинула занавеску. В свете тусклого фонаря, висевшего рядом с дверью, который она исправно включала каждый вечер перед тем, как лечь спать, женщина увидела, что и ожидала. Огромная кошка каталась по доскам, легко отталкиваясь от двери и стен. Благодаря густой шерсти довольно резкие движения сопровождались всего лишь неясным шорохом, который Катя сразу и не разобрала. Это так сильно напоминало знакомые всем кувырки и перекаты обычных домашних любимцев, что Катерина фыркнула со смехом, не удержавшись. Рысь будто услышала Катин смех, быстро села и уставилась аккурат в окно, из которого подглядывала женщина. Катерина, испугавшись, отпрянула от стекла, но через секунду снова выглянула, не в силах совладать с любопытством.

Какое-то время женщина и рысь внимательно разглядывали друг друга. Катя вдруг подумала, насколько же красив этот зверь в своей дикой мощи и первозданной идеальности.

— Какой же ты красавец, — прошептала она, приложив ладонь к стеклу.

На удивление животное будто услышало — тихо рыкнув, встало и прошлось по веранде, демонстрируя себя всего. Катя хихикнула в ладошку.

— Я завтра вечером тебе здесь курочки оставлю, голодный, наверное, — посочувствовала женщина зверю.

Тот в ответ лишь недовольно заурчал, обстоятельно обнюхал доски под собой и, спрыгнув с крыльца, скрылся в темноте.

После странного ночного инцидента Катерина на удивление быстро и крепко уснула, а утром, лишь выглянув предварительно в окно, без страха вышла на веранду. Правда тут же замерла — на том месте, где ночью катался рысь, ясно были видны контуры темного пятна. Женщина тут же вспомнила, как разлила свой напиток прямо здесь. Неужели животное пришло на запах травы. «Интересно, а я тоже уже так пахну?» — подумала Катя и с сомнением посмотрела на стакан в руке.

Впрочем, от очередной дозы успокоительного все же не отказалась.

Весь день она провела на веранде, искала в интернете информацию о повадках рысей, их взаимоотношениях с растениями и людьми. Ничего особенно интересного не нашла, кроме того, что, как и домашние кошки, эти крупные кошачьи могут испытывать необъяснимое влечение к некоторым представителям флоры. Катерина попыталась вспомнить, какие именно травы перечислила старушка, протягивая ей пучки, но безуспешно.

Перед сном женщина, мысленно посмеиваясь над самой собой, все же оставила на веранде размороженную куриную грудку. Долго крутилась в постели, раздумывая, хватит ли такой огромной кошке, такого небольшого кусочка мяса. В итоге, уже затемно, ругая себя за глупость и опасаясь быть сожраной, вытащила из морозилки всю упаковку и, с трудом отковыряв мясо от подложки, отнесла на крыльцо.

Ночь на удивление прошла спокойно и, устраиваясь за столом с утренней чашкой кофе, Катерина решила, что она, наверное, переоценила интерес рыси к ней самой и к ее домику. Сомнения, правда, быстро отступили — на том, месте,

где в прошлый раз она обнаружила платок, снова лежало что-то непонятное. Катя, быстро оглядевшись по сторонам, пересекла веранду и присела над очередной находкой. Через мгновение женщина прикрыла рот от внезапно подступившей тошноты. Она плохо разбиралась в живности, но это очевидно был заяц. Спина его лежала на досках веранды, а голова и задние ноги свешивались до самой земли. Под тушкой натекла приличная лужа крови из вскрытого брюха. Рядом с кровавой лужицей лежали ошметки куриного филе. Судя по остаткам, ночного гостя угощение заинтересовало не сильно. Попробовал, но не доел.

Какое-то время женщина просто продолжила сидеть на корточках и пытаться осмыслить произошедшее. Рысь, что, принесла ей зайца? Это спасибо за курицу? Обмен? Подарок? Мысли Катерины с каждой секундой все удалялись от любого адекватного объяснения этой растерзанной тушки. Наконец, усилием воли она прекратила эти никчемные гадания и решила, что хватит — все зашло слишком далеко, чтобы продолжать оставлять это в себе. В этот момент зазвонил телефон, оставленный ею на столе. Катя радостно подняла трубку и после взаимных приветствий поинтересовалась у Валентина, не знает ли он

как приготовить зайца. Тот слегка опешил, но сказал, что скоро приедет, и действительно приехал через час.

Гид долго рассматривал зайца под разными углами. И даже понюхал. В итоге вынес вердикт — тушка свежая, есть можно. А по поводу ее появления здесь сказал только, что у местных охотников своеобразное чувство юмора.

— Ну вы же понимаете, Катюша, приезд молодой, красивой и одинокой девушки в наших местах скрыть практически невозможно. Ждите шутника в гости, он ещё вас спасать будет от дикого зверя, которого изобразил, распоров зайцу брюхо.

Катерина рассмеялась за компанию, хотя в тот момент приход рыси был для нее предпочтительней, чем мужчины, который запугивает перед своим появлением.

Валентин действительно оказался мужчиной, с которым в тайге не пропадешь. Уйдя за угол, он разделал и освежевал зайца. Затем ополоснул в тазике, который Катерина поставила прямо на землю, и рядом на доске отделил мясо от костей и нарезал на некрупные аккуратные куски. У гида даже нож свой имелся довольно внушительных размеров. Потом развел небольшой костер меж-

ду двух крупных камней, а мясо замариновал в сметане и травах. Единственное, что нашлось подходящего на кухне.

Весь процесс сопровождался рассказами о том, что он делает и почему. Катя узнала, как понять по туше и внутренностям, что мясо все еще не испортилось; как развести безопасный костер рядом с лесом; сколько нужно держать куски в маринаде, чтобы потом не сильно беспокоиться, пропеклись ли они. Все это было безумно интересно, потому что ранее женщина никогда не задумывалась о таких вещах. Да и сам мужчина все больше начинал ей нравиться. Ее бывший муж был классическим программистом — ноутбук, кофе, кожаный стул на колесиках. В тайге он не имел бы ни шанса против Валентина. А уж когда мясо оказалось над огнем и начало сумасшедше аппетитно пахнуть, Катя и вовсе решила, что ей очень повезло с новым знакомым. Тот в свою очередь подолгу заглядывал Катерине в глаза, улыбался во все тридцать два и не переставал сыпать байками и шутками, демонстрируя очевидный интерес к женщине.

Вскоре они пообедали на веранде. Заяц вышел потрясающим — сочным, мягким, пряным и сливочным. Мужчина предложил после сво-

зить Катерину в магазин, но она отказалась, еда ещё была, а сближаться с гостем и дальше желания пока не было. А вот его желания она уже ясно видела в блеске глаз и долгих, но будто случайных прикосновениях. Валентин спокойно отреагировал на отказ и уехал, пообещав вскоре позвонить.

Вечером Катя долго колебалась, но все же оставила несколько кусочков недоеденного зайца на веранде. Она не была уверена, что животное будет жареное мясо, но почему-то хотела еще раз попытаться накормить рысь. Потягивая вечернюю порцию настойки, женщина разглядывала появляющиеся звезды, вдыхала полной грудью прохладный горный воздух, наслаждалась шелестом ветра в ветвях гигантских хвойных. После тревог последних дней, она наконец-то снова обрела спокойствие, вроде все наладилось и даже отношения с приблудившимся зверем на лад идут.

Ночь снова внесла корректировки в Катин настрой. Умиротворение как ветром сдуло — ночь была беспокойной, рысь бродила вокруг дома, царапала стены, ломилась в дверь, громко рычала. Женщина периодически просыпалась, ворочалась, старалась не паниковать, ведь двери и окна

она теперь проверяла постоянно и была уверена, что животное не сможет забраться внутрь. Высидев по утру несколько часов дома и периодически выглядывая из всех окон, Катерина все же набралась храбрости выйти. Картина, представшая ее взгляду, была без преуменьшения пугающей. Вчерашнее угощение растащено и расшвыряно по всей веранде, даже на стенах остались липкие темные пятна. Глубокие царапины виднелись на стенах, двери, полу. Один из стульев был буквально уничтожен. Стол пострадал меньше, но одну из ножек явно грызли. Но все это были мелочи по сравнению с невообразимым запахом. У Кати в детстве была кошка, поэтому она без труда поняла, что кроме бардака рысь здесь ещё и туалет устроила. Причем странным было то, что погром локализовался на веранде, а вот помеченными были все четыре угла и оба крыльца.

Женщина устало опустилась на уцелевший стул. И что она теперь хозяевам скажет? Ваш горячо любимый дом в горах пострадал от нападения зверя, которому стряпня Валентина не понравилась? Бред! Ну ссать-то зачем было?! Кажется, попадись ей этот гадливый кот прямо сейчас, она бы его отчитала, оттаскала за шкирку и натыкала в его лужи. Но рыси не было, как Катерина не

вглядывалась в кромку леса, а делать что-то надо было. Притащив из дома ведро воды и тряпки, Катя принялась оттирать следы ночного животного буйства. Времени пришлось потратить прилично, но, по крайней мере, вонять перестало. Что делать с испорченной мебелью и следами когтей женщина понятия не имела. Обломки стула отнесла в контейнер и отправилась в душ.

Помывшись и пообедав наспех, Катя поняла, что снова чувствует внимательный взгляд на себе. Чувство тревоги тоже появилось, но какое-то притупленное. «Наверное, травы помогают», — решила женщина и снова пристально посмотрела в сторону леса. Рысь обнаружился почти сразу — кошка сидела там же, где они встретились в прошлый раз. На прогалине, окруженной зеленым, бежевая, пестрая шерсть была хорошо видна. Катерина застыла, сверля взглядом зверя, он отвечал ей тем же. Посидев так некоторое время и поняв, что ожидать раскаяния и извинений, как минимум не слишком адекватно, женщина демонстративно встала и, хлопнув дверью, скрылась в доме. Потом быстро собралась и отправилась в село, надеясь переделать все дела и немного отвлечься.

В магазине снова было многолюдно, а рядом с

ним опять стояли бабульки со своими разнообразными товарами. Катерина опять набрала два пакета еды, а после отыскала взглядом ту самую бабульку. Дождавшись пока покупателей рядом с ней станет поменьше, Катя подошла сама. Попросила успокаивающий сбор «как в прошлый раз брала». Торговка внимательно посмотрела на покупательницу и молча достала из пакета три пучка травы. Выглядели они точь-в-точь как предыдущие.

— Скажите, а животным может запах этих растений нравится? — осторожно поинтересовалась Катерина.

— Ну так да, — удивленно ответила бабулька. — Конечно, кошки вон как жимолость любят. Бесятся от нее. А у вас кошечка есть? Напугались? Не переживайте, все с животным нормально. Не давайте, может злой становиться от травы этой.

Катя бодро улыбнулась пожилой женщине и отправилась домой. Вот оно что — может рысь из-за запаха травы так злится? «Опять доски оттирать», — невесело подумала Катерина. Но хочешь-не хочешь, а попытаться надо было. Тем более что она так и не набралась решимости сообщить кому-то о звере. Правда уже не потому, что боялась кого-то насмешить своими страхами.

Ей казалось, что если в селе узнают, то непременно вызовут службу отлова или что-то подобное. И отпуск будет испорчен, и животное может пострадать.

Катерина усердно драила веранду, напевая себе под нос популярную песенку, и затылком чувствовала, что рысь снова где-то рядом. Решила не обращать внимания, пусть кошка не думает после сегодняшней ночи, что здесь ей рады и планируют еще угостить чем-нибудь вкусным. Женщина почти управилась, когда резко подул сильный холодный ветер и почти сразу начался ливень. Катя поспешила укрыться в доме, теперь ей бы хотелось узнать, где обосновалось животное, но это было уже невозможно из-за плотной стены дождя.

В надежде, что непогода скоро отступит, Катя поужинала, почитала, написала несколько писем, заварила травы. Ливень же все не утихал, а ветер, казалось, только усиливается, редкие раскаты грома участились и стали громче, молнии сверкали то тут, то там. В доме скрипели двери и звенели стекла, звук падающих на крышу капель становился все громче. Так и не дождавшись улучшения погоды, Катерина легла спать. Посреди ночи ее разбудил скрежет и грохот. Женщина

подскочила на постели, не понимая, что происходит. Дождь все также хлестал по стенам и крыше дома, а ветер завывал во всех щелях. Звук, разбудивший женщину, больше не повторился и через какое-то время она снова уснула. А утром, попытавшись выйти на веранду, Катя поняла, что же произошло ночью. Единственное дерево, которое росло около дома, видимо, сломалось от порывов ветра и, упав на веранду, заблокировало дверь. Как Катерина ее не дергала, смогла лишь чуть приоткрыть, чтобы собственно и рассмотреть ветки и листья.

Натянув халат на пижаму, Катя вышла через переднюю дверь и направилась к заднему крыльцу. На улице было холодно и влажно. Солнце уже встало и охотно согревало воздух своими лучами, но последствия непогоды все еще хорошо ощущались. Женщина зябко куталась в халат и медленно ступала по высокой мокрой траве. Ноги в тапочках и носках сразу же вымокли, а кожа покрылась противными мурашками. Достигнув цели, Катя остановилась как вкопанная. Дерево, которое еще десять минут назад блокировало ей выход, лежало на земле рядом с верандой, а задняя дверь была распахнута настежь. Холодок страха пробежал по позвоночнику, но она при-

помнила слова Валентина про охотников и их чувство юмора. Логично, что кто-то приехал посмотреть, как туристка пережила такой сильный ливень. На чем могли приехать эти самые охотники, если она только что видела пустую дорогу перед домом, Катя старалась не думать. Женщина медленно поднялась на веранду, вошла в дом. Внутри было тихо и сухо, все стояло на своих местах. И едва Катерина решила выдохнуть с облегчением, как из кухни послышались негромкие звуки. Будто кто-то хозяйничает: открывает и закрывает холодильник, включает плиту, ставит на нее чайник. Поняв, что незваный гость вовсе не скрывается, Катя немного расслабилась и поспешила все же узнать, кто это так вольготно чувствует себя в ее доме.

На пороге кухни женщина замерла. Со спины сложно было сказать, что у этого охотника с чувством юмора, но вот задница, бесспорно, у него потрясающая. Катерина так и стояла бы, наверное, с приоткрытым ртом, наблюдая как абсолютно обнаженный мужчина заваривает чай с ее, между прочим, травами, если бы он не повернул в ее сторону голову. Какое-то время они молча обменивались взглядами, а потом незнакомец хрипло произнес: «Полотенце есть?»

Только сейчас Катя заметила, что мужчина весь мокрый — от пепельно-серых волос до стоп, на которые налипли грязь и трава.

— Я сейчас принесу. Ванна там, — указала она ему направление и ушла в спальню.

Роясь в шкафу в поисках большого банного полотенца, женщина слышала тяжелую поступь незваного гостя. Он включил воду, потом душ. Катя замерла, пытаясь понять, как она вообще относится к этой ситуации — заявился без спросу, хозяйничает у нее на кухне голый, да ещё и командует, полотенце, мол, неси! Кстати, а как его нести, полотенце-то это? Катерина выглянула в коридор, дверь в ванную была приглашающе распахнута. Мужчина за шторкой продолжал водные процедуры. Катя прокралась на цыпочках к умывальнику и осторожно повесила полотенце на край. Потом пошла в кухню — перевести дух и приготовить что-нибудь к чаю. Все-таки мужчин положено кормить.

Спустя десять минут и четыре бутерброда с колбасой и сыром мужчина вышел из ванны. Катерина так увлеклась нарезкой, что не сразу поняла, что вода больше не шумит, а ее гость стоит на пороге кухни, привалившись к косяку. Женщина сдержанно улыбнулась, оценив готов-

ность незнакомца перейти на более адекватный уровень общения. Полотенце, к счастью, было на его бедрах, а не где-то еще.

— Вы же охотник? — спросила Катя скорее потому, что нужно было что-то сказать. Эта пауза со взаимными гляделками становилась не очень удобной.

— Определенно, — ухмыльнулся собеседник.

— А одежда где? — она не была уверенна, что действительно хочет это знать.

— Вымокла.

Ну, вполне логично. Охотники они же по нескольку дней могут в лесу жить, вот и промок, наверное, вчера, а сменки нет. Да и хозяев дома он точно знает, раз пришел сюда. И вроде совсем не кажется опасным. Какие только мысли не проносились в голове у женщины, лишь бы не дать оформиться тем, которые непременно привели бы к панике.

— А это вы зайца принесли? — задала она еще один странный вопрос.

— Я, — мужчина как-то резко погрустнел, и Катя поспешила исправить ситуацию.

— Есть хотите? Я бутерброды сделала.

Гость не только не отказался, но и продемонстрировал отменный аппетит. Катерина поймала

себя на мысли, что ей это очень нравится. Как давно она не готовила бывшему мужу? Не смотрела, как он ест? Пожалуй, из их брака это ушло слишком давно, чтобы продолжать сокрушаться о его распаде.

Запивая еду горячим чаем с травами, мужчина щурился от удовольствия при каждом глотке, будто в кружке был редкий деликатес, а не местные растения и немного самой обычной заварки. Катерина почему-то захотела снова привлечь его внимание и абсолютно неожиданно для себя спросила: «Если вы охотник, то знаете, наверное. Здесь рыси водятся?»

Собеседник очень странно на нее посмотрел, но ответил утвердительно.

— А как часто они могут выходить к человеческому жилью?

— Так часто, как вы сможете их заметить.

Логика ответа была железной, вот только яснее Катина ситуация от этого не становилась.

— Насколько опасной может быть встреча с рысью для меня?

— Самый лучший способ поладить с хищником, — ответил мужчина после некоторых раздумий. — Это не привлекать его внимание. Если животное знает, что вы живете здесь одна,

то не стоит вызывать его любопытство, приглашая гостей.

Катя кивнула с милой улыбкой, а про себя подумала: «Какой ценный совет. Жаль, что слегка запоздалый».

— То есть если я буду вести себя как раньше и не приглашать гостей, рысь мне ничего не сделает?

— Я абсолютно уверен, что рысь вам ничего не сделает в любом случае. Но может проявить интерес, от которого вы будете не в восторге.

Женщина слегка насторожилась не то от нравоучительного тона, не то от легких рычащих ноток в голосе, не то от странной уверенности по поводу поведения дикого зверя. Но опять лишь мило улыбнулась.

— Я не приглашаю сюда гостей.

В ответ на это мужчина как-то странно сузил глаза, по лицу его пробежала легкая тень.

— Мне пора, — сказал он, отставляя кружку. — Полотенце верну позже.

Странный незнакомец встал, сначала вышел из кухни, а после покинул дом через заднюю дверь. Катерина так растерялась от стремительности его действий, что даже не пошла за ним. Только запоздало поняла, что ни имени его не узнала, ни чувства юмора не заметила. А еще он даже «спа-

сибо» не сказал за еду и полотенце. Ну и нахал!

Весь день Катерина провела, раздумывая над этой странной встречей. Перебирала в голове без конца все его фразы, мимику. Воспоминания об обнаженном теле гостя и вовсе опаляли щеки краской, а сама ситуация вызывала легкий страх. И чем больше времени проходило с момента окончания этой встречи, тем более рассудочно могла размышлять Катя. Выводы, которые так и напрашивались сами собой, ее вовсе не радовали. Касались же они, прежде всего, не незнакомца и его странного появления, а после и исчезновения. Во всей этой ситуации, как и раньше, больше всего женщину страшила она сама и ее реакции и поведение. Почему она никому не рассказала про рысь напрямую, а абсолютно незнакомому голому мужику рассказала? Почему раньше ей казалось, что ее засмеют за вопросы и страх, а в его присутствии она и не вспомнила об этом? Почему внимания Валентина она старалась избегать, а с гостем сама всячески пыталась завязать беседу? Похоже, пришло время позвонить единственному человеку, кто хотя бы точно выслушает. А, может, и совет даст какой-нибудь.

Мила ответила почти сразу, не перебивая, выслушала сбивчивый рассказ. Катя быстро поняла,

что даже с подругой она не может спокойно об этом поговорить. Рассказала и об этом и о своих странных реакциях на незнакомца. Говорила долго, стараясь передать все оттенки и нюансы. Когда закончила и замолчала, Мила не поспешила среагировать.

— Ну, что думаешь, Мил? Я совсем того? — жалостливо поторопила подругу Катерина.

— Кать, а ты что-то принимаешь?

— Из таблеток ничего, — женщина помолчала, поняв, к чему ведет Мила. — Я пью успокаивающий чай с местными травами. Бабульки торгуют у магазина, вот я и купила. Мне, Мил, так тревожно временами было, когда я сюда приехала, и бессонница ещё в Москве началась. Подумала, ну ничего же плохого от травяного настоя не будет.

— Кать, ты не волнуйся, я же не говорю, что это что-то плохое. Просто ты рассказываешь такие вещи, это ведь совсем на тебя не похоже. Ты всегда такая уверенная в себе, общительная, приветливая. Ты, наверное, сама не понимаешь, какой сильный стресс испытываешь в связи с разводом. Я думаю, правильно, что ты пытаешь помочь себе успокоиться, но может рано ты начала жить, будто ничего не случилось? Я не призываю тебя убиваться по бывшему, но, возможно, не стоит

окружать себя мужчинами сейчас.

Катерина вдруг поняла, о чем именно волнуется ее подруга, и едва не рассмеялась.

— Мил, ты серьезно?! Ну какие мужчины?! Валя он сам стремится к общению, а если не стремится, то я не навязываюсь. А сегодняшний так и вообще. Непонятно кто такой и зачем приходил. Я же даже имени его не спросила, а вдруг он и не охотник вовсе?

— Катя, меня не голый неохотник сейчас смущает больше, а твое желание найти какие-то связи между поведением дикого животного и твоими реакциями на это. Есть рысь, которая шляется вокруг дома, о которой ты почему-то никому рассказывать не хочешь, есть два местных мужика. Но в твоем рассказе это все как-то очень странно переплетено. Я поэтому и спросила про лекарства.

— Что мне делать?

— Может, приедешь к родителям? Тут ты точно сможешь отдохнуть. Встретимся, поговорим, сходим к специалисту.

— Я не хочу, Мил. И к родителям не хочу, и к специалистам. У меня еще почти три недели отпуска и я хочу провести их здесь. Может, мне стоило начать с этого, но мне здесь очень нра-

вится. Правда.

— Ну тогда хотя бы с травой завязывай. И зверей лесных подкармливать тоже! И мужиков домой водить! Вот знаешь, последнее Лёшины родители бы точно не одобрили, — закончила Мила со смехом.

Подруги тепло попрощались. Мила не дала совет, который Катерина захотела бы услышать, но на душе у нее сразу стало легче. Так всегда бывает, когда выговоришься. Высказанные проблемы уже не кажутся такими страшными. Есть рысь, которая не нападает и не подходит днем близко. Если перестать разливать настойку и раскладывать еду на веранде, то, скорее всего, и ночью перестанет приходить. Есть двое мужчин: с Валей все просто, Катерина не испытывает к нему никакого женского интереса, и есть загадочный незнакомец. С последним было сложнее, но подумав хорошенько, женщина приняла решение, что по-хорошему его надо было просто прогнать и все. Именно так решила и поступить, если тот заявится еще раз.

Твердо решив последовать некоторым советам подруги, Катерина немного успокоилась. Вылила остатки настоя, убрала травы подальше. Сегодня ехать в аптеку за банальной валерьянкой бы-

ло уже поздно, но она обязательно сделает это завтра утром. Проверенное надежное средство, а не какие-то неизвестные ей травы. В унисон с Катиным настроение чудесно прошел остаток дня. Ночь тоже была спокойной, да и следующие дни все как один радовали умиротворением и одиночеством. Рысь не приходила, единственный Валин звонок она проигнорировала. Погода стояла солнечная и тихая, было жарко и душно. Катерина снова стала проводить дни, как первые после приезда — сон, еда, загар, книжка. Вот только действительно перешла на валерьянку.

Спокойная размеренная неделя осталась позади. Чувство тревоги ушло вместе с визитами рыси, сменившись недоумением по поводу этого события. Неужели, чтобы дикий зверь отвязался, и надо-то было всего лишь подруге позвонить. Загадочный незнакомец также не появлялся и даже Валентин, звонивший до этого раз в два-три дня, куда-то пропал. По поводу последнего Катя испытывала легкие угрызения совести, стоило перезвонить. Это ни к чему бы ее не обязало, но дало бы понять человеку, что она ценит его внимание.

***

Сегодняшнее утро началось с открытия. Бывает так, что собираясь в дорогу прямо чувствуешь, что что-то забыла, но что именно понять не можешь. Катя проснулась с ноющей болью внизу живота и с мыслью, что не очень хорошо подготовилась к тому, что и в тайге останется женщиной. Проверив все возможные карманы во всех сумках, она нашла тот необходимый минимум, чтобы добраться до аптеки. Наскоро позавтракав, Катерина отправилась в город. Настроение было паршивым, как и всегда в эти дни. Почему-то опять накатила тоска по детям, которым не суждено было родиться в их с Иваном браке.

Посетив аптеку и магазин, женщина сразу же поехала домой. Уже с утра было жарко и душно. Ветер последние несколько дней совсем пропал. Тайга буквально изнывала от летней суши, не давая облегчения разморенному человеку даже под вековыми кедрами. Катерина загнала машину в гараж и направилась в дом через заднюю дверь, так было ближе до кухни и ванной. Завернув за угол, женщина, испугавшись, остановилась. На веранде спиной к ней на единственном уцелевшем стуле сидел мужчина. Катино сердце

моментально затрепыхалось, потому что она сразу же узнала странного незнакомца. Пепельно-русые короткие волосы серебрились на солнце, светлая рубашка облегала мощные плечи и, судя по отставленной из-за стола ноге, брюки на нем тоже были, хвала небесам.

Катерина выдохнула в попытке унять сердцебиение и немедленно отогнав мысли о том, с чего бы это она так распереживалась. Невозмутимо поднялась на крыльцо и прошла к дверям, мужчина, явно слышавший появление хозяйки, даже не пошевелился. Катя обошла гостя и, развернувшись к нему, окинула долгим пристальным взглядом. В ногах у него стоял внушительный пакет, из которого торчали всевозможные инструменты. Это несколько сбило Катю с толку, но не достаточно, чтобы изобразить дружелюбие.

— Вижу, предупреждать о визитах вы по-прежнему считаете излишним, но спасибо, что хотя бы оделись.

Мужчина ответил ей прямым долгим взглядом, губы его изогнулись в веселой усмешке.

— Здравствуйте, Катя. Наше знакомство вышло не очень удачным. Я готов извиниться за то, что напугал вас.

Катерина слегка опешила от такого поворота. В

прошлую встречу этот мужчина не произвел впечатление человека, который станет признавать свои промахи и извиняться за них. И откуда он имя ее знает, она не представлялась уж точно.

— Так вы извиниться пришли? — промямлила женщина, растерявшись.

— Да, — снова улыбнулся гость и кивнул на мешок. — Слегка специфическим способом, но, думаю, вы не будете против.

— Это ведь инструменты? — мозг Катерины лихорадочно пытался придумать, зачем бы они ему понадобились.

— Да. В прошлый визит я заметил, что рысь изрядно попортила дом и мебель. Попытаюсь что-то сделать с этим.

— Да? — Катя не смогла сдержать радостной улыбки. Последние дни она постоянно думала, что делать с этими следами ночного буйства рыси. — Это было бы чудесно, но, пожалуй, слишком для извинений. Я не так уж сильно испугалась.

— Понимаю. Уверен, голых мужчин вы и раньше видели, — сказал он с абсолютно серьезным и непроницаемым лицом. — Но вы можете уравновесить ситуацию, предложив мне пообедать после окончания работ.

— А… С удовольствием. Я как раз готовить соби-

ралась. А как вас зовут? — Катерина наконец-то отважилась задать вопрос, который терзал ее с прошлой встречи.

— Кару, — мужчина опять широко улыбнулся, блеснув безупречными, белыми зубами.

— Зайдете? — Катя мотнула головой в сторону двери. — Только я понятия не имею, есть ли в доме что-то нужное для этих самых работ и где оно лежит.

— Ничего не нужно. Я все принес. Я, пожалуй, начну. В темноте сложно будет работать.

Мужчина встал и начал медленно стягивать расстегнутую рубашку с мощных плеч, попутно наблюдая за Катиной реакцией. Она же только фыркнула на это, быстро открыла дверь и прошмыгнула внутрь. Привалившись спиной к двери, попыталась унять бешено бьющееся сердце. Не вид же обнаженной груди этого Кару так смутил ее, в самом деле?

Немного придя в себя, женщина отправилась на кухню и занялась обедом. Запеченная курица с овощным гарниром всегда удавалась ей хорошо. Поэтому Катерина с энтузиазмом принялась за готовку. Сквозь приоткрытое окно ей были прекрасно слышны звуки ремонтных работ, она чувствовала запах, напоминающий раствори-

тель, но не хотела вникать в то, чем там занят ее новый знакомый. Спустя полтора часа еда была почти готова, и Катерина все же вышла на крыльцо. Все еще полуобнаженный Кару возился с поломанным стулом. И когда только притащил обратно?

— Вкусно пахнет, — сказал он, не поворачивая головы.

— Почти готово.

— У меня тоже.

Мужчина поставил на веранду вновь пригодную для сидения мебель и встал. Все же он был очень высоким и мощным. В прошлый раз Катя не обратила на это особого внимания. Кару весь взмок, хоть и находился в тени все это время. Проходя мимо Катерины в дом, он буквально сразил ее резким мужским запахом, в котором женщина моментально захотела раствориться. Она даже чуть прикрыла глаза от удовольствия и внезапно нахлынувших не слишком невинных желаний. Ее реакция не осталось незамеченной, но мужчина лишь усмехнулся в ответ и вскоре скрылся в ванной. Катерина обругала себя за подобное поведение и, надеясь, что румянец с щек уже сошел, вернулась на кухню накрывать на стол.

Они чудесно пообедали. Кару нахваливал Катины блюда, ел за обе щеки и вообще был гораздо словоохотливее, чем в прошлую встречу. Иногда правда замолкал и окидывал Катерину взглядом, от которого у женщины начинала кружиться голова. Она отгоняла от себя нелепые мысли по поводу истинных намерений ее гостя и старалась хотя бы не краснеть. Последнее получалось крайне плохо — щеки горели, несмотря на ее нежелание.

После еды они расположились на веранде. Снова пригодный стул оказался очень кстати. Кару со смехом спросил, где чудесный травяной чай.

— Я прекратила его заваривать.

— Почему?

— Мне кажется, он приманивает рысь.

Ну вот опять! И почему она все свои бредовые мысли выбалтывает исключительно этому красавчику?!

— Диким кошкам нравится запах жимолости — это правда. Но эту рысь манит сюда не поэтому, — сказал Кару, проникновенно смотря Катерине в глаза. Она тут же потерялась в их золотистой радужке и начала падать прямо в манящую темноту зрачков.

— А почему? — спросила она, предчувствуя, что

ответ ей может не прийтись по душе.

— Понятия не имею, — расхохотался мужчина заразительно, и как Катерина ни хотела рассердиться на его подтрунивание, ответила смехом.

Она ещё не отсмеялась, когда Кару встал и подошел к ней почти вплотную. Катя, улыбаясь, подняла голову и вопросительно поглядела на него.

— Можем пойти в дом… Или прям здесь в траве?

Катерина хотела бы сделать вид, что не поняла, или возмутиться столь наглой прямолинейности, но не смогла вымолвить и слова. Это было уж слишком для нее. И пусть последние несколько часов она только и делала, что мечтала о чем-то подобном, к такому резкому повороту оказалась не готова. Попыталась опустить голову, чтобы скрыть эмоции, но Кару удержал за подбородок. Он смотрел прямо в глаза, абсолютно не стесняясь. Ноздри его слегка подрагивали, будто мужчина принюхивался к какому-то запаху, почувствовать который мог только он один. Катерина вдруг ясно поняла, что именно заставило его сделать ей это крайне непристойное предложение, и в очередной раз залилась краской. Если он чувствует с их первой встречи, как сильно она

желает его, то, наверное, будет крайне странным поступком отказаться сейчас.

— Наверное, лучше в доме, — прошептала она едва слышно.

Кару, наконец, отпустил ее лицо, разрывая зрительный контакт, взял за руку и повел в спальню. Катерине было жутко неловко, но вожделение уже растекалось по ее венам сладкой истомой предчувствия. В голове вертелась сотня вопросов — как, зачем, почему — но все это моментально терялось в водовороте его прикосновений, запаха, нежных быстрых поцелуев.

Кару оказался неутомимым, хоть и бесхитростным любовником. Он не пытался произвести впечатление милой болтовней, которую большинство мужчин считают исключительно необходимой в такие моменты. На прелюдию он также не стал тратить время, но она оказалась и не нужна. Катерина жаждала физического единения здесь и сейчас без лишних слов и движений. Эмоции захлестывали ее, она отдавалась этому мужчине с готовностью и страстью, которых не было давно в ее жизни. А, может, и никогда.

Поздним утром Катерина проснулась вымотанная физически, но чрезвычайно довольная. На кухонном столе ее ждал букетик полевых цветов,

стакан ягод и свежие яйца. Катя не смогла определить на глаз, чьи именно были яйца, точно не куриные. Яичница из них получилась вполне вкусная, а уж как грели душу цветы. От Кару она никак подобного не ожидала, ведь они обошлись вообще без ухаживаний.

Весь день женщина провела в приятной истоме, нежась на полотенце под ярким солнцем. Уже позабытая легкость наполняла тело, а мыслями она витала в облаках, мечтая о следующей встрече с Кару. Думала, что приготовит для него. Вспоминала, привезла ли что-то завлекательное из одежды. Впрочем, все ее мысли незаметно скатывались к прошедшей ночи. Катя широко улыбалась и закрывала глаза.

Мужчина появился, когда уже совсем стемнело. Внезапно вынырнул из темноты и опустился на соседний стул. На сей раз на нем были лишь джинсы. Ни футболки, ни хотя бы обуви Катя не увидела. И пока она недоумевала по этому поводу, думая как облечь в слова свое удивление, Кару положил на стол кое-как ощипанную птичью тушку. Катерина так изумилась, что сразу же забыла про внешний вид гостя.

— Вот, подумал, что нужно что-нибудь принести к ужину.

— Очень романтично, — ответила Катя вежливо, пытаясь не рассмеяться. — Правда, я не умею готовить дичь.

— Я умею. И не хуже других. Только мне нож нужен. Через час будет готово.

— Я принесу.

Женщина пошла в дом, раздумывая на ходу, что для ужина, пожалуй, поздновато, но и спать она сегодня явно очень не скоро ляжет. Она снова радостно улыбнулась, предчувствуя страстную ночь. Когда Катя вернулась, костер уже весело потрескивал, бросая пугливые отсветы на доски веранды. Кару, сидя рядом, окончательно избавлял их будущий ужин от перьев, опаливая их над огнем.

— У тебя очень быстро получилось разжечь костер.

Кару на это лишь хвастливо задрал подбородок. Катерина расхохоталась и положила перед ним принесенную посуду.

В отличие от Валентина Кару не стал уходить с тушкой за угол, дабы поберечь нежную женскую психику. Он разделал птицу прямо здесь, пошагово объясняя, что и как нужно делать, чтобы получить вкусное и сочное мясо без посторонних привкусов. Катя и сама не ожидала, но ей понра-

вилось учиться у этого мужчины премудростям походной готовки. Было спокойно и уютно сидеть рядом, соприкасаясь плечами и бедрами, и наблюдать за процессом, который совсем не вызвал отторжения — готовит же она курицу, купленную в магазине.

Через час еда действительно была готова, вот только съесть больше пары кусочков Катерине не удалось. Кару, видимо посчитав, что с романтикой пора заканчивать, просто закинул ее на плечо и потащил в дом. Катя хохотала, болтала руками и ногами и шутливо просила ее отпустить. Мужчина поставил ее на пол уже около кровати, вытер пальцами мясной сок с ее губ и тут же облизал. Сначала пальцы, а затем и губы. Сердце Катерины пустилось вскачь, по ладоням побежали мурашки, требуя немедленно прикоснуться к объекту страсти. Он, впрочем, не торопился продолжать — чуть отстранился, заглянул в глаза.

— Правда хочешь, чтобы отпустил? — спросил он абсолютно серьезно, без всякого намека на шутку.

Почему-то Катя сразу поняла, что речь вовсе не о том, пойдет ли она ногами или он понесет ее.

— Нет, вовсе нет, — быстро и чуть испуганно

ответила она. — Не хочу.

Для пущей убедительности женщина замотала головой, но была остановлена. Кару взял ее лицо в ладони, снова внимательно посмотрел в глаза.

— Не говори мне о том, чего не хочешь на самом деле. В моем мире все просто — есть правда, есть ложь. Я не различаю полутонов и намеков. Скажешь уходить, я уйду.

Катерина вдруг так напугалась того, что Кару и правда может уйти, что привстала на цыпочки и быстро поцеловала его. Не останавливаясь на невинной ласке, она сразу же сорвалась в безумно-страстное путешествие по губам, рту, лицу и шее любовника. Мужчина только рвано вдохнул и замер, не мешая Катиной инициативе. Уже через минуту, впрочем, терпение покинуло его, и он, рыча и ругаясь на непослушные лоскуты ткани, начал стаскивать одежду с них обоих.

На утро Катя снова проснулась в одиночестве, а к сумеркам уже с нетерпением ждала Кару. И он опять пришел. И приходил каждый вечер, иногда поздно ночью. Его забавные ухаживания не претерпевали изменений — едва открыв глаза, женщина неслась на кухню, чтобы узреть очередные дары леса; а вечером, только завидев любовника, бросалась к нему и просила показать,

что он принес на этот раз. Кару смеялся и говорил, что она как ребенок. Катя тоже смеялась, ведь это было правдой — она чувствовала себя ребенком. Маленьким, счастливым ребенком.

***

Так прошла неделя. Этим утром Катерина очень не хотела вставать, утихомирить страсть Кару удалось уже под утро. Женщину разбудило настойчивое треньканье собственного телефона, который она последний раз брала в руки несколько дней назад. С трудом найдя мобильный, Катя ответила на вызов, просто мечтая, чтобы аппарат наконец перестал тренькать.

— Да, — сонно прошептала она, присаживаясь на ближайший стул и зевая.

— Алё, Катюх! Ты куда потерялась?! Не звонишь, на звонки не отвечаешь. Валентина набрала, он говорит, что давно бросил попытки с тобой связаться. Кать, ты как там вообще? В порядке? — протараторила подруга.

— Мил, да я отлично. А Валя, да, не общались давно, — Катерина замолчала, не зная, стоит ли ещё что-то рассказать.

— Отлично? А про самолет ты помнишь?

— Какой самолет?

— Тот, который у тебя через несколько дней. На Москву.

Катя замолчала. Она ведь и правда совсем забыла, что отпуск ее заканчивается и нужно лететь домой. Мила абсолютно верно истолковала молчание подруги.

— Катя, давай я сейчас Михаилу или Валентину позвоню. Ты вещи пока собирай. Поживешь у них пару дней. Они тебя в самолет точно посадят.

— Мил, стой, — запротестовала Катерина. — Не надо никому звонить! Я сама. Когда пора будет ехать в аэропорт. Ты не волнуйся так, со мной, правда, все в порядке. Просто так хорошо отдыхаю, что совсем забыла. Но я бы точно вспомнила, у меня напоминалка на телефоне стоит.

Кое-как успокоив подругу, Катя нажала отбой и попыталась успокоить уже себя. Посмотрела на календарь, на дату в обратном билете. Да, все верно — осталось несколько дней. Несколько дней из ее месячного отпуска на Алтае. Пора возвращаться в Москву, потом на работу, а потом к нормальной обычной жизни. Без страстного любовника Кару, его странных повадок и подарков, тайги с ее дарами, яркого солнца в высоком небе, вековых кедров и лиственниц и без ощущения того самого детского счастья, над которым любит

подтрунивать ее рысь.

Весь день Катерина не могла найти себе места и мечтала только о том, чтобы Кару поскорее пришел. Будто он имел власть над календарем и неумолимо приближающейся датой отъезда. И мужчина, конечно, пришел. Едва сумерки упали на лес и луг, Катя увидела его высокую статную фигуру у кромки леса. Как и в последние дни, он был полностью обнажен. Наверное, поэтому, а может еще потому, что боялась расплакаться, Катя набросилась на него сразу, как только добежала с веранды. Они со смехом повалились в высокую, ещё теплую от дневного солнца траву. Кару быстро расправился с Катиной одеждой, целуя и покусывая любовницу — лицо, шея, плечи, грудь — всюду, куда мог дотянуться. Женщина тихо постанывала, изнывая от желания соединиться с возлюбленным, нетерпеливо терлась об него. Он только чуть слышно посмеивался, но и сам старался быстрее добраться до самых сокровенных мест на ее теле.

После они вернулись в дом, наспех перекусили и продолжили в ванной и спальне. Хоть и утомленная, Катерина никак не могла уснуть. Мысли об отъезде никуда не делись, а лишь ненадолго ушли на второй план. Она бы вертелась юлой на

простынях, но не хотела разбудить Кару, который, как ей казалось, уснул. Но вскоре выяснилось, что ее бессонница не осталась незамеченной.

— Ты не спишь. Что-то случилось? — он повернулся к ней и посмотрел на нее так, будто отлично видел в темноте.

— Мне пора уезжать, — глотая слезы, прошептала она.

— Почему? — после секундной паузы спросил Кару.

— Мой отпуск заканчивается через несколько дней. Мне нужно возвращаться домой.

Мужчина лег обратно на свою подушку. Катя продолжала пытаться сдержать слезы, но получалось неважно. Она шмыгала носом, пыталась вытереть пальцами предательскую влагу, но, кажется, начинала плакать только сильнее.

— А какой он твой дом? — после молчания, показавшегося Катерине вечностью, спросил Кару. — Тебя там кто-то ждет? Кто-то, кто нуждается в тебе? Кто пропадет без тебя? Кому ты обещала, что вернешься?

— Нет, — прошептала Катя чуть слышно. — Никто не ждет. Ну, может, только начальник на работе, да и то вряд ли. В Москве полно риелторов.

— А кто такой риелтор? — абсолютно серьезно спросил Кару.

— Это такой человек, который помогает другим продавать и покупать дома, — Катерина улыбнулась сквозь слезы, ее совсем не удивило, что мужчина ничего не знает о ее профессии.

— Отлично, — даже в темноте было понятно, что Кару улыбается. — Тогда ты поможешь мне купить этот дом.

— Тебе нужен этот дом? — Катерина очень удивилась подобному повороту.

— Да, мне очень срочно нужен этот дом или любой другой, который тебе понравится. В Москве тебя никто не ждет, значит, там не может быть дома. Но ты ждешь меня каждый день, значит, мой дом рядом с тобой.

Кару резко замолчал. В воздухе сразу буквально повисло напряжение. Катерина каким-то образом поняла, что мужчина мучительно подбирает слова и не хотела его торопить, хотя каждая секунда тишины давалась ей непросто.

— Ты сделаешь меня самым счастливым, если согласишься остаться рядом со мной здесь, в тайге. Но прежде я должен тебе кое-что рассказать… — Катя затаила дыхание. — Я не такой, как ты, не такой как люди в селе…

Кару снова замолчал.

— Я знаю, — прошептала Катерина и зажмурилась.

— Откуда? — он сразу понял, что они говорят об одном и том же.

— Все тушки, которые ты приносил, вспороты также как тот заяц. Я нашла в интернете одного опытного известного охотника и отправила ему фотки зайца. Позавчера он ответил мне, что охотники так не потрошат дичь. Добавил, что, скорее всего, это дикий зверь. Ориентировочно — крупная кошка. Точнее он сказать не может, фото не достаточно четкое. Но я думаю, что это рысь. — Катя замолчала и перевела дух. — Ну и ещё ты голый из леса приходишь.

***

Кару действительно купил дом. Оказывается, Лешины родители давно хотели его продать и были рады, что теперь в нем будет жить подруга невестки. Сама Мила, правда, обалдела от таких новостей. Тем не менее, она помогла найти людей, которые согласились уладить все вопросы, связанные с дистанционным увольнением и освобождением съемной квартиры. Вещи свои Катя пристроила по знакомым и бывшим кол-

легам, потому как офисный гардероб ей больше был ни к чему, а прочего у нее и вовсе не было. В итоге, в тайгу к хозяйке приехала небольшая дорожная сумка с документами и дорогими сердцу вещами.

Все время, пока длился этот переломный момент, который отделял Катерину-туристку от Катерины-жительницы Алтая, Кару почти не отходил от нее. Часто вопросительно заглядывал в глаза, будто спрашивая, что может сделать для нее. Но ей было вполне достаточно того, что он рядом. Ну и еще того, что у него есть обычный человеческий паспорт, который она увидела при подготовке к сделке. Каждую ночь мужчина исступленно шептал Катерине, что его дом, там — где она и что он счастлив, что она осталась. Катя не могла ответить, в такие моменты ей было не до разговоров. Но они оба знали, что это их общее счастье. Очень детское и очень огромное.

***

Автор на ПродаМане https://prodaman.ru/Twiggy174

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Вкусная-Анастасия/

Ирина Вольная. Полуночники. Истинная

Рассказ по мотивам романа «Полуночники. СЕМЕРО», но может читаться отдельно

https://prodaman.ru/Irina-Volnaya/books/Polunochniki-Istinnaya

***

Он несся сквозь залитый лунным светом лес, стараясь не обращать внимания на внутреннюю тягу обратно. Инстинкт стаи, потребность в ней, тянули его вернуться, звали назад, а он боролся с самим собой, чтобы преодолеть эту силу. Темно-серая шерсть вздымалась вверх, острыми верхушками, словно иглами, протыкая листья на кустарниках. Желтые глаза горели в ночи, словно фосфорные, лапы упруго отталкивались от земли и, не сбавляя скорости, несли его вперед, через этот незнакомый, чужой лес.

Он сбежал.

Сбежал от своей семьи. От своей стаи. От своего альфы. Превозмогая обратное притяжение. Он причинил им столько зла, что его поступки не

имеют оправдания.

Он не просил прощения, но его простили. Стая простила его. Брат простил его. Наоми простила его. Только он сам не простил себя!

И от этого, сердце волка каменело и наливалось тяжестью. Сейчас он хотел только одного, чтобы та история ушла в небытие, забыть все, оторваться от уз стаи и начать жизнь в другом месте, где его никто не знает. Забыть, что он, старший сын династии Санжар, и он — не альфа своей стаи.

Большая ветка дерева хлестнула по морде, и волк оскалил острые восьмисантиметровые клыки. Инстинктивно втянул носом воздух, и тут только заметил, что все это время бежал против ветра. Для волка это было слишком безрассудно, он не у себя дома, чтобы вот так легкомысленно забыть о предосторожностях.

Резко прыгнув на ствол дерева, он оттолкнулся, когтями содрав кору дерева и, развернувшись на девяносто градусов, приземлился на покрытую еловыми иголками землю.

Он был внушительным, крупным волком, ростом около двух метров, с темно-серым окрасом спины и светлым подшерстком. Могучее телосложение и массивные лапы говорили о небывалой силе зверя. Но, несмотря на это, он

осторожничал.

В чужом лесу.

Волк втянул воздух через влажные ноздри и напрягся, почувствовав сначала привычные запахи леса, с его можжевельником, мхами и смолой, а затем и волчий запах. Зоркий взгляд поймал ворсинки шерсти на коре деревьев, следы лап на примятой земле.

Он не единственный волк в этом лесу!

Слабый рык раздался из пасти, когда ветер донес до него ещё и запах, а глаза волка наткнулись на другие глаза, желтой прищуренной полоской выглядывающие из-за ствола дерева. Волк рванул в сторону, выпуская на лету огромные когти, врезаясь ими в землю, наскакивая на стволы деревьев и отталкиваясь от них.

Рауль понял, что за ним наблюдали. Но как долго? Пока он находился с безветренной стороны, это могло длиться часами. Как он мог забыть об осторожности? В одном он был уверен — волк, как и он сам, был оборотнем! Он увеличил скорость, петляя, меняя направление, пытаясь понять, кто тот наблюдатель, преследователь или случайный свидетель. И слабый, но различимый запах того, другого волка шел за ним по пятам. И не только запах.

Рауль сменил направление и понесся вперед, быстрее ветра, увеличивая скорость, разрывая воздух огромными прыжками. Две пары желтых глаз сверкнули в пяти метрах от него, на параллельной прямой. Сквозь деревья и кустарники, Рауль различил и крупное тело оборотня. Сомнений больше не осталось, он встретил себе подобного!

Два крупных волка неслись по лесу, не отставая друг от друга, раздувая ноздри и скалясь от подскочившего адреналина в этой неукротимой гонке. Все мысли Рауля были заняты им, и, казалось, это парное соревнование наполнило его душу до сих пор неведомым ощущением абсолютного единства, полноты и законченности.

Холка волка, приглаженная ветром, вдруг встала дыбом, едва ночное пространство разрезал гулкий вой. И его напарник по гонке встал, как вкопанный, а сам Рауль, резко сменив угол поворота, прыжком достиг места, где перед его глазами предстала она.

Волчица.

Та, что ни на йоту не уступила ему первенства гонки, а возможно даже обогнала бы его, если бы не этот вой.

Вой альфы. Гулкий, призывной, манящий и

не оставляющий права остаться. Противостоять зову альфы не мог никто, кто находился в стае, кто признал его своим альфой. Он помнил это притяжение, помнил, как никто другой. Убегая, Рауль молил всех святых, чтобы не услышать его. Поэтому, самый первый день он просто бежал, бежал, не оглядываясь, отключив все инстинкты, кроме совести, подталкивающей его мчаться вперед. За тот день он сбил себе лапы в кровь, а потом дни дня зализывал раны. Стая была уже настолько далеко, что зов альфы не смог бы добраться до его ушей.

Он знал, что преследовать его никто не будет. Его отпустят.

И вот сейчас, он видел перед собой волчицу, скованную зовом альфы. Рауль окинул её тело взглядом. Серая шерсть с белым, как и у него, подшёрстком, изогнутая линия спины, подобранный худой живот, ровные уши с торчащими острыми ворсинками, влажный черный нос, жемчужные глаза… Рауль повел носом, и неожиданно задрожал всем телом. Запах её зверя проник в ноздри, горячим потоком прошел внутрь, дав почувствовать, как клыки и когти на лапах удлинились, как глаза налились кровью, меняя цвет, а по загривку и до самого хвоста прошлась бодрящая

волна желания.

Она! Она! Она!

Сознание вопило, жгло мозг и расплавляло сердце ликованием! Ведь в эту минуту все изменилось! Он нашел ту самую. Только волчица не разделяла его восторга. Наоборот, вид волка и его небольшое внешнее преображение напугало её, в её глазах Рауль прочитал лишь смятение и страх, перед тем, как новый, более звучный и призывной вой альфы разнесся по лесу. Волчица дернулась и рванула в сторону, скрываясь в зарослях.

Рауль не сразу пришёл в себя, а когда это случилось, её и след простыл, а ликование сменилось чувством потери и внутренней пустотой. Для оборотня, найти свою истинную пару, было самым важным в жизни. Единение с истинной парой приравнивалось к магии и придавало оборотню дополнительную силу. Так было всегда, сколько помнил Рауль себя, свой род и своё время.

Здесь его путь закончился, и Рауль знал это. Он обязательно отыщет её, найдет и после уже ничто не разлучит его с ней. Теперь ему нигде не будет покоя в разлуке с ней. Только рядом он обретёт себя.

Рауль мотнул головой, и глаза вновь сменили

цвет на обычный, клыки и когти втянулись, шерсть прижалась к телу. Он обязательно найдет её, и даже чужой альфа его не остановит!

***

С рассветом в небольшой поселок, на окраине леса, пришел и он — высокий, темноволосый мужчина, одетый в простые джинсы и рубашку с засученными по локоть рукавами. Даже в такой простой одежде в нем чувствовалась стать и сила. Широкие плечи, крепкая грудь, подтянутый торс, его фигура выдавала в нем очень волевого и решительного человека, пронзительный взгляд темных глаз будоражил и приводил в замешательство местных жителей, провожающих его настороженно и с неким опасением. Маленький поселок знал своих, местных, и каждый незнакомец был для них чужаком, с предупреждающей "табличкой" на спине.

Мужчина не обращал на них внимание. Рауль искал её. Он втянул носом воздух и прикрыл глаза. Это будет непросто, ведь он не знал, как она выглядит в человеческом обличии. Рауль сдерживался, чтобы не броситься срывать двери в каждом доме в поисках её. Как же ему хотелось увидеть её, узнать, почувствовать, а дальше… А

дальше сделать все, чтобы она тоже почувствовала это истинное притяжение, эту магию, это стремление раствориться в любимом человеке. Странно, но, даже не зная, как она выглядит, Рауль испытывал невероятное желание. Достаточно было увидеть обличие её зверя, что бы эта древняя связь навсегда их соединила.

Но кое-что все же его настораживало. Этот вой, дважды прокатившийся по лесу. Сомнений быть не могло, альфа без стаи, что иголка без нитки, бесполезен, а волчица отреагировала на его зов, значит, стая все же есть. И насколько она многочисленна, Рауль мог только гадать. Это многое осложняло, но, ни в коем случае не останавливало молодого волка, только что нашедшего свою пару.

— Молодой человек что-нибудь ищет? — раздался за спиной голос, и Рауль обернулся. Пожилой старичок, в рабочем фартуке с видимыми масляными пятнами, поверх толстого, немало повидавшего сюртука, открывал двери своей часовой мастерской.

— О, прошу прощения! — Рауль добродушно улыбнулся, отступая в сторону. — Скорее, кого-нибудь — девушку. — И Рауль пристально взглянул на старика.

— Эх, молодость! — тот закрепил открытую дверь на крючок и неспешно вернулся внутрь мастерской, шаркая разношенными сапогами по полу. — Ты ведь не из нашего поселка, парень?

— Точно, не из вашего, — подтвердил Рауль, оглядывая внутреннее помещение мастерской. — Вот, решил остановиться тут на несколько дней и буду рад, если подскажете, к кому мне обратиться?

— В нашем поселке не любят чужаков, — старик обогнул длинный угловой стол и, кряхтя, нагнулся, скрываясь под ним. — Тем более таких, как ты, молодых и крепких. Послушай моего совета, парень — не задерживайся тут.

Рауль промолчал, обдумывая предупреждение старика. Что-то в его словах настораживало.

— Вот, возьми. Частный дворик мисс Лабутье принимает постояльцев. — Старик выпрямился и протянул Раулю цветную карточку со схемой расположения. — А про девушку забудь. Твоей тут точно нет. — Слова старика прозвучали как-то обреченно и Рауль нахмурился.

Что тут скажешь! Он на чужой территории и тут явно попахивает чьим-то незримым руководством. Может старик тоже оборотень? Почуять оборотня в человеческом обличии невозможно,

если хоть раз не почуял запах его зверя.

— Спасибо за совет! — крикнул Рауль с порога, скользнув взглядом по вывеске заведения — "Мастерская Мистера Борже".

Он повертел в руках плотный картон, обдумывая свои дальнейшие действия. Частный дворик подождет. Ему нужны деньги. Последний раз он обналичивал деньги с родового счета три дня назад. Рауль был уверен, что это не укрылось от внимания его младшего брата, а значит и он, и вся стая уже в курсе его передвижений. Но это нисколько не волновало Рауля. Он был почему-то уверен, что брат не пойдет по его следу. Возвращать его, Рауля, не станет ни он, ни кто-то другой из братьев. Но то, что ему не закрыли доступ к родовому счету, говорило о многом, в частности о том, что его свободу, его выбор уважали. И это был еще один пунктик, за который Рауль был им благодарен.

Он развернулся обратно. Наверняка, мистер Борже имеет в заначке и схему расположения местного банка.

Рауль снова переступил порог мастерской. Мистер Борже сидел за столом, раскинув на нем темную полотняную ткань и разглядывая через лупу циферблат часов.

— Что снова привело вас ко мне, молодой человек? — не поднимая головы, спросил старик.

Рауль подошел к столу, почти касаясь его края.

— Я в вашем поселке совсем никого не знаю. Вы помогли мне один раз, может, поможете снова?

Старик оторвался от лупы и, протянув руку, взял лежащую по левую сторону карточку.

— Вот. Мистер Сенье, он поможет вам с деньгами, — старик протянул заранее подготовленную визитку и передал её Раулю.

— Откуда?! — Рауль изумленно посмотрел на старика. Видимо, он знал, что тот вернется.

— Ооо, молодой человек, я прожил достаточно долгую жизнь и повидал немало. В этом нет ничего удивительного. Всего лишь интуиция и хорошее знание человеческой психологии, — мистер Борже улыбнулся, старчески покряхтывая.

— Благодарю, мистер Борже. — Рауль загадочно улыбнулся. — Может ваша интуиция подскажет мне, где искать девушку, которая любит гулять одна в лесу?

Рука старика неожиданно задрожала и лупа выпала на полотно, издав глухой звук. Рауль сразу же почуял чужое присутствие за спиной, но оборачиваться не стал. Лишь слегка напрягся, зацепив в отражении висевших на стене часов

силуэты двух крепких парней. Внутреннее чутье сразу же подсказало Раулю об их непростом визите.

— Старик, часы готовы? — оба подтянулись к столу, встав по обе стороны от Рауля, словно конвоиры. — Валдар не любит ждать!

— Готовы, готовы… сейчас принесу, — пробормотал Борже, вылезая из-за стола и исчезая в закутке мастерской. С его уходом, две пары глаз с обеих сторон устремились к Раулю, с любопытством разглядывая его.

Рауль не остался в долгу и успел заметить некоторое сходство между парнями. Братья?

— Откуда ты? — без церемоний переходя на "ты", спросил тот, что был с левой руки. — Мы тебя раньше здесь не видели!

— Сегодня прибыл, — сдержанно ответил Рауль. — Вот интересовался у местных, где можно остановиться на пару дней.

— Это хорошо, что на пару, — подал голос другой парень, и телосложением, и чертами лица очень похожий на первого. Точно братья, только этот явно будет постарше. — Если все же решишь задержаться, обязательно загляни к нам, объясним правила, присмотрим, подскажем.

— Спасибо, конечно, — Рауль усмехнулся. — Но

я перестал нуждаться в опеке уже очень давно. Да и здесь меня задержала всего одна причина, как только я решу её, сразу уберусь отсюда.

Парень нахмурился, сдвинул брови, напрягся. Ему явно не понравился ответ Рауля.

— Не дрейфь! — раздался задорный голос младшего с другой стороны, — все равно все дороги ведут к нам.

— К вам?

— Вернее к Валдару. Он тут всем заправляет, — младший с опаской посмотрел на старшего и замялся, что не ускользнуло от взгляда Рауля.

Из-за закутка показалась сгорбленная фигура часовщика.

— Ваши часы, господа, — закряхтел старик и выложил на стол удивительного вида часы с браслетом. Продолговатый циферблат в золотой оправе смотрелся изящно тонко и Рауль сразу догадался, что часы предназначались вовсе не мужчине. Но что больше всего привлекло его внимание, так это браслет, который представлял собой спаянные волчьи клыки, покрытые золотым напылением. Рауль сразу почувствовал их запах, видимо, сняты они были уже с убитых оборотней, пока те находились в обличии зверя.

— Необычный браслет, — сквозь зубы проце-

дил Рауль, не сводя глаз с браслета. Нормальный человек не станет собирать трофеи в женский браслет, чтобы преподнести его женщине. А об этой роли часов Рауль ничуть не сомневался.

— Единственный в своем роде, — подтвердил младший из братьев, и Рауль уловил нотку гордости. — Моя идея, кстати! Когда Валдар… — И осекся. Суровый взгляд старшего брата предупредительно впился в него, и в мастерской нависла гнетущая тишина.

— Мой брат слишком много болтает, тебе его рассказы ни к чему! — строгим голосом нарушил тишину старший. — Лучше скажи, как твоё имя? — тяжелая рука легла на плечо Рауля, отчего его внутренний зверь подобрался, уже готовый к удару.

— Рауль Санжар! — и повел плечом в сторону, скидывая руку с плеча. — Я не ищу неприятностей, впрочем, как и друзей тоже. — Холодно и более чем серьезно ответил Рауль, сдерживая животные порывы. Не внушающий доверия старший из братьев заставил его волка оскалиться, и глаза Рауля сверкнули хищным блеском.

— Будем знакомы! — снова вмешиваясь и разряжая становившуюся опасной обстановку, младший протянул руку. — Я — Нелл, а это, мой

брат Зейн.

Рауль крепко пожал его руку. В отличие от брата, Зейн не спешил обмениваться рукопожатиями, между ним и Раулем основательно закрепилась взаимная подозрительность. Зейн перевел взгляд на стол, сгреб в охапку часы и затолкал их в узкие карманы джинс.

— Надейся, чтобы Валдар остался доволен твоей работой, часовщик. Пошли отсюда, Нелл! — Рауль скользнул взглядом по его спине, чувствуя желание броситься на него и прижать к земле.

— Если нужна будет помощь, обращайся. Братьев Варранто здесь все знают! — крикнул Нелл, оборачиваясь уже с порога, и дружелюбно помахал рукой.

— Держись от них подальше, сынок! — Рауль обернулся на голос старика. — А лучше вообще уезжай отсюда, как можно раньше.

— Это из-за этого Валдара? Кто он такой?

— Это его поселок. Сначала тут заправлял его дед, потом отец. Теперь вот он, Валдар Свой. Так сказать получил по наследству. Мда..., — старик снова закряхтел, что-то бормоча себе под нос.

— А часы? Вы делали часы для него? — Рауль был уверен, что где-то рядом были оборотни, браслет из волчьих зубов служил прямым тому

доказательством.

— Для его невесты, — гнусаво ответил старик. — Бедная девочка, угораздило же её попасться ему на глаза.

— Неужели парень так плох? — про себя усмехнуться не вышло. Подбирающаяся догадка уже вовсю разрослась до уверенных выводов. Какой оборотень способен на это? Не всякий альфа рискнет запятнать свою честь столь мерзким поступком? Хоронить даже врагов, убитых в поединке было делом чести — негласное правило мира полуночников!

— Не стоит тебе в это вмешиваться, парень. Наш поселок давно считают обреченным, новые сюда не приезжают, а старые не могут уехать. Чем скорее ты покинешь Бронто, чем лучше для тебя! — последние слова старик произнес с такой решимостью, что любопытство и чувство противоборства сразу же дало о себе знать.

— Сразу, как найду её! — твердо отчеканил Рауль. Кроме этого его ничто не держало в маленьком Бронто, но без нее, без своей найденной истинной пары, он не сможет сделать и шага. Это Рауль знал точно.

Покинув мастерскую, он уже более отчетливо представлял, что это за место. О присутствии

в поселке стаи оборотней сомневаться уже не приходилось, хоть он и не чуял пока ни одного из них.

Визит к местному финансисту, не продлился долго. Все бабловеды всегда казались Раулю одинаковыми в желании самообогащения, вот и этот пузатый, как винная бочка, мужчина, с залысиной и маленькими поросячьими глазками, смотрел на Рауля алчным взглядом. Денежный фонд рода Санжаров не оставил его равнодушным, несмотря на то, что обналичить Рауль запросил не такую уж и большую сумму. Но проверка платежеспособности клиента удивили мистера Сенье — его приподнятые брови, покрывшееся багровыми пятнами лицо и пальцы, сжимающие галстук в попытке ослабить узел от подкатившего удушья, выдали жадность чиновника.

— Что привело вас в Бронто, мистер Санжар? — с трудом проглатывая ком в горле, спросил Сенье. — Странно видеть человека вашего ранга в нашем недалеком и относительно простом месте.

— Путешествую, — улыбаясь, ответил Рауль, слегка наклонив голову. — Какие-то проблемы с финансами?

— Нет, что вы! Все в полном порядке! — дрожащими пальцами Сенье открыл верхний ящик стола, покрытого красным лаком и, достав оттуда две пачки купюр, подвинул их к Раулю. — Всегда к вашим услугам!

Рауль быстро поставил подпись на номинальном чеке и поднялся, очередной раз вспомнив младшего брата и мысленно поблагодарив его за то, что тот не оставил его без гроша в кармане, перекрыв доступ к счетам.

— За беспокойство, — Рауль извлек из денежной пачки одну стодолларовую купюру и протянул Сенье.

Не так давно Рауль сам находился во власти низменных инстинктов зависти, жадности, злобы, что и привело его к бегству и напрочь лишило всех жизненных стимулов. Но теперь, вместе с чувствами, вместе с магией истинной пары, вкус к жизни возвращался к нему. Томление в груди от желания вновь увидеть и почувствовать её, все чувствовалось острее и подгоняемый эмоциями, Рауль ускорил шаг, втягивая носом воздух.

***

Частный дворик мисс Лабутье был огорожен частоколом, опоясанным густыми вьюнками, над

которым возвышалось двухэтажное каменное здание. Ворота, примыкающие вплотную к входным дверям, были полностью открыты, и Рауль не заставил себя ждать.

Весь день, пробродив по поселку, перезнакомившись, наверное, со всеми местными жителями, начиная с часовщика и заканчивая булочницей, Рауль решил все же вспомнить о ночлеге. Прошлая ночь прошла без сна, и это давало о себе знать.

Внутри дом полностью пропах свежей древесиной и запахом отваренной чечевицы с мясом, что отдалось в желудке пустым урчанием. Сон и голод были приглушены желанием отыскать в первую очередь ту, что завладела его мыслями. Но время, а теперь и чувство обоняния, брало свое.

— Ремонт крыши оказался более продолжительным, чем мы рассчитывали, — женский голос оторвал Рауля от запахов и переключил все внимание на себя. Женщина средних лет обошла несколько угловатых столиков и приблизилась к стойке бара, занимающего четверть всего пространства. Передний холл представлял собой открытый бар, почему-то пустующий в столь не поздний для этого час. Наоборот, в это время было бы логично опрокинуть бутылочку пива в соот-

ветствующей компании. Мужчин в поселке было предостаточно, как успел заметить Рауль. — Чем могу быть вам полезна?

— Мисс Лабутье, полагаю? — и Рауль повернул карточку цветной стороной в её сторону. — Мистер Борже был так добр, что порекомендовал ваш дворик, как лучшее место для ночлега.

Вытирая руки о фартук, женщина улыбнулась, видимо польстившись на слова. Но тут же изменилась в лице.

— В любой другой день, я бы приняла вас с удовольствием, — в её голосе сквозило сожаление. — Но сегодня я не могу! — её голос сник окончательно, а руки опустились на край стойки.

— Мистер Борже рассказал, что постояльцев у вас почти не бывает. Неужели именно сегодня со мной в поселок прибыл кто-то еще? — вкрадчиво спросил Рауль, внимательно вглядываясь в хозяйку дворика. Наверняка, она просто выглядела старше, чем была на самом деле, серый цвет лица, темные круги под глазами, поседевшие кое-где волосы — это женщина не была красавицей даже в юности.

— Дело не в этом, Мистер…?

— Санжар… Рауль Санжар.

— Мистер Санжар. У нас маленький поселок, мы живем своими обычаями, которые могут показаться довольно старомодными тем, кто привык к современному ритму жизни.

— Поверьте мне, мисс Лабутье…

— Кларис, зовите меня Кларис…

— Так вот, Кларис, поверьте мне, старомодные обычаи касаются меня больше, чем вам может показаться на первый взгляд, — Рауль одарил её таким теплым взглядом, что Кларис слегка оттаяла, но испуг в её глазах сохранился. — Скажу больше, сюда меня привел именно один из них, очень древний, возможно самый древний обычай. — Таинственным полушепотом продолжил Рауль, наклоняясь к женщине. — Так что у вас за запрет?

Кажется, она даже смутилась.

— Полнолуние, — тихий ответ утонул в сознании. — До него осталось всего три дня. Наш дом отмечен выбором, а моя дочь…

Но Рауль не успел ухватиться за мысль о приближающемся полнолунии, потому что одновременно с будоражащим кровь запахом, по лестнице справа спустилась она. Дымка застлала его глаза, кулаки сжались, мышцы натянулись, словно струны. Сердце ударило под ребра,

взметнувшись вверх и, отяжелев под грудой вспыхнувших чувств, вернулось на место.

Это была она, её запах, манящий и дурманящий наполнил вены, а с открытием истинной любви к своей паре, присоединилась и тянущая боль не обладания ею.

Девушка осторожно спустилась вниз, её распущенные каштановые волосы струились по плечам, светло-серые глаза встревожено осмотрели Рауля, пухлые губы замерли на полу вздохе. Когда её ноги коснулись последней ступеньки, дымка перед его глазами рассеялась, сменившись расширенными пульсирующими зрачками.

— Пусть останется, мам! — вдруг произнесла она взволнованно тихо, и от звука её голоса, Рауля обдало пылающим жаром.

— Силва, детка, но ведь…

— Мам! — с нажимом произнесла Силва. — Это ничего не изменит, пусть останется!

— Хорошо, милая, я подготовлю ему комнату.

Кларис довольно живо поднялась по лестнице, а Силва сдержанно заняла её место у стойки.

Рауль не сводил с нее глаз. Ему казалось, что она светится изнутри, запах истинной сводил с ума и бередил нервные окончания, заставляя напряженно стискивать зубы. Теперь он знал

её человеческий облик, и ему он нравился не меньше, чем сама волчица.

— Это у меня от отца, — произнесла Силва, наполняя кружку пивом и протягивая его Раулю. — Мама не такая. — Она, казалось, совсем не испытывала тех эмоций, что испытывал сам Рауль. Естественным, природным инстинктом любой истинной пары всегда было желание обладать друг другом, чувствовать, как бьется жилка на шее, а глаза наливаются светом, готовые выстрелить яркими искрами.

Напрягшись, чтобы обуздать своего волка, рвущегося к ней, Рауль схватился за кружку с прохладным пивом, осознавая, что её эмоции совсем непохожи на те, что испытывает он.

— Что ты чувствуешь?

— Что?

— Ты что-нибудь чувствуешь рядом со мной? — повторил Рауль более внятно, накрывая её ладонь своею. Прикосновение ударило током, и девушка отдернула руку.

— Это ведь ты был там, в лесу? — снова осторожный вопрос повис в воздухе. Она подняла на Рауля глаза и тут же покраснев, потупила взор. — Извини, что спрашиваю. Наверное, я не должна…

— Это был я! — оборвал её извинения Рауль, и их взгляды встретились. — Ты ведь почувствовала меня, не так ли?

Силва отвернулась, пряча смущенный взгляд, но Рауль уже знал ответ. Но почему она не чувствует их истинности? Неужели снова этот барьер? Эти столетия…

— Почему ты позволила мне остаться? — он все ещё искал подход к ней, пытаясь подтолкнуть её инстинкты раскрыться.

— Ты такой же, — Силва снова повернулась к нему, изматывая Рауля желанием не сдерживаться, а просто взять то, что принадлежит ему — свою истинную. — Там в лесу, мне показалось…

— А может, это вовсе не показалось? — ухватившись за надежду, что она все-таки почувствовала прилив истинной магии, Рауль приподнялся с места и снова коснулся её руки. — Может именно там, все было по-настоящему? Нужно только снова это почувствовать!

Силва замерла, словно переваривая слова, а может, и свои ощущения?

Она не знала точно, что её привлекло в нем. Но почувствовала это еще тогда, когда мчалась за ним по лесу, боясь упустить этот шлейф, исходящий от него.

И вот он здесь, уже в человеческом обличии. Он красив, крепок и ужасно сексуален. Что с ней происходит?

— Сегодня в лес нельзя. Стая празднует выбор, — упавшим голосом ответила Силва.

— Ах да, я слышал об этом, — выдохнул Рауль, начиная успокаиваться рядом с ней, пытаясь все больше проявлять себя человеком, а не животным. — Весь поселок искренне сочувствует той, что уготована вашему альфе.

Силва закусила губу и отвернулась, схватившись за полотенце и начав усердно вытирать столовые приборы.

— Но ведь мы можем подойти с другой стороны леса, — Рауль впервые улыбнулся, и сердце Силвы дрогнуло, — ну же, соглашайся. Стая будет занята охотой, им будет не до нас. Неужели ты не хочешь еще раз почувствовать это?

О, как она этого хотела! С того самого момента, как её волчица взмыла в прыжке, с тех пор, как её нос впитал запах самца и даже в момент, когда её призвал он, Валдар, альфа стаи. Она никогда не испытывала такой эйфории, ей казалось, что лапы вот-вот оторвутся от земли, запах этого волка сладким привкусом оседал на ноздрях, что, и пугало, и завораживало её. Но, покинув то место,

чувства остыли, эмоции поугасли, и тоска по утерянному заполнила все её сознание. Она словно душу оставила там, и ничто уже её не радовало.

У нее были причины отказаться.

А теперь появились причины согласиться.

— В полночь! На окраине! — бегло проронила Силва, заметив спускающуюся Кларис.

— Ваша комната готова. Что на счет ужина?

— Голоден как волк! — довольно потирая руки, отозвался Рауль. — Можно в мою комнату?

***

Верхушки елей упирались в звездное небо, а неполная луна словно бросала вызов своей неполноценностью. Рауль не сомкнул глаз, ожидая полуночи. Ожидая своего часа для своей истинной.

Вспоминая двенадцать судьбоносных ударов, что каждую ночь вселяли жизнь в их с братьями сущности.

Полуночники.

Вот кем они были, пока…

Стрелка часов коснулась заветной цифры, и Рауль поднялся. Желание взвыть моментально овладело им, но тут же отпрянуло. Рядом не было его стаи, его братьев.

Рауль скучал и признавал это. Любому оборотню единение стаи придавало сил. Волк-одиночка всегда был легкой мишенью.

Он издал легкий рык, облегчая дыхание. Его ждала она, и он не намерен был задерживаться более, чем уже задержался.

Еще издали он ощутил её. Чувства с каждым часом все обострялись, закрепляя их связь. А стоило ему увидеть её, сквозь лесные заросли можжевельника, как неутолимое желание с новой силой пробрало до самых костей, болью отзываясь во всем теле.

Он прыжком достиг её места, закрутившись вокруг её, ткнул носом в бок, скользнул хвостом по холке. её реакция оказалась неожиданной для нее самой — слишком довольной, досыта счастливой, вволю радостной. Выгибая спину, заостряя уши и виляя хвостом, она подпрыгивала рядом с ним, завлекая и призывая к дальнейшим играм.

А затем, отпрыгнув в сторону, она рванула вперед и, Рауль замер. Его глаза светились, когти вгрызались в землю, а тело магнетически тянуло следом за ней. И он бросился вперед, разрезая воздух, оскалив пасть и выпуская громадные клыки. Он нагнал её быстро, срывая и сминая мелкие кустарники под лапами, жмуря глаза от

удовольствия просто бежать рядом с ней, со своей парой. В надежде, что перед ней тоже откроется магия истинных, последняя преграда падёт, и он сможет утолить свое желание, избавит себя от той тянущей боли и, наконец, достигнет обладания той, что предназначена ему луной.

Эта гонка, полная эмоционального накала, связала и завладела их вниманием настолько, что оба перестали замечать все вокруг, меняющийся ветер, свежие следы на просеках и стволах деревьев, даже запахи и мелькающие тени легко отошли в сторону, пока эти двое вовсю наслаждались своим обществом.

Идиллия оборвалась в один миг.

На тропинку перед волчицей из темноты леса выскочили другие волки, и та в ступоре остановилась. Сначала в её глазах замерло непонимание, затем испуг, а потом страх, и она, склонив голову, попятилась назад.

Рауль лишь на мгновение потерял Силву из поля зрения, а сердце уже бешено забилось в предчувствии. Сделав прыжок и разворот, он приземлился за спинами двух огромных оборотней, наступающих на его волчицу. Внутри него поднялся ураган. Теперь он чувствовал их запах и запах других волков в темной лесной пуще.

Минимум с десяток.

Но его сейчас волновало не количество волков, окружавшее их, а эмоции Силвы, которые он ощущал, как свои. её беспокойство, тревогу, и главное страх. Он оскалил пасть и зарычал, привлекая внимание тех двоих.

— Оставьте её, вам нужен я! — ментальная связь между волками помогала передавать человеческие мысли.

Оборотни развернулись, сверкнув глазами, обнажая клыки и щетиня шерсть. Из темноты леса показались головы других оборотней и вот, на тропинке показалась вся стая, но один из них оказался зримо крупнее. Он то и вышел вперед. Вожак?

Нет — альфа! Рауль понял это по красным, горящим глазам. Но темно-серая шерсть волка привела его в замешательство. Ведь столетиями альфами становились только особенные оборотни, с редкой черной шерстью, сила воли которых была неимоверно велика, в отличие от серых особей.

Альфа медленно приблизился сначала к Силве, возвышаясь над волчицей и повелительно скалясь, затем к Раулю, впиваясь в него своим взглядом.

— Умница! Ты все сделала правильно, Силва, — словно нахваливая, передал мысли альфа. — Я знал, что ты справишься и приведешь его к нам!

Силва испуганно приподняла голову, её взгляд растерянно заметался вокруг.

— Она прекрасна, не правда ли? — обратился альфа к недоуменному Раулю. — Когда я узнал, что наша Силва повстречала одиночку, был приятно удивлен. И как я, альфа своей стаи, должен был на это отреагировать? Не так уж и часто в наших местах появляются такие видные оборотни. Ты и, правда, хорош! — Альфа обошел вокруг Рауля, оценивая его крепкие мышцы, подтянутый живот, мощное телосложение и внушительную грудную клетку. Они были почти одного роста, с той лишь разницей, что бок альфы и его морда были исполосованы следами от когтей, а шерсть местами скомкана в плотные колтуны.

Рауль молчал, ощущая, как кровь бурлит по венам, а зверь молит о драке. Внутри все перевернулось, стоило ему услышать, что эта встреча была подстроена, что Силва завела его в ловушку, подстроенную чужой стаей.

— Я не стану с тобой драться! — прорычал Рауль, отступая назад в знак смирения. А ведь и, правда, зачем ему драться? Стая Силвы могла бы

стать его стаей!

Нет! Рауль отогнал эту мысль! У него уже есть стая, и эта связь все еще существует.

— А кто говорит драться? Наоборот! — Раулю послышалась издёвка в тоне. Он насторожился, но старался ничем не высказывать агрессии. Он хоть и волк, но прошли те времена, когда он зверел за секунды и бросался на противника в попытке перегрызть горло. Его злость прошла в момент, когда стая простила ему все грехи, вместе с прощением пришло и озарение. — Волк не должен бродить один, его сила и выносливость должны служить на благо стаи, присоединяйся ко мне!

Неожиданно.

Рауль оторопел, но ненадолго. Валдар Свой, а то, что перед ним был именно он, Рауль не сомневался ни на секунду, знал, что говорил. Одинокий волк — загубленный волк! Настоящего волка делают сильнее две вещи: стая и истинная пара.

Хитёр, серая морда. Если Силва рассказала ему об их первой встрече в лесу, то не удивительно, что Валдар решил прибрать к рукам шатающегося без присмотра волка. Но как она могла скрыть это от него? Почему не спросила прямо? Зачем завлекла его играми и привела прямо к ним?

Рауль бросил взгляд в её сторону и увидел притихшую волчицу, склонившую голову к земле и прижавшую в повиновении уши и хвост, не смеющую поднять взгляд. Она боится! Боится его, своего альфу! Чем он так её запугал? Рауль вдруг понял все. Валдар не из тех альф, что считают стаю семьей, а каждого волка в ней полноправным членом стаи, он из тех, кто использует стаю для собственной власти и превосходства!

Валдар выпрямился, в его голове уже зрел план.

— Можешь не отвечать сразу, — словно читая его мысли, альфа первый нарушил тишину. — Приглашаю тебя к нам в качестве гостя. Присмотришься, пообщаешься, а после полнолуния решишь!

Это было как раз то, что нужно! Рауль и сам уже готов был это предложить.

— Договорились! — решительно сдвинул брови Рауль.

***

— А ты мне сразу понравился! — признался Нелл, хлопая Рауля по плечу. — Знай, я тогда, что ты один из нас, сам бы тебя сгреб в охапку и притащил к Валдару.

Рауль усмехнулся, сдерживаясь, чтобы не ответить похожим подколом. Он бы так просто не сдался, Нелл не Силва, вслед за которой он пошел бы на край света.

Силва…

Рауль огляделся, её нигде не было, а он впервые оказался в логове оборотней, не самый молодой среди них, но и не самый старый по меркам стаи. В основном все оборотни были крепкими и жилистыми самцами. Валдар избирательно подходил к выбору членов стаи, учитывая, что с её помощью он укреплял свою силу и мощь.

Рауль очень даже гармонично вписался бы в нее, если бы хоть на минуту представил себя её частью.

— Как давно вы с братом в стае? — Рауль решил воспользоваться гостеприимством и узнать побольше о стае. И действовал он очень хитро, замаскировав свой интерес, под личную симпатию к одному из.

— Ооо, это самая длинная история из всех, — рассмеялся Нелл, переглядываясь с Зейном.

— Не верь ни единому его слову, — раздался грубоватый, но уже более дружелюбный голос Зейна между глотками. — Если действительно хочешь знать правду — спроси меня! — Зейн

встал, подошел к Раулю и наклонил бутылку горлышком вперед, приглашая присоединиться.

Рауль же не верил никому из них, но раз уж начал, нужно вести игру до конца.

Спокойно взяв бутылку пива со стола, он одним пальцем отщелкнул крышку с горлышка и стукнул ею по бутылке Зейна.

— Семья Валдара осела тут с первыми переселенцами. Поселок основан его предками, поэтому и Валдар тут главный. Его отец выбрал самого крупного из щенков, а остальных предал земле, пока его мать корчилась в предсмертных муках. Он настоял на том, чтобы она рожала именно в облике зверя, веря в то, что таким образом звериная сущность в отпрыске будет сильнее, чем человеческая. И не прогадал. Валдар стал альфой в шестнадцать, когда превзошел своего отца и поверг его в битве за стаю. С тех пор он подчинил себе все стаи в ближайшей округе. Мы с Неллом достались ему от стаи полуухих, в нашей стае у всех оборотней уши рассечены надвое. Конечно, слабым было не место в стае, и Валдар оставил в живых только молодых и сильных. Вон видишь зубастого? Это Бейс из стаи клыкастых, их клыки не исчезают даже в человеческом обличии. Он единственный оставшийся представитель своей

стаи, всю его семью Валдар перерезал, потому что те были слабы и немощны. Валдар собирает вокруг себя только здоровых и сильных оборотней, с ними и он становится сильнее. — В заключение поведал Зейн, присасываясь к горлышку бутылки и делая несколько больших глотков.

Рауль был в шоке. Совсем не такой рассказ думал он услышать.

— Поэтому, если захочешь развести его, знай, Валдар — истинный зверь, он без сожаления растерзает любого, кто встанет на его пути.

Это был не просто рассказ, это было предупреждение, и Рауль кожей почувствовал, что тот не врёт. И вовсе не испугать он его хотел, не показать величие своего альфы, в голосе Зейна было действительно предупреждение. Скорбное, сломленное смирением предупреждение!

— Мне одно не понятно, — заговорил Рауль, снова привлекая внимание Зейна. — Ты сказал о подчинении, разве не должен каждый из вас признать в нем альфу добровольно?

— Ты с какой луны свалился, друг? — усмехнулся Нелл. — Альфа тем и силён, что имеет власть над обычными оборотнями. Он подчиняет, заставляет признать себя, вынуждает идти за ним! В этом его сила! Я вот, сколько не напрягался

— не вышло!

— Связь признанного альфы со своей стаей во много раз сильнее силы подчинения. Да и альфами обычно становились черные волки, — словно сам себе проронил Рауль, задумавшись.

— Ха! — Нелл ухмыльнулся. — Черные волки? Да они давно вымерли. Ими теперь только щенков пугать!

Взгляд Рауля пронзительно блеснул, впившись в собеседника и заметив, как нахмурился Зейн.

— Это правда?

— Черные волки давно превратились в миф, — подтвердил Зейн. — Я тоже много слышал о них, но не более, чем просто россказни престарелых, которым нужно во что-то верить. Может, они и существовали когда-то, как те же самые мамонты..., - Зейн запрокинул остатки пива в рот и ударил пустым дном бутылки по столу, — но с тех пор, ни одна стая не могла похвастаться тем, что видела черного волка вживую.

На этом разговор видимо был закончен. Зейн распрямил плечи и с недовольным видом отпрянул от столика.

— Не обращай на него внимание, — рука Нелла легла на плечо Рауля. — Однажды в детстве, над ним решили подшутить, покрасив его черной

краской и заставив поверить, что он стал альфой. С тех пор у него пунктик на счет этого. Если честно… — Нелл сделал небольшую паузу и наклонился к Раулю ближе, — уходить тебе надо…

Больше Нелл ничего не объяснял. Да и незачем это было. Рауль все понял и без лишних слов. И даже был полностью с ним согласен.

Но теперь у него есть Силва и даже если она действительно обманула его, он не оставит её. После связующей их истинности, пара не может существовать по отдельности друг от друга.

— Пойду прогуляюсь, осмотрюсь. Можно?

— Ты гость, помнишь? — улыбаясь, развел руками Нелл.

Мысли Рауля вернулись к Силве. Слишком долго она не появлялась, а нарастающее беспокойство царапало душу, съедая смутными ощущениями, что он нужен ей.

Логово оборотней походило на заброшенную усадьбу, с маленькими одноэтажными домиками, соединенными между собой смежными стенами и проходами. Рауль втянул носом воздух, сосредоточившись на запахах в доме. И он почувствовал её сразу. И не только её. Валдар Свой тоже был где-то рядом.

— Я приказал тебе не выходить из дома, а что

сделала ты? — зычный голос доносился из ближайшей комнаты за стеной. Но даже за ней Рауль слышал каждое слово и, чтобы оставаться незамеченным для обоняния альфы, он приблизился с не подветренной стороны. — До полнолуния два дня, как ты осмелилась ослушаться меня?

— Я лишь хотела пробежаться по лесу, — голос Силвы был слаб, но полон сопротивления.

— С ним? — взревел Валдар и даже по голосу Рауль понял, что тот в ярости от ревности. — Думала, я не узнаю? Не почувствую запах самца на тебе? Хорошо, что я вовремя придумал отмазку, и стая не узнала, что моя дорогая Силва встречалась с другим самцом накануне слияния.

Рауль глубоко вздохнул, но воздуха в тот момент показалось исключительно мало. Теперь ясно, кто та самая невеста альфы, о которой в поселке все говорят. Сердце оборотня защемило от негодования. Силва его истинная пара! Никто! Никто из вновь живущих оборотней не имеет на нее права!

— Я тебе не жена, Валдар, ты не имеешь права…, - она словно читала мысли своей пары.

— Не имею? — Валдар зашипел, и вены на руках Рауля вздулись от напряжения. — Это пока не имею, но после полнолуния, ты станешь са-

мой покладистой самкой из всех. Уж я-то научу тебя повиновению. Жду не дождусь, когда смогу прижаться к твоей спине и заставить стонать подо мной.

Глаза Рауля налились кровью, клыки выступили поверх губ, поранив кожу, и окропились капельками крови. Сквозь сжатые кулаки тоже сочилась кровь, непроизвольно выпущенные когти пронзили мягкую ткань ладони насквозь. В душе оборотня бушевал яростный огонь. Вкус крови на губах ещё сильнее разгонял в нем желание вцепиться в горло врагу! А то, что Валдар Свой — враг, Рауль не сомневался.

Он посмел кинуть взгляд на его пару! Грудь Рауля тяжело вздымалась, волк внутри рвался наружу, на защиту своей любимой.

— Только подчинив! — в отчаянии бросила Силва ему в лицо. — Ты всего добиваешься только силой подчинения!

— Потому что я альфа, дорогая моя! И вы все будете делать то, что я захочу! — убийственно сладким голосом прорычал Валдар. — А сейчас я хочу, чтобы ты надела вот это. Пока я не могу поставить тебе другую метку, поэтому ты будешь носить его. Это собьет спесь, и с тебя, и с него, пока я не подчиню его себе. А потом, это будет

уже не важно. Он, как и остальные, станет моей ручной собачонкой.

Из ноздрей Рауля пошел пар. Собрав все разумное и мудрое, что было свойственно человеку и, пытаясь унять разбушевавшегося зверя, Рауль прижался к стене, стиснув зубы.

Оказывается, Валдар уже все продумал, составил свой хитроумный план, и думает, что у него все схвачено? Как бы не так!

Рауль злобно усмехнулся. И этой злобы он ничуть не страшился. То была другая злоба, направленная не на стаю, не на братьев, а на жестокого и безжалостного монстра, коим являлся Валдар Свой. Перед глазами предстала картинка, как Валдар смыкает на запястье Силвы тот самый браслет в виде волчьих клыков, пометив им выбор самки.

Нееееет, он не отдает её этому зверю. Он будет биться с ним до конца, если того потребуют обстоятельства. Он сделает все, что нужно, если есть хоть самый маленький шанс победить.

***

Полночь пробило несколько минут назад, а Рауль так и не сомкнул глаз. Заканчивались вторые сутки его эмоционального выгорания, но сон, как

назло, не шел к нему. Луна светила прямо в окно и обнажившись до пояса, Рауль стоял у окна, нежась в лунном свете.

В дверь осторожно постучали, тут же отворив её, и Рауль весь подобрался.

— Не спишь? — робкий голос девушки заставил заплясать в диком танце сердце и ударить ниже пояса охватившим желанием. — Можно? Я хочу объяснить…

Рауль развернулся, лунный свет отыгрывал последние аккорды на его обнаженном торсе, и Силва с трудом сглотнула, забывая слова.

— Почему обманула меня? — продолжил за нее Рауль хриплым голосом, боясь сделать шаг в её сторону и тем самым спровоцировать ненужные движения.

— Нет! Что ты…, — Силва все же прошла в комнату и закрыла за собой дверь. — Все совсем не так! Там в лесу, я совсем потерялась в пространстве и забыла о мерах предосторожности. Мне было так хорошо…

— Так хорошо, потому, что добилась своего? Привела в стаю еще одну потенциальную марионетку для альфы? — глаза Рауля загорелись желтым. Странно, он ведь совсем не это хотел сказать! Тогда почему он ведет себя так, словно

она предала его? — Ну и, как альфа отблагодарил тебя?

Не предавала! Но и не отвечала на его чувства, не подавала признаков истинной пары! Это внутренне задело его, словно она совсем к нему равнодушна!

— Зачем ты так? — теперь обидно стало ей, и глаза наполнились жгучими слезами. — Я пришла объяснить, рассказать, что никакой договоренности с Валдаром у нас не было. Я не выполняла его приказ! Не завлекала тебя! Я просто поддалась чувствам…зову…

— Эй, эй! — Рауль изменился в лице, вмиг став совершенно мягким и ласковым. Естественный порыв подтолкнул вперед и, обхватив Силву за плечи, он обнял её. — Тиииише…

— Я совсем растерялась, — продолжала свое объяснение Силва, вполне лаконично пряча лицо в объятиях Рауля, не смущаясь даже его открытой горячей груди, будто так и должно быть. — Все было так странно, но в то же время логично. Ты, я… и лес. Мне казалось, что я это не я, даже лес преобразился! Я ни за что на свете не хотела бы это прерывать. Валдар все придумал, чтобы выгородить себя!

— Да, да, я знаю! — рука потянулась к её во-

лосам, и Рауль зажмурился, ощущая её тепло и дыхание на коже. В этот момент его постигло пусть и маленькое, но удовлетворение, ведь самая желанная женщина на свете была сейчас рядом, и он мог к ней прикоснуться.

— Что еще ты чувствуешь?

Силва на мгновение замерла и чуть-чуть отстранилась, вызвав недовольный вздох Рауля.

— А должна?

— Как истинная пара, да! — утвердительно кивнул Рауль.

— Истинная пара? Ты шутишь? — глаза Силвы округлились, и она опасливо сделала шаг назад.

— Вовсе нет! Тебе не стоит меня бояться — волк не может причинить вред своей паре.

— Но я не могу быть твоей парой. Меня выбрал Валдар!

— Выбрал? — тон его голоса стал резким. — С каких это пор альфа может контролировать истинный зов? Это заложено в нас самой природой, никто не может противиться этой магии и уж тем более управлять ею! — Рауль подошел вплотную к девушке. — Истинную пару не выбирают!

— Все это пережитки прошлого, — с замиранием сердца прошептала Силва. — В современном мире альфа может выбрать любую волчицу и

даже не одну…

Рауля передернуло. Звучало это как-то неправдоподобно и неестественно. Но может он и правда ошибается? Ведь его стая мыслями и жизненными принципами застряла далеко в прошлом, а точнее несколько столетий назад. Черные волки забыты, что ещё изменилось за это время?

— И как давно это стало историей?

— Пару веков назад, — Силва выпустила напряжение вместе с выдохом. — Старые волки рассказывали об истинных парах, об их силе в единении, о том, что каждый волк мечтал найти свою истинную, что с ней он мог достичь наивысшей точки развития и обернуться альфой. Но после того, как охотники, объединившись, истребили последнего черного волка, вместе с ними стали уходить и другие традиции оборотней. Альфы стали появляться среди серых волков, путем обмана и превосходства животной силы над силой воли, инстинкты позабылись, истина угасла в череде сопутствующих связей. Волки все меньше искали истинные пары, ведь было проще взять силой то, что они хотели. Да и зачем ограничиваться одной?

Рауль молчал, вслушиваясь в каждое слово. Рассказ был не из приятных. Время жестоко забрало

самое лучшее из их жизни, повергнув оборотней в бессмысленное существование ради наживы и власти, превращая их в настоящих хищников без чувств и сожаления.

— Ты ему не достанешься! — четким, холодным голосом вынес он свое решение.

— Что ты сделаешь против альфы, Рауль? — она впервые произнесла его имя, мягко, воздушно, словно касаясь чего-то хрупкого и ценного, и тот издал непроизвольный гортанный стон.

— Я брошу ему вызов!

— Ты с ума сошел?! — Силва не на шутку испугалась. — У него стая! Он альфа! Он разорвет тебя, как разрывал других… Прошу! — и Силва приблизилась к Раулю, положив руки ему на плечи, спустившись вниз по бугристым мышцам и заглянув в глаза. — Уезжай отсюда подальше! Пока можешь…

— Волк не сможет жить без истинной пары, — мягко улыбнулся он, прикасаясь к её волосам, скулам, очерчивая подушечками пальцев овал лица. — Мне не убежать от самого себя! Может ты и утратила возможность чувствовать истинную любовь, но я все же попытаюсь…

С этими словами он наклонился и накрыл её губы своими, плавясь от волны поднимающегося

жара. Взор Силвы затуманился необъяснимым волнением, и она сжала пальцы на мышцах Рауля, держась за него, словно за опору. Обхватив его голову, она ответила на поцелуй, полный голодного желания и чрезмерного возбуждения. Воздух накалился до предела и, оба выдохнули, шумно переводя дыхание, глядя друг другу в глаза.

— Хорошая попытка, — в перерывах между вдохами прошептала Силва. — Но, кажется и она не помогла!

— Это мы еще посмотрим, — Раулю было в два раза сложнее справиться с чувствами, ведь помимо человеческого желания, которое сейчас сжигало остатки его разума, ему приходилось бороться и с внутренним волком, рвущимся на свободу.

Усталость навалилась на его веки неожиданно быстро. Подскочивший адреналин вынудил разум отключиться и вспомнить, что вот уже вторую ночь подряд он не спал. И вовремя придвинувшись к кровати, Рауль рухнул на нее, отключаясь в забвении сна.

— Ого! — Силва выпрямилась, справившись с дыханием. — Даже самый сильный зверь беззащитен во сне, как ребенок. — вид спящего Рауля вызвал у нее улыбку и не вдаваясь в анализ своих

действий, она прикоснулась губами к его виску. — Спи, мой волк!

***

— Детка, что с тобой? Ты сегодня сама не своя, — Кларис волчком крутилась вокруг отрешенно сидящей Силвы. С утра её дочь находилась в полной прострации, невпопад отвечала, все время переспрашивала, смотрела сквозь предметы и отказывалась от еды.

Силва ощущала себя сломанной, не в смысле слабой и отчаявшейся, нет! А в прямом смысле сломанной, то, как раньше она смотрела на мир вмиг поменяло восприятие.

И все из-за одного поцелуя? Силва никак не могла перестать думать о поцелуе, и о Рауле, который до сих пор пребывал в мире снов, и из-за этого Силву временами охватывала паника.

— Так! — Кларис села напротив дочери и попыталась поймать на себе её взгляд. — Расскажи, что произошло? Я чувствую, как ты мечешься в сомнениях и страхах.

— Мам! — И Силва остановила взгляд на матери. — Ты веришь в истинные чувства?

— Что? — Кларис была озадачена вопросом.

— Ну, любовь, истинную пару и все такое…

— Что за бред? Откуда ты набралась этой чуши?

— Помнишь, дедушка любил говорить, что в поиске своей истинной, волк обретает надежду, и только, когда находит её, обретает себя?

— Помню..., - Кларис вдруг обмякла, плечи её опустились, а на глаза легла влажная пелена. — Отец был ярым приверженцем старых, добрых поверий.

— Значит, это правда? Правда, что истинные пары еще встречаются? Это возможно?

— Возможно, — пожала плечами Кларис, скорее равнодушно, чем убедительно. — Но даже если это и так, то, поверь мне, очень редко. Один раз на миллион, может, и встречаются. Но на моем веку этого не случалось...

— А что если...

— Не если, детка! — оборвала её мать, схватив дочь за руки. — Не стоит жить ожиданиями и призрачными надеждами. Все эти штучки остались далеко в прошлом. Жизнь течет здесь и сейчас, все, что было раньше, уже покинуло этот мир. Понимаешь меня?

Силва кивнула, болезненно сознавая, что на один день поверила в невероятное. Глубокое разочарование прорвалось в сердце и окутало его

дымкой реализма, где не осталось места зефирным мыслям об истинной любви.

Скрепя сердце она готовилась к полнолунию. Этой ночью, когда луна станет полной, а её края ровными и гладкими, её жизнь изменится. И лишь несколько дней в её спокойной до,и полной тревог после, жизни, останутся в памяти самыми счастливыми.

Уже стемнело. Всего несколько часов отделяло её от самой нежеланной сделки в её жизни. В окно был виден разожженный для столь внушительного события костер на главной площади. Валдар жаждал публичности, демонстрации власти, непревзойденного превосходства над другими.

Он уже был там, Силва поняла это по нескольким громким, вдохновляющим крикам. А её волк видимо проспит сие мероприятие, так и не став его частью. Силва была этому даже рада, ведь это означало, что он не увидит её унижений, её падения в омут под названием слияние и не воплотит в жизнь свои угрозы. Она не знала, чего боялась больше, того, что он не придет, не защитит, не остановит Валдара и ей придется лечь под него, или наоборот, что придет, бросит вызов и будет растерзан клыками альфы.

Звук гонга обрушился на нее звенящим раска-

том и сдавил сердце тисками.

— Детка, пора! Не бойся, Валдар обещал, что не обидит тебя! — слишком наивно, чтобы быть правдой, но почему-то Кларис верила в это.

Силва послушно встала, но обреченный стон все же вырвался из её груди.

Пламя костра в замкнутом металлическом центре посреди площади освещало все вокруг. Искорки огня то и дело взлетали вверх и рассеивались, опадая на землю. В другой момент она бы залюбовалась этим притягательным зрелищем, но не сейчас. Перед ней, с хищным оскалом и жадным взглядом стоял Валдар Свой, в глазах которого играли яркие языки пламени.

— Начинаем! — крикнул он в воздух, расплываясь в плотоядной улыбке.

***

Белый потолок, утопающая в темноте комната и тишина, словно все звуки в мире вдруг исчезли, — вот все то, что услышал и увидел Рауль, пробудившись.

Вот это поворот, его вырубило на месте! Рауль лежал лицом вверх, вспоминая хронологию событий, и не собирался так быстро покидать свое место. Мысли о поцелуе легким шокером

прошлись по всему телу, взбадривая и возвращая в движение все мышцы.

Черт, это было незабываемо! Все, начиная с момента, как Силва постучала в его дверь! И как он только мог оставить её в такую минуту и отрубиться? Слабак! Она почти призналась…

Рассуждения и самоанализ окончательно взбодрили его, и мысли начали возвращаться из прошлого к настоящему. Рауль поднялся, сел на край кровати и посмотрел в окно, где лунный диск отчетливо висел в небе. От неожиданности он вскочил с места.

Луна была полная, по самые края! Сердце перехватило от тягостного предчувствия. Не может быть! Сколько он проспал?

Проспал…

Этот вердикт повис в воздухе несказанным вслух и Рауль, зарычав, схватился за голову, бросился шарить по комнате в поиске одежды. Натягивая на ходу рубашку, он почти слетел с лестницы, мельком глянув на часы над стойкой.

Полночь. Без пяти минут! Еще не поздно!

И ругая себя за все, что только мог приписать, Рауль бросился вперед, куда звал его интуиция. А звала она его туда, где полыхало пламя, отгоняющее все запахи в округе. Чутьё подсказывало,

что именно там все и происходит, именно туда ему и надо.

Часы пробили полночь и восторженные крики, слышимые до этого, смолкли. Лишь хруст костра несся по ветру вместе с еловым дымком.

— Валдар, прошу тебя, не надо! — раздался женский голос, полный отчаяния, и Рауль сменил направление. Кларис, сжимая перед собой руки в умоляющем жесте, пыталась приблизиться к альфе. — Ты ведь обещал!

— И я сдержу обещание, Кларис! Твоя дочь будет вознаграждена, как никто до нее! — Взгляд Валдара кипел от раскаленного красного света в глазах, желваки ходили ходуном, жесткие губы скривились от видимого удовольствия собственной власти. — Моя мать родила меня в шкуре волка. Так хотел мой отец, потому что верил, что это сделает зверя во мне сильнее. Твоя дочь тоже должна стать сильнее, мне нужна настоящая волчица, которая увеличит мою силу, а не ослабит её своей человеческой ничтожностью! И поэтому свой супружеский долг она исполнит прилюдно в шкуре волка! Я возьму её прямо здесь, перед всеми, как и положено волчице!

Кларис упала на землю, заламывая руки и захлебываясь слезами. Силва в ужасе взирала на

своего будущего мучителя. В истории оборотней еще никогда не было ничего похожего, такому унижению не подвергалась ни одна волчица.

— Обернись! — раздувая ноздри, Валдар подошел к Силве, наслаждаясь её страхом перед ним. — Будь хорошей девочкой и дай мне то, чего я хочу!

Силва затрясла головой, обхватив себя руками, будто это могло защитить её от безумных идей и властного взгляда альфы.

Вокруг все молчали. Выдвинутое альфой заявление было столь ошеломляющим, что повергло всех в смятение и ужас. Но даже это не подтолкнуло кого бы то ни было высказаться против.

— Обернись! — взревел Вардар, сверкнув глазами, используя силу подчинения. Силва сжалась, как от боли, проникающей ей в голову и парализовавшей её силу воли, и исполнила волю альфы, обратившись в волчицу. Бороться с ним у нее не было сил.

Но в этот самый момент прямо перед ней, оборачиваясь в прыжке, приземлился другой волк. Серый, крупный и злой!

Рауль был в бешенстве и хоть его глаза горели желтым, они были полны такой решимости и твердости, что на секунду Валдар отпрянул. Но

спустя несколько секунд тоже обернулся, все же если предстояла битва, то зверь был намного сильнее. Стоявшие вокруг, последовали примеру своего альфы и тоже обратились.

Силва встрепенулась, увидев своего волка, его запах тут же окутал её ноздри пробиваясь внутрь, открывая новые ходы в её сознание. Он здесь! Сердце возликовало, а затем ухнуло в пропасть, темную и бездонную. её волк стоял один против целой стаи, против альфы, способного его подчинить или растерзать на её глазах. Стало страшно. Безумно страшно, даже больше, чем было до этого. Ноздри защекотало, и горячий пар с выдохом вырвался наружу, ноги на минуту охватила слабость. Она расставила их в стороны, пытаясь удержать равновесие. Все померкло перед глазами, оставив только силуэт заслоняющего её волка. И тут, Силва поняла. Он здесь, он рядом и никуда не уйдет! Он будет стоять за нее до последней капли крови, пока жизнь теплится в его глазах! За нее, за свою пару!

Нет, истинная любовь не покинула этот мир. Теперь она это знала точно. И не потому, что Рауль встал на её защиту, а потому, что в этот момент она испугалась его потерять! её глаза загорелись, внутри непонятно откуда открылось,

и второе, и третье дыхание. По спине, поднимая шерсть дыбом, прошлась искрометная волна, спина изогнулась, а грудь и плечи выгнулись вперед, визуально увеличиваясь. Клыки и когти утроились в размерах, заострившись на краю, и волчица сделала шаг вперед.

Еще один. Еще…

А поравнявшись с волком, издала неистовый рык, такой, от которого подушечки лап оборотней похолодели. Затем наклонила голову к волку и провела носом по его шее, закатив на секунду глаза.

Рауль не верил своим глазам. Волчица предстала перед ним истинной парой, сила истинной магии полыхала в её глазах первым признанием. Да! Теперь она тоже чувствовала это! Уткнувшись ещё раз в его шерсть и потершись носом об его морду, волчица наклонила голову ниже, подводя всю голову под шею волка, под самое слабое место волка — горло.

Рауль глубоко вздохнул, близость его пары придавала ему сил, и это были не простые россказни ушедших на покой волков. Его глаза вспыхнули ещё ярче, окрасившись в мандариновый цвет, клыки блеснули острием.

— Какой интересный выбор! — ментально

отозвался Валдар. — Я впечатлён! Ты предпочел целой стае одну сучку?

— Тебе этого никогда не понять, Валдар!

— Чем же я хуже тебя? У меня есть все и даже больше, а она все равно выбирает тебя!

— Она моя истинная пара. Волк, что обретет истину, ни перед чем не остановится, чтобы спасти её.

— Истинная? Так ты еще и сумасшедший…, — в голове Рауля раздался ненавистный смех. — Все эти байки давно канули в лету. Какого чёрта ты во все это веришь?

— Ты прав, я верю! И моя вера помогла мне обрести её!

— Знаешь, в чем твоя проблема, Рауль? — Альфа неустрашимо подошел ближе. Еще бы, его охраняло, по меньшей мере, пятнадцать голов, находящихся полностью в его власти. С такой охраной ему был не страшен одинокий волк на пару с серой волчицей. — Ты переоцениваешь себя! Посмотри вокруг…

Рауль знал, к чему клонил Валдар, и знал, что ему не выбраться живым из этой схватки. Слишком неравными были силы. Но от своих принципов не отступил. Пусть это и последнее его полнолуние, но он сделал все правильно.

Династия Санжар может им гордиться!

Вспомнив о своей семье, Рауль усмехнулся.

— Ты труп, Рауль! Как и твоя пара…, — на последнем слове послышалась издёвка. — Хотя…сначала я закончу начатое. А ты будешь стоять здесь и смотреть! Силва, дорогая, подойди ко мне! — придав своему тону властности, Валдар стрельнул красными глазами на волчицу.

Силва отвела глаза, борясь с силой подчинения.

— Борись, милая! Борись! — Рауль обеспокоенно прикрыл её собой.

— Повторяю ещё раз, вернись ко мне, Силва! Быстро!

И волчица сдалась, поддалась вперед, виновато глядя на Рауля. Прошло слишком мало времени, он не успел поставить метку выбора и укрепить их связь.

Волчица медленно подползла к альфе на передних лапах, униженная и сломленная его подчинением. И как только её нос коснулся его лап, Валдар распахнул пасть, схватил её за загривок и отшвырнул в сторону, как котенка, заскулившего от пинка.

— Нет, стой! — казалось, мир померк перед глазами Рауля и лишь дикая, бешеная ярость

застлала взор. — Я вызываю тебя! Вызываю на поединок! Только ты и я! Ты знаешь правила!

Наступило гробовое молчание. Волки переглянулись между собой. О жестокости своего альфы они знали лучше других, и даже если они не одобряли большинства из его поступков, сила подчинения не давала им забыть, что они всего лишь пешки.

Вызов Рауля давал им призрачную надежду, что время Валдара, как альфы истекло. Ведь он может, реально может победить!

— Валдар! Ты должен принять вызов! — отозвался Нелл. — Не по правилам нарушать…

— Молчать! — рявкнул Валдар, посылая мысленно приказ и Нелл склонил голову.

— Нелл прав, Валдар, — заступился за брата Зейн. — Вызов брошен. Еще никто не избегал правил.

— Еще никто не менял правил! — зарычал Валдар на Зейна, устремляя на него залитые кровью глаза. — Их изменю я! Отныне только альфа может бросить вызов альфе! А что касается твоей шкуры, то я сделаю тебя! Сломаю и буду наслаждаться, как ты ползаешь у моих ног, умоляя меня остановиться.

Его глаза пронзили Рауля, и тот почувствовал,

как обруч внушения сдавливает голову, как некая сила проникает в сознание, пытаясь запереть его собственную волю. Рауль весь подобрался, прижал уши к макушке, отгоняя незваных гостей из своего сознания, вытесняя чужеродную силу, и это сработало. Валдар ослабил давление, но только для того, чтобы с новой силой, ещё ожесточеннее направить её на не желавшего подчиниться волка.

— Подчиняйся, твою ж мать!

Голова разрывалась, казалось, что все сосуды в глазах волка лопались, когда Рауль, собрав все свою силу воли, пытался оттянуть вторжение в свое сознание. И в момент, когда это казалось уже невозможным, когда шкала его сил начала стремительно уменьшаться, он почувствовал облегчение, ощутил прилив сил и поддержку извне. Ему удалось даже открыть глаза и взглянуть на своего врага. Валдар непонимающе уставился на него.

— Что за черт? Я же альфа! — сомнения одолели Валдара. До этого момента еще никому не удавалось устоять перед его натиском подчинения.

— Ты не альфа, Валдар! — просветляя свое сознание, изрек Рауль. — А я не одиночка! — и усмешка проскользнула в его глазах. — Насто-

ящий альфа силен верой в него, верой в него каждого члена своей стаи. А ты подчинил себе тех, кто тебя ненавидит, заставил их служить тебе! Нет, Валдар, ты не альфа…

— Я альфа! — скалясь и изливаясь слюной, прорычал Валдар. — Убить его!

Никто не шелохнулся.

— Ну что вы стоите! Я приказываю! Убить его! Содрать с него шкуру живьем, а голову бросить в ноги этой сучке! — Валдар просто обезумел в своей ярости, и чем сильнее она была, тем ярче горели его глаза силой внушения.

Волки зашевелились, почувствовав её, и не в силах ей противиться, стали наступать на Рауля, неся на своих клыках верную смерть.

— Я так не думаю! — раздался голос из темноты леса, в один миг, остановив это безумие. Почти два десятка пар глаз устремились в ту сторону, вглядываясь в лесную чащу..

Темная листва зашевелилась, огромное и черное пятно показалось из темноты, и две яркие красные точки загорелись на высоте чуть больше двух метров от земли.

Когда существо вышло на свет костра, оборотни шарахнулись в сторону. Его шерсть была черной, как уголь, даже подшерсток не был засвечен

светлым мехом. Мощное туловище, обтекаемая грудная клетка, массивная морда, обрамленная "бакенбардами", густая шерсть покрывала пологую спину и уходила в длинный черный хвост. Волк был крупнее даже самого Валдара.

— Черный волк!

— Черный волк! — изумленный гул прошелся по рядам. — Черный альфа!

Сердце Рауля сжалось.

— Ты…кто…такой? — слегка стушевавшись от грозного вида незнакомца, рыкнул Валдар. — Здесь моя территория!

— Я не претендую на твою территорию! — спокойно и невозмутимо откликнулся Черный волк. — Я пришел всего лишь помочь брату.

Глаза Валдара забегали из стороны в сторону и остановились на Рауле.

— Он твой брат?

— Он мой брат! А это, его стая! — и из леса показались головы других волков. Сначала головы, а затем на площадь вышли волки во всей своей красе. Молодые, крепкие, здоровые!

Рауль пропустил удар. Здесь были все: Андрэ, Бастиан, Матиус, Этьенн, Стилл и Тэодор Санжар.

Все семеро снова были вместе. Воспользовавшись минуткой, Рауль бросился к Силве и

оказавшись рядом, заботливо облизнул её ушибленную лапу.

— Отлично! Вся стая в сборе! Мне крупно повезло — ряды моей стаи пополнятся!

— Серьезно? — Глаза Тэо загорелись красным цветом. — Ты хоть догадываешься, почему твоя попытка подчинить Рауля провалилась? — пятерка матерых волков встали за спиной своего альфы. — Потому что он сильнее тебя. Его сила в стае и в его истинной паре, а твоя слишком сомнительна для настоящего альфы.

— Я убью вас всех! — прорычал Валдар отступая к своей стае. — Вас всего семеро! Ты не обманешь меня цветом своей шкуры! Убить их! — вызывающе гаркнул Валдар, усиливая влияние.

Волки оскалились, обнажая клыки, но стоило Тэо сверкнуть глазами, как тотчас успокоились и отступили.

— Не вмешивайся! — зарычал в бешенстве Валдар.

— И не собирался! — выдержке и спокойствию младшего из всех братьев, завидовали все. В свои двадцать лет, он был поразительно силен духом. — Тебе был брошен вызов и, следуя нашим обычаям, ты примешь его!

— Нашим обычаям?

— Этот мир, увы, не такой, каким мы с братьями его помним. Все традиции и законы оборотней оказались напрочь забыты, истинность пары предана забвению, а стаи держатся на страхе и повиновении! Я пришел, чтобы исправить это!

— Я думал, что ты пришел спасти брата! — фыркнул Валдар.

Тэо взглянул на Рауля, рядом с которым поднималась с земли, прихрамывая на больную лапу, его волчица.

— Его не нужно спасать! В него нужно верить! Волк обретает надежду в поиске своей истинной пары, и только найдя её — обретает себя!

Силва чуть не задохнулась, услышав те же самые слова, что любил повторять её дед. Что это? Весточка из прошлого? Наказ предков?

Братья переглянулись. Рауль коротко кивнул. Тэо не только простил его, он пришел на выручку, как только почувствовал неладное. Пришел с поддержкой стаи, поделился своей силой, чтобы… отпустить его.

Рауль вышел вперед, решительно ступая лапами по твердой мостовой, прямо навстречу Валдару, пригибая голову ниже туловища, выпрямив свой хвост параллельно земле.

Альфа тут же ощетинился и выпустил свои

клыки.

— Любой волк может бросить вызов альфе, если чувствует свою силу. Я не стану вмешиваться, но прослежу, чтобы поединок был честным. Иначе сам разорву тебя на части, Валдар!

Два волка, два оборотня в кругу себе подобных, сошлись в смертельной схватке. Они бросились друг на друга, разъяренные, один — желанием превосходства, другой — желанием наказать врага. Но победа могла быть только за одним.

Шерсть обоих быстро окрасилась в кровавый цвет, острые когти впивались в густую шерсть и благодаря своей длине достигали плоти, разрывая её. Из пасти то и дело вырывались гортанные звуки, капли крови вместе со слюной разлетались в стороны. Два хищника терзали себя когтями и зубами, впиваясь в самые различные участки тела и вскоре, уже было не различить кто из них кто. Лишь цвет глаз все ещё определял их.

Силва с замиранием сердца следила за поединком, не сводя глаз со своего волка, и в ту секунду, когда Валдар усилив подчинение и воспользовавшись замешательством противника, нацелился ему в горло, ловко прыгнула вперед, вовремя протискиваясь между пастью Валдара и шеей любимого.

От удара Валдар кубарем перевернулся на бок, но тут же вскочил на лапы.

— И это ты называешь честным поединком, Черный волк? — слизывая кровь с ободранного бока, прорычал тот.

— Никто не виноват, что у тебя нет истинной пары, Валдар Свой! — ответил ему голос. — С ней, волк становится непобедимым! С ней, волк становится альфой!

Валдар не сразу понял, что имел в виду Черный альфа, пока его глаза не остановились на той самой паре. Рауль и Силва стояли, прижавшись друг к другу, клыки волка медленно выходили из предплечья волчицы. Метка выбора. Он отметил её!

Валдар взревел и бросился вперед, выбрав в своем обезумевшем сознании лишь одну цель — её! Рауль прочитал это в его глазах и, собрав все свое мужество и силу воли, встал на его пути. Его глаза сверкнули решимостью, он уперся лапами в мостовую, пронзительным взглядом ожидая приближение врага.

Тэо приподнялся с места. Черный волк смотрел на своего старшего брата и внутренне торжествовал. Он в него верил! Верил в силу истинной любви, в силу истинной пары! Потому и отпу-

стил…

Глаза Рауля вспыхнули красным, а спустя секунду послышался характерный хруст костей и бездыханное тело Валдара Свой рухнуло к ногам новоиспеченного альфы.

***

«Истинная сила там, где нет места страху, истинная любовь там, где в неё верят двое!»

На этом СЕМЕРО закончили свое существование.

Братья Санжар во главе своего Черного альфы вернулись туда, откуда пришли, а Рауль остался в поселке, взяв на себя роль нового альфы, поклявшись перед своими братьями вернуть былое величие тем, утраченным за века ценностям, которых современные оборотни были лишены.

Мифы о Черных волках со временем ожили, а любовь оборотня снова начала приобретать совсем иной смысл — истинный…

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/Irina-Volnaya

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Вольная-Ирина/

Екатерина Снежная. Похищенная у смерти

По мотивам цикла «Лесное логово»
https://feisovet.ru/магазин/Лесное-логово-Екатерина-Снежная

***

Предисловие

Эта история о Асвальде, младшем сыне альфы Черной стаи, одном из главных героев романа "Лесное логово 3. Запретная любовь". История происходит примерно через год после описанных в книге событий. Вальд, оправившись от ран, понимает, что ему слишком тяжело находиться дома, где всё напоминает о Лене, и когда черные узнают о том, что Эрик и вся его семья покинули Серых и основали собственную стаю и Елена вышла замуж, Вальд принимает решение покинуть стаю и отправиться туда, где ничего не будет напоминать ему о потерянной любви. К людям…

***

Вальд.

Я обернулся и помахал на прощание медленно движущейся к противоположному берегу Быстрой лодке. Гребцы, сидящие на веслах, махнули мне в ответ и прибавили ходу. Не хотелось бы, чтобы кто-то на этой стороне увидел, что волки снова были на человеческой территории. И тем более, что оставили там меня. Когда лодка достигла противоположного берега и сидящие в неё серые споро выскочили на сходни и потянули её на берег я отвернулся, закинул на плечи вещевой мешок и пошел вперед по дороге. На первый взгляд берег людей ничем не отличался от такого же на стороне оборотней. Но я чувствовал себя здесь совсем по-другому. Быть может потому, что для того, чтобы попасть сюда, мне пришлось выиграть не одно сражение. Сначала с собственной семьей, не желающей понять моё настойчивое желание рискнуть своей жизнью, отправившись на территорию наших врагов, потом с альфой Серой стаи, не желающего давать в руки людей возможность получить информацию о том, что происходит за Быстрой и, наконец, с самим собой, когда я, уже после окончания обучения у бывшего

коменданта человеческой крепости, ушедшему к оборотням вслед за внучкой, с трудом заставил себя уйти из новой стаи Эрика, уйти от Елены, хоть и принадлежащей сейчас другому волку, и носившей под сердцем его ребенка, но все равно бесконечно желанной для меня. И лишь понимание того, что я своим присутствием вношу разлад в её семью и того, что она потеряна для меня навсегда, заставили меня покинуть, наконец, стаю Палевых волков и отправиться в своё путешествие. Путешествие, из которого я, пожалуй, все же не хотел вернуться.

Земля мягко пружинила под ногами, вокруг, куда ни глянь, расстилался бесконечно огромный лес в котором даже я не мог уловить пока никаких признаков присутствия человека, кроме, пожалуй, дороги, по которой примерно через месяц в сторону Быстрой двинется отряд воинов, сопровождающий предназначенных в жертву оборотням девушек. Губы сами собой исказились в ироничной улыбке. Да, знали бы люди, что на самом деле "Волчьи невесты" предназначенные для потехи волкам и на самом деле становятся невестами. Вот уже больше десяти лет. С того времени, как в Серой стае появилась Лилия. Первая Волчья невеста, ставшая женой, а не рабыней,

мать Елены…

Снова защемило сердце и я усилием воли выкинул из головы все мысли о Лене и вообще все мысли о моем прошлом. Его нет. Нет ни для кого здесь. И, значит, — для меня тоже. Есть только настоящее, в котором я уже пятый день шагаю по дороге, к первому крупному человеческому поселению, по широкой дуге обходя встречающиеся на пути селища. И будущее. Моё будущее, которого может и не быть, если я буду недостаточно осторожен и позволю людям понять кто я и объявить охоту…

К Ренсу, человеческому городу, я вышел через седьмицу пути. За это время мой заплечный мешок заметно похудел, делясь со мной своими небогатыми припасами. Я наотрез отказался брать больше необходимого. И денег у меня тоже почти не было. Не считая нескольких золотых монет зашитых в одежду. Я не собирался давать окружающим повод проявить интерес к моим вещам и напороться на отпор, не характерный для обычного деревенского парня, которым я и собирался притворяться. Не вышло. Уплатив медяшку стражникам на входе в город я медленно двинулся вперед по центральной улице, внимательно прислушиваясь и принюхиваясь к

эмоциям окружающих меня людей. Где-то там, через несколько улиц, должен был быть тихий переулочек с приличным постоялым домом, который мне рекомендовали уже бывавшие в Ренсе оборотни. Вот только дойти до него мне было не суждено. Потому что, когда я прошел примерно половину нужного расстояния, народ вокруг вдруг заволновался и прянул в стороны, освобождая дорогу. Я, несколько замешкавшись, тоже отступил в сторону, оказавшись на самом краю жавшейся к стенам толпы, закрутил головой, пытаясь понять, что же всех так испугало и увидел их. Несколько всадников на мощных вороных жеребцах двигались вперед, угрожающе позвякивая висевшим на поясе оружием, а в самом центре их отряда, ехала, высоко подняв голову и смотря только вперед, юная девушка. Её перехваченные черной лентой густые волосы опадали вниз густой волной, почти касаясь крупа коня, на лице красавицы застыло странное выражение, словно она изо всех сил сдерживалась, чтобы не выдать мучающую её боль или… не заплакать! Я почти инстинктивно качнулся вперед, к всадникам, стараясь уловить её аромат, который, очевидно, мог бы сказать мне о незнакомке гораздо больше, чем её неподвижно замершее лицо, но в этот миг

раздался резкий свист и мне на плечо, задев грудь и обдав острой болью, опустилась плеть.

— Пошел прочь, деревенщина! — зло крикнул мне один из сопровождавших девушку воинов, — куда прешь под копыта?

И он еще раз замахнулся плетью, заставляя меня рефлекторно отшатнуться. И в этот момент девушка повернула голову и посмотрела прямо мне в глаза. И я не просто увидел её так и не пролившиеся слезы, но и, наконец, ощутил её запах, поднявший мне несуществующую шерсть на загривке. Пленница, а теперь я был абсолютно уверен, что она здесь не по своей воле, через бесконечно долгий миг отвернулась и на её лице снова застыла маска безразличия. Воины неторопливо проезжали мимо меня, и это заставило как удержать в груди яростный рык, так и сдержать спонтанный оборот. Не время сейчас. Не время и не место. Я обернусь, обязательно. Позже. Когда вокруг не будет свидетелей. Когда мои враги окажутся в одиночестве там, где я смогу их достать. Так, чтобы ни один не ушел живым. Я проводил глазами удаляющийся отряд, оглянулся. Люди уже не теснились у стен домов, постепенно вновь заполняя улицу.

— Бедняжка, — уловил я тихий шепот, — ладно

отца казнили, но девочку то за что?

— Да, не позавидуешь ей, — поддержал другой голос, — у меня сватья троюродной сестры работает в магистрате поломойкой, так она рассказывала…

Дальше я не прислушивался. Отряд удалялся и было очевидно, что если по городу они ехали относительно медленно, давая возможность людям убраться с дороги, то, выехав за крепостные стены, пришпорят лошадей и догнать их будет не просто. Совсем не просто. Я вдохнул, обругал себя идиотом и, всё ускоряясь, побежал в сторону только что пройденных ворот, отчаянно сожалея о том, что оказался упертым бараном и не взял достаточно денег для покупки лошади. И лошадь не взял тоже. Не хотел привлекать к себе внимание! Посмотрим, каким незаметным ты, балбес, будешь в шкуре! И что скажут волки, если узнают, что ты в первый же день в городе нарушил все их запреты! Все это проносилось в голове, ни как не влияя на то, что делало моё тело. Догнать отряд до того, как они вышли за ворота я не смог, да и, если честно, не стремился. Незачем привлекать к себе и так избыточное в моем случае внимание. Из города мы вышли через неширокую калитку довольно большой толпой. Мзду за выход не

брали и я понадеялся, что остался незамеченным стражником, только что пропустившем меня в город. У ворот толпа разделилась: кто-то двинулся по своим делам, но большая часть просто остановилась, отойдя на несколько шагов и провожая глазами действительно перешедший в галоп отряд. И снова я расслышал в толпе сочувственные вздохи, несколько женщин вытирали повлажневшие глаза, мужчины угрюмо молчали. Было понятно, что все они знали что именно случилось с девушкой и её семьей, сочувствовали ей, но при этом никто даже не подумал выступить против воинов, увозивших свою пленницу в неизвестном направлении. Никто, кроме идиота черного волка, в один миг прикипевшего к черноволосой красавице все душой. То есть меня.

Я присоединился к небольшой группе мужчин идущих, похоже, за дровами. Поле перед городом прекрасно просматривалось с городской стены и одинокий путник да ещё и бегущий вслед быстро удаляющемуся отряду наверняка привлек бы внимание. Так что пришлось, сжав зубы, усмирить своего волка, рвущегося вслед за нуждающейся в помощи девушкой, и топать рядом со степенно вышагивающими мужиками, то и дело напоминая себя, что я все же взрослый волк, а не

глупый мальчишка, впервые почувствовавший аромат красивой девушки.

— А видели сколько солдат граф прислал за нашей малюткой, — неспешно говорил один из мужчин, сильно смахивающий на главного, — и не кого-нибудь, а своих гвардейцев! Видать сильно его идеи Нарта-то напугали!

— А то! — пробасил его собеседник, — говорят, он хотел Тезку сам в Волчьи невесты отдать! То видано ли дело? Вот и спужался князь-то. Да только девчонку-то за что так? Ладно отца казнили за святотатство, но девка то в том не виновата!

— Ага, — поддержал его молодой парень, — выдали бы её замуж и все дела. Даже я бы и то взял…,- лицо парня стало задумчивым, а я с трудом удержал рвущийся из кармана кулак. Ага, взял бы он! Сейчас! Черноволосая красавица моя! Только моя и точка!

— Ну или отдали бы и правда в Волчьи невесты, — согласился его сосед, — может и лучше то было бы…

Мужики задумчиво помолчали, видимо сравнивая участь приготовленную для девушки князем с перспективой быть изнасилованной и сожранной заживо жуткими зверями и один из них возразил:

— Да ну, Сотен, неужели ты тоже думаешь, что оборотни больше на людей похожи и по-человечески жить могут! Что человеческого в них больше чем звериного?

— Не, — ответил предложивший отдать Тезку в Вольи невесты, — но там хоть быстро умерла бы. Не мучилась!

— Это да, — почти хором вздохнули мужики и снова замолчали. Больше я ничего интересного от них не услышал. Да и, если честно, не особо вслушивался, потому что мы уже достигли леса и я искал удобное место, чтобы оставить своих спутников и обернуться. Догнать отряд на своих двоих было нереально, а оставить незнакомку в руках княжеских гвардейцев я не мог. Вот не мог и всё тут! И куда, интересно, делся взрослый умный оборотень, не собиравшийся понапрасну рисковать своей шкурой??

Я догнал отряд только к вечеру, когда они уже остановились на ночь в одном из придорожных трактиров. Оббежав строение и убедившись, что нужные мне люди не покидали это место, я встал с земли уже человеком и потянулся к заплечному мешку, где была сложена одежда, в очередной раз сказав спасибо людям, живущим сейчас среди оборотней и придумавшим такое его строение,

что сумка оставалась надёжно закреплённой на спине даже в зверином обличии.

Трактир оказался самым обычным, наполненным запахами немытых человеческих тел и кислого пива и будь моя воля, я предпочел бы ночевку в лесу нахождению под такой крышей. Но девушка была именно здесь и я пересилил всколыхнувшееся во мне отвращение и пошел к стойке, внимательно оглядываясь по сторонам и еще внимательнее принюхиваясь. Обеденный зал был почти полон: за столиками сидело множество ужинающих людей и в воздухе стоял равномерный гул голосов, разобрать среди которого отдельные слова было непросто, да, собственно, и не нужно. Потому что нужных мне людей здесь не было.

— Мне нужна свободная комната на ночь, — сообщил я трактирщику, возвышавшемуся над стойкой подобно горе, — и ужин.

— Свободным мест нет, — отрезала гора и отвернулась.

— Совсем? — неприятно удивился я, мгновенно подобравшись и просчитывая варианты. Насколько я помнил, дорога из Ренса в столицу княжества занимала четыре дня, значит, теоретически у меня было еще две ночи. Но что-то

мне подсказывало, что забрать девушку нужно именно сегодня, иначе будет поздно. Слишком поздно…

— Есть матрас на чердаке за пять медяшек, — протянул хозяин внимательно осматривая меня, — но ни тишины, ни покоя я тебе там не гарантирую!

— Согласен! — я выложил на стойку нужную сумму и уточнил, — а что с ужином?

— Садись вот туда, — кивнул трактирщик в темный угол где я с немалым удивлением обнаружил крохотный столик, — сейчас скажу подавальщице, чтобы принесла чего-нибудь съестного, но ужин оплачиваешь отдельно.

Я только согласно кивнул и двинулся в указанном направлении.

К моему немалому удивлению, кормили тут пристойно и я с удовольствием съел и густой наваристый суп и жаркое с вареным картофелем, а когда с едой было покончено и я собирался уже подняться и пойти наверх в зале что-то разительно изменилось. Проследив устремившимися куда-то мне за спину взглядами я увидел, как по лестнице спускаются четверо гвардейцев. Они не раздумывая подошли к самому большому столу и, не особенно церемонясь, потребовали от

группы торговцев, до этого момента сидевших там, освободить им место. И, что было самым удивительным, те без возражений послушались. Занятый военными стол оказался не слишком далеко от меня, так что я передумал уходить, надеясь узнать из их разговоров что-нибудь важное.

— А Тар ей значит и говорит, — продолжал что-то рассказывать один их гвардейцев, — так мол и так, сама ведь знаешь, какая судьба тебя ждет. На Главной площади же приговор то вместе читали и твой и отцовский, так неужто хочется тебе, девица, невинность свою княжескому кобелю отдать, да на лобном месте, да в присутствии всего города? Если, говорит, ты меня хорошо попросишь, я, так и быть, сам тебя уважу, да может еще и из ребят кто согласится приголубить, девка то ты видная.

— А она что? — поинтересовался ещё один воин отхлебывая большой глоток чего-то ядрёного, оперативно принесенного на стол испуганной подавальщицей, — попросила?

— А что она? Забилась в угол и сидит, глазищами лупает. Но не ревет и то хлеб. Но, я думаю, они с Ситом её таки уговорят, а не уговорят, так силой возьмут! Чего с ней церемониться то! Все

одно ведь князь не пожалеет, зверями на площади потравит, чтобы никому более и в голову не приходило оборотней за созданий божеских считать!

— Это да, у меня зять в загонщиках, так они в один день с нами приказ получили. Мы в Ренс поехали, а они в лес, за парой волков. Видать волками князь девку-то травить хочет…

— Ага, чтобы знала, какого это — быть Вольей невестой, — заржал один из гвардейцев, — я, пожалуй, тоже её приголюблю чуть попозже! Это зверям девственниц подавай, а княжеский кобель и на попользованную заскочит! Специально, говорят обучен!

И гвардейцы снова беззаботно расхохотались, даже не догадываясь о том, что за три столика от них, в самом темном углу, притаился и сейчас с трудом сдерживался от того, чтобы не обернуться, самый настоящий волк.

***

Тереза.

Сколько я себя помнила, папа всегда интересовался оборотнями. Они были его страстью, его манией и любовью и иногда мне казалось, что не будь у него мамы и меня, и отец взял бы

вещевой мешок и пешком отправился за реку Быструю, изучать своё наваждение в "естественных условиях". Он, собственно, и в Ренс переехал из процветающей Иллирии только потому, что это был ближайший к волчьим землям относительно крупный город. Он бы и в деревню переехал, а то и вовсе поселился бы на каком-нибудь одиноком хуторе, если бы не одно но. Папа ничего, совсем ничего не знал о труде простого крестьянина и понятия не имел с какой стороны подходить не только к корове, но и к сохе. Он просто не выжил бы, если бы ему пришлось питаться плодами собственного труда, так что Ренс был крайней точкой в которую мой родитель мог позволить себе забраться ведомый надеждой узнать о зверолюдях чуточку больше. Отец был из достаточно богатой и знатной семьи и получил прекрасное образование, так что городской голова, лишь посмотрев на предъявленные ему документы, едва не подскочил от радости и с готовностью подписал приказ о назначении отца главным городским архивариусом. Так и началась наша жизнь в этом маленьком приграничном городе. На момент переезда мне было пять лет и я плохо запомнила и долгую дорогу на север и сложные первые дни и недели на новом месте. Деньги у

отца были и он купил небольшой но уютный дом на тихой улочке в самом центре города, отсыпал матери, уроженке знойной Закии, несколько золотых монет "на хозяйство", поцеловал меня в лоб и умчался на новое место работы, чтобы появиться на пороге дома лишь глубокой ночью. Мама, понимающая, что она вышла замуж за глубоко и неистово увлеченного человека лишь вздыхала, когда я спрашивала где папа и когда он сможет со мной поиграть. К счастью, у нас оказались удивительно доброжелательные соседи которые помогли и с покупкой всего необходимого и с доставкой этого всего до нашей двери. Дома отец появился лишь два месяца спустя и выглядел при этом донельзя расстроенным. Как выяснилось, а городском архива Ренса почти не было информации об оборотнях. Лишь смутные описания, да старые сказки, которые папа и так знал наизусть. Ещё в скрытом хранилище нашлось несколько старых протоколов допроса попавших в плен оборотней или тех, кого посчитали оборотнями. Но, к большому сожалению родителя, допрашиваемые либо упорно молчали не желая отвечать, в не зависимости от применяемых к ним методов дознания, любо несли такую чушь, что даже папа, судорожно цепляющийся за каждую зацепку,

посчитал их безвинно обвинёнными. У нас уже забрезжила было надежда, что не найдя нужной информации, отец успокоится и мы вернемся в прогретую солнцем, сладко пахнущую морем и апельсинами Веенну с её белоснежными зданиями и фонтанами на каждой площади, но мечтам нашим не суждено было исполниться. Потому что в Ренсе были те, кого не найти было в любом другом городе мира. В Ренсе были живые свидетели. Законники, ежегодно сопровождающие Волчьих невест на противоположный берег реки Быстрой. Те, кто видел. Если уж не самих оборотней, то хотя бы их тени. И мы остались. Папа работал и под его присмотром архив превращался в то, чем он и должен был быть: в место хранения важных документов, каждый их которых можно было найти. Да и мы с мамой привыкли к неторопливой и размеренной жизни маленького города. Здесь не было такой удушающей жары летом, в безветрие, люди были веселы и открыты, в деньгах мы не нуждались, регулярно получая посылочки из Веенны со знакомыми купцами. Я подружилась с местной ребятней и через какое-то время меня даже перестали называть чертовкой за смуглую кожу и черные глаза и волосы. А потом заболела мама. Отец бросил архив. Он вообще всё бросил

и дни и ночи проводил у постели медленно угасающей женщины, лишь иногда проваливаясь в быстротечный сон. И тогда у маминой постели дежурила я. Мы испробовали всё. Обошли всех местный лекарей и знахарок и выполнили все их рекомендации, зачастую противоречащие друг другу. Пока, наконец, порог нашего дома не переступила сгорбленная старушка, с одного взгляда на маму определившая что же случилось.

— Сколько она болеет? — спросила бабушка и услышав, что пошла вторая неделя, лишь горестно покачала головой.

— Признавайся, молодка, — обратилась она уже к матери, — поднимала что тяжелое прежде чем занемочь?

Та лишь кивнула, говорить она уже не могла, да и в сознании находилась всё меньше, периодически проваливаясь в забытье.

— Дитё в ней замерло, — пояснила нам погрустневшая старушка, — если бы чуть раньше, может и спасли бы, а неделя — долгий срок. Отравилась она уже. Не выкарабкается.

И мама действительно умерла ночью следующего дня, оставив отца вдовцом, а меня наполовину сиротой. Это случилось почти два года назад. Несколько месяцев отец ходил поте-

рянный. Забывал не только есть, но и спать и вскоре превратился в тень самого себя. А потом он решился. Не знаю уж, что и кому он пообещал, но его, не имеющего никакого отношения к законникам, включили в группу стражников, которые должны были сопровождать Волчьих невест. Из путешествия к реке Быстрой отец вернулся совершенно другим человеком. Он снова забывал есть и спать но теперь не потому, что бессмысленно слонялся по ставшему пустым без мамы дому. Нет, он снова пропадал в архиве, а когда нужной информации там не нашлось, переключился на библиотеку. И всё-таки что-то нашел. Я так и не поняла, на чем именно были основаны его выводы, просто в один из дней папа вернулся домой гораздо раньше положенного срока, позвал меня в кабинет, прикрыл дверь и тихо, но торжественно объявил:

— Тереза, я отдам тебя в Волчьи невесты!

И это стало началом конца. Не знаю уж, куда и как ушла информация о странных увлечениях городского архивариуса, но через пару недель к нам в дом постучал неприметный, чуть полноватый и совершенно лысый мужчина, представившийся отцом Федором и попросивший отца рассказать о его изысканиях. О, наивный мой родитель! Если

бы он только знал, к чему приведет его радостно-сбивчивый рассказ! Но он не знал и, обретя наконец внимательного слушателя, выложил ему всё то, что нашел за годы упорных поисков и к чему пришел после долгих размышлений. Отец Федор согласно покивал и покинул наш дом, чтобы утром возвратиться во главе десятка стражников и разрешением на арест и допрос с пристрастием. Правда, особые меры дознания не помогли. Отец и так рассказал в первую встречу всё, что знал. А еще через две недели на пороге моего дома появились княжеские гвардейцы. Правитель вынес приговор и его должны были зачитать на главной площади и сразу же привести в исполнение.

Я надеялась, до последнего надеялась, что папу отпустят. Пусть высекут, пусть заставят заплатить крупный штраф, но отпустят! Вот только, как оказалось, старый князь искренне ненавидел оборотней и всё, что с ними связано. И тех, кто пытался понять их — ненавидел тоже. Приговор оказался невероятно, непостижимо жестоким: смертная казнь для отца за измену княжеству и святотатство и... для меня. Причем если папу должны были сжечь на главной площади Ренса, то его дочь, "решившую добровольно продаться

отродьям Тьмы" следовало доставить в столицу княжества и "отдать на поругание животному, а потом потравить дикими зверями" сделав с ней именно то, на что она "добровольно согласилась отдавшись в Волчьи невесты".

Я так и не поняла, как сумела удержаться и не упасть в обморок от услышанного. Перед глазами всё почернело и единственное, что я отчетливо видела, это дрожащие, вывернутые назад руки отца и его слезы, бегущие по щекам. Приговоренный что-то отчаянно кричал, но, очевидно, слушать его последнее слово не входило в планы гвардейцев и их командир повелительно махнул рукой палачу. Не знаю, что именно тот сделал. Смотреть на помост я просто не могла. Но отец замолчал. А гвардейцы развернули коней и двинулись в сторону городских ворот. Когда мы покинули Ренс и мужчины пришпорили лошадей я, оглушенная и раздавленная случившемся, внезапно поняла, что то, что сделали с отцом на самом деле далеко не так страшно по сравнению с моей собственной участью. И еще я поняла, что живой до столицы княжество доезжать мне ну никак нельзя, если, конечно, я не хочу и на самом деле быть публично изнасилованной и разорванной на части голодными волками.

В голове было совершенно пусто и созревшее решение никак не хотело облекаться в хоть какой-то план действий. Я просто не представляла, как можно убить себя так, чтобы это было быстро и необратимо. Мысль броситься под копыта бегущей лошади отмела сразу. Убиться насмерть у меня вряд ли получится, а переломанное тело вполне сможет прожить ещё достаточно времени, чтобы его успели казнить по плану князя и уже точно не сможет ничему помешать. К тому же, это было больно а я, как бы трусливо это не звучало, совершенно не умела терпеть боль. Как прошел первый день в пути я, погруженная в собственные переживания, даже не заметила. Просто в какой-то момент меня стянули с седла и куда-то повели и лишь оказавшись в просторной комнате я осознала, что мы находимся на постоялом дворе, а за окном уже медленно сгущаются сумерки.

— Так что, девка, — снова спросил меня один из гвардейцев, подходя ближе и буквально ощупывая моё тело своим взглядом, — попросишь меня как следует, чтобы я тебе показал как оно бывает, с мужиком-то, а не со зверем?

Я отчаянно замотала головой и забилась еще дальше в угол комнаты, с отчаянием понимая,

что это меня не спасет. Если мужчина захочет сделать то, о чем говорит, вообще ничего меня не спасет.

— Слышь, Тар, — окликнул его второй оставшийся в комнате гвардеец, — не люб ты видать нашей красотке! Она ж волка себе в хахали хотела, а ты и рожей не вышел, да и шкура у тебя не такая!

И он громко, чуть визгливо расхохотался, вызывая во мне новою волну страха. Потому что в этом смехе не было ни капли веселья. Лишь издевка и злость.

— Да ну, ты брось, Сит! — неожиданно поддержал игру первый гвардеец, — не может такого быть, чтобы дева эта меня не оценила! Я вот сейчас одежку лишнюю то скину, так и увидите что и шкура что надо и для работы необходимое всё имеется!

И он, отойдя от меня на несколько шагов, сел на край постели и начал неторопливо раздеваться.

— И то правда, — обрадовался Сит, — и как я о том не подумал! Товар то надо разглядеть сначала! А то впарят кота в мешке и мучайся с ним потом! Я, пожалуй, тоже поучаствую! Глядишь, мои инструменты поболе твоих девке то приглянутся!

И он потянулся к застежке ремня. Я смотрела на спокойно раздевающихся мужчин и понимала, что вот сейчас они скинут с себя остатки одежды, вытащат меня из этого угла, разложат на кровати и изнасилуют. И единственное, что я, быть может, смогу сделать — это выбрать кто из них будет первым.

— Ну как тебе, красавица, — глумливо улыбаясь поинтересовался у меня Сит, — меня выбираешь?

Я замерла, не смея, кажется, даже дышать. В углу, куда я забилась сразу после того, как меня грубо втолкнули в эту комнату, стояла низенькая скамеечка и сейчас, когда нагие мужчины стояли так близко, казалось, что стоит мне шевельнуться и их стоящие дыбом члены, коснуться лица.

— Слушай, Тар, — обратился он ко второму гвардейцу, — а ведь не справедливо так! Мы с тобой разделись, товар, что называется, лицом показываем, а девочка то наша даже пальчик на ножке нам еще не предъявила! Может она под этим платьем страшнее чумной смерти! А ну-ка, красавица, — обратился он уже ко мне, — давайка, вылезай из своего угла, да скидывай с себя все тряпки! Хочу на тебя голую посмотреть!

Я отчаянно замотала головой, чувствуя, как

дрожат губы от едва сдерживаемых рыданий, а по щекам бегут горячие капли.

— А станешь нам развлечение портить, — вдруг зло и резко произнес Сит, хватая меня за волосы и резко поднимая наверх заплаканное лицо, — мы тебя не просто на двоих оприходуем, а так отжарим, что ни стоять ни сидеть не сможешь! Поедешь завтра лежа поперек лошади! Поняла меня?

Я судорожно закивала и мужчина чуть ослабил захват, позволяя мне снова опустить голову.

— Ну так чего сидишь? Пошла раздеваться! — прошипел он и, впившись сильными пальцами мне в плечо, выдернул на середину комнаты.

— Раздевайся! — приказал Тар, усаживаясь на край кровати и опуская руку к промежности, — а мы полюбуемся и подготовимся.

— А может и поможем, — поддержал его Сит, ставя рядом со мной стул и садясь на него верхом, — но не забывай, что если нам придется тебе помогать, то это будет больно…очень, очень больно…

Пальцы дрожали, когда я расстегивала мелкие пуговички на платье. Мужчины, что удивительно, меня не торопили. Тар ритмично двигал рукой, лаская себя, Сит неподвижно сидел за

моей спиной и лишь по тому, как тяжелело его дыхание можно было понять, что мужчина тоже возбужден. И его молчаливая неподвижность пугали меня гораздо сильнее действий Тара, потому как навевали воспоминания о песчанках, маленьких юрких и смертельно ядовитых змейках, умеющих неподвижно лежать даже под наступившим на них ботинком и жалящих только наверняка. Насмерть. Пуговички закончились и я робко потянула с плеч разошедшийся в стороны лиф платья, обнажая плечи и грудь, прикрытую теперь лишь тонкой нижней сорочкой.

— Дальше! — хриплым шепотом приказали сзади, — теперь сорочку!

Я потянулась к тонким ниточкам, чувствуя как по позвоночнику скользит холодом чужое дыхание и замерла, потому что в этот момент в дверь громко и уверенно постучали.

— Кто там? — недовольно рыкнул мгновенно подобравшийся Тар.

— Извините господин, — произнес из-за закрытой двери незнакомый мужской голос, — ваши друзья велели отнести в комнату пару бутылок хорошего вина и ужин.

— Чертов Зак! — недовольно проворчал Тар поднимаясь и натягивая штаны, — это он как

всегда лезет под руку со своими советами! Кроме него некому!

И он бросив мне короткое:

— Прикройся! — двинулся к выходу. Я торопливо натянула на плечи спущенное вниз платье и стянула края дрожащими пальцами, не в силах оторвать взгляда от медленно открывающейся двери. За ней оказался молодой парень, которому я не дала бы и двадцати лет, если бы не острый режущий взгляд, которым он в один миг окинул комнату.

— Да я тебе сейчас..., - начал было Тар, увидев, что в руках у незваного гостя нет ни вина ни ужина, вот только закончить ему не дали. Резкий удар в ухо, захват, толчок и незнакомец отпустил начавшее медленно заваливаться тело на пол и закрыл дверь. Почему тело? Да потому что с повернутым на спину лицом долго не живут. Я прижала руки к лицу, чтобы не закричать, а Сит вскочил и кинулся навстречу убийце. В руках у того мелькнуло что-то блестящее и второй гвардеец тяжело споткнулся и полетел на пол беспомощно вцепившись в почти до оперения вошедший в глазницу дротик. Гость поймал его за плечи и осторожно уложил, одновременно затыкая рот, подождал пока тело под ним пере-

станет дергаться и только тогда отпустил.

— Быстро бери если тебе что-то здесь нужно, — приказал он мне, поднимаясь, — и уходим.

Я окинула взглядом пустую комнату и медленно покачала головой. Ничего здесь моего не было. И брать отсюда я ничего не собиралась. Из дома меня забрали в чем была, очевидно рассудив, что на площадь меня выведут голой, а на пару дней пути и этого хватит. Так что я торопливо обулась, схватила плотную шаль, на плечи и вышла из комнаты вслед за нежданным спасителем.

— Выход со второго этажа один, — быстрым шепотом объяснял он мне, пока мы бежали в противоположный от лестницы конец коридора, — а в общем зале сидят остальные гвардейцы. Прямо напротив лестницы. Поэтому туда нам нельзя. Лезь!

Он указал на простую деревянную лестницу уходящую на чердак и я, сдержав рвущийся с языка вопрос: зачем он ведет меня наверх, если нам нужно вниз, схватилась за высокую ступеньку.

— Окно комнаты, где вы были, выходит на дорогу, и воспользуйся мы им, нас могли заметить, — пояснил парень подхватывая меня под руку и помогая подняться. Поэтому придется спускаться здесь.

И он распахнул передо мной тихонько скрипнувшую чердачную дверь. Я глянула вниз с высоты двух этажей и зажмурилась. Нет, я конечно планировала покончить с собой, но не таким же способом!

— Рискнешь довериться мне? — неожиданно спросил мой спаситель и сильнее сжал пальцы на моём запястье, — полностью? Рискнешь? Если пообещаю, что я тебя удержу?

Я посмотрела вниз, на чахлые заросли кустов у самой стены, бросила осторожный взгляд назад, откуда явственно доносился гул голосов и решительно кивнула. Я все равно приговорена к смерти, так почему же не рискнуть тем, что у меня и так уже отобрали. Свой собственной жизнью!

— Только не кричи! — предупредил меня парень разуваясь и сбрасывая вниз сапоги, — и не вздумай отпустить руки. Поняла?

Я молча кивнула.

— Хорошо! — он чуть присел и скомандовал, — залазь на спину.

Поднялся он легко, словно и не висела у него на шее вцепившись руками в плечи и обхватив ногами за талию живая ноша. А потом я едва не завизжала, потому что незнакомец подошел к

проему и шагнул вниз. Вот только вместо того, чтобы с грохотом свалиться на землю, он вдруг вцепился в толстые бревна пальцами и начал осторожно спускаться. И вот тогда-то я и увидела, что вместо обычных, человеческих ногтей его руки украшают острый волчьи когти. И всё-таки закричала.

К счастью, крик мой больше напоминал писк придушенной котом мыши и его никто не услышал. По крайней мере я очень хотела на это надеяться!

Когда до земли осталось на больше сажени оборотень спрятал когти и мягко спрыгнул вниз. Настороженно оглянулся, прислушиваясь к царящим вокруг звукам и, кажется, даже принюхиваясь, торопливо натянул снятые наверху сапоги, схватил меня за руку и потащил в наступающую на землю тьму.

Бежали мы не долго. Я, вымотанная до невозможности событиями последних дней, да и вообще никогда не отличавшаяся ни силой, ни выносливостью, быстро выдохлась и перешла на шаг, вынуждая замедлиться и моего спутника.

— Всё! Больше не могу! — прохрипела я, в изнеможении останавливаясь и падая на землю, — дышать нечем!

Мой спутник снова к чему-то прислушался и начал торопливо раздеваться.

— Нас уже ищут, — пояснил он, заметив мои испуганный взгляд, — и если ты не можешь бежать сама, придется сесть на меня. Я мог бы нести тебя и в этом облике, но наши преследователи на лошадях, и пешком мы всё равно далеко уйти не сможем. Только пожалуйста, на этот раз постарайся не кричать!

Я торопливо закивала и для надежности прикусила собственную ладонь, чтобы через несколько ударов сердца не то что не закричать, просто онеметь от изумления и восторга, когда вместо опустившегося на корточки человека с земли поднялся огромный черный волк.

Зверь нетерпеливо рыкнул, выводя меня из оцепенения и я шагнула к нему, не сумев сдержать восхищенный вздох, когда пальцы коснулись лоснящегося меха. Великолепный. Есть множество градаций прекрасного, но это творение природы можно было описать используя лишь превосходную степень! Он был чудом! Настоящим чудом встретившимся на моем пути, когда я уже окончательно потеряла надежду на лучшее! Он был моим спасением! Волк прижался к земле и я послушно забралась ему на спину, где уже

находился вещевой мешок со сложенной в него одеждой, вцепилась в жесткую шерсть загривка и прикрыла глаза, когда мощное тело подо мной дрогнуло, напряглось и сделало первый огромный прыжок.

***

Вальд.

Я бежал, не чувствуя усталости, с наслаждением вдыхая тонкий аромат лежащей на спине девушки и остановился лишь тогда, когда её дыхание, чуть шевелящее мех на загривке, стало уже совсем ровным и она начала медленно креиться набок. Остановился, лег и обернулся, позволив спящей девушке соскользнуть на землю. Через четверть часа постель из елового лапника, накрытого украденным в трактире одеялом приняла вес легкого тела. Я постоял в нерешительности, раздираемый желанием лечь рядом и прижать к себе хрупкое тело и пониманием того, что если девушка испугается, это может сильно усложнить мне задачу по уговариванию её стать моей женой и всё-таки не сдержался. Осторожно опустился на тихонько зашуршавший лапник, прижался сзади к гибкому телу, вдохнул восхитительный, кружащий голову аромат прогретого солнцем

леса, идущий от её кожи и волос и… заснул.

Разбудили меня лучи поднявшегося надо горизонтом солнца. Спал я не больше пары часов но сила, подогретая близостью прижавшегося ко мне девичьего тела так и пела в крови, заставляя действовать. Я осторожно, хоть и с неохотой, отстранился и медленно встал. Интуиция подсказывала, что сидеть на месте нельзя. Я не просто украл человеческую девушку, я лишил местного правителя уже наверняка объявленного развлечения, я убил его воинов. Такое не прощается. Нас будут искать и искать упорно, и если пока нам удалось оторваться от преследователей, то упускать эту возможность оставить их далеко позади ну никак нельзя!

Девушка проснулась, когда я уже нашел небольшой ручеек и умылся. Привстала, с удивлением глядя на меня и совсем по-детски потерла глаза кулачками. И этого ребенка князь собирался сначала изнасиловать на глазах у целого города а потом отдать на растерзание хищникам? Захотелось немедленно обернуться и отправиться в столицу, чтобы объяснить местному правителю, что если он недоволен соседством с оборотнями, то не стоит воевать с девушками, являющимися его же подданными. Пусть приходит за Быструю!

И сражается с мужчинами. Уж мы найдем, чем и как его встретить! Правда этот порыв прошел так же быстро как и возник. Как бы сильно не хотел я оторвать голову этому садисту, сейчас гораздо важнее было сберечь сокровище, нежданно — негаданно свалившееся мне в руки.

— Меня зовут Вальд, — начал я подходя к девушке и присаживаясь перед ней на корточки, — и, как ты уже поняла, я — оборотень. Из стаи Черных волков. Я увидел тебя В Ренсе в окружении стражников и… не мог не вмешаться. Сейчас мы в безопасности, но нас точно будут искать и искать прилежно, так что сейчас нужно кое-что решить. Скажи мне, девушка, добровольно согласившаяся стать Волчьей невестой, твое решение не изменилось? Ты всё еще хочешь попасть на территорию стаи? Ты станешь моей женой?

***

Тереза.

— Женой? — переспросила я, надеясь что мне показалось и оборотень, сидящий передо мной сейчас спросил что-то другое, что-то не имеющее отношение к настолько важным решениям… Но парень лишь серьезно кивнул, не отрываясь смотря мне в глаза и повторил:

— Да, именно женой!

— Но, — начала было я и запнулась, увидев как мгновенно помрачнело его лицо, а вдруг, когда я откажись, он бросит меня здесь? Оставит гвардейцам которые найдут меня рано или поздно, потому что одна я от них не спрячусь! Что если…

— Что бы ты ни подумала сейчас, немедленно забудь! — неожиданно рыкнул оборотень и резко поднялся, — я не собираюсь принуждать тебя к чему-либо и уж тем боле не собираюсь брать силой! И помогу вне зависимости от твоего решения! Но я должен знать, можно ли нам сейчас уходить в сторону Быстрой или ты намерена следовать куда-то в другую сторону!

Я задумалась. Мама была из большой крестьянской семьи и отец, получив за дочь хороший калым от чужестранца, не колеблясь отдал её замуж и больше ни разу не поинтересовался: как живет на чужбине его родная кровь. Папа, конечно, был из знатного рода, но свою долю наследства он уже получил и потратил. А то, что не потратил наверняка изъяли в казну князя, обогатив её на несколько сотен золотых. Нет, родные дяди меня, скорее всего, примут и даже прикроют от притязаний местного князя, слава Светлой, на Веенну его власть не распространялась! Но про-

жить всю жизнь в чужом доме приживалкой, без надежды обрести собственную семью и родить детей… Стало грустно. Это мужчинам южных городов было позволено жениться на тех, кого выбрало их сердце, и то далеко не всем и не всегда… А вот женщинам… Если у девушки не было приданого, у неё оставалось всего два выхода: выйти замуж за старика или вдовца, желающих скрасить свои последние годы присутствием рядом молодой красивой женщины или навсегда остаться одинокой. Потому что, правящие рода прекрасной Веенны не позволяли своим женщинам родниться с простолюдинами, чтобы потом их дети не могли претендовать на место в совете города. Но было и ещё кое что важное, кое что, не позволяющее мне сказать этому неожиданно пришедшему мне на помощь парню нет — мой долг жизни за спасение от страшной, мучительной смерти. И я решилась.

— Я пойду с тобой, — озвучила я свой приговор, — и стану твоей женой, когда ты того пожелаешь, Волк. Ты спас меня и моя жизнь отныне принадлежит тебе и тебе решать как именно ты с ей распорядишься…

Парень не ответил. Только кинул на меня долгий, пронзительный взгляд и отвернулся,

занявшись разбором вещевого мешка.

— Справа, вон под теми соснами, есть родник, — услышала я через несколько долгих мгновений его глухой голос, — я набрал воды в фляжку, так что об этом не думай, а вот еды у нас не очень много, но на пару дней хватит а там, я надеюсь, погоня отстанет и можно будет докупить необходимое. Иди, умойся и будем двигаться дальше.

***

Вальд.

Я проводил девушку взглядом и с трудом разжал сжатые в кулак пальцы. Всё во мне противилось тому, что я только что услышал. Долг жизни… Я тяжело вздохнул и прикрыл глаза, стараясь успокоиться. Я не хотел, чтобы эта девочка была со мной во исполнения долга. Я хотел, чтобы она была со мной, потому что сама этого хочет…

Тереза вернулась от родника и я отдал её остатки пищи и обернулся. Нужно было спешить. А объедать девушку, когда я вполне мог обойтись и охотой было просто бесчестно. Я уже лег на землю, когда моего носа достиг восхитительный аромат. Тереза стояла возле собранных сумок и смотрела на меня с непередаваемым выражением на лице. Как… как на произведение искусства.

А потом она медленно, осторожно сделала ко мне несколько шагов и прикоснулась к холке чуть подрагивающей рукой.

— Вальд, — услышал я подрагивающий от волнения голос, — Вальд, какой же ты красивый! — и в словах этих и в её запахе было что-то такое, что-то что проникло прямо в моё сердце и заставило меня пообещать себе, что эта девочка будет жить. Чего бы мне это не стоило, я спасу её! Спасу даже ценой совей собственной жизни.

Земля мягко пружинила под лапами, стелилась мягким ковром, уговаривала остановиться. "Посмотри, сын леса, на этот молодой ельник, как нежны его лапы, знаешь, какое мягкое ложе можно из него сделать? Ложе, где ты сможешь стянуть с девочки, что сидит сейчас на твоей спине, мешающие вам одежды и сделать её своей. Посмотри, волк, какое озеро! Остановись! Окунись в его прозрачную глубину, смой с себя усталость и пыль, полюбуйся на смуглое тело в прозрачной глубине, догони его! Поймай, прижми, схвати за длинные волосы, заставь покориться, принять тебя, твою метку! Смотри, двуликий, свежие следы стада оленей! Ты голоден! Тебе нужна пища! Горячая, сладко брызжущая и дающая силы кровь! Погоди! Здесь ждет тебя отличная охота!

Ты не уйдешь разочарованным! О нет! Только задержись! Останься в этом лесу! И он станет твоим! И откроет тебе все тайны!" Я насмешливо фыркнул, в очередной раз приметив отличное место для отдыха, вновь и вновь возникающих на нашем пути и замедлился, а потом и вовсе остановился. Я был здоров и полон сил, но и мне требовалась передышка. И, пожалуй, поймать оленя я бы тоже не отказался.

Тереза устало сползла с моей спины и с тихим стоном наслаждения упала на траву, вытягиваясь и прикрывая глаза. Бешенная гонка последних дней здорово вымотала её и если я вполне успешно поддерживал взятую в начале пути скорость уже третий день, то девушка, лежащая на моей спине без седла и уздечки, устала просто невероятно. Я видел это, чувствовал по её изменившемуся запаху, в котором к вечеру появлялись терпкие нотки боли, по тому, как тяжело она вставала после коротких остановок, чувствовал и не мог остановиться. Не мог пожалеть её, потому что в данном случае пожалеть и убить было одним и тем же.

Я почуял погоню к обеду первого дня пути. Чуткие уши уловили далекий собачий лай, донесенный нас сильным порывом ветра, и я

остановился, надеясь услышать больше. Но ветер стих и я двинулся вперед, ища впереди ручей или речку. Нужно было сбить собак со следа. Речка нашлась. И я долго брел по колено в прохладной воде, пока на глаза не попалась каменная осыпь, на которой не страшно было оставить следы. Больше до самого вечера собак слышно не было и остановился я уже в сумерках, надеясь, что мы сумели оторваться. Поохотился, напился воды из крохотного родничка, наломал молодого ельника и заснул, прижимая к себе горячее, гибкое и сладко пахнущее девичье тело. А утром снова услышал далекий лай. И понял, что охотники не ищут наши следы. Они просто знают, куда мы направляемся. И пытаются догнать, не дав прорваться к берегу Быстрой.

Два дня. До волчьих земель было ещё два дня пути, когда я отчетливо понял, что нам не уйти. Кто бы не устроил им загонную охоту, он был прекрасным организатором. Будь обстоятельства немного другими и я, пожалуй, даже восхитился бы этим человеком. Достойный враг. Умный, хитрый, настойчивый… любой другой бы уже сдался, потерял след, упал от усталости, но не этот… Нет, не этот. С каждым днём лай собак становился всё ближе, теперь слышимый уже и днём. У

преследователей, очевидно, были пристяжные лошади и запасы еды, так что им не приходилось отвлекаться на охоту. И все они были крепкими, сильными, привыкшими к трудностями мужчинами. Будь я один, я легко ушел бы от погони, всё же моя скорость была равна скорости лошади, а вот в выносливости я её заметно превосходил, да и в лесу ориентировался гораздо лучше чужаков. Но Тереза… Тереза к вечеру просто засыпала на моей спине и начинала падать. Будь у меня веревка и я просто привязал бы девушку к себе и бежал всю ночь, оставив преследователей далеко позади. Но веревки не было. Так что приходилось останавливаться, оборачиваться, на руках нести стонущую от боли девушку к ближайшему ручью, ждать, отвернувшись, пока она, удивительно тихая и словно бы выцветшая за эти дни, умоется, разминать ей затекшие плечи и лодыжки и засыпать рядом с ней, обняв и грея своим телом.

Нужно было принимать решение и я, завидев небольшой ручеек не перепрыгнул его как обычно, а повернулся и двинулся вниз по течению. И когда к полудню тот влился в речку побольше лишь облегченно выдохнул. Значит есть надежда, что не ошибся. Есть надежда, что я найду здесь то, что ищу. Искомое нашлось ближе к вечеру, ко-

гда речушка вывела его, наконец, к полноводной реке, с которой уже можно было попробовать. Я остановился, когда на песчаной отмели излома русла обнаружил несколько крупных, лишенных коры и сучьев деревьев. Прислушался, собаки лаяли сзади и сбоку. Потеряли след? Возможно, но эта задержка очень кстати и позволит нам выиграть немного времени. Быстно устроил бессильно упавшую с него девушку на мягкой траве, нарезал длинных и гибких ивовых прутьев и начал торопливо вязать простенький плот. Три широких бревна, хорошо закрепленных между собой. Не слишком управляемая конструкция, но на ней вполне можно было уместиться вдвоем и даже вытянуться во весь рост. Я накидал поверх брёвен мягкого лапника и осторожно начал выталкивать плот на большую воду. Когда вода стала мне по пояс, я повернулся и поспешил назад. За своей драгоценной ношей. Плот чуть сдвинулся, но течение здесь, далеко от стремнины, было совсем слабое и я легко положил девушку, совсем ослабевшую от голода и изматывающих нагрузок, на их маленький спасательный плот и погнал его на середину реки. И лишь когда их подхватило и повлекло вперед сильное течение, позволил себе забраться наверх. Нет, я мог бы и всю ночь

плыть рядом, но зачем? Конструкция, хоть и была сделана на скорую руку, вполне способна была выдержать двоих, да и управлять, сидя сверху, было удобнее. Мы плыли всю ночь и утром я с трудом смог сдержать облегченный вздох, впервые не услышав привычного собачьего лая.

Я причалил к берегу лишь не надолго: позволить Терезе отойти в сторону по своим делам, да найти для нее несколько съедобных растений. Запасы еды закончились позавчера и сейчас девушка, в ужасе отказывающаяся от сырого мяса, питалась лишь стеблями пУчки, благо её в лесу было с избытком, диким чесноком, да иногда попадающимися одуванчиками, но этого, конечно, было мало. я ругал себя самыми грязными словами за собственную непредусмотрительность, но поделать всё равно ничего не мог. Пару раз мне удавалось находить птичьи гнезда, но девяти яиц, выпитых девушкой было явно недостаточно.

— Мы будем плыть весь день? — Тереза, как ни странно, заметно повеселевшая, села рядом со мной, заставив плот опасно накрениться, и я быстро сместился, удерживая наше плавсредство от переворачивания.

— Думаю да, это, конечно медленнее, зато мы точно движемся к Быстрой, сможем плыть всю

ночь и у нас будет средство для того, чтобы перебраться на ту сторону.

Тереза кивнула и спустила босую ногу в прохладную воду, подумала, и добавила к ней вторую. И внезапно призналась:

— Знаешь, а я ведь только сейчас поверила, в то, что мы выберемся, — она посмотрела на меня бесконечно черными глазами и добавила, словно стесняясь, — мне папа приснился. Сказал, что я сделала правильный выбор и ты — тот, кто сможет сделать меня счастливой, — и девушка робко улыбнулась, пожалуй впервые с момента её освобождения и, протянув руку, осторожно погладила меня по плечу, заставляя сердце забиться быстрее и порождая множество непристойных фантазий. Я тряхнул головой, словно это могло помочь забыть мгновенно вставшую перед глазами картинку гибкого тела в капельках пота, распластанного подо мной, открытого мне, покорного мне, подхватил девичьи тонкие пальчики и не отрывая взгляда от черных глаз медленно поднес их к губам и поцеловал. От Терезы полыхнуло смущением с тонкой ноткой желания, девушка стремительно покраснела и потянула руку из моих пальцев. Я со вздохом отпустил её и снова взялся за длинный шест, стараясь не думать о

том, какая мягкая сейчас травка на берегу и как сладко будет опрокинуть на нее девушку, сорвать с нее так мешающую мне одежду и сделать, наконец, своей! Не время! Как бы я не хотел этого, еще не время! И не только потому, что на хвосте по прежнему висят лишь чуть-чуть отставшие преследователи. Совсем не поэтому. Просто Тереза достойна того, чтобы я сделал её своей на белоснежных простынях, после долгих ласк и нежных поцелуев, после того, как она забудет в моих объятиях даже собственное имя, а не так, на чужом берегу, на голой земле, торопясь и прислушиваясь к каждому звуку. Нет, она не отказала бы мне, я знал это, чувствовал, но эта близость слишком сильно смахивала бы на насилие, чтобы я мог позволить себе поддаться инстинктам, буквально умоляющим меня поставить, наконец, на белую кожу плеча свою метку. Так что оставалось лишь сжимать зубы и работать шестом, ускоряя наше движение. Чем быстрее мы окажемся в безопасности, тем быстрее эта так сладко пахнущая девушка станет моей уже окончательно.

***

Тереза.

Я сидела на глпдком бревне, откинувшись на

руки и болтая ногами в теплой воде. Впервые с момента начала моего невероятного путешествия в душе воцарился покой. Да и тело, измученное бесконечной гонкой, отдыхало, и хотя мышцы порой всё ещё тянуло так, что на глаза выступали слезы, по сравнению с путешествием верхом на волке, это было почти не заметно. Я прикрыла глаза и из под опущенных ресниц украдкой глянула на оборотня. Всё это время у меня, по сути, даже и времени то не было его как следует рассмотреть. Вечером, когда он обустраивал лагерь и готовился ко сну я без сил валялась на земле и единственное, что могла, так это беззвучно плакать, так крутило и рвало занемевшее тело, а утром, стоило мне уйти к роднику, как встречал меня уже огромный зверь. Ну что сказать. Парень, вернее сказать молодой мужчина, был хорош: правильные черты лица, твердая линия упрямого подбородка, прямой нос, чутко втягивающий в себя мой запах. Мне было так стыдно, когда я это замечала. Хотелось немедленно нырнуть в теплую воду и тщательно отмыться. И вслед за этим приходило понимание, что на это, к сожалению, у нас просто нет времени. Я злилась и почти мгновенно остывала, вспоминая, что это не Вальд забрал меня

из родного дома, не позволив взять даже смену белья. И хотя я, по возможности, стирала то, что было, с каждым днем надевать его становилось все противнее. Я чуть пошевелилась, принимая более удобное положение и снова посмотрела на мужчину. Глаза. Вот то, что притягивало меня в его лице. Необычные. Бесконечно синие, как небо ранней весной, и в глазах эти, стоило волку заметить моё обнаженное колено или голое плечо, когда я обтиралась влажным полотенцем, вспыхивало такое темное, всепоглощающее желание, что впервые увидев его я неподвижно замерла, ожидая, что оборотень сейчас опрокинет меня на траву и возьмет прямо здесь. Но шло время и, не смотря на полыхающее в мужчине пламя, он ограничивался лишь мягкими поцелуями, да крепкими объятиями ночью, помогающими мне не замерзнуть, и я упокоилась. Что бы не рассказывали об оборотнях в нашем городке, это, очевидно, не было правдой даже на четверть. Потому что не мог жуткий зверь, одержимый одними инстинктами, вести себя так, как вел этот парень. И вместе с пониманием этого исчезал страх и приходило осознание правильности собственного выбора.

— О чем ты сейчас думаешь? — прервал мои

размышления чуть насмешливый голос, и я обнаружила, что уже беззастенчиво разглядываю сидящего вполоборота ко мне парня. Щекам мгновенно стало жарко и я опустила взгляд и промолчала. А что я могла ему сказать? Что я любуюсь не его широкие плечи, на сильные руки, мощными движениями толкающие нас вперед, что он мне нравится. Не так сильно, конечно, как в звериной ипостаси, ведь я до сих пор замирала от восторга, увидев его волка, но всё равно — нравится!

— Не стесняйся своих желаний, девочка, — прошептал Вальд и звук его внезапно охрипшего голоса отозвался во мне странной дрожью, разошедшейся по телу горячими кругами, — у меня голова кружится, так сладко пахнет твое влечение.

И он, отложив свой шест, мягко поднялся и через мгновение оказался рядом. Сильные пальцы сжали бедро, я едва заметно дернулась, а он уже притянул меня к себе, запустил руку в волосы и поцеловал. Его губы были твердыми, настойчивыми, властными и я подчинилась ему, отдалась его страсти, позволила делать то, что он пожелает. Мужские объятий становились всё сильнее и неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы наш

самодельный плотик в этот момент не решил, что его пассажиры слишком расслабились и не накренился опасно на правый бок, опрокидывая нас в реку. Мы вынырнули, громко отплевываясь от воды, догнали успевшее сбежать от нас плавсредство и забрались обратно, всё это время не переставая весело хохотать.

— А ты, оказывается, коварная женщина, малышка, — сделав круглые глаза сказал Вальд, снова берясь за шест, — так меня за поцелуи ещё ни разу не наказывали!

Я похихикала еще немного, отжимая мокрые волосы и пытаясь расстелить неприятно льнущее в ногам платье, и только потом поняла, что же меня царапнуло в его словах. Я была не первой девушкой с которой он целовался. И это не имело бы никакого значения, если бы не факт того, что все предыдущие были волчицами. Великолепными, гибкими, восхитительно красивыми волчицами, умеющими оборачиваться в невозможно красивых зверей. А я? Я была всего лишь человеком. Слабым, обыкновенным, совершенно обычным человеком! Что я смогу дать этому волку, когда в его стае есть по-настоящему достойные его девушки? И каким будет мой статус там, куда он меня везет? Да, Вальд говорил о жене. Но что

я знаю о том, как устроены их семьи? Может быть, у них жена-человечка — это всего лишь рабыня или бесплатная работница, а настоящей парой для волка может стать только равная ему — волчица? Стало горько и я помотала головой, пытаясь справиться с внезапно подступившими слезами. Не хочу! Не хочу так!

— Что бы ты сейчас себе не надумала, — раздался прямо над моей макушкой серьезный голос, — я хочу немедленно это услышать!

И меня рывком подняли, перенесли на середину снова опасно накренившегося плота, усадили к себе на колени и безапелляционно приказали:

— Рассказывай!

***

Вальд.

Какой же она была сладкой, моя девочка, с таким восторгом смотрящая на моего волка и гораздо настороженнее относящаяся ко мне — человеку! Я пил ее поцелуй, ласкал губы, всё ещё хранящие вкус земляники которую я нашел с утра на небольшом пригорке, возле которого мы останавливались для того, чтобы немного размяться и передохнуть. Она с таким восторгом смотрела на россыпь ягод в моих руках, так жадно ела их,

что мне снова захотелось развернуться и пойти потолковать с преследующими нас людьми. Так потолковать, чтобы ни один из них не ушел из этого леса живым! Но я сдержался. Не сейчас, когда мы уже почти вырвались, рисковать собой. Ведь если меня убьют, Тереза не выживет одна в этом лесу. А рисковать жизнью этой, так рискованно доверившийся мне девушки, я не мог, просто не имел права!

Не знаю, куда завел бы нас этот поцелуй, но тут и так не слишком устойчивый плот накренился и мы упали в воду, и мне стало не до полыхающего в крови желания. Были дела и поважнее. И даже мокрое платье, так соблазнительно облепившее высокую грудь и крутые бедра моей спутницы, не заставили меня бросить шест и причалить к берегу, только работать им я стал быстрее, надеясь, что физическая усталость сможет хоть немного отвлечь меня от совершенно не своевременных желаний. По моим прикидкам, уже совсем скоро мы должны были оказаться на берегу Быстрой. А вот горькие нотки страха и неуверенности в запахе девушки — заставили. Я быстро откинул мешающий шест в сторону и решительно подхватил Терезу, усаживая ее к себе на колени. Что бы она сейчас себе не представляла, нужно

немедленно выяснить в чем дело, разобраться и успокоить расстроенную малышку. "Никогда не оставляй женщину наедине с ее обидой, — любил говорить отец, — если не хочешь, чтобы к твоему возвращению та выросла многократно!" И я, собираясь следовать его советам, осторожно прижал к себе напрягшуюся девушку, стараясь не смотреть на просвечивающую сквозь влажную ткань грудь и потребовал:

— Рассказывай!

Всё оказалось совсем не так страшно, как показалось мне в начале, когда я только учуял резкую смену настроения мой спутницы, не будь ситуация настолько напряженной, я, пожалуй, даже порадовался бы тому, что девушка ревнуем меня к другим волчицам, но сейчас на длительные объяснения, увы, не было времени, поэтому я как смог объяснил ей, что когда она станет мой женой, это будет означать и хозяйку в моем доме и мать моих детей и мою единственную спутницу и пару и Тереза успокоилась, доверчиво прижавшись ко мне и положив голову на плечо. Так мы и сидели, прижавшись друг к другу, на неторопливо плывущем по течению плоте. Наверное, именно эта расслабленность, а еще запах девушки, будоражащий моё воображение,

и ощущение гибкого тела, прижавшегося к моему и заставили меня отвлечься настолько, что я не почуял опасность. Нас ждали за поворотом реки и только когда сбоку раздались крики, а в воздухе что-то зажужжало и рядом с нами под воду ушёл тяжёлый арбалетный болт, я очнулся. На крутом берегу, чуть впереди нас, стояло четверо человек и все они были вооружены арбалетами. Несколько ударов сердца я с изумлением вглядывался в них, понимая, что ни одного из этих мужчин не было среди гвардейцев, сопровождавших девушку к князю. А потом меня накрыло сознанием того, что сейчас нас будут убивать. Тело действовало само, на вбитых во время многочисленных тренировок рефлексах, в воздухе уже свистели новые снаряды, а я схватил Терезу на руки и одним быстрым движением соскользнул с ней в реку, укрывшись от крылатой смерти толстыми бревнами.

Со стороны берега послышались недовольные крики, а я уже грёб вперёд, подталкивая тяжёлый плот и молясь всем богам о том, чтобы впереди не было ещё одной засады. Снова воздух запел от прорезавших его болтов и снова я утянул Терезу под воду, отчётливо слыша, как острые наконечники врезаются в брёвна плота. Вперед!

Скорее! Ещё несколько минут и мы уйдем из зоны обстрела и можно будет забраться обратно и взяться за шест! Люди на берегу, по-видимому, тоже поняли, что так нас не достать и вынырнув в следующий раз, я обнаружил, что берег опустел, а наши преследователи скрылись в лесу. Нужно было принимать решение и срочно: оставаться на плоту и пытаться уйти водой или сейчас же двигаться к берегу оборачиваться и бежать уже волком столкнувшись с трудностями преодоления Быстрой, до которой осталось не больше пары верст. Тереза под моей рукой едва заметно дрожала и пальцы её, впившиеся в толстое бревно, побелели от напряжения. Чуткий слух уловил далекий топот копыт, значит всадники решили обогнать нас по берегу и снова устроить засаду, интересно, они и правда думают, что покорно останемся на реке, где нас легко достать дальнобойным оружием? Я криво усмехнулся, удивляясь шуткам судьбы: еще недавно я мечтал расправиться с теми, кто мучил и обижал мою девочку и вот она — возможность поквитаться пусть не со всеми, но хотя бы с кем-то. И возможность хорошая, невероятной удачей было то, что люди были без собак, способных предупредить их о моем появлении и их было всего четверо.

Слишком мало для одного волка. Слишком много, для волка, который прежде всего должен думать о безопасности своей любимой. Я решительно оттолкнулся от плота и, помогая Терезе держаться над водой, поплыл к берегу. Плот можно будет догнать и потом, когда решу эту проблему, а вот оставлять перед переправой через Быструю за спиной врагов, вполне способных расстрелять нас с противоположного берега, не стоило.

Люди оказались даже более обеспеченными, чем я думал. Я догнал их довольно быстро: нашёл стоянку, где явственно ощущался запах только этих четверых мужчин и нескольких лошадей, а потом просто пошел по свежему следу. Тереза осталась на берегу, под прикрытием густых кустов, бледная, заплаканная с суматошно колотящимся сердцем и это заставляло меня торопиться: оставлять девушку в таком состоянии надолго не стоило. Место для засады воины выбрали хорошее: высокий берег почти нависал над рекой, запертой здесь в узком проеме скал. Двое остались на этом берегу, а еще двое двинулись к реке, собираясь, очевидно, перебраться на противоположную сторону. Я внимательно осмотрел место предстоящего сражения, если бы один из людей догадался забраться на дерево, это могло

бы создать дополнительные проблемы, но они почему-то предпочли остаться на земле. Пора. Стремительная черная тень взвилась в воздух, падая на притаившегося человека. Удивленный вздох, один удар сердца и на человеческой шее смыкаются страшные челюсти, перебивая позвоночник и лишая его возможности издать хоть один лишний звук. Теперь второй. Я обернулся и вытащил из ослабевших рук все еще живого, но полностью парализованного воина его арбалет, натянул тетиву и выпустил болт, с удовлетворением отмечая крик боли, явственно свидетельствующий о попадании.

— Этьен, ты чего, — начал было раненный, но я уже был рядом. Один точный удар и едва начавший подниматься воин падает назад со сломанной шеей. Все же мы гораздо сильнее людей. Гораздо сильнее. Я осторожно выглянул из-за обрыва. Так и есть. Уже спустившиеся к реке воины спокойно раздевались, не услышав за шумом воды тихого крика. Отлично. Я забрал второй арбалет, и положил его рядом, чтобы можно было выстрелить почти одновременно. Стрелять нас учили, так что я не боялся промахнуться. Правда, в последний момент мне в голову пришла интересная мысль, что хорошо было бы оставить

одного из мужчин в живых и расспросить его о том, откуда они здесь взялись. Потому что я был совершенно уверен, что оставил тех, кто шел по нашим следам, далеко позади!

Последний оставшийся в живых воин скорчился на берегу, пытаясь остановить кровь, хлещущую из пробитого насквозь плеча. Я, для надёжности, всадил него ещё один болт, на этот раз в ногу, и начал медленно спускаться, держа его на прицеле. Демонстрировать всем то, что я оборотень как-то не хотелось, хотя, конечно, я и так уже натворил тут дел!

— Кто вы и почему стреляли по мне? — спросил я у корчившегося от боли мужчины.

— Да пошёл ты! — начал было тот, но стоило мне надавить на хлещущую кровью рану, как он заорал и забился в судорогах. Из уголка рта на подбородок потекла тонкая розовая струйка, похоже мужчина сильно прикусил себе язык.

— Я спросил: кто вы и почему стреляли по мне? — терпеливо повторил я и на этот раз мужчина предпочел ответить:

— Мы из форта, здесь, в паре часов пути, позавчера к нам прилетел голубь с указанием немедленно выслать патрули по направлению к Быстрой и, если увидим черноволосую девушку,

схватить, с кем бы они не была. Её — живой, а спутника — как получится и доставить их в укрепление.

— То есть здесь несколько таких отрядов? — напряженно уточнил я, с трудом удерживаясь от того, чтобы не обернуться и не кинуться к Терезе. Казалось, что с момента моего ухода прошло уже неимоверно много времени, достаточно, для того чтобы девушку нашли!

— Нет, — просипел мужчина, тяжело дыша, — здесь только мы, остальные ушли выше и ниже по течению!

— Сколько вас вообще? — зверь рвался внутри, требуя позаботиться о своей женщине, но я сдерживался, понимая, насколько важной является эта информация, никаких фортов тут не было и быть не могло! И тем не менее я отчетливо ощущал: раненый не врет. Да, возможно недоговаривает, но точно не врет. И это было плохо! Потому что ни о каком форте у самой границы их территории в Серой стае не знали! — Как давно был построен форт? Как хорошо он укреплен? Ну. Отвечай!

Но мужчина только захрипел и упал на песок, потеряв сознание.

***

Тереза.

Когда Вальд вернулся пусть и чем-то сильно встревоженный, но совершенно целый, я не сумев сдержать облегченного вздоха повисла у него на шее, чувствуя, как легко становится дышать. Словно тяжелый камень, до этого лежащий на моей груди наконец-то убрали.

— Пойдем, — Вальд быстро оделся и протянул мне руку, — нужно уходить отсюда, я чувствую опасность.

И мы пошли. Плот нашелся в нескольких сотнях шагов вниз по течению и выглядел он так, словно совершенно случайно застрял на повороте реки, зацепившись за склонившуюся к воде ветку. И только подойдя ближе я рассмотрела, что "ветка" оказалась намертво привязана в одному из бревен еще и упертому для надежности в берег. Вальд позаботился о том, чтобы без нас плот никуда не уплыл. Мы были ужа на середине Быстрой, когда я заметила движение на оставленном нами берегу и вслед нам полетело несколько стрел.

— Пригнись! — велел мне мужчина соскальзывая в воду и начиная подталкивать плот к

волчьему берегу, — и не бойся, они слишком далеко!

Он был прав. Наши преследователи, я насчитала шестерых, действительно вышли на берег гораздо выше по течению и арбалетные болты, так страшно разрезающие воздух бессильно рухнули в воду в нескольких десятках шагов от нас.

Вальд хмыкнул чуть расслабился, позволяя течению уносить нас от опасности, но на этом всё не закончилось: оценив безрадостные перспективы, мужчины вскочили в седла и, понукая лошадей бросились вдогонку.

— Вальд, — прошептала я испуганно следя за тем, как воины быстро приближаются. Берега у быстрой в этом месте были высокие и крутые и они были намного выше нас, что увеличивало опасность.

— Не бойся, малышка, — улыбнулся мне мужчина и, подтянувшись, легко взобрался на плот, — они нас не достанут.

И он оказался прав: когда наши преследователи достигли места впадения в Быструю "нашей" речки и остановились, мы были почти так же далеко от них как и вначале. По крайней меня выпущенный на пробу болт так до нас и не долетел.

— Похоже, — проговорил Вальд, задумчиво

разглядывая оставшихся на берегу людей, — мы с тобой разворошили осиное гнездо, малышка. И пройдет еще немало времени, прежде чем оно успокоится. Или кому-то придется его успокоить.

И он снова помрачнел и взялся за шест. Здесь река разливалась и он уже мог достичь дна.

***

Вальд.

— Ты уверен? — в небольшом кабинете царило напряженное молчание, собравшиеся здесь волки слишком хорошо помнили предыдущую войну и слишком хорошо знали, на что способны люди. Теперь знали.

— Он четко сказал, что им в форт прилетел голубь с приказом перехватить девушку и, по возможности, меня, — повторил я спокойно, — но где именно находится форт я не понял, могу дословно пересказать слова воина, возможно, тогда вы сумеете сориентироваться на местности.

Мужчины кивнули, соглашаясь, и я с удивлением осознал, что среди них точно есть те, кто уже не раз бывали на той стороне и неплохо там ориентируются.

— И ты убил четверых? — Эрик, тоже присутствующий при разговоре, нахмурился и с силой

потер лицо руками. Разговор длился уже несколько часом и волки были настолько ошарашены принесенными мной известиями, что было понятно, что закончится он ещё не скоро.

Я лишь кивнул, об этом меня уже спрашивали, но тогда альфы соседней стаи еще не было с нами, так что пришлось повторить ему мою историю еще раз. И с каждым моим словом волки становились все мрачнее и мрачнее. Да и действительно, мало было причин для радости. И даже если не брать во внимание то, что я здорово разозлил местного князя, лишив его развлечения и собрал по пути кровавую жатву из наших преследователей, что вполне способно было ускорить ход событий, было очевидно, что люди готовятся к войне. И война эта, суда по тому, как поступили с отцом Терезы и хотели наказать её саму, будет на выживание. Или они нас или мы их. Кстати, хоть это было и несколько странно, но меня не ругали и не обвиняли в случившимся. Когда утром сегодняшнего дня я, наконец, добрался до Вигольва, неся на спине уже почти потерявшую сознание Терезу, и прямиком направился в дом альфы, меня впустили, указали, где я могу положить свою драгоценную ношу, пообещали, что о ней позаботятся, накормили и позвали в кабинет, где

к этому времени уже собрались самые значимые волки стаи: Ивар — альфа стаи, члены его боевой звезды, Стэн, — лучший разведчик и Эйнар — мой двоюродный дедушка и, по совместительству, бывший альфа.

— Нужно больше информации, — наконец констатировал Эрик и поднялся, — поеду домой, нужно поговорить с тестем, кому как не ему знать, чего можно ждать от людей. И хорошо было бы отправить нескольких разведчиков, но, боюсь, сейчас на той стороне слишком шумно, а рисковать шкурами не стоит. Нас и так не слишком много.

Все согласно кивнули.

— Я отправлю десяток волков на границу с Быстрой, — сказал Ивар, — Сун, под твое командование. Выбери сам, кого возьмешь из опытных волков, и если кто-то попытается пересечь реку, убейте их. Оставьте только командира, чтобы можно было узнать у него информацию.

Высокий мощный мужчина за столом только молча кивнул, поднялся и вышел.

— Нужно собирать совет всех стай, — ровно сказал Эйнар когда мы остались вчетвером: сам мужчина, Ивар, Стэн и я, — если начнется война, одни Серые людей просто не удержат. Они

задавят нас числом, меняя двадцать-тридцать воинов на одного волка, и всё равно оставаясь в выигрыше. За время, прошедшее с подписания Договора, людей стало слишком много и стоит им прийти сюда и спасения уже не будет.

— Или нужно уничтожить того, кто решил развязать эту войну, — предложил я, — князя. Быть может, его наследник окажется немного разумнее?

— Хочешь отомстить за свою девочку, — усмехнулся Стэн, но глаза у него оставались серьезными, а взгляд острым, — думаешь он и вправду сделал бы с ней то, что обещал?

— Хочу, — спокойно согласился я, не опуская глаз, — а еще я хочу, чтобы из-за моей глупости и неопытности не погиб ни один волк, не тогда, когда я поставил личные желания выше блага стаи.

Волки промолчали соглашаясь, но в быстром взгляде, брошенном на меня Стэном, скользнуло одобрение. Все понимали, что я был не прав, когда полез спасать Терезу, не подумав о последствиях, к которым это могло привести. Но некоторые понимали так же и то, что оставь я все как есть, и война всё равно бы началась и что порой бывает кое что, гораздо более важное, чем скупые доводы

рассудка. Что-то, что делает нас волками, а волков — стаей: наше отношение к избранной в пару женщине, за жизнь которой можно и повоевать.

Тереза сладко спала в постели когда я, осторожно прикрыв за собой дверь, вошел в комнату. Тело приятно покалывало чистое белье и на душе, несмотря на поселившееся в ней беспокойство, было светло. Мы выжили и мы были в безопасности. Я и эта маленькая, хрупкая девушка сумевшая так легко и прочно поселиться в моем сердце.

Я стянул через голову рубаху, скинул ее на стоящий радом стул и лег в постель, осторожно, чтобы не разбудить, прижав Терезу к своему телу. Меня мгновенно окутал сладкий аромат ее кожи и волос и я прикрыл глаза и счастливо заулыбался, ощутив в нем робкие струйки плотского желания. Завтра, моя девочка, завтра ты станешь моей перед лицом всех оборотней. Я разбужу тебя поцелуем, стяну с тебя так мешающую мне одежду, разожгу твою страсть, и возьму твое тело, став твоим первым и единственным мужчиной. Завтра на твоей нежной коже сомкнуться мои клыки и ты закричишь от боли, принимая на себя мою метку. Завтра твое лоно наполниться моим семенем и, кто знает, возможно уже скоро

я услышу в тебе тихий стук маленького сердечка, который сделает меня самым счастливым волком на свете. Всё это будет завтра. А сейчас спи, моя девочка, моя нечаянная радость, мое величайшее сокровище, найденное в мире людей, которое они по глупости и жестокости своей едва не уничтожили. Спи мое счастье, на которое я уже и не надеялся! Спи! Потому что завтра будет очень, очень долгие день! День, когда ты станешь моей женой!

Конец рассказа.

***

Автор на ПродаМане https://prodaman.ru/Ekaterina-S

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Снежная-Екатерина/

Мария Губаревич. Пара для мишки

Мы с Кристиной шли по торговому центру. Моя подруга весело щебетала, я же хмуро шла рядом. А чего веселиться?! Мы с ней завтра прёмся на практику в тьмутараканьск. А всему виной этот проклятый вирус. Эпидемия накрыла страну, а мы как будущие защитники крупного рогатого скота мчимся на выручку бедной скотине. И руководству плевать, что мы можем сами от них заразиться. Мы едем устраивать профилактическую вакцинацию коровам. И точка. Наша страна аграрная и она не переживёт падения незначительного количества приносящих денежки животных, а вот студенты-ветеринары, должны привыкать. Кристина восприняла эту новость с энтузиазмом. Нас освобождали от скучных лекций, мы едем на природу. Да и погода наладилась. За окном стояла весна. Девушка улыбалась и думала, чтобы такого прикупить, чтобы поразить сельскую молодёжь.

— Да не хмурься ты? — толкнула она меня в бок, — свежий воздух, парное молочко. Коровкам поможем, — видя, что на эти реплики я не реагирую, она продолжила, — на дискотеку к местным

сгоняем. Пошли, прикупим что-нибудь.

— Кристина, — осадила я её, — мы едим в глухой далёкий колхоз. Там грязь и антисанитария. Единственное, что нам надо прикупить это новые резиновые сапоги. И телогрейку.

— Злая ты Марина, — надула губы подруга.

— Я не злая, я правдивая, — ответила я, — там твои новомодные кофточки и джинсики никто не заметит. А замерзнуть и простудиться в них ты очень даже можешь. Еще чего и на карантин попадёшь. А вот сапоги нам очень пригодятся.

Кристина вздохнула, понимая правдивость моих слов, и уже с менее радостной миной шла по торговому центру.

— Пошли, что ли каких духов прикупим? — предложила она, — чтобы запах навоза перебивать.

— А вот это можно, — поддержала её я.

Мы зашли в небольшой бутик, и Кристина сразу пошла к полке с известными брендами. Я же, не спеша, подошла к продавцу-консультанту. На удивление это была дородная женщина бальзаковского возраста.

— Добрый день, — поздоровалась она и посмотрела на меня поверх очень своеобразных дорогих очков, — вы что-то ищете? Я могу вам

подсказать?

— Добрый, — ответила я, — да. Я ищу что-то особенное, что может скрасить моё одиночество в деревне и перебить запах коров.

Женщина рассмеялась.

— Девушка, — отсмеявшись, ответила она, — у меня есть для вас то, что вы ищите.

Я заинтересованно уставилась на продавщицу.

— Вот, смотрите, — и она протянула мне маленькую баночку в форме волка.

Я понюхала и скривилась.

— Не то? — спросила она.

Я отрицательно помотала головой. Она протянула флакон в виде кошки. От этого запаха меня прямо передернуло. Женщина протянула мне банку с зернами кофе.

— На, попробуй этот аромат, — и она протянула мне флакон в виде медвежонка.

— Какой красивый флакон, — вертя баночку в руках, удивлённо ответила я, — но, может, не надо?

Меня до сих пор кривило от предыдущего мерзкого запаха.

— Не волнуйся. Свой аромат подобрать тяжело. А флакон, действительно красивый, — согласилась женщина, — но самое интересное внутри.

Понюхай.

Я послушно откупорила флакон и аккуратно вдохнула аромат. И замерла. Это было что-то с чем-то. Неописуемо будоражащий, манящий и кружащий голову запах.

— Да, — с придыханием, закрыв глаза, ответила я.

— Что там у тебя? — подскочила ко мне Кристинка.

— Обалденный аромат, — ответила я, протягивая ей флакон.

— Ничего не чувствую, — скривила она нос, понюхав, — совсем нет запаха.

— Да, — усмехнулась продавщица, — этот аромат не все слышат. Он особенный и выбирает себе особенных девушек. Вы первая за много лет, которой он подошел.

Я удивлённо уставилась на женщину, что значит, «аромат себе выбирает?!».

— Бери, милая, — продолжила она, не замечая моего удивлённого лица, — это тебе подарок. Только ты им не пользуйся в городе. Это ни к чему. А вот приедешь в Сурвелишки, то используй себе в удовольствие.

— А откуда вы взяли, что мы едем в Сурвелишки? — удивилась я.

— Так ты же мне сама сказала, — ответила мне женщина.

Я в недоумении уставилась на продавщицу. Склерозом я вроде бы не страдаю. Да ничего такого я ей не говорила!

— Ты бери подарок и ни с кем им не делись. Удачи тебе, — сказала, странная женщина.

Я в шоке засунула флакончик в рюкзак и, находясь, словно в прострации, покинула этот странный бутик. Следом за мной шла Кристина.

— Что с тобой Марин? — дернула меня за рукав подруга.

— Да странная она какая-то, эта продавщица, — пробурчала в ответ я.

— Ладно тебе, — махнула рукой Крис, — она тебе понравившиеся духи подарила. Радуйся!

— Что-то мне страшновато от такого подарка, — честно призналась я.

— Не бери до головы, — заявила моя подруга, — пошли лучше сапоги выбирать.

Мы выбрали по паре ярких резиновых сапожек с цветочками и в приподнятом настроении вернулись в общежитие готовиться к завтрашней практике.

***

Я сидел у себя в офисе и изучал новый многомиллионный контракт. На фоне мирового кризиса он должен был принести мне не маленькие деньги. Я, как обычно, задержался на работе допоздна. Тут открывается дверь и на пороге появляется моя мама.

— Добрый вечер сынок, — поздоровалась она.

— Добрый, — ответил я, отрываясь от контракта, — что привело тебя в столь поздний час ко мне в офис?

— А что я не могу навестить своего сына просто так? — удивилась женщина.

— Можешь, — ответил я, — но это на тебя не похоже.

Женщина усмехнулась и, присев на стул, ответила:

— Ты прав, я пришла по делу. Твой подарок, который я хотела подарить тебе на шестнадцатилетние, готов.

— Что ты имеешь в виду? — удивился я, уже позабыв о контракте.

— Клотильда нашла тебе пару, — гордо ответила женщина, — истинную пару.

— Ты издеваешься? — удивился я, — с той поры

прошло четырнадцать лет. Какая к черту пара?

— Истинная, — ответила мам, — сынок, я же вижу, что другие женщины тебя не интересуют.

— Потому что они все продажные сучки, — огрызнулся я.

— Вот именно. А девочка хорошая. Ты просто съезди и посмотри. Если тебе не понравится, ты даже можешь не подходить к ней. Сыночек, ну ради меня.

— Ты же не отстанешь? — спросил на всякий случай я.

— Нет, — твердо ответила женщина.

— Я так и знал. И куда надо ехать? — вздохнул я.

— В Сурвелишки. Это деревня на наших приграничных территориях. Там и домик у нас есть, правда без удобств, но ты же там надолго не задержишься.

— А она что там живёт? — ещё только забитой деревенщины или старой бабки мне не хватало.

— Нет, — замотала головой женщина, — она туда на практику едет. Коров лечить.

— На практику? — удивился я, — она что студентка?

— Ну, да, — ответила мама.

— О, Боги, она хоть совершеннолетняя?

— Не знаю, вот сам всё и разведаешь, — ответила женщина, поцеловала в щеку и ушла.

Ехать ужасно не хотелось, но зная её, лучше съездить. Мне не верилось ни в какие истинные пары. Если что и было, то это не для меня. Я перестал верить в сказки, когда мне исполнилось двадцать три года.

***

Вечером, разбирая вещи, я наткнулась на флакон, что подарила мне загадочная продавщица. Приоткрыв его, я вдохнула пьянящий аромат и закрыла от удовольствия глаза. Я уже хотела нанести его себе на шею, но меня остановили странные слова женщины. Решив зря не рисковать, я с блаженной улыбкой легла спать. Мне уже поездка на практику перестала казаться такой уж и плохой.

А ночью мне снился медведь. Такой огромный красивый бурый мишка. Он был совсем не страшный, а скорее родной. Я обнимала его и чесала, погружая свою ладонь ему в густую шерсть. Он урчал от удовольствия и угощал меня ягодами. Утром я проснулась с улыбкой на губах.

И вот начался развоз студентов на практику. Мы добирались до деревни полдня. И самое ин-

тересное в самих Сурвелишках ни колхоза, ни фермы не было. До места практики нам надо было идти ещё как минимум три часа в другую деревню, почему нам не выделили дом рядом с фермой, для нас с Кристиной осталось загадкой.

Всю дорогу я думала о странном флаконе. И не выдержав, на середине пути, нанесла немного на шарф. Кристина сразу отреагировала:

— Фу, ты нанесла эту гадость.

— Да, — улыбаясь, ответила я, — мне нравится.

— Не знаю, как это может нравиться. Какой-то животный запах, — произнесла она.

Нам повезло. Директор фермы выделил машину, чтобы нас доставили к дому, где мы будем временно проживать. Сами мы дорогу точно бы не нашли. Места оказались не просто не жилыми, а глухими. За всё время мы не встретили ни одной живой души, кроме одного странного индивида. Высокий, мощный мужчина стоял на обочине дороги, по которой мы ехали. Он внимательно посмотрел на нас и проводил долгим задумчивым взглядом. На минуту наши взгляды встретились, и меня словно ударило током. Мне казалось, что я знаю его уже очень давно. Его взгляд был тоскливый и суровый, пробирающий до костей. Меня передернуло.

Я стоял и смотрел на приближающийся грузовик. В нём по предварительным данным должна была ехать моя истинная пара.

Со мной вообще в последнее время стали твориться удивительные вещи. Меня словно тянуло сюда. Зверь внутри меня ожил и зашевелился в предвкушении. Я чувствовал её запах! Это действительно была она. Мой мир рухнул в одно мгновение. Я понимал, что больше и минуты не смогу прожить без неё. Зверь во мне требовал, чтобы я немедленно остановил грузовик и, схватив девушку в охапку, унёс с собой. Я еле сдержался. Надо быть аккуратным, чтобы не спугнуть её. Но как же это тяжело!

— А почему у вас здесь людей нигде нет? — чтобы отвлечься спросила я.

— Так работают все, — усмехнулся водитель.

— Вы не думайте, у нас в райцентре даже клуб есть. У нас всё как у людей, мы здесь хорошо живём.

— Ага, — только и смогла ответить я.

А перед глазами стоял странный мужчина, который провожал нас тоскливым взглядом.

Водитель привёз нас к добротному бревенчатому дому. На крыльце уже ждала хозяйка. Высокая сухощавая женщина, неопределённого возраста.

Чуть смуглое, красивое лицо было строго и надменно. Около глаз только начали проявляться мимические морщинки. Так навскидку, ей не дашь больше сорока, да и сорок — с очень большой натяжкой. Но стоило посмотреть в её глаза, как ты понимаешь, это глаза столетней старухи, повидавшей многое на своём жизненном пути. Она оглядела нас с головы до пят и сухо бросила:

— Проходите.

Показав нам наши комнаты, (на удивление она нас разместила в разных) женщина спросила:

— Голодные, поди?

— Спасибо, — поблагодарила я, — от теплой пищи мы бы не отказались. У нас конфеты есть к чаю.

Протянула я ей коробку конфет, чтобы задобрить. Кристина испугано озиралась по сторонам. Мне тоже казалось, что в этом деревенском доме чего-то не хватает. Чего-то главного, что должно быть обязательно, но его нет. И тут меня осенило! В доме не было икон. В деревенских домах всегда есть Красный угол, а здесь нет! Меня обуял страх, он липкими пальцами начал бродить по спине, забираясь в душу. Так, стоп. Я же современный человек! Ну и что, что в доме нет икон, нет и нет. У нас в общежитии тоже их нет. Правда, нас заве-

дующая периодически называет чертями. Может, поэтому и нет. Я улыбнулась своим мыслям.

— Проходите, не стесняйтесь, — уже более радушно сказала хозяйка, — меня бабкой Маланьей зовут.

— Я — Марина, — представилась я, — а это — Кристина.

— Будем знакомы, — улыбнулась женщина, — присаживайтесь, я накормлю вас.

— Спасибо, — в один голос поблагодарили мы.

— А у тебя странные духи, — обратилась она ко мне.

Я вздрогнула.

— Вам нравится?

— Не скажу, что очень, — ответила женщина, — но ты ими здесь пользуйся почаще. Это лучше для твоей же безопасности.

— Почему? — удивилась я.

— А как они к тебе попали? — вопросом на вопрос ответила.

— Мне продавщица в бутике подарила, — честно ответила я.

— Так взяла и просто подарила? — удивилась она.

— Нет. Она мне сначала другие дала понюхать. А потом сказала, что этот запах мне одной подхо-

дит и подарила.

Женщина усмехнулась.

— Да. Она права, этот запах далеко не всем подходит.

— Что это значит? — начала злиться я.

Кругом какая-то тайна. Я всё время не могу уловить важную деталь.

— Всему своё время, — ответила Маланья, — имей терпение.

Я потупилась и прикусила язык.

Весь вечер мы просидели за столом. Бабка Маланья расспрашивала нас про нашу жизнь, про город. Мы с Кристиной отвечали, попивая чаёк на травах и закусывая пирожками.

— Ну, ладно, мы пойдём спать? — спросила я у женщины, — а то завтра рано вставать на практику.

— И то правда, — кивнула она, отпуская нас, — приятных вам снов.

В комнате было страшновато. Я залезла под одеяло и достала заветный флакончик с духами. Обильно смазав запястья и шею, я с улыбкой закрыла глаза. Мне казалось, что кто-то ходит под окнами. Но встать и проверить не решилась. Мало ли кто там, еще и заикой от страха стать можно. Укутавшись в одеяло с головой, я прова-

лилась в сон. Мне обратно снился мой мишка. В этот раз он звал меня с собой, а я улыбалась, как дура, но не шла. Проснулась я с довольной улыбкой, вся такая посвежевшая и отдохнувшая. Встав, я столкнулась с Кристиной. Она была хмурая, не выспавшаяся.

— Что с тобой? — удивилась я, глядя на обычно жизнерадостную девушку.

— Ничего, — пробурчала она, — что-то нездоровится.

Маланья покормила нас завтраком, и в сенях нас уже поджидал паренёк — провожатый. Дорога на ферму пролегала через лес. Я с ужасом думала, как мы будем возвращаться после практики домой. Но стоило нам оказаться в коровнике, все мои печали как рукой сняло. Коровник был в ужасающем состоянии, на нас смотрели грязные дохлые коровки.

— А где ваш ветврач? — в шоке спросила я.

— Я здесь? — отозвался мужик, нагловатого вида. Он еле держался на ногах, и мы явно не попадали в его фокус.

— Студенты! — дыхнул он на нас перегаром, — значит так. Берете лекарство, вон там, — махнул он рукой, — и карандаш. И вакци… вакци… в общем, прокалываете скотину и помечаете её.

Если попортите мне хоть одну особь, будете возмещать, — строго поднял он палец вверх, да так, что сам чуть не плюхнулся в навозную кучу.

Мы дружно вздохнули. Колхозные наблюдали за нами, но не подходили поговорить. Я заметила, что некоторые бабки даже крестятся нам в спину. В дверях показался добротно одетый мужчина. На удивление трезвый.

— Что за столпотворение? — прорычал он, — почему не работаем?

— Вы директор? — догадалась я.

— Да, — ответил он, — а что?

— Нас прислали провакцинировать поголовье, — начала я, — но для начала не мешало бы подготовить их.

— И как вы собираетесь их подготавливать? — строго спросил он.

— Сначала нужно здесь убрать. Потом осмотреть, — начала я.

— Хорошо, — кивнул он, — я выделю вам людей. Приступайте.

Я мысленно поблагодарила себя за то, что мы прикупили резиновые сапоги, и мы принялись за работу. Мужики, которых выделил нам директор, работали нехотя, но молчали. Сам же руководитель время от времени заглядывал к

нам посмотреть, как продвигается работа. Довольно хмыкал и уходил. Ближе к вечеру мужики незаметно испарились, мы тоже решили, что на сегодня хватит. Сложив инвентарь, двинулись в обратный путь в Сурвелишки.

В лесу начиналась весна. Это когда птицы вовсю поют, а на душе — ожидание чуда. Природа ещё не определилась: просыпаться ей или нет: то морозик, то солнышко. В общем, благодать. Снега уже давно не было, так что дороги развезло и мы шли, аккуратно выбирая себе путь, чтобы по уши не увязнуть в грязи. В лесу с этим было попроще, лесная тропинка была практически сухой, но всё равно одно неверное движение и ноги разъезжаются и ты сидишь на попе в самой грязи.

— А вот и они!

Услышали мы и из кустов вышли мужики, которые помогали нам убирать коровник. Мы с Кристиной остановились, не понимая, чего хотят от нас эти индивиды.

— Ну что красавицы? — усмехнулся один из них, — заставили нас поработать, теперь отрабатывайте.

Мы в шоке уставились на них. Они что сейчас будут насиловать нас?! Их плотоядные взгляды по-другому трактовать было не возможно.

— Слышь, Серый, может пусть сходят, отмоются после коровника?

— Не, — отозвался мужчина, — там ведьма, она нас к ним не подпустит.

Мы в ужасе уставилась на мужиков, понимая, что нам никто не поможет. Орать бесполезно. А если кто и придет, так ещё и присоединится к ним.

— Нужно бежать, — прошептала Кристина, — на счет три.

— Чего это вы там шепчитесь? — насторожился Серый, — спорите кто первый возьмёт у меня в рот?

Меня передернуло от отвращения.

— Ой, смотрите, наши городские цыпочки брезгуют, — рассмеялся второй.

— Раз, — начала отсчет подруга, — два, побежали.

И она рванула. А я же замерла. На меня словно напал ступор. Я не могла пошевелить ни ногой, ни рукой, с отвращением, как заворожённая смотря на мужиков. Не веря своим глазам. Все происходило как в дешёвом немом кино.

— Куда это твоя подруга рванула? — удивился Серый, — не хочет попробовать настоящих мужчин? У вас в городе таких нет. Да ладно, — махнул

он рукой, — нам и тебя одной хватит.

Серый достал свой член из штанов и начал демонстративно трясти им передо мной.

— Смотри, какой он у меня.

Я в ужасе застыла и уже собралась тоже бежать, как второй мужик схватил меня за куртку.

— А ты куда собралась? Так дело не пойдёт! — протянул он, — вы нас заставили работать, мы хотим компенсации.

— Вы что насиловать меня будете? — обрела я голос.

— А это идея, — ответил Серый, — ты гласное ори по-громче, чтобы мы удовольствие получили.

Его дружок алчно заржал. Я поняла, что это конец. Меня сейчас изнасилуют два полупьяных мужика. Эта тварь крепко держала меня за куртку и волосы, вырваться у меня возможности не было. Да и они намного сильнее меня. И не настолько пьяны, чтобы убежать от них.

— Вы же знаете, что это уголовно наказуемо? — попыталась напугать их я.

— А кто тебе поверит? — заржал Серый, — мы скажем, что сама захотела. Еще уговаривала. Мы на хорошем счету на ферме, так что и не мечтай. Ладно, кончай разговаривать, вставай на колени

и соси.

И его дружбан больно дернул меня за волосы, заставляя встать в самую грязь на колени. И тут раздался грозный утробный рык. Мужчины дернулись и повернули головы.

— Медведь! — завопил Серый.

Мужчины бросили меня и рванули в сторону деревни. Я в ужасе от пережитого упала на колени, держась на трясущихся руках, чтобы не упасть в грязь лицом. По моему лицу катились крупные, злые слёзы.

— Эй, ты чего? — услышала я за своей спиной, — вставай из грязи. Или тебе нравится в ней купаться?

Я вздрогнула и обернулась. Прямо передо мной стоял мужчина, которого я заметила на обочине, когда мы только приехали на практику. Он был одет в джинсы, и на голое тело наброшена куртка, которая была расстегнута и демонстрировала поджарый живот и накаченную грудь. Он возвышался надо мной как скала. Я закрыла глаза, стараясь сосредоточиться. Надеюсь, этот меня насиловать не будет.

— А где медведь? — спросила я его.

Мужчина нахмурился и ответил:

— Какой медведь?

— Мой, — ответила я.

Видимо я его рассмешила, потому что он засмеялся и заявил:

— Я вместо него? Или я тебя не устраиваю?

— Смотря, что вы хотите со мной сделать?

Он перестал смеяться и начал меня рассматривать. Его серьёзные карие глаза скользили по моему лицу, фигуре, остановились на руках. Он словно целовал меня взглядом.

— Ну, для начала, я хочу достать тебя из грязи.

Он протянул мне руку, в попытке помочь подняться. Но я, посмотрев на свои извазюканые в грязи ладошки, решила подняться сама, чтобы не запачкать спасителя. Мужчина усмехнулся и, подхватив меня под мышки, поднял. Потом он взял какую-то тряпку и начал вытирать мне лицо. От неё пахло неимоверно приятно, запах чем-то напоминал тот аромат, который мне подарила странная продавщица.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Давай сюда свои руки, — улыбнулся он, — не бойся, я тебя не обижу.

Я протянула ладони, он аккуратно обтёр и их.

— Не надо, вы только размазываете грязь, — остановила я его.

— Пошли я тебя провожу, — предложил он, — и

называй меня на «ты», хорошо?

— Хорошо.

— А как тебя зовут? — решил познакомиться он.

— Марина, — представилась я, чувствуя как все страхи рядом с этим странным мужчиной отступают.

— А я Олег, будем знакомы. А вы чего у ведьмы остановились? — удивил меня он вопросом.

— Так никто больше не захотел нас к себе пускать, — ответила я, — а чего ты её ведьмой называешь? Она вроде бы нормальная женщина.

Олег улыбнулся, но оставил мой вопрос без ответа. Домой к Маланье идти ужасно не хотелось. Я слегка замедлила шаг, чтобы пройтись со своим защитником еще чуть больше времени. Не знаю почему, но, не смотря на его грозный вид, мне было очень приятно его общество. Мужчина, видимо заметил мою уловку, потому что предложил:

— Если хочешь, я подожду пока ты приведешь себя в порядок, и мы немного погуляем по окрестностям. Здесь есть замечательные места.

— Я очень хочу, — честно призналась я, — а тебе холодно не будет? Где твоя рубашка?

— Я вытирал ей твоё лицо, — усмехнулся

Олег, — и нет, мне не будет холодно. Ты за меня не беспокойся. Так что я тебя жду?

— Да, — ответила я, опуская глаза.

Мы уже практически подходили к дому, как на меня буквально обрушился ураган в виде Кристины.

— Ну как ты? — сквозь слёзы начала тараторить и ощупывать меня она, — я хотела за подмогой бежать, но меня бабка Маланья не пустила. Сказала, что у тебя есть защитник, а я ей ещё ночлег и пропитание не отработала. Странная она какая-то. Я так и не поняла, как должна отработать.

Рядом засопел мой провожатый. Он как-то странно на нас посмотрел, но ничего не говорил.

— Ах, да, — спохватилась я, — знакомься, это Олег. Если бы не он, то те два индивида изнасиловали меня.

— Кристина, — протянула руку моя подруга, переставая всхлипывать.

Олег просто кивнул головой и дотронулся до её руки.

— Иди, — обратился он ко мне, — я тебя здесь подожду.

Я побежала приводить себя в порядок, а к Олегу вышла Маланья. Они долго о чём-то разговаривали, даже спорили, но нам ничего слышно не

было.

— А ты куда собралась? — смотря как я перебираю вещи, спросила у меня подруга.

— Мы с Олегом немного погуляем по окрестностям. Хочешь с нами? — в надежде что она откажет, спросила я.

— Спасибо, но мне на сегодня прогулок хватило. Всё тело ломит. Я мечтаю об одном, как я лягу в кроватку и забудусь крепким сном, — ответила она, — постой! — вдруг протянула она руку к моей груди, — а ты мне не говорила, что ты сделала татуировку.

— А я и не делала, — в шоке прошептала я, уставившись на красивый рисунок медведя у себя на груди.

— Какая красивая. Он как живой, — рассматривая неизвестно откуда взявшуюся татуху, заявила Крис, — только он у тебя какой-то схематичный, надо было что ли раскрасить его.

— Ага, — только и смогла выдавить из себя я.

И тут в дверях показалась Маланья.

— Иди, он уже заждался тебя, — зло бросила она и скрылась из виду.

— Да, не хорошо заставлять мужчину ждать, — поддержала её Кристина.

Я быстро надела майку, поверх неё тёплый сви-

тер. И решила, что насчет татуировки подумаю после. Нацепив на ноги теплые ботинки, напялив шапку и прихватив куртку, я выбежала из дома.

Олег ждал меня у забора. Огромный, сильный, он дарил мне чувство защищенности. Почему-то мне хотелось доверять ему. А еще, мне ужасно хотелось прижаться к его широкой груди, отогнав эти мысли, я пошла к нему.

— Одевайся потеплее, — пробасил он, — к вечеру совсем похолодает.

— Я тепло оделась, — как маленькая, возразила я.

Мужчина улыбнулся, от чего на его строгом суровом лице появились симпатичные ямочки.

— Куртку надеть.

Я остановилась, засовывая руки в рукава. Он подошел, по-хозяйски поправил куртку, шарф, застегнул молнию и сказал:

— Вот теперь пошли.

Я молча уставилась на него. Абсолютно непривыкшая к такой заботе. Олег повернулся и большими шагами пошёл прочь от Маланьеного дома, я еле успевала за ним. Заметив, что я чуть ли не бегу за ним, он уменьшил шаг. Я вздохнула с облегченьем.

— А куда мы идём? — нарушила я молчанье.

— На речку, — лаконично ответил мужчина.

Да, походу, милой беседой меня развлекать не будут. Я молча шла наслаждаясь тишиной и окрестными видами. А посмотреть здесь было на что. Нетронутая красота природы! Грациозные березки, на которых только начали набухать почки, вековые ели и сосны. И запах весны! Кое-где уже проглядывали милые подснежники.

Налюбовавшись природой, я исподтишка начала рассматривать своего спасителя. Фигура у него хорошо развитая, мощная, другое слово и не подберёшь. Густые каштановые волосы непослушной массой украшали его голову, правильные черты лица, небольшой нос и глаза. Они были у него желто-карие с коричневой радужкой. Мощная шея, большие сильные руки.

— Ну, что? — усмехнулся мужчина, — оценила?

Я покраснела до кончиков волос. Оказывается он заметил мой интерес к нему.

— Извините, — проблеяла я, — я забыла вас поблагодарить за моё спасение.

Он остановился, убрал мне за ухо выбившуюся прядь, поправил шапку и ответил:

— Извини, что смутил. Мне просто хочется узнать результат твоего осмотра. И, я тебя умо-

ляю, называй меня на «ты».

Я не знала, что ему ответить. Ну не говорить же ему, что он мне очень и даже очень понравился.

— А вы, то есть ты, давно здесь живёшь? — сменила я тему разговора.

Олег улыбнулся и пошел дальше, не ответив мне.

— Нет, я живу не здесь. Мой дом далековато отсюда, — а потом неожиданно заявил. — Если ты меня еще раз назовёшь на «вы», я тебя поцелую, чтобы тебе было легче мне тыкать.

— Я постараюсь не выкать, — ещё больше смутилась я.

— Не хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

— Нет, я не это имела ввиду, — пролепетала я.

— Значит, хочешь? — усмехнулся он.

— Вы меня окончательно запутали, — насупилась я и толкнула его в руку.

Олег остановился и со словами «Я же предупреждал» сгрёб меня в охапку и впился властным требовательным поцелуем. Я замерла в шоке. Нет, сказать, что мне было противно, я сказать не могла, от его поцелуя по моему тело словно расплывалось тепло. Слово «неожиданно» было самым верным. Он ослабил напор и я сдалась, отвечая на его поцелуй. Мужчина застонал.

— Какая ты сладкая и отзывчивая.

Я только хотела ему возразить, что я не такая, как он приложил палец к моим губам и прошептал:

— Тише. Мы уже пришли, смотри.

И он вывел меня на высокий берег над рекой. А там царил закат. Все мысли выветрились у меня из головы, оставляя место только восторгу. Солнце медленно склонялось к горизонту, озаряя облака удивительными красками. Их нельзя описать словами. На фоне красного солнца они казались насыщенно черными, отливая золотом. Природа, словно замерла, прощаясь с солнцем. И эта вся красота отражалась в бегущих водах реки.

— Какая красота! — с замиранием сердца произнесла я.

Олег подошел сзади и, обняв, уткнулся мне в шею.

— Я рад, что тебе понравится. Я тоже люблю закаты.

Он шумно втянул ноздрями воздух.

— Как ты вкусно пахнешь, — прошептал он.

— Мне тоже нравится этот аромат, — ответила также шепотом я, — мне его подарила странная продавщица.

— Странная? — я чувствовала, что он улыбается.

— Да, — подтвердила я, — сначала предложила отвратительные. От одного я чуть сознание не потеряла, а потом дала понюхать вот этот. Я сразу поняла, что он мой.

Руки, что обнимали меня, притянули к себе еще крепче.

— Я рад, что тебе понравился именно этот аромат, но я сейчас говорил, про твой личный запах.

— Ты смущаешь меня, — пробормотала я.

Хватка ослабла и Олег прошептал:

— Извини, не смог сдержаться.

Мне было уютно в его объятьях так, словно я была завернута в любимое одеяла. Подумав, я сменила тему.

— А здесь водятся медведи?

Мужчина вздрогнул.

— К чему вопрос? Ты боишься медведей.

— Любой человек в здравом уме боится медведей. А если не боится, то уж уважает их так точно.

Олег хмыкнул.

— Но я просто хотела знать. Мне последнее время всё время снится медведь. Такой краси-

вый, — не знаю почему я решила доверить свои сны ему.

— Очень красивый? — уточнил он.

— Очень, — подтвердила я, — такой большой, лохматый. А глаза какие….

Я не успела договорить, как была перевернута и поцелована. Олег, крепко обняв, нежно ласкал мои губы.

Освободившись из его объятий, я в шоке от своих чувств пролепетала:

— Я же не называла тебя на вы.

— Извини. Не сдержался. Продолжай.

Он развернул меня лицом к речке и обратно уткнулся носом в шею. А я молча разбиралась сама с собой. Мне хотелось, чтобы он продолжил меня целовать! И не только целовать! Я хотела почувствовать его руки и губы на своем теле, чтобы он медленно меня раздел, покрывая поцелуями. Такое со мной было впервые! Да мы практически не знакомы! А меня тянет к нему с неимоверной силой! Соски под майкой от неожиданного возбуждения напряглись и терлись об майку. Интересно, он чувствует, как на меня влияет.

— Так, что там с медведем? — отвлёк от таких ярких фантазий, его слегка охрипший голос.

— Представляешь, когда я переодевалась, Кри-

стина заметила у меня на груди татуировку медведя. А я не знаю, откуда она у меня взялась. Честно не знаю.

— Покажи, — попросил Олег.

— Неудобно как-то, — поёжилась я.

— Не бойся, я тебя не обижу, — он обратно повернул меня к себе лицом и поднял мой подбородок рукой, заставляя смотреть ему в глаза, — верь мне. Я никогда не причиню тебе вреда.

Его слова обволакивали и бальзамом наполняли мою душу. Я послушно расстегнула куртку, оттягивая ворот кофты, чтобы продемонстрировать медведя. Медведь полностью показываться не хотел. Из-за кофты выглянула только наглая морда. Олег, как заворожённый смотрел на неё, потом аккуратно провел пальцем. Я и оглянуться не успела, как была стиснута в его медвежьих объятьях.

— Не может этого быть, — прошептал он, — я так долго ждал тебя.

— Тише, — пропищала я, — ты меня сейчас сломаешь.

— Ой, извини, — ослабляя объятья и целуя меня в нос, усмехнулся мужчина.

— Чего не может быть? Татуировки? — решила уточнить я, — мне тоже не верится. Полтергейст

какой-то.

— Нет. С татуировкой всё нормально. Я скажу тебе даже больше, после воссоединения она обретёт цвет.

— Воссоединения с кем? — не поняла я.

— С твоей второй половинкой, с медведем, — заулыбался нахал.

— Так понятно! — оттолкнула я его.

— Что случилось? — удивился Олег.

— Ты меня за легкодоступную дурочку считаешь?

— Вовсе нет, — опешил мужчина.

— Привел в красивое место. Сейчас навешаешь лапши про истинную пару, вторую половинку и в постель потащишь?! Ты считаешь меня шлюхой, верящей в сказки? Думаешь, я сейчас уши развешу и к тебе в постель прыгну?

Меня начинало трясти от злости и досады. Я же ему доверяла! Мне было так хорошо в его объятьях, а он оказался просто сказочником, который хочет затащить меня в постель. На глаза начали наворачиваться злые слёзы.

— Успокойся, — он слегка меня тряхнул, держа за руки.

— А знаешь что? Я думаю, это ты мне переводную картинку на грудь наклеил пока я в себя

приходили после нападения тех мужиков. Они случайно с тобой не заодно?

— Это уже перебор, — прорычал Олег, — пошли я тебя до дома Маланьи провожу, а завтра мы с тобой всё на свежею голову обсудим.

— Не буду я с тобой ничего обсуждать. И вообще оставь меня, — слёзы уже катились во всю по щекам, — уходи!

Он выругался сквозь зубы, пробормотал что-то вроде того, что с бабами одни проблемы и их никогда понять нельзя и ушёл. Я же прислонилась к дереву и расплакалась. Когда истерика прошла, было уже довольно темно. И тут я осознала, что стою на берегу абсолютно незнакомой мне реки, и как добраться до дома бабки даже приблизительно не знаю.

— Какая же я дура, — пробормотала я вслух.

— Абсолютно с тобой согласен, — услышала я в ответ голос Олега.

Я вздрогнула и, повернувшись, увидела, что мужчина стоит совсем рядом и хмуро смотрит на меня. Куртка его была застёгнута по самое горло, руки он держал в карманах. Насколько он зол на меня, разглядеть в темноте было не реально. Меня охватил страх.

— Ну что, наревелась?

— Да, — просипела я.

— Тогда пошли, провожу до дома бабки, — и, не дожидаясь меня, он развернулся и пошел в лес.

Мне не оставалась ничего другого как потопать за ним. В лесу было темно. Дороги я практически не видела, ориентируясь на темный силуэт, что словно плыл впереди. Я спотыкалась и путалась в своих же ногах.

— О Боги, — услышала я впереди, — за что мне это?

Олег словно материализовался около меня в темноте и больно схватил меня за руку, потянул меня за собой. Это было перебор. И даже обидно!

— Пусти, — выдернула я руку, — мне больно.

— Ты не поверишь, мне тоже, — огрызнулся мужчина.

— Чего тебе больно? — удивилась я.

Он подошел вплотную, и прямо выплюнул слова мне в лицо:

— От твоего неверия и непонимания! Ты считаешь меня каким-то… — он замолчал, подбирая слова, — каким-то плейбоем-соблазнителем. А я, между прочим, говорил, что это плохая идея.

— Что плохая идея? — не поняла я.

— Да, ладно, ты всё равно не поверишь, — махнул он рукой.

— А ты попробуй, — насторожилась я.

Он подошел близко-близко и тихо сквозь зубы прошептал:

— Странная продавщица, как ты её назвала, это известная в кругах оборотней сваха. Она собирает у оборотня запах из сальных желёз и помещает его в специальную упаковку для сохранения. Она ездит по миру и ищет подходящих девушек и даёт им понюхать флаконы. Если девушка подходит оборотню, то аромат ей нравится. Это бывает очень и очень редко. Раз в три четыре года, ей удаётся найти оборотню пару. Мой запах ей отдала моя мать, когда мне было шестнадцать. Я потерял надежду найти свою вторую половину где-то через три года, после этого.

— А сколько тебе сейчас? — в шоке спросила я.

— Тридцать, — последовал лаконичный ответ.

— А если девушке аромат понравится, а она оборотню не подойдёт? — решила уточнить я.

— Бывает и такое, — вздохнув, ответил он. — Но на такую девушку тогда начинается охота. Девушка, которая оценила запах оборотня, может стать женой любого из нас. А обновить кровь хочет любой клан. Как тебе объяснить. Запах оборотня может почувствовать только та, кто сможет родить от него ребёнка. Это большая редкость.

— А тебе? — с придыханием спросила я.

— Ты хочешь знать понравилась ли ты мне? — он усмехнулся, — ты сводишь меня с ума. Я от твоего запаха теряю контроль над собой. А когда смотрю в твои глаза…..

Он замолчал. Поднял руку и, в нерешительности, опустил.

— Так ты действительно медведь? — не веря самой себе, спросила я.

— Боишься? — насупился мужчина.

— Просто не верится, — честно ответила я.

Страха честно не было.

— Показать? — спросил Олег.

— Знаешь? Наверное, не стоит. Боюсь, что оборотень в незнакомом лесу, ночью, может произвести на меня неизгладимые впечатления. Будешь потом от заикания меня лечить.

Мужчина рассмеялся.

— Можно я тебя обниму?

— Можно, — вздохнув, ответила я.

Олег притянул меня к себе. Я уткнулась холодным носом ему в шею. Мне стало так тепло от его прикосновений.

— Если честно, — прошептал он, — я и сам не был рад, когда мне сообщили, что ты нашлась.

Я не успела возмутиться, как он уже подхватил

меня на руки и понёс сквозь лес.

— Тебе не тяжело? — спросила я.

Я, ведь, не пушинка!

— Издеваешься?! — услышала я в ответ.

Наше перемещение стало заметно быстрее. Как он различал дорогу и не ударил меня не об одно дерево, я честно не знаю. Я сжалась в его руках, ожидая удара или падения.

— Не бойся, — прошептал он мне на ухо, — я хорошо всё вижу. Мы уже скоро придём.

Я вдыхала его запах и всё больше теряла голову. Всю эту ситуацию нужно хорошенько обдумать!

— Ну, вот мы и пришли, — опуская меня на землю, заявил мужчина, — мне, конечно, не хочется оставлять тебя в доме ведьмы, но я не хочу на тебя давить.

— Бабка Маланья ведьма? — удивилась я.

— Не думай об этом. Она тебя не тронет. Но, если ты меня пожалеешь и дашь мне шанс, я буду тебе очень благодарен.

— Хорошо, я дам тебе шанс, но завтра, когда всё обдумаю.

— Договорились. Я могу тебя поцеловать?

— Да, — ответила я и сама потянулась к нему.

Его губы были нежны как лепестки роз. Я прильнула к нему, страстно отвечая на его неж-

ность.

— Иди. Спокойной ночи, — оттолкнул он меня от себя, — а то мне тяжело себя сдерживать, я ведь могу и не отпустить тебя.

— Спокойной ночи, — ответила я и быстро вошла в дом.

Там стояла звенящая тишина. Я аккуратно пробралась к себе в комнату. Не включая свет, разделась и юркнула под одеяла. Я ожидала, что буду долго ворочаться, переваривая информацию. Но, как только моя голова коснулась подушки, я погрузилась в сладкий сон, где ждал меня мой мишка. Видимо сказались переживания сегодняшнего дня и нехилая физподготовка по уборке коровника.

Утром меня разбудила Крис.

— Слышь, Маринка, — заявила она, садясь на край моей кровати, — я, наверное, сегодня не пойду на практику.

— А что случилось? — подскочила я в кровати.

— Я заболела, — ответила подруга.

— У тебя температура? Горло болит?

— Нет. У меня наоборот упадок сил. 35,6. Меня всю знобит, я еле поднялась, чтобы к тебе подойти.

— Иди, ложись, — встрепенулась я, — я сейчас

оденусь и принесу тебе поесть.

Кристина встала с кровати и чуть не грохнулась на пол.

— Что с тобой? — испугалась я.

— У меня голова кружится, — пробормотала девушка.

— Ложись в мою постель.

Я быстро вскочила и помогла подруге залезть под моё одеяло.

— Как тут у тебя тепло, — прошептала она.

Я быстро оделась и пошла на кухню. Маланьи нигде не было видно, зато на столе лежали свежеиспечённые блинчики и молоко. Я схватило это всё, и бросилась кормить подругу. Когда я вернулась в комнату, она уже крепко спала. Решив, что пропитание ей важнее сна, я растолкала её. Девушка с трудом разлепила глаза, а я уже вливала в неё молоко и впихивала блинчики. И только накормив Кристину, я от неё отстала и позволила погрузиться в сон. Мне её состояние жутко не нравилось. С чего это вдруг у довольно здоровой девушки такой резкий упадок сил?!

Около калитки меня уже ждал Олег. Он был сдержан и напряжён.

— С тобой всё хорошо? — вместо приветствия спросил он.

— Да, — ответила я и чмокнула его в щеку.

Над всеми вчерашними вопросами я даже не начинала думать, пообещав себе что займусь ими когда буду вакцинировать коров. Я была просто рада видеть Олега. От его присутствия внутри разливалось тепло и хотелось улыбаться.

— А чего ты вдруг спросил? — поинтересовалась я, беря его под руку.

— Просто так, переживаю за тебя, — пробурчал мужчина.

— Со мной всё в порядке, а вот Крис заболела, — поделилась я своими переживаниями с ним.

— И что с ней? — уточнил Олег.

— Полная потеря сил, слабость. Даже не знаю, почему вдруг. Она крепкая, здоровая девушка.

— В этом нет ничего загадочного, — удивил меня оборотень, — из неё качает силы ведьма.

Я в шоке уставилась на него.

— Она бы и из тебя начала качать, — продолжил он, не обращая внимания на моё удивление, — если бы не боялась меня. Мы с ней договорились, что она тебя не тронет.

— Почему?

— Наш клан довольно сильный, — пояснил он, — к тому же я ей заплатил.

— Что?! — изумилась я, — а почему ты не за-

платил за мою подругу.

— Понимаешь, как бы тебе это объяснить? У собаки нельзя забрать сразу две кости. Ведьма бы просто не согласилась. А ты сама понимаешь, если бы мне пришлось выбирать между вами двоими, то я бы выбрал однозначно тебя.

— Но ты же даже не пытался! — возмутилась я.

— Ну, я же не дурак. С ведьмами вообще тяжело договариваться. Они сами себе на уме.

— А как ей теперь помочь? — в шоке спросила я.

— Если она сейчас уедет. То через некоторое время организм восстановится, так как будто ничего и не было.

— Ты в этом уверен?

— Но она ведь еще не умерла? — спросил он.

— Нет, — протянула я, — значит, шанс еще есть.

— Давай ты пойдешь сейчас и это всё ей расскажешь, — предложила я.

— Ты меня за идиота держишь? — насупился Олег.

— Почему?

— Во-первых, без её приглашения я в дом попасть не могу, — начал объяснять он мне, как маленькому ребенку, — во-вторых, я не хочу с

ней портить отношения. Это чревато. Я и так тебе наговорил лишнего.

— А как же ей помочь? Ты же не предлагаешь мне бросить свою подругу и дать ей умереть?!

Олег просто пожал плечами, а я начала лихорадочно перебирать в голове идеи. Конечно! Надо позвонить куратору и обсудить всё с ним. Я достала телефон из кармана и набрала номер куратора нашего курса.

— Федор Петрович здравствуйте, это Марина. Там Кристина заболела, — выпалила я, как только он поднял трубку.

— Еще ни разу не было, чтобы в этих проклятых Сурвелишках всё хорошо было, — просипел он мне в трубку, — пусть срочно возвращается. Скажи ей, что я освобождаю её от практики.

Я обрадовалась. Он даже не спросил что с ней! Обычно его уговаривать приходится, видимо действительно это не первый случай болезни наших студентов здесь.

— А ты как себя чувствуешь? — поинтересовался педагог.

— Со мной всё в полном порядке, — заверила я его и, поблагодарив, отключилась.

Я начала лихорадочно набирать Кристинин номер. Она отозвалась только с третьего раза.

— Слышь, Крис, я позвонила Петровичу, — затараторила я, — и он освободил тебя от практики. Собирайся, я сейчас попрошу директора колхоза и он выделит тебе машину.

— Не надо было, — промямлила подруга.

— Мне прийти и помочь тебе? — поинтересовалась я.

— Нет, не надо, — заверила она меня, — мне сейчас немного лучше. Я сама соберусь. Ты позвони, как договоришься насчет машины.

— Ок, — отозвалась я и с облегчением вздохнула.

— Директор не даст машины, — опустил меня с небес на землю Олег.

— Почему? — удивилась я.

— А ты думаешь, они не знают насчет ведьмы? — спросил он, — они всё прекрасно знают.

Я в шоке уставилась на него.

— Они понимают, что если не вы, пришлые, то она начнёт тянуть энергию из них. Ты думаешь, почему вас поселили именно у неё?

— Все всё знают?! — в ужасе спросила я.

— Ну не всё, — ответил он, — но о многом догадываются. Ты, разве не заметила, как от вас шарахаются местные?

— Заметила, — печально ответила я, — так что

же теперь делать?

— Давай так, — предложил мне Олег, — я сейчас тебя провожу, а потом отвезу твою подругу. Только пусть она подойдёт на край деревни.

— Спасибо тебе, — воскликнула я, бросаясь ему на шею.

— Не за что, — усмехнулся оборотень, думая о том, что они ещё не вместе, а он уже не может ей отказать, — но мне кажется, что я об этом сильно пожалею.

Мы пришли на место моей практики и мужчина, поцеловав меня, ушёл.

— Я вечером приду за тобой. Умоляю, никуда без меня не ходи, — попросил он меня, уходя.

— Хорошо, папочка, — улыбнулась я ему и принялась за коров.

Мужики, которые давеча меня чуть не изнасиловали, усиленно делали вид, что ничего не произошло, и старались держаться от меня подальше. Работа кипела. Я подходила к корове, осматривала её, делала укол и помечала специальным маркером. Когда от коров уже начало рябить в глазах, меня отвлёк какой-то шум с улицы. Я выглянула и увидела двух странных мужчин на мотоциклах. Они были явно не местными. Да и навряд ли вообще являлись ра-

ботниками сельскохозяйственной отрасли. Они походили на злых хищников. С колючими злыми глазами, взъерошенными густыми черными волосами. Они были полностью обтянуты в кожу, на ногах были чёрные сапоги со шпорами, на коленях специальные наколенники. Из всей толпы, которая высыпала посмотреть на приезжих, они взглядом выделили меня и начали медленно приближаться.

— А вот и она, — произнёс один из них.

Я с удивлением уставилась на мужчин.

— Ну что? Привет, красавица! — усмехнулся второй мужчина.

У меня они оба вызывали чувство отвращения. Их запах был мне смутно знаком и очень не нравился.

— Мы с вами знакомы? — вместо приветствия ответила я.

— Еще нет, — расплылся в улыбке первый, демонстрируя безупречный ряд белых зубов с клыками, — но мы не против познакомиться поближе

— За то я не хочу знакомиться с вами, — огрызнулась я, разворачиваясь в попытке уйти.

— Не так быстро, красавица, — схватил меня за руку второй, — разве ты не хочешь покататься

на мотоцикле?

— Нет, не хочу, — твердо ответила я, — и отпустите меня.

— А то что? — усмехнулся мужчина.

— Она не хочет, а я хочу, — вышла из толпы какая-то дородная девица.

— Не волнуйся и тебя мы тоже покатаем, но сначала прокатим нашу красавицу, — улыбнулся приезжий.

И тут на большой скорости на площадку вломился чёрный джип и из него вышел Олег.

Я дернула рукой, освобождаясь.

— Я повторяю, я не хочу кататься с вами на мотоцикле.

— Отойди от неё, — прорычал Олег.

— Ты её ещё не заклеймил, — ответил первый, — мы тоже имеем на неё право.

— Ты свою половину убил, — огрызнулся Олег, — не трогай мою.

— Это был несчастный случай. Она разбилась на мотоцикле, — заорал мужчина.

— Марина, садись в машину, — попросил Олег.

Мне дважды предлагать не надо было, я бегом забралась в его машину.

— Я вызываю тебя на бой, — прорычал первый мужчина.

— Ты считаешь меня дебилом? — усмехнулся Олег, — пока я с тобой буду разбираться, твой кузен заберёт мою половину?! Нет, я сейчас отвезу её в безопасное место, а потом разберусь с вами обоими.

— Это еще кто с кем разберётся, — кинули ему зло мужчины.

— Через час на въезде? — спросил Олег.

— Пойдёт, — кинули приезжие, и пошли к своим мотоциклам.

Я сидела в машине как мышка.

— Что значит, что ты меня не клеймил? — спросила я у Олега, — у меня же на груди твоя татуировка.

— Я не разделил с тобой пастель. Если ты переспишь с другим оборотнем, она поменяется, — просто ответил он.

— А они что, тоже оборотни? — удивилась я.

— Ты не заметила? Они волки, — выплюнул Олег.

— А я-то думаю, почему мне их запах знаком и так противен, — в шоке проговорила я, — мне продавщица предлагала понюхать их аромат.

— Рад это слышать, — усмехнулся мужчина.

— Куда ты меня везёшь? — спросила я.

— К ведьме, — улыбка сошла с его лица.

— Зачем? — удивилась я.

— Сейчас это самое безопасное место для тебя, — объяснил он, — если я не могу к ней в дом зайти, то и они не смогут. Я с ними разберусь и приеду за тобой.

— А если они тебе навредят? Или чего хуже, убьют?

— Ты не веришь в меня? — приподнял он свою бровь.

— Но их же двое! А ты один! — парировала я.

— Верь в меня, — погладил он меня по щеке, — но если вдруг я не приду за тобой завтра утром, собирайся и уезжай отсюда. Не оставайся у ведьмы, иначе тебя ждёт та же участь, что и твою подругу.

— Хорошо, — потупилась я, — я буду ждать тебя.

Олег остановился возле дома бабки Маланьи и подождал пока я войду в дом, потом быстро уехал. Ведьмы нигде видно не было. Я разогрела себе поесть и быстро перекусив, пошла спать. Здраво рассудив, что когда я буду спать, время будет идти быстрее.

Ночью меня разбудили чьи-то стоны. Было такое впечатление, что стонет сам дом. Он стонал и скрипел. На чердаке кто-то громко топал. Страх

начал липкими щупальцами подкрадываться ко мне. И тут, кто-то настойчиво постучал в окно. Я испугалась еще сильнее, но почувствовав, что это Олег бросилась к окну. Оно долго не хотело открываться, но потом я его победила.

— Олег, как я рада, что ты живой, — воскликнула я. Страха как не бывало.

— А я как рад, — усмехнулся мужчина, — ты давай, собирай свои вещи и пошли отсюда.

— Куда? — удивилась я, — давай подождём утра.

— Нет, — твёрдо ответил оборотень, — ведьма не будет ждать до утра. Мы забрали у неё еду. Теперь она примется за тебя, не смотря ни на какие наши договорённости. Так что давай, бери свои вещи и вылазь в окно.

— А почему нельзя через дверь? — удивилась я.

— Боюсь, что она через дверь тебя не отпустит, — услышала я в ответ, — а ещё и с ведьмой сегодня я боюсь, что не смогу справиться.

Я задумалась, а насколько я доверяю ему, чтобы посередине ночи, вылезти в окно и идти неизвестно куда. Здравый смысл твердил, что надо остаться в доме у бабки Маланьи, ведь она мне еще ничего плохого не сделала. Но нутро просто

кричало, что надо побыстрее сваливать отсюда и, что Олег мой единственный шанс на спасения. Я откинула все здравые мысли. Особенно я не хотела верить, тоненькому голоску, который пугал меня, что это может быть и не Олег вовсе. Я схватила сумку и перебросила её через подоконник.

— Поймал, — услышала я голос мужчины.

И начала аккуратно карабкаться через окно, стараясь не наделать много шума.

— Ты почему босиком? — удивился Олег.

— Так обувь вся у входа, — промямлила я.

— Ладно, потом разберёмся, — подхватив меня на руки, ответил мужчина и понёс меня в темноту.

Я была в восторге. Меня спас от злой ведьмы мой рыцарь и мы с ним мчимся по ухабам и кочкам к счастью.

Олег моего восторга не разделял. Он был зол и сосредоточен. И тут я обратила внимание, что выглядит он, мягко говоря, не очень. Бровь рассечена, правой рукой старается не дотрагиваться до руля, и сидит уж слишком прямо.

— Тебе сильно досталось?

— Не очень, — усмехнулся мужчина.

Но как-то его словам верилось с трудом.

— Устал только, — потом, глянув на меня, про-

должил, — не переживай им досталось больше.

— Ты убил их? — решила уточнить я.

— Нет. Зачем? Одному сломал позвоночник, второму ноги и руки. Но ты не волнуйся, мы же оборотни, на нас всё быстро заживает.

— Но ты же не собака и не волк.

— Ну и что. Я оборотень и этим всё сказано. Да и не сильно мне досталось, так немного рука и за ногу цапнул, зараза. А вот эта пара ели ноги унесла, в следующий раз будут думать, на чью пару рот разевать.

Мы остановились около какого-то домика в середине леса. Рядом других строений, насколько мне позволяла разглядеть луна, не было. Я чувствовала себя так, как будто попала в сказку.

— Приехали, — оповестил меня мужчина.

Он вышел из машины и, подойдя с моей стороны, открыл дверь и попытался взять меня на руки.

— Эй, — начала сопротивляться я, — ты же ранен.

— Вот и не рыпайся. А то когда ты дергаешься мне больно.

— Но я могу и сама передвигаться, — возразила я.

— Босиком? — услышала я в ответ, — потом

лечи тебя. К тому же мне приятно носить тебя на руках.

Мы зашли в дом. Там было достаточно прохладно и темно.

— Извини, не успел затопить, — заявил Олег и направился внутрь дома.

Он зажёг лампу на батарейках и начал растапливать печку.

— А у тебя есть медикаменты? — спросила я, наблюдая как красиво огонь начинает лизать поленья.

— А тебе зачем? — встрепенулся мужчина, — ведьма успела навредить тебе?

— Нет, — вздохнула я, — твои раны обработать. Или ты их уже обработал?

— Нет. Я как-то об этом не думал. Сейчас из машины принесу.

— И воды, — попросила я.

— Вода есть вон в том ведре, — показал рукой Олег.

Я набрала ковшик и поставила его кипятиться. Олег, хоть и храбрился, но сильно прихрамывал.

В комнате заметно потеплело. И я заставила мужчину сесть на кровать напротив печки и оголить торс. Я протерла его лицо, сначала теплой тряпкой, потом вытерла полотенцем. Олег закрыл

глаза и наслаждался моими прикосновениями. Его руки, лёжа на коленях слегка подрагивали. Я решила сначала протереть неповреждённые места, чтобы доставить оборотню удовольствие и помочь снять напряжение. От первых моих прикосновений он вздрагивал, а потом расслабился. Перейдя к повреждённой руке, я ахнула. Там были видны ужасающие дырки от клыков.

— Тебе не больно? — спросила я, аккуратно обтирая вокруг повреждения и доставая лекарства, что он принёс.

— Нет, мне даже приятно, — и он попытался притянуть меня к себе и зарыться лицом в мою пижаму.

Да, я не переоделась. Была в пижаме и спортивных штанах. Что творилось у меня на голове, я вообще старалась не думать.

— Подожди, — отстранилась я, — давай сначала раны обработаем.

— Завтра их почти не будет видно, — ответил мне мужчина.

— Что-то мне с трудом в это вериться, — честно призналась я, — а если они зубы не чистили? И тебе туда, какую инфекцию занесли?

— Только что инфекцию, — усмехнулся мужчина, опуская руки и позволяя обработать рану.

Я быстро принялась за работу, боясь, что он передумает. Обработав руку, я заявила:

— Теперь нога.

— Что нога? — не понял оборотень.

— Снимай штаны и покажи мне повреждения на ноге, — пояснила я.

— Ты уверена? — усмехнулся мужчина, — у меня под ними ничего нет.

— А ты простынёй обвернись, — покраснела я.

Мужчина хмыкнул и, встав, начал медленно расстёгивать болты на ширинке. Я следила за каждым движением его пальцев, не в силах отвезти взгляд. Олег предстал передо мной во всей своей красе. Он был возбуждён и не скрывал этого. Я замерла в восхищении, он был не просто прекрасен, а сказочно красив. Ничего лишнего, только кое-где виднелись белёсые шрамы. Я облизала пересохшие губы, разглядывая его. Оборотень не мешал мне наслаждаться картиной, словно получая удовольствие от моего восхищенного взгляда. И тут мой взгляд переместился на повреждённую ногу. Из неё, словно вырвали кусок живого мяса, и по ноге маленькой струйкой текла кровь.

— Ты сумасшедший, — вскрикнула я, — а ну ложись! Это называется ничего страшного! Да

они от тебя кусок мяса откусили!

Мужчина молча повиновался и внимательно смотрел за моей суетой вокруг его ноги.

— Ну что закончила? — хриплым голосом спросил он.

— Вроде бы, да. Если ты от меня больше ни каких повреждений не скрываешь, — ответила я.

— Ты же оглядела меня полностью нагого, — удивился он, — что я могу от тебя скрыть? А теперь, я сделаю, то, что должен был сделать в первый же день, как тебя увидел.

Олег потушил лампу и притянул меня к себе, глядя в мои вдруг перепуганные глаза. На меня, словно, напало оцепенение, я не могла пошевелить ни ногой, ни рукой, только судорожно прижимала к груди полотенце.

— А почему не сделал? — решила я уточнить.

— Боялся тебя спугнуть, — честно признался он, — но, поверь мне, еле себя сдерживал.

Олег накрыл мои губы своими и по моему телу, словно пробежал электрический ток.

— Ты боишься меня? — скользя под моей пижамой здоровой рукой, спросил он.

— Да, — честно призналась я, рука замерла на моей спине, — но, не в том смысле, что ты думаешь. Я боюсь тебя разочаровать, у меня нет опыта

в общении с мужчинами. Я и целовалось-то всего пару раз.

Мужчина зарычал. Он резким движением снял с меня пижаму и припал к моей груди. Оборотень забыл обо всём на свете. А та незначительная боль, что давала о себе знать в повреждённой руке и ноге, только напоминала мужчине, что надо быть аккуратней и не причинить вред Его паре. Он зверел. Она была и будет только Его! Зверь внутри ликовал. Аккуратно засунув руку в спортивные штаны, он даже не заметил, что на девушке нет нижнего белья. Проведя рукой по лону, оборотень зарычал. Оно было влажным и готовым его принять.

— Я постараюсь аккуратно, — прошептал он на ухо.

И от этого шёпота закружилась голова. Марина и сама забыла, что совсем недавно обрабатывала ужасные раны, она вцепилась в плечи мужчины, как в спасительный круг. Ей не хватало воздуха.

Оборотень набрал в легкие воздуха и начал медленно проникать внутрь девушки. Миллиметр за миллиметром, давая ей привыкнуть к новым ощущениям. Марина открыла глаза и уставилась в светящиеся в темноте глаза оборотня. В них было столько любви, что девушка утонула в них.

Олег выдохнул и резким движением вошёл до конца. Девушку пронизала острая боль, в этот же миг громко зарычал оборотень. Марина почувствовала как их связывают невидимые нити, пронизывая каждую клеточку её тела.

— Моя, — прорычал ей на ухо Олег и продолжил медленно двигаться внутри девушки.

Боль отступала, уступая место наслаждению. И оно полностью зависело от этого мужчины. Марина заглянула в глаза оборотню. И он понял её без слов, унося с собой в мир экстаза.

Девушка так и заснула, лёжа на плече у оборотня.

Просыпаться реально не хотелось. Во всем теле чувствовался восторг от пережитых ночью ощущений. Интересно, а что чувствует Олег. На Марину накатила волна стеснительности.

— Доброе утро, — словно почувствовав, что она проснулась, прошептал он ей на ухо.

И незамедлительно поцеловал. Поцелуй, словно добрый ластик, стирал все преграды и дарил чувство легкости.

— Может, ты сегодня прогуляешь практику? — спросил, улыбаясь, мужчина.

— А можно? — удивилась я.

— Тебе можно всё! — заверил он меня, — не

волнуйся, я позвоню директору и скажу, что тебе прописан постельный режим.

— И кто мне его прописал? — улыбаясь идиотской улыбкой, спросила я.

— Я! — самодовольно ответил оборотень.

Мой злой насупленный медведь, превратился в милого любвеобильного мишку. Олег пытался угадывать любые мои желания. Мы много гуляли по окрестностям, наслаждаясь природой. От практики мне отвертеться не получилось, но я всё время чувствовала рядом присутствие своего оборотня. И на моей груди, татуировка из контурной превратилась в большого красочного медведя. А наши ночи любви! Мы не могли оторваться друг от друга, думая как доставить наивысшее удовольствие.

Практика подходила к окончанию. Я даже и думать боялась о том, что будет дальше. Но была точно уверенна, что моё будущее тесно связано с Олегом. Как однажды вечером он опустил меня с небес на землю.

Олег примчался от куда-то злой и насупленный.

— Что случилось? — бросилась я к нему, подставляя губы для поцелуя.

— Ничего, — угрюмо бросил он, игнорируя мои

губы, — собирайся. Тебе нужно срочно уехать отсюда.

— Куда? — в шоке спросила я.

— Назад к себе, — прорычал мужчина, — и ты должна забыть меня.

— Что?! — не веря своим ушам, спросила я.

— То, что слышала. Ты должна забыть меня навсегда, — повторил он, не глядя на меня, — так, как будто и не было ничего никогда.

— Наигрался, значит, — зло огрызнулась я и пошла собираться.

Он отвёз меня к директору. Мне отметили, что я прошла практику на отлично, и доставил на станцию. Даже подождал пока я сяду в поезд. Я еле сдерживала слёзы. Главное не заплакать! Не показывать этому зверю свою слабость!

А дальше потянулись ничего не значащие дни без него. Потом каникулы. Родители не придали значение моему угнетённому состоянию, списав всё на переходный возраст. А дни и события пролетали мимо меня. В душе образовалась огромная чёрная дыра, которую не могли залечить никакие врачи. Иногда я чувствовала его запах рядом. Но я даже не оглядывалась в попытке найти его. Он меня вычеркнул из своей жизни, значит и я смогу. Но только что-то у меня не особенно полу-

чалось. Ночами было хуже всего. Он приходил ко мне в образе медведя и терзал меня. Мою душу, моё тело. Я попыталась заменить его другими ребятами, но никто даже и в сравнение с ним не шел. Я не могла с ними даже поцеловаться, не говоря уже о том, чтобы пустить их в свою постель. Мне казалось, что когда кто-то другой дотрагивался до меня, то он просто оскверняет моё тело.

Каникулы закончились, так для меня и не начавшись. Я не просто не отдохнула, а устала еще сильней. И только собираясь опять в общежитие, я обратила внимание, что за всё это время у меня ни разу не было женских дней!

Беременна!

Эта информация была как приговор. Родителям я даже и не подумала говорить об этом. Зачем перекладывать свою глупость на чужие плечи?! Избавляться от ребенка было уже слишком поздно. Поплакав, я отправилась на учебу.

С каждым днём мне становилось всё хуже и хуже. Меня нещадно тошнило, днём я всё время хотела спать, а ночью у меня не получалось сомкнуть глаз. Твёрдо решив, что от этой беременности умру, я приняла решение не париться и дать жизнь своему ребёнку.

С лекций в общежитие я старалась возвращаться одна. Потому что мой желудок мог решить, что завтрак лишний и выкинуть его из меня. Вот в один такой день, стоя, я прощаюсь с завтраком, а ко мне подходит женщина. И в глазах её было столько участия, что нахамить у меня ей не получилось.

— На, милая. Возьми эту тряпку, оботри лицо, тебе сразу легче станет, — заявила она, протягивая тряпку, напоминающую футболку.

Мне было плохо. Поэтому спорить сил не было. Я поднесла тряпку к лицу и задохнулась от запаха Олега. Зато желудок перестал возмущаться, а вот голова закружилась и я покачнулась. Заботливая женщина поддержала меня за локоть и, улыбаясь, произнесла:

— Пошли, дочка, со мной, я тебя чайком напою, тебе легче станет.

Я, как во сне, поплелась за странной женщиной. Мы подошли к небольшому ухоженному домику и вошли внутрь. Везде был Его запах! У меня кружилась голова, и было такое чувство, что еще немного, и я потеряю сознание.

— Не стой на пороге, — обратилась она ко мне, — пойдём, я тебя накормлю. А то глядишь, ты ещё от голода сознание потеряешь.

— Спасибо, — поблагодарила я, — но мой организм, не очень настроен на приём пищи.

— Это раньше, — ответила женщина и потянула меня в зал, — а сейчас всё будет по-другому.

Она усадила меня за стол и хорошенько накормила. Честно сказать аппетит у меня был зверский, я съела всё, что мне предложила эта странная женщина. И приготовилась ждать, когда мой организм начнёт выпендриваться. А он молчал. Только от сытной пищи начали закрываться глаза, и меня с неимоверной силой потянуло в сон.

В комнату вошёл молодой парень. Приглядевшись, я узнала его. Он учится вместе со мной, только на более старшем курсе.

— Это мой младший сын Кирилл, — представила мне его женщина.

— Марина, — протянула я ему руку.

— Иди, отведи Мариночку в комнату своего брата, пусть отдохнёт, — скомандовала она.

— Ой, мне если четно неудобно, — начала я вставать, — я вам столько хлопот доставила. Мне уже пора. И подруги в общежитии волноваться будут.

— А ты им позвони, чтобы не волновались и скажи, что остаёшься на ночь у знакомых. И не

волнуйся, мы тебя не обидим.

Где-то я это уже слышала. Но мозг отказывался мне повиноваться, и спорить сил не было. На подсознательном уровне проскользнула мысль: может меня чем опоили? Потом решив, что хуже, чем есть уже не будет, я пошла за Кириллом.

В комнате его брата запах Олега усилился, но мне было всё равно. Я скинула одежду и залезла под теплое одеяло. Как только моя голова коснулась подушки, я сладко заснула. Где-то на грани сознания, засыпая, я услышала причитания моей новой знакомой:

— Бедная девочка. И это всё из-за тебя, оболтуса. Заставил бедняжку страдать! А она ребёночка ждёт.

— Какого ребёночка? — спросил смутно знакомы голос.

Но я вслушиваться не стала. Мне было так хорошо. За последнее время я первый раз нормально заснула.

Утром меня разбудил Кирилл. Он аккуратно потряс меня за плечо и прошептал:

— Вставай, идём завтракать. А то мама без завтрака на занятия не отпустит.

Я быстро вскочила и оделась. Моему удивлению не было предела. Я себя чувствовала великолеп-

но. Голова не кружилась, ничего не болело и живот не крутило, а он наоборот урчал, требуя пищи!

— Доброе утро, — поздоровалась я, входя в зал.

— О, Мариночка, как спалось? — спросила бодрая женщина.

— Замечательно. Спасибо вам большое, — от чистого сердца поблагодарила я.

— Это хорошо, — ответила она, — садись есть.

Я с энтузиазмом выполнила её просьбу.

— Твоя кофта немного помята. На, вот надень эту толстовку, — протянула она мне.

— Спасибо, — в шоке ответила я, — но она мне великовата.

— Зато в ней тебе будет удобно и желудок не будет бунтовать, — удивила меня женщина.

В это время он, то есть желудок, громко заурчал, подавая признаки жизни. Я покраснела и взяла предложенную мне вещь. Стоило мне вдохнуть её запах, мой желудок успокоился.

— Спасибо, — в который раз поблагодарила её я.

— Благодарить потом будешь, — отмахнулась она, — и я тебя на ужин жду.

— Хорошо, — ответила я.

— И вот тебе маленький сувенир, — протяну-

ла она мне золотую цепочку, на которой висел кулончик в виде бурого медведя. Мне словно пощёчину дали. Улыбка сошла с моего лица.

— Что не нравится? — подняла она свою бровь.

— Нет, — ответила я.

— Ну как знаешь, — пряча в карман и хмуро глядя поверх моей головы, ответила она.

Как-то так получилось, что я незаметно перебралась жить к ним. Кирилл старался меня оберегать и быть по возможности рядом. Но держался отстранённо, ничего не рассказывая и игнорируя все мои вопросы. Особенно его злили вопросы о его брате, чью комнату я заняла. Чтобы я не спросила, ответ был один:

— Он сам виноват.

И всё. Я решила не злить своего защитника и отстала от него со своими расспросами. Объяснить, почему они мне помогают, они вдвоём мне так толком и не объяснили. Помогают и на этом спасибо. Что будет в будущем, я старалась не загадывать вообще. Старшего брата, я почему-то ни разу не застала дома. Иногда я слышала как кто-то с остервенением колет дрова. Но женщина не пускала меня посмотреть, говоря, что полено может отскочить и навредить мне.

Ребёнок начинал подавать признаки жизни,

больно работая руками и ногами. Я гладила его и, когда никто не видел, разговаривала с ним. Ночи перестали быть такими уж спокойными.

Этой ночью разбудил меня именно он, больно дав под дых своей маленькой ножкой. Я проснулась и, кряхтя, начала гладить и уговаривать малыша дать мне ещё немного поспать. И тут я заметила, что в комнате не одна. Я испуганно присела на кровати. Рядом со мной сидел хорошо знакомый мне мужчина.

— Олег? — с удивлением прошептала я.

Мужчина вздрогнул и ответил:

— Да.

— Что ты тут делаешь? Или ты мне снишься?

— Снюсь, — ответил он, и потянулся рукой к моему животу.

Под его ладонью ребёнок утихомирился, и оборотень потянулся к моим губам.

— Я тебе всего лишь снюсь, расслабься, — выдохнул он мне в губы, накрывая их.

Его губы были как долгожданный глоток свежего воздуха. Я наслаждалась ими и не могла насладиться. Всё было как в тумане. Видя, что я не сопротивляюсь, он начал покрывать мою шею и лицо мелкими осторожными поцелуями. Такого замечательного сна мне не снилась уже давно.

Олег застонал и, стянув с меня пижаму, начал покрывать все моё тело поцелуями. Я трепетала как осиновый лист на ветру. Мне казалось, что еще немного, и я расплавлюсь от его ласк. Как же мне его не хватало! Он любил меня так, как будто это было в первый и последний раз. На мои глаза навернулись слёзы. Он осушил их своими губами, но не проронил ни слова.

Наутро я проснулась одна в постели. Всё-таки сон! Но мне было так хорошо, что это не испортило мне настроения. Я бодро поднялась и пошла завтракать.

— Чего это ты вся светишься сегодня? — спросила мама Кирилла.

— Сон замечательный приснился, — улыбаясь, ответила я.

— Значит сон, — вздохнула женщина, — ладно, садись завтракать.

Этим вечером, лежа в постели, я пыталась опять вспомнить тот сон. Но почему-то уже так хорошо мне не было. Проворочавшись целый час в постели, я так и заснула, не дождавшись приятных образов и ощущений. Утром проснулась злая, но решив, что это беременность на меня так плохо влияет, улыбнулась и пошла в зал. У меня ведь сегодня День Рождения. И ничто не испор-

тит мне этот день. Однако за едой мама Кирилла завела не приятный для меня разговор.

— Ты ведь беременна? — вдруг спросила она.

Краска сошла с моего лица. К чему она это спрашивает?! Врать я не видела смысла, поэтому ответила правду:

— Да.

Я боялась её следующего вопроса. Но она меня удивила.

— А к врачу ты уже ходила? — спросила меня женщина.

Если честно, то к врачу я идти боялась больше всего. Если бы я была беременна от обычного человека, то уже давно посетила врача, а так. Мало ли что он там увидит.

— Нет, а почему вы спрашиваете? — удивилась я.

— Просто забочусь о тебе, — ответила она, — давай я запишу тебя к очень хорошему специалисту.

— Спасибо, но не нужно, — твердо отказала я, — вы и так много для меня делаете. Да и денег у меня на хорошего специалиста нет. Мы с моим малышом и так обойдёмся.

Женщина поджала губы, видимо собираясь настаивать на своём, и тут я её остановила:

— Знаете что?

Она удивлённо подняла бровь.

— У меня сегодня день рождения!

— И ты молчишь? — вскликнула она.

— Нет, я не молчу, — замотала головой я, — а приглашаю вас всех его отметить. Можно я куплю ингредиенты и на вашей кухне приготовлю вкусный ужин и спеку торт?

— Конечно можно, — ответила женщина, — я даже помогу тебе.

— А можно моя подруга придёт со мной?

— Можно.

— А вы можете пригласить своего старшего сына. А то как-то неудобно, что я заняла его комнату, а он ютится неизвестно где. Я даже не поблагодарила его.

Женщина как-то странно на меня посмотрела и ответила:

— Боюсь, он нуждается не в благодарности, а в хорошей оплеухе. Но, я передам ему твоё приглашение.

Весь день после лекций мы готовили всякие вкуснятины. Потом дружной толпой пошли в зал. От запаха еды мой желудок начал намекать, что этот вечер он мне, скорее всего, испортит. Заметив это, мудрая женщина обратилась ко мне:

— Иди, надень байку, которую я тебе дала.

— Но она не нарядная, — возразила я.

— Зато в ней тебя не будет мутить, — удивила меня ответом она.

— Почему вы в этом уверены? — удивилась я.

— Понимаешь милая, — прошептал она мне на ухо, — я ведь тоже была беременна и знаю, что в этом случае помогает.

Я решила при Кристине эту тему не развивать. Ведь как мы с ней не были близки, но о своей беременности, я ей не сказала. Рассчитывая спрятать свой небольшой животик за просторной одеждой.

Быстро переодевшись, мы разместились за столом. Рядом со мной красовалась одна пустая тарелка. Это, наверное, для её старшего сына.

— А ваш старший сын к нам присоединится потом? — спросила я, неимоверно заинтригованная этой странной личностью.

— Присоединится, — тяжело вздохнула женщина.

— Он боится, — усмехнулся Кирилл.

— Чего боится? — удивилась я.

— Ой, и длинный же у тебя язык, — покачала головой женщина, — Олег, — позвала женщина, — хватит прятаться.

— А я и не прячусь, — услышала я в ответ знакомый голос и подавилась соком.

В дверном проёме стоял Олег собственной персоной. В руках он держал огромного плющевого медведя, который не особенно хотел пролазить в комнату.

В помещении повисла неловкая тишина.

— Давайте выйдем и дадим им спокойно поговорить, — вставая, сказала мама мужчин.

— Но, я ещё не поел! — возмутился Кирилл.

— Не волнуйся, обжора, они всё не съедят. Тебе обязательно оставят, — усмехнулась женщина.

— Ладно, — пробурчал парень, вставая и беря с собой миску с салатом, — главное, чтоб он по ночам по дому перестал шляться как медведь-бодун. А то сам не спит и другим не даёт.

Они дружно встали и вышли.

— Вы тут потрещите, — проходя мимо Олега прочавкал его брат, — а мы пойдём шашлыки жарить. Так что не задерживайтесь, а то всё съедим.

Но Олег молча смотрел на меня и ничего не ответил брату. Его ноздри раздувались, и он силился что-то сказать, но не решался.

— Привет, — выдавил наконец он из себя.

— Привет, — в тон ему ответила я и, не выдер-

жав, спросила, — так это был не сон?

— Нет, — ответил мужчина.

— Но, почему?

Я не знала, как сформулировать свой вопрос, так много почему вертелось у меня на языке.

Олег бросил плюшевого медведя и, подойдя ко мне, плюхнулся на колени, уткнувшись лицом мне в колени, видимо так ему говорить было легче.

— Прости меня, — начал он, — я трус.

Я молчала, давая ему возможность всё объяснить мне.

— Поверь мне, я ничего не боюсь, ни смерти, ни врагов, ни болезней, ничего. А вот тебе боль причинить я испугался. Но в итоге причинил.

Он замолчал, и я почувствовала, что мои штаны начали намокать от его беззвучных слёз. Я не могла поверить, что такой грозный мужчина может плакать!

— Там, в этой проклятой деревне, ведьма заявила мне, что раз я отобрал у неё еду, то я буду наказан, — он тяжело вздохнул, — она сказала, что я принесу тебе горе и страдания. Я очень испугался и отправил тебя подальше от себя.

— А ведьма? — испугалась я, — она ничего тебе не сделала?

— Я убил её тогда же на месте, — он вздохнул, — это потом я понял, что горе и страдания, это когда мы не вместе. Ты не понимаешь, что я пережил за это время, что не было тебя рядом. Я чуть не умер. Каждая минута, каждая секунда рвала меня на части. Прости меня, я наказан, за свою глупость по полной.

— А почему же ты тогда не пришел ко мне? — удивилась я.

— Я пытался. И не раз. Но видя тебя, я не решался подойти. Если бы не мама, я, наверное, наложил бы на себя руки.

Он взял мои руки и начал целовать мои пальцы. Я вытерла слёзы с его щек.

— Прости меня, — и смотрит на меня щенячьими глазами, — выходи за меня замуж. Я буду беречь вас с малышом, обещаю.

— Это ты из-за ребёнка решил взять меня в жёны? — решила уточнить я.

— Нет, это потому что я не могу без тебя. Ты мой воздух. Пожалуйста, не гони меня. Скажи, что мне сделать, чтобы ты простила?

— Будь, всегда рядом со мной, — ответила я, проводя пальцами по его осунувшимся щекам.

Мужчина встрепенулся и, притянув меня к себе, впился в мои губы страстным поцелуем.

— С днём рождения, моя красавица, — улыбнулся он, протягивая мне уже знакомую золотую цепочку с медведем, — позволь надеть тебе его на шею. Это символ, что ты моя.

Он поцеловал мою шею и водрузил на неё цепочку.

— А тебе идёт моя байка, — улыбнулся Олег.

— Так она твоя? — недоверчиво уставилась я.

— Да, — усмехнулся мужчина, — мама сказала, что мой запах поможет тебе бороться с проблемами беременности и заставляла каждый вечер надевать её, чтобы запах сохранялся. А уж около твоей кровати я сам сидел. Ты такая красивая, когда спишь.

Он поправил мои волосы и влюблённым взглядом уставился в мои глаза.

— Пообещай мне, что больше никогда меня не оставишь, — потребовала я.

— Клянусь!

***

Автор на ПродаМане https://prodaman.ru/Mariya-Gubarevich/

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Губаревич-Мария/

Мария Морозова. Путь к сердцу

Бонусный рассказ к книге «Дожить до рассвета»

https://feisovet.ru/магазин/Дожить-до-рассвета-Мария-Морозова

***

Бьорну Соррену было возмутительно скучно. В Следственном Управлении Эрнефъялла последние несколько дней царило непривычное затишье. Впрочем, такое происходило почти каждый год, когда в суровый северный город приходил полярный день. Тридцать пять дней лета солнце не опускалось за горизонт, круглосуточно радуя жителей провинции своим светом. В это время местные вешали на окна непроницаемые шторы и в ус не дули, приезжие сходили с ума от непонимания, где ночь, а где день, а преступники всех мастей прятались по своим норам. Все же в темноте разные недобрые делишки проворачивать было гораздо проще, чем сейчас.

Вот и сегодня, следователь отдела убийств Соррен куковал в кабинете в гордом одиночестве.

Последнее дело, где один собутыльник по пьяной лавочке проломил другому череп табуреткой, он вчера благополучно сдал в суд, а ничего нового пока не произошло. Его коллеги разбежались кто куда. Олаф Тромсе допрашивал свидетеля по единственному активному сейчас делу, Рагнар Торн догуливал свой законный отпуск, Харальд Расмуссен взял отгул на день рождения дочери, а Унн Фолькмар убежал в архив. Сказал, что хочет ещё раз перепроверить архивные дела, но все вокруг знали: под прикрытием такой вот пыльной работы Унн желает очаровать Клару, начальницу этого самого архива.

Так что Бьерн Соррен скучал, пил чай из своей огромной кружки и украдкой почитывал прихваченный из дома детектив. Как ни странно, детективы он любил, даже несмотря на работу в отделе убийств.

— Тухнешь? — в кабинет влетел Олаф Тромсе, держа подмышкой пару картонных папок.

— Угу, — отозвался Соррен. — Как допрос?

— Теперь будем тухнуть вместе. Собираю все материалы и передаю в суд.

— Пусть уж так. Меньше преступлений — меньше работы, да и в городе спокойнее.

Нет, Бьорн Соррен любил свою работу, но ему

бы и в голову не пришло жаловаться, что в Эрнефъялле стали слишком мало убивать.

— На вот, — коллега поковырялся в одной из своих папок и положил ему на стол стопку бумаг. — Свежая макулатурка от Хельги.

— Спасибо.

Сверху лежал свежий выпуск «Гласа Севера», где на первой полосе некий Дитмар Ларсен опять пел оду Управлению и их успехам в борьбе с преступностью. Почему сей журналист так рьяно нахваливал их контору, следователь понимал слабо. Раньше их чаще ругали, чем вспоминали добрым словом. Особенно доставалось шефу Управления. Ирия Райс была жесткой, принципиальной и справедливой женщиной, которую очень многие нечистые на руку горожане хотели бы сместить с этого поста. Но пока это никому не удавалось. А после того, как полтора года назад шеф Райс получила орден за спасение города от нежити лично из рук короля, ее можно было вообще считать неприкосновенной. Соррен, кстати, тоже имел орден. За то, что рисковал своей медвежьей шкурой в городских катакомбах наравне с королевскими спецслужбами.

Мельком просмотрев газету, мужчина отложил ее и вытащил пару плотных листов. Это были ори-

ентировки: одна местная, на мелкого воришку, а вторая общекоролевская. Известный столичный грабитель-рецидивист сбежал во время перевозки в здание суда и теперь был объявлен во всеобщий розыск. Полюбовавшись на истинно бандитскую физиономию со шрамом на лбу и рубленным правым ухом, Соррен хмыкнул:

— Все же хорошо, что мы далеко от столицы. Наш север — последнее место, куда бежит эта шваль.

— Ага. Но я их все равно на стенд повешу.

Олаф отобрал у него ориентировки и прицепил на пробковую доску, прибитую на стену в углу кабинета.

— Будет нам теперь своим видом аппетит портить, — в шутку возмутился следователь.

— Кстати, о видах и аппетите, — вдруг хитро улыбнулся Тромсе. — Ты не отвлекайся, смотри дальше.

Пожав плечами, Соррен вернулся к бумагам. Нашел образец новой заявки на канцтовары, расписание летних отпусков, а потом…

— Приказ о назначении Хелены Юнсен младшим инспектором отдела по расследованию убийств?

— Ага, — совсем разулыбался коллега.

Нет, сам Олаф уже год был как счастливо женат и через месяц собирался стать отцом, так что все его довольство была направлено исключительно на Бъорна Соррена.

А тот откинулся на спинку кресла и тихо вздохнул.

Хелена Юнсен, молоденькая выпускница Равенской юридической академии, полтора года назад проходила у них практику. А полуоборотень был ее куратором. Немного застенчивая, но живая и задорная девушка незаметно покорила его своей любознательность, оптимизмом и добротой. Соррен успел здорово привязаться к ней за те три месяца. Вот только понял это слишком поздно, да и не до ухаживаний тогда было. Они спасали Эрнефъялл от нашествия живых мертвецов. Потом разгребали ворох дел, оставшийся от тех, кто хотел устроить в городе ту кровавую баню. А потом практика Хелены закончилась, и она уехала обратно в Равену, поступать в аспирантуру. И теперь возвращается…

— Так что Соррен, даю тебе хороший мужской совет, — Олаф хлопнул его по плечу, вырывая из раздумий. — Бери дело в свои мохнатые медвежьи лапы, пока ее кто-нибудь не увел. А то ходят тут всякие, вроде Мелвина. Они неплохо

сдружились тогда.

Оборотень только поморщился. Дружба Хелены и младшего инспектора из соседнего отдела была одной из причин, заставивших его отказаться от ухаживаний. Соррену показалось, что энергичный молодой парень подходит девушке гораздо больше, чем он — немногословный, сдержанный медведь. Но, кажется, дальше дружбы у них дело не зашло. А сердце так волнующе дрогнуло, когда следователь прочитал на бумаге знакомое имя… Может, судьба дает ему второй шанс?

Ладно, что сейчас гадать? Может Хелена забыла его, может вообще замуж вышла и везет с собой на родину не только диплом аспирантуры, но и супруга. Вот встретятся, когда она придет в отдел, тогда и стоит думать.

Но встреча произошла даже раньше, чем рассчитывал Соррен. Этим вечером он возвращался домой в свой коттеджный квартал, и почти возле самого дома заметил такую знакомую рыжую макушку.

— Хелена? — вырвалось у него.

Та услышала и обернулась. А, узнав мужчину, улыбнулась так радостно, что у него екнуло где-то под сердцем.

— Господин Соррен, это вы! Эй, Ульв, за мной.

Волкообразный пес, которого девушка вела на поводке, лениво повернул большую голову, но послушно пошел к следователю за хозяйкой. А Соррен кашлянул немного неуверенно и спросил, кивая на пса:

— А он не будет нервничать? Животные иногда чувствуют во мне медведя…

— Что вы, — махнула рукой девушка, подходя к нему. — Он только котов терпеть не может. Я вчера была у шефа Райс дома, документы приносила, и ее кот полежал у меня на коленях. Так Ульв потом чуть с ума не сошел. С одной стороны — любимая хозяйка, с другой — ненавистный мяукающий зверь, которого надо гнать куда подальше. И это я еще всю кошачью шерсть заранее счистила.

— Представляю, — Соррен понимающе хмыкнул.

Толстое чудовище по имени Кот считало своим долгом посидеть на коленях у каждого визитера своей хозяйки, обсыпая того короткой серо-белой шерстью. Ирия Райс веселилась, глядя, как ее кот важно заползает на очередную жертву, а жертве только и оставалось, что чесать его за ухом и чистить потом штаны. Но никто не жаловался. Даже Соррен. Их суровый шеф только полтора

года назад начала принимать гостей.

— Я раньше не видела вас здесь, — заметила Хелена и тут же смутилась.

— Да, я… — мужчина тоже чувствовал себя как-то странно неловко. — Только полгода назад в этот район переехал. Теперь живу на улице Ульрика.

— О, так мы с вами соседи. Наш дом вон тот, с зеленой крышей.

Следователь посмотрел туда, куда показывала девушка, и улыбнулся. И правда, соседи. Их дома разделяли всего три других коттеджа.

— Будет не скучно на работу ходить, — сорвалось у него с языка.

— Значит, вы уже знаете, что я буду у вас работать? — спросила девушка.

— Да, сегодня увидел приказ.

— Вы не против? — она подняла на него большие зеленые глаза, полные робкого ожидания.

— Конечно, нет, — оборотень чуть не замахал руками.

И как такая глупость ей вообще могла прийти в голову?

— Это хорошо, — еле слышно вздохнула Хелена.

— У-у-у, — так же тихо вздохнул пес.

После долгой прогулки он был весьма голоден и искренне не понимал, почему хозяйка не ведет его домой, а тратит время на разговоры с этим незнакомцем. Незнакомец пах странно: бумагой, лесом и немного звериной шерстью. Запах не пугал пса, но давал понять, кто здесь главный и что ничего вкусного у большого двуного нет. И этот факт возмущал его до глубины собачьей души.

— Что ж, — хмыкнул Соррен, как будто понимая все мысли Ульва. — Не буду вас задерживать.

— До завтра, господин Соррен, — улыбнулась Хелена.

— Да завтра, — не мог не ответить улыбкой тот.

Следующим утром он встал раньше, чем обычно. И завтракал не так спокойно, как обычно. С бутербродом в одной руке и чашкой чая в другой мужчина прохаживался возле кухонного окна, которое как раз выходило на улицу, и постоянно туда косился. Даже не пытаясь оправдывать свой интерес, он внимательно следил за домом с зеленой крышей. И, когда в его дверях показалась Хелена, судорожно дожевал завтрак, схватил мундир и выбежал из дома. Чтобы как бы случайно оказался на перекрестке в то же время, что и девушка.

— Здравствуйте, господин Соррен, — ее улыбка согрела медведя получше, чем суровой летнее солнце.

— Доброе утро, — улыбнулся тот и пожалел, что не догадался захватить с собой что-нибудь приятное, типа цветов.

А потом одернул себя. Это же не свидание. Это просто получасовой путь до Управления, во время которого полагается не очаровывать девушку, а вести ничего не значащую беседу. По крайней мере, в первый раз так точно.

Да ладно, кого он обманывает? Медведь собирался пользоваться любым удобным случаем, чтобы сблизиться с Хеленой. Но начать и правда можно было с обычной дружеской болтовни.

— Я думал, после аспирантуры ты останешься работать в академии или пойдешь в министерство, — заметил Соррен.

— Мне предлагали, — смущенно дернула плечом девушка. — Но я решила вернуться домой.

— Почему?

— Люблю север. За последний год я хорошо это поняла. Тем более, здесь дом, здесь родители. Да и Управление у нас замечательное. Шеф Райс хоть и строгая, но очень хорошая. И остальные коллеги тоже. И вы…

— Да, у нас здесь хорошо, — согласился Соррен.

Кажется, сердце Хелены свободно. Это не могло не радовать.

— Наверное стало гораздо спокойнее после позапрошлой зимы? — предположила девушка.

— А как же. Мы же тогда вычистили всех взяточников и в магистрате, и в порту. Губернатор чуть не потерял свое кресло, так теперь держится за него всеми конечностями и следит, чтобы в его ведомствах все было законно и прозрачно. Замок Лимберг взорвали, чтобы никому больше и в голову не пришло устраивать там бандитский притон.

— А катакомбы под городом?

— Их проверили и запечатали. Люди из Особого отдела.

Девушка немного помолчала, а потом все же решилась задать вопрос, который не смогла задать ещё тогда, после атаки.

— Вам страшно было? — произнесла она тихо. — Там, внизу, среди голодной нежити?

— Наверное, — пожал плечами Соррен. — Любому здравомыслящему человеку, да и не человеку тоже, было бы страшно перед лицом такой угрозы. Но я просто делал свою работу. Защищал тех, кто остался наверху.

— Вы очень храбрый, — еще тише прошептала Хелена.

Соррену восхищение в ее голосе очень польстило.

За разговорами они дошли до Управления. Оборотень открыл перед девушкой тяжелую створку входной двери и кивнул:

— Добро пожаловать, младший инспектор Юнсен.

— Спасибо, старший следователь Соррен, — серьезно кивнула та, а потом улыбнулась: — А знаете, мне понравилось ходить с вами на работу. Предлагаю сделать это нашей ежедневной традицией.

И вдруг смутилась от своих слов, опустила взгляд и юркнула в холл Управления. А Соррен застыл на месте со странно растерянной улыбкой.

— Рекомендую шоколад, — раздался сбоку немного насмешливый женский голос.

— Что? — растерялся мужчина, поворачиваясь к говорившей.

Ирия Райс в своем привычном темно-синем мундире неторопливо поднялась по ступенькам и остановилась рядом с ним. То есть, Ирия д'Эстар, если быть точным, но ее даже после замужества по привычке называли шефом Райс. Эта фамилия

стала почти что знаковой.

— Через желудок лежит путь к сердцу не только мужчин, — произнесла она, улыбаясь хитро. — Мой супруг может подтвердить. Так что шоколад, Соррен, кофе, конфеты, а иногда и хороший стейк с кровью.

Похлопав его по плечу, она поправила выбившийся из прически платиновый локон и шагнула внутрь. А Соррен тихо хмыкнул, широко улыбнулся безоблачному летнему небу и отправился работать. Шоколад… Над этим стоило подумать.

По иронии судьбы, ну или по указке всемогущей Ирии Райс, Хелену посадили за свободный стол в их с Олафом Тромсе кабинете. И коллега целый день бросал на коллегу ехидные взгляды, многозначительно шевелил бровями и нарочито сокрушенно вздыхал. В общем, вел себя так, как будто искренне не понимал, почему оборотень до сих пор не утянул симпатичную ему девушку на свидание.

А Соррен решил подойти к делу со свойственной медведям обстоятельностью. Днем он посвятил все свое время Хелене, знакомя ее с тем, что происходило сейчас в Управлении. А вечером, когда за девушкой зашла Клара из архива и они пошли по магазинам, отправился домой, готовиться к

завтрашнему дню.

В их коттеджном квартале не было ни кофеен, ни кондитерских, только симпатичные дома с садиками. Поэтому идею встретить Хелену с чашкой шоколада с утра оборотень решил осуществить прямо на своей кухне.

Вообще готовить он умел, но чаще всего это были истинно мужские блюда вроде мяса или рыбы: простые, сытные и легкие в готовке. Поэтому закономерно опасался, что с десертом ничего не получится. Но упорство, терпеливость и медвежий нюх, который позволял подобрать самое приятное соотношение специй, сделали свое дело. И после восьми не слишком удачных попыток Соррен получил кружку шоколада, вкус которого ему понравился, и рецепт для повторения завтрашним утром.

Так что на следующий день, как только кудрявая макушка показалась над соседским забором, он подхватил заранее приготовленный бумажный стаканчик с напитком и вышел на улицу.

— Доброе утро, — поздоровался мужчина и протянул девушке стакан. — Это тебе. Чтобы утро было доброе не только на словах.

— Ого, — немного растеряла Хелена. — Спасибо.

— Нравиться? — С затаенной опаской спросил Соррен, когда девушка попробовала шоколад.

— Очень вкусно. Где вы его взяли? Я бы стала туда заходить.

— Ну… Хм… — оборотень смутился.

Признаваться девушке в том, что он готовил для нее сам, было очень неловко и даже немного страшно. А вдруг оттолкнет?

— Признавайтесь, господин Соррен, — весело сказала Хелена.

— Чистосердечное признание не уменьшает срок, но облегчает совесть? — хмыкнул тот.

— Ага.

— Тогда признаюсь, но в обмен на маленькую услугу.

— И какую же?

— Называй меня просто по имени. А то от этого «господин Соррен» зубы сводит.

— Хорошо, — кивнула Хелена, немного смутившись. — Так где вы взяли шоколад? Бьорн?

— Ну… — оборотень запустил пальцы в густые каштановые волосы на затылке и признался: — Если честно, я сварил его сам.

— Сам? — ошарашенно повторила Хелена. — Вот прямо совсем-совсем сам?

— Да, — коротко ответил мужчина, а потом

решился: — Для тебя.

Девушка растерянно моргнула и порозовела. Потом уткнулась носом в стаканчик, вдыхая запах шоколада и пряностей. И тихо пробормотала:

— Спасибо, Бьорн.

Больше они не разговаривали. Но между ними установилось такое насыщенное разными эмоциями молчание, что даже ехидный Олаф Тромсе не рискнул отпустить какой-нибудь комментарий.

С тех пор шоколад стал ещё одной ежедневной традицией. Медведь каждое утро встречал девушку со стаканом сладкого напитка, а та шутила, что ему срочно нужно уйти из следователей и открыть собственную кондитерскую. А потом начала в ответ носить ему домашнее печенье к чаю.

Они вместе ходили на работу и домой, обедать, а иногда даже и ужинать. Только дела, которые все же пришли в отдел после непродолжительного затишья, вели отдельно. Соррен, как старший следователь, занимался самыми серьезными, а новичок-Юнсен была пока на подхвате у коллег. Но они по молчаливой мужской солидарности старались ее лишний раз не дергать.

Это утро начиналось как обычно. Бьорн с Хе-

леной встретились на перекрестке, где медведь вручил девушке привычный шоколад и непривычный букетик лиловых тюльпанов. Они дошли до Управления, поздоровались с дежурным, и, когда уже проходили через турникет, входная дверь с грохотом распахнулась.

— Убили! — прогундосил коренастый рыжий мужчина.

Он чуть не врезался в будку дежурного, остановился, оглядел всех присутствующих людей и нелюдей и повторил:

— Убили!

— Я следователь Соррен из отдела убийств, — мгновенно сориентировался оборотень. — Пройдемте с нами.

Мужичок как-то сжался, будто его самого собирались посадить в камеру, но безропотно пошел куда было велено. Бьорн Соррен завел его в кабинет, кивнул на стул для посетителей, а сам достал чистый лист, и приготовился записывать.

— Как вас зовут?

Мужчина стянул с косматой головы шапку, неловко поерзал и представился:

— Петер Андерсон, из Лисьих Горок.

— Что у вас случилось? — повторила Хелена, пристраиваясь рядом с оборотнем.

— Так убили, — душераздирающе вздохнул господин Андерсон. — Деверя моего, Карла.

— Рассказывайте.

— Ага. Карл, значит, поехал вчера в Эрнефъялл, повез заказы в магазин. Он краснодеревщик. В Лисьих Горках работает, а в город возит и в магазин сдает. Так вот и вчера тоже поехал. Сказал, задержится на ночь. Покупки там, рынок, то да се. Ну и задержался. А сегодня я уже в город поехал, тоже по делам. Ехал, значит, по дороге по нашей, никого не трогал. Вдруг сморю — лежит!

— Карл?

— Он самый. Возле дороги, в кустах. Мертвый!

Мужчина шмыгнул носом и смачно чихнул в рукав. Потом виновато посмотрел на следователей и прогундосил:

— Сенная лихорадка, проклятущая. Как лето приходит, так хоть топись.

— Вы уверены, что ваш родственник мертв? — спросила Хелена.

— А как же! Он же лежит, не шевелится. Кровищи как из большого борова натекло. Аж на пол леса! А телеги нет. Не иначе, лихие люди его пограбили.

— Далеко от города? — нахмурился Соррен.

— За полчаса довезу.

— Тогда поехали.

Мужчина нацепил шапку и выбежал из кабинета. А Хелена тихо спросила:

— А можно с вами?

— Может не стоит? — поморщился Соррен. — Все же, если господин Андерсон не преувеличил и крови там много, то…

— Бьорн, — оборвала его девушка. — Я ведь не нежная барышня. Я следователь отдела убийств.

— Да, ты права, прости, — тот смутился и кивнул. — Поехали.

Хелена явно не из тех женщин, которым нужна гиперопека. А Соррен тем более не хотел душить ее заботой. Просто она так мило и нежно смотрелась сегодня с его букетом, что медведь немного забылся.

Попросив дежурного связаться с экспертами и организовать труповозку, следователи вышли на крыльцо. Деверь убиенного Карла ждал их внизу, у телеги, запряженной крепкой лохматой лошадью. Устроив следователей поудобнее, господин Андерсон махнул кнутом, и лошадь бодро понеслась в сторону городских окраин. Сейчас главным было найти и оценить место преступления.

Крестьянин не соврал. Через полчаса он притормозил, внимательно всматриваясь в лесную

опушку у дороги, а потом аж подскочил на козлах:

— Вот там, перед вырубкой.

Телега остановилась, и оборотень мягко спрыгнул на землю, прислушиваясь.

— В тех кустах, — показал пальцем свидетель.

Мужчина кивнул, искоса взглянул на следующую за ним попятам Хелену и шагнул за пышный куст багульника. Бегло осмотрел заросшую высокой травой опушку и ровные стволы корабельных сосен. Почти сразу наткнулся на лежащее там тело и тихо хмыкнул.

«Жертва» неведомых грабителей выглядела на редкость жутко. Дородный мужчина лежал на спине, головой в кустах, рядом с обломками какой-то бочки. Все вокруг: и тело, и обломки, и трава — было залито ярко-алой жидкостью. Над ней с громким жужжанием вились мухи.

Действительно, могло показаться, что кто-то с особой жестокостью разделался с беднягой и даже не потрудился спрятать тело, торопясь увести телегу. Но чуткий нюх оборотня обмануть было сложно. Густой ягодный дух, витавший в воздухе, никак не соответствовал картине кровавой бойни.

— Что это такое? — изумленно спросила Хеле-

на, втягивая носом странный запах.

— Это… — Соррен хмыкнул, потом присел возле тела, обмакнул палец в «кровь» и лизнул. — Брусничный сироп.

— Брусничный… сироп? — протянул господин Андерсон.

Вместо ответа оборотень толкнул «убитого» в плечо. Тот вдруг громогласно всхрапнул, пробормотал что-то неразборчивое и повернулся на бок, снова забываясь хмельным сном.

— Это что же такое… — крестьянин смял шапку и гнусаво пролепетал. — Я же не чуял… Сенная лихорадка, будь она неладна… Только зря вас отвлек…

— Что здесь случилось? — пробормотала Хелена, осматриваясь. — И где его телега?

А Соррен тронул обломки бочонка, потом поднял их, ожидаемо обнаружив на земле острый камень, и констатировал:

— Не зря говорят: пьяному море по колено. Упади на этот камень его голова, а не бочонок с сиропом, кровь была бы настоящей. А телега…

Оборотень гибко поднялся, еще раз осмотрел поляну, принюхался, а потом зашагал по прогалине, уходящей вглубь леса. И через минуту нашел, что искал. Телега, запряженная почти

такой же лошадью, как у господина Андерсона, стояла у высокой сосны, а сама лошадь щипала сочную молодую траву, в изобилии росшую здесь.

— Что ж, мне все ясно, — улыбнулся Соррен.

Убийство оказалось совсем не убийством, все причастные целы и невредимы, за исключением телеги, у которой, кажется, сломалось колесо, попав в какую-то яму. И это не могло не радовать.

— Очевидно, ваш деверь здорово набрался в городе, — следователь повернулся к смущенному крестьянину. — По пути он уснул, а лошадь, оставшись без возницы, соблазнилась вкусной травой и свернула в лес. Господин Карл свалился с телеги в кусты, и туда же упал бочонок, залив его своим содержимым. Именно сироп вы приняли за кровь. Не стали ведь подходить близко, так?

— Не стал, — повинился крестьянин. — Крови боюсь, ужас как. Даже свинью забить не могу, всегда соседа зову.

— И телегу с дороги тоже не было видно. Вот вы и решили, что ее увели.

— Простите, — пролепетал мужчина. — Я вас вытянул сюда, а тут… фуфло.

— Не переживайте, — махнула рукой Хелена. — Давайте мы вам лучше поможем вашего

родственника забрать. Он живой, и это главное.

— И правда, — господин Андерсон расплылся в улыбке. — Живой же, кочерыжка. Сейчас до дома его довезу и сдам Магде.

Но это оказалось не так просто. Нет, так и не проснувшегося пьяницу могучий медведь быстро погрузил на свободную телегу и даже не испачкался в сиропе. А вот второе транспортное средство оказалось повреждено слишком сильно. Починить колесо своими силами не удалось, и Соррен принял решение: вместе с грузом и лошадью они отправляются в Лисьи Горки. Там господин Андерсон сдает деверя на руки родным, находит мастера, привозит его сюда, а следователей везет обратно в город.

В итоге в лесу осталась только одинокая телега да лужа брусничного сиропа на радость местным пчелам. А оборотень с девушкой устроились на задах повозки Андерсона, и вся компания покатилась в деревню.

Ехать было хорошо. По обе стороны дороги раскинулся сосновый лес. На безоблачном небе светило ласковое летнее солнце. Дул ветерок, а воздух пах мхом, вереском и сосновой хвоей. Короткое лето на суровом севере казалось чем-то особенно ценным. Их хотелось наслаждаться,

напитываться, чтобы чувствовать его тепло и аромат даже в самую холодную пору.

Поглядев на улыбку Хелены, Соррен полез в карман, достал оттуда найденный в лесу цветок купальницы и осторожно пристроил его в рыжих волосах девушки.

— Спасибо, — пробормотала та и смущенно потупилась.

Несмотря на свой молодой возраст, Хелена Юнсен не была наивной и понимала, что мужчина ухаживает за ней. Все эти ненавязчивые знаки внимания явно были чем-то большим, чем простоя вежливость. Но вносить ясность в их отношения девушка не спешила. Ей нравились эти ухаживания, нравился и сам мужчина, но он был взрослее, опытнее, да и вообще, это ее старший коллега и бывший куратор. Шаг к более близким отношениям казался Хелене огромным и непреодолимым, как бездонная пропасть. Она только вернулась домой, только начала работать. Что ей делать еще и с личной жизнью?

— Интересно, как лорд д'Эстар относится к работе шефа Райс? — вдруг вырвалось у нее.

Бьорн Соррен хмыкнул. Раэн д’Эстар, супруг Ирии Райс, то есть уже год как Ирии д'Эстар, работал у них внештатным консультантом по особо

важным делам. И эта пара стала для оборотня примером того, что работа и личная жизнь могут прекрасно уживаться вместе. Они никогда не позволяли себе лишнего на работе, соблюдая строгую субординацию, но всем было видно, как у суровой леди Ирии светятся глаза в присутствие мужа.

— Знаешь, Хелена, — улыбнулся оборотень, — два взрослых разумных человека всегда смогут договориться и найти компромисс. А любимое дело может быть не менее важно, чем семья.

— Правда?

— Я бы не стал требовать от своей женщины бросить работу и осесть дома. Зачем так поступать, если это сделает ее несчастной?

Девушка еще больше смутилась и опустила голову. Признаться честно, этот вопрос уже давно крутился у нее в голове. Оборотни были существами обстоятельными, хозяйственными и немного консервативными. Их женщины чаще всего сидели дома, занимаясь хозяйством и детьми, а Хелена не хотела для себя такой жизни. По крайней мере, сейчас.

— А… ваши родители? — спросила она робко. — Они живут в Эрнефъялле?

— Полгода назад вернулись на Георанд, — охотно ответил оборотень. — У отца разболелась

спина, тамошний мягкий климат ему подходит больше. А мама… она хоть и не оборотень, но родину отца любит. Да и дело ей там нашлось, она же лоцманом на рыболовном траулере двадцать лет работала, теперь преподает в мореходной школе.

— Ого, — пробормотала Хелена.

Лоцманом на рыболовном траулере… Не самая простая и безопасная работа. И супруг был не против… Может Бьорн и правда не будет пытаться затащить ее в берлогу?

Покосившись на монументальную фигуру соседа, она дождалась, пока телега подпрыгнет на очередной кочке, и как бы невзначай подвинулась к нему поближе.

Мужчина сделал вид, что ничего не заметил.

А потом осторожно подхватил ее под руку. Исключительно для того, чтобы девушка не свалилась.

— Шеф Райс меня потом живьем съест, если покалечишься, — пробормотал он.

Хелена сделала вид, что поверила.

Пели птицы, светило солнце, телега катила в сторону Лисьих Горок, а пара наслаждалась обществом друг друга.

Небольшая деревня, зажатая между отрогами

двух горных хребтов, показалась из-за леса гораздо быстрое, чем хотелось бы Соррену. Господин Андерсон проехал по главной улице и остановил телегу у симпатичного каменного дома под крышей из бордовой черепицы. Услышав скрип колес, оттуда вышла дородная светловолосая женщина. Она прищурилась, глядя на следователей, потом заметила, кто лежит в телеге, и всплеснула руками:

— Опять нажрался что ли, боров лупоглазый?

Соррен спрыгнул на землю, помогая спуститься Хелене. Господин Андерсон тоже слез с козел и бочком отошел от благоухающего брусникой деверя, к которому уже спешила, очевидно, жена.

— Ну точно, нажрался, лосось пустоголовый, — воскликнула она и толкнула мужа в плечо.

— Магда, я чуть-чуть… — пробормотал тот, не открывая глаз, и всхрапнул.

— Чуть-чуть? — взвилась она. — А телегу куда дел, чурбан недоструганный?

Хелена чуть не прыснула от такого количества образных обзывательств. У супруги господина Карла была богатая фантазия.

— Телегу мы починим, Магда, — подал голос господин Андерсон.

Лучше бы он этого не делал.

— Починим? — развернулась к нему Магда. — А я собутыльникам слова не давала!

— Да ты что! — мужчина поднял руки. — Да я трезвый, как стекло. Да я… просто нашел его на дороге.

— На дороге?! Ах ты, скотина пьяная…

Привлеченные криками женщины, начали стекаться ее односельчане. Кто-то смеялся в кулак, кто-то неодобрительно качал головой. Соррен обреченно вздохнул, глянув на чистое небо, потом рассеянно осмотрелся по сторонам. И неожиданно его взгляд зацепился за мужчину. Он стоял, прячась за широкими спинами односельчан, а его лицо показалось оборотню странно знакомым. Этот шрам на лбу и кривое ухо…

— Бьорн, — тихо ахнула рядом Хелена. — Это же…

«Грабитель-рецидивист, чей портрет висит у нас в кабинете», — мысленно продолжил оборотень.

Вот надо было ему тогда ляпнуть, что бандит не побежит на север прятаться от розыска…

А тот как будто почуял его внимание. Взгляд темных глаз уперся в медведя, и бандит понял, что его узнали. В его зрачках мелькнуло нечто злое, звериное. И время как будто замедлилось.

Бьорн, видел, как губы бандита кривит недобрая ухмылка. Как он сует руку в карман, доставая небольшой, но явно мощный арбалет. Как поднимает его и целится, нет, не в оборотня, а в стоящую возле него девушку…

Раздался глухой щелчок, тихий свист и противный звук, который издает разрываемая металлом плоть.

— Бьорн! — ахнула Хелена.

В резком и по-звериному быстром прыжке мужчина успел закрыть ее собой. Но сам пострадал. Он попытался обернуться в движении, чтобы плотная медвежья шкура защитила от выстрела, но времени не хватило. И у ног Хелены рухнул получеловек-полумедведь: покрытые бурым мехом руки-лапы, острые когти и жуткое лицо, в котором слилось человеческое и звериное. А в груди, прямо в районе сердца, торчал арбалетный болт.

Мир Хелены как будто раскололся надвое: в одной его половине кто-то кричал, крестьяне толпой вязали бандита, а в другой умирал мужчина, который стал девушке очень дорог.

— Доктор, — прохрипела она, — здесь есть доктор?

— Нет, госпожа, — покачала головой бледная, как снег, Магда, — только травница.

Хелене захотелось завыть от отчаяния и боли. Но времени на истерику не было. Сейчас нужно собраться и действовать.

Девушка сделала глубокий вдох, сосредотачиваясь, и осмотрела мужчину. Он дышал, пусть слабо, но ровно, а под мехом на шее удалось нащупать пульс. Болт вошел слишком нехорошо. Очень высока вероятность того, что он задел крупный сосуд или даже сердце. Значит, доставать его просто так, чтобы позволить регенерации оборотня залечить травму, нельзя. Соррен просто быстрее истечет кровью, чем восстановится. Ему нужен врач. Но и в город мужчину не увезешь, на тряской дороге может случиться все, что угодно.

Вспомнив, как Соррен недавно показывал ей тревожный маячок, который был последним словом артефакторики и мог дотянуться до Управления даже отсюда, девушка осторожно зашарила по его карманам. И в одном из них нашла заветный амулет. Сжав его в руке, она изо всех сил взмолилась духам-покровителям. Хоть бы мощности хватило, хоть бы кто-нибудь услышал…

— Следователь д'Эстар слушает, — раздался чуть приглушенный мужской голос.

От облегчения Хелена чуть не расплакалась, но

быстро взяла себя в руки и произнесла:

— Это младший инспектор Хелена Юнсен, мне очень нужна ваша помощь…

Кратко, но толково описав ситуацию, девушка замолчала. А мужчина на той стороне канала связи секунду подумал и стал раздавать указания:

— Найди в деревне свободный дом или баню и перенесите Соррена туда, только осторожно, чтобы не сдвинуть болт.

— В наш дом можно, госпожа инспектор, — засуетилась светловолосая Магда.

Жители Лисьих Горок, о которых Хелена уже успела забыть, развили бурную деятельность. Какой-то мужчина приволок дверь, явно только что вырванную из косяка. Кто-то звал травницу, кто-то требовал теплую воду и простыни. На клич Магды подбежали ещё люди, и все вместе смогли аккуратно переложить пострадавшего следователя на дверь, как на носилки, а потом перенесли его в дом, где устроили прямо на огромном обеденном столе.

— Сделали? — послышался голос из амулета. — Теперь пусть все посторонние выйдут.

Селяне закивали и быстро сбежали на улицу. А девушка закрыла дверь и пробормотала:

— Готово.

— Отлично, инспектор Юнсен.

А дальше случилось нечто, что обязательно ошарашило бы Хелену, не будь она так занята раненым оборотнем. Пространство рядом с ней дрогнуло, потом как будто треснуло, и из разрыва вышел высокий мужчина с темно-рыжими волосами. И ведь классическая теория потоков считает перемещения в пространстве невозможными.

— Все вопросы задашь потом, — махнул рукой Раэн д'Эстар. — Сейчас наше дело — Бьорн Соррен.

Подойдя к столу, он коснулся шеи оборотня, проверяя пульс, и произнес:

— Сильный, выкарабкается. Молодец, Юнсен, что сообразила позвать. А теперь-ка подожди на веранде.

Спорить с ним девушка не решилась. Только бросила взгляд на окровавленного мужчину, как будто пытаясь передать ему немного своих сил, и вышла. А уже на маленькой веранде позволила себе тихо расплакаться.

Ей было страшно. Ее Бьорн, такой сильный, надежный, заботливый мужчина, мог умереть. Умереть от того, что закрыл ее собой и спас жизнь. А она даже не решилась сказать ему, как сильно

он ей нужен, трусиха такая.

— Только пусть поправится, и я обязательно все скажу, — прошептала девушка в пустоту. — Духи-покровители, только помогите ему.

Девушка закрыла глаз и прислонилась щекой к стене, за которой находились Бьорн и следователь д'Эстар. Сейчас жизнь оборотня была в его руках. Хелена знала, что приехавший полтора года назад из столицы мужчина врачом не был. Но он сильный, очень сильный плетельщик и имеет отношение к королевским спецслужбам. А то, с какой уверенностью Раэн д'Эстар говорил о том, что Бьорн выкарабкается, давало Хелене надежду, не позволяющую окончательно впасть в истерику.

Девушка не знала, сколько времени прошло, но скоро на улице послышался шум двигателя. Хлопнула дверь машины и в дом влетел высокий мужчина с чемоданчиком. Он не обратил на Хелену никакого внимания, но та узнала в нем лучшего городского доктора-плетельщика. Стало чуть легче. Вдвоем с лордом д'Эстаром они точно справятся. Ведь справятся же?

Она всхлипнула и прижалась к стене еще сильнее, как будто пыталась узнать, что там происходит. Но от дверей вдруг послышался строгий

женский голос:

— А ну отставить слезоразлив, Юнсен.

Девушка дернулась, машинально выпрямляясь, и открыла глаза. Ирия Райс стояла в дверях, опершись плечом на косяк.

— Простите, шеф Райс, — пробормотала девушка, быстро вытирая щеки.

— Все, Юнсен, успокаивайся. Соррен в надежных руках. С ним господин Свальбард, лучший доктор Эрнефъялла, и мой муж. Просто лучший.

Хелена невольно улыбнулась сквозь слезы. Та уверенность, с которой женщина говорила это, передалась и ей. И ледяной узел, скрутивший внутренности, потихоньку начал ослабевать.

— Так что выживет Соррен, как миленький, — продолжила Ирия Райс. — Сходит на больничный, подлечится. Получит премию за героизм при задержании особо опасного преступника. Как раз к свадьбе.

Она бросила хитрый взгляд на Хелену, а та почувствовала, как начинают гореть щеки. К свадьбе? Не слишком ли?

А потом девушка вдруг представила, что с ней будет, если Бьорн… Если с ним что-то случится. И поняла: все ее страхи и сомнения — ничто по сравнению со страхом потери дорогого сердцу

мужчины. Так что пусть будет свадьба, она согласится, не раздумывая. Если Бьорн позовет, конечно…

Время тянулось, как резина. Но все когда-то заканчивается, вот и нервное ожидание закончилось тоже. Скрипнула дверь, и доктор Свальбард вышел к женщинам, вытирая руки.

— Жить будет, — сказал он, и Хелена чуть не упала от облегчения. — Болт повредил сердце, но мне удалось достать его и подлатать мышцу. А теперь перевезем в город, в больницу, и там долечим окончательно. Оборотень сильный, заживет быстро.

— Спасибо, — прошептала девушка.

А Ирия Райс спокойно произнесла:

— Я же говорила. Благодарю, доктор.

— Нам не помешала бы помощь, чтобы перенести следователя Соррена в машину, — кивнул тот.

— Организуем.

Через минуту четверо крепких мужиков под чутким руководством господина Свальбарда вынесли из дома Соррена вместе с дверью. У калитки уже стоял больничный автомобиль, а чуть дальше по дороге в специальный укрепленный фургон грузили связанного по рукам и ногам

бандита.

Следователь д'Эстар незаметно куда-то делся вместе со своей супругой, наверное, опять повторил этот свой фокус с перемещением. Оборотня осторожно уложили в отсек для пациентов, а Хелена залезла следом и присела рядом с ним. Бьорн все еще оставался в жутковатом полуобороте, но для девушки это не имело никакого значения.

Она осторожно погладила мужчину по заросшей мехом щеке. А он вдруг судорожно вздохнул и приоткрыл глаза.

— Хелена…

Его голос был похож на тихий звериный рык. И так подранный в клочья мундир затрещал, широкая грудная клетка оборотня напряглась, и девушка забеспокоилась, как бы не открылась кровотечение.

— Ш-ш-ш, — прошептала она. — Молчи. Тебе нужно сохранить силы.

— Ты… в порядке?

— Ну что со мной сделается? Ты бы лучше о себе подумал, а не обо мне.

— Не могу… не думать о тебе, — мужчина через силу улыбнулся, демонстрируя крупные клыки.

— Так, больной, — в машину влез доктор Свальбард и закрыл за собой дверь, — какой-то вы

слишком разговорчивый для того, кто драматично умирает на руках прекрасной девы. Не видать вам премии лучшего актера.

— Что бы такое говорите! — возмутилась Хелена.

— Ну извините, инспектор, — спокойно пожал плечами доктор. — Без черного юмора в моей профессии никак.

Он стукнул кулаком по перегородке кабины, и машина поехала в город.

— Так что быстро успокаивайтесь, следователь Соррен, и примите положенный всяком приличному пациенту вид.

— У меня отличный стимул, придающий силы, — выдавил оборотень.

— Ну-ну, — не проникся мужчина. — Вы, двуипостасные, существа живучие, но если не будете выполнять мои рекомендации, то проваляетесь в больнице гораздо дольше, чем нужно. Вряд ли вы этого хотите.

— Главное… чтобы все до свадьбы зажило.

— Ну это я вам гарантирую, — улыбнулся доктор и покосился на Хелену.

А девушка только вздохнула. Главное, чтобы Бьорн поправился.

Когда на следующий день медведь оконча-

тельно пришел в себя в больничной палате, он чувствовал себя почти идеально. Грудь практически не болела, а тело снова пришло в нормальную человеческую форму. За окном светило солнце и единственное, чего не хватало, это Хелены рядом. Но духи-покровители как будто услышали его. И дверь открылась, впуская ту, кого он так хотел сейчас видеть.

— Привет, — улыбнулась девушка.

— Здравствуй, — ответил оборотень.

Сегодня она была не в обычной униформе, а в светло-зеленом платье, которое красиво облегало стройную фигуру и так подходило ее рыжим волосам. В нем девушка казалось особенно хрупкой и прекрасной, и оборотень понял, что просто смотрит и не может налюбоваться.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Хелена и присела на его кровать.

— Теперь — прекрасно.

В ее руках был маленький бумажный стаканчик и, когда девушка поставила его на тумбочку, чуткий нос медведя уловил знакомый запах.

— Я приготовила шоколад, — застенчиво пробормотала она. — Теперь моя очередь радовать тебя.

— Хелена… — Бьорн заметил подозрительный

блеск в зеленых глазах и приподнялся на подушке.

Большая рука обхватила тонкое женское запястье и мягко погладила. А Хелена тихо всхлипнула, подалась ему на встречу и прижалась к его плечу, стараясь не задевать повязки.

— Ну что ты… — оборотень погладил ее по кудрявым волосам.

— Я так за тебя испугалась.

— А я за тебя.

— Ты спас мне жизнь.

— Спас, — согласился мужчина и прижал ее к себе по крепче. — Не мог по-другому. И совсем не жалею, что сделал это. Я… Я люблю тебя Хелена.

Не самое романтичное место для такого признания, но держать эти чувства внутри было невыносимо. Он сознался в них той, кому принадлежало его большое медвежье сердце, и теперь искренне надеялся, что ответ сделает его самым счастливым мужчиной в этом городе. А девушка прерывисто вздохнула, уткнулась ему в шею, щекоча кожу кончиками волос, и прошептала:

— Я тоже… люблю тебя.

Бьорн Соррен улыбнулся, светло и радостно. Год назад, провожая стажера Юнсен обратно в столицу, он даже и мечтать не мог о том, что она

вернется сюда. Но девушка стоила того, чтобы ждать. А теперь его маленькое рыжее счастье снова было рядом. И скоро все Управление будет гулять на пышной свадьбе. Скоро его небольшой, но очень уютный дом обретет законную хозяйку. А сам медведь с полным правом назовет эту девушку своей. И все у них будет хорошо.

Анна Катаева
Пушистое счастье

Осень… Вообще-то я очень люблю это время года, когда все вокруг становится ярким, красивым и красочным. Конечно, этот период недолог, и ветер с дождем обрывают это великолепие с деревьев, устилая все вокруг пестрым лиственным ковром. Небольшой лес, окружающий наш дом, наполняется шелестом и шуршанием, придавая неспешным прогулкам особое очарование. Единственное, что меня огорчало в данный момент, так это последствия позавчерашней непогоды — я простыла. Теперь лежу в кровати с температурой, на тумбочке рядом стоят лекарства и пачка бумажных носовых платков.

— Мама! Мама!

В комнату влетели мои сыновья, девятилетние близнецы, и тут же устроились с двух сторон от меня поверх одеяла. Немного лохматые, темноволосые, с порозовевшими щеками и горящими любопытством карими глазами. От них пахло лесом и влагой. Обняла каждого, растрепала им волосы ещё сильнее и прикрыла глаза, насла-

ждаясь их присутствием. В ногах матрас кровати прогнулся под тяжестью присевшего на него мужа.

— Как ты? — тихо, с легкой хрипотцой в голосе спросил он.

— Лучше, спасибо, — открыла я глаза и улыбнулась. — Нагулялись, мои хорошие?

— Да! Там так красиво!

— И хорошо!

— Только дождь пошел!

— И мы теперь хотим с тобой побыть!

По очереди принялись делиться своими впечатлениями сыновья, немного приподнимаясь на покрывале и заглядывая мне в глаза. Глаза мужа светились гордостью. Значит, мальчики смогли сегодня на тренировке сделать все правильно, и он остался ими доволен.

— Наши сыновья задали мне интересный вопрос, — произнес муж, встречаясь со мной взглядом.

— И какой же?

— Мама! Как вы с папой познакомились? — хором спросили мальчики.

— О! Знаете, а ведь нашей с папой встрече очень помог ваш дедушка Эдуард.

— Как? — удивились мальчики и посмотрели

на своего отца.

— Как? Он попросил меня за ним присмотреть в течение месяца, — с улыбкой произнесла я, продолжая смотреть на мужа. — После мило улыбнулся и вручил мне в одну руку поводок, а во вторую сумку…

— Милая, может, начать рассказ стоит мне?

— Папа! Начинай! — попросили сыновья и приготовились слушать.

— Ну что же… Все началось одним весенним утром, когда я работал дома в своем кабинете, и туда вошел ваш дедушка Эдуард…

***

— Сын, мне надо с тобой серьёзно поговорить, — строго начал отец. Он уже давно передал мне все дела по управлению нашей стаей и ушел на покой, но всё равно продолжал меня опекать. — Тебе надо найти жену и продолжить наш род. Я внуков хочу, в конце-то концов!

Я перебирал документы на столе, делая вид, что безумно занят, но на самом деле просто не хотел поднимать этот вопрос, который назревал за последнюю неделю по несколько раз на дню.

— Тебе уже сто тридцать два года, а у тебя до сих пор нет наследника! Давно пора найти себе

хорошую девушку и подарить мне внука или внучку, а лучше — двоих! Что ты упрямишься?

Всё, что он говорил, правда, но я так и не смог найти себе пару. Все девушки, которых я знал, меня не устраивали. Они были слишком меркантильны и неинтересны в общении, о чем я и оповестил отца. Он лишь на это хмыкнул и как-то загадочно улыбнулся.

— Я уже нашел тебе невесту — умную и красивую девушку. Правда, она бедновата, но это поправимо, — серьезно посмотрел мне в глаза бывший вожак стаи.

— Отец, позволь мне самому решить этот вопрос, — ответил я и перестал делать вид очень занятого человека.

— Ты его уже сто лет решаешь, — огрызнулся бывший альфа и клацнул клыками, а я прикрыл глаза и не заметил, как он обошёл меня по кругу и одним резким движением надел на меня противооборотный ошейник. Теперь я стоял в ипостаси волка и непонимающе смотрел на своего отца. — Вот так-то, сынок, — улыбаясь, потрепал меня по холке старик. — Я уверен, что еще спасибо скажешь, когда почуешь девушку, с которой мы с тобой едем знакомиться.

У дома нас уже ждала машина с водителем, у

которого был немного виноватый взгляд. Отец коротко рыкнул, и мы выехали за ворота, а спустя почти час уже стояли в одном из многочисленных дворов города и ждали ту, ради которой мой отец все это затеял. А я все еще очень сильно злился на отца: «Старый интриган! Да как он вообще посмел? Я вожак стаи, меня уважают друзья, а враги боятся. Я один из сильнейших оборотней в России! Как он только мог так поступить со мной?».

Как бы сильно я не злился, но отец оказался прав. Алиса, девушка, с которой папа вел беседу, была действительно в моём вкусе. И пахло от неё одуряюще: свежестью морозного утра и еще кое-чем, от чего внутри раздался рык волчьей души: «МОЯ!». Спорить с самим с собой я не собирался, наоборот, согласился со всем и решил взять избранницу замуж как можно быстрее. Вот только я не учел одного, что Алиса будет немного против этого моего желания.

***

— Дедушка одел на тебя ошейник? — воскликнули близнецы.

— Да! Иначе он просто никак не смог бы заставить меня поехать с ним в тот день, — ответил муж и взглянул на меня: — Продолжишь?

Я кивнула, прикрыла глаза, погружаясь в воспоминания, и продолжила рассказ…

***

Был прекрасный и солнечный день пятницы, я неторопливо шла домой после сдачи заказчику его проекта и весело размахивала сумкой. До встречи с мужчиной, что хотел оставить мне своего питомца, был почти целый час, и я наслаждалась своей прогулкой по парку.

Я работала в рекламном агенстве и занималась графическим оформлением заказов разной направленности, а также подрабатывала и в частном порядке. График работы был свободным: главное, вовремя сдать проект, а делать его можно было и дома. Благодаря этому в офисе я бывала два-три раза в неделю, а все остальные дни проводила дома. Жила я в двухкомнатной квартире, доставшейся мне от тети, у которой я была единственной родственницей. Реклама не всегда всем бывает нужна, и я часто оставалась без заказов. Вот тогда-то подруга и предложила мне присмотреть за собакой ее соседки. Женщина уезжала на море аж на три недели и искала «временный» дом для любимца. Нас познакомили, мы пообщались, я показала квартиру и парк под

окнами. После согласия высылать каждый день в ватцап фотографии ее Фердинанта, я получила своего первого четырехлапого постояльца. Хозяйка была в восторге от фотографий, что приходили ей каждый день, и разрекламировала меня всем своим знакомым. С тех пор у меня в квартире постоянно кто-то жил из пушистиков.

Сегодня мне предстояло приютить крупного пса, поэтому от остальных пришлось вежливо отказаться. Не люблю рисковать и брать сразу двух-трех животных, ведь неизвестно, как они поведут себя друг с другом.

— Девушка, постойте! — услышала оклик и оглянулась по сторонам.

— Вы же Алиса? — из ниоткуда возник передо мной мужчина.

От неожиданности я чуть не упала на внезапно появившегося собеседника, который на поводке держал огромного пса. Если честно, то я не очень хорошо разбираюсь в собаках, но эта была очень большой и лохматой. Мужчина смотрел на меня глазами, полными мольбы. Его лицо было испещрено старческими морщинками, темные волосы щедро разбавила седина, но одет он был очень дорого и опрятно, а неподалеку виднелся внушительный темный внедорожник.

— Д-да, — ответила я, рассматривая питомца. — Это его вы мне хотите оставить на месяц?

— Он очень спокойный и все прекрасно понимает! — широко улыбнулся мужчина.

— Э-это хаски? — поинтересовалась я породой пса, чтобы знать, кого мне доверяют.

Собака же в этот момент странно на меня посматривала и давилась слюнями. С чего бы это? Главное, чтобы она не приняла меня за свой ужин.

— Что вы! Это тамаскан! — гордо произнес собеседник, но заметив мое выражение лица, добавил: — Порода волкоподобных собак. Вот тут на расходы по его питанию, он у меня не ест собачий корм.

Пока мужчина рассказывал о предпочтениях питомца, я смотрела на собачку размером с теленка, которая только и делала в своей жизни, что ела одни протеины и валялась на диване. Собеседник вдруг замолчал, взглянул на часы, после чего вручил мне поводок в руки и слишком резво для своего возраста поспешил к ждущей его машине:

— Только ошейник не снимайте ни в коем случае. На нем с внутренней стороны мой телефон, а ещё он с чипом. И если пёс потеряется, то только

так сможем найти его.

Мы с псом проводили взглядом отъехавшую машину и вновь повернулись друг к другу. Стояла и смотрела глазами беспомощного котенка на пса. А он смотрел на меня. Хотя, скорее, рассматривал, склонив голову на бок и… ухмылялся? Тряхнула головой: привидится же такое! Перехватила поводок в другую руку, в сумку положила сверток, что сунул мне хозяин пса, и направилась домой.

Расположились мы в моей квартирке: я на диване, а пес передо мной. Я где-то читала, что собаке надо показать, кто хозяин в доме. Автор той статьи писал, что нужно смотреть псу в глаза, и кто первый отведет взгляд, тот и победил. Последовав его совету, сидела и смотрела… Но в глаза будто песка насыпали, и они уже начали слезиться, а пес даже не мигал, приняв мои правила игры. Так, хозяйкой в ближайший месяц мне не быть точно. Ну и ладно! Но месть моя будет страшна.

— Хозяин не сказал как тебя зовут, — вдруг вспомнила я и усмехнулась. — Значит… — выдержала я провокационную паузу, а пес насторожился, чувствуя подвох. — Буде-е-ешь… А ты кто, кстати, девочка или мальчик? — на мой вопрос, заданный почти невинным тоном, новый кварти-

рант язвительно хмыкнул, но, как и ожидалось, не ответил. — Ладно, сейчас сама посмотрю.

Решительно встав с дивана, я направилась к животному. Собака сначала не поняла, что именно я хочу сделать, но потом… Если честно, то я очень сильно была шокирована реакцией питомца. Не поверите, но, поджав хвост и заикаясь рычанием, этот пес уполз по-пластунски в дальний угол и забрался за кресло, которое там стояло.

— Кобель, — выдала я вердикт, все-таки успев заглянуть ему под хвост. — Будешь… м-м-м… Тошиком, — махнула я рукой, устав напрягать фантазию в пятничный вечер.

Признаюсь и каюсь, на клички животных у меня небогатая фантазия, а вот если нарисова-ать. Пес промолчал и даже не издал ни звука из-за кресла, принимая свою участь.

— Тошик, пошли есть, — позвала я его, и пес поплелся за мной на кухню, словно на казнь.

У меня от завтрака и вчерашнего ужина остались макароны с котлетами. Я разделила все поровну и поставила перед псом его порцию. Тошик скептически посмотрел сперва на свою миску, потом на меня и поплелся к холодильнику. Не особо затрудняясь, он открыл лапой дверь,

от этого на белой полированной дверце остались глубокие борозды от его огромных когтей, и вытащил то, что ему было по вкусу. От такой наглости со стороны пса, я, потеряв дар речи, присела на табуретку. Складывалось такое впечатление, что я не собаку приютила, а наглого мужика!

— Ты что творишь, паразит?! — очнулась я и схватила пса за шкирку.

Тошик сбросил мою руку и рыкнул, заставив меня отскочить в коридор, а сам продолжил спокойно грызть остатки сырокопченой колбасы, купленной мной для пиццы, которую я планировала испечь в эти выходные.

Пока эта прожорливая меховая шуба поедала мои запасы, я решила освежиться после такого «чудесного» дня. Вышла из душа, замотанная в одно короткое полотенце, и стала доставать из сумку забытый сверток. Нужно же изучить, что мне вручил хозяин этого троглодита. Тошик в это время развалися в кресле и осмотрел меня с ног до головы с умным видом и настоящим мужским взглядом. Я аж засмущалась, но быстро взяла себя в руки, вспомнив, что передо мной сидит всё-таки не человек, а животное. Откинув полотенце, я направилась в спальню одеть свою домашнюю пижаму, в которой любила сидеть вечерами и

смотреть фильмы.

Спать я ложилась в гордом одиночестве и заснула — точно одна! Зато проснулась посреди ночи от щекотавшей шею шерсти пса. Тошик распластался на второй половине моего дивана. Как бы я не пыталась его столкнуть на пол, он ни в какую не соглашался отправляться спать туда, куда я его посылала. Пес фыркал, перекатывался и вновь вытягивался у стенки. Через полчаса безрезультатных попыток от него избавиться, я смирилась с таким наглым соседом и укрылась одеялом. Под утро я вновь проснулась, но уже от неимоверной жары и тяжести собаки, положившей на меня свою мохнатую голову. Попыталась спихнуть пса с себя, но, услышав грозное рычание, оставила все попытки освободиться и решила ещё немного подремать.

***

— Теперь мы знаем, почему ты не разрешаешь нам оборачиваться в кровати! — воскликнул Георг и взглянул на своего брата Виктора.

— Вообще-то я не разрешаю так делать из-за шерсти, от которой потом трудно очистить постельное белье, — легонько щелкнула я сына по носу.

— Папа! Ты почему так мучил маму? — задал вопрос Виктор и насупился, недовольно смотря на отца.

— Не хочешь рассказать сыновьям, что тобой тогда двигало? — передала я эстафету Антону и погладила сыновей, тем самым немного успокаивая их.

— Дело в том, что ваша мама мне очень сильно понравилась с первого момента нашего с ней необычного знакомства… — выдохнул муж, ничуть не испытывая чувства вины за свою проделку.

***

Алиса мне определенно понравилась: миленькая и немного наивная девушка. Сидели у нее в квартире и уже час смотрели друг на друга. Я принял ее правила игры. Откуда же ей, бедной, знать, что оборотни так проверяют силу противника: кто первый взгляд отведет, тот и слабее? Не-ет, родная, давай-ка лучше я буду хозяином в нашем доме!

Позже я, если честно, чуть заикой не остался, когда она решила проверить мою половую принадлежность. Ну, ничего, дорогая, будет у меня еще время доказать, что я настоящий ко… Тьфу!

Мужчина! Когда я тебя… м-м-м… поставлю метку. От таких мыслей бросило в жар.

Услышав волшебное слово «еда», я хоть и с опаской, но последовал за девушкой на кухню, чтобы в недоумении уставиться на мой предполагаемый ужин.

«Милая, ты издеваешься? Я волк вообще-то, хищник, а ты меня не пойми что есть заставляешь?! Всё, надо самому брать дело в свои лапы!», — решил я и полез самостоятельно изучать содержимое холодильника.

Пришлось слегка рыкнуть, когда Алиса решила мне помешать, но, надеюсь, сильно я ее не напугал. Девушка фыркнула и отправилась в душ, а вот потом, когда я расположился в понравившемся мне кресле, пришлось радоваться, что уже лежу. Алиса вышла из ванной в одном маленьком полотенце! Она точно надо мной издевается!

«Убь-ю-ю… отца! И ошейник не снять! — мысленно взвыл я, наблюдая за своей парой. — О! Если бы не эта полоска кожи, я бы… я… Эх, мечты, мечты… Эй, ты что творишь?! Надень полотенце обратно! Я же не желез-зный. Ой, сейчас прямо тут огромной серебристой лужицей растекусь, а все потому, что у моей малышки просто идеальная фигурка. Все, как я и люблю. М-ням, так

бы и съел!».

Все эти мысли пролетали в моей голове, пока я наблюдал за девушкой. Чуть позже она почесывала меня за ухом, сидя на диване и смотря какой-то фильм, после которого она отправилась спать, пожелав мне приятных снов и обронив, что кресло в моем распоряжении.

«Какое кресло? Ты о чем, солнышко?», — мысленно ухмыльнулся я и подождал полчасика, когда девушка уснет.

С невозмутимым видом запрыгнул на ее диван, служивший почти двухспальной кроватью. После небольшого катания по постели Алиса поворчала из-за тщетных попыток меня прогнать и устроилась дальше спать. По среди ночи я перелег и положил свою голову на ее живот, вдыхая ее запах. Нет, кажется, я на отца уже не злюсь, наоборот, скажу ему спасибо. И довольно прикрыл глаза и заснул.

***

Рассказ прервала Наташа, наш повар, принесшая мне травяной отвар, тарелку с бутербродами и отдельной мясной нарезкой для моих мужчин. Оповестив, что ужин будет накрыт через два часа, она покинула спальню.

— Мама! Что было дальше? — кое-как проглотив первый кусок мяса, спросил Георг.

— Родной, дай маме выпить ее лекарство.

— Но, папа! Нам интересно!

Я вновь улыбнулась, отмечая про себя, что старший сын сводит брови точно так же, как и Антон, кода хочет чего-то добиться, но встречает препятствие. Провела рукой по волосам сына, привлекая к себе внимание, поставила пустую чашку на тумбочку и продолжила рассказывать нашу с мужем историю знакомства.

***

Два дня мы с псом прожили мирно. Тошик питался вместе со мной, категорически лишая возможности сделать вредные перекусы. В особенности ему понравились непрожаренные стейки, которые я готовила специально для этого мохнатого наглеца. Кстати, в том свертке, что в первый день вручил мне хозяин собаки, оказалась приличная сумма денег и письменные рекомендации по кормлению песика. Вот только эта гора шерсти отказывалась есть, если замечала, что содержимое наших тарелок не было одинаковым. Приходилось готовить все на двоих, правда, для себя мясо я делала более

поджаристым.

Когда я садилась смотреть телевизор, Тошик пристраивался рядом, положив свою огромную голову мне на колени. Я чесала его за ухом, и пес от этой нехитрой ласки довольно урчал. Прошли выходные и настали рабочие будни. Наказала псу вести себя хорошо и ушла в офис за новым заказом, закрыв его в квартире одного.

В этот день прошлось пробыть на работе весь день сначала из-за утреннего собрания работников нашего отдела, а потом из-за долгих споров с составителем текста нового рекламного плаката. В итоге я не успела сделать даже черновой набросок.

— Алис, нам нужно закончить черновик проекта сегодня, — тихо шепнул мне на ухо Коля. Мы с ним работали в одно отделе и сейчас в паре отрабатывали один из проектов заказчика.

— Ладно, Коль. Только поехали ко мне, я уже не могу находиться в офисе, — устало ответила я другу и потерла ноющую шею.

— Коль, я сейчас живу не одна, поэтому не пугайся, — предупредила я парня, когда мы доехали до моего дома на машине друга.

— А кто у тебя? — ревнивое и одновременно удивленное лицо Николая изрядно порадовало.

— Четырехлапый сосед, — улыбнулась я и вышла из машины.

Если честно, то мы нравились друг другу, но из-за природного стеснения ни я, ни он не могли сделать первый шаг, поэтому так и продолжали водить хороводы вокруг да около. Открыв дверь, мы прошли в квартиру. А там… хаос и декорации к такой хорошей сцене с погромом. Везде пух из подушек. Все мои туфли, аж две пары напрочь сгрызены, плед сброшен с кресла и валялся на полу. Посреди всего этого хаоса восседал Тошик и с умным видом смотрел телевизор! Под его правой лапой лежал пульт от этого чуда техники. А-а-а, это что за…!

— Тошик, — в тихом бешенстве прошептала я. — Что ты, скотина, наделал?

Пес переключил на меня своё высочайшее внимание и… резво отскочил от пульта, но, увидев за моей спиной маячившего Колю, обратил к нему свой взор и глухо зарычал. Припадая к полу, как настоящий хищник, и не отводя от него взгляда, направился к моему другу, с каждым мгновением все громче и громче издавая страшные звуки и клацая большими клыками. Николай не стал ждать конца развития событий и попросту сбежал. Вот я нисколечко не удивлена! Так как если

бы меня так встречали, то тоже бежала бы от этого чудовища, роняя тапки и не только.

Тяжело вздохнув, оглядела комнату ещё раз и прошла к дивану. Села, закрыла лицо руками и разревелась.

— Сволочь, что тебе сделали мои туфли? У меня же нет денег купить себе новые. Бездушная ты скотина, — ударила я его им же растрёпанной подушкой. — Теперь понятно, почему твой хозяин оставил мне такую сумму денег!

Пес виновато подошел ко мне, ткнулся мордой в лицо и нежно лизнул. Я стала постепенно успокаиваться, а мысли перестали быть настолько мрачными.

— Ты же просто неразумное животное! Сама виновата, надо было убирать нужные вещи, ведь знаю же особенности собак, — пробормотала я. — Эх, ладно, чего уж теперь.

Убрала беспорядок и вынесла на помойку все то, что уже побывало в огромной пасти пса, при этом выговаривая ему, что его мясной рацион теперь уменьшится. Пес фыркнул, а я задумалась: возместить нанесенный себе ущерб из той суммы, что оставлена на Тошика, или нет? В размышлениях я погуляла с псом по парку, потом вернулась домой и доделала проект. Поужинав,

мы в обнимку завалились на диван смотреть кино, а потом спать. Когда через полчаса мохнатый квартирант аккуратно забрался на диван, я даже не подала виду, что заметила его появления. Пес лизнул мою руку и положил голову так, что его нос оказался практически упирался мне в шею. Затем шумно выдохнул.

— Спи уже, хулиган, — прошептала я и провалилась в мир снов.

***

— Папа! — хором возмутились опять сыновья.

— Мне было скучно одному дома, — смеясь, ответил муж и поднял в примиряющем жесте раскрытые ладони. — А ещё просто хотелось посмотреть, как отреагирует на мою шалость ваша мама…

— Ты ее расстроил, и она плакала! — недовольно произнес Виктор, поджал губы и отвернулся от Антона.

— Но потом смог успокоить, — оправдался муж и перетянул к себе в объятия сына.

***

Дело было вечером, делать было нечего. Точнее,

было очень скучно, и я решил немного развлечься. М-да-а… Порезвился. Туфли, тьфу гадость какая!.. Кожзам оказался совсем невкусным, да еще и оставил на языке неприятный вкус. Перья из подушки, которую я с упоением рвал зубами, забились в нос, пасть и между клыков, из-за чего их пришлось долго выплевывать и отфыркиваться. В итоге я стянул плед с кресла и решил просто посмотреть телевизор и увлекся, даже не заметив прихода Алисы. Отреагировал лишь на щелчок замка и злое шипение девушки. Повернул голову, заметил свою пару и тут же отскочил от пульта телевизора, намереваясь поприветствовать девушку и лизнуть ее в щеку.

«Не понял? Эт-то ещ-ще что за запах?», — возмутился я, учуяв в доме незнакомца.

За спиной Алисы стоял тщедушный молодой человек, совсем ещё юнец. Стариков, женщин и детей не обижаю, но надо показать, что это моя территория. И девушка тоже моя, нечего тут всяким посторонним ошиваться и распространять свой слабый запах. Да, я по натуре очень ревнивый собственник, и с этим, увы, как бы я ни боролся, ничего не мог поделать. Кстати, парень позорно сбежал, чем вызвал у меня довольный фырк. А вот Алиса…

«Девочка моя, нежная, сладкая, милая, не плачь, — успокаивал я свою рыдающую пару. — Туфли? Какие туфли? А-а-а, тот ширпотреб? Денег нет у тебя на новые? А я тебе на что? Больше это не будет твоей проблемой, обещаю. Да не плачь ты, единственная моя, я тебе хоть тридцать пар куплю!».

Девушка успокоилась и принялась убирать последствия моей попытки убить скуку, а я, увидев сколько всего ей пришлось из-за меня выкинуть, испытал столь редкое для себя чувство, как стыд. Ткнулся своей головой в живот пары, почувствовал ее поглаживание и выдохнул. Кажется, злиться она точно перестала.

После прогулки и ужина мы снова расположились смотреть кино. Алиса смеялась над комедией, а я размышлял над тем, как снять чертов ошейник. Надоел мне уже этот цирк, и надо как-то дать девушке понять, что с меня стоит снять ошейник.

***

— Я не понял, как ты успокоил маму!
— Георг! Ты помешал папе!
— Но я не понял!
— Мальчики, ваш папа просто выпросил свое

прощение облизыванием моего лица, стиранием слез и легким то ли поскуливанием, то ли глухим порыкиванием.

— Не было такого! — возмутился Антон.

— Правда? — прищурилась я, а муж, видимо, поняв, что именно я хочу донести до мальчиков, тяжело вздохнул.

— Так было или нет? — задал вопрос Георг, переводя взгляд с меня на Антона.

— Было, — признался муж. — Иногда стоит уметь не только признавать свои ошибки, но и набраться смелости для того, чтобы попросить за них прощение.

— Мама, рассказывай дальше! — попросил Виктор.

***

На следующий день я решила никуда не ездить и просто отправить проект по почте начальству. После легкого завтрака переоделась и собралась на прогулку: нужно было сходить за покупками и восстановить всё то, что с таким старанием уничтожил пес. Разумеется, Тошик увязался за мной. Поводок и намордник эта лохматая морда проигнорировала и надменно, словно король, высоко поднимая лапы и задрав нос, двинулся

впереди меня. Мне только и оставалось удивляться, как он умудряется не спотыкаться.

Люди смотрели на нас с ужасом, так как огромный, похожий на дикого волка, пес и миниатюрная блондинка в виде меня рядом с ним вызывали определенно не лучшие мысли у прохожих. Предупреждения перед торговым центром о том, что собакам вход воспрещен, пес тупо игнорировал, а я не смогла уговорить его остаться на улице. Правда, большинство продавцов торгового центра вели себя странно: завидев Тошика, они сперва бледнели, а потом склоняли головы. Сначала я не поняла в чем дело, а потом перестала обращать внимания на причуды людей. Ну, если им нравится кланяться псу, то ради Бога… Кто я такая, чтобы им это запрещать? Может, они так ему свое восхищение высказывают.

Через полчаса прогулки по торговому центру, к нам подошёл видный мужчина, одетый в дорогой костюм, за которым скрывалось явно тренированное тело. На первый взгляд ему было лет тридцать, а на второй… у меня все равно не было шансов.

— Здравствуйте, я хозяин этого торгового комплекса. Можно поинтересоваться, откуда у вас эта… м-м-м, не совсем добрая, не совсем милая и

вовсе не собачка?

— Подарили, — гордо ответила я и даже не покраснела от того, что обманываю шикарного незнакомца.

— Кого? Его? — собеседник в полном шоке посмотрел на пса.

— А что вас, собственно, смущает? — недовольно спросила я у собеседника. — Мне что, нельзя подарить собаку?

Моя рука автоматически коснулась головы пса, погладила и почесала возле ошейника, на что Тошик довольно зажмурился. Мужчина тихо фыркнул, я же его реакцию поняла по-своему.

— Да, на комнатного терьера не тянет, — произнесла я и прижала голову пса к своему боку. — А если вы против того, чтобы собака находилась в магазине, так вам же лучше, если он будет со мной, а не выть снаружи и пугать возможных покупателей торгового центра. Тошик очень привязан ко мне и не отпускает никуда в одиночестве.

— Тош-шик, — медленно и полушепотом повторил мужчина и покосился на пса. — Значит, Антон?

— Именно! — улыбнулась я собеседнику и вновь потрепала питомца по холке.

— Знаете, я бы тоже не отпустил никуда одну такую необычную девушку, как вы, — улыбнулся мне мужчина, а пес вдруг низко зарычал. — Антон, ты чего? Я шуч-чу, честно, — обратился он к псу и сделал шаг назад, смотря ему в глаза, но долго не выдержал и отвел взгляд первым.

Наблюдая за этой парочкой, я фыркнула. Вспомнила, как тоже пыталась играть в «гляделки» с питомцем и точно также отвела взгляд, так и не сумев отвоевать право быть временной хозяйкой этого вредного комка шерсти. Пес успокоился и сел рядом со мной, а я и не заметила, когда он сделал два шага к хозяину центра.

— Не называйте моего Тошика Антоном, — недовольно произнесла.

— Так, это же… — начал было мужчина, но пес опять зарычал, перебивая моего собеседника. — Тьфу на тебя, шутник недоделанный. Тошик так Тошик, — еле слышно выругался мужчина на пса, а затем резко развернулся и ушел.

Я проводила взглядом спешно покинувшего нас собеседника и пожала плечами. Пес то ли фыркнул, то ли чихнул вслед мужчине, и мы двинулись дальше по свои делам.

Дома мы оказались спустя четыре часа! Ужас! Я никогда еще не ходила столько времени по

торговому центру, а все из-за пса. Мало того, что он рычал на всех, кто пытался к нам подойти, так ещё довел бедного консультанта до нервной икоты в отделе постельного белья. Парень весь трясся, когда предлагал мне потрогать ту или иную подушку, чтобы я могла выбрать наиболее понравившуюся. При выборе нового пледа консультант испарился, а вместо него появился старший менеджер магазина и, косясь на пса, стал раскладывать и показывать огромное разнообразие покрывал, пледов и дивандэков. От пестроты красок даже зарябило в глазах, и я ткнула на что-то в кляксах песочного цвета с черной паутиной по краям. Приготовившись распрощаться с приличной сумой денег, услышала от того же менеджера, что я у них сегодня тысячный покупатель, и мне положена огромная скидка, чему я несказанно обрадовалась.

Обедали мы с Тошиком в небольшом кафе на втором этаже торгового центра, вызвав удивленные взгляды как посетителей, так и персонала. Радовало то, что в этот раз официантка попалась с хорошим чувством юмора и предложила меню не только мне, но и псу. Эта же девушка с деловым видом приняла мой заказ и повернулась к Тошику.

— Осмелюсь предложить блинчики с ливером и мясное рагу с овощами, — произнесла она и дождалась в ответ склоненную голову пса на бок. — Что-то еще?

— Тошик, не наглей, — влезла я в их странный диалог, на что у официантки чуть дернулось веко. — Хотя уговорил, рагу тебе можно и двойную порцию, а мне блинчики с фруктовой начинкой добавьте.

— Хорошо, через десять минут все будет, — не переставая улыбаться, произнесла девушка и исчезла.

Наш заказ действительно принесли очень быстро, положив порции пса в удобные глубокие тарелки. Хорошо, что мы сидели за угловым столиком, и то, как Тошик ел, никто не видел. Счет за обед был со скидкой, чему я удивилась, но выслушав объяснения про ранний час и какую-то связанную с этим акцию кафе, успокоилась, расплатилась и покинула торговый центр.

На улице, стоя со всеми покупками, я осознала, что пешком мы точно не дойдем. Пакеты были не особо тяжелыми, но больно уж объемными. Тяжело вздохнула и представила, как пытаюсь загрузиться со все этим и псом в придачу в маршрутку, тряхнула головой. Придется вызывать

такси.

Когда мы оказались дома, я разобрала все покупки, а также разложила по полкам продукты, то просто упала на диван и прикрыла глаза. Когда же я их вновь открыла, то за окном был вечер, а рядом со мной сидел Тошик.

— Идем на прогулку, — потрепала я пса по голове и направилась в прихожую.

Позже я открыла бутылку недорогого вина, решив себя сегодня побаловать парой бокалов напитка. Сделала легкий салат, маленькие бутербродики и уселась смотреть мелодраму, активно обсуждаемую на работе сотрудницами агенства. Фильм действительно оказался неплохим, я даже пару раз всплакнула над незавидной участью героев, когда ко мне на колени забрался Тошик и принялся лизать мое лицо.

— Слезь с меня, зараза, раздавишь ведь, — охнула я о неожиданности и скинула пса с колен.

Встретившись взглядом с питомцем, почесала за ушком, спустилась рукой ниже и наткнулась на ошейник, почесала под ним тоже. Тошик аж затрясся от удовольствия, а я потянулась к замку кожаного украшения.

— Давай-ка мы его на время снимем. Ты же не потеряешься у меня в квартире? — это были мои

последние слова, произнесённые до того, как один самоуверенный и ревнивый собственник вошел в мою жизнь.

***

— Алиса! — возмутился муж на мое последнее предложение, а сыновья тихо засмеялись, наблюдая за недовольным и немного обиженным выражением лица их отца.

— Не мешай мне рассказывать о том, как я тебя, наконец, увидела в человеческом обличии, — отмахнулась я от Антона с коварной улыбкой на лице.

***

Передо мной стоял Геракл из любимого сериала с Кевином Сорбо в главной роли, правда, совсем голый Геракл. Та-ак, кажется, третий бокал был явно лишним, или в вино было что-то добавлено. Почему? Да потому что некоторые мои фантазии ожили!

Появившийся передо мной мужчина действительно был, как ожившая картинка: подтянутый, с кубиками на прессе, под два метра ростом с черными растрепанными по плечам волосами и

ярко-голубыми глазами.

«О, Боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына…, - пронеслись в голове мои пьяные мысли. — А ну стоять, родимые!», — осадила я сама себя и сфокусировала взгляд на лице незнакомца.

— А-а-а… — попыталась я задать вопрос, как мужчина схватил новый плед с дивана и повязал его себе на бедра. — Тошик, ты ли это? — ошарашенно спросила я.

— Ещё раз назовешь Тошиком, прямо тут сделаю своей, — грубо ткнула пальцем в меня ожившая фантазия.

— Т-ты… Ик!.. кто? — икнув, возмутилась я.

— Муж твой будущий, — ответил невозмутимо незнакомец и нагло развалился на диване.

— Кто? — переспросила я в шоке и снова икнула.

— Конь в пальто! — рыкнул сперва мужчина, но потом широко улыбнулся: — Твой. Будущий. Муж.

— Немедленно верни мне Тошика! — закричала я и вскочила с дивана. — Где вверенная мне собака? Я кого хозяину буду возвращать?

— Кхм… вообще-то я волк, но для тебя, дорогая, буду кем только захочешь, — шепотом произнесла мне на ухо эта самоуверенная личность.

— Ты… прости… кто? — справившись с толпой мурашек, поинтересовалась я.

— Я оборотень.

— Оборотней не существует, — икнув, утвердила я и кивнула сама себе головой, подтверждая данное высказывание.

— Существуют.

— Нет! — упрямо стояла я на своем.

— Да! — сверкнул глазами незнакомец.

— Значит, не вернёшь Тошика? — перешла я на другую тему.

— Потом как-нибудь… — неопределенно махнул он рукой и хитро улыбнулся.

«Ах так?! — мысленно возмутилась я. — Ладно, оборотень, так оборотень! Мужик, он и в Африке мужик, будь хоть трижды моим Тошиком. Жаль, я уже привыкать к нему начала».

— А теперь слушай меня, оборотень, — я схватила незнакомца за узел пледа и придвинулась к нему поближе. — Я согласилась взять на передержку собаку, но никак не наглого голого мужлана. Сейчас берешь свои э… сама себя в руки и уходишь отсюда туда, откуда явился. Понял?

— Милая, я теперь от тебя никуда не денусь, уж прости, скоро свадьба!

Ну-ну, он меня еще плохо знает. Молча отпу-

стила плед и прошла на кухню, вооружилась чугунным аргументом потяжелее и с своеобразным оружием наперевес вышла к этому фантастическому красавцу, мерзавцу то есть.

— Пожалуй, я попозже приду, когда ты успокоишься, — оценил незнакомец мой настрой и поднял раскрытые ладони вверх, показывая, что сдаётся.

— Можешь не утруждаться.

— Я хоть позвоню, чтобы меня забрали? А то еще оштрафуют за эксгибиционизм.

— Звони, — миролюбиво кивнула я на телефон.

Через час возле дома припарковалась дорогая иномарка, из которой вышел мужчина, что разговаривал со мной в торговом центре.

— Слушай, так вы знакомы? — я вопросительно уставилась на оборотня.

— Да. Это один из членов стаи и мой друг.

— Стаи? Вас что, много? — удивилась я.

— Да, в России более ста тысяч оборотней, и это только волков. Я, между прочим, вожак стаи нашей области.

— Вожак, значит, — пробормотала я себе под нос, вдруг вспоминая сразу несколько фэнтезийных книг про оборотней.

— Да! Так что, моя милая, у тебя будет очень богатый и влиятельный муж, — с гордостью, почти мурлыча, сообщил мне мужчина.

— Не будет! — отрезала я, похлопывая сковородкой по руке, а «мой будущий муж» покраснел от злости.

— Если не хочешь по-хорошему, то я могу и по-плохому.

— Это как?

— Ты действительно хочешь узнать? — вопросительно поднял он бровь.

— Обойдусь! — огрызнулась я и махнула сковородкой в сторону прихожей, куда тут же направился мужчина. — Стой! — вдруг крикнула я, и он плавно обернулся. — Ты сказал, что это только волков так много. Значит, есть еще и другие виды?

— Да. На моей территории живут белки, лисы, несколько представителей семейства кошачьих, собаки, даже мыши есть с зайцами. Все они находятся под моей защитой. А что?

— Просто уточнить хотела, а то, я смотрю, фауна как-то странно стала себя вести, — пожала я плечами и улыбнулась.

Оборотень развернулся и вышел, а я услышала, как хлопнула дверь подъезда, затем машины и

удаляющийся рев мотора.

— И всё же какой мужчина… — произнесла я и направилась к дивану.

После всего произошедшего, я ещё долго успокаивала свои нервы остатками волшебного напитка. Да, вы угадали, именно того самого, что плескался на дне бутылки. Около восьми вечера позвонил руководитель моего отдела и сообщил, что наш проект прошел по всем параметрам, и дал мне два отгула. На радостях я пошла за еще одной бутылочкой «успокоительного» и к двенадцати ночи, знатно «науспокаивавшись», легла спать.

Утро встретило меня головной болью и кошками во рту. Привела себя в порядок и отправилась выносить мусор, про который вчера доблестно забыла. У подъезда сидел… Тошик. Я даже глаза протерла, но нет, радостно завилявший хвостом пес так и не пропал, а наоборот, сделал шаг в мою сторону с огромной корзинкой цветов в зубах. Прохожие оборачивались, бабульки на лавочке возле соседнего подъезда навострили свои ушки в ожидании представления. Я прошла мимо пса, выкинула мусор и развернулась к оборотню.

— Знаешь, я не люблю красные розы, — произнесла я и попыталась пройти мимо Тошика, но

пес, поставив корзину, предпринял попытку проскочить вслед за мной в подъезд. — Куда? Тебя никто не приглашал, — возмутилась я, поймала пса за холку и попыталась оттолкнуть.

Оборотень уперся всеми четырьмя лапами, тем самым сводя на нет все мои усилия. Тогда я просто обошла нежданного мохнатого визитера, ухватила его за задние лапы и потащила эту тушу за задние лапы из подъезда. Когти передних лап с противным визгом пробороздили цемент крыльца, бабульки в шоке, а собака ржала. Это я знаю, что Тошик смеялся, а люди от его дикого рычания торопились пройти мимо нас поскорее. Дотащив пушистого наглеца до его корзины с цветами, я одела ее ему на шею и быстро скрылась в подъезде.

***

— Мама! Почему ты не взяла цветы? — с серьезным выражением лица спросил Георг.

— Папа, наверняка, принес тебе очень красивый букет, а ты его не приняла! — теперь близнецы смотрели с укором не на отца, а на меня.

— Наверное, потому, что ваш папа неправильно себя повел, или я просто растерялась, — произ-

несла я и перевела свой взгляд на Антона.

— Папа, а что ты тогда ощущал? — поинтересовался Виктор.

— Азарт, — ответил муж и пожал плечами.

***

«Вот ведь упрямая!», — думал я, пока пытался снять корзинку со своей шеи.

Вчера Алиса выставила меня из дома, а сегодня отказалась от букета. Но я не сдамся!

Девушка запала в душу, и зверь внутри меня никого не хотел больше видеть рядом со мной. Как говорится: хочешь не хочешь, а… В общем, быть со мной девушке все равно придется. Ведь для себя я уже все решил, осталось только донести это до своей пары. Наверное, стоит оставить ее в покое на пару дней. В понедельник я собираю свою стаю на небольшой банкет, нужно подготовиться, ведь на нем я должен объявить, что у меня нашлась пара.

Вечер набирал обороты. Ресторан, в котором мы все собрались, принадлежал оборотням, и даже официанты были набраны из молодняка. В самый разгар праздника я почуял запах Алисы, обернулся и, увидев милую картину, дико зарычал. Мои люди вздрогнули и опустили головы.

Молоденький официант забрался под стол, а на кухне что-то упало с диким грохотом. Все находящиеся в зале оборотни почуяли опасность в моём лице.

Возможно, все закончилось бы немного по-другому. Возможно, но… Уже знакомый мне парень очень быстро исчез из ресторана, а Алиса побежала. Я следом за ней, и в голове только и стучало: «Моя, догнать!».

Знал бы я, чем закончатся наши с ней «догонялки», наверное, попытался бы себя немного сдержать, но, увы… То, что Алиса потом вытворяла, в стае еще долго вспоминали, ведь после этого вечера многие оборотни разошлись с горящими глазами, а их пары на следующий день не нашли в себе сил покинуть спальни.

***

— Ма-ам, — с загоревшимся с новой силой любопытством сыновья хором обратились ко мне. — С кем ты была и что сделала? Папа просто так не рванул бы тебя догонять

— Ну-у, я спела песню, а со мной был, хоть и недолго, уже упоминаемый ранее Николай.

***

— Алис, а как там твоя собачка поживает? — поинтересовался Коля в среду на работе.

Если честно, то у меня аж от сердца отлегло от его улыбки. Я уже думала, что он после того случая вообще со мной перестанет разговаривать, но нет, подошёл с улыбкой и протянул мне чашку с кофе.

— А нет больше, Коль, собачки, — вздохнула я и приняла предложенный бодрящий напиток.

— С ним что-то случилось? — обеспокоенно спросил парень.

— Да что с ним будет? Отдыхает, наверное, где-нибудь, поедает креветки и запивает их «Мадам Клико».

— Кто?! Тошик?! — чуть не подавился друг своим кофе.

— А его, как оказалось, кличут вовсе не Тошиком, — задумчиво отозвалась я, так не вовремя вспомнив шикарную фигуру незнакомца.

— Алис, с тобой все в порядке? — озабоченно поинтересовался Коля.

«Как же… будешь тут в порядке, когда тебя так нагло домогается эта ожившая тайная мечта!», — мысленно подумала я, посмотрела на парня и

поняла, что он ждет моего ответа.

— Ой, Коль, прости! Не обращай внимания, заработалась, — отмахнулся я как от своих мыслей, так и от обеспокоенного взгляда друга.

— Может, тогда сходим куда-нибудь вечером? Развеешься.

— А почему бы и нет? Давай сходим, а куда?

Ответить парень не успел, так как в кабинет вошел наш руководитель и снова загрузил работой. К концу рабочего дня желание сходить и развеяться укрепилось. Может, хоть так отвлекусь от мыслей об оборотне, а то его самоуверенное лицо с голубыми глазами всю ночь снилось.

«О, Господи… я что, влюбилась? В это пушистое создание? Да быть такого не может!», — мысленно ужаснулась я, замерла и прислушалась к себе.

Спустя несколько минут самокопания, пришлось признаться, что себя не обманешь. Так, надо это чувство срочно искоренять из своих мыслей и сердца.

— Коль, если твое предложение ещё в силе, то пойдем!

— Хорошо, — отозвался парень, что увлеченно рисуя на компьютере.

Наш вечер с парнем начался довольно мирно. Николай был сама галантность, в отличие

от некоторых самовлюблённых, эгоистичных четвероногих. Парень выбрал дорогой ресторан, поцеловал мою руку при встрече, помог раздеться в гардеробе и, приласкав взглядом, повел к заказанному им заранее столику. Мы сидели в небольшом первом зале: полумрак, тихая музыка. Романтика!

Во втором большом зале ресторана кто-то что-то праздновал, так как народу там было предостаточно, и явно это был один коллектив. Стоило только подойти официанту к нашему столику, как по ресторану раздаётся очень знакомый и громкий рык. Вздрогнули все. Официант оказался самым умным и, чтобы не попасть под раздачу, залез вместе с подносом под стол. Парнишка, видимо, знал, что ресторан принадлежит оборотням, а вот мы с Колей — нет.

Поняв, что этот ревнивец будет сейчас меня убивать, и предприняла попытку ускользнуть, петляя по залу ресторана, даже не думая перепрыгивать стулья, как это проделал Коля, скрывшись за входной дверью. Сбежать от оборотня я точно не успею, значит, буду импровизировать. Подбежав к диджею, протянула ему тысячу.

— Буду петь! — проорала ему в ухо и забралась на сцену, крикнув название песни.

Кто же знал, что мой вокал будет оценивать почти вся элита местной стаи! Очень не вовремя мы с Николаем сюда зашли, совсем не вовремя. Кстати, этот трус успел сбежать и даже ни разу не оглянулся! Бросил меня!

Перед выходом на сцену расстегнула три верхние пуговки на своей блузке, растрепала блондинистые волосы, а облегающие черные брючки добавили антуража. Вышло очень эффектно! Это я уже поняла по плотоядным взглядам присутствующих в зале оборотней и особенно по горящим голубым глазам одного конкретного волка.

Вышла на сцену и взяла микрофон. Эх, была не была!

— Эта песня посвящается тебе, мой милый Тошик, — эротичным голосом произнесла я и облизала губы. По залу прокатились вздохи и уже поднадоевшее рычание.

Если он так всю нашу семейную жизнь рычать будет… Стоп!.. Это я сейчас о чем вообще?

Заиграл проигрыш, и все посторонние мысли вылетели из головы. Ну, понеслась!

***

— Алиса! — прервал мой рассказ Антон, прекрасно помня все слова песни и взглядом указы-

вая на сыновей.

— Папа, мы хотим услышать песню! Зачем ты остановил маму? — вновь нахмурился Виктор.

Я улыбнулась, прикрыла глаза и стала петь, мысленно извиняясь перед автором строк за то, что слегка изменила слова песни. Просто спеть ее детям в оригинале я, ну, никак не могу:

Я позабыла всё, мне нужен ты,

Ты воплощение моей мечты.
Всего лишь люди мы, мы все грешны,
И вот теперь при свете белой луны…
Найди же меня
И приди в мои сны,
Войди в мои сны,
Они так важны.
Приди в мой дом,
Я хочу быть с тобой.
Я хочу быть с тобой.
Мою боль успокой!
Моё желание, мой грех, мой страх,
Всё это держишь ты в своих руках.
Не урони меня, не обмани
Под эту музыку при свете луны.
Найди же меня
И приди в мои сны,
Войди в мои сны,

Они так важны.
Приди в мой дом,
Я хочу быть с тобой.
Я хочу быть с тобой.
*Мою боль успокой!**

***

На небольших проигрышах я танцевала: медленно приседала, проводила свободной рукой по ноге или просто немного виляла бедрами при перешагивании на одном месте, облизывала пересохшие губы и продолжала петь. Все это делалось мной для того, чтобы оборотень забыл о том, что я пришла сюда с Николаем на ужин. Мелодия стихла, песня закончилась, а я осталась стоять на сцене с закрытыми глазами, боясь сделать шаг.

В следующую секунду я вздрогнула от бурных аплодисментов, под звучание которых мой личный оживший Геракл стащил меня со сцены, взвалил на плечо, как пещерный человек, и потащил на выход. В ответ на его действия я весело засмеялась и помахала всем рукой. Мужчина подошел к уже знакомому мне внедорожнику, открыл дверцу, опустил меня на пассажирское сиденье и пристегнул ремнём безопасности.

— Куда ты меня везёшь? — спросила я, когда

смогла отсмеяться и успокоиться.

— Мое имя Антон, — хмуро ответил мужчина, не отрывая взгляда от полотна дороги. — И мы едем домой.

— К кому?

— К нам! — произнес он также хмуро и сквозь зубы. Да, краткость — сестра таланта.

— Вези меня ко мне домой! — воскликнула я на его фразу.

— Помолчи, пожалуйста. И так довела уже настолько, что я еле себя контролирую.

Посмотрев внимательно на состояние мужчины, пришла к выводу, что злить «моего пёсика» не стоит. Да! Именно моего! Уж в этом я себе призналась во время песни, когда он буквально поедал меня своим взглядом, от которого у меня сладко ныло сердце и отзывалась душа.

Жил Антон, как и положено многим богатеям, наверное, в собственном огромном доме. По крайней мере, то, что я увидела на огромной территории, нельзя было назвать обычным коттеджем. Скорее, это был огромнейший особняк, как в журналах.

— Не удивляйся, здесь живут все члены стаи, которые еще не состоят в браке, — пояснил мужчина, заметив мой изучающий и задумчивый

взгляд.

— А как же ты… — растерялась я, не зная, как спросить. — Ты же хочешь… взять меня в жены?

— Не переживай, для нас есть моя шестикомнатная квартира в городе, — с улыбкой произнес оборотень и взял меня за руку.

— А зачем мы сюда приехали? — вопросы так лились из меня, пока мы шли до крыльца.

— Я хочу познакомить тебя со своим отцом. И, прерывая твой поток вопросов, поясню всё сразу. Да, он тоже оборотень. Нет, я не отвезу тебя домой. Да, мы здесь не останемся на ночь. Да, мы поедем потом ко мне. И нет, я тебя от себя больше не отпущу до самой свадьбы. Да, чуть не забыл… — остановился Антон и повернулся ко мне лицом.

Оборотень подошёл ко мне, обнял и впился в мои губы очень жадным поцелуем. Его руки гладили меня по спине, от чего я замычал от удовольствия, а Антон взял и отстранился на самом интересном. Он дышал так же тяжело, как и я, но из своих объятий меня не выпускал.

— Милая, у меня терпение не железное. Ты же не хочешь, чтобы у нас с тобой закрепление союза прошло прямо здесь? — сказал мужчина, поглаживая меня по лицу, от чего мои щеки начали

гореть. — И ещё… Ещё раз увижу что-то наподобие того, что ты вытворяла сегодня в ресторане, на попу неделю сесть не сможешь.

— Угрожаешь? — ехидно ухмыльнулась я, но при это чувствовала, как в душе разлилось тепло от понимания того, что я ему небезразлична.

— Предупреждаю, — щелкнул он меня по носу и, взяв за руку, повел в дом.

Его отцом оказался тот самый старик, который доверил мне на передержку этого двухметрового чуда. М-да… На попу я точно не смогу сесть неделю, так как я знатно «поблагодарила» мужчину за такого питомца. Судя по лицам отца с сыном, таких словесных оборотов они они от меня точно не ожидали. Когда я выдохлась, мой будущий свекр пригласил нас к столу, где мы смогли уже более-менее мирно поужинать, не считая того, что кое-кто под столом распускал свои ручки, за что и получал по ним же.

— А сколько тебе лет? — решила я поинтересоваться по дороге домой.

— Сто тридцать два, — спокойно ответил он, а я подавилась минералкой, что нашла в бардачке машины. Антон услужливо похлопал меня по спине.

— А сколько вы живёте?

— До пятисот лет.

— А как же я? Это значит, когда я умру… а ты еще себе найдёшь жену? — зашипела я.

— Тшш-ш-ш, успокойся, я тебе всё объясню, — проговорил Антон и ласково мне улыбнулся: — Во-первых, ты первая и последняя моя любимая жена… и такая непредсказуемая, как же мне повезло!

Я одновременно фыркнула и зарделась от его слов. Приятно, когда тебя любит такой мужчина, ведь за ним, как за каменной стеной.

— Во-вторых, после свадьбы будет проведен обряд, после которого жизнь нам отмерит срок один на двоих. Оборотни дважды не выбирают пару. Они любят только один раз.

— Это правда?.. Ну… то, что… ты меня… ну… любишь, — запинаясь и смущаясь, задала я вопрос и замерла в ожидании ответа.

— Глупая! Конечно, я тебя люблю. Стал бы я тогда жить с тобой в собачьем обличьи?

— У тебя не было выбора, ведь на тебя был одет ошейник. Твой отец мне всё рассказал, — проворчала я и убрала бутылку с водой.

— Любимая, ты действительно думаешь, что меня бы это остановило? Что мне мешало просто вернуться домой? Ничего! Можешь смеяться

надо мной, но я влюбился в тебя, как мальчишка, поэтому и таскался за тобой.

— Ты знаешь… мне кажется… нет, не кажется… я тоже тебя люблю, — тихо призналась я и зажмурилась. В мыслях сделать такое признание было намного проще.

Машина резко затормозила и съехала на обочину. Антон повернулся ко мне лицом и впился в мои губы.

***

— Это был мой самый счастливый день в том году. Потом тоже было еще много и много чудесных дней, — улыбнулась я сыновьям. — Ваш папа не давал мне унывать, с ним мне тепло, уютно, весело и интересно. Правда, ревновать он так и не перестал, — грустно вздохнула я в самом конце.

— И не перестану, Алиса. Ты моя луна, хранительница моего сердца и источник моей силы. Всегда буду тебя оберегать от всех бед…

— Мы тоже! — подскочил Георг и толкнул брата в бок. — Правда?

— Конечно! Всегда-всегда! — поддержал его Виктор. — А ещё постараемся сделать так, чтобы ты и папа нами гордились!

— Спасибо, мальчики, — произнесла я и поце-

ловала своих сыновей в макушки.

— Кх-кхм, — на пороге спальни появилась опять Наташа. — Стол накрыт. Алиса, вы спуститесь, или вам подать ужин сюда?

— Подавайте сюда на двоих, — ответил вместо меня Антон. — Мальчики, а вы вниз, потом к себе читать.

— Да, папа! — хором ответили сыновья, поцеловали меня с двух сторон в щеки и выбежали из комнаты.

— Я быстро ополоснусь и присоединюсь к тебе, — произнес муж и направился в ванную комнату, по пути избавляясь от одежды.

Приласкала его фигуру, мысленно повторяя вновь: «Какой мужчина… И весь мой!», а ещё вспомнила, как первый раз оказалась в его шикарной квартире в тот знаменательный вечер. Мы использовали в ту ночь все поверхности. Антон был очень счастлив, что он у меня оказался первый. Да-да! Несмотря на веселую студенческую жизнь и несколько отношений с парнями, подпустить к себе настолько близко я так никого и не смогла. Руки моего оборотня были ненасытными, а сам он источал нежность и любовь. Я была заласкана до потери сознания своим ненасытным мужчиной. В ту ночь мы все никак не

могли насладиться друг другом, в результате чего я обзавелась меткой раньше обряда. Она была оставлена любимым у меня на шее и красовалась еще долгое время. Всё-таки он у меня жуткий ревнивец до сих пор!

Через девять месяцев у нас появились наши первенцы: Виктор и Георгий. Роды были легкими, а счастливый папаша на радостях осыпал весь роддом цветами.

Я улыбнулась и подумала: как сообщить мужу, что моя простуда неслучайна, и он скоро вновь станет папочкой? Лекарства и отвары на время скрыли от него мое положение. А ведь с близнецами в первый месяц я точно также страдала «простудой», на деле оказавшейся обычной перестройкой организма из-за зародившихся в нем новых жизней.

Погладила свой ещё абсолютно плоский живот и услышала шумный вдох мужа в дверях ванной.

— Алиса? — прошептал любимый, проследив за моим жестом и сглотнул. — Ты?..

В ответ я улыбнулась ещё шире и кивнула, оказываясь в следующий миг в его объятиях и выслушивая бесконечные счастливые слова благодарности и признания в любви. Кажется, уже

ничего говорить не придется, кроме одного:

— И я люблю тебя, счастье ты мое пушистое!..

___

* в рассказе использовались слова песни «Войди в меня», автор И. Николаев.

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/Anna-Kataeva

Виктория Яровая. Натурщик

Эх! Хорошо-то как! Вот, оказывается, где они живут — спокойствие и умиротворение! И я наконец-то их нашла. Но как же далеко запрятались-то, заразы! В такую глушь пришлось за ними ехать. Сначала поездом, потом автобусом, а следом еще добрых пять километров топать пешком.

Но это того стоило! Кругом красотища неимоверная. А главное — тишина-а-а-а! А что ещё нужно уставшему от городского шума человеку? Я счастливо улыбнулась и, раскинув руки в стороны, закружилась на месте. Запрокинув голову вверх, я любовалась пышными облаками, которые неслись куда-то по своим небесным делам, подгоняемые ласковым летним ветерком. Лето, ты прекрасно!

Голова закружилась, и я плюхнулась в мягкую бархатистую травку, испустив протяжный стон удовольствия. Отпуск, я так тебя люблю! Два месяца тишины и покоя в крохотном домике, стоящем на самом отшибе полузаброшенной деревни. О, да!

Скажете, я слишком смелая? Да! Это чистая

правда. После первого года работы с тридцатью неуправляемыми первоклассниками я была очень смелой. Смелой настолько, что и на необитаемый остров бы умотала, но, как говорится, мои финансы слишком любят петь романсы. Поэтому — глухая деревня, крохотный домишко, который мне сдали за небольшую плату, и два месяца без цивилизации. Кайф!

И пусть здесь нет даже электричества, но зато со мной мой верный блокнот, в который я с недавнего времени начала писать роман. Может, свежий воздух и тишина помогут моему таланту раскрыться и зацвести, аки роза?

А писать я мечтала о любви. Она меня завораживала. Такая разная и у всех своя. У кого-то нежная и спокойная, у кого-то выстраданная и закаленная испытаниями, а у кого-то даже смешанная с болью и отчаянием. Но она всегда прекрасна, а ее мир полон эмоций. Погружаясь в очередную историю любви, я словно видела этот мир изнутри. И это было красиво.

Жаль, вот только сама я так и не познала этой самой любви. Ни кусочка, ни даже граммулечки. Ну как же так? И ведь столько было возможностей! И школа, где бери не хочу этих первых любовей, и колледж, и институт, но все мимо. Ни

одного субъекта, который бы заставил мое сердце сделать сальто в груди. Да хоть бы слабенькую аритмию вызвал. Но тоже нет. Даже намека не было.

И вот сижу я теперь, двадцатитрехлетняя деваха, в глухой деревне и пытаюсь написать о любви, которую даже издалека-то и не нюхала. Да уж, самоуверенности мне не занимать. Но где наша не пропадала? Придумаем героев, снарядим к ним Амура с колчаном стрел, и вуаля! Будет их любовь на зависть всем.

Я откинулась на ствол дерева, которое росло чуть в стороне от моего чудесного домика, и в задумчивости пожевала карандаш. Так, с чего бы начать? Может, с главных героев? Пусть будет нежная хрупкая блондинка с оленьими глазами и волосами цвета спелой пшеницы, что могут целиком укрыть ее прекрасное тело, словно шелковое покрывало. Ну вот, неплохо ведь?

А теперь главный герой. Мускулистый высокий мужчина в самом расцвете сил с широкими плечами и … Нет! Все не так! И я зачеркнула строки. Ну где же ты, идеальный мужчина? Приди в мой разум. И я с силой зажмурила глаза, пытаясь его представить. Да чтоб тебя! Вместо мечты любой женщины у меня получалось только размытое

серое пятно. Чертыхнувшись еще раз, я открыла глаза и обомлела.

По тропинке в мою сторону шел этот самый идеальный мужчина. Я даже глаза протерла, чтобы убедиться, что это не галлюцинация. Настоящий! Раздетый по пояс, он шагал прямо на меня, а я быстро схватила карандаш и застрочила: *«… под его бронзовой кожей перекатывались стальные мышцы, а капельки воды падали на широкую грудь с неровно обстриженных, черных, как смоль, волос, …»*. Пиши, Маришка, пиши быстрее, пока он не прошел мимо! Ох, ну надо же! Волшебство прямо какое-то!

А глаза? Какие у него глаза? Я даже подалась вперед, пытаясь их рассмотреть. Мужчина тем временем резко остановился, глубоко втянул воздух и слегка повел носом. А затем устремил свой удивленный взгляд на меня. Недоуменно осмотрелся по сторонам, снова глянул на меня, но потом, легонько пожав плечами, двинулся дальше.

Фух! Вот это взгляд! Жаль, не рассмотрела толком глаза. Серые или голубые? А может, зеленые? Я уставилась в спину мужчины и уже собиралась описать вид сзади, когда заметила, что он идет прямиком к моему домику. Не постучав, он по-хо-

зяйски открыл дверь и зашел внутрь.

Эй! Ничего себе! Вот это наглость! Я подскочила с земли и помчалась к домику, в котором стоял мой, ещё даже не распакованный чемодан. Он что, думает, если здесь деревня, то и понятие «частная собственность» отменяется?

Я уже почти достигла двери, когда она резко открылась и из дома вышел этот образец мужественности. И все бы ничего, но только в одной руке он держал мой чемодан.

— А ну, любезный, оставьте-ка мой чемодан в покое! — учительским голосом начала я его отчитывать. — И будьте добры объяснить, какого лешего Вы так бесцеремонно вторгаетесь в чужой дом?

Он удивленно поднял брови, посмотрел на меня, на чемодан, снова на меня, а затем с силой плюхнул его на землю. Еще раз смерил меня с головы до ног суровым взглядом и принюхался. Серьезно? Он что, только что меня понюхал? Фу! И я уж было открыла рот, чтобы высказать ему все, что я думаю на этот счет, как он произнес густым низким голосом:

— Это мой дом.

Развернулся и ушел. Что? Это с какого-такого перепугу это его дом? На ближайшие два месяца

это мой дом! У меня вот даже подтверждение имеется. Я полезла в карман и включила телефон, так предусмотрительно выключенный, чтобы батареи хватило подольше. Найдя нужную информацию, направилась к дому и с силой толкнула дверь. Но я не ожидала, что она так легко откроется, поэтому внутрь входила под аккомпанемент глухого удара двери о стену. Что-то треснуло.

— Давайте-ка с Вами все же выясним, чей это дом, — проговорила я, переступая порог.

— Хорошо, но для этого не нужно разносить его в щепки, — недовольно пробурчал он. — Это мой дом, я здесь живу, а Вы в него вторглись. Но я Вас прощаю, забирайте вещи и уходите.

Он меня, что? Прощает? Я не ослышалась? Я аж задохнулась от такой наглости. Да я с таким трудом сюда добралась, да еще и часть своих кровных отпускных отдала за этот домик. А теперь что? Уходить? Ага! Уже бегу! И я упрямо поджала губы. Не уйду. Будем разбираться, кто таков, и спроваживать его с моего оазиса спокойствия.

— Эта Вас я прошу убраться из моего, заметьте, законно арендованного и оплаченного дома. А если у Вас есть какие-то документы на него, я с удовольствием на них взгляну. А пока Вы их

ищите, — я сделала воздушные кавычки, — прошу ознакомиться с моими. Вот договор аренды с Мархановым Анатолием Владимировичем. Вот сканы документов, на основании которых этот дом принадлежит ему. А теперь давайте разбираться. Вы явно не Анатолий Владимирович: я его знаю, значит, дом не Ваш. Это раз. В доме никто не прописан, я в этом убедилась. Это два. При заключении договора ни о каких нежданных соседях и речи не было. Это три. Поэтому это я Вас прощаю за незаконное проникновение и делаю встречное предложение: Вы сейчас же забираете свои вещи и покидаете этот дом.

Я победно задрала нос. Ну и что он на это скажет? В ответ он лишь закатил глаза и фыркнул:

— А-а, ну теперь понятно, Анатолий Владимирович, говорите? Нашел все-таки. Слушайте, дамочка, я не знаю, сколько он Вам заплатил, но давайте я заплачу в два раза больше, и Вы отсюда тихонечко уедете. А? Как Вам такое?

Да что он несет? Глухой что ли? Я же сказала, что это я заплатила за этот дом. Может, он дурачок какой местный? И я пригляделась повнимательней. Да нет, вроде не похож.

— Слушайте, уважаемый, это уже не смешно. Я арендовала этот дом, на два месяца он мой,

уходите.

— А Вы, как я вижу, еще и актриса. Похоже, на этот раз он решил действовать более тонко.

И он снова язвительно ухмыльнулся. А я никак не могла взять в толк, что он несет. При чем тут актриса? Кого он имеет в виду? Нет, похоже, все-таки с головой у него не все в порядке. Стало немного страшновато. А этот наглый субъект осмотрел меня с ног до головы каким-то плотоядным взглядом и начал ходить вокруг меня, недвусмысленно рассматривая. Чего это он удумал?

— А ничего, правда, отец все никак не запомнит, что я люблю более, — он слегка замялся, подбирая слова, но быстро продолжил: — более изящных что ли.

Он меня что, только что толстой назвал!? Бессмертный что ли? Да я, чтобы скинуть к лету эти ненавистные пять килограммов, чуть не сдохла на беговой дорожке! Да я прошла сквозь кефир, воду и цветную капусту! И все для чего? Чтобы где-то в глухой тайге какой-то местный самородок меня толстой назвал?! Тебе конец! Не хочешь по-хорошему? Будет по-плохому!

И я выскочила на улицу, где валялся мой многострадальный чемодан. Бедняга ты мой! Кто же

знал, что придется тебя пять километров тащить по грунтовке? Расстегнув его, я рассчитывала быстро найти нужную мне вещицу. Но, как это всегда и бывает, ничего нужного в критический момент быстро найти не удалось.

— Да где же он? — бурчала я про себя, перетряхивая чемодан.

— Может, помочь? — сверху до меня донесся его ехидно-заботливый голос.

— Ага, можете отойти подальше: солнце загораживаете.

Разумеется, он и с места не двинулся. Стоял, склонив голову набок, и с интересом рассматривал содержимое моего чемодана.

— Вот ты где! — я радостно нащупала холодный цилиндр небольшого перцового баллончика.

Надо бы его куда поближе положить, а то вряд ли другие преступники будут так же терпеливо, как этот, ждать, пока я его найду. Я встала и направила на него баллончик.

— Все, уважаемый, игры кончились. Уходите подобру-поздорову!

Он удивленно вскинул брови, поднял руки и сделал пару шагов назад.

— Воу! Дамочка, поаккуратней с таким опасным оружием! Уеду я, уеду!

А! Испугался, поганец? И я торжествующе улыбнулась.

— Через месяц, — бросил он, разворачиваясь и направляясь обратно в дом. — И переверните баллончик, а то чего доброго еще пострадаете.

Я удивленно уставилась на баллончик. Блин! И вправду на себя его направила. Что он там сказал? Уедет? Через сколько? Месяц?!

— Эй, какой ещё месяц?

Ответом мне была хлопнувшая дверь. Я стояла над развороченным чемоданом и смотрела на закрывшуюся дверь. Похоже, он не собирается отсюда уезжать. И что теперь делать? Уехать? Оставить оплаченный своими кровными дом ему? Да репу ему лысую! Это мой дом! Это мой отпуск! И я никому не позволю его испортить.

Я зашвырнула все вещи обратно и смело вошла в дом. Под удивленным взглядом мужчины затащила чемодан и поставила его в центр комнаты. Осмотрелась вокруг. Внутри дом полностью соответствовал фотографиям и даже был чуточку лучше.

Стены из круглого бруса были аккуратно покрашены, начищенный деревянный пол чуть ли не сверкал. Аккуратный деревянный потолок, с которого свисало несколько масляных светиль-

ников, не давил, хотя и был не так высок. Вдоль стен стояли деревянные лавки, застеленные плетеными половичками. На стенах несколько полок с какими-то безделушками.

Все это создавало уют и атмосферу настоящей русской избы. Но, конечно, самым главным атрибутом здесь была печка. Большая, выбеленная, с огромной лежанкой. Вот это красавица! Я даже засмотрелась. Рядом с ней на лавочке стояли начищенные до блеска медные кастрюли, сковороды, а также глиняные и чугунные горшки.

Да, вот это антураж! На фотографиях все смотрелось куда как скромнее. Из мебели был только добротный деревянный стол с лавками и большая кровать. И вот она выбивалась из общего ансамбля. Такое ощущение, что ее совсем недавно сюда поставили. Ну что же, будем отвоевывать территорию.

— Итак, уважаемый, как Вы поняли, уезжать я не собираюсь. И Вы, как я поняла, тоже не собираетесь этого делать. Так?

Он стоял, скрестив руки на груди и молча с прищуром рассматривая меня. А глаза-то все-таки голубые. Красивые. Как сегодняшнее небо. Фу ты! У меня тут межевание избы намечается, а я его бесстыжими глазками любуюсь. Соберись,

Марюнь!

— Таким образом, у нас наметился конфликт интересов. Есть ли у Вас мысли, как его преодолеть? — решила я дать ему шанс.

— Конечно! — ответил он и указал подбородком на меня, а потом кивнул на дверь.

— Поняла, по-хорошему Вы не хотите. Тогда предлагаю временное решение, до выяснения обстоятельств. Разделим дом пополам и не будем друг другу мешать. Вот это будет моя половина, — я протащила чемодан к кровати и села на нее. — А Вы можете устроиться вон в том углу, — кивнула я на дальний угол, где стояли какие-то ведра и метла.

— Э-э, — он отчего-то слегка завис, а потом все же сказал: — Нет, так не пойдет. Это моя кровать, я ее сделал для себя. Давайте-ка это Вы лучше поспите, — он оглянулся, осматривая практически пустую комнату, — да вот хоть на печке. Вы все равно мелкая, хорошо там поместитесь.

Мало того, что я толстая, так теперь еще и мелкая? Ну знаете ли! Может, я и не модель, но уж точно не мелкая. Мои метр шестьдесят один можно вполне считать среднестатистическими. А вот он явно переросток.

— Спите Вы сами на своей печке, я остаюсь

здесь! Это моя половина! — и я плюхнулась на кровать.

А что? Мягонько.

— Хорошо, — зло проговорил он. — Пусть это будет Ваша половина, но кровать моя!

И я почувствовала, что кровать подо мной дрогнула и куда-то поехала.

— Эй, а ну стоять! Куда это ты мою кровать потащил?

Я соскочила с кровати и вцепилась в ее край, пытаясь остановить движение.

— Туда, где ей место! — он упрямо тащил кровать вместе с упирающейся мной в свой угол. — А ты иди на печку.

— Сам иди на печку! А лучше в печку!

И я еще сильнее вцепилась в бортик кровати. Но куда уж было мне против таких ручищ! Мы так и доехали до его угла. Кровать и упирающаяся я.

— Да уж, так за мою постель женщины ещё не боролись, — проговорил он, вытирая тыльной стороной руки лоб. — А что? Хочешь — оставайся? Разве не за этим сюда приехала?

И он похлопал ладонью по кровати и подмигнул.

— Да иди ты к черту! — зло бросила я, направляясь в свой угол.

Да уж! Вот они, принцы, во всей своей красе. Сам будет спать на кроватке, а я, значит, должна на печке бока наминать? Свинтус! Я даже не заметила, как мы с ним в пылу борьбы перешли на «ты». Да и фиг с ним! Чести много выкать ему еще.

Я недовольно осмотрелась и подошла к печке. Засунула руку внутрь и вытащила большой уголек. Походила, попримерялась и стала чертить на полу.

— Ты что творишь? Я тут недавно пол вообще-то помыл, — послышался его недовольный голос.

— Границы фиксирую, — пробормотала я, пятясь задом и вычерчивая жирную черную линию, сверяясь с ориентирами. — На мою территорию не заходить! Я возьму часть печки и вот эту зону, твоя будет там, а это общая, понятно? — говорила я, болтаясь вниз головой и отступая назад.

— Понятно, — донесся откуда-то сзади его слегка хриплый голос.

И я почувствовала, как по моей попе, обтянутой хлопковыми брючками, прошлась горячая рука.

— Эй, ты что творишь? — я быстро обернулась.

Но он стоял далеко. Показалось что ли? Но я все равно еще раз подозрительно на него посмотрела и сказала:

— И давай установим правила. Первое: друг к другу не лезть и руки не распускать. Второе: раз живем вместе, то и платим пополам. С тебя пять тысяч за месяц. Третье: еду каждый готовит себе сам и посуду моет за собой сразу. Четвертое: уборка по очереди. Пятое: чужие вещи не брать. Все понятно?

Он удивленно вскинул брови. А что ты хотел? Поживи с мое в общаге — не так научишься дисциплине.

— Хорошо, только у меня наличных нет, а тут связи нет, чтобы перевести, — проговорил он.

— Я могу купить у тебя кровать, — попробовала я заполучить эту красавицу.

— Не пойдет, она стоит дороже. Ручная работа.

Я скептически посмотрела на наспех сколоченную из брусьев кровать. Да уж, работа точно ручная, но вряд ли это добавляет ей стоимости. Даже наоборот.

— Да и вообще! Не должен я тебе ничего платить. Это дом моей прабабки, я имею полное право здесь находиться.

— Мне не хочется разрушать твои фантазии, но ты не прав. По документам вы с этим домом друг другу чужие, поэтому будь добр плати. И твою кровать я готова выкупить за две тысячи.

— Было же пять! — возмутился он.

— Инфляция, мой друг, инфляция. Активы обесцениваются. А ты думай быстрее — скоро и того меньше будет.

— Да найду я тебе деньги, через пару дней принесу. А кровать не трогай!

— Вот и ладненько, рада, что мы договорились, а теперь выйди: мне нужно переодеться.

Он недовольно фыркнул, закатил глаза и вышел наружу, что-то бурча себе под нос. Я расслышала только «ну отец, …, бу-бу-бу,…приперлась, бу-бу-бу…, кровать,…». Иди ты уже и не бухти. Радуйся, что вообще разрешила остаться.

Приведя себя в порядок и умывшись из допотопного умывальника, я аккуратно разложила часть своих вещей на скамье у стены. Надела коротенькие шортики с маечкой и, прихватив с собой блокнот, отправилась на улицу. Отпуск у меня или что? Нужно срочно начать принимать солнечные ванны, а то июль не вечный. А этого…этого… А как его зовут-то хоть? Да пофиг! В общем, этого правнука хозяйки дома буду игнорировать.

Нацепив на нос солнечные очки, я с гордым видом направилась в сторону реки. Спустилась с крыльца и по заднему двору продефилировала

мимо своего соседа, который с огромным рвением махал топором. Быстрые и сильные удары за моей спиной прекратились, и в тишине, нарушаемой лишь птичьими голосами, я услышала тихий рык. Или мне показалось? Я быстро обернулась и успела заметить горящий взгляд своего соседа, который он быстро отвел от моей пятой точки.

А говорил, тощих любит? Может, мой зад и отягощен парой лишних килограммов, но они очень грамотно распределены на широких бедрах, а тонкая талия и высокая грудь с твердой троечкой делают мою фигуру похожей на идеальные песочные часы. Но тебе придется подобрать слюни, соседушка, не по твою душу это все добро! Не нравятся мне такие наглые, как ты. И под возобновившиеся и еще более яростные удары топора я спустилась к реке.

Нужно быть с ним поаккуратней и, вообще, нужно связаться с арендодателем, уточнить, кто таков. Что-то я слегка безответственно себя повела, разрешив ему жить со мной. А вдруг маньяк какой? Стало до жути страшно. Обернулась и увидела, как он остервенело машет топором. Е-мое! Да я совсем рехнулась? Так, и как тут связь словить?

Я стала судорожно бегать с телефоном, выиски-

вая сигнал. Ни деления. Глушь так глушь. Села и стала бесцельно копаться в телефоне. Случайно открыла почту. Ух ты! Письмо от Марханова А.В. с пометкой «важно». Наверное, пришло в дороге, а я не увидела. Открыла и прочитала.

Марина Алексеевна!

Приношу извинения, но произошла накладка. В снятом Вами домике сейчас проживает мой сын Андрей. Он не захотел уезжать и побудет там пару недель. Не пугайтесь, он не причинит Вам вреда. А неудобства я Вам потом компенсирую.

Прикладываю фотографию, чтобы Вы могли его узнать.

С уважением, Марханов А.В.

Я открыла файл и посмотрела на молодого, аккуратно подстриженного мужчину в пиджаке. Он был моложе моего соседа и выглядел как-то не так. Прилизанный весь какой-то. А тот, что сейчас махал топором во дворе, был шире в плечах, с отросшими волосами и более хмурым лицом. Наверное, фотография старая. Вырос мальчик.

После прочтения письма немного отлегло. Не маньяк и ладно. Хотя? Откуда мне знать? Да тьфу! Хватит уже себя пугать. Поживет пару недель и свалит. И я со спокойной душой спустилась к реке и села под раскидистой ивой, ветви которой

почти касались воды. Сняла шлепки и с наслаждением опустила ноги в прохладную воду. О-о-о! Какое блаженство!

Откинулась на землю и пошевелила пальчиками, ощущая слабое течение реки. Чудесное место, чудесная речка. Нужно будет потом искупаться. А еще лучше истопить баньку и нырнуть после парилки в прохладную водичку. Я лежала на спине и сквозь густые ветви дерева рассматривала голубое небо. Зеленые листья мягко покачивались на слабом ветерке. Вверх, вниз, чуть в сторону. Прекрасно. И я задремала.

Очнулась от громкого всплеска. Поднялась на локтях, испуганно оглядываясь по сторонам. Это что такое было? И тут увидела, как из-под воды показалась голова моего соседа, а следом мощные руки начали рассекать поверхность воды. Я с интересом наблюдала, как он плывет. Рука сама потянулась к блокноту, и карандаш задвигался с большой скоростью, оставляя на бумаге мои ощущения, которые я передавала главной героине.

«С замиранием сердца Элиза ждала его приближения, понимая всю безуспешность своего побега. Он двигался так стремительно, словно презирал законы природы. И с каждой секундой она все отчетливее различала всю мощь его тела....»

Ох, как же хорошо выходит. И я снова посмотрела на него. Может, и с него какая польза выйдет? А он тем временем уже достиг подмостков и неспешно поднимался из воды, постепенно открывая моему взгляду свое… голое тело. Абсолютно голое тело! Мама дорогая! Я тихонько пискнула и зажмурила глаза. Неужели так сложно плавки надеть? И не страшно ему плавать нагишом? Мало ли кто под водой водится? Фу! О чем я только думаю. И я приоткрыла один глаз.

На подмостках было пусто. Ушел. Я выдохнула и открыла глаза. И тут же подскочила на месте от испуга, когда прямо надо мной раздался его громкий голос:

— Тебе не говорили, что подсматривать нехорошо?

Твою дивизию! Зачем же так пугать? И как он так быстро здесь оказался? В попытках успокоить бешено колотящееся сердце я даже не сразу поняла, что он сказал, а когда до меня дошло, аж обалдела. Что? Это я-то подсматриваю? Вот наглости у человека — вагон и маленькая тележка! Да это то же самое, что говорить жертвам эксгибициониста, будто это они за ним подсматривают.

— Слушай, не хочу тебя разочаровывать, но, вообще-то, пострадавшая сторона тут я. Я, ви-

дишь ли, не планировала травмировать свою нежную психику, глядя на обнаженного тебя, — я возмущенно взглянула на него. Ну спасибо, хоть шорты надел. — Что, так сложно плавки натянуть? Давай-ка мы с тобой введем шестой правило: никакого неглиже. Договорились?

Он лишь нагло улыбнулся и сказал:

— Не договорились. Я люблю чувство свободы. Понимаешь, о чем я? — и он похабно поиграл бровями. — Но зато я не буду против, если и ты не будешь соблюдать это дурацкое правило.

И он осмотрел меня таким плотоядным взглядом, что я чуть не задымилась от смущения. Вот это магнетизм! Прямо звериный взгляд! Отпад! Да, теперь никаких сомнений. Такой шанс точно не стоит упускать. Я с этого мужчинки такого главного героя напишу, все закачаются! За этими мыслями я не заметила, как начала пристально разглядывать его снизу-вверх.

Широкие плечи, мощные руки с четким рельефом, ох, а кубики-то, кубики! Я, похоже, даже облизнулась. Ох, хорош натурщик! И я довольно улыбнулась, получив на это в ответ недоуменный взгляд.

— А знаешь что, Андрюша? — (Он слегка дернулся от своего имени.) — Ходи-ка ты и вправду

голый. Кто я такая, чтобы ограничивать твое,... э-э, твое чувство свободы?

Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом, в котором что-то промелькнуло. Разочарование? С чего бы это?

— Быстро же ты прекратила изображать из себя случайную туристку. Значит, и с отцом моим хорошо знакома.

— Конечно, — фыркнула я. — Как бы я сюда ещё попала?

— Ясно, — буркнул он и ушел.

А я так и осталась сидеть на земле. Что это с ним? Наверное, какие-то трения с отцом. Ой, мне-то какая разница. У меня тут работы непочатый край. Я встала и, подхватив блокнот, пошла за ним следом. Нужно бы перекусить и вещи закончить разбирать.

Зайдя в избу, увидела соседа, валявшегося на кровати. Опять без верхней одежды, только в шортах. У него что, больше ничего нет? Почему полуголым все время ходит? Закинув руки за голову, он лежал с прикрытыми глазами, а я даже немного залюбовалась. Ну хорош, зараза! Только явно, что тот ещё гаденыш. От таких лучше держаться подальше. Пожуют и выплюнут. И я заставила себя отвести взгляд и проследовала к

своему чемодану.

Нужно срочно выпить чаю с конфеткой, после таких-то стрессов. Восполнить уровень эндорфина, а то потрепали его сегодня знатно.

— Слушай, — обратилась я к нему, — а где тут газовая плитка? Мне сказали, что она есть и запаса баллонов с газом должно мне хватить.

— Не знаю, — буркнул он, не открывая глаза.

— А как ты тут готовишь? Печку топишь что ли? — удивилась я.

Больно муторное это дело — топить печь каждый раз, как захочешь чайку попить.

— Никак, — донесся до меня его недовольный голос.

— А что ты кушаешь? — искренне удивилась я.

— Ничего.

— Это как? На диете что ли? — сделала я предположение.

— Можно и так сказать. Слушай, отстань от меня.

Ну хорошо, зачем же так нервничать? Странный какой-то. Никогда не видела мужиков на диете. Мне это представляется делом весьма страшным. А жить с голодным мужиком под боком и вообще что-то из разряда взрывоопасного.

Да уж, повезло с соседом, ничего не скажешь. А

может, это и к лучшему? На мою прелесть никто покушаться не будет. И я достала из чемодана свои стратегические запасы. Ровно шестьдесят конфеток «Коровка». По одной штуке на каждый день. Мягкие, сливочные, чуть засахаренные сверху, а внутри сладкая тянущаяся сливочная начинка. М-м-м. Я мечтательно вздохнула.

У каждого свои причуды. Вон эта громила вообще на диете, а я просто очень люблю сладкое. И одна такая конфетка, съеденная не спеша за чашечкой обжигающего чая, может сделать весь мой день куда более терпимым. Но как же грустно, что у всего есть обратная сторона.

Вот и конфетки эти весьма интенсивно наращивают мою заднюю сторону, если не контролировать этот процесс. Отказаться от них я так и не смогла, поэтому выбрала путь ограничений. Бывали такие дни, когда я вставала с утра только лишь потому, что меня ждала эта вкусняшка. И сейчас я очень переживала за сохранность источника своего хорошего настроения.

Поэтому даже от души отлегло при известии о его диете. Лишь бы только не сорвался. И я подозрительно покосилась на соседа. Этот, наверное, может. Пожалуй, лучше припрячу их под кодовый замочек в чемодан. Не выглядит этот

мужчина сидящим на диете, значит, срывается. Ну и пусть. Но только не на моих конфетках! Полюбовавшись еще раз на заветный мешочек, я достала одну, а остальные убрала в чемодан. Так, теперь бы найти горелку.

Она нашлась довольно быстро под одной из лавок, и вскоре я наливала горячий чай себе в чашку. С тихим стоном удовольствия я надкусила конфетку, и по языку тут же растеклась сливочная начинка, смешалась с обжигающим чаем и нежно обволокла каждый вкусовой сосочек моего языка. Кайф! Следующий кусочек был ещё вкуснее и слаще, и я довольно хмыкнула. И тут до меня донесся раздраженный голос соседа:

— Да е-мое! Ты же всего-навсего чай пьешь, а по звукам, словно под мужиком стонешь!

Что-о-о? Я даже чаем подавилась от таких слов. Ну вы посмотрите, какая сволочина! Обязательно было портить пять минут моего искреннего удовольствия?

— А ты завидуй молча, — бросила я ему.

У него на глазах нарочито медленно откусила конфету и зажмурилась от удовольствия. Ладно, на диете человек, прощу на первый раз. Он лишь поджал губы и, встав с кровати, вышел на улицу. Да пусть катится, я хоть вещи нормально

разберу.

С этим делом я, как ни странно, провозилась довольно долго. Чемодан у меня был очень вместительный, и когда я собиралась, то использовала его объем в полной мере. А вот куда это все выложить оставалось открытым вопросом, так как в избе не наблюдалось никаких шкафов. В наличии имелось лишь место под лавками, что-то наподобие сундука и пара узких полок. Из любопытства я просмотрела все места хранения и обнаружила вещи соседа. У него была только косметичка с предметами личной гигиены, пара футболок, свитер, джинсы и кроссовки.

Да-а, не густо. Может, и вправду он здесь ненадолго? Эти мысли порадовали, и я начала заполнять одну из полок своими принадлежностями. На свет из чемодана были извлечены крема, лосьоны, гели и прочее. Я даже духи взяла с собой. И зачем, спрашивается? Мне ими тут что, комаров отпугивать?

Нет, для комаров у меня припасено более термоядерное средство, ну, конечно, это если верить словам моей соседки по квартире. Она помешана на Индии, и у нас половина квартиры завалена всяким индийским хламом. Она мне буквально насильно всучила огромный пакет с аромапира-

мидками, которые должны спасти от полчища ненасытных комаров. Вот вечером и проверю.

А пока достала духи и вскрыла упаковку. Мне эти духи мама подарила в честь окончания моего первого учебного года в качестве учителя. Она знала, что я давно о них мечтаю, но скромные доходы учителя не позволяют обзаводиться такой роскошью. Как я радовалась этому подарку! Поэтому, наверное, и прихватила их с собой: очень уж жаль было оставлять в городе.

Я щедро попрыскала воздух вокруг себя и разогнала его рукой. Ох, что за запах! Чудо! И я расщедрилась и прыснула ещё разок. Прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Роза и ваниль. Я никогда не думала, что эти два аромата будут так прекрасно сочетаться. Я будто перенеслась в уютный дворик крошечного итальянского городишка и стояла посреди благоухающего розария, а легкий ветерок доносил до меня аромат ванили из милой кондитерской за углом. Обалденно!

— Фу! Что это еще за вонь!? — раздался громкий голос прямо у меня над ухом.

Я даже подпрыгнула от неожиданности и чуть не шлепнулась с лавки. Да сколько можно уже меня пугать? Открыла глаза и уставилась в скривившееся лицо соседа. Его ноздри раздувались, и

он усиленно водил носом, словно пограничный пес, выискивающий контрабанду. Да что у него с нюхом-то в самом деле?

Додумать я не успела, так как он резким движением выхватил духи у меня из руки и, отодвинув их от себя как можно дальше, начал отчитывать меня, словно подростка, у которого в кармане нашли сигареты.

— Чтобы больше эту дрянь в доме не распыляла! Тебе ясно?

Да меня так уже лет десять никто не отчитывал, а тут нарисовался какой-то мачо и указывает, что я могу или не могу делать. Ну нет, дорогой, так не пойдет.

— Да фиг тебе!

И я подскочила, чтобы выхватить духи, но его реакция было просто молниеносной. Рука с духами взметнулась вверх. Теперь мне их без стремянки оттуда не достать. Чертов дылда! Какой у него рост? Два метра, наверное.

— Отдай, сказала!

— Будешь ещё их распылять?

— Это мои духи и мой дом! Буду делать то, что захочу!

Указывать он мне еще будет!

— Хорошо, тогда ты не оставила мне выбора.

И он быстро направился к выходу, неся в руке мой заветный пузырек. Что это он задумал?

— Эй, ты куда потащил мое имущество? Это воровство в чистом виде! А ну, стоять!

Ага, остановился он. Пришлось самой бежать за ним. Нужно ведь как-то спасать свои духи. Он тем временем уже приближался к реке. Вот снова! Да как он так быстро перемещается? И я побежала в его сторону. Но опоздала. Резкий взмах руки — и мои духи теперь могут достаться какой-нибудь рыбешке. Ах ты, гаденыш!

— Да ты обалдел?

Моему возмущению не было предела.

— Я тебя предупредил, ты сама отказалась, — заявила мне эта наглая морда.

— Да ты, да ты…,

Я даже не могла подобрать слов от такой наглости.

— Больше никакой вонючей дряни в доме, где я сплю.

— Так спи в сарае или на улице! При чем тут я? — заорала я. — А тем более мои духи. Мне их мама подарила, — закончила я расстроенным голосом.

Мне и вправду было жаль эти духи. Это ведь подарок. И не от кого-нибудь, а от мамы. Ведь так

приятно получать в подарок от близких людей то, о чем мечтала. В эти моменты так остро ощущаешь их любовь и понимаешь, что на свете есть человек, который помнит, что ты хотела именно эти духи. А он взял и выкинул. Просто гад.

Я развернулась и, расстроенная, пошла обратно. Поскорее бы он уже уехал. Я наблюдаю его физиономию всего несколько часов, а он мне уже надоел. Даром мне не сдался такой натурщик. Духи ему мои не понравились. Посмотрим, что ты скажешь на сверхвонючие индийские аромапирамидки. И я злобно улыбнулась. Готовь свой нос к благовонной атаке, чувствительный ты мой. Духи я тебе не прощу.

Вернувшись в дом, я первым делом расставила везде самые вонючие пирамидки и запалила их. По избе тут же стал стелиться удушливый дым с ароматом индийских благовоний. Все слилось в один невообразимый тошнотворный запах. Даже мне стало немного плохо, но я держалась стойко и не собиралась отступать. Пусть тут все провоняет! Может, пораньше уедет, если у него такой нос чувствительный.

Сосед успел только сунуть нос в избу, тут же чихнул, грязно выругался и захлопнул дверь. То-то же! Тоже мне, нюхач нашелся. И я доволь-

но улыбнулась. Хотя у самой уже голова слегка кружилась. Может, и вправду переборщила? Пойду-ка я лучше на улицу. В такой аромазавесе не то что комары, тут самой бы ноги не откинуть. Схватила блокнот и, слегка покашливая, вывалилась наружу. Тут же до меня донесся ехидный смешок.

Я повернулась к сидящему на завалинке соседу и молча села на крыльцо. Что-то отпуск перестает быть томным. И это при том, что он ещё не начался.

— Слушай, Андрюша, а когда ты, говоришь, уезжаешь? — устало спросила я.

— Когда захочу, тогда и уеду. Не хватало мне еще отчитываться перед всякими, — зло пробурчал он. — И сегодня меня не жди, ночевать в доме в такой вонище я не буду.

— Ой беда-беда, даже не знаю, как теперь спать-то без тебя буду. Наверное, не усну. Буду у окошка сидеть да тебя поджидать, — съехидничала я.

Он пропустил мимо ушей мои слова и продолжил:

— И вообще, я часто не буду здесь ночевать, у меня кое-какие дела в…

— Ой, оставь при себе подробности своей интимной жизни. Меня они вообще не волну-

ют, — перебила я его. — Но учти, в дом никого таскать нельзя! Это седьмое правило, ясно?

— Ага, сама-то в них еще не запуталась?

— Нет, с чего бы мне это делать?

— До чего же ты …, - он сделал паузу, смерил меня взглядом своих потрясающе голубых глаз и закончил: — ершистая. Я тебя предупреждаю: если утром я обнаружу хоть одну из тех дряней, вышвырну вместе со всеми твоими вещичками в реку. Поняла?

Да уж, замашки у него явно барские. И только я собиралась высказаться, как он встал и ушел в сторону леса. Босой и в одних шортах. Хорошо, что не голый. Это до чего же нужно любить свободу, чтобы шататься по лесу босым? Он быстро удалялся, а я рассматривала его широкую спину и узкие бедра. Ну до чего привлекательный! Собака! И рука сама потянулась к карандашу. Ну что ты с ней будешь делать?

Я так увлеклась, что писала практически до темноты. Такого погружения и состояния потока мысли я еще никогда не испытывала. А когда вынырнула из него, то поняла, что все эти часы была беспросветно счастлива, погружаясь в историю героев и проживая их чувства вместе с ними. Вот что является одним из самых больших счастий в

жизни человека — удовольствие от дела.

Поднялась и, хрустнув косточками, зашла в избу, чтобы тут же с ругательствами на устах начать открывать все окна и дверь. Да пусть меня лучше заживо обглодают полчища комаров, чем нюхать эту невыносимую вонь всю ночь. Ну, Танька! Напихала дряни.

Пока проветривала дом, слегка продрогла. И сейчас, стоя в пижаме со своими любимыми котиками, рассматривала кровать соседа. А может, на ней поспать? Его все равно не будет ночью. На печке ведь никогда не спала. А если упаду? Но вбитое годами правило совместного проживания в общежитии «даже не садиться на чужие кровати без приглашения» не позволило мне с комфортом устроиться на большом ложе. Поэтому, пыхтя, стала забираться на печь.

А что? Матрасик мягкий, белье свежее постелила. Даже подушка не подкачала. А уж пуховое одеялко было и вовсе выше всяких похвал. Да на кой мне сдалась его кровать, когда у меня такая чудесная печка? Я задернула занавеску и с наслаждением погрузилась в состояние дремоты, которое после долгого дня обещало быстро перейти в крепкий сон.

Но только я почувствовала, что сон уже готов

принять меня в свои пушистые лапки, как снаружи дома послышался какой-то шум. Я открыла глаза и прислушалась. В полнейшей ночной тишине я отчетливо услышала, как вокруг дома кто-то ходит. Сердце замерло от страха, вот в этот момент я была бы совершенно не против того, чтобы мой сосед мирно спал в своей кроватке. Даже если бы с ним была его местная дама сердца. Да хоть две. Как же жутко здесь одной! И почему мне казалось, что это хорошая идея упрятать себя в глухую деревню? Идиотка.

Я ещё некоторое время лежала и тряслась от страха под одеялом, но, сколько бы я ни прислушивалась, шум пропал, и снова стояла оглушающая тишина. Только я облегченно выдохнула, как прозвучал протяжный волчий вой. Мамочка! Я даже закусила одеяла от страха. Как же громко и как близко! Тут что, еще и волки водятся? Вот приперлась сюда на свою голову! Я лежала без сна еще добрых пару часов, пока сон все же не взял свое и я попросту не отключилась.

Разбудил меня громкий и настойчивый стук в дверь. От неожиданности я подскочила и ещё пару мгновений пыталась понять, где я и что, вообще, происходит. Так, я на печке, в доме светло, значит, уже утро. А в дверь уже не просто стуча-

ли, а барабанили, но массивный засов держал на совесть. Это, наверное, сосед вернулся с ночных приключений. Кому бы еще понадобилось так долбить в дверь? И точно. В окне показалась его голова, и теперь он уже колотил по стеклу.

— Да иду я, иду, — пробубнила я.

Сползла с печки и поплелась открывать этому «Казанове» дверь.

— Что так долго? — возмущенно проговорил он и протиснулся мимо меня. — Время к обеду, а ты еще дрыхнешь. Милая пижама, кстати.

— Спасибо, — по привычке буркнула я в ответ и тут же недовольно пробурчала: — Я что, перед тобой за свой сон должна отчитываться?

И зевнула во весь рот, прикрывшись ладошкой.

— Посмотрите на нее, еще и не выспалась. На, держи.

И он протянул мне пачку разношерстных денег. Мятые, потрепанные и кое-где даже рваные. И это что, кровь? Я подозрительно на них посмотрела.

— Э-э, вот боюсь даже спросить, где ты их взял? — проговорила я, глядя на них с сомнением.

Очень уж похоже, что нажиты они нечестным путем. Разбоем, например.

— Лося продал.

— Что? Какого ещё лося? — я удивленно уставилась на него.

— Обыкновенного. Того, что в лесу бегает, — ответил он как ни в чем не бывало. — Поймал и продал мясо местным.

— Фу! Ты что ради денег лося убил? Вот ты изверг!

Я уставилась на него, скривив лицо. И как умудрился только? Или может, он шутит?

— Ну не только ради них, но и это тоже. Бери! Ты же тут вопила, что за все поровну платим, — противно передразнил он меня. — Или откажешься? Но учти, я все равно не съеду.

— П-ф-ф-ф! — фыркнула я. — С чего это я должна тебе такие подарки делать? Подожди, — я нашла пустой пакетик и протянула ему. — Клади сюда.

Он ухмыльнулся и положил деньги в пакет.

— Что, деньги не пахнут? — ядовито заметил он. — Тебе, наверное, за работу и так неплохо заплатили.

Да с какой луны он свалился? Это где же он нашел такую работу учителя, за которую неплохо платят? Человек явно оторван от жизни, а ещё меня упрекает. Да. Я беру с него деньги. И совершенного этого не стесняюсь! С чего бы это? Я их

заработала своими нервами и драгоценными часами жизни. И имею право требовать компенсацию за то, что делю свою лесную избушку с таким нахалом, как он. Да мне, вообще, еще и за вредность нужно молочка по литру в день выдавать, с таким-то соседом.

Отвечать ничего не стала, развернулась и пошла ставить чайник. Пока он закипал, в небольшой пристройке за домом привела себя в порядок. Вот все хорошо в деревне, только это обливание из ковшика слегка раздражает. Но зато бодрости добавляет будь здоров.

Поэтому, весьма посвежевшая, я вернулась в дом, где застала соседа, заваривающего чай. Мой чай. Недовольно поджала губы, но решала не делать замечаний. И хотя для него мне было жалко даже кипятка, скандалить я не стала. Может, язык хоть себе обожжет?

В полном молчании мы сидели за столом и завтракали. Я поела заваренной каши из пакетика и с предвкушением посматривала на конфетку. Сейчас, милая, и до тебя очередь дойдет. Ты мне сегодня очень нужна для поднятия настроения. Сосед же сидел напротив, подперев рукой щеку, и с каким-то отсутствующим видом попивал голый чай.

А я вспомнила ночной волчий вой, и опять стало неуютно. От мысли, что где-то там бродят стаи огромных волков, хотелось передернуться всем телом. И тут совершенно непрошено включилась моя фантазия. А если это не волки, а оборотни? А если…. И понеслось! Я даже зависла на пару минут и додумалась до того, что было бы очень интересно, если бы главный герой в моей книге был оборотнем.

Да, это отличная идея! И я оценивающим взглядом посмотрела на соседа. А мог бы он быть оборотнем? Наверное, нет. Слишком уж он большой. Представить себе такого огромного волка я не могла. А как было бы здорово. Вздохнула и пробурчала себе под нос:

— Эх, жаль, ты не оборотень.

И тут же удивленно посмотрела на него. Он судорожно закашлялся, даже лицо покраснело. Аккуратней нужно быть, так и захлебнуться можно.

— Это ещё почему? — спросил он, все ещё покашливая.

— Ой, да не бери в голову. Неважно.

Он еще немного помолчал, приводя в порядок дыхание, а потом спросил:

— А если бы и был, неужели не побоялась?

— А ты бы меня покусал?

— Нет, зачем? — он, похоже, был искренне удивлен.

— Тогда почему я должна тебя бояться? — я тоже была удивлена.

Он склонил голову набок и как-то по-новому на меня взглянул. А я уже потеряла интерес к этой теме, так как вспомнила про свои духи.

— Как планируешь за мои духи расплачиваться? — спросила я у него.

— Никак, — ответила эта наглая морда. — И спасибо, что напомнила.

Он встал и, чуть шевеля крыльями носа, стал обходить избу по кругу, собирая остатки вонючих пирамидок. Затем подошел к моему чемодану, шумно втянул воздух и сказал:

— Доставай остальные.

— Уже бегу, — ответила я, надкусывая конфетку.

— Ну хорошо, мне-то какая разница, — равнодушно ответил он и взялся за ручку моего чемодана.

Такой скорости я даже сама от себя не ожидала. Вскочила и уже через пару мгновений вцепилась в чемодан. Там же мои конфетки!

— А ну руки прочь! — завопила я.

Он одним резким движением вырвал чемодан из моей руки, ловко обогнул меня и направился к двери. Да что же это творится? Совсем уже оборзел!

Но думать нужно было быстрее. Смириться и отдать эти пирамидки, тем самым спасая свои конфетки? Или в молчаливой гордыне попытаться отобрать чемодан? Уже пробовала, расклад не в мою пользу. Поэтому выбор очевиден. Спасаем коровки.

— Стой! Я достану эти вонючки, остановись! — крикнула я.

Он остановился и подтолкнул чемодан в мою сторону. Ох, как я не люблю подчиняться. Но скрепя сердцем достала эти злополучные благовония и сунула их ему в руки. Он слегка наклонился и ещё раз понюхал мой чемодан. Фу! Ну прямо как псина!

— Хорошо, — спокойно сказал он и вышел.

А я осталась стоять, зло сжимая кулаки. Ну и черт с ними, с этими отвратительными аромапирамидками! Меня бесило то, что он так спокойно добивается своего, действуя грубой силой. И духи я ему не прощу! Раз сам не хочет компенсировать мне их потерю, я стрясу моральное удовлетворение лично, да еще и с процентами. Только как

именно, я пока не знала.

Села за стол и с тоской посмотрела на недоеденную конфетку. Да, похоже, сегодня одной штучки мне не хватит. Но вторую брать не буду. Есть у меня воля, в конце-то концов? И я откусила крохотный кусочек и запила чаем. Посмотрела на стол и заметила, что одинокий муравьишка навьючил на себя крошку от моей конфетки и куда-то быстро ее потащил. Через пару мгновений появились ещё два и стали судорожно носиться по столу в поиске еды.

Эх, всем хочется сладенького. Я раскрошила остаток своей конфетки на стол. Мне он уже не поможет, а для них это счастье. И еще добрых пару минут наблюдала, как появлялись все новые и новые муравьи и усиленно растаскивали остатки конфетки. За окном промелькнула фигура соседа, он зашел в сарай. Гад! Вот чтобы тебя стадо таких муравьев покусало.

Покусало? А что? Я взглянула на муравьев, которых становилось все больше и больше, потом на закрытую дверь сарая, и на моем лице расплылась широкая зловещая улыбка. Ну держись, гаденыш! Простите, муравьишки, но вы оказались не в то время и не в том месте.

На все про все у меня ушли: пара часов, трех-

литровая банка и, самое ценное, одна конфетка. Сплошные убытки из-за этого незваного соседа, но я была уверена, что эти инвестиции себя окупят. Теперь осталось только подождать, когда он останется ночевать дома. А пока вы, муравьишки, мои пленники.

Настроение поднялось, и появилось желание вернуться к своей книге. У меня родилась целая куча новых идей. Нужно срочно главного героя превращать в какую-нибудь зверюшку. Какие там бывают оборотни? Волки, медведи, коты, кто еще? Интересно, а почему нет оборотней-мышей или енотов? Ладно, не буду оригинальничать, пусть будет огромный черный волк. А то, если сделаю его каким-нибудь сусликом, дамы мне не простят.

Облачившись в легкий сарафан, я с удовольствием вышла наружу, где уже вовсю властвовал горячий полдень. Да, погодка нынче балует, только бы после такой жары не зарядили дожди, а то сидеть в замкнутом пространстве с этим наглым дылдой мне совсем не хотелось.

Улыбнувшись и зажмурившись на солнышке, я присела на широкую завалинку и достала свой блокнот. Мой сосед хоть и знатная сволочь, но природа по каким-то причинам наделила его

весьма притягательной внешностью. А мне сейчас очень пригодится его образ перед глазами. Я постаралась отрешиться от своего отношения к этому мужчине и посмотрела на него глазами своей героини.

«Его умелые и сильные пальцы распутывали узел верёвки, что связывала ее оголенные ноги. Теплые, слегка грубоватые руки касались нежной кожи лодыжек. И от этих прикосновений словно маленькие молнии пронзали ее тело в низу живота. Сладкая пытка…»

Я чувствовала, что текст ложится идеально, и поэтому быстро писала, периодически посматривая, как ловкие пальцы моего соседа перебирают какие-то железяки. Он явно что-то чинил. Его голый торс притягивал взгляд, а бронзовая кожа на вид была такая гладкая. Я осмотрела его еще раз профессиональным взглядом и продолжила усиленно писать.

Через мгновение снова подняла взгляд и встретилась с его горящим взором. Он смотрел на меня, не отрываясь, и мне показалось, что в его глазах появился желтый огонек. Так притягательно и красиво! Его ноздри слегка шевелились, и он шумно втягивал воздух.

Так, наверное, делал бы и мой герой, обнюхивая

героиню. Точно! И я застрочила с новой силой, не замечая недоуменного взгляда мужчины.

Так прошел почти весь день. Мой натурщик шел купаться — я за ним. Накидывала сцены, где мои герои нежатся в водичке. Он шел к дому — я туда же. Я была так погружена, что не замечала, как он все чаще и все дольше смотрит на меня своим притягательным взглядом.

Время уже клонилось к вечеру, когда он снова решил поколоть дрова. Наверное, это у него вместо спорта. Развлечение такое: помахать топором. И опять мне было, что написать по этому поводу. Я зарисовывала сцену, в которой главный герой размашисто орудует мечом и рубит своих неприятелей направо и налево. Сцена получилась просто огонь!

Но тут из фантазий меня нагло вырвал громкий голос соседа:

— Ну все! Достала!

Я даже встать с чурбака не успела, как он мгновенно подскочил ко мне, поднял с него и практически впечатал в стенку сарая, придавив меня своим сильным телом. Я могла лишь хлопать глазами от удивления. Что это на него нашло? Неужели я его так раздражаю тем, что хожу следом? Спросить я не успела.

Сильная рука обхватила мой затылок, лишая возможности двигаться. И тут же его лицо оказалось так близко, что я явно разглядела: с его глазами что-то не так. Они горели каким-то звериным огнем. Но в следующий миг я закрыла глаза, потому что на мои губы обрушился целый ураган. Просто сногсшибательный ураган, которому хотелось подчиняться и, закрыв глаза, кувыркаться в его потоках. Меня словно швыряло и подбрасывало от накатывающих чувств и ощущений.

Горячие губы, настойчивый язык и слегка колючий от щетины подбородок слились в один большой источник удовольствия. И с тихим стоном я ответила. Сначала робко, несмело, но вскоре с удивлением поняла, что моей робости как не бывало. И это уже я сама прижимаюсь к нему всем телом и чувствую его напряжение сквозь легкие шорты. Так захотелось прижаться еще сильнее. Не стала сопротивляться. В ответ была ещё сильнее вдавлена в стену сарая, а его напряженное тело слегка потерлось о мое.

«Что я творю? Это же совершенно не знакомый мне мужчина! Нужно остановиться!» — где-то на задворках сознания кричал мне мой разум. Но его голос удалялся от меня все дальше и дальше.

Меня полностью захватили эти новые ощущения, и я не хотела их прекращать. Вскинув руки, обняла мужчину за плечи и прошлась ладонями по широким плечам. Как приятно! Какая сила! Какая мощь!

В ответ его руки тоже пришли в движение и тут же потянулись к бедрам, подхватили меня под ягодицы и, слегка сжав пальцы, с еще большей силой прижали меня к своему разгоряченному телу. А его губы покинули мой рот и, с жадностью пробуя на вкус мою кожу, стали быстро спускаться ниже. Ушко, нежный участок шеи за ним, ниже, еще ниже. Я с замиранием сердца ждала дальнейшей ласки.

Но он вдруг остановился. Тяжело дыша, он уткнулся носом мне в шею и с видимым усилием разжал руки, потихоньку отодвигаясь. Все его движения были словно через силу, и я опять услышала совсем тихий рык. Вскоре он уже отстранился настолько, что мы смогли взглянуть друг другу в глаза. И это все испортило. Вся нереальность прошедших минут моментально испарилась.

Твою дивизию! Я, похоже, совсем с ума сошла! От того, что я тут вытворяла, меня накрыла волна стыда. Я покраснела от смущения, и мне даже не

нужно было зеркало, чтобы это понять. Вот же дура! А он, похоже, совершенно не переживая по этому поводу, спросил ехидным голосом:

— Ну что, понравилось? Ты этого хотела?

Чтобы скрыть свое смущение и полную потерю ориентации в пространстве, я проговорила задумчивым голосом:

— Знаешь, все было неплохо, но вот чего-то не хватило. Может, нужно добавить немного экспрессии? Попробуем ещё разок?

— Иди к черту! Не знаю, чем ты занимаешься, но прекращай. Ты невыносимо пахнешь!

Что? Как это пахну? Да я же недавно весьма активно поливала себя из ковшичка! И я незаметно принюхалась к себе. Да нет, вроде, все в порядке.

А он тем временем быстро развернулся и направился в сторону реки. Опять босой. Точно ведь наступит на что-нибудь. Да и пусть! С чего это я переживаю? У меня тут проблемы посерьезней. Нужно бы разобраться с собой. Какого черта я творю? Я же чуть не отдалась первому встречному у стены сарая. Позорище!

Это точно виновата моя книга! Я слишком вжилась в роль героини. Пожалуй, отложу ее на пару дней или займусь пока описанием природы и платьев. Это куда как безопасней. А от этого хо-

дячего тестостерона лучше держаться подальше. И, сделав запись, что этот мужчина слишком на меня влияет и стоит прекратить эксперимент, я с чистой совестью отложила блокнот.

Его слова о том, что я вонючка, меня задели и весьма обидели. Может, и вправду пора хорошенечко помыться? Ковшички — это, конечно, хорошо, но ничто не заменит хорошей баньки. И я смело двинулась в ее сторону. С растопкой бани я справилась на раз-два. Отдых каждое лето в деревне у бабушки не прошел даром, и вскоре моя банька уже дымила на всю округу.

Перекусив, я сидела на подмостках у реки и любовалась клонившимся к закату солнышком. Оно уже опустилось на уровень деревьев и проглядывало оттуда ярким пятнышком. Острые лучи просачивались сквозь деревья, и теперь оно выглядело, как самая яркая звездочка на небосводе. Как же это красиво!

Облака окрасились в мягкий цвет карамели и словно застыли на небе, не двигаясь. Тишина, покой и гладь речушки, в которой отражалась эта неимоверная красота, дарили умиротворение. И как природа может быть настолько красива и гармонична? Это что-то невероятное! Почему у человека поднимается рука менять ее под себя,

уродуя и уничтожая? Я посидела еще немного и решила, что, пока еще совсем не стемнело, нужно попариться в баньке и искупаться в освежающей речке.

Эх, банька! Одно из лучших изобретений человечества. Кажется, что она обновляет тебя не только снаружи, но и внутри. Смывает с тебя все печали и горести, дарит ощущение легкости и веру в то, что все в жизни прекрасно. Мой вам совет: если в жизни полная безнадега, идите в баню! В прямом смысле, разумеется. Напарьтесь так, чтобы скрипеть от чистоты, чтобы кожа стала мягкая, как у младенца, а потом выпейте горячего травяного чая с ложечкой меда. Хоть и ненадолго, но жизнь снова откроет для вас свои краски. И может, этого времени вам как раз хватит, чтобы прийти в себя.

Вот и я напарилась так, что на теле не осталось ни кусочка кожи другого цвета, окромя красного. Быстро нацепив купальник, я помчалась к выходу, откуда бегом направилась к мосткам. На полном ходу заметила, что почти все подмостки занял сосед, который зачем-то там уселся.

— Посторонись, — проорала я.

Ну и реакция у него! Моментально отклонился в сторону, и, уже влетая в воду, я услышала его

крик:

— Стой, дурында, там же удочка!

Блин! Зря похвалила его: видать, язык к его реакции не имеет никакого отношения. Неужели не мог раньше предупредить? Может, пронесет? Не пронесло. Это я поняла, когда ногу перетянула леска и где-то в районе задней точки появилась резкая боль.

Вынырнув наружу, я быстро добралась до лестницы, находящейся под водой, и даже не стала отказываться от предложенной в помощь руки.

— Ну надо же, какой у меня улов! — он задорно поиграл бровями и широко улыбнулся. — Целую кикимору выловил!

— Иди в пень, рыболов недоделанный! Хоть бы в стороне где рыбачил.

Ногу неприятно перетянуло, и боль в попе стала сильнее, а в ответ на его веселые комментарии хотелось дать оплеуху. Весело ему.

— Ладно тебе, ложись и не дергайся! Буду свой улов с крючка снимать. Ну ты посмотри только, за самое большое место подсек!

Это что, опять камешек в огород моей широкой пятой точки? Он, вообще, умеет с девушками общаться? Хотя с таким-то животным магнетизмом он может их хоть тыквами называть, они все рав-

но будут падать у его ног. Ну и где, спрашивается, шатается вселенская справедливость?

— Давай быстрее! — буркнула я и легла на подмостки.

— Мне придётся сходить за ножом, полежи немного.

— Да куда я уйду с крючком-то в заду?

Он весело хмыкнул и пошел к дому. А у меня не осталось даже намека на хорошее настроение. Поэтому я терпеливо ждала его прихода, лежа на животе. Вернулся он, надо сказать, очень быстро и присел рядом.

Теплые руки прошлись по моей пострадавшей ноге, погладили и поднялись выше. Шаловливые пальчики подцепили краешек моих плавок.

— Эй, ты там что делаешь? А ну, прекращай! Давай быстрее отрезай леску и вынимай крючок.

— Сейчас. Нужно ведь сначала оценить, — послышался его какой-то хриплый голос.

— Что там оценивать? Режь давай! — пробубнила я, уткнувшись лицом в доски.

— О, поверь, тут есть, что оценивать, — прозвучало совсем тихо и так чувственно, что мне даже захотелось взглянуть на него.

— Не шевелись! — тут же приказал он и разрезал первый виток лески.

Буквально за пару минут он избавил меня от нее полностью. Остался только крючок.

— Придется снять плавки: мне так его не видно.

Не много ли для одного дня? Жаркий поцелуй, а теперь моя оголённая заветная точка? Но делать было нечего.

— Давай, снимай, — процедила я сквозь зубы.

И прямо спиной почувствовала его предвкушающую улыбку. Гаврик озабоченный! То, как он снимал мои плавки, наверное, стоит показывать только в фильмах для взрослых. Медленно, проводя следом с легким нажимом пальцами. Я даже замерла от такой откровенной ласки. Ну что за власть у него такая? Словно в состоянии гипноза, хочется замереть и отдаться этим чувственным ощущениям. Наконец-то эта процедура была закончена, и он сказал:

— Повезло, бровка ушла неглубоко, но придется немного потерпеть.

— А червяк? Надеюсь он не висит там у меня сзади.

— Я на тесто ловил.

— Это хорошо, — с облегчением выдохнула я: было бы неприятно.

И не успела я сказать, чтобы поторопился, как

меня пронзила острая боль, а следом рану накрыло что-то теплое и влажное, забирая боль. Но я все равно заорала:

— А-а-а, хоть бы предупредил!

Я подняла голову и обернулась, и тут же замерла от увиденной картины. Мой сосед весьма основательно впился губами в мою попу.

— Эй! Ты это чего? А ну, отпусти!

Он оторвался и сплюнул в сторону. Наклонился, чтобы повторить процедуру, но я уже пришла в себя от удивления и активно задвигала попой.

— А ну, брысь! — запищала я.

— Да не дергайся ты! Нужно прочистить и продезинфицировать рану.

— Ну мы же не в средневековье! Про йод и мазь «Спасатель» не слышал? Отпусти!

— Лежи сказал! — рявкнул он так, что я даже на пару секунд замерла, но тут же снова начала дергаться.

Он быстро прижал меня к мосткам, и я снова почувствовала его губы в таком запретном месте. От осознания того, что именно он делает, по моему телу против воли пробежала волна удовольствия. Было в этом что-то такое запретное и очень приятное. И это его я называла извращенцем? Да я похлеще него, наверное, буду. А он тем временем

снова сплюнул, но отпускать меня не спешил.

Я слышала его тяжелое дыхание. И совсем неожиданным было то, что он наклонился к моей шее и провел по ней носом, шумно втягивая воздух.

— Ты пахнешь, как сотня самых сочных персиков. И кожа у тебя такая же нежная. Может, откусить от тебя кусочек? А?

Голос его сел, и в нем проскакивала хрипотца. И вот от этого изменившегося голоса по спине сначала пробежали толпы мурашек, которые нежно погладили каждый кусочек моего тела, а следом нахлынула волна страха. Я ведь лежу с голой попой в совершенной глуши, а этого мужчину и знать не знаю. Силищи у него хватит, чтобы сделать со мной все, что он захочет. Мне действительно стало жутко, и севшим от страха голосом я попросила:

— Пожалуйста, отпусти меня.

Он отпустил мгновенно, словно учуял запах моего страха. Быстро отошел в сторону и дал мне возможность спокойно встать.

— Спасибо, — глухо поблагодарила я его и направилась обратно в баню.

Там еще некоторое время приводила себя в порядок и успокаивала нервы. Почему я так

разнервничалась? Все ведь хорошо. Настроение было испорчено, и я ругала себя за приступ страха. Это сын весьма известного в городе человека, за которого тот ручался. Зачем мне бояться? Или этот хитрый гад как раз этого и добивается?

Вот это казалось более вероятным. Он хочет выжить меня из моего домика. Причём так, чтобы я сама уехала! Не дождешься! Тебя ещё ждет сюрприз в спрятанной трехлитровой банке.

Пока возилась в бане, на улице совсем стемнело, и я шла по тропинке, которую освещал яркий лунный свет. Подняла голову вверх и залюбовалась луной. Какая красавица! Она ярко выделялась на фоне темного неба, а проплывающие на ее фоне облака навевали атмосферу мистики и загадки. Через несколько дней полнолуние, нужно будет полюбоваться и не забыть сделать пометки в блокноте о том, как главный герой будет выть на луну.

Зайдя в домик, с удивлением обнаружила своего соседа валявшимся на кровати, как всегда полуголым и заложившим руки за голову. Его взгляд был устремлен в окно, откуда был прекрасно виден спутник Земли. И мне опять померещились желтые проблески в его глазах. Да что у него с глазами? Мне ведь это все не ка-

жется?

— А ты почему здесь? — спросила я удивленно.

— А где мне ещё быть? Это мой дом и моя кровать, — ответил он, даже не поворачивая голову в мою сторону.

— Ну, я думала, ты, как и вчера, отбудешь к своей даме сердца.

— К кому? — не понял он.

— Даме сердца, — повторила я.

— Да я, в общем-то, и не..., - начал он, а потом явно передумал и закончил: — Сегодня я ночую здесь.

— Как хочешь, — равнодушно ответила я, скрывая довольную улыбку. — Выйди ненадолго, мне нужно переодеться и подготовиться ко сну.

— Я отвернусь.

— Нет, выйди, — настаивала я.

— Слушай, ну я ведь и так многое уже видел и даже пробовал, если ты помнишь, — и он опять похабно поиграл бровями, уставившись на меня плотоядным взглядом.

Думал смутить? Не-а, не выйдет.

— Выйди, пожалуйста! — и я уставилась на него серьезным взглядом.

Он нарочито медленно поднялся, кряхтя, надел шлепки и, специально шаркая ногами, вышел

наружу, бросив на ходу:

— Давай быстрее.

Буду быстра, как молния, соседушка. И я забегала по избе, судорожно переодеваясь и извлекая муравьев из-под полки. Приподняла край его одеяла и равномерно вывалила их туда. Простите, милые, надеюсь, вы не сильно пострадаете. Но надо же мне как-то проучить этого гаврика? Ароматерапия заглохла, да я и сама чуть от нее не пострадала. Теперь попробуем иглоукалывание, вернее муравьеукусывание. И, довольная, я забралась на свою печку.

Зашедшему соседу пожелала покойной ночи и затихла, прислушиваясь к звукам. Он явно лег на кровать. Под одеяло? Неясно. И я снова прислушалась.

— Ты там в порядке? — донесся до меня его голос. — Боишься? Или нервничаешь?

Да откуда он это взял? Я попыталась успокоить неровно бьющееся сердце. У него что, еще и слух, как у собаки?

— Ну знаешь ли, не каждый день приходится спать в одной комнате с незнакомым мужиком, — съязвила я.

— Ну мы, вроде, не так уж и незнакомы. К тому же, я думаю, ты обо мне знаешь не так мало.

Верно?

Да с чего он это взял? Это явно какая-то мания величия в острой форме. Больно мне нужно знать про него больше того, что он скоро отсюда умотает. А он тем временем продолжил:

— А тебя как зовут?

Ну надо же! Вспомнил к концу второго дня знакомства. Поразительная вежливость.

— Никак. Незачем тебе знать. Все равно скоро уедешь.

— А я тут подумал, что, возможно, и задержусь.

В его тоне явно зазвучали заигрывающие нотки, и я очень отчетливо представила себе его наглую улыбочку. Этого мне ещё не хватало!

— Думаю, не стоит, — пробурчала я тихо.

Но он услышал и ответил тоном, которым, наверное, привык очаровывать дам:

— Хорошо, что это не тебе решать, таинственная незнакомка.

— Фу, как плоско. Я спать.

И я сосредоточилась на том, чтобы уснуть. Начала обдумывать идеи книги, прокручивать в голове диалоги и сцены. За этим занятием я всегда хорошо засыпаю. Это лучше всякого снотворного, главное не увлечься и не придумать что-то настолько новое, что пришлось бы вста-

вать и тащиться за блокнотом, чтобы записать столь ценные мысли. Мне это удалось, и вскоре я погрузилась в мягкий сон.

Мне снилось, что я лежу на горячем песке, который обжигает мою спину. Я перевернулась на бок, но ничего не поменялось. Бок тоже горел огнем. Сон потихоньку начал улетучиваться, и я поняла, что мне действительно жарко. Очень жарко!

Села и потрогала печку. Горячая! Кто ее затопил? Зачем? И так ведь тепло. Сколько времени? За окнами едва забрезжил рассвет. Рань несусветная! Я сюда отсыпаться приехала, а не вставать ни свет ни заря. Спрыгнула с печки и увидела, как сосед набивает ее битком дровами, явно намереваясь раскалить докрасна.

— Зачем? — только и смогла я проговорить спросонья.

— Я замерз, — ответил он наглым тоном.

— Э-э, — я даже не нашлась, что ответить.

И тут заметила, что снизу его ноги покрыты красными пятнышками, которые он периодически почесывал. Значит, сработала моя ловушка. И я не удержала улыбку. Зря. Так как подняв взгляд, увидела его сузившиеся глаза.

— Значит, все-таки не зря я замерз.

Ах ты, гаденыш! Так это месть мне за муравьев? И откуда только узнал? Ладно, попробуем сделать вид, что я тут ни при чем.

— Вижу, тебя кто-то покусал, — спросила я с напускным сочувствием. — Как же так, аккуратней нужно быть.

— Какая трогательная забота, — ответил он мне в тон. — Вот не зря я и о тебе подумал, печь натопил, а то, поди, мерзла там на ней?

Мы так и стояли, натянуто улыбаясь и сверля друг друга пронзительными взглядами. Ах так, значит! Война? Да пожалуйста!

— Спасибо, дорогой соседушка! Я ведь и вправду замерзла. А сейчас на ней ещё себе и чайку вскипячу, и даже пирог испеку. Жаль только, что ты на диете и не сможешь его попробовать.

И я улыбнулась ему так широко, как только смогла. Аж скулы свело. Повернулась и спокойно пошла умываться. А пирог я действительно испекла. Из виденной ранее банки старого варенья, соды и муки. Получилась отличная ягодная коврижка по бабушкиному рецепту. Запах от нее стоял просто восхитительный, и я видела, как мой сосед незаметно принюхивается. Можешь даже не мечтать, ни крошечкой не поделюсь!

Уплетая пирог, я даже решила отложить

свою ритуальную конфетку в карман. Думаю, пригодится еще мне в течение дня. Мой сосед демонстративно вышел, а я поняла, что он не успокоится. Похоже, ему мое общество здесь ни к чему, так же, как и мне его. Ну что ж, придется мне свой отпуск ещё и отвоевывать. Я вздохнула. Да чтобы этот любитель ходить босиком на шишку наступил и, желательно, сосновую.

Если у нас и был шанс на мир, то после того, как я застала его доедающим мой пирог, которым я рассчитывала полакомиться на обед, этот шанс испарился.

— А ничего такой пирог был, — сказал он, вставая из-за стола. — Только сладкий больно. Я, вообще-то, не очень люблю сладкое.

Мне хотелось заорать: «Так какого лешего ты тогда его ел?» Но это был бы глупый вопрос. Понятно ведь, зачем. Натянуто улыбнулась и спокойно ответила:

— На здоровье, рада, что тебе понравилось.

А вот что меня действительно порадовало, так это то, как на следующий день он летел на пол, пытаясь сделать шаг в прибитых к полу тапках. Он сидел на полу и зло рассматривал остатки своей обуви, которую он так редко надевал. А гвозди я вбила на совесть, штук по пять на каж-

дый тапочек.

— Споткнулся? Ай-я-я-й. Ну нужно ведь аккуратней быть, — сочувственно проговорила я, проходя мимо.

Его злой взгляд не обещал мне ничего хорошего, но я была к этому готова. Я уже поняла его тактику. Он старался нарушить все мои правила, которые я установила. Нагло таскал мою еду, оставлял повсюду немытую посуду, пару раз даже взял мои вещи и использовал их как кухонное полотенце. На это я отвечала исполинским спокойствием, складированием его грязной посуды ему на кровать и мытьем полов его рубашкой.

Все это было детской игрой до тех пор, пока я однажды не вернулась с речки и не нашла на крыльце приколотый зубочисткой фантик от моей конфеты. Огляделась по сторонам и пришла в бешенство. Он съел мои конфеты! По тропинке были выложены и приколоты остальные фантики, и их след вел за угол дома.

Чуть не дымясь от злости, я проследовала по следам за фантиками, на ходу их пересчитывая. Все! Он слопал все мои конфеты! Посмотрела на сарай и увидела на самой верхушке сарая прибитое чучело, облаченное в мою одежду. Ну это уже слишком! Я в ярости сжимала кулаки, и тут мой

взгляд упал на огромный топор, которым он все это время колол дрова.

Уперевшись ногой в чурбан, я с большим усилием вытащила орудие и направилась в дом, волоча его за собой по земле. Он отобрал у меня самое ценное, что я привезла с собой, а я заберу его.

Скинув на пол одеяло и матрац, я с огромным удовольствием шандарахнула колуном по кровати. А потом еще раз и еще. Я махала им до тех пор, пока руки не начали отниматься, а кровать не превратилась из сборной в разборную. Мне не удалось ее искромсать так, как того требовала ярость, поэтому открыла дверь и вытащила наружу брусья, когда-то бывшие мебелью.

Чтобы даже шанса не было собрать ее заново, я набрала бересты и запалила огромный костер на поляне подальше от дома. Хорошо горит. Я уже направилась в дом за его подушкой и одеялом, когда заметила, как мой сосед выскочил из леса и быстро приближался ко мне.

Его вид не предвещал мне ничего хорошего, он не отрывал взгляда от пылающей кровати. Заходить в дом я передумала и быстро побежала в сторону реки. Достигнув своего любимого дерева, села и выдохнула. Это просто какой-то бред! Чем я, вообще, тут занимаюсь? Мы похожи на двух

идиотов!

И вдруг услышала совсем рядом угрожающий рык. Медленно подняла голову и ужаснулась. На меня надвигался серый волк, который был раза в четыре больше обычных. Его шерсть стояла дыбом, а пасть была хищно оскалена. Желтые глаза смотрели прямо на меня, и по спине пробежал озноб.

Очень медленно я поднялась и уперлась спиной в ствол дерева. Мне некуда бежать, он меня точно догонит. Откуда он здесь? Почему нападает на меня? Я стояла еле жива от страха и оценивала свои шансы прыгнуть в реку. Если сделаю резкий рывок, то смогу прыгнуть, но я не знаю, насколько там глубоко и нет ли на дне камней. Я попробовала сделать крохотный шажок в сторону, но раздался громкий рык, и волк переместился ближе, явно показывая, что я не успею прыгнуть: он меня перехватит.

— Так, блохастый, давай попробуем договориться, — я сильнее вжалась в дерево и начала говорить тихо-тихо, чтобы не разозлить его. — У меня тут есть…

Я замялась. А что у меня есть такого, что я могу предложить волку? Плавными и медленными движениями пошарила по карманам и обна-

ружила заначку. Это была та самая конфетка с того самого утра, когда я пекла пирог. Вот это сюрприз!

— Так, волчок, серый бочок, смотри, что у меня есть?

И я показала ему конфету.

— Это сладкая вкусная конфетка. Можно сказать, последняя в своем роде. Я ее от сердца отрываю. Это гад ведь схомячил все мои конфеты. Все! Ты представляешь? Больше пятидесяти штук! Надеюсь, у него там все слиплось!

Я снова разозлилась, когда вспомнила про это. Поэтому с тоской посмотрела на последнюю конфетку. Да к черту все! Этот волчара все равно меня сожрет, хоть шикану напоследок. И я развернула конфету и целиком засунула ее себе в рот.

Посмотрела на волка, и мне показалось, что его волчьи брови слегка приподнялись кверху.

— Долго думал, блохастый. Все равно сожрешь меня. Так с чего, скажи, я должна тебя ещё и конфетками угощать? А? Уж тем более отдавать последнюю.

Волк склонил набок голову. Он смотрелся уже не так страшно без своей оскаленной морды. И, кажется, он меня слушал. Ну надо же, какой умный выискался. Хочешь послушать? О! Мне

есть, что тебе рассказать!

— Знаешь, блохастый, я вот думаю, на кой я сюда приперлась? О чем я, вообще, думала? Тут же, если что, до ближайших людей километра два бежать. А я одна. Хотя нет. Ты представляешь, забралась в такую глушь, и все для чего? Чтобы ютиться в однокомнатной избе с незнакомым мужиком? По-моему, это просто верх глупости. Нужно было уехать сразу. Нет, уперлась, как курица. Может, стоит сейчас уехать? А? Как думаешь?

Волк сел на землю и наклонил голову в другую сторону, с интересом меня рассматривая.

— Устал стоять? Я вот тоже. Пожалуй, присяду.

И я медленно сползла спиной по стволу дерева и села на землю.

— Везет тебе, блохастый, живёшь в такой красотище. Бегаешь по лесу, всех пугаешь своим видом. Ни забот тебе, ни хлопот. Мне бы так. А то крутишься изо дня в день, как белка в колесе. Все дни сливаются в сплошную череду, и так они похожи друг на друга. И так мало времени, чтобы остановиться и подумать. А чего хочется твоей душе? А в правильном ли направлении ты идешь? Может, стоит что-то изменить? Но тебе не до этих вопросов. Ты бежишь, бежишь, бежишь.

Я что-то совсем приуныла и, обхватив руками

колени, положила на них голову.

— Так что беги ты отсюда, серый. Беги и радуйся, что ты не человек. Ты поистине счастливый, потому что тебе неведомо это чувство. Это люди выдумали его себе и поставили запредельные планки по его достижению: быть счастливыми каждый день и каждую минуту. Только они глупы, серый, очень глупы. Это недостижимо. А кроме того, вредно для здоровья. Кто сказал, что мы обязаны быть счастливы? Это ложь, в которую мы верим, и сами загоняем себя в еще больший стресс, когда не достигаем этого мифического счастья в нужных объемах. Так что беги, серый, отсюда и радуйся.

Ну все, меня накрыло. После всплеска эмоций на меня часто накатывало такое вот состояния вселенской грусти. Вот и сейчас я уставилась пустым взглядом вдаль, давая волю апатии и грусти. Это пройдет, просто нужно немного подождать.

Вдруг моей руки коснулся холодный нос. Я слегка дернулась и, повернув голову, утонула в зверином взгляде желтых глаз. Мне показалось, что в нем сквозило понимание.

— Спасибо, серый. Ты получше остальных умеешь подбадривать. Можно, я тебя поглажу?

Он слегка наклонил голову, и я несмело косну-

лась его шерсти. Мягкая и густая. Гладить ее было — одно удовольствие.

— А ты красавец, серый, — похвалила я его. — Думаю, там все волчицы в лесу штабелями укладываются у твоих лап. Да?

Я не удержалась и почесала его за ушком. Да-а, похоже, чувство собственного самосохранения по прибытии в эти края у меня отшибло напрочь. Мало того, что сплю в одном доме с незнакомым мужиком, так сейчас еще и волка наглаживаю. Что дальше? Ночевать в лес босая пойду?

А волк зажмурился и подставил второе ушко.

— Ах ты, какой хитрюга! Ну ладно, давай поближе, я тебе так начешу ушки, что все волки в округе тебе обзавидуются.

Я тискала его еще, наверное, полчаса, пока он нехотя не встал и не ткнулся мне в шею своим холодным носом. Я тихонько хихикнула. Щекотно же. А потом развернулся и убежал.

— Приходи еще, серый, — крикнула я ему вслед.

Даже не обернулся, поганец. И это после получасового сеанса ушного массажа. Волчара неблагодарная. Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Грусть и апатия отступили куда-то далеко. Какой чудесный зверь! И зачем только пугал ме-

ня сначала, если оказался практически ручным?

Посидела еще немного и решила пойти в дом. Похоже, пора зарывать топор войны: больно затратная она выходит. Нужно садиться за стол переговоров. Но в доме соседа я не застала, ночью он не появлялся и утром тоже. Неужели уехал? Вроде, вещи на месте. Я решила последовать мудрому женскому правилу и вести с ним беседу на его сытый желудок. Поэтому все утро топила печь и стряпала кекс с сухофруктами. Чудом не спалив его в такой непривычной духовке, я поставила кулинарный шедевр на середину стола и заварила чай. Когда-нибудь сосед должен вернуться-то.

Он пришел через час и положил на скамью мою одежду. Ту, что была на чучеле. Неужели не я одна поняла, что мы ведем себя, словно дети?

— Будешь чай с кексом? — спросила я спокойным тоном.

— Буду, — буркнул он, не глядя на меня.

В полном молчании мы приговорили весь кекс. Ладно, потом поголодаю немного, тут ситуация экстренная, можно шикануть. Разговор как-то не клеился. Он нервно постукивал пальцами по столу и все же начал первым.

— Ты действительно приехала сюда в отпуск?

Разве я ему этого не говорила? Ладно, для особо

забывчивых повторю.

— Да, я сняла этот дом на два месяца и рассчитывала немного здесь отдохнуть, зарядиться энергией природы.

— И дом ты сняла у моего отца?

— По всей видимости, да. О тебе я узнала, только когда приехала сюда: он прислал мне письмо.

— И он тебя больше ни о чем не просил?

— Просил, конечно, — ответила я и с удивлением заметила его напряженный взгляд. — Попросил быть аккуратней. Это дом его бабушки, и он его очень ценит.

Сосед немного расслабился и сказал:

— В таком случае я лучше отсюда уеду: у меня скоро будет сложный период и мне нужно побыть одному. Я рассчитывал перекантоваться здесь, но недооценил настойчивости отца.

— О чем это ты?

— Не бери в голову. Я завтра уеду, а ты спокойно отдыхай. И извини за это, — он кивнул на одежду.

— Хорошо, а ты меня за это, — и я кивнула на матрац, который лежал там, где раньше стояла кровать.

Посмотрев друг на друга, мы, не сговариваясь, расхохотались. Схлынуло какое-то напряжение

между нами, и стало легко и спокойно.

Мы очень весело провели остаток дня. Купались в реке, ходили в лес за грибами и болтали обо всем на свете. Как странно иногда бывает: вот совсем ведь не знаешь человека, но так легко тебе с ним, так хорошо. И разговор сам льется, и оказывается, что и шутки у вас похожие, и взгляды на жизнь не противоречат друг другу.

Мне даже стало немного жаль, что он завтра уезжает. Но что поделать? Мы часто случайно встречаем таких людей, приятно проводим с ними время, но всегда знаем, что это ненадолго, что придет время, и мы расстанемся и пойдем каждый своей дорогой. Может, именно поэтому общение с ними так приятно? Не знаю.

Ночью сосед не пришел, и меня впервые что-то неприятно кольнуло внутри. С чего бы это? Но мысль, что он сейчас обнимает какую-то женщину, была мне неприятна. Странное и неизвестное мне доселе чувство. Оно мне не понравилось, и я решила от него как можно скорее абстрагироваться. Но все равно спала плохо и поэтому встала рано.

Рассвет встречала, сидя возле уже полюбившегося мне дерева. Ждала, когда солнышко взойдет, чтобы искупаться в прохладной воде. Положив

полотенце на землю, я открыла блокнот и стала набрасывать описание природы. Но меня отвлек посторонний звук. Серый вернулся!

— Привет, серый! — поприветствовала я его. — А ты стал ещё красивее за тот день, что я тебя не видела.

Он подошел и ткнулся прохладным носом мне в щеку.

— Фу, ты мокрый. Как твои дела, хвостатый? Садись, рассказывай, — я похлопала рядом с собой. — Молчишь? А у меня есть новости. Представляешь, мой сосед завтра уезжает. Как-то грустно даже. Я ведь и не думала, что он мне понравится, и приехала сюда с определенной целью: разродиться р…

Дальнейшие мои слова «…романом о любви» просто потонули в свирепом рыке. Я с удивлением и ужасом уставилась на волка, позабыв обо всем. На меня накатило состояния такого дикого ужаса, что я замерла. Вот же дура! Считала его ручным. Да он же одним укусом может мне голову целиком оттяпать.

— Ты чего, серый? — спросила я дрожащим голосом.

А он вдруг весь изогнулся и прямо у меня на глазах стал стремительно меняться. Исчезала

серая шерсть — на ее месте стала проявляться бронзовая кожа; втягивались когти, и морда менялась прямо на глазах. Он увеличился в размерах и распрямился. Передо мной стоял мой сосед. Голый и злой. Он в ярости сжимал кулаки и сверлил меня презрительным взглядом.

А я лишь открывала и закрывала рот в немом изумлении. Ешкин кот! Да он же оборотень! Вот это поворот! В голове царила полная сумятица, там сейчас летали лишь одни междометия. А это чудо природы открыло рот, и из него полились совершенно непонятные и в то же время очень неприятные для меня слова:

— Вижу, не так уж и случайно ты тут оказалась, продажная дрянь? Решила использовать меня? А? Отвечай!

Он навис надо мной, а я все никак не могла собрать мысли в одну кучу. Мало того, что он оказался оборотнем, которых я считала вымышленными персонажами, так теперь еще и орет на меня, совершенно не понятно, почему. Как я его могла использовать? Может, он про то, что я с него своего героя писала? Тогда он вконец оборзевший тип, если орет на меня из-за такой ерунды. Я тоже разозлилась и, наконец, смогла ему ответить:

— Да, использовала! И что такого? Что от тебя, убудет что ли?

Он аж весь покраснел от моих слов и зло прошипел мне прямо в лицо:

— Убудет? Да ты совсем офонарела!? Это же ребенок! Ты просто отвратительная, мерзкая дура!

Что? Или я резко отупела, или мы с ним говорим о совершенно разных вещах. Но разбираться с этим у меня не было никакого желания, потому что я ужасно разозлилась, и во мне все клокотало от несправедливых обвинений. Да идет он к черту! Кто ему давал право так обзывать меня!?

— Это ты, похоже, придурок в последней стадии! Несешь полнейшую чушь, да еще и обзываешься! Я же просто смотрела и писала книгу, больше ничего! Идиот! Да это я отсюда сейчас же уйду! Ни минуты не хочу видеть твою мерзкую рожу!

Кипя от злости, я оттолкнула его и быстрым шагом направилась к избушке. Вот же сволочь какая! Ну все ведь умудряется испоганить! Да чтобы тебя местные волки покусали! Блин! Вспомнила, что он и сам волк. Тогда пусть подавится какой-нибудь костью лося или оленя, или кого он там ещё ловит. Живодерище!

Я быстро пошвыряла в чемодан все свои вещи и, таща его за собой, направилась к грунтовой

дороге. После обеда буду уже у трассы, а там как-нибудь доберусь и до города.

Шла я уже почти полчаса. Солнце припекало, и чемодан с каждой минутой становился все тяжелее. Долбаная глушь! Чтобы я еще раз на такое решилась… С тихим «хрясь» у чемодана отлетело одно колесо. Ну зашибись! Я швырнула его на обочину и сама села на него сверху. Отдохну немного. Прикрыла глаза и прислушалась. Тишина. Только птички чирикают о чем-то своем, птичьем.

И вдруг послышался новый звук, который быстро приближался. Машина! Кто-то едет! Может, он меня подвезет? Я подскочила и стала всматриваться за поворот, ожидая появления машины.

Красивый черный внедорожник вырулил из-за поворота и приближался ко мне. Я даже не успела поднять руку, как он начал притормаживать, а я разглядела за рулем своего соседа. Ну нет! К нему я ни за что не сяду! Даже если у моего чемодана отвалятся все колесики и идти мне придется в дождь и не пять километров, а пятьдесят. Езжай дальше, зазнавшийся гаденыш!

Но он остановился и вышел из машины, неся в руках мой блокнот. Вот растяпа! Оставила его у реки. Ладно, заберу его, и пусть дальше катится.

Я сложила руки на груди и ждала его приближения. Вид у него был уже не такой грозный, и мне показалось, что даже слегка виноватый.

— Ты оставила блокнот, — тон его был примирительным. — Я подумал, что ты захочешь его вернуть.

— Вот так сюрприз! Ты еще и думать умеешь? А не только языком своим молоть. Давай сюда и проваливай.

Но он не спешил мне его отдавать и, подойдя чуть ближе, спросил:

— Когда ты говорила, что использовала меня, ты что имела в виду?

Не хочу я с ним разговаривать. Еще и разъяснять ему тонкости процесса творения своего будущего шедевра. Обойдется! И я, насупившись, молчала, ожидая, когда он отдаст мне мой блокнот.

— Слушай, ну ответь, — попросил он.

Я упрямо молчала и лишь сверлила его презрительным взглядом.

— Я ведь подумал, что мой отец опять подослал ко мне девушку. В июле полнолуние особо сильно на нас влияет и даже слегка сводит с ума. А если нам в этот период приглянется девушка, то она после близости, скорее всего, забеременеет. А мой

отец просто помешан на внуках и уже не первый год мучает меня требованиями их появления на свет. Я уже не знаю, куда мне летом уехать, чтобы он меня не нашел и не подсунул одну из этих сомнительных дам, которые готовы родить и оставить ему внука. Понимаешь?

— Твои проблемы меня не касаются, отдавай блокнот и чеши, куда хочешь, — ответила я, не проявляя к нему ни капли сочувствия.

А с чего мне это делать? Меня не заботят его проблемы. И они не оправдывают того, что он повел себя, как свинтус.

— Ну, прости! Я не должен был тебя обзывать! Просто я очень расстроился, потому что, — он ненадолго замолчал и продолжил: — Потому что ты мне понравилась, и мне стало так жаль, когда я решил, что ты не такая на самом деле. Ты, между прочим, тоже не скупилась на эпитеты.

— Ну давай сейчас с тобой еще будем мериться, кто кого сильнее обозвал! — съязвила я. — Не кажется, что мы уже и так достаточно вели себя, словно дети? Да, ты ошибся. Я использовала тебя только в качестве натурщика для своего романа. Больно внешность у тебя, — я замялась, подбирая нужные слова, — колоритная. И, нет, если твой отец и подстроил нашу встречу, то я об этом ниче-

го не знала. И я ещё выскажу ему пару ласковых за мой испорченный отпуск.

Я протянула руку за блокнотом, но он все никак не хотел его отдавать. И я продолжила:

— Давай так: я на тебя не злюсь, ты тоже не злись, отдавай мой блокнот, и мы расходимся в разные стороны и забываем друг про друга. А если случайно где-то пересечемся, то сделаем вид, что мы вообще никогда не встречались. Идет?

— Не идет! — возмутился он. — Я не хочу, чтобы ты уезжала.

— А я вот хочу уехать: ты мне уже часть отпуска испоганил. У меня ещё есть шанс хорошо провести его остаток.

— Так оставайся здесь. Хочешь, я тебе еще попозирую?

И он протянул мне блокнот и стал принимать различные позы, очень похожие на те, которые любят показывать бодибилдеры на соревнованиях. Выглядело впечатляюще, но в сочетании со смешными мордашками, которые он кривил, смотрелось забавно. Еле сдержала улыбку.

— Андрей, я не хочу здесь оставаться. Здесь не так уютно, как я думала. В лесу волки шастают, кругом ни души. Я зря сюда приехала.

— А я с удовольствием составлю тебе компа-

нию, — воодушевился он. — Буду соблюдать твои дурацкие правила и, вообще, буду идеальным соседом.

— Слушай, зачем тебе это нужно? Сиди себе один, как раньше, и радуйся, что меня нет. Чего пристал ко мне?

— А может, ты мне так понравилась, что я ночи не сплю, думая о тебе?

— П-ф-ф! Насмешил. Да ты чуть ли не каждую ночь убегал на свиданки.

— А что? Ревнуешь? — он скорчил забавную гримасу и поиграл бровями.

Придурок!

— Я, может, хочу выведать у тебя страшную тайну? — продолжал он дурачиться.

— Какую? — удивилась я.

— Как тебя зовут, прекрасная незнакомка.

Ну что за человек? Ведь на полную включил свое обаяние, чтобы добиться желаемого. Сопротивляться просто сил нет.

— Марина, — ответила я. — Все, теперь все тайны разгаданы, и мне пора. Пока.

Я подняла свой чемодан и, засунув блокнот в подмышку, двинулась дальше.

— Подожди, у меня ведь ещё кое-что есть для тебя! — донеслось мне вслед.

— Оставь себе! — прокричала я, не оборачиваясь.

Я прошла всего пару сотен шагов, когда неожиданно прямо передо мной выскочил уже известный мне волк. А в зубах у него была небольшая корзинка. Он подошёл ко мне и поставил ее прямо у моих ног. Я взглянула в нее, и так тепло стало на душе. Мои коровки! Целая куча конфет, правда, все без фантиков. Не съел.

Я уже хотела сказать «спасибо», когда вспомнила, что этот серый и мой сосед — одно и то же лицо. А тот сел прямо на моем пути и состроил такую просительную мордашку, что я помимо воли умилилась. А может, и вправду остаться? Нам же весело было в тот день, когда мы не воевали. С ним интересно и не страшно. «К тому же он такой красавчик,» — исподтишка нашептала мне моя женская сущность. А ну, цыц!

А серый тем временем подошёл к моему чемодану и, пока я была занята рассматриванием конфет, схватил его зубами за ручку и потащил в направлении машины.

— А ну отдай, негодник!

И я побежала за ним. Но тут же вспомнила про конфетки и, не в силах их бросить, вернулась. А когда с корзиной подошла к машине, вместо

волка стоял голый Андрей и прикрывал все стратегически важные места моим чемоданом. Я наклонила голову набок, рассматривая его улыбающееся лицо. Ну до чего же он обаятельный. И почему так не хочется с ним расставаться?

— Я достану тебе твои духи, — заявил он вдруг. — Буду нырять, пока не прочешу каждый сантиметр дна.

Вот зараза! Знает, чем меня можно зацепить. И я решилась.

— Ну хорошо. Но ты обещаешь не нарушать мои правила?

Его улыбка стала ещё шире, и он ответил:

— Конечно. Ну разве что первое. Но только с твоего полного согласия.

Вот же хитрец! И я невольно засмеялась.

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/VikiYarovaya/

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Яровая-Виктория/

Лика Анд. Случайная встреча

Рассказ к книге «Узница. Сила воли». Это история непростой судьбы Литы, подруги главной героини — Кат Сэй.

https://feisovet.ru/магазин/Узница-Сила-воли-Лика-Анд

***

ЛИТА

Я долго брела по лесу, не замечая ничего вокруг. Только когда корзинка зацепилась за колючую лапу елоки, пришла в себя, огляделась. Куда я попала?

Лес стоял, ощетинившись высокими деревьями, которые смотрели на меня угрожающе.

— Да, я виновата, очень виновата, — всхлипнула, опускаясь на поваленный ствол, уронила руки на согнутые колени, опустила на них голову.

Рыдания, наконец, вырвались наружу, сотрясая всё тело. Когда уже не осталось сил, осознала, что подол платья мокрый. А ведь это моё лучшее платье. И подарила его Кат. Она всегда отличалась отзывчивостью, и совсем не любила девчачьи

наряды, предпочитая тунику и штаны. Стоило мне заикнуться о том, какое красивое у неё платье я видела в шкафу, как оно тут же становилось моим. Я, конечно, радовалась такой доброте подруги, но вовсе не злоупотребляла ею, понимая, что простые луты не должны носить шёлковые одеяния. Но сегодня так захотелось нарядиться, чтобы понравиться Сеню. Кат не выходила в лес уже несколько дней, и мне захотелось произвести на парня приятное впечатление, ведь теперь не нужно было скромничать перед реллой Сэй.

Но Сень не обратил внимания ни на моё одеяние, ни на причёску. А я специально распустила волосы, сделала веночек из прутьев, вплела в него самые яркие цветы. Полюбовавшись на себя в бочке с водой, пришла к выводу, что очень красива. Нисколько не хуже Кат. И сердце забилось в предвкушении, показалось, что именно сегодня случится нечто, что перевернёт всю мою жизнь, изменит её в лучшую сторону.

Так и случилось, но это принесло мне не радость, а боль, разочарование и горечь, горечь от необдуманного поступка. Или он был обдуман?

Не надо лукавить хоть перед собой — я предполагала неприятный исход. Предполагала, но наверняка не знала, что будет. Просто захотелось

сделать подруге больно, чтобы она поняла, наконец, что мне нравится Сень. И признала бы, что мы отличная пара, а ей он совсем не подходит. Разве когда-нибудь лут становился мужем реллы?

— Ах, Лита, и как теперь жить?! — спросила сама себя. — Вот до чего доводит ревность!

Ревность? Наконец-то я нашла слово, что верно описывало мои чувства. Да, я ревновала Сеня к релле Катрин Сэй. И не могла смириться с тем, что он буквально не мог надышаться на неё — оберегал, позволь та, то и на руках бы носил. Вот о чём он думал? Разве не видел, как смотрят на него сельчане? Одни с негодованием, другие с сочувствием, потому что все понимали, что он замахнулся слишком высоко.

Конечно, его отец не совсем простой лут, как мои родители, а лесовик, поговаривали, что он даже имеет особые умения, но я в это не верила, потому что в нашем княжестве нет магов, так как наши горы, содержащие особый камень — мирит — гасят всю магию. И это прекрасно, потому что по слухам, маги в Империи творят беспредел. Нам хоть в этом повезло.

***

ЛОВЭЛЬ

Сегодня у меня выдался выходной день, и я с радостью решил провести его в гуще леса. Именно там я чувствовал себя единым целым с лесом, со зверями и птицами. Пробежавшись в волчьей ипостаси в самую чащу, я устроился на крохотной полянке среди вековых дубовиком и задумался, вспоминаю свою жизнь.

Моё имя Ловэль Грин. Я — охр, точнее охр-обр. В княжестве, где я сейчас живу, мало известно о нас. Большинство жителей Империи считали оборотней чем-то вроде чудовищ, живущих в подземелье и выползающих, чтобы творить зло.

А ведь у нас тоже своя жизнь, свои заботы, любовь и ненависть. Мы тоже живые существ, а люди считают нас монстрами?

Я родился в семье охров — волков-оборотней, когда родители уже переселились в Семигорье. Охры могут превращаться в больших зверей, имеющих неуязвимую шкуру, но только мужчины, женщины у охров обыкновенные, правда очень сильные и мужественные.

Но я оказался белой вороной в семье, потому что родился особенным — не мог переворачи-

ваться в зверя.

Таких, как я называли недооборотни. Это такие охры, которые имели хищную натуру, чувствовали себя зверем, имея его нюх, силу, но не могли перевоплощаться. И главное, они ненавидели своих собратьев, меняющих ипостась. Наверное, потому, что им было завидно. Ждать жалости от такого недоохра было просто смешно — так считали все, даже мои братья и сёстры. Они постоянно ждали от меня подлянки.

Чего греха таить — я завидовал им, но зависть моя не превратилась в ненависть, я просто убегал в лес и там кричал от отчаяния, вымещая злость на ни в чём не повинных стволах дубовиков.

По мере взросления я всё больше чувствовал отчуждение семьи, и тогда решил уйти. Я отправился в горы, чтобы найти неймитов.

Я получил хорошее образование, учился очень усердно, в отличие от братьев, предпочитавших бродить по лесам в волчьем облике и пугать белок.

Я прекрасно знал историю своего мира. В нашем мире было несколько больших и множество маленьких государств. Самой большой была Соритская империя или просто Империя. Именно здесь жили самые могущественные маги. Они

составляли Большой Магический Совет, который и управлял империей, хотя номинально стоял у власти император. Именно маги-имперцы больше всего дорожили своим положением и объявили настоящую охоту на немов. Так называли людей, невосприимчивых к магии. К ним относились и охры. Нас терпели, вытесняя в резервации. Хорошо, что это были леса, где охры могли охотиться.

Но скоро среди немов начали появляться те, кто мог уничтожить магию — неймиты. Имперцы готовы были платить любые деньги, чтобы уничтожить неймитов. И тогда неймиты ушли в Семигорье. Это было небольшое княжество, окружённое со всех сторон горами, что создал первый князь — Эдвард Нем или просто князь Эд.

Тогда и охры ушли вслед за неймитами, и создали свой клан, который жил на границе с Империей и стал стражем княжества.

А князь наш, наоборот, поддерживал неймитов. Он даже создал особое отделении в Учибке, где обучают немов, в которых есть хоть крупица этого Дара. И я решил либо поступить в Учибку, либо найти неймитов, которые смогли бы сделать меня настоящим охром.

Так я попал в экспериментальную лабораторию

неймитов. И пусть мне не раз и не два приходилось слышать, что неймиты ничего не делают по доброте душевной, что за свои услуги берут очень дорого и вовсе не деньгами, я был готов душу продать, лишь бы стать настоящим охром, выпустив наружу свою звериную сущность.

Как же я ошибался! Неймиты действительно оказались опасными людьми. Они проводили эксперименты над людьми и животными, пытаясь создать могущественных монстров, которых нельзя было уничтожить ни сталью, ни магией.

Хорошо, что я не привлёк большого внимания, а сам оказался настолько любопытным и острожным, что выведал их секреты, и сбежал, когда на лабораторию напал отряд Охотников.

Охотники — немы, сильные и смелые. Их отряд был создан после того, как выяснилось, что многие неймиты мечтают о власти. Да, они истребляли магов, но сами оказались ничем не лучше их. Среди охотников были и знатные реллы-вионы, и простые луты, и честные неймиты.

Эти люди оказались совсем не страшными, они пригрели меня, взяли на воспитание, когда поняли, что я смел и бесстрашен и имею предрасположенность к оборотничеству. Тогда меня и определили в тайные стражи к вирелле Кат.

Вдруг почувствовал запах человека. Вскочив на ноги, моментально принял боевую ипостась и выглянул из-за дерева.

Чуть в стороне на поваленном стволе сидела девушка. Зрение моё позволяло увидеть дорогое платье и босые ноги, плетёную корзинку и распушенные тёмные волосы, что скрыли лицо незнакомки. Она … плакала. Так горестно и отчаянно, что я вышел, стремясь утешить её.

Дева подняла заплаканное лицо, что показалось таким юным и прекрасным, что у меня перехватило дыхание.

А потом она увидела меня, перепугалась, попыталась убежать и упала.

Быстро сменив ипостась, рванул к незнакомке.

***

ЛИТА

Мне показалось, что чувствую посторонний взгляд, чуть скосила глаза и испуганно съёжилась, потому что увидела у дальнего дерева большую тёмную фигуру. Она показалась великанской. От неё веяло угрозой. Я подняла глаза и встретила безумный взгляд огненных глаз.

Вскочила, попытавшись убежать, спрятаться, но задела босыми ногами за корень и упала, боль-

но удавшись головой.

Когда я очнулась, то увидела лицо молодого мужчины, что склонился надо мной.

— С тобой всё в порядке, релла? — спросил он чуть хрипловатым голосом.

— Да, — я села. — Привиделось…

— Где ты живёшь?

— Там, — неопределённо кивнула в сторону. — В посёлке. Возле поместья Фиалковая поляна. Кажется, я заблудилась.

— Я провожу.

Я встала, посмотрела на пустую корзинку, вздохнула:

— Матушка за живикой послала.

— Я знаю, где есть самая вкусная, — улыбнулся незнакомец.

Эта улыбка окончательно прогнала все сомнения. Я поспешила вслед за незнакомцем. Он так ловко находил еле заметную тропку, что я догадалась — он отлично знает эти места.

И точно, скоро мы вышли на поляну, где оказалось очень много нужных ягод. Вдвоём мы быстро набрали полную корзинку. Я выпрямилась и сказала:

— Благодарю вас… — и запнулась, ведь мы так и не познакомились.

— Ловэль, — подсказал незнакомец.

— Благодарю вас, релл Ловэль. А я Лита.

— Релла Лита.

— Нет, просто Лита. Я селянка.

Показалось, что в глазах Ловэля промелькнуло облегчение после этих слов.

— Да я тоже не релл.

— А кто?

— Простой вион.

Недоверчиво покачала головой:

— Вион так хорошо знает наши места?

— Разоблачила, — усмехнулся вион. — Я из отряда Охотников.

— Вы расследуете последние убийства? — испуганно распахнула глаза я.

— Выходит, знаешь о последних событиях, но всё равно ходишь по лесу одна.

— Так нападения же ночью бывают.

— Откуда знаешь?

Тут я отчаянно разрыдалась, припомнив все свои хитрости, что привели к такому неблагоприятному исходу. Но разве я могла предвидеть его? Я же хотела только показать Сеню, что Кат неженка и не станет ему хорошей женой. А вышло так непредвиденно, так ужасно.

***

ЛОВЭЛЬ

Кое-как успокоив, проводил селянку до конца леса, и долго смотрел ей вслед, а потом вернулся к нашей стоянке. Уже ночью начали вновь прочёсывать окрестности, и стало не до размышлений о юной красавице, так неожиданно встреченной в чаще леса.

Прошло несколько дней, проведённых в звериной ипостаси, так что ни о чём не думал, а потом проваливался в тяжёлое забытьё. И когда был в человеческом обличье, постоянно мелькало перед глазами заплаканное лицо селянки. Что могло так расстроить деву?

Лита не выходила из головы. Ещё ни одна релла не затронула моего сердца, а это простая деревенская девчонка показалось сказочной красавицей. Расспросив товарищей, выяснил, что она дружна с виреллой Кат. Понятно, откуда у неё дорогое плате. Все луты, с которыми мы контактировали, в один голос заявляли, что их виреллы добры и справедливы, не гнушаются общаться с селянами, не притесняют сильно, даже помогают в неурожайные годы. А их единственная дочка водится с простыми лутами. Их неразлучную

троицу (паренька и двух девочек) часто можно было видеть на реке, в поле или в лесу.

Вот почему Лита в курсе того, что происходит. Она знает об оборотнях или нет? Скорее всего, считает нас монстрами. Значит, мне нужно забыть об этой девочке. Но забыть не получалось. А ведь я мог остаться человеком. Но меня это не устраивало. Мне хотелось стать охром, и я стал оборотнем, но вовсе не охром, а волколаком. А получилось это не совсем обычно.

Итак, я оказался в отряде охотников. Они относились ко мне, как к сыну — заботились, разговаривали, пытаясь утешить, рассказывали о своей жизни, чтобы отвлечь меня от горестных мыслей. Тогда-то и определил меня наш командир вион Мет в охрану к вирелле Кат Сэй. Я не понимал, какая ей грозит опасность, ведь она не выходила из своего небольшого домика. Но мне строго-настрого приказали никого не впускать к ней, кроме старого слуги. Я пытался разговорить его, но тот был нем, как рыба. Что же за секрет у семейства Сэй?

К тому времени я уже многому научился у охотников, так как подружился к одним из них по имени Жак, а он был следопытом. А следопыты умели ходить бесшумно, находить следы по мало-

заметным признакам, хорошо ориентировались в лесу. И я стал заниматься с Жаком, а он был рад такому прилежному и понятливому ученику. И я научился быть незаметным, неуловимым, в общем мог становиться тенью.

И я решил во что бы то ни стало вызнать тайну семейства вирелла Валена Сэй. То, что я узнал, меня просто потрясло. Нет, то, что вирелла Мари пришла из другого мира, меня немного удивило, а потряс её рассказ о волколаках, тех существах, что жили в её мире.

Это были могучие существа — воины, они защищали славян. Они не были монстрами или оборотнями, как думали невежественные люди. Эти существа никогда не обижали слабых.

И стать такими воинами-защитниками можно было простому человеку. Как такое происходило? Оказывается, было несколько способов. Ведунья (это тамошние колдуньи-маги, которые были едины с природой и не причиняли людям зла) могла приготовить специальное оборотное зелье или провести специальный обряд. Но это было очень опасно и проводилось только злобными колдунами, которые хотели с помощью зверя уничтожить своих противников. Такие волкодлаки жили недолго и умирали в муках.

Второй способ мне пришёлся по душе и показался более приемлемым для меня. Могучие витязи, прекрасно владеющие своим телом, обладающие богатырским здоровьем и силой добровольно становились волкодлаками и получали полный контроль над обращением. Во время битвы они могли в одиночку противостоять большому войску.

«Это очень сложно, — поясняла матушка Кат, вирелла Сэй. — Чтобы стать со зверем единым целым, нужно иметь очень высокий уровень развития воинских навыков. Слышала ещё, что есть волколаки. Это тоже воины, но имеющее гораздо меньше силы, вернее, юные, еще не сумевшие набрать силу воины, как бы ученики».

И я готов был расцеловать эту виреллу за такую новость, ведь почувствовал, что я в душе именно такой волколак.

***

ЛИТА

Встреча с незнакомцем встревожила меня. Он такой необычный! Такой мужественный и красивый! Сама себе призналась, что незнакомец поразил меня до глубины души. А какое у него имя — Ловэль, что значит небольшой волк. И

он действительно напоминал этого хищника — высокий, поджарый. Показалось, что он готов в любую минуту сгруппироваться и превратиться в этого опасного зверя.

Ах, я ужасно боялась оборотней, хотя знала, что они, их у нас называли охрами, совершенно безобидны, являются стражами нашего княжества и ненавидят магов и неймитов.

Возникло подозрение: может, он такой охр? И почему-то такая мысль не вызвала отторжения. Ясно же, что он из отряда, что выслеживает того монстра, что появился в наших местах. Селяне поговаривали, что его создали неймиты, чтобы захватить власть в княжестве.

Этот монстр меня страшно пугал, я сразу поняла, почему Кат заперли. Она же богатая наследница. Вот и решили неймиты с помощью этого монстра ей похитить, только вирелл Сэй разрушил их планы, наняв надёжных телохранителей.

Да ещё я добавила неразберихи. Как же я раскаивалась в том давнем поступке, но изменить уже ничего не могла, хотя злилась, негодовала, даже заявила подруге, что хотела бы быть на её месте, чтобы ко мне, а не к ней бегал Сень каждую свободную минуту.

И как я тогда могла так поступить? Конечно, мы были еще детьми, но дети лутов взрослеют быстро, так что я не могла не знать, какую опасность представляет тот безобидный ехидник. И вовсе не запрещали мне родители его приютить, я специально так сказала, зная доброту Кат. Она бы не бросила бедного зверька — так и вышло. Она поселила его в своём поместье, ухаживала за ним, а потом именно я намекнула, что он плохо растёт, потому что ему нужно мясо.

Кат забыла о словах Сеня, а я помнила и надеялась, что зверёк станет злобным, укусит виреллу, она заболеет, а Сень от неё отвернётся, ведь рядом буду я здоровая и весёлая.

Так и случилось — Кат заболела, но так серьёзно, что я перепугалась, хотя никто меня ни в чём не подозревал. Наоборот Сень обвинял себя во всём, утверждая, что должен был настоять на своём и отговорить девчонок от опрометчивого поступка.

А теперь Кат грозит безумие, хорошо, что она выкарабкалась, а то я уже готова была бежать и кричать на весь мир, что виновна.

А потом сам княжич приехал к ней свататься. О, я так надеялась, что Кат согласится, ведь не испытывала к Сеню тех чувств, что были у меня.

Но Кат отказалась, а Сень провёл ритуал, связывающей их кровью.

Вот я и осталась с разбитыми мечтами. Но не опечалилась, поняв, что боги наказывают меня за плохой поступок, и я должна смириться.

Я и смирилась. Даже ходила к ведунье Акинье и поведала обо всём. Она дала какое-то зелье, что успокоило меня, сделала мои чувства какими-то притуплёнными.

Я будто во сне жила до встречи с Ловэлем, не воспринимала ничего серьёзно, смотрела на окружающих равнодушно, ходила безучастно, ничего не видя и не слыша. Было ощущение, что не живу, а плыву по реке, и она несёт меня, словно маленькую щепку.

Родители стали замечать моё состояние и пошли к ведунье, но та заверила, что скоро всё изменится, поэтому они ничего не стали предпринимать. Это хорошо, а то могли бы пойти к вирелле Мари, а та бы развела кипучую деятельность, ведь относилась ко мне очень хорошо, считая лучшей подругой дочери.

Так и жила я, чего-то делала, выполняла домашнюю работу, ходила в лес за живикой, но воспринимала это отстранённо, будто всё это было не реальным миром, а мороком или сном.

А сейчас вновь почувствовала вкус к жизни. И трава показалась зеленее, небо голубее, цветы ярче. В душе поселилась надежда на светлое будущее.

***

ЛОВЭЛЬ

Я стал тренироваться с неистовой силой, чем очень удивил товарищей. Но, поняв, что хочу стать искусным вионом, они посмеивались, но продолжали учить меня. Скоро все, даже самые опытные, признали, что я стал искусным вионом.

Я и сам чувствовал, что тело моё окрепло, став ловким и сильным, разум приобрёл некоторую мудрость, точно вспомнив знания прежних поколений. А душа моя ждала перемен. Но, к сожалению, ничего не происходило. И тогда я решил, что не достоин стать волколаком-защитником.

Первое время это угнетало, а потом я смирился, продолжая выполнять свои обязанности. Шли седьмицы. В свободное время я старался остаться один, частенько забредая в чащу леса.

И однажды натолкнулся на группу юных селян, забредших в чащу леса в поисках живицы.

Дети перекликались, дурачились, смеялись. Я притаился в небольшом овражке, решив не показываться, чтобы не испугать. И вдруг наступила гробовая тишина. Это показалось необычным. Выбравшись из зарослей ежевицы, где лакомился вкуснейшими дарами леса, увидел, что дети сбились в кучу и смотрят в одну сторону.

Посмотрел и я, и замер, увидев страшного монстра. Таких чудищ я ещё не встречал — огромный зверь с волчьим телом и мордой, кажется, медведка.

Я не встречал этих могучих зверей, считавшихся редкими в наших лесах, только на картинках видел. А тут передо мной этакая смесь волка и медведка — не иначе эксперименты маговимперцев! Думаю, они решили сделать зверя, ловкого, как волк и сильного, как медведок.

Я удивился, что монстр стоит неподвижно, только глаза горят неистовым светом. Не голоден? Знаю, что звери не убивают ради развлечения, в отличие от людей. Или это самка? Возможно, в ней проснулся материнский инстинкт, ведь среди лутов была очень маленькая девочка.

Как бы в ответ на мои мысли, монстр издал злобный рык, который привёл детей в сознание. Самый старший мальчик приказал:

— Отходим назад, медленно и осторожно!

И все послушались его, кроме этой крохи. Она стояла, словно загипнотизированная. Её звали товарищи, скрывшиеся в кустах:

— Нита!

— Очнись!

— Иди!

Но девочка не двигалась. Я осторожно пробрался к лутам, приказал:

— Все бегом домой!

— А Нита? — спросил самый старший.

— Не ваша забота! Сообщи охотникам!

Дети уцепились за старшего, а он кивнул, поспешив увести товарищей из опасного места.

Я сделал несколько шагов, прячась среди зарослей, надеясь схватить девочку, унести. Но тут монстр начал движение. Он шёл прямо к Ните, сверля её взглядом. Чего там у него в голове происходило — не понять!

Я вмиг оказался на его пути, закрывая девочку, прошипел:

— Сгинь!

Монстр будто только этого и ждал. Он сгруппировался и бросился на меня всей тушей. Я увернулся, отскочив в сторону и толкнув луту в другую. Девочка упала, пришла, наконец, в себя,

и поползла в заросли. Это я увидел краем глаза и облегчённо вздохнул, когда она скрылась в листве.

Зверь же воспользовался крохотной заминкой и повторил прыжок. Увернуться я не успел, и мы покатились по земле, сцепившись в клубок. Монстр старался вцепиться в моё горло своими огромными клыками, я же делал то же самое, обнаружив, что у меня тоже появились когти и клыки. Мы рвали друг друга, оказываясь сверху то один, то другой, но, похоже, силы были равны.

Тогда пришла в голову мысль применить хитрость. В очередной раз оказавшись под огромной тушей, я замер, притворившись, что лишился сил. Зверь обрадованно взревел, чуть приподняв голову. И тут я увидел на его шее рубец. Видно еще не срослись раны после операции. Вцепившись в этот шов, постарался его разорвать. Рука погрузилась в плоть. Монстр взревел, начал вертеть головой, но я не отцеплялся, хотя он рвал моё тело своими когтями.

Поняв, что шов разорвался, одну руку высвободил и начал толкать морду зверя. Скоро он затих. Кое-как выбравшись из-под тяжёлой туши, я отполз, а потом встал, покачиваясь. С удивлением обнаружил, что мои руки стали необычными

лапами с острыми когтями, да и ноги мало напоминали человеческие. И совершенно не было одежды. Скоро вокруг меня образовалась лужа крови. Сделав шаг, подошёл к монстру, опасаясь, что он может подняться, поэтому, собрав силы, оказался у его головы и продолжил начатое, отделив огромную голову от туши, чтобы окончательно умертвить страшное создание.

Только убедившись, что враг повержен, опустился на траву. Тело саднило и ныло, но кровь уже не шла. Посмотрел на свою грудь, обнаружил, что она обнажена и исполосована ранами, которые уже начали заживать, а некоторые вообще затянулись, образовав некрасивые рубцы.

— Монстр! — послышался яростный крик нескольких мужских глоток, а потом удивлённый:

— Волколак?! Откуда?

— Ребята, это я, Ловэль, — прошептал я, теряя сознание. Вот так я и обрёл силу волколаков, которую скоро научился контролировать.

***

ЛИТА

Я стала чаще ходить в лес, надеясь на новую встречу. И не ошиблась. Ловэль ждал меня на

старом месте. Он улыбнулся и протянул мне лист лопуха, полный ежевики.

Взяв подарок, я присела на поваленный ствол, кивком приглашая виона присесть рядом.

Мы сидели вплотную и по очереди брали ягоды. Сердце моё замирало от восторга, потому что Ловэль смотрел на меня так, как никто никогда не смотрел. В его взгляде была нежность, восторг и немного печали.

— Какая же ты красивая, Лита! — прошептал Ловэль

Я? Красивая? Да я обыкновенная, это Кат у нас необыкновенная красавица, к ногам которой падают как луты, так и княжичи. А я — простая, ничем не примечательная селянка.

— Обыкновенная, — пожала я плечами.

— Нет, — покачал головой страж. — Ты нежная и ранимая, такая трогательная и беззащитная. Позволь быть рядом и оберегать тебя?

— Оберегать? — широко раскрыла я глаза. — От кого?

Я знала, конечно, что у нас появились монстр, но ведь он охотился на Кат, потому что, по слухам, она обладала каким-то чудесным даром. Везёт же некоторым! Я сначала решила, что она с помощью Акиньи приворожила Сеня, но ведунья

быстро привела мои мысли в порядок, сообщив, что никому не пожелает той участи, что постигла юную виреллу Сэй.

Это уж точно! Много позже я узнала её тайну, но и сейчас не желала быть затворницей, как бывшая подруга.

Страж пристально посмотрел в мои глаза и ответил:

— От всех, кто посмеет обидеть.

Я даже рот раскрыла. От всех? Никогда у меня не было такого защитника, ведь луты с детства знали каждый кустик в лесу, обходили стороной звериные тропы, поэтому опасности для них не существовало, пока не появился монстр. Но и это чудище обходило стороной простых селян, намереваясь подобраться к усадьбе вирелла Валена Сэй. Конечно, было несколько случаев нападения на лутов, но скоро они прекратились, хотя селяне утверждали, что видели издали чудище.

Так Кат надо защищать, а меня зачем? Чуть не брякнула эти слова вслух, а потом придержала язык. Стало так приятно, что кто-то хочет меня оберегать. До этого можно было только на отца надеяться, если обидят. Хотя он бы вступился, если только действительно была бы угроза жизни, а не выдуманные обиды. А уж узнай он о моём

неблаговидном поступке, точно выпорол бы и посадил под замок.

В душе поднялась настоящая буря — у меня свой собственный защитники?! А он серьёзно?

— Ты не шутишь?

— Нет! — сказал он так серьёзно, даже сердито, что я успокоилась и поверила.

Сама не поняла, как получилось, что поверила этому незнакомому мужчине, но он был таким сильным, таким мужественным, на лице блуждала такая доброжелательная улыбка, что не могла не поверить. Хотя в душе всё же была некая насторожённость, ведь мысли читать не умела.

— Ладно, — кивнула, получив в ответ такую лучезарную улыбку, точно пообещала озолотить. Как всё это странно!

С этого дня мы встречались почти каждый день. И хотя Ловэль был уже довольно взрослым мужчиной, он не пытался уломать меня на соединение, даже дотронуться опасался. А когда мы брели по лесу, и я нарочно поскальзывалась, поддерживал осторожно и бережно, точно маленького ребёнка.

***

ЛОВЭЛЬ

Лита доверилась мне, хотя я чувствовал, что немного опасается. Это и понятно, ведь мы знакомы всего ничего. Как же мне хотелось прижать её к груди, зацеловать, чтобы навсегда изгнать из глаз печаль, что терзала мою милую девочку.

Мы встречались уже вторую седьмицу, облазали все укромные места этого леса, ели ягоды, часто сидели на берегу лесного озера.

Когда я достал ей водяной цвет, то привёл в такой восторг, что исчезла печаль в глазах девы. Что с ней произошло? Неужели была безответная любовь? В её возрасте? Она же такая юная, такая чистая. Неужели кто-то посмел обидеть?

При таких мыслях тело скручивалось от желания трансформироваться и бежать искать обидчика.

Конечно, у меня были женщины, но это были мимолётные встречи, удовлетворявшие тело, но оставлявшие в душе пустоту. А это девочка, наоборот, вносила в мою душу радость, нежность и восторг.

Конечно, я хотел соединения, но боялся испортить установившееся доверие. Даже мимолётное

касание вызывало во всём теле такой трепет, какой ни одна женщина не вызывала. Я окончательно убедился, что Лита моя пара. Это подтверждала и моя вторая ипостась. А уж они-то никогда не ошибаются, когда встречают свою пару.

Я был уверен в своих чувствах, но не знал, что испытывает ко мне Лита. И спросить боялся. А вдруг я для неё только друг и защитник, а вовсе не возлюбленный?

Никто никогда не смел бы назвать меня трусом, но рядом с этой девочкой я робел, боялся сказать неверное слово, обидеть ненароком. Но с ней и молчать было хорошо.

Когда она впервые положила голову мне на плечо, я суть в обморок не упал, как изнеженная девица. Она окончательно доверилась мне! Я был на седьмом небе от счастья. И через несколько дней поцеловал в щёку.

Лита сразу покраснела, встрепенулась. Ну, думаю, сбежит… Но она положила руки мне на плечи и неумело прижалась к моим губам.

— Солнышко моё, — прошептал я, припадая к манящим устам. Постарался быть нежным, чтобы не испугать доверившуюся мне красавицу.

И н к нам пришла любовь. Я шептал нежные слова, называя Лита самыми ласковыми име-

нами, которые только мог придумать, а она смущённо улыбалась и прятала лицо на моей груди.

Когда я признался, что люблю её, она вдруг разрыдалась, да так горько, что я испугался.

— Что ты, милая, я же ни к чему тебя не принуждаю. Если у тебя есть другой. Или ты не чувствуешь ко мне ничего, я пойму.

Лита ничего не говорила, только горько рыдала, произнося непонятные слова:

— Ехидник…. Кат…. Сень… беда…

Успокоившись, моя девочка поведала мне то, что её так мучило. Я не знал что мне делать, толи смеяться от радости, что нет у меня соперника, то ли печалиться, что эта детская влюблённость стала причиной нелепого поступка, что нанёс душевную рану Лите.

— Вирелла Сэй справится! — уверенно сказал я.

— Точно?!

— Точно! — я не мог раскрыть тайну, ведь дал клятву неразглашения, но смотрел как можно увереннее. Дева вздохнула облегчённо:

— Я тебе верю и люблю!

— Повтори!

— Люблю, люблю, люблю! — Лита шутливо

опрокинула меня на мягкую траву и осыпала моё лицо нежными поцелуями. И я зарычал, как голодный зверь и начал покрывать её лицо такими страстными поцелуями, что моя девочка растаяла и прижалась всем телом. И мы стали одним целым. Это было так восхитительно, что я долго не выпускал её из объятий, а потом спросил:

— Ты станешь моей?

— Я уже стала, — улыбнулась она.

— Моей женой?

— Да, — приподнялась она и посмотрела доверчиво и нежно.

— Не боишься стать супругой охра?

— Стоп, — Лита села. — Я видела тогда, в нашу первую встречу, тебя-монстра?

В её глазах мелькнул страх?

— Да.

Теперь я жалел, что не признался раньше. Ничего! — убеждал себя каждый, что откроюсь, завтра

Она не принимает меня, не хочет жить с оборотнем? Почему я не сдержался? Как же она теперь будет жить?!

Лита закрыла глаза, выровняла дыхание, тихо попросила:

— Покажись.

Тяжело вздохнув, начал менять ипостась. Дева смотрела на меня во все глаза. Но не было в её взгляде страха, это приободрило меня.

Я опустил руки с острыми когтями, посмотрел на Литу. Она робко встала, подошла, положила руки мне на грудь, погладила, потом посмотрела в глаза, да так пристально, словно мысли хотела прочесть, а потом выдохнула:

— Не страшный — красивый!

Я осторожно прижал её к себе, спрятав когти. От мысли, что моя избранница ведёт себя ласково и нежно, сердце стучало, как бешеное.

Раскрыл пасть, показав большие клыки, но моя суженая улыбнулась и прошептала:

— Такой, как ты, всегда защитит. Я согласна.

***

ЛИТА

Никогда не думала, что не испугаюсь оборотня. Нет, всегда о них знала, но не встречала, кроме того первого раза. Но и тогда решила, что у меня видения начинаются на нервной почве. А тут вплотную увидела волколака. У меня ни одна жилка не дрогнула, потому что я знала, что это мой Ловэль, мой защитник и утешитель, мой избранник. А как он смотрел на меня, когда я

попросила сменить облик! В его взгляде было столько обречённости, пожалела, что попросила показать иную ипостась.

Но ничего не сказала, будто онемела. А Ловэль начал превращаться. И это было завораживающее зрелище. Вот только что передо мной стоял обыкновенный мужчина, пусть и атлетического сложения, а тут вдруг еще больше раздался в плечах, покрылся шерстью, вместо лица — морда. Но и сквозь эти звериные черты я видела моего любимого, поэтому страшно совсем не было.

Подошла, положила руки на грудь, ощутила, как сильно бьётся его сердце. И так стало вдруг легко на душе. Вот он — мой защитник! Он не только защитит от всех напастей, но и поймёт все мои мысли, утешит, закроет от горя и печали.

А он будто решил проверить, насколько доверяю ему, открыл пасть. Улыбнулась, даже захотелось рассмеяться в голос, но сдержалась. Вдруг не поймёт, что это от счастья, только сказала твёрдо и уверенно:

— Такой, как ты, всегда защитит. Я согласна.

И мы пошли к моим родителям. Конечно, в человеческом обличье был мой избранник. Родители удивились, но были рады, что я нашла своего суженого и перестала грустить.

На другой день отправилась к Кат и поделилась своим счастьем. Она тоже удивилась, ведь ничего не слышала о моём избраннике, но меня это не волновало.

В голосе Кат былоне только удивление, но и беспокойство. Видимо, она решила, что выхожу замуж, чтобы забыть Сеня. А я не стала её разубеждать, не имея возможности представить милого.

Мы решили отпраздновать свадьбу через две седьмицы, ведь надо было приготовиться, на чём настаивали родители.

Всё это время я находилась в возбуждённом состояние, воспринимая окружающее как во сне. Родные смотрели на меня, как на блаженную, а я только улыбаласьи оживала, когда видела любимого. Какими жаркими ласками он меня одаривал! Какие нежные слова говорил! Носил на руках и твердил, что будет так делать всю жизнь

Ошалелая от счастья, я не помню, как оказалась в том овраге. Пришло на ум угостить Ловэля живикой, вот и пошла в то место, что помнила по детским воспоминаниям.

***

ЛОВЭЛЬ

Когда я пришёл в очередной раз на наше любимое с Литой место, её там не оказалось. Это насторожило, ведь дева знала, что я не свободен и ждала меня, если задерживался.

Подождав немного, незаметно пробрался в селение. Окна их домика были темны. Может, уснула, меня дожидаясь? Я иногда приходил в её спальню тайком, хотя родители девы всегда встретили радушно, приглашали присесть, угощали пирогами и душистым напитком. Меня такое отношение радовало, но немного напрягало, ведь мы еще не стали супругами.

Встречались мы чаще в лесу, что стал для нас своеобразным домом. Я привык к походным условиям, но для своей избранницы соорудил под развесистым дубовиком мягкое ложе. Лита смеялась и говорила, что она не неженка, не избалованная принцесса. Но для меня она была единственной на свете. Хотелось сделать ей приятное, чтобы ни малейшая тень не омрачала её прекрасные глаза. В тревоге подошёл к окну её комнаты, убедился, что девы там нет. Схватив с окна ленту милой, рванул в чащу.

Запах любимой привёл на знакомую полянку. Вдруг мы разминулись? Понял, что дева появлялась здесь ещё днём, в руках у неё была… корзинка. Так она за ягодами пошла? Лита давно грозилась накормить меня самой отборной живикой. Стоп! С живикой у девы были связаны неприятные воспоминания

Именно поход за живикой стал поворотным моментом в отношениях троицы друзей детства, когда вирелу Кат укусил ехидник. А потом она заболела, потому что тело начало преобразовываться, выращивая вторую ипостась.

Я знал, что дочь виреллов была волколаком, ведь сам стал таким же и чувствовал родичей в любой ипостаси.

Выходит, Лита отринула прошлое, смогла перебороть себя и вернулась на то место сознательно? Геройский поступок! Какая же она решительная, моя суженая! Решила перед свадьбой окончательно прогнать тени прошлого?! Именно так, а живика только предлог!

Немного воспрял духом, пошёл по следам милой, сменив ипостась.

Бежал так быстро, что оказался в нужном месте довольно скоро. Сердце чуть не выскочило из груди, когда увидел опрокинутую корзинку и следы

борьбы. Принюхавшись, понял, что деву схватил монстр, похожий на того, что пугал селян. Но мы же его уничтожили! Появился еще один? Зачем ему дева?

Поспешил по следу зверя, потому что не чувствовал запаха Литы, сразу сообразил, что деву тащили на спине. Может, она потеряла сознание или уже мертва?

От последнего предположения захолонуло сердце, но я взял себя в руки. Если бы её растерзали, то остались бы следы, а раз их нет, но мою милую точно тащили куда-то.

Шёл монстр быстро, но следы были глубокими, так как у него была ноша. И куда же он направляется?

Преодолев довольно большое расстояние, понял, что след ведён к горам, что являлись границей с Империей.

Это насторожило, потому что в этом месте мы засекли магов-имперцев. В княжестве, окружённом горами, магия не действовала, потому что горы имели неограниченный запас мирита, минерала, нейтрализующего магию.

И только в одном месте его запасы были ничтожны. Это была гора Нейтральная. О ней мы знали, поэтому здесь находился один из наших

постов. Зачем сюда монстру? Неужели хочет пересечь границу и унести Литу в Империю?

— Для чего тебе дева, монстр? — вырвалось у меня.

— Для того чтобы поймать тебя! — раздался властный голос.

Передо мной возникла человеческая фигура в тёмном облачении.

— И ты не нарушил моих ожиданий. Как же вы предсказуемы, люди!

— Чего тебе надо? — спросил, стараясь сообразить, как действовать дальше.

— Мы создаём универсальных солдат, сильных, беспощадных и… управляемых. До сих пор не можем понять, как люди становятся волколаками. Пытались выследить Кат Сэй, но это оказалось трудоёмким делом, а потом появился ты. Само провидение даёт нам шанс! — усмехнулся маг.

Я смотрел на капюшон, скрывающий лицо, но там зияла темнота, только иногда вспыхивали огоньки, видимо, это глаза мага сверкали.

— Пойдёшь добровольно? Будет не больно. Может и выживешь. В противном случае умрёшь не только ты, но и твоя невеста.

***

ЛИТА

Придя на знакомое место, предалась воспоминаниям, и не заметила, как пролетело время. Начинало темнеть. Быстро набрав корзину, встала, оглядела овражек, прогоняя последние остатки вины за прошлое. И тут меня схватили мохнатые лапы. Сначала решила, что это милый меня нашёл, поэтому улыбнулась и спросила:

— Ловэль? — а в ответ услышала яростное рычание, моё тело стиснули, я попыталась вырваться, ибо ощутила, как трещат рёбра.

О высшие силы! Кто это? И словно в ответ на мои мысли возникла еще одна огромная туша с большими лапами. Второй монстр рявкнул, первый ослабил хватку.

И я осознала, что передо мной те монстры, которыми пугали детей у нас в селение. Но ведь одного из них убили охры. Выходит, их несколько? О, помогите, боги!

Во мне начала скапливаться злость. Когда она стала невыносимой, вернулись силы, и я рванулась, даже сумела вырваться. Но меня тут же схватили теперь уже человеческие руки, обездвижили, злой голос прошептал:

— Уймись, иначе лишу сознания!

Столько в голосе говорившего было ярости, что я замерла. Меня схватил первый монстр и начал движение. Я болталась в его лапах, как тряпичная кукла, пытаясь всё же осмотреться и запомнить дорогу.

Скоро местность оказалась незнакомой. От долгой тряски и неудобного положения я потеряла сознание.

Очнулась в тёмном месте на земляном полу. Руки и ноги были связаны. Долго так лежала, вдруг появился проём, через который увидела звёзды и полную луну. Значит, уже глубокая ночь!

— Увидел свою красавицу? — спросил голос, что приказал мне замолчать.

— Увидел, — ответил голос Ловэль.

Он пришёл за мной! Он меня спасёт! — ликовало всё во мне.

— Ты согласен сотрудничать?

— Надо подумать…

— Нет времени на раздумья, — рявкнул маг.

— Соглашусь, когда отпустите деву.

— Чего захотел, — в голосе мага слышалась еле сдерживаемая ярость. — Чтобы она привела охров?!

— Наши стоянки неизвестны селянам, — невоз-

мутимо проронил Ловэль.

Повисло напряжённое молчание.

— Могу гарантировать только её безопасность.

— Тогда нам не о чём разговаривать! — сказал мой милый. И я увидела, как он подмигивает мне. Ох, забыла, что он видит в темноте. А я, я тоже увидела его глаза или мне почудилось?!

— Ладно, — примирительно сказал маг. — Деву отправим на то место, откуда взяли, а ты останешься здесь.

— Как я узнаю, что вы сдержали слово?

Маг шагнул ко мне, дёрнул за волосы. Я ойкнула, ощутив невыносимую боль. Полкосы выдрал, злодей.

— Держи, — сказал маг. На миг показалась рука Ловэля, в которой был зажат пучок моих волос.

Я забилась, закричала, но удалось только прошептать:

— Не верь ему!

Неужели Ловэль забыл, что магия не действует в сотни миль от этой горы?!

Страж усмехнулся, его лицо озарилось ярким светом. Он бросил волосы в мага. Они тут же охватили его фигуру ярким пламенем. Магия у волколака? Бред!

— Беги! — закричал Ловэль, и я почувствовала,

что мои путы тоже загорелись и ослабли. Было очень больно, ведь магический огонь мог мгновенно прожечь тело до кости.

Быстро стряхнув пламя, распрямила руки, встала, упала и поползла. Кое-как выбравшись из землянки, оглянулась.

За моей спиной в свете луны мелькали тени. Мага видно не было, зато монстры вдвоём пытались атаковать волколака.

Удивилась, что Ловэль теперь стал не только выше ростом и шире в плечах, но и тело покрылось длинной шерстью, а до этого шерсть была еле заметной, когда он мне показывал свою вторую сущность. Отличить его от противника было сложно. Что я могу сделать? Только бежать, как он приказал, иначе вновь стану лёгкой добычей. Нужно позвать на помощь! Но как?!

Заползла в колючий кустарник и стала звать… Сеня. Почему его? Не знаю, но в этот момент была уверена, что меня услышит именно он.

Попыталась встать, но вокруг возникла непроницаемая стена. Ага, маг постарался. Сижу, дрожу и молюсь всем богам. Не вижу ничего, зато слышу шум схватки, глухое рычание монстров и хриплые крики волколака. Уверена, что различаю возгласы милого! Они слышатся всё реже. Очень

надеюсь, что он справится.

Вдруг всё стихло. Кто же победил? Неизвестность томит, поэтому пытаюсь кричать и биться о преграду. И она падает. Выбираюсь. Вижу лежащих монстров, а вокруг них волки… Становится страшно, но только в первое мгновение, потом понимаю, что это охры.

Ко мне устремляются несколько стремительных теней, а рядом оказываются мужчины:

— Цела? — спрашивает седой как лунь охр с грубыми чертами лица. Киваю, шепчу:

— А Ловэль?!

— Ничего, — добродушно улыбается страж. — Волколаки выносливы. На них всё быстро заживает. Но твой жених силён!

— А как же иначе?! — говорит второй охр, появляясь из-за спины первого — Он же сражался за свою пару! Волколаки любят только раз!

Мне помогают встать, хотят увести, но я отчаянно мотаю головой, только шепчу:

— Ловэль… Ловэль…

Переглянувшись, охры усаживают меня на телегу, куда вскоре укладывают и моего жениха. Выносливые коняги пускаются в путь. Ловэль лежит, не шелохнувшись. Глажу его руки, грудь. Он сейчас уже не похож на монстра, но и в человека

не превратился.

Слышу в голове его голос:

«Как ты, милая?»

«Всё хорошо!» — уверяю. — «Что мне сделается! Ты как?»

«Нормально! До свадьбы заживёт!»

Осторожно касаюсь губами его израненного тела, боясь причинить боль.

«Извини, что не перекидываюсь. В звериной ипостаси быстрее раны заживут. У нас же скоро свадьба!»

«Да, родной! Как скажешь! Я люблю тебя в любом обличие!»

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/Lika-And

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Анд-Лика/

Ольга Консуэло. Собачка

Этим утром Броса шла на работу совершенно без настроения. Всё было одно к одному: и проливной дождь, и ссора с сестрой, и проблемы в родимой больнице. Да и вообще, как говорится, понедельник — день тяжелый.

Хотя, конечно, называть то, что произошло у них с Вондур, ссорой — существенное, да нет, просто *грандиозное* преуменьшение. Когда перестаешь общаться с единственной сестрой, потому что застаешь её со своим парнем в постели, причем в *своей собственной* постели — это всё-таки нечто большее. Ландрава она, разумеется, выгнала взашей, даже вещи толком не дала собрать и ещё целую неделю передавала ему то одно, то другое через общих знакомых. Ну, кроме Вондур, конечно.

Броса не знала, да и, положа руку на сердце, и знать-то не желала, продолжает ли сестра встречаться с Ландравом. Но это не имело значения. Потому что найти в себе силы, чтобы простить Вондур, она пока не могла. Вот если бы они с Ландравом прямо сказали, что хотят быть вместе, а Бросу побоку, тогда еще туда-сюда, но вот так,

тайком, да еще и прямо в Бросиной любовно обставленной спальне на Бросиных белоснежных простынях! Нет, простить такое было совершенно невозможно! Настолько, что она даже сожгла эти самые простыни вместе с наволочками. Подушки, правда, пожалела, ведь удобную подушку поди найди, а простыни — ладно, другие купит, благо зарплата целителя-ликанолога в Центральной больнице Фокунни позволяет не считать медяки.

Работу свою Броса в принципе любила. Не то, чтобы она вот прямо мечтала стать именно ликанологом, но когда в конце пятого курса по результатам тестов у нее была подтверждена высокая толерантность к оборотням, и ей предложили пойти в интернатуру на ликанологию, девушка согласилась почти без раздумий. А что? Специальность довольно редкая, поскольку среди самих оборотней желающих стать целителями почему-то всегда было очень мало, а среди людей не так уж много находилось тех, кто имел достаточно высокий уровень толерантности к оборачивающимся в различных животных собратьям по разуму. Поэтому платили ликанологам существенно больше, чем простым целителям, так что даже на зарплату ликанолога-ординатора уже можно было жить вполне неплохо,

а уж теперь, когда Броса стала полноправным аттестованным целителем — так и вовсе очень даже хорошо.

Родители, как и бабушки с дедушками, любили Бросу и Вондур одинаково, во всяком случае, заподозрить иное по их поведению было невозможно. А вот прабабушка Хюнга, мама маминой мамы, всегда отдавала предпочтение старшей правнучке и свой маленький домик на окраине, окруженный небольшим, но ухоженным садом, завещала именно Бросе. Туда-то и переехала начинающая целительница, как только поступила в ординатуру. А Вондур с собой не позвала, и все намеки сестры на то, как той надоело жить вместе с родителями, упорно игнорировала. Объяснялась такая неуступчивость Бросы довольно просто — всю свою жизнь она была вынуждена считаться с младшей сестрой и довольно часто ей уступать, так что как только появилась возможность жить так, как хочется ей самой, не смогла от нее отказаться.

Да, наверное, нежелание Бросы пустить Вондур к себе обижало сестру, но неужели же настолько, чтобы соблазнить её парня? Хотя, с другой стороны, еще неизвестно, кто там кого соблазнил. Не зря же подруги постоянно твердили ей, что

Ландрав — ужасный бабник и надолго с Бросой не задержится. Но влюбленная девушка, разумеется, не желала их слушать и была счастлива почти целый год, до тех пор, пока восемнадцать дней назад не вернулась с работы раньше времени и не застала Ландрава с Вондур предающимися необузданной страсти на той самой постели, на которой меньше суток назад он не менее страстно любил саму Бросу.

И если бы только это! Ведь и в больнице, точнее в отделении ликанологии, творилось демоны знают что! Уже четверо оборотней пострадали от неизвестной болезни, вызывавшей страшные приступы, напоминавшие эпилептические припадки, сопровождавшееся чудовищными судорогами и страшными болями. В чем была причина заболевания, установить до сих пор не удалось. Ни версия с инфекцией, ни версия с воздействием неизвестного химического вещества не были пока ни подтверждены, ни опровергнуты.

Да ещё и этот ужасный дождь! Конечно, дождь осенью — это нормально, но не когда он льет, как из ведра, целую неделю, а на дворе отнюдь не ноябрь, а всего лишь середина сентября.

В общем, погруженная в печаль Броса уныло

плелась от автобусной остановки к больнице, укрывшись под большим оранжевым зонтом, когда почти у самого крыльца ей под ноги бросилась здоровенная рыжая собака, мокрая и грязная, и жалобно заскулила, припадая на правую переднюю лапу.

— Ох, бедная собачка! — кинулась на помощь сразу же позабывшая о своих горестях Броса. — Что там у тебя такое?

Лапа собаки была в крови, и под густой шерстью виднелась приличная рана, уже изрядно испачканная.

— Вот что, — решительно сказала девушка, — пойдем-ка со мной в больницу. Эту рану обязательно надо обработать.

И вцепившись пальцами в шерсть на загривке, поскольку ошейника на собаке не было, потащила её внутрь.

Надо заметить, что доступ в отделение ликанологии животным закрыт не был, поскольку считалось, что их присутствие благотворно действует на выздоравливающих оборотней. Так что там постоянно жили две кошки и один кот, каждую весну и осень исправно размножавшиеся, что позволяло регулярно одаривать выздоравливающих котятами разнообразных расцветок

«на счастье». Брали их, как ни странно, охотно, видимо, и впрямь верили, что они принесут удачу. А вот время от времени появлявшиеся в отделении собаки надолго не задерживались, довольно быстро прибиваясь к кому-нибудь из выписывающихся пациентов.

Как всякий ликанолог, Броса, разумеется, имела и навыки ветеринара, поскольку не так уж редко, заболев, оборотни переходили в животную форму чисто инстинктивно, потому что так выздоровление обычно шло быстрее. Поэтому никаких затруднений с обработкой собачьей раны у Бросы не возникло.

Поразмыслив пару минут, она решила, что пострадавшую псинку лучше сразу вымыть целиком, чтобы потом не было проблем, куда пристроить грязное животное, что и проделала в процедурной без особого труда, поскольку собака вела себя терпеливо и смирно, явно решив довериться человеку. Высушить густую шерсть оказалось задачей посложнее, но девушка справилась и с ней при помощи фена, который держала в своем шкафчике в целительской на случай, если придется принимать душ на работе.

В процессе мытья выяснилось, что это кобель, так что время от времени Броса поощряла при-

мерное поведение животного каноническим: «Хороший мальчик!», от чего пес довольно прижмуривался, как все собаки безошибочно улавливая, что его хвалят.

Несмотря на примерное поведение «хорошего мальчика», перед тем, как зашивать рану, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении довольно глубокой, целительница всё-таки сделала местную анестезию, чтобы зря не мучить животное. Так что и хирургический этап прошел мирно и гладко. А уж наложить повязку было и вовсе плевым делом.

Единственным неприятным моментом было то, что Бросе пришлось переодеваться, поскольку пес несколько раз отряхивался и изрядно её забрызгал, но это было нестрашно, запасная форма в шкафчике девушки тоже имелась.

Когда все манипуляции были закончены, пришло время делать обход отделения. Броса хотела оставить собаку в целительской на специально устроенной ею для этого лежанке из старого одеяла, взятого в кладовой, разумеется, с разрешения сестры-хозяйки. Но увидев, что девушка покидает целительскую, пес решительно поковылял за ней.

— Ладно, пошли вместе, что с тобой подела-

ешь, — махнула рукой Броса и отправилась на обход в компании своего нового шерстяного приятеля, которого решила пока звать просто «Кани», то есть «собачка», если на старонуэзском.

***

Ковыляя за Бросой Солин, старший оперуполномоченный ОРППО, специализированного отдела по расследованию преступлений против оборотней городского полицейского управления Фокунни, Кин Хундракур с удовлетворением думал о том, что внедрение прошло более чем успешно. И то, что внедриться удалось именно через рыжую, как и он сам, Солин, казалось бравому оперу хорошей приметой.

На данном этапе расследования разницы, с кем из трех потенциальных подозреваемых работающий под прикрытием оборотень попадет в отделение ликанологии, не было. Так что Кин решил положиться на судьбу и броситься к той, которая в этот день первой подойдет к служебному входу. Пришлось, конечно, сначала сильно поранить руку, а уже потом оборачиваться, и больно было демоны знают как, но оно того стоило — он в ликанологии под видом обычной собаки.

Непонятные припадки у оборотней, лечившихся в ЦБФ, привлекли внимание ОРППО ещё после третьего случая, а теперь, когда их стало уже четыре, начальник отдела санкционировал проведение операции под прикрытием. Внедрять кого-нибудь из оперов под видом пациента побоялись — ведь неизвестно, что вызывает припадки, вдруг работающий под прикрытием агент пострадает, так что внедрять решили оборотня в животной ипостаси, благо о том, что в отделении ликанологии можно держать животных, всем было прекрасно известно. А Кин для подобных дел был самой подходящей кандидатурой — обычные люди никогда не признавали в нем оборотня, поскольку на голове у него было белое пятно, а ведь всем известно, что шерсть у оборотней такой же расцветки как и волосы, а раз так, то собака с белым пятном оборотнем быть никак не может. Кин же был редкой аномалией, поскольку у него имелась белая прядь среди ярко-рыжих волос, превращавшаяся в это самое пятно при обороте. Ну и еще Кин в любом облике был потрясающе обаятельным. Так что шеф ОРППО Логриг Кофдюур ни минуты не сомневался, кого следует послать на это дело.

На данный момент, проанализировав все

имеющиеся данные, сотрудники ОРППО выяснили, что во всех четырех случаях в отделении ликанологии дежурили три человека: целитель-ликанолог Броса Солин и две медсестры: Кантир Лектири и Мактен Раартан. Теперь задачей Кина было проследить за ними во время работы, чтобы понять, причастен ли кто-то из женщин к этим загадочным заболеваниям. Конечно, уследить за всеми сразу Кин не мог, поэтому план был такой: сначала он плотно сопровождает одну из потенциальных подозреваемых под видом пострадавшей собаки, а если убеждается, что та к происходящему не причастна, предпринимает меры для проверки следующих.

Разумеется, кто-то из лечившихся в отделении оборотней вполне мог почувствовать, что Кин не настоящая собака, но тут уж приходилось полагаться на удачу и надеяться, что даже если такое случится, трепаться о своем открытии собрат не станет. На крайний случай Кин имел указание раскрыть цель своего пребывания в больнице, но всё же уповал на то, что до этого не дойдет.

***

Обход шел своим чередом и продолжался уже больше часа. Еще бы, ведь Броса внимательно

просматривала истории болезни каждого пациента, чтобы выяснить, что изменилось с момента её предыдущего дежурства, и обязательно с каждым беседовала хотя бы пару минут, а с новенькими — и вообще разговаривала подробно и подолгу. За такое внимательное и ответственное отношение пациенты целителя Солин очень любили, и даже самые застенчивые из них охотно делились с нею подробностями о состоянии своего здоровья.

Но этот пациент, которого Броса всегда оставляла напоследок, был печальным исключением из данного правила. Трур Хундурин, оборотень с собачьей ипостасью, что было ясно из его фамилии, начинавшейся с «Хунд», находился в отделении уже четвертую неделю, но за это время не сказал миловидной обаятельной целительнице Солин ни единого слова. Это было настолько необычно, что Броса даже навела подробные справки и выяснила, что пациент Хундурин вообще ни с кем не разговаривал — ни с другими целителями, ни с медсестрами, ни с теми, кто приходил его навестить. Целыми днями он лежал, отвернувшись к стене, и хотя в данный момент жизни Трура Хундурина ничего не угрожало, на поправку он упорно не шел.

Трур был полицейским оперуполномоченным, как и Кин, но работал не в ОРППО, а в отделе по расследованию насильственных преступлений в том же городском полицейском управлении, поскольку в районных были только отделы по борьбе с имущественными преступлениями, которых в Фокунни совершалось на порядок больше.

Двадцать шесть дней назад они с напарником Винуром Марнилундом преследовали отморозка, ограбившего девушку. По сведениям, полученным от потерпевшей, преступник был вооружен ножом, которым он ей, собственно, и угрожал. Но когда они загнали мерзавца в тупик, выяснилось, что у него был ещё и пистолет, из которого гаденыш и начал палить по преследовавшим его полицейским. Первым же выстрелом ублюдок убил бежавшего впереди Винура, попав ему прямо в глаз, вторая пуля попала Труру в грудь, что не помешало переполненному яростью оборотню достать пистолет и начать отстреливаться. Мерзавца, оказавшегося, как выяснилось позже, особо опасным рецидивистом, сбежавшим из-под надзора после освобождения из тюрьмы, Трур, разумеется, застрелил. Но это не вернуло Винура, человека, ставшего его первым напарником.

Человека, с которым они прослужили вместе больше десяти лет, который научил Трура всему, что знал сам о полицейской работе, человека, ставшего Труру вторым отцом.

Винуру оставалось до пенсии меньше года. Он уже строил планы, как будет возиться с внуками, как достроит лодку, начатую ещё до того, как Трур стал его напарником, как наконец-то съездит с женой в санаторий на целый месяц, а не как обычно, в лучшем случае на две недели. А теперь ничего этого не будет! И в этом Трур винил себя. Потому что это он, молодой здоровый оборотень, должен был первым сунуться в тот переулок, а не пожилой, хотя и всё еще крепкий обычный человек Винур. И рана Трура упорно не заживала, постоянно нагнаиваясь и воспаляясь снова и снова, несмотря на вот уже третий по счету курс антибиотиков.

Визиты рыженькой целительницы были для Трура единственным светлым пятном. Когда она была рядом, ему как будто становилось легче. В целительнице Солин Труру нравилось всё: и ярко-рыжие волосы, и симпатичное лицо, и ладная фигурка, и уютный, как будто родной, запах, и осторожные прикосновения нежных ладошек её маленьких ручек. Она была как воплощенная

мечта о той самой женщине, самой близкой и самой замечательной на свете. Но ему, неуклюжему увальню, *неспособному уберечь даже собственного напарника*, о том, чтобы заполучить такое совершенство, и думать не стоило.

Историю гибели Винура Марнилунда знал, разумеется, весь город. И хотя в точности о сути переживаний пациента Хундурина Броса не знала, но прекрасно понимала, что тот явно винит себя в гибели напарника, поскольку у оборотней гораздо сильнее, чем у людей выражена связь между физическим и эмоциональным состоянием, и раз оборотень, несмотря на адекватное лечение, не поправляется, значит, причина тут не физическая, а психическая.

Поэтому Броса всегда оставляла Хундурина напоследок и каждый раз пыталась его разговорить, не без основании полагая, что поделившись своими переживаниями, тот сделает первый шаг к выздоровлению. Но пациент упорно молчал.

— Ну как вы сегодня, господин Хундурин? — с приветливой улыбкой спросила Броса, входя в предоставленную пострадавшему при исполнении полицейскому одноместную палату.

Пациент, лежавший лицом к стене, предсказуемо не ответил, но хотя бы обернулся на голос и

даже сел в кровати, мрачно взирая на целительницу и сопровождавшего её Кани — Кина.

— Давайте посмотрим вашу рану, — продолжила девушка, присаживаясь на стул у кровати, и начала аккуратно снимать повязку.

Поскольку рана снова загноилась, повязка присохла, и когда Броса стала её отдирать, Трур зашипел от боли. Мысленно обругав себя, что не сделала этого сразу, целительница наложила чары для местного обезболивания и, открыв наконец-то рану, не смогла сдержать печального вздоха — вроде бы начавшее уменьшаться воспаление снова усилилось.

— Тебя ещё тут не хватало, Кани, — шикнула она на Кина, сунувшего любопытную морду ей под руку, и добавила, обращаясь с Труру: — Ну почему же вы никак не хотите выздоравливать, господин Хундурин?

— Меня зовут Трур, — охрипшим после долгого молчания голосом ответил тот и послал Кину, которого явно узнал, такой тяжелый взгляд, что опер под прикрытием шлепнулся на задницу от неожиданности.

— Приятно познакомиться, Трур! — с энтузиазмом откликнулась заметно повеселевшая целительница. — А меня зовут Броса. Сейчас я

обработаю вашу рану новым лекарством и снова наложу повязку. Надеюсь, хотя бы это средство вам поможет.

— А разве не медсестры должны делать перевязки? — поинтересовался Трур, действительно недоумевавший, почему с ним постоянно возятся именно целители.

— Когда рана наконец-то начнет заживать, так и будет, но пока нет прогресса, её состояние должен оценивать непосредственно целитель, чтобы понимать, нужно ли корректировать лечение.

Закончив перевязку, Броса сделала запись в истории болезни и, пообещав заглянуть еще раз ближе к вечеру, вышла из палаты. Кин направился вслед за ней, но Трур успел тихо прорычать ему вслед: «Сунешься к ней, убью!» Он был премного наслышан о любовных подвигах этого ловеласа, менявшего женщин, как перчатки, что вообще-то было псам-оборотням несвойственно. Но в случае Хундракура побеждала, по всей видимости, человеческая часть его натуры. А Трур никак не мог допустить, чтобы этакий легкомысленный тип дурил голову такой замечательной девушке. Кин к сведению позицию коллеги принял, но внешне никак не отреагировал, тем более, что он и сам ещё не решил, стоит ли ему приударить

за рыженькой Солин, если, конечно, выяснится, что она не замешана в этих происшествиях с оборотнями, или нет.

Вечером Броса действительно зашла снова, чтобы сделать перевязку, поскольку на гноящихся ранах следовало менять повязки два раза в день. В этот раз ей показалось, что воспаление стало чуть меньше, но, к сожалению, если прогресс и был, то слишком незначительный, чтобы можно было быть полностью уверенной в его наличии.

А ночью это случилось снова. У пациента Тигтальнена, оборачивающегося, как было очевидно из первого слога «тиг» в его фамилии, в тигра, начались судороги. Зрелище, конечно, было жуткое, ведь у него еще и пена изо рта шла, причем кровавая, поскольку Тигтальнен прикусил язык, но Броса с медсестрами не растерялись и действовали четко и слаженно, так что Тигтальнен был надежно зафиксирован и получил все необходимые лекарства вовремя. Да и неудивительно, что всё получилось, ведь это был уже пятый случай, так что все прекрасно знали, что следует делать. Однако же на снятие приступа ушел почти час, поэтому когда Тигтальнену стало лучше, и его стало можно развязать, поставив капельницу с укрепляющим раствором, и Броса, и Кантир с

Магтен были совершенно измотаны.

«А вот кстати, — подумал Кин, наблюдавший за происходящим из коридора через распахнутую дверь палаты, — ведь все случаи приступов происходили ночью, а ночью в отделении дежурит всего один целитель и две медсестры, не то, что днем, когда целителей трое, а медсестер — и вовсе пять».

Разумеется, всякому, работающему в больнице, это было очевидно, но ни Кин, ни его коллеги из ОРППО почему-то не задумались о том, что дневные и ночные смены в ЦБФ укомплектованы по-разному. Они просто отметили, кто именно работал в то время, когда имели место интересующие их происшествия, и всё. А ведь, как Кин теперь понимал, за день наслушавшись разговоров в целительской, и графики у работавших в отделении ликанологии были разные. Кто-то работал только сутками, кто-то — только днем, а кто-то — в основном днем, но с ночными дежурствами время от времени, и это еще не считая выходов не по своему графику для замены тех, кто болен или в отпуске.

Кину стало совершенно ясно, что ему срочно необходимо выяснить, какие именно графики за те полтора месяца, когда имели место происше-

ствия с оборотнями, были у всех трех потенциальных подозреваемых. Броса вроде бы работала только сутками, но и это всё равно требовалось уточнить. Конечно, сейчас Кин подозревал целительницу меньше остальных, поскольку не спускал с нее глаз и был абсолютно уверен, что Тигтальнена она не трогала, во всяком случае, лично. Этого пациента Броса посетила один раз во время обхода и никаких лекарств ему сама не давала. А если бы она делала пострадавшим какие-то неправильные назначения, это бы отражалось в историях болезней и давно бы уже стало очевидным. Но полностью исключить причастность Солин Кин пока всё-таки не мог, ведь она могла быть соучастницей, так что он собирался еще последить за целительницей, чтобы проверить, не будет ли у нее каких-то подозрительных контактов. Ведь если у нее имеются подельники, должна же она с ними как-то связываться?

Телефона у Кина с собой, разумеется, не было. Взрослые оборотни, конечно, умели при обороте помещать одежду в специальный пространственный карман, да так хитро, что при обратном превращении она снова оказывалась на них надетой, но никакие технические приспособления такого обращения не выдерживали, просто

переставали работать. Звонить из дома Бросы, когда наутро он туда попадет, тоже представлялось довольно рискованным, ведь он не знал, насколько крепко девушка спит, да и самый крепко спящий человек может внезапно проснуться по совершенно неожиданному поводу в самый неподходящий момент. Значит, звонить, надо было сейчас. Телефон с выходом в город был только в целительской, и в принципе Кин мог бы позвонить оттуда, но для этого надо было обернуться в человека, а это было рискованно, мало ли кто туда неожиданно заглянет.

Ситуация уже начала казаться бравому оперу безнадежной, когда Кин вспомнил о Труре Хундурине. Понадеявшись на то, что даже если Броса освободится раньше, чем он вернется, то не кинется разыскивать его по палатам, Кин бесшумной тенью метнулся в палату коллеги. Как только он вошел, Трур немедленно проснулся и уставился на незваного визитера отсвечивающими красным в неярком свете, падающем из коридора, глазами. «Надо отдать этому Хундурину должное, соображает он неплохо», — мысленно отметил Кин, когда Трур сначала подпер не имевшую запора дверь в палату тумбочкой и только потом негромко пробурчал: «Ну, чего тебе?»

Обернувшись человеком, Кин рассказал Труру, что работает под прикрытием над делом о пострадавших в ЦБФ оборотнях. Объяснил он, и какая именно информация ему нужна, а также кому нужно позвонить, чтобы её уточнить. И Трур позвонил, но оказалось, что посреди ночи никто на его вопросы отвечать не готов — нужной информации никто просто не помнит. Так что пришлось договариваться, что нужные сведения коллеги передадут Труру, а тот передаст их Кину, когда он снова придет в больницу вместе с Бросой, но когда это точно будет, Кин пока и сам не знал — просто не догадался внимательно изучить график работы, висевший в целительской.

— И не вздумай к ней лезть, я серьезно, — сказал ему на прощание Трур, когда Кин, уже обернувшись собакой, выходил из палаты, и показал для острастки кулак.

Не то, чтобы Кин и правда испугался Трура Хундурина, парня хотя и здоровенного, но выглядевшего в человеческой ипостаси совершенно неагрессивным, однако вывод о том, что Хундурин запал на рыженькую всерьез, сделал.

Утром дождя не было, так что по дороге домой настроение у Бросы было уже получше, да и радостно прыгающий вокруг рыжий пес был таким

милым, что глядя на него, всерьез расстраиваться девушка уже не могла. Ради того, чтобы Кани смог погулять подольше, Броса даже решила пройтись до дома пешком, а не поехать на автобусе, как делала обычно. Да и зайти в зоомагазин тоже следовало, так что в любом случае пришлось бы выходить на остановку раньше.

Вообще-то сначала Броса хотела оставить Кани в отделении. Собак она, конечно, любила, но вот прямо сейчас как-то не была готова заводить взрослого здоровенного пса. Однако рыжий прохвост так жалобно заскулил, когда она попыталась уйти без него, что девичье сердце не выдержало, и буркнув: «А, демоны с тобой, пошли!» — Броса разрешила Кани отправиться вместе с ней.

И теперь радостная рыжая бестия носилась вокруг нее кругами, временами взлаивая от восторга, а Броса прикидывала в уме, чего и сколько надо купить этому проглоту. Получалось, что помимо сухого корма и собачьих галет потребуются ещё и поводок с ошейником. Неплохо было бы, конечно, прикупить специальные миски для корма и воды, а также собачью постель, но это могло и подождать, тем более, что Броса не была уверена, что Кани задержится у нее надолго.

Пес был ухоженным и явно домашним, так что она собиралась после того, как выспится, разместить объявление о своей находке, позвонив в городское Бюро находок, и полагала, что хозяева симпатичной собачки вскоре объявятся. Так что всерьез тратиться на обустройство пса в своем доме девушка считала явно преждевременным. Миски она найдет, а постель для пса можно будет обустроить из запасного одеяла, которым раньше пользовался Ландрав, вряд ли оно в скором времени понадобится, а даже если и да, то лучше будет купить новое.

Посоветовавшись с продавцом, Броса купила Кани ошейник с поводком, пакетик собачьих галет и немного сухого корма на развес, а доставку большого мешка корма заказала на дом, тащить шестнадцать кило на себе она была не готова, а брать в пакетах меньшей расфасовки получалось уж больно невыгодно.

Кин, разумеется, был не в восторге от необходимости питаться сухим собачьим кормом, но приходилось терпеть ради конспирации. Он, конечно, мог раскапризничаться и добиться того, чтобы Броса купила ему собачьих мясных консервов, но кормить пса его размера консервами вышло бы по-настоящему дорого, а девушке и так

уже пришлось немало на него потратить. Сначала Кин планировал, когда всё закончится, просто пригласить симпатичную целительницу на обед, а лучше, конечно, — на ужин, плавно и приятно переходящий в завтрак, но теперь, учитывая предупреждения Хундурина, была вероятность, что план придется поменять. Ну да об этом можно было подумать и позднее.

А сейчас Кин, успевший изрядно набегаться по дороге, выхлебал полмиски воды и принялся за сухой корм, показавшийся ему с голодухи вполне приемлемым на вкус. Конечно, во время дежурства Бросы «милому песику» перепала еда повкуснее и не только из больничной столовой, но и из принесенных из дома её коллегами аппетитно пахнувших судочков и баночек, но к этому моменту он уже успел изрядно проголодаться.

Броса же направилась в ванную, где её уже поджидала набранная ванна с ароматной пеной. Она всегда принимала ванну после тяжелой смены, чтобы всё плохое ушло в воду. Наука не давала точного ответа, действительно ли вода способна забирать негативную энергию, но Бросе это помогало, и девушке было неважно, происходило ли это из-за объективных причин или из-за простого самовнушения.

Доев, Кин пристроился на выделенном ему одеяле, которое Броса положила на пол в углу гостиной, и задремал. Разбуженный звуком автомобильного гудка с улицы оборотень, взглянув на большие напольные часы, понял, что девушка принимает ванну уже почти час. Конечно, Кин прекрасно понимал, что женщины — довольно странные существа, и ожидать от них можно всякого, но такие долгие водные процедуры его всё же встревожили, и оборотень решил посмотреть, всё ли с Бросой в порядке. А то вдруг она там уснула? Захлебнется еще, ну или простудится в остывшей воде, тоже ничего хорошего.

Оборачиваться человеком Кин, конечно, не стал. Зачем рисковать, если ручку ванной можно открыть, просто встав на задние лапы, при помощи этих самых лап, только передних? В ванной было тихо, и за задернутой шторкой виднелся силуэт девичьей головы с подколотыми, чтобы не намокли, волосами. Кин подошел поближе и, всунув морду за занавеску, негромко тявкнул.

— А? Что? — встрепенулась Броса и привстала.

В результате этого маневра упругая девичья грудь оказалась прямо перед глазами Кина. Впечатленный увиденным оборотень с размаху шлепнулся на задницу и даже тявкнул от избыт-

ка чувств.

— Ах ты, вуайерист мохнатый, — шутливо погрозила ему пальцем девушка, — а ну, брысь отсюда, нечего подглядывать!

Кин счел за лучшее подчиниться и даже на всякий случай не стал подсматривать из-за приоткрытой двери, хотя и очень хотелось.

***

Три выходных прошли довольно приятно: погода стояла отличная, и Броса со своим новообретенным питомцем много гуляли в парке неподалеку, где Кин с восторгом носился за вытащенным Бросой из кучи так до конца и не разобранных старых вещей, сваленных на чердаке, красным резиновым мячиком, как раз такого размера, что удобно помещался в собачьей пасти. Так-то оно, конечно, взрослому оборотню бегать за мячиком было уже даже и не совсем прилично, но всё равно приятно и весело, тем более, что имелось отличное оправдание — работа под прикрытием. А по вечерам, когда девушка усаживалась на диване с книжкой, Кин пристраивался рядом, уложив мохнатую голову ей на колени, и блаженно жмурился, когда она чесала его за ушами.

И да, никаких подозрительных контактов, представляющих интерес для следствия, за это время у целительницы не было.

В пятницу утром, собираясь на работу, Броса поинтересовалась:

— Ну что, Кани, пойдешь со мной на работу или дома дрыхнуть будешь? Еды я тебе оставлю, а по своим делам ты сможешь выходить в сад, собачью дверцу я запирать не стану.

В задней двери дома, выходившей из кухни в сад, действительно имелась собачья дверца с защелкой изнутри, проржавевшей настолько, что для того, чтобы проверить, пролезет ли Кани через эту дверцу, защелку пришлось не только смазать, но еще и предварительно пошкурить, благо наждачная бумага в доме имелась. В дверцу пес действительно пролез, так что теперь мог самостоятельно наведываться в окружавший дом сад в любое время.

Сложно сказать, какой выбор сделал бы в такой ситуации Кин, будь он и впрямь собакой, но он был опером на задании, поэтому всем своим видом продемонстрировал готовность отправиться с Бросой на работу.

И они пошли на работу вместе.

Обоснованно предположив, что и на этот раз

к Хундурину Броса зайдет в последнюю очередь, Кин метнулся в палату к коллеге и выжидательно уставился на Трура, на этот раз лежавшего уже не лицом к стене, а просто глядя в потолок.

— А, это ты… — протянул Хундурин. — А Броса где?

Кин попытался взглядом передать Труру, что вопрос этот довольно глупый, и судя по всему, ему это удалось, поскольку Трур продолжил:

— А, понял, она только-только начала обход, а ты сразу ко мне. Что ж, запрос ты сделал не зря. Действительно, одна из медсестер — Кантир Лектири не так давно сменила график работы. До первого происшествия она работала в основном в дневную смену с одним или двумя ночными дежурствами в месяц. Как раз во время такого её ночного дежурства и имел место первый эпизод, после которого она сразу же поменяла график на суточные дежурства. Какую причину она при этом озвучивала своему начальству, ваши пока решили на всякий случай не выяснять, чтобы её не спугнуть, если эта Лектири замешана.

На этих словах Кин одобрительно кивнул и собирался уже выйти из палаты, чтобы пойти подремать в целительской и послушать, о чем там будут болтать коллеги Бросы, но Трур его

остановил, сказав:

— Ко мне вчера начальник твой приходил, Логриг Кофдююр. Не люблю я эту кошачью породу, но Кофдююр мужик и впрямь дельный, он принес сигнальный артефакт с приемником и передатчиком, подойди, я тебе передатчик на ошейник прицеплю, а приемник у меня будет.

Кин подошел и позволил прицепить к своему ошейнику небольшой матово-черный кругляшок передатчика.

— Умеешь пользоваться? — поинтересовался Трур, а когда Кин кивнул, начал излагать идею начальника ОРППО: — В общем, Кофдююр сказал мне, что раз ты убедился, что Солин непосредственно к воздействию на пострадавших отношения не имеет, значит, ты должен будешь ночью ходить по отделению и смотреть, что вокруг происходит. Бродящая по ночам дозором собака действительно вряд ли кого-нибудь удивит. Кот, ясное дело, был бы еще менее заметен, но тут вы, конечно, правильно сделали, что решили не рисковать, неизвестно как бы он ужился с местными. Ну вот, а раз уж я всё равно здесь торчу, Кофдююр хочет, чтобы я тебя подстраховал. Поэтому, если ты заметишь что-нибудь подозрительное, ты подашь мне сигнал, и я сразу

же прибегу. Вдвоем у нас будет больше шансов задержать злоумышленника. И не смотри так обиженно, Кофдююр тебе полностью доверяет. Просто нельзя исключать, что преступник действует не один, вот тут-то я и пригожусь. Но сигнал ты подай в любом случае, мало ли что.

С тяжелым вздохом Кин снова кивнул и отправился в целительскую.

Броса действительно появилась в палате Трура только в конце обхода. С удовлетворением отметив, что рана выглядит заметно лучше, она не замедлила поделиться этими новостями с Труром.

— Так вы теперь, значит, больше не будете мне перевязки делать? — с огорчением спросил оборотень.

— Почему не буду? — удивилась Броса.

— Ну вы же сами сказали, что когда рана начнет заживать, перевязки будут медсестры делать.

— Ну, во-первых, до этого ещё далеко, а во-вторых, если вам комфортнее, чтобы перевязки делала именно я, а не медсестры, так и скажите, мне не трудно.

— Хорошо, спасибо, — с облегчением выдохнул Трур.

— И вам бы очень желательно начать ходить

на прогулки, для выздоравливающих оборотней свежий воздух очень полезен, — продолжила целительница. — У нас тут, кстати, чудесный парк, а сегодня еще и погода прекрасная, сухая, солнечная и теплая. Если вам пока тяжело так далеко ходить, попросите кого-нибудь из медсестер, чтобы вас сопроводили. Они не откажут, это тоже входит в их обязанности.

— А вы?

— Что — я?

— А вы не откажете, если я вас попрошу сходить со мной на прогулку? — выпалил Трур и затаил дыхание в ожидании ответа.

Услышав такой вопрос, Броса впервые внимательно посмотрела на Хундурина не как на пациента, а как на мужчину. На его простое, но приятное лицо, на взлохмаченные пепельно-русые волосы, и да, на его мускулистый торс, пока еще не скрытый под больничной пижамой, тоже посмотрела. Целительница в ней в полный голос вопила, что непременно надо соглашаться, поскольку её присутствие явно способствует выздоровлению этого пациента, а вот обиженная женщина, совсем недавно обманутая, пусть и совершенно другим мужчиной, настойчиво шептала, что рисковать не стоит.

Пауза затягивалась, и только когда Трур, поняв молчание девушки по-своему, уныло пробормотал: «Простите, я зря спросил, не стоило», — Броса наконец-то решилась и сказала:

— Да нет, что вы, очень даже стоило, просто я прикидывала, в какое время это можно сделать. Да и долго гулять с вами я не смогу, а вам бы надо подольше.

— А вы ко мне завтра приходите, в часы посещений, а? — осмелел оборотень. — Если погода будет подходящая, я готов с вами гулять хоть весь день.

— Я подумаю, — широко улыбаясь, ответила Броса, — а сегодня сходим обязательно. Я за вами после обеда зайду, хорошо?

— Договорились! — радостно улыбнулся в ответ Трур.

Прогулка получилась довольно милой, вот только немного странной, поскольку стоило только увязавшемуся за ними Кани-Кину усесться рядом с Бросой, положив голову ей на колени, как Трур задал целительнице довольно неожиданный вопрос:

— А как вы думаете, Броса, мне полезно будет побегать в собачьей ипостаси?

— Да, конечно, — уверенно ответила девуш-

ка. — Если нет угрозы жизни, то оборот всегда ускоряет выздоровление.

И тут, безмерно удивив целительницу, пациент Хундурин обернулся здоровенной палево-серой псиной и стремительно рванул к ближайшим деревьям, а буквально через мгновение вернулся и с палкой в зубах уселся перед Бросой, просительно виляя хвостом.

Рассмеявшись, девушка забрала у него палку и постаралась зашвырнуть её как можно дальше. Радостно гавкнув глубоким басом, Трур бросился за палкой, а когда он принес её назад, Броса, не удержавшись, погладила его по голове со словами: «Хорошая собачка!». Не поучаствовать в такой чудесной забаве Кин не мог, поэтому, когда девушка бросила палку в следующий раз, рванул следом за Хундурином. Так они с переменным успехом и гонялись за палкой в следующие полчаса, а призом победителю в очередном забеге было почесывание за ушами и звание «хорошей собачки».

Когда Броса сказала, что они, безусловно, отлично проводят время, но ей пора заниматься делами, Трур тут же обернулся человеком, а палку, которая в последнем раунде досталась ему, с ехидной улыбкой вручил Кину. Тот, как ни стран-

но, отказываться не стал и с загадочным видом скрылся в ближайших кустах, по всей видимости, припрятывая свое собачье сокровище.

— Как вы себя чувствуете? — встревоженно спросила Броса, заметив, что Трур всё никак не может отдышаться.

— Вполне неплохо, хотя бывало и получше, — доложился тот.

— Так, давайте-ка, обопритесь на меня, я помогу вам дойти. И не вздумайте возражать! — строгим тоном сказала целительница.

Но о возражениях пациент и не думал, и когда Броса правой рукой обхватила его за талию, закинув левую руку Трура себе на плечо, охотно воспользовался ситуацией, постаравшись прижаться потеснее.

«Вот не видел бы, что ты в собаку оборачиваешься, решил бы, что ты из лис, — думал неспешно трусивший за обнявшейся парочкой Кин, — вот как пить дать, лисы у тебя в роду были, хоть ты и не рыжий».

Надо заметить, что смешанные браки у оборотней встречались даже чаще, чем пары, в которых оба супруга были оборотнями, тем более — оборотнями одного вида. Да и выбора-то особого не было, поскольку гены, отвечающие

за способность оборачиваться, намного чаще передавались по мужской линии, поэтому мужчин-оборотней было гораздо больше, чем оборотней-женщин. Так что браки с людьми оборотни заключали с незапамятных времен, тем более, что полукровок не бывало — ребенок либо наследовал способность к обороту и становился полноценным оборотнем, либо был обычным человеком. А вот браки оборотней разных видов лет пятьдесят назад еще были диковиной и стали обычным делом только после того, как ученые сумели бесспорно доказать, что никакая из животных ипостасей не была доминирующей при наследовании, так что вероятность наследования ребенком животной ипостаси конкретного родителя являлась равной, вне зависимости от видов, к которым родители принадлежали.

Проводив Трура в палату, Броса погрузилась в рабочую рутину, а когда снова пришла к нему на вечернюю перевязку, с удовлетворением отметила, что воспаление вокруг раны почти исчезло, гноя уже совсем нет, и даже заметны следы заживления. Поэтому, когда пациент снова поинтересовался, придет ли она завтра, чтобы с ним погулять, внутренняя целительница победила внутреннюю паникершу, и Броса ответила, что

придет, но только если не будет дождя. Всё-таки сидение в палате, по её мнению, слишком уж сильно напоминало свидание, а к такому девушка пока была не готова.

На этот раз, к удовольствию Бросы и разочарованию Кина, ночь прошла спокойно, так что целительница даже успела немного вздремнуть в целительской на диване. А вот Кин, наоборот, всю ночь шлялся по коридорам, уделяя особое внимание сестре Лектири, в надежде заметить что-нибудь подозрительное. Поэтому, когда они с Бросой добрались до дома, оборотень быстренько поел и завалился спать, не дожидаясь даже, когда уляжется девушка.

***

Когда Броса, а следом за ней и Кин проснулись, солнце светило так, что казалось, будто всё ещё лето. Так что, пообедав, девушка, как и обещала, снова направилась в ЦБФ, чтобы погулять с Труром. Оборотень, поразмыслив, решил с ней в этот раз не ходить. Днем, да ещё и не в ту смену, делать ему в больнице было нечего, а носиться за палкой наперегонки с Хундурином было, вне всякого сомнения, забавно, но только один раз. Повторять это снова было бы глупо. Так что, про-

водив целительницу Солин, парень обернулся человеком и с наслаждением завалился на диван с книжкой, которую с таким увлечением совсем недавно читала Броса. Это был мистический фэнтези-детектив Ольги Консуэло под названием «Восемь рун в сердце зимы», оказавшийся настолько захватывающим, что Кин чуть не пропустил возвращение своей временной хозяйки, твердо решив, что он и завтра с ней не пойдет, чтобы дочитать книжку.

Трур встретил Бросу такой радостной улыбкой, что последние сомнения целительницы развеялись — на эти прогулки она согласилась не зря.

— А где же собачка ваша? — поинтересовался оборотень, поздоровавшись.

— Кани сегодня остался дома, — ответила девушка, — он всю ночь по коридорам бродил, всё высматривал непонятно кого, так что остался отсыпаться.

Они снова отправились в парк, но в этот раз Трур, конечно же, оборачиваться не стал, а просто сел рядом с Бросой на скамейку и, жмурясь на солнышке, довольно охотно отвечал на заинтересованные вопросы целительницы. Слово за слово, девушка вытянула из него все нехитрые подробности биографии полицейского опера,

настолько увлеченного работой, что времени на серьезные отношения с противоположным полом уже и не оставалось. Да и желания особого не было, если честно, до встречи с Бросой, разумеется. Но этого Трур ей пока говорить не стал, побоявшись отпугнуть внезапной серьезностью своих намерений. Ведь это он знал её уже почти целый месяц, знал её удивительный запах, тепло её нежных рук, музыку её милого голоса. А для Бросы-то он до вчерашнего дня был просто трудным пациентом Хундурином, одним из многих.

Так они просидели больше двух часов, пока больных не начали созывать на полдник. Тепло попрощавшись с Труром, Броса отправилась домой, размышляя о том, что если этот оборотень и впрямь на нее запал, то она, пожалуй, будет не против попробовать познакомиться с ним поближе, парень начинал ей по-настоящему нравиться.

***

А на следующий день снова полил дождь, и целительница осталась дома. Трур страдал, что она не пришла, Кин страдал, что не может дочитать интересную книжку, и даже сама Броса немного страдала, переживая за здоровье пациента

Хундурина, но положа руку на сердце, всё-таки не слишком сильно. Тем более, что дома у нее имелись и другие интересные книжки, которые она не так давно взяла у своей лучшей подруги Кайрасты, но пока еще не успела прочитать.

Но не зря говорят, что природа слышит чаяния оборотней и отзывается на них — дождливая погода не затянулась, так что в понедельник было сухо, хотя и пасмурно,и Броса после обеда отправилась в ЦБФ. На сей раз Трур обрадовался так, что девушке даже стало немного неловко от такого явного проявления чувств.

И может быть, эта радость сыграла свою роль, а может быть — и что-то еще, но Трур немного неожиданно даже для себя самого во всех подробностях рассказал Бросе о своем напарнике. Рассказал, как терпеливо Винур Марнилунд учил его, тогда ещё совсем зеленого новичка, премудростям оперативной полицейской работы, о том, сколько дел они раскрыли вместе, о том, как прикрывали друг друга от пуль и от критики начальства, о том, как отмечали успешные раскрытия и переживали неудачи. Ну, и конечно же, о том, как его непредусмотрительность и нерасторопность стоили напарнику жизни.

— Никто не совершенен, и вы в том числе, —

заметила Броса, выслушав оборотня. — Да, вы совершили ошибку, но разве существует на свете человек или оборотень, никогда их не совершавший? Если бы я и мои коллеги бросали бы заниматься своим делом из-за любой совершенной ошибки, мир остался бы вообще без целителей, ведь не зря говорят, что у каждого целителя есть свое маленькое кладбище.

— Это не любая ошибка, это ошибка, стоившая жизни моему напарнику и другу, — мрачно ответил на это Трур.

— Но ведь это *непреднамеренная* ошибка, — горячо возразила девушка. — И я совершенно уверена, что ваш напарник ни в коем случае не хотел бы, чтобы вы бросили работу в полиции из-за чего-то в этом роде. Ведь тогда все его усилия, потраченные на то, чтобы сделать из вас хорошего полицейского, пропадут зря.

— Вы правда так думаете? — спросил Трур, пытливо вглядываясь ей в глаза.

— Определенно, — твердо ответила Броса, выдерживая этот взгляд.

— Может, вы и правы, — вздохнул парень, — если так подумать, Винур и впрямь не одобрил бы мое решение уйти из полиции.

— Ну так и не уходите! — воскликнула це-

лительница. — Возьмите себе в напарники какого-нибудь новичка и научите его всему, что знаете. Передайте эстафету. Пусть это будет искуплением вашей ошибки. Да и я думаю, что воспитание желторотика-неумехи потребует от вас полной мобилизации всех ресурсов, так что на депрессивные мысли у вас не останется ни времени, ни сил.

— Это точно! — рассмеялся воспрянувший духом Трур и всё время, оставшееся до полдника, травил байки времен своего ученичества.

***

Следующее утро снова было дождливым и, собираясь на работу, Броса без особой надежды поинтересовалась у радостно прыгающего вокруг нее Кани, не хочет ли он всё-таки остаться дома. Кин, может, и остался бы, трусить под дождем в собачьей ипостаси — удовольствие ниже среднего, но ведь злоумышленники ждать хорошей погоды не будут, так что надо было идти, пришлось даже жалобно поскулить, чтобы девушка уж точно не вздумала уйти без него.

Тяжело вздохнув, Броса надела псу ошейник, пристегнула поводок и, прихватив здоровенный прабабушкин зонт, чтобы хоть немного при-

крыть от дождя Кани, отправилась на автобусную остановку. К счастью, долго ждать им не пришлось, да и дорога была не слишком грязной, так что по прибытии в больницу удалось обойтись только мытьем собачьих лап, а не всей собаки целиком.

Кин сразу же направился на свою подстилку в целительской, а Броса пошла на обход, не став изменять привычного порядка и оставив палату Трура напоследок. В этот раз рана пациента Хундурина выглядела просто замечательно: никакого воспаления не было вообще, да и края уже начали срастаться.

— Ну вот, ещё два-три дня и вас можно будет выписывать, — улыбнулась Труру целительница.

Но, вопреки её ожиданиям, оборотень этой новости не обрадовался, а наоборот, с тяжелым вздохом печально произнес:

— Значит, у меня больше не будет повода увидеться с вами.

— А вам для этого нужен какой-то специальный повод? — с подчеркнутым удивлением поинтересовалась девушка.

— Могу ли я это расценивать как потенциальное согласие встретиться со мной за пределами больницы? — оживился Трур.

— Можете, — благосклонно кивнула Броса.

— И телефончик свой мне дадите?

— И телефончик дам, и даже ваш номер запишу, чтобы не пропустить звонок, а то я на звонки с незнакомых номеров не отвечаю, названивают тут всякие.

— Вам кто-то докучает? Кто? Вы только скажите, я с ним разберусь! — решительно заявил оборотень.

— Буду иметь в виду, но надеюсь, что до этого не дойдет.

Они обменялись телефонами, и Броса отправилась по своим делам, а Трур завалился на кровать, мечтательно уставившись в потолок и представляя, как уже совсем скоро сможет пойти с ней на настоящее свидание.

Когда ближе к вечеру Кин заскочил в Хундурину в палату, чтобы еще раз обсудить порядок действий в случае, если ночью заметит что-нибудь подозрительное, Трур спросил, предварительно снова подперев дверь тумбочкой:

— А ты не знаешь, кто там ей названивает?

— Знаю, — ответил Кин, оборачиваясь человеком, — мы же на всех троих потенциальных подозреваемых подробное досье составляли. Это её бывший, Ландрав Нимертуд, она его не так

давно со своей сестрой застала, причем парочка развлекалась прямо у Бросы дома в её собственной постели, они же с этим Нимертудом жили вместе уже почти год как.

— Ну ничего себе! — присвистнул Трур. — И эта двуногая тварина ещё имеет наглость ей названивать?

— Ну да, — подтвердил Кин, — прощения просит и помириться пытается.

— А Броса что? — встревожился Трур.

— Ну, я их-то разговоров не слышал, зато слышал, как она подруге своей, Кайрасте, кажется, жаловалась по телефону, что этот Ландрав её совсем достал звонками, она уже устала новые номера в черный список заносить, так что решила вообще на звонки с незнакомых номеров не отвечать.

— Вот оно что, — кивнул своим мыслям Трур и перевел разговор на обсуждение предстоящей операции.

А около трех часов ночи, когда Броса и сестра Раартан задремали, одна в целительской, другая — в сестринской, Кин, аккуратно передвигавшийся по коридорам, стараясь держаться в тени, заметил, что сестра Лектири скользнула в палату Тенарда Ульвтига, оборотня — волка, как следо-

вало из первого слога «ульв» в его фамилии. И самое интересное, что зашла в палату медсестра не одна, с ней был какой-то мужчина, и это притом, что никаких мужчин среди тех, кто дежурил в отделении ликанологии этой ночью, не было и в помине.

Бравый опер активировал передатчик и, обернувшись человеком, замер у двери палаты Ульвтига, поджидая Хундурина. Трур появился минуты через три, и, резко распахнув дверь в палату, полицейские хором гаркнули:

— Стоять! Полиция! Руки держать на виду!

А когда Кин, нащупав на стене у двери выключатель, врубил верхний свет, оказалось, что у кровати Ульвтига, подняв руки, стоят сестра Лектири, зажавшая шприц в правой руке, и приличный на вид пожилой мужчина — человек.

Трур оказался во всеоружии, поскольку привлекая его к заданию, Кофдюур снабдил его всем необходимым. Так что временные напарники сделали всё, как полагается: надели на злоумышленников наручники, тщательно упаковали шприц в пластиковый пакет для улик, уговорив медсестру аккуратно его туда опустить, и вызвали подмогу по телефону. А вот о последствиях того, что шприц-то был уже пустой, никто из по-

лицейских не подумал. Поэтому когда у Ульвтига начались жуткие судороги, оба опера поначалу растерялись и только вопль сестры Лектири: «Да позовите уже целителя, наконец!» привел их в чувство. Трур бросился в целительскую, а Кин остался сторожить подозреваемых. Влетевшая в палату Броса, увидев, что творится с пациентом, послала Трура за сестрой Раартан, а сама кинулась на помощь к Ульвтигу, велев Кину, которого в человеческой ипостаси она, разумеется, не узнала, держать пациента, чтобы ему можно было сделать инъекции необходимых лекарств.

Минут через сорок приступ у Ульвтига сняли, а Трур с Кином вместе с прибывшим следователем городского управления полиции Лейндом Лейдинлехтом, в производстве которого находилось дело о причинении вреда здоровью оборотней, начали обрабатывать подозреваемых, решив провести первичные допросы прямо на месте, пока злодеи еще полностью не оправились от шока, вызванного задержанием. Лейдинлехт занялся допросом мужчины — подозреваемого, а на допрос сестры Лектири быстренько выписал поручение Кину, который не стал возражать, когда к нему присоединился Трур, взявший на себя каноническую роль злого полицейского,

правда, в связи с отсутствием официальных полномочий — молча маячившего мрачной тенью злого полицейского.

Броса же с сестрой Раартан остались присматривать за пострадавшим, тем более, что и целительская, и сестринская были заняты полицейскими, допрашивавшими подозреваемых по отдельности.

Сопровождавшим Кантир Лектири мужчиной оказался Гернтиг Кофмагир, оборотень-кот и известный ученый, разрабатывавший способы усиления физических возможностей оборотней различных видов. Собственно, тот препарат, который они с сестрой Лектири вводили пациентам отделения ликанологии, и должен был приводить к такому усилению.

Надо отдать должное Кофмагиру, сначала он испытал препарат на себе и, убедившись, что изобретенный им состав действительно увеличивает скорость реакции и при этом не является опасным для жизни, хотя и имеет побочный эффект в виде сильных судорог после введения, решил испробовать его на оборотнях других видов.

Разумеется, подобное исследование, если проводить его по всем правилам, потребовало бы

много времени на оформление всех необходимых документов, да и обошлось бы недешево. Поэтому Кофмагир решил с помощью своей любовницы Кантир Лектири, работавшей медсестрой в отделении ликанологии ЦБФ, провести нелегальные испытания препарата на выздоравливающих пациентах отделения, а уже потом искать финансирование для официальных испытаний, демонстрируя полученные результаты «анонимных добровольцев», чтобы убедить инвесторов.

Получив первичные показания, задержанных увезли в изолятор временного содержания при городском управлении полиции Фокунни, а Трур и Кин отправились в палату Хундурина, чтобы по горячим следам сделать наброски отчета о проведенном расследовании.

Сдавшая смену коллегам Броса сильно встревожилась, когда не нашла Кани на его обычном месте на подстилке в целительской. Никто из коллег пса тоже не видел. Обежав все коридоры и лестницы, девушка решила поискать Кани в палатах и начала, конечно же, с палаты Трура.

— Вы не видели Кани? — спросила она, заглянув к Хундурину.

— Ну… — начал Трур, почему-то уставившись на рыжего парня, сидевшего на стуле у его

кровати, — я даже не знаю, как вам лучше это объяснить…

— Да ладно, я сам, — перебил его рыжий и решительно заявил: Кани — это я. Меня зовут Кин Хундракур, я старший оперуполномоченный ОРППО и, работая при расследовании это дела под прикрытием, я прикинулся собакой, чтобы внедриться в отделение ликанологии.

— Но как же… Ведь ты же… — Бросе всё никак не удавалось сформулировать свою мысль.

— Ну да, — улыбнулся Кин, — никто из людей не подозревает, что я оборотень, потому что у меня в собачьей ипостаси на голове белое пятно. Такая вот врожденная особенность, — и он продемонстрировал белую прядь надо лбом, не слишком заметную в коротко стриженых волосах.

— Но зачем ты домой-то ко мне напросился?

— Ну так ты же была одной из потенциальных подозреваемых, я должен был отследить твои контакты.

— А на мою грудь в ванной ты пялился тоже, чтобы отследить контакты?! — возмущенно вопросила Броса.

— Она красивая, — бесхитростно ляпнул Кин и чудом успел обернуться собакой, когда с леденящим душу рыком на него накинулся здоровенный

палево-серый пес, ещё мгновение назад бывший мирно сидевшим на кровати Труром Хундурином.

Со стороны собачья драка выглядела настолько жутко, что целительница беспомощно замерла у двери, не в силах сообразить, бежать ли ей за помощью или попытаться каким-то образом разнять драчунов самостоятельно.

Трур был крупнее, а Кин — быстрее, поэтому борьба шла с переменным успехом, и то один пес, то другой жалобно взвизгивал, получив укус от соперника, а Броса так и не могла ни на что решиться.

— Ну-с, что тут у нас? — привлеченный шумом, в палату заглянул Теар Хундсньяль, один из немногих целителей-оборотней, как раз заступивший в дневную смену.

— Вот, — еле слышно прошептала Броса, дрожащей рукой показывая на дерущихся.

— Ну надо же! — хохотнул Хундсньяль. — Броса, вы можете собой гордиться, не каждый день два столь выдающихся экземпляра бьются из-за понравившейся им женщины. Тем более, в наше цивилизованное время. Вот в дни моей молодости такое случалось гораздо чаще, да я и сам в свое время…

— Надо же их разнять! — перебила коллегу девушка.

— Нет, не надо! — отрезал Хундсньяль. — Уж поверьте псу-оборотню, они должны разобраться с этим сами.

— Да-а-а? — обиженно протянула Броса. — А мое мнение, значит, никого вообще не интересует? Я что, по итогу должна буду достаться победителю?

— Конечно нет, — рассмеялся оборотень, — но, независимо от того, кто победит, вы должны будете четко обозначить свое отношение к обоим участникам.

— Как это?

— Если вам кто-то из них нравится, то вы должны будете подойти к нему и обработать его раны. А если вам не нравится ни один, вы просто, дождавшись окончания драки, развернетесь и уйдете. Но имейте в виду, что в таком случае каждый из них будет считать, что у него еще есть шанс завоевать вашу благосклонность.

— А если я всё-таки выберу?

— Тогда второй должен будет оставить вас в покое. Бывают, конечно, исключения, но это если отвергнутый действительно очень сильно влюблен.

— Интересно, почему нам об этом не рассказывали в институте, ведь у нас был годичный курс по традициям оборотней? — проснулось любопытство в начавшей успокаиваться девушке.

— Ну, наверное, потому, что это считается пережитком прошлого, которого, якобы, уже давно нет, — пожал плечами Хундсньяль.

Как это чаще всего бывает в случаях, когда силы соперников примерно равны, победил тот, кто был более решительно настроен, то есть Трур Хундурин. Изрядно потрепанный победитель проковылял к Бросе и шумно обрушился на пол у её ног. Присев рядом с ним, целительница начала осторожно осматривать повреждения, а убедившись, что действительно серьезных среди них нет, попросила:

— Давай, Трур, будь хорошей собачкой, оборачивайся, а то мне придется выстригать шерсть, чтобы обработать все твои боевые ранения.

И через мгновение неведомым для себя образом Броса оказалась в крепких объятиях оборотня, горячо и щекотно зашептавшего ей прямо в ухо:

— Выходи за меня, Броса Солин.

Порадовавшись, что Трур не видит, как от смущения запылало её лицо, девушка ответила:

— А ты не слишком торопишься? Ведь ты же

меня совсем не знаешь. Вдруг я тебе не подхожу?

— Я знаю тебя достаточно, чтобы понять, что ты — самая лучшая девушка на свете, подходящая мне на все сто процентов, что ты — моя единственная, — ответил Трур и прижал Бросу к себе еще теснее.

— Истинные пары у оборотней — это миф, — возразила Броса.

— Миф, — согласился Трур. — Но я не сказал, что ты моя истинная пара, я сказал, что ты — моя единственная.

— А в чем разница?

— В том, что единственная — значит, любимая. Обещаю, что я буду хорошим мужем. Выходи за меня, а?

— Нет, ну я так сразу не могу. Я к тебе еще и не привыкла толком, не то, чтобы тебя узнать как следует, — не согласилась Броса. — И вообще, а как же романтика? Свидания? Ухаживания?

Трур тяжело вздохнул:

— Не силен я в романтике, да и говорить красиво не умею. Не выйдет из меня галантного кавалера.

— А это и необязательно, — заверила его Броса, — главное, чтобы человек был хороший, ну, или оборотень.

— Значит ты, Броса Солин, согласна принимать ухаживания хорошего оборотня Трура Хундурина и ходить с ним на свидания?

— Значит, согласна, — ответила Броса, — но не раньше, чем этот хороший оборотень наконец-то позволит мне обработать свои раны.

— А хорошему оборотню Кину Хундракуру придется просить обработать его раны сестру Раартан, — печально вздохнул обернувшийся человеком Кин, выходя из палаты вслед за целителем Хундсньялем.

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/Olga-Consuelo/

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Консуэло-Ольга/

Eaterina. Тасор и Ликана

Ликана неспешно шла через лес. Она любила это чувство единения с природой, когда вокруг раздаются лишь птичьи голоса, а воздух пахнет ветром и солнцем. Любила, когда в зарослях малины виднелись только ярко-красные ягоды и пестрокрылые птицы, а не перемазанные алым соком лица соседских детишек. Прислушивалась к тихому шёпоту деревьев и радовалась, что не звенят на весь лес голоса подруг.

Сейчас уже пришло время грибов и костяники, а скоро привычные зелёные листья сменятся золотом, багрянцем и охрой. Потом на болоте поспеет клюква, но тогда уж придётся идти вместе со всеми, потому что осенний лес опасен — как знать, кто может выйти одинокой девушке навстречу?

Поговаривали, что за дальним ельником, за крутыми холмами живут создания, способные принимать звериный облик. Девицы тайком от родителей передавали друг другу страшные истории о том, как эти полулюди-полузвери заманивали девок в глухую чащу и… Что там потом происходило, никто толком рассказать не мог,

но ведь откуда-то брались другие оборотни? Так называли все этих жутких созданий.

Ликана не боялась встречи с оборотнями. Она была уверенна, что в родном лесу ей ничего не угрожает. Да и чего можно бояться в такой ясный, чудесный, весь наполненный солнечным светом день? Пусть и грибов пока что попалось ей совсем немного, но радостное настроение никак не хотело отпускать. Словно впереди девушку ждало что-то очень хорошее. И она смело уходила всё дальше и дальше от деревни.

Только вот чуда не произошло. Зато издали донёсся звук, слишком отличный от тех, что слышались в мирном лесу. Кто-то тяжело стонал. Ликана замерла, прижав корзинку к груди и обернулась. Вокруг расстилался спокойный лес, никакой опасности она не ощущала. Птицы пели по-прежнему, а где-то в траве тихо шуршал ёжик.

Ликана осторожно пошла на звук, готовая в любой момент броситься бежать в сторону деревни. В яме, под корнями поваленного дерева, она заметила лежащего человека. Издали было непонятно, что с ним произошло, но стонать больше было некому. Девушка ещё раз прислушалась к лесу, но ни малейшей тревоги в голосах его

жителей не различила.

Осторожно подойдя к незнакомцу, Ликана легонько потрясла того за плечо, но ответной реакции не дождалась. Потрясла еще раз — и услышала только глухой стон. С трудом перевернув человека, девушка увидела бледное узкое лицо, расчерченное еще кровившими полосами. Такие шрамы могли оставить только когти дикого зверя, и, возможно, эти раны были не единственными. Волосы напитались кровью и казались почти чёрными, оттеняя и без того бескровное лицо.

Всплеснув руками, Ликана стрелой понеслась в деревню за подмогой, умоляя богов сохранить раненому жизнь. Одной ей бы нипочём не удалось дотащить парня до дома. Оставалось только надеяться, что сородичи не сочтут его каким-нибудь духом или перевёртышем и не попробуют убить, а точнее добить.

В деревне и впрямь затеяли разговор: что за раненый, стоит ли его спасать и не принесёт ли он в дом беды. А Ликана только ломала руки, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не накричать на тугодумных мужиков. Ведь пока они рассуждения свои разводят, парень мог уже и умереть, и диких животных запахом крови привлечь.

Наконец, решили чужаку помочь, но в дом не пускать, а устроить его в давно заброшенном овине на самом краю деревни, и толпой двинулись в лес. Подруги испуганно вскрикивали вслед Ликане — ведь только она могла показать, где нашла раненого. И каждой было жутко за девушку и интересно: что-то она ещё увидит в лесу?

Парень обнаружился на месте, и даже следа хищников рядом с ним не заметили, точно те опасались приближаться. Девушка облегчённо вздохнула — еще жив, а уж раны его она вылечить сумеет. Благо бабушка, бывшая некогда знахаркой, кое-чему выучила. Потому, наверное, и лес её принимал и доверял свои тайны.

Ухаживать за найдёнышем Ликане пришлось самой. Только братья помогли того переодеть да отмыть от крови, чтобы не смущать девичьей скромности. Волосы его, прежде непонятного цвета, с набившимися хвоинками и сухими листьями, оказались тёмно-русыми и довольно длинными — в их краях так не носили. На левом плече девушка рассмотрела выбитый на коже рисунок, в котором среди завитков и стрел явственно проявлялась волчья морда. На шее — шнурок с одиноким клыком, в котором братья признали волчий. Наверное, решили они, оберег

от лютого хищника.

Ликане показалось, что на спине кожа у него была чуть более шершавая, чем на груди или руках, как бывает, когда срезаешь волосы под корень, а они потом растут жёсткой щёткой. Но могло и просто показаться. Впрочем, об этом открытии девушка никому и не собиралась рассказывать. Какие бы страшные мысли ни приходили в голову, бросать раненого без помощи ей казалось неправильным. И она лечила, как умела, поила целебными настоями и меняла повязки на ранах.

Незаметно для себя девушка всё больше привязывалась к своему подопечному. Она подолгу сидела рядом с ним, вышивая или выполняя какую-то другую мелкую работу. Поглядывала искоса, рассматривая черты лица. Ни в их, ни в соседней деревне было не найти такого красавца. Даже шрамы, расчертившие половину лица, казались уместными. Только всё мучил вопрос — как же он один оказался в их лесу, да еще и раненый?

Однажды парень пришёл в себя. Он открыл глаза, оказавшиеся серовато-зелёными, осмотрелся и хрипло спросил:

— Где я?

— Ты в деревне нашей, добрый человек, — отозвалась Ликана, которая в этот момент сидела рядом. Ей привиделось, что при слове «человек» раненый скривился.

Он повернул голову и встретился взглядом со смутившейся девушкой. Ликана торопливо заправила за ухо выбившуюся из косы прядь волос и строго сказала:

— Раз в себя пришёл, сейчас кормить буду, чтобы скорее поправился.

— А где же деревня ваша находится, красавица?

Вот человек! Не успел в себя прийти, а уже шутит. Ликана точно знала, что в их деревне она далеко не самая красивая, но всё равно было приятно.

Она ответила на его вопрос и спросила сама:

— Как твоё имя, почтенный?

— До почтенного мне еще лет сорок, а то и больше ждать, — скривился в подобии усмешки парень, — а называли меня Тасором. И ты так зови, милая.

Ликана покладисто кивнула, осматривая повязки и ощущая на своём лице цепкий взгляд очнувшегося незнакомца. Его серовато-жёлтые глаза и притягивали, и пугали одновременно.

Да и в лице, шрамы на котором никак не хотели заживать, неожиданно проявилось жуткое, что-то такое, о чём шептались старшие девушки тёмными вечерами и чего раньше Ликана и не замечала.

Назвавшийся Тасором силился встать, но тело его не слушалось. Страшная слабость вызывала досаду и неловкость от того, что за ним ухаживает такая молоденькая девушка. Когда впервые открыл глаза и увидел её, парень подумал, что попал на тот свет. На него внимательно смотрели тёплые серые глаза, какие всегда изображали у Великой матери. Тёмная коса падал на грудь, а девушка всё откидывала её на спину и сердилась, отчего её круглые щёчки мило розовели.

Простая человеческая красота — а так много радости принесла ему. Потому что именно сейчас Тасор ощущал себя живым.

— Откуда взялся ты в наших местах, Тасор? — спросила, наконец, девушка.

— Я просто… шёл, — уклончиво ответил парень. — Наверное, на меня напал зверь. Не помню точно.

Тасор совсем не хотел напугать это милое и доброе создание, которое проявило о нём столько заботы. Он почувствовал её недовольство от

недоговорённости, но лишь слабо улыбнулся.

— А твои спутники? — продолжала допытываться травница.

— Я был один, девица. Я давно уже один, без отца и матери.

— Ой, — вдруг спохватилась она, — я же тебе своего имени не сказала. Называй меня Ликана. Может, ты чего хочешь?

— Хочу, — Тасор снова криво усмехнулся. Кажется, на его лице больше никогда не появится ровная красивая улыбка. — Выйти бы мне, да девица тут не помощница.

Понятливо кивнув, Ликана выскочила за дверь, чтобы позвать мужиков на помощь. Тасор залюбовался её фигуркой. Не таких девушек он всегда видел — тёплых, мягких и домашних, и от того Ликана казалась ещё милее.

Девица и впрямь в некоторых вещах парню не помощница. Вскоре к раненому вошёл невысокий крепкий парень и помог подняться и дойти до нужного места. Вечером, однако, Ликана вернулась, принесла хлеба, молока и наваристый бульон от похлёбки. Как знать, что чужак попросит? А кормить его надо — уж больно худ, рёбра во все стороны торчат, точно месяц голодал.

Ликана по привычке ворвалась в овин, не пре-

дупредив хоть голосом, что идёт, и застала Тасора в одних штанах. Он, обернувшись через плечо, рассматривал свою спину в отражении в старом тазу и что-то тёр там руками. Смущённо пискнув, девушка зажмурилась, но всё же успела рассмотреть узкий торс и широкие плечи, отмеченные шрамами. Хотя она его и лечила, и перевязывала, но тогда Тасор был просто больным, которому требовалась помощь, а сейчас он вдруг превратился в живого и очень даже привлекательного парня. Да и каждый его шрам Ликана уже успела выучить, оттого и смущалась.

— Ликана, — улыбнулся краем рта быстро одевшийся Тасор. — Думал, уж никто и не придёт. Не жалуют у вас в деревне чужаков?

— Нигде не жалуют, — смущённо ответила девушка, раскладывая своё угощение на чистой тряпице, которую постелила на перевёрнутый короб. — А тебя вообще в лесу нашли. Там же одни перевёртыши да лешие обитают.

— Перевёртыши — это кто? — примериваясь к крынке с молоком, спросил парень.

— Это те, кто из людей в других созданий превращаются. В волков там или в медведей. Говорят, — она понизила голос, — что они людей жрут, а кого не пожрут, в таких же перевёртышей

превращают, чтобы потом щенков завести.

Тасор поперхнулся молоком, но промолчал. А Ликана между тем продолжала:

— Вот, рассказывают, на юг отсюда есть селение, в котором только перевёртыши и живут. И правит ими волк о двух головах, а верные его слуги могут орлами оборачиваться и недругов в когтях своему повелителю приносить, а лисы всякие да белки — его шпионы. И ещё рассказывали, что если приглянется кому девка, сразу её в лес лисы заманят, орлы в когти схватят и своему королю двухголовому отнесут. И уж кто в его лапы попал, никогда уже домой не вернётся.

— И ты в это веришь? — удивлённо спросил Тасор.

Чудо, что он не подавился и не рассмеялся, слушая выдумку деревенских. Но Ликана так старательно округляла глаза, так таинственно понижала голос, что было бы просто стыдно подтрунивать над нею.

— Нет, — легко отмахнулась Ликана. — Но жутко, правда? Ты поел, Тасор? Давай-ка я твои раны посмотрю да повязки поменяю.

И куда только подевалось стеснение, когда ласковые пальчики порхали над затянувшимися ранами, едва касаясь кожи? Зато Тасору при-

шлось сжать пальцы в кулаки, чтобы не ответить на эту неосознанную ласку. Такая милая и непосредственная девочка! Ни в коем случае нельзя её было напугать.

Так и повелось между ними. Ликана навещала раненого утром и вечером, приносила еду, лечила и рассказывала местные страшилки, или истории, или просто о жизни в лесной деревушке. Тасор в ответ понемногу говорил о своих родных местах — бескрайних степях, по которым так здорово мчаться наперегонки с ветром. И Ликана представляла себе тонконого коня, которого видела раз у проезжего купца — тот вёз красавца царю на продажу. Наверное, конь Тасора был таким же и мчался быстрее ветра, так что движения ног даже не видно.

Понемногу Тасор стал выходить из овина, подолгу сидеть на солнышке, потом бродить по пыльным улочкам, пугая своим изрезанным лицом девиц и привлекая ребятню, охочую до новых людей. И Ликана каждый раз обижалась на подруг когда те задавались вопросом: и как ей не боязно с таким уродом рядом быть?

Пришёл к Тасору как-то раз староста, долго его расспрашивал: кто он, откуда, как оказался в здешних краях один, без оружия и спутников.

Тогда-то стало ясно, что Тасор — круглый сирота, которого ноги понесли искать счастья в чужом краю. О нападении зверя он продолжал уклончиво отвечать, что спал крепко и очнулся от боли. Ударил ножом наугад и, наверное, попал. Но зверь ушёл, унеся с собой нож, а парень, истекая кровью, пополз в другую сторону и закатился в яму, где его и нашла Ликана.

Посовещавшись, решили — Тасору верить, но провести все положенные обряды, чтобы убедиться, что не злого духа и не коварного перевёртыша в своём доме привечают. Местная ведунья принесла к овину охапки можжевеловых ветвей, полынные веники и сушёную крапиву. Она заставила парня несколько раз пройти через едкий смолистый дым, всюду разложила в овине травы и заявила:

— Если три дня продержится, значит, человек.

Тасор три дня продержался. Правда, криво усмехался, рассматривая пахучие травы, и исколол все ладони о крапиву, которую ведунья разложила вокруг его лежанки. А Ликана никому не стала рассказывать, что каждое утро гость продолжал пытаться нащупать что-то у себя на спине.

Сбор урожая шёл полным ходом, и лишние руки, пусть пока и не слишком способные к тя-

жёлой мужской работе, были кстати. Тасор ловко плёл корзины, в которые складывали яблоки, способные долежать до самых морозов. Под его присмотром детишки ловко дёргали из грядок морковь, а девицы, всё косясь на парня, плели силки и сети, готовясь к осенним охотам и рыбалкам.

— Как ловко у тебя получается, — заметила как-то раз Ликана, оставшаяся дома на хозяйстве. Быстро закончив со своими делами, она привычно уже прибежала к Тасору, который всегда встречал её улыбкой.

— Так я для другого дела пока не приспособлен, вот и наловчился, пока сижу, — шутливо ответил парень.

— А хочешь со мной в лес сходить? — неожиданно предложила девушка и смутилась.

— Хочу, если позовёшь, — спокойно ответил Тасор, но в глазах его мелькнуло что-то радостное.

На другой день они и впрямь пораньше, едва солнце встало, ушли в лес. Ликана привычно взяла корзину, в которую положила хлеба — для лесного хозяина и самим поесть. Но Тасор сразу же выхвати её из рук девушки и понёс сам.

Стоило только деревне скрыться из виду, как парень изменился. Шаг его стал лёгким и упругим,

движения приобрели плавность, свойственную только хищникам. Тасор улыбался и шутил, и Ликане было приятно видеть его таким радостным.

Грибником, однако, Тасор оказался не самым внимательным, и девушка то и дело подшучивала над ним, что грибам да ягодам он кланяться не обучен. Парень не обижался, шёл, куда звали, и держал корзину, быстро наполнявшуюся добычей.

На несколько мгновений Тасор замер перед старой елью. Он погладил ладонью колючие ветки и, ничего не говоря, отломил кусочек хлеба и положил у самого ствола.

— Это доброе дерево дало мне приют, — непонятно объяснил он, но Ликана не стала расспрашивать — захочет, расскажет сам.

Устав, они присели на берегу говорливого ручейка.

— Тебе лучше стало в лесу, — заметила девушка.

— Я вообще больше люблю одиночество, чем толпу, — чуть виновато пояснил Тасор. — Но ты рядом мне совершенно не мешаешь.

— Кто ты? — спросила Ликана, и по ответу поняла — откровениям еще не время:

— Случайный прохожий.

Девушка обиделась, ведь она столько всего сделала для Тасора: нашла его, выходила, заставила деревенских принять. Назад шла торопливо, не глядя по сторонам, за что и поплатилась. Пригибаясь, чтобы пройти под очередной веткой, Ликана не заметила корня, который хитрое дерево выпустило наверх, и споткнулась об него.

В мыслях смешались досада, что порвёт платье, облегчение, потому что корзину с грибами нёс Тасор, и испуг, ведь упасть-то можно по-разному! Но земли она даже не коснулась. Сильные руки крепко держали её, а желтоватые глаза внимательно осматривали растерянное лицо.

— Не сердись на меня, — что-то решив, сказал Тасор. — В своё время я всё тебе расскажу.

И Ликане пришлось согласно кивнуть, потому что глупо ругаться с парнем, когда он стоит к тебе близко-близко, и смотрит так, что в его глазах видно собственное отражение. А ещё она порадовалась, что рядом никого не было, не то ходили бы потом слухи по всей деревне.

Время шло, осень отвоёвывала своё место в лесах и полях. Уже никто и не пугался чужеземного узкоскулого лица, наискось перечёркнутого четырьмя белыми полосами — следами когтей неведомого зверя. Только никого, кроме Ликаны,

Тасор так и не подпустил к себе. Он улыбался, коротко отвечал на вопросы, когда его спрашивали, но лишь появлялась возможность, садился рядом со своей спасительницей. И пусть не было у неё синих, как летнее небо, глаз или золотистых волос, подобных лучам утреннего солнца, изо всех деревенских красавиц он отмечал её одну.

Родители Ликаны поначалу были недовольны таким вниманием. Ведь получалось, что чужестранец показывал всем возможным женихам, что заинтересовался девушкой. Да и сама она была явно не против компании.

Помня о том, как радовался Тасор, оказавшись вне деревни, Ликана часто звала чужака с собой в лес и на поле. Парень же никогда не отказывался помочь донести ей вёдра с водой или тяжёлую корзину. Каждая сплетница ждала: когда же, когда же чужак проявит себя? Когда он уже затащит глупую девку туда, куда каждая из них в молодости на свидания бегала? Но именно этого они так и не дождались, потому что Тасор даже не пытался намекнуть своей спасительнице на что-то.

Больше уважения, чем Ликане, Тасор оказывал только старикам. Он бы способен не просто кивать, поддакивая их рассказам, но и внимательно слушать. Никогда не отказывался выполнить ка-

кую-то работу или в чём-то помочь. И даже самая сварливая старуха на деревне, не помнившая уже, сколько лет она живёт на свете, приветливо улыбалась парню, стоило ему оказаться с ней рядом. Вскоре вся деревня убедилась в том, что Тасор — парень скромный, приветливый и работящий, умеющий найти общий язык и с озорными ребятишками, и с ворчливыми стариками.

Огородные работы были уже закончены, грибы и ягоды — собраны, но Ликана всё продолжала ходить в лес. Мать с улыбкой провожала дочь. По всей деревне говорили о том, что ручки у молодой травницы золотые, от всех болезней избавляют. Ликана и впрямь часто приносила домой травы, собирать которые научилась от бабушки. И пусть осенний лес пустел с каждым днём, но девушка всё равно рвалась туда. За Ликаной привычно увязывался и Тасор, но никто в этом дурного не видел — в порядочности парня уже не раз успели убедиться.

И в этот раз они молча шли по хрустким листьям. Теперь лес был наполнен таинственными шорохами, точно засыпающий дом. Сухими ветками поскрипывают половицы, шорохом крыльев вздыхают нагревшиеся за день стены, прощальными голосами птиц доносится сонный

голос. Так и в осеннем лесу — всё готовится к зимним дням. Сегодня они забрались намного дальше, чем обычно ходили девки, собирая осенние грибы.

— Вот здесь я тебя впервые нашла, — вдруг тихо сказала Ликана, показав Тасору на присыпанную листвой ямку под корнями дерева. — Тут ты лежал, раненый. А что было до этого — мне неведомо.

Тасор подошёл к указанному месте, присел и разгрёб листья рукой. Ликане показалось, что он принюхивается к чему-то, но она отмахнулась от глупых мыслей. Вообще же парень и впрямь напоминал большого молчаливого пса или волка, но и это было лишь игрой её воображения.

— Повезло тебе, что ты больше никого не встретила, — поднявшись, наконец, сказал Тасор. — Нехороший то был зверь, который на меня напал.

— Расскажешь о нём?

— Не сейчас, ещё рано, — покачал головой парень и улыбнулся, сглаживая сухость своих слов. — Скажи-ка мне лучше, милая девица, как у вас тут принято показывать, что кто-то кому-то по нраву пришёлся?

— Ну, кто как это показывает, — смутилась

Ликана. — Кто-то на сильного зверя один с ножом пойдёт, а потом его шкуру избраннице своей подарит на шубку. Кто-то в ремёслах силён, кто-то — в строительстве. Вот наш кузнец своей жене давно, когда еще она в девках ходила, браслеты выковал из простого металла. Да такой тонкой работы они вышли, что заезжие купцы и по сию пору диву даются, как так его ручищами вышло.

Тасор кивнул и надолго замолчал. Ликана медленно шла и смотрела себе под ноги, перестав обращать на своего спутника внимание. Корзинка её была почти пуста, но сейчас травам было и не время. Девушка совсем не ожидала, что Тасор вдруг подойдёт и протянет цветок, которого она раньше и не видела никогда.

— Я не силён в ремёслах, — чуть виновато произнёс он, — не мастер строительства, а на охоту со мной и вовсе лучше н ходить. Но никто и никогда не станет тебе таким верным другом, как я. Одна ты в душе моей.

Ликана робко улыбнулась и приняла цветок. В самой его серединке застыла капелька росы, пожелтевшая от не взятой пчёлами пыльцы. Лепестки розовым облаком окружали этот янтарный огонёк, а зелёные листочки острыми иголочками дополняли эту красоту.

Девушке было радостно, что те маленькие знаки, которые она замечала, говорили — Тасору его спасительница и впрямь небезразлична.

— Ах, Тасор! Ты всем уже доказал, какой ты хороший и надёжный. Я рада буду видеть тебя рядом с собой.

Других слов им и не было нужно, потому что те, кто вместе сумели сбежать от старухи-смерти, и без того понимают друг друга. Они держались за руки, смотрели глаза в глаза и видели больше, чем все остальные. Может, кто-то и сказал бы, что между ними лишь привязанность спасённого к своей спасительнице, только им лучше было знать, что они испытывают друг к другу.

Наверное, тем бы история и закончилась, сыграли бы по осенним праздникам свадьбу, если бы на другой день с раннего утра не поднялся на деревне крик. В крайний двор забрался волк и загрыз десяток лучших овец. Мужики с парнями собрались у пострадавшего, чесали в головах и всё пытались сообразить, как сумел зверь пробраться за крепкие запоры.

Женщины и девушки сидели по своим дворам. Им настрого было приказано не выходить на улицу — вдруг, волк неподалёку. А уж если он в сытое время не побоялся забежать на территорию

людей, значит, либо бешеный, либо перевёртыш. Про оборотней говорили шёпотом, но слух этот северным ветром разлетелся вокруг. И уже в голос стали повторять:

— Это оборотень завёлся неподалёку и теперь будет вредить всей деревне!

Бледный Тасор пришёл к Ликане вечером, в сумерках. Вызвал её к забору и долго держал за руку, точно силился что-то сказать и никак не мог найти слов.

— Меня со двора не пускают, — пожаловалась девушка. — Мальчишек хоть бы что, а девку, говорят, оборотень первую за косу схватит и с собой утащит.

— Может, и правильно говорят, — невесело усмехнулся парень, ласково перебирая натруженные за день пальцы. — Будь осторожна, птичка моя. Не ходи одна по лесу. Зверь или недоброе создание — моей душе будет больно, если ты пострадаешь.

— А сам-то ты в порядке ли? — наконец, заметила девушка его состояние. — Болит что-то или обидели чем тебя наши деревенские?

— Нет, не обидели. С собой волка искать взяли, долго по лесу проходили, вот я и устал.

Но Ликане почудилась в этих словах какая-то

ложь, ведь когда они ходили вдвоём, парень в лесу наоборот точно оживал. Она погладила Тасора по волосам, потом прижалась лбом к плечу. На память пришло видение из прошлого — как парень, едва смог сам стоять на ногах, что-то искал у себя на спине. Ладонь её, словно невзначай, скользнула по шее Тасора, спряталась под рубашку…

Парень вздрогнул и перехватил руку Ликаны. Извиняясь, прижал пальцы к щеке и проговорил:

— Не печалься ни о чём, ласточка моя. Всё наладится, и мы снова будем с тобой часто видеться.

Ликана согласно кивнула, подставила щёку для поцелуя и побежала через тёмный двор к дому. Место, где касались губы Тасора, горело, как горели и пальца, которые вместо непонятной шершавой кожи нащупали на спине парня мягкую шёрстку, как у молоденьких щенят.

Тёмные мысли кружились у Ликаны в голове. Ей всё казалось, что не бывает у простых людей шерсти, но потом вспоминала деревенских мужиков. Некоторые из них так заросли волосом по всему туловищу, что не всякого и от медведя отличить можно. И девушка постаралась выкинуть из головы то, чему там явно было не место.

Спустя несколько дней шум с охотой на волка улёгся, и девушек выпустили из домов. Тасор вновь стал улыбаться и приносить Ликане дивные цветы. Та удивлялась, спрашивала, откуда он брал такую красоту? Но парень только отмалчивался. Ликана пробовала водить его по окрестностям, выискивая что-то подобное, но дивных цветов так и не встретила.

Осень изменила уже всё вокруг. Заблистали позолотой и уборы незамужних девиц. Вечера становились всё длиннее, и молодёжь набивалась в избы, коротая тёмное время вместе. Приближались те дни, когда во всех домах готовятся к праздникам: кто дочь замуж выдавать, кто невестку новую в семью принимать.

Готовились и родители Ликаны. Хоть и считали они, что рановато ещё дочери в семью мужа от родителей уходить, а всё же не век в девицах куковать. Из соседних деревень стали парни в гости приезжать, себя показывать, невест присматривать.

— Ох, и выбор в эту осень богат! — подмигивала мать дочери, готовя вместе с ней ужин. — На тебя-то уж многие парни заглядываются.

— Выбор велик, — покладисто кивнула Ликана, — а нравится мне только один.

— Это который же? — мать упёрла руки в бока. — Уж не найдёныш ли твой? Без кола, без двора, а туда же — лучшую девку на деревне присмотрел. Ты же у меня и умница, и рукодельница, и лекаркой быть можешь. Для чего же тебе муж такой непутёвый нужен?

— Так ведь деревне наоборот прибыль будет. То мне к чужим уехать придётся со всеми своими талантами, а то дома я останусь, при вас.

Мать замолчала, искоса поглядывая на Ликану. На языке так и крутился еще один вопрос, только пока в доме муж с сыновьями, задать его никак не получится. Может, они их женские разговоры и не слушают, да лучше убедиться в том, что никто точно не помещает.

Случай подвернулся спустя некоторое время — потребовались дрова, и хозяйка погнала всех мужчин на двор.

— И чтобы сухие мне принесли! — поругалась она вслед, потому что с утра намучилась с сырым деревом. Едва дверь захлопнулась, мать вытерла руки о передник и в упор посмотрела на дочь:
— А люди сказывают, что по спине у найдёныша твоего шерсть растёт. Будто не знаешь, что то значит?

— Не оборотень он! — шёпотом вскрикнула

Ликана, сжимая в руке ложку. — Разве будет оборотень с людьми простыми жить?

— А овец как ты объяснишь? Лесной зверь лапой запор не отодвинет.

— Да хозяин сам спьяну забыл дверь запереть, как следует, а как проспался, решил всё на зверя свалить, — нашлась Ликана. — А то сама не знаешь, что и с отцом такая оказия случалась!

— Может, оно и так, — неуверенно сказал мать, — только послушай моего слова. Не торопись со свадьбой, подожди до весны. Оборотень — не оборотень, а говорят, по весне всяк зверь и птица себе пару ищут. Если человек он — тебя дождётся, а если волк — в лес убежит, среди волчиц подругу искать.

— Хорошо, мама, это ты правильно придумала. Только я верю — Тасор не плохой, он мне обиды не причинит.

В дом ввалились мужчины с охапками дров. Женщины переглянулись и вернулись к плите. О своих тайнах они решили никому не рассказывать.

Вечером Ликана встретилась с Тасором на берегу реки. Парень, улыбаясь, смотрел, как девушка идёт ему навстречу, но с каждым её шагом улыбка у него на лице выцветала.

— Что с тобой, птичка моя? Отчего я вижу тоску в твоих глазах? — обеспокоенно спросил парень, поприветствовав свою подругу.

— Ах, Тасор, я разговаривала с матерью. Не по душе ей наш союз. Правда, моему счастью она противиться не будет, если до весны твои намерения не изменятся.

— И только-то? — улыбнулся парень. — Я уж думал, сейчас скажешь, что тебя за другого замуж выдают. Не переживай, ласточка моя. Весна после зимы быстро наступает. Или ты и впрямь так замуж торопишься, что себе кого другого присмотрела?

— Нет, что ты! — смутилась Ликана под лукавым взглядом. — Мне вовсе не трудно тебя дождаться. Я переживала, что это ты захочешь из наших краёв уйти, раз остаться тут не получается. Да и дела нехорошие творятся. Вспомнить только овец-то задранных. Хорошо, старики пока деду лесному девицу в жёны не требуют.

— Да уж только глухой не слышал. Меня и то в лес с собой мужики таскали — то ли следы волчьи искать, то ли ещё зачем, — помрачнел Тасор. — А еще слышал, что во мне оборотня подозревают, который это безобразие и учинил.

— А ты… — Ликана вдруг запнулась словом,

но вспомнила ощущение мягкой шерсти под ладонью и шёпотом всё же проговорила: — А ты не оборотень?

Никогда еще девушка не видела у своего милого такого серьёзного взгляда. Его серо-желтые глаза потемнели, словно налились грозовою силой, а черты лица еще больше заострились, приобретя сходство со звериными.

— Зачем ты об этом спрашиваешь? — холодно спросил Тасор.

— Ты не подумай, — растерялась от его тона Ликана, — я не хочу, чтобы тебе плохое что-то сделали. Мне… мне всё равно, оборотень ты или нет, — она опустила голову, пытаясь скрыть слёзы. — Просто я хочу точно знать, что ты… не убивал этих несчастных овец.

— Я не убивал этих несчастных овец, — деревянным голосом повторил парень.

— Спасибо, — выдохнула Ликана и прижалась к его груди.

Она старалась не плакать, но слёзы сами катились из глаз, выдавая её с головой. Наверное, что-то дрогнуло в закаменевшей душе Тасора, отчего он ласково прижал к себе девушку и прошептал:

— А если я и впрямь оборотень?

— Мне всё равно, Тасор! Всё равно! Я никому никогда не скажу об этом. Ты дорог мне не за звериную шерсть на спине, а за сердце своё ласковое.

Тасор приподнял заплаканное лицо Ликаны и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Зачем же ты спрашивала, если обо всём уже догадалась?

— Мне важно было услышать это от тебя, ведь я могла и ошибиться.

— Сердце не обмануло тебя, птичка моя, — с тяжёлым вздохом покачал головой парень. — Судьба и впрямь наказала меня способностью менять свой облик.

— Но разве это наказание?! — воскликнула Ликана, прижимаясь к плечу Тасора. — Это же дар!

— Не всё так просто. Превращаться я могу лишь под светом луны, но не в том беда. Становясь зверем, я теряю свой разум, потому и стараюсь в такие дни держаться от людей подальше. Пока мне везло — я слишком ослаб после ранения и болезни, но чувствую — недолго мне человеком быть. В наступающее полнолуние придётся опять землю зверем топтать.

— И неужели никак нельзя помочь твоей беде?

— В наших краях жила легенда о том, что да-

леко в северных землях есть ледяной водопад. Говорят, если оборотень сумеет искупаться в нём, он перестанет быть зверем.

— Значит, ты станешь просто человеком?! — обрадовалась девушка.

— Я не знаю, милая. Эта легенда такая древняя, что половина её уже забылась, а другую половину переврали настолько, что и правды теперь не сыскать.

— Так ты в наших краях оказался потому, что искал этот ледяной водопад? Но почему ты был ранен?

— Я не единственный оборотень на свете, Ликана. Есть и у меня враги и противники. Я защищался от них, когда луна ушла, и звериный облик сменился человеческим. Наверное, они знали какой-то секрет, потому что не обернулись, как и я, а продолжили нападать. Иначе им не удалось бы меня и когтем тронуть. Они и шерсть мне на спине срезали, чтобы я обернуться и защититься не смог. Потому и выздоравливал так долго.

— Ох, не они ли и напали на деревню в полнолуние?!

— И такое может быть, а потому пообещай мне, что будешь осторожна. — Тасор развернул Лика-

ну лицом к себе и взял её за плечи. — Пообещай, что не пойдёшь одна в лес и не станешь в лунные ночи бродить по деревне.

— Ведь ты будешь рядом и сможешь защитить меня, — возразила девушка.

— Нет, птичка моя, я не задержусь здесь надолго. В первое полнолуние я ещё не в силе был, а вот последние две луны мне приходилось от людей прятаться. Как думаешь, сколько из них скоро догадаются, кто я такой? Да и путь мой не завершён — я еще не нашёл того, что искал. Пусть легенда и позабыта, но я верю ей — есть этот сказочный ледяной водопад, который избавляет оборотней от их проклятия. И я найду его!

— Ты уйдёшь! — с обидой отстранилась Ликана. — А мне что останется? Ждать новых сватов? Ведь никто не поверит, что сирота без рода и племени однажды вернётся к случайно встреченной девушке.

— А ты сможешь ли меня дождаться? — проглотил упрёк Тасор. — Не выберешь себе другого? Знаешь, может, я наполовину и зверь, но и у меня есть душа. Тебе она уже давно принадлежит. Только ты одна в душе моей. И если выберешь ты другого, мне больно будет.

— Я дождусь, только и ты возвращайся.

Ликана вцепилась в парня обеими руками, точно не собиралась его никогда отпускать. Она вскинула лицо к нему, потянулась, собираясь заявить всему миру, что этот парень, этот оборотень — её! И Тасор понял это желание, прижался к приоткрытым губам, признавая: только твой, просто дождись. Незаметно на её запястье защёлкнулся браслет.

Домой Ликана вернулась в расстроенных чувствах. Она и понимала Тасора, и досадовала на то, что он всё же готов уйти, чтобы искать свой легендарный ледяной водопад. Несколько дней девушка ходила мрачная, пока, наконец, не осознала две важные новости, которые все безостановочно обсуждали — в соседнем селе начинается ярмарка и Тасор пропал.

Злые языки ругали парня. Мол, вылечили, выходили, приют над головой дали, от девок своих не погнали, а он ушёл — даже «до свидания» да «спасибо за гостеприимство» не сказал. Одна Ликана догадывалась: не сказал, потому что ушёл на четырёх лапах. Шёл последний день полнолуния, и оборотень, наверняка, далеко уже успел убежать.

Ярмарке девушка обрадовалась — отчего бы не развеяться, не погулять? Беспокоило только одно:

она обещала своему жениху не гулять допоздна, а раньше ночи какой же дурак с ярмарки уедет? Но Ликана отмахивалась от этих сомнений: с ней будет отец с братьями, да и другие деревенские рядом поедут. Чего бояться?

День и впрямь прошёл быстро, весело и шумно. Ликана то грызла леденцы, то пила горячий медовый напиток, то кружилась на карусели. Из головы вылетели все тревоги последних дней. Да и парни, посматривающие на веселящихся девиц, были совсем не плохи — румяные, круглолицые и настолько привычные, что Ликане вдруг показалось: никакого Тасора в её жизни и не было.

Домой возвращались глубокой ночью. Мать, тоже в кои-то веки выбравшаяся на праздник, всё перебирала встреченных знакомых. Лукаво посматривая на дочь, она называла и имена парней, которые сегодня глаз с Ликаны не сводили.

— Чем хуже твоего сиротинушки? — в какой-то момент вдруг спросила мать, и Ликана почувствовала угрызения совести: за весь день она ни разу и не вспомнила Тасора.

— Всем хуже! — горячо воскликнула девушка и продолжила шёпотом, потому что со всех сторон на неё заругались. Не дело в ночном лесу орать.

Беду можно накликать. — Всем они хуже. Только бахвалятся друг перед другом, а дела-то их каковы? Хвастаются, у кого отец богаче да скоровистее, собственной удалью пока не обзавелись.

— А Тасор-то твой обзавёлся, что ли? — с досадой бросила мать. Как ни любила она свою единственную дочь, а пришлый парень всё равно ей не нравился.

— Тасор умеет душу чувствовать, — прижав руку к груди, ответила девушка. — Пусть его и рядом нет, а всё равно есть что-то здесь, отчего тепло мне. Вспомню голос его, глаза, как помогал — и улыбаться хочется.

— Неужто ты и впрямь влюбилась? — грустно улыбнулась мать. — Так что же он, такой хороший, без слова доброго от людей сбежал?

— Есть у него обет, матушка, который прежде исполнить нужно. Зиму и весну велел ждать его, а потом, если не вернётся, значит, совсем пропал.

— Тяжело ждать-то будет. Многим ты сегодня приглянулась. Как от женихов отбиваться станешь?

— А вот это им покажу, — и Ликана продемонстрировала матери браслет, который сама обнаружила неожиданно. Поначалу девушка рассердилась, что Тасор без её позволения укра-

шение надел. Но после, вспоминая ушедшего оборотня, улыбалась и гладила пальцами незатейливый узор.

Мать ахнула, прижав руки к щекам. Протянула было руку, чтобы проверить, настоящий ли браслет показывает ей дочь, но прикоснуться не решилась.

— Откуда же это?! — шёпотом спросила она.

— Тасор перед своим уходом мне на руку надел, — гордо ответила девушка. — Теперь до конца весны ждать его буду, а уж если не вернётся, тогда о другом женихе и поговорим.

Мать только покачала головой.

— Ликана, Ликана. Выросла ты, голубка моя, а жизни всё равно не знаешь. Помню, встречала я девушек с такими же браслетами. Поверь, ни снять, ни другим браслетом его не перекрыть. И хозяин, сколь долго бы его ни было, всё чувствовать и знать будет — и где ты, и что с тобой, и с кем ты в рощу ближнюю пошла.

— Что это ты хочешь сказать?! — Ликана, впрочем, и сама уже почти догадалась.

— Только то, что и впрямь твой Тасор не так прост, как мы о нём думали. Не вздумай никому свой браслет показывать!

— А кто же такие браслеты своим девушкам

дарит?

— А только те, кто боятся их потерять, когда время особое приходит. Жених-то твой — оборотень!

Ликане стоило больших усилий спрятать опасный подарок. Если мать её знала, кто магические браслеты надевает на руку суженой, то отец, немало повидавший, тоже мог признать хитрую вещицу.

Время шло своим чередом. Слякотная осень сменилась снежной зимой. Нескольких своих подруг Ликана проводила в дальние деревни — они вышли туда замуж. Те, кто помоложе, вечерами собирались то в одном дворе, то в другом, играли, пели песни, веселились. Девушки пряли нитки — каждой из них предстояло готовить себе приданое. Парни мастерили, кто во что горазд — свистульки, игрушки, веретёнца, шкатулки, плели из соломки разные безделушки и многое другое.

Смех и разговор не смолкали до поздней ночи, когда и месяц уходил на покой. Одна только Ликана старалась садиться в угол потемнее, говорила тихо и мало, а на подмигивания парней отвечала строгим взглядом. Подруги оборачивались на неё, удивлялись — все ждали, что осенью Ликана

станет женой если не найдёныша, так справного парня из другой деревни. Но время шло, и ничего не менялось.

Отгремели зимние праздники, землю сковал мороз. За ним и весна пожаловала. С каждым днём солнце становилось теплее, лучи его прогревали землю всё глубже, а в сердце Ликаны всё чаще звучала странная тоскливая песня, точно ветер воет за окном или волк выводит свои тоскливые переливы.

Под радостные песни первых весенних птиц отгуляли волну новых свадеб. Ликана смотрела на веселящихся подруг и молчаливо кусала губы. Порой ей и самой хотелось бросить всё, забыть все свои слова и тоже отдаться тому безудержному веселью, от которого загоралась кровь и кружилась голова. И ей хотелось ощутить себя красивой, в венке из чудом сохранившихся за зиму цветов, в нарядном вышитом платье. Хотелось улыбаться весёлому румяному парню, который потом увезёт её за тридевять земель, как злобный дракон, и сделает своей женой. И в такие моменты она искренне начинала ненавидеть кусок железа, который тянул её руку к земле.

Браслет вообще вёл себя очень странно. Чаще всего Ликана о нём и не вспоминала вовсе,

точно он был частью руки. Однако вот в такие мгновения, когда в душе просыпалась зависть и к женатым подругам, и к совсем молоденьким, еще не встретившим своего любимого, браслет, казалось, делался неподъёмным. Он сжимался на запястье, почти врастая в плоть, и причинял множество неудобств, точно хотел напомнить — держи своё слово.

Однако бывали и дни, когда Ликана уходила на берег реки и предавалась воспоминаниям о недолгих вечерах с Тасором, о словах, которые они сказали друг другу и которые не успели ещё произнести. Вот тут-то браслет словно становился зеркалом, по которому неясными видениями проносились то тень волка, то черты лица Тасора, точно кованый металл был способен связать между собой тех, кто когда-то держал его в руках.

— Он не вернётся! — в один голос убеждали девушку деревенские. — Поигрался и сбежал. Хорошо ещё, не наградил никого ребятёночком с волчьей шерстью или хвостом.

Однако Ликана не слушала, и с каждым днём приближения к лету ждать ей становилось всё легче и легче, точно Тасор уже был недалеко.

***

Серый волк, намного больше обычного зверя, бежал день и ночь, пока ему позволяла это полная луна. На бегу он охотился и быстро проглатывал свою пищу, боясь задержаться хоть на мгновение. Даже мешок, болтавшийся на шее, не мешал ему. За эти несколько дней он преодолел достаточное расстояние, но устал безмерно.

Едва полная луна пошла на убыль, зверь скорчился, словно сдулся, и обернулся человеком. Тасор, а это был он, пригладил растрёпанные волосы, с трудом добрёл до воды и буквально рухнул на берегу ручья. Усталость, неведомая человеку в зверином облике, навалилась на него с небывалой силой. Надо было найти укрытие или хотя бы влезть на ближайшее дерево, но сил даже на это не было.

С трудом найдя в себе силы натянуть одежду, Тасор погрузился в какое-то подобие сна. Он лежал, раскинув руки в стороны, с остекленевшим взглядом. Чувствовал, как пролетают над ним птицы, как ласкает солнечный лучик его побледневшие впавшие щёки, как безбоязненно бегают мимо мелкие зверьки, занимаясь своими делами.

К вечеру это оцепенение прошло, и парень сумел подняться на ноги. Умывшись и сориентировавшись с помощью волчьего чутья, никогда его не покидавшего, он побрёл к северу. Есть хотелось неимоверно, но руки после оборота пока плохо слушались своего хозяина.

Тасор сумел найти лещину, еще не обобранную запасливыми белками, и нарвал себе орехов.

Стемнело, и лес зажил ночной жизнью. Но ни один хищник не рисковал приблизиться к тому, в ком человечий дух мешался со звериным. А парень спокойно шёл своим путём. Перед мысленным взором его вставали минуты прощания с Ликаной, её тёплая улыбка, которая убеждала: ты еще не стал чудовищем, тебя еще можно любить. И Тасор тоже начинал улыбаться.

Он и сам не мог объяснить, откуда в нём возникла эта тяга к девушке. Возможно, сначала это была обычная благодарность за его спасение, потом появился интерес. И пусть вокруг крутились и другие деревенские девушки, но ни одна не вызывали в его душе того тепла, которое окутывало при появлении Ликаны. И лишь в итоге первого неловкого оборота после выздоровления Тасор понял: его волчья натура нашла именно ту, кто смогла бы его принять таким, каков он на

самом деле.

Тасор не помнил родителей, но точно был уверен: он ни разу не слышал о счастливых семьях оборотней. Это были пары, соединяющиеся по необходимости, ради выживания или получения потомства. Возможно, именно поэтому Тасор и ушёл, как уходили и многие другие из молодых, потому что в душе не готов был мириться с такими положением вещей. Особая боль была в том, что многие же потом возвращались, чтобы принять образ жизни своих сородичей. Наверное, однажды и он бы вернулся, не отыскав своей судьбы. И лишь встреча с Ликаной дала ему силы продолжать поиски легендарного ледяного водопада, о котором грезило не одно поколение оборотней.

В человеческом облике двигаться получалось медленно, и Тасор знал, что идти придётся долго, до следующей луны, когда волчьи ноги вновь понесут его подобно ветру. Тело быстрее уставало, чаще хотелось есть, а холодными осенними ночам тянуло к теплу человеческого жилья.

В редких деревушках, встречавшихся в пути, удавалось порой выспаться, а иногда и вымыться. Но больше всего радовался Тасор тёплому душистому хлебу, по которому успевал соскучиться

больше, чем по живому общению.

Ребятишки во все глаза смотрели на бесстрашного (или безголового?) путника, который в одиночку осмелился идти навстречу самой зиме. Девушки подмигивали, оценив не могучую стать, но уверенный взгляд и скрытую силу. Однако Тасор жаждал внимания стариков, которые могли бы помочь ему в поиске.

— Ледяной водопад? — шамкал один совсем уже беззубый старик. — Не-э-эт, я слышал только о ледяных волках. Они такие белые, что сливаются со снегом, по которому несутся, вызывая метели и вьюги.

— Говорят, в Северном море живут огромные рыбины, которые обрызгивают свою жертву водой, превращая их в ледяные статуи, — рассказывала нараспев старуха в другой деревушке для своих правнуков и для случайного путника. — И если кто одолеет эту рыбину, станет он самым сильным и отважным в мире. Но сколько бы охотников за славой ни находилось, ни один ещё назад не вернулся.

— На далёком севере есть движущиеся горы, — говорили ещё в одном селении. — Кто-то врёт, что движут их подводные змеи. Такая сила у этих змеев, что могут они всё землю с места столкнуть,

но эти горы ледяные останавливают чудовищ. А дураки всякие сказывают, что горы — это просто глыбы льда, и плывут они по течению, гонимые ветрами. Только нам-то, старикам, о том лучше известно.

Много наслушался Тасор сказок, только ни одна из них не дала ему подсказки.

Так и пробирался он в северные земли, то человеком, то волком, всё больше и больше оставляя позади мир людей. Реже стали попадаться на пути деревни, потом изредка встречались только редкие охотничьи сторожки, а после и никого вокруг на дни и дни пути.

Лес, поначалу потемневший от вековых елей и кедров, измельчал и превратился в бескрайнюю белую равнину, по которой гуляли вольные ветры. Опытный зверь и тут находил, чем поживиться, но человек чувствовал себя песчинкой на ладони мира, случайно занесённой в неведомые дали.

День угас, и солнца почти не было видно над горизонтом. Словно тёмные боги поглотили горячее светило, дававшее жизнь всей земле. Зато в небесах всё чаще разворачивались странные светящиеся полотна, подмигивающие, переливающиеся разными цветами, точно драгоценные

восточные ткани, которые привозили торговцы из-за южных морей.

Тасор часто замирал, восхищённый красотой бескрайнего неба, и лишь изредка задумывался о том, что и Ликане могло бы понравиться дивное зрелище. Мыслей о девушке у него почти не осталось. Да и не до того было в этом суровом краю, где и впрямь бродили белые волки, а пару раз, парень был готов в этом поклясться, и белые медведи.

Уставший, измученный, продолжал он свой бесконечный путь. Когда приходила полная луна, только величайшее усилие воли заставляло зверя, стремящегося к родным лесам, двигаться к северу. И однажды лапы вынесли волка на высокий берег сурового моря.

Волны бились о камни, повисая в воздухе мельчайшими льдинками. Наверное, свети солнце, и над водой играли бы бликами сотни радуг, но только небо разворачивало свои сияющие полотна и спирали. Дальше земли не было, только волны северного моря неслись вдаль, огибая вершину земли. Их гребни уже застывали причудливыми ледяными фигурами, предрекая, что вскоре вся вода окажется под оковами зимы. Значит, ледяной водопад находится где-то на этом

неуютном, негостеприимном берегу.

В этот момент, по-видимому, луна пошла на убыль, и волк, забившись в судорогах, обернулся человеком. Тасор поёжился от пронизывающего ветра. Волка защищал его богатый мех, но человек разом ощутил себя беспомощным перед могучим ликом природы.

Парень попытался спрятаться за ближайшим нагромождением валунов и развести хоть какой костерок. Из заплечной сумы выудил сухарь и принялся грызть его. Подняли голову сомнения: стоит ли задуманное тех тягот и лишений, которые приходилось ему преодолевать? Но вспоминались ясные глаза Ликаны, её тёплая улыбка и обещание ждать, и Тасор улыбался. Девушка незримо жила в его душе. Ради своей второй половинки стоило рисковать.

Он много дней брёл по берегу на восход. Почему-то казалось, что это правильное направление, ведь оттуда придёт однажды и в эту стылую землю ласковое солнце. Питался Тасор изредка попадавшимися птицами и последними сухарями, припасёнными еще в людных местах. Несколько раз берег становился пологим, точно путник находился в русле какой-то реки, скованной льдом. Тогда ему удавалось порыбачить

простенькой снастью, свёрнутой и уложенной на самом дне мешка.

Приближалась вершина зимы, и морозы были всё злее и злее, и Тасор только обрадовался, когда зверь вновь завладел его телом. Но кроме того радость зрела и от того, что впереди, всего в дне волчьего бега, ощущалась что-то странное — необычное и любопытное.

Безостановочное движение привело волка на узкий мыс, который обрывался, выдаваясь далеко в море. Над головой вздымались вверх крутые скалы, одетые в лёд. Казалось, что и впрямь текла в этих краях река, обрушиваясь водопадом в море, но схватилась за свой волшебный посох старуха-зима и единым мигом заморозила падающую воду.

«Так вот он какой, ледяной водопад!» — восхитился Тасор разумом зверя.

Впервые удалось ему, человеку, видеть то, что видела его вторая половинка. И оба недоумевали: как же должен оборотень искупаться в этом ледяном великолепии, если оно застыло монолитной глыбой?

Долго лежал волк, не отрывая своего взгляда от чуда природы. Может, он и спал с открытыми глазами, а может, и нет. Только Тасор ждал. Он

чувствовал, что недолго осталось ему владеть звериным обликом, но не сдавался, словно ожидал подсказки от самой природы.

В тот миг, когда во всём мире наступил рассвет, терпеливый зверь всё же добился своего. Небо вспыхнуло особенно ярко, и ледяной водопад заискрился небывалым светом, точно струи воды под солнечными лучами. Не раздумывая, волк встрепенулся и одним прыжком оказался рядом. Ещё миг — и он скрылся в неземном сиянии.

***

С ярмарки, как и всегда, возвращались уже поздно. На небо высыпали звёзды. Сегодня они были видны особенно ярко, так как наступило новолуние.

Ликана лежала на дне повозки, подняв лицо к небу, и думала. Весна пришла и скоро должна была остаться позади. Время, о котором договаривалась она с Тасором, неумолимо утекало. Уже сегодня не один парень подмигнул ей, а кое-кто и познакомиться к красивой девушке подошёл. Пока что волчий браслет ещё оберегал её от чужих заигрываний, но недолго этой защите осталось. Вот отпляшут на последних весенних праздниках незамужние девки, и начнётся лето. И уж тут

Ликане придётся выбрать себе будущего мужа.

Эти мысли преследовали всё чаще, не давали покоя и теперь. Девушка даже не заметила, как дёрнулась повозка и как испуганно вскрикнули братья. Только после отборной ругани отца она поняла, что что-то неладно. Села, выглянув на дорогу и замерла, не в силах вздохнуть.

Поперёк дороги стоял белый, светящийся тысячами звёздами волк. Он был так велик, что его запросто можно было бы запрягать вместо коня. Такому зверю ничего не стоит и человеку в один присест голову откусить. Но волк не двигался, не нападал и даже не скалился, словно чего-то ждал.

Ликана, осмелев, спрыгнула на дорогу и сделала два шага вперёд. Ей показалось, что браслет, надетый когда-то Тасором, потеплел. Девушка бросила на него взгляд и ахнула: браслет переливался, как и шерсть стоящего перед ней зверя. Посмотрела на волка, потом на свою руку, опять на волка и шёпотом, опасаясь ошибиться, спросила:

— Тасор?!

Волк склонил голову на бок и шагнул вперёд. Ликана вскрикнула и, уже не сомневаясь, бросилась ему навстречу. Обхватила обеими руками

мощную шею и спрятала в пушистой шерсти лицо. Она плакала, роняя слёзы в серебристый мех. Жалела и о долгой разлуке, и о том, что Тасор, кажется, навсегда стал волком. Плакала и от радости, что тот, кого она ждала, всё же вернулся, и от огорчения, что раскрыл свою сущность перед её родичами.

За спиной в повозке едва слышно дышали родные. То ли они собирались бежать, пока волк отвлёкся на Ликану, то ли готовились броситься на её защиту.

— Тасор! Как же так? Неужели ты не нашёл ледяного водопада и не смог снять своё проклятие? Или это проклятие такое, отчего ты навечно стал волком?

Зверь помотал головой, высвобождаясь из девичьих пук, и отступил назад. Миг — и на дороге уже стоит знакомый парень с узким лицом и серо-зелёными глазами. Если девушка и удивилась, что он был одет (ведь зверю одежда ни к чему), то тут же об этом забыла.

Улыбнувшись, Тасор сам обнял притихшую Ликану.

— Всё не так, птичка моя, — хрипловато проговорил он. — Нашёл я ледяной водопад, прошёл сквозь него и изменился. Только не в том его

магия, чтобы волчьей шкуры лишать. Я понял, Ликана, что важно не то, кем ты по свету ходишь, и не то, сколько у тебя лап. Главное — кем сам себя чувствуешь. Пока я бежал от своей сути, чувствовал себя зверем, зверем я и был. А теперь уж мы с ним едины, и в любой момент я могу как позвать, так и отпустить своего волка. Он — часть моей души, а вторая её часть принадлежит тебе.

— Что же делать нам с тобой, милый мой? Примут ли тебя мои родичи или меня твои?

— А это мы сейчас и узнаем, — и Тасор широко шагнул вперёд, прямо на оскаленные зубья только купленных вил.

— Ликана! — первой подала голос мать девушки. — Как же это так?!

Она и впрямь не могла найти слов, чтобы выразить всё недоумение от увиденного. И косилась потихоньку на мужа, который никак не мог поверить, что жуткий оборотень не собирается сожрать его дочь.

Ликана только развела руками и виновато улыбнулась, прижимаясь к плечу Тасора.

— Вот, вернулся мой жених, как и обещал, — неопределённо ответила она. — Примите ли нас или новый дом искать отправите?

— Так это… Оно того… — закряхтел, отступая

к повозке, отец. — Уж не найдёныш ли это твой, прошлогодний?

Он неловко бросил за спину вилы и сделал вид, что вовсе не собирался нападать на парня.

— Он и есть, папа. Только видишь, не совсем человек.

— Да мы уж видели, — хохотнул гулко отец. — Главное, чтобы деревенские о том не прознали, а то беды не оберёшься.

— Вам не о чем переживать, — проговорил Тасор, осознав, что никто гнать его не собирается. — Лето только началось, успеем выстроить свой дом где-нибудь на опушке, среди цветущих лугов. Будем жить, мёд собирать. И мне привычнее, и вам от соседей скрываться не придётся.

— Ну, ежели так, то нет нам большей радости, чем видеть счастье дочери, — выговорил мужик и облегчённо выдохнул.

Так и вышло, что уезжала Ликана на ярмарку девицей свободной, а вернулась — невестой. Удивлялись в деревне, что в неурочное время вздумалось молодым свадьбу играть, только ещё больше недоумевали — откуда они Тасора опять привезли. Много о чём шушукались соседки, задавали вопросы мужики отцу Ликаны. Но так толком ничего и не добились. Только наутро

похмельные головы лечили.

А к концу лета вырос на солнечной полянке домик, вокруг него — пчелиные ульи. Зажили Тасор и Ликана счастливо. А те, кто рисковал тёмной ночью проверить, как живут молодые, рассказывали потом об огромном белом волке, сиявшем всеми звёздами далёкого севера, который охранял счастливый покой лесного домика.

***

Автор на ПродаМане https://prodaman.ru/Eaterina/

Кира Бег. Хвостатые авантюристки

По мотивам книги «Вилена и Велард. Сказ о волках»

https://feisovet.ru/магазин/Вилена-и-Велард-Сказ-о-волках-Кира-Бег

***

— Кажется, зря мы затеяли этот побег, да? — Лея шмыгнула носом, убрала за ухо некогда белые волосы и принялась баюкать пострадавшую руку.

Ветер шуршал в деревьях, закатные тени делали мир непохожим сам на себя. Между прутьями клетки залетел сухой лист.

— Мы?! — Вита резко повернулась. Чёрная коса ударила по спине, ошейник неприятно крутанулся на шее, и она поморщилась. — Это была твоя идея! Ах, бедняжку не пускают на ярмарку, держат на коротком поводке!

— Сама-то! — Лея села прямо и рыкнула от боли. Цепь, идущая от её ошейника, не позволяла занять удобное положение. — Внимания ей не хватает, видите ли! Шестеро братьев и сестёр, от рождения рядом тот, кого кровь признала истин-

ной парой, а тебе всё мало!

— То-то ты сама от своей пары сбежала, подняв хвост! — оскалилась Вита.

— Это Серый говорит, что я его пади, а сам ни разу даже не поцеловал! Зато и других не подпускал! — Лея снова попыталась поудобнее устроиться на деревянном полу клетки и тихонько заскулила.

— Угу. Тебя излишне опекали отец и твой волк, на меня, напротив, не обращали внимания — мать занята младшими братьями, отец готовит моего Якоба стать вожаком, и у обоих не остаётся на меня времени. Теперь мы обе здесь, в магических ошейниках и с цепью в качестве поводка, и ничего хорошего нас не ждёт, — подвела итог Вита и вновь отвернулась к деревьям.

У неё было достаточно времени, чтобы всё обдумать, и она поняла, что была неправа — но исправить уже ничего нельзя.

Через прутья клетки мир выглядел как-то иначе. Витара пыталась понять, что поменялось, но никак не могла поймать ускользающий образ. Как в детстве, гонишься за зайцем, а в итоге оказывается, что приняла метёлку травы за пушистый хвост.

В доме чуть поодаль горел свет, слышался гру-

бый хохот — шайка праздновала добычу.

Лея побитой молью нахохлилась в углу. Того гляди, начнёт зализывать раны, как кошка. Ничего, через несколько дней всё заживёт без следа — не зря же в них течёт кровь оборотней. Нужно только эти несколько дней продержаться.

Ветер принёс пух одуванчика, и Вита вспомнила, как старшие адальфины решили разводить куриц и гусей, а в итоге они едва ли не всей стаей ощипывали отъевшихся птиц.

В кустах зашуршало. Мышь? Кролик? В животе заурчало, и Вита свернулась калачиком у прутьев. Кормить их не собирались, ошейники не позволяли обернуться — иначе их обеих тут давно бы не было.

Словно прочитав её мысли, Лея фыркнула.

— Помнишь, как мы впервые наткнулись на разбойников?

Вита тоже хихикнула.

— Угу. То-то они радовались, что две беззащитные молоденькие горожанки «случайно» набрели на их лагерь в лесу. А помнишь их лица, когда мы стали раздеваться?

— Ну не объяснишь же всем идиотам, что волком в одежде бегать неудобно?

Девушки переглянулись и уже в голос нервно

рассмеялись.

— Я всё думаю, что было бы, согласись мы остаться под началом того стражника? Атон говорил, его отряд переводят в столицу. Бегали бы мы с тобой сейчас на свободе, ловили воров, — мечтательно потянула Вита и потёрла нос. Поморщилась.

Руки были до противного грязными, как и она вся. Сейчас в них с Леей даже родные отцы не угадали бы изначальную масть.

— Пугали бы всякую шантропу до мокрых штанов, — в тон ей рыкнула Лея, и они снова отрывисто, будто лая, засмеялись, припомнив другой случай.

Молчание тяготило, ночные шорохи пугали — ошейники заставили девушек слышать и чуять, как обычные люди. Так паршиво они никогда еще себя не чувствовали.

— Может, стоило рассказать, кто мы и откуда? Потребовали бы за нас выкуп у родителей, как за того лорда, — задумалась Вита.

— Скорее меня бы отдали какому-нибудь черно-книжнику на опыты, они отца давно заполучить мечтают. А тебя бы убили да прикопали под пахучей елью, чтобы чёрный вожак не примчался мстить, — рассудительно покачала головой

Лея. — А так продадут нас богатому извращенцу, как грозили. Зато обе живы будем.

Повисла тишина. Грубые доски занозили руки, превратившаяся в лохмотья одежда почти не грела.

— Вита, а у тебя с тем парнем, ну, на праздничной ярмарке, что-то получилось? — Лея смущённо отвела взгляд и потёрла заживающую руку. Вот бы сюда зелье её отца, она бы за пару часов оправилась.

Молчание. Шорох в кустах слева.

Лея прислушалась. Может, Витара уснула? И что за зверь пришёл посмеяться над их заточением? Проклятые ошейники, как люди живут с такими куцыми чувствами!

— Нет, — наконец, отозвалась подруга. — Даже поцеловаться не вышло. Он как меня обнял, так противно стало, ну я и ушла. А у тебя..?

— Тоже нет, — Лея оставила в покое свои раны и постаралась отрешиться от неприятных ощущений. — Правда, я его всё же поцеловала, просто из любопытства, но вышло слишком странно. Ничего такого приятного, как рассказывали адальфины и девочки в деревне.

В кустах недовольно зашуршало.

— То-то от тебя мылом и зубным порошком за

сто прыжков несло, — рассмеялась Витара. Лея рыкнула на неё, замахнулась в попытке выпустить когти — и заскулила.

Да что там за беспокойный зверь такой под кустом?

— Ты ничего не чуешь? — Вита приподнялась на локте, тщетно принюхиваясь.

— Только то, что от нас разит, как от помойки, — раздраженно ответила подруга.

Они обе были слишком измучены, чтобы продолжать разговоры, и вскоре заснули.

Грохот замка, пронзительный скрип петель.

— Просыпайтесь, сони! — похожий на лай голос Серого казался частью беспокойного сна.

— Они как кутята, решили до обеда дрыхнуть, — весело отозвался Яков, заслоняя весь проход.

Судя по наглому солнечному лучу, обед давно миновал. Лея села, опираясь на прутья, Вита спросонья неловко дёрнулась и заскулила. Яков тут же оказался рядом. В клетке стало тесно — она явно не была рассчитана на взрослого оборотня-эдельвульфа.

— Как ты? Потерпи немного, сейчас мы вас отсюда вытащим. — Яков принюхался, потянулся к ошейнику и получил молнией по руке. Выругался, помянув прародителя, ухватился за цепь и

по-простому выдрал её из пола вместе с креплением. Осторожно взял Витару на руки, и вскоре они с Серым уносили своих пади прочь от ночной бойни. Дверь в дом они оставили открытой, скоро лесные падальщики наведут там свой порядок.

***

Лея сидела на кровати, болтая ногами. Белые волосы сохли, прямыми прядями ложась на спину. На языке горчило снадобье, благодаря которому раны затянулись. Такое привычное белое платье, одно из многочисленных нарядов, что остались в отцовском замке, радовало взгляд серо-зеленых глаз.

Всё было почти как раньше. Только кожа порозовела от загара, руки огрубели, а ногти обломались под корень. И какой драный пёс дёрнул Серого тащить это платье через всё королевство?

Лея раздражённо рыкнула.

— Ужин будет через четверть часа, спустишься в общий зал или сюда принести? — без стука вернулся Серый.

Взъерошенный, как и всегда. Зря он отказался поделить последнюю бутыль лечебного снадобья: на лице ссадины, одно ухо порвано — останется шрам, когда зарастёт. Судя по рукам, он всё это

время не вылезал из драк. А ещё на шее вместо спасительного кулона с каплей крови белого лекаря болтался на шнуре крохотный осколок. Он был ранен настолько серьёзно? Когда? Лея нахмурилась и прикусила губу.

Серый любовался ею. Столько дней он мечтал снова увидеть её, свою белую звезду, свою прекрасную и своевольную пади. Она вставала перед внутренним взором, стоило прикрыть глаза. Вот такая же, как сейчас — в белом платье, простоволосая, полная жизни, она и была его жизнью. Только под глазами любимой залегли тени, появилась хмурая складка на лбу, она вся как-то потускнела. А еще она больше не улыбалась.

Серый протянул Лее зелёный шарф.

— Это прикроет шею, — рыкнул он.

Цепи они с Яковом сорвали почти сразу же, а вот ошейники мог бы снять только сильный маг.

— Вы с Витарой давно здесь бродите, есть подходящие маги поблизости? — спросил он.

— Единственный, кому это под силу, сам же и нацепил на нас эту мерзость, — фыркнула адальфина.

В коридоре они столкнулись с Витарой и Яковом, которые как раз выходили из своей комнаты.

Якову тоже досталось. Он прихрамывал на левую ногу, длинные некогда волосы были неровно острижены, и теперь его украшали неровный загар и куча ссадин.

Вита выглядела смущённой. Влажные чёрные волосы она убрала в толстую косу, и на ней, в отличии от Леи, был мужской походный костюм. Он был явно велик, пришлось подкатать рукава и штанины, а пояс Вита взяла старый, свой.

— Чудесно выглядишь, — улыбнулась она Лее и с завистью посмотрела на её платье.

Лея только фыркнула — она бы предпочла брюки.

Они поели в общем зале. Серый и Яков поочередно куда-то отлучались, явно опасаясь оставлять своих пади одних.

— Утром выезжаем с обозом, — сообщил Серый, вернувшись.

— Куда? — с равнодушным видом ковыряя салат, поинтересовалась Лея. Улучив момент, выразительно посмотрела на Витару, мол, «сбежим»? Та покачала головой — хватит, набегались.

— На север, конечно, — безапелляционно ответил Яков и бросил на стол пару монет за ужин.

Вита вздохнула. На север. Значит, к стае, под бок к родителям. Сальвадор без проблем снимет

ошейники, отец отчитает и опять заберет Якова на обход территорий, мать посмотрит укоризненно и отправит присматривать за младшим братом. Интересно, сколько раз он опять оборачивался и тайком удирал, прокопав лаз под забором? Вита не спорила, но так хотелось посмотреть на столицу хоть одним глазком, они ведь почти добрались! Говорят, там есть даже фонтаны.

Лея нахохлилась, как птичка по весне. Она не для того столько раз рисковала, чтобы снова попасть в лапы отца! Подумаешь, ошейник. Она и так прекрасно проживёт. Зато никто не указывает, во сколько ложиться спать и что есть на ужин! И Лея мстительно вгрызлась в пирожок с мясом. К предкам под хвосты все эти полезные салаты.

Эдельвульфы переглянулись над их головами.

Как Лея и ожидала, их с Витой оставили спать в одной комнате, а вторую заняли мужчины.

— Ну что, после полуночи, как в прошлый раз, или прямо сейчас? — предвкушающе потирая ладони, подмигнула подруге Лея, изучая все углы.

Она даже заглянула под кровати, потом оценивающе осмотрела запертые ставни. Интересно, простыни хватит, чтобы спуститься из окна? Прыгать, пока на них ошейники, будет не луч-

шим решением.

— Нет.

Лея словно споткнулась об это слово. Вита не повышала голоса, не рычала, не выпускала когти. Но было что-то в её тоне, что ослушаться было крайне сложно. Это говорила дочь чёрного вожака и пади его преемника.

— Нет? — медленно повернулась Лея. Она тоже была дочерью своего отца, и вожак был для неё не указ.

— Нет! Хватит с меня приключений. — добавила стали в голос Витара.

Лея равнодушно пожала плечами.

— Ну, если хочешь, оставайся. Меня они не удержат. Подумаешь, явились, спасители. Мы бы и сами оттуда выбрались.

— Прекрати! Мы едва не погибли, потеряли все свои вещи, да ты посмотри на нас! Побиты, как дворовые собаки, да ещё и с ошейниками. Хватит! — откровенно рычала Витара.

— Это ты меня безродной псиной обозвала? — зарычала Лея.

Витара не могла оскорбить её сильнее. Мать Леи была человечкой, простолюдинкой, и отец до свадьбы даже не знал её имени. Она сама считала себя бастардом и полукровкой, хоть окружающие

и уверяли её, будто кровь отца настолько сильна, что никаких примесей и отклонений учуять невозможно.

— А хоть бы и так! — с вызовом глядя ей в глаза, припечатала Витара. — Истинная леди кровей, как и настоящая адальфина, всегда думает о последствиях своих поступков, и принимает их с достоинством, а не бежит, поджав хвост!

Серый и Яков слушали их перебранку за дверью.

— Пора? — тихо рыкнул один.

— Дадим им еще пару минут, — покачал головой второй.

Когда они вошли в комнату, адальфины успели поставить друг дружке пару ссадин и катались по полу, сцепившись и набивая шишки. Они рычали, скалились, но без оборота это выглядело скорее забавно, чем устрашающе.

Яков ловко поймал Витару и, перехватив поперёк живота, утащил в соседнюю комнату. Серый запер за ним дверь и демонстративно убрал ключ в карман.

Лея села на полу, сдула прядку с лица.

— Ну? Ругать будешь? — фыркнула она.

— Нет.

Такого ответа она не ожидала.

— А что тогда? Отпустишь?

— Нет.

Лея опустила плечи. Она не сдалась, просто признала временное поражение.

— Почему ты сбежала? — Серый смотрел на неё сверху вниз.

— А то ты не знаешь, — пади раздраженно отвернулась от Серого.

— Не знаю. Объясни. — Серый опустился на край одной из кроватей, похлопал рядом. — Иди сюда.

И Лея взорвалась.

— Я тебе не собачка, чтобы указывать, где мне сидеть и что делать! Я всю жизнь провела в клетке! «Лея, не ешь сладкого, слушайся папу, белый лекарь лучше знает, что полезно, а что нет», «Лея, не смотри на других, зачем они тебе, у тебя ведь есть я». Я устала! Мне до драного волчьего хвоста надоело быть вашей игрушкой! Во что захотели, в то и нарядили, — на этих словах Лея рванула платье за ворот, но лишь немного распустила шнуровку. Сообразив, что из-за ошейника сил не хватит, она дёрнула рукав, и, о чудо, он треснул по шву. Лея остервенело отодрала несчастный рукав до конца и продолжила что-то рассказывать гневным тоном.

Серый сглотнул и вцепился в матрас. Знала бы его пади, как соблазнительно сейчас выглядит! Щёки порозовели от гнева, искры в глазах, прямые чуть оголившиеся плечи…

— …за умные книжки усадили и по голове погладили, — продолжала Лея, не заметив, как напрягся Серый. — А мне уже не три года! Я девушка, между прочим, а ты на меня смотришь, как на несмышлёного кутёнка, и даже ни разу не поцеловал!

Вот, значит, в чём дело! Серый подался вперёд, опрокинул Лею на дощатый пол и впился в губы поцелуем. Он не был нежным — Лея не заслужила, и сдерживаться он не собирался. Но, похоже, это её устраивало.

Через минуту они оба уже не помнили, что ругались. Она таяла в требовательных, грубых, но всё же осторожных объятиях. Неуверенно отвечала на поцелуй, тянулась за добавкой и поскуливала, как кутёнок, если он отстранялся.

Его руки нервно дёрнули шнуровку у ворота платья, и хлипкие тесёмки порвались, словно паутинки. А заодно почему-то разошлась и сама ткань.

Треск заставил их отстраниться — ровно настолько, чтобы он успел задать вопрос:

— Лея, пади моей волчьей души, согласна ли ты стать моей женой?

Остальные слова ритуальной фразы были оборваны нетерпеливым:

— Да!

Серый подхватил Лею на руки, а она запоздало поняла, что всё это время бежала не от того и не туда.

***

Яков унёс Витару в комнату, осторожно опустил её на сдвинутые вместе кровати, потом вернулся к двери и запер на ключ.

Витара не была глупой и понимала, что эдельвульфы их с Леей так не отпустят. Они слишком долго ждали их взросления, потом спешили следом за беглянками через половину континента — и едва успели. Поэтому лишь нервно сглотнула и приготовилась к неизбежному.

Да, Яков всегда ей нравился, больше, чем кто-либо ещё, но от того парня на ярмарке её едва не стошнило — вдруг и теперь будет неприятно?

— Ты чего? — по-собачьему хриплый и такой до боли знакомый голос Якова заставил улыбнуться.

— Просто. Волнуюсь.

— Почему?

Витара провела рукой по жёсткой простыне, посмотрела в окно.

— Знаешь, я ведь потеряла кулон, который ты мне дарил. У нас когда деньги кончились, мы продали почти всё. А твой кулон я берегла. Так жаль, что он пропал.

— Этот?

Вита резко обернулась. Яков держал за шнурок кулон — копию его волчьей ипостаси, которую он сам же и вырезал для неё из чёрной волчьей сосны. Волк скалился и мерно покачивался на шнурке, отчего казалось, что он вот-вот зарычит и прыгнет.

— Позволишь?

Яков присел рядом, надел украшение Вите на шею. Потом провёл ладонями по плечам, обнял её со спины.

— Я волновался, когда ты пропала. Не заставляй меня больше бояться за тебя.

— Прости, — Вита прерывисто вздохнула. От Якова шло тепло, такое домашнее и такое дикое. Это тепло волновало, будоражило, заставляло выгибать спину, чтобы прижаться в нему сильнее. Раньше Вита не замечала за собой подобных желаний.

Как она могла так надолго расстаться с Яковом? Он ведь ей нужен. Как воздух, как крыша над головой, как надёжные стены вокруг. Она устала бежать от него — и от себя.

Прозвучали слова волчьей клятвы. Витара зажмурилась — и согласилась.

Яков не стал на неё набрасываться, как она боялась. Он провёл носом у неё по шее, рыкнул на ушко что-то нежное, легонько прикусил. Неожиданно для себя она тихо-тихо зарычала, когда руки Якова начали гладить и ласкать её сквозь одежду.

Яков довольно рассмеялся, опрокинул её на постель и поцеловал. Витара уже забыла, что должна бояться, и тянулась ему навстречу, подгоняла, звала. Всё оказалось намного проще и приятнее, чем болтали девчонки в деревне.

***

В столице возле центрального фонтана было многолюдно. Лея и Витара уже привыкли к толчее, но после снятия ошейников прошло совсем мало времени, и они немного терялись в запахах и звуках.

Они сидели на бортике фонтана в последний раз. Лея болтала ногами с подвёрнутыми брю-

чинами прямо в воде. Вита не могла себе такое позволить, мешала юбка, зато в платье она перестала чувствовать себя беглянкой.

— Ты уверена? — спросила Витара с грустью и опустила руку в воду. К ней тут же подплыли золотистые рыбки, выпрашивая крошки.

— Абсолютно. Мы с Серым всё обсудили и решили еще немного побегать на свободе, — Лея потянулась, поймала холодную струю на ладонь. Полюбовавшись брызгами, стряхнула капли с рук. — Отправимся на запад, там много лесов и мало городов. Как погода испортится, спустимся на юг, к порту, а дальше как сложится. Через год-два или чуть позже вернёмся в стаю, отец настоял, переживает за моё здоровье. А ты? Неужели тебе нравится эта толпа?

Лея обвела рукой площадь и поморщилась. Её нюх раздражали запахи людей, спешащих на работу, свежей и лежалой выпечки, пыли на мостовой. Даже вода пахла не рекой, а трубами!

— Мне здесь нравится. Столько возможностей! Сегодня уже получим с Яковом форму и значки, завтра Атон ждёт нас на первое дежурство. — Витара достала из кармана горбушку и принялась крошить рыбам. — Мне интересно общаться с людьми, Яков наберётся опыта на службе. Отец

написал, что вызовет нас при необходимости, а пока мы можем делать, что вздумается. Я видела несколько адальфин из отряда Исоры, Яков говорит, пара семей эдельвульфов обосновались на окраине, так что без поддержки мы не останемся. А еще в городе участились кражи.

— Развлекайся, — по-волчьи фыркнула Лея и встряхнула головой, когда наглые брызги попали ей на лицо.

— И тебе удачной прогулки, — кивнула Витара.

Они обе смотрели на струи фонтана, на шустрых рыбок, снующих людей и вспоминали очень похожие разговоры в ту ночь, когда стали замужними.

«Просто говори, если что-то не так или что-то хочешь, ладно?» — «И ты не забывай говорить о своих чувствах».

Кира Калинина
На белых крыльях

Глава 1

Карита вышла из ванной, зевая во весь рот. Полчетвёртого утра — простительно.

Над неприбранной постелью тлел ночник. Шторы на окне ожили и, с шелестом проехав по карнизу, сомкнулись; лишь тогда вспыхнул верхний свет — комната заметила, что хозяйка не одета, и поспешила скрыть её от посторонних глаз. Папа настроил, позаботился.

По идее, в такой час снаружи никаких глаз быть не должно. Тихий район на окраине Шафлю. Дорогие особняки, зелёные сады, высокие ограды. Тут и днём ни души. Но в последнее время Кариту то и дело тянуло бросить взгляд на улицу — вдруг кто-нибудь подглядывает?

Не трудясь запахнуть коротенький халат, она достала из платяного шкафа простое хлопковое бельё, брюки из плотной эластичной ткани, рубашку, тёплый свитер… Они летят на научную базу, а не на курорт. Наряжаться незачем. Но купальнику, шортам и солнечным очкам в дорожной сумке место нашлось.

И снова по шее под волосами протянуло холодком — будто от окна.

Карита качнула головой.

Это просто нервы. Реакция на общее напряжение. У папы на носу выборы и референдум на Свободных Островах, маму пугают недомолвки тёти Сиры. «Вот и мне передалось, — подумала она. — Так и кажется, что сейчас что-нибудь случится».

Щёлкнули оконные шпингалеты, раздался мягкий скрежет, с каким поднимается рама, сквозняк всколыхнул шторы. Выронив трусы, Карита вцепилась в полы халатика. Одно слово, и охранная система поднимет тревогу, в спальню ворвётся папа — быстрее ветра, а следом пара его оборотней. Но Карита медлила, не отрывая взгляда от дрожащих льняных полотнищ.

Лёгкий стук, шорох — и внутрь ввалилась чёрная фигура. Выпрямилась во весь рост, сдёрнула защитные очки и вязаную шапочку-шлем, закрывавшую нижнюю часть лица.

— Дан! — зашипела Карита. — Ты что здесь делаешь?

— Соскучился, — Даниэль Дарвиди сверкнул белозубой улыбкой. — Ты, я вижу, тоже…

Его глаза, в спокойном состоянии голубые, с лиловой искрой, такой слабой, что можно и не заметить, сейчас горели пурпуром, а взгляд был

направлен…

— Ой! — Карита поспешно запахнула халат.

— Да ладно тебе.

Даниэль шагнул к ней, на ходу расстёгивая и стаскивая через голову конструкцию из небольших карбоновых пластин, сцепленных между собой; в каждую врощены микрокристаллы, насыщенные лунными флюидами, всё вместе *ила* — индивидуальный левитационный аппарат. Даниэль собрал его сам, как и подобает настоящему техномагнетику, потомку двух сильных мажисьерских семей. Он опустил илу на пол и заключил Кариту в объятья, ловко нырнув руками под халат.

Она пискнула и заколотила его по плечам:

— Пусти! Холодный весь!

От нейлоновой куртки Даниэля, от его тёмных взъерошенных волос, от ладоней, скользящих по её распаренной коже, от губ, которые тут же завладели её губами, веяло стылой осенью, запахом дождя и палой листвы. И этот контраст был таким головокружительным, что Карита забыла, почему Дан не должен был сегодня приходить, и едва заметила, как они оба оказались на кровати. Даниэль стягивал с себя куртку, тонкий свитер, её руки сами, не спрашивая голову, помогали,

а он успевал целовать и ласкать её шею, грудь, живот, бёдра…

— Стой! — вынырнула она из сладкого дурмана. — Нам же выезжать пора! Папа сейчас зайдёт меня поторопить… Он тебя на флюиды покрошит!

— Не покрошит, — Даниэль торопливо расстёгивал ремень. — Я у него твоей руки попрошу, как в романах… Давай, Ри! Разок, быстренько. Я же без тебя за две недели с ума сойду.

В дверь нетерпеливо постучали.

— Рита! Ты скоро? — раздался низкий мужской голос.

Карита и Даниэль вмиг откатились на разные края кровати и застыли, с ужасом глядя друг на друга. Как бы Дан ни храбрился, но если Фалько Вертекс, глава фракции оборотней в Большом Совете Магистериума и без пяти минут сопредседатель Малого Совета, человек, то есть оборотень, которого уважают настолько, что по его слову Свободные Острова готовы поступиться своей независимостью… Так вот, если папа застанет парня в её постели, и не какого попало парня, а сына Аврелия Дарвиди и Евгении Карассис… Что тогда случится, Карита даже думать боялась. Любовный хмель вмиг выдуло у неё из головы.

— Одеваюсь, пап! — бодро крикнула она. — Пять минут!

Несколько секунд они с Даниэлем боялись вздохнуть, потом он ужом сполз с кровати, мгновенно оделся. Натянув на плечи халат, Карита вскочила следом и обняла его.

— Я всё равно на тебе женюсь, — отчаянно прошептал Дан ей в губы.

— Когда закончишь академию, а я сдам экзамены, — напомнила Карита.

Так они договаривались.

— Слушай, — Даниэль больше не казался ей холодным, даже скользкий нейлон его куртки согрелся от их горячих ласк. — Я же хотел тебе сказать: Окта тоже летит. Хочет наложить лапу на корабль.

С роднёй со стороны матери Даниэль ладил плохо. Дядю Дитмара считал мерзавцем, а бабушку, легендарную гранд-мажисьен Октавию Карассис, нынешнего сопредседателя Магистериума, пренебрежительно именовал Октой.

— Я попробовал напроситься с ней, но проще Башню Светил уломать! Выпускной курс, говорит, не смей даже думать о прогулах. Мой внук не будет неучем, — передразнил он, кривя лицо.

Карита хихикнула.

— Вот они, плюсы домашнего обучения. Полная свобода, только сдавай вовремя.

Для всего мира она — будущая «королева справедливости», девушка, не способная солгать даже в мелочи. Скажем, пожелать хорошего дня неприятному ей человеку. Тому же Дитмару Карассису. Или его сынку Манфреду. С таким отклонением психики лучше учиться дома…

О том, что всё не так, знали лишь пять человек на Континенте. С Даном — шесть. Но это секрет.

Они торопливо поцеловались, Даниэль нацепил илу, Карита погасила свет и раздвинула шторы, чтобы ему было удобнее выбираться. Потом опустила раму и снова задёрнула. Её комната была оформлена в нежных девичьих тонах, но на стенах висели плакаты с видами океанских глубин, на полках лежали диковинные раковины и кораллы. Между ними красовался её собственный фотопортрет с аквалангом — чтобы оправдать страсть к морю. И совсем скоро она окунётся в эту страсть с головой!

Папа с мамой ждали внизу. Мама в элегантном платье, с аккуратно уложенными волосами, будто сейчас не рань несусветная, а время обеда, причём званого. Папа в куртке из чёртовой кожи и штанах, заправленных в высокие ботинки

— суровый покоритель гор, а не гранд-советник Магистериума. Когда Карита спустилась в вестибюль, мама нежно улыбалась папе и говорила о каком-то чёрном полупальто. Что-то из прошлого, понятное только им двоим.

Карита вздохнула: не расскажут ведь. Они с братьями знали о событиях почти тридцатилетней давности больше всех — после родителей, конечно. Но не всё, далеко не всё…

— Готова? — карие глаза отца пронзили Кариту, как магнетический сканер, ноздри прямого носа напряглись.

Ей пришлось напомнить себе, что оборотни-ависы в отличие от бестий мало чувствительны к запахам, к тому же они с Даном ничего не успели. Но папа смотрел с таким подозрением…

— Ты собираешься лететь в этой курточке? — очень кстати ужаснулась мама.

— У меня под ней свитер, — Карита вытащила наружу край толстого ворота. — Мам, ну там же лето! Не волнуйся. — Она отлично понимала: мама беспокоится вовсе не о том, что дочка может простыть. — Тётя Сира сказала, всё будет хорошо, если я полечу с папой.

— Тётя Сира — бескорыстный человек, — заметила мама хмуро. — Она печётся о будущем

Континента и, в отличие от меня, легко говорит неправду.

А значит, во имя благих целей глазом не моргнув отправит на гибель мужа и дочь своей близкой подруги… Карита давно научилась понимать мамины недомолвки.

— Верити, — сказал папа.

— Не пугай ребёнка, — смеясь продолжила за него Карита.

А потом у неё сжалось в груди, так сильно, что она невольно оглянулась на лестницу, хотя отлично знала, что Даниэля там нет. Он, наверное, уже подлетал к общежитию Труваля, самой престижной академии техномагнетической элиты, среди студентов которой до сих пор не было ни одного обычного человека, не говоря об оборотнях. Заповедник старого мира, где всё ещё пользовались обращением «мажисьер». Но Дана это снобом не сделало. Дан — лучше всех, и когда-нибудь мама с папой это поймут.

— Рита, — окликнула мама, — ты что-то почувствовала?

Вот же духи земли! Родители всё время ждали, что в Карите раскроются какие-то особые способности. Как будто она и так недостаточно отличалась от других!

Она уже открыла рот, чтобы ответить, на ходу придумывая отговорку — всё-таки хорошо, что она не такая, как мама, и может отступить от истины, когда это нужно… Но тут хлопнула входная дверь, и в холл вбежал Жером, папин помощник.

— Фалько! — оборотни обращались друг к другу по именам, не считаясь ни с рангом, ни с возрастом. — В небе был чужой!

Отец резко обернулся.

— Был?

— Ушёл. Защита не тронута, Роуэн засёк его уже за оградой, но взять не успел. Парень укатил на «невидимке», прикрытой по всем правилам.

Карита делала вид, что так же встревожена и озадачена, как и родители, но после слов Жерома у неё отлегло от сердца. Даниэля не поймали! Непонятно, правда, когда он успел обзавестись «невидимкой»… Что сам собрал, Карита даже не сомневалась. Но почему не похвастался?!

Глава 2

Воздух пах сыростью, небо было плотно затянуто, но три луны из-за облаков щедро изливали на землю свои животворящие флюиды. Даниэль ощущал их, как ветерок в жаркий день или как солнце после холодного подземелья. В общем, это было приятно. Хотя сравнение с солнцем так себе — флюидов дневного светила он не чувствовал. Это по части Ри…

Он вылез из её окна и, скользнув вниз, полетел над землёй, чуть выше кустов, чуть ниже деревьев — невесомая чёрная тень среди других теней. Меньше риска, что крыланы засекут… Тьфу, ависы!.. Скажи «крылан» в приличном обществе, сразу запишут в расисты. Или назови себя мажисьером…

Занятно, что у грандов Совета титулы остались. Отец Кариты и Йорн Ниман, глава фракции людей, назывались просто гранд-советниками, а бабка Окта — гранд-мажисьен, и никого это не коробило, даже оборотней…

Чугунная ограда была уже в паре метров, когда совсем близко хлопнули сильные крылья. Датчики илы показали активное препятствие справа.

Даниэль перемахнул ограду, ринулся прочь и вверх, но большая чёрная птица, мелькнув по туманному небу, врезалась в него тараном, стиснула поперёк тела.

Оборотень! Авис!

Даниэль вырвал руки из захвата, и они сцепились.

Что же Ри не сказала, что Вертекс выставил часовых…

Они кувыркались в воздухе, оборотень бил крыльями, нагнетая ветер, Даниэль пытался отодрать его руки от своего горла и одновременно не упустить контроль над илой. Подумал: «Если он расстегнёт крепления, мне конец». И вдруг понял, что только помогает противнику, удерживая себя в воздухе.

А-а, пропадай всё на свете!

Он направил илу вниз, увлекая отчаянно сопротивляющегося оборотня за собой. Переворот! Над головой раскрылось сизое небо, ужас копьём прошил нутро. Когда датчики сказали, что до земли два метра, он врубил форсаж, дав команду на подъём, а едва облака перед глазами сменилось асфальтом, — снова на спуск.

Они рухнули на мостовую, оборотень — спиной, Даниэль сверху. Тряхнуло знатно, до самых

костей, до звона в ушах. Оборотень сразу завозился, и Даниэль, приподнявшись, двинул ему в челюсть. Замахнулся еще раз, для верности, но ударить не успел. Темя прострелила боль, перед глазами вспыхнуло и потемнело.

С самого дна этой темноты слышались далёкие голоса, его куда-то тащили, заталкивали, один голос казался знакомым, и это было неправильно, только он никак не мог взять в толк, почему…

Потом он открыл глаза, и тот самый голос произнёс:

— Очухался? Ну, здорово, кузен!

Каких бесов… Манфред?

— Попить есть? — прохрипел Даниэль, трогая ушибленную голову.

Голова гудела, но худо-бедно работала. Со всех сторон струились потоки флюидов, и Даниэль присвистнул про себя: он был в мажи-мобиле, в «невидимке», собранной по индивидуальному заказу. Броня — из крупнокалиберного пулемёта в упор не пробьёшь. Маскировка объединяет полог невидимости, экран магнетического поля и, что самое интересное, «тень», способную прикрыть мобиль от взгляда *видящих*. Разрешения на такую штуку выдают только на самом верху, и не для того, чтобы золотым мальчикам веселее

каталось…

Даниэль принял фляжку из рук Манфреда, глотнул и сморщился. Версент! Жгучая штука. Мозги сразу прочистились.

В мобиле их было четверо. Впереди, рядом с водителем стонал покалеченный крылан, Манфред расположился сзади напротив своего пленника. Даниэль вспомнил, как удивился, когда кузен, называвший оборотней не иначе, как скотом, взял в свою свиту одного из них. Здоровый, кстати, бугай. Даниэль не мог понять, как с ним справился.

— Знаешь, мы сначала напряглись: кто тут, кроме нас, по ночам шастает? — с усмешкой заговорил Манфред. — А это к малышке Карите. Вот тебе и тихоня-домоседка! — Он глумливо причмокнул. — Задница у неё очень даже…

Хорошо, что Даниэль еще не вполне пришёл в себя, и реакция у него запаздывала. Здравый смысл включился раньше кулака.

— Она тебе уже дала? — поинтересовался Манфред.

Даниэль заставил себя ухмыльнуться:

— А то.

Прости, Ри.

На вопросы о том, что Манфред забыл у дома Кариты и куда они едут, кузен отвечал туман-

но. Но из реплик, которыми он обменивался с водителем, было ясно, что речь о какой-то политической провокации, которая укрепит позиции мажисьеров и… сорвёт референдум на Островах?

Даниэль решил, что ослышался.

— Референдум? Ты серьёзно?

— Они хотели свободы, а теперь рвутся обратно, к благам цивилизации, — презрительно усмехнулся Манфред.

— Они идут за Вертексом, — неожиданно подал голос оборотень. — Не будет этого предателя, и они поймут, что Континент нам не нужен.

У Даниэля резко закружилась голова.

— Вы собрались убить Вертекса? — он наделся, что сумел изобразить недоверчивое восхищение, даже присвистнул для пущего эффекта.

— Зачем убивать? — Манфред таинственно улыбнулся. — Всё будет по закону.

«Невидимка» вырвалась из пригорода на пустое утреннее шоссе.

Когда-то здесь тянулись целые поля солнечных панелей, но «Ночное зеркало» сделало старые электростанции ненужными, и теперь кругом шумели молодые яблони. Мобиль свернул на неприметную дорогу, под табличку «Проезда нет». Преодолев цепь ограждений, выкатил на

небольшое лётное поле, где дремали три компактных аэромобиля. Внезапно Даниэль узнал место — неподалёку находилось столичное поместье Карассисов.

Притормозили у домика вблизи ангара. Водитель вышел, не трудясь заблокировать управление «невидимки» — без его личного флюидного отпечатка мобиль всё равно не поедет. Но Даниэль незаметно прощупал контрольную панель и убедился: доступ к некоторым второстепенным функциям может получить любой.

Замок на двери домика тоже был магнетическим. Теперь всё на флюидах, и если ты настоящий техномагнетик, ты король. «Выберусь», — сказал себе Даниэль. Ещё бы в это поверить…

Домик был чем-то вроде конторы. Приёмная, коридор, пара кабинетов без табличек.

Ввалились всей четвёркой в самый большой.

— Знаешь, я думал, ты придурок, — сказал Манфред, угощая Даниэля копчёным мясом из холодильного шкафа. — А ты вроде свой парень.

— Я тоже думал, что ты придурок, — усмехнулся Даниэль. — Но мы же не чужие люди.

В их жилах текла кровь Карассисов, однако внешне они походили друг на друга не больше, чем любые два мажисьера, взятые наугад: оба

высокие, бледнокожие, с правильными чертами лица и фиолетовыми крапинками в глазах. Манфред удался в отца — красавцем-блондином, а Даниэль… тоже в отца, только своего, хотя был уже в кости и живее нравом; это он унаследовал от матери.

— А Вертекс у меня вот где, — он приложил руку к горлу. — Так что, если надо, я готов.

Манфред одобрительно хлопнул его по плечу.

— Это мы ещё обсудим.

Оборотень поднялся, смерив обоих хмурым взглядом:

— Пойду приведу себя в порядок. Пора. Эти, наверно, уже вылетели.

Эти? Даниэль чуть не выдал себя. Спокойно! Манфред не собирается убивать отца Кариты. Они долетят до Затонувшего материка невредимыми. А потом? Что задумали эти идиоты?..

Приятель Манфреда посмотрел на дверь, за которой исчез оборотень.

— Эх! Море, солнце… Хотел бы я быть на месте этого петуха.

— Поверь, тебе не понравится, — Манфред криво улыбнулся.

Перешли в подсобное помещение. Приятель Манфреда открыл люк в полу, луч фонарика

скользнул вниз и заиграл на крышке металлического ящика.

— Не поможешь достать? Тебе с илой проще.

— Без проблем.

Даниэль сделал вид, будто не догадывается, что сейчас произойдёт. Когда люк захлопнулся у него над головой, лязгнув механическим замком, даже покричал и повозмущался для порядка.

— Не обижайся, кузен! — откликнулся Манфред. — Дело серьёзное, рисковать мы не можем. Но когда всё закончится, будешь с нами, я только за!

Глава 3

Вскрыть простой механический замок дело на четверть часа. Если, конечно, ты учился у лучших мастеров старой школы, а не составлял гербарии между танцами и попойками.

— Натурологи! — презрительно фыркнул Даниэль, откидывая крышку люка. — Биомагнетики!

Его мама тоже биомагнетик, а не технарь, как они с отцом, но она справилась бы с этим замком играючи. Бабка Окта — тем более. В силе и умении гранд-мажисьен Карассис не откажешь. Это бы всё да на добрые дела…

Прежде чем приняться за взлом, Даниэль дождался, когда кузен и его шайка уберутся из здания — магнетические датчики наверху позволяли следить за ними без труда. Пока ждал, не поленился заглянуть в ящик. Два довольно хитроумных запора открыл без ключа, подсвечивая себе фонариком, встроенным в нагрудную пластину.

Сначала был разочарован: четыре пачки бумаг. Такому грузу место на складе какой-нибудь типографии.

На этой мысли Даниэль напрягся, достал из

разорванной упаковки пару листков и направил на них свет. «Сограждане! В этот трудный час, час боли и гнева, когда враг коварным ударом обезглавил Континент, мы должны сплотиться вокруг тех, кто всегда стоял на страже мира и прогресса…»

Он выдернул листок из соседней пачки: «…пора сказать прямо: мы пригрели на груди змею. И пусть покушение не увенчалось успехом, пришло время не дрогнувшей рукой выполоть сорную траву…»

Третья пачка возвещала: «Народ Свободных Островов, братья и сёстры! Нас предали! Тот, кто принёс нам свободу, кому мы верили, как себе, за кем готовы были идти на бой и на смерть, пал от рук наших исконных врагов…»

И наконец пачка четвёртая: «Если тот, кто вчера побуждал нас к объединению, суля сытую жизнь, уважение и лучшее завтра для наших детей, сегодня избрал жертвенный путь борьбы, значит, он понял: прекраснодушные мечты об общем будущем загонят нас обратно в рабство. Своим поступком он послал нам знак: никаких союзов с Континентом, никаких сделок с подлыми мажи!..»

Даниэль читал, и грудь всё крепче сжимали

ледяные тиски. Четыре комплекта листовок, два для Континента, два для Свободных Островов. Два сценария событий, похожих, и в то же время отличных в какой-то важной и роковой детали.

Он проигрывал в уме варианты событий, но что-то не сходилось. Фалько Вертекс помог оборотням обрести свободу и сейчас призывал их к союзу с людьми и магнетиками. Но его смерть не обезглавит Континент. Во главе Континента стоит Магистериум, а во главе Магистериума — Малый Совет и его гранды-сопредседатели Гонорий Элизьерис и Октавия Карассис…

Даниэль рассовал по карманам образцы листовок, выбрался из люка и поспешил к входной двери.

Флюидный замок оказался не так прост, как он решил вначале. То есть сам замок был плёвым делом, но в нём обнаружились тонкие колебания флюидов — что-то вроде сигнализации. «Бес с ней, — решил Даниэль. — Если нельзя удрать тихо, удеру под фанфары!»

В этот момент на крыльце послышались торопливые шаги. Даниэль поднялся в воздух и распластался по потолку. Дверь открыл приятель Манфреда. Сам кузен с оборотнем, похоже, улетели к морю и солнцу. А «невидимку» оставили.

Даниэль хорошо чувствовал её магнетическое поле. Стоило чуть изменить движение флюидов, как из динамиков грянул во всю мощь парадный марш Гражданской гвардии. Приятель Манфреда подпрыгнул и чертыхаясь выскочил наружу. Дверь осталась открытой. Однако Даниэль не спешил.

Музыка была выключена, но у мобиля загорелись фары. Едва они погасли, опустились шторки на боковых окнах. Следом распахнулась дверца багажного отсека. Приятель Манфреда плюнул на дистанционное управление и влез в салон по пояс, пытаясь усмирить «невидимку» с помощью архаичной управляющей петли.

Даниэль не стал ждать дольше. Вылетев из домика, на предельной скорости понёсся к городу, к южному предместью, где располагался особняк семьи Дарвиди. К тому времени, как дружок Манфреда поймёт, что пленник сбежал, его будет уже не догнать.

Манфред не идиот, думал Даниэль, но повеса и прожигатель жизни. Среди мажисьеров его поколения таких водилось немало. Мама считала, это оттого что они перестали чувствовать себя опорой общества, а работа с флюидами, благодаря «Ночному зеркалу», сделалась слишком лёгкой.

Кузен падок на авантюры. В его духе заварить рисковую кашу с политической приправой. Так же, как запереть Даниэля на пару дохлых замков и не поставить охраны.

Но спец-мобиль, каких на Континенте наперечёт, и листовки — это совсем другой уровень. Тут приложил руку кто-то очень серьёзный. Кто-то вроде их общей бабки Окты, которой вдруг стукнуло в голову лететь к Затонувшему материку поднимать корабль, якобы прибывший из иных измерений…

Дома никого не было. Мама уже две недели сидела в родовом поместье в Каше-Абри, ставила опыты на бедных обезьянках. Отец рано утром укатил в бюро к своим чертежам и расчётам. Родители виделись хорошо если раз месяц, но как ни странно, были довольны своим браком.

«У нас с Ри будет не так», — думал Даниэль. Ещё мальчишкой он видел Вертексов на отдыхе в Мисьюде. Они проводили время вместе, купались, смеялись, и грозный оборотень, которого боялась сама бабка Окта, бегал босиком по кромке прибоя, катая на спине маленькую дочурку. До чего же Даниэль тогда им завидовал! Вот какой должна быть семья…

Он бросил в сумку еды, прихватил летнюю

одежду и вылетел во двор, где среди вишен и слив пряталась их общая с отцом мастерская. Для души. Половину помещения занимали станки, верстаки, сборочное оборудование, ящики с кристаллами и инструментами, доски для расчётов и формул, чертёжные автоматы, пара настоящих автоматнов для тяжёлых работ в углу и всевозможные устройства на разных стадиях готовности. Вторая половина была отдана аэромобилю-амфибии, любимому проекту отца. Даниэль помогал ему с удовольствием, но сам мечтал создать зонд, который достигнет одной из лун и возьмёт пробу её грунта. Когда-нибудь…

Он сдёрнул брезент с отцовской амфибии. Видом аппарат походил на касатку и мог принять на борт двоих. Многое еще требовалось доделать, но, главное, пташка была на ходу. Даниэль кинул сумку на сидение, послал команду раздвижным воротам… А в последний момент подошёл к чертёжной доске и чиркнул пару слов отцу.

Глава 4

Карита выскочила на палубу в одном купальнике: красные шортики в белый горошек и белый лиф с завязками на шее — в горошек красный. Втянула носом дивный запах йода и соли, подставила лицо океанскому бризу. Дух захватило от простора, блеска и синевы вокруг; вода и небо гляделись друг в друга, как влюблённые. Карита даже засмеялась от избытка чувств.

И нечего на неё глазеть! Она мечтала об этом все восемь часов полёта до плавучей базы. Даже дольше. Ещё в Шафлю на трапе аэромобиля подставила ладонь мелкому дождику и позволила эпидермису немного измениться. Совсем чуточку. Но папа заметил и предупреждающе кашлянул.

Он был против подъёма таинственного корабля: лежал тысячу лет, пусть и дальше лежит, мир целее будет. Если он вообще есть, этот корабль. Когда выяснилось, что всё-таки есть, папа добился, чтобы куратором проекта от Магистериума назначили именно его.

Подошвы пляжных шлёпанцев стучали по стальным ступеням; волны с плеском лизали опо-

ры, в небе реяли альбатросы. Карита спустилась на нижнюю, опорную, палубу, откуда должен был отправляться батискаф. Экскурсия для контролёров Магистериума — полюбоваться подводным миром, взглянуть на корабль до начала непосредственной подготовки к подъёмным работам.

Среди сотрудников базы хватало женщин, и они тоже ходили полураздетыми, но мужчины почему-то таращились именно на Кариту. Ясно было, что они думают: дочка гранд-советника явилась за казённый счёт понежиться на солнышке, посверкать ножками…

База представляла собой комплекс плавучих платформ, построенный специально для изучения Затонувшего материка — многоярусный город с трансляционными вышками и причальными мачтами для грузовых дирижаблей, со складами, мастерскими, лабораториями, жильём для сотрудников, депо для сложных механизмов, камерами для рабочих автоматонов и оргаматов, то есть автоматонов органических, соединяющих в себе механизмы и живую материю. Для создания последних разрешалось использовать только смертельно больных животных. Мама подозревала, что биомагнетики пренебрегают ограничением, но на базе все оргаматы были

законными — папа за этим следил.

Двое как раз держались у борта, готовые сопровождать батискаф: жутковатый гибрид дельфина и промышленного автоматона со множеством инструментов и манипуляторов; и существо, бывшее когда-то осьминогом, а теперь похожее на стального ежа с одним круглым глазом.

Оргаматы вызвали дрожь не только у Кариты. Надменная Октавия Карассис в белом брючном костюме элегантного кроя сморщила свой тонкий аристократический нос:

— Уберите этих уродов.

Она выглядела на сорок с небольшим, хотя жила на свете едва ли не вдвое дольше — типичная мажисьен старой закалки, красивая, гордая, ядовитая. Оргаматы в сравнении с ней сразу показались милыми котятками.

Отец, стоящий чуть поодаль, усмехнулся:

— Неужели опытного натуролога-биомегнетика смущает вид органических автоматонов для глубоководных работ?

— Которые небрежно собраны, скверно настроены и под водой могут представлять угрозу? — парировала гранд-мажисьен.

Между её век блеснули два аметиста, ярких, твёрдых, холодных, как и подобает драгоценным

кристаллам. Таким же был голос Октавии — ясный и непреклонный.

Казалось, она сошла на палубу прямиком из того времени, когда мужчины с бутоньерками в петлицах целовали руки дамам, похожим на драгоценные статуи, и каждая мажисьен была владычицей мира, а её воля — законом.

Начальник работ сьер Булон, высокий костлявый человек с проседью в бороде, явно помнил то время.

— При всём почтении, гранд-мажьсьен, протокол безопасности требует… — заговорил он с нервным напором.

Началось препирательство, и Карита отошла в сторонку, разглядывая батискаф, качающийся у борта платформы, как детская игрушка в тазу. На жёлтом основании-поплавке в форме подковы лежал прозрачный пузырь. Внутри было видно рычаги управления и три кресла. Одно предназначалось для Кариты, однако ей пришлось уступить место Октавии Карассис. Гранд-мажисьен не только нежданной свалилась папе на голову, но и приволокла с собой младшего внука — а Даниэлю отказала!

И пусть, сказала себе Карита. Не такое это удовольствие — разглядывать красоты глубин

сквозь стенку из новомодного полимера. Ночью она устроит себе персональную экскурсию. А пока можно позагорать и искупаться, как все люди. Этим Карита собиралась заняться сразу после того, как проводит папу… Лишь бы они с Октавией не убили друг друга!

В первые годы после того, как заработало «Ночное зеркало», гранд-мажисьен трижды устраивала покушения на мятежного оборотня. Доказать это было невозможно, а теперь, уверял отец, всё в прошлом, змея приняла новую реальность и спрятала жало. Но Карита знала, что родители рассказывали ей далеко не всё. Даже мама, которая не умела обманывать, но мастерски владела искусством ухода от ответов.

Отец вмешался в спор всего раз, посоветовав Октавии уважать правила и не пренебрегать техникой безопасности.

— Если этих тварей не отошлют, я никуда не поеду, — отрезала гранд-мажисьен. — И вам рисковать не позволю. Вы нужны континенту… Фалько.

Члены Совета тоже называли друг друга по именам, и перед именем отца Октавия Карассис всегда делала небольшую язвительную паузу.

Окинув мужчин ледяным взглядом, она попра-

вила брошь в виде гиацинта на лацкане жакета и первой шагнула к сходням.

Интересно, где её любимчик Манфред? Прилетел на край света, чтобы сидеть в каюте. Даниэль говорит, он балбес. Может, Октавия силой его притащила?

Работники базы, дочерна загорелые, кто в светлых штанах и рубахах, кто полуголый, наблюдали за некрасивой сценой со стороны. Хмурились, усмехались зло, а некоторые, судя по движениям губ, не сдержали крепкого словца. Но с сопредседателем Магистериума не поспоришь. Сьер Булон предложил гранд-мажисьен руку, помогая перейти на сходни. Она надменно вложила ему в ладонь длинные бледные пальцы, показывая, что в поддержке не нуждается, но нисходит до его стараний.

В эту секунду где-то раздался хлопок, потом скрежет, и все увидели, как в отдалении падает в сапфировый океан причальная мачта. Карита даже удивиться не успела, не то что испугаться. Под ногами у неё дрогнуло, по стальной платформе раскатился страшный громовой удар, палуба накренилась — и под грохот и лязг Карита полетела во всколыхнувшуюся воду.

Глава 5

Над её головой сомкнулись зеленоватые волны. Справа и слева водную толщу прошили какие-то обломки, будто чёрные снаряды, пущенные вглубь.

Карита одним сильным движением вытолкнула себя на поверхность, бросила взгляд вокруг. Неподалёку барахтался сьер Булон, батискаф оторвало от платформы и отнесло в сторону, а внизу, в бездонной синеве, парила тонкая фигура в белом — словно манекен из магазина одежды, — медленно уходя ко дну.

Карита приподнялась, готовая нырнуть, но налетел вихрь, от которого отец взял себе фамилию, и вырвал её из морских объятий. Именно так — «вихрь» — переводилось с древнефирамского слово «вертекс»…

— Пап, нет! — крикнула она в мелькнувшее перед глазами лицо. — Смотри!

База рушилась. Гнулись опоры, качались палубы, платформы разъезжались, что-то лопалось, падало, ломалось, крики людей тонули в надрывном стоне металла.

— Иди, пап! Я тут…

Вихрь закружил её сильнее — и оставил. Метнулся по небу смазанным росчерком — туда, где разламывалась надвое еще одна башня, грозя рухнуть на палубу с людьми.

Они поняли друг друга: Карита в воде не пропадёт, в воде ей лучше, а базу надо спасать, и никто не сможет сделать для этого больше, чем отец, ни у кого нет таких уникальных способностей и такого опыта…

Что-то большое ухнуло в воду совсем рядом, сьера Булона захлестнуло волной. И Карита нырнула, ощущая, что меняется — немного, ровно настолько, чтобы быстро, по-рыбьи, проплыть полтора десятка метров, подхватить тёмное тело, поднять кверху, протащить за собой до жёлтой игрушечной подковы батискафа и, напрягая все силы, закинуть на край этой подковы.

— Спасибо, — прокашлял мокрый сьер Булон, глядя на неё дикими глазами.

Было ясно, что её тщательно хранимая тайна раскрыта. Ну и пускай!

Карита снова ушла под воду и отдалась бездне, двум безднам — синей, океанской, холодной, и золотой, внутренней, тёплой, как жизнь и свет, глубже, необъятнее любых морей. Как бы ни объяснял это папа, что бы ни говорили мажисьеры,

Карита не ощущала различия между той частью мира, где она была человеком, и той, где обретала иную себя, и границы тоже не ощущала. Нельзя провести границу в своей душе…

Рядом двигались другие — странные, искажённые тени. Это оргаматы, изгнанные Октавией, возвращались, чтобы делать свою работу, спасать людей. Карита не стала к ним присматриваться. Раскинув плавники-крылья, она уверенно нагоняла крохотную белую фигурку. Обычный человек, скорее всего, был бы уже мёртв, но любой магнетик крепче и выносливей человека, а Октавия — не любая. Карита видела, чуяла: она жива! Сколько бы зла эта женщина не причинила маме и папе, в каких бы тёмных делах ни были замешана, нельзя оставить её тонуть…

Короткие платиновые волосы Октавии качались, как водоросли, руки и ноги казались безвольными, но нырнув глубже, чтобы принять её на спину, Карита натолкнулась на сосредоточенный лиловый взгляд. Лицо Октавии прикрывала прозрачная маска с тёмным пятном в области носа. Увидев перед собой гигантскую манту, — плоское тело, свойственное всем скатам, головные плавники, похожие на рожки, длинный острый хвост, — гранд-мажисьен вскинула руку,

и Карита с трудом увернулась от горячей струи.

Даже на расстоянии крыло обдало теплом. Какое-то энергетическое оружие. Карита хотела крикнуть Октавии, чтобы не стреляла, но передумала.

Легко допустить, что долгая жизнь, полная интриг и опасностей, научила гранд-мажисьен всегда быть готовой к худшему. Она могла захватить с собой дыхательную маску и подводный пистолет просто на всякий случай. А пререкаясь из-за оргаматов, вовсе не тянула время… Знай она о взрыве наперёд, села бы в батискаф, чтобы оказаться подальше, когда всё рухнет. И не прогнала оргаматов, помня о том, что в чрезвычайной ситуации они запрограммированы спасать в первую очередь старших рангом.

Разве что гранд-мажисьен не хотела, чтобы её спасли?

Карите вспомнилось, как за секунду до падения Октавия вырвалась от сьера Булона, который пытался её поддержать, и простёрла к отцу руку, трагически воскликнув: «Фалько! Нет!» В следующий миг сходни сорвались в воду. Гранд-мажисьен камнем пошла вниз, даже не пытаясь выплыть.

Допустим, она ударилась, потеряла сознание,

потом очнулась, надела маску и решила, что безопасней переждать под водой. Но глубина была критической даже для магнетика, так и до гипоксии недалеко, а маска позволяла обходиться без воздуха не больше двадцати минут. Почему же гранд-мажисьен не торопится всплывать? Даже «нападение» манты не заставило её сдвинуться с места.

Карите очень хотелось постучаться к Октавии в голову и спросить. Вместо этого она отплыла подальше, как и полагалось напуганной рыбе. Гранд-мажьсьен видела в ней обыкновенную манту, плавно парящую в синеве на белых крыльях, а не первого в мире водного оборотня; пусть так и остаётся, пока Карита не поймёт, что происходит.

Казалось, Октавия чего-то ждёт.

Или кого-то…

В туманной дали забрезжил свет, стал ближе, отчётливей, и скоро Карита различила очертания небольшой субмарины с прожектором на носу. Рассеянный луч скользил из стороны в сторону, высвечивая органическую взвесь, в которой двигались редкие микроорганизмы — так на суше в потоках солнца танцуют пылинки и роится мошкара.

Октавия повела руками, пытаясь привлечь внимание субмарины, но луч упорно глядел мимо. Субмарина как будто остановилась. Тогда гранд-мажисьен поплыла ей навстречу, не замечая, что за её спиной из тёмных глубин появился новый участник действия. Чёрно-серебристый некто приближался, оставляя за собой дорожку пузырей — слишком быстро для аквалангиста. И выглядел странно, не по-человечески. Сперва Карита решила, что это один из оргаматов, посланный на розыски пропавшей гранд-мажисьен, но сейчас же поняла, что ошиблась. Пловец стремился вперёд, опираясь на подводный буксировщик — серебристую торпеду с вентилятором на хвосте. Карита сама в детстве с таким плавала.

А аквалангист всё равно был неправильный. Воздушные баллоны у него крепились на животе — где это видано? И сам он был кургузый, с короткими гнутыми ногами и выпуклой спиной.

Карита подплыла ближе, чтобы рассмотреть его, и в этот момент горб на спине пловца раскрылся парой крыльев. Это были не округлые грудные плавники, как у неё, идеальные для движения в воде, а два простых птичьих крыла. Авис в полуфазе? Именно таких полуптиц-полулюдей в прежние времена называли крыланами.

Но у него же перья намокнут! Или это особый крылан, и его перья покрыты слоем жира, как у каких-нибудь нырков или уток?

Размышлять о таких мелочах было некогда. Оборотень нёсся прямо на Октавию Карассис, не думая сбавлять скорость или сворачивать в сторону, и "головка" торпеды смотрела прямо ей в затылок.

Их разделяло не больше пятнадцати метров, когда гранд-мажисьен наконец почувствовала его приближение и начала оборачиваться. В этот момент прожектор ясно осветил обоих — Октавию и крылана, который вот-вот должен был стать её убийцей. А заодно Кариту, намеренную этому помешать.

Реакция у Октавии была превосходной, даже сейчас, когда она наверняка замёрзла, страдала от нехватки воздуха и долгого пребывания на глубине. Рука с пистолетом шевельнулась, в воде прочертилась коротенькая дорожка выстрела — точно в цель.

Оборотень вздрогнул, окутался пузырьками, но сила инерции влекла его вперёд, и уклониться Октавия не успевала… Карита оказалась быстрей. Она опрокинулась на бок, встав под прямым углом к невидимому горизонту, и просто снесла

аквалангиста своим весом, как мажи-экспресс сносит брошенный на путях мобиль.

Октавию она не задела, однако вызвала сильное колебание воды; фигуру в белом, завертело, отбросило назад. Карита пустилась за ней, стараясь не думать о том, что оборотня еще можно спасти. Двоих ей не удержать…

В глаза, расставленные по бокам головы, ударил свет, по коже прокатилась волна жара. Субмарина! Карита вильнула в сторону. Этот противник ей не по зубам. Был бы тут папа… Она подтолкнула Октавию крылом, направляя вверх, а сама заметалась, пытаясь отвлечь субмарину. В оконцах рубки смутно виднелось лицо рулевого. Манфред Карассис? Не может быть! Октавия же ему родная бабка…

Субмарина опять выстрелила. Карита устремилась на глубину, надеясь, что Манфред отстанет. Но на неё налетели чудовища: огромный осьминог в игольчатой броне, с разрядами на концах щупалец, нарвал с длинным электрическим бивнем и оружейными блоками на боках, дельфин, ощетинившийся тисками, резцами, свёрлами, дробильными молотками и конусами… Карита нашла взглядом гранд-мажисьен Карассис и поняла, что недооценила её. Тонкую белую фигуру

окружал пузырь воздуха — кокон магнетической защиты, и ни один монстр не пытался его пробить.

Так это Октавия натравила оргаматов?!.

«Папа! — взмолилась Карита. — Помоги!»

Ей оставалось одно — всё глубже уходить в океанскую бездну и надеяться, что спасение подоспеет вовремя.

Если бы она умела летать, если бы у неё были способности магнетика, если бы…

Чудилось, что внизу, во мраке, тлеет огонёк. Галлюцинации? Рановато. Она ещё не достигла своей предельной глубины.

И кажется, уже не достигнет…

Уродливые существа окружили Кариту, не давая ускользнуть. Ей слышалось, как в мозгах из органики, синтетики, металла метрономом бьётся приказ: «Убей… Убей… Убей…»

Глава 6

Сверху рухнул крупный обломок платформы, распугав монстров. У обломка зажглись три яркие фары; чёрный, монолитный, по-дельфиньи обтекаемый корпус лихо вспорол толщу вод. Видимых окон в нём не было, но Карита угадала, почуяла особым чутьём, которое просыпалось у неё в воде, а порой и на суше: «Даниэль?»

«Карита?» — изумлённо вздохнули там, внутри.

Он же не знал. Она намекала ему, но никогда не говорила прямо.

«Откуда ты?» — спросила.

Он успел засмеяться в ответ:

«С неба!»

А потом кашалот ударил его в бок, и Манфред выпустил свой энергетический заряд.

Даниэль развернулся навстречу субмарине. Его лодка-дельфин была меньше, но проворнее.

«Ри, беги!»

Она ринулась дальше в глубину. Две дорожки выстрелов обогнали её, и там, куда они ушли, снова забрезжил огонёк — будто открылся и моргнул чей-то глаз.

Карита почувствовала… увидела… поняла внутренним наитием: то, что спало тысячи лет, лечило себя, восстанавливало, набиралось сил, готово пробудиться. Не сейчас, но скоро… Его потревожили слишком рано.

Глубоко на дне разгорался призрачный свет, и Карита догадывалась, что видит его она одна. Она — дитя источника, зачатого под солнцем на далёком острове, она знает пути вод, что слились с вечным океаном, слышит их голоса, и эти голоса несут ей отклик того, кто заперт в сердце корабля-камня. «Я думал, что вижу сны… Вы мой сон… Я не желал вам зла… Я здесь случайно. Но ты — нет… Ты можешь объединить всех, твой источник даёт силу объединять и примирять… Вам понадобится много земли для роста… Ты сможешь…»

Что?

Сплотить людей, оборотней и магнетиков?

Поднять со дна Затонувший материк?

Немыслимо!

«Ты сможешь…»

Это и правда было похоже на сон — вне времени и пространства. Но огонёк погас, и реальность напомнила о себе звуками сражения. Лодка-дельфин билась в осаде бронированных оргаматов,

била их своим телом — другого оружия у неё не было. Чёрные бока были помяты, из трёх фар горела одна, откуда-то из хвоста убегали пузырьки. Но несколько оргаматов дрались друг с другом — Даниэлю удалось перехватить контроль! Он бесстрашно направил лодку наперерез субмарине, в иллюминаторе которой маячило уже лицо не Манфреда, а Октавии. Белое, неподвижное, как маска смерти. Она сама была смертью…

«Дан!»

У Кариты рвалось сердце. Она ничего не могла сделать! Её источник — для мира, не для убийства…

Вода вскипела, разметав потрёпанных оргаматов, подхватила, закружила Кариту — и океанская синева наполнилась огненно-медным блеском огромного чешуйчатого тела.

Папа!

Но с другой стороны надвигалась ещё одна лодка, большая, как кит-горбач, с наростами энергопушек по бокам…

«Нет! Перестаньте, хватит!.. Папа! Дан!»

На миг Карите показалось, что она чувствует их всех. Пришельца из-за грани миров, несчастных оргаматов, злой волей превращённых в машины для убийства, ледяную Октавию Карассис, блед-

ного испуганного Манфреда подле неё, папу в его самом грозном, драконьем, обличье, родителей Дана в утробе чёрного «горбача» и самого Дана, лежащего головой на залитой кровью приборной доске… И океанские течения, и тепло поверхностных вод, и безжизненную стылость глубин. Руины безвестных селений и кости древних ящеров среди каменных останков Затонувшего материка. Коралловые рифы и острова, разбросанные вокруг Континента. Китов, моллюсков, мелких рыбёшек. Движения планетарной коры, дрожь сейсмических волн, бурление магмы в недрах, токи флюидов, пронизывающие всё и вся… В этот миг она поверила, что и правда сможет — всё сможет!

А потом провалилась в черноту.

Глава 7

Очнулась Карита в спасательной лодке на руках у папы. И увидела, что база цела.

Вид у неё был потрёпанный: пара вышек и одна причальная мачта исчезли, вторая надломилась, крепёжные конструкции оказались покорёжены, пострадало подъёмное оборудование, две центральные платформы просели навстречу друг другу — опору под ними повредило взрывом. Но палубные надстройки устояли и даже контейнеры с подводными находками чудом не рассыпались.

Людей на платформах было немного, большинство оставались в лодках, держащихся на безопасном удалении. Сьер Булон показал себя толковым начальником. Средства спасения у него были наготове, а работники знали, что делать в экстренной ситуации. Пара десятков человек получили травмы, двоим досталось особенно крепко, но врач-магнетик обещал, что с ними всё будет хорошо.

Об этом Карите сказали позже. А тогда — вспышками врезалось в память… Даниэль на носилках, его лицо в крови, но веки слабо трепе-

щут. Связанный Манфред. Растрёпанная, разом постаревшая Октавия Карассис; на неё сжимая кулаки наступает дочь Евгения, тонкая, прямая, и голос её звенит натянутой струной: «Ты хотела убить моего сына!»

В небе, распугав альбатросов, кружили братья. Примчались с Островов — значит, Дерек всё-таки освоил быстрый переход, иначе лететь бы им, с перерывами, пару дней.

Ещё помнилось: солнце, и облака, и запах моря, которого Карите всегда было мало, и фонтаны китов на горизонте. И чувство, что этот мир, весь до капельки, принадлежит ей, а она — ему, и их союз, скреплённый любовью — навсегда.

Три недели спустя всё это так же живо стояло перед ней, хотя за окошком чернела осенняя ночь, шуршал дождь. Они с Даниэлем сидели с ногами на неразобранной кровати и рассуждали о том, что открылось Карите в океанской пучине.

— По крайней мере, кто-то там точно есть.

— Или был, — рассудительно поправил Дан.

— А что же я тогда слышала и видела?

— Может быть, память? Или саму себя в будущем. Когда ты поднимешь материк.

Карита засмеялась:

— Это нереально!

Работы в районе Затонувшего материка были прекращены, вопрос о корабле отложен на неизвестный срок.

— Одна я его точно не подниму, — добавила она.

— Одна, конечно, нет, — серьёзно согласился Даниэль. — Это работа на целое поколение, для всех.

— Брось, Дан! Ты представляешь, если такой кусок суши из глубины попрёт вверх… Что будет с планетой? Вулканы, наводнения. Страшно представить!

— Вот поэтому надо всё продумать и просчитать, — Даниэль не поддался шутливому тону. — Не обязательно разрушать мир, чтобы его изменить. С землёй можно договориться. Так делали когда-то наши предки, и мы сможем. Я же был там, Ри, я видел, как всё связано… Ты сама нам показала. Море, суша, люди… Все это почувствовали. Даже моя мама.

Карита посмотрела на него с состраданием. Евгения Дарвиди-Карассис оставила своё место в Большом Совете, отказалась от опытов с органаматами и решила посвятить себя медицине. Трудно сказать, что повлияло на неё сильнее: миг невольного единения с теми, кого она привыкла

считать не более, чем рабочим материалом, или позорный крах семьи Карассисов.

На Свободных Островах состоялся референдум, большинство жителей высказались за присоединение к Континенту на правах особой автономной провинции. Эвр и Нот, папины братья, были против, но к счастью, не они пошли на тайный сговор с Октавией. Нашлась кучка жадных до власти дураков, мечтавших отгородить Острова от всего мира и править оборотнями по своему произволу.

Для этого нужно было возродить старую вражду между оборотнями и магнетиками и устранить Фалько Вертекса. Не убить, а дискредитировать, обвинив в покушении на соперницу в борьбе за кресло сопредседателя.

Октавия, разумеется, должна была выжить, сохранить свой пост и вернуть мажисьерам господство над Континентом. Чего она не могла предвидеть, так это что сын и внук решат избавиться от неё на самом деле. В субмарине Манфреда работала камера, чтобы никто не усомнился в причастности оборотней. Дитмар Карассис стал бы главной рода, освободился от диктата матери, а главное, прибрал к рукам гигантские семейные капиталы…

«У нас с Даном всё будет по-другому», — подумала Карита. Погладила его щёку и придвинулась ближе. Даниэль потянулся к ней. В тот момент, когда их губы соприкоснулись, дверь комнаты широко раскрылась.

— Рита, мне сказали, кто-то проник на террито…

Папа оборвал себя на полуслове. В его взгляде, обращённом на Даниэля, полыхнул тёмный огонь:

— Ты!

Даниэль и Карита вздрогнули, готовые шарахнуться друг от друга — но не шарахнулись. Дан, подумав, переместил руку с её бедра на талию. Щёки Кариты были краснее спелого редиса, но серо-голубые мамины глаза прямо смотрели на отца:

— Если ты позволил ему спасти меня, то не должен мешать нам встречаться!

Когда, окружённая оргаматами, она позвала на помощь, Даниэль как раз сел на воду у трещащей по швам базы. Папа, меняя обличья и используя свой дар магнетика, поддерживал оседающие платформы, стягивал крепления, обезвреживал бомбы, спрятанные у опор, отводил от людей падающие обломки… И вдруг застыл, выдохнув её

имя. Поднял взгляд на верхние палубы, готовясь сделать выбор между многими жизнями и одной, но самой дорогой…

— Я спасу её! — крикнул Даниэль. — Умру за неё!

Это папа сам ей рассказал. И признался, как в гневе шипел Дану: «Ты — Карассис…»

Вот и сейчас папины глаза смотрели недобро:

— Встречаться? Посреди ночи на твоей постели?

— Пап, мне уже девятнадцать! — возмутилась Карита.

— Мы поженимся, — выпалил Дан.

Фалько Вертекс перевёл взгляд с него на дочь, и суровое лицо смягчилось.

— Ты дитя любви, — прошептал он и добавил строго: — Все разговоры о женитьбе после того, как получите дипломы. Маме я сам скажу. Ладно, не задерживайтесь тут. А ты… — он грозно уставился на Дана, — не распускай руки.

И вышел, прикрыв за собой дверь.

Карита и Даниэль посмотрели друг на друга и, смеясь, повалились на кровать.

— Прости, что не рассказала тебе, что я тоже оборотень, — проговорила она. — Это до сих пор секрет. Более-менее.

— Да ладно, — хмыкнул Дан. — Кто же открывает такие тайны полу-Карассису?

— Слушай, — Карита наконец решилась спросить о том, что подспудно тревожило её всё это время. — Ты когда увидел меня под водой… мантой… ты не испугался?

На его лице отразилось такое искреннее недоумение, что Карита смутилась.

— Ну, я же рыба, и пасть у меня большая, зубастая. Рога на голове… Мант в старые времена из-за них морскими дьяволам называли.

— Ну и дураки, — фыркнул Дан. Лёжа на спине, посмотрел на Кариту снизу вверх, глаза его затуманились. — Ты была… восхитительной. Белая манта. Я не знал, что такие бывают. Даже не сразу понял, что это ты, хотя твой отец и сказал… Ты парила в воде, как птица в небе, на белых крыльях, так плавно и величаво, так красиво. Смотрел бы вечность… А нельзя было. Надо было колошматить этих, с железными башками. Жаль, мне самому так не плавать…

— Твоя летучая амфибия тоже очень красивая, — Карита склонилась к нему, и они вытянулись на кровати, обнявшись. — Ты починишь её, и мы будем плавать вместе… летать…

— На белых крыльях, — прошептал он. — Вме-

сте… навсегда.

Карита взяла лицо Даниэля в ладони, прижалась лбом к его лбу — и всеми чувствами вернулась в океан. Ощутила податливые объятья волн, тепло солнца, сияющего сквозь линзу воды, упругие толчки глубинных течений, радостное напряжение в мышцах и пьянящий запах морской жизни, недоступный тем, кто на суше…

И Даниэль, она знала, переживал сейчас то же самое.

Вот в чём её долгожданный особенный дар — одаривать других.

Но эти мгновения она не отдаст никому, кроме Дана!

Они были океаном, и океан был ими. Нёс, качал, укрывал собой от суеты мира. Они купались в синем безмолвии, парили вдвоём на одних крыльях, деля друг с другом безграничную свободу и счастье.

Любовь.

Жизнь.

Навсегда…

***

Автор на ПродаМане https://prodaman.ru/Kira-Kalinina/

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Калинина-Кира/

ЧАСТЬ. Янина Веселова. В гостях у сказки, или Добряна и Серый Волк

Рассказ написан по мотивам книги «В гостях у сказки, или Дочь Кащея», над которой я сейчас работаю.

https://prodaman.ru/Yanina/books/V-gostyax-u-skazki-ili-Doch-Kashheya

***

— Мужчинам в скит ходу нет, — в который раз повторила седая как лунь старуха с удивительно яркими голубыми глазами. — Оставляй девицу да поезжай восвояси.

Услышав такое в пятый раз, Степушка дернулся и рыкнул да так грозно, что Добряна на секундочку поверила, что братец сейчас разозлится, заорет на старую ведьму, а то и чего похуже вытворит. Так нет же, не суждено было сбыться ее мечтам. Закаленный при дворе боярин быстро овладел собой. Зубами поскрипел, желваками поиграл да наново заулыбался.

— Извините, уважаемая, — посетовал миролю-

биво, — но это ни в какие ворота не лезет. Речь идет о моей сестре, а не о кошке дворовой. Как я могу оставить ее посреди леса, надеясь только на ваше слово?

— А чего ж тебе еще надобно, глупый? — прикинулась дурочкой известная всему Берендееву царству многомудрая Устинья.

— Обряд, договор… Не знаю…

— Договор? — насмешливо переспросила старуха. — Ну будь по-твоему. Только уж не жалуйся потом Степан свет Кондратьевич.

— Не зли ее, Степа, — подергала брата за рукав Добряна. — Только хуже сделаешь.

— Погоди, — досадливо поморщился тот, освобождая локоть. — Дело серьезное, разобраться в нем надобно.

— Обжегшись на молоке, на воду дуешь? — с намеком улыбнулась старуха, будто насквозь видела и самого окольничего, и его сестрицу. И не было ничего тайного в их истории для жрицы Макоши. — Ну и правильно, — неожиданно одобрила она. — Только, если что не по-твоему пойдет, не обессудь.

Степан собрался было ответить, но старуха дала знак молчать и поманила в чащу. Там, в глубине древнего леса было устроено капище. Са-

мое странное, из всех виденных Добряной ранее. Начать с того, что располагалось оно в окруженном седыми елями овраге, по дну которого бежал ручей. Он делил огороженное частоколом святилище на две части: мужскую и женскую. Мужская половина посвящалась могучему Велесу, а женская Макоши и ее дочерям Доле и Недоле.

Устинья остановилась, не нарушая границ капища, и рядом с ней замерли брат с сестрой, рассматривая божественное семейство.

— Что встали? — поглядела на них жрица. — Идите и просите. Только думайте кого и о чем, — все же предупредила она. — А я уж прослежу, заодно и клятвы закреплю.

— И сама поклянешься, что Добряне в твоем скиту беды не будет, — набычился Степан.

— Само собой, — не раздумывая согласилась старуха. — Ну иди, голубка, — подпихнула она Добряну.

Робея, девушка пошла вперед. Велес или Макошь? Муж или жена? Покровитель волшебства и властитель зверей или Пряха жизней человеческих? Как тут разберешь, у кого просить помощи? По уму стоит матушке Макоши поклониться, вот только подсказанные разумом да гордыней поступки в последнее время все больше боком

выходят. Значит… Вдохнув словно перед прыжком в студеную темную воду, Добряна двинулась к Велесу. ‘Обещаюсь сердцем жить, сердца слушать,’ — прошептала, поклонившись низенько и замерла, застыла, позволив себе погрузиться в живую лесную благодатную тишину.

Сколько так простояла неведомо: толи минуту, толи вечность. Там, где очутилась Добряна времени не было. Там вообще ничего не было кроме огромного зеркала, в котором мелькали картины жизни боярышни Басмановой. ‘Старые люди говорят, что перед смертушкой такое бывает,’ — безо всякого испуга подумала девушка и вгляделась пристальней. Вот она девчонкой босоногой на качелях качается, словно летит, а вот с деревенскими подружками ягоду собирает, вот в ночное со братцем Степушкой напросилась, а вот уже и на тятенькины похороны попала.

Едва успела сморгнуть слезы, как уже матушку зеркало показало. До того ее вроде, как и не было. Недосуг боярыне Ираиде Макаровне с девчонкой сопливой нянькаться, только овдовев о дочке и вспомнила. Увидела ее и ужаснулась: ни манер, ни воспитания, ни дворянской гордости. Пришлось заняться наследницей вплотную. И замелькали перед Добряной новые картинки. Она

больше не играла с подружками-простушками крестьянскими девчонками, не марала белых рук недостойной работой. Отныне Добряна постигала лишь науки, положенные девушкам благородного воспитания, и постепенно превращалась в копию матушки.

Наверное, это было правильно, только отчего-то противно и совестно. Словно предала сама себя, научившись отвешивать звонкие пощечины, взятым в услужение старым друзьям. Жаль, что поняла Добряна это только увидев себя в волшебном Велесовом зерцале. А в нем уж новые картины… Братец старший жену в поместье привез — до того страшненькую девку, что оторопь берет. Привез и бросил на Добряну с матушкой.

«Вот через эту поганку и пришли несчастья в мою жизнь!» — поняла девушка, разглядывая ненавистную сноху. «От нее и порча, и проклятия… Конечно, матушка зря ее вот так уж сразу изводить начала, но и Василиса тоже хороша. Нету в ней ни уважительности, ни понимания, ни гибкости. Пришла в чужой дом — прогнись и улыбайся, не скандаль и старших слушайся, а не то сама себе навредишь, — смотрела в волшебное зеркало и думала Добряна. — Испокон веков свекровь с золовкой невестку учат. Не нами это

заведено, и не нам это менять.» И правда, могла же Василиса немножко потерпеть вместо того, чтобы сбегать от матушкиного гнева куда глаза глядят и всю налаженную жизнь своим поступком рушить.

Тут поверхность волшебного зеркала заходила ходуном, словно бы оно подслушало девичьи мысли и возмутилось. Зерцало вспучилось страшным пузырем, втянуло в себя Добряну, закружило и выкинуло на мрачное лесное капище. Выкинуло и схлынуло, оставив трепещущую словно выброшенная на берег рыбка боярышню перед изваянием грозного бога. И мнилось ей, что недоволен Велес.

— Что же делать мне? — склонилась перед ним гордая боярышня. — Чем искупить вину свою? И есть ли та вина? — совсем тихо шепнула она, оставила подношение на алтаре и торопливо отошла. Ну его, сердитый.

Брат тем временем тоже покинул территорию лесного храма и теперь внимательно следил за старой жрицей. Та на боярские гляделки чихать хотела, лишь плечами повела насмешливо, а потом вдруг взяла и подмигнула Добряне. Мол, не робей, девка, прорвемся.

— Теперича моя очередь подошла, — прогово-

рила Устинья. — Пред светлыми ликами богов, клянусь взять под свою опеку девицу Добряну и быть ей строгой, но справедливой наставницей. Обещаю словом и делом направить ее на путь истинный. Доволен ли, боярин? — повернулась она к Басманову.

— Спасибо, — уважительно склонился тот перед старухой, думая о том. Что давно уже столько спину не гнул.

— А раз так, то и ступай отседа, — закончила разговор жрица Макоши. — В мой скит мужикам ходу нет.

— Хоть до ворот позволь сестру проводить… — вырвалось у Степана.

— Дозволяю, — смилостивилась старуха. — Но только до ворот, запомни.

— Ага, — сжав холодную влажную от волнения ладошку Добряны, он повернул назад — к возку да тесовым воротам, из-за которых выглядывали дерновые крыши Устиньиного поселения. — К чему такие строгости? — полюбопытствовал окольничий. — Вот хоть меня взять… Сам женат, привез сестренку. Значит, воспитанницам твоим ничем не угрожаю.

— Еще бы ты попробовал им угрожать, — развеселилась Устинья. — Враз бы угрожалка отсохла.

— Чего?! — возмутился он.

— Порядок, говорю, во всем нужен, — бестрепетно посмотрела на него бабка, словно бы это не она только что отпускала всякие намеки. — Ты, как лицо государственное, должен это понимать. А то одному позволь, другому… И превратится обитель в проходной двор. Никакого порядка не будет, никакого благолепия…

Окольничий подозрительно поглядел на Устинью… и промолчал. Ну ее. Скомканно распрощавшись с сестрой, взлетел на застоявшегося вороного и поскакал в Новгород. Следом за ним, солидно поскрипывая на ухабах, двинулся тарантас. Добряна собралась было помахать вслед да передумала. Обойдется Степушка, перетопчется. Бросил ее в лесу дремучем гад такой! Потому сморгнула боярышня слезы да кулачки сжала.

— Отвалили, и скатертью дорога, — Устинью отъезд окольничего порадовал. — Не люблю я этих мужиков, — поделилась она. — От них одна морока. То жрать им давай, то давай… Кхм. Неважно, в общем. В любом случае без них спокойнее. Так что, красавица, носом не шмыгай, бери свои манатки и за мной поспешай, — велела хозяйка скита и подошла к воротам.

— Сама? — растерялась Добряна, рассматривая

немалую гору вещей, привезенных из дома и заботливо выгруженных из повозки.

— А-то кто ж? — удивилась ехидная старуха. — Про слуг думать забудь, голуба моя. Тут их не водится.

— Я столько не допру, надорвусь.

— Несколько раз обернешься, — не впечатлилась бабка. — А лень таскать, брось, — с этими словами она толкнула створку ворот и вошла вовнутрь.

Добряна постояла, посопела обиженно, но в итоге подхватила два тюка полегче и поспешила следом. Не стоять же столбом посреди леса.

***

Скит Добряне не понравился. Вот прям совсем. Она ожидала увидеть величественный храм и, возможно и терем в отдалении… Надо же где-то проживать Устиньиным воспитанницам. И не только жить, но и расти духовно, поднимаясь над суетой грубого, жестокого мира. А тут казарма! Нет! Бедняцкую слободка! Точнее, выметенный до чистоты скотный двор или псарня! Судите сами: прямо от ворот начиналась узенькая, застроенная с двух сторон деревянными халабудками улочка, заканчивающаяся крохотной

скорее всего площадью (Добряна просто не сообразила, как назвать этот засыпанный галькой пятачок) с круглой клумбой посередке. Венчала все это безобразие изба побольше. Примерно в такой на басмановском подворье сторож жил.

Потеряв дар речи, боярыня шла вдоль ряда халабудок. Другого названия этим крытым дерном, просмоленным до черноты, подслеповатым бревенчатым избенкам было не подобрать. На крышах некоторых из них паслись козы…

— Не зевай, потом осмотришься, — окликнула девушку Устинья, остановившись около одного из домишек. — Вот жилье твое. Осваивайся.

— Ага, — только и сказала Добряна.

— А как манатки перетащишь, в хоромы приходи, — бабка махнула рукой в сторону добротной избы. — Поешь и наказ на житье получишь.

— Ага, — повторила деморализованная боярышня и пару раз кивнула на всякий случай. Мол, поняла, не перепутаю и не заблужусь.

— Не мешкай тогда, голуба моя, — напутствовала ведьма, прежде чем уйти.

— Ага, — заело несчастную.

Кое как отворив низкую скрипучую дверь, она прошла темные сени и оказалась в тесной комнатушке. Два крохотных по счастью застекленных

оконца с трудом разгоняли пыльную тьму. В их свете можно было разглядеть обстановку Добряниной кельи. Пара лавок, стол, сундук, притаившаяся за печкой кровать и ткацкий станок — вот и вся обстановка. Ни тебе резьбы, ни росписи, ни хрена подобного, сплошная бедность и мрак запустения.

— И тут я должна жить? — тоненьким голосом спросила Добряна и заплакала.

Нарыдавшись, высморкалась и пошла за вещами. Среди такого неустроя каждой тряпке обрадуешься.

Чтобы перетащить в халабудку все привезенное из дома добро, Добряне раз десять пришлось бегать к воротам, и все это время на улице не было ни души. Поначалу девушке было не до того, но вот потом ей стало, мягко говоря, не по себе. Где это видано, чтобы в скиту, населенном сплошь девками да бабами, битый час никто на улицу носа не кажет и в новую жиличку пальцем не тычет? Где прильнувшие к окнам лица? Где шепотки и шуточки? Только козы по крышам скачут, провожая недобрым взглядами упревшую, лохматую боярышню.

Так что за оставленным напоследок сундучком Добряна бежала вприпрыжку, практически ле-

тела ласточкой. Выскочила за ворота, прижала руки к часто вздымающейся груди и замерла. Что делать, она не знала. По уму стоило возвратиться в скит, чтобы неукоснительно следовать указаниям Устиньи. Вот только один взгляд на пустынную улицу холодил кровь и заставлял пятиться прочь. «Уж лучше в чаще сгинуть, — поняла Добряна. — Там все ж таки жизнь. Вон птички поют, а в скиту жуть жуткая.»

Подумала так, и враз хорошо сделалось на душе, легко. И сердце успокоилось. Мол, дерзай, Добрянка, не робей. Наше дело правое. А если и сгинем в лесу — ничего, никто не заплачет: ни матушка, ни братец старший. Нету им дела до брошенной в чаще красной девицы. Мысли о собственной безвременной кончине оказались на редкость приятными. От них трепетала каждая жилочка, теснило грудь, на глаза набегали слезы, и до того приятно делалось. Просто жуть.

Да и вообще прогулка по летнему наполненному ароматами цветов, поспевающей земляники и, кажется, даже грибов, лесу Добряне понравилась. Было так приятно идти по дороге…

— Не, этак меня враз найдут, — в какой-то момент поняла разомлевшая на свободе боярышня и решительно свернула в чащу. Помирать так с

музыкой.

Сколько она так шла неведомо, а только умори-лась. Уселась довольная собой на пенек.

— Хорошо-то как, — поедая сладкую землянику, прищурилась на солнышко. — Однако же дело к вечеру, небось меня ищут уже. Ну и пусть. Все одно я в скит не вернусь. Я туда и дороги-то не найду, — опьяневшая от лесного воздуха Добряна захихикала. — Прямо тут и помру, — беглянка обвела взглядом поросшую цветами просеку и улыбнулась. Несмотря на разговоры, ни во что плохое не верилось.

Долго на полянке она задерживаться не стала, дальше пошла. Недаром говорят, что дурная голова ногам покоя не дает. Так оно и есть. Уже под вечер окончательно заплутавшая боярышня забрела на болото. Ей бы сообразить, что к чему, и остановиться, а ещё лучше назад повернуть… Куда там. Красавица шла себе и шла, отмахиваясь от назойливого комарья березовой веточкой, только отметила про себя, что тропка топкая стала. Зато дух грибной усилился. Помстилось даже, что на ближайшем пригорочке алеют шляпки подосиновиков. С одной стороны вроде бы рановато для них, а с другой азарт разбирает. «Наберу грибков, запалю костерок, зажарю,» — облизнулась Доб-

ряна, пустой желудок поддержал ее согласным бурчанием. Какая, в сущности, разница, что огня девица самостоятельно отродясь не разводила. Другие же как-то справляются, а она чем хуже?

Поднажав, Добряна в мгновение ока очутилась на пригорке, правда вместо подосиновиков нашла пяток здоровенных мухоморов.

— Ну и ладно, — хихикнула она, — я все равно кремень и кресало с собой не захватила. Да и огонь разводить не умею.

С этими словами девушка развернулась назад да так и замерла. Шагах в трех от нее, перегородив тропинку, стоял волк. Со страху он показался Добряне размером с хорошего коня, если, конечно, бывают кони с клыками в три вершка (13,5 см). Волчара, не сводя с помертвевшей девушки желтых немигающих глаз, склонил голову набок, как будто примеривался откуда удобнее начинать ее есть. ‘Интересно, он мне откусит голову или только горло порвет, а потом неторопливо начнет выедать ливер?’ — задумалась ещё совсем недавно бывшая гордой боярышней дичь, пятясь прочь от хищного зверя.

Она успела сделать шаг, другой… На третьем земля ушла из-под ног, и, взмахнув руками как птица крыльями, Добряна упала навзничь

(лицом вверх). Прикидывающаяся безобидной полянкой трясина радостно чавкнула, видно не ожидала такой щедрой жертвы. Болотные травы охотно расступилась, показывая черное гнилое свое нутро, и жадно обняли девушку, потянули на дно, которого и не было небось… Она закричала, рванулась, да куда там… Жирно хлюпнула темная густая жижа, не желая отпускать столь сладкую добычу, сдавила страхом девичью грудь, сжала предчувствием близкой могилы сердце. И все же Добряна не сдавалась, не осознавая, что приближает свою гибель, трепыхалась, тянулась к низкому уже, но такому теплому солнышку.

Волку такое поведение потенциального ужина решительно не понравилось. Грозно рявкнув, он мотнул башкой и прыгнул вперед, видно, хотел подцепить девицу острыми зубищами да не рассчитал, перевернулся через голову… и превратился в здоровенного совершенно голого парня.

«Срам-то какой, — зажмурилась Добряна, но тут же вновь распахнула глаза. — Хоть напоследок рассмотрю.» Вероятно, она хотела перед смертью посмотреть в человеческие глаза, ощутить рядом с собой присутствие кого-то живого, а может измученное страхом тело само, без помощи гаснущего разума, боролось за жизнь. Скорее всего

так и было. В любом случае добрый молодец утопающей красавице приглянулся.

«Краси-и-и-вый, вот повезет кому-то» — отметила она гаснущим сознанием и даже успела мимолетно позавидовать неведомой счастливице, а потом прикидывающаяся водицей жидкая грязь сомкнулась над неудачливой беглянкой, так и не успевшей насладиться свободой.

***

Приходить в себя было долго, больно и очень страшно.

— Открывай глаза, голуба моя. Чего ерзаешь как неродная? — прозвучал смутно знакомый голос, и Добряне ничего не оставалось кроме как послушаться.

Не узнавая, она оглядела низкий потемневший потолок с широкими матицами, моргнув, глянула в оконце, ничего не разглядела и только потом заметила Устинью, которая мирно сидела совсем близко и что-то вязала.

— Где я? — немного понаблюдав за тем, как быстро мелькают в руках старухи спицы, спросила девушка.

— В скиту, ясное дело, — тотчас же откликнулась та. — В выделенном тебе дому, который еще,

кстати говоря, еще обихаживать надобно.

— А… — ничего толком не поняв, потянула Добряна. — А побег мой как же? А болото?

— Забудь, голуба, — посоветовала Устинья и отнесла вязание на вытянутой руке подале — полюбоваться. — Все забудь.

— Да как же?

— А так, — усмехнулась старуха, — засыпай и все. Утречком во всем разберешься. Оно, как известно, мудренее вечера, голуба моя.

Не слушая робких возражений, Устинья споила болящей какой-то пахнущий цветущим лугом отвар, поправила одеяло и неожиданно тепло улыбнулась. Улыбка у хозяйки скита оказалась волшебная, она прогнала все страхи и тревоги, уняла боль и приманила волшебные сны, в которых давешний примерещившийся молодец что-то хорошее говорил Добряне.

***

Следующее пробуждение вышло куда как приятнее. Во-первых, ничего не болело, не ломило и не тянуло, во- вторых, вкусно пахло свежим печевом, а, в-третьих…

— Хватит валяться, голуба моя, — негромкий голос Устиньи прогремел гласом небесным. —

Всю жизнь проспишь.

— Ага, — согласилась девушка и торопливо встала, не желая сердить хозяйку скита. И так вчера накуролесила. Чего в побег ударилась как дура бестолковая? Не зная за что хвататься в первую очередь, она затопталась босыми ногами по грязноватому щелястому полу.

— Чуни (тут тапки) надвинь, — велела старуха. — Вот смотрю я на тебя — дите дитем, — поджала губы она, наблюдая на суетящейся боярышней. — Телом выросла, а ума не вынесла. Ни хитрости в тебе, ни злости особой нет, но и умишком не блещешь. И не злись, личико не отворачивай, садись-ка лучше за стол, покушай да меня старую послушай.

Решив, что связываться с лесной ведьмой себе дороже, Добряна перестала искать сарафан и, как была в одной вышитой нижней рубашке, так и уселась за стол. Есть хотелось настолько, что даже обидные речи не смогли отбить аппетит. Свежий хлеб с медом и холодное молочко пошли на ура.

— Делать ничего не умеешь, спеси боярской выше крыши, голова дурная, — дотошно перечисляла недостатки новой своей воспитанницы Устинья, с удовольствием наблюдая за ее завтраком. — Зато ноги крепкие, грудь высокая, талия

мужским рукам в обхват, коса знатная. И нескандальная опять же… Это славно… — бабка задумчиво почесала нос и вынесла вердикт. — Муж тебе хороший надобен. За ним как за каменной стеной будешь, может, и до человека дорастешь.

— А сейчас я кто? — облизнув липкие пальцы, спросила Добряна. Подобрев после сытного завтрака, она решила на старуху не обижаться. Все-таки за дело отчитывает.

— Птаха мелкая, вот кто, — оценила кротость Устинья. — Зачем в побег пустилась, дурища?

— Напугалась, — честно ответила та. — Показалось, что вымер скит, только козы остались и я…

— Аха-ха, — не выдержала бабка, рассмеялась, схватившись за бока. — Коза ты и есть!

— Так ведь не было ни одной души на улице… А эти рогатые так и зыркают… А глаза у них…

— Девок у меня полон скит. Только некогда им сплетни разводить да в новеньких пальцами тыкать. Потому как у всех своя забота, — отсмеялась Устинья. — У каждой трудницы свое покаяние, Макошью положенное. Кто-то за козами ходит, кто-то есть готовит, кто-то за порядком следит, иные рукодельничают. Поняла ли, голуба моя?

— Чего ж тут не понять? — покосилась на паутину в углах Добряна.

— Всякое бывает, — признала бабка и поспешила перевести тему. — Скит мой на все царство Берендеево славится тем, что выходят из него самые завидные невесты. Все из себя умницы-красавицы-любушки-голубушки, и у каждой, — Устинья назидательно вздернула палец, — каждой, — многозначительно повторила она, — свое особенное мастерство имеется. Оно-то и является основным приданным.

— И у меня будет?

— А-то как же, обязательно, — уверила Устинья. — Тебе особое послушание положено. Матушка Макошь лично его выбирала.

— Правда? — ахнула Добряна.

— Истинная, — построжела старуха. — Надобны сестрам моим — жрицам Макоши новые рубахи. Такие, чтоб летом в них было прохладно, и зимой тепло. Шьют их мастерицы, получившие благословение самой Матушки нашей — Пряхи небесной. На все царство-государство Берендеево всего две их было, а теперь и вовсе одна осталась. Отправилась давеча старая Матрена в последнее свое путешествие по Калинову мосту через реку Смородину в царство Прави (тут умерла), и некому продолжить ее дело кроме тебя, Добряна дочь Кондратия.

— Ох…

— Макошь на тебя указала, да и Велес словечко замолвил.

— Мамочки…

— Цени, девка глупая.

— Благодарствую, — Добряна поднялась с лавки.

— Да не меня, — отмахнулась от нее как от надоедливой мухи бабка. — Вечор на капище пойдем, там и поспасибкаешься. А сейчас о трудах, предстоящих, слушай.

Устинья задумчиво пожевала губами, помолчала, собираясь с мыслями, и приступила к рассказу. Со слов хозяйки скита получалась, что настигла Добряну невиданная удача, всю глубину которой враз не постичь. Потому что если начнешь вглядываться, то ужас берет. А все из-за того, что предстояло боярышне Басмановой собственными белыми ручками собирать крапиву, обдирать с нее листья, которые ни в коем случае нельзя выкидывать, ибо зело полезные. Стебли полагалось для сначала высушить под навесом, а после, предварительно упаковав всю эту страсть в мешки, тщательно размять какой-то хренью, Добряна не запомнила название, не до того было, только и уяснила, что в результате получаются

волокна. Их нужно будет трепать и вычесывать, а потом и прясть крапивную кудель.

Слава всем богам, для этого всего можно было пользоваться самопрялкой. Да и траву разрешалось рвать не голыми руками, а то вообще легче повеситься, чем до ткацкого станка добраться. А ведь сотканное полотно ещё и раскроить надобно, а потом и рубашки из него нашить. И уж, конечно, не стоит забывать о вышивке узорами заветными, от предков переданными.

Чем дольше слушала Добряна, тем яснее понимала — это конец. Она не справится, просто помрет раньше. Тогда-то и вспомнилось недовольство Велеса. Небось подсказал супруге хозяин стад, волшебства и богатства, как сподручнее неугодившую девку извести.

— Я не сдюжу, — дождавшись, когда стихнет негромкая речь Устиньи, созналась она. — Помру, а не справлюсь. Это же такая прорва работы… Ее за год не переделать.

— Все помрем, — философски заметила хозяйка скита. — Бессмертных нету. Но каждому своя судьба сплетена. Видно, твоя в руки Недоли попала. Крепись девка, крепись. Главное, носу не вешай. Суди сама, ремесло, назначенное тебе, простым не назовешь. Зато почетное оно страсть

какое. Потому как рубахи энти зело ценные. И потом… Не так уж и много их требуется. Это не бесконечные посконные холсты ткать, не за скотом из дня в день ходить, не в поле надрываться.

— Дворянам невместно в хлеву да в огороде спину гнуть, — вздернула подбородок Добряна.

— Вона как ты заговорила, — недобро прищурилась Устинья. — Быстро о боярской спеси вспомнила. Что ж, неволить и держать в скиту я тебя не стану. Иди куда хошь: хоть в Новгород, хоть в лес, хоть в болото, но знай, молва впереди тебя побежит. Каждая собака о твоем позоре узнает. Мол, не сдюжила Добряна Басманова, не потянула, потому совсем негодящая девка она, семьи своей недостойна…

— Это не так! — девушка вскочила на ноги.

— А раз не так, — Устинья неторопливо поднялась с лавки и оказалась вровень с возмущенной девой, — то надевай сарафан да выбирай богиням подношение, чтоб простили тебя дуру глупую, непокорную!

— Я…

— Ты справишься, — неожиданно обняла Добряну она. — Сдюжишь, — прошептала ласково. — Верю в тебя. И вообще, глаза боятся, а руки делают. Не плачь, голуба моя, слезами делу не по-

можешь. Лучше думай, почему ты тут оказалась да на работу настраивайся.

***

Легко сказать, но трудно сделать. Что значит ‘настраивайся’? Разве есть способ добровольно превратиться из столбовой дворянки, записной белоручки и маминой дочки в трудолюбивые крестьянки, вкалывающие, не разгибая спины, от зари до зари? Если и встречаются такие чудеса так только в сказках. Добряна в этом быстро уверилась.

В дурацком, а иначе она про себя с некоторых пор скит и не называла, так вот, в дурацком скиту день начинался с того, что отвратительно бодрая Устинья лупила в здоровенное медное било, давая знак, что пора вставать, приводить себя в порядок и бежать в общинный дом на завтрак. Перекусив в компании таких же сонных зашуганных девок, следовало приступать к трудам праведным до самого обеда, который, слава всем богам, как и завтрак готовили на всю общину. После обеда давался час отдыха.

В это время Добряна, едва добравшись до ставшей почти родной халабудки, падала лицом в подушку и отрубалась до того момента, как вновь

раздавался гулкий ненавистный звук била. Тут уж торопиться было незачем. Послеобеденное время было выделено для личных нужд трудниц. Предполагалось, что девушки занимаются рукоделием или домашней работой, а то и, чем леший не шутит, общаются между собой. На деле никакого общения не было. Устиньины голубицы стремились к уединению. Все как одна.

Добряна поначалу думала подружиться хоть с кем-нибудь. Ничего не вышло. Никто с ней и разговаривать не захотел. Странно это, но ничего не поделаешь. Обидного или оскорбительного для себя боярышня в том не нашла. Не только с ней не общались. Все были наособицу. Только с Устиньей и можно было словом перемолвиться.

— Не грусти, голуба моя, — как-то раз сказала она Добряне. — не найти тебе тут товарок.

— Почему? — удивилась та.

— Так уж заведено, что все мои девочки, — старуха ласково погладила воспитанницу по плечу, — вроде как в разных мирах живут. Время я для вас делю, голуба моя, — принялась объяснять жрица Макоши. — Ненамного, на минутку, другую, но по-разному оно бежит. От того и живете наособицу.

— Для чего же премудрости такие? — удиви-

лась Добряна.

— У каждой из вас своя задача. Непростая. Тяжкая. И каждая должна сама совладать с ней, а уж я подсоблю.

— Понятно, — соврала девушка.

Чем ломать попусту голову, лучше принять на веру то, чего изменить не в состоянии. Рассудила она и расслабилась. Что думать о других, когда своих забот полон рот. Так вот, возвращаясь к распорядку дня… После личного времени начинались занятия с наставницей. Все собирались в гриднице и слушали рассказы Устиньи о мироустройстве, жизни божьей и человеческой, об обрядах и служении, о дальних странах и ближних землях. Девки, что удивительно, в скиту были все как одна грамотные, старательно скрипели перьями записывая за наставницей, задавали вопросы ей, получали задания, даже задачки арифметические решали. После занятий, получив сухой паек, отправлялись по домам — вечерять, а после и спать.

Один день сменялся другим, отличаясь лишь в мелочах. Время летело. Вот уже и Добряна перестала слезы лить да проклинать братца Степушку, отправившего ее на эту бесконечную каторгу, постепенно втянулась в работу, порядок

в избенке навела, нарвала крапивы стог, ободрала с нее листья и колючие стебли связала в пучки, повесила сушиться под навесом за халабудкой и поняла, что заняться особо нечем.

Домашние дела, конечно, были, только надоели они хуже горькой редьки. Добряне хотелось чего-нибудь такого-этакого. Прогуляться там, ягод собрать на варенье или так поесть, венок сплести. Только страх разбирал. Вспоминалось болото, желтоглазый страшный волк, жадные объятия трясины, холод подступающей смерти… Она часто думала об этом, даже Устинью спрашивала, а та, знай, смеялась да отправляла погулять за ворота.

— Нет, — отказывалась Добряна. — Я уж лучше тут как-нибудь.

Хотя пределы скита все же покидала: ходила в сторону урочища Велеса за крапивой. Но ту дорогу боярышня выучила, могла до капища с закрытыми глазами добраться хоть днем, хоть ночью. А все потому, что начинать работу полагалось, испросив благословения у Макоши и ее дочек. Вот и бегала Добряна каждый день к богам с гостинцами, заодно и порядок наводила. Вроде как неудобно в грязи их оставлять. Ничего для себя не просила — побаивалась сурового Велеса,

а уж перед Долей и Недолей и вовсе робела. Не хотелось ей привлекать внимание грозных небожительниц. Только рядом с матушкой Макошью останавливалась ненадолго Добряна и то не за себя просила. Все больше за матушку, брата да невестку пропавшую. Так хотелось, чтоб у них все сладилось.

И все же этих прогулок было мало…

— Сохнет крапива твоя? — почувствовав раздрай в душе воспитанницы, явилась в избенку Устинья.

— Куда ж ей деваться? — пожала плечами Добряна. — Висит вон, проветривается.

— Это хорошо, — покивала старуха. — Вчерась дождина какой был, — издалека начала она. — Всю ночь лупцевал. Грибы небось пошли.

— Наверное, — вспомнив давешние примерещившиеся на кочке подосиновики, передернулась девушка.

— Точно тебе говорю, пошли, — хитро прищурилась Устинья. — А мне грибков хочется страсть как.

Тут Добряна и смекнула к чему дело идет. Вот как это получается у наставницы? Просто взяла и прочитала мысли, а потом еще и вроде как поручение дала. Что это? Волшебство? Мудрость? Или

вообще незнамо что? В любом случае в лес идти придется, не зря Устинья на ослабшее зрение, больные ноги и старческую немочь жалуется.

— Заблудиться я боюсь, — дождавшись тишины, призналась Добряна. — И волков, — совсем тихо добавила она.

— Этому горю я помогу, — заверила хозяйка скита. — Дам тебе клубочек волшебный, соберешься домой, кинь его перед собой. Он тебе дорогу сюда покажет.

— В первый раз волшебную вещь в руках держу, — робко взяла красный шерстяной клубок боярышня. — Откуда он: из Кащеева царства или из королевства Марьи Моревны?

— Наш он, тутошний, — засмеялась наставница. — Руками здешних трудниц сделан. Сколь раз говорила тебе, что каждой из вас особое, редкое ремесло в руки дадено. От того шибко ценные вы девки. Так что ступай завтрева с утра в пущу и принеси боровиков старой бабушке Устинье. А волков ты не бойся. Летом они неопасные, — добавила напоследок, показав, что ни одного слова мимо ушей не пропускает.

Повздыхала, повздыхала Добряна, а делать нечего, стала собираться в лес.

***

На этот раз далеко от скита Добряна уходить не собиралась, решила пройтись вдоль дороги. Какие-никакие грибы попадутся тем более, что вспоминалась боярышне виденная в оконце тарантаса березовая рощица неподалеку. ‘Память не подвела,’ — облегченно выдохнула вскорости она, заметив березняк.

Стройные деревья словно девицы-красавицы водили хороводы вокруг дороги. Травка между ними росла низенькая и мягкая словно шелк. «Самое место для беленьких,» — обрадованная Добряна подняла сухую суковатую палочку и принялась искать грибы. Не сказать, чтоб их вовсе не было… К примеру, мухоморов попалось штук семь, дюжина сыроежек и три подберезовика. Не подвели только червивые валуи. Их можно было косой косить.

— Ну и ладно, — распрямила спину Добряна. — Не в грибах счастье, — заглянула в корзину и скривилась, — а в их количестве. Все одно больше никуда не пойду, я боюсь, — она уселась под березкой, прислонившись спиной к теплому шершавому стволу.

«Скорее всего Устинья останется недовольной

и в следующий раз пошлет за боровиками кого-нибудь другого,» — лениво думала девушка. «Так что надо наслаждаться моментом и впрок надышаться воздухом свободы.» — боярышня зевнула, на минуточку прикрыла глаза… и задремала. То ли усталость сказалась, то ли ранний подъем, неважно. Разбудил ее шаловливый солнечный луч, скользнувший по хорошенькому обветренному носику.

— А-а-апчхи! — отреагировала чувствительная девица, просыпаясь. — Ох, хорошо! — она от души потянулась, разминая затекшие жилочки. — Мамочки! — вскочила как подброшенная, увидев полную корзину боровиков, стоящую поблизости.

Испугалась Добряна, озирается по сторонам. А вокруг нету никого. Сплошная красота, тишина и благолепие. Ага, и корзинка с белыми посередке.

— Может это морок такой? — понадеялась девушка и аккуратно потыкала лукошко палочкой. — Или шутит кто? — убедившись в материальности грибов, предположила она. — Или заблудился? — встревоженно приложила ладошки к румяным щекам, по себе знала, что в лесу всякое случиться может.

Для очистки совести даже аукать начала. Ни-

чего. Ни ответа, ни привета. Только заказанные Устиньей боровички наблюдаются, а они ведь и прочервиветь могут. Допустить такого расточительства Добряна не могла. Поклонилась она лесу, поблагодарила за щедрый дар, подхватила корзинку и поспешила домой — в скит.

***

До чего ж обрадовалась наставница, получив лесной гостинец: разулыбалась, обняла Добряну, даже в лоб чмокнула, умницей-разумницей назвала и обратно про крапиву выспрашивать стала. Высохла али нет?

— Сырая еще, — уже понимая куда ветер дует, ответила та.

— Отлично, — потерла руки хитрая бабка и вдругорядь отправила Добряну в лес, да ещё и смотрела ехидно.

Спорить, понапрасну сотрясая воздух, Добряна не стала, но крепко задумалась. Раз уж в пущу все одно идти, то топать нужно в сторону Велесова урочища. Грибы и там поискать можно, а заодно уж и капище проведать. Негоже богов без гостинцев оставлять.

Как подумала боярышня, так и сделала. Прихватила с собой лепешек свежих да меду душистого,

по дороге цветов нарвала и ни свет ни заря заявилась на лесное капище, быстренько навела там порядок, оделила божественное семейство немудрящим угощением и, робея, подступила к могучему Велесу.

— Ты уж прости, Владыка, что беспокою. Очень страшно мне, вот и прошу защиты от зверья всякого, тебе послушного, — взмолилась Добряна. — А особливо от волков… Они, конечно, красивые и пользу приносят, только… — добавить еще чего-нибудь она не посмела, смущал осязаемо тяжелый взгляд идола, по-мужски оценивающий. Осталось надеяться, что Велес и так поймет девку сущеглупую и управится со своим лесным воинством ко всеобщему удовольствию.

***

Поход на капище Добряне не помог. И покоя не получила, и грибов не нашла. Вернее, попались ей пара свинушек, три масленка, десяток волнушек и одинокий рыжик. Даже мухоморы в этот раз попрятались. Зато как на грех в сон клонить начало. Уж терпела боярышня, терпела… А только уже совсем поблизости от скита не выдержала, чуть не в беспамятстве опустилась в шелковую траву и уснула.

А проснувшись обнаружила прямо перед носом полное лукошко грибов. И все как на подбор красавцы боровики. Добряна не будь дурой гостинец осмотрела, поняла, что беды ей никакой не будет, и давай леву кланяться. Чай, спина не переломится.

— Кто ты, даритель неведомый: человек али зверь лесной? Выйди, покажись, прими мою благодарность, — позвала она.

Напрасно старалась Добряна, никто ей не ответил. Только колыхнулись ветви орешника, и стихло все. А девка и рада. Все-таки боязно было. Мало ли, что за скромник в тех кустах сидел. Подхватила она корзинку, и ходу.

Стоит ли говорить, что Устинья грибам рада радешенька была?

— Талант у тебя, Добрянушка, энтому делу, — заявила старуха. — Ступай-ка, голуба моя, завтра наново в рощу, потому как крапива твоя не досохнет никак. Видно, влажность высока нонче.

Боярышня другого и не ждала, но на всякий случай крапиву проверила лично. Колючей заразе и правда было хоть бы хны, только подвяла чутка. По всему выходило, что очередного похода не избежать.

— Семь смертей не бывать, а одной не мино-

вать, — вспомнив она батюшкино присловье, расхрабрилась Добряна и стала ко сну готовиться, а заодно думать, кто это над ней так куражится: люди добрые или нечисть лесная?

Вроде нет пока от них никакой беды, а ну как появится? А ну как заставят Добряну за подарки расплачиваться? Что тогда будет? Так и этак прикидывала боярышня, гоняла мысли по кругу, а ничего путного придумать не смогла. С тем и уснула. И привиделся ей сон, да не простой, а вещий.

Вроде бы сидит Добряна в родимой халабудке, вышивает у оконца. Открывается тут дверь, и входит в горницу пожилая женщина. Останавливается она у порога и молча глядит, словно ждет чего-то. И такая вся печальная, такая усталая. У боярышни аж слезы на глаза навернулись. И давай она незваную гостью на лучшее место усаживать да скромными своими яствами угощать.

— Покушай, матушка, чем боги послали, — просит от души. — А потом сосни чуток. У меня кровать удобная, подушки мягкие, одеяло теплое. Отдохнешь как на облачке.

— Спасибо тебе, Добрянушка, — отвечает странница. — Благодарю за добро да за ласку. Непривычна я к ним. Меня все больше гонят

и проклинают. Одна ты — чистая душа Недоле обрадовалась.

— Как же так? — удивляется девушка, но страха и неприязни не чувствует, только сострадание одно. — Неужели и над богами судьба властна?

— Каждому свое суждено, — вздохнула Недоля, — и богам, и людям. Мне, знаешь, как вас жалко? И когда пряду нить горестной жизни, и когда обрываю… Только тем и утешаюсь, что страдалец сразу в вечно-счастливый Ирий к богам и предкам отправляется… Серой утушкой летит… Но хватит об этом. За доброе сердце, за то, что приняла меня и обогрела, помогу тебе, девочка. Завтра, как только нападет на тебя дрема, не противься, ложись и делай вид, что уснула. Увидишь дарителя своего. Главное, не бойся. Он тебе вреда не причинит.

— Спасибо, матушка, — кланяется Добряна.

— На здоровье, — отвечает Недоля. — Потешила ты меня, а теперь пойду, — поднялась она и к двери направилась. На полпути остановилась и снова на боярышню глянула. — За то, что ты, Добряна Кондратьевна, не стала меня вопросами пытать, отвечу… Твоя судьбинушка в руках сестрицы моей Доли. Все хорошо с тобою будет, если с нынешнего пути не собьешься. И насчет брата

с невесткой не переживай, все у них сладится. А сейчас прощевай. Будь счастлива! — раз, и пропала, будто не было.

Тут и время просыпаться подошло. Открыла Добряна глаза и видит, что стол в горенке накрыт точь-в-точь как во сне, когда она грозную Недолю привечала. Тут и смекнула девка, что настоящая богиня ее навещала. И такой восторг вперемешку с ужасом ее взял, что ни в сказке сказать, ни пером описать, а еще азарт проснулся. Поняла Добрянушка, что увидит она дарителя лесного. «Уж он у меня попляшет,» — грозилась расхрабрившаяся боярышня, чапая по росистой травке к Велесову урочищу.

Поблагодарив божественное семейство, а пуще всего Недолю Трудницу, принялась Добряна искать грибы. Набрела на ведьмин круг, проросший фиолетовыми поганками, нашла жёлчный гриб, неудачно прикидывающийся боровиком, еще один… Потом плюнула и повернула к дому. Ну а сколько можно зазря по кустам шариться?

На подходе к скиту стало боярышню в сон клонить. Зевнула она разок, потерла ясные очи и присела под дубком, а после и прилегла. Лежит, спящей прикидывается, а сама сквозь ресницы подсматривает и видит, что из-за дерева волчья

морда высовывается. И ладно бы одна морда, а ведь к ней цельный волчара прилагается. Здоровенный как телок. И шасть к Добряне.

Та чуть по-настоящему не сомлела, а то и похуже чего, когда дыхание звериное на шее почуяла. Только слова Недоли от позора уберегли. А волк не унимается, мало ему нюхать, ещё и лизать принялся. Фу! Стиснула Добряна зубы, зажмурилась и перетерпела. Отвалила от нее зверюга наглючая, но далеко не ушла, то есть не ушел… Короче, поблизости волк замер, насторожился, словно прислушивался к чему-то. Ну это следопытка начинающая так решила, когда снова подглядывать принялась.

Поворотился, стало быть, волк к ней хвостом, морду опустил, словно хозяйство свое разглядывать собирается, а потом как кувыркнется через голову. Чисто скоморох ярморочный, будь он неладен. Глядь, а на месте волка мужик образовался. Голый и пригожий. Волос у него русый, курчавый, плечи широкие, талия тонкая, ноги длинные, а между ног… Добряна обратно зажмурилась и даже покраснела, а голозадому охальнику хоть бы хны. Подхватил он корзинку и за деревьями скрылся.

Вскакивать и бежать в скит боярышня не стала.

Поначалу ноги ее не понесли, а после любопытство разобрало. К тому же внешность волчиная ей знакомой показалась. Видела она уже эту морду желтоглазую и в шерсти, и безо всего. Аккурат, когда в болоте пузыри пускала. А это значит что? А то, что неопасный для нее волчище-серый хвостище. Даже наоборот. Из трясины достает, грибы приносит, шею лижет. В зверином облике он, конечно, страшен, зато в человеческом диво как хорош.

А что без штанов — не беда. Не в штанах счастье. Добряна вспомнила мельком виденные мужские стати, зарумянилась и прикрылась от греха рукавом. И вовремя! Не прошло и минуточки, как возвратился волчишко. Полную корзину боровиков принес и малины крупной туесок. Сладкий дух от нее на весь лес пошел. Оставил он гостинцы, склонился к Добряне обнял ее, дышит жарко и молчит. Главное, не будит, с глупостями не домогается, но лежит, как будто, так и надо. Нет, потом-то он ушел… В зверя перекинулся и того… А растревоженная девица одна в травке-муравке осталась.

Подождала Добряна минутку, другую и давай потягиваться, вроде как просыпаться да подаркам радоваться. Все в лучшем виде сделала и в

скит направилась, а сама все о волке думает, так и этак прикидывает, и мечтает, чтоб крапива подольше не просыхала.

***

— Что я знаю о волках? — поедая отборную малину, вспоминала Добряна. — Сильные, преданные… Однолюбы, пару создают на всю жизнь, — она положила ягодку в рот и зажмурилась от удовольствия. — А что я знаю об оборотнях, кроме того, что они звериный и человечий облик имеют? Доподлинно ничего, — нахмурилась было красавица, но быстро утешилась новой порцией лакомства. — Говорят, что оборотень много повадок от зверя своего берет. Еще бают, что среди белого дня только сильнейшие из сильных в людей обратиться способны. Чародейство им присуще, живут свободно и богато, подчиняются только князю своему да владыке Тридевятого царства…

«Не так уж и мало, если разобраться. И очень, очень перспективно. Особенно заманчиво в свете Степкиного самодурства. Законопатил же меня братец в скит, может и замуж своей волей выдать за какого-нибудь старого пердуна. А вот хрен ему, пусть обломится,» — прищурилась Добряна

Кондратьевна. О таких тонких материях вслух распространяться она не стала. Не зря же говорят, что у стен есть уши. И необязательно человечьи, волчьи в такой деликатный момент тоже нежелательны.

По итогу боярышня решила горячку не пороть и к оборотню присмотреться пристально. В прямом и переносном смысле. В любом случае такие молодцы на дороге не валяются. Так что утром в лес красавица вприпрыжку бежала, как и на следующий день, а потом неожиданно досохла крапива, и походы за грибами накрылись медным тазом.

«Только волчка приручила, и на тебе,» — хмурилась Добряна, вспоминая робкие нежности оборотня. Он так трогательно пропускал сквозь пальцы рассыпавшиеся «невзначай» пряди волос, едва касался «случайно» оголившихся коленок, горячо дышал в затылок, заключив в объятия «крепко спящую» девицу. И всему этому конец из-за дурацких крапивных гилок! Чтоб им пусто было заразам!

Хоть и серчала Добряна, а дело делала. Пришло время крапиву разминать, трепать и вычесывать. Легко сказать, но трудно сделать. Хоть и окрепла Добряна в скиту, все одно уморилась. Рук ног к ве-

черу не чует, а работа словно на месте стоит. Так и легла спать красавица в расстройстве великом. Утром, едва найдя силы с кровати слезть, увидала она чудо великое. Вся крапива не токмо размята, а еще и вычесана! Висит себе под навесом, на легком ветерке колышется.

Добряна от радости чуть в пляс не пустилась. Помог волчок! Не забыл, не бросил, нашел дорогу в скит. Умничка, солнышко, красавец писаный! Зря Устинья говорила, что мужикам сюда дороги нет. Ошиблась она, слава богам. Зато упущение это шибко коварным планам воеводиной дочки пользительно. Еще раз наказав себе не торопиться, Добряна улыбнулась и пошла завтракать.

Лето промелькнуло, словно не было. Только недавно оно громыхало грозами, пело соловьями, дурманило голову сладким липовым духом, а вот уже и улетело в теплые страны, грустно прощаясь из поднебесья голосами перелетных птиц. Все природа приуныла, встречая рыжую осень мелким затяжным дождичком. Жизнь в скиту замерла, застыла словно в капле смолы. Словно тени скользили трудницы, козы удалились в сарай, Устинья… Не пропала, конечно, но словно бы притихла, не звала Добряну к себе, и сама не заходила, спросит мельком о работе, и все.

А боярышне того и надо. Не скучно ей, не боязно. То и дело находит она оставленные неугомонным оборотнем гостинцы: цветы, орехи, а то пряники медовые. Давеча на завалинке платочек шелковый лежал. Прижала Добряна яркий лоскут к сердцу, улыбается, а сама смотрит, не мелькнет ли волчий хвост поблизости, не высунется ли из-за угла любопытная морда… И так хорошо на душе делается. Сами собой песни поются, работа просится в руки, и на душе светло.

***

Кстати, о работе, непростое ремесло судили боги Добряне. Сколько она слез поначалу выплакала одним богам ведомо, а только научилась, превозмогла себя. Уже первую рубаху на заказ расшивает. Кладет боярышня стежок ко стежку красной нитью по беленому полотну, слова заветные, от стариков даденные проговаривает, старается. Загадала она, коли примет наставница работу с первого раза, то и с волчком все сладится, а коли со второго… Все равно оборотню от нее не уйти! Ее он, Добрянин,и точка.

Сказано — сделано. Готова рубаха крапивная, пора ее на суд нести.

Долго-долго смотрела на сорочку Устинья. Так

и этак гладила тонкую шелковистую ткань, подслеповато щурилась, рассматривая вышивку.

— Хорошо, — разродилась, наконец. — Надо бы придраться, а не к чему. Завтра братцу твоему письмецо отправлю. Мол, закончила Добряна Кондратьевна обучение свое. Забирай ее и взамуж отдавай, ибо по всем статьям созрела девка для этого дела, — сказала и смотрит насмешливо, а потом и вовсе рукой махнула. — Иди, голуба моя, к себе, отдыхай.

Добряна не пошла, полетела. Настала ее пора. Пришло время действовать. Перво-наперво истопила она печь, нажарила блинцов с припеком яблочным, стол накрыла, чем боги послали, нагрела воды лохань, завесила окошки, постель перестелила… Короче, изготовилась.

Мылась боярышня неторопливо, неспешно промывала русые косы свои, изогнувшись словно татарский лук, терла спинку и старательно не замечала, что поддувает из сенцов. Не так уж и сильно оттуда холодом тянуло, потерпеть можно.

Ополоснувшись чистой водицей, принялась красавица вытираться. И так повернется, и эдак. Ножку на лавку поставила, рукой белой по ней ведет, колено круглое гладит небрежно, а сама

все ждет… Когда волосы чесать начала, в сенцах будто вздохнули глубоко, а как назад волной их откинула, закряхтели, закашлялись…

— Заболел ты что ли, мой сердечный друг? — с голубиной кротостью позвала Добряна, — Так это от сквозняка, точно тебе говорю. Ты в горницу входи поскорее, а то и меня продует, — добавила искусительного меду в голос красавица.

Только проговорила, скрипнула дверь, и к спине прижалось твердое мужское тело.

— Думал не дождусь уже, покраду тебя, — жарко выдохнул он в порозовевшее ушко. — Лада моя.

— А ты мой, — развернувшись в кольце сильных рук, в первый раз прямо поглядела на оборотня Добряна. — Никому не отдам, — шалея от собственной смелости, коснулась точеных скул, обвела дрожащим пальчиком приоткрывшиеся навстречу губы, запуталась в кудрявых волосах…

— Гнать будешь, не уйду, — втягивая Добряну в головокружительный поцелуй, пообещался он.

Дева глаза прикрыла, в коленях ослабла и в рот своему милому стонет. Подхватил он ее как пушинку невесомую на постель уложил…

— Выйдешь за меня замуж? — спрашивает, а сам смотрит, как будто боится, что откажут.

Как такого обидеть, пришлось соглашаться.

Главное имя не забыть спросить и матушке его понравиться. Но с этим Добряна обязательно справится! Иначе никак!

Тут и сказке конец, кто читал — молодец!

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/Yanina/

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Веселова-Янина/

Лилия Альшер. Золотое время

Оплывшая свеча нещадно чадила и слабо освещала просторную чердачную комнату. Чересчур просторную. Настолько, что маленький магический обогреватель не справлялся, и у Тары зуб на зуб не попадал. Она на цыпочках пробежала в полотенце от бадьи с водой до шкафа, оставляя влажные следы, и пообещала себе купить пару новых кристаллов для печки. И пару свечей. Или украсть.

Масштаб, конечно, для неё несерьёзный, достойный беспризорной шпаны, а не для одной из лучших воровок Тинсдейла, но последние месяца два дела шли не столько в гору, сколько с горы: заказ на кражу крупного бриллианта из частной коллекции оказался с подвохом, и кошка едва унесла лапы из ловчей сети. А еще по-глупому засветилась перед городской стражей. Как раз в окно влезала, когда их капитан вломился с подкреплением в кабинет, словно медведь в малинник. Красивый, надо признать, молодой, зеленоглазый, пару мгновений на него смотрела, как дурочка. Искра, буря… На каждом фонарном столбе потом ветер трепал её портреты. Хорошо

хоть, в парике была и цвет глаз сменила. Пришлось залечь на дно.

Дном сейчас служила холодная комната на краю тихого рабочего квартала. Бедного, но достаточно приличного, чтобы патруль появлялся редко: воровать здесь было особо нечего, но и комнаты стоили подороже, чем в Городке Оборванцев, поэтому пьяные драки и дебоши случались редко. Божественно скучный район. Хозяйка считала съёмщицу цветочницей из магазина на другом конце Тинсдейла и тоже не докучала, получая свою серебрушку в неделю.

Чердак, возможно, того и не стоил, необжитый, холодный, но к сквознякам и скрипучим полам прилагались три окна, кровать, стул, стол, комод и шкаф, что её вполне устраивало. Купальной бадьёй, магической бездымной печкой и зеркалом обзавелась уже сама, желая свести к минимуму контакты с соседями.

Тара передёрнула плечами, покрываясь мурашками, и вытащила из шкафа ворох белья с запутанными чулками и бордовое муаровое платье. Спокойный, не привлекающий лишнего внимания, цвет. Неопасный, вечерний, добропорядочный и обыкновенный. Половина зала будет в бордо.

С добычей пробежала к высокой металлической кровати и сбросила на лоскутное покрывало. А потом приподняла кровать, подставляя под одну ножку проповеди Святого Футуса. Толстенная книга, в мужскую ладонь шириной, тоже утащенная откуда-то по случаю и ни разу не читаная. Наверняка Святому до всего было дело. Тара потянулась к другой ножке и раскрутила основание, из металлической трубы выскользнули шёлковые свёртки с украшениями. Выбрав комплект с изумрудами, не слишком чистыми, чтобы не запоминались, затолкала остальные драгоценности обратно и вернула Футуса под подушку.

Через пару минут она уже собирала волосы в тугой узел на затылке перед треснувшим и пятнистым зеркалом, притащенным с ближайшей помойки. Длинные пепельные кудряшки привычно сопротивлялись, и девушка зачерпнула из фарфоровой баночки лосьон для укладки. Тоже почти закончился… Магические искорки пробежали по прядкам и будто стянули ниткой. Тара надела тёмный повседневный парик и взглянула в зеркало.

В ответ на неё посмотрела совсем молодая женщина с большими серыми глазами, в которых тонули золотые крапинки. Пушистые ресницы

бросали трепещущиеся тени на нежную кожу. Возле губ замерла маленькая родинка, будто крошка сладкого печенья. Мадам Жоли, которая помогала ей маскировать внешность и для которой она иногда выполняла заказы, а иногда сбывала украшения в её заведение, всегда говорила, что с таким личиком нужно было идти не в воровки, а в её «маленький розарий», но… Нет. Тара ещё немного полюбовалась на себя, как всякая женщина, а затем скрыла родинку корректирующим эликсиром, им же подправила скулы и носик, делая их чуть шире и неприметнее. Пара капель под веки — и глаза сменили цвет на карий. Немного духов, спутывающих запах тела, уже изменённый маслами для купания. Украшения и перчатки завершили образ и преображение.

Улыбнувшись отражению, Тара надела лёгкие сапожки на низком каблучке, подхватила шерстяную накидку с меховой оторочкой, сумочку и задула свечу. Стоило моргнуть, как зрение изменилось на ночное, всё стало серым, но чётким и контрастным. Запахи приобрели насыщенность и густоту. Дерево, пыль, мышиный душок, коты, воск, копоть, её запахи, запахи других жильцов… На последнем пункте она поморщилась. Какое же счастье, что чердак полностью принадлежал ей.

Тара открыла окно, нависавшее над столом, и через подоконник вылезла на плоскую крышу пристройки. Тёмная ночь с запахом ранней сирени окружила прохладой и ветром. В такую бы гулять по городу с любимым мужчиной, есть калёный миндаль и конфеты из бумажного пакета, а не…

— Как кошка мартовская! — шикнула сама на себя Тара и снова с тоской вспомнила, что март ей напрочь испортил зеленоглазый красавчик-капитан. Для справедливости шикнув и в его сторону пару эпитетов, она осторожно опустила окно, подложила под раму камешек, и выпрямилась.

Над улицами горели фонари и прекрасно скрывали, что происходило на крыше. Черепица хрустела и качалась под ногами, но Тара осторожно добежала до края и огляделась. Возле хозяйственной постройки было пусто, но в кухне, окно которой выходило во двор, горел свет. Немного подождав, девушка подобрала юбку и спрыгнула. Приземлилась, как и подобает кошке, тихо и упруго, и исчезла за кустами сирени. Ночь намечалась интересная.

Возле театра мерцали цветные огни, болталась оживлённая публика, пахло сигарами и духами.

Так сильно, что в носу щекотало. Первый акт ужасно длинной оперы закончился, второй еще не начался, и многие пользовались антрактом, чтобы передохнуть от пронзительных голосов артистов. Особенно замученными выглядели почтенные господа. Тара улыбнулась: лучшее время для тихой наживы — гости уже достаточно вымотались, чтобы начать засыпать. И попасть в зал гораздо проще. Она сняла накидку и сунула в зачарованную сумочку. Несмотря на внешний размер, в неё можно было бы спрятать лошадь при большом желании, увеличивалась она изнутри, по мере наполнения. Тара быстро подняла с брусчатки брошенную брошюру и вдоль стены с грандиозными афишами проскользнула в толпу. К помпезным гранитным урнам, у которых столпились мужчины. Прижав к груди брошюру, как оберег, она достала мундштук с заготовленной сигареткой.

— Ох, кажется, я забыла… — пролепетала она, смущённо хлопая ресницами. Сразу несколько огоньков — зажигалок и магических — услужливо взметнулись перед ней. — О… Благодарю вас.

Чаще нас не видят не тогда, когда мы незаметны, а когда внимание ловко отвлекают. Пока все смотрели на то, как хорошенькая девушка

прикуривает, наклонясь к огню и демонстрируя декольте, она успела вытащить из мусора пару билетов. Которые почти волшебным образом исчезли за брошюрой. Хотя… За это время она успела бы вытащить еще и пару кошельков, но ведь ей не нужно, чтобы на опросе свидетелей эти почтенные господа вспомнили об интеллигентной курильщице. Поэтому… Не задерживаясь слишком надолго, чтобы не запомнили, Тара вежливо улыбнулась и смешалась с толпой. Сразу выкинула ненужную сигарету и юркнула в стайку дам, оживлённо обсуждавших представление. Там её окинули быстрыми взглядами и не нашли ничего примечательного. Не знали, но по внешности уже сделали вывод, что она дочка какого-нибудь богатого булочника, пересчитали стоимость вещей и украшений и не сговариваясь приняли решение игнорировать. Весьма красноречиво и элегантно полуотвернувшись.

— Да-да, дива Лорейн сегодня удивительно в голосе… А вы заметили, какие декорации? Закрытие сезона обещает запомниться…

Тара едва не фыркнула и чуть не испортила игру в простушку, мечтавшую влиться в их общество: эти элитарные клуши кичились друг перед другом утончённостью и любовью к высокому

искусству. На самом же деле, опера была способом показать свою причастность к высшему свету, неизбежным дорогостоящим злом. Мало, кто испытывал истинное удовольствие от трёх часов надрывного пения. Но последняя премьера сезона… Очень престижно.

— Нет, в прошлом году дива Алесса была ярче…

Первый звонок огласил помпезное светлое здание с колоннами, и толпа пришла в движение. Дамы тоже сдвинулись в сторону лестницы, и Тара поспешила за ними под скользкие высокомерные взгляды. Она лишь сконфуженно улыбалась, уже мстительно прикидывая, с кого снимет украшения в первую очередь. У входа образовался лёгкий затор. Тара демонстративно обмахивалась билетом и исподволь рассматривала гостей. И внезапно похолодела, запинаясь на ровном месте. В толпе у второго входа мелькнули знакомые зелёные глаза… Как раз те, что заставили её затаиться.

Сегодня она уже не была блондинкой, так что, напомнила себе дышать ровно и со стайкой разряженных женщин вошла внутрь. Сердце билось как бешеное. Какого эльфа тут забыл Уильям Шесс?

— Лапушка, вот ты где, — нежно проворковали ей на ухо и обняли за талию.

Тара резко развернулась: воровское прозвище резануло слух. Керт. Смазливый и наглый вор и мошенник, альфонс, когда повезёт. Наглость заключалась главным образом в том, что он никогда не изменял своей внешности, считал её одним из своих козырей. Наверное, был прав, облапошенные дамы никогда его не сдавали. А может, дело в том, что для интрижек он выбирал глубоко замужних женщин, готовых откупиться от скандала. Сейчас он угрожающе улыбался и совсем не нежно впивался пальцами в её талию. Незаметный рывок в сторону не дал результатов, мужчина прижал её к своему фраку со страстью любовника.

— Не рыпайся, крошка. Лицо своё ты меняешь, но эту фигурку я узнаю из тысячи. И давай без магии!

Он посмотрел на вечернее платье так, будто видел её полностью обнажённой. Тара поморщилась от отвращения.

— Я слышал, у тебя сложные времена, Лапушка, лучше тебе со мной подружиться. Особенно, если хочешь играть на моём поле.

— Я пришла оперу послушать, — сквозь клы-

кастую улыбку прошипела Тара, в изменённых магией глазах проявился оборотнический блеск. Бесстыжему мерзавцу повезло, что она не может сейчас вырваться.

И он прекрасно это знал, волоча её в ненавистных объятиях по красным ковровым дорожкам между позолоченных статуй муз и витых колонн.

— Полицаям про оперу заливать будешь.

— Один из них, кстати, здесь.

Керт огляделся.

— На три часа, идиот, рядом с горой розового шёлка.

— О, Вилли Шесс, — присвистнул Керт. — Интересно, какими судьбами? Билет на премьеру стоит как три его зарплаты. Кто-то начал брать взятки?

Взгляд Тары вернулся к капитану стражи. Не очень дорогой, но приличный фрак, тёмные волосы аккуратно уложены, держит под руку грузное розовое облако, задыхающееся в огромных аметистах. По возрасту дама ему не подходила. По стати, впрочем, тоже.

— Может, у тебя появился конкурент? — язвительно шепнула она.

— Милая, у меня не может быть конкурентов.

От высокомерно-соблазняющего голоса внутри снова всё сжалось от отвращения. Неужели, кому-то может это нравиться? Кошачья часть сознания хотела закопать его. Человеческая, в принципе, была не против, можно даже поглубже. Леса вокруг Тинсдейла знатные.

Тем временем они вошли в помпезный зал с балконами и рядами вычурных кресел. Красный бархат, лепнина, позолота, духи и пыль… И море бриллиантов под хрусталём люстр. Они искрили на чужих шеях, руках и ушах праздничными бликами, переливались, как пушистый снег. Тара почувствовала себя ребёнком в кондитерской, не в силах задержать взгляд на чём-то одном. Керт потянул её в сторону.

— Добыча — пополам.

— Тогда я даже стараться не буду, — улыбнулась она.

— Думаешь, я не выверну твои юбки? — Он сжал её локоть так сильно, что воровка зашипела, а на позвоночнике вздыбились мурашки, словно она была во второй ипостаси.

Да, это, в принципе, главная причина, зачем он прицепился. Поживиться плодами её трудов. И почему все считают, что, если она женщина, то грубой силой можно добиться от неё всего, чего

захочется? Как будто у неё не спрятана в рукаве пара козырей на такой случай.

— Когда погаснет свет, посмотрим, где есть пустые места, и пройдём по ряду, собирая кошельки, — быстро проговорила Тара. — Украшения не трогай, пока засыпать не начнут, слишком заметно. И лучше нам разделиться. Места хватит всем.

— Не учи меня чистить карманы. Я не выпущу тебя из виду, милая.

Его пальцы нежно прошлись по позвоночнику, опять вызывая брезгливые мурашки. Кажется, ему это доставляло удовольствие. Флиртовать с ней. Тара отвернулась и увидела, как розовая дама и Шесс усаживаются в кресла. Полицейский достал часы, в свете люстры золото блеснуло спелым пшеничным колосом на солнце. Воровка прикусила губу, чтобы не улыбнуться. Безумие, конечно.

— А потом можем отметить.

— Не мечтай.

Свет погас, всё затопило густой темнотой. Шуршание и тихие переговоры стали слышны отчётливее. Эффектно зажглись софиты, заиграла лёгкая пока музыка, и занавес раскрылся. Представление началось не только на сцене.

Вместе с другими опоздавшими они прошли по

ряду, будто случайно соприкасаясь с возмущёнными встающими зрителями. Ловкие пальчики кошки незаметно скользили по чужим карманам. Не по всем подряд. Чтобы не поймали за руку. Наконец они сели, на краю, поближе к проходу. Начиналась самая тяжёлая часть операции — ожидание. Но ожидали они с Кертом разного.

Неурочный подельник сидел как на иголках и постоянно оглядывался, его лощёный затылок раздражающе отсвечивал в темноте при каждом повороте. Тара медленно осматривалась и строила планы отступления. Сговорчивость вора закончится, как только они выйдут отсюда. Если с его дёрганным поведением их не заподозрят раньше. Всё, что ей было нужно сегодня — пара-тройка хороших безделушек, которые можно разобрать на камни или продать целиком. Ну, и немного мелочи на извозчика… И малюсенький сувенир на память. Улыбка снова тронула губы.

Девушка бесшумно раскрыла сумочку и незаметно вытащила маленький флакон духов с секретом. Жалко, конечно, тратить на этого назойливого идиота, дешевле убить, но таким она не занималась.

— Керт, — позвала шёпотом, доверительно наклоняясь. Мужчина резко обернулся к ней и…

Тара брызнула ему в лицо травяной эссенцией с изрядной дозой сонных чар. — Отдохни, родной.

Кошка мягко уложила его голову на бархатный край кресла и куда спокойнее устроилась на своём. Цветные лучи софитов сновали по сцене, по сверкающим костюмам фальшивых драконьих королев, пытавшихся друг друга перепеть за кольцо, дающее несметные богатства и власть над всем миром. Тара хмыкнула и под подходящий аккомпанемент перепотрошила карманы подельника и утащенные кошельки. Монеты покрупнее отправились в бездонную сумочку, а бумажники — обратно за пазуху Керта. Когда поднимется шумиха, он отвлечёт внимание от скромной честной Лапушки. Она сама себе усмехнулась и остро перевела взгляд на Уильяма.

Полицейский сидел, повернувшись к аметистовой спутнице, та указывала пухленьким пальцем на сцену и что-то увлечённо говорила. В тёмном зале его профиль освещался так резко, что она могла различить даже длинные ресницы и движения губ. Красив, мерзавец. Улыбается. Её ушко инстинктивно дёрнулось, но расслышать чужой разговор за оперой и разговорами других зрителей оказалось невозможно. И к лучшему: настрой и так почти испорчен. Всё не по плану.

Нужно его скорректировать.

Она медленно подняла голову и посмотрела на балкон, на одну из самых дорогих лож. Три охранника, четыре лери, два лорда. Бриллиантами ложа сверкала ярче сцены. В животе, под рёбрами разлилась холодящая опасность. Подхлестнула звериные чувства.

Тара неслышно вздохнула и подалась вперёд. Облачко духов рассеялось в дыхании сидящей впереди пары, такое же окутало и пару позади. Концентрация была ниже, и сон окутал их мягче, чем Керта, естественнее. Девушка засунула за корсаж сумочку и соскользнула с кресла в темноту зала. Чёрная фигура слилась с тенями, а затем, снова обратившись человеком, выскочила в коридор мимо увлечённых дежурных. Заготовленная сценка с дурнотой не понадобилась, яркий мраморный проход пустовал. Тара даже замерла на секунду от удивления. Но взяла себя в руки и, настороженно принюхиваясь к потокам запахов и придерживая подол дорогого платья, двинулась в сторону лестницы к фешенебельным ложам. У ближайшей стоял слуга. Везение закончилось?

— Лери, вам нельзя здесь находиться.

— О, простите, я, кажется, заблудилась. Можете

мне помочь?

Она изобразила одну из самых чарующих улыбок и доверчиво подошла. Смазанный жест — и девушка осторожно уложила к своим ногам поверженного стража. Дверь ложи даже не скрипнула, звон разбитой бутылочки духов не привлёк никакого внимания, слившись с высокой нотой дивы Лорейн. Действительно, событие сезона. Тара подождала, пока зелье подействует на остальных и затащила дежурного в сонное царство.

Ни одного лишнего движения. Она собрала золото, как ягоды в саду, бережно уложила в сумочку. Спящего слугу шутливо перепрыгнула, вышла и бесшумно сбежала по ступенькам. Эликсир будет действовать около получаса и оставит спутанность мыслей и воспоминаний, если вообще оставит. Операцию можно считать удачной и завершённой. И стоило бы покинуть оперу и не испытывать судьбу. Но…

Проклиная любопытную кошачью натуру, она вернулась в зал и остановилась в углу, в тени. Её глаза блестели, как и колье на изящной шее, которое она машинально перебирала пальцами. Отсчитывая про себя минуты, Тара не отказывала себе в удовольствии незаметно следить за

Шессом, гадала, действительно ли ему интересна опера.

Закончилось всё очень быстро. Быстрее, чем она рассчитывала.

Разукрашенный лепниной купол огласил уродливый сорванный вопль: «Убили! Всех убили!». Тара даже подскочила на месте, решив, что, и правда, кого-то убили. Адреналин окатил изнутри ледяной волной. Со злополучного балкона в ужасе свешивалась служанка. «Эльфа твоего за ногу», — прошипела кошка. Девчонка принесла напитки в ложу и решила, что там все мертвы. Вспыхнул свет, гости заметались. Началась сутолока, паника, интерес, истерики. Шесс тоже рванул к выходу, ничего не замечая на своём пути, пробиваясь через толпу. Такой сосредоточенный. Как ищейка, взявшая след.

Тара улыбнулась и ловко с ним столкнулась, замедляя на долю секунды. Опять эти пронизывающие зелёные радужки. Глаза в глаза. Внимательный зрачок в удивлении дрогнул, будто он узнал её, или пытался узнать. И ей показалось, или на миг он расширился? Его лёгкий вдох. Тело к телу. Живое тепло под смокингом. Это было похоже на танец. И одновременно — словно они остались одни во всём зале. Эта иллюзия восхити-

тельным удовольствием обожгла что-то внутри неё. Она прижала ладонь к гладкому жилету.

— Извините, лери, — выдохнул Уильям, ладонь бережно скользнула по её талии, отводя девушку в сторону. И его внимание было потеряно для неё.

Только оказавшись снова среди толпы, запахов и звуков, Тара поняла, что задержала дыхание. А еще она поняла, что окончательно попалась. Окончательно. Странное оцепенение сменилось ужасом. Бежать. Она обернулась. Керт тоже уже очнулся от шума, Тара видела, как он держится за голову и озирается, не понимая, что делает в зале. Остановилась, решаясь. За кулисы? Или в коридор?

Своды сотряс магически усиленный голос, приказывающий всем оставаться на местах. Гомон возмущения загудел над толпой. Пользуясь шумихой, девушка присела и уже во второй ипостаси рванула за кулисы, тяжёлый раскрытый занавес прикрыл её бегство, а там, за сценой, приютил полумрак.

Уильям взбежал по мраморным ступеням и златотканым коврам к королевским ложам. Его попытались остановить, как и остальных зевак и возмущающихся: расторопные служители те-

атра уже выставили охрану и вызвали стражу. За что хотелось их отдельно поблагодарить, ведь появился реальный шанс, что улики не затопчут. Капитан привычно поднял ладонь, на коже засветился голубоватый значок с вороном и волком, символом неусыпного надзора городской стражи, который открывал почти любые двери. Двери элитной ложи не стали исключением, бледные и нервные слуги расступились, пропуская служителя закона. Шесс толкнул резную створку. Едва переступив порог, почуял неладное. В прямом смысле, почуял.

Мир разделился на миллионы отдельных звуков, запахов и нитей магии. Спящие в креслах гости, спящие на полу охранники и дежурный. Смертью не пахло, но среди всего этого великолепия… Зрачки расширились, крылья носа дёрнулись. В ушах зашумело от участившегося сердцебиения. Уильям с усилием сдержался, чтобы не обернуться прямо здесь и не припасть к ковру. Кровь… Самая восхитительная и обжигающая дыхание. Кровь истинной пары. Как обещание любви, семьи, нежности, доверия, всего, всего, чего можно пожелать. Смутные образы наполнили разум, нечёткие, но сводящие с ума.

Первое знакомство с Истинной всегда выбивает

оборотня из колеи, когда он находит её по запаху. Но по крови… Влияние усиливается во множество раз. Хотя и лишается очарования запаха тела.

Уильям нахмурился, приводя себя в чувство. Не время и не место. Но запах… Он повернулся. Аромат шёл снизу, от дежурного, что на миг позабавило оборотня, но нить, разумеется, тянулась из-под него. Шесс присел и приподнял парня за плечо, всхрап подтвердил, что тот спит, как и все остальные — дурочка-служанка просто напугалась. Под обмякшим телом, вдавленные в ворс ковра, лежали осколки тонкого стекла, золотистая кнопочка пульверизатора и тонкая трубочка, в которой ещё осталась жидкость. На духи это похоже не было. А вот на универсальное сонное зелье — да. Драгоценная штучка. Такое уложит и дракона — Уильям посмотрел на лежащего у стены фиолетововолосого охранника. Полицейский закрыл глаза и принюхался. Белладонна, корень пиона, эльфийский алоцвет, хмель, лист эллидарского миндаля, мелисса, душица, десяток ветвей заклинаний и кровь. Его истинной пары. Шесс мысленно выругался. В такие запрещённые настои добавляли кровь заказчика, чтобы действие не затронуло случайно, а значит, кем бы ни была желанная незнакомка,

они по разную сторону уголовного кодекса.

С саднящим разочарованием оборотень поднялся. Действие настоя не должно длиться долго, от десяти минут до часа, по его опыту, вероятнее всего, полчаса, плюс-минус. Дыхание обчищенных аристократов уже менялось, сон становился тревожнее. Уильям присел на свободный стул, достал Зачарованное стекло и начал записывать заметки в ожидании отряда стражи. Ограбление произошло… Он потянулся к карману жилета за часами и… Память услужливо подкинула недавнее очаровательное столкновение.

— Маленькая бесстыжая дрянь!

Тара взлетела на крышу своего убежища и прильнула к обшарпанной белой раме уже в образе перепуганной девчонки. Подняла окно и почти скатилась вниз, в спасительную темноту и тишину чердака. Дрожащими руками опустила латунную щеколду. А потом начала лихорадочно раздеваться, будто вместе с одеждой и париком могла сбросить и ужас. Истинная пара. Он! Твою эльфячью мать! Сумочка с драгоценностями полетела на стол. Завтра же — к мадам Жоли, получить деньги и прочь из этого проклятого города! Пора найти дно поглубже и безопаснее. Забраться в самый ил, как вьюнок.

Тара подхватила с пола платье и начала разрывать тяжёлую ткань и скручивать кусками, чтобы запихнуть в жерло маленькой чёрной печки. Туда же отправился парик и перчатки. И маленький осколок печного кристалла. Последний. Девушка активировала его ключ-словом и опустилась на дощатый пол. Холода не чувствовала, просто смотрела, как с шипением разгорается кристалл, как поджигает ткани и волосы, и обнимала свои колени. Мысли неслись горным водопадом, ни на одной не получалось остановиться, тело горячечно трясло. Истинная пара… Редчайшее событие в жизни оборотня. В детстве она мечтала, что когда-нибудь удача улыбнётся, и она встретит его, подходящего только ей, сильного, смелого, мужественного. Что ж так не повезло? Встретила.

Стало до слёз тошно, и Тара поднялась и обречённо подошла к бадье с остывшей грязной водой. Там, на наклонной стене, на грубых полках, стояли несколько широких баночек с разноцветными солями и кристаллами. Бросив пригоршню розовых, сильно пахнущих лавандой, камушков в бадью, распустила волосы и принесла полотенце, пока вода очищалась и грелась от магии. В печи уже бушевало пламя, пожирало одежду и освещало чердак сквозь калёное стекло. Этого

света было более чем достаточно, а ещё от него становилось уютнее. Но расслабиться так и не получалось. Вода обжигающе облизнула тело, когда Тара забралась в бадью, но озноб усилился. Пальцы дрожали так сильно, что она сжала края деревянной ванны, чтобы не чувствовать этого.

Кажется, кошка всё же успела промёрзнуть, но ощутить это не позволяли нервы. Напряжение превратило изящное девичье тело в натянутую струну. Закусив губу, она с жалобным стоном закрыла глаза и погрузилась в воду с головой, словно та могла бы вымыть память об Уильяме Шессе. Но вместо этого тепло, обволакивающее тело, заставило подумать, а какими теплыми могли бы стать его объятия. Этого сильного, красивого, высокого зеленоглазого капитана. Она бессильно замычала.

Проснулась Тара резко и страшно — от стука в дверь. Подскочив на скрипучей кровати, неосознанно потянула на себя одеяло комканным ворохом. Сердце колотилось, как бешенное.

— Сарина! — послышался голос хозяйки дома. — Сарина, у меня кот пропал! У тебя нет?

— Орк твоего эльфа раком! — с облегчением выдохнула Тара и упала обратно на подушку. Пепельные кудряшки разметались по наволочке

и свесились над полом.

— Что? — противно протягивая «о», переспросила хозяйка.

— Ничего, — громко ответила Тара, — у меня нет вашего кота. Не видела со вчера.

— Пусти, я посмотрю.

— Я не одета, мадам Нора.

Со стороны двери послышалось разочарованное топтание.

— Ладно… Скажи, если встретишь. — Хозяйка с оханьем начала спускаться по деревянной лестнице.

— Хорошо. — Тара потёрла лоб увлажнившейся ладонью и пробормотала: — Мне вот еще твоего кота не хватало для полного счастья.

В ответ чёрно-белый паршивец мяукнул и вскочил на кровать. Сощурил жёлтые глазищи и с хриплым мурлыканьем начал месить грязными лапами одеяло. Тара села и потянулась к коту. Он сам боднул ладонь тяжёлой головой с порванным ухом.

— Нора тебе второе оторвёт, если узнает, что ты ко мне забираешься.

Девушка смяла котищу в охапку и чмокнула между ушами. Она просидела без сна до утра, пока не догорело платье. Тогда в комнате стало

уже душновато и пришлось открыть окно. Кот, вероятно, пролез в него. Часто пролезал, иногда спал в ногах или под боком, иногда приносил мышей и лягушек для бесполезной фелиды, не умеющей охотиться. Тара ещё немного посидела со своим кормильцем, почесала мускулистую шею дворового бандита. Он одуряюще мурлыкал и потирался ухом о её плечо, выражая полное обожание.

Тара смотрела на окно, занавеска светилась от солнечного прямоугольника. Сколько времени, она не знала, но точно пора собираться. Со вздохом встала, выпустила зверя за дверь и подошла к шкафу. Последний выход.

Сегодня она выбрала скромное сиреневое платье, светлый парик и голубые глаза. Закончив с внешностью, села на покрывало и высыпала добычу из зачарованной сумочки. Три до пошлости роскошных колье с крупными камнями, жемчуг, бриллиантовые наконечники для лент, серьги, браслеты, кольца… Будто ювелирную лавку обнесла. И это она ещё магические побрякушки не трогала!

Воровка рассортировала драгоценности по комплектам в отдельные шёлковые мешочки и отодвинула. Чистые деньги, не облечённые в

вид украшений, больше поднимали настроение. Пятьдесят золотых, около сотни серебрушек. Глупости, что оборотни не любят серебро, очень даже любят!

Монеты отправились в кошель, кроме одной, её Тара решила заранее отдать хозяйке. Когда полиция спохватится и найдёт чердак, никто не скажет, когда именно она сбежала. Девушка забралась ладонью в сумочку и достала кое-что ещё, последний предмет, украденный вчера. Специально оттягивала момент.

Тяжёлые золотые часы с выгравированным рисунком на крышке легли в руку, как родные. Приятные, гладкие, еще пахнущие карманом своего красивого владельца. Тонкие пальцы бережно погладили искусное изображение барса в густой траве. Щёлкнула потайная кнопка, и часы раскрылись. Вопреки ожиданиям, музыки не последовало. Зато под крышкой обнаружилась надпись, царапнувшая совесть. «Дорогому сыну в день окончания Академии. С вечной любовью, мама». Тара захлопнула часы, будто стала свидетельницей чего-то очень личного. Где-то есть дом, где Уильяма любят, им гордятся, его ценят, его всегда ждут. А она… Даже, если исчезнет, никто искать не будет. Подумав так, нервно рас-

смеялась. Точнее, будут, Шесс будет, уже ищет.

Она спрятала часы обратно в сумочку, туда же сложила мешочки с украшениями и отправилась к мадам Жоли.

Куртизанка встретила её в своём кабинете громким вскриком и всплеском холёных рук.

— Темнейшие боги, Тара! — ахнула она, когда закрыла дверь и, обернувшись, заметила в кресле гостью. Её белые кудри так и подскочили. — Ты сведёшь меня с ума прямиком в гроб! Сколько раз тебе говорила, пользуйся дверью, ма шери!

— Нет, меня здесь не было. Даже для вас, — покачала головой кошка и выложила на вычурный стол шёлковые мешки.

Мадам хмыкнула и заинтересованно подошла. Её тоненькие, почти детские ручки, жадно развязали тесёмки. Она вытряхнула на ладонь тяжёлое колье и ласково заворковала на другом языке. Камни привели её в восхищение. Потом оценивающе посмотрела на Тару.

— Так, это ты поработала вчера? Весь город гудит, что в опере произошло ограбление. Всех констеблей на уши подняли… И это не фигура речи, ма шери, всех. У меня внизу комиссар рвёт и мечет. Точнее, пьёт и ругается, как матрос. Ты хоть знаешь, кого ограбила, глупышка?

Тара снова отрицательно покачала головой. Ей было всё равно. Хотя, некоторое оживление в городе действительно ощущалось.

— Сын герцога, маркиз Татрэ, с друзьями инкогнито приехал на закрытие сезона. Говорят, имел виды на ту приму.

— Я хочу просто продать это и уехать на время из города.

Куртизанка сочувственно вздохнула и обогнула стол. Розовое атласное платье с белыми оборками, подчёркивающими белизну рук и груди, нежно шелестело. Она опустилась на стул и придвинула к себе мешочки.

— Не представляю, что сейчас делать с этими побрякушками. — Жоли выкладывала золото на шёлк. Любовалась переливами камней, их чистотой и каратностью. Изумруды, сапфиры, рубины, жемчуг и немыслимое количество бриллиантов вокруг. Прелесть. Но лицо оставалось задумчивым, даже складочка между бровей залегла. — Камни приметные, придётся распиливать или продавать в столице.

— Не важно.

— Они упадут в цене. Сейчас за них проще получить билет на эшафот, чем справедливые деньги.

— Они слишком дорогие, чтобы я переживала. Деньги нужны вечером.

Тоненькие брови взлетели вверх на напудренном кукольном личике:

— Я не успею найти покупателей!

— Мне нужно срочно уехать. На эшафот я не хочу. Если какие-то продать не получится, возьму с собой.

Жоли откинулась на мягкую спинку кресла и свесила руки с подлокотников.

— Я слышала, что подозреваемых пока нет.

От этих слов Тару пробил холодный пот. У Шесса точно должна была появиться конкретная подозреваемая, когда пропажу часов заметил. Проделка уже не казалась такой уж весёлой. Уехать захотелось прямо сейчас. У неё были несколько счетов на настоящее имя, куда она откладывала деньги, и на первое время этого точно должно хватить. Да и на безбедное существование, в общем-то тоже. Затравлено посмотрев на занавешенное от лишних глаз окно, Тара прикусила губу.

— Почему подозреваемых нет?

Мадам Жоли взглянула на собеседницу, как на дурочку. Но ответила.

— Что-то не прибрала за собой? Комиссар жало-

вался, что герцог с него начинает спускать шкуру, а у его лучших людей ни одной зацепки. Кроме того, что это женщина. — Тара обратилась в слух и даже наклонилась вперёд. Жоли вздохнула и вознаградила её за внимание: — Сказал, в ложе нашли осколки флакона духов, но эликсир уже испарился, и узнать, что за состав, где куплен — невозможно. Так себе зацепка, на мой взгляд, все понимают, что там не духи были, а значит, воспользоваться мог и мужчина.

Тара быстро прокручивала в памяти произошедшее, секунда за секундой. Указать на неё мог Керт, если проспится и вспомнит о встрече, но он поостережётся впутываться. Дело и правда попахивало гильотиной, а лить кровь в тёмной империи любили. Дежурный? Не вспомнит и не узнает. Охрана? Нет, её не видели, а эликсир новый, рассчитан и на высшие расы. Она бы разорилась, если бы его покупала. И там была её кровь, всего капля, но для Ищеек и этого достаточно. Но эликсир испарялся без остатка благодаря магии, так что и каплю не учуют. Кажется, всё предусмотрела. Кроме того, что Уильям Шесс — её истинная пара.

— Что-то не так? — От держательницы борделя изменения в выражении её лица не укрылись.

Она всех читала, как открытую книгу.

— Пока не знаю.

Мадам неодобрительно покачала головой:

— Опасные в твоей профессии слова. Кстати, не подумала над моим предложением сменить? Я могла бы найти для тебя высокопоставленного покровителя, контракт защитил бы тебя и от бедности, и от Ищеек.

— Нет.

Куртизанка вздохнула:

— Идейная. Ладно. — Она спрятала украшения в шёлк и накрыла изящной ручкой. — Поступим так. Я приглашу своего ювелира, мы решим, что можем взять из этого и подготовим деньги. Но эта срочность… Сама понимаешь.

Тара понимала. Понимала, что мадам Жоли посовещается с ювелиром, чтобы узнать реальную стоимость побрякушек, предложит за них в десятки раз меньше, и то из жалости. Потом придержит камни, пока стихнет шумиха, и постепенно продаст. Очень дорого. Ещё Тара понимала, что выбора у неё нет, как и более доверенного человека. Брать их с собой — самоубийство. Эльфов Шесс! Во что она из-за него вляпалась!

— Договорились.

Жоли улыбнулась, шёлковые мешочки исчезли

в одном из её ящиков. В отличие от дверей и окон кабинета, ящики и сейфы здесь охранялись чарами надёжнее, чем спальня тёмноэльфийского императора.

— Но у меня будет ещё одна просьба.

— Какая же?

Тара поколебалась немного, но всё-таки раскрыла сумку и выложила на столешницу из розового жадеита часы, прикрывая их ладонью.

— Я знаю, ваш ювелир еще и превосходный часовщик. Почините их. Я не могу обратиться в мастерскую, боюсь, их узнают.

Заинтригованная женщина осторожно потянула вещицу за оборванную цепочку и ахнула.

— Ещё бы не узнали! Это же часы капитана Шесса! — Осведомлённость куртизанки отозвалась в груди Тары очень неприятной ревностью. Но та невозмутимо продолжила, кривя губы: — Этот принципиальный мерзавец постоянно пытается пробиться ко мне с обысками! Готова десять тысяч поставить, что уже сбегал к судье, чтобы искать у меня твои камушки. Счастье, что судья и комиссар предпочитают обыскивать юбки моих пташек. Отвратительный оборотень!

— Оборотень? — Девушка почувствовала, как немеют губы. Оборотни могли найти истинную

пару и среди других рас, в конце концов всё решала магия, и Тара подозревала, что у него есть примесь эльфийской крови, которая и решила её судьбу. Но истинная пара между представителей одного вида — это всегда взаимно. Не мог же он почувствовать её, она скрыла запах!

Жоли взяла часы и с любопытством рассматривала.

— Оборотень, оборотень. Скрывает это, но преимуществами пользуется. Очень скользкий тип. Откуда часы?

— Сувенир, — омертвело ответила Тара.

— Что ж, странный сувенир, но починим. Жду тебя в полночь, ма шери.

Тара понятливо кивнула и обратилась остроухой чёрной кошкой, похожей на каракала. Мадам скучающе посмотрела, как блестящая тень фелиды скользнула за занавеску, прошлась по подоконнику и исчезла за форточкой.

— Что за манеры! — беззлобно фыркнула куртизанка.

Насколько права мадам Жоли относительно гудящего города, Таре очень скоро представился случай убедиться самостоятельно. От Квартала Удовольствий она решила прогуляться по каменным улочкам до Торговой площади, присмотреть

там дорожное платье и идеи для новой легенды. От круглой площади, где часто устраивали ярмарки, лучами расходились ряды доходных домов, закусочных и магазинов с большими витринами. Солнце припекало мостовые уже совсем по-летнему, сверкало в вычурных фонарях, освещало прелестные платья за широкими стёклами, книги, артефакты, зонтики, перчатки… Здесь было всё, что могло вытащить деньги из карманов гуляющих. Кроме воров. Потому что отряды стражи перерывали магазины и лавки в разных концах улицы.

Район не оцепили, но Тара заметила, что за всеми, кто входит и выходит, следят полицейские. Голова закружилась до тошноты. Где-то среди них может оказаться он, Уильям. Девушка встала, как вкопанная, теряя силы, неожиданно стало тяжело дышать, а мир угасал радужными пятнами в глазах. Она привалилась к шершавой стене, переживая приступ паники и задыхаясь. Кто-то участливо тронул её за плечо.

— Нет-нет, спасибо, всё в порядке, — попыталась отмахнуться девушка.

— Я так не думаю.

Мягкий серьёзный голос прозвучал для неё, как шорох ножа гильотины, отрезая все мечты

о светлом будущем. Она медленно повернулась, и кровь окончательно покинула лицо, губы покалывало. В тёмно-синем форменном кителе со значками городской стражи у горла Уильям казался ещё выше и внушительнее. И красивее. Яркое солнце рыжими бликами подсвечивало каштановые волосы. Серьёзные зелёные глаза смотрели без намёка на теплоту, зрачок расширялся, и Тара чувствовала, что эта темнота сейчас поглотит её, маленькую и несчастную. Но не могла отвести взгляд. Девушка судорожно всхлипнула, и со вдохом почувствовала на губах его запах — тёплой кожи, чистой, чуть пряной, сладковатой. Он пах так уютно и надёжно, что хотелось прижаться к нему, целовать его, спрятаться в него. В своего мужчину. Вместо этого она только потрясённо смотрела на него и не могла вымолвить ни слова.

А он, вероятно, ждал слов, потому что брови сурово сдвигались к переносице. Он не держал, но сбежать бы не позволил.

Тара беспомощно сглотнула.

— Я… — обречённо начала она, сделала шаг в сторону и покачнулась, теряя сознание.

Второе за день пробуждение вышло не приятнее первого. В нос ударил резкий запах, голова

дёрнулась на подушке, кровать знакомо скрипнула под ней. Тара распахнула глаза, над ней возвышался потолок чердака и один очень раздражённый полицейский. Он выпрямился, относительно удовлетворённый результатом, и закупорил маленький флакон с нюхательной солью. Кошка резко прижала ладонь к волосам. Парик всё еще на месте. Да и кандалы отсутствуют. Села на кровати и поморщилась: мир снова пришёл в движение.

— Советую обойтись без резких движений, — сухо проронил Шесс, взял единственный стул в комнате и сел неподалёку, на расстоянии допроса, так сказать. Совет относился и к её состоянию, и к возможному побегу.

Тара глазам не верила: в комнате они были одни. За окном вечерело, занавеску чуть-чуть качал сквозняк. Всё осталось на местах. Все вещи, безделушки… Всё, как она оставила. Взгляд испуганно метнулся к шкафу, где лежал памятный светлый парик и костюм, в котором она влезла к баронету за алмазом. Ключик так же висел в разбитой замочной скважине. Полицейский её бессознательным состоянием для обыска не воспользовался. Действительно принципиальный. И смотрит прохладно и разочарованно. Впервые

Тара пристыдилась того, кто она такая, потому что хотелось, отчаянно хотелось быть такой же честной, правильной. Чтобы… Она опустила взгляд в свои сцепленные руки.

С подоконника вдруг тяжело спрыгнул кот, заметил в комнате конкурента и зашипел. Капитан удостоил его тяжёлым взглядом, а Тара почему-то немного испугалась за кота, хоть и знала, что он ничего не сделает. Коту уж точно.

— Бублик, киса-киса, — позвала девушка. Шесс изогнул бровь, кот ленивой трусцой направился к кровати. Забрался ей на колени и замурчал, Тара машинально почесала пальцами жестковатую шерсть.

— Для воровки, проникшей в дом баронета Фиоре и в ложу к маркизу Татрэ, ваши апартаменты весьма аскетичны. — Уильям буквально заставлял себя говорить, голос звучал неестественно. — Всё награбленное ушло на «Серебряный сон»?

Она прикусила губу. Всё-то он узнал про её вылазки. Но на провокацию не поддалась.

— Не понимаю, о чём вы, — тихо пробормотала девушка.

Что-то блеснуло в полумраке, что-то быстро летящее к ней. Тара поймала вещицу на чистых инстинктах, пока та не врезалась в стену,

и поднесла к глазам. В стеклянной пробирке закупорили прозрачную трубочку с остатками жидкости и деталью пульверизатора.

— Кровь, — подсказал Уильям, пока кошка снова не попыталась соврать, что не догадывается, о чём речь, и видит это впервые в жизни. — Теперь вы готовы говорить, или поедем в отделение? Не знаю, в чём дело, но стены там почему-то располагают к откровенности.

— Почему же сразу не отвезли?

Полицейский поднялся и прошёлся по комнате. Подмечал детали, недоступные даже временной хозяйке. Сгущающаяся темнота не мешала ему. Тара порадовалась, что сменила свою шикарную квартиру на улице Огнетворцев на этот пустой чердак, иначе краснела бы еще и за беспорядок.

— Кроме этого, — в его пальцах вдруг материализовалась пробирка, истаявшая в её руках, — нет никаких улик. Но вашей крови в составе достаточно для… очень серьёзных обвинений. Поэтому я хочу сначала узнать всё, что случилось. И получить обратно свои часы.

Тара повинно мотнула головой.

— У меня ничего нет.

Шесс опасно развернулся, в его горле зарождалось низкое рычание. Теперь Тара замечала

хищную грацию оборотня. Как и горящие зелёным глаза. Кот на руках прижал уши и зашипел, а потом с рычанием юркнул под кровать. На Бублика капитан впечатление произвёл, на девушку — тоже. Она неосознанно вскочила и прижалась к стене, готовая сама зашипеть. Из-под подушки на пол брякнулись проповеди Футуса, кот глухо зарычал под кроватью.

— Цирк какой-то, — прокомментировал Уильям. Что бы он ни ожидал увидеть при её пробуждении, явно не это. Поэтому устало вздохнул и расстегнул душащий жёсткий воротник. — Эти стекляшки стоят вашей головы? Часы-то определённо стоят. Не отдадите — откручу.

Шутка расслабиться не помогла, и воровка смотрела настороженно. И даже трагично.

— У меня нет ни ваших часов, ни украшений маркиза.

— Не заставляйте меня переходить к роли плохого полицейского.

— Клянусь Святым Футусом.

Шесс позабавлено фыркнул, переведя взгляд на упавшую книгу. Он подошёл к кровати и подал руку своей подследственной.

— Слезайте, — мягко попросил он. — Нам нужно многое обсудить.

Тара неуверенно коснулась пальцами его ладони, отдёрнула, словно обожглась, затем всё же сжала его руку и шагнула на пол. Одни боги знают, каких сил ей стоило не прижаться к нему, как влюблённая дурочка. Как же обидно почувствовать свою пару в… враге?

— Как вас зовут? Не Лапушка же. И не Тара. — Отпускать её ладонь он не спешил. И она потеряно стояла, почти уткнувшись носом в его китель.

— Меня зовут Катарина Лерон, я приехала из Эллидара пару лет назад.

Если он дошёл в расследовании до прозвища и имени, значит, у Ищеек есть информаторы в очень близких ей кругах. Девушка стащила с головы бесполезный парик. Если сбежать получится, внешность она изменит, а не получится, то и смысла прятать настоящую нет. Пепельные кудряшки рассыпались по плечам, серые с золотыми крапинками глаза встретились с зелёными. В них мелькнуло неуловимое восхищение, от которого в её груди тёплым маслом разлилось удовольствие. Захотелось что-нибудь еще снять, лишь бы снова его увидеть. Опасность, конечно, остужала голову, заставляла с недоверием относиться к паре, но связь всё равно укреплялась,

пока он рядом. Именно поэтому он держался на расстоянии. До этого момента.

Он наклонился к ней мучительно медленно. Тара с каждым вздохом немного умирала от ожидания, загипнотизированная его близостью. И подалась вперёд, не в силах стерпеть пытку. Когда его губы коснулись её, приоткрытых и тёплых, она едва слышно застонала, по-девичьи нежно приникая к кителю. Дыхание смешалось. Его язык скользнул к её, и оборотень сам прижал к себе девушку. Она обняла его за шею, дрожащими пальцами зарылась в шелковистые волосы, отвечая на поцелуй. Жадно и чувственно. Как хотела уже давно. С первой встречи. Запах кожи Уильяма окутал, закружил голову. Тело больше не принадлежало ей, оно принадлежало только Уильяму, и хотелось отдать его вместе с душой и всепоглощающей любовью, которая переполняла сердце. И страстью, от которой кровь горела в венах.

Её пальцы начали неловко расстёгивать золотистые пуговицы его формы, китель с шумом упал на пол, и мужчина снова крепко сжал её в объятиях. Его ладони безошибочно нашли скрытую молнию, ласкающе стянули скромное платье и остановились на тонком кружеве, скрывающем

самые интересные уголки её тела. Чуткие пальцы изучающе и дразняще кружили по узорам ткани. Тара застонала, забираясь руками под форменную рубашку, а затем опуская их к ремню.

Шесс вдруг подхватил её, легко, как пушинку, и опустил на кровать. Та протестующе взвыла пружинами. Уильям невольно рассмеялся, отрываясь от её губ.

— Какой кошмар. Кажется, моя репутация спасителя юных дев в обмороке грозит разоблачением.

Тара растерянно и с ужасом смотрела на самого желанного мужчину на свете. Он начал отстраняться, её ладонь соскользнула с крепкого плеча, и девушка удержала его за предплечье.

— Нет, — попросила она. — Пожалуйста.

Уильям помедлил, решаясь, а затем обнял её вместе с одеялом и подушкой и уложил на пол. Тара потянулась к нему, целуя уже сама. Горячие ладошки требовательно притянули к почти обнажённому телу соблазнительного оборотня. Он вернулся в её объятия, быстро избавился от остатков одежды и усадил на себя девушку. Его руки гладили тонкие руки, мягкую грудь, нежные ключицы. Он изучал её, он желал её. Прерывал сводящий с ума поцелуй лишь затем, чтобы поце-

ловать её шею, её плечи, языком коснуться соска. Она нежилась от его прикосновений и приникала бёдрами всё ближе, почти мечтая, когда он наконец заполнит её собой. Внизу живота саднящее горело неудовлетворённое желание. Когда его пальцы опустились между её ног и скользнули внутрь, Тара ахнула и выгнулась, раздвигая ноги шире.

— Сейчас. Пожалуйста, — прошептала она, начиная стонать от его ласк.

Он убрал ладонь, уложил девушку на подушку и аккуратно вошёл в горячее тело. Тара закусила губу, чтобы не застонать ещё громче: ощущать его внутри было так откровенно и восхитительно, что она качнула бёдрами, стараясь продлить это удовольствие. Любовник придержал её ягодицы, начиная двигаться. На ней, в ней, неторопливо, сладко и томительно до дрожи. Всё горячее и горячее, сильнее и сильнее. Пока жар огнём не прошёлся по коже, перехватывая дыхание. Обрывая стоны. Тара судорожно выгнулась снова, замирая на мгновение, сжимая его руки. Уильям вздрогнул, достигая разрядки. Волна острого наслаждения, наполнившего их, схлынула, оставляя гудящее от пережитого напряжения тело, и девушка расслабленно легла на мятую подушку.

Он лёг рядом и накрыл их влажные тела краем одеяла.

Тара обняла своего мужчину и прижалась щекой к груди. Она закрыла глаза. Хотелось лежать так целую вечность.

— Ради этого стоило украсть те побрякушки.

Её шутка отклика не нашла, Шесс тяжело вздохнул.

— Ради этого достаточно было украсть часы.

Тара резко открыла глаза, сердце подскочило в груди:

— Уши эльфийские! Который час? — Её удостоили подозрительным тяжёлым взглядом. — Если хочешь, чтобы я их вернула…

Уильям приподнял ладонь, и над кожей засветилась эфемерная часовая сфера с крохотными стрелочками и живым, трепыхающимся механизмом. Тара смотрела на это чудо, как ребёнок.

— Десять.

Тара облегчённо прикрыла глаза. Успевала.

— Зачем тебе часы, если у тебя есть магия?

— В материальных вещах есть особое очарование. И разные дополнительные функции. — Он замолчал. — Зачем тебе всё это понадобилось?

Тара долго подбирала слова. Прикусывала губы, хотела заговорить и молчала снова. Слишком

сложно и слишком глупо.

— Я… Я больше ни на что не гожусь.

— Это не так.

— Так. Но я обещаю, что верну тебе драгоценности и часы. Только нужно сходить в одно место.

— Пойдём, — согласился Шесс, не давая надежды на одиночество.

Тара спрыгнула с подоконника на мягкий ковёр под очередной испуганный вскрик мадам Жоли. Она как раз наливала вишнёвый ликёр в тонкий лафитник и выронила его от неожиданности. За что еще раз обругала гостью на певучем тональном языке. Девушка обернулась человеком и рассыпалась в извинениях. Куртизанка непримиримо поджала губы и прошла к столу.

— А если бы я была не одна?!

— Я бы почувствовала, — серьёзно заверила Тара.

— Хм. — Жоли еще раз прожгла её суровым взглядом и села за стол. — Ты рано. Но Жорж уже заходил, так что, у меня всё готово. Даже твой сувенир.

Куртизанка достала шкатулку, а из неё — шёлковые мешки и часы. Снова выложила всё, показывая, что никакого обмана. В свете её магической настольной лампы камни сияли и

переливались. И от этого великолепного блеска Таре было невыносимо тошно. Она потянулась к часам.

— У меня изменились планы, я не могу продать украшения, — виновато сообщила девушка и открыла вещицу. Тонкая мелодия вальса нежно огласила кабинет. — Мне нужно их отдать одному человеку.

Жоли недовольно прищурилась. Гостья закрыла часы и положила на стол, к остальному золоту.

— И мне нужно, чтобы вы передали ему шкатулку.

— Это рискованно. Я бы дала тебе хорошие деньги.

— Нет, — Тара покачала головой и выгребла из сумки почти всё золото. — Здесь немного, но это плата за услугу. Просто дайте мне уйти, а шкатулку со всем этим и часами отдайте капитану Шессу.

— Ты с ума сошла, Лапушка? — Тара не смогла прочесть по лицу, куртизанка больше разозлилась или ужаснулась. — Чтобы этот мерзкий тип меня арестовал?!

— Не арестует. У нас сделка. Всё будет оформлено, как анонимная посылка в участок. Но дайте

мне уйти перед тем, как отдадите.

Острые красные ноготочки побарабанили по каменной столешнице:

— Если всё оформят, как анонимную посылку, зачем сбегать? От кого бежишь — от закона или от законника?

Тара тоскливо отвернулась к тёмному окну. Для стареющей мадам этот ответ был вполне красноречив.

— Если подставишь меня, я найду способ сбежать и не оставить о тебе даже напоминания на этой земле, — пригрозила Жоли и небрежно побросала драгоценности обратно в шкатулку. Потом поболтала на рваной цепочке часы. — Это тоже отдать?

Кошка с болью проследила за золотым барсом.

— Можно мне бумагу и перо?

***

Эпилог

Предрассветный туман рваными клочьями лежал в закоулках и подворотнях. Фонари медленно гасли на фоне сереющего неба. Кутаясь в меховую шаль с чужого плеча от сырости, Тара быстрым шагом направлялась в сторону порта. Если он и станет её искать, то на вокзале или

на почтовых станциях. Никто не вспоминает сначала о морском пути. А может, он думает, что она уже покинула город. Специально выждала немного, пряталась по чужим чердакам.

Каблучки стучали по мостовой, девушка торопилась, почти бежала. Обещание она выполнит, довольно с неё воровства. Сбережений хватит, чтобы осесть в тихом маленьком городе и начать всё сначала. Они всё равно слишком разные. Блестящий офицер полиции с любящей семьёй и воровка, у которой нет ничего. Так себе история.

Мысленно разговаривая сама с собой, Тара не сразу заметила шаги за спиной. А когда заметила, ускорила шаг. В тумане фигуру преследователя было не разглядеть, противные утренние сумерки сбивали даже острое кошачье зрение. Испугавшись, Тара побежала. Кто бы не шёл за ней, лучше уйти. Преследователь тоже ускорился, а потом, кажется, отстал, шаги стихли, но девушка не остановилась. И чуть не упала, когда из тумана перед ней выпрыгнул снежный барс. Хищник чуть наклонил голову и зарычал.

Тара замерла, боясь даже дышать, не то, что бежать или шевелиться. Пятнистый огромный котище выпрямился и обратился в не менее опасного Уильяма Шесса. Почему-то ей казалось, что

барс должен пугать больше, но оказалось, что в человеческом облике этот хищник страшнее. Потому что с ним разговаривать надо.

— Спасибо за часы, Катарина, всё не было времени зайти в мастерскую, — как-то не радостно прорычал мужчина. — Потрудись объяснить, куда ты собралась налегке?

— Не знаю. Куда-нибудь. Ещё не решила.

Похоже, она ответила с таким несчастным видом, что Уильям оттаял и устало подошёл к ней. Тара по лицу пыталась понять, что он думает, что скажет, но всё равно не угадала. Её обняли, тепло прижали к себе, как ребёнка, погладили по бедовой голове.

— Тогда позволь решить за тебя. Поедем домой.

— У меня нет дома.

— У тебя есть я, у меня есть дом.

Тара закрыла глаза, прячась у него на груди. Если она не видит этого мира, то и мир не видит её. За такое короткое время Уильям сам стал для неё домом.

— А что у тебя ещё есть? — шутливо спросила девушка, шмыгая носом, просто, чтобы еще услышать его голос.

— Кровать, которая не скрипит, — на полном

серьёзе ответил оборотень. — И знаешь, чем мы на ней займёмся? — Тара поморщилась и попыталась отодвинуться, её бунт был жестоко подавлен Уильямом, который обнял за плечи и потянул в обратную сторону, к городу. — Спать мы на ней будем, родная, спать до обеда.

Тара доверчиво прижалась к его тёплому боку:

— А может, до завтрака?

— Нет. Позавтракаем и спать, — отрезал Шесс, подтвердив мысленно данное ею звание мужчины мечты.

Конец.

***

Автор на ПродаМане https://prodaman.ru/Liliya-Alsher-Belaya

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Альшер-Лилия/

ЧАСТЬ. Лина Люче. Ненастоящий оборотень

Рассказ написан по мотивам романа "Внеклассное чтение про Черного лорда"

https://feisovet.ru/магазин/Внеклассное-чтение-про-Черного-лорда-Лина-Люче

***

Полная луна взошла на небо еще с полудня. Она висела над дорогой целый день, как огромный угрожающий знак, и дорога оставалась пуста. Здесь, в темной вотчине, мало кто осмеливался отправиться в путь в такие дни — ведь многие темные, пропащие создания выходили на охоту. Они знали, что риск быть пойманными не велик. И этот риск не перевешивал вампирской жажды, оборотневой горячки и ведьминой ярости.

А потому эта дорога через лес, к темному фамильному дому Лизергейн становилась местом, куда ни один здравомыслящий человек и маг не сунулся бы.

Алиана Лизергейн никогда не задумывалась о том, здравомыслящий ли она человек. Как любой

ребенок, которого обожали в детстве родители, она не боялась действовать и почти ничего в жизни вообще не страшилась.

Именно поэтому, когда в Королевской Академии окончание семестра совпало с полнолунием, Алиана решительно направилась в путь. Она закончила свой первый год учебы, с нее довольно зубрежки рецептов зелий и заклинаний.

Самоходная карета шла по дороге споро, и Алиана, ловко управляя ею, с нетерпением ждала, когда же впереди появится первый столбик, обозначающий границы поместья. От этого столбика до дома бабушки — ровно полчаса.

Лунный свет так ярко освещал дорогу, что все вокруг было ясно видно, как днем. И невозможно было поверить, что здесь так уж опасно. Возможно, поэтому она не стала раздумывать, увидев одинокого путника — и остановилась.

— Доброго дня, сударь, — громко и уверенно поприветствовала она, распахивая дверцу кареты и окидывая взглядом юного парня своих лет.

Но когда он повернулся, Алиана невольно дернулась — оборотень! Лицо его не оставляло в том сомнений: щеки втянуты, нос казался слишком длинным — луна высушила его. А глаза горели — но не безумием, убедилась она через миг. По-

хоже, этот был юным оборотнем, еще ни разу впадавшим в горячку.

Успокаивая сердце, которое рвалось из груди, Алиана смотрела прямо ему в глаза — болотного цвета, с коричневыми крапинками, указывающих на смешенную кровь. Он не должен понять, как напугал ее своим видом. И тем более не должен догадаться, какой глупой она себя почувствовала в этот миг. Остановиться вот так на дороге, в полнолуние, перед кем-то, чьего лица даже не видела…

Бабушка бы выругала ее. Мама бы упала в обморок, а потом очнулась и накричала, а папа схватился бы за сердце. Он хуже всех выносил, когда его маленькая темная леди оказывалась в малейшей опасности.

— Доброй ночи, миледи.

В глазах парня на долю секунды проскользнуло удивление. Окинув взглядом Алиану и ее карету, он выпрямился, держась с подчеркнутым достоинством, хотя его простая одежда и маленький мешок с вещами в руках выдавали крайнюю нужду.

Алиана колебалась. Она остановилась, чтобы подвезти путника. Но не оборотня.

— Вы направляетесь в поместье? — спросила

она, чтобы ещё немного потянуть время.

— Это очевидно, миледи, — пожал плечами оборотень.

Алиана покраснела. За год в школе она отвыкла от прямолинейного общения с простыми людьми. Аристократ бы вежливо поддержал беседу, не давая понять, что услышал бессмысленный вопрос.

Она заколебалась, не зная, что сказать дальше. Подвозить оборотня — это уж слишком. Но просто захлопнуть дверцу и уехать — грубо. И глупо. Зачем тогда останавливалась? Алиана редко смущалась, но ее внезапно смутила эта ситуация.

Или эти эмоции вызвал прямой насмешливый взгляд незнакомца, который, наклонив голову, изучал ее? Из-за этого наклона он ещё больше стал похож на большую темную птицу.

Ее сердце вновь заколотилось, и Алиана невольно впилась взглядом в его руки — что, если луна подействует на него прямо сейчас, и появятся когти?

— Горячка оборотней, — внезапно сказал юноша, продолжая смотреть прямо на нее, — начинается уже на восходе полной Луны. Поэтому сейчас не перевоплощусь, вынужден разочаровать.

— Что? — ошеломленно спросила Алиана,

скользя взглядом по саркастичному изгибу его губ. Никто из бабушкиных слуг никогда не позволял себе таких неслыханных дерзостей.

— Вы меня боитесь, миледи. Жалеете, что остановились. Так что закрывайте дверцу и катитесь в поместье. Не нужно меня подвозить, — еще более дерзко продолжил парень. Его тон при этом стал таким насмешливым, что терпеть этого уже было невозможно.

— Я вовсе вас не боюсь! — выпалила Алиана. — И я прекрасно вижу, что вы не в горячке. Как вас зовут? Кто вы и кем служите в поместье?

Ее голос, повышенный ради требовательной интонации, теперь пугал ее саму, гулко отдаваясь в тихом… слишком тихом ночном лесу. На совсем пустой дороге.

— Меня зовут Мексен, и я не служу в поместье. Что вам это дало? — спросил незнакомец, странно улыбнулся одними губами — и сделал шаг в ее сторону. Алиана отпрянула, внезапно испугавшись. Он открыто назвал свое имя и признал, что незаконно здесь находится — значит, хочет ее убить?

Она вцепилась правой рукой в дверцу кареты и прикрыла ее наполовину, а левую положила на рычаг. Но, бросив опасливый взгляд в его

сторону, она убедилась, что нападения ждать не стоит — теперь он открыто смеялся над ней. Его лицо изменилось, стало человечнее и моложе. Он откинул голову, и по плечам разметались плохо стриженые кудри. А громкий, искренний смех вконец раздосадовал ее.

Ее щеки загорелись от гнева и стыда, а рука отпустила дверцу — и она снова распахнулась. Но оборотень не собирался подходить ближе и тем более забираться в карету.

— Вы повеселили меня, миледи, — спокойно сказал он, прекращая смеяться так же внезапно, как начал. — Но вы очень неосмотрительны.

— Так вы считаете меня глупой? Или трусливой? — в ярости выпалила Алиана, уже не скрывая эмоций. Его чистая, слишком стройная для простолюдина речь, задела ее.

— Я пытаюсь сказать вам, что…

Он оборвал сам себя и замолчал. Его чуткое ухо уловило какой-то звук — может, отдаленный вой, в паре столбовых мер. Но оборотни в горячке могли бегать довольно быстро… значит, у нее не больше пары мгновений.

Но, разумеется, эта юная темная леди не могла слышать того, что слышал он. И в тот самый момент, когда нужно было закрыть дверцу ка-

реты и мчаться прочь, ненормальная девушка внезапно выпрыгнула наружу, и под ее ногами оглушительно громко хрустнул песок с мелкими камешками.

— Я вас не боюсь! — громко сказала она, решительно шагнув навстречу и оказавшись очень маленькой для такого вздорного создания — почти на голову ниже его, — Понятно?

Мексен ошеломленно смотрел на девушку, но его уши и мозг были целиком заняты звуками из леса. Он мысленно считал мгновения и всем телом воспринимал вибрацию земли и еле слышный хруст веток. Для оборотней, которые бежали в их сторону, ее голос, запах, и звук шагов были как громкое приглашение к столу. Мексена же они могли даже не чувствовать, и не слышать — оборотень в горячке мало что способен воспринимать, кроме сладкого запаха еды.

— Что с вами? — чуть тише спросила девушка, внезапно что-то сообразив. Он смотрел, как шевелятся ее прекрасные нежные губы, зная, что она уже не успеет сказать больше ничего перед тем, как…

Прыжок огромного взрослого оборотня не стал для него неожиданностью. Он резко повернулся, вцепился в грудь, сбивая его прямо посредине

полета — и со всего размаха швырнул об землю.

Визг маленькой леди едва не оглушил его. Не сбавляя скорости, он обернулся, обхватил ее за талию и весьма непочтительным образом запихнул в карету:

— Скорее, гони! — сказал он и захлопнул дверцу. И обернулся как раз, чтобы успеть отразить новую атаку.

На этот раз оборотень бросился уже на него, и через пару мгновений Мексен лежал на земле, ощущая резкую, обжигающую боль от пяти когтей, прочертивших на его шее и груди затейливый рисунок.

Ожидаемый результат драки. На его стороне не было ничего, кроме опыта школьных драк. На стороне взрослого оборотня — вес, энергия горячки, и, возможно, умение.

Судя по тому, как он быстро оправился от падения и прижал Мексена к земле, шансов не было… совсем. В глазах темнело, промелькнула мысль: «вот и все… как глупо». Но следом почему-то не наступила кромешная чернота, а прямо перед глазами мелькнуло что-то очень яркое. И ещё секундой спустя огромная лапа убралась с его горла.

— Вставайте! Вставайте же! — завопила прямо

над ухом несносная девица. — Я оглушила его опаляющим заклинанием!

Огонь и впрямь удался, тут же понял Мексен, учуяв запах паленой шерсти. От шока он почти ослеп и не помнил, как забрался в карету следом за девицей. И как они промчали большую часть пути до замка. Очнулся лишь когда она внезапно замедлила ход и остановилась сразу после того, как за ними закрылись заговоренные ворота.

— Почему вы… — хотел было спросить Мексен, недоумевая, почему карета не едет дальше, чтобы подкатить к дому, но тут понял, что его язык еле шевелится… и он лежит в луже собственной теплой крови.

— Тихо… вам нужна помощь. Не говорите ничего, вы меня собьете, — приказным, немного капризным тоном, каким умеют говорить только очень юные леди, сказала девушка.

И с ее губ одно за другим начали срываться тихие лечебные заклятия.

Мексен мгновенно застонал. Такое лечение было довольно болезненным. Он уже проходил это в школе, но не на таких серьезных ранах. Стиснув зубы, чтобы не заорать, он вцепился рукой в дверцу, молясь лишь об одном — чтобы она случайно не убила его неумелыми действиями.

Но юная леди сделала все на удивление ловко и быстро. А затем методично уничтожила все следы крови в карете, очистила его и свою одежду и тщательно исправила все разрывы и дырки на ней — даже те, что уже были на его старых штанах.

После чего отодвинулась и уставилась на него в упор:

— Бабушка. Не должна. Знать, что произошло. Вам ясно?

Ее взгляд прожигал его так яростно, что Мексен невольно улыбнулся. Теперь, когда боли больше не было, осталась только испарина на лбу, к нему вернулась способность мыслить.

— Вы уверены, что можете приказывать мне, миледи? — насмешливо спросил он только, чтобы подразнить ее. Она была слишком красивой. Слишком белая кожа, слишком розовые губы. Слишком большие зеленые глаза. Мексен раньше видел таких девушек только на картинках. И почему-то она злила его этой красотой. Ему хотелось задевать ее — с первой минуты, как их взгляды встретились.

Девушка осеклась, потом порозовела:

— Простите меня. Я… я прежде всего должна была поблагодарить. Вы… спасли меня.

— Вы меня тоже, — заметил Мексен от неожиданности. — Вы ведь могли бы уехать.

— Нет, я не могла, — тихо сказала она. — Пожалуйста… вы будете так добры… не говорить бабушке… леди Лизергейн, что произошло?

Мексен молчал. С каждой секундой он разглядывал все больше деталей того, что составляло собой ее красоту — розовое ушко, тонкая бровка, изящный изгиб ресниц… округлые линии тела под платьем. И запах — какой же одуряющий от нее шел запах: цветочный мед, сливки, лесная земляника. Теперь, сидя с ней в карете, он почти не осуждал того оборотня, который хотел ее покусать, чтобы ощутить этот вкус. И даже сочувствовал ему.

Мексен никогда в жизни не чувствовал себя таким страшным уродом, как сейчас, сидя рядом с такой красавицей. И надо же было такому случиться, что они познакомились в ночь полнолуния — ту ночь, когда он выглядел хуже всего. А потом она видела его тело окровавленным и лечила его.

Он чувствовал себя хуже некуда. Но леди Лизергейн учила его никогда не показывать подобных чувств окружающим — и он научился этому тогда, четыре года назад, когда ему было всего

тринадцать.

По его лицу она ничего не могла понять — в том числе и того, что он намерен ответить на ее просьбу. Мексен уже открыл было рот, чтобы согласиться, как вдруг девушка опустила глаза и сказала:

— Я знаю, что слишком о многом прошу вас… моя бабушка, разумеется, вознаградила бы вас за мое спасение. Я ваша должница.

— Забудьте об этом, миледи, — наконец, опомнился Мексен. — Будем считать, что мы в расчете.

Он взялся за ручку дверцы, но она остановила его:

— Меня зовут Алиана. Так вы мне скажете, для чего вы здесь?

Мексен замер. Если бы он знал ответ на этот вопрос, ему определенно легче было бы отвечать.

— Я здесь по приглашению леди Лизергейн, — ответил он чистую правду. — Ваша бабушка как-то преподавала в моей школе, с тех пор мы знакомы.

— В вашей школе?

Она внимательно слушала, и Мексен почувствовал, что, как ни странно, хочет рассказать о себе.

— Да, в школе для таких непутевых созданий, как я, — усмехнулся он.

— Вы не виноваты, что родились таким… или… вас покусали в детстве? — осеклась она, затаив дыхание.

— О, нет, леди Алиана, ничего такого, — покачал головой он, снова улыбаясь. — Я таким родился.

— Значит, вы будете работать в поместье?

— Надеюсь, что да. Но леди Лизергейн пока не делала никаких конкретных предложений, — признался он.

— Я желаю вам удачи, — сказала девушка таким тоном и глядя на него так, что Мексен ощутил ее тепло.

— Спасибо, — неуклюже кивнул он, открыл дверцу кареты и решительно спрыгнул на землю. — Спокойной ночи, миледи. Поезжайте к дому, я приду утром.

— Но где же вы будете спать? — тихо спросила она, высунувшись наружу.

Мексен просто фыркнул, качнув голой, и решительным шагом удалился в темноту, ещё пару минут прокручивая в голове этот наивный вопрос избалованной девочки, которая не представляла себе, где можно спать, кроме постели в

хорошо обставленной спальне.

Да, в общем, где угодно, юная леди, ответил он ей мысленно: на сене возле конюшни, на сухих листьях под деревом. В такой теплый летний день можно спать на голой земле. Особенно сегодня, когда он чудом остался жив и чувствовал себя счастливым и полным энергии.

***

Чаепитие с хозяйкой дома.

Его бывшая учительница, одна из самых уважаемых темных магов королевства, на своей территории выглядела очень просто — носила темно-синее платье с минимальным набором амулетов и домашние туфли. Мексен, хранивший воспоминания о том, как строго она одевалась в школу, был удивлен ее домашней простотой — но еще более тем, что она приняла его в гостиной и предложила выпить чаю.

Юноша быстро провел пятерней по волосам, проверяя, не остались ли травинки после сна на берегу пруда, поправил одежду и сел. Под внимательным изучающим взглядом хозяйки дома ему довольно быстро стало неловко. Хотя он и знал, что самого непристойного в его внешности не скрыть — его лица оборотня, которое явно

шокировало прислугу.

Но Леди Лизергейн явно ждала его — хотя он до последнего боялся, не произошло ли какого-то недоразумения. Кто он ей? Просто один из учеников в школе, куда она отправилась когда-то с благотворительными уроками. Последний раз они виделись, когда ему было двенадцать.

Да, он написал ей, но больше от отчаяния, когда понял, что окончание школы быстро, а куда идти — непонятно. Оборотням нигде не рады. Он даже не ждал ответа — и был искренне изумлен, когда леди Лизергейн пригласила его в свое поместье.

— Должна сказать, мой мальчик, что я совсем забыла про полнолуние. Но рада видеть, что вы в добром здравии, — без обиняков заметила леди Лизергейн.

Мексен кивнул. Он любил откровенность, которой другие учителя их не баловали в школе. На словах все они были благожелательны и заботились исключительно о благе школьников. На деле их частенько жестко наказывали, заставляли голодать и несправедливо оценивали достижения.

— Я никогда ещё не впадал в горячку, миледи, — сказал он так же прямо. — И постараюсь не побеспокоить вас этим.

— Уверена, так и будет, — сказала она. — Можешь называть меня леди Мелиция.

— Я никогда не посмею, леди Лизергейн, — с легким удивлением сказал Мексен.

— Как тебе удобно, Мексен. Ты ведь не против, чтобы я называла тебя по имени? — спросила она и сделала первый глоток чаю — с таким удовольствием, что ему невольно захотелось присоединиться.

Едва отпив из своей чашки, Мексен понял, что попал в рай. Этот напиток имел столько же общего со школьным пойлом, сколько и чашка из гномьего фарфора в его руках с грубыми гоблинскими кружками, которые ставили перед ними в столовой.

— Я очень рада, что ты принял мое приглашение, — сказала леди Лизергейн после недолгой паузы. — Я впечатлена твоими школьными результатами. Думаю, у тебя даже больший потенциал, чем я полагала, когда мы виделись в последний раз. А я и тогда знала, что ты необычный мальчик.

— Я очень благодарен вам за все, чему вы научили меня, — медленно проговорил Мексен. — Я прочитал столько книг, и интересу к каждой из них обязан только вам.

— Думаю, что ты преувеличиваешь, — улыбнулась леди Лизергейн, но по тому, как она слегка зарделась, Мексен понял — его простой комплимент пришелся по вкусу.

Он не мог понять одного: почему до сих пор еще сидит здесь? И нервничал. Он надеялся на простую понятную работу, но в глубине души знал, что так не бывает. На простую работу не берут сложных созданий — в хозяйстве и без оборотней хлопот хватает. Оборотней иногда брали в семьи богатых вампиров, которым нужен был корм на полнолуние. Или в дома темных магов, которым требовался испытательный полигон для каких-нибудь заклинаний. Иногда настолько мерзких, что нанятые на такую работу оборотни долго не жили.

Мексен понимал, что через пару минут ему придется принимать неприятное решение — или уходить из этой усадьбы куда глаза глядят.

— Еще чаю? — снова улыбаясь, предложила леди Мелиция. — И затем ты можешь рассказать немного о том, к какой науке больше лежит душа.

Полностью растерянный, Мексен смотрел, как ароматный напиток струится из серебряного чайничка в чашку. Наука? При чем здесь наука?

Или это такой способ отвлечь внимание у аристократов, чтобы не думать слишком много о неприятном?

Если так, то этот способ ему не подходил — напротив, он нервничал все больше с каждым мгновением.

— Мне нравится зелья, леди Лизергейн. Но я мало что пробовал готовить на практике, — ответил Мексен, изо всех сил усмиряя нервы. — Так, пару успокоительных настоев из трав, которые искал два месяца в лесу… Больше читал.

— Так если бы у тебя ингредиенты, ты проводил бы время над котлом?

— Думаю, да, — спокойно ответил он, прекрасно зная, что этому не бывать. Такая фантазия была столь эфемерной, что почти не вызывала эмоций. — За исключением тех часов, что я бы посвятил магии, миледи.

— Тебе нужна практика, во многих науках, — негромко заметила леди Лизергейн, поставив на поднос свою чашку. — Приступим сегодня же. Но сначала стоит принять ванну и прогуляться по усадьбе или немного отдохнуть в своей комнате.

Она выпрямилась, словно уже готова была начать действовать, и Мексен тоже вытянулся в струну, хоть и не понимал, что нужно делать.

Он был взволнован ее словами донельзя. В его комнате?

— Простите, миледи, но вы сказали «приступим»? К чему же? — переспросил он, уже не стараясь тщательно подбирать слова.

— К твоему обучению, разумеется. А ты думал, для чего ты здесь?

— Я думал, — его голос слегка сорвался, и Мексен закашлялся. — Я полагал… простите… надеялся, что вы дадите мне работу.

— О, нет, — засмеялась она. — Я не эксплуатирую талантливых детей. Моя цель — учить. Я приглашаю тебя провести лето здесь, со мной, и, смею заверить, что к осени ты будешь полностью готов к поступлению в Академию темных искусств.

— В Ака… демию? — изумился Мексен.

В ушах у него зазвенело. Разумеется, он не был лишен воображения и фантазии. Однажды услышав, что в Темной вотчине есть место, где учат всех, включая оборотней и вампиров, он мечтал попасть туда, представлял себя студентом.

Но он давно бросил эти глупые детские мечты.

Наклонив голову набок, его благодетельница снова улыбнулась:

— Ты написал мне письмо, которое, полагаю,

далось непросто. Разве ты не потому обратился ко мне, что я иногда покровительствую талантливым ученикам и оплачиваю их обучение?

— Я не знал этого, леди Лизергейн. Если это так, то вы самый щедрый человек, о каком я когда-либо слышал, — все ещё не веря в свою удачу, выговорил он заплетающимся языком.

— Приняла бы это как комплимент, Мексен, да только вы мало что вообще слышали в своей жизни, — усмехнулась она. — Разумеется, я помогу при условии, что будете хорошо учиться у меня и не разочаруете. У меня ведь свои мотивы: люблю хвастаться учениками и очень не люблю стыдиться их.

— Я сделаю все, чтобы угодить вам, леди Лизергейн, — горячо начал он, но скоро был прерван.

— Не нужно угождать мне, Мексен, — сказала она. — Только внимательно слушать и прилежно учиться. Я попрошу нашего мажордома указать вам вашу комнату, и…

Не договорив, леди Лизергейн замолчала. Мексен тоже услышал приближающиеся шаги — и в комнату стремительно ворвалось вчерашнее упрямое создание.

Девушка, которая успела подвергнуть его смертельной опасности и спасти от верной гибели

после того, как он оказал ту же услугу ей.

Наткнувшись на него взглядом, она замерла, застыла и опустила глаза в пол:

— Прошу прощения, что прервала вас.

— Милая, мы почти закончили. Мексен, это моя двоюродная внучка Алиана. Алиана, это мой студент и подопечный, Мексен.

Услышав, как леди Лизергейн представила его, Мексен впервые осознал, что все это — не шутка и не сон. Она действительно собирается учить его. У него действительно будет шанс стать кем-то большим, чем просто оборотнем.

Ошеломленный этим открытием, он почти не слышал, о чем говорили женщины, очнувшись лишь в тот момент, когда в комнату зашел дворецкий и с важным видом предложил следовать за ним.

Единственное, что Мексен успел еще заметить — это искреннее изумление на лице леди Алианы. Было видно, что она тоже не ожидала, что грязный оборотень с дороги превратится в студента леди Лизергейн и станет распивать с ней чай в гостиной.

***

Все хорошо и плохо.

К вечеру Мексен понял, что его волнение нарастает. Все было слишком хорошо, и от того плохо. Его новая комната казалась королевскими покоями. Он сам — героем какой-то наивной сказки для детей из младших классов. Нищий, внезапно ставший принцем. Но он был не просто нищим, а оборотнем.

Историй про оборотней, который стали темными магами, не сочиняли даже самые наивные сказители из народа. Ведь оборотень останется оборотнем. Многие маги за последние столетия пытались изобрести разные зелья, превращающие падших созданий в порядочных граждан, но никто еще в таком не преуспел. Потому-то порядочные граждане их и не привечали.

Леди Лизергейн — сумасшедшая? Непохоже. В темных магов с добрым сердцем Мексен не верил. Честные — может быть. Альтруисты? Никогда. Бескорыстных и среди белых-то магов не найдешь. Она была права, леди Лизергейн — он мало что видел в жизни. Но он много читал и изучил нравы разных вотчин по книгам: белых, темных, созерцателей, жителей центра.

Понемногу он понял: внутри все одинаковые. Все ищут выгод для себя, никто не будет просто так стараться для кого-то чужого. И он невольно ждал, что вот-вот выяснится: произошла ошибка. И его выставят из этого прекрасного дома с гостиной, столовой и библиотекой, из чистой комнаты с огромной мягкой кроватью, ковром, ванной и камином.

Но минуты шли, а его никто не выставлял. Горничная даже не побоялась постучаться, зайти в его комнату. Она показала, как наполнить ванну, открыла шкаф, достала полотенца, потом принесла стопку одежды:

— Если вам будет тесно или велико, я подошью.

— Спасибо тебе, — сказал он, впервые заметив, что слуга назвала его на вы, не признав в нем своего. И это было странно, но приятно.

***

Подарок для леди Лизергейн.

Пару дней спустя Мексен все еще волновался, хотя леди Лизергейн не давала ни малейшего повода для тревоги. Правда, теперь немного по другой причине. Мексен боялся, что сам выставит себя неучем, не заслуживающим доверия.

Он очень переживал, когда не знал, что ответить на вопросы леди Лизергейн на первом занятии и в первую же ночь просидел над учебником до утра, чтобы прочитать его целиком.

У него теперь был свой котел и целый шкаф с ингредиентами, которые требовалось использовать, чтобы выполнить задания. Целая комната для зельеварения! И ещё — громадная библиотека, при виде которой он приходил в отчаяние — потому что знал, что не прочтет и одной тысячной всех этих книг до конца своего пребывания в этом гостеприимном доме.

Немало смущали завтраки, обеды и ужины. Леди Мелиция пригласила его за общий стол, и они ели втроем, с ней и Алианой. Сначала он старался помалкивать, и из их разговоров между собой многое узнал — например, что хоть они с Алианой и ровесники, обоим по семнадцать, она уже закончила свой первый год в учебном заведении для взрослых — разумеется, в Королевской Академии.

А еще — что Алиана явилась к леди Лизергейн без приглашения, избегая пояснять, почему не поехала домой к родителям после учебы. Но бабушка так ее любит, что готова оставаться гостеприимной, сколько нужно, и не приставать

с расспросами.

А что Алиана любила — так это поговорить о своих успехах. Хотя, на взгляд Мексена, они были средними. Хорошие оценки по большинству дисциплин — только и всего. Одно единственное «отлично» по темной магии, о котором она все уши бабушке прожужжала. Впрочем, в магии она действительно была молодец, понимал Мексен — иначе бы он уже здесь не сидел.

Размышляя таким образом, он не заметил, как в один прекрасный момент леди Лизергейн перевела беседу на него. Он задумался о своем, пока Алиана рассказывала, как лучше всех в классе приготовила сонное зелье, а затем леди Мелиция спросила:

— Мексен, ты, кажется, тоже готовил такое зелье в прошлом году?

— Скорее, успокоительное, леди Лизергейн, — ответил он после паузы, которая потребовалась на осмысление вопроса. — Но если увеличить дозу, то можно им и усыплять. Простое — всего три ингредиента.

— Четыре, — вставила Алиана.

— Нет, всего три, — пожал плечами Мексен. — Многие добавляют пустынник, но он лишь придает аромат.

— Мексен прав, Алиана, — отозвалась леди Лизергейн, глядя на внучку неодобрительно, — Чистый пустынник туманит разум, но в нужном для этого количестве он слишком дорог. Так что в обычное сонное зелье добавляют всего три капли настойки пустынника, только для запаха. Точнее, чтобы отбить аромат шиконита с известной целью.

— С известной целью? — наморщила лоб Алиана.

— Ты сегодня очень недогадлива, девочка моя, — усмехнулась леди Лизергейн.

— Просто ты загадочно выражаешься, бабушка, — вспыхнула юная магиня. — Уверена, Мексен тоже не понимает. Ведь так?

— Я думаю, леди Лизергейн имеет в виду, что зелье часто подливают кому-то в бокал. И нужно, чтобы жертва выпила его, не узнав запаха, — пояснил он настырной девчонке, стараясь не смотреть на свою учительницу. Он очень боялся ошибиться.

— Верно, Мексен, — сказала леди Мелиция и улыбнулась ему. Он просиял — правда, так и не понял, почему Алиана надулась и не проронила почти ни слова до самого конца ужина.

На вечернем уроке зельеварения леди Лизер-

гейн рассказала ему о самых сильных магических травах и посетовала на отсутствие тропника — редкой травы для сильных магических зелий.

— Мне жаль, что я не могу показать вам это растение сейчас. В магазинах тропника нет даже в сухом виде — в прошлом году в королевстве было слишком холодно, да и в этом трава не уродилась. В итоге случайно найденные кустики перепродают сейчас за сумасшедшие деньги. Все зельевары часами ходят по лесам, но пока безуспешно.

— Как выглядит эта трава, леди Лизергейн? — спросил он с любопытством.

— Возьми тот большой справочник, Мексен, там есть иллюстрации. Несведующие часто путают тропник с тропинником — они выглядят похоже, те же серо-голубые узкие листья. Но действие, заверяю тебя, совершенно разное. И стоимость тоже, — усмехнулась она, взмахнув сухой рукой в воздухе.

— Можете ли вы описать запах этой травы? — спросил Мексен, внимательно изучая изображение в книге.

— Похоже на болотную осоку, — немного задумавшись, сказала леди Лизергейн. — Боюсь, мой нос не настолько чувствителен, как твой, Мексен, я едва ли способна описать тебе оттенки… Впро-

чем, погоди, у меня, возможно, остался пустой короб, в котором тропник хранился в прошлом году. Если запах еще не выветрился…

С этими словами леди Лизергейн стремительно вышла из комнаты, где они занимались, но скоро вернулась с деревянным коробом в руках.

Открыв его крышку, Мексен ощутил настолько сильный аромат, что сразу улыбнулся и кивнул:

— Я знаю эту траву, леди Лизергейн.

На следующий день он едва не опоздал на завтрак — но принес с собой большой сверток. Едва взглянув на который, леди Лизергейн встала из-за стола, развернула, внимательно изучила каждую травинку, а затем с искренним изумлением посмотрела на Мексена:

— Как вам это удалось, ради Темного духа?

— Я ведь оборотень, леди Лизергейн, — очень тихим от смущения голосом заметил Мексен. Он смотрел на свою счастливую учительницу, но краем глаза видел и Алиану. И ему было немного обидно заметить, что на ее лице вместо восхищения отразилась некая неприязнь.

— Не смешите меня, мой мальчик. В королевстве сотни оборотней, многие служат зельеварам, и ищут эту траву по всем лесам. Безуспешно, — возразила леди Лизергейн, возвращаясь за стол.

Но недоверчивого взгляда от него почти не отрывала.

Мексен сел на свое место, стараясь не смотреть на Алиану.

— Наверное, мы разные, — объяснил он после долгой паузы, которая ему самому понадобилась на размышления. — Не все оборотни знают разницу между ароматами трав. Я потратил немало времени, чтобы научить себя этому. Надо ведь ещё и хотеть в этом разобраться.

— Надо хотеть, верно. Это вы очень верно заметили, Мексен, — просияла леди Лизергейн, но затем почему-то внезапно помрачнела, когда бросила взгляд на свою внучку.

***

Секреты Алианы.

В следующие дни Мексен каждое утро ходил в лес за тропником, и они вместе с леди Лизергейн занимались только этой травой — ее просушкой и вываривaнием, вымачиванием в других ингредиентах для разных зелий. Полная энтузиазма, леди Мелиция вываливала на него горы невероятно ценной информации о том, как готовить десятки разных зелий, растворов и лечебных мазей с тропником.

Мексен чувствовал себя почти счастливым, впитывая знания. Казалось, за прошедшие дни индивидуальных занятий с темной волшебницей он узнал больше, чем за восемь лет от школьных учителей.

Несколько раз к ним присоединялась Алиана, но бабушка прогоняла ее.

— Мы справимся вдвоем, — говорила леди Лизергейн, когда внучка пришла в хранилище, где они сортировали пустынник и другие ценные травы, которые Мексен нашел в лесу.

— Не трать свое время на то, к чему не лежит душа, — посоветовала она, когда за ужином Алиана снова предложила помощь.

— Тогда, может, я присоединюсь к уроку магии?

По ее косому взгляду Мексен понял, что Алиана снова злится. Теперь, недели полторы спустя, его начало мало-помалу осенять, что она ревновала его к леди Лизергейн. Но это казалось очень странным — ведь он всего лишь оборотень, а она ее внучка. И леди Мелиция проводила с ней немало времени: они вместе гуляли днем, подолгу сидели в гостиной вечером, играя в магические карты.

— Не вижу, для чего. Ведь ты уже знаешь все за-

клинания, которым я учу Мексена, — удивленно ответила леди Лизергейн.

— Значит, на зельеварении мне нечего делать, потому что я знаю мало, а на магии — потому что слишком осведомлена? — уже не скрывая необъяснимой ярости, выпалила Алиана.

— Полагаю, что именно так, дорогая, — спокойно ответила леди Лизергейн, делая вид, что не замечает вспышки. — Почему бы тебе не использовать летнее время для отдыха?

Ужин заканчивался в тишине. Мексену стало не по себе от этой перепалки. Он решил, что утром непременно поговорит с Алианой, чувствуя потребность объясниться, дать ей понять, что не претендует на ее место возле леди Лизергейн.

Но их беседа состоялась раньше. Поздно вечером Мексен услышал странные звуки через открытое из-за жары окно. Высунувшись из него и прислушавшись, он понял, что это плач, и доносится он из сада. Пару мгновений спустя Мексен был там — ему хватило мягкого прыжка из окна и нескольких шагов, которые Алиана, разумеется, не услышала.

— Леди Алиана? — негромко спросил он, остановившись на расстоянии двух шагов от нее, сидящей на скамейке спиной к дому, в окруже-

нии раскидистых кустов.

Вздрогнув, девушка подняла голову и затихла.

— Что тебе нужно? — спросила она с неожиданной злостью. Вероятнее всего, она полагала себя в надежном укрытии и не рассчитывала, что кто-нибудь услышит плач.

Мексен многому научился в школе: он мог обезоружить нападавшего, дать сдачи, умел находить общий язык с другими оборотнями и вампирами. Но что делать с плачущей леди — понятия не имел. Юные болотные ведьмы, обучавшиеся в его школе, конечно, иногда закатывали истерики, но выглядело это совсем не так.

— Вы плачете, — негромко заметил он.

— Спасибо, что сообщил, — снова огрызнулась она. — Ты что, следил за мной?

— Я был в своей комнате, миледи. И у меня отличный слух.

— Миледи? — переспросила Алиана и громко фыркнула. — Не говори так, если не хочешь показаться прислугой.

— Я это учту, — спокойно ответил он. Ее злость не пугала его.

Осторожно подойдя ближе, Мексен опустился рядом на скамейку. Он давно заметил, что если тихонько сесть с кем-то рядом вместо того, чтобы

стоять напротив, можно изменить его настрой на более дружелюбный.

— Как мне называть вас? — спросил он после долгой паузы.

— Алиана.

Она уже не плакала и не злилась. Украдкой вытерев слезы, смотрела прямо перед собой, держась прямо.

— Спасибо. Мы ни разу не говорили после того, как…

— Да, ни разу. Считаете меня снобом?

Ее большие темные глаза выглядели такими невинными, что Мексен даже улыбнулся и качнул головой:

— Нет. Это ваше право — держаться подальше от оборотней. Вполне разумно, — сказал он. — Но за что вы злитесь на меня?

— Я не злюсь.

— Злитесь. Ревнуете?

Алиана подскочила со скамейки, отошла на несколько шагов, и Мексен понял, что в чем-то был был прав. Он тоже встал.

— Я ненавижу зельеварение! — с каким-то мучительным стоном выдавила она и заплакала еще сильнее, снова рухнув на скамейку.

— Так зачем вам тогда уроки? — повторил он,

уже начиная сердиться на нее. А скорее — на то, что просто не мог выносить ее слез. — Да перестаньте же плакать, скажите толком, в чем дело?

— Обещаете, что не скажете бабушке?

— Обещаю, — пожал плечами Мексен и сунул руки в карманы, несмотря на то, что леди Лизергейн учила его так не делать.

— Я не сдала экзамен по зельям. Через месяц — новый экзамен, но его я тоже не сдам. Меня могут отчислить.

Она зажала рот своей тоненькой белой ручкой, чтобы не плакать снова. А Мексен растерянно смотрел на нее, удивленно моргая. Так вот в чем ее печаль.

Он снова сел на скамейку рядом:

— Если это вам поможет, я могу с вами позаниматься, Алиана. Я многое знаю про зелья, и леди Лизергейн говорит, что я мог бы учиться на третьем курсе по этому предмету.

— Вы серьезно?

— Да. Уверен, за месяц мы многое успеем, если будем заниматься каждый день.

— И что вы хотите взамен?

До этого мгновения Мексен даже не думал о том, чтобы просить взамен что-либо, хотя в школе ему доводилось обмениваться разным.

Просто эта юная леди была как будто не из того мира, в котором каждый стремится соблюсти свою выгоду. Так что ее вопрос, скорее, вернул природную насмешливость, чем вызвал в нем жадность любого рода.

— Поцелуете меня за это? — спросил он после короткой паузы, иронично улыбнувшись.

— Как вы смеете!

Снова вскочив со скамейки, Алиана взмахнула ручками и стала в чем-то даже немного похожа на леди Лизергейн, когда та хотела осадить и принимала чопорный вид.

Мексен рассмеялся. Он вдруг поймал себя на еле уловимом сожалении и понял, что ему действительно хотелось бы поцеловать эти розовые мягкие губы — сейчас слегка приоткрытые от возмущения. Но об этом глупо было даже мечтать.

— Я пошутил, леди Алиана. Доброй ночи, — сказал он, поднялся и ушел прежде, чем эта сцена могла бы стать неловкой.

***

Учитель и ученик.

Ежедневные уроки они решили устроить в самом отдаленном месте усадьбы Лизергейн, на противоположном берегу пруда.

— Бабушка сюда почти никогда не ходит, — сказала Алиана. — Слуги тоже.

— Если кто-то придет — я услышу, — заверил Мексен.

Каждый день они располагались на небольшом пледе, который нужен был, чтобы не запачкать ее платье. Мексен все еще удивлялся и привыкал к этим порядкам аристократов, которые всюду носили с собой платки, подстилки, всевозможные амулеты, предназначенные не столько для безопасности, сколько для комфорта — отпугивающие насекомых, например.

Он ловил себя на том, что из-за этого чувствует себя существом второго сорта и старался приобщиться к этим порядкам. Но все время забывал о мелочах. Алиана доброжелательно посмеивалась над ним и щедро делилась советами в обмен на его знания о зельях. И Мексен заметил, что она добрее, чем даже хочет казаться.

И все ее высокомерие вытекает из неуверенности в себе, порожденной внезапным провалом на экзамене — первым серьезным провалом за всю жизнь, в которой до сих пор все складывалось хорошо и полностью удавалось.

— Знаете, Мексен, я просто не думала, что действительно могу провалиться. В школе, если я

не готовилась к тестам, я просто получала более низкую оценку, и все, — призналась она, когда они прозанимались уже неделю.

Мексен замер. Он все еще смотрел в маленький походный котел, где неторопливо булькало зелье.

— У вас отлично получилось охлаждающее зелье, Алиана, — заметил он, зачерпнув его ложкой и брызнув на кожу пару капель. — Хотите попробовать на себе?

— Вы очень смелый человек. Я бы не рискнула первой пробовать то, что сама приготовила, — отозвалась она, и Мексен засмеялся.

— Вы не должны все время думать об этой неудаче, Алиана, — посоветовал он, когда они собрали все и пошли к дому. — Просто сделайте выводы и занимайтесь, ведь дело не в вас. Каждый может завалить экзамен.

— Неужели? И вы когда-нибудь заваливали экзамены? — с удивлением и какой-то надеждой в голосе спросила Алиана.

— По правде говоря, нет. Но я слишком умен для этого, — пошутил он и удостоился ее звонкого смеха вкупе с легким шлепком по плечу. Мексен тоже засмеялся.

Но через секунду они оба вздрогнули, когда

внезапно услышали совсем рядом:

— Алиана!

И им навстречу вышла леди Лизергейн с боковой тропинки. В ее руках была цветочная корзина — она прогуливалась и собирала лучшие лепестки садовых цветов для ароматических зелий.

Быстро окинув взглядом их обоих, она задержала взгляд на внучке:

— Я искала тебя. Твоя матушка прислала письмо, и нам нужно поговорить.

Алиана вспыхнула. Стараясь не выдать смущения, Мексен отступил в сторону:

— Я надеюсь, вы обе меня простите. Мне нужно практиковаться с зельями.

— Разумеется, — сказала леди Лизергейн, скользнув взглядом по котлу в его руках. — Это гораздо удобнее делать в доме.

— Конечно, — сказал он, ощущая внезапную сухость во рту. И, резко повернувшись, быстро направился в дом, кляня себя за неосторожность. Им стоило возвращаться в дом порознь, как обычно, но они заболтались.

На вечернем уроке магии леди Лизергейн показывала, как запускать огненный шар.

— Это очень простое с технической точки зрения заклинание, Мексен, — сказала она. — Но оно

сложное с точки зрения безопасности. Огненным шаром можно спалить дом или убить кого-нибудь. Но как все боевые заклинания, оно требует много энергии. Нужны годы практики в магии и накопления личной силы, чтобы это и многие другие заклятия вышли как надо. Вы можете попробовать, чтобы убедиться, — предложила она.

Мексен кивнул, встал и, протянув руки так, как показала магиня, произнес заклятие. Его ладони в тот же миг произвели вспышку и сноп ярких искр.

— Довольно впечатляюще для такого юноши, как вы, — кивнула леди Лизергейн.

Она протянула ладони, прошептала заклятие, и Мексен вздрогнул всем телом, когда огромный шар с невероятной скоростью вылетел из ее ладоней, с грохотом врезался в землю в двадцати шагах и произвел взрыв. На этом месте сразу загорелось магическое пламя и какое-то время ещё горело, после чего они медленно подошли к месту взрыва и обозрели его.

Увидев здоровенный дымящийся кратер, в котором могло бы поместиться до трех человек, Мексен был искренне впечатлен. Он прежде никогда не видел такой магии так близко.

Через минуту прибежал садовник и пара испу-

ганных взрывом слуг. Но, увидев леди Лизергейн, они мгновенно успокоились и молча ретировались — и Мексен понял, что, в отличие от него, слуги в этом доме ко многому привыкли.

— Я хочу, чтобы вы сегодня прислушались к моим словам особенно внимательно, Мексен, — медленно сказала леди Лизергейн, стоя на краю внушительной дыры в земле, все ещё источавшей случайные искры, жар и дым. — Магия похожа на жизнь. Можно годами копить и строить свое благополучие, а можно уничтожить нечто очень ценное за очень короткое время.

— Я понял, леди Лизергейн, — сказал он, не глядя на свою учительницу.

— Вы умный юноша, Мексен, — продолжила она чуть более жестким тоном. — Я почту за честь покровительствовать вам и дальше, если вы сосредоточитесь на своих занятиях. Алиана могла по неразумности предложить вам дружбу, но от вас я ожидаю исключительного здравого смысла, Мексен. Если мне придется оставить в гостях лишь одного из вас…

— Вы правы, леди Лизергейн.

Снова кивнув, он поднял взгляд и прямо посмотрел в глаза своей учительнице. Ему нечего было скрывать и не в чем с ней спорить.

***

Тайное свидание.

Алиана никогда не чувствовала такого возмущения, как в тот день, после разговора с бабушкой. Начав с полунамеков, та в конце концов прямо потребовала, чтобы она прекратила дружбу с Мексеном.

— Но мы ничего плохого не делаем! — заявила она, искренне не видя никакой причины для волнения.

— Я хочу, чтобы так все и оставалось, — невозмутимо заявила леди Лизергейн. — Твоя мать пишет, что скучает. Почему бы тебе не навестить родителей?

— Я была у них месяц назад. Ты что, гонишь меня? — обиделась Алиана.

— Я никого не гоню. Я предлагаю тебе немного остудить пыл.

— Остудить пыл? Я что, по-твоему, влюблена? В оборотня? — насмешливо уточнила Алиана, но леди Лизергейн неожиданно отреагировала еще более саркастично:

— А ты уверена, что такого не может случиться? Может быть, моя внучка первой в королевстве изобрела антилюбовное зелье? В таком случае

надо срочно вызвать репортеров из «Королевских новостей».

Алиана не ожидала такой атаки. Ее бабушка прежде не была с ней столь злой и эмоциональной. Возможно, поэтому в запальчивости она и сказала то, что в жизни не ожидала произнести вслух:

— То, что ты когда-то в юности поддавалась чувствам, ещё не означает, что все остальные хотят сделать то же самое!

Леди Лизергейн изменилась в лице. Она приоткрыла рот от удивления, затем плотно сжала губы и процедила:

— Вон. Я не желаю видеть тебя на ужине сегодня.

— Я не уеду, бабушка! И буду дружить с кем захочу, — выпалила Алиана и стремительным шагом вылетела из гостиной.

Что ж, возможно, она перегнула, упомянув о бабушкиных ошибках. Но она, Алиана, вовсе не собиралась делать ничего предосудительного — ни сбегать с кем-либо, ни выходить замуж в юном возрасте против желания родителей. Да, ее смутило упоминание о поцелуе, но ведь Мексен пошутил… хотя на самом деле она была бы не против поцеловаться с ним, из любопытства.

Она пару мальчишек в Академии уже поцеловала, и не влюбилась. Просто приятное ощущение, и не более того. Ходить так, держаться за руку, говорить друг другу комплименты… возможно, без всего этого лето будет немного скучным. Может, она бы чего-то такого и хотела. Разве это так уж опасно?

Мексен говорил, что у него отличный слух, размышляла Алиана. На миг ей стало интересно, услышит ли он, если подойти к окну и тихонечко позвать поздно вечером, когда бабушка уже ляжет?

— Мексен!

Она произнесла его имя почти шепотом, но он сразу высунулся.

— Алиана?

— Вот это да! — улыбнулась она. — Вы услышали!

Помедлив мгновение, он смерил ее взглядом:

— Отойдите в сторону на пару шагов.

Сделав, как он велел, Алиана с любопытством снова посмотрела вверх:

— Что вы собира…

Она осеклась и громко вскрикнула, когда он внезапно прыгнул и оказался рядом.

Его ладонь бесцеремонно зажала ей рот:

— Тише. Вы что?

— Вы прыгнули со второго этажа! — возбужденно прошептала она, сбросив его руку. — Сумасшедший!

Ее сердце колотилось как во время занятий боевой магией. Она прежде уже замечала, какой Мексен сильный и ловкий — когда он дрался с взрослым оборотнем на дороге. Но почти забыла о том эпизоде за последние три недели — за ужинами и завтраками он казался скучным паймальчиком. Да и на их занятиях по зельеварению выглядел, как зануда.

— Я могу так прыгнуть и с третьего, — снисходительно сообщил он, сверкая болотными глазами. — Что вы делаете здесь, леди Алиана?

— Нарушаю приказ бабушки не общаться с вами. А вы? — спросила она, не в силах сдержать улыбку. Они были заговорщиками теперь, когда бабушка прямо запретила общаться.

— Очевидно, то же самое, — прошептал он. — Так вас теперь потянуло на приключение?

— Возможно, — улыбнулась она.

— Так и знал, что вы хулиганка, — хмыкнул он.

— Не люблю, когда мне выставляют глупые ограничения.

— Ваша бабушка вовсе не глупая, — возразил он. — Я думаю, она абсолютно права, нам не стоит проводить время вместе.

— Тогда почему же вы здесь?

— Понятия не имею.

Алиана посмотрела в его смеющиеся глаза и поняла, что он лукавит.

— Я завтра уезжаю на выходные. И я задолжала вам поцелуй за наши занятия, — дерзко сказала она, подняв подбородок. Ее внимательные глаза все приметили — как он на мгновение задержал дыхание… и его взгляд опустился на ее губы.

— Если вы надеетесь, что я откажусь… — медленно начал Мексен. Он явно колебался, несмотря на угрожающий тон, и Алиана со смешком сама сделала шаг вперед:

— Ну же, Мексен. Я хочу узнать, каковы оборотни на вкус.

На этот раз его лицо изменилось так сильно, что Алиана даже испугалась. В его лице проявилось что-то хищное — ноздри раздулись, линия губ искривилась. Еще секунда, и она бы сбежала, но тут теплые сильные руки легли на ее шею и затылок с двух сторон, и он поцеловал ее.

Никогда, ни с одним мальчишкой ни в школе, ни в Академии Алиана такого не чувствовала. Его

нахальные губы заставили ее открыть рот, язык бесцеремонно вторгся внутрь, руки ласково, но крепко держали ее, не позволяя даже подумать о том, чтобы отстраниться — пока он сам не закончил этот поцелуй так же уверенно, как начал.

Почему-то у нее мгновенно пропало желание подшучивать над ним, да и вообще — смеяться. Они оба серьезно смотрели друг на друга, пока Алиана не опустила ресницы, сама испугавшись того, что почувствовала:

— Мне, наверное, пора…

— Да, — негромко сказал он.

Но когда она сделала пару неуверенных шагов в сторону, тихо позвал по имени.

— Да? — быстро обернулась она.

— Вы ведь вернетесь? Через пару дней?

— Да. Мне нужно продолжать занятия. Вы ведь будете ещё со мной заниматься, Мексен? — умоляюще спросила она, вдруг сообразив, что он может и отказаться.

— Конечно. Если вы этого желаете.

Улыбнувшись ему, она быстро смущенно кивнула и пошла прочь, огибая дом, чтобы попасть в свое крыло. Бабушка расселила их максимально далеко друг от друга — но это не помешает им и дальше общаться, в этом Алиана теперь не

сомневалась.

***

Влюбленный предатель.

Занимаясь с леди Лизергейн, Мексен каждую секунду ощущал себя предателем. Она доверилась ему, пустила в дом, дала все, о чем он даже не мог мечтать. А он нарушил единственную ее просьбу, предал доверие и… поцеловал ее внучку.

Помоги ему темный дух, губы Алианы были на вкус лучше, чем молочный пудинг. Теперь он начинал думать, что книги о любви, которые ему доводилось читать, были не такими уж глупыми, как казалось. Он начинал думать, что ему будет больно находиться на расстоянии от Алианы теперь, когда они были так близко…

— Вы делаете потрясающие успехи, мой мальчик. Это заклинание будет на вступительном экзамене, — замечала леди Лизергейн. А он, вместо того, чтобы внимательно слушать, думал лишь об одном: когда же вернется Алиана? Не заставят ли ее родители остаться дома?

В те выходные он стал чрезвычайно рассеян и совсем не уделял внимания домашним заданиям вместо того, чтобы грезить наяву о новом поцелуе.

Он мечтал и о том моменте, когда сможет поговорить с темноглазой чертовкой, послушать, как она посмеивается над его манерами. И помочь, когда она вновь запутается с ингредиентами для зелий и будет смотреть так кротко и беспомощно, что непременно захочется ее обнять и погладить по голове…

Каждую минуту, когда ему приходило в голову, что Алиана не вернется, по разным причинам, его живот скручивал ужас.

Но, к счастью, все страхи оказались напрасными: она вернулась, на третий день после отъезда. И, стараясь выглядеть совершенно бесстрастным за ужином, Мексен с удовлетворением отметил, что они с бабушкой вроде бы помирились.

В первую же ночь он едва дождался темноты, выпрыгнул из окна и пошел вдоль дома. Встретив ее на середине пути, он улыбнулся — она щурилась в темноту как больной вампир при свете дня и была совершенно беспомощна. По каким-то необъяснимым причинам его трогала эта ее беспомощность, глубоко внутри.

Специально хрустнув веткой издалека, чтобы не напугать, Мексен подошел и улыбнулся:

— Куда направляетесь, Алиана?

— К тебе, — без обиняков ответила она. — А

ты?

— К тебе, — так же честно ответил он, пожирая взглядом ее губы.

Пару мгновений спустя она оказалась в его объятиях, и он снова попробовал ее на вкус. После нежного поцелуя он увлек ее за руку в темный сад, и они долго гуляли, рассказывая друг другу о себе.

Алиана спрашивала про школу для оборотней, Мексен осторожно рассказывал — так, чтобы не вызвать жалость. Ее жизнь представлялась ему райской по сравнению с его, но он догадывался, что свои проблемы там тоже были. Для нее было очень важно одобрение бабушки и родителей.

Любые упоминания о ее сокурсниках в Королевской Академии вызывали у него вспышки ревности. Но ему нравилось обсуждать с ней магию и заклинания, о которых он уже узнал. И касаться ее руки невзначай. И целовать время от времени, уступая сметающему все желанию почувствовать ее на вкус.

С трудом расставшись с Алианой за час до рассвета, Мексен ворочался до самого восхода солнца и едва не проспал завтрак.

Следующее полнолуние прошло, к счастью, так же, как и предыдущее — без горячки. Время

еще было. Леди Лизергейн их не подозревала, хотя они каждый день встречались дважды: раз на урок, который проводили все время в разное время, чтобы не попадаться, второй — уже ночью, в саду, где болтали обо всем на свете и часто целовались.

— Чему ты хочешь учиться? — спросила его однажды Алиана.

— Хочу изучить воздействия заклинаний на зелья, — без раздумий ответил Мексен.

— Хочешь узнать, как перестать быть оборотнем? — спросила она. Алиана, конечно же, знала древние легенды. Они гласили, что только так можно снять вечное проклятье с падших созданий: создать специальное зачарованное зелье.

Мексен не ответил.

— А о чем мечтаешь ты? — спросил он вместо этого.

Алиана опустила голову:

— Знаешь, я ни о чем таком великом не мечтаю. Наверное, я буду учиться создавать амулеты.

Мексен смотрел на то, как двигаются ее тонкие пальцы, касаясь амулета, висящего на шее — мощного устройства против темной магии, не носить которое в темной вотчине мог только безумец или совсем бедный человек, вроде него.

— А о чем ты мечтала в детстве? — спросил он, чтобы отвлечься от мыслей о ее нежной груди, на которой лежал амулет.

Алиана улыбнулась и смущенно покачала головой:

— Неважно. О всяких глупостях, Мексен.

***

Трудное полнолуние.

Прошла ещё неделя. Алиана сказала леди Лизергейн, что едет к родителям и уехала в Академию, чтобы сдать зельеварение. Оттуда она прислала сообщение с волшебной нитью — так Мексен узнал, что она получила даже более высокую оценку, чем было нужно.

После экзамена ей пришлось уехать на пол месяца к родителям — ее отсутствие дома слишком затянулось и могло вызвать подозрения. Оттуда она постоянно писала ему, а Мексен — ей, но они оба все равно ужасно скучали, и больше половины их сообщений друг другу были об этом.

Мексен не представлял, как будет жить без нее. Но он знал, что другого варианта у них нет. Он был уверен, что и Алиана это понимает: оборотень не пара для нее, ее родители никогда такого не одобрят. А бабушка просто бросит в него ог-

ненным шаром разок, и сделает вид, что этот дырка в земле с угольком на дне всегда была на ее заднем дворе.

Ночами он теперь часто вертелся в кровати, представляя Алиану рядом, снова и снова мысленно разговаривая с ней, сочиняя новые послания. Пару раз он просыпался от кошмаров, в которых леди Лизергейн ловила их ночью, в саду, и заносила руки, чтобы убить его страшным заклинанием. Или еще хуже: смотрела на него и называла предателем, заставляя переживать невыносимый стыд.

Однажды ночью он проснулся без всяких кошмаров и даже не понял, почему так неприятно сильно колотится сердце. Пока не увидел яркий лунный свет, падающий в комнату. Через день — полнолуние. Опуская взгляд на расставленные пальцы, Мексен уже знал, что увидит: у него росли когти. Сердце продолжало рваться из груди. Тело стало липким.

Но хуже всего было кипящее варево в груди. Он почти чувствовал на губах запах крови, которую хотел попробовать. Мысль о том, чтобы укусить человека, которая прежде внушала отвращение, внезапно стала невероятно привлекательной. И ещё — он знал, какого человека больше всего

хотел укусить.

Наутро он вышел к завтраку, и леди Лизергейн сразу все поняла — хватило одного взгляда.

— У вас начинается горячка, — сказала она, дождавшись, пока все слуги выйдут.

— Боюсь, что так, — сказал Мексен.

— Не волнуйтесь, мой мальчик. У меня есть одно прекрасное зелье, которое снимет ряд симптомов.

— Годовая настойка мексена? — уточнил он.

Это было единственное зелье в королевстве, которое действительно помогало против горячки. Шарлатаны продавали по дешевке десятки других, уверяя в их чудодейственности, но все знали, что настоящее лекарство стоит дорого. Слишком дорого, чтобы стать доступным — один флакон по цене самоходной кареты.

— Да, это настойка вашего имени, Мексен, — улыбнулась леди Лизергейн.

— Я не могу это принять, это чересчур дорого, — покачал головой Мексен.

— Вы набрали мне больше тропника, чем я могу использовать за год. Я продала половину и купила эту настойку для вас, — возразила леди Лизергейн. — Вы ничего не должны мне, мой мальчик.

— Но…

— Прекратите спорить, это невежливо, — отрезала она. — Сегодня после обеда вам нужно удалиться в свою комнату. Я прикажу поставить ставни на окна и запереть вашу дверь. Вы проведете там два дня до окончания опасного периода. Я буду сама приходить и приносить вам еду.

Следующие два дня были самым странным временем в жизни Мексена. Он был болен и в то же время нет. К тому же Мексен решил сэкономить драгоценный напиток и принимал его только в первую ночь.

На второй день, когда действие настойки кончилось, ему пришлось плохо. Не настолько, чтобы он себя не контролировал, но перед глазами постоянно мелькали кровавые видения. И он не мог ничего поделать с тем, что снова и снова вспоминал запах Алианы.

— Вы не пьете настойку! — возмутилась леди Лизергейн, когда принесла ему обед.

— Только сегодня. Я хочу узнать, могу ли контролировать себя, — пояснил Мексен. Леди Лизергейн внимательно посмотрела на него — воцарилось молчание.

— Похоже, что это вы можете, не так ли? — осторожно сказала она, наконец, ни на мгновение не

спуская с него глаз.

— Да, леди Лизергейн. Похоже, что я могу, — через силу ответил он, сражаясь с приступом агрессии, которая с каждой секундой становилась сильнее и уже почти причиняла боль. Тяжело было вот так стоять на расстоянии вытянутой руки от человека — каждую секунду ему хотелось броситься на нее, вцепиться когтями и зубами.

Каждое мгновение Мексену приходилось сдерживать это желание, напоминая себе, что перед ним не кусок мяса, а его уважаемая попечительница.

— Не буду испытывать ваше терпение. Вечером принесу ужин, — сказала леди Лизергейн и поспешила к выходу, словно что-то заметив в его глазах.

— Благодарю, — процедил он и, еле дождавшись, когда она выйдет, закрыл дверь. А затем подумал и все же выпил две капли настойки. Ему нужна была хотя бы небольшая передышка.

За прошедшие сутки он многое передумал и чувствовал себя так, словно прыгнул в ледяное озеро после целого дня, проведенного на солнцепеке. Реальность горячки обожгла его, с головы до ног. И все перевернула внутри.

***

Тревожное ожидание.

Перед возвращением к бабушке ей пришлось переждать полнолуние — родители ни за что бы не отпустили ее в путь в эти дни. Алиана волновалась бы меньше, если бы Мексен внезапно не перестал отвечать на ее письма. Она посылала ему нити, уже догадываясь, что произошло, но он молчал.

Алиана старалась не думать о том, что произойдет, если Мексен сбежит и нападет на кого-нибудь и его арестуют, как это часто случалось с оборотнями в королевстве. А еще старательнее она избегала мыслей о том, почему при этом беспокоится исключительно из-за Мексена, а не за тех людей, которых он мог покусать.

Она впервые в жизни ощущала подобное. Ни один юноша прежде не казался ей таким идеальным, таким замечательным и подходящим для нее. А еще — с ней самой происходило что-то необычное. Словно она проснулась к жизни после того, как столько лет спала. Словно вся предыдущая жизнь была лишь для этого момента.

Следующий день тянулся, словно целая неделя. Завтрак с родителями, потом прогулка с мамой,

сборы в дорогу — все очень долго. Едва дождавшись послеобеденного времени, оптимального для путешествий, она села в самоходную карету.

Добравшись до бабушкиного дома к ужину, Алиана доверила вещи дворецкому и поспешила в столовую. Ее сердце на миг остановилось, когда она увидела Мексена, сидящего за столом в обществе бабушки.

— Здравствуй, бабушка. Доброго вечера, Мексен, — сказала она, стараясь казаться не более, чем любезной с ним. — Приятного аппетита.

— Здравствуй, дорогая, — мягко поприветствовала леди Лизергейн. — Как ты добралась?

— Хорошо. Очень спешила, чтобы поужинать с вами.

Опустившись на свое место, Алиана подождала, пока ей подадут тарелку и взяла булочку. Мексен сидел напротив, но смотрел лишь на еду.

— Мы только начали. Как родители?

Алиана с облегчением перевела взгляд на бабушку и вступила с ней в беседу, но краем глаза продолжала изучать любимого. Потемневший цвет его кожи, круги под глазами, усталый вид говорили о многом: у него действительно была горячка. Ее руки зачесались от желания обнять его, утешить, спросить, как он это пережил — но

при бабушке такое было невозможно.

Поэтому Алиана продолжала есть и болтать о том, как провела время у родителей, какие необыкновенные цветы выросли в саду у матери, как отец пропадает на работе и сходят с ума младшие братья, посвящая каникулы всевозможным хулиганствам.

Мексен, не проронивший ни слова, кроме приветствия, так и не взглянул на нее ни разу, и не остался на десерт. Вежливо откланявшись, он удалился в свою комнату, и тогда Алиана осмелилась тихо спросить у бабушки:

— Это полнолуние… у него была горячка?

— Да, моя дорогая. Мексен в порядке, но еще не до конца отошел. Надеюсь, ты будешь тактична, — сказала леди Лизергейн, внимательно посмотрев на нее.

— Разумеется, буду, — кивнула Алиана, сохраняя непроницаемое выражение лица в то время, как внутри все разрывалось от боли: за ужином он явно дал понять, что она ему больше не нужна. Они больше не были заговорщиками, он вел себя скорее как чужой. Неужели это горячка все изменила?

Поздно ночью она отправила ему сообщение и вышла в сад — что бы ни случилось с Мексеном,

им надо было поговорить. Продвигаясь вдоль дома как обычно в кромешной тьме, Алиана еле сдержала крик, когда он перед ней внезапно выросла черная тень.

Она выругалась, приложив руку к сердцу:

— Ради темного духа… Мексен. Ты напугал меня!

— Прости. Я не хотел, — сказал он, но таким отстраненным голосом, что ей снова стало страшно.

— Как ты? — тихо спросила Алиана, понизив голос. — Тебе было плохо?

— Я в порядке, — сказал он, глядя в сторону.

— Ты не писал, — медленно сказала она, изучая его взглядом: холодный вид, отстраненность. Он держался на расстоянии вытянутой руки и явно давал понять, что между ними все изменилось за эти две недели.

Мексен вздохнул и перевел на нее взгляд:

— Я о многом успел подумать во время горячки. Мы делаем ошибку, Алиана.

— Нет!

— Прости меня. Я оборотень, пойми. Все это неправильно.

Ощутив, как вспышка боли пронзает тело, Алиана подошла ближе:

— Но что случилось? Ты ведь всегда знал, что ты оборотень! И мне… мне правда все равно, — прошептала она, не желая сдерживать слезы, которые полились по щекам. Он не шутил — он действительно бросал ее. И это повергало в ужас.

— Я не знал, каково это, Алиана, — сказал Мексен, осторожно вытирая слезы с ее лица. — Я понятия не имел, что такое горячка. И теперь, когда я знаю, я уверен — тебе надо быть так далеко от меня, как только можно.

— Нет… нет. Мне все равно, Мексен! — торопливо сказала она. — Послушай. Я тоже много думала. Мы можем уехать. Я люблю тебя!

Она посмотрела прямо ему в глаза, уверенная, что этот аргумент он отмести не сможет. И что он тоже ее любил. Она видела это в каждом его нежном взгляде на нее, в каждой букве его ласковых писем, в каждом его деликатном касании.

— Ты меня вовсе не любишь. Да и я тебя тоже, — внезапно сказал он, взял ее руки в свои и отодвинул.

Алиане потребовалась долгая пауза, чтобы осознать: он и вправду произнес эти слова. И оттолкнул ее.

— Что? — ошарашенно спросила она, глядя на него, теперь сложившего руки перед собой,

словно он стремился отгородиться как можно сильнее. — А как же… как же твои поцелуи? И все эти письма?

— Ты слишком серьезно восприняла детские поцелуи, — он пожал плечами, мгновенно превращаясь в холодного неприятного незнакомца с каменным лицом. — Возможно,ты ещё и правда слишком юна и избалована.

— Избалована?

Алиана просто не могла перестать беспомощно повторять его слова — настолько сильно они шокировали ее.

— Конечно, избалована. Ты готова бросить все лишь потому, что тебе все это легко досталось. А у меня этот шанс — единственный в жизни. Я хочу поступить в академию темных искусств, и я хочу учиться. И я вовсе не собираюсь бросать все ради забавы.

На пару мгновений ее ноги приросли к земле. Едкие слова попадали прямо в ее живое сердце и ранили так больно, словно ее атаковали сильнейшими заклинаниями. Избалованный ребенок… плохая студентка… легкомысленная особа. Все то, чем она изо всех сил старалась не быть, всю жизнь.

И она в порыве откровенности говорила ему об

этом, жаловалась, что ее такой часто считают. А теперь он использовал все это против нее. Зачем? Чтобы оттолкнуть наверняка, боясь, что слов «я тебя не люблю» будет недостаточно? Она была настолько ему противна?

Резко повернувшись, Алиана побежала прочь, почти ничего перед собой не видя от слез. Она не помнила, как добежала до своей комнаты, как рухнула на кровать, рыдая в подушку. И сколько еще часов рыдала перед тем, как смогла, наконец, заснуть — просто от того, что больше не могла плакать.

Наутро Мексен проснулся с горьким ощущением во рту. Он почти не спал. Впервые за все лето ему не хотелось ни спать, ни вставать, ни учиться, ни тем более завтракать с леди Лизергейн. Он чувствовал себя так, словно разом лишился вкуса к жизни — всей сразу. Но он заставил себя подняться и спуститься в столовую к нужному часу.

Когда стало ясно, что Алиана не спустится, Мексен положил серебряную вилку и перестал пытаться есть через силу. Наблюдая за тем, как спокойно завтракает леди Мелиция, он вдруг испытал злость.

— Надеюсь, теперь вы довольны, миледи? Ваш слуга сделал все, как хотели?

Но его прямой взгляд, полный ярости, против ожиданий нисколько не смутил его собеседницу.

— Вы не слуга мне, Мексен. И таланта комедианта в вас нет, стоит ли паясничать? — спокойно спросила она, едва взглянув на него.

Скрипнув зубами, он отодвинулся от стола и встал, подойдя к окну. Ему хотелось бы придушить эту женщину, но он знал, что не сделает этого.

Вчера, накануне приезда Алианы, она вызвала его на разговор в гостиную и произнесла очень длинную речь, после которой Мексен почувствовал себя страшным глупцом. Леди Лизергейн начала с того, что дала понять: все это время ей было прекрасно известно все, что происходило между ним и Алианой. Она упомянула и ночные свидания в саду, и тайные уроки зельеварения. И пересданный экзамен, о котором ей стало известно из переписки с ректором Королевской Академии.

— Но… почему же вы тогда не разоблачили нас в первый же день? — спросил он, и пристыженный, и озадаченный.

— Потому что не вижу в том смысла, — отозвалась она. Тон ее был скучающим и спокойным, как гладь пруда в безветренный день, и Мексен,

краснеющий и бледнеющий перед ней, почувствовал подвох.

После долгой паузы, в течение которой леди Лизергейн изучала его, на ее губах заиграла улыбка:

— Однажды я сказала: «если мне придется оставить в гостях лишь одного из вас» и вы ответили, что поняли меня. Давайте проверим, как вы поняли?

— Разумеется, вы оставите свою внучку, леди Лизергейн, — пробормотал Мексен, сгорая от стыда. Он изучал свои ноги в старых ботинках и невольно подумал, что скоро придется искать деньги на новые.

— Вы неправильно поняли. Я, разумеется, оставила бы вас, — невозмутимо сказала леди Мелиция и встала из кресла, неспешно прогуливаясь по комнате. Мексен невольно повернулся в ту сторону, куда она шла.

— Как такое может быть? — недоверчиво спросил он.

— Я всю жизнь покровительствую талантливым людям, Мексен. Не родственникам. Не аристократам. Не тем, кто похож на меня саму чем-либо. Талантливым, — повторила она, подчеркнув это слово так яростно, что показалось,

будто леди Мелиция произносит боевое заклинание.

— Так вы считаете Алиану бездарной? — удивленно спросил Мексен.

— Увы.

Сложив руки на груди, леди Лизергейн подняла подбородок повыше, но от этого ее взгляд стал выглядеть только еще грустнее:

— Поверьте, мой мальчик, я предпочла бы, чтобы ваш талант достался Алиане. Чтобы это моя внучка с горящими глазами просиживала ночи над учебниками, а дни — над котлом с зельями. Но надо смотреть правде в глаза, и я всегда так делаю.

Леди Лизергейн развернулась боком к окну, и Мексен заметил, что освещенная часть ее лица будто стала добрее, в то время как вторая, остававшаяся в темноте, отражала злость и разочарование. Тем временем она продолжала говорить:

— Алиана — посредственность. В ней нет ни живости ума, ни силы духа. Возможно, я в этом тоже виновата. Родители баловали ее и я не уступала. Теперь она проваливает экзамены и находит себе репетитора, с которым можно флиртовать, чтобы выдержать скучные занятия.

Леди Лизергейн выдержала большую паузу перед тем, как продолжить, словно помогала ему этим лучше усвоить сказанное.

— Мне жаль говорить вам это, Мексен, — продолжила она, наконец, — но моя внучка постоянно ищет развлечений. Не удивлюсь, если сейчас она уже планирует побег и замужество за вами, но не от глубоких чувств, а лишь потому, что ей скучно.

Мексен удивленно открыл рот — Алиана писала ему о подобном в последнем письме. О своей любви, о готовности отправиться с ним на край света.

— Да, вижу, она делилась с вами этими идеями, — усмехнулась леди Мелиция. — Что ж, я даже не буду вам мешать. Все, что я хочу для вас сделать, Мексен — это описать ваше ближайшее будущее с моей внучкой. Присаживайтесь, сегодня у нас будет урок жизни вместо зелий, — насмешливо предложила она.

Мексену пришлось выслушать все до конца. И уже через несколько минут он понял, что леди Мелиция во всем права. А самое ужасное, что она не запугивала его и не пыталась помешать — напротив, предлагала помощь: деньги и даже свой дом в другой вотчине, расписав этот дом во

всех красках: и удобный, и теплый, и уютный. А потом предложила подумать, что будет, когда они окажутся там вдвоем с Алианой.

— Вы, Мексен, можете вернуться, как только моя внучка станет оборотнем. Не стесняйте себя — я человек без глупых принципов, и все равно помогу вам с образованием, — мягко сказала леди Лизергейн.

— Что? — нахмурился Мексен, всерьез обдумывая в тот момент ее предложение и не уследив за ходом мысли. Он был слишком шокирован внезапной щедростью и добротой леди Мелиции.

— Да полно вам, мальчик мой. Неужели вы не понимаете, что искусаете ее в первое же полнолуние? Может, ещё скажете, что не мечтали покусать ее в прошедшие три дня? — со смешком спросила леди Лизергейн.

И этот смешок напугал его до смерти, до дрожи. Не в силах произнести ни слова, он только смотрел перед собой, переживая одно из самых жутких озарений в жизни.

— Но не волнуйтесь, — продолжила она, не отрывая взгляда от его лица, — об Алиане позаботятся родители. Проведет жизнь в их доме, на пару-тройку дней в месяц ее будут запирать в спальне — не велика беда. Это не так уж тяжело,

ведь правда?

Ошеломленный, Мексен прирос к креслу, тяжело дыша. Горячка чудовищна. Теперь он прекрасно знал об этом. Как и леди Мелиция. Их судьба, если сбегут — ужасна. Алиана обязательно пострадает, и никогда ему этого не простит. Он сам никогда себе этого не простит.

После долгого молчания он медленно сказал:

— Извините мою глупость, леди Лизергейн. На этот раз, кажется, я действительно все понял.

Что могло быть хуже, чем самому, своими словами, отталкивать Алиану, чтобы оградить ее от опасности? Для Мексена — ничего. Прошлой ночью он едва удержался от того, чтобы бежать за ней и во всем признаться. И потом, сидя в своей комнате, еще трижды собирался пойти к ней, чтобы объясниться. Но каждый раз сдерживался, понимая правоту леди Мелиции.

Положив вилку, леди Лизергейн развернулась к нему, стоящему у окна и кусающему губы. Думающему только об Алиане — как она провела эту кошмарную ночь? Не надо ли ему все же пойти к ней и сказать правду?

— Боль пройдет, мой мальчик. Каждому из нас хоть раз в жизни случалось влюбиться не в того человека. Многим — даже более, чем раз, — мягко

сказала она. — Сегодня Алиана уедет домой, и уже завтра вам станет намного легче.

***

Скандал на дороге.

После урока Мексен отправился в лес. Ему было проще посвятить весь день поискам тропника, чем каждую секунду рваться к Алиане, снова и снова принимая мучительное решение этого не делать.

Привыкший к лесу, Мексен мог с легкостью определять время по солнцу. Вот обеденные часы прошли, затем стало чуть темнее — наступила вторая половина дня. Он немного устал, перед глазами за день мелькали тысячи травяных кустиков, к которым он присматривался, и на мгновение ему почудились золотые искорки, вьющиеся, как сложное заклинание.

А затем он понял, что не показалось: золотые искорки снова и снова складывались в сложные узоры и настойчиво лезли ему в лицо. Простое поисковое заклинание. Значит, уже можно возвращаться домой. Скорее всего потому, что Алиана уже уехала.

На миг он испытал такую боль, которая едва не парализовала его. Он бы предпочел не возвра-

щаться, бродить, пока не откажут от усталости ноги. Но леди Мелиция, вероятно, хочет провести с ним вечерние уроки, так что придется идти.

Мексен грустно улыбнулся искоркам и пошел за ними, но, к его удивлению, они повели его не в сторону дома. Со странным чувством необъяснимой тревоги и все больше растущей надежды он вышел на дорогу. Оглянувшись — застыл. В паре сотен шагов от него стояла самоходная карета, возле нее — Алиана.

Увидев его, она не сдвинулась с места, едва качнув головой. И Мексен сорвался с места, быстрым шагом подошел к ней сам:

— Алиана!

— Молчи. Ты уже сказал достаточно, — яростно выпалила она, пронзая его таким гневным взглядом, словно хотела убить. Мексен остановился на расстоянии нескольких шагов:

— Прости меня.

— Я сказала: молчи! Тебя бабушка надоумила, да? Что она сказала тебе?

Мексен опустил глаза и глубоко вздохнул. Лгун из него получился плохой — Алиана гневалась заслуженно. Он обидел ее, еще и обманул.

— Мексен, посмотри на меня. Пожалуйста!

Голос Алианы внезапно стал умоляющим, она

шагнула навстречу, и Мексен не выдержал — поднял глаза, шагнул к ней и принял в распростертые объятия. Ее лицо и широко раскрытые, полные волнения глаза оказались совсем близко.

— Ты ведь не думаешь всего того, что сказал вчера, да? — шепотом спросила она.

— Не думаю, — сдался он с новым тихим вздохом.

— Это бабушка тебе велела мне наговорить?

— Да.

Мексен внезапно почувствовал себя очень слабым, никчемным существом. Он не мог ее любить, но он не мог и бросить ее. Он принял помощь леди Лизергейн и хотел отблагодарить ее за это, но вместо благодарности предавал ее снова и снова.

— Ты меня любишь? — тихим, тонким от волнения голосом спросила Алиана.

— Люблю.

— Мексен, — прошептала она и поцеловала его, сама. Ее теплые губы были такими ароматными и зовущими, что он ничего не мог с собой поделать. Он целовал ее, пока они оба не начали задыхаться, испытывая самое сильное наслаждение в жизни, смешанное с самым острым отчаянием.

Он должен отпустить ее. Она сейчас уедет. А

если не захочет — он должен будет заставить ее уехать.

— Как ты узнала? — тихо спросил он, едва касаясь губами ее виска. Он проклинал себя за то, что начинает разговор вместо того, чтобы продолжать поцелуи, но если они снова поцелуются — он уже никогда ее не отпустит.

— Бабушка очень предусмотрительная женщина, — усмехнулась Алиана ему в шею. — Но она не блестящая актриса. Я была заплаканной, а она просто не смогла сделать вид, что не знает, в чем причина. Не смогла убедительно изобразить встревоженность и участие.

— Я думаю, она все равно любит тебя, — сказал Мексен, уловив пару горьких ноток. Он не знал, правду говорит или нет, но ему не хотелось, чтобы Алиана страдала.

— Конечно, любит, — спокойно отозвалась она, не прекращая его обнимать. — Просто привыкла командовать. Поэтому я и сказала, что нам надо уехать. Она тебя живьем съест, понимаешь?

— Алиана…

С новым тяжким вздохом Мексен осторожно выпустил ее из объятий.

— Нет! Нет! Пожалуйста, не отпускай меня. Все будет хорошо, послушай…

— Алиана…

— Нет! — Яростно завопила Алиана и стала так похожа на свою бабушку в этой ярости, что Мексен даже улыбнулся, — Выслушай меня сначала!

— Хорошо, — терпеливо кивнул он. — Я тебя слушаю.

— У меня полно денег, Мексен. Правда. На моих счетах столько, что мы оба сможем не работать и учиться еще года два-три. Но мы будем работать, и нам не обязательно даже тратить все подчистую, понимаешь? Даже сейчас… ты можешь собирать тропник, и этого уже достаточно, чтобы прокормиться.

— Тропник не всегда будет такой дорогой, — возразил Мексен. — И я не могу жить на твои деньги.

— Но это временно. Ты получишь образование, и будешь отлично зарабатывать, я уверена.

— А что мы будем делать в полнолуние? — спросил он, покачав головой.

— Что-нибудь придумаем.

— Нет. Знаешь, что мне сказала твоя бабушка? Что она примет меня обратно, когда если я покусаю тебя и ты станешь оборотнем.

Удивленно округлив глаза, Алиана на пару секунд потеряла дар речи, как он и ожидал, но

затем внезапно залилась смехом.

— С нее станется! — сказала она, продолжая хохотать. — Это вполне в ее стиле.

— Но это не смешно, — с досадой бросил Мексен.

— Это очень смешно, просто ты не понимаешь…

— Прекрати! — рассердился он, приблизился и взял за плечи, гневно посмотрев в глаза, — Знаешь, о чем я думал в это полнолуние?

— Ты хотел меня покусать, — спокойно сказала Алиана, снова удивив его. Мексен приоткрыл рот, желая что-то сказать, потом закрыл его, а потом открыл снова:

— Откуда ты знаешь?

— Я прочитала все книги об оборотнях, пока была у родителей. Все, что смогла достать, — просто сказала она. — И, знаешь, это естественно для оборотней — желать искусать любимого человека. Чтобы я стала такой же, как ты.

— Я не хочу этого, Алиана. Это последнее, чего я хотел бы в жизни, — прошептал он.

— Умом не хочешь. Но сердце глупое, — улыбнулась она, погладив его грудь своей маленькой теплой ладонью.

Замерший от удовольствия, которое доставил

ему этот жест, Мексен глубоко вдохнул в себя прохладный вечерний воздух. Они молча постояли какое-то время, и он поймал себя на единственном желании — держать ее в объятиях вечно. Может, все же ему суждено уехать с ней, и будь что будет?

Но стоило Мексену на мгновение задуматься об этом, как его чуткое ухо уловило отдаленный шум самоходной кареты.

— Твоя бабушка едет сюда, — сказал он Алиане, на этот раз решив предупредить ее, чтобы появление леди Мелиции не стало таким же сюрпризом, как нападение оборотня, когда они впервые встретились на этой дороге, — Тебе надо ехать. Скорее.

— Ладно, — внезапно сказала Алиана упавшим голосом. — Поцелуй меня, и я уеду.

Прежде, чем она договорила, Мексен коснулся ее губ и поцеловал так страстно, как никогда прежде не целовал. Он не сдерживал себя, зная, что это в последний раз — и на мгновение даже забыл обо всем, кроме ее запаха… вкуса… рук, обвившихся вокруг шеи.

— Слава Темному духу. Это был великолепный поцелуй, — прошептала Алиана, когда их губы разомкнулись. Ее глаза были полуприкрыты,

она все ещё пребывала во власти удовольствия, но Мексен понимал, что медлить уже нельзя ни минуты. Он решительно взял ее за талию и подтолкнул к карете:

— Давай. Скорее! Она уже совсем рядом.

Но Алиана внезапно вырвалась, снова развернулась к нему лицом и усмехнулась:

— Я люблю тебя. Но ты очень наивный. Я никуда не собираюсь ехать, Мексен! Думаю, нам есть о чем поговорить с бабушкой.

— Но ты только что говорила, что уедешь!

— А ты вчера говорил, что не любишь меня. Видишь, как неприятно, когда тебе лгут?

— Сейчас не время для шуток, — взмолился Мексен, хоть и понимал, что поздно: самоходная карета леди Лизергейн уже была в поле видимости. Их поймали.

Резко затормозив на полном ходу, она подняла целое облако пыли. И по тому, как леди Мелиция соскочила с подножки, было ясно — на этот раз она действительно в ярости.

— Мексен, я крайне разочарована в вас, — обрушилась она на него сразу, как подошла к ним решительным шагом. — А ты, Алиана, ведешь себя просто непозволительно глупо для отпрыска нашего рода. Свидание с оборотнем в лесу? Я

была лучшего мнения о тебе.

— Я веду себя так, как и стоит ожидать от бездарной глупышки, дорогая бабушка. Разве ты не такой меня считаешь?

После едва заметной паузы леди Лизергейн посмотрела прямо в глаза Алиане и мягко сказала, совсем другим голосом:

— Это не полная правда, милая. Но я не буду скрывать, что разочарована твоим провалом по зельеварению в этом году. Как и тем, что ты скрывала это от меня.

— Тогда и то, что ты сказала Мексену, неполная правда.

— А что же я сказала ему? — невозмутимо переспросила леди Лизергейн, бросив мимолетный взгляд на Мексена, от которого ему стало не по себе. Было ясно, что эта женщина с сегодняшнего дня больше не будет его покровителем.

— Что он непременно покусает меня, и все закончится очень плохо. Не так ли, Мексен?

Алиана уставилась на него так требовательно, что он оторопел. Молча переводя взгляд с одной разъяренной женщины на другую, Мексен молчал, чувствуя себя страшно виноватым перед ними обеими.

— А ты уверена, моя милая, что все закончится

непременно хорошо? — саркастично спросила леди Лизергейн. — Может, тебе нужно расспросить твоего жениха о том, что он испытывал во время горячки? Я подожду. Спроси его.

Даже не подумав следовать этому совету, Алиана внезапно усмехнулась:

— Знаешь, я лучше спрошу у тебя, почему ты так уверена, что все закончится непременно плохо, если у тебя в свое время все было хорошо?

Внезапно потеряв нить беседы, Мексен нахмурился, заметив, как заледенела и застыла леди Лизергейн. А затем, вздернув подбородок повыше, процедила:

— Моя история здесь ни при чем.

— Ну почему же? Расскажи ему. Пусть узнает, как это бывает на самом деле. Ты же учитель. Разве ты не должна делиться реальным опытом со своими учениками вместо того, чтобы запугивать их?

— Алиана, перестань, — охваченный смутной тревогой, вступил в разговор Мексен.

Он чувствовал, как с каждой секундой голос его возлюбленной становится все более ядовитым, а лицо леди Лизергейн — все более бледным. Разговор шел о чем-то личном, о чем, возможно, не стоило говорить с ним — посторонним для этой

семьи человеком.

— Я не перестану защищать нашу любовь, Мексен, — яростно огрызнулась Алиана. — И я не понимаю, почему ты так легко сдаешься.

— Мне это вовсе не легко, — хмуро вспылил он в ответ, чувствуя себя загнанным в угол. Он знал, что влюбился в темную волшебницу, но не был готов иметь дело с ведьмой, в которую она стремительно превращалась.

— Так скажи что-нибудь! Ты меня любишь или нет?

Лицо Алианы внезапно стало беззащитным, и Мексен снова понял, что ему не хватает слов. Леди Мелиция стояла, сложив руки, и явно была намерена позволить им объясниться, уверенная, что это приведет к нужному ей результату. Это задевало его, но он старался сохранить здравый смысл и рассуждать без эмоций.

— Леди Мелиция во многом права, — медленно сказал он, — Она опытная, мудрая женщина. Ее опыту стоит доверять.

— Так это прекрасно! — с внезапным нажимом воскликнула Алиана. — Мы так и сделаем!

И, внезапно повернувшись к леди Мелиции, торжествующе воскликнула:

— Бабушка, почему бы тебе не рассказать Мек-

сену о своем опыте? Например, о том, как ты в возрасте двадцати лет вышла замуж за вампира? Или о твоем сыне? Разве твой муж покусал тебя?

Как ни безумно звучала для него эта история, Мексен мгновенно, по одному лишь выражению лица леди Лизергейн понял, что Алиана говорит правду.

— Это не так, как вы думаете, Мексен, — слабым голосом сказала леди Мелиция, с трудом справившись с шоком от этого нападения. — Это не совсем…

— Вы… были замужем за вампиром, леди Лизергейн? — медленно спросил Мексен. На миг ему показалось, что лес вокруг светлеет, словно вместо заката наступал рассвет. Но на самом деле светлело все не вокруг, а внутри него.

— Да, — призналась она после некоторого колебания, — Но я — это совсем другое дело…

— Так вы считаете, что мы с Алианой хуже вас? — мгновенно вскипел он.

— Нет… нет, послушайте, — начала было она, но сделала неуверенный жест и осеклась. Было заметно, что его учительница на этот раз здорово растерялась и ему удалось загнать ее в тупик.

— Мне кажется, с меня этого достаточно. Я довольно наслушался про то, как глупа и бесталанна

Алиана, и я совершенно с вами не согласен! Как и с тем, что наше счастье менее ценно, чем ваше. Разве ваш муж укусил вас? — сердито спросил он, краем глаза заметив, как порозовела и выпрямилась Алиана, когда он начал защищать ее.

Леди Лизергейн, снова промедлившая с ответом, внезапно перестала его волновать. Сделав шаг к любимой, он обнял ее за плечи и притянул к себе, посмотрев в глаза.

— Я готов уехать с тобой, милая. Прости, что так долго сомневался.

— Теперь это неважно, — просияла Алиана. — Поехали. Я готова прямо сейчас.

Они сели в самоходную карету, и леди Лизергейн не остановила их. Мексен сидел рядом с Алианой молча, потрясенный тем, что происходит, и видел: она в таком же состоянии.

— Мне кажется, она нас скоро снова догонит, — сказала Алиана через полчаса. — Бабушка вспыльчивая, но отходчивая. Она умеет признавать свою неправоту.

— Для меня и без этого все происходящее достаточно странно, — усмехнулся Мексен. — Но я счастлив.

— Я тоже, — засмеялась Алиана. — Я люблю тебя.

Помолчав некоторое время, она снова засмеялась:

— Представляешь, я сдала экзамен так хорошо, что профессор извинился передо мной. Он решил, что при первой попытке произошла ошибка, и он неверно оценил результаты моей работы. Это все благодаря тебе!

— Я люблю тебя. Ты очень талантлива, Алиана. Никогда не позволяй никому усомниться, даже мне, — серьезно сказал Мексен.

— Хорошо, — ответила она. — А ты — ненастоящий оборотень, и никогда не причинишь мне вреда. Не позволяй никому усомниться, даже мне.

— Обещаю, — отозвался он и обнял ее, впервые уверенный в том, что больше не собирается отпускать.

Конец.

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/Leena-Luche

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Люче-Лина/

ЧАСТЬ. Анна Рязанцева (AnnRy Veles). По следам оборотня

— Нам далеко ещё до местных? — уточнила Лара у Якова, крепко цепляясь за поручень. — Я не выдержу долго такой тряски.

Как географ широкого профиля, тот глянул на карту, затем на компас, потом на часы и кучу всяких прибамбасов и выдал вердикт:

— Осталось буквально пара часов… наверное…

— Ты как-то не уверено это произнес, — заметил Дима — лидер группы.

— Если что я сам тут впервые, — огрызнулся коллега.

— Интересно, они там, в шкурах оленей ходят? — пошутил Павел, чтоб разрядить обстановку.

— Вот ты это нам и скажи, ты же биолог, — засмеялась подруга.

— Биологи изучают животных и растения, — напомнил ей парень.

— Мог бы, и расширить свой профиль, — съерничал Яков, придерживая свой рюкзак с «драгоценностями».

— Легко! Они же коренные племена эвенков? Ходят в шкурах! Наверное…

Географ скорчил гримасу в ответ на подкол товарища в его сторону.

— В шкурах летом!? — напомнила о себе до сих пор молчавшая Мария.

— Вот это прокол! — Лара залила глухой лес своим звонким смехом.

Группа ученных из пяти человек ехала в глушь под названием «Учами». Именно недалеко от этого поселка год назад упал метеорит. Исследовательский центр «Снежный барс» отправил своих молодых профессионалов в лице биолога, географа, химика, геолога и астронома для изучения небесного тела и его воздействия на окружающую среду. Им предстояло собрать ряд данных: найти останки космического объекта, если еще не все растащили местные, взять пробы почвы и воды, а также образцы растений, оценить влияние возможной радиации на флору и фауну, сделать фотографии.

Поскольку место находилось в лесной части, где почти не было инфраструктуры, то и добираться им пришлось восемь часов на джипе по проселочной дороге. Наскакивая колесами на попадающиеся камни и кочки, внедорожник трясся

и накренялся: настоящие «американские горки» — развлечение не для слабых желудков. Тропа петляла и извивалась меж высоких деревьев, чьи кроны уходили высоко в небо. Казалось, в этой местности мира вообще никто не обитает кроме диких зверей.

Погода летом здесь стояла достаточно комфортная. Днем отметка на термометре достигала максимум двадцати пяти градусов. Просто идеальная температура для капризной натуры человека. Однако вечером она резко понижалась в два раза, и без теплых вещей можно было запросто околеть. Благо ребята не в первый раз участвовали в таком исследовательском туре и заранее учли все погодные условия, прихватив с собой много теплых вещей.

Вот так кучка научных фанатиков со всеми баулами оказалась в ж… ирной точке мира и направлялась в неизведанные края навстречу приключениям.

— О чем думаешь, Мэри? — Дима подсел ближе к своей подруге.

— О том, что здесь совсем плохой сигнал, — поделилась та своими мыслями. — Нам обязательно надо зарядить рации перед походом, взять дополнительные аккумуляторы и…

— Как всегда больше всех переживаешь. Расслабься! Я все продумал. План действий давно расписан согласно протоколу, все-таки я лидер группы, — хмыкнул астроном.

— Ты же знаешь, люблю все держать под контролем, — ее губ коснулась легкая ироничная улыбка.

— Гипер ответственность или пробиваются зачатки лидера? — уточнил коллега.

— И то, и другое!

— Совсем выросла девчонка, — засмеялся приятель.

— Да иди ты старичок! — она в шутку стукнула его по плечу.

— Ладно, ладно, не убей. Мне ещё тебя возвращать твоему отцу. Ты же знаешь, он мне голову оторвет, если что.

— Знаю, но отличие в том, что он это будет делать медленно и с кайфом, растягивая удовольствие. А я сделаю это быстро…

— Не зря тебя называют «кровавой Мэри»! — съязвил друг.

Мария хотела ему ответить колкостью, но джип резко остановился и ребята посыпались с лавочек в кучу как горох.

— Ау, что там еще? — простонала Лара, схва-

тившись за запястье.

— Упавшее дерево, — сухо ответил водитель, который молча вез их всю дорогу.

— И что нам теперь делать? — уточнил Яков, вылезая из машины.

— Я уверен, что местные разберутся с этим в течение двух дней, но дальше вам придется пешком, — сообщил извозчик.

— Вот с этим всем оборудованием? — ужаснулся Павел. — Да, вы с ума сошли!

— Я ничем помочь не могу. Такую махину мы отодвинуть не сможем, здесь спецтехника нужна.

— Объездной дороги нет? — уточнил Дима, выбираясь из-под завала рюкзаков.

Шафер отрицательно покачал головой.

Мэри покинула внедорожник, чтоб осмотреть всю серьезность ситуации. Увидев огромный ствол зеленного дерева прям поперек дороги, что было очень удивительно, она вынесла заключение:

— Нас здесь явно не ждут… А сколько пешком?

— До поселка осталось примерно пара километров, — пожал плечами проводник.

— Два километра? Это полчаса! — захныкала Лара. — Я таких приключений точно не хотела!

Паша глянул на нее с гримасой и выдал:

— Слабачка, не ной!

— Ты сейчас понесешь мои вещи!

— А ты понесешь меня?

— Подопну под твой наглый зад, чтоб летел быстрее, чем говоришь мне гадости!

— О новый вид телепортации!? Ну да ты же химик… облако пуков для трансгрессии.

И они начали в шутку драться.

— Так ребят, надо успеть до темноты! — неожиданно резко Мария оборвала их брачные игры.

— Это точно, — выпрыгнул Дима из машины и, водрузив свой рюкзак на плечи, добавил. — Быстрее двинемся, быстрее дойдем до поселка.

Все тут же успокоились и начали разбирать вещи. Убедившись в том, что все сумки собраны, а нужная дорога отмечена на карте Якова и они точно не заблудятся, лидер группы скомандовал:

— Идем!

Затем он подошел к подруге и с сарказмом отметил:

— Плохой полицейский? Вроде это моя роль…

— Плохой полицейский плохо справляется с этой ролью…

— Фу, какая же ты язва. — Ты даже представить себе не можешь какая!

Осознав, что последнее слово в этом разговоре будет в любом случае за коллегой, собеседник решил не спорить. У нее иногда бывает такое особое настроение, когда она найдет что сказать на любое твое высказывание. Поэтому астроном просто пошел вперед, задавая всем темп.

За командующим плелся Яков, который все время сверялся с картой и компасом. Следом шла сладкая парочка твикс: Паша с Ларой, любители пошуметь и повеселиться. Казалось, к тридцати с хвостиком годам они ничуть не повзрослели, и даже застряли в юношеском возрасте. Замыкающей была Мария. Девушка все время осматривалась по сторонам, прислушивалась к звукам леса, всматривалась в темные просторы густой чащи. В голове геолога по образованию никак не могла уложиться ситуация с деревом:

«Почему абсолютно здоровое дерево упало? Плохая почва повлияла на корневую систему? Хм, тогда почему упал только этот ствол? Нет, его явно вырвали с корнем… но как такое возможно? Что за звери тут обитают? Или на них повлияла радиация от метеорита и те приобрели супер способности в виде суперсилы?»

Пока все эти мысли роились в голове, она не заметила, как они дошли до приветственной таб-

лички: «Добро пожаловать в Учами! Население поселка — 101 человек»

Поправив лямку рюкзака, молодая особа догнала Диму и спросила:

— Ты забронировал нам номера в гостинице или мы будем жить на обочине в палатках?

— Ты опять бежишь вперед батьки?

— Батька, я устала и хочу отдыхать, поэтому мне нужно знать план дальнейших действий.

— Слушай заноза, к концу нашего трипа я тебя придушу! Поэтому подумай на досуге, что мне передать твоему предку. Ну, или черкани предсмертную записку, только без соплей — карман запачкаю.

— Теперь понятно, почему ты до сих пор без девушки. Никто тебя не может вытерпеть…

— Взаимно!

— Вот это любовь! — прервал их любезности Яков. — Давайте, вы потом разберетесь, кто кого любит сильнее! Нам налево.

— Ну, в ближайшие дни вы будете любить друг друга, — коллега напомнила о том, что размещения в номерах и палатках по гендерному признаку: мальчики с мальчиками, девочки с девочками.

— Ой, попахивает мелодрамой «Горбатая

гора», — ляпнула Лара и оглушила присутствующих своим колокольчиковым смехом, да так громко, что даже местные птицы разлетелись по сторонам.

Где-то сбоку послышался хруст. Девушки подпрыгнули от неожиданности. Парни насторожились. Быстро осмотревшись по сторонам, путешественники никого не заметили. Пожав плечами, они продолжили путь. Однако Мэри почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Ее аж всю передернуло. Она скользящим взглядом ещё раз просканировала местность, но в такой темноте уже сложно было отличить силуэт дерева от незнакомца.

«Наверное, устала от дороги», — пронеслось в голове.

— Ну что там «Компас» глаголь истину, мы сегодня доберемся до кроватей или нет? — Паша обратился к Якову.

— Через три, две, одну, — ответил тот и резко остановился. Потом повернулся на девяносто градусов вправо и, разведя руки в стороны, добавил, — я первый в душ!

Все посмотрели направо и заметили двухэтажное здание из сруба. Внешне оно выглядело очень мило и уютно. Чуть выше дверного проема пест-

рела вывеска «Обитель душ».

— Мрачноватое название, — заметил лидер группы и направился к дверям.

Завалившись всей толпой с баулами вовнутрь, ребята развалились на небольшом диване и креслах в фае. Дима сбросил рюкзак и подошел к стойке регистрации. Дзынкнув в звонок, он стал ждать.

Через минуту вышла хозяйка. По внешности истинная представительница древнего племени эвенков: смуглая кожа, широкие скулы, узковатые черные глаза с морщинками вокруг них. Седые волосы, собранные в толстую косу, украшены цветными лентами. На ней была надета традиционная одежда: передник-фартук с орнаментами ручной работы, пояс, украшенный бисером, а на голове красовался капор — национальный головной убор.

— Добро пожаловать! — ее уста растянулись в приветливой улыбке. — Меня зовут Анна. Я хозяйка поместья. На сколько дней планируете у нас остаться?

Было удивительно услышать такое имя от человека с характерной внешностью монголоидной расы. Но видимо люди стали жить в ногу со временем и традиции потихоньку поменялись к

современности.

— Пока заселимся на неделю, — ответил астроном и протянул паспорта, — а дальше будет зависеть от обстоятельств.

Старушка улыбнулась, но не стала больше задавать вопросов. Пока она заполняла регистрационную книгу, на пороге появился грузный мужчина. Тоже ярый представитель этноса. Он имел схожие черты лица с хозяйкой, только его черные глаза пронизывали насквозь. У него был взгляд черного ворона, от которого становилось не по себе.

— Это мой супруг Егор, — представила его домовладелица, — он вам поможет разместиться.

С этими словами седовласая эвенка протянула ключи от двух номеров, словно уже заранее знала, как гости планировали заселиться.

Пока Яков ковырялся в своих игрушках, а влюбленная парочка щебетала между собой, Мария молча наблюдала за этой картиной со стороны. От таких странных незначительных нюансов у нее почему-то мураши бежали табуном по коже.

«Может она шаманка?» — вдруг зародилась мысль.

И как только эта мысль вспыхнула в черепной коробке, девушка тут же поймала на себе про-

ницательный взгляд хозяйки, и автоматически сглотнула слюну.

«Мистика», — опять эхом раздалось где-то в уголке мозга. — «Странное какое-то место, может на них всех радиация действует?»

На этот раз старушка одарила ее улыбкой. Потом домовладелица перевела свой взгляд на супруга. Тот молча кивнув и глухо произнес:

— Прошу за мной!

Наблюдательница была в шоке от такого взаимопонимания с полувзгляда. Она быстро схватила свои вещи и поспешила уединиться в комнате, где смогла бы спокойно обдумать произошедшее. Ребята последовали ее примеру. Договорившись собраться в фае гостиницы через час, они разбрелись по комнатам. Яков пошел в душ, Дима стал разбирать вещи, а Паша с порога плюхнулся на кровать. Лара попросилась первой в ванную и ее соседка согласилась.

Пока подруга принимала водные процедуры, Мэри решила сложить вещи в шкаф. Высвобождая майки и джинсы из рюкзака, девушка прокручивала странные события дня: упавшее дерево, чей-то пристальный взгляд, удивительное поведение хозяйки, словно она могла читать мысли.

— Наверное, я просто устала. Ищу мистику там, где ее нет. Отдохну, и все будет прекрасно, — бубнила та себе под нос, доставая блокнот. — Но все же запишу свои наблюдения. Может мне и не кажется…

Ровно через час коллеги собрались в холле. Уточнив у приветливой домоправительницы, где можно сытно поесть, Дима выяснил, что в данном поселке особо не разгуляться и есть всего на всего две забегаловки. Одна из них находилась буквально в пятидесяти метрах от гостиницы.

Не особо горя желанием бродить по местности, на ночь глядя, группа авантюристов приняла решение оставить все исследования и приключения на завтра, а сегодня потратить время на сытный ужин и хороший сон после долгой изнурительной дороги.

Завалившись в местный «ресторан», ребята попали в «доисторический паб». На стенах висели шкуры животных, чучела птиц, старинные ружья. Вся мебель была сделана из сруба: красивые мощные деревянные столы и скамейки, барная стойка, стенд с почитателями публики и дартс.

Путешественники поймали на себе сотни глаз «местных». Как только они объявились на пороге жизнь, будто на несколько секунд остановилась и

наступила могильная тишина. Осмотрев гостей с ног до головы, через некоторое время аборигены потеряли к ним всякий интерес и продолжили свои развлечения. В данное помещение вновь вернулся шум.

Не ожидая такого «теплого» приема, ученые сначала замешкались, а потом, выйдя из ступора, отыскали свободный столик и направились к нему. По дороге они все еще встречали взгляды жителей.

Усевшись за столик, первый осмелился заговорить Яков:

— Здесь все такие приветливые… заметили?

— Это что сарказм из твоих уст полился? — удивился Павел.

— О, ты выучил новое слово… — ответил друг ему тем же.

— Мда, по их лицам не понять, то ли они рады нас видеть, то ли готовят план нашего жертвоприношения, — неожиданно для всех выдала Лара.

— А вы ждали, что вас будут встречать с хлебом и солью? — улыбнулся Дима.

— Кому-то абсолютно пофиг до нас, — Мэри продолжила мысль подруги, — другие явно в замешательстве кто мы такие и какого х… корня

мы сюда приперлись. А третьи очень внимательно нас изучают.

И она кивнула на двух здоровых бугаев у бара. Тот, что был в клетчатой толстовке, периодически бросал через плечо взгляды в сторону ребят. Второй, в кожаной куртке, повернувшись к незваным гостям всем телом, в открытую сканировал их. Они пили пиво и молча наблюдали.

Через некоторое время к столику путешественников подошла молодая девушка и вежливо предложила изучить меню. На ней была надета красивая униформа, подчеркивающая местные традиции. В каштановых волосах вплетены золотистые ленты. Зеленые глаза горели огнем. Она приветливо улыбалась, оголяя свои безупречно белые зубы.

Дмитрий пялился на этого спустившегося ангела с небес, тая в божественной красоте.

— Как будете готовы, позовите меня. Я буду за баром, — ее голос звучал, словно дивная мелодия арфы.

— Обязательно… — парень улыбнулся ей в ответ и застыл в немом вопросе.

— Кэтрин, — догадалась официантка, что тот уточнял ее имя.

— Очень приятно, Кэтрин, — кавалер одарил ее

особым взглядом.

Когда девушка ушла, Паша толкнул друга в бок и, смеясь, посоветовал:

— Ты бы не таращился на нее так откровенно… вдруг у нее есть ревнивый парень или строгий старший брат…

— Что? — выплыл приятель из думок.

— Ууу все с тобой понятно! — биолог сделал свои умозаключения. — Мы потеряли тебя. Самец учуял самочку.

— Завтра надо будет пораньше встать, — резко сменила тему Мэри. — Пешком идти очень далеко, поэтому …

— Ты сейчас серьезно? — возмутился лидер группы.

— Ну, раз мы потеряли нашего «главного», точнее наш главный потерял мозги из-за юбки… — начала язвить собеседница.

— Ой, ты что ревнуешь?

— Я? Тебя? — хмыкнула та, — Не льсти себе! Просто нужно думать головой, а не… чем-то пониже.

— Расслабьтесь, ребята! — вклинился в их беседу Яков, — мы же не в концлагерь приехали. Это исследовательская поездка! Значит, в наших целях исследовать не только местную территорию,

но и местный народ… так, скажем, разведать обстановку…

— Ну, хоть кто-то здраво рассуждает, — подхватил его слова Дима, пристально смотря подруге в глаза.

— Да, кровавая королева, выдохни! — поддержал ребят Паша. — Давай сегодня отдохнем. Все дела завтра!

Коллега замолчала. Она явно проиграла в этой битве.

«Что ж может они и правы…» — бунтарка уткнулась в меню, делая вид, что выбирает блюдо на ужин. — «Почему я так сильно переживаю? Что меня здесь напрягает? Может эти два цепных пса, которые так пялятся на нас?»

С этими мыслями девушка бросила взгляд в их сторону и наткнулась на глаза того, кто откровенно и не стесняясь, изучал их. Бугай продолжал пристально смотреть на нее и чем дольше он смотрел, тем наглее становился его взгляд. Будто этот качок пытался показать кто здесь хозяин. Словно хотел сказать: «Я всегда буду следить за вами и каждым вашим шагом. И не дай Бог мне что-то не понравится».

Гостья тяжело выдохнула и отвернулась.

— Мэри?

— Мэри?

— А? Что? — юный геолог только сейчас поняла насколько была погружена в свои наблюдения, что совсем забыла про ужин.

— Ты уже выбрала? Кэтрин только тебя ждет! Не проявляй неуважение… — достаточно грубо произнес Дима.

— Кхм, принесите мне ваше фирменное блюдо, — приятельница с шумом захлопнула меню и, намеренно не смотря в сторону Кэтрин, а прямо в глаза товарища, отдала ей это самое меню.

Официантка повторила заказ и, убедившись, что все записала верно, удалилась.

Несколько минут Дима и Мария злобно таращились друг на друга.

— Ребят, какая вас муха укусила? — прервал их молчаливую битву Яков. — Ведете себя как бывшие любовники.

— Что? — отреагировал астроном. — Мы с ней? Да упаси Бог!

Решив, что с нее хватит такого дебильного поведения коллеги, возомнившего себя непонятно кем только потому, что ее отец назначил его лидером команды, девушка молча встала и направилась в уборную. Снова погрузившись в свои раздумья, молодая особа не заметила парня,

выходящего из туалета, и налетела на него.

— Прошу прощения, — извинился незнакомец.

— Это вы меня простите, — тут же отреагировала виновница столкновения. — Я задумалась…

— Вы… — молодой человек хотел было спросить у нее, но та быстро юркнула в дверь и исчезла в туалете.

Умывшись холодной водой, Мэри посмотрела на свое отражение в зеркале.

«И правда, что происходит? Почему вдруг мы так остро стали реагировать друг на друга? Может в воздухе летают агрессивные бациллы? Нет, это бред. Просто меня раздражает его беспечность. А его — моя ответственность! Ох, не знаю, почему я отношусь к этой экспедиции, словно от ее исхода зависит чья-то жизнь. Может и правда стоит расслабиться? Да, пожалуй, я им докажу, что я не унылое чмо и тоже умею веселиться…»

И с этими мыслями путешественница уверено вышла из туалета, однако тут же наткнулась на широкую каменную грудь того самого бугая в кожаной куртке, который злобно изучал их.

Гостья сделала пару шагов назад, подняла голову и увидела недовольный взгляд громилы. Он сделал шаг в ее сторону. У девушки невольно подкосились ноги, от резкого выброса адреналина.

Пульс молотком отбивал ритм в висках, что даже картинка в глазах поплыла. Спас ее от падения стул, стоявший рядом. Она схватилась за спинку, сжав ладони до белых костяшек.

«Кажется, Лара была права и у некоторых зрел план по нашему убийству…» — Мария мысленно готовилась к худшему повороту события.

Но эту сцену вдруг спас громкий щелчок, словно кто-то передернул затвор ружья. Цепной пес сразу же сделал шаг в сторону и молча направился прочь. Молодая особа на ватных ногах добралась до столика с ее друзьями и молча села на диван.

— Ты чего такая бледная? — заметила Лара.

— Призрака встретила? — подхватил Паша смеясь. Тот как обычно не относился ни к чему серьезно.

— Кого-то более материального… — подруга выдохнула загробным голосом. У нее тряслись руки.

— Наверное, себя в зеркале. Увидела свое истинное лицо? — тут же съязвил Дима.

— Да пошел ты! — резко отреагировала приятельница, встала из-за стола и отправилась домой.

Ребята переглянулись.

— Димас, ты идиот? — неожиданно серьезно

спросила Лара. — На ней и правда, лица не было.

— Она недовольна, что мы не пляшем под ее дудку! — отмахнулся тот.

— Ты не прав, и сам прекрасно это понимаешь! — Яков встал на сторону коллеги. — Возможно, сейчас Мэри чересчур ответственно относится к поездке, что раздражает тебя, как лидера… и ты думаешь, что она перетягивает одеяло на себя, подрывая твой авторитет. Но это не так. Мы все слишком давно друг друга знаем…

Лидер группы с шумом выдохнул. В этом выдохе читалось недовольство и раздражение.

— Лара права, — продолжил Яков. — Я тоже заметил ее беспокойный взгляд и трясущиеся руки.

— Может она чего курнула? — опять невпопад ляпнул Паша.

— Паш, заткнись! — взбесилась его дама сердца. — Ты когда-нибудь бываешь серьезным?

— Да ладно ребят, чего вы? — надулся тот как маленький мальчик. — Я пытаюсь обстановку разрядить.

— После ужина, ты вместо того, чтобы клеиться к Кэтрин, заберешь ужин и пойдешь к Мэри извиняться, — совершенно серьезно сообщила коллега.

Астроном хотел возмутиться, но приятельница строго посмотрела на него и добавила:

— Ты же лидер группы! Взрослый ответственный мужчина, который знает, зачем он приехал сюда. И прекрасно знаешь, что нам для работы нужны все. Мэри не…

— Мэри не станет вести себя как маленькая девочка и пойдет все равно, — перебил ее Яков, а затем, посмотрев на товарища, добавил, — Но извиниться ты определенно должен, потому что вел себя как бешеный пес. Просто она хотела как лучше…

— Ага, а получилось как всегда, — съерничал Дима, но заметив настойчивый взгляд друзей, тут же сдался, — Ладно, ладно! Я понял, я был не прав — извинюсь.

Закончив воспитательный процесс, ребята принялись за долгожданный ужин, который как раз подоспел. Сытно поев, группа путешественников расплатились и отправились восвояси, чтобы не конфликтовать ещё и с местными.

Дойдя до нужных номеров, Лара сказала, что подождет у парней, пока ее приятель поговорит с подругой. Дима еще раз с шумом выдохнул и постучал в комнату коллеги.

Мария подумала, что это Лара:

— Открыто, заходи! Как местная кухня?

— Все было очень вкусно, — ответил друг, открывая входную дверь. Он застал ее за написанием чего-то в свой блокнот.

— Что тебе надо? — сухо бросила приятельница.

— Пришел убедиться, что хоть кто-то делом занимается, а не флиртует с девками, — сначала агрессивно ответил тот. Однако осознав, что в правду был не прав и реально бесится из-за своих тараканов в голове, добавил, — Принес ужин.

— Я не голодна, — все так же сухо ответила собеседница.

— Угу, поэтому у тебя живот урчит так, что стены трясутся, — попытался разрядить обстановку виновник.

— Беруши тебе в помощь! — холодно бросила девушка.

— Ну чего ты хочешь? — психанул Дима. — Чтоб я извинился?

— Для начала! — как непреступная скала отреагировала та.

— Ааа! — зарычал друг. — Ты сводишь меня с ума!

— Я думала, что не в твоем вкусе!

— Ты поняла, о чем я! Ну почему ты такая…

— Какая? Не заглядываю под каждую юбку? Не кидаюсь на мужиков в баре? Думаю о нашем деле? КАКАЯ? — повысив тон, начала Мэри вопрошать.

— Да! Такая! — тоже на повышенных тонах ответил приятель.

Подруга молчала.

— Ты можешь засунуть свою гиперреактивность себе глубоко в …? Ааа…! — зарычал парень, сжав руки в кулаки, боясь наговорить глупостей. А потом, пыхтя начал расхаживать по комнате.

— Просто не напрягай всех! Ты думаешь, я не позаботился о плане на завтра? Ты думаешь, я не прописал задачи? Я просто даю нам возможность отдохнуть после долгой дороги! Всему свое время! Ты можешь расслабиться и довериться хоть кому-то? Почему ты все время пытаешься все контролировать? — он почти орал.

Собеседница продолжала молчать.

— Почему? — товарищ требовал ответа.

— Ты знаешь почему! — со слезами на глазах тихо прошептала коллега. — Я такая, какая я есть…

— Мэри, когда ты уже поймешь, что тогда от тебя ничего не зависело! — понизил тон друг. — Ты не могла повлиять на ситуацию. Ты была ещё

ребенком.

Приятельница сидела и смотрела в одну точку, а слезы предательски катились по щекам.

— Мы даже сейчас не можем ничего контролировать, — Дима сел рядом и обнял подругу. — Отпусти уже ту ситуацию. Потому что ты не виновата! Прости себя!

Девушка уткнулась ему в грудь и периодически всхлипывала.

— Ну и меня засранца прости! Ты же знаешь, я тебя люблю… по-братски… — сделал тот смешной голос.

Мария издала смешок.

— И вообще я тебе принес пожрать. Пошел, поймал зайца, откормил, вкусно приготовил, а ты! — приятель продолжил ее веселить.

— Долго ловил! — все еще дуясь, пробубнила собеседница.

— Ну, извините, устал бегать за ним, резвый оказался.

— А как же твоя Кэтрин?

— Ну, пока не моя… в общем подождет немного. У меня еще будет время… Мир? — парень взял ее за плечи и, отодвинув от себя, глянул в глаза.

Коллега сжала губы.

— Вредина же ты! — смеясь, отметил астро-

ном. — Так что там случилось в баре?

Девушка молчала как партизан.

— Я тебя укушу и скажу, что так оно и было! — пригрозил ей молодой человек.

Приятельница улыбнулась, но через секунду сделалась серьезной, вспомнив ситуацию в баре.

— Дим, мы должны быть осторожны! Я не знаю, что здесь происходит, и когда мы успели кому-то наступить на хвост, но некоторые жители поселка четко дали понять, что нам здесь не рады.

— С чего такие выводы?

— Когда я вышла из туалета, наткнулась на одного из тех парней у бара, которые пристально изучали нас. Он так угрожающе смотрел на меня и не давал пройти… Я думала, этот громила мне шею прямо там свернет. Мы явно влезли на территорию, где чужаков не жалуют.

— Может тебе показалось? Усталость, стресс…

— Определенно, нет. Его агрессивный взгляд так и кричал «Янки гоу хоум!» А потом цербера отвлек какой-то странный шум и тот ушел с недовольным фейсом.

— Возможно, ты права и местным есть что скрывать… — задумался лидер группы.

— А вдруг падение метеорита как-то повлияло на них?

— Только не говори, что ты веришь в Супермена… — засмеялся друг.

— Дима, я серьезно!

Неожиданно послышался скрежет, будто когти царапали стекло. Девушка подпрыгнула на месте от испуга:

— Что это было?

— Наверное, ветка… — коллега не придал этому значение.

Подойдя крадучись к окну, Мэри резко выглянула на улицу. Но по ту сторону никого не оказалось. Равно как и веток, которые могли сымитировать этот звук.

— Не нравится мне это все… — шепотом продолжила та, закрывая створки оконной рамы.

— Все? Что ты имеешь в виду? — выдохнул парень, а потом добавил. — А знаешь, давай-ка ты поешь и ляжешь отдыхать. Хватит на сегодня страстей.

Шерлок Холмс в юбке скорчила недовольную гримасу.

— Завтра чтоб была как огурчик, нам рано выдвигаться, — пригрозил он ей пальцем. — В восемь на респшен!

— Хорошо… — пробубнила коллега.

— Не слышу!

— Слушаюсь и повинуюсь, — съязвила приятельница.

— Вот то-то же!

С этими словами Дима покинул ее покои и отправился к себе.

Через какое-то время в комнату пришла Лара:

— Как ты?

— Все хорошо, спасибо, — зевнула подруга. — Я спать — устала…

Она надела пижаму и залезла под одеяло. Ужин так и остался стоять на тумбочке…

Будильник сработал в шесть утра. Отключив его, Мария сладко потянулась и потерла глаза. На улице только начало светать: небо уже окрасилось в светлые тона, однако солнце все еще пряталось за горизонтом. Ранние птички периодически заливались в утреннем перезвоне. За ночь воздух в комнате значительно остыл, и так не хотелось вылезать из теплой постели…

Пока девушка лежала на кровати, в голове стали всплывать вчерашние события. Не желая погружаться в тревоги с раннего утра, она резко откинула одеяло и трусцой помчалась в ванную. Уже находясь под струями теплой воды, гостья подумала, что неплохо бы почитать сведения или новости о данном поселке: о жителях, о событиях,

об открытиях… найти хоть что-нибудь, чтоб быть в курсе, куда они с ребятами вляпались.

«Возможно, здесь есть библиотека или архив или местная газета…» — вытираясь полотенцем, рассуждала Шерлок в юбке.

Выйдя из душа на цыпочках, чтобы не будить соседку в такую рань, путешественница быстро натянула джинсы и майку. Затем тихо как мышка собрала рюкзак для похода, сложив туда все необходимые вещи, спальник и каремат. Собрала отдельную сумочку с инструментами и пробирками для геологических исследований. После натянув куртку и кроссы, направилась к выходу. Прихватив по пути телефон, Мэри как можно тише открыла дверь, проскользнула в нее и также тихо закрыла.

Выйдя в фае, девушка была искренне удивлена тому факту, что местные встают так рано. Хозяйка ни свет, ни заря суетилась в холе, поливая растительность, которая украшала гостиницу.

— Не спится? — неожиданно спросила старушка, даже не оборачиваясь.

Гостья растерялась.

— Решила подышать свежим воздухом и осмотреть красоты поселка, — немного подумав, ответила та.

— Иногда красота бывает опасной, — домоправительница повернулась к постоялице с ослепительной улыбкой на устах.

«Как можно говорить такие странные вещи с такой непринужденностью?» — удивилась путешественница, направляясь к выходу. От этой дамы у нее волосы вставали дыбом.

— Хорошей прогулки, Итако, — седовласая эвенка едва коснулась молодой особы, проходя мимо.

— Что? — обернулась юная леди, не поняв, что хозяйка имела в виду, говоря последнее слово. Однако той и след простыл.

— Что за..? — Мария находилась в полном недоумении. Старушка просто испарилась.

«Да что вы знаете о мистике!?» — мозг уже начал закипать. Доктор наук почувствовала, что ей сейчас крайне необходима порция свежего воздуха, чтобы охладить голову.

Выйдя на улицу, гостья почувствовала всем своим телом, насколько воздух свежий и отрезвляющий. Сделав пару глотков бодрящего кислородного коктейля, девушка окончательно проснулась и решила не заострять внимание на произошедшем инциденте, а придерживаться прежнего плана.

— Так и куда мне топать? — прошептала Шерлок в юбке, осмотревшись по сторонам.

Она достала из кармана телефон, чтоб понимать, сколько времени у нее есть на исследование поселка и вместе с ним обнаружила какую-то цветную бумажку. При тщательном изучении это оказалась карта местности.

— Какого лешего? — ошарашено выругалась путешественница.

«Она точно ведьма!» — резюмировала Мэри, догадавшись, откуда этот листок.

— Ладно, идем налево, потом вот сюда, дальше завернем здесь, — молодая особа рассуждала вслух, изучая карту.

Когда план маршрута был построен, та отправилась за приключениями.

Ровно в восемь все были в фае. Паша громко зевал, тер свои сонные глаза, и всем видом показывал, что он недоволен таким ранним подъемом. Яков уже был погружен в свои любимые игрушки географа и по совместительству картографа. Дима что-то записывал в свой блокнот. Как только в холл зашла Лара, тот сразу уточнил:

— Ты одна? А где же «босс»? Еще спит засранка?

— Ее нет в комнате… — загадочно протянула

коллега.

Парни тут же переглянулись. Но прежде чем кто-то успел съязвить или предположить о месте нахождения подруги, дверь главного входа распахнулась и на пороге появилась искомая.

— И где тебя черти носят? — спросил лидер группы.

— И тебе доброе утро, — совершенно спокойно ответила приятельница.

— Все пошли жрать, — Павел резко соскочил с кресла и быстрым шагом направился на улицу.

— Да, надо бы выпить кофе, — согласился Яков и поспешил за ним.

Лара молча засеменила следом. Мария быстро развернулась на сто восемьдесят градусов и юркнула в закрывающуюся дверь. Астроном остался наедине с собой.

— Собираетесь на отдых? — ненавязчиво уточнила, взявшаяся из неоткуда, старушка.

— Хотим прогуляться в лесу… — протянул парень, вспоминая вчерашний разговор с подругой и ее подозрения относительно местных.

— Ночь не любит жар и металл, возьмите с собой сухих дров и кочергу… — совершенно спокойно произнесла хозяйка и исчезла в своей комнатушке.

— Кочергу? — переспросил молодой человек сам у себя.

Он никак не мог найти связь между ночью и кочергой. Закрыв блокнот, тот, все ещё осмысливая полученную информацию, отправился на завтрак.

Распахнув двери паба, Дима ожидал увидеть кучу народа как вчера за ужином, однако почти никого не оказалось. За одним столиком разместились блюстители закона. По форме одежды это явно был шериф, лесничий и еще какой-то парнишка. Возможно помощник. Другой занял «любитель вмазать». На часах только начало девятого, а тот уже лыком не вязал. За третьим сидели его друзья. Видимо с утра местные предпочитали завтракать в кругу семьи. Не все, конечно, но…

В помещении играла тихая музыка. За баром работала уже другая девушка. Тоже улыбчивая, но не такая красивая, как Кэтрин… Лидер группы, печально выдохнул и пошел к ребятам.

— А еще я буду сэндвич с яблочным джемом, — Паша воодушевленно выбирал себе завтрак.

— Куда в тебя столько лезет? — удивился Яков. — Может ты обзавелся новыми друзьями?

— Отвали дрыщ, — тот догадался, о чем толкует

его товарищ.

Астроном задумчиво сел на скамейку. Он уставился в одну точку, а его сознание блуждало где-то далеко в поисках ответа на странную реплику домовладелицы.

— Ты чего? — заметил его «отсутствие» Яков.

— Какая связь между ночью и кочергой? — все также задумчиво спросил Дима.

— Что? — переспросила Лара. — Ты о чем?

— Вот и я о том же… — выдохнул друг.

— А теперь по-русски можно? А то я не воспринимаю информацию без порции кофе, — все ещё изучая меню, попросил Паша.

— Ночь не любит жар и металл, возьмите с собой сухих дров и кочергу… — лидер повторил слова седовласой эвенки.

— Что ты несешь? — оторвался от своего занятия приятель.

— Хозяйка гостиницы? — догадалась Мэри.

— Да, но как..? — удивился коллега, резко посмотрев на нее.

И все тут же повернулись в ее сторону.

Та лишь пожала плечами с улыбкой на устах.

— Я хочу попробовать пирог с черникой, — сменила тему Шерлок в юбке. — Уверена здесь он очень вкусный!

— Подожди, подожди! — осадил ее Дима. — А ты где с утра шорохалась?

— Дышала свежим воздухом и гуляла по опасным красотам поселка, — ответила подруга, выделив слово «опасный».

— Старушка? — выпрямился друг.

— Именно! — хмыкнула девушка и позвала официантку.

— Бред… — протянул товарищ и взял меню.

Позавтракав и расплатившись за волшебные блюда от повара, группа ученых вернулась в гостиницу за вещами. Проверив, что ребята ничего не забыли и все необходимое упаковано с собой, Дима как лидер прошелся по чек-листу и уже собирался дать отмашку на выход, как в холле появился Егор — супруг хозяйки. Этот мрачный мужчина подошел к Марии и протянул какую-то коробочку.

— Анна просила вам передать. Хорошего безопасного отдыха, — совершенно без эмоционально пробасил тот.

— Спасибо, — находясь в недоумении, гостья взяла подарок.

— Ребят, пора в поход! — наигранно весело скомандовал астроном и направился к выходу.

Все поспешили за ним, мило улыбаясь. Как

только они оказались за пределами владений этой чумной парочки исследователи переглянулись. Отойдя от гостиницы на метров двадцать, Лара с нетерпением подскочила к коллеге:

— Что там?

— Не знаю, — пожала та плечами.

— Ну, так открывай! — соседке не терпелось увидеть, что эти чудные домовладельцы дали ее подруге.

Мэри глянула на нее, потом на парней и поняла, что в нетерпении были все. Да и ее распирало любопытство, что на этот раз поведает ей седовласая ведьма.

Открыв коробочку, путешественница нашла странную вещичку, похожую на маленькую дудочку с белой веревочкой и записку.

— Что это? — разочаровано уточнил Павел.

— Похож на свисток, — Яков вынес свой вердикт, осмотрев предмет.

Биолог выхватил его из рук приятеля и собирался им воспользоваться, но Мария дернула за веревочку. Свисток выскользнул из его огромных лап и тут же отправился в карман женских брюк.

— Нууу! — прогундел друг.

— Это дали не тебе! — напомнила ему молодая

особа. — Кроме того здесь записка. И правильней будет сначала ознакомиться с ней.

— Думаю, Мэри права, — согласился с ней астроном, вспоминая все странности за сегодняшнее утро.

Девушка раскрыла бумагу и прочитала пять слов: «Когда силы покинут тебя, Итако».

— Что? — воскликнул Павел.

— Тише, — тут же шикнула коллега и осмотрелась по сторонам.

— Бред какой-то, — буркнул приятель в ответ.

Мария с Димой переглянулись. Слишком много загадок для одного дня.

— Очередное послание заскучавших старичков? — предположил Яков.

— Да, мне кажется, они все с ума сошли. Им же тут совершенно нечем заняться, вот кукушка и поехала, — стала развивать мысль Лара, пробираясь сквозь чащу леса.

— Ладно, подумаем над этим всем позже, — подруга положила записку обратно в коробочку, а ту спрятала в рюкзак. — Эй, вождь племени «чунга-чанга», что у нас на повестке дня?

— Всем негретятам дойди до нужного места! — отпарировал товарищ.

— Глобальные планы по захвату мира, — под-

хватил тему Паша. — Дерзко! О, великий мудрый вожак «белая кость в носу»!

Лара засмеялась. Лес наполнился перезвоном. Кто-то из птиц передразнил ее смех, повторив интонацию.

Ребята были удивлены, такое они встречали впервые.

— И все же… — не унималась коллега.

— Остановимся в километре от кратера. Разобьем лагерь. Пообедаем, — лидер группы набрал в легкие как можно больше воздуха и стал монотонно выдавать пункты. — Сходим на разведку к источнику и соберем первоначальные образцы. Вернемся в лагерь. Поужинаем. Переночуем. Утром соберем новые данные и до обеда выдвинемся обратно в поселок, чтоб к вечеру вернуться в теплые кроватки. Проведем тесты на аппаратуре Лары. Вышлем результаты в лабораторию. Дождемся ответа твоего отца.

— О, да ты всю неделю расписал, — съерничала юная дама.

— Да, это чтоб ты не… — начал было парень.

— Совала нос, куда не следует? — догадалась та.

Приятель с довольной улыбкой произнес:

— Какая ты догадистая!

Мэри скорчила гримасу. Паша засмеялся в голос на реплику друга и тут же получил по плечу от Лары. Только Яков шел молча, сверяясь с компасом и картой. Его главная и первоначальная задача состояла в том, чтобы привести группу в нужную географическую точку.

Шесть тяжелых часов ученые шли пешком с небольшими привалами на отдых и перекус. Уставшие, вспотевшие они еле волокли ноги. Красоты лесной чащи уже не радовали глаз. Звуки насекомых и птиц раздражали. На какое-то время географ замер. Он осмотрел местность, глянул на карту и задумался, явно производя какие-то расчеты в уме.

— Эй, Сусанин, только не говори, что мы заблудились, — прошипела химичка, присаживаясь на камень.

— Нет, мы как раз примерно в километре от источника, как и хотел Дима, — совершенно спокойно отреагировал товарищ. — Думаю, эта поляна отлично подойдет для установки лагеря.

— Ура! Мы пришли! — радостно выдохнула девушка и тут же скинула тяжелый рюкзак с плеч.

— Давненько у меня не было такой разминки, — признался Паша, тяжело дыша. Он вытер выступивший пот на лбу и сделал пару глотков

воды.

— Лара держит тебя на голодовке!? — смеясь, съязвил географ, убирая в сумку все свои причиндалы картографа.

— У меня хотя бы иногда есть… а у тебя, наверное, все давно мхом поросло… — биолог ответил ему тем же.

— Оу, оу, парни! — напомнила о себе Мария. — Вообще-то среди вас есть леди!

— А что леди сексом не занимаются? — с наигранным ужасом обратился к ней Паша.

— Так закрыли тему! — подошел к ним лидер группы. — Яков за дровами. Паша ставишь палатки. Девочки готовят обед.

— А ваше величество? — уточнила Лара.

— Я осмотрю местность, подготовлю все необходимое для сбора данных… потом вам помогу.

Все тут же разошлись и начали заниматься своими делами. Вскоре палатки были установлены, дрова запасены на два дня. Девочки приготовили легкий обед. Парни поставили чайник на костер. Ребята могли выдохнуть и немного отдохнуть.

Через два часа группа молодых ученных вышла из лагеря и направилась в сторону кратера. Дойдя до места за пятнадцать минут, они увидели котлован диаметром в сто метров. По всей видимости,

до земли долетел небольшой метеорит. Иначе яма оказалась бы намного больше и глубже.

Кратер имел чашеобразную форму и был окружен ободом, образованным задранными пластинами подстилающих пород вперемешку с обломками горных пород, выброшенными из кратера. Дно представляло собой некий сплав, в который входили расплавленные горные породы и примеси химических элементов самого метеорита, ради которых собственно ученные и приходят на такие «раскопки».

Твердые капли небесного тела, образовавшиеся в результате его сгорания в атмосфере, покрывали территорию земли на несколько километров. Растения, находящиеся в пяти метрах от котлована сгорели при взрыве, произошедшем от соударения объекта с землей. От них остались лишь недогоревшие до конца стволы. Часть деревьев, вырванные с корнем от ударной волны, пережили сожжение на костре, однако участь их была не лучше. Застряв меж стволов других деревьев, они засохли.

Поскольку прошел уже год после события, здесь все было затоптано местными. Кое-где сквозь примесь земли и металла, которая поливались обильными дождями, и пропитывалась снежны-

ми покровами, росли небольшие растения.

Ребята надеялись, что результаты проб окажутся положительными и им удастся найти нужные элементы, ради которых они перлись в такую даль.

Осмотрев местность, исследователи занялись каждый своим делом. Яков сделал серию фотографий местности. Сам котлован, его почву и то, что в ней было намешано, россыпь частиц метеорита, останки сгоревшей флоры. Нашел зачатки новой жизни. Потратил много времени на деревья, растущие здесь уже несколько десятков лет, их кору и листья. Разыскал «тела» погибших растений от засухи. Провел колоссальную работу.

Мэри взяла пробу земли со дна ямы, с ее стен и обода. Также прихватила образцы металлической пыли за пределами кратера. Она должна была сравнить состав и найти возможные изменения, примеси и наличие другой формы жизни.

Павел собрал образцы растений. Всех, которых только мог: сожженных, опрысканных метеоритными элементами, давно высохших и даже стащил пару образцов молодых побегов. Лара ему помогала.

Дима просматривал местность на наличие крупных осколков метеорита. Поскольку кратер

был достаточно крупный для изучения простым человеком, то на поиски небесного тела у него ушло бы дня три, не меньше. Он осмотрел эпицентр, а потом, двигаясь от него к внешним границам, просматривал каждый миллиметр.

Через полтора часа плодотворной работы совсем стемнело. Ученым пришлось завершить исследования и вернуться в лагерь. Лидер группы сложил все образцы в один рюкзак и положил в палатку.

— Что ж, завтра надо будет продолжить работу, — задумчиво произнес астроном, ломая ветки для костра, — я пока ничего не нашел. Жаль если нам не удастся найти хотя бы маленький кусочек инородного гостя.

— Все необходимые образцы мы уже взяли, поэтому завтра будет время всем вместе поискать метеорит, — поддержала его Мария, натягивая теплую курточку.

— Я установил пару камер, — сообщил Яков, выуживая из палатки спальник для посиделок у костра. — Завтра посмотрим, кто обитает в лесу. И приходят ли звери в данное место. Как они себя ведут.

— Отличная работа, — поблагодарил его биолог, поскольку это облегчит ему работу.

— Лара, ты завтра сможешь провести предварительные тесты, пока мы будем просматривать ядро столкновения? — уточнил Дима.

— Да, конечно! Но основная работа все-таки в гостинице. Все оборудование там, — согласилась подруга, готовя продукты для ужина.

— Отлично, вот и решили! — удовлетворенно выдохнул приятель. — Можно спокойно отдохнуть.

— Мэри, тащи сосиски, будем делать барбекю, — попросил Яков, очищая сеточку.

— А с меня пивко, — запел Паша, удаляясь в палатку.

— Ты тащил сюда пиво? — удивилась Лара.

— Ха, шутишь? Какой поход без пива. Надо же расслабиться в конце трудового дня.

— Ладно, я за пледами и теплыми шмотками, — сообщила химичка и поспешила одеться теплее.

Лидер группы добыл источник тепла и направился к палатке за ветровкой. Ему не очень хотелось кормить мелкую летающую живность. Ярко красное пламя плясало, обнимая своими жаркими руками дрова. От обилия тепла сухие ветки потрескивали, источая вкусный аромат. Лара расстелила пледы вокруг кострища и поспешила нарезать салат. Яков разложил сосиски на

решетку и установил ее над костром, так чтобы только кончики пламени облизывали их шкурку. А сам залез в спальник и удобно разместился неподалеку, дабы следить за процессом запекания мясной продукции. Паша принес всем по бутылочке пива и развалился рядом с товарищем. Шерлок в юбке помогла подруге с салатом. Они разложили его по тарелкам и принесли на импровизированный стол. Когда все было сделано совместными усилиями, ребята разместились вокруг костра и принялись за пир. Они травили байки, вспоминая прошлые походы. Рассказывали анекдоты и страшные истории. Периодически лес заливался смехом.

— Ну и где кровососы? — неожиданно спросил астроном.

— Испугались, поэтому кочерга твоя не нужна, — хмыкнул слегка опьяневший географ. Он практически никогда не употреблял алкоголь, поэтому выпитая бутылка пива, завладела его разумом.

Паша с Ларой какое-то время шептались, а потом поспешили уединиться в лесу.

— Вы только там не сожгите все к чертовой матери! — пробасил Яков. — А то биолог и химичка — это взрывоопасная смесь.

— Ничего, потушишь из своего шланчика, когда припрет, — засмеялась Мария и отправилась в палатку на боковую.

У костра остались Дима и пьяненький картограф.

Они обсуждали небесные тела. Рассчитывали их траектории и скорости падения, сопутствующий ущерб и вероятность обнаружения новых элементов, которых нет на Земле. Уже придумали красивую историю, как им вручают нобелевскую премию за открытие года…

— Я пошел, отолью, — икнув, сообщил Яков. — Пиво уже готово высвободиться наружу.

И слегка пошатываясь, тот пошел вглубь за деревья.

— Смотри, чтоб змеи не цапнули за твой кранчик, — пошутил товарищ. — Я тебя спасть не буду!

Пока он сидел у костра, в голове мысли выстраивали план на завтра. За этим увлечением, парень не заметил, как быстро летело время. Однако посмотрев на часы, молодой человек понял, что ребят давно нет. Ни Паши с Ларой, ни Якова.

«Они там уснули что ли?»

И тут, словно в ответ на его размышления, где-то в лесу раздался дикий женский крик. Он был

полон ужаса.

От этих воплей проснулась Мэри. Сначала девушка подумала, что ей показалась и, возможно, это было местное животное. Однако крик повторился, но четче и громче и это был определенно крик человека. Сердце бешено застучало. Молодая особа вылезла из спальника, надела куртку и ботинки. Пока она разбиралась с молнией своего убежища, Дима соскочил и стал осматриваться по сторонам. Затем отправился в палатку за фонариком, а заодно проверить нет там ли Яков. Может приятель давно по-тихому приполз, а тот не заметил его, пока был занят мыслительным процессом.

Шерлок в юбке вышла из ночлежки. На улице было холодно. Лагерь был пуст. Путешественница пошла к палатке парней. Но, не успев сделать и пары шагов, наткнулась на встревоженный взгляд друга, выходящего оттуда.

— Ребят в лагере нет, — приятель включил фонарик и подошел к куче дров.

— Яков не вернулся после того как ушел в туалет, — парень вытащил бревно помощнее.

— Паша с Ларой… — тот повернулся к коллеге, но не успел договорить, как за спиной послышалось рыдание.

Астроном смотрел на подругу и видел, как ее глаза становятся с каждой секундой шире, а лицо бледнее. Лидер группы резко обернулся и обнаружил перед собой окровавленную Лару. Ее лицо было в ссадинах. Руки утопали в бордовой жидкости. Она прижимала их к животу, из которого пульсирующим током вытекала ее жизнь. Девушка с трудом дышала и, казалось, что захлебывается собственной кровью. А затем повалилась на землю.

Мэри подбежала к ней, сняла куртку и закрыла рану, прижимая руки как можно сильнее, чтоб остановить кровотечение. Однако разрыв был достаточно глубокий, и через минуту куртка стала мокрой и темной. Хрипя, коллега пыталась что-то сказать, но жидкость, которая заполнила ее легкие, мешала. Вместо звука выходило бульканье, а вместе с ним и бордовая гуща. Через секунду, Лара перестала подавать признаки жизни.

Юная леди сидела тяжело дыша. Она совсем не понимала, что произошло. Просто находилась в полном шоке. Звуки леса вмиг исчезли. Пульс отдавался в ушах так, словно тяжелый молот бил по наковальне. Голова закружилась. Подкатила тошнота. Кое-как справившись с рвотными позывами, девушка медленно поднялась.

Товарищ схватил еще не догоревшую ветку из костра, чтоб обороняться и почему-то тут же вспомнил слова старушки: «Сухих дров и кочергу».

— Ночь не любит жар и металл, — медленно прошептал он. — Ночь — это нечто живое… Мэри, хватай рюкзак с палатки и бежим! Нам надо срочно сваливать.

Парень подбежал к коллеге. Но та была в состоянии шока.

— Мэри! — молодой человек начал трясти ее за плечи.

Неожиданно из ее глаз хлынули слезы:

— Дима, она… она…

— Она мертва! — резко, словно хлыстом по щекам, вынес вердикт приятель. — И если мы не уберемся отсюда сейчас же, присоединимся к ней!

— А как же Паша? — вспомнила подруга, что они уходили с Ларой вместе.

— Я думаю, что он раньше ушел к праотцам.

— А Яков? Где Яков?

Друг отрицательно покачал головой.

— Нам надо его найти! — коллегу всю тряслo. Она не могла собраться и начать мыслить трезво.

— Слушай, скорей всего…

— Нет, — резко его оборвала молодая особа. — Не говори этого, мы точно не знаем! Нам надо его найти!

— Нам надо срочно убираться! — шопотем прокричал тот.

И в подтверждение его слов нечто огромное выскочило из-за деревьев и побежало в их сторону. Это существо походило на медведя. Огромного черного медведя. Его глаза горели. Он оскалился, высвободил когти и помчался на них. Астроном саданул его горящей веткой по морде, опаляя шкуру. Тот взвыл и умчался в лес.

— Мэри, рюкзак, — лидер группы влепил ей отрезвляющую пощечину, чтоб привести в чувства.

И это очень даже помогло. Ученая пришла в себя, оценила обстановку и положительно кивнув головой, побежала за рюкзаком. Товарищ тем временем сделал еще парочку факелов для защиты и прихватил с собой нож со стола.

— Кочерги нет, но думаю, это тоже пойдет.

Когда юная леди вышла из палатки, он передал ей факел и забрал рюкзак. Они побежали в сторону поселка. С трудом пробираясь по темному лесу, ребята то и дело царапали себе руки, ноги,

спотыкались о камни, падали, поднимались и снова бежали. К сожалению, факелы освещали не более двух метров впереди, и поэтому найти верную дорогу оказалось не так-то просто. Можно сказать, беглецы неслись прочь из лагеря на ощупь. Казалось, животное отступило, но останавливаться ни в коем случае нельзя было. Через двадцать минут бега по пересеченной местности девушка упала на землю, задыхаясь от нехватки воздуха. Ноги перестали слушаться. Жадно глотая кислород, она прошептала:

— Я больше не могу. У меня нет сил.

— Нам надо идти! — еле дыша, парень поднял ее.

— Дай отдышаться. Слышишь в лесу тихо. Может хищник ушел после того, как ты огрел его веткой?

Однако через секунду послышался шум, будто на них мчалось стадо разъяренных буйволов. Ребята рванули со всех ног. Страх придавал им сил.

Сначала шум ломающихся веток и топота доносился справа, потом появился слева. Стало ясно, что зверь не один. Они бежали где-то рядом, но держались на расстоянии, чтоб их не было видно, лишь слышно. При этом не спешили атаковать.

«Они хотят, чтобы мы устали. Играют с нами в

кошки-мышки», — догадался Дима, осматриваясь по сторонам.

Совершенно выбившись из сил, Мария споткнулась о торчащий из-под земли корень дерева и упала, повредив лодыжку. Вскрикнув от боли, молодая особа уже готова была сдаться. Однако молодой человек не собирался преподносить себя и коллегу этим тварям на блюдечке. Приятель осмотрелся по сторонам. Никакого движения не наблюдалось. Звери притихли.

Астроном подошел к подруге и воткнул факел в землю. Сняв рюкзак, тот оторвал низ от своей майки и сделал тугую повязку на ее ноге. Затем помог юной даме встать. Та с трудом поднялась, но сделав шаг и наступив на поврежденную ногу с криком упала.

В этот самый момент через нее перескочило огромное животное со светлой шерстью и напало на ее друга. У них завязалась борьба. Девушка попыталась отшугнуть обитателя леса факелом, кричала, бросала в него все, что попадалось под руку… но ничего не помогало. Хищник не реагировал. Она на четвереньках подползла к ним и прыгнула сверху на мохнатого, сжимая своими ручонками его шею. Но чудовище смахнуло ее как мошку. Бедняга отлетела в сторону и удари-

лась о дерево. Что-то хрустнуло внутри, и волна боли резко накрыла ее с головой.

Пока молодая особа приходила в себя, зверь и его жертва кувыркались по земле. Слышалось рычание и крики. Из-под них летели клочки одежды, шерсти, останки веток. Прижав парня своим мощным телом к земле, обитатель леса сел на задние лапы и замахнулся, чтобы нанести удар когтями и разорвать мелкого человечишку в пух и прах. Однако Дима заметил неподалеку нож, который обронил в неравной схватке. Он кое-как изловчился, дотянулся до него и со всей силы резанул по лапе, рассекая мех. Послышался визг животного. На мгновение хищник ослабил свою хватку. Но уже через секунду, саданул мощной лапой по лицу своей жертвы. Молодой человек закричал от боли. Из последних сил товарищ повернулся к подруге и крикнул:

— Мэри, беги!

И в следующую секунду на него напало еще одно чудовище с опаленной шерстью на морде.

Юная леди понимала, что возможно это единственный шанс выжить. Она собралась с силами и через боль встала. Затем добралась до рюкзака, закинула его на плечи и, прихватив факел коллеги, помчалась со всех. Дикая боль пронза-

ла все ее тело. Ей хотелось кричать, но вместо этого девушка сжимала руки в кулаках до белых костяшек, чтоб хоть как-то утихомирить сотни игл, вонзающихся в ее плоть. Слезы без спроса текли по щекам.

Особо не различая дорогу куда бежать, главное подальше унести ноги от хищников, молодая особа выбежала к крутому обрыву и резко остановилась. Еще бы чуть-чуть и та полетела бы вниз навстречу своей смерти.

Беглянка облегченно выдохнула. Но ее ждали новые приключения. На открытой местности бушевал ночной ветер, который благополучно задул факел. Теперь жертва обстоятельств оказалась слепым котенком. Благо в эту ночь небо было чистое, и полная луна освещала скалы.

Мария поняла, что окончательно заблудилась и явно направлялась не в сторону поселка. Ей нужно было что-то делать. Бежать с травмированной ногой юная леди больше не могла… Да и куда убежишь от этих монстров? Лучше спрятаться и переждать. В надежде найти пещеру, она пошла вдоль склона.

Через некоторое время послышался знакомый рык. Цепляясь руками за кустарники и ветки одиночных деревьев, девушка изо всех сил старалась

ускорить шаг. Прислушиваясь к звукам леса и периодически оглядываясь назад, молодая особа не заметила сучок и налетела на него. Тот хлестанул ее по лицу с такой силой, что та упала от удара на колени. В ушах стоял звон, в глазах все поплыло. Почти теряя сознание, беглянка попыталась подняться, но все шло кругом. Рык приближался. Он становился громче. Словно звери были уже за спиной, но не торопились нападать.

Устав бороться и потеряв всякую надежду на выживание, жертва обстоятельств села на скальную породу и облокотилась о камень. Прикрыв на мгновение глаза, Мэри вдруг вспомнила по записку старушки и надпись: «Когда силы покинут тебя». Юная леди тут же достала свисток из кармана и, обретя новую веру на спасение, свистнула в него, но звука не было. Она повторила второй и третий раз, однако стояла та же тишина.

Подумав, что он сломался, девушка положила его рядом. Сквозь туман в глазах, молодая особа заметила огромную темную фигуру, приближающуюся к ней. Обитатель леса шел медленно, словно предвкушая победу. Слюни из приоткрытой пасти стекали на землю. Голубые глаза горели огнем. Хищник замер в паре метрах от нее, оскалился и приготовился к прыжку.

Беглянка, почти теряя сознание, уже приготовилась к неизбежной смерти, однако через секунду послышался топот, шум, визг, рычание. Мгновение спустя юная леди отключилась.

Солнце резко ударило в глаза. Поморщившись от яркого света, Мария почувствовала боль на лице, будто каток проехался по нему. С трудом разлепив веки, девушка обнаружила себя в кровати. Осмотревшись по сторонам, она поняла, что находится в каком-то доме.

Комната, в которой находилась гостья, была светлой и уютной. В интерьере использовались преимущественно пастельные тона. Оливковые обои отлично гармонизировали со шторами цвета кофе. На темном паркете лежала шкура белого медведя.

В спальне царил минимализм вперемешку с максимализмом. Минимум мебели: кровать, прикроватная тумба с декоративным ночником, шкаф в полоток, трельяж с пуфиком. Но при этом все остальное пространство наполняла зелень в разных ее проявлениях. От огромных деревьев до миловидных фиалок. Создавалось впечатление, что спишь в джунглях.

Пытаясь найти окна, в которые так мастерски проникли лучи солнца, та обнаружила, что окон

нет. Вместо привычных строений молодая особа увидела новые тенденции строительства: две стены, полностью сконструированные из стекла, открывали изумительный вид на лес.

«Хм, где это я?» — подумала выжившая, откидывая одеяло.

Намереваясь встать с постели, чтоб все получше разглядеть, юная леди почувствовала ноющую боль в ноге. И только сейчас путешественница заметила разбитую коленку, которую кто-то забинтовал.

«Что произошло?» — Мэри попыталась вспомнить последние события. Однако в голове была каша из обрывков воспоминаний.

«Что ж придется все собрать по кусочкам», — Шерлок в юбке записала в мозгу задачу номер два и все-таки решила встать через боль, чтобы выполнить задачу номер один.

И как только девушка поднялась, у нее тут же закружилась голова.

— Оу, полегче! — послышался приятный мужской голос.

Потом гостья почувствовала тепло рук. Они крепко обхватили ее тело, чтоб та не упала на пол. Желая удовлетворить свое любопытство, молодая особа подняла глаза и увидела белоснеж-

ную улыбку незнакомца. С его губ слетели слова:

— Тебе бы ещё отлежаться. У тебя скорей всего сотрясение.

Однако выжившая не слышала, что тот говорит, лишь наблюдала, как шевелятся его губы. Решив более тщательно изучить объект, юная леди подняла голову ещё выше и наткнулась на невероятно красивые зеленые глаза. Они показались ей изумрудными озерами, в чьих водах сонная красавица почти растворилась.

— А ты хорош, — вырвалось у нее.

Мария уткнулась носом парню в грудь и вдохнула его приятный аромат, от которого тут же закружилась голова. Ей показалось, что она летит, и расправила свои крылья.

Почувствовав, что тело девушки становится мягче, молодой человек подхватил ее на руки и уложил обратно в кровать. Как только голова коснулась подушки, спасенная сразу же отключилась.

Хозяин дома стоял в фартуке за плитой. На кухне тихо играл джаз. Он отбивал ногой мелодию и мастерски снимал вкусно пахнущие оладьи на тарелку. Повернувшись к столу за джемом, кулинар увидел гостью.

Та слегка помятая с взъерошенными волоса-

ми босиком кралась по усадьбе, осматривая все вокруг.

— Кушать будешь? — спросил у нее джентльмен, как только ее тело физически оказалось на территории столовой.

Молодая особа молча кивнула.

— Я приготовил тебе чай с лимоном и оладьи с клубничным джемом. Думаю, для начала попробуем это.

Выжившая села за стол.

— Как себя чувствуешь? Есть головокружение?

Но вместо ответа, собеседница задала вопрос:

— Мне показалось или я тебя уже где-то видела?

— Да, пару часов назад в спальне. Ты очнулась, но тебе рановато было бродить по дому… — пояснил незнакомец и его уста тут же расплылись в улыбке, словно тот что-то вспомнил.

— Я тебе что-то ляпнула? — догадалась юная леди.

Но кавалер лишь продолжал улыбаться.

Поняв, что именно так оно и было, Мэри решила прояснить ситуацию:

— Я ничего не помню. Все как в тумане…

— Это последствия после удара… — пояснил парень, не желая более смущать свою гостью.

— Удара? — переспросила девушка.

— Либо ты упала, либо тебя хорошо приложила ветка, — молодой человек кивнул в ее сторону.

Теперь она поняла, откуда такая боль на лице. Шерлок в юбке просканировала помещение на наличие зеркала, чтоб глянуть на себя красивую, но не нашла.

— В коридоре, — хозяин дома понял, что та ищет.

Выжившая молча прошла в коридор и посмотрела на свое отражение.

Левый висок явно был разодран в кровь. Рану обработали и наклеили пластырь. Над бровью виднелась припухлость, а ткани кожи уже окрасились в темный цвет — будет хороший такой синяк. На шее и декольте зияли царапины.

И тут в черепной коробке обрывками стали появляться картинки: лес, ночь, факел, дикие звери и кровь. Много крови. Неожиданно закружилась голова. Молодая особа попыталась схватиться за что-нибудь, чтоб не упасть и оказалась в руках незнакомца. Он видимо уже привык ловить ее, поэтому оказался рядом и в этот раз. Подхватив юную даму за талию, джентльмен поспешил успокоить ее:

— У тебя слабость. Тебе нужно попробовать

поесть, чтоб восстановить силы.

И с этими словами парень помог гостье добраться до стола.

— Так как тебя зовут? — спросил кавалер, отодвигая стул.

— Мария. Можно просто Мэри.

— Кирилл. Очень приятно.

— В баре! — неожиданно выдала девушка.

— Что в баре? — переспросил хозяин дома.

— Вспомнила, где я тебя видела… в том местном баре. Мы столкнулись около туалета.

Новый знакомый хмыкнул и повернулся к плите, чтобы взять оладьи.

— Да, ты тогда была чем-то озадачена и быстро спряталась в туалете… — ответил тот на ее предположение о месте их первой встречи и поставил свой кулинарный шедевр на стол.

Затем пошел с чаем.

— А что ты помнишь с прошлой ночи? — как-то медленно, словно подбирая каждое слово, спросил кавалер.

Гостья попыталась напрячь мозг, чтоб восстановить события, однако черных дыр оказалось намного больше, чем хотелось бы.

Она лишь отрицательно покачала головой.

— Что ж поешь, — поставил он бокал с чаем

и сел за стол. — Такое иногда бывает. Кратковременная потеря памяти из-за ушиба головы. Уверен, что скоро все восстановится.

Молодая особа улыбнулась:

— Благодарю…

Шерлок в юбке понятия не имела, как оказалась у этого парня. Что-то явно произошло, об этом красноречиво говорили ее раны, царапины и синяки. Но раз та у него, то скорей всего молодой человек ей помог.

— Может, ты мне приоткроешь занавес тайны? — попросила выжившая. — Раз я не помню, как попала сюда. Расскажи мне ты.

Кирилл немного подумал, потом прокашлялся и коротко ответил:

— Нашел тебя в лесу и принес домой.

— И все? — с сарказмом хмыкнула собеседница. — А где же грязные подробности? Рыцарские подвиги, сражение с драконом, все дела? Я так буду вспоминать полвека, что вытворяла вчера и за что заполучила такие трофеи на теле…

Спаситель улыбнулся.

«А она с юмором», — пронеслось у него в голове.

Хозяин дома посмотрел в ее чертовски завораживающие глаза и понял, что та все еще ждет

историю со слов «жили-были».

— Я лесничий и в мою обязанность входит проверка леса. Браконьеры иногда без разрешения в этих местах ведут охоту… ставят капканы и молодые неопытные животные могут в них попасть. Проверяя территорию недалеко отсюда, я увидел тебя без сознания с разбитой коленкой, кровавыми ранами на лице… Принес тебя к себе домой.

— А почему не в больницу? — уточнила Мария.

— Было уже достаточно поздно. В это время больница закрыта. Я осмотрел тебя на наличие серьезных травм и, убедившись, что ты легко отделалась, я залатал твои раны и уложил отдыхать.

Все это время юная леди молча слушала и рисовала в голове раны на коленке, на лице и вдруг картинки вновь стали появляться бессвязными вспышками. Через минуту девушка выронила бокал, разлив на скатерть остатки чая:

— Дима! — воскликнула гостья. — Ребята! Надо срочно вернуться в лес.

Она соскочила со стула и стала метаться по кухне.

— Стой, стой, стой! — успокоил ее пыл новый знакомый. — А теперь давай все по порядку. Кто

такой Дима? Что за ребята?

Молодая особа села за стол и начала рассказывать ему все подробности приключения их мини группы. С каждым новым словом паззлы вставали на свои места, образовывая единую картину. И к концу истории Шерлок в юбке поняла, что скорей всего уже никого нет в живых. Ее глаза растеряно бегали по узорам на столе, наполняясь слезами. Выжившая теребила кончик скатерти, находясь глубоко в своих мыслях, а потом вдруг резко выдала:

— А мой рюкзак? Где мой рюкзак?

— Успокойся. Твой рюкзак в спальне.

— Яков может быть ещё жив… надо идти на его поиски.

— Слушай, ты в таком состоянии и двух метров не пройдешь. Я сейчас позвоню шерифу. Все расскажу.

— Шерифу? — эхом повторила собеседница.

— Да, он мой друг. Он организует поисковый отряд. Они прочешут весь лес.

— Весь лес… — протянула юная дама и вдруг в голове что-то щелкнуло. — А как далеко твой дом от поселка?

— Примерно пара километров… — ответил тот.

Спасенная резко встала.

— Мне надо срочно вернуться в гостиницу! — совершенно серьезно заявила та.

— Хорошо, — протянул парень, совсем не понимая, что творится в ее хорошенькой головке, — если ты настаиваешь, я отвезу тебя…

— Я заберу рюкзак и надену свои вещи.

— Я их выбросил, — совершенно спокойно ответил кавалер. — Джинсы были сильно разодраны, майка вся в крови хоть выжимай…. Можешь оставить себе эти вещи.

— Спасибо, — Мэри кивнула головой и пошла в спальню.

Пока гостья забирала сумку, Кирилл прибрался на кухне: вымол посуду, убрал в холодильник несъеденные оладьи, оттер следы чая на скатерти. Посмотрев на часы, он понял, что девушка слишком долго собирается.

Молодой человек поднялся в спальню и обнаружил открытый балкон. Выйдя на него, хозяин дома увидел, как его подопечная босиком бежит прочь от усадьбы.

— Черт! — выругался тот и помчался за ней.

Догнав беглянку за считанные минуты, спаситель закричал:

— Стой! Ты чего творишь!? Твоя коленка после такого кросса опухнет ещё сильней. Какая муха

тебя укусила?

Но молодая особа не желала его слушать и бежала со всех ног как от огня… пока не споткнулась и не полетела на землю, пропахав ее носом.

Спринтер подбежал к ней и хотел помочь встать, однако та оттолкнула его, вскрикнув:

— Не тронь меня!

— Видимо вчера тебя хорошо приложило, — слегка разозлился ее опекун. — Зачем ты убежала? Я ж собирался тебя отвезти.

— Куда? На съедение твоим зверушкам? — бунтарка села на пятую точку. Повязка на коленке окрасилась в бордовый цвет.

— Что? — растерялся новый знакомый. — Каким зверушкам?

— Удивительно как складно ты врешь! — прошипела собеседница, вынимая занозу из содранной ладони. — Долго придумывал сказку о моем спасении? Андерсон…

— Какую сказку? — пытаясь сохранить спокойствие, уточнил лесничий. — Ты просила подробности, я тебе рассказал. Что не так?

— Да все не так! — возмутилась выжившая. — Ведь ты нашел меня далеко недалеко от дома, не так ли? Если твои хоромы находятся в паре километров от поселка, а мы с ребятами ушли

вглубь леса на двадцать… то, как бы мы с Димой быстро не бежали прочь от этих тварей, мы никак не могли преодолеть восемнадцать километров по пересеченной местности за такой короткий промежуток времени.

— Есть отличная поговорка: «У страха глаза велики». Ты даже себе представить не можешь, на что способны люди в момент страха.

— Ты видимо тоже в состоянии страха проверяешь всю эту огромную площадь леса, чтоб быстрей было. А за сколько ты успеваешь ее всю осмотреть? Мы с ребятами напрямик шли шесть часов… — не унимался Шерлок в юбке. — В моей голове никак не укладывается, а зачем леснику так далеко заходить? Разве твоя задача не проверять территорию близ поселка?

— Моя территория достаточно большая, — сквозь зубы процедил парень.

— Мне вот любопытно, разве не опасно проверять лес ночью, когда по нему бродят хищники, готовые разорвать тебя в клочья, чтоб поживиться твоими кишками? — юная леди сделала очередной выпад.

Понимая, что в его красивой истории и правда есть несколько ляпов, молодой человек решил применить хитрый ход:

— Нашел, принес домой, обработал раны… Могла бы и «спасибо» сказать! Я тебе жизнь спас…

— Спасибо, — резко бросила Мария. Та понимала, чтобы этот товарищ от нее ни скрывал, он действительно спас ей жизнь. По крайней мере, сегодня она точно жива.

— Послушай, если ты так любишь решать выдуманные головоломки — отлично. Только давай ты будешь это делать по пути в больницу, — джентльмен указал на ее коленку и протянул руку. — Пошли, я тебя отвезу.

— Я никуда с тобой не поеду! — твердо заявила девушка. Гостья с трудом поднялась на ноги. Боль в коленке усилилась. Еле сдерживая стоны, молодая особа облокотилась о дерево.

— Прекрасно, — выдохнул Кирилл. — Раз ты такая упертая, тогда иди до поселка сама.

— Вот и пойду, — буркнула собеседница и, поправив лямки рюкзака, зашагала в то направление, куда до этого бежала, удирая прочь из дома спасителя.

Пройдя пять метров Бунтарка почувствовала как боль в колене резко возросла, еще заныла лодыжка, которую она подвернула вчера, убегая от мохнатых обитателей леса. Сжимая руки в кулаках от боли, юная леди продолжала настойчиво

идти вглубь леса. Все это время опекун молча наблюдал за ней, ожидая что та сдастся, но подопечная оказалась чересчур упертой. Мгновение спустя тот не выдержал:

— Ты даже не туда идешь!

— Главное подальше от тебя!

— Так хочется потеряться в лесу? Горишь желанием повторить судьбу друзей?

— Которых ты типа не знал до моего рассказа?

— Нет, не знал…

— Ммм… а я думала, это у меня была кратковременная потеря памяти. А оказалось, это у тебя амнезия. И ты нас не видел вечером в день нашего приезда в баре. И утром за завтраком накануне нашего исследовательского тура тоже. Ты как раз там сидел со своим другом шерифом.

— Я сказал «не знал». Я не сказал «не видел».

— Ха-ха-ха, — истерично засмеялась Мэри. — Очередная игра слов. Тогда поясни свои вопросы: «Кто такой Дима? Что за ребята?»

Наступила тишина.

— Я так и думала. Поэтому катись ты к черту со своей мнимой заботой! — прорычала девушка. — Ведь тебе на самом деле плевать повторю ли я судьбу моих друзей.

— Какая же ты язва! — не выдержал парень.

— А ты осел, — не осталась в долгу молодая особа.

Молодой человек шумно выдохнул и подошел к ней вплотную. Затем пристально посмотрел в глаза этой чокнутой бабенки. А потом, резко подняв и запрокинув ее себе на плечо, пошел домой.

— А ну поставь меня на землю, сейчас же! — барахталась бунтарка.

Но тот даже ухом не вел.

— Отпусти меня, кому говорят! — злилась она, пытаясь ударить его кулаком побольнее.

Однако новый знакомый не реагировал на это.

Он принес ее домой, закрыл двери на ключ. Зашел на кухню, посадил подопечную на стул. Молча пошел за аптечкой, но когда вернулся, беглянки уже не было.

Хозяин дома пошел к главному входу и увидел, как юная дама вновь пытается улизнуть.

— Это ищешь? — спросил Кирилл, вертя ключами на указательном пальце.

Гостья повернулась и, увидев, что ее спаситель все предусмотрел, надула щеки.

— Живо на стул, — скомандовал кавалер. — Я посмотрю, что у тебя с коленкой. Или ты хочешь без нее остаться, потом не сможешь бегать вообще. Будешь с костылем передвигаться.

Мария шумно выдохнула через ноздри и после недолгого колебания направилась в сторону кухни. Однако по пути та увидела тот самый свисток на белой ленточке, который ей подарила хозяйка гостиницы. Он висел на крючке для верхней одежды.

Девушка удивилась, откуда вещичка здесь оказалась. Последнее что помнила молодая особа, как достала предмет из кармана и выпустила в него всю порцию воздуха из легких. А потом через считанные минуты появилось нечто огромное и напало на диких зверей преследовавших ее.

— А это у тебя откуда? — она тут же схватила свисток.

Опекун автоматически потянулся к нему, но потом остановился. Парень не хотел ещё сильнее усугублять ситуацию, ведь бунтарка и без того слишком многое понимала.

— Я подобрал его около тебя… хотел потом тебе отдать… — решил он успокоить Шерлока в юбке.

Однако юная леди подумала: раз в прошлый раз ее спасли от кровожадных хищников, значит и в этот раз ей могут помочь и вызволить из лап этого странного типа. И решив проверить свою теорию, гостья свистнула в него со всей мощи и снова ничего не услышала.

А вот молодой человек схватился за уши и повалился на пол. Новый знакомый корчился от боли и рычал.

Подопечная испугалась и отпрыгнула назад. Выжившая не понимала, что происходит и почему лесничий вдруг так отреагировал на манипуляцию со свистком.

Какое-то время та стояла в растерянности. А потом осторожно на цыпочках подошла к нему. Тот уже успокоился и тихо лежал, свернувших калачиком.

— Кирилл? — виновница коснулась его плеча.

Но хозяин дома не отвечал.

— Кирилл? — беглянка его потрясла.

Однако и на это опекун не реагировал.

Мария перепугалась не на шутку. Она не хотела, чтоб еще с ним что-то произошло. Ей хватило смерти ребят. Мысли хаотично бегали в черепной коробке в поисках ответа. Девушка раньше с таким не сталкивалась и даже не знала что делать. Потом молодая особа побежала за телефоном, собираясь вызвать скорую. Но спохватилась, что даже не знает где здесь телефон, и какой номер набирать.

— Боже что делать? — в панике гостья бегала из коридора на кухню и обратно.

Время спустя ее спаситель начал шевелиться. Бунтарка тут же подлетела к нему и со слезами на глазах начала просить прощения:

— Прости, прости меня, пожалуйста! Я не хотела! Я…

Парень потихоньку оживал.

— Что? Что мне сделать? Может скорую? Я не знаю, как ее вызвать… Может какие-то лекарства? — в ее голове все ещё преобладал хаос.

— Не… — тихо выдохнул молодой человек.

Юная дама наклонилась к нему, чтобы услышать, что он говорит.

— Не делай так больше, — попросил ее новый знакомый.

— Хорошо. Я не буду! Честно! Я обещаю, — подопечная находилась в замешательстве, не понимала, что конкретно не делать. Однако та была готова пообещать все, что угодно лишь бы кавалер пришел в себя.

Хозяин дома выпрямился, затем сел. Беглянка с тревогой смотрела на него:

— Тебе легче?

Кирилл перевел на нее взгляд и медленно кивнул.

— Вот ты заноза, — выдохнул опекун.

Мэри виновато опустила глаза. Она сжала губы

и нахмурила лоб. Девушка вмиг стала такой беззащитной и ранимой, что ее спаситель невольно улыбнулся. Он какое-то время любовался ее прекрасными волосами, спускающимися большими локонами на ее хрупкие плечи. Наблюдал за губами, которые гостья покусывала, чувствуя за собой вину… потом перенес свой взгляд на нежные кисти рук со всеми царапинами и ссадинами. Парень заметил, как ее пальцы теребили край его большущей майки, которая сидела на ней как платье. Все это настолько завораживало его, что тот даже немного испугался.

— Кхм, тебя надо отвезти в больницу и посмотреть что с твоим коленом, — медленно произнес лесничий, ожидая очередной реакции бунтарки.

Однако молодая особа совершенно спокойно прошептала:

— Хорошо, поехали.

Хозяин дома был очень удивлен:

«Затишье перед бурей?»

Кирилл поднялся на ноги, помог подопечной и, указав на дверь в другом конце коридора, сказал:

— Нам в гараж.

Через пятнадцать минут ребята уже стояли около главного входа в больницу. Молодой че-

ловек как истинный джентльмен помог юной леди выйти из машины, и они направились в регистратуру.

Помещение оказалось намного меньше, чем могла себе представить Шерлок в юбке.

Небольшое одноэтажное здание с двумя коридорчиками прямо и направо, по четыре кабинета в каждом крыле и маленькой дежурной частью для регистрации больных. Девушка в форме медсестры дала заполнить какие-то бумаги. Новый знакомый отвел ее в сторону и, посадив на скамейку, пояснил:

— Надо заполнить документы. Указать свои данные и группу крови. Написать, на что жалуешься и каким образом ты получила все свои травмы.

— Серьезно? — удивилась спасенная. — Мне так и написать, что на меня напал гибрид медведя с волком?

— Тише, тише, — шикнул лесничий. — Напиши, что упала, когда гуляла в лесу…

— Но ведь это не правда! — возмутилась выжившая.

— От части, правда. Просто мы не все будем им говорить.

— Но… — хотела дальше пререкаться Мария.

— Пойми, — перебил ее парень. — Если жители узнают о таких нюансах, начнется паника и хаос. У страха глаза велики. Я обещал подключить шерифа. Мы решим эту проблему!

— Хорошо, — кивнула собеседница. — Я напишу то, что ты просишь. Но потом ты мне расскажешь, какого хрена тут происходит!

Ее спаситель хотел было придумать очередную отговорку, но барышня была настроена серьезно:

— И не надо мне заливать, что это моя бурная фантазия! И вы тут все невинные единорожки!

Тот тяжело вздохнул. По всей видимости, выхода у него не было. Ему не хотелось, чтобы бунтарка устроила местный апокалипсис.

— Ладно, — согласился молодой человек, — Заполняй документы, я сейчас вернусь.

И с этими словами, он пошел по правому коридору в самый конец.

«Если у него есть знакомый врач-травматолог, я не удивлюсь!»

Довольная собой Шерлок в юбке принялась за бумажки. Заполнив все графы и оставив автограф на память, девушка подняла голову, чтобы посмотреть на месте ли медсестра в приемной и увидела парней из бара, шедших по коридору

прям в ее сторону.

Тот, что сидел в клетчатой толстовке, резко сменил стиль и побрился под машинку. На его левой части лица виднелись свежие следы от ожога. Другой, которого она запомнила, как напыщенного индюка в кожаной куртке, прихрамывал. На этот раз с ними был третий — светловолосый парнишка. Его правое предплечье было перебинтовано.

Молодая особа выронила ручку. В ее голове будто сошлись все кусочки пирога. У парней те же раны, что и у зверей, которые напали на них в лесу. Одного Дима опалил горящей веткой, врезав ему прям по морде. Теперь у черноволосого шрам от ожога. Хищника со светлым мехом тот ранил ножом — у парня явно зашит порез. А третьему видимо досталось, когда он хотел сожрать беглянку на тех скалах, но на помощь пришло нечто похожее на них. В тот вечер в баре от громилы исходили угрозы, пусть и неявные, пусть и без слов, но… вот они воплотились в реальность.

У гостьи бешено стучало сердце, казалось еще мгновение и оно вырвется через грудь. Внутри появилась тревога, ее поджилки тряслись. Она понимала, что здесь не безопасно и если они ее сейчас увидят, то неизвестно чем на этот раз

закончится их очередная встреча.

Медленно стекая со скамейки, выжившая старалась не дышать. Та никак не могла понять за что? За что они так хладнокровно убили ее друзей? Слезы навернулись на глазах. Вспомнив окровавленное тело Лары, юная дама еле сдерживала истерику.

Добравшись на четвереньках до стойки регистратуры, Мария просто вжалась в нее всем телом. Серое вещество начало активно работать. В черепной коробке со скоростью света пробегали картинки, мысли, предположения, вопросы.

«Боже!» — вопил ее мозг. — «Это же уму непостижимо! Что они такое? Медведь? Нет, этот вид животных чересчур медленный. А эти неслись словно… Волки? Но это же не чернобыль. Откуда здесь такие огромные волки? Неужто метеорит все-таки сыграл в этом какую-то роль?»

Спасенная прислушивалась к каждому шороху в коридоре.

«Метеорит! Вот и причина убить группку ученых, явившихся в логово монстров… конечно! Враг, способный раскрыть их тайну, явился на их территорию. Это определенно угроза их существованию. А от угрозы избавляются…» — чем больше девушка размышляла об этом, тем больше ввер-

галась в ужас. Ведь такие личности готовы на все, чтобы похоронить свою тайну вместе с телами узнавшими ее.

— Ты чего здесь сидишь? — удивленно поинтересовался опекун, который только что вернулся.

Гостья подскочила на месте от испуга. Теперь молодая особа нигде не чувствовала себя в безопасности. Беглянка тяжело дышала. В мозгу горела красная лампочка: «Что же делать? Что же делать?»

В этот самый момент трое парней, от которых та усердно пряталась, поравнялись с дежурной частью. Увидев старого знакомого, они остановились и несколько секунд пристально смотрели на него. Потом перевели взгляд на пол и, увидев сжавшийся трясущийся комок, узнали в нем свою жертву, которую не добили вчера.

«Все, мне конец!» — мысль пролетела в голове почти покойницы.

Дерзкий бугай сделал шаг в их сторону. Выжившая понимала, что сейчас начнется первый акт ее убийства. Однако лесничий отрицательно покачал головой и указал на пистолет в кобуре, дав им понять, что не стоит затевать здесь драку.

«Так вот почему Кирилл не хочет говорить об этом инциденте во всеуслышание?» — догадалась

бунтарка. — «Парень просто знает этих чудовищ в лицо! Вопрос заодно ли он с ними? Не думаю. Тогда я бы скорей всего была уже мертва. Зачем ему свидетель? Он позволил бы им растерзать меня…»

Громила сделал еще один шаг и недовольно зарычал, оголяя свои белые зубы. Именно зарычал. Барышня пребывала в шоке, такое юная леди видела впервые. Звери готовы были раскрыть себя в присутствии местных лишь бы избавиться от лишних приезжих глаз. Вжавшись в деревянную конструкцию еще сильнее, свидетельница разборок местной мафии была похожа на труп — такое бледное лицо у нее стало от разворачивающихся событий. Однако Мэри ещё больше обалдела, когда ее спаситель ответил ему тем же. По зданию разнесся мощный рык. Затем между ними завязалась молчаливая перепалка. Девушка смотрела то на одного, то на другого и ее глаза с каждой секундой становились все шире.

«Странная сказка о моем спасении… странная реакция на свисток… о мой Бог!» — до нее только сейчас дошло, куда она вляпалась на самом деле. — «Он такой же, как и они!»

Молодая особа боялась, что сейчас начнется третья мировая с разносом казенного имущества.

Та уже собиралась использовать секретное оружие против хищников, дабы выиграть время и сбежать куда подальше, чтоб ее ненароком не зацепило волной агрессии самцов. Как вдруг в дверь вошли Анна с Егором и старушка громко защебетала:

— Итако, вот ты где! Мы так переживали за тебя, — седовласая чудачка кинулась обнимать ничего не понимающую гостью.

Парни резко прекратили выяснять отношения. Короткостриженый дал команду своему цепному псу отойти в сторону.

— Итако? — переспросил Кирилл.

— Во всей ее красе! — улыбнулась хозяйка гостиницы.

Егор бросил свой вороний взгляд в сторону трех бандитов и те поспешили испариться.

— Моя дорогая, ты в порядке? — любезно спросила домовладелица, осматривая ее с ног до головы.

— Да, более или менее, — медленно ответила беглянка. — Благодаря вашему подарку.

Анна оголила свои белые зубы и в своей манере выдала:

— Все возвращается на круги своя, на то и в венах голубая кровь.

Шерлок в юбке скорчила гримасу замешательства. Спасенная все еще находилась в глубоком шоке, чтобы понять смысл сказанных слов.

— Разбирайся со своим здоровьем, и мы ждем тебя на чай, — старушка похлопала ее по плечу и они с мужем отправились восвояси.

Юная дама, хлопая ресницами, провожала их взглядом. Когда за ними закрылась дверь, дважды выжившая, дошла до скамейки и села. В голове сейчас был такой сумбур, что ей хотелось исчезнуть из этой реальности.

— Давай все-таки посмотрим твою коленку, — напомнил о себе защитник, присев напротив подопечной.

Мария медленно подняла глаза и молча уставилась на него.

Парень не торопил ее. Тот понимал, что такое нужно переварить.

Через пару минут девушка тихо спросила:

— Кирилл, что ты?

После той сцены с ребятами, молодой человек понимал, что этот разговор неизбежен. Кавалер сел рядом. Немного помолчал, собираясь с духом.

— Мэри, я… оборотень, — прошептал новый знакомый.

У гостьи вырвались эмоции наружу. Все, что

она так старательно прятала внутри себя, хлынуло фонтаном. Все эти кровавые сцены встали перед глазами: безжизненные глаза Лары, бегство и погоня, борьба Димы с ночными монстрами… Барышня ревела навзрыд и не могла успокоиться. Казалось, что вся ее жизнь рухнула в одночасье. Лесничий хотел ее обнять, но та отстранилась, оттолкнув его от себя.

— Ты! Они! Мои друзья… — всхлипывала молодая особа.

Ее всю трясло. Юная леди жадно хватала воздух, потому что эмоции душили ее. Боль разрывала сердце на части. В голове пронеслось: «Лучше я умерла вместе с ними!»

Спасителю было тяжело видеть ее такой. Ему хотелось рвать и метать, ведь он понимал, что в сложившейся ситуации есть и его вина: не учел все риски, не просчитал все ходы этой шайки, не обеспечил безопасность людей в лесу. Но уже все произошло, как произошло. Оставалось только смириться. Парень все же обнял эту хрупкую израненную душу, несмотря на ее активное сопротивление. Бунтарка била его кулаками, пыталась вырваться из его рук, однако Кирилл не отпускал ее. Когда силы бедняжки иссякли, молодой человек обнял девушку еще сильней и

прошептал:

— Прости, я не смог спасти твоих друзей! Мне очень жаль… Но тебя я не дам в обиду!

Новый знакомый гладил ее по волосам и просто ждал, когда подопечная успокоится. Какое-то время они сидели молча обнявшись. Спасенная все ещё периодически всхлипывала, но истерика потихоньку отступала. Вскоре к Марии вернулась способность мыслить здраво, говорить спокойно и дышать всей грудью.

Барышня посмотрела на лесничего своими заплаканными глазами и прошептала:

— Так значит, это я тебя позвала тем свистком.

Кавалер кивнул головой.

— Получается тогда ты и правда спас мне жизнь, а я наезжала на тебя…

Джентльмен улыбнулся.

— В итоге я дважды твоя должница… — ее голос звучал уже не так грустно.

Парень смотрел в бездонные глаза гостьи, что так неожиданно ворвалась в его спокойную жизнь и сердце бешено колотилось. Он не удержался и поцеловал ее. На удивление этот нахал не получил по своей наглой морде. По всей видимости, молодой особе это оказалось нужным. Юная леди ответила взаимностью, прильнув к

нему. Их уста слились в горячем поцелуе. Волна возбуждения такая мягкая и щекотящая все тело накрыла обоих.

— Доктор готов вас принять, — мило улыбаясь, оповестила медсестра отличную новость.

Кирилл оторвался от такого увлекательного занятия не без сожаления и ответил:

— Благодарю, мы уже идем.

Бунтарка опустила глаза, заливаясь румянцем. Кто-кто, а она точно не ожидала такого поступка от самой себя. Все вмиг переменилось. Осознание мира перевернулось с ног на голову. Спасенная даже не знала что сказать.

Лесничий встал, подхватил пострадавшую на руки и понес в кабинет. Его уста расплылись в довольной улыбке.

Мариэтта А. Роз
Посеявшие бурю

Глава 1. Джарет и Мариэтта

Когда Джарет положил перед Мариэттой на одеяло стопку университетских проспектов, она так удивилась, что смогла только вымолвить:

— Что это?

— Твой билет в будущее, — снисходительно ответил Джарет.

Мариэтта оглядела смятую после бурного секса кровать.

— Серьезно? Ты лучше момента выбрать не мог?

Правая бровь короля изящно выгнулась.

— Что не так?

***

Он только что вернулся из поездки по Грани и до этого момента пребывал в прекрасном настроении, потому что поначалу всё складывалось просто прекрасно!

Джарет всем сказал, что хочет проверить имеющиеся активы в Европе. Мариэтта хоть и возжелала поначалу отправиться с ним, но узнав причину, тут же передумала — таскаться по пыль-

ным офисам и смотреть, как Король домовых тычется носом в бумаги и мечет разноцветные грозы, не особенно интересно. А по магазинам ее одну не отпустит, мол, накупишь чего попало.

На это и ставилось! Ведь на самом деле прославленный красавец Эльсидории ездил посмотреть университеты, каждый из которых в свое время становился его alma mater. Всё оказалось в полном порядке. Традиции сохранены, новшества внесены.

Вдохновлённый увиденным, Джарет вернулся домой с кипой проспектов, дабы великодушно предоставить Мариэтте право выбора, и ее реакция ему совершенно не понравилась.

***

— Что не так?

— Я просто растерялась, — быстро нашлась Мариэтта. Всплеснула руками. — Это так неожиданно!

Хотя чего тут неожиданно? Он ведь обещал! Правда, прошло время, Мариэтта успела забыть. Зря, конечно.

— Ладно, — сгребла проспекты в кучу, — я посмотрю.

Вдруг остановилась:

— А ты посчитал сколько это стоит? Тебе ведь нужно оплатить не только курс. Я буду жить в общежитии или мотаться туда-сюда? Мне нужна новая одежда, учебники, тетради. Я же не могу вот в этом, — указала на брошенное на пол платье, — ходить на лекции!

Джарет улыбнулся, взмахнул рукой, мол, не страшно!

— Ты серьезно согласен на такие траты ради меня?

Король домовых наклонился к Мариэтте.

— Понимаешь, дорогая моя девочка, — произнес он, целуя ее плечи, — наши отношения входят в ту стадию, когда важно поговорить. А ты… — потянулся губами к заветной ложбинке на нежной шейке.

Но Мариэтта отстранила его.

— Джер, ты придурок.

***

После ужина, когда сладкая парочка расположилась в библиотеке для тихого, почти семейного вечера, Мариэтта разложила проспекты на шкуре медведя, принялась их рассматривать. Джарет устроился на диване с книгой в руках. Не читал, конечно, притворялся. На самом деле он с

любопытством следил за тем, как брошюры то оказывались в нежных руках, то откладывались в сторону. Пытался угадать, что она выберет. Экономика? Юриспруденция? Языки? История? *«Пусть это будет что-то практичное, — загадал Король домовых. — Что-то чему можно найти применение здесь»*.

— Я буду жить в общежитии, — безапелляционно заявила Мариэтта. — Перспектива мотаться туда-сюда мне не нравится. Да и небезопасно так часто по порталам одной бегать.

Мысленно поблагодарила всех тех сотрудников университетов, которым выпало несчастье пообщаться с таким редким ретроградом как Король домовых, что они не сумели или не захотели объяснить ему, что такое дистанционное образование.

— Слушай! — посмотрела на короля через плечо: он читал. Спросила: — А общаги сейчас смешанные или как?

Джарет от неожиданности крякнул. Этот момент он как раз забыл уточнить!

— Хотя все равно! — женщина небрежно махнула рукой. — Студенческий городок один, все вместе тусят. Слушай, Джеррь! Я же никогда не была на настоящих студенческих тусовках! Там,

где пьют, курят травку, конкурсы мокрые маечек! Как же будет весело!

Король домовых насупился.

— Позволь напомнить, что я отправляю тебя учиться, а не проверять мои нервы на прочность.

— Нуу, — Мариэтта грациозно села. — Знаешь, если я пару раз зависну на какой-нибудь тусе с молодыми горячими парнями — ты же не будешь считать это изменой? — хитро улыбнулась. Потянулась. — О! эти конкурсы со взбитыми сливками! Я в кино видела, — сверкнула чернющими глазами. — Это знаешь, когда руки девушки от кончиков пальцев до плеч покрывают взбитыми сливками, а парни на скорость их…

— Пожалуйста! — Джарет со стуком захлопнул книгу. — Если тебе так охота! Но если хоть один из этих горячих молодых парней залезет тебе под…

— Поняла! Учиться так, учиться.

Джарет показательно сверкнул разноцветными глазами. В знак того, что не сердится, открыл книгу.

— Слушай, — вдруг вспомнила Мариэтта, — у меня же нет аттестата? Мне надо экзамены сдать или что там?

Джарет зевнул, переворачивая страницу.

— Не волнуйся! Я сам тебя подготовлю.

Мариэтта выпрямилась, закусила губу.

Резко встала. Сказала:

— Мне надо подумать.

И ушла.

Вернулась через полчаса.

— Джерри, — спросила она, — как ты посмотришь на то, что сперва я вернусь в школу? В старшие классы?

Глава 2. Мариэтта

— Школа? Ты серьезно? — поразился Вадим. Потянул колу через соломинку. — Я бы ни за что не вернулся в школу! Особенно в старшие классы.

Мариэтта закинула в рот хрустящую соломинку картошки, согласно кивнула:

— Да, я абсолютно серьезно.

Они сидели на Грани в кафешке быстрого питания — то ли МакДак, то ли KFC,то ли что-то между — весьма типовое заведение с меню на основе быстрых углеводов и сахара. Гамбургеры из заморозки, кола с пузырьками кислорода, одноразовая посуда и роботы в качестве официантов.

Джарет ни за что бы не пришел в такое место, но им нравилось. Еду, конечно, никак нельзя здоровой, но эти гамбургеры были такими сто лет назад и будут такими через сто лет. Именно эта неизменность привлекала оборотня-полукровку и Хранителя ключей.

— Как Джерри это переварил?

— Молча, — ответила Мариэтта. — Он прав, мне нужно учиться. Я думала об этом, но считала, что вполне достаточно книг. Есть ведь умники, получившие образование в библиотеке. — Вздох-

нула. — Боже, как я была наивна!

Женщина вонзила острые зубы в хрустящую булочку.

— В общем, наплела, что не отжила подростковые комплексы, они мешают мне двигаться дальше. Джерри, конечно, прифигел. Откуда этому старому пню знать, что такое подростковые комплексы? Но я сказала ключевую фразу.

— Какую? — поинтересовался Вадим со смехом.

— Спроси Тима.

Мариэтта глотнула колы.

— На рассвете мы потащились в Альфар.

Вадим развернул свой гамбургер.

— А разве эльфы знают, что такое подростковые комплексы? По-моему, они сразу из детей переходят в разряд вечного юношества. А потом бац! — и рассыпаются на части.

Мариэтта согласно кивнула.

— Верно. По-моему, у эльфов есть только один комплекс: чья кровь древнее? Как будто это на самом-то деле так уж и важно! — Отмахнулась: — Не в этом суть.

Повозила картошкой в соусе.

— Но Тим на то и Тим, не подвел, хотя совершенно не ожидал. Вадик, он наплел столько

умных фраз, ты бы его слышал! Даже Джерри ничего не понял.

— Но в итоге он согласился?

— Да, в итоге согласился, — подтвердила Мариэтта. — И теперь бегает в поисках школы, а мы сидим тут. Лучше бы я, конечно, сама выбрала. Да мне любая подойдет! Но ты ведь его знаешь. Если не повозит своим королевским носом по всем вековым углам, то ничего никому не позволит делать, а я не хочу ссориться. Меня и так смущает то, сколько денег он собирается потратить. И, заметь! Он абсолютно доволен. Такое с ним бывает крайне редко.

Умолкли.

К столику подкатил робот-официант. Ловко механическими руками покидал смятые обертки в специальный люк, вежливо поинтересовался:

— Желаете что-то ещё?

Вадим покосился на задумавшуюся соседку, попросил повторить.

Мариэтта даже не отреагировала, когда принесли новый поднос. Просто взяла гамбургер, принялась есть.

— Мари, все-таки зачем? — решился спросить Вадим. — Я, честно говоря, не совсем понимаю, зачем тебе нужно именно университетское об-

разование? Что ты с ним будешь делать в этом средневековье? Тем более Джерри и так оплатил уже несметное количество уроков! Все лучшие учителя Эльсидории с тобой занимались.

Наклонился вперед, сказал:

— Признаю, поначалу кой-какие косяки были, но сейчас ты ничуть не хуже всех этих фурсеток с гербами! Нет, ты даже лучше их.

Щеки Мариэтты чуть покраснели, но она не ответила.

— Ну ладно, Джерри, — продолжил Вадим, — его порой сложно понять. Может это просто какая-то его очередная блажь. Но тебе-то это зачем?

— Ты прав, я даже не мечтала о таком!

Мариэтта излишне резко взмахнула гамбургером. Немного салата просыпалось на пол, тут же засуетился робот-уборщик.

— Я бы не стала его просить об этом. Он и так слишком много мне дал. Вадик, ты не представляешь, как это тяжело, — черные глаза женщины стали чуть влажными. — Джерри невероятно щедр на дары, но при всем этом настолько же скуп. *«Моя дорогая,* — Мариэтта мастерски изобразила характерную королевскую интонацию, — *в этом месяце мы сожгли на три свечи больше, тебе надо меньше шарахаться по ночам*

по замку». У него же всё посчитано, всё спланировано. Перебор хоть на грош — уже гарантирована истерика. И тут вдруг этот жмот соглашается на такие расходы. Ладно бы я просила, но это он! Он просит меня выбрать.

— Согласен, — кивнул головой Вадим, — это подозрительно.

— Самое ужасное, что я не могу выбрать! — брови Мариэтты взметнулись домиками. — Потому что не знаю, чего хочу! Я только сейчас поняла, что никогда не думала о том, как бы распорядилась со своей жизнью, если бы… — Осеклась. — В Космополинске у меня не было перспектив. Никаких. Поэтому даже не позволяла себе мечтать. Официантка, продавщица — и на том спасибо. Но там, в тех условиях это было нормально. Даже естественно. Потом узнала другую жизнь, но и в ней меня тоже особо никто не спрашивал: хочу я всего этого или нет? Присутствие Джарета на самом деле очень сильно мешает думать о таких вещах. И тут вдруг надо решать!

Мариэтта так рванула пакетик с картошкой, что рассыпала ее по столу.

— Я не знаю, чего хочу от своей жизни. Меня устраивает то, что есть сейчас, но при этом прекрасно понимаю, что рано или поздно это

закончится. И… Черт! — прижала кулачок ко лбу. — Надо взрослеть. Я не могу вечно быть под его крылом! — Грустно улыбнулась. — Так что не особо наврала про подростковые комплексы.

Вадим покачал стаканчиком с колой. Сказал:

— И все-таки купить аттестат было бы дешевле. Одно дело — получить образование в хорошем институте, а другое — вернуться в школу.

Переглянулись.

— Дело в Джерри, да? — догадался Вадим.

— Да, — после короткой паузы призналась Мариэтта. — Он такой умный! Я порой чувствую себя рядом с ним редкостной дурой.

— Это не так, — поспешил заверить ее Морш. — Ты очень умная, просто Джер — ходячая энциклопедия, и не мудрено! У него была масса времени набраться всего подряд. Ты тоже научишься. Я в тебя верю. Уверен, он тоже в тебя верит.

Мариэтта несколько смущенно улыбнулась.

— Спасибо!

Поправила волосы.

— Но я вернусь в школу и сама подготовлюсь к экзаменам. Не хочу, чтобы Джерри узнал, насколько у меня всё печально.

Глава 3. Вадим и Тим

— Что происходит?

К этому вопросу Тим оказался не готов. Благородный эльф в данный момент прогуливался по саду и размышлял о жизни. Сию привычку он приобрел за долгие годы супружеского отчуждения. Сейчас, конечно, жаловаться не на что, но все равно тянуло побродить среди цветов и повздыхать на тему мимолетности бытия. Поэтому Тим совершенно не обрадовался внезапному визиту и тем более такому странному вопросу.

— Ничего не происходит, — ответил король Альфара, сразу поняв, о ком речь. — Пусть развлекаются.

— Хороша веселуха! — буркнул Вадим Морш и сунул кулаки в карманы. Добавил: — Она переживает.

Пришлось напомнить:

— Она — не твоя забота.

Тим сделал несколько быстрых шагов, демонстрируя не желание обсуждать друзей, но при этом, чтобы не выглядеть невежливым, остановился у большого розового куста, вроде как именно туда и нужно было отойти. Сказал вслух:

— Надо велеть посадить цветы и попроще. Для разнообразия. Да и потом, счастье в простых вещах!

Но Вадим не желал отступать, чуть ли не крикнул:

— Я всё понимаю, но она переживает!

Тим быстро огляделся: нет ли поблизости слуг? Убедившись, что они одни. Шагнул к другу и сказал твердо, негромко:

— То, что Джерри тогда не вывернул тебя наизнанку, — просто везение. Возьми себя в руки и постарайся поменьше участвовать в ее судьбе. И меня не привлекай! Думаешь, я не переживаю за нее? Еще как! Особенно каждый раз, когда он приезжает, первый министр выносит мне мозг фразочками в духе «Король домовых одним своим присутствием превращает порядочный дворец в бордель!» — Тим скривился. — Я бы с удовольствием не пускал Джерри в свое дом, если бы он не был моим другом.

Вадим неопределенно повел плечом.

— Не забывай о самом главном, — напомнил Тим.

— Она чужая?

— Нет! — чуть ли не вскричал благородный эльф. — Она — оборотень!

— Это не делает ее чудовищем! — возмутился Вадим.

— Конечно, нет, — согласился Тим. — Мари невероятно мила, трогательна, обворожительна. Честно говоря, я понимаю, почему Джерри так увлекся ею. Редко встретишь такое сочетание почти девственной чистоты и подлинного мрака ужаса.

Благородный эльф прошел в беседку, жестом пригласил Вадима. Тут же появился слуга с кувшином вина и легкими закусками.

— Джерри ее ведь поэтому и стал выгуливать по приемам, — продолжил Тим, когда они остались одни. — Экзотика! Правда, пришлось утроить королевскую стражу. И, поверь, так поступили абсолютно все.

— Мариэтта — не дикий зверь на цепочке! — вновь возмутился Вадим.

— Точно! — кивнул Тим. — Дикий зверь без цепочки.

Морш нахохлился.

— Ты просто мало имел дел с оборотнями, — назидательно произнес эльф. — А вот мне порой приходиться общаться с вождями. Поверь! Удовольствие крайне сомнительное. Один из них, кстати говоря, дед Мариэтты. Если честно, Джа-

рет по сравнению с ними — просто капризное дитя, которому достаточно дать игрушку, и он успокоится.

Вадим недоверчиво поразился на друга.

Тим поджал губы, продолжил:

— Расчетливые безжалостные, повернутые на евгенике. Какое счастье, что они предпочитают обитать на периферии Эльсидории, и только раз в год молодняк бежит через лес! И этого хватает.

Вадим вспомнил, как не так давно они втроем тайком крались по Тропе волков. С какой яростью Джарет дрался с молодым оборотнем, и с каким равнодушием к чужой смерти смотрел на происходящее Тим. *«Книжные эльфы,* — подумал Морш, — *терпеть не могли орков, реальные — оборотней. Но к Мари это почему-то не относится. Или же?..»*

Спросил:

— Анжела была такой же?

Тим задумался.

— Сложно сказать. Она производила впечатление женщины, которая больше сокрушаются об отсутствии шелковых простыней, чем о чувствах других. Когда узнал про ее шуры-муры с Джерри, помню, посмеялся: наконец-то и его кто-то использует! Хотя особо против он не был.

Благородный эльф что-то вспомнил, нахмурился.

— Я очень удивился, когда узнал, что она умерла, защищая своих… дочь. Я был уверен, что оборотни на это не способны. Особенно когда идет речь о дефектном потомстве. Знаешь…

Тут Тим ударился в воспоминания, и Вадиму пришлось выслушать несколько махровых историй, прежде чем ему удалось вернуть разговор в нужное русло.

— Я думаю, Джерри в отношении Мари просто хочет сделать несколько шагов назад, — ответил благородный эльф. — Так сказать, чуть отдалиться.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Морш. — Он… хочет бросить ее?

Вадиму повезло: к этому моменту Тим уже выпил пару бокалов и был настроен весьма благодушно, поэтому ответил:

— Не знаю! Не уверен. Не сейчас. Слишком дорого для него. Скорее просто хочет взять паузу, помыслить, отдохнуть немного. В первую очередь от нее. Вообще, насколько успел заметить, у Джерри всего три сценария любовных похождений. — Загнул палец. — Быстрый секс и не менее быстрое расставание. — Загнул второй палец. —

Регулярный секс без обязательств. При этом ему все равно с кем еще развлекается барышня, если из-за этого нет дополнительных расходов. И, наконец, — загнул третий палец, — то, что можно назвать романом. Он влюбляется, встряхивается, молодеет. Долго ухаживает, осыпает подарками. Невероятно нежен и творит множество премилых глупостей, на которые так падки барышни. Затем вдруг начинает вести себя, как полный мудак. За этим следует болезненное расставание и кутежи, а потом он успокаивается и становится скучным, занудным старикашкой.

Вадим удивился: представить самого знаменитого красавца Эльсидории в качестве рассыпающего деда в кресле-качалке оказалось сложно. Морш, конечно, знаком с Джаретом не так давно, как Тим, но все равно ни разу не замечал за королем ничего такого, что считал старостью. Да, ворчлив. Да, зануден. Но все-таки!

Впрочем, ладно! Пусть эльфы хотя бы изредка посмеиваются над истинным возрастом Короля домовых, сейчас речь не об этом.

Спросил:

— А какой сейчас сценарий?

Тим молчал долго. Наконец ответил:

— Третий. — И добавил: — У тебя ни единого

шанса!.. Пойми, дело не в деньгах, не в титуле, — Тим посмотрел прямо в глаза Вадима. — Он видел то, каким она может быть монстром, но не испугался. Я это точно знаю! Сам делал ему мазь для сведения шрамов на груди. Помнишь, они проваливались в щель? Ты обратил внимание, что некоторое время после возвращения Джерри застегивал рубашку на все пуговицы?

Вадим кивнул: да, было дело.

— Я не знаю, что там случилось, но Мари чуть не задрала его. Пытался выведать подробности, но Джерри отмахивался с такой легкостью, словно речь о пустяке.

— Но я не боюсь ее! — горячо возразил Вадим.

— Пока что, — ответил Тим. — Мы еще не видели ее такой, какой она может быть. Надеюсь, нам повезет, и мы этого не увидим.

Глава 4. Канада

Школа Джарету не понравилась сразу же. Канада. Далеко! От порталов, от больших городов, в каком-то глухом лесу, в горах. Но именно это привлекло Мариэтту, а Джарета заинтересовала только тем фактом, что это специализированное женское учебное заведение.

Увы, на Грани все элитные частные школы оказались смешанными! И какую бы прекрасную программу они не обещали, в довесок к ним прилагались мускулистые красавчики еще не достигшие пика своей сексуальности.

Мариэтта, конечно, не сдержалась, прошлась по неумной ревности Короля домовых. Джарет тоже нашел, что сказать в ответ. В итоге они крупно поссорились и поехали в дальние дали смотреть непонятную школу для девочек.

***

Директриса их встретила приветливо. Провела в кабинет с витринными окнами, из которых простирался шикарный вид на лес. Мариэтте вручили стопку чуть пожелтевших листов с мно-

жеством разнообразных заданий и усадили на дальний диван. Джарета пригласили поближе к столу, предложили чаю. После директриса завела неторопливый разговор на тему, чего ждут от обучения, какие есть способности у девицы, особенности характера и так далее.

Джарет честно признался, что у Мариэтты характер просто ужас, ей не хватает манер, лоска.

— Я всего лишь опекун, — доверительно улыбнулся король. — Ее мать умерла, когда она была совсем крошкой. Анжела была мне… скажем так, подругой.

Директриса понимающе улыбнулась и кивнула. Джарет не стал уточнять, что она там поняла, и продолжил:

— Мариэтта свалилась мне на голову будучи шестнадцатилетним подростком, до этого жила у дяди с тетей. Те совершенно с ней не справлялись! Поэтому, к сожалению, ее невежество просто катастрофично.

— Это не страшно, — поспешила заверить его директриса. — У нас сильные педагоги. Они имеют самый разный опыт работы, в том числе в тюрьмах особого режима.

От подобного заявления Джарет несколько растерялся. Открыл было рот, чтобы что-то спросить,

как в этот момент Мариэтта вскрикнула.

К ней повернулись.

— Я порезала палец об эту чертову бумагу!

— Юным люди не пристало так выражаться, — улыбнулась директриса. — Думаю, у тебя было достаточно времени, чтобы пройти тест.

— Вовсе нет! — запротестовала Мариэтта.

Но поздно! Каким-то образом директриса оказалась рядом и ловко выхватила стопку бумаг.

— Так-так! — проговорила она, проглядывая колонки вопросов. — Просто чудесно! Сразу видно, что ваша подопечная особо одарена.

— Серьезно? — удивился Джарет.

Не то, чтобы он сомневался в умственных способностях Мариэтты, просто улыбка директрисы почему-то показалась ему хищной. Видимо, она это почувствовала, поэтому быстро сказала:

— Итак, если больше нет вопросов, то подпишем документы, и в середине августа ваша девочка может заезжать в общежитие.

Все посмотрели на календарь.

— О! — искренне удивилась директриса. — То есть уже со следующего понедельника мы вас ждем.

***

В указанный день Джарет отвез Мариэтту и пару чемоданов в школу. Украдкой поцеловал ее на прощание и исчез в солнечной дымке жаркого августовского дня. Впрочем, Мариэтту столь поспешный побег короля не расстроил: предстояла новая жизнь, и последние дни могла думать только об этом.

Правда, новая жизнь началась не только у нее.

Первые два дня Джарет радовался, что никто не будит по ночам, потому что захотелось есть, а одной идти на кухню страшно (и это оборотню-то!), что не отвлекают глупыми вопросами, что меньше расходов продуктов и так далее. Потом погрузился в дела и как-то перестал замечать ее отсутствие.

Утром в пятницу появился на Грани, полдня потратил на то, чтобы добраться до Канады, при этом переругал всё и вся на трех языках, включая себя за столь такую дикую идею, как оплатить Мариэтте образование, мол, в постели диплом не нужен, а для чего-то другого она не нужна. Еще и машину пришлось арендовать без водителя. В общем, одни траты, расстройства и огорчения!

Но увидев ее на крице школы — такую тро-

гательную в плиссированной клетчатой юбке, белых гольфах и со смешными хвостиками — вдруг обрадовался. Едва сдержался, чтобы не поцеловать на глазах у всех. Резко мотнул головой, мол, садись.

Заметил:

— Ты какая-то угловатая стала. Похудела?

— Немного.

Не сдержался, съехидничал:

— По ночам в столовую не пускают?

— Ой! — всплеснула руками Мариэтта. — Я поняла, почему так скучала! По твоему многовековому брюзжанию!

Джарет рассмеялся, и они поехали.

— Куда мы?

— В аэропорт, — ответил король, — затем портал и домой.

— Ну, уж нет! — запротестовала Мариэтта. — Я не собираюсь каждые выходные мотаться туда-обратно. Это утомительно!

Джарет резко затормозил.

— И что ты предлагаешь?

— Здесь есть гостиницы.

— Позволь напомнить, — Джарет стальным пальцем ткнул в женскую коленку, — здесь у тебя документы несовершеннолетней, а в гостинице

будет множество чужих глаз. Я не хочу скандала!

— Да всем пофиг! — махнула рукой Мариэтта. — Ты в курсе, что на Грани была сексуальная революция?

Джарет даже бровью не повел, но в разноцветных глазах мелькнула предупредительная искорка.

— Кстати! — фыркнула Мариэтта. — Если ты забыл, то это англоязычная школа, а ещё я начала учить немецкий и французский, поэтому если хочешь проматериться так, чтобы тебя не поняли, то выбери какой-нибудь другой язык. Например, японский. Или норвежский.

Ссора обещала быть серьезной: Джарету совершенно не понравилось, то с какой дерзостью *эта женщина* вдруг стала отвечать, Мариэтта не собиралась уступать — как вдруг увидели рекламу агентства недвижимости.

— Опять расходы! — буркнул Король домовых.

Тут же подумал, что если будет постоянная точка, то можно попросить Вадима привязать портал, тогда не придется каждую неделю совершать утомительное путешествие по Грани. Решив так, Король домовых моментально успокоился.

Мариэтта по едва заметным постороннему гла-

зу признакам увидела смягчение черт красивого лица и тоже расслабилась. Уютно устроилась в кресле и принялась беззаботно рассказывать про школу.

***

В агентстве Джарет заявил, что хочет снять дом до конца учебного года и потребовал каталог. Бумажный. Его не оказалось — дали планшет. В разноцветных глазах собрались тучи, но тут Мариэтта вырвала из его рук ненавистный гаджет и принялась тыкать по иконкам. Первым делом зашла в параметры поиска и настроила цену «по возрастанию». Самым дешевым вариантом оказался небольшой домик глубоко в лесу.

Агент почему-то икнул, залепетал:

— Там всего одна спальня! Правда, есть диван…

— Меня устраивает! — Джарет хлопнул ладонью по экрану. — Если ей не понравится диван, то будет спать на полу. Давайте контракт!

А вот Мариэтта насторожилась. Расспросила про электричество, воду. Агент заверил, что коммуникации в полном порядке, есть необходимый минимум техники, но икота почему-то только усилилась:

— Но лес… И там давно никто не жил…

— Нашли чем пугать! — фыркнул Джарет. — Контракт, пожалуйста!

Глава 5. Джарет и Мариэтта

По дороге заехали в магазин. Джарет решил, что уже чересчур устал для того, чтобы наполнять холодильник с помощью магии, поэтому, скрепя всеми суставами, достал кошелек. Мариэтта с огромным удовольствием покидала в тележку полуфабрикаты, мороженое, сыр, хлеб, молоко и несколько бутылок вина.

Продавец поначалу покосился на парочку, затем рассудил, что один из них точно уже совершеннолетний, поэтому спокойно пробил алкоголь. Поинтересовался по ходу: кто такие, куда едут.

Джарет с улыбкой в общих чертах обрисовал легенду, добавил, что снял домик в лесу, «кстати, как лучше проехать?»

Когда продавец узнал, куда именно им надо, почему-то крякнул, ткнул пальцем в стенд, густо увешанный объявлениями о пропавших туристах, и посоветовал заехать в оружейный магазин, мол, там сейчас ружья на медведей со скидкой. Икнул:

— Было бы безопаснее для вас и вашей дочери…

— Я что настолько стар, чтобы быть ее отцом? — совершенно искренне возмутился Джарет. — Я ее опекун!

И гордо удалился.

Уже в машине высказался:

— Это все из-за твоей дурацкой формы! Они считают тебя школьницей, поэтому им кажется, что я твой отец. А ведь я даже не выгляжу на возраст отца шестнадцатилетней девицы!.. Или сколько там тебе по легенде?

— Вообще-то, — не сдержалась Мариэтта, — ты мне не только в отцы годишься, но ещё и в дедушки. И даже прадедушки.

— Заткнись, — посоветовал Джарет.

— Прапрадедушки. Нет, пять раз пра…

— Заткнись! — проорал король. — Я поговорю о твоем отвратительном поведении с директрисой, чтобы тебе добавили уроки хороших манер. А теперь поехали покупать ружье.

***

Дом оказался даже меньше, чем они себе это представляли: большая гостиная с выделенной кухонной зоной, спальня, кладовка, ванная и, собственно говоря, всё.

Увидев телевизор, Мариэтта бросила пакеты с

покупками и бросилась изучать каналы.

Джарет пробурчал нечто не особо цензурное, из чего смутно улавливалось пожелание, чтобы эта адская машина не работала, а еще что это ужасное место, и какого черта он вообще позволял втянуть себя в эту авантюру? Мариэтта не слушала — она нашла каталог и теперь выбирала что же такое посмотреть, покровавее и ужаснее. Джарет это комментировать не стал. Он разбирал пакеты и поглядывал: не мелькнет ли тень в углу? Но, по всей видимости, дом пустует дольше, чем ожидалось, и домовой уже успел найти новое жилище.

— Ладно!

Сунул руку в карманы, присвистнул. Буквально через пару минут пыль в углах зашевелилась и заморгала многочисленными парами глаз: это все окрестные домовые сбежались посмотреть на зовущего. Узнав, благоговейно заохали.

— Проверьте дом и уберитесь, — приказал Джарет.

— Будете здесь жить? — не веря счастью, спросил один из домовых.

— Нет, только на выходные до конца, — указал на Мариэтту, — ее учебы.

Домовые поклонились, зашушукались и раз-

бежались серыми клубками. Тут же загудел холодильник, по очереди мигнули все лампы, щелкнул замок, открылись и закрылись краны — все системы работали исправно.

— Прекрасно! — улыбнулся Джарет.

Вскоре затрещал телевизор слезливыми голосами актеров.

— Это обязательно? — скривился Король домовых.

Он уже поставил кофе и теперь делал бутерброды.

— Обязательно! — воскликнула Мариэтта. Раскрасневшаяся и возбужденная, она допрыгала до стола, быстро сунула в рот ломтик колбасы и помидора. — Ты не представляешь, сколько сериалов мне надо посмотреть! Девчонки только о них и говорят, а я как будто с другой планеты.

— Ты и есть с другой планеты. Лучше переоденься! Не могу смотреть на тебя в этой форме.

— Как скажешь, папочка! — Мариэтта кокетливо качнула подолом плиссированной юбки. — Кстати, мы спать будем вместе, или ты — на диване?

— Еще раз назовешь меня «папочкой», — пообещал Джарет, — и я тебя отшлепаю.

Мариэтта сложила губы уточкой.

— Уу! Как страшно! Кстати, — чернющие глаза сверкнули, — давай посмотрим порнушку.

— Что!! — король дернулся так, словно его ударили.

— Не будь таким ретроградом! — невозмутимо ответила Мариэтта. — Здесь это нормально. Моя новая подруга, Миса, говорит, что у ее родителей целая коллекция фильмов с…

Джарет закрыл лицо рукой:

— Хорошо! Включай свои ужасы.

***

Вечер прошел даже лучше, чем ожидалось. Разогрели пиццу, сделали бутерброды, салат.

Мариэтта милостиво разрешила Джарету сесть в кресло. Сказала:

— Это детектив!

Сама разлеглась на диване.

Поначалу король читал, но вскоре тоже заинтересовался хитросплетениями сюжета: главный герой в вечно помятом костюме и усталым лицом мужественно сражался в интеллектуальном бою с таинственным маньяком. Четыре часа пролетели незаметно.

— Всё? — даже несколько расстроился Джарет.

— Да! Что следующее: про привидения или

охотника на ведьм?

— Что хочешь! Только завтра.

Мариэтта снова сложила губы уточкой, тихонечко заскулила — вот откуда таких манер набралась?

— В постель! — прикрикнул Джарет.

— Еще рано!

— Так я тебя и не спать зову.

— … Джер…

— М?

В полумраке профиль короля заострился, даже стал чуть-чуть птичьим.

— Ты не сказал: как дома…

— Дома? — удивился Джарет.

Мариэтта чуть отстранилась, поправила:

— Я имею в виду замок.

— Хорошо, — ответил король. Улыбнулся. — С ума схожу! Некому подрезать бумагу и точить карандаши.

— Совсем? — удивилась Мариэтта.

— Да, — ответил Джарет.

Он лежал с закрытыми глазами, уже успел задремать, как вдруг его побеспокоили странным вопросом. Но не рассердился. Вспомнил один из дней — кабинет, Мариэтта сидит в кресле у окна и сосредоточенно режет бумагу на аккуратные

прямоугольники, точит карандаши или же подписывает конверты. Она чуть наклоняется над работой, то и дело торопливо убирает завиток за ухо. Завиток попадает в луч солнца и кажется пушистым облачком. Джарет мог вечно смотреть на это облачко.

— Домовым не могу поручить эту работу. Сама знаешь, металл он не трогают. У Джеймса своих забот хватает. Мне остался один вариант — гоблины.

— Ты заменил меня гоблинами? — Мариэтта рассмеялась.

— Да! — Джарет взмахнул рукой. — Не самая лучшая моя идея. Сперва они передрались на тему, кто что будет делать. Затем долго объяснял им что карандаши созданы не для того, чтобы протыкать кого-либо. Они успели сточить две коробки, пытаясь сделать из них пики! Одну — съели. Теперь карандаши мне точит Джеймс и делает это чертовски медленно.

— Ладно, — король вздохнул, продолжил: — дал бумагу. Это ведь так просто! Согнуть и порезать.

— И что?

— Ничего! Теперь мне приходится писать на кривых листах с ужасными рваными краями прекрасно заточенными карандашами!

Вздохнул:

— Мне…

— Тсс!

Мариэтта резко села. С шумом вдохнула воздух.

— Медведь! — выдохнула она.

Глаза оборотня при этом перелились зелеными оттенками.

— Оставайся тут! — Джарет вскочил.

— Что?

— Я сказал: тут!

***

Джарет быстрыми шагами прошел в гостиную. И замер.

Там у огромных французских окон черной тучей возвышалось огромное существо.

Медведь.

Он был таких гигантских размеров, что поражал воображение.

Исполин! Гора!

Широким носом зверь прижался к стеклу, всасывая воздух с такой силой, что ручка с той стороны приподнялась. Вздохнул глубже — пальцы короля вспыхнули голубыми искорками — ручка поднялась выше, но замок не щелкнул.

— Уходи, — прошептал заклинание Джарет. — Уходи…

Медведь потоптался ещё немного. Неуклюже развернулся и исчез в сумраке.

Джарет выждал пару минут. Взмахнул рукой — замок щелкнул, окно распахнулось. Король выскочил во двор. Огляделся. Волшебство на пальцах все ещё потрескивало.

Зверь ушел.

— Ты чего?

Джарет оглянулся. Мариэтта стояла в проеме окна, куталась в халат.

— Вернись! — велел ей король. — Медведь еще…

Но не послушалась! Огромная вмятина на мягкой земле привлекла внимание, и Мариэтта моментально оказалась во дворе.

— Ого! — поставила босую ножку рядом. — Вот эта лапища! Как думаешь, в три раза больше моей? Или в пять?

— В десять! — огрызнулся Джарет. — Какого черта ты выскочила? Здесь бродит медведь, а ты босиком.

Мариэтта с некоторым любопытством посмотрела на короля.

— Вот ты сейчас серьезно? Вообще-то я оборо-

тень! Это ты какого черта выскочил босиком в одних штанах по такой погоде, да еще медведь бродит по округе? Ты для чего ружье купил? Чтобы оно на стене висело?

Джарет не стал отвечать. Сгреб Мариэтту в охапку, занес в дом, как следует запер окно за собой.

— Простынешь! — пробурчал король, натирая маленькие ступни.

— А ты?

— Я нет, — твердо ответил Джарет, но все-таки простыл.

Через час у короля опух нос, через два — запершило горло. К вечеру поднялась температура, и срочно вызванный Вадим эвакуировал заболевшего домой.

Глава 6. Мариэтта

Джарет все-таки сильно разболелся, но не из-за того, что босиком стоял на холодной земле.

— Банный день, — развел руками Тим, приехавший навестить Мариэтту и передать ключи от дома. — Сама понимаешь, гоблинов иногда надо купать, сами они не будут.

Молодая женщина согласно кивнула, хотя совершенно не понимала, зачем с зачатками простуды гоняться по всему замку за мелкими визжащими зеленокожими, а потом пихать их в огромные тазы, наполненные мыльной водой. Тим сказал, что в половине случаев не понимает Джарет в целом. А Елена хлопнула длиннющими ресницами и перевела тему:

— Здесь миленько. Совсем как наши школы! — Взяла Мариэтту под руку, шепнула: — Покажешь дом? У меня в сумочке бутылочка твоего любимого шардоне, а Сара передала пироги. Кстати, что там за медведь был?

— Страшный, — ответила Мариэтта, — и большущий.

***

Жизнь потекла своим чередом.

Как ни странно, но мысли, что постель Короля домовых наверняка не пустует, не кололи, уступили место тревогам на тему химии, географии, истории и прочих предметов старших классов. Как будто Джарет, исчезнув из поля зрения, милостиво забрал с собой всю боль, связанную со своей персоной.

Более того Мариэтта как будто прозрела! Память охотно нарисовала ей совершенно другой образ Короля домовых — истеричного эгоцентрика, зацикленного на сексе и алкоголе. Причем образ получился настолько животрепещущий, что молодая женщина всерьез подумала: не является ли его стремление дать ей образование типовой демонстрацией собственности, как это уже бывало раньше?

Интересно, что думалось об этом спокойно, взвешенно, словно речь шла о персонажах книги или сериала.

Впрочем, это не помешало ей искреннее обрадоваться, когда он вновь появился в фойе школы — похудевший и постаревший, как это бывало после тяжелой болезни.

Об учебе не стала рассказывать, вдруг остро ощутила, как это ему неинтересно. Вернее, неинтересно то, как она живет там. Джарет с удовольствием говорил с Мариэттой, внезапно переходя с русского на английский, немецкий, французский и даже общеэльфийский. Спрашивал о книгах, исторических событиях, которые проходили на уроках. Говорить с ним о таких вещах оказалось вкусно, иначе и не объяснишь.

Разноцветные глаза то и дело вспыхивали одобрительно, тонкие губы изгибались в улыбке — Джарет был откровенно доволен капиталовложением.

***

Но ведь уроки — это лишь одна сторона жизни!

Мариэтта мечтала найти в школе подружек, но с первых же дней остро ощутила, насколько не похожа на них всех. Она не смотрела фильмы, сериалы, по которым все так фанатели, не слушала музыку, не читала модных книг. Попробовала посмотреть, послушать, прочесть — почти сразу же отложила первое, второе и третье. Неинтересно!

Увы, Мариэтта вскоре признала, даже если бы была с девчонками одного возраста, то все равно

не понимала бы их по простой причине: они все из состоятельных семей. Они голодали только потому, что так модно, знали, в какой университет поступят, где будут жить, когда выйдут замуж, сколько родят детей, на какие вечеринки будут ходить. Никакой черноты неизвестности в душе. При этом почти все они ненавидели родителей из-за того, что те не пускали на вечеринки, не покупали телефоны последних моделей или какие-то там шмотки.

Мариэтта даже задумалась: а вдруг Джарет по отношению к дворянству Эльсидории ощущает нечто похожее? Даже — к Тиму. Золотые мальчики и девочки, выросшие в неге, обрученные по воле родителей и наследующие свой престол. *«За исключением младших сыновей,* — подумала Мариэтта. — *Они ведь не имеют права на наследство. Тим как раз третий принц»*.

Впрочем, в школе нашлась одна девушка, отношения с которой вполне можно назвать дружескими, — толстая негритянка по имени Миса. Ее отец — бухгалтер какой-то очень крупной компании, мама — домохозяйка, а ещё у нее шесть братьев. Миса много болтала, ужасно потела и носила очки. Оски то и дело соскальзывали с короткого мокрого носа, девушка их поправля-

ла толстыми пальцами. В остальном она была весьма мила.

И была, конечно. Рената — холеная девица, кочующая по частным школам. Она задирала всех, особенно Мариэтту, потому что та не обращала на эту самую Ренату внимания.

Но было и еще кое-что… Вот это действительно Мариэтту беспокоило настолько, что даже систематически подумывала поговорить об этом с Джаретом. Но не говорила.

***

Нет, это было не беспокойство — некое ощущение странности. Иногда они озадачивали, иногда пугали или же казались совершенно бредовыми.

Самая первая странность: в сентябре Мариэтта поняла, что девочки толком не знают друг друга, хотя некоторые утверждают, что учатся здесь уже давно. Неужели так забыли друг друга за лето или же настолько зациклены на себе?

Затем — молоко, которое давали каждый вечер. При этом учителя строго следили за тем, чтобы в стакане не оставалось ни капли. Возразить попробовала одна Миса, сославшись на аллергию, но на ее так зыркнули, что девушка выпила залпом. Тут же замерла в ужасе, но ничего такого

не случилось.

Интересно. что когда Миса поехала домой на осенние каникулы и там выпила молока, то попала в больницу.

«Здесь что какие-то гипераллергенные коровы?» — задумалась Мариэтта и тщательнее обнюхала стакан. Но молоко пахло молоком и немного травами.

Учителя.

Нет, они наредкость нормальные тетки. Вот только порой Мариэтта случайно ловила в отражениях совершенно другие черты их лиц — заостренные носы, ломаные линии губ и фиолетовые глаза. А ещё они иногда вроде как присвистывали. Настолько тихо, едва уловимо, что проще списать на слуховую галлюцинацию. Пару раз Мариэтте даже послышались в этом свисте обрывки заклинаний.

Это удивляло и скорее мерещилось. Вот откуда магии взяться на Грани?

С наступлением зимы перестали пропадать туристы.

— Логично, спячка! — размышляла Мариэтта. — Интересно, какого черта они перлись в лес, если все знают про медведя? Лучше бы охотников послали!

Тут вспоминала габариты хищника и справедливо подумала, что на изнеженной Грани вряд ли найдется желающий выйти против такого вот монстра.

— В Эльсидории его бы поймали и увезли подальше. Здесь просто убьют. Жалко!

Глава 7. Джарет и Мариэтта

Новый год, как обычно, встретили в Альфаре.

Джарет приехал за Мариэттой накануне. Король домовых был молчалив и раздражителен; позже выяснилось, что тролли напали на одну из деревень Сюррии, Джек снова ограбил караван, направляющийся в замок, и прочие непредвиденные расходы. Но обо всем этом расскажет Тим, сама же Мариэтта внезапно осознала, что совершенно не хочет возвращаться в волшебный мир!

Нет, она была не прочь повидать благородных эльфов, но вновь погрузиться в средневековые тиски, закружиться в водовороте дворцовых сплетен и послушно скрыться в тени Великого и Ужасного? Зачем ей это всё?

***

Эльсидория, словно почувствовав произошедшие перемены, встретила полукровок колючим ветром. Первый же порыв ударил с такой силой, что молодая женщина охнула. Джарет молча поправил капюшон ее плаща и прижал к себе так, чтобы плечом отразить новый натиск. Ма-

риэтту это только разозлило: разве она не может справиться сама? Попробовала его оттолкнуть, но поскользнулась и непременно упала бы, если бы не сильная мужская рука на поясе. Джарет ничего на это не сказал.

Молча сели в карету. Король щелкнул пальцами, вызывая радугу — разноцветная лента упала на дорогу, подхватила путников и умчала в прекрасный Альфар.

Бал в целом прошел неплохо. Джарет выпил буквально пару бокалов, был мил и очарователен, много шутил. Даже потанцевал с Мариэттой. А когда в черное небо взвились фонтаны фейерверков, они так нежно поцеловались, словно ничего такого ни с кем не происходит.

Но как обычно не было. Мариэтта с огромным удовольствием вернулась в школу, Джарет с не меньшим удовольствием уехал. Появился только через две недели, повеселевший, помолодевший.

— Ты в порядке? — спросила его Мариэтта.

— Абсолютно! Всё получилось, я заработал кругленькую сумму. Так что если хочешь, можем весной съездить в Париж, как ты давно хотела. Быть может… Нет, лучше сэкономлю. В другой раз! Как-нибудь, обещаю.

— Погоди! — догадалась Мариэтта. — Ты был

непробиваемо мрачен черт знает сколько времени, потому что замутил крупную аферу? То есть ты не влюбился в чужую невесту?

Джарет рассмеялся:

— Я уже слишком стар для чужих невест. Но мне приятно.

— Что именно?

— Что ты ревнуешь.

— Дурак! — Мариэтта нахохлилась.

***

Пришло время, и ноздри оборотня защекотали первые ароматы весны. Дома Мариэтта непременно бы на несколько дней убежала в лес размять волчьи лапы, зарыться в тающий снег, рыхлую землю. Но здесь так нельзя, и это чертовски раздражало! Мариэтта рассорилась с девчонками в школе, надерзила учителям. Даже попробовала укусить Джарета, но получила лишь щелчок по носу.

— Ты уже один раз пробежалась по Тропе волков, — рассмеялся король. — Пора бы унять характер.

— Кто бы говорил! — взвинтилась Мариэтта.

— Я говорю, — рубанул Джарет, — и хватит об этом.

По-настоящему они поссорились в первое апрельское воскресенье. Измученная весенними ветрами, Мариэтта вдруг вспыхнула из-за какой-то ерунды и, начав говорить, уже не смогла остановиться. Кричала с болью, со слезами в глазах. Сама не понимала смысла половины слов. Хуже всего — вдруг резко ощутила потребность прижаться к его груди и услышать биение сердца. От этого закричала еще громче, злее.

Джарет слушал молча, чуть наклонив золотистую голову на бок. Затеплилась надежда, что все-таки услышит, поймет. Но он сказал:

— Это была плохая идея отправить тебя в школу. Ты заигрываешься!

— Что? — хлопнула ресницами Мариэтта. Ощетинилась: — Неужели?

Они стояли друг напротив друга. Не так давно проснулись, еще не позавтракали. В окна ласково смотрело солнце, закипал чайник.

— Я был милосерден к тебе! Потакал капризам! — проорал Джарет. — А ты, черт побери!! Не в состоянии сделать элементарного!

— И что же? — бросилась в атаку Мариэтта.

— Стать идеальной.

Разноцветные глаза Короля домовых перелились бликами.

— Ты должна быть идеальна во всем! Волосы нежнее шелка, кожа подобна фарфору с едва уловимым фруктовым ароматом. Манеры! Грация!.. — Джарет рубанул по воздуху ребром ладони. — Черт знает сколько лет бьюсь с твоим упрямством, невежеством, сколько денег потрачено! И что имею на данный момент? Психованного подростка с кучей комплексов!

— Да! — Мариэтта топнула ногой. — Да, я не идеальна! — Вскинула голову, обожгла бездонными чернющими глазами. — Но я живая! Настоящая!

Джарет лишь коротко рассмеялся.

— Да, плевал я на это. Ты будешь такой, как я хочу, или я тебя…

Не договорил — острый маленький кулачок смачно прилетел прямо в зеленый глаз. Король охнул. Вскричал:

— Дура! — взмахнул рукой и залепил Мариэтте хлесткую пощечину.

Оба замерли. Джарет стоял, прикрыв зеленый глаз, сверкал синим глазом. Мариэтта хлопала ресницами, на щеке ее отчетливо расцветал отпечаток ладони.

— Дура, — повторил король, доставая из морозилки пакет со льдом, и ушел в спальню.

Мариэтта осталась на кухне.

***

Когда же Джарет наконец вышел из спальни, Мариэтты уже не было. Король уткнул руки в бока, с шумом выдохнул:

— Манеры! Просто отвратительные…

Глава 8. Пропажа

— Значит, — Джарет задумчиво провел пальцем по краю чашки, чуть наклонив на бок золотистую голову, — моя девочка сбежала…

Подумал: — *«Как это неприятно!»* — даже позволили себе скривиться. Совсем чуть-чуть!

Король домовых сидел в удобном кресле в кабинете директрисы и неспешно осмысливал услышанное.

Ничего же не предвещало беды. Или предвещало? С неудовольствием подумал о ссоре в прошлое воскресенье. *«Вот угораздило меня связать с…»*, — вдруг зло подумал Король домовых. Впрочем, тут же одернул себя: не время. Потом он, конечно, всё ей выскажет. Без свидетелей.

Сбежала!

Опять!

Зачем? Почему?

И главное — куда?

Нет, это, скорее всего, это какой-то фортель. Устала от стен, решила пробежаться. А тут такой чудесный лес! Горы! Вот и загуляла. Оборотень же! Да и в Эльсидории такое периодически слу-

чается: убежала утром на пробежку — прибежала через три дня абсолютно счастливая и довольная. Почему здесь должно быть иначе?

А если неприятности? *«Да во что она могла тут вляпаться?* — чуть не вскричал Джарет. — *В конце концов, не малолетка, чтобы сбегать с конюхом!»* Возразил себе: — *«Нет, это скорее сценарий для Эльсидории, и вообще — какой к черту конюх?»*

Что-то другое? Что? Убить ее не могли. Похитить тоже. *«И даже если похитили,* — мысленно ухмыльнулся король, — *я им искренне сочувствую».*

«Не могла же она всерьез обидеться! За пощечину». Качнул головой, вспомнив, как расцветал отпечаток ладони на ее щеке. Попробовал разозлиться: *«Не я начал»*, — не получилось.

И все-таки…

Ой да, скорее всего в полной мере почувствовала себя подростком и выкинула номер! *«Последнее время она какая-то… чересчур…* — Запоздало подумал: — *Надо было спросить. Может она… соскучилась по дому?..»*

«Могла бы и предупредить, — резанула мысль. — Сижу тут, как дурак! И чай остыл…»

Кстати, о чае… Нет, конечно, сейчас лучше выпить что-то покрепче. Но из покрепче директриса могла предложить только растворимый кофе, поэтому Джарет выбрал чай. Почти мгновенно принесли пузатый фарфоровый чайник с терпким ароматом и молоком.

Конечно, молоко следовало подавать отдельно, в молочнике, но король был не в том настроении, чтобы на это указывать, поэтому молча взял чашку.

«Может подогреть?» — подумал Джарет и вдруг почувствовал себя ужасно усталым. Быстро глянул на директрису. Та тараторила, тараторила без конца и края.

— Мы не стали сообщать в полицию. Думали, вернется! Впрочем, прошло еще не так много времени, она вполне может вернуться, когда проголодается, к примеру.

— Да, да, конечно! — закивал головой Джарет, сам подумал: *«Так ты и мне-то сообщать не стала»*.

***

Об ее исчезновении узнал, когда как обычно в пятницу приехал за ней. Ничто не предвещало беды.

Да, они крупно поссорились в воскресенье, но в четверг Джарет снизошел до того, что позвонил в школу и промямлил в трубку нечто вроде извинений.

… Она засопела в ответ.

— Мари?

В голове защелкало: что же такое добавить, чтобы она успокоилась? Чтобы пауза не затягивалась, повторил:

— Я виноват. Не должен был говорить то, что сказал. Я…

Красный отпечаток ладони на ее щеке, пульсирующая боль в глазу и ярость от того, что она не хочет стать такой, как нужно…

— Забудь! Я тоже хороша, — вдруг ответила она.

Король услышал в ее голосе тихую улыбку — стало легче.

— Джеррь, я не знаю, что со мной. Правда…

«Может лучше прилететь?» — испугался Джарет.

— Ты ведь приедешь завтра? Мне надо кое-что тебе рассказать.

— Конечно! — поспешил заверить ее Король домовых. Добавил: — Я могу и сейчас.

— Сейчас не надо, — голос ее снова улыбнул-

ся. — Уже поздно. Просто пораньше приезжай завтра. Хорошо?..

***

Директриса нудела, нудела — даже голова разболелась!

Джарет зажмурился. *«Что я тут делаю? Мне нужно искать ее! Быть там, а не здесь»*. Но он все равно не срывался, не бежал искать ее.

«Если Мариэтта загуляла — то сама вернется. Если убежала, то причина здесь, в школе. И чтобы ее найти, надо в этой причине разобраться».

«Ладно, — встряхнул Джарет головой. — *Соберись»*. Осторожно, едва заметно уронил в чай искорку волшебства, чтобы подогреть. Чашка за минуту нагрелась руке. Король преподнёс ее к губам и… замер.

Молоко позеленело и свернулось хлопьями.

Яд!

— Что-то не так? — всколыхнулась директриса, внезапно прервав тарахтение.

— Ничего, — как можно спокойнее ответил Король домовых. — Просто молоко скисло.

— В самом деле? Позвольте взглянуть!

Директриса резко перегнулась через стол,

схватила короля за руки, дернула к себе. Сунула длинный нос в чашку.

Джарет оторопел от такой наглости. Впрочем, уже всё понял!

Приготовился.

— Колдун! — ахнула директриса.

— Вообще-то волшебник! — огрызнулся Джарет.

Ведьма резко вскинула голову. Лицо ее изменилось: побелело, нос заострился, а глаза округлились, как у совы, и залились неестественным фиолетовым цветом.

Короткая вспышка заклинания — чай из чашки горячим гейзером выплеснулся на лицо директрисы. Та заверещала, вскочила на стол, затопала ногами.

— *Девочки!!*

Джарет тоже вскочил, вскинул руки — дверь, окна запечатались огненными печатями. В них уже ломились учителя школы с неестественными лицами и фиолетовыми глазами.

Глава 9. Ведьмы

— Итак, курицы! — Джарет уткнул руки в бока, качнулся на носках. — Куда вы дели мою девочку?

Туго запеленованные заклинанием неподвижности, ведьмы молчали. Они рядком лежали на полу, злобно таращили фиолетовые глаза и скрежетали зубами. Ничего другого им не оставалось! Все их заклинания отскакивали от мужчины, словно горох от стены.

Коллективно они бы, конечно, справились, но Джарет оказался подготовленным противником.

***

Первым делом вывел из строя директрису весьма простым способом, то есть кулаком. Вскинул руки — усилил защиту окон и двери. Выиграл лишнюю пару минут. Ее потратил на то, чтобы связать главную ведьму ее же поясом и сооружение кляпа из бумаги.

Дверь треснула чуть раньше, чем Король домовых ожидал. В кабинет ввалилась крупная ведьма с явно фамильной бородавкой у носа.

Об нее пришлось сломать стул, сверху добавить усыпляющее заклинание. Бедняжка крякнула и осела.

Следом за ней вкрутилась — иначе и не скажешь — дамочка, похожая на оживший циркуль. С ней пришлось повозиться. Ведьма верещала, царапалась, кусалась. Делала все, чтобы Джарет не заметил, как ее товарки тихими тенями пролезли в окна и собирались в круг. Но он заметил.

Извернувшись, Король домовых подхватил ведьму и швырнул ее в подползающих противниц. Те ахнули, и дали Джарету пару секунд.

Этого вполне хватило. На тонких пальцах вспыхнули синие искры, с тонких губ сорвалось заклинание — ведьмы замерли в своих позах и кеглями попадали на пол.

— Так-то лучше, — улыбнулся Джарет.

***

Щелкнул пальцами — возникло кресло. Король сел.

— Итак! — величественно произнес он. — Куда вы дели мою малышку? Ну? — Рявкнул: — Отвечайте!

В этот момент ведьмы дружно зыркнули в одну сторону, Джарет даже не повернулся! Просто

вскинул руку. Короткая вспышка! Верховная ведьма бревном рухнула на стол.

— Надеюсь, поняли, что тягаться со мной бесполезно?

Джарет высокомерно оглядел ведьм разноцветными глазами. Те страшно завращали глазами, заклацали зубами, как оно и полагалась ведьмам. Король вздохнул.

— Ладно!

Ткнул тонким пальцем в крупную учительницу с бородавкой.

— Может ты, жирная!..

— Не смей так со мной разговаривать! — неожиданно огрызнулась ведьма. — Впервые что ли про бодипозитив слышишь, дрыщ белесый?

Правая бровь короля изумленно выгнулась.

— Вот не надо свою лень оправдывать какой-то боди херней! Где…

— Ты ее не найдешь! — встряла ещё одна ведьма. Ехидно хихикнула. — Она сбежала.

— Да неужели! — всплеснул руками Джарет. — И почему мне не верится?

Ведьмы заржали. Истерично так, запели на разные лады:

— Сбежала! Сбежала! От папочки сбежала! Сбежала! Сбежала!

Разноцветные глаза короля стали черными.

— Сами напросились. Я переверну это чертово заведение. И если она здесь…

Вспышка смеха.

Джарет взял себя в руки, повторил:

— Если она здесь, непременно найду. Вы не сможете ее спрятать от меня. Нигде.

В этот раз с тонких пальцев посыпались не голубые искорки — сорвалось алое пламя. Оно языками взвинтилось к потолку, опалило шторы и растворилось гулом в глубине школы.

Где-то с минуту ничего не происходило.

Тут гул стал приближаться.

Ведьмы даже головы приподняли от любопытства.

Двери распахнулись, и в кабинет вбежали мохнатые карлики.

— Фу! Домовые! — заверещали ведьмы. — Хуже мышей.

Джарет не ответил на это, бросил домовым:

— Обыскать!

Карлики поклонились и с тем же гулом исчезли.

— Так ты — Король домовых? — догадалась одна из ведьм. — А они разве не вымерли?

Ее подруги зашушукались, завертели глазами.

Впрочем, данный факт их несколько смутил: на мирной техногенной Грани успели отвыкнуть не просто от колдунов, но и от королей-волшебников.

Тут одна ведьма воскликнула:

— Нет, он не может быть им! Брехня!

— Это почему же? — возмутился Джарет.

— Я слышала, он красивый, — доверительно сообщила ведьма.

— Да, да! — подтвердила другая. — Я в кино видела. А тебя словно вчера из тюрьмы выпустили! Тощий, блеклый.

Джарет аж поперхнулся от гнева.

— А та девочка? — поинтересовалась третья ведьма. — Она действительно твоя дочь или как?

Ведьмы переглянулись. Заорали в голос:

— Извращенец!

— Да чего опять? — выкрикнул в ответ Джарет.

— У тебя секс с собственной дочерью! — выпалили толстая ведьма с бородавкой. Скривилась: — Фуу!!

Ее подружки тут же заговорили между собой:

— Бедная девочка! Да, бедная девочка!

Джарет откинулся на спинку кресла, закрыл лицо рукой. Выдохнул:

— Ну и дуры!

Потянулся.

— Ладно! Начнем с начала.

Король домовых грозно оглядел ведьм, показательно метнул пару разноцветных молний.

— Она не сбежала. Не в этот раз! Поверьте, тихо это делать она не умеет. Она в принципе не умеет долго быть тихой. Поэтому уверен, что вы, курицы, как-то в этом замешаны. Конечно, вы понятия не имели с кем связались. У вас тут своя культовая тусовка, в которую моя малышка слегка не вписалась. Так что я согласен не разобрать это чертово заведение на кирпичики, если вы тот час скажите мне, где она.

Ведьмы загалдели.

— То есть ты настолько самоуверенный ублюдок, что даже не можешь предположить, что она пошла добровольно? — скривилась толстая ведьма.

Подружки согласно закивали, мол, да, так и есть.

— Хорошо! — Джарет миролюбиво улыбнулся. — Куда она пошла «добровольно»?

Строго оглядел ведьм.

— Вы же не знаете, кто она? Не так ли?

— Да все мы о ней знаем! — заорала директри-

са. — Несчастный, потерянный ребенок, которого трахает взрослый…

— Да хватит уже! — вскричал Джарет. — Она взрослая! Она уже совершеннолетняя даже по меркам своей крови! Просто ей захотелось вернуться в школу, чтобы пережить какие-то там комплексы.

Ведьмы зашушукались.

— Простите… — робко начала самая маленькая ведьма. — А кто она по своей крови?..

Ведьмы запшикали на нее, но как-то ненатурально, видимо, тоже заинтересовались.

Джарет широко улыбнулся.

— Видимо, с этого и стоило начать. Моя очаровательная малышка — оборотень. Так что если не хотите, чтобы по округе бегал взбесившийся монстр, немедленно скажите, где она!!

Глава 10. Мариэтта

Вот как так получилось, что из всех возможных частных школ, Джарет выбрал основанную в самом центре культа поклонения страшному духу леса — яквавиаку? Это медведь столь гигантских размеров, что с легкостью переламывает вековые деревья. Да и видел эти самые деревья еще крохотными ростками, потому что уже много-много веков правит в этих лесах.

Местные индейцы, еще до того, как благородные европейцы пришли их приобщать к цивилизации, нашли весьма простой способ ублажать монстра. Они прокладывали тропы, якобы ведущие в деревню, усиленно распространяли слухи о том, как богаты, как мало мужчин и как много женщин. Желающие завладеть чужим добром всегда находились, правда, попадали они прямо в логово медведя. Со временем враги, конечно, поумнели, но тут подоспели европейцы, которые не вняли предупреждениям и пошли обращать в истинную веру неверных…

По совершенной случайности одна из жен тех самых бедолаг-европейцев оказалась ведьмой…

Смерть мужа ее совершенно не расстроила:

он оказался не таким чудесным супругом, как обещал. Но вот других дам посчитала нужным спасти. В благодарность женщины тоже решили научиться колдовству.

Так по соседству с индийской деревней поселился небольшой ковен. Те и другие проводили свои обряды, ходили друг к другу в гости и с милой улыбкой отправляли чересчур навязчивых умников по заветным тропам леса.

Но шло время, мир менялся. Расползлись железные дороги, строились новые города, бесчисленные толпы, в поисках лучшей жизни, без конца то приезжали, то уезжали. Так постепенно деревня индейцев размылась другими культурами, и о лесном монстре забыли. Вернее, стали считать его обычным медведем, иногда даже пытались поймать, но безуспешно.

Ведьмы тоже посчитали нужным внешне измениться. Пробовали выдавать себя за монастырь — не получилось. Затем за госпиталь — дела лучше пошли. Но самой удачной идей оказалась — школа для девочек.

Со стороны все было чинно и благородно, старым девам в принципе свойственно работать в образовании. Но в реальности среди учениц они искали способных девочек и обращали. А если

избранница не хотела становиться ведьмой, то становилась обедом.

С началом XX века жизнь в школе изменилась. Во многом благодаря изменению отношения к магии.

Верховная ведьма начала скрупулезно разыскивать и скупать все, что относилось к теме, дабы разнообразить и приумножить знания по предмету. Так они узнали, что для усиления эффекта лучше использовать не девственниц, а носителей некой особой крови. Решили попробовать, тем более что после сексуальной революции с девственницами стало напряженно. Наложили соответствующее заклятье на бумагу, для приличия нарисовали на ней разного рода тесты и раздали ученицам.

Сработало — тут же некоторые девочки порезались об острый край листа. Ведьмы обрадовались и озадачились одновременно, поскольку некоторые из поранившихся никакими талантами не обладали. Но решили попробовать. А поскольку привязывать орущих девиц к столу уже не модно и мешает процессу, в школе уже давно практиковали выдавать на ночь стакан особого молока. Особенным его делала травяная вытяжка. Девушка выпивала стакан и спокойно засыпала до утра,

абсолютно никакие силы и раскаты грома не могли ее потревожить. В общем, для очередного ритуала выбрали тех самых особенных и поразились эффекту.

Ведьмы даже не подозревали, что под особенной кровью имелось в виду присутствие хотя бы капли дивности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Мариэтта успешно прошла тест.

Вот только с ней начались осечки.

Засыпала она далеко не так крепко, как остальные. Да и заклинание отвода глаз тоже срабатывало не так, как нужно. И так далее.

Верховная потирала руки, мол, какой талант, лютой ведьмой будет! Но в ту ночь, когда Мариэтта исчезла, произошло то, что в корне переменило планы. Дело в том, что она не уснула. Вернее, уснула, но гораздо позже, чем следовало.

Ох, как перепугались ведьмы, когда девица призраком возникла в коридоре и потребовала вернуть на место очередную избранницу. Никаких доводов не слушала. Наоборот, распалилась ещё сильнее. Ведьмы посмеялись, мол, полиция и слушать не станет, у них же столько пропавших. На что Мариэтта сощурила чернющие глаза и усмехнулась:

— Так я и не про полицию.

И сказала это таким уверенным тоном, что ей моментально поверили: и расскажет, и поверят, и будут потом неприятности. Зря, конечно, сказала! Да и по сторонам надо было лучше смотреть, иначе бы не попалась.

— Жаль, конечно, — заключила верховная ведьма, — зато дух покормим.

***

— Джерри, закрой окно. Холодно! — произнесла Мариэтта и проснулась.

Резко села.

Испугалась.

Не мудрено! Вместо школьной спальни она лежала на камнях в незнакомом месте без единого источника света, одетая в одну сорочку. босая. Рядом белеют два пятна. Мариэтта принюхалась и поняла, что это Миса и Регина.

— Мари? — обрадовалась негритянка. — Ты проснулась?

— Где мы?

Мариэтта осторожно ощупала пространство вокруг себя. Обнаружила на полу много мусора: листья, веточки. Некоторые веточки при более тщательном изучении оказались косточками. Так Мариэтта добралась до стены. Осторожно

поднялась, одной рукой держась за стену, другой — подняв как можно выше, чтобы внезапно не столкнуться с потолком.

— Это пещера, — поняла Мариэтта. — Мы в горах.

— Это и без тебя понятно! — огрызнулась Регина.

— Ты так долго спала! — пожаловалась Миса. — Здесь страшно! Регина пробовала найти выход, но здесь так темно.

— Выход, конечно, есть, — заверила девушку Мариэтта. — Нас же как-то принесли сюда — значит, как-то можно выйти. Так что вставайте! — протянула руку Мисе. — Главное, не потерять друг друга. А так, шаг за шагом — мы выберемся.

— Это невозможно! — запротестовала Регина.

— Почему?

— Там страшно! — в голос ответили девушки. — И темно. И противно.

— В пещере так и должно быть, — отрезала Мариэтта. — Электричество сюда не проводили и убираться никто не приходит. Нужно выбираться! Мы не знаем, зачем нас принесли сюда, но явно не для чего-то хорошего.

Мариэтта вспомнила, как Джарет говорит с

крестьянами в период неурожая, и постаралась поточнее изобразить его интонацию:

— Вместе мы со всем справимся.

Подействовало! Регина и Миса встали. Держась друг за дружку, они зашагали мелкими шажками в поисках выхода.

Мариэтта шла первой. С шумом вдыхала воздух, пытаясь хоть как-то сориентироваться. Одну руку вытянула вперед, ощупывая темноту перед собой, а за вторую крепко держались Регина и Миса.

Шли долго, то и дело останавливались. Но не для отдыха: Мариэтте требовалось чуть больше времени для расшифровки запахов, чем обычно. Воздух в пещере был сырой, затхлый, это мешало. И кости, их специфический запах гниения заполонил все вокруг. Еще пахло медведем. *«Надеюсь, не тот самый»*, — испуганно думала Мариэтта, вспомнив гигантские следы на сырой земле.

— Осторожнее! Камней много, — шепнула молодая женщина, отпихнув босой ногой очередную крупную кость с острым краем. Подумала: *«Не хватало, чтобы кто-то сейчас ногу распорол»*.

Внезапно запахло молоком и травой. *«Здесь недавно стоял человек, который зачем-то облился молоком*, — поняла Мариэтта. — *Да и воздух здесь чуть свежее»*. Увереннее шагнула в указан-

ном направлении.

— Ветерком подуло, — шепнула Регина через некоторое время. — Прямо по ногам.

— Недалеко выход! — обрадовалась Миса.

— Тише вы, дурехи! — шикнула Мариэтта. — Мы ещё не выбрались. Тут кажется поворот.

В темноте действительно четко обрисовался угол. Гладкий. Мариэтта нащупала на камнях пучки волос. Почему-то человеческих. *«Мы тут явно не одни проходили»,* — подумала молодая женщина и предпочла не озвучивать находку, тем более что прямо за поворотом их ожидал крайне неприятный сюрприз.

Замерла. Нет, даже отпрянула назад, чуть девочек не уронила, — настолько сильно ударило в нос мертвечиной.

— Что там? — испугалась Регина.

— Не знаю, — Мариэтта зажала нос. — Нагадил кто-то.

— А, по-моему, тухлым мясом пахнет, — возразила Миса.

Регина тоже принюхалась. Констатировала:

— Да, кто-то сдох.

— Да ну вас к черту! — вскрикнула Мариэтта.

Чуть громче нужного, потому что случайно наступила в лужу гнили, отчего завоняло сильнее.

Тут!

Мариэтта сильными руками обхватила девушек и толкнула их за угол.

— Тсс!

Впрочем, и так все понятно — хозяин пещеры вернулся домой.

Медведь.

***

Он сопел, пердел. Зачавкал.

Миса чуть не заорала:

— Что он там ест?

Регина зажала рот руками, заплакала.

Одна Мариэтта вроде как не потеряла самообладания. Просто инстинкты выживания взяли вверх. Она толкала девушек назад, совершенно не представляя, есть ли там хоть какая-то возможность спрятаться, переждать, когда хищник уйдет.

«Только бы не уснул! Пусть уйдет, как поест» — взмолилась Мариэтта. *«Ох, Джерри!* — мысленно воззвала к Королю домовых, — *где же ты шляешься, когда так нужен!»*

«С обаянием у него, видимо, швах, — переключилась на хищника. — *Старый поди. Или сытый. Или что»*.

Она не знала, что медведь привык к присутствию живых в пещере и не спешил к ним только по той причине, что знал: никуда не денутся. Другого выхода из пещеры нет, поэтому зачем торопиться? Так или приблизительно так размышлял медведь, разгребая останки в поисках лакомого кусочка.

Медведь вдруг рыкнул. Скорее всего, просто так или же радуясь особо сочному куску мертвечины.

Миса не выдержала — заорала. Вместе с ней Регина.

Медведь заинтересовался. Пещера задрожала под мощью его лап, наполнилась гниющим дыханием.

Мариэтта резко толкнула девушек в темноту и развернулась…

Глава 11. Джарет

Вихрь хрустальных шаров закружил оборотня. От неожиданности зверь разжал пасть, и медведь грузно упал на камни. Тут же в переливающийся вихрь ворвалась белоснежная сова, обернулась человеком. Он двумя руками сжал голову оборотня и, заглядывая ему в глаза, прокричал:

— Ты в порядке? Ты узнаешь меня?

Ведьмы замерли на метлах — слезть не торопились: все-таки удирать от взбесившегося оборотня удобнее на метлах. Даже в лесу. Они с ужасом и при этом с изумлением смотрели на каменную площадку у пещеры, где распростерлось безжизненное тело лесного гиганта, а волшебник тряс оборотня, приговаривая:

— Посмотри на меня! Ты в порядке?

Наконец мех стал редеть. Кости, мышцы задвигались, меняя очертания тела, и вскоре Джарет прижимал к груди трясущуюся обнаженную женщину.

— Там! Девочки… — Мариэтта из последних сил взмахнула рукой в сторону пещеры и уснула.

Джарет всё понял, крикнул ведьмам:

— Там кто-то есть?

— Да, — ответила верховная ведьма.

Она решила, что опасность позади и спешилась. Ее примеру последовали остальные.

— Две наши ученицы. — Верховная почесала кончик носа. — Если их, конечно, не съели. Медведь или эта ваша…

Разноцветные глаза короля зло сверкнули. Впрочем, Джарет не был настроен вновь вступать в конфликт. Он вытряхнул из хрустального шара три зимних эльфийских плаща, два бросил на камень, в третий закутал Мариэтту. Достал большой шерстяной платок, обернул им ступни молодой женщины.

— А теперь, курицы драные, слушайте меня! — крикнул король. — В школе полно домовых. Они, конечно, однажды уйдут, потому что терпеть не могут места, где часто сменяются жильцы, но это произойдет нескоро. Поэтому я непременно узнаю, доставили вы этих девчонок или же бросили здесь.

Джарет поднял на руки Мариэтту, метнул на прощание парочке разноцветных молний и улетел.

***

Король прилетел в арендованный дом больше потому, что это ближайшее убежище. Там уже суетились домовые.

Джарет первым делом положил Мариэтту на диван, быстро осмотрел. Убедился, что в целом она не пострадала, только испачкалась, набила несколько синяков и пару раз порезалась — ничего критичного. Наконец, ванная; температуру воды предварительно тщательно измерили — она должна быть теплой, не горячей.

После того, как вода сделала своё целебное дело, спящую осторожно вытерли, обработали царапины и закутали в одеяло.

***

— Мы заболеем и умрем, — хнычет рядом с ухом Миса.

Регина тут же огрызается:
— Мы тут быстрее замерзнем насмерть!
А Мариэтта прижимает палец к губам:
— Тсс! Разве не слышите? Тут кто-то есть…
Первое, что она ощутила, проснувшись, — ост-

рая боль в почках. Вскочила — ступни отозвались резкой болью. Кое-как допрыгала до ванной комнаты.

Уф! Вроде порядок.

Гда она находится, вопросов не возникло. Мариэтта больше удивилась, обнаружив, что одета в теплую пижаму, на ногах шерстяные носки, а волосы аккуратно заплетены. Кое-как стянула носок, под ним оказалась марлевая повязка. Узел закреплен искорками волшебства. Пощупала пальцы ног — вроде все на месте.

«Значит, Джарет, — с улыбкой подумала Мариэтта, — *вновь поиграл в принца на белом коне. Впрочем…* — прищурилась. — *Это к лучшему»*. Встречаться сейчас с директрисой не хотелось.

Допрыгала до раковины, умыла лицо, почистила зубы. Честно говоря, от одного воспоминания о пещере, рот как будто наполнялся нечистотами.

Теперь на кухню! Есть хотелось жутко.

— Не смейте называть ее так!! — остановил Мариэтту крик Джарета. — Это не она отвела беззащитных девчонок в пещеру. Не она скармливала туристов этому… как он там называется?..

Умолк. Невнятно зазвучал второй голос.

Мариэтта прижалась к двери, но все равно не расслышала.

— Если бы она была опасна, — резко ответил Джарет, — я бы не выпускал ее из Лабиринта. И не надо мне тут сказки про бедненьких ведьм рассказывать! Убирайтесь!!

Мариэтта пропрыгала к окну и с удивлением увидела удаляющуюся спину директрисы.

***

Дала и себе, и ему десять минут, после вышла.

Джарет коротко улыбнулся, щелкнул пальцами — засуетились домовые: закипел чайник, на столе появился цыпленок, хлеб, салат. Мариэтта села. Подумала: «*Ладно*», — вслух спросила:

— Зачем она приходила?

Король сел напротив.

— Ты знала, что все твои учителя — ведьмы?

Мариэтта фыркнула.

— Они, конечно, не подарок, но положение требует. Знаешь, в моей школе, в той, где я на самом деле училась… — Осеклась под тяжестью разноцветных глаз. — Ты же не серьезно, да?

Пока говорили, Джарет сменил повязку на женских ступнях. Кожные покровы окончательно восстановились, порезы загрубели корками. Это хорошо!

— У меня точно не будет столбняка или еще

чего? — с опаской спросила Мариэтта. — Там много чего валялось.

— Точно, — заверил ее Джарет.

— Значит, когда туристов не хватало, они подкармливали медведя школьницами? Какой ужас! Зачем? Не проще ли его убить?

— По всей видимости, он был центром их культа. Зверю ведь не одна сотня лет, если верить верховной. Вроде как дух леса. Не спрашивай! Я не присматривался.

— И после этого, — Мариэтта гневно взмахнула куриной ножкой, — они считают меня чудовищем? Мы же не оставим это так просто?

Правая бровь Короля домовых вопросительно выгнулась.

— А ты, однако, та еще штучку.

— И не говори! — Мариэтта с удовольствием вонзила зубы в куриную ножку. — Настоящее чудовище.

***

— Мы ее убьем! — Мариэтта сидела на диване и ела картошку фри. Попутно в красках фантазировала на тему массового убийства.

Похоже, это только подогревало ее аппетит. Она успела уже съесть целую курицу, миску салата,

два бутерброда, кусок пирога и вот теперь поглощала картошку, при этом глаза ее переливались зелеными оттенками.

Джарет с интересом наблюдал за подругой и разумно помалкивал. Однажды он попытался отобрать у нее десятый гамбургер, потом неделю лежал в больнице с переломанной ключицей, а Тим зудел над ухом:

— Вот зачем ты полез в пасть к оборотню?

Поэтому, наученный горьким опытом, Король домовых просто ждал, когда зелень уйдет из глаз оборотня, и с Мариэттой можно будет серьезно обсудить случившееся. *«Убить их, конечно, можно,* — размышлял Джарет о ковене, — *но стоит ли? Ссориться с ведьмами — так себе вариант. Конечно, их волшебство не так могущественно, как могло бы быть, и это к счастью!»* Вспомнил как пару часов назад в этой же комнате верховная бросала ему в лицо гадости об его девочке. *«Вот тебя я точно убью»,* — подумал, а вслух сказал:

— Мне так хорошо с тобой.

Щечки Мариэтта моментально вспыхнули.

— Мне тоже, — робко призналась она, и вот удивительно! Глаза оборотня почернели.

Джарет улыбнулся, поманил:

— Иди ко мне.

Мариэтта послушно поставила миску на столик и прильнула к его груди. Глубоко вздохнула.

— Джеррь… Я могу не возвращаться в школу? Просто приеду на экзамены и всё.

— Хорошо! — Джарет провел ладонью по ее волосам. Добавил: — Всё будет так, как ты скажешь.

— Врешь ведь, — тихо рассмеялась Мариэтта. — Всё происходит так, как решаешь ты. — Уткнулась носом в его плечо. — Отвези меня домой. Не надо никому мстить. Просто — домой.

Джарет помолчал немного. Сказал:

— Для оборотня ты чересчур милосердна.

— А ты не чересчур жесток для полуэльфа?

***

Автор на Призрачных мирах https://feisovet.ru/магазин/Роз-Мариэтта/

Кейтилин Ли. Цвета осени

Рассказ написан по миру «Полукровки»:
https://prodaman.ru/kira_romanova/books/Polukrovka-Chya-ty-na-samom-dele
https://prodaman.ru/kira_romanova/books/Polukrovka-Kniga-3-Bezumie-Sily

***

Глядя на пышное золото осеннего леса, Рада всегда вспоминала отца — сочно-рыжего, как и она сама, и щедро-веснушчатого — расцелованного солнцем в обе щеки. Если возрождение душ действительно есть, то папа, наверное, вернулся в этот мир именно так — янтарём и гранатом сонной уже листвы. Или, может, он так и не покинул этот мир? Как не уходят призраки, так не ушёл и он — стал одним из духов осени, и всегда является так дочери, словно хочет до неё что-то донести, словно что-то не закончил, и желает, чтобы Рада это сделала.

Но что?

Вполне возможно, Рада выдаёт желаемое за действительное, и просто с момента ухода отца

она стала видеть осень как-то совсем по-особенному.

— Эй, лисичка! Влюбилась, поди?

Рада вздрогнула.

Рядом с ней на крыльцо села ведьма Дина. Села, подпёрла голову ладонью и с хитрецой посмотрела своими зелёными глазами на оборотницу, походя на лису даже больше, чем сама Рада. Лет тридцать ей было. В пышном крепком теле, с тёмно-каштановыми волосами, отливающими золотом в удачном солнечном луче, и с веснушками, как у Рады, только их совсем немного, и они её очень молодили.

Нахваталась Дина деревенских словечек за годы жизни за околицей, у самой кромки леса, но Рада видела — ведьма образованная. Если и ученица предшественницы, то этим не ограничилась. Да и по происхождению явно из города — очень уж отличается она по суждениям и говору от остальных селян.

Лисичка зарделась и отвела взгляд.

— Да. Он моя истинная пара.

Почему-то не хотелось отнекиваться и лгать. Раде казалось, что Дина видит её насквозь. Наверное, так и было.

Иногда ведьмы оказываются сильнее любых

магов.

Дина удивилась. Хмыкнула.

— В самом деле? Он же человек. А вы как драконы, а не как демоны.

Рада покосилась на раскрытую настежь дверь ведьминской избы. Погода стояла на удивление тёплая. Там на скамье спит без задних ног адепт крови по имени Тхир. Рада была разочарована, когда по жребию ей в пару выпал именно он. Да, маг крови всегда немного целитель (оттого их и посылают на практику вместе с целителями), но то, что ей в силу дара давалось легко, у него отнимало много сил, хоть он и старался. Как результат — парень валился с ног после каждого обхода и спал весь остаток дня и всю ночь.

Всё бы ничего, но Рада вдобавок и крупно влипла, влюбившись так, что в глазах темнело, и хотелось тыкаться носом в его волосы и шею, и вообще такие мысли в голову лезли, что она начинала краснеть.

Рада была скромной лисицей. Эти мысли её пугали.

— Да, человек. Но как есть.

— Ты не ошиблась?

Рада возмущённо тряхнула рыжей головой.

— Нет! Мы в таком не ошибаемся!

— Ладно, ладно, верю, — примирительно сказала Дина. — Но это всё равно странно.

— А то не странно? — вздохнула Рада.

Их с Тхиром отправили на практику в деревню, где случилось кишечное поветрие. Хвала богам, никто не умирал, но мучились люди знатно — болячка оказалась на редкость прилипчивой. Самое то для адептов-третьекурсников Тармирской Академии Магии. Ради и Тхира поселили в доме Дины, предварительно ей заплатив, конечно же. В первые пару дней ведьма постоянно стремилась общаться — видно, как соскучилась она по общению с кем-то из кругов других, нежели деревенские жители. После немного успокоилась, но всё равно была не прочь поболтать в любую свободную минуту. Ещё и Тхира быстро приспособила колоть дрова, коль уж появился мужчина в доме, пусть и ненадолго.

Признаться ему? Он не поймёт. И не только он — Рада сама не понимала. Что случилось и как. И почему? Почему такое влечение к человеку, простому человеку?

Может, у него в предках затесался кто-то из лис? Но всё равно не должно быть такого…

И что самое смешное, этот вопрос к нему, к магу крови! Пусть Тхир пока что и недоучка, но всё же

знает, в какую сторону думать. Ведь истинная пара — это ярчайшее, хрестоматийное проявление магии крови.

И всё равно, как можно идти к парню с таким вопросом?! Да он её на смех поднимет!

Рада была не только скромной лисицей, но еще и слишком прямой и честной. Это усложняло жизнь.

Она даже пожалела, что не демон. Ощутил пару в человеке? Поставь на него метку, и через недолгое время человек твой со всеми потрохами. Людей такое возмущает, да. Многие истово молятся, чтобы выбор демона не пал на них. Раде тоже не нравилась такая их особенность, и она радовалась, что не человек, но теперь вполне их понимала и сама бы не отказалась от своей метки на Тхире.

Вздохнула. Похлопала себя по коленям и направилась в избу, где нужно, не мешая Тхиру, взяться за отчёт по практике. Интересно, с таким богатырским сном Тхир вообще успеет его написать?

Осень с сочувствием дышала в спину…

Тхир заблудился. Заблудился в кромешной тьме. Такого ужаса, что захлестнул с головой, юноша прежде не знал никогда. Он даже не считал себя способным на подобные чувства!

Просто не существовало ничего, кроме тьмы. Ни семьи, ни друзей, ни дела жизни. Да даже его самого не существовало — ни памяти, ни личности. Всё поглотил ужас вместе с тьмой.

Тхир так бы и тыкался слепо в разные стороны, если бы вдруг не увидел светящуюся точку. Он не поверил своим глазам. Показалось, что бредит, но точка не исчезала, и он с робкой надеждой в груди пошёл в её сторону. О чудо! — она приближалась, очень быстро, как будто двинулась навстречу ему. Да, так и было — она приближалась, всё больше становясь похожей на человеческий силуэт. Чем ближе, тем чётче. Тем ярче.

Девушка! От неё исходил солнечный свет, и пахло ранней тёплой осенью.

Раскатом грома сознание пронзило имя.

Рада.

Её зовут Рада. И они вместе учатся. В Академии Тармира. И в последний раз они вместе были на целительской практике. Он — маг крови, она — целитель. У неё всё получается лучше, что естественно. А ему очень трудно, ведь он целитель лишь немного.

Нет, не красавица. Рыжая, усыпана веснушками, и нос длинноват, и губы не такие пухлые, как нравятся Тхиру. Но чем она ближе, тем теплее

становится, и тьма испуганно шарахается от ореола света, что разливается вокруг неё.

Рада улыбается с облегчением и радостью. Она хватает его за руку, такую холодную в сравнении с её, и тянет за собой. Она с лёгком цветастом платье, длинные волнистые волосы цвета осени колышутся в такт шагам. Она ускоряется, переходит на лёгкий бег, и Тхир бежит следом.

И вдруг — яркая вспышка. Такая, что пронзает стрелой. Ослепила, Тхир споткнулся…

Вздрогнул.

Задышал. Шумно и тяжело, даже хрипло.

Лоб мокрый, и Тхир судорожно стёр холодный пот. Приподнялся на локтях, огляделся. Откинулся на подушку и выдохнул, успокаиваясь.

Боги! Всё на своих местах. Это избушка Дины — местной ведьмы, что предоставила кров двоим адептам.

В окошке была видна растущая луна. Слева от Тхира что-то лежало. Что-то тёплое. Оно грело ему бок.

Тхир опасливо отодвинулся. Лунный свет серебрил густую шёрстку, и кончики мягких ушей казались схваченными тонким инеем.

Лисица.

Рада?

Кошмар всё ещё не до конца отпустил Тхира, и мысли путались. Лиса спала, вытянув лапы и уложив на них голову. На его движения она никак не реагировала — должно быть, очень крепко спала.

Вывела его из тьмы.

— Спасибо, — беззвучно шевельнулись губы.

Не вполне отдавая себе отчёта, потянулся к лисице. Пальцы утонули в мягком меху. Провёл ладонью от холки по всей спине. Коснулся ушей…

Одно ухо дёрнулось, и Рада вскинула голову. Было тесно, но Тхир чувствовал — они пересеклись взглядами. Вдруг лисица громко фыркнула и, мощным прыжком перелетев через Тхира, заметалась по всей избе. Комок тьмы сновал туда-сюда из угла в угол, и шорох лап не смолкал. Наконец Рада скользнула куда-то за печь — туда, где темнее всего. И всё стихло.

Тхиру стало стыдно.

— Рада! — позвал он громким шёпотом, чтобы не разбудить хозяйку. — Рада!

Зачем позвал? Кто знает.

Лёг и отвернулся к бревенчатой стене с законопаченными мхом щелями.

И в самом деле, чего это он? Смутил напарницу.

Смутился сам. Только вот мягкое тёплое чувство, что оставила она после себя во сне, никак не желало отступать. И что-то было в этом чувстве такое… как сияющая жемчужина, до которой ещё надо добраться — самая суть этого чувства, — но вниманием к ней всё возвращается и возвращается.

Это просто сон. Сны снятся чаще всего просто так, без дурных предзнаменований и тайных знаков. И образ Рады просто так вытащил его из кошмара. Не больше. Просто подсознание почему-то обратилось именно к Раде. Почему? А потому что почему бы и нет?

Спустя некоторое время Тхир успокоился и уснул. Правда, пообещал себе утром извиниться перед Радой за неловкость. И спросить, почему она решила вдруг спать рядом с ним, хотя прежде выбирала место подальше.

— Ты какого чёрта распустил руки?! — гневно восклицала Рада, и лицо её пылало. — Я тебе что, мягкая игрушка?! Я просто хотела погреться, мне было холодно!

— Прости! Пожалуйста, прости! — покаянно говорил Тхир, подняв руки. — Я не хотел тебя оскорблять! Мне приснился кошмар, и ты подвернулась под руку. Нужно было отвлечься. Я

был немного не в себе. Прости. Я не хотел тебя обидеть. Правда.

Рада успокаивалась, но всё еще выглядела смущённой. Она прижала ладони к щекам. Услышав про кошмар, она с подозрением повела своим вострым веснушчатым носом. Совсем как лиса.

— Ну хорошо, прощаю, — изрекла она наконец. — Ну и сама не буду больше прыгать к тебе греться.

Совсем засмущалась, и Тхир был вынужден окончательно признать, что ситуация действительно нелепая.

Они вновь обошли деревню, справились о самочувствии деревенских. Где-то их накормили, где-то насовали в карманы орехов и яблок в знак признательности. Они управились быстрее, чем ожидалось — поветрие отступило (во всяком случае, на время точно), и теперь можно взяться за отчёты с чистой совестью.

— Кхм… Тхир, — неуверенно заговорила Рада. — У меня есть к тебе вопрос. Как к магу крови.

Юноша отвлёкся от отчёта и с интересом посмотрел на неё. Он несколько часов кряду писал безостановочно, навёрстывая упущенное и пытаясь догнать лисицу, и теперь был рад ненадолго отвлечься.

— Давай, говори. Чем смогу, помогу.

Девушка смущённо теребила перо и не торопилась начинать разговор.

— Только пообещай понять всё правильно и не смеяться надо мной. Это очень важно.

И так посмотрела, что Тхир невольно проникся.

— Говори.

Рада поёрзала, прикусила губу, сцепила-расцепила пальцы.

— Я тебя люблю. Ты моя истинная пара. Нет, я ничего не напутала и не приняла одно за другое. Я знаю, что это невозможно, поэтому вопрос — почему это всё-таки произошло и как теперь мне быть?

Как на духу.

Несколько мгновений Тхир вникал в сказанное. Когда вник, опешил.

— Прости? — осторожно спросил он. — Я не ослышался? Ты сказала…

— …то, что сказала. Помоги, пожалуйста, разобраться.

Рада была напряжена, и Тхир уже в который раз почувствовал себя неловко.

— Хм, — только и изрёк он. — Это… странно.

— О, да! — насмешливо ответила Рада.

— Это невозможно, — весомо добавил Тхир.

— Ещё бы.

Пауза. Рада отвела глаза и взялась за чернильный камень, отколола от него кусочек и бросила в ступку. С усилием застучал пестик.

Тхир следил за её движениями и не мог подобрать слов. Он просто не мог понять, лукавит лисичка или нет. Вполне может — лиса же. Однако сомневался — это ведь такая ложь, что скорее навредит, чем принесёт пользу.

Рада пересыпала в чернильницу полученный порошок и подлила туда воды.

— Я это проверю, — сказал Тхир. — Парность — это очень мощный пласт в энергии крови, я смогу его увидеть.

Рада исподлобья глянула на него, и её жёлтые глаза сверкнули.

— Буду признательна, — сказала она.

Тхир кивнул и снял с крючка на стене свою сумку, где хранил все принадлежности для магии крови. На столе оказались чистые льняные салфетки, особый нож, склянка с обеззараживающим раствором и набор предметных стёкол.

— Давай руку. Рабочую. Постарайся расслабиться и успокоиться, чтобы в крови не отображалось лишних эмоций. Я-то сквозь них рассмотрю, что

нужно, но лучше не надо.

— Я поняла.

Тхир смочил салфетку в растворе и тщательно протёр свои ладони. Следом взялся за руку Рады и тщательно обработал её, уделив внимание каждому пальцу, как и привык уже. Рада ни слова не сказала — она целитель, её не смущает щепетильность в вопросах гигиены. Некоторые другие отпускают шуточки и усмехаются.

Лисичка сидела вся красная. Её тонкая ладонь подрагивала от его прикосновений. А юноша то и дело посматривал на неё, на её рыжие волосы и пылающее конопатое лицо. И хочется чего-то… не то поцеловать, не то…

Она очень смелая. Безумно смелая. Даже сам Тхир, будучи парнем, не сразу бы решился выдать такое признание прямо и на одном дыхании.

Вид ножа отрезвил. Тхир протёр узкий клинок и уверенно кольнул остриём в кончик пальца сначала Рады, потом в свой. Лиса поморщилась от боли, когда Тхир выдавил на стекло каплю её крови, и сразу излечила ранку, стоило парню её отпустить.

Тхир призвал магию, и сосуды послушно замерцали под кожей. Повинуясь зову, из крови на стёклах поднялись вверх облачка силы. Тхир

сосредоточился и обратился к крови:

— Покажи связи.

За пару мгновений облачка расслоились на несколько энергетических планов, и некоторые из них даже были видны невооружённым взглядом. Рада с любопытством смотрела, как переливаются они в луче солнца.

— Смотри, — сказал Тхир и указал пальцем в бело-перламутровый слой в облачке, что поднималось над кровью Рады. — Это твоя привязка, она сейчас заполнена. Если бы была пуста, то выглядела бы по-другому. Это значит, что ты не лжёшь. Ты действительно ощутила пару. Но вот у меня, — кивнул на свою кровь, — такого нет. Я человек.

Рада вновь покраснела под взглядом Тхира.

— Слушай, — заговорил он и сам удивился, как томно зазвучал его голос. — Я, конечно, неотразим, но чтобы настолько…

Едва увернулся от удара свёрнутой в трубочку бумажки.

— И вовсе не из-за этого! — резко и громко сказала Рада. — Это дурацкое недоразумение, и оно меня бесит! Никогда не мечтала о человеке! Это… немыслимо!

Отбросила бумажку и скрестила на груди руки.

Положила их на колени. Схватилась за кончик рыжей косы.

— Возможно узнать причину? — спросила она уже спокойнее.

— Хм… — Тхир запустил ладонь в волосы. Взъерошил. — Не знаю. Это сложнее. Но я попробую.

Сцепил пальцы в замок и вытянул вперёд руки. Наклонил голову вправо-влево. Щёлкнули позвонки, и Рада тихо хмыкнула.

Тхир уже пожалел, что ляпнул про «сложнее». Просто-напросто он совсем не знал, как выяснять через кровь причину чего-то, тем более истинной пары. Какая тут может быть причина, кроме самой природы существ, подверженных парности?! Даже оттолкнуться не от чего!

Тем не менее, юноша решился попробовать. Он редко чувствовал в себе научный азарт, но сейчас ему удалось пробудить его в себе. Это бы потянуло на семестровую работу, а то и на диплом!

Но, увы, Тхир быстро понял, что не может потянуть такое. Он обратился к природе Рады, он по-разному задавал вопросы и поднимал разные пласты. Но нигде он не смог отыскать зацепку.

Лисичка жадно наблюдала за его действиями, и это очень смущало, ведь хотелось выйти побе-

дителем в глазах девушки, но не сложилось.

— Нет, не могу, — выдохнул он, утерев вспотевшее от натуги лицо. — Пока что это для меня слишком сложно. Прости, лисичка.

Рада разочарованно отвела взгляд.

— Ну, ладно, — буркнула она. — Попытаюсь что-нибудь сама с этим сделать.

— Слушай, — вдруг сказал Тхир. — А может, обратимся за помощью? Мне самому любопытно…

— Ну уж нет! — отрезала Рада. — Чтобы моё имя трепали на всех углах? Я не для того тебе доверилась!

— Тот, к кому я хотел бы обратиться, точно не будет ничего трепать. Он слишком высоко стоит для этого.

Рада вопросительно вскинула брови, а Тхир заговорщицки понизил голос:

— Я про адайе-ли.

— Что?! — воскликнула Рада. — Адайе-ли?! Ты серьёзно?

Какая же она всё-таки эмоциональная! Не соскучишься с ней!

— А что? — пожал плечами Тхир. — Он такой же студент, как и мы с тобой, только на выпускном курсе. Старшим пристало помогать младшим! Адайе-ли очень увлечён наукой, он точно не

откажется разгадать такую сложную загадку.

Рада выдохнула.

Адайе-ли Дэлион — наследный принц и единственный демон, владеющий достоянием расы людей — магией крови. Он унаследовал её от своей матери — ада Анджит была полудраконом и прослыла самым сильным магом крови в истории. Говорят, сын уступает матери в силе и способностях, но всё же никто из людей не может с ним сравниться.

Обратиться к нему, да так запросто… да разве же она посмеет? Когда адайе-ли проходит по коридору Академии в одиночестве, в простой форме студента, хочется вжаться в стену и исчезнуть — такое благоговение он вселяет.

А Тхир хорохорится, дурак.

— Соглашайся! — сказал он. — Я напишу ему, пока мы здесь. А если не выйдет, то подойдём к кому-нибудь из наставников. Не проживёшь же ты всю жизнь с такой тягой, верно?

Рада помрачнела совсем, и Тхир проглотил вертящуюся на языке подколку — и хорошо. «Постарайся не наброситься за меня за эти два дня!»

Не говоря ни слова, Рада вышла прочь из избы. Её как будто подменили, что неудивительно, и Тхир чувствовал себя очень неловко, и нелов-

кость свою он пытался прикрыть бравадой и глупыми шутками. И стало совестно. Даже стыдно.

Это было очень странное чувство. Оказаться истинным избранником оборотницы… Вот уж чего не ожидал никогда. Да и не то, что жениться — даже присматриваться к девушкам Тхир не планировал до конца учёбы и пока что неплохо справлялся с этой задачей. Сторонился демониц, ведь никогда не знаешь, почувствует кто-то из них зов пары или нет, поставит метку на тебя или нет. Драконицы и оборотницы списывал со счетов. Как оказалось, зря.

Задумался. Стоит ли быть столь категоричным по отношению к Раде? Она не вызывала в нём отвращения, даже напротив — то спасение из ночного кошмара словно расставило всё по своим местам, открыло глаза на очевидное. Лисичка начинала ему нравиться. Да и сложно отгородиться от симпатии, когда девушка совсем рядом, и спит каждую ночь в пределах видимости, пусть и в лисьем облике.

И всё-таки она безумно смелая. Это впечатляет.

На горизонте собиралась тяжёлая тёмная туча, которая выглядела особо страшно на фоне сол-

нечного неба. Вскоре она разразилась ливнем, который шёл весь вечер и часть ночи и сбил с деревьев половину осеннего наряда. Казалось, даже одежда пропиталась ароматом прелой листвы, мокрого дерева и грибов…

Когда прошли последние дни практики, Рада с Тхиром наконец вернулись в Академию через выстроенный куратором портал. Сердечно попрощались с Диной, которая посматривала на ребят с очень загадочным видом. Тхир всё-таки успел доделать отчёт, посматривая в записи Рады, и за это время они почти не разговаривали, за исключением одного случая — Тхир написал письмо адайе-ли, как и обещал, и на следующий день пришёл ответ. Дэлион согласился помочь, но поставил условие — ребята должны дать ему право использовать этот случай в научной статье. Рада приуныла, но согласилась. Она не представляла себя торгующейся с принцем демонов.

С тех пор, как она призналась, она чувствовала себя голой перед Тхиром, даже если одета в три слоя, даже если ходила в ипостаси лисы. Тхир отводил глаза и явно хотел что-то сказать, но не решался, и у Рады не хватало духа настоять на разговоре. Да она и сама побаивалась того, что он может сказать. Чуть позже. Потом!

Вернулись в Академию и разошлись по общежитиям. Рада делила комнату с двумя соседками, и девушки тут же принялись обмениваться впечатлениями от своих практик.

Рада ни словом, ни жестом не обмолвилась об истории, в которую так крупно попала. Тхир так и стоял перед глазами — не сильно высокий, но ладно сложенный, с подстриженными и взлохмаченными тёмными волосами и лучистыми светло-карими глазами. Он так подходил избушке Дины, так подходил деревне и лесу, её окружавшему, так подходил яркой душистой осени, так подходил вообще жизни на этом свете, что…

Драконы находят пару по запаху. Лисы же выхватывают общий образ: внешность, звук голоса, аромат тела. Рада не смогла устоять перед совершенством Тхира, перед его гармоничностью и ладностью. Хотелось обнимать и ни за что не отпускать его, хотелось вместе с ним быть такой же неотъемлемой частью жизни, быть на своём месте…

Только это должно было произойти в отношении её сородича, а не человека!

Рада даже не хотела думать, какой выход может найти адайе-ли. Она вообще не представляла, что можно тут придумать. Рвать привязки нельзя

— это знают все. Это драгоценность. Заставить полюбить человека? Это тоже невозможно. Только демонам это под силу. Но Дэлион демон, может, он будет размышлять в эту сторону?..

Да даже если удастся избавиться от привязки, Рада всё равно будет знать, что Тхир — лучший.

На следующий день Рада и Тхир направились в крыло, где жил адайе-ли. Там располагались комнаты куда лучше тех, что занимали простые студенты из небогатых семей. Но что любопытно — это не самое роскошное крыло, способное удовлетворить любые, даже самые высокие запросы. У адайе-ли, как и у многих прочих, был сосед, а это уже налагало ограничения.

В крыло их пропустили, сверившись со списком. Рада с интересом посматривала по сторонам. Да, здесь определённо обстановка богаче: мозаика, лепнина, редкие растения в кадках, причудливые магические светильники под потолком.

Ребята остановились у тяжёлой резной двери с нужным номером. Тхир заметно нервничал. Они обменялись взглядами, Рада кивнула парню, и тот три раза громко постучал.

Изнутри щёлкнул замок, и дверь сама собой приоткрылась, приглашая войти. Рада замялась, когда Тхир распахнул дверь шире, но всё же во-

шла. Почти сразу согнула спину в поклоне.

— Приветствую. Без церемоний, пожалуйста! Не в этих стенах.

Прозвучало это прежде, чем Рада или Тхир что-то сказали.

— З-здравствуйте.

О, боги, надо же было заикнуться вдобавок!

— Здравствуйте, адайе-ли.

Рада окинула взглядом хозяина. Он стоял возле стола, и рост его был столь огромен, что у неё на миг закружилась голова — давала о себе знать драконья кровь. От матери он почти полностью унаследовал внешность: золотисто-рыжие волосы, светло-карие глаза и вполне человеческие, хоть и красивые черты лица. В сравнении с драконами или демонами адайе-ли выглядел, конечно, несколько простовато. От отца, красавца адайе Сэйерона, ему достались зрачки-щёлочки, как у всех демонов.

Дэлион указал ладонью на места за столом. Рада и Тхир сели рядом друг с другом, адайе-ли занял место напротив.

— Можете не переживать — мой сосед сейчас на дополнительных занятиях, лишних ушей здесь нет. Вас зовут Рада Марри? — обратился он к лисичке, и та молча кивнула. — Давайте вашу

руку. Ни к чему медлить.

На столе уже всё стояло подготовленным, и адайе-ли взялся за дело. Он был одет в самую простую тёмно-синюю рубашку и в самые простые чёрные брюки. Строгий, спокойный, собранный, с тонкой, но крепкой стеной между ним и остальными — когда это требовалось. Рада отвела глаза, стараясь не думать, напротив кого сидит сейчас и от кого принимает помощь.

Да, здесь обстановка была всяко лучше. Небольшая, но уютная гостиная со столом, парой кресел, диваном и небольшим шкафом, забитым книгами. По разные стороны — двери в спальни.

— Вы правда сможете помочь? — вдруг спросила Рада.

Дэлион протирал нож. От её вопроса он замер на миг.

— Простите, — шепнула она.

— Смотря что там у вас, — ответил он, пропустив извинение мимо ушей. — И смотря что вы захотите получить, исходя из этого. Но ваши чувства я прекрасно понимаю и сочувствую вам.

Рада зашипела от боли, когда нож ткнулся в её палец, и выступила капля крови. Дэлион управлялся со всем куда ловчее и увереннее, чем Тхир. У демонов кровь чёрная, в отличие от других

существ, поэтому его магия тоже была чёрной, а не красной. Было немного страшно за ней наблюдать — она напоминала настоящую тьму, способную пробуждать мёртвых.

Вновь над предметными стёклами повисла энергия с её слоями и уровнями. Адайе-ли молча и сноровисто перебирал их, всматривался, сравнивал. Они были разноцветны, с разной плотностью и разным наполнением. Наконец он задумался над одним из них — чёрным, как его магия.

— Что с вашим отцом? — вдруг спросил он у Рады.

Та вздрогнула от удивления. Адайе-ли смотрел так, что она невольно прониклась важностью вопроса.

— Его нет с нами уже три года. Даже больше.

— Умер своей смертью?

— Да. Я нашла его возле колодца. Он был мёртв. И улыбался даже после смерти.

Предательски дрогнул голос, и Рада отвернулась, пряча выступившие слёзы. Та картина так ярко встала перед глазами, словно произошла вчера, а не три года назад. А ведь в последние разы, что она бывала дома, ей начало казаться, что всё, уже успокоилась…

Адайе-ли слушал внимательно, не сводя с неё

глаз, и лисичка продолжила:

— Мама умерла сразу, как только родила меня. Папа вырастил меня один. Они были истинной парой…

Замолчала и шмыгнула носом. Прикрыла ладонью глаза и сглотнула ком в горле.

Пронеслось острое чувство несправедливости. Почему её семье так не везёт?! И ей, и родителям?

— Он продержался долго, — отметил Дэлион. — В последние три года вы не замечали ничего странного вокруг себя? Какие-то детали, которых раньше не было? Или на которые вы не обращали внимания?

Рада сокрушённо покачала головой.

— Нет. Разве что осень стала ярче, но мне, наверное, кажется.

Адайе-ли бросил короткий взгляд в окно. Янтарные глаза его поймали солнце, и зрачки сузились в щёлочки, как у кота.

— Даже вы мне сейчас кажетесь частью осени, — вдруг призналась Рада, скользнув взглядом по его золотым волосам и тронутой лёгким загаром коже.

Дэлион удивлённо вскинул бровь, но не прокомментировал никак её слова — лишь приход-

нял в лёгкой улыбке уголок губ.

— Вам передалось по крови его проклятие, — ответил он.

Рада от неожиданности захлебнулась воздухом.

— Что?.. Проклятие?! Какое? Кто его наложил?!

— Это предстоит выяснить, как и условие, при котором оно исчезнет. К сожалению, я не мастер проклятий и в таких делах не силён. Скорее всего, здесь сработает немагический способ снятия, но в этом нужно разбираться. Ваш отец не рассказывал вам о каких-то конфликтах в своей жизни?

— Нет. Никогда. Я даже не задумывалась, были ли они вообще. Папа был очень добрым лисом. Я не могу представить, что он мог с кем-то поссориться, да ещё и до проклятия.

— Я понял. Ноэн Тхир, а что у вас? Не припоминаете? Может, что-то подобное касалось кого-то из вашей семьи?

Тхир, молчавший до сего момента, напрягся и с подозрением нахмурился.

— Не могу так сразу сказать. Нужно вспомнить. А это имеет значение?

— Вы не увидели самого главного, — адайе-ли расслабленно откинулся на спинку стула. — Вы сосредоточились только на Раде и не додумались

проверить, тянется ли что-то от неё к вам. На что-то же её привязка сработала, верно? Значит, что-то должно быть и в вас.

Он прочертил пальцем линию от одного стёклышка с кровью до другого, и по этой линии в воздухе протянулась тёмная туманная ниточка и вплелась в облачко энергии над кровью Тхира.

Магия крови не переставала удивлять Раду. Тхир сидел с таким видом, словно его только что прилюдно застыдили, да ещё и тумака отвесили.

— Если это проклятие, то привязка может исчезнуть, если его снять? — с надеждой спросила Рада.

— Нет никаких сомнений, что она истинная, пусть и протянулась к человеку, а не к лису. Проклятие её пробудило, и она теперь навсегда останется с вами.

Девушка застонала и закрыла лицо ладонями. «Не хочу, не хочу, не хочу! Без ответа всю жизнь! Это невыносимо!» — в отчаянии думала она. Вот снимет она это проклятие — боги знают, в чём оно заключается! — и Тхир отбежит от неё на безопасное расстояние, да еще и прятаться будет, пригибаться, растворяться в толпе. Люди не выносят принуждения и давления. И правильно делают.

— Я вас отправлю к мастеру проклятий, который работал ещё с моей матерью. А еще он передо мной в долгу, так что помощь вам будет его платой. Что такое, ноэни Рада? — Дэлион заметил выражение лица лисицы.

Рада слышала что-то об эльфе, который помог Анджит-полукровке снять проклятие с целой расы драконов. Легендарная личность! Правда, имя этой личности она благополучно забыла, ибо эльфийские имена слишком зубодробительные.

И теперь этот эльф будет им с Тхиром помогать из-за некоего долга перед адайе-ли. С ума сойти. Она никогда о таком и думать не думала.

Но…

— Я уже не вижу для себя причин работать над привязкой, — с горечью сказала она. — Если от неё не избавиться, то что я получу тогда? Больше это проклятие мне ничем не мешало.

— Я хочу понять, что произошло, — вдруг твёрдо произнёс Тхир. — Если это всё касается и меня, я не должен стоять в стороне.

Рада не могла понять, что же он чувствует к ней лично. Стремление разобраться — да, стремление помочь — тоже, но… Да и как бы ни относился, что бы ни сказал, она всё равно воспримет в штыки, вопреки логике. Он наверняка просто

захочет соблазнить её, влюблённую теперь уже на всю жизнь. Соблазнить, поиграть — и бросить. Такие чувства нельзя показывать человеческим мужчинам. Люди… они ведь другие. То, что для оборотня сила, для человека — слабость.

— Мастера зовут айль Риноэль нар-Карнандиаль, — сказал Дэлион. — Я могу пригласить его прямо сюда, в Тармир, чтобы вам не отвлекаться от учёбы. Ноэни Рада, что скажете? Ноэн Тхир заинтересован, и без вас вряд ли можно что-то решить. Если разбираться с проклятием, то только с участием вас обоих.

Вот! Вот как зовут легендарную личность.

Рада в ответ вздохнула и прижала ладони к щекам. Что она теряет? Да ничего. Хоть пользы для себя она теперь не видела, но любопытство подмывало пуститься в расследование. Она думала, что папа умер, потому что не смог больше жить без мамы. Вдруг то неизвестное проклятье также его добило?

— Да, я согласна, — сказала она наконец.

— Вот и хорошо, — подытожил Дэлион. — Тогда я сообщу вам, когда он сможет с вами встретиться. У вас остались ко мне вопросы?

— Можно ли сделать так, чтобы я поставила на него метку и не мучилась?! — вдруг выпалила

Рада.

Тхир выглядел так, словно ещё немного — и он пойдёт вжиматься в стену от страха.

Адайе-ли вдруг рассмеялся, громко и весело. Маска строгости и деловитости слетела, обнажилась истинная суть.

— Сожалею, но нет. Это невозможно, — сказал он.

— Вы смеётесь, а мне теперь с этим жить, — проворчала Рада, и ухмылка сползла с лица Дэлиона. — Может… — она замялась. — Простите за дерзость, но, может, ваша матушка, ада Анджит, сможет… с её могуществом… дать совет?..

Дэлион посерьезнел.

— Матушка может и не только дать совет. Но она поклялась больше никогда не трогать парную связь. При любом вмешательстве вреда выходит больше, чем пользы. Оно того не стоит. Это слова матушки. К ним стоит прислушаться. Впрочем, только что у меня возникла одна догадка… Если принять во внимание, что привязка ваша была пробуждена искусственным путём, то, возможно, вам и удастся погасить тягу к Тхиру. Снятие проклятия — это не протест против природы и судьбы, посему…

— Спасибо! Спасибо за надежду! — воскликну-

ла Рада с облегчением. — Мы постараемся найти ответ!

— Пожалуйста. Но позвольте вопрос — почему вы так упорны? — прищурил золотые глаза Дэлион. — Что мешает вам — и вам, ноэн Тхир — попытаться шагнуть навстречу друг другу? Без оглядки на связи и прочее выстроить отношения. Тхир, что вы об этом думаете?

Адайе-ли был мастер неожиданных вопросов и выводов. Рада осеклась.

— Я не уверена, что это хорошая идея! — не дожидаясь ответа Тхира, воскликнула она. — Даже если и да, то всегда есть опасность, что он разлюбит, уйдёт, изменит…

— Откуда ты знаешь? — вдруг спросил Тхир.

— Что? — удивлённо моргнула Рада.

— Почему ты так обо мне думаешь?

Лисица не нашлась с ответом.

— Так, я думаю, что вы теперь сможете и без меня разобраться, — беззлобно фыркнул адайе-ли.

— Да!

— Простите за отнятое время!

— Мы в долгу перед вами!

Дэлион лишь помахал на прощание. Он широко и светло улыбался.

— Сочтёмся. Если возникнут еще вопросы —

обращайтесь. Вы весьма любопытный материал для наблюдений…

Рада вылетела из комнаты и пустилась бегом по коридору. На её счастье, никто на пути не попался, и на этаже, возможно, и не было никого, кроме адайе-ли. Поймав суровый взгляд коменданта, пропустившего их ранее, она помчалась к выходу, перепрыгивая через ступеньки. За спиной слышались шаги Тхира, который её догонял.

На улице похолодало, небо посерело, ветер гонял листья по мощёным дорожкам внутреннего дворика. Несколько одиноких фигур неторопливо прохаживались среди деревьев, кто-то сидел на скамье возле отключенного фонтана.

— Рада! — Тхир преградил ей путь. — Стой! Куда ты?

Лисичка тяжело выдохнула.

— Мне стыдно за всё это. И страшно.

— Чего ты боишься?

— Вам, людям, нельзя верить! И вашим чувствам тоже! Сегодня они есть, а завтра их нет, зато есть к кому-то другому. Я совсем одна на этом свете. У меня нет отца, что защитил бы меня. Я не могу позволить себе на что-то надеяться. Я уже пожалела, что призналась тебе.

— А ты хоть знаешь, что я чувствую? Не хочешь

у меня спросить, м?

Рада удивлённо вскинула подбородок.

— А что ты можешь чувствовать? Мы знакомы всего ничего, всего пару недель, и за это время ты ничем не показал, что можешь что-то ко мне испытывать, и после моего признания не показал, а теперь внезапно хочешь, чтобы я спрашивала о твоих чувствах. Неужто там есть что-то интересное?

— Помнишь, я говорил, что мне приснился кошмар? Я не сказал, что из меня его вывела ты. Была кромешная тьма, и ты взяла меня за руку и повела к свету. Потом проснулся, и ты рядом… Я просто не мог не погладить тебя за такое.

— И? — выгнула бровь Рада.

— И… и я понял, что ты мне нравишься. Точнее, начинаешь нравиться. Да, это не любовь ещё, и не зов истинной пары, и ты вполне можешь мне не поверить, но у меня и в мыслях не было навредить тебе или посмеяться над тобой! Ты же этого боишься?

Рада отсчитала три удара сердца — столько она стояла, замерев. Да, это именно те слова, которые она так хотела и так боялась услышать.

— Да, этого. Спасибо за откровенность, но я всё равно не рада этому всему.

Какое-то время просто молча стояли и смотрели друг на друга. Тхир взъерошил тёмные волосы.

— Откуда у тебя такое отношение к людям? — спросил он с досадой.

— Я читаю книги. Слушаю разговоры. Наблюдаю. Делаю выводы. Я же лисица. Чего еще от меня ожидать? — пожала плечами Рада.

— Действительно. Пойдём со мной.

Тхир схватил девушку за руку и потянул за собой к деревьям. Его ладонь была тёплой, несмотря на прохладу вокруг.

— Зачем?..

— Поможешь собрать самые красивые листья.

Рада была озадачена.

— Но зачем?

— Увидишь! Ищи красивые кленовые листья. Можешь срывать их с веток, если на земле не найдёшь.

Рада была заинтригована донельзя, поэтому и приняла игру. Настроение у Тхира явно поднималось, и лисичка расслаблялась тоже. Она, как и просил её парень, искала листья. Они были самые разные: еще зеленоватые, жёлтые, красные, пёстрые, в крапинку… Невольно вспомнилось детство, когда Рада собирала букеты из самых разных осенних листьев и делала гербарии. А

как-то раз папа сплёл ей венок как раз из таких вот кленовых листьев. И это тоже было осенью.

«Когда ты вырастешь, ты станешь лучше меня, — говорил он, перебирая её крупные рыжие кудри и заплетая их в косы. — Я знаю, что смогу гордиться тобой. Я спокоен за твоё будущее».

Тогда Рада не понимала смысл его слов. Да и по сей день не понимает. Пока что гордиться особо нечем. Она просто учится в людской Академии, успехи не плохие, но могли бы быть и лучше. Вот ещё влипла с этой парой…

Набрали листьев и сели на одну из пустующих скамеек. Тхир разложил листья сбоку от себя, и Рада, сообразив наконец, воскликнула:

— Ты что, будешь плести венок?!

— А что? Я умею. У меня есть младшие сёстры, я научился многим вещам. Я буду прекрасным отцом для дочери! Если она у меня, конечно, будет.

Его пальцы ловко подгибали стебли листьев — так, словно он действительно много раз такое делал. Рада не могла отвести взгляда от его профиля, от свесившейся густой чёлки, которую трепал ветер, от подрагивающих чёрных ресниц. Тхир не пользовался духами, но его запах казался лисичке лучшим на свете. Она понимала, почему драконы находят пару, лишь сделав вдох. Запахи

не врут.

— Папа плёл мне такие венки. А еще вплетал туда веточки рябины. Но тут нигде рядом нет рябины… — вздохнула Рада.

— Ну и не страшно. И так нормально выйдет.

Управился Тхир быстро, и даже как-то смог закрепить края венка без помощи нитки. Закончил — и водрузил его на голову Рады. Венок лёг едва ощутимой тяжестью и тихим свежим шелестом. Девушка, едва коснувшись, погладила листочки.

— Тебе очень идёт, — сказал он, улыбаясь одними губами.

Рада не выдержала — подалась к нему и быстро чмокнула в щёку. По её носу скользнула прядь его волос.

Тхир замер и ошарашено распахнул глаза. Буквально на глазах его лицо начало наливаться жарким румянцем. До девушки с запозданием дошло, что она сделала. Засопев, она прижала к голове венок, чтобы не слетел, и побежала к своему крылу.

Теперь уже её никто не догонял.

… — Адайе-ли был столь великодушен, что прислал мне энергетический слепок с вашей крови, чтобы я имел представление о происходящем. Я так понимаю, ваш отец, ноэни Рада, не упоминал,

знаком ли он с семьёй ноэна Тхира?

— Ни словом.

Лисичка и Тхир сидели напротив легендарного мастера проклятий и отчаянно старались не смотреть друг на друга. От зоркого взгляда эльфа это не укрылось, и он с интересом посматривал то на одну, то на другого, и это смущало еще больше. Раде её проблема стала казаться совсем незначительной в сравнении с тем, с чем в своё время айль Риноэлю пришлось поработать.

Новость, что мастер готов встретиться, пришла от Дэлиона через два дня. Встречу назначили на территории кампуса, в одном из отделений библиотеки, которое обычно малолюдно. Устроились за столом в нише, где никто не обращал на них внимания, хотя эльфы на юге людского королевства нечастые гости, и айль Риноэль всё же нет-нет, да притягивал взгляды.

Мастер проклятий был тепло одет — эльфийские одежды и так многослойны, а в зимнем облачении айль Риноэль прямо-таки походил на луковицу, хоть и весьма недурную собой. Светлые волосы выглядели так, словно их вообще не коснулся ветер — так идеально лежали.

— Ноэн Тхир тоже не может ничего сказать, — задумчиво проговорил айль Риноэль. — Плохо,

когда нет внешних зацепок. Плохо, но это не проблема, тем более что есть зацепка в крови. Она не слишком туманна — это значит, что она не идёт из глубины поколений, а коснулась лишь вашего отца и кого-то из семьи ноэна Тхира, возможно. Позвольте мне обратиться к проклятию и получить его отклик. Возможны яркие видения и ощущения — не отмахивайтесь от них, сосредоточьтесь. Они могут привести вас к причинам.

Эльф достал из тёмно-зелёного мешочка два простых медных кольца без камней и каких-либо украшений. Они были тяжёлые и холодные.

— Наденьте на указательный палец. Расслабьтесь. Могут нахлынуть неприятные эмоции. Будьте к этому готовы.

Коснулся кончиками пальцев лба сначала Рады, потом Тхира. Девушка ощутила, как вокруг поднимается пелена, как мякнет тело, как кольцо на руке стало тяжёлым, будто кирпич.

Что же она делает?.. что она творит? Почему эта ситуация произошла именно с ней? Почему она чувствует такую вину?..

«…Я не могу жить без вас, Эрнан. Я знаю, так не должно быть, но я люблю вас. Я больше не вижу смысла…»

Строчки мелким дрожащим почерком. Письмо

отлетает в сторону.

Вина, вина, вина… сожаление и горечь. Но — невозможно. Это невозможно, и та, что написала письмо, прекрасно это знает. Они неоднократно об этом говорили, но она ничего не могла поделать со своей ядовитой, гибельной любовью.

Кожу ладоней жгло. Жгло всё сильнее и сильнее. Так, будто подносишь руки ближе и ближе к костру, и вот пламя уже лижет их, и невыносимо больно, но отпрянуть почему-то невозможно…

«БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, ЛИС».

Рада захлебнулась воздухом. Хотела вскрикнуть, но словно чья-то хватка сомкнулась на шее, и из горла вырвался лишь хрип. Туман вокруг развеялся, в тело вернулся остов, и перед глазами возник серый взгляд мастера проклятий.

— Кажется, кое-что получилось, — прошептал он с улыбкой и похлопал девушку по плечу. — Ну, ну, всё хорошо.

— Руки жжёт… — всхлипнула лисичка и подула на ладони. Ни следа ожогов на них не было, но боль была нещадной.

— Это хорошо! Значит, есть материальный носитель проклятия, и ваш отец держал его в руках. На что это было похоже?

— Письмо… какое-то письмо. Это была жен-

щина, — трясясь, проговорила Рада. — Она признавалась в любви, но Эрнан знал, что не сможет ей ответить тем же… Это мой папа. Его звали Эрнан.

Замолкла и спрятала горящие ладони в рукава. Как же больно, боги!

— Это была женщина из моей семьи, — вдруг сказал Тхир, и его взгляд пересёкся со взглядом Рады. — Наверное, мы говорим об одном и том же человеке. Она ушла рано — после письма я почувствовал тьму. Ту самую, из которой ты меня вывела тогда, во сне.

— Да?.. — изумлённо шепнула девушка. — Какое совпадение…

Эльф, прищурившись, задумчиво смотрел на ребят. Он что-то понимал.

— Должно быть, проклятие исходило от неё? — спросил он. — Отвергнутые женщины способны на многое. Тхир, вам было страшно, когда вы оказались во тьме? Страшно до потери памяти?

— Да.

— Обычно такой образ возникает, когда дело касается самоубийц. Я прав?

Тхир подавленно кивнул.

— Это моя тётя Нэя. Я сразу понял. Я никогда её не знал, потому что тогда только родился. Мы

не обсуждали эту тему. Я просто знал, отчего она умерла.

— Вы сейчас чувствовали, что она проклинала кого-то перед смертью?

Тхир покачал головой.

— Нет. Не проклинала точно. Она просто ушла. Как… не знаю. Просто тьма.

— Но я чувствовала проклятье! — возразила Рада. — Оно было… громкое и яростное. Очень. Во весь голос. И после него ожгло руки.

— Ноэни Нэя была замужем? — спросил эльф.

— Да, была. У неё уже была дочь — моя кузина, на три года меня старше. Дядю я знал, конечно же… Когда сестра вышла замуж, он вскоре умер. Сам, не накладывая на себя рук. Целители так и не выяснили причину. Он был ещё молод…

— Да уж. Выполнил свой долг отца и решил, что его больше ничего не держит на этом свете. Очень по-людски, если честно, — вздохнул айль Риноэль. — И очень печально. Я теперь склоняюсь к мысли, что он мог послать проклятие настолько сильное, чтобы оно задело аж следующее поколение. У него ведь отняли жену.

— Наверное, мог, — согласился Тхир.

— Никто не отнимал жену! — вскинулась Рада. — Папа был в паре с моей мамой. Они были

истинными, и папа никак не смог бы маму бросить ради другой женщины! Он не должен нести за это ответственность. Я уверена, он много разговаривал с ней и пытался донести, что ничего не выйдет. Я не принимаю это проклятие! Я тут тем более ни при чём!

Айль Риноэль печально усмехнулся.

— Знаете, в чём главный феномен проклятий? В готовности их принимать. Замечали, что кто-то цепляет на себя любой косой взгляд, а кому-то всё нипочём? Каналом может быть что угодно: согласие с проклятием, смирение, чувство вины, сломленность, слабость…

— Я чувствовала вину, — глухо сказала Рада. — Со стороны папы. Наверное, поэтому оно и приклеилось. Он чувствовал себя ответственным за произошедшее и принял это как наказание — но это его дело, не могу осуждать. Но я не виновата! Я отказываюсь в этом участвовать. Я хочу от этого избавиться. Скажите, что мне делать, и я сделаю.

— Я люблю такой настрой, — одобрительно кивнул айль Риноэль. — Он упрощает мне работу. Руки до сих пор жжёт? — Рада кивнула. — Не снимайте это кольцо ни при каких условиях, как бы больно ни было. Оно запечатлевает реакцию

и приводит к источнику проклятия, а также даёт подсказки, усиливая интуицию. Надеюсь, вещи вашего отца всё еще в сохранности?

— В последний раз были в сохранности.

Рада не была дома с начала учебного года. Как только она поступила в Академию после смерти папы, она пустила в дом пожилую лисицу, бабушку Ронну, чтобы тот не оставался без пригляда. Бабушке Ронне она доверяла.

Да, папа хранил какие-то старые письма. Рада ими не интересовалась, да и должен же быть у папы какой-то глубоко личный уголок жизни, куда доступ есть лишь у него. Вот и пришло время его дочери отпереть эту таинственную каморку.

— Превосходно! Значит, переберите письма и найдите нужное. Как найдёте — ничего с ним не делайте. Принесите мне, и мы с вами вместе расплетём узел проклятия. Договорились?

— Да.

Чтобы попасть домой, Раде пришлось отпрашиваться. Отпустили её с неохотой и с требованием потом всё отработать. Пришлось соглашаться — деваться некуда.

Как оказалось, Тхир вздумал последовать за ней. Айль Риноэль посоветовал ему также полюбопытствовать у родных насчёт тётушки и,

возможно, каких-то её вещей.

— Только после тебя, если вдруг не сработает, и придётся искать новые зацепки, — сказал он лисичке, которая, по правде говоря, была даже рада, что будет разбираться с этим не в одиночку.

Пришлось преодолеть три портала, которые отняли достаточно сил, чтобы оказаться в небольшом городке на северо-востоке людских земель, недалеко от границ царства драконов. Он назывался Крайний Арту, и в нём провела детство и юность Рада.

Здесь было куда холоднее, чем в южном Тармире. Далёкие горы уже обзавелись белыми шапками, и стылый ветер пронизывал до костей. Город этот стал казаться Раде мрачным и давящим с его грубыми каменными домами, узкими тёмными переулками и постоянной сыростью. Недавно прошёл ливень, и теперь с неба срывались мелкие снежинки, ранние даже для этих мест. Брусчатка требовала ремонта, и Рада то и дело чертыхалась, проваливаясь в лужи, кажущиеся неглубокими, а на деле там булыжника не хватает. Руки по-прежнему горели, медное кольцо казалось раскалённым и странной своей тяжестью тянуло руку вниз. Скорее бы дойти до дома…

На сердце, тем не менее, было тепло — как и всегда, когда девушка возвращалась сюда. Как-никак, родина. И рядом шагает Тхир, непривыкший к такому климату — ёжится, прячет замёрзший нос в шарф. Раде захотелось, чтобы вместо шарфа были её волосы. Чтобы каждый день тыкался так, вдыхая их аромат…

— Это здесь? Ты здесь жила? — спросил Тхир, когда Рада постучала в калитку — дверной молоточек был выполнен в форме лисьей головы с кольцом в пасти.

— Здесь.

Над высокой оградой из серого обточенного камня поднимались ветви густого сада — ветер печально вздыхал, путаясь в них, и сумрачно шумели листья. За калиткой послышались торопливые шаркающие шаги, с той стороны лязгнули по очереди задвижки — и перед глазами возникла пожилая женщина, чем-то неуловимо похожая на Раду. Она была невысокой, и тёплая одежда скрывала её телосложение. На голове был повязан толстый шерстяной платок коричневого цвета, и из-под него выбивалась седая прядь.

— Здравствуй, бабушка Ронна, — улыбнулась Рада.

— Девочка моя, здравствуй! — удивлённо

воскликнула пожилая лиса. — А ты чего это?.. — перевела взгляд зелёных глаз на Тхира. — Да еще и с молодым человеком?

— Мы ненадолго, завтра уже вернёмся в Академию, — сказала Рада, заходя во двор. — Это мой… друг. Его зовут Тхир. Мы вместе проходили практику. Нам нужно кое-что найти здесь…

Тхир огляделся. Двор был небольшим, и к домику тянулась тропинка из булыжников. А в дальнем углу находился колодец, тоже выложенный из камней. Подле него стояла лавка, а на лавке — ведро, от которого к колодцу тянулась цепь.

Это, должно быть, тот самый колодец, возле которого Рада и нашла отца мёртвым.

Стало грустно.

Рада поманила его за собой. Она исчезла за дверью домика, и Тхир поторопился за ней. Он уже изрядно замёрз и устал от нескольких переходов через порталы.

Бабушка Ронна суетилась, причитала, что не приготовила ничего, чтобы накормить гостя. В итоге она поспешила уйти, сказав, что к соседке за чесноком.

В домике было хорошо натоплено — выложенная потускневшими от времени изразцами печь

простиралась на обе комнаты. Маленькие окошки с вышитыми тёмно-красными занавесками делали помещение еще уютнее. По стенам висели пучки высушенных трав, связки луковиц и даже несколько «ожерелий» из тонких острых перцев — редкость в этих местах. На одной из стен висел пёстрый домотканый ковёр, и прямо под ним стояла скамья с расстеленным на ней лоскутным одеялом.

Рада же, не медля ни минуты, шагнула во вторую комнату, которая уже больше напоминала кабинет. Здесь стояла кровать, письменный стол и несколько небольших шкафчиков с книгами.

Лисичка замерла посреди комнаты и сокрушённо вздохнула.

— И где мне теперь искать эти письма? — спросила она в пустоту и шагнула к столу.

Загрохотали ящики, их содержимое появлялось на столе и исчезало. Щелкали крышки шкатулок, шелестели листы бумаги, мягко схлопывались папки с документами. Рада что-то сквозь зубы бормотала себе под нос — главное, чтобы не проклятия. Тхир не знал, как она, но он теперь точно поостережётся болтать что-то эдакое. С посылом.

Вдруг Рада выпрямилась, держа в руках большую шкатулку из тёмного дерева с резной

крышкой. Не отрываясь, девушка всматривалась в содержимое.

— Кажется, оно…

Письма, письма. Тхир подошёл к столу, но не стал всматриваться в имена и адреса на конвертах.

— Мама, мама, мама… — шептала Рада, выкладывая письма на стол. — О… — нахмурилась, увидев имя. Осмотрела конверт, вынула из него сложенное вчетверо письмо. Скривила губы и сунула его обратно. — Это от твоей тёти как раз.

Тхир не стал его трогать. Какая разница уж теперь, когда столько лет прошло? Суть происходящего тогда ясна — этого достаточно.

Рада перебрала письма — их осталось не так много.

Осталось последнее. Без обратного адреса и имени.

— Кажется, это оно.

Достала…

Громко вскрикнула. Отбросила лист, словно он был пропитан едким ядом. С мучительным стоном она согнулась пополам. Её пальцы скрючились от боли. Метнулась к окну и прижала ладони к холодному стеклу.

— Не трожь!!!

Поздно — Тхир уже протянул руку к письму.

Зашипел.

Отдёрнул.

Кольцо на пальце тут же обожгло, по ладони разлился жар. Письмо лежало раскрытым, и на бумаге размашистым почерком были выписаны роковые слова.

«БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, ЛИС».

Тхир, морщась, потёр ладонь об одежду. Тщетно. Не снимать кольцо, не снимать кольцо…

— Его надо сжечь! — тряся руками, выдохнула Рада. — Нет, не в печь — боюсь, как бы она не взорвалась… На улицу, на улицу!

Натянула рукава ниже и схватила письмо в надежде, что так не будет жечь, но нет — её лицо исказилось. Но всё же выбежала прочь, держа листок бумаги в вытянутой руке.

Тхир побежал следом.

— Стой! Его надо отдать айль Риноэлю! Ты слышала, что он сказал?! — выкрикнул он вслед, когда они уже оказались на улице.

— Сжечь! — возразила Рада и припустила к колодцу.

Бросила письмо на землю и придавила ногой, чтобы не улетело вместе с ветром. Принялась сгребать листья, что щедро устилали землю

вокруг колодца, и щёлкнула пальцами — в её ладони вспыхнул крошечный огонёк, как пламя свечи. Он лизнул палые листья, они затлели, но не разгорелись. Рада взяла письмо за краешек и с опаской бросила прямо на место тления.

Тхир едва удержался — Рада отшатнулась и с размаха угодила прямо в его объятия. Он крепко прижал её к себе, сам толком не понимая, зачем и почему. Развернулся спиной, прикрыв собою лисицу.

Вверх со страшным свистом — даже визгом! — взвился столб огня, осыпав всё вокруг целым снопом искр и пепла. Вокруг расплылись клубы сизого душного дыма, неизвестно вдруг с чего взявшегося. Пламя унялось так же быстро, как и вспыхнуло, став лишь маленьким костерком, который, впрочем, нужно было затушить, чтобы не раскинулся пожаром.

Рада и Тхир, тем не менее, не торопились. Они стояли, обнявшись, и смотрели, как прореживается дым, как поблёскивают сквозь него слабые оранжевые сполохи. Девушка дрожала, и юноша неосознанно прижал её ещё сильнее.

— Кажется, мы сделали глупость, — сказал Тхир.

— Нет, — тихо возразила Рада. — Руки больше

не жжёт — значит, наверное, это было правильно. Почему папа хранил его всё это время?..

— Ты сказала, что чувствовала его вину. Может, это письмо он считал для себя напоминанием, потому и держал так долго.

Лисица не ответила — лишь обессилено опустила голову на его плечо.

— Что ты теперь чувствуешь? — шепнул Тхир и провёл ладонью по рыжим волосам.

Рада замерла на миг — и тут же торопливо выпуталась из его объятий. Тхир тихо хмыкнул — лицо её цветом напоминало спелый веснушчатый томат. Подхватив подол, она подлетела к костерку и яростно его затоптала.

— Папа! — крикнула она, запрокинув пылающее лицо к небу. — Я не знаю, где ты сейчас и в каком облике, но я спасла нас обоих! Слышишь?! Да даже если не слышишь, всё равно спасла…

Рассмеялась.

Вдруг поднялся ветер, зашуршал листьями, закрутил их в вихре вокруг лисички. Деревья в саду откликнулись шелестящим шумом, закивали одобрительно кронами. Рада зажмурилась — в этом ветре ей чудились родные ладони, что ласково коснулись её щёк. Прищурилась — из-за плотных низких облаков выскользнул луч

солнца. Он высветил её волосы, её лицо, плечи… и скрылся вновь. Но Рада успела увидеть в нём улыбку. Прощальную.

Руки правда больше ничего не жгло, и медное кольцо перестало тянуть к земле. Просто обычный металл, нагретый теплом тела — спасибо, что обострил интуицию, как и было обещано мастером-эльфом, и подсказал, что делать. Спасибо айль Риноэлю… И дым от сожжённого проклятия на удивление быстро истончался. Буквально на глазах. Обычно он висит ещё долго.

— Наверное, теперь папа точно может мной гордиться, — проговорила она скорее себе, чем Тхиру, который подошёл почти вплотную. — А то до этого особо нечем было…

Юноша не торопился заговаривать, и Рада подумала о его вопросе.

И в самом деле… Что же она теперь чувствует?

Неторопливо прошлась взглядом по его лицу, по каждой чёрточке. По волосам, по шее, прикрытой шарфом, по линии плеч, по всему телу. И поняла, что он по-прежнему совершенен, по-прежнему самый лучший из тех, кого она когда-либо встречала.

Но если вдруг он захочет уйти, то она примет это и излечится. И сможет жить дальше.

Кровь её больше к нему не привязывала.

Поняла это — и даже испугалась. Значит, свершилось невозможное! Точнее, отменилось. И свершилось одновременно. О, сложно-то как!

— Я получила, что искала, — сказала она, и по лицу Тхира пронеслась лёгкая тень. — Спасибо, что пришёл сюда со мной. Что отпросился с занятий…

— Выходит, что теперь ты сможешь найти такого же рыжего, и тебя может перемкнуть так же, как?..

Осёкся.

— Это уже вряд ли, — ответила Рада и кивком головы подозвала его к скамье у колодца. — Хотя не знаю. Но пока что я могу быть уверена, что взаимные чувства будут более-менее равноценны. Самое ведь обидное было не в самой этой истинной привязке, а в том, что чужие чувства к тебе никогда не будут так же сильны, как твои. Это… действительно обидно.

Их колени едва соприкасались. Рада сцепила пальцы в замок.

— Я папу здесь нашла. На этой скамье. Не бойся! Никаких суеверий с этим не связано, — сказала она, когда Тхир выразительно поёрзал. — Просто… он действительно выглядел счастливым.

Словно наконец-то соединился с мамой. Вот.

Она встала и отодвинула тяжёлую крышку с колодца. Бросила туда ведро. Загромыхала цепь, раздался гулкий «плюх», и Рада взялась за ворот.

— Давай я.

Тхир мягко отодвинул её от колодца, и лисица не стала возражать. Поскрипывала лебёдка, позвякивала цепь, и вот ведро, полное свежей воды, оказалось на поверхности.

— Что сделать? — спросил Тхир.

— Плесни сюда! На всякий случай. Чтобы уж наверняка, — Рада кивнула на выжженный чёрный круг, оставленный проклятием. — Да, вот так, полей хорошенько… и на руки мне, пожалуйста!

От ледяной воды перехватило дыхание, когда Рада с удовольствием плеснула ею себе в лицо. Фыркнула и мотнула головой.

— Ты мне лучше скажи… ты не лгал? Что я тебе нравлюсь? Точнее, начинаю нравиться?

Тхир задвинул крышку обратно и поставил на неё ведро. Молча окинул взглядом Раду, и та смущённо вцепилась в рукав.

— Не лгал. Действительно нравишься.

Шагнул к ней вплотную. Склонился — у неё сердце, кажется, пропустило удар — и коснулся лёгким поцелуем уголка её губ. Рада остолбенела,

во все глаза глядя на Тхира. Он улыбался.

— Надеюсь, ты не выкинула мой кленовый венок?

— Что?! Нет, конечно же! Как я могу?..

Рассмеялся.

— Ну, а ты что? Скажешь? Или игра вышла односторонней?

Рада опустила голову и снова зарделась.

— Нравишься. Сильно. Не так, как… Но сильно!

Тёплые ладони Тхира взяли её, трепещущие, как осиновый лист.

— Обещаю, что не обижу тебя. Даже если бы твой отец был жив, ему не пришлось бы вступаться за тебя.

Рада молчала.

— Я понимаю, что… что нам будет сложно. Эта ваша парность многое портит самим своим наличием. Ты боялась боли, теперь я её боюсь. Боюсь, что ты увидишь сородича — и всё. А я ничего не смогу сделать.

— Мне кровь уже подсказала, что ты лучший. Вряд ли она передумает. И вообще нам надо достать по кувшину лучшего вина для адайе-ли и для айль Риноэля! Нельзя же без платы…

— Обязательно достанем.

И поцеловал вновь.

Двое не замечали, как расступились тучи, и солнце вызолотило колодец, домик, скамью, деревья, землю, траву и их самих. Не замечали — но чувствовали, как невидимые духи шепчут в ветер благословение зарождающейся любви, что навсегда останется цвета осени.

***

Автор на ПродаМан https://prodaman.ru/kira_romanova

Ната Чернышева. Подменыши Старой Земли

Кто читал книги из цикла Земная Федерация Мемуары Энн Ламберт-2

https://feisovet.ru/магазин/Мемуары-Энн-Ламберт-2-Черная-стрела-Ната-Чернышева

и Огонь его ладоней https://feisovet.ru/магазин/Огонь-его-ладоней-Ната-Чернышева, тот, конечно же, узнает Таммееш. Имена пришлось адаптировать, чтобы рассказ зашёл и тем, кто не читал цикл, но в остальном автор против реалий древнего мира не погрешил…

***

Ветер шёл верхушками старых кремень-деревьев, северный, ледяной. Вместе с ветром летел снег, мелкий и острый, как осколки разбитого вдребезги стекла. В такую непогодь даже собаку добрый хозяин из конуры не выгонит, и только Искорка спешит-торопится с огромной вязанкой хвороста за спиной. Не успела, и — хоть закричись, а не видать ей теперь дома как собственных ушей.

Налетят огневихри, а они приходят с непогодой всегда, лето там или вот хоть зима, им без разницы. Налетят, закружат, завертят, да и сожгут заживо. Страшная смерть, если вдуматься!

Слишком близко к Каменному Морю стоят Медовары, а за морем тем — бесплодная, мёртвая, сгинувшая в славных войнах былого Старая Земля. Оттуда с северными ветрами приходят во владения людей огневихри, туда же уходят старики умирать, когда понимают, что обузой становятся для едва сводящей концы с концами семьи.

Искорке вчера только исполнилось тринадцать, и умирать она не хотела, хотя обузой была.

Мать умерла, рожая долгожданного сына, сама умерла и сынка с собой забрала, говорили потом старухи, качая головами: роды открывают двери гроба. Так всегда бывает: берёшь у смерти взаймы новорождённую жизнь, готовься потерять свою… Искорка слышала, за лесом, далеко от Каменного Моря, там, где плещет в берега море настоящее, живое, женщины рожают легко, рожают много, но как добраться до тех благословенных земель женщинам пограничных поселений? Кто отпустит их, от дома, от работы? А и дорога ведь

неблизка, полно на ней опасностей, кто сбережёт путницу, оградит от бесчестья, поможет сохранить ей жизнь?

О прошлом годе погиб отец. Возвращался с уловом от Серого Озера и огневихри настигли его. У матери здесь родни не было, откуда-то из-за гор закатных привёз её отец, когда ходил с обозом на тамошнюю ярмарку. А родня отца, это родня отца и есть. Недовольны были они выбором младшего сына, приведшего в отчий кров чужеземку, но пока жив он был, на то ему не особо пеняли. Но когда не стало отца, то и жизни для дочери его не стало тоже.

Ещё был бы сын, — будущий добытчик, кормилец, а то — девчонка. Голодный рот да слабые руки. Прожорлива без меры, небережлива, обувь горит на ней. А замуж отдавать, приданое ей собирай… снова семье разорение!

Вот и отправляют в лес, несмотря ни на какую погоду. Может, как-нибудь сгинет там, избавит мир от никчёмного своего существования. Не самим же давить подушкою! Да и подушку на доброе вроде бы дело жаль.

Искорка аж остановилась, чувствуя, как вскипают на щеках злые слёзы. А хоть бы и пришли сейчас огневихри! Все лучше в единой вспышке

сгореть, чем под крышей постылого дома заживо гнить безо всякой надежды на избавление.

… Он соткался из снежной круговерти, могучий зверь с огромными рогами. Шерсть стекала с его боков метельными струями, и маленькие, не больше ладони, огневихри пробегали по ней. Зверь будто плыл сквозь позёмку, невероятный, огромный, сказочно прекрасный. Искорка смотрела на явившееся перед нею чудо и понимала, что, наверное, замерзает уже насмерть и потому видит проводника из мира живых в иной мир, тот самый, где не гаснут звёзды и не восходит солнце. Вот только говорили старухи, что проводники — существа мрачные, вида кошмарного и плату за проводы берут остывающей кровью уходящего. А у солнечного оленя не было клыков, и сам он был — воплощённый свет.

Искорка поникла на колени, нашарила в кармане застывшую горбушку и протянула зверю. Запах хлеба отозвался в животе голодным урчанием, с утра ведь ни крошки во рту, берегла на ночь, когда голод донимает особенно. Олень подошёл, неспешно, важно. Склонил голову, мягко подобрал с ладоней горбушку, согрев горячим дыханием озябшие пальцы. Тёмный глаз горел изнутри багровым, будто огневихрь жил в голове

чудесного видения и просвечивал сквозь зеницу.

Тут бы заплакать да на шею волшебному зверю кинуться — пусть заберёт, увезёт с собой, да хотя бы и затопчет на месте, всё едино. Но слова замёрзли и не шли с языка. А с рогов оленя соскользнул вдруг маленький огневихрь и упал в протянутые ладони, где уже не было хлеба.

Искорка зажмурилась: сейчас сгорит! Вот прямо сейчас. Но ничего не произошло, лишь тепло побежало по жилам, живое, солнечное, радостное тепло, как в начале лета, когда после бури из облаков выглядывает вдруг солнце.

Когда девочка решилась открыть наконец глаза, то не увидела она ни оленя, ни огневихря на своих ладонях. Всё исчезло, развеялось в один миг, пропало, как и не было его никогда.

А тепло осталось.

***

Две зимы прошло над Искоркою как тяжкий сон, вот только не помнила она, когда заснула и засыпала ли, скорее, живой прямо в могилу спустилась… Тёткины дочери у зеркал охорашивались, о женихах мечтали, к смотринам готовились, а неродная тяжёлую работу по дому на себе тянула, и было той работы столько,

что спина к земле вечерами сама гнулась. Двор вымети. Скотину обиходь. Огороды опять же, их полоть-поливать надо. Ладони что лосиные копыта стали, жёсткие, в мозолях и шрамах, коса под солнцем до рыжины выгорела.

Один раз показался волшебный олень, одарил огнём, что в сердце жил теперь — хоть бы еще один раз увидеть! Полюбоваться да слова найти нужные, заветные, судьбу о колено переломить, как ломается в руках сухая палка. Но нет, сколько ни ходила Искорка в лес, как ни звала своё счастье, не откликалось оно. Да и то, две зимы с тех пор прошло как тяжкий сон, и было ли чудо? Не сама ли придумала себе, замерзая насмерть? Спасли охотники, идущие мимо, так лучше бы и не спасали!

Болото начиналось за кривыми чахлыми деревцами, тёмная вода выпускала на воздух пузыри, и они лопались, распространяя в воздухе удушающий смрад. Но здесь хорошо родила ягода, зимой придававшая бодрости тоскующим по летнему солнцу душам… И Искорка собирала оранжевые жёлтые шарики в короб, а болотные чёрные аги перекликались между собою тоскующими голосами.

Даже небо оставалось здесь блёклым, и редкие

пряди тумана отсвечивали тусклою серостью. Горе неразумному, не ведая троп, сунувшемуся в болото! Но Искорка любила гиблое это место, сама не понимая толком, почему. Не слышала она здесь визгливого голоса тётки Любочады, не лупила по плечам и спине ненавистная тёткина палка. И можно было присесть на обомшелую корягу, слушать тишину, покуда не зазвенит она в ушах агачьим граем и смотреть на дневные звёзды, пробивавшиеся сквозь небесную хмарь.

Искорке казалось, болото любит в ответ её тоже. Ни разу не соскользнула нога на неверной кочке, всегда под ноги стелилась тропинка, и самые ягодные кусты будто сами шли в руки. Никто не приносил столько добычи, как Искорка. А кое-кто оставлял в зыбучей топи не только сапоги, но, бывало и такое, собственную глупую жизнь.

Искорка сидела на бревне, уронив уставшие руки на колени, и ни о чём не думала. Пятнадцатое лето валилось за плечи, и доброго слова о нём было не найти. Может, остаться здесь? Шагнуть с кочки в чёрную гнилую воду, призвать ходящего-в-ночи и оставить тело на прокорм мокрицам да пиявкам. Там, за гранью, всяко не будет ни тётки, ни её палки, ни противных кикимор, которых заставляли называть милыми сестрицами.

Холёные, алощёкие, с ухоженными косами они не были милыми, ничуть. Красотою сестрицы удались в бабушку, которая, как говорили, не чуралась вещего слова, а более ничем. Доброй души на ярмарке не прикупишь, а когда из глаз смотрит угрюмая злоба, не спасает даже воспетый в песнях захожих менестрелей васильковый цвет. То-то не возжелала старая ни одной из внучек передать из подола в подол наследную силу, унесла с собой за окоём, не догонишь и силою не отберёшь.

Возвращаться в селение до того не хотелось, что ноги сами примерзали к влажной земле. В Медоварах чужих не жалуют. И если живёт в чьём дворе сирота навроде Искорки, так и у той жизнь не мёд и не сахар. Тяжёлый труд, недетские мозоли на детских руках, коротенькая, как посвист прыгающей рыбки жизнь. То в Искорке огневихрь две зимы назад поселился, что до сих пор не замёрзла она, в морозы в сенях ночуя, и не околела в полях на общинной работе и в лесу не сгинула, да и болото её за свою принимало.

А сказки просила душа, о сказке мечтала со всей неистовой верой юности. Чтобы вдруг! Улететь на сказочном крыле прямо в Золотые Врата, ведущие к вир-раю, и никогда-никогда не обернуться,

никогда не вернуться назад…

Тихий вздох донёсся слева, из-за поросшей жёсткой болотной травой кочки. И ещё один раз. И ещё. Искорка испугалась поначалу, слишком уж вздох похож был на человеческий, вдруг там злой разбойник… но злые разбойники вздыхают не так. Они наваливаются ордой и убивают, а над женщинами и детьми жестоко глумятся. И не бывает такого, чтобы разбойник бродил по лесу один.

Искорка осторожно подошла, пролезла, пригнувшись, под корявыми ветвями болотной ясеневки, и ахнула: перед нею лежал сказочный зверь из давней зимы.

Белоснежная шерсть свалялась и заляпана была грязью, на задних ноге зияли рваные раны, будто рвали ту ногу злые псы ящероголовые, а в почти угасшем взгляде стыли мука и боль. Но это был он, именно он и никакой другой, зверь из дар-рая, подаривший когда-то маленький огненный вихрь почти замёрзшей девчонке, и горячий тот вихорёк грел по сей день, не давая сгинуть даже тогда, когда гибель подступала ближе вытянутой руки.

Псов с ящеровой головой Искорка видела: зимой тревожили они поселения, и приносили

охотники их туши, распяленные между двух жердин. Страшны их зубы, размером в добрый локоть! А кожа что каменная, хороши из такой кожи сапоги — в дождь не промокают, в мороз ноге тепло в них, как в летний день…

Говорили люди, владетель Старолесья держит таких на цепи и на охоту любит ходить с ними. А то ещё про владетеля говорили, что глаз у него черён да дурен, на что ни глянет, всё вянет, и Искорка верила. Наместники владетеля каждую осень наезжали за данью, и каков был их господин, если сами они страшны и жестоки без меры.

И так еще говорили люди, голоса свои понижая, будто пробавляется владетель колдовством, злым и чёрным, способен агой болотной оборачиваться и пятиглавым гадом подземным, всё потому, что подменили его ещё во чреве матери злые огненные ветры Старой Земли. Но зовёт себя старолесский владетель потомком Светозарного, чью кровь негоже разбавлять с тёмной кровью простого люда. Однако целомудрие блюсти не способен и горе женщинам, понесшим во чреве своём дитя владетельское. Страшна их участь, смотреть, как ящероголовые псы радуются нежной плоти новорождённых младенцев, а

потом лететь вниз головой со скалы в Дымную Пропасть.

Хоть бы извёл кто нечестивца, ясный свет позорящего!

Но не торопился мир рождать таких храбрецов и древний предел Старолесья стонал под гнётом недостойного своего правителя…

***

Кремень-дерево зовётся так по тому, что не могут спалить его огневихри, как бы ни старались они уничтожить живую древесную душу. Только кремень-древа выжили в Старом Лесу после того, как застыло нерушимыми гранитными волнами Каменное Море, и впервые ветра принесли от него свирепый колдовской огонь.

Под одним таким деревом звенел, прыгая по выступившим из тверди земной белым камням, ручей, и со временем пробьёт вода здесь добрый овраг, а пока под подмытыми и одревеснёвшими на воздухе корнями достаточно было места, чтобы укрыть раненого так, чтобы не сразу заметили его мимохожие люди. На песчаную почву положила Искорка старые овчины, тайком забрав их из сарая, где ночевала круглый год, от зимы до лета. Никому те овчины не нужны были, и

тётка о них наверняка сама давно уже забыла. От болота олень, собрав остатки мужества, добрался до укромного места сам, но уж здесь свалило его в лихорадке… вот ведь, и звери, бывает, мечутся в беспамятстве, даже такие волшебные, как этот!

Промыла Искорка раны, насколько могла, приложила к ним целебные листья подорожной лилии, привила сухой чистой ветошью, а больше ничего сделать уже не могла. Раны либо затянутся сами, либо еще сильнее разгонят лихорадку, и сожрёт она волшебного зверя, оставит от него лишьгору остывающей плоти.

Молоком, с большой осторожностью взятым из погреба, отпаивала Искорка оленя, и тот пил через силу, закрывая глаза от боли. Ах, отдать бы ему тот зимний огневихрь, чтобы помог бороться против ран и болезни, выжить помог бы, и выстоять! Своего-то огня в могучем звере не осталось вовсе. Не плясали искры в свалявшейся гриве, не горел неистовым пламенем угасающий взгляд!

Но не умела Искорка сделать этого, и лишь на то надеялась, что тепло её ладоней разгонит висящий над колдовской душою мрак.

Одного лишь боялась девушка: проследят за ней соседи добрые, да и доложат тётке. Досужим языкам попусту шлёпать, что сладкоежке туес

мёда в руки взять, — по своей воле не остановятся! И потому хоронилась она, как могла, и не для себя, велика ли обида ещё раз получить палкою, если палкам тем после смерти отца счёт давно уже потерян?

Одно радовало: на волшебном звере и раны заживали волшебно быстро. На третий день он уже сам поднялся, стоял, привалившись боком к стволу дерева, вот не скажешь, что не так уж давно совсем умирал! Глаз разве что закрылся навечно, не сумела Искорка спасти его, не было у неё для того ни умений, ни знания, а к знахарке Горячих Ключей обращаться девушка побоялась. В Медоварах-то своей ведающей не было с тех пор, как ушла за окоём бабушка Весенья, никому не передав своей силы.

Так что быть оленю теперь Одноглазым и как бы еще не Хромым впридачу. Но Искорка продолжала поить раненого молоком, крепко надеясь на то, что тётка не заметит пока пропажи: полон был холодный погреб, где на дне лежал лёд, с речки Змеевки вырубленный еще зимою. На торг в Горячие Ключи везти запечатанные горшки еще очень не скоро.

А лето звенело по лесу птичьими трелями, и хоронились среди опушившихся кустов ясень-

дерева влюблённые; так наткнулась однажды Искорка на сестрицу милую старшенькую, что миловалась та с сыном рыболова и под поцелуями славного парня потеряла не только голову, но и поясок девичий. Видела Искорка, укрывшись в зарослях, и то, что видеть нельзя вообще никому, побоялась сразу уйти, а потом уже шевелиться поздно стало. Нет ума у девки и не будет уже, не в рыбацкую ведь семью её сговаривали, как на свадебное ложе взойдёт нецелою?

Но то, рассудила Искорка, не её дело и не её беда.

Другим вечером услышала Искорка не для её ушей назначенное.

— Слышь, Любочада, — говорила тётке соседка, в ответ на жалобу, что неродная ест как не в себя, сплошное расстройство, глаза бы не смотрели, — отдай-ка замуж её! Да в Горячие Ключи — С глаз долой, из сердца вон.

— Замуж! — зло отвечала тётка, стуча по каменной дорожке своею палкой. — Да кто польстится-то, лицом черна, руки в саже, из тела — сплошные кости!

— Кормила бы лучше, глядишь, на костях мяско бы и наросло.

Заряна, узнала Искорка говорящую, через два

дома напротив живёт и зла сироте не чинила никогда, хлебом иногда дарила, да иногда на тот хлеб клала птичью косточку с остатками мяса…

— Кормить ту утробу ненасытную! Себе бери да корми вдосталь. Не хочешь? То и не попрекай тогда.

— Муж пусть кормит тогда уже.

— А приданое? Где приданое взять? От Яснотки да Горчинки своих оторвать прикажешь, соседушка?

— Да есть ведь у неё приданое, Любочадушка. Сундучок её матери работы закатных гор мастеров. Ведь стоит же на месте тот сундук, почтенная? Не пропит, не проеден?

Ответа тётки Искорка не услышала: в ушах зашумело, на глаза темнота напала. Опёрлась плечом о деревянную стену сарая, мало вниз не сползла, до того ослабели коленки. Вспомнила тот сундучок, размером локоть да на поллоктя, с диковинно кованной крышкой, отец когда-то показывал малой дочке, и плакал по любимой, её вспоминая…

Есть у Искорки приданое! Есть.

Только как с вопросами к тётке подступишься? Убьёт ведь сразу своей палкою!

Наутро застала сестрица Искорку в погребе,

когда та молоко брала для оленя волшебного:

— А вот матушке расскажу!

— Так и я расскажу твоей матушке, — ответила на то Искорка, — про сына рыбака, что поясок тебе развязал да живот твой белый ладонями гладил-нахваливал…

Полыхнули глаза сестрицы злостью, за малым огневихрь чёрный не порождая, но смолчала она, потому что ответить оказалось нечем. Молоко, без спросу взятое, и девичья честь, под кустом оброненная — разные повинности, как есть, разные.

Торопилась Искорка в лес, к волшебному зверю, её любовью на ноги вставшему, и понимала, что сегодня в последний раз увидит его. Уходить ему надо, пусть и раны не до конца сошли, ведь сестрица милая не уймётся, проследит сама или попросит кого, а там и убыток в погребе обнаружится.

А вот как придут с железом острым мужчины к роднику ключевому за добычею — ради шкуры красивой, рогов той редкой масти, что зовётся яшмовой, да мяса, которым все Медовары дня три кормить можно, и на четвёртый ещё останется! Страх щекотал Искорке пятки, да что там, ужас! Убьют её зверя, и жить станет незачем: не

уберегла.

… Он всё понимал. В последний раз пил из чаши густую белую жидкость, в последний раз положил Искорке на плечо благородную голову. Огневихри пробегали по шерсти его, слабые, маленькие, но живые, и сам олень уже не умирал от ран, разве что глазом смотрел только одним да ногу заднюю беречь ему пока приходилось.

Искорка не просила его: меня забери с собою. Хотя криком душа её кричала, ушла бы ведь, не оглядываясь! В никуда, в дебри лесные, в закатные горы, да хотя бы и в Каменное Море, в самое пекло его, огневихрям тамошним навстречу! Не звал её за собой волшебный зверь, потому, наверное, что сам на ногах не сказать, чтобы твёрдо держался. А может, и ему была Искорка обузой, как знать! Несмотря на то, что выхаживала столько дней, себя забывая.

Туман потёк сквозь стволы деревьев, молочный, с огненными просверками между прядями. Вступил олень в тот туман, и пошёл, хромая, не оконченной битве своей навстречу. Искорка смотрела вслед, обхватив себя руками и всё ждала, обернётся он или канет безвозвратно, оставляя после себя тоску неизбывную.

Олень не обернулся.

Канул в тумане бесследно, а когда туман рассеялся, даже следа копыт не осталось на песке да траве, сквозь песок пробившейся.

Ушёл, и хоть в реку теперь с головой.

Не вернётся ведь больше.

Никогда.

***

К исходу лета колдун пришёл в Медовары, поставил дом себе у подножия Каменного Моря, там, где падало небо в узкое озеро под пёстрой гранитной волной. Поговаривали, будто колдун остановил огневихри в соседнем селении, в Горячих Ключах, не подпустил их к домам, прогнал с огородов и общинного поля, но тамошние жители чем-то обидели своего избавителя, и ушёл он от них. Не испепелил, как следовало ожидать, а просто ушёл.

Совсем скоро стало ясно, почему. Колдун знал травы, отменно обращался с ранами, поднял на ноги мальчишку, с прошлой зимы пластом лежавшего после встречи со снежною рысью. Потерять такого целителя могли только олухи, что в Горячиxx Ключах проживают. Но колдун с самого начала благодарных людей сторонился, молчал, смотрел только, и от его взгляда становилось

жутко, будто глядел из зрачка его единственного глаза огонь, по чьей-то злой воле томившийся в человеческом теле. Второй-то глаз он потерял в бою, когда владетель Старолесья с закатногорским за пограничные земли схватился.

Безобразен колдун, говорили люди, от того, что на лице у него шрамы, нога в колене не гнётся, потому и нелюдим, что сам о себе знает: не красавец.

Искорка колдуна еще не видала.

Совсем озверела тётка Любочада. Спасения не стало ни от языка её гадючьего, ни от её палки. А за вопрос о наследстве, — не выдержала, потребовала от тётки правды — получила Искорка так, что несколько дней в сарае отлёживалась, и думала, что уже совершенно точно сорвётся за грань, покинет мир живых навсегда.

Не возвращался волшебный олень, забыл о спасительнице своей, хотя верить хотелось, что помнит. Два раза судьба сводила, неужели не сведёт и в третий? Третий ведь — волшебный, всем известно. Слабое утешение, а когда других нет, годится и такое.

Стоят Медовары на краю леса, совсем рядом с Каменным Морем. Если встать с утра и идти на закат, к обеду как раз упрёшься в первую волну

разноцветного, застывшего в бурю гранита. За Каменным Морем начинаются уже срединные Старые Земли и там уж никто из ныне живущих не бывал, а рассказывают разное.

Говорят, пролегала здесь граница между двумя могущественными державами, так давно, что и названий тех государств уже люди не помнят. Они враждовали всегда, но придумали колдуны Старой Земли чудовищное оружие и применили его против людей, но и сами сгорели тоже. Вырвался на свободу чёрный колдовской огонь, пожрал города и войска, королей и князей пожрал тоже и не насытился. Пожрал он тогда саму землю, и кипело здесь еще не каменное, а огненное море, а потом застыло. Шагают теперь до самого горизонта гигантские гранитные волны, несокрушимые и бесплодные, не растёт на них ни травинки. А под каждой волной блестит узкое и глубокое озеро. Стоят в его водах стеклянные рыбы, водятся змеи-серебрянки и прочие гады, каких нигде в лесу не увидишь, растёт алая водяная лилия и кровь сосёт из каждого, кто неосторожно к ней прикоснётся.

Ещё говорят, что колдовской огонь не угас до конца, а по-прежнему тлеет под каменными волнами, и однажды выплеснется в мир, дожжёт

всё, что тогда сжечь не сумел. Он-то и порождает огневихри, просачиваются они сквозь камень на поверхность, и раздувают ветры их пламя до неимоверной высоты. Горе неосторожному, вставшему на пути слетевшего из Каменного Моря огненного смерча! Сожжёт и не заметит, дальше помчится.

***

Колдун вышел из-за кустов как раз тогда, когда Искорка, плача, лила ледяную ключевую воду на опухшие от тёткиной палки руки. Голову закрывала, а не то всё голове досталось бы. Всё тётка ей припомнила, что было и чего не было, и особой злобы удостоился вопрос о наследстве матери. Думала тётка, там золото, а открыть заветный сундучок не могла. Пыталась Искорку заставить, да и у той не вышло, но сундучок в ладонях она подержала — тепло на душу сошло, как будто мама по волосам ладонью провела.

Вот за то и получила тёткиной палки. Ушла, убежала к роднику своему, где выхаживала когда-то белоснежного зверя, сюда мало кто приходил, хватало других, ближе к Медоварам. И из Горячих Ключей редко захаживали, дорога между двумя поселениями через холм вела, а

здесь лежал овраг.

Колдун подошёл, и Искорка от ужаса даже пискнуть не сумела. Правда, страшный, лицо в шрамах, глаз повязкой закрыт, прихрамывает, тяжело опираясь на посох… Невысокий, во всём сером, и волосы пыльные, серые, а вот зрячий глаз неожиданно светлый, хотя тоже серый, как озеро в пасмурный день.

Пальцы колдуна прикоснулись к синякам, обдав прохладой, и боль начала уходить, растворяться без следа. Ушли и жуткие отметины, белой стала кожа, хоть и покрылась влажным потом с мурашками.

— Благо тебе, добрый человек, — тряскими губами выговорила Искорка, жалея, что спину нельзя показать и плечи, там-то бы тоже не помешала живительная прохлада колдовских пальцев!

Лицо колдуна треснуло хмурой улыбкой:

— Плату спрошу.

Голос оказался неожиданно молодой и сильный, закрой глаза, увидишь статного юношу, не искалеченного жизнью и ведьмовскою славой.

— Мне нечего дать тебе, добрый человек, — тихо ответила Искорка.

— Дары не нужны, — уронил как камень в болото, даже показалось — вода плеснула глухо,

принимая гранитную тяжесть, и замолчал.

Не сразу Искорка отважилась спросить:

— А что же нужно тогда, добрый человек? Скажи, я сделаю.

— Есть травы, что только женскую руку признают, — раздумчиво выговорил колдун, сверля девушку единственным глазом. — Время пришло, их собирать надо, летом день зиму кормит. Соберёшь для меня?

— Я не знаю травы, — призналась Искорка. — Не учили меня.

— Приходи сюда к вечеру, научу.

Сказал так, и ушёл по оврагу вниз, не оглядываясь, Искорка провожала взглядом его спину, пока колдун не скрылся среди деревьев.

***

Собирать травы на закатном ветру оказалось увлекательно и интересно. Колдун много знал, и охотно делился знаниями, а Искорка впитывала его слова, как губка впитывает воду. С ней давно уже никто не говорил вот так, не окриком, а — спокойно и на равных. Как будто и у неё жили в голове знания, как будто и у неё наконец-то появилось имя, отличное от резкого тёткиного «Эй, ты!»

Искорка срезала ножом толстые стебли горюн-травы, выкапывала лопаточкой луковицы утешай-лилий, а сама, смелея с каждым быстрым взглядом всё больше и больше, рассматривала колдуна украдкой. Какие руки у него — узкие ладони, длинные пальцы, в мозолях, но не от лопаты, от тяжёлого труда мозоли возникают не там и не такие. Железный браслет показывал краешек из-под рукава кипенно-белой рубахи, и в вороте виднелось всё то же железо; чудно. Золото обычно носят, серебро, а колдун — железо. Тонко кованое, тщательно, до блеска, начищенное, но — железо. Впрочем, как знать, может именно железо носить у волшебников и принято.

Мягкие, слегка вьющиеся по концам волосы из-под волчьего колпака, неожиданно рыжие, с отливом в медь, и лишь одна прядь у виска седая в поперечное рыжее кольцо, от корней до самого кончика; странно. Или колдуны седеют не так, как обычные люди?

Тонкий нос… на лице шрамы как будто бы от когтей, хотя какой зверь мог бы оставить подобное да так, чтобы пострадавший выжил потом. Зелёная повязка на пустой глазнице. Внезапная родинка на щеке под ухом…

Колдун почувствовал, что на него смотрят, на-

хмурился и пронзил Искорку пылающим взором единственного глаза. Она поспешно опустила голову, взялась за работу. Испугалась, что выругает, накричит, ударит. Он не сделал ни того ни другого ни третьего. Помолчал, потом продолжил рассказ о свойствах трав с того же места, на котором его окончил.

А по завершению работы бросил коротко:

— Провожу. Прослежу, чтобы никто не обидел.

— Вот уж это не надо бы, добрый человек, — прошептала Искорка, голову опуская.

Увидит тётка, что с чужим мужчиной возвращается, да после того, как невесть где полдня провела, да не просто с мужчиной, а с колдуном, тем самым…

Но запрети ему, попробуй. Не стал ничего слушать, рядом пошёл, под её шаг подстраиваясь. Удивительно, хромает, на посох опирается, а ходит быстро. И движения его совсем не как у старого человека, и даже не у пожитого. Молод он, вот ведь странно. Молод, а такие уже шрамы. И сила. И знания.

Тётка раскричалась так, что аги с болота поднялись с ошалелым граем. Занесла над головой Искорки палку. И вдруг!

Обернулась та палка змеёй и шипит, гремит

хвостом и капюшон раскрывает, того гляди, укусит в нос. Тётка с криком отбросила гадину, и та, оземь ударяясь, вновь стала палкою с резной рукоятью, работой мастеров Закатных Вершин.

— Не ругай девушку, добрая женщина, — угрюмо сказал тётке колдун. — Со мной была, травы вечерние собирала. И завтра собирать их пойдёт.

— Завтра! — очнулась тётка от столбняка внезапного, забыв змею почти тотчас же. — А кто за неё работу по двору справит, если шляться с тобою по лесам она будет? Не ты ли сам, господин хороший?

Колдун вынул из кармана монету с ликом Светозарного на одной стороне и спесивым профилем владетеля на другой, монета была золотая, новенькая совсем, блестящая, и кинул её тётке, не заботясь, поймает она или не сумеет из-за грузности своей.

— Довольно ли за работу несделанную? — с нехорошею усмешкой спросил колдун.

— Довольно, — закивала часто тётка, деньги такого номинала она в глаза не видела уже очень давно. — Как есть довольно!

— А ударишь ещё раз племянницу, спрошу с тебя, — пообещал колдун, сунул кулаки в карманы и пошёл себе.

С тех-то пор тётка палку поднимать на Искорку боялась, больше криком работала, но оскорбления — не удары, их привычное ухо мимо пропускало, не отзываясь на них ни душою ни сердцем…

***

Не раз и не два собирала Искорка травы для колдуна, а как-то на рассвете повёл он её краем болот к ревун-камню, собирать блестящий мох, больно жаливший руки даже сквозь толстые перчатки, если за ним не уследить.

— Настой из серебрянки укрепляет силы, — говорил колдун, — и раны заживают быстрее. Но собирать его — мука, и не помогаю тебе лишь потому, что руки мне нужны невредимыми.

— Ты ждёшь беду, добрый человек? — набравшись храбрости, спросила Искорка.

Она привыкала к колдуну, привыкала не съёживаться каждый раз от его взгляда и голоса, привыкала не ждать удара, — он никогда не бил её, но всё казалось, что может ударить. Потому что сильнее. Потому что волшебник, не человек. Но, может быть, потому и не бил, что не человек?

В Медоварах да и в Горячих Ключах родители

битьём своих чад воспитывали, мужья жён уму учили тем же самым, да и жёны не всегда в долгу оставались, привечая перебравших лишку и от того вконец распоясавшихся мужей сковородами да скалками. Привычной была такая жизнь, другой жизни окрест не знали, и тем удивителен был колдун, что не повышал даже голоса. Голоса не повышал, а посохом своим мог вмазать не в меру ретивым парням, пожелавшим поглумиться над пришлым, да еще и хромым. А про то, что волшебник он, знахарь да ведающий, не вспомнили они вовремя.

Потом колдун сращивал им переломы, лечил ушибы и ни словом не выругал за неразумие, а у парней уважение к нему проснулось размером с небо. Уступали дорогу да кланялись, и что бы сразу не делали так, глядишь, руки-ноги не ломило бы теперь на непогоду.

— Беда уже подступила к Медовым Варам, — спокойно отвечал колдун. — Владетель Старолесья охотится недалеко отсюда.

Владетель. Чёрный и злой человек, приказавший, как говорили, сестру родную распять на на скале да дитя из её живота при ней живой вырезать, за то, что спуталась она с конюхом, позволила разбавить кровь Светозарного води-

цей простолюдина. Про то тихонько и с оглядкою говорили мужчины, шептали друг другу на ухо женщины, и поговаривали, что уйти бы хоть в Каменное Море на несколько дней, пока сиятельного вельможу мимо не пронесёт…

— Не бойся, — скупо уронил колдун. — Добрая ты девушка, да к злым людям угодила. Тётка твоя не любит тебя.

И тогда как прорвало плотину, не подумала Искорка о колдовстве, язык развязывающем даже строптивцу последнему, не то, что девчонке-сироте, без родителей оставшейся.

Рассказала она про смерть родителей, и про то, что тётка наследство матери себе присвоила, отдавать не хочет, но сама открыть не может. А сундучок тот из железа кован и знак Светозарного на нём гравирован.

— Такой знак? — колдун ворот расстегнул, выпустил наружу медальон железный на железной же цепи подвешенный.

Косматое разгневанное солнце заполняло собою правильный диск, и лучи его закручивались огневихрями, и пахло от медальона недавно прошедшей грозой и почему-то полынью.

— Да, — радостно сказала Искорка, — такой же в точности.

— Мать твоя — из рода владетелей Узорчатых Башен, служивших Светозарному с незапамятных времён, — поведал колдун тогда истину. — А башни те стояли когда-то за Каменным Морем, в Старой Земле стояли они, и, может быть, стоят там и до сих пор. Потому ненавидит тебя тётка и со свету сживает: течёт в тебе древняя кровь, не спрятать её. Тяжело рядом с такой кровью существовать простому человеку, сознание не вмещает истины, но чувства бунтуют и хочется сломать да разбить, как всё они ломают, что не похоже на них и им не нравится.

— Но кто решится пересечь Каменное Море? — спросила Искорка, и поняла вдруг, кто мог бы совершить такой подвиг.

Колдовская сила и древняя кровь.

Страшно стало ей от таких мыслей и вместе с тем рождали они невиданные доселе чувства: а вот бы всё-таки отправиться за Каменное Море!

Искорка бывала уже в домике колдуна, у подножия волны из разноцветного гранита, первой волны, еще и не самой высокой, которая от Старого Леса Каменное Море начинала. Поражал девушку камень, бывший когда-то жидким огнём, а сейчас застывший под ударами давнишней неслыханной бури. Ныло в душе в ответ на

неслышную грозную песню заточённого под гранитом колдовского огня. Не умер он, как считали многие. Воистину жил еще под каменным гнётом!

***

Как стало ясно, что владетель Старолесья стороной Медовары не обойдёт, стали думать мудрые люди, что делать и как им спасаться. Про владетеля дурные вести ещё подоспели да самые свежие: Горячие Ключи натерпелись изрядно, кровь стыла в жилах от рассказов соседей. Жесток владетель и страшен в гневе, а прогневать его легко, и угадать, чем замирить, трудно. Решено было детей и девушек загодя в Горячие Ключи переправить, примут соседи на день-другой, уберегут от злого человека! А чтобы владетель не вздумал, будто его обижают почём зря, решено было отдать ему на поругание Искорку да ещё четверых юных, под такой же несчастливый крик поганки болотной родившихся.

Но колдун не знал о том, и пришёл в дом к Любочаде свататься…

Таким уж его сватовство вышло, что надолго запомнили его люди, и детям потом пересказывали, а те внукам своим заповедали помнить.

Пришёл колдун днём светлым и призвал в свидетели самого Светозарного:

— Ты ли Искра, дочь Весела Бессона и Снежаны с Закатных Гор?

И когда Искорка ответила, что она это, продолжил колдун, не улыбаясь:

— Пойдёшь ли в жёны ко мне перед ликом Отца Света и ликом Матери Тьмы?

Вот когда захолодело сердце! Замуж, — за пришлого, чужого, и чего уж там, страшного! Владеющего магией, знахаря и ведьмака. И ложе с ним делить, как то честным супругам положено? Детей рожать?

А жизнь под палкой тёткиной какова на вкус, знаешь ведь сызмальства…

Не колебалась Искорка ни разу, вёдра с водой отставила, отёрла о подол ладони и громко, звонко на всю улицу ответила:

— Пойду!

Нет глаза и лицо в шрамах, да в том ли дело? Давно ли походы за травами превратились в праздник желанный, давно ли мечты о Старых Землях за морем каменным душу бередили и в дорогу звали? А об олене волшебном так подумала Искорка: хотел бы придти, давно вернулся бы. Забыл тропу к Медоварам, не оглянулся ведь

даже, когда уходил.

— Пойдёт она! — обрела дар речи онемевшая от дерзости такой тётка. — А вот не отпущу её, бесприданницу. Не будет вам свадьбы. Не дозволю я!

Колдун будто ростом больше стал:

— Есть приданое у Искры, дочери Снежаниной. Неси сюда его, карга старая, да живой ногою, не то обращу тебя в гадину подколодную.

Что было делать тётке? Принесла она сундучок, Закатных Вершин мастерам кованый. В пыль швырнуть хотела его, чтобы хоть так зятька новоявленного унизить, да не вышло ничего у неё. А Искорку кольнуло болью: не на ней самой колдун жениться хотел, а на сундучке этом вот таинственном. Хранилась в нём тайна, а может быть, даже волшба сильная, колдуну потребная. Но и что бы с того тогда? Главное, заберёт он Искорку со двора тёткиного постылого… и за Каменное Море с собой уведёт. Не замуж, а товарищем, так ведь тоже можно, несмотря на то, что Искорка — женщина?

И тут засвистело с околицы, загикало. Лай ужасный разнёсся по всем Медоварам — мчалка владетель Старолесья на свирепом скакуне, а у стремени его ящероголовые псы бежали, гавкая.

— Не успел я, — с досадой сказал колдун, и кивнул Искорке: — Возьми своё, дитя, и не роняй, что бы ни увидела ты. Отдала ей не тебе принадлежащее, — прикрикнул он на тётку, заметив, что не спешит та из рук выпускать то, что своим назвала сразу же после смерти брата.

— Ха-а! — заревел владетель, осаживая коня перед двором Любочады. — Ветер Смерти! Какая славная встреча. Отец мой Светозарный наградил меня!

Страшен владетель ликом был, черён, как сама Тьма, прародительница ночи, и горели чёрные огневихри за плечами его как два агачьих крыла.

— Думается мне, не наградил, а наказал, — сказал колдун. — Не Светозарному ты сын, Лихое Пламя. Умрёшь ты сегодня.

— Ха-а, ха-а! — бешеным смехом вскричал владетель и псов своих спустил с цепи.

Полыхнуло тогда белым и алым, а на месте колдуна соткался из света и огненного жара волшебный зверь с развесистыми рогами; ахнула Искорка, узнав оленя, которого лечила прошедшей весною. Налетел рогатый на ящероголовых псов и не стало псов владетеля Старолесья на свете. Налетел на самого владетеля, обернувшегося для боя громадною агой, и вышла битва, о кото-

рой слагали потом легенды от края Каменного Моря до побережья моря живого.

Огневихри стекали с белой шерсти и таяли, не долетая до земли. Победил олень, но по тому, как стоял он, уронив рогатую голову, видно было, что трудом далась ему победа. Сейчас набросят на него верёвки и сети, запрут в сарае, свяжут да пошлют с поклоном к владетелям соседних пределов, чтобы не делали Медовым Варам худа. Каким бы ни был поганцем Лихое Пламя, а нельзя простолюдинам просто так, за здорово живёшь, лишать жизни властью одаренных. Ведь будут казни и наказания, если виновного не найдут и не повесят у трёх дорог с табличкою про его прегрешения — другим в назидание.

Вперёд всех очнулась Искорка. Выхватила из рук остолбеневшей тётки своё наследие, прыгнула к оленю волшебному, а он перед нею ноги подогнул — на спину садись. Едва взлетела девушка на спину ему, едва схватилась рукою за рог, — прыгнул волшебный зверь и пошёл, пошёл гигантскими скачками, уходя от оживших, закричавших гневно людей.

А и не зря его Ветром прозвали, летел как на крыльях, и огневихри срывались со шкуры его.

***

Велико и необъятно Каменное Море, когда смотришь на него с гребня высокой волны. До самого горизонта тянется оно, тёмными громадами в закатном зареве, и под каждою волной блестит стеклянное озеро. А далеко-далеко разливается над окоёмом багрово-золотое сияние.

Золотые Врата. Око иного мира.

— Владетеля Старолесья убил я, — сказал колдун по имени Ветер, не оборачиваясь на застывшую за правым его плечом Искорку. — Бежать мне надо, и тебе со мною заодно. Видели все, как своею волей ты со мною умчалась.

— Ты хотел жениться на мне или на моём наследстве? — задала Искорка разъедавший её душу вопрос.

— Лютой зимой ты накормила меня, весною гибельной от грани отвела обратно в мир, — глухо ответил колдун, не оборачиваясь по-прежнему. — О наследстве твоём я не знал. К тебе шёл, за тобою, и не сразу узнал в человечьем образе будучи. Но уж когда узнал…

Открытый сундучок являл небу своё содержимое: не золото, как думала жадная тётка Любочада, но браслеты и медальон со знаками

разгневанного солнца, такими же, что были на украшениях колдуна.

— Надень, — предложил колдун. — Твоё.

— Если бы тётка открыла его…

— Сгорела бы в миг. Не для простых смертных дары Светозарного. В тебе кровь детей его; надень.

— Ты женишься на мне? — спросила Искорка, замирая сердцем.

— Может быть, по ту сторону Каменного моря ты найдёшь себе мужчину получше…

— Может быть, мне нужен не лучший? — спросила Искорка, дрожа от собственной смелости.

Так сказала она, и сама шагнула к колдуну, обняла его, прижалась щекой к его плечу, пропахшему грозой и полынью.

И была любовь их нежной и неистовой, глубокой, как озеро под каменною волной, и неистовой, как вихревой огонь, идущий от Золотых Врат, тёмной, как земля, основа жизни, и пылающей, как небо звёздное, основа света.

А после надела Искорка украшения матери, браслеты да медальон железный, и сказала она колдовское слово, которому научил её муж, которого знающие люди прозывали Ветром Смерти. Топнула ногой, и обернулась оленухой. Золотые

огневихри срывались со шкуры её, горели глаза неистовым пламенем и рога её, пусть и короткие, не такие ветвистые, светились золотым сиянием.

Поскакали оба они на восход, Ветер Смерти и супруга его Искорка, и так говорят, прошли Золотые Врата, последние из живых прошли их, и за ними Врата закрылись. Перестали изникать из Каменного Моря огневихри, и само Море замерло, упокоившись навеки.

Но иногда, в светлые вечера на исходе лета можно увидеть их тени, скачущие по каменным волнам. Говорят люди, что Золотые Врата еще могут открыться, как открывались они уже не раз в былые времена.

Вернутся в мир тогда снова огневихри, но вместе с ними придут и Ветер Смерти с Искрою.

Но это уже совсем другая история.

Ирина Ведуница
Яна и Войт

— Уф, неужели удалось сбежать? — выдохнула ведьма, захлопывая дверь и с облегчением «растекаясь» по переднему сидению автомобиля.

Подруга нажала на газ, и её малолитражка стартанула с места, выруливая на трассу и тут же развивая довольно приличную скорость. Молодая женщина, сидящая за рулём, кинула на подругу сочувствующий взгляд и хмыкнула:

— Что, совсем достал поклонник?

— Не то слово! — пробурчала Яна, удобнее пристраивая на коленях маленький городской рюкзачок, в который умудрилась упихать всё, что могло понадобиться ей на празднике.

Большую по размеру сумку она не решилась взять, чтобы не вызвать лишних подозрений, доведись случай столкнуться с тем самым поклонником, который уже неделю не давал ей спокойно жить. А началось всё с того дня, когда они случайно встретились у Софьи в гостях.

Точнее, не так уж и случайно. Этого дурного оборотня, пришедшего из другого мира, притащил

с собой Дамир. Который потом с удовольствием наблюдал, как Яна весь вечер бегала от Войта, стараясь не подпускать его к себе. А то виданное ли дело? Только увидел, сразу в охапку схватил, носом в шею тыкается, нюхает и бормочет: *«Моя!»*

А её он спросил, коврик блохастый? Да как он вообще посмел так с ведьмой себя вести?! Права на неё предъявлять, тискать прилюдно. Чуть слюнями всю не обкапал на радость этому недовампиру дурацкому!

Но Дамиру она отплатила сполна, подговорив малышку Веронику объявить его своим Хранителем. Стоило только увидеть изумлённо вытянувшееся лицо мага после этих слов, как Яна почувствовала себя отомщённой. Вот и конец твоим планам на свободную привольную жизнь и ещё одно путешествие в Изначальный мир. «Баста, карапузики, кончилися танцы!», будешь теперь лет десять минимум, как привязанный, рядом со своей подопечной находиться.

А вот не стоило глумиться над разъярённой ведьмой, когда ей оборотень проходу не даёт. Да и лучшей кандидатуры Хранителя для растущего «многогранника» всё равно не найти. Благо родители малышки в этом с Яной согласились безоговорочно, хотя и сочувствовали отныне

спелёнутому узами долга другу.

***

Дальнейшее назвать иначе, чем «гонками на выживание», было невозможно. Войт, наверняка не без помощи Дамира, прознал, где она живёт, и устроил полноценную осаду. Причём ладно бы делал это как нормальный мужик: с подарками, конфетами, приглашением в ресторан… или на крайний случай в кино. Нет, это… дитя природы поступило по-своему, превращая жизнь ведьмочки в ад.

Караулил под окнами, следовал за ней по пятам, когда она выходила утром на работу, и провожал почти до офиса. А потом так же с работы домой. Закидывал букеты цветов на балкон, хотя как он это делал, учитывая, что жила Яна на третьем этаже старого фонда, оставалось загадкой. Хорошо хоть серенады петь не пытался. Хотя в первую ночь ей показалось, что кто-то выл во дворе. На луну. Оставалось надеяться, что…

Впрочем, безрезультатно.

Зато внимание Войта она к себе привлекла. Рыкнув в лицо бледного лежащего на земле слабака: «Она моя! Тронешь — убью!», он подхватил громко ругающуюся ведьму и, закинув себе на

плечо, понёс через арку во двор. Только у самой парадной той удалось вырваться и, отвесив оборотню звонкую пощёчину, гордой походкой удалиться домой.

А на следующее утро Войт снова караулил Яну под дверью.

Через неделю таких «ухаживаний» девушке пришлось взять отпуск за свой счёт, чтобы привести нервы в порядок. Не то чтобы Яна могла похвастаться тонкой, ранимой душевной организацией. Просто разъярённая ведьма, не контролирующая свою силу — это уже стихийное бедствие. Может сгоряча натворить такого, что последствия придётся ещё долго разгребать. Да и внимание инквизиции на себя лишний раз обращать не стоило. Пусть и в этом надзорном органе у Яны уже появился друг, но беда в том, что именно он сейчас и был целиком и полностью на стороне оборотня. Судя по всему, Дамир не простил ведьме её шалости. И рисковать тем, что он захочет отыграться, организовав брак с оборотнем, как гарантию будущей стабильности, не могла.

Яна могла бы обратиться к Софье, чтобы та угомонила мужчин — Войт слушался её и Светозара безоговорочно, — но вмешивать в это дело по-

другу ведьме не позволяла гордость. Неужто она сама с каким-то блохастым не справится? Ещё и не таких крутых собственников обламывала, и ничего, до сих пор на свободе.

Пересидев несколько дней дома, не выходя даже в магазин за продуктами, Яна немного успокоилась, пришла в себя и приняла решение развеяться. Она и так собиралась ехать в конце июня на ежегодный праздник Ивана Купала, там всегда можно отдохнуть, повеселиться и даже завести приятное необременительное знакомство. Но на этот раз пришлось принимать меры предосторожности, чтобы за ней на гулянье не увязался хвост. Мохнатый такой, зубастый и крайне воинственно настроенный, когда дело касалось флирта девушки с кем-нибудь другим.

Звонок подруги, предложившей её подвезти, а заодно и обкатать её новую машину, оказался как нельзя более кстати. Яна согласилась не раздумывая. Наряд на праздник тоже нашёлся: белая вышитая рубаха, приобретённая на исторической ярмарке в прошлом году. Подпоясаться, и вполне сойдёт за платье. И смотрится так красиво, этнически. Самое то, что надо!

В небольшой городской рюкзачок поместились только рубаха, поясок, поясная сумочка, кошелёк

и несколько мелочей. Большую по размеру сумку Яна взять не рискнула, чтобы не выглядеть слишком подозрительно. Из тех же соображений надела вместо красивого платья лёгкие брючки и блузку. Вроде как по делам собралась прокатиться.

И вот теперь ведьма сидела в машине, мчащейся по трассе, и смеялась вместе с подругой, обсуждая, кого из знакомых могут встретить на празднике. Под разговоры, шутки и весёлую музыку доехали быстро. Яна с Люсей не виделись уже давненько, так что тем для обсуждения в дороге хватило, девушки даже не заметили, как минуло три часа.

Когда они приехали, праздник уже начинался. Поэтому, заранее договорившись встретиться утром у машины, они поспешили переодеться и влиться в ряды отмечающих. В своём наряде, с распущенными волосами Яна чувствовала себя самой настоящей ведьмой. Тем более что вещи и одежду бросила в машине, взяв с собой только поясную сумочку с разными мелочами. Вот только телефон в неё не влез, пришлось его оставить в рюкзаке.

Кроме разных потешек, забав, плетения венков, хороводов и народной музыки, на празднике

можно было купить разные сладости. А тем, кто желал, и вовсе плотно поесть, отведав приготовленной в сторонке на костре походной каши.

День пролетел незаметно, а ближе к вечеру начались совсем иные забавы. Народ разбился на группки и компании. Кто-то пошёл к озеру, кто-то разжёг костры в сторонке от основного большого и расселся вокруг них.

К одному из таких костров и вышла Яна, уже опустившая свой венок в воду. Её внимание привлекли несколько молодых парней. Судя по состоянию ауры, они совсем недавно прошли Инициацию и с точки зрения магического потенциала сильно уступали Яне. Впрочем, если будут старательно заниматься, качать резерв и много практиковаться, могут вырасти во вполне себе приличных магов. Если повезёт.

Пока же девушку привлекли не их умения, а смазливая внешность и лёгкая, непринуждённая атмосфера, царившая в их компании. Как раз то, что нужно. Хотела отвлечься от насущных дел и забыться, тут как раз и случай подвернулся. А что ребята чуть младше её, так и что с того? Совершеннолетние, значит, всё можно. Да и проблем с такими, как правило, гораздо меньше, чем с более зрелыми, уверенными в себе магами и

ведьмаками. Или оборотнями.

Вспомнив о последнем, Яна досадливо поморщилась и неосознанно скользнула взглядом по поляне, словно опасаясь увидеть того, о ком так неосторожно подумала. С него станется объявиться в самый неподходящий момент и закатить сцену ревности, испортив всё веселье.

Но к облегчению ведьмы, знакомой фигуры она среди увлечённых праздником людей не заметила. Люська, улыбаясь симпатичному вихрастому парню, отплясывала в одном из хороводов у дальних больших костров. Другие знакомые разбрелись кто куда. Поэтому Яна, недолго думая, присоединилась к шумной компании возле костерка поменьше, обложенного со всех сторон удобными для сидения брёвнами.

Здесь было жарко, весело и хмельно. По рукам ходила большая бутыль чего-то явно крепкого, к тому же домашнего изготовления. Но отважившаяся отхлебнуть из горла ведьма с удивлением почувствовала на языке вкус черноплодной наливки. Она-то уж решила, что тут самогон по рукам пошёл, а всё оказалось гораздо приличнее.

Хотя с выводами девушка поторопилась. При всей своей лёгкости и не слишком высоком гра-

дусе настойка по мозгам била хорошо, пусть и не сразу. Иначе чем объяснить, что уже через полчаса Яна весело смеялась, прыгала через костёр и отчаянно флиртовала со всеми мужчинами в компании. Причём наличие недовольно поглядывающих на неё девушек ведьму ничуть не смущало. Занимало другое, она всё никак не могла выбрать, кого из них пригласить с собой на прогулку в лес. Вроде все хороши, но у одного нос длинноват, у второго плечи узкие. А третий, кажется, и вовсе неопытный ещё: вот как на неё голодными глазами смотрит, будто взглядом раздевает уже, и руки при этом подрагивают мелко.

Время шло, парочки разбрелись кто куда, оставив ведьму в компании пятерых парней и пустой бутыли из-под наливки. Сидеть у затухающего костра просто так становилось скучным. Хотелось продолжить веселье, пусть и в другой плоскости. Так и не определившись с выбором, Яна решила положиться на судьбу. Задорно стрельнув глазами на каждого из потенциальных кавалеров, легко подскочила с брёвнышка, отбежала в сторону. Провокационно качнув бёдрами, почти невинно спросила:

— Ну, что, кто со мной в лес, папоротник искать?

Вот только парни, видимо, поняли ведьму по-своему. Отчего иначе, стоило ей чуть отойти в сторону, поднялись все вместе и, глумливо усмехаясь, последовали за ней всей толпой. При этом намеренья их были более чем очевидны. На такое Яна точно не подписывалась. Она вообще никогда участия в оргиях не принимала, не собираясь получать такой опыт и в будущем. Тем более с незнакомыми парнями в глухом лесу на голой земле.

Странно, что они вообще о ней такое подумали. Но тут всё можно списать на то, что ведьмы бывают разные и не все из них столь сдержаны в своих порывах и увлечениях. Но в случае возникновения недопонимания обычно достаточно было намекнуть, что дама против, и конфликт улаживался сам собой. Не магический же поединок, в самом деле, устраивать. Может, в прямом столкновении ведьма магу и проиграет, но при этом рука у неё не дрогнет навесить на агрессора какое-нибудь заковыристое и крайне неприятное проклятие, снять которое сможет только она сама. Если захочет. И сможет. Бывает, сгоряча да от большой обиды и необратимые проклятия получаются. Тогда уж ничего не поделаешь, терпи. Или в омут с головой, если дела совсем плохи.

Поэтому магически одарённые без крайней нужды старались меж собой не ссориться. Решать дела полюбовно. Или хотя бы без фатальных для обеих сторон последствий. Вампиры и оборотни с людьми и вовсе особо не связывались, чтобы не нарушать и без того хрупкий баланс. Своих забот в общинах хватает, да и пресекались любые провокации строго. Главы держали свои кланы и стаи в беспрекословном подчинении, предпочитая соблюдать вежливый нейтралитет и не вмешиваться в дела друг друга. Слишком мало было одарённых и двуипостасных, чтобы ссориться меж собой. К тому же раскрывать своё присутствие простым людям было категорически запрещено. Следили за этим строго.

И вот теперь эти недоросли решили наплевать на все правила и пёрли на неё толпой, явно планируя продолжение совместного веселья. Вот только Яну такой расклад совершенно не устраивал. Повернувшись, она резко припустила в лес, благо сандалии в этом деле оказались хорошим подспорьем.

Бежалось легко и поначалу даже задорно, не иначе как хмель всё еще голову кружил. Вот только когда услышала Яна у себя за спиной треск веток и тяжёлое мужское дыхание, стало

совсем не до смеха. Поняла, что если не сможет убежать, то её прямо в лесу и разложат, причём этим уже будет всё равно, согласна она на это или категорически против. Пьяному море по колено. А уж опьянённому вдобавок дармовой силой, щедро даримой духами леса в эту сакральную ночь, и вовсе всё нипочём.

От осознания неизбежности насилия, если ей не удастся спрятаться, у ведьмы словно второе дыхание открылось. Ноги ускорились, тело само изгибалось, чтобы разминуться с препятствиями, глаза безошибочно находили нужные, еле заметные звериные тропки, по которым было легче бежать.

Вот только спрятаться в сосновом лесу совсем непросто, особенно если сосны прямые, корабельные, а подлесок чахлый. Пришлось карабкаться на невысокие холмы, чтобы хотя бы пропасть из вида преследователей. Пусть время давно перевалило за полночь, но самый разгар «белых ночей» не оставлял шанса затеряться в сумерках леса. Зато и убегать было удобнее, шансы обо что-то споткнуться и поломать ноги, а то и вовсе ухнуть в глубокий овраг заметно уменьшились.

Хватаясь за деревья, чтобы хоть немного притормозить стремительный спуск с вершины

холма, ведьма, пробежав ещё немного, остановилась. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, давно ей не приходилось так быстро и долго бегать. В боку уже начинало колоть, а ноги подрагивали от усталости.

Яна замерла, прислушалась, не слышно ли голосов преследователей? Но мелькнувшая было надежда, что ей удалось уйти, растаяла, как только она услышала вдалеке голоса. Кажется, парни подотстали, но всё так же упорно держали след, неизвестно как отыскивая её в сосновом бору.

Времени на отдых не осталось, надо было увеличить отрыв. Места тут не совсем дикие. Рано или поздно можно выйти к жилью или вовсе на трассу. А там уже постараться попутку поймать. Если удастся уехать в город, она Люське потом всё объяснит. Жаль только, что телефон она у неё в машине оставила. Теперь ни на местности не сориентироваться, ни в службу спасения не позвонить. Выкручивайся, ведьма, сама, как знаешь, раз хватило ума в такую беду вляпаться.

Пока тело ведьмы двигалось, в голове хаотично метались странные мысли:

«Сидела бы дома сейчас и бед не знала. Или спустилась к кавалеру своему подоконному и сама пригласила бы его в кино. А то и просто

прогуляться вдвоём. Он большой и страшный, к такому никакая шпана подойти не рискнёт, не то что его девушку обидеть. Эх, Янка, не ценила ты своего счастья! Бегай теперь по лесу, честь свою девичью сама береги!»

Вскарабкавшись на очередной холм, Яна упёрлась руками в колени, пытаясь перевести дыхание. А разогнувшись, испуганно вздрогнула, в защитном жесте обхватывая себя руками. Недалеко, метрах в десяти, стоял мужчина и пристально смотрел на неё.

«*Обложили!*» мелькнула отчаянная мысль и тут же растаяла, сменившись радостным изумлением, стоило только разглядеть мужчину внимательнее.

— Войт! — на этот раз ведьма сама влетела в распахнутые объятия оборотня, надеясь его на защиту.

Но вопреки обыкновению, тот не воспользовался случаем хорошенько её облапать, а на мгновение крепко сжав, тут же отпустил, задвигая себе за спину.

— Подожди, малышка. Сейчас кой-чей пыл поумерю, а потом и обниматься будем.

В голосе его при этом не было ни насмешки, ни издёвки. Только чуть слышные глубинные

порыкивающие нотки. Лишь они и выдавали его звериную сущность. В остальном же перед недоумевающим взором Яны предстал молодой, сильный, харизматичный и чертовски привлекательный мужчина, за которого она в другое время при других обстоятельствах всем потенциальным соперницам волосёнки бы повыдёргивала.

И почему она раньше воспринимала его как тупое надоедливое животное, руководствуемое лишь инстинктами? Неужели первая незадавшаяся встреча лишила её привычной проницательности? Или взыграли личные страхи и прошлый неудачный опыт отношений с оборотнем?

От лихорадочных размышлений Яну отвлёк треск веток под ногами приближающихся ломящихся сквозь подлесок преследователей и их азартные крики:

— Близко уже! Не уйдёт!

— Знаю, я на неё маячок кинуть успел, так что не спрячется.

— Эй, ведьмочка, выходи. Давай лучше по-хорошему. С нами твои колдовские штучки не пройдут, — и весёлый гогот.

Как животное загоняют, гады распоясавшиеся. Совсем обретённая сила разум затмила. Не знают ещё, что за такие делишки расплачиваться при-

дётся. И вот конкретно им — прямо сейчас.

— Там еще двое втихомолку по бокам обходят, в кольцо берут, — неожиданно раздался сбоку голос Дамира, заставив Яну вздрогнуть и резко обернуться. Но ведьма благоразумно промолчала. — Эти горлопаны вместо загонщиков работают.

— Справимся, — со спокойной уверенностью припечатал Войт, расправляя плечи и похрустывая костяшками сжатых в кулаки пальцев.

— Перекидываться не будешь? — усмешка в голосе мага показала, что и его предстоящий конфликт не слишком-то страшит.

— Слишком много чести для сопляков.

Больше времени на разговоры не нашлось, потому что разгорячённая погоней компания забралась-таки на наш пригорок, где их ожидал горячий и совсем не дружеский приём. Двое взрослых опытных мужчин раскидали парней, как котят, всего за пару минут отправив тех в беспамятство.

После чего, сняв с них рубахи и штаны, соорудили подобие верёвки и накрепко примотали идиотов к сосне. В чём Яна им активно помогала, не упустив случая напоследок отвесить каждому по сильной пощёчине. Да, лежачих и беспамят-

ных бить не принято, но тёмной ведьме эти правила были не указ. И так еле сдержалась, чтобы ногтями им морды в кровь не расцарапать.

Остановило лишь то, что не хотелось перед Войтом истеричкой предстать. Без того уже недалёкой себя показала, от него последнюю неделю бегая. Но сегодня как прозрение наступило, упала с глаз пелена. Когда ведь ещё так повезёт, чтобы такой мужчина с самыми серьёзными намерениями тебя преследовал? Подарками задаривал, оберегал, спасал? Да при этом еще на лицо красавчик и фигура такая, что в пору слюнки пускать от вожделения.

Окрылённая открывающимися перспективами, Яна с нетерпением ждала, когда Войт освободится и наступит пора обещанных обнимашек. Уж тут-то она своего не упустит! Пора этого оборотня слегка застолбить. А там уж видно будет, подпускать его ближе или перетопчется.

Но рисуемые в воображении ведьмы картины не походили на то, что произошло дальше. Закончив связывать парней, Войт взял Яну за руку и быстрым шагом повёл её через лес. Дамир не отставал. Вскоре они вышли к дороге, на обочине которой стоял припаркованный внедорожник. Посадив девушку на заднее сидение, оборотень

сел вперёд рядом с Дамиром и прикрыл глаза. Общаться ни с кем он явно не собирался.

Обиженная в ожиданиях ведьма надулась и демонстративно отвернулась в сторону. А потом и вовсе, скинув босоножки, прилегла на сидение. Усталость брала своё. Остатки спиртного в крови и активная беготня по лесу вымотали девушку. Теперь её сморила сонливость, Яна не стала ей сопротивляться. Ехать до дома почти три часа, так что она успеет немного вздремнуть и «сбросить дурное».

Разбудило ведьму лёгкое прикосновение к ноге. Открыв глаза, она увидела Войта, который надевал ей на ноги сандалию. Потом перешёл к другой ноге, справившись так же ловко. Спросонья хлопая ресницами, Яна никак не могла понять: снится ей это или этот сюр происходит на самом деле? Раньше с ней такого точно не случалось.

Долго гадать не пришлось. Справившись с обувкой, Войт бережно поднял ведьму на руки и понёс к дому. Дойдя до парадной, коротко скомандовал: «Открывай», а когда ошарашенная происходящим ведьма, достав из поясной сумочки ключи, пикнула домофоном, одной рукой удерживая девушку, второй распахнул дверь и зашёл внутрь.

По лестнице тоже поднялся легко, не скрипя от натуги и не отдуваясь, хотя пушинкой себя Яна давно не считала, поэтому впечатлилась еще сильнее. А еще почему-то в голову опять полезли разные дурацкие мысли.

Но придумать, как себя вести с оборотнем дальше, Яна не успела. Поставив девушку на пол возле её квартиры, Войт просто ушёл, оставив ведьму растерянно хлопать глазами. Только когда внизу хлопнула входная дверь, она наконец поняла, что он не вернётся. Ушёл. И ничего не сказал даже. Вот же… сссобака серая!

Не понимая, что в этой ситуации её расстроило больше всего, Яна, словно сомнамбула, вошла в квартиру, разделась и рухнула на диван. Следовало бы умыться и привести себя в порядок. Но сил хватило только на то, чтобы положить голову на подушку и натянуть на себя плед. Всё же ночь выдалась слишком насыщенной.

***

Через два дня вечером неожиданно позвонила Софья и сказала собирать с собой самое необходимое, а утром к восьми часам уже быть на Финляндском вокзале. Там её и ещё нескольких человек будет ждать автобус, который доставит

их в посёлок. Телефон водителя она скинет смской. Подробности Софья объяснять отказалась, заявив, что всё расскажет на месте. Но серьёзного тона подруги оказалось достаточно, чтобы, закончив разговор, ведьма тут же бросилась собирать свою дорожную сумку.

Утром Яна, закинув сумку в багажное отделение, благополучно села в автобус, заполненный людьми, и почти всю дорогу до конечного пункта проспала. До этого полночи не могла уснуть, волнуясь и теряясь в догадках. Как результат, совсем не выспалась. Теперь организм требовал восполнить недостающее, благо в салоне было достаточно тихо. Большинство пассажиров тоже сладко посапывали в своих креслах.

Зато стоило автобусу остановиться и заглушить мотор, всю сонливость как рукой сняло. В числе первых выскочив из салона, Яна огляделась и тут же с облегчением увидела среди встречающих свою подругу. Быстро к ней подойдя, обняла ей и встревоженно спросила:

— Софья, что случилось? С чего такая срочность и таинственность?

Но женщина лишь улыбнулась и покачала головой.

— Не здесь. Пойдём в дом, там и поговорим.

Сумку забрать не забудь.

Войдя в дом, прошли на кухню, где на одном краю круглого стола лежали какие-то бумаги, книги, планшет. А на другом стояли две чайные чашки и тарелка с ягодным пирогом.

Хозяйка дома, включив чайник, тут же деловито скомандовала:

— Мой руки, а я пока чай разолью. Тебе пирога хватит, или чего-нибудь посущественней приготовить?

— Хватит, я не голодная.

Бросив сумку на пол возле стола, Яна пошла к раковине мыть руки, но любопытство взяло своё.

— Сооооф, не томи, а? Выкладывай, что за срочность была в моём приезде.

Но подруга оказалась непреклонна, словно нарочно увиливая от объяснений.

— Перекусим, а уж потом поговорим о делах. Я сама с утра еще толком не ела. Сначала дела, потом тебя подождать решила. Так что присаживайся и угощайся. Приятного аппетита!

Чай пили в молчании. Не то чтобы поговорить было не о чем, просто каждый думал о своём. Яна о том, почему Войт так и не объявился за последние дни. Довёз её вместе с Дамиром до дома,

проводил до двери в квартиру и не попытался напроситься в гости. Более того, даже не поцеловал! Просто коротко попрощался, улыбнулся и ушёл. А потом пропал на два дня. И ни слуху ни духу. Если бы Софья не позвонила, Яна сама бы её набрала, чтобы узнать, не случилось ли чего с их мохнатым гостем?

А Софья думала о том, как рассказать подруге о том, что случилось, и заручиться её поддержкой. Знания и опыт ведьмы могли бы сильно пригодиться в исследовании, на которое сейчас бросали силы все магически одарённые, находящиеся в поселении.

Закончив с перекусом, вместе убрали посуду и снова сели за стол. Яна огляделась, ей казалось, что в доме чего-то не хватает. Или кого-то…

— А где Вероника? — спросила, наконец поняв, что смущает её непривычная тишина.

— Ника с Антониной Петровной. Они в лес за земляникой пошли и мальчишек с собой прихватили из тех, что постарше.

— Что, и даже Дамира не взяли с собой? — не смогла сдержать насмешки Яна, но Софья лишь пожала плечами, не оценив шутки, и продолжила убирать со стола.

— Дамир уехал вместе со Светозаром. По важ-

ному делу. Дочке придётся пока обходиться без своего Хранителя, хотя она уже переживает, спрашивает о нём. Вот Антонина Петровна её и отвлекает, как может, пока я занята.

— Что произошло, Соф? Куда они уехали?

— В соседней области обнаружили всплеск странной болезни. Что её вызвало, пока непонятно, но зараза передаётся с ужасающей скоростью. Светозара и его подразделение оправили в оцепление, чтобы предотвратить распространение эпидемии. Несколько деревень уже на карантине. Дамир со своими ребятами уехали ставить обережный круг и попытаться понять, откуда взялась эта зараза.

— Думаешь, это последний привет от тех фанатиков?

— Не исключено.

— Но их же вычистили капитально. Секты больше не существует!

— Людей, да. Но не все схоронки и лаборатории смогли найти. Видимо, сейчас мы имеем дело с одной из них.

— Насколько это опасно?

— Для людей, если ничего не предпринимать — смертельно. Для оборотней — нет. У них слишком сильный иммунитет и хорошая реге-

нерация. Такие ни одной болячке не по зубам. Для магов болезнь — опасна, но не критично. Те, кто отправился туда, хорошо подготовлены и укомплектованы. К тому же и целители, и природники среди них тоже есть. Будут держать руку на пульсе. А вот нам лучше пока посидеть здесь и никуда не высовываться, пока опасность не пройдёт. Поэтому тебя сюда привезли. И нас с Антониной Петровной попросили приехать. Как только поступят первые данные об этой заразе, будем думать, чем её лечить.

— Почему этим не занимается правительство, даже спрашивать не буду, — хмыкнула ведьма.

— Вот и молодец, — улыбнулась в ответ Софья. — Ты не хуже меня осознаёшь ситуацию. Они не вмешиваются и не мешают нам работать над ситуацией — уже хорошо. Плюс обеспечивают информационную блокаду. Но об этом позаботились наши, работающие в соответствующих структурах. Если повезёт, разберёмся с эпидемией до того, как слухи просочатся в общество и начнётся паника.

— А если не повезёт? Мы не всесильны.

Серьёзный, пристальный взгляд ведьмы заставил Софью опустить глаза и со вздохом признаться.

— Не знаю, Ян. Мы сделаем, что сможем. Но при худшем развитии ситуации будем эвакуировать своих подальше отсюда. Есть еще поселения, подобные нашему. Для перехода в Исходный мир у меня ещё не накопилось нужное количество энергии, а уходить малой горсткой, бросая тех, кто на нас надеется — подло. Так что нам надо справиться с этим в любом случае. Не будем думать о плохом. Лучше разбери пока свои вещи, твоя комната уже готова. А потом поможешь мне. Скоро приедут родственники проживающих в общине, надо их разместить и обеспечить всем необходимым.

— Люди?

— Маги, оборотни… и люди, из тех, кто в курсе событий.

— Понятно. — Поднявшись, Яна подхватила свою сумку и стала подниматься на второй этаж. Но на середине лестницы вдруг остановилась и нерешительно спросила: — А Войт… он сейчас?

Софья, уже вернувшаяся к своим записям, не отрываясь от бумаг, мотнула головой.

— Войт отправился вместе со Светозаром. Муж не хотел его брать, но этого упрямца было не остановить. Во всём ему хочется поучаствовать, всё посмотреть. Особенно, когда оба друга важным

делом заняты.

— Ярослав тоже там?!

— Угу. Всех инициированных собрали из ближайших областей. Для подстраховки. А Ярик как раз к Свету в гости приехал, вот и попал в группу оцепления.

— Повезло пацану. Он же вроде в армию скоро собирался?

— Да. С осенним призывом планировал пойти. В тот же род войск, где Свет проходил службу. Зато теперь и опыта поднаберётся, и с непосредственным начальством познакомится. Как ни крути, всё на пользу пойдёт. Заодно и за Войтом присмотрит, чтобы не вляпался куда. Дамиру с ним возиться будет некогда.

Ведьма, глядя на подругу, нахмурилась. Переступила с ногу и недовольно пробурчала:

— Ты так говоришь, будто он совсем безмозглый. Нормальный мужик, серьёзный, адекватный. Пусть и из другого мира. Я смотрю, вполне у нас пообвыкся уже. Кстати, а с ним там ничего не случится? Вдруг его иммунитет к нашим вирусам непривычный?

Неподдельная тревога, позвучавшая в её голосе на последних вопросах, заставила хозяйку дома оторваться от своих дел и пытливо посмотреть

на странно ведущую себя ведьму.

— Волнуешься за него?

— Вовсе нет! — слишком быстро и резко прозвучал ответ, чтобы быть правдой.

И Софья это прекрасно заметила. Всмотревшись в подругу расфокусированным взглядом, довольно хмыкнула и вынесла вердикт:

— Значит, всё же понравился. Иначе ты бы не стала так беспокоиться за постороннего человека. Ну что, Ян, любовь нежданно вспыхнула или он тебя просто измором взял? — уже откровенно потешалась женщина.

— Скажешь тоже! — рассердилась ведьма, в раздражении топнув ногой. — Соф, не говори ерунды. Чтобы я из-за какого-то блохастого переживала? Да ни в жизнь!

Дальнейшее недовольство она выражала уже вполголоса, сердито топая по ступенькам вверх. А глядящая ей вслед женщина лишь покачала головой.

— Упрямая какая. Ничего, дозреет скоро. От истинной пары всё равно не убежишь, это лишь дело времени. А оборотни, они такие… целеустремлённые.

При взгляде на висящий над камином портрет, изображающий её семью, взгляд Софьи потеплел,

а на губах появилась счастливая улыбка. Она вот тоже от своего оборотня бегала долго. А он всё равно догнал и практически влюбил в себя. Если эти мужчины чего-то хотят, то к своей цели идут напролом, даже если делают это, ступая на мягких волчьих лапах.

Так что шансов у Яны против Войта не было. Тем более когда он ей уже настолько нравился. Аура не врёт, ведьма сильно беспокоилась за жизнь оборотня. Если его отсутствие затянется, может, даже признается самой себе, что он ей вовсе не безразличен. Но чтобы Яна раньше времени себя не накручивала, Софья решила завалить её делами и заботами. А там время всё расставит по своим местам.

Следующие три недели прошли в трудах и заботах. Вести приходили нечасто. Связь в том районе была временно отключена. Но то, что рассказывали вернувшиеся из зоны карантина, было неутешительным.

Оказалось, что эпидемия всё же началась, поразив еще несколько деревень. Поэтому пришлось вызывать дополнительные подразделения оборотней в оцепление и формировать бригады целителей, способных хоть немного снять остроту заболевания, пока не будет найдено ле-

карство.

Очаг заражения удалось найти и ликвидировать. Как и предполагалось, это была одна из заброшенных лабораторий сектантов, в которой проводились разработки какой-то гадости, способной воздействовать именно на магически одарённых. К счастью, исследование не было завершено, поэтому никто из наших не пострадал. Но мутировавший вирус, заложенный в основу разрабатывающегося биологического оружия, всё равно остался достаточно опасным для простых людей.

Как смогла произойти его утечка — неизвестно. Возможно, кто-то из местных смог проникнуть в заброшенную лабораторию и заразился, позже инфицировав и других. Или переносчиками стали дикие животные. Последний вариант был самым опасным. Потому что изолировать людей было гораздо проще, чем рыскать по лесам в поисках возможных носителей заразы.

Впрочем, обережный круг здесь очень помог. Работая как детектор по настроенным параметрам, он быстро засекал тех инфицированных, кто пытался пересечь его границы и покинуть район карантина, и ставил на них магическую метку. Следом за дело принимались оборотни, опера-

тивно вылавливая нарушителя и возвращая его назад. Пока не будет найдено лекарство и не обработан весь пострадавший от эпидемии район, выход отсюда был категорически запрещён.

Исключение составляли лишь маги-целители, обвешанные дополнительными защитными амулетами. Они-то и привозили в поселение магов информацию по заболевшим, результаты их анализов, отчёты о проводимом лечении и его эффективности. А также пробы почвы и воды, собранные магами-природниками.

Используя эти данные, группа, состоящая из травников и целителей, под управлением Софьи, работающая в лаборатории над созданием лекарства, добилась значительных успехов и постепенной положительной динамики заболевания.

Яна за это время успела настолько извести себя волнением и непределённостью, что Софье даже пришлось в принудительном порядке заставлять её пить успокоительный отвар. И на то были веские причины. Всегда уверенная в себе, высокомерная и язвительная ведьма на глазах превращалась в нервную, задёрганную женщину, искренне тревожащуюся за завладевшего её мыслями мужчину.

Всё чаще, будто бы невзначай, она заводила разговор о Войте, в попытке выпытать у подруги новые сведения о нём. Но Софья мало чем могла её порадовать. После той, первой знаменательной встречи она с ним больше лично не общалась, почти сразу же уехав к Антонине Петровне в Карелию. Гораздо больше времени с оборотнем проводили Дамир и Ярослав, но их-то сейчас здесь и не было. Так что Яне пришлось довольствоваться обрывками рассказов об адаптации Войта в этом мире, которые Софья слышала краем уха от друзей.

Через месяц проводимое лечение принесло свои плоды. Эпидемия закончилась. Спустя еще две недели был снят карантин. Временно проживающие в посёлке магов разъехались по домам. А еще через несколько дней вернулись оборотни и маги, участвовавшие в карантинных мероприятиях и ликвидации биологического оружия.

Когда открылись ворота, пропускающие колонну въезжающих на территорию посёлка автомобилей, Софья и Яна были одними из первых, кто выбежал на улицу встречать возвращающихся мужчин. Маленькую Веронику пока оставили под присмотром Антонины Петровны. Вокруг царила оживлённая суета, хлопали двер-

цы машин, слышался смех и приветствия. Жёны обнимали мужей так горячо, будто они только что вернулись с войны.

Хотя отчасти именно так и было. Пусть воевали они не с противником, а с болезнью. Страшно подумать, что могло бы случиться, не успей они быстро принять необходимые меры и чётко провести операцию по ликвидации очага заражения.

Заметившая Светозара Софья радостно вскрикнула и побежала к нему навстречу. А попав в распахнутые объятия мужа, наградила его таким поцелуем, что у того не появилось ни капли сомнений: скучала, ждала, волновалась. Оборотень тоже в долгу не остался, не менее страстно ответив супруге, после чего подхватил её на руки и понёс в сторону их дома.

Яна не стала отвлекать их друг от друга. Она сама со всё возрастающей тревогой оглядывалась в поисках коренастой фигуры Войта. И не могла его найти. Но ведьма не сдавалась, бродя между приехавшими людьми и заглядывая в окна микроавтобусов, стоящих на общей парковке. Народ уже начал постепенно расходиться по домам, когда у одной из дальних машин мелькнул знакомый силуэт.

— Войт! — отчаянный крик сорвался с губ сам собой, стоило ей увидеть его перевязанную руку и ссадины на лице. — Ты ранен?

Ураганом налетев на обернувшегося к ней оборотня, ведьма повисла у него на шее, обеспокоенно вглядываясь в его глаза. Правда, для этого, ей пришлось встать на цыпочки, больно уж высоким он был. Мужчина не растерялся, тут же прижимая плотно прильнувшую женщину к себе и довольно улыбаясь, пробасил:

— Не тревожься, Янушка, всё хорошо.

— А что с рукой? С лицом? — не унималась она, даже пропустив мимо ушей столь нелюбимое ей уменьшение имени.

— Да так, повздорил тут с одним… Слишком много о себе возомнил.

— Женщину не поделили, что ли? — зашипела ведьма не хуже кобры, уязвлённая мелькнувшим в голове подозрением.

Уклончивый ответ оборотня только усугубил ситуацию:

— Можно и так сказать…

Ревность опалила огнём, горяча кровь и заставляя зло щурить глаза. Но вопреки здравому смыслу, даже приревновав, Яна не оттолкнула оборотня, а только сильнее к нему прижалась,

обхватив ногами за пояс и угрожающе процедив:

— Ты месяц за мной бегал, спокойной жизни не давал. Всё песни пел про истинную пару и судьбу. А теперь на чужих баб вздумал заглядываться?

— Да не то чтобы на чужих…

Проскользнувшая в голосе Войта неуверенность лишь подлила масла в огонь, и Яна, даже не дослушав, чуть ли не зарычала.

— Мне плевать, кто она, понял?! Ты — мой! Заруби себе это на носу, блохастый. С ведьмами шутки плохи. Назвался груздём, полезай в кузовок!

— Я и не отказываюсь, — ставший вдруг спокойным и вкрадчивым голос оборотня не насторожил распалившуюся ведьму. А Войт тем временем продолжал. — Но если я твой, то ты — моя?

— Твоя! И чтобы ни одна больше…

— Уверена?

— Да!

— Ну смотри, сама это сказала.

В следующее мгновение в основание шеи Яны впились острые волчьи клыки, прокусывая кожу, по которой тонкой струйкой побежала кровь. Войт тут же осторожно лизнул место укуса, и острая боль прошла, сменившись неприятным жжением.

Но Яна подобное прощать не собиралась.

— Ах ты! — не раздумывая, она впилась в шею оборотня, тоже кусая его до крови. После чего, воспользовавшись его секундной растерянностью, спрыгнула на землю и победно заявила: — Получай, мохнатый!

Больше она сказать ничего не успела, потому что утробно рыкнувший оборотень снова сграбастал её в объятия и жарко поцеловал. Сопротивление ведьмы продлилось не дольше секунды, и вскоре она сама отвечала не на шутку распалённому оборотню.

Когда они отстранились друг от друга, вокруг уже никого не было. Все разошлись кто куда, не мешая парочке радоваться воссоединению. Вот только Яна не была бы сама собой, если бы призналась себе в том, что она рада тому, что всё так сложилось. Уперевшись руками в крепкие плечи Войта, она попыталась разомкнуть кольцо рук, удерживающих её в объятии, но ничего этим не добилась.

— Пусти, — чуть поморщилась, делая вид, что ей неприятно быть рядом с ним.

То, что её поведение выглядело, мягко говоря, нелогично, ведьму не смущало. Мало ли что ей с перепугу показалось? Или привиделось. Она не

обязана никому ничего объяснять!

— Не отпущу. Ты теперь моя. По праву.

— С какой это радости?

— У тебя на шее моя метка.

— Ты меня пометил!

— Нет, женщина, я на тебе женился. Это совсем другое.

— Да я!..

— Ты укусила меня в ответ. А значит, подтвердила своё добровольное согласие.

— Что за бред?! Это ничего не значит. Я сво…

Дальнейшие пререкания оборотень слушать не стал, оборвав возражения крепким, собственническим поцелуем. Трепыхнувшаяся было ведьма сдалась и ответила ему с не меньшим жаром. В конце концов, какая разница, как он её называет? Она-то знает, что этот мужчина принадлежит ей и точно теперь никуда не денется. А за подставу с замужеством она на нём ещё отыграется. Когда-нибудь… Если захочет.

***

Несмотря на то, что по законам оборотней Яна и Войт были уже женаты, в ведьме вдруг взыграли собственнические инстинкты. Девушка затребовала официальную церемонию в ЗАГСе,

колечко на палец и штамп в паспорте. А также красивый свадебный танец, большой вкусный торт и много-много приглашённых гостей! Войт, видя пылающие энтузиазмом глаза любимой, перечить ей не посмел, терпеливо снося всю подготовку к этому грандиозному событию.

И если от выбора цвета салфеток и обсуждения фасона свадебного платья он был избавлен, то с репетитором танцев заниматься оборотню всё же пришлось. Впрочем, всё оказалось не так уж и сложно. Благодаря врождённой грации и хорошей координации нужные движения Войт выучил довольно легко. Хотя не сказать, что вальсирование пришлось ему по вкусу. Но чего только не сделаешь ради того, чтобы любимая женщина была довольна. Даже наденешь строгий костюм и галстук-бабочку, более похожий на удавку, чем на украшение.

Благодаря связям Дамира паспорт Войт получил в кратчайшие сроки и без лишней бумажной волокиты. С датой церемонии в ЗАГСе тоже подсуетились, назначив бракосочетание на август. Само же торжество решили провести в поселении магов, расставив столы прямо на улице под навесами. Здесь можно было не опасаться того, что непосвящённые увидят что-то из ряда вон

выходящее, когда толпа магов и оборотней переберут лишнего, выпивая за здоровье молодых.

Свадьба получилась грандиозной! Приглашённые на неё гости — шумными и весёлыми! Ещё бы, кроме магов собралась почти вся община питерских оборотней и ведьмочки из числа ближайших Яниных подруг. На время торжества все старые «тёрки» были временно забыты. В катаниях по городу после регистрации участвовал целый кортеж. И каждый раз во время остановки у очередной достопримечательности из багажника машины извлекалась пара бутылок шампанского, чтобы гости могли произнести тост за «совет да любовь»!

Само празднование, к счастью, обошлось без традиционной драки. За этим бдительно следил Светозар, тут же укорачивая самых горячих и разудалых. А Софья просто получала удовольствие от веселья, оставив приглядывать за дочкой её нового хранителя. Тем более что Вероника и сама не хотела отходить от Дамира ни на шаг.

Тоскливое выражение глаз Дамира, глядящего на других празднующих гостей, было для Яны лучшим подарком. Вроде и не ссорились с другом, вроде и не так уж он виноват. Ведь в конце концов она обрела своё счастье с любимым. Но какая-то

часть ведьминской души ликовала: будет знать, как нашему племени пакости делать! Ведь именно этот «недовампир» объяснил Войту значение поговорки «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей!». И оборотень решил последовать мудрому совету друга, перестав демонстрировать Яне свой интерес. Потому и ушёл тогда, даже не потребовав благодарности за спасение дамы. Хотел заставить задуматься и немного на нервах ведьминских поиграть. А потом эпидемия началась. Так что вместо запланированных трёх дней выпало Яне больше месяца неизвестностью мучиться да локти себе кусать. Это она у Войта выпытала недавно. Тот до последнего друга не хотел сдавать. Пришлось пойти на крайние меры.

И вот теперь зрела в ведьминской душе пока ещё неясная, но уже вполне начавшая оформляться мысль: когда-нибудь и она обязательно приложит руку к личному счастью Дамира. Око за око, как говорится. И зуб за зуб!